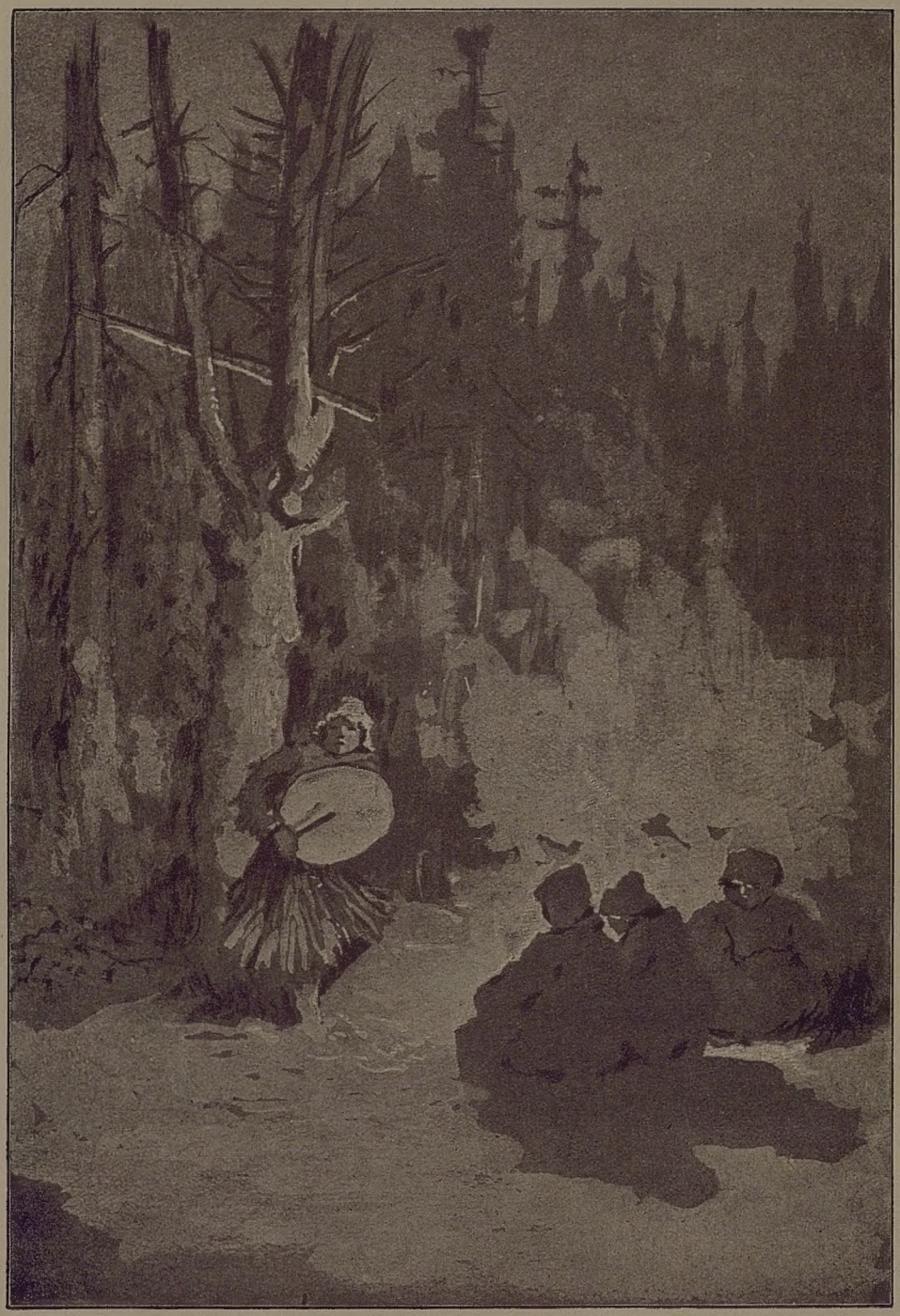
DT30
C-32
T.1.

DT
30
C-32
т. 1



Шаманскій обрядъ Кочей-Кӓрӓхъ (стр. 648).

Карты нет
15.12.08

ЯКУТЫ.

ОПЫТЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

В. Л. СѢРОШЕВСКАГО.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

на средства, пожертвованныя А. И. Громовой.

Подъ редакціей профессора Н. И. Веселовскаго.

Томъ I.

Съ 168 рисунками, портретомъ и картой.

Проверено 1937 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1896.

Печатано по распоряженію ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
531332.

Памяти

Александра Федоровича

Миддендорфа.

Ч 30
С-32 т. 1

А. Ф. Мицкевичъ

Фототипія В. Клясенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . IX—XII

Введеніе.

Географическій очеркъ 1
Климатъ 22
Растительность 53
Фауна 103
Домашнія животныя 141

ГЛАВА I.

О южномъ происхожденіи якутовъ.

Эллей и Онохой 183
Косвенныя доказательства 192
Послѣдній южный этапъ 197
Путь на сѣверъ 206
Время перехода 208

ГЛАВА II.

Разселеніе.

Распредѣленіе по раіонамъ . . . 211
Якутская территорія въ моментъ пришествія русскихъ 219
Территоріальныя отношенія якутовъ и тунгусовъ 223
Колонизація окраинъ 231

ГЛАВА III.

Физическія особенности племени.

Современныя скрещиванія 237
Тунгусскій типъ 241
Якутскій типъ 242
Предполагаемыя въ прошломъ подмѣси. 247
Народности, извѣстныя якутамъ . 247
Второстепенныя черты якутскаго типа. 252
Болѣзни 257

ГЛАВА IV.

Экономическія основы быта.

Замѣна коннаго скота рогатымъ . 260
Кочеваніе 268
Сѣнокошеніе 271

стр.

Хлѣбопашество 286
Рыболовство 295
Охота 304
Оленеводство и собаки 307

ГЛАВА V.

Пища.

Кумысъ 309
Сораъ, таръ, хаяхъ, масло и др. молочные продукты 313
Растительные продукты 318
Рыба. 320
Мясо. 322
Приготовленіе пищи. 324
Количество пищи и ея распредѣленіе. 326

ГЛАВА VI.

Платье.

Головной покровъ. 329
Верхнее платье: сонъ, супунъ, дахы. 331
Верхнее платье: саҥыяхъ. 334
Рубаха, штаны 337
Обувь 339
Рукавицы, ошейникъ и набрюшникъ. 341
Тунгусскій кафтанъ 343
Порядокъ одѣванія 344

ГЛАВА VII.

Постройки.

Ураса 346
Калыманъ 350
Юрта 352
Хотонъ, эльбэленъ, итянь 356
Вліяніе русскихъ 358
Архитектурный вкусъ. 361

ГЛАВА VIII.

Ремесла и искусства.

Деревянныя издѣлія. 364
Плотничье, столярное и бондарное ремесло 366

стр.

Сани и упряжь 368
Сѣдло 370
Кожа, береста 371
Волосъ. 374
Керамика. 376
Металлы 379
Желѣзо 381
Обработка металловъ 383
Количество металловъ въ обращеніи. 390
Качество металловъ 393
Знакомство съ металлами въ прошломъ. 394
Кость, рогъ, камень. 401
Растительныя волокна, краски, стекло, сѣра и т. п. 404
Организація ремеслъ 406
Якутскій стиль 409
Узоры и украшенія 411

ГЛАВА IX.

О распредѣленіи богатства, условіяхъ труда и найма.

Размѣръ хозяйствъ 415
Наемъ 418
Подрядъ и аренда скота. 420
Бюджетъ хозяйства 423
Артели. 427
Распредѣленіе труда во времени . 428
Свѣдѣнія по подворной переписи Батаринскаго и Тарагайскаго насл. 431

ГЛАВА X.

Родовой строй.

Ага-уса 433
Вѣроятныя основы рода въ прошломъ. 436
Дробленіе родовыхъ группъ . . . 445
Общежитіе 446
Внутренняя организація рода. . . 450
Родовая месть 454
Родовая отвѣтственность и родовая справедливость 459
Организація родовыхъ группъ . . 460
Родовое празднество ысыахъ . . 461
Составъ родоваго совѣта, сесены . 463
Составъ родового совѣта, родоначальники. 466
Союзный совѣтъ 469
Тамги и родовыя прозвища . . . 470
Наслеги, улусы и джоны. 471
Понятіе территоріи 480
Начало землеустройства 483

стр.

Землевладѣніе 485
Надѣлы и выгоны. 489
Право частной собственности на землю 491
Ясакъ 493
Начало самоуправленія: князья и именитые люди 494
Организація самоуправленія . . . 496
Историческая справка 498
Распредѣленіе податей. 500
Натуральныя повинности 503
Судъ и подсудность 503

ГЛАВА XI.

Семья.

Іе-уса, материнскій родъ 506
Кэргэнъ 508
Фактическое главенство въ семьѣ . 510
Младшіе и старшіе 513
Родители и дѣти 514
Отношеніе къ главѣ семьи и положеніе женщинъ 518
Раздѣлы 519
Семья и родъ 523

ГЛАВА XII.

Дѣти.

Плодовитость 525
Уходъ 528
Игры и трудъ 532
Подростки 535

ГЛАВА XIII.

Бракъ и любовь.

Свадебные обряды 536
Свадьба въ старину 542
Калымъ 545
Похищеніе женщинъ 552
Высмотръ 555
Сговоръ 557
Начало экзогаміи 559
Остатки доэкзогамическаго брака . 560
Названія родственниковъ: братья, сестры. 563
Названія родственниковъ: дитя, сынъ, дочь 565
Названія родственниковъ: отецъ, мать, дѣдъ, бабка 567
Мужъ, жена, невѣстка. 569
Полигамія 571
Власть мужа 572
Ходячія мнѣнія о женщинахъ . . 574

стр.
Правила женскаго поведенія . . . 577
Внѣбрачныя связи 577
Любовь 581

ГЛАВА XIV.

Народное словесное творчество.

Пѣсня 587
Пѣвцы 593
Содержаніе и форма пѣсенъ . . . 594
Загадки и поговорки 596
Быль «Сирягясь» 598
Слогъ и манера. 603
Кäпсäнь: «Крысій голова, война птицъ и четвероногихъ» . . . 604
Олонго. 610

ГЛАВА XV.

Вѣрованія.

Смерть и загробная жизнь 614
Посмертная скотина, хайлыга. . . 616
Похороны 618
Духъ ёръ и одержимые имъ . . . 622
Шаманы по призванію 624
Іе-кыла, ämäгять и кäльäны . . . 625

стр.
Подраздѣленія шамановъ, великіе шаманы 627
Свойства великихъ шамановъ. . . 629
Шаманское платье. 632
Бубенъ. 635
Основы шаманства и его примѣненіе 636
Шаманскіе обряды 639
Жертвоприношенія и акцессуары шаманства. 645
Аи-тоёнъ. 651
Сатана. 652
Улу-тоёнъ 654
Волшебныя птицы и животныя. . 656
Второстепенные злые духи . . . 661
Духъ огня 665
Тѣнь, душа, небесныя свѣтила . . 666
Камень сата. 668
Лѣшій и водяной. 670
Культъ Аисытъ 673
Предопредѣленіе 675
Прилоѫеніе 679
Указатель собственныхъ именъ. . 685
Предметный указатель 699

РИСУНКИ.

стр.

1. Низменная тундра въ устьѣ р. Яны 1
2. Гора Томторо. Преображенскій пріискъ (съ фот. Обручева) 2
3. «Гольцы» —нагорная тундра по р. Янѣ въ 200 вер. отъ моря 6
4. Патомское нагорье. Видъ перевала къ р. Гаричи, (съ фот. Обручева) . . 9
5. Лена въ 300 вер. отъ истоковъ (съ фот. Обручева) 10
6. Лена у сліянія съ Алданомъ; вдали Верхоянскій хребетъ. 11
7. Олекминско-Витимская горная страна. Долина р. Пуричи, лѣв. прит. р. Тоноды, впадающей въ Патому. Видъ съ перевала на Кевакту (съ фот. Обручева). 19
8. Бадараны—болота 10 верстъ длиною по дорогѣ изъ Устьянска въ Верхоянскъ, во 2-мъ Эгинскомъ наслегѣ на берегу Орлинаго озера (Тоёнъ-кылъ-кюёль). 22
9. Тайга. «Уръ»—наплывъ на лиственицѣ. Аласъ 53
10. Тусахъ—петля на зайцевъ. 103
11. Быэ-балыкъ 122
12. Якутская собака 141
13. Тунгусскій всадникъ верхомъ на оленѣ 146
14. Якутскій быкъ шести лѣтъ (съ фотогр.). 150
15. Якутская лошадь (съ фотогр.) 163
16. Якутскій алъ на Ленѣ. 181
17. Якутскія к ю с т э, подвѣски ($^1/_3$ наст. вел.). 183
18. Якутское изображеніе льва на пластинкѣ древняго серебрянаго пояса. Собственность Академіи Наукъ 210
19. Караванъ кочующихъ якутовъ. 211
20. Бронзовый мечъ, найденный въ 150 верстахъ отъ Вилюйска на днѣ сплывшаго озера. Собственность Иркутскаго Музея В. Сиб. от. Геогр. Общ. № 135. 236
21. Группа дѣтей и женщинъ (съ фотогр.). 237
22. Якутка горожанка 239
23. Дѣвочка 9 лѣтъ изъ бѣдной семьи (съ фотогр.) 242
24. Богатые якуты съ амгинско-ленскаго плоскогорія (съ фотогр.) 244
25. Дѣвушки съ амгинско-ленскаго плоскогорія (съ фотогр.). 245
26. Молодая женщина съ амгинско-ленскаго плоскогорія, общепризнанная красавица (съ фотогр.). 246
27. Старуха 50 лѣтъ и дѣвочка 15 лѣтъ. Окрестности г. Якутска (съ фотогр). 250
28. Оттискъ якутской ступни въ глинѣ. 259
29. Якутскій всадникъ съ амгинско-ленскаго плоскогорія (съ фотогр.) 260
30. Якутъ на быкѣ 265
31. Якутскій косецъ 271
32. Грабли, горбуша и серпъ 277
33. Якутскій пахарь 286
34. Якутъ рыболовъ на лодочкѣ т ы 295
35. Ловушка ч е р к а н ъ 304
36. Якутка, доящая корову 308
37. Доеніе кобылъ въ Якутской области. С н и м и р ь. Кубокъ для кумысу . . 309

стр.
38. Чайникъ и рыбы на деревянномъ рожнѣ иттига 328
39. Старинная якутская шапка (1/9 наст. вел.) 329
40. Киргизская шапка (1/9 наст. вел.). 329
41. Якутская женская шапка (1/9 наст. вел.). 329
42. Якутская женская шапка (1/9 наст. вел.). 330
43. Колымская шапка изъ песцовыхъ лапъ (1/9 наст. вел.). 330
44. Круглая шапка съ бобровымъ околышемъ и верхомъ изъ лисьихъ лапъ (1/9 наст. вел.) 330
45. Верхушка якутской шайки съ серебряной тусахтой (1/2 наст. вел.) . . 331
46. Сонъ изъ кобыльей кожи; передъ (1/6 наст. вел.) 332
47. Сонъ изъ кобыльей кожи; спина (1/6 наст. вел.) 332
48. Правая полоса переда, (выкройка; 1/6 наст. вел.) 333
49. Правая полоса спины, (выкройка; 1/6 наст. вел.) 333
50. Клинъ, фалда на спинѣ, (выкройка; 1/6 наст. вел.). 333
51. Воротникъ, (выкройка; 1/6 наст. вел.) 333
52. Рукавъ, (выкройка; 1/6 наст. вел.) 333
53. Сагыяхъ (фасъ) 334
54. Сагыяхъ (спина) 335
55. Сагыяхъ (фасъ) 336
56. Сагыяхъ (спина). 337
57. Сагыяхъ (фасъ); рукава сшиты по образцу древняго тагалая. . 338
58. Сагыяхъ (спина); рукава сшиты по образцу древняго тагалая. . 339
59. Изнанка тунгусскаго кафтана (1/6 наст. вел.) 343
60. Коженыя якутскія ыстанъ, сшитыя по русскому образцу (1/6 наст. вел.) . 344
61. Гамза и хататъ 345
62. Эльбэленъ 346
63. Развалины земляной урасы въ устьи р. Яны на протокѣ Мурашъ въ 30 верст. отъ Ледовитаго океана 348
64. Наружный видъ якутской земляной урасы, калыманъ 349
65. Продольный развѣзъ якутскаго калымана 351
66. Остовъ юрты. 352
67. Внутренность якутской юрты 355
68. Якутскіе лѣтники и амбары, построенные по русскимъ образцамъ (окрест. г. Якутска) 359
69. Старинная казацкая башня въ Якутскѣ (съ фот.) 359
70. Наружный видъ юрты зимою. 361
71. Якутскій зимникъ 363
72. Ажурный узоръ по кости якутской работы (наст. вел.). 364
73. Горшокъ, столъ, стулъ, ларецъ для чайной посуды, таганъ 365
74. Мутовки (мутукъ); маленькій горшокъ для сливокъ; берестяное ведро (ыагасъ); деревянныя чашки; большая ложка-черпакъ (хамыяхъ). . 366
75 Долото и ножъ для вырѣзыванія узоровъ. 367
76. Остовъ якутскаго сѣдла (1/8 наст. вел.) 370
77. Чашка. Холлогосъ. Мѣра бевменъ. Ящикъ для чаю 373
78. Берестяная женская рабочая коробка 374
79. Тайбуръ 374
80. Якутка, сучащая нитки 375
81. Якутскій узелъ. 375
82. Якутка, дѣлающая горшки. 379
83. Якутскіе кузнецы 382
84. Якутская винтовка 383
85. Ножъ съ чехломъ, кынахъ бысахъ, якутской работы: ручка украшена оловянной набивкой (1/2 наст. вел.). 384

стр.
86. Короткое охотничье копье (1/10 наст. вел.) 384
87. Лѣмехъ для плуга якутской работы (1/8 наст. вел.) 385
88. Якутскія ножницы (1/4 наст. вел.) 385
89. Ледоколъ (1/5 наст. вел.). 385
90. Якутская подкова 385
91. Якутскія клещи. 385
92. Сюрахъ, серебряный крестъ якутской работы (3/4 наст. вел.). 386
93. Серебряныя серьги (наст. вел.). 387
94. Серебряныя серьги (наст. вел.) 387
95. Бёгёкъ, серебряные браслеты (1/2 наст. вел.) 388
96. Пластинки серебрянаго пояса (наст. вел.). 389
97. Пластинка серебрянаго пояса (наст. вел.) 391
98. Мѣдная печать 391
99. Мѣдная пуговица для сѣдла. 391
100. Вышитый серебромъ нагрудникъ 391
101. Горбуша, зимнія сары, сѣдло, рабочая женская коробка, винтовка, чепракъ, ножъ 393
102. Древній желѣзный мечъ болатъ (1/5 наст. вел.). 395
103. Современный якутскій топоръ (1/5 наст. вел.) 396
104. Обыкновенный якутскій ножъ (1/3 наст. вел.) 396
105. Якутскій ножъ, вынутый изъ ручки (1/2 наст. вел.) 397
106. Монгольскій ножъ (1/2 наст. вел.). 397
107. Старинные сибирскіе ножи, найденные около Тунки. Собственность Вост. Сиб. От. Рус. Геогр. Общ. № 1058 (1/2 наст. вел.) 398
108. Остріе стрѣлы (1/2 наст. вел.) 398
109. Мѣшочекъ для трута. Сѣрница, костяная подвѣска, серьги (1/3 наст. вел.). 402
110. Якутскій рельефный узоръ по дереву; бокъ ящика (1/2 наст. вел.). . . . 408
111. Рельефный узоръ по дереву; крышка коробки (2/3 наст. вел.). 408
112. Аяхъ или ымыя, кубокъ для кумыса (1/4 наст. вел.). 409
113. Балкхахъ или чоронъ для кумысу (1/4 наст. вел.). 409
114. Чашка (1/4 наст. вел.). 409
115. Халя, втулка кумыснаго симира (1/4 наст. вел.). 409
116—117. Якутскія bric-brac изъ кости. 410
118. Ажурный узоръ по кости (1/2 наст. вел.). 411
119. Барельефная рѣзьба по дереву (наст. вел.). 411
120. Серебряная пряжка пояса; узоръ выложенъ чернью (наст. вел.). 412
121—122. Узоръ по черному фону, составленный изъ кусковъ соломы и цвѣтной бумаги (2/3 наст. вел.). 412
123. Костяная рѣзная рукоятка ножа. 414
124. Якутъ пріискатель (съ фотогр.). 415
125. Чеканенный узоръ по желѣзу. 431
126. Узда—юнь; лукъ—охъ; батыя съ чахломъ; батасъ; сѣдло—ынгыръ. 433
127. Нищіе лѣтомъ 442
128. Селеніе Усть-Янскъ 447
129. Колымскій промышленникъ, отправляющійся на лыжахъ на рыбную ловлю. 453
130. Копіи якутскихъ тамгъ, снятыя съ оборота Кривогорницынскаго списка. 470
131. Лѣтняя усадьба на амгинско-ленскомъ плоскогоріи (съ фот.). 490
132. Остатки якутской казачьей крѣпости. 492
133. Князь и княгиня (съ фот.). 498
134. Колчанъ со стрѣлами 505
135. Якутская кэргэнъ (амгин.-ленское плоск., съ фотогр.) 506
136. Старикъ, оҕоніоръ, глава семьи (амгин.-ленск. плоск., съ фотогр.). . . 510
137. Головка ребенка 524

стр.
138. Нюстеръ, 7-лѣтній мальчикъ съ Енжи. 525
139. Якутская зыбка 528
140. Якутская игрушка: быкъ. 535
141. Свадебный обѣдъ (Колым. окр. съ рис.) 537
142. Заключительный свадебный обрядъ. 542
143. Лошадь харамни. 546
144. Дѣвушка-невѣста (амгин.-лен. плоск., съ фотогр.). 578
145. Гаданіе горящей лучинкой 586
146. Якутскій сказочникъ . . . . . .
147. Музыкальный инструментъ хамысъ (1/2 наст. вел.). 613
148. Могила князя Долгуй батъ-Болтай, мѣстность Быдангы, наслегъ Алтанскій Мегенскаго ул. 614
149. Аранкасъ шамана Тюнгюлю на западномъ берегу оз. Юлюнях въ 50 вер. отъ Якутска 619
150. Шаманскій кафтанъ; спина. 633
151. Шаманскій кафтанъ; передъ. 634
152. Бубенъ (1/12 нат. вел.). 635
153. Колотушка, былаях (1/7 нат. вел.). 636
154. Шаманъ въ моментъ камланія, высматривающій духовъ. 644
155. Проводы жертвенной скотины на небо. 645
156. Кукушка (1/8 наст. вел.). 646
157. Гагара (1/8 наст. вел.). 646
158. Тетеревъ (1/8 наст. вел.). 646
159. Деревянная шаманская фигурка (1/8 наст. вел.). 646
160. Эксекю (1/21 наст. вел.). 647
161. Шаманскій приборъ съ чашками (1/21 наст. вел.). 647
162—163. Старинныя шаманскія куклы (1/3 наст. вел.). 648
164. Обрядъ Кочей-Кäрäхъ—въ началѣ книги.
165. Тунгусскій жертвенникъ. 657
166. Гротъ Сургуева камня. 665
167. Ворожба шиломъ. 671
168. Жертва духу мѣста на Алазейскомъ перевалѣ. 675

Карта улусныхъ и наслежныхъ земель Якутскаго округа, составленная въ Якутской областной чертежной въ 1855 году, исправленная по новѣйшимъ свѣдѣніямъ 1896 г.

Годъ

Весною 1880 года я прибылъ въ г. Якутскъ. Въ началѣ апрѣля тогда-же я отправился дальше, въ г. Верхоянскъ, куда пріѣхалъ въ концѣ мая, послѣ многихъ приключеній и отклоненій въ сторону, вызванныхъ распутицей. Въ г. Верхоянскѣ я прожилъ до марта 1883 года. Въ продолженіи этого времени, кромѣ незначительныхъ экскурсій въ окрестности, я совершилъ поѣздку на лодкѣ по р. Янѣ до Ледовитаго океана и возвратился обратно изъ с. Казачьяго (900 вер.) сухимъ путемъ лѣтомъ, вдоль лѣваго берега Яны по мѣстностямъ мало извѣстнымъ и слабо заселеннымъ. Въ мартѣ 1883 года я выѣхалъ изъ Верхоянска въ г. Средне-Колымскъ, а оттуда на западъ, въ почтовую станцію Андылахъ (300 вер. отъ гор.), гдѣ провелъ 8 мѣсяцевъ; затѣмъ опять возвратился въ г. Колымскъ и вторично отправился на урочище *Енижа*, которое лежитъ также въ 300 вер. отъ города, но не по тракту, а въ сторонѣ отъ него, въ 100 верс. къ сѣверу. Въ 1885 году я выѣхалъ обратно въ г. Якутскъ и оттуда на р. Алданъ въ III Баягантайскій

наслегъ Баягантайскаго улуса. Въ 1887 году я переѣхалъ въ Намскій ул. того же округа, гдѣ занялся земледѣліемъ и прожилъ до выѣзда въ Иркутскъ въ іюнѣ 1892 г. За это время я успѣлъ посѣтить: селеніе Амгинское, улусы: Барагонскій, Батурусскій, Мегенскій, Восточно-Кангаласкій; въ Западно-Кангаласком провелъ нѣсколько недѣль; а также совершилъ путешествіе на лодкѣ по Ленѣ къ устью Алдана. Эти многократныя перемѣщенія и разъѣзды дали мнѣ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе о странѣ, записать и провѣрить много варьянтовъ преданій и обычаевъ. Для этого я въ началѣ пользовался переводчиками, сопутствовавшими мнѣ казаками, и знавшими по русски якутами, а затѣмъ самъ настолько узналъ языкъ, что могъ записывать самостоятельно. Обыкновенно записывалъ я текстъ по русски, а по якутски вставлялъ только болѣе характерные обороты или рѣдкія сомнительныя и трудныя для перевода слова. Это значительно сокращало время записи и не такъ утомляло разскащика. Таково происхожденіе матеріяловъ, составившихъ эту книгу. О существованіи ихъ узналъ въ Иркутскѣ членъ Географическаго Общества М. В. Пихтинъ, переговорилъ со мной и обратился къ Аннѣ Ивановнѣ Громовой, главѣ Торговаго Дома, давно уже ведущаго дѣла въ Якутской области, съ предложеніемъ дать мнѣ возможность обработать сырой матеріалъ и затѣмъ издать сочинсніе. А. И. Громова согласилась дать средства, а Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества любезно открылъ мнѣ доступъ въ свою библіотеку и музей. Тамъ я проработалъ полтора года. Литература объ Якутской

области разрослась въ настоящее время до размѣровъ цѣлой библіотеки; можно насчитать болѣе полуторы тысячъ номеровъ книгъ, брошюръ, статей, вышедшихъ отдѣльными выпусками или разбросанныхъ въ періодическихъ научныхъ и популярныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, добрая треть, если не больше, представляетъ компиляціи или повторенія однихъ и тѣхъ-же первоисточниковъ. Размѣры и назначеніе этой книги не позволили въ ней удѣлять много мѣста ссылкамъ и критикѣ печатныхъ источниковъ; цитатъ оказалось и безъ того много, между тѣмъ я ограничился только признанными авторитетами и выписками изъ рѣдкихъ и трудно доступныхъ сочиненій.

Самую существенную помощь и самыя цѣнныя указанія я нашелъ въ трудахъ высокоуважаемаго, покойнаго А. Ѳ. Миддендорфа. Еще въ Якутской области я съ пользой слѣдовалъ его указаніямъ, привыкъ имъ вѣрить и удивляться. Все это побудило меня посвятить мой трудъ незабвенному ученому. Когда книга была составлена, я написалъ ему объ этомъ письмо, и получилъ въ отвѣтъ телеграмму съ согласіемъ. Въ телеграммѣ Александръ Ѳеодоровичъ сообщилъ между прочимъ, что «очень болѣнъ»: это было всего за нѣсколько недѣль до его смерти. Императорское Русское Географическое Общество, разсмотрѣвъ мой трудъ, нашло возможнымъ принять на себя руководство по его изданію. Спеціальныя его части любезно согласились просмотрѣть еще въ рукописи господа ученые: Э. В. Толь—географію и фауну, Э. В. Штеллингъ—климатъ, С. И. Коржинскій и Я. П. Прейнъ — ботанику. Благодаря

ихъ указаніямъ, я могъ исправить многія неточности и ошибки. Рисунки по моимъ наброскамъ и фотографіямъ исполнены художниками С. М. Дудинымъ, А. В. Евреиновымъ и Д. М. Головачевымъ.

В. Сѣрошевскій.

Рис. 1. Низменная тундра въ устьѣ р. Яны (съ рисунка).

Географическій очеркъ [1])

Страна, въ предѣлахъ которой встрѣчаются поселенія Якутовъ, занимаетъ почти весь сѣверовосточный уголъ Сибири. Она простирается съ запада на востокъ на восемьдесятъ слишкомъ географическихъ градусовъ, что составитъ въ широтахъ якутскаго берега Ледовитаго океана, около 3000 верстъ по прямой линіи. Съ сѣвера на югъ она протянулась въ половину меньше этого размѣра.

Если бы отъ моря изъ устья самаго западнаго Ленскаго рукава ($72^1/_2°$ с. ш. и 142 в. д. отъ Ферро), какъ изъ центра, вычертить, радіусомъ въ 1600 верстъ, на континентѣ Азіи полукругъ, то послѣдній охватилъ бы почти всѣ земли, гдѣ нынѣ живутъ или гдѣ недавно жили якуты. Конечно, такая правильность границъ въ значительной мѣрѣ произвольна, она включаетъ участки, гдѣ никогда не было якутовъ, и оставляетъ въ сторонѣ нѣкоторые крайніе посты ихъ на югѣ и на берегахъ Охотскаго моря; тѣмъ не менѣе въ общемъ она настолько хорошо опредѣляетъ географическое распространеніе этого народа, что признать

[1]) Для правильной разработки этнографическихъ матеріаловъ прежде всего необходимо было составить себѣ представленіе о географіи страны. Полнаго описанія ея рельефа я не нашелъ въ литературѣ и былъ вынужденъ самостоятельно прослѣдить по картѣ всѣ, записанные когда либо и доступные мнѣ, маршруты, путевыя замѣтки и описанія, свѣрить ихъ, кой-гдѣ дополнить личными наблюденіями и сдѣлать заключеніе. Настоящій краткій очеркъ—результатъ такой работы.

ее возможно. Она удобна еще потому, что почти совпадаетъ съ естественными границами даннаго участка Сибири. Прилегающія къ ней извнѣ страны отличны отъ заключеннаго внутри отрѣзка. На западѣ простирается низкая, болотистая западноенисейская низменность, на востокѣ—узкая скалистая береговая полоса, и тамъ-же, далѣе къ сѣверу—предгорія хребтовъ, заполняющихъ Чукотскую землю и Камчатскій полуостровъ; наконецъ, на югѣ, въ глубинѣ материка, протянулась широкой полосой горная страна, мѣстами сильно волнистая, съ узкими, глубокими лощинами, съ острыми гребнями горъ, съ хребтами, гривами и верхушками, похожими на застывшія неправильныя волны морскаго прибоя [1]).

Черта, описанной выше окружности, все время идетъ по такой горной странѣ, черезъ которую, откуда бы ни шли якуты, они принуждены были съ трудомъ пробираться, но въ которой, по отсутствію пастбищъ, долго жить не могли.

Вблизи этой черты вздымаются со всѣхъ сторонъ самыя высокія выпуклости, лежатъ самыя высокія ея точки. Большинство ихъ служитъ водораздѣлами для крупныхъ рѣчныхъ бассейновъ.

Сливаясь и перепутываясь своими отрогами [2]), горные кряжи образуютъ кругомъ всей якутской территоріи родъ исполинскаго горнаго вѣнца, шириною отъ 300 до 500 верстъ, разорванные концы котораго погружены въ Ледовитый океанъ. Безчисленная масса побочныхъ горныхъ вѣтвей и побѣговъ, идущихъ главнымъ образомъ съ юга на сѣверъ, заполняетъ внутренность отмѣченнаго нами отрѣзка; другія, внѣ его лежащія, уходятъ на югъ въ глубину материка, гдѣ сливаются съ отрогами тамошнихъ горныхъ системъ или образуютъ тамъ возвышенныя плоскогорья. О размѣрахъ и разнообразіи рельефа можно судить по величинѣ, заключенной въ полукругѣ площади, которая превосходитъ 3.000,000 квадр. верстъ [3]). Высота горной припухлости, названной нами пограничной, тоже весьма различна. Самая возвышенная часть ея будетъ, повидимому, на югѣ заключаться между 130° и 146° в. д. [4]) и 57° и 60° с. ш. По мѣрѣ того, какъ хребты, составляющіе ее, поворачиваютъ къ сѣверу и приближаются къ Ледовитому океану, высота ихъ падаетъ, причемъ восточное крыло выше и гористѣе западнаго [5]). Если допустить, что самая

[1]) Крапоткинъ. «Отчетъ объ Олек. Витим. экс.». Глава X, стр. 353—425.

[2]) Безпорядочное, «цѣпеобразное», какъ его правильно называетъ г. Меглицкій, соединеніе горныхъ отроговъ, образующее недлинные и неправильные кряжи, характерно для всей Восточной Сибири.

[3]) Цифры для вычисленія взяты у ген. Стрѣльбицкаго.

[4]) Долготы всюду отъ Ферро.

[5]) Вся страна въ общемъ поката въ этомъ направленіи, т. е. къ сѣверо-западу.

высокая южная часть этого пояса имѣетъ въ общемъ 4000′ высоты, то восточное крыло нужно считать въ 3000′, съ крайне-сѣверными отрогами въ 2000′ (Сухарныя горы и Бѣлые камни на правомъ берегу Колымы); западное же крыло въ 2000′, съ крайне-сѣверными отрогами въ 200 — 300′ (холмы вдоль праваго берега Енисея, сѣвернѣе Дудиной).

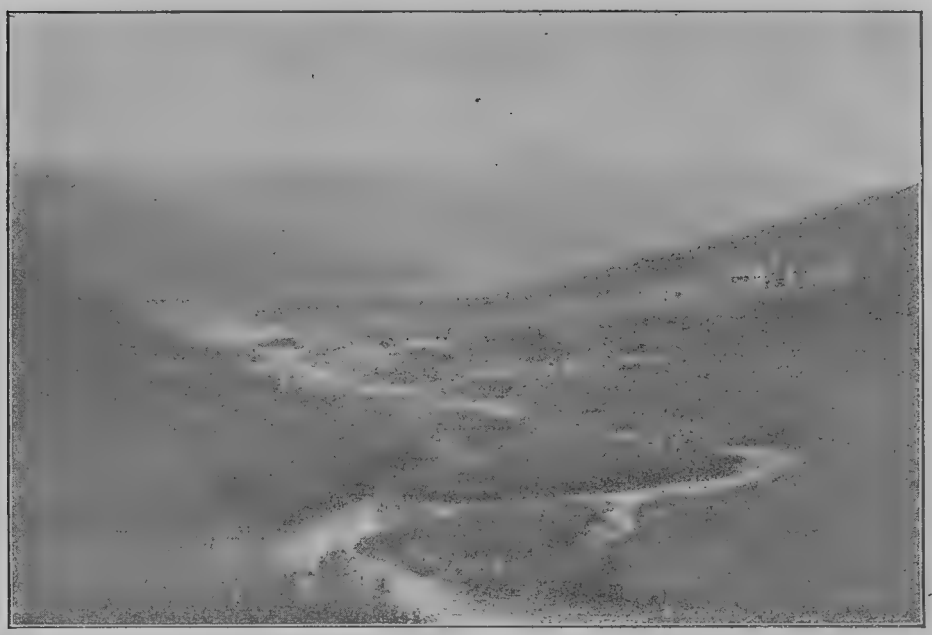


Рис. 2. Гора Томторо. Преображенскій пріискъ (съ фотогр. Обручева).

Внутренніе отроги горнаго пояса, въ общемъ тоже подчиняются закону пониженія къ сѣверу и западу [1]). Всѣ они, насколько можно су-

[1]) Чтобы пояснить сказанное мною о пограничномъ горномъ поясѣ, приведу списокъ общеизвѣстныхъ хребтовъ, цѣпей и вершинъ, входящихъ въ его составъ. Болѣе подробный перечень ихъ и отзывы путешественниковъ о мѣстности, см. Т. II, гл. I.

	Высота надъ уровнемъ моря въ англ. фут.
1) Холмы на правомъ берегу Енисея, сопутствующіе ему сѣвернѣе Дудиной вплоть до моря	?
2) Бѣлый хребетъ между Енисеемъ и Пясиной	500—600′ (Миддендорфъ).
3) Норильскіе камни, Медвѣжій камень	
4) Хребетъ Хантайскій	
5) Хребетъ Сѣверный камень	
6) Гора Бѣломошье (устье Н. Тунгуски)	500′ (Чекановскій).
7) Х. Лѣтній камень (лѣвый берегъ Н. Тунгуски)	?
8) Гора Кутанга (правый берегъ Н. Тунгуски)	2070′ (Чекановскій).
9) Гора Чалбышевская	1988′ (Миллеръ).

дить по направленію рѣкъ, расположены въ меридіальномъ направленіи съ отклоненіемъ: на западѣ Лены къ западу, на востокѣ—къ востоку.

Въ центральной части горнаго полукруга, въ самой его излучинѣ, они, направляясь къ сѣверу, быстро теряютъ свой горный характеръ и дальше 60° широты между 134° и 155° восточной долготы образуютъ возвышенное плоскогоріе, съ невысокими грядами холмовъ и одинокими выпуклостями, безпорядочно разбросанными по немъ. Это плоскогоріе, въ южной своей части возвышающееся до 1500′, къ сѣверу понижается до 1400′ даже до 1000′ надъ уровнемъ моря [1]).

Всюду на этомъ протяженіи страна представляетъ слабо волнистую плоскость, усѣяную озерами и прорѣзанную глубокими долинами рѣкъ. Только сѣвернѣе 64° ш. страна опять круто вздымается и принимаетъ горный характеръ.

Эта вторая внутренняя «горная припухлость» простирается съ запада на востокъ во всю ширину края и сливается своими крыльями съ соотвѣтствующими частями периферическаго горнаго пояса. Повидимому, она не ниже послѣдняго. Въ составъ ея на западѣ войдутъ: хребты извѣстные въ географіи подъ общимъ именемъ «Сыверма» [2]); — высота

10) Гора Острая вершина . . . . . 1988′ (Миллеръ).
11) Гора низовой стороны устья Таймура . . . . . 1936′ (Миллеръ).
12) Общая высота хребтовъ по Н. Тунгускѣ . . . . . 2000′ (Чекановскій).
13) Горы въ верховьяхъ Подкаменной Тунгуски . . . . . 2200′ (Третьяковъ).
14) Хребты въ верховьяхъ Илимпея . . . . . ?
15) Возвышенное плоскогоріе между Н. Тунг. и Леной . . 1500′ (?)
16) Перевалъ въ вершинахъ Тюкана (по Витиму) . . . . 1690′ (Крапоткинъ).
17) Голецъ у Тюканскаго зимовья . . . . . 3180′ (Крапоткинъ).
18) Павловскій голецъ . . . . . 4790′ (Крапоткинъ).
19) Гора Томторо . . . . . 5700′ (Крапоткинъ).
20) Общая высота Потомскаго нагорья . . . . . 4000′ (Крапоткинъ).
21) Горы недалеко отъ Ничатки (водоразд. Вит. и Чаты) . 7000′ (? Мартенъ).
22) Горы въ верховьяхъ Алдана . . . . . 3200′ (?).
23) Гряда Олега-Ытабытъ . . . . . 1420′ (Крапоткинъ).
24) Р. Малый Аимъ, дно долины . . . . . 1120′ (Крапоткинъ).
25) Горы по Малому Аиму . . . . . 2150′ (Крапоткинъ).
26) Вообще горы между Алданомъ и Маей . . . . . 4000′ (Миддендорфъ).
27) Хребетъ Капитонъ . . . . . 4000′ (Эрманъ).
28) Горный хребетъ въ верховьяхъ Охты . . . . . ?
29) Горы въ верховьяхъ Колымы (въ среднемъ) . . . . . 2800′
30) Горный хребетъ между р. Колымой и Омолономъ . . . ?
31) Пантелеевская Сопка . . . . . 1491′ (Врангель).
32) Бѣлые Камни . . . . . 2500′ (Врангель).
33) Горная вѣтвь оканчивающаяся м. Шелагскимъ . . . . 3000′ (Врангель).

[1]) Смотри по этому поводу путевые журналы Эрмана, Миддендорфа, Врангеля, Маака, а также отчеты Черскаго, томъ LIX Запис. Имп. Акад. Наукъ, 1888 г., стр. 4 и томъ LXXIII, № 5, стр. 12.

[2]) Самые западные ихъ отроги Третьяковъ называетъ «Путорама», стр. 217, З. Г. Общ., т. II, 1869 г.

ихъ въ среднемъ 2000′, т. е. такая же, какъ высота сосѣднихъ горныхъ хребтовъ по нижнему теченію Нижней Тунгуски. Хребты «Сыверма» къ востоку переходятъ въ горное плато, заключающее въ себѣ цѣлую систему довольно крупныхъ альпійскихъ озеръ. Изъ нихъ наиболѣе изслѣдовано юговосточное озеро — Сюрунгна [1]). Высота всей страны опредѣлена въ 3000′ надъ уровнемъ моря, а единственная точно измѣренная на ней точка—гора въ южномъ концѣ озера Сюрунгна — въ 2792′ [2]).

Восточнѣе страны альпійскихъ озеръ тянутся водораздѣлы Оленёка и Вилюя—сильно взволнованная, вполнѣ горная страна, югозападными отрогами сливающаяся съ горами средняго теченія Нижней Тунгуски. Горы, горные хребты, болѣе или менѣе высокіе и развитые, заполняютъ также всю страну на востокъ между Вилюемъ и Оленекомъ и подступаютъ вплоть къ Ленѣ [3]). Къ рѣкѣ Вилюю, въ его нижнемъ теченіи, горы не подходятъ всего верстъ на 100, подобно тому, какъ не подходятъ онѣ на такое же разстояніе къ рѣкѣ Алдану на правомъ берегу Лены.

Юговосточная часть Верхоянскаго хребта составляетъ восточное продолженіе, описываемой здѣсь нами внутренней вздутости.

Средняя высота Верхоянской горной цѣпи равняется 4000′, а самые высокіе изъ его хребтовъ находятся, повидимому, въ восточной части, тамъ, гдѣ они сливаются съ Яблоновымъ хребтомъ и входятъ въ составъ периферическаго горнаго сплетенія. Черскій отмѣтилъ тамъ высоты въ 7794′ надъ уровнемъ моря [4]).

Сѣверные отроги внутренняго горнаго пояса тоже въ общемъ имѣютъ меридіональное направленіе и образуютъ водораздѣлы рѣкъ, текущихъ въ томъ же направленіи въ Ледовитый океанъ. Въ южныхъ своихъ частяхъ горы образуютъ хорошо выраженные хребты и цѣпи съ острыми, болѣе или менѣе разорванными и размытыми вершинами. Ближе къ морю вершины эти становятся округлѣе, скаты положе. Мѣстами горы исчезаютъ, превращаясь въ высоко поднятыя—въ 1000′—надъ уровнемъ моря слабо волнистыя плоскогорія, точь въ точь такія же, какъ на югѣ, съ отдѣльными, тамъ и сямъ разбросанными по нимъ выпуклостями, и массой озеръ. Таково, напримѣръ, плоскогоріе между Алазеемъ и Колымой. Юж-

---

[1]) *нг* напечатанное курсивомъ въ якутскихъ словахъ всюду нужно читать, какъ звукъ носовой.

[2]) Маакъ. «Вилюйскій округъ». Часть II-я, стр. 15.

[3]) Маакъ. Ibid. Часть II, стр. 74.

[4]) «Улаханъ Чистай».

ные отроги горныхъ цѣпей, наоборотъ, коротки и рѣзко обрываются въ долинахъ Вилюя и Алдана.

Рис. 3. «Гольцы»—нагорная тундра по р. Янѣ въ 200 вер. отъ моря (съ рисунка).

Такимъ образомъ внутренній горный поясъ разбиваетъ родственныя по внѣшности и почти одинаковыя по высотѣ плоскогорія страны на два участка: плоскогорія сѣверныя и плоскогорія южныя.

Первыя открыты къ морю и болѣе рѣзко разграничены между собою крайними отрогами хребтовъ, идущихъ отъ магистральной горной полосы. Тамъ каждый крупный рѣчной бассейнъ имѣетъ свою отдѣльную горную, свою плоскогорную и, наконецъ, низменную приморскую часть, не сливающіяся съ сосѣдними. Наоборотъ, южныя плоскогорія сливаются; водораздѣлы ихъ неопредѣленны, мало возвышенны и, въ общемъ, вся страна образуетъ слабо волнистую, продолговатую съ запада на востокъ впадину, величиною въ полмилліона слишкомъ квадратныхъ верстъ, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, возвышающимися отъ 2000′ до 4000′ надъ уровнемъ моря и отъ 1000′ до 3000′ надъ поверхностью плоскогорія [1]).

Рѣки сѣверныхъ плоскогорій текутъ въ Ледовитый океанъ; рѣки южнаго плоскогорія—въ Лену.

---

[1]) Считаю нужнымъ привести здѣсь ту поправку, которую сдѣлалъ въ моемъ описаніи Якутской области, извѣстный знатокъ сѣвера этой страны Э. В. Толь. Онъ любезно согласился просмотрѣть географическую часть въ рукописи и замѣтилъ слѣдующее: «не нужно смѣшивать двухъ различныхъ по строенію частей Якутской области: страны на западъ отъ Лены и сѣверъ отъ Вилюя, и страны на востокъ отъ Лены и сѣверъ отъ Алдана. Въ первой, повидимому, судя по словамъ Чекановскаго и моимъ личнымъ наблюденіямъ, преобладаютъ возвышенныя *плато*, мѣстами только, благодаря размыву и вывѣриванію, превратившіяся въ подобіе горныхъ кряжей, въ которыхъ преобладаютъ типичныя столовыя вершины. Во второй, наоборотъ, встрѣчаются, настоящія, ясно выраженныя цѣпи горъ, лучшимъ представителемъ которыхъ служитъ Верхоянскій хребетъ, и подобныхъ которому, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ на сѣверо-западъ отъ Лены».

Только послѣдняя рѣка пробиваетъ оба горныхъ пояса, оба плоскогорія и восемью гирлами своего устья изливаетъ въ море каждую секунду до 10.000 [1]) кубическихъ метровъ воды, собираемой громаднымъ [2]) ея бассейномъ въ 2.000.000 квад. вер.

Длина Лены достигаетъ шести съ половиной тысячъ верстъ. Она беретъ начало далеко за предѣлами страны заселенной якутами, вблизи Байкала, въ невысокихъ горахъ, возвышающихся отъ 3000′ до 4000′ надъ уровнемъ моря и отъ 1800′ до 3000′ надъ уровнемъ Байкала [3]). Дальше, вплоть до Киренска, рѣка течетъ довольно открытой долиной, глубоко прорытой въ высокомъ плоскогоріи.

«Наблюдатель, плывущій по рѣкѣ на лодкѣ или пароходѣ», говоритъ объ этой части Лены Обручевъ, «выноситъ впечатлѣніе, что рѣка течетъ по обширной горной странѣ; на обоихъ берегахъ возвышаются горы достигающія 300 м. (900 ф.) надъ уровнемъ рѣки; горы эти то приближаются къ самому берегу и обращены къ рѣкѣ, довольно крутыми склонами, мѣстами представляющими отвѣсныя стѣны и живописныя скалы, то отдаляются отъ рѣки на значительное разстояніе, ограничивая озеровидное расширеніе долины; склоны ихъ тамъ пологи, а горы повидимому болѣе низки; наблюдателю кажется, что рѣка то пробиваетъ горные хребты и теченіе ея стѣсняется «щеками», то вырывается на просторъ и медленно течетъ излучинами по широкимъ долинамъ или котловинамъ, ограниченнымъ низкими холмами. Но взобравшись на одну изъ береговыхъ горъ мы находимъ слабо волнистую плоскость, составляющую ея гребень, и эта плоскость, сплошь покрытая густымъ лѣсомъ, становится все шире, чѣмъ больше мы удаляемся отъ Лены; идя все дальше по этой лѣсистой равнинѣ, мы, наконецъ, дойдемъ совершенно незамѣтно до такого же широкаго и плоскаго водораздѣла между притоками Лены съ одной и Киренги или Ангары съ другой стороны» [4]). Таковъ характеръ страны на протяженіи всего верхняго теченія Лены.

Верховья Нижней Тунгуски протекаютъ вначалѣ по такому же плоскогорію близко отъ Лены. Долины обѣихъ рѣкъ образуютъ на нѣкоторомъ разстояніи какъ бы одну общую впадину. Ихъ раздѣляетъ лѣси-

---

[1]) Реклю, «Земля и люди» VI, стр. 447.

[2]) Площадь Ленскаго бассейна по Реклю=2.200.000 кв. вер. Т. VI, стр. 599.

[3]) Перевалъ, который приходится проѣзжать крестьянамъ, везущимъ рыбу съ береговъ Байкала на р. Лену, по ихъ словамъ равняется всего 15 верстамъ; онъ невысокъ, съ пологоскатой вершиной. Попадаютъ они туда зимою со «Святаго Носа», прорѣзывая Байкалъ поперекъ, что совершаютъ въ сутки. Съ Лены, въ обмѣнъ на рыбу, вывозятъ нужный имъ хлѣбъ.

[4]) В. А. Обручевъ. «Древне-Палеозойскія осадочныя породы долины р. Лены», стр. 4.

стый перевалъ, шириною не болѣе верстъ 20-ти; высота его около Киренска равняется 1627′ надъ уровнемъ моря; онъ на 811′ выше уровня Лены и на 562′ выше уровня Н. Тунгуски [1]). Страна на востокъ и западъ отъ обѣихъ рѣкъ слабо взволнована. Неровности ея заслуживаютъ названія горъ развѣ только по р. Гульмуку, лѣвому притоку Ниж. Тунгуски [2]).

Ниже Киренска гористый клинъ врѣзывается между плывущими до того паралельно рѣками и, постепенно къ сѣверу возрастая и расширяясь, заставляетъ Н. Тунгуску отклоняться къ западу, а Лену къ востоку. Первая дальше, вплоть до Енисея, прокладываетъ себѣ дорогу сквозь типичную страну столовыхъ горъ; вторая, разломавъ скалистый валъ, преграждающій ей путь между Киренскомъ и Витимомъ, снова вступаетъ, ниже Нохтуйска, въ предѣлы возвышеннаго плоскогорія, очень похожаго на то, среди котораго Лена плыла все время на югѣ. Разорванныя скалы переступившаго ей дорогу горнаго кряжа, образуютъ извѣстныя «щеки» [3]) — (286 верстъ ниже Киренска).

Неровности и предгорья этого хребта сглаживаются раньше на лѣвомъ берегу Лены, чѣмъ на правомъ, гдѣ онѣ вообще и выше и болѣе размыты (Патомское Нагорье). Въ обходъ ихъ Лена дѣлаетъ здѣсь довольно большую излучину къ сѣверу, сближающую ее съ такой же излучиной Вилюя къ югу (Сунтарской). Затѣмъ она опять возвращается къ своему первоначальному направленію — съ юго-запада-запада на сѣверо-востоко-востокъ, и, на протяженіи почти 1000 верстъ, течетъ среди плоскогорья между Вилюемъ и Алданомъ, параллельно обѣимъ рѣкамъ и на равномъ почти отъ нихъ разстояніи.

Вблизи Якутска, верстъ 45 выше его (Улаханская станція), Лена поворачиваетъ прямо на сѣверъ и держится этого направленія вплоть до впаденія Алдана, откуда, какъ бы подъ давленіемъ этой стремительной рѣки,—вѣрнѣе, послушная направленію западныхъ отроговъ Верхоянскаго хребта, уклоняется на западъ до сліянія съ Вилюемъ. Отсюда направленіе ея становится по преимуществу сѣвернымъ, съ легкимъ изги-

---

[1]) Миллеръ. «Извѣст. Геогр. Общ.». Т. V, 1876 г.

[2]) По Чекановскому—хребетъ «Уроміо».

[3]) По этому поводу Обручевъ говоритъ: Въ щекахъ, гдѣ Лена вьется между высокими живописными скалами известняковъ, возвышающимися то на правомъ, то на лѣвомъ берегахъ, пласты изогнуты въ болѣе крутыя складки съ второстепенными извилинами крыльевъ; простираніе ихъ въ общемъ NO 45—60°; очевидно мы имѣемъ здѣсь прорывъ рѣки, черезъ хребетъ образуемый довольно крупными складками верхнесилюрійскихъ известняковъ. («Древне-Палеозойскія осадоч. породы по р. Ленѣ», стр. 138). Эрманъ даетъ относительную высоту этихъ известковыхъ утесовъ въ 1360′. (Крапоткинъ, ibid., стр. 184).

бомъ сначала на зайадъ, дальше на востокъ и вблизи моря опять на западъ, что дѣлаетъ ее, въ этой части, похожей на неуклюжій вопросительный знакъ.

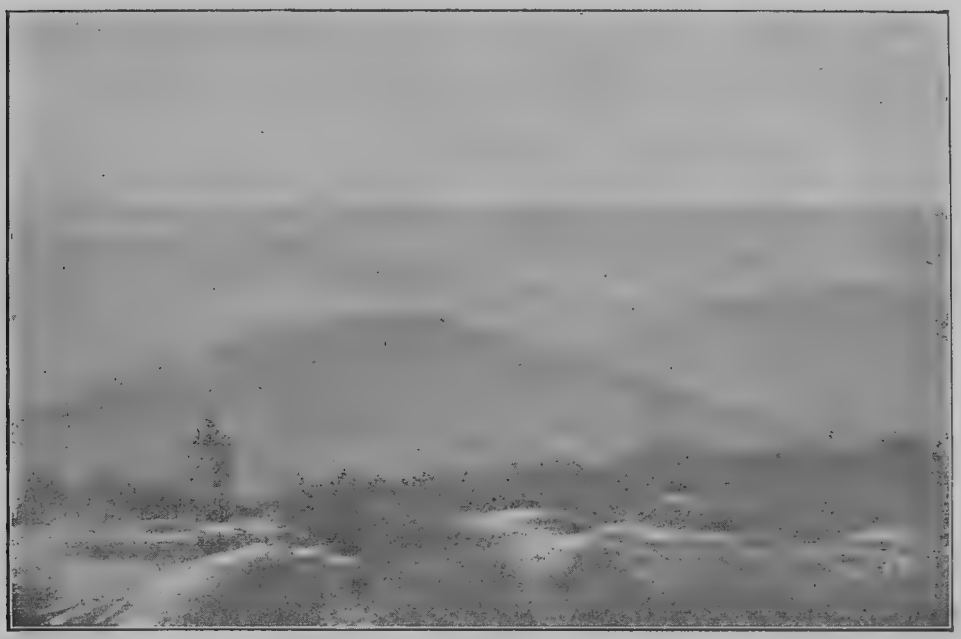


Рис. 4. Патомское нагорье. Видъ съ перевала къ р. Гаричи (съ фотогр. Обручева).

На Ленѣ, кромѣ не особенно опасныхъ быстринъ въ щекахъ, нѣтъ другихъ препятствій для плаванія; нѣтъ трудныхъ для обхода мелей и перекатовъ, нѣтъ пороговъ, она судоходна на протяженіи четырехъ слишкомъ тысячъ верстъ [1]).

У Качуга Лена всего 30 саженей ширины, но принявъ массу маленькихъ рѣкъ и рѣчушекъ съ обѣихъ сторонъ и соединившись съ Киренгой, она разростается до 300 саженей. Въ «щекахъ» рѣка опять съужи-

[1]) По Реклю 4340 верстъ; по разсчету сдѣланному мною на основаніи официальныхъ данныхъ оказывается:

Отъ Жигалова до Киренска	664	версты.
» Киренска до Витима	423	»
» Витима до Нохтуйска	449	»
» Нохтуйска (Мача) до Олекмы	339	»
» Олекмы до Якутска	657	»
» Якутска до Жиганска	800	»
» Жиганска до Булуня	700	»
» Булуня до моря	200	»
	4,232	версты.

вается до 100 саженей, но дальше, особенно послѣ принятія ею Витима, она рѣдко меньше версты, а послѣ впаденія Олекмы—рѣдко гдѣ меньше полуторыхъ верстъ ширины. Теченіе ея послѣ выхода изъ щекъ становится спокойнымъ, ровнымъ и остается такимъ до самаго Ледовитаго океана. Эта часть ея русла сильно запружена островами; дно по преимуществу илистое и песчаное; утесы и галька на берегахъ встрѣчаются, чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ рѣже.

Рис. 5. Лена въ 300 вер. отъ истоковъ (съ фотогр. Обручева).

Вблизи Якутска ширина Лены, въ тѣхъ рѣдкихъ мѣстахъ [1]), гдѣ она плыветъ однимъ, лишеннымъ острововъ русломъ, достигаетъ 3-хъ—4-хъ верстъ, тамъ же, гдѣ на ней есть острова, разстояніе между крайними протоками равно, нерѣдко, 10 даже 15 верстамъ. Такова она вплоть до Сиктаха (400 верстъ выше устья), гдѣ ширина ея мѣстами достигаетъ 30 верстъ [2]).

Ниже Сиктаха она снова собирается въ трубу, шириною въ 4—5 верстъ; съ обѣихъ сторонъ къ ней близко подступаютъ тамъ утесы, на берегахъ является галька. Рѣка разбивается опять на рукава, образуя дельту, только при впаденіи въ океанъ.

---

[1]) Такихъ мѣстъ я знаю два: одно на югѣ Якутска противъ Камаласкаго Камня (Табага), другое на сѣверъ противъ Сургуева Камня (Кельдямъ).

[2]) Въ среднемъ 17 верстъ (Юргенсъ, «Экс. къ устью Л.», въ Изв. Им. Геогр. Общ. Т. XXI, 1885 г., стр. 252).

Начиная отъ Витима, глубина Лены по фарватеру навряд-ли гдѣ либо меньше пяти саженей, во многихъ мѣстахъ она достигаетъ 20 и больше.

Принявши Алданъ и Вилюй, Лена становится особенно величественной. Это цѣлое море движущейся прѣсной воды. Теченіе ея здѣсь, тихое и ровное, образуетъ много прямыхъ плесовъ и спокойныхъ заливовъ.

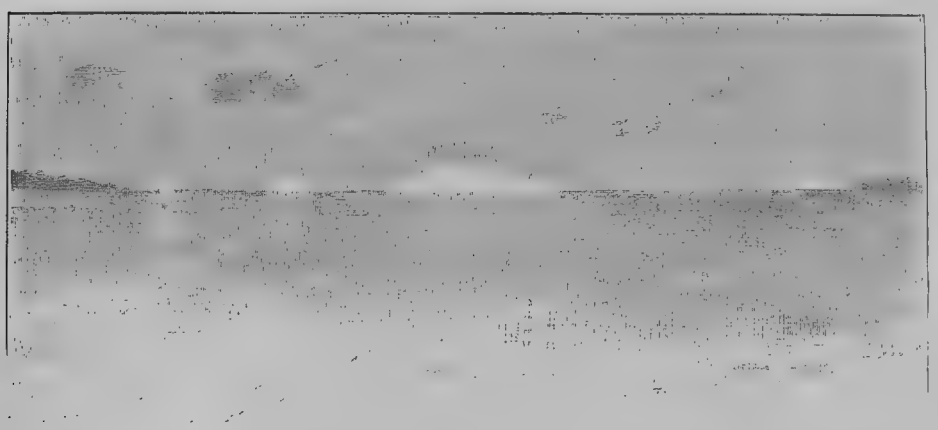


Рис. 6. Лена у сліянія съ Алданомъ; вдали Верхоянскій хребетъ (съ рисунка).

Паденіе Лены по Эрману:

въ	50	верстахъ	ниже Качуга	0.77	фута на версту.
въ	1000	»	» »	0.38′	» » »
въ	1950	»	» у Якутска	0.09′	» » ».
ниже Якутска—менѣе				0.09′	» » » [1]).

Всѣхъ притоковъ Лены малыхъ и большихъ, рѣкъ и рѣчекъ, считаютъ около 1.000. Первый отъ истоковъ болѣе крупный ея притокъ будетъ Киренга; затѣмъ болѣе достойные вниманія будутъ съ правой: Чая, Чуя, Витимъ; ниже Витима: Пеледуй (лѣвый), дальше Нюя (лѣвый), Патома (правый), Олекма съ Чараю (правые), Синяя (лѣвый), Батома (правый), Алданъ съ Амгою (правые), Вилюй (лѣвый). Ниже двухъ послѣднихъ рѣкъ Лена не принимаетъ уже крупныхъ притоковъ, а изъ мелкихъ стоитъ упомянуть развѣ «Молоду» (лѣвый), по которой, когда-то, казаки и промышленники ходили волокомъ на Оленёкъ.

Витимъ и Олекма берутъ начало далеко на югѣ, въ сѣверо-восточной части Забайкалья, подъ тѣми-же широтами что и Лена (54° с. ш. [2]). Долины ихъ верхняго теченія, какъ и долина Нижней Тунгуски, зна-

[1]) Erman. Reise um die Erde. B. I. Abth. 2. стр. 369—381.

[2]) Витимъ, одной изъ излучинъ своего верховья, проникаетъ даже до 53° с. ш.

чительно болѣе открыты, чѣмъ среднее и нижнее теченія, гдѣ онѣ прорѣзываютъ предполагаемый скалистый горный поясъ, принятый нами за пограничный для якутскихъ земель.—Въ тѣхъ своихъ частяхъ эти рѣки быстры, порожисты и поэтому судоходны только на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ устья [1]). Онѣ бѣдны лугами и потому мало населены.

Собственно говоря, ихъ даже нельзя считать якутскими рѣками, какъ Алданъ или Вилюй.

Двѣ послѣднія, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыя крупныя и многоводныя изъ притоковъ Лены. Въ географическомъ отношеніи онѣ интересны еще потому, что цѣликомъ принадлежатъ къ той внутренней впадинѣ, которая заключается между внѣшнимъ и внутреннимъ горными поясами страны.

Длина Алдана—слишкомъ 2000 верстъ, изъ которыхъ 1410 судоходныхъ [2]). Ширина тамъ, гдѣ онъ течетъ однимъ русломъ, вблизи устья, не больше версты. По быстротѣ теченія это чуть-ли не вторая рѣка, послѣ Ангары, въ Восточной Сибири [3]). На ней нѣтъ пороговъ, но шиверовъ, подводныхъ камней и каменистыхъ балокъ—множество. Въ половодье, когда рѣка льется поверхъ всѣхъ этихъ препятствій, она *буквально* шипитъ отъ бѣшенаго бѣга. Задѣвая за огромные валуны, которыми выстлана большая часть ея русла, она вздымается, коробится, образуетъ массу водяныхъ бугровъ и летучихъ водоворотовъ.

Въ нижнемъ и отчасти среднемъ теченіи Алданъ островистъ. Начало свое беретъ онъ подъ $56^1/_4{}^0$ с. ш. и $141^1/_2$ в. д., недалеко отъ долины Олекмы, въ горахъ 3000′ возвышающихся надъ уровнемъ моря. Все время онъ течетъ параллельно Ленѣ съ юго-запада-запада, на сѣверо-востоко-востокъ, въ разстояніи отъ 400 до 500 вер., восточнѣе ея. Приблизительно подъ $62^1/_2{}^0$ с. ш., онъ натыкается на предгорія внутренняго пояса, круто поворачиваетъ къ западу и, пройдя въ этомъ направленіи параллельно имъ верстъ 400, впадаетъ въ Лену подъ 63° 15′ с. ш. Все время, за исключеніемъ верховьевъ, гдѣ имѣетъ по обѣ стороны горную страну, Алданъ течетъ на границѣ плоскогорія и горъ: первое — всегда на лѣвомъ его берегу, вторыя—на правомъ. По плоскогорію, заключенному между нимъ и Леной, почти по серединѣ его, и опять параллельно обоимъ, протекаетъ довольно большая рѣка Амга. Она впадаетъ въ Алданъ не-

[1]) Витимъ судоходенъ 539 верстъ; Олекма 937 вер. (Реклю, ibid. VI, стр. 600).

[2]) Реклю, ibid. VI, стр. 600.

[3]) Паденіе Ангары между Байкаломъ и Иркутскомъ 1,24 фута на версту; бываютъ перекаты, гдѣ 1,88 ф. на версту; паденіе Алдана въ нижнемъ его теченіи (отъ устья Амги до впаденія въ Лену) равняется около $^1/_2$ фута на версту, т. е. приблизительно таково, какъ Лены въ ея верховьяхъ.

много ниже его поворота на западъ. Западнѣе Амги впадаютъ уже незначительныя, тоже параллельныя ей рѣчки Баяга, дальше Татта и, наконецъ, Танда. Изъ лѣвыхъ притоковъ Алдана заслуживаетъ вниманія Учуръ и Мая—обѣ горныя, быстрыя рѣки. Послѣдняя въ половодье судоходна на протяженіи 500 верстъ [1]).

Изъ незначительныхъ притоковъ стоитъ упомянуть развѣ Тюкуланъ, по долинѣ котораго идетъ Верхоянскій почтовый трактъ, да рѣчку Томпо, незначительную, но чрезвычайно быструю, образующую впаденіемъ своимъ въ Алданъ большой и временами опасный для судовъ водоворотъ [2]). Обѣ впадаютъ съ правой стороны.

Вторая крупная рѣка внутренняго плоскогорія—Вилюй, беретъ начало подъ $65^3/_4{}^0$ с. ш. и 121^0 в. д. въ тѣхъ-же возвышенностяхъ откуда вытекаетъ Оленекъ, Анабара и Хатанга. Верхнее теченіе Вилюя быстро и порожисто. Самые значительные пороги встрѣчаются ниже впаденія Чоны [3]). Самый крупный порогъ «Улаханъ-Хана» въ 20 верстахъ ниже устья Ахтаранды [4]). Послѣдній порогъ на Вилюѣ «Кучугуй-Хана» находится между устьями Большого и Малаго Ботобуя. Обѣ эти рѣки — правые, незначительные притоки Вилюя; первый достоинъ вниманія развѣ потому, что верховья его очень близко подходятъ къ верховьямъ Нюи, впадающей въ Лену.

---

[1]) Мая представляетъ одно изъ звеньевъ того воднаго пути, который зовутъ Аянскимъ. Товары, доставленные въ Аянъ моремъ, оттуда зимою на оленяхъ перевозятся въ урочище Нельканъ, на р. Маѣ. Здѣсь ежегодно весною строятъ баржи и на нихъ сплавляютъ товары внизъ по Маѣ и Алдану, и вверхъ по Ленѣ (170 верстъ) до Якутска. Урочище Нельканъ отъ Аянскаго порта находится всего въ 240 верстахъ, но теперешній вьючный путь, проложенный Американской компаніей въ 1852 году, былъ впослѣдствіи заброшенъ; онъ неисправенъ—на топяхъ и рѣчкахъ нѣтъ мостовъ и гатей; онъ неудобенъ вслѣдствіе крутизны нѣкоторыхъ восточныхъ спусковъ. Съ открытіемъ Аянскаго порта съ 1886 года, на путь этотъ было вновь обращено вниманіе правительства и въ 1894 году былъ туда посланъ ген.-губернаторомъ Вост. Сиб.—спеціалистъ г. Сикорскій съ порученіемъ изслѣдовать обстоятельно всю мѣстность отъ р. Алдомы (Охотское море) до Нелькана, отыскать и выбрать самые удобные проходы и спуски черезъ наиболѣе высокій и крутой изъ тамошнихъ хребтовъ—Джугджуръ, снять планъ и намѣтить линію для проложенія колеснаго и саннаго пути. Намъ извѣстно, что онъ уже окончилъ свои развѣдки и представилъ ген.-губернатору обстоятельный о нихъ отчетъ; желательно, чтобъ отчетъ этотъ появился возможно скорѣе въ печати. Онъ представляетъ новѣйшее географическое свѣдѣніе объ этой странѣ, много разъ посѣщаемой, но мало извѣстной; особенно цѣнны были-бы нивелирныя съёмки и опредѣленія высотъ.

[2]) Томпо впадаетъ въ 30 верстахъ ниже р. Амги; водоворотъ обходятъ придерживаясь лѣваго берега рѣки.

[3]) Маакъ говоритъ, что тамъ на протяженіи 30 верстъ онъ насчиталъ 4 порога и что плаваніе въ лодкѣ, особенно въ малую воду, здѣсь невозможно; Чона первый крупный притокъ Вилюя, впадаетъ съ правой стороны.

[4]) Лѣвый притокъ Вилюя, извѣстный мѣстонахожденіемъ вилюитовъ, гроссулировъ и ахтарандитовъ.

Собственно судоходнымъ слѣдуетъ считать Вилюй въ половодье до Сунтарской излучины, съ включеніемъ послѣдней, что составитъ 1128 верстъ [1]), а осенью до г. Вилюйска, что составитъ половину этого разстоянія. Немного ниже с. Сунтара, въ излучину Вилюя этого-же названія вливается съ правой стороны, небольшая рѣчка Кампедзяй, въ верховьяхъ которой находятся извѣстные самосадочные соляные ключи, соляные озера и залежи соли, могущіе при правильной разработкѣ снабжать дешевой солью весь якутскій край [2]).

Начиная отъ рѣки Чоны, Вилюй течетъ параллельно Ленѣ съ юго-запада-запада на сѣверо-востоко-востокъ, въ разстояніи приблизительно отъ 400 до 500 верстъ.

Замѣчательно, что даже въ своихъ крупныхъ излучинахъ онъ подражаетъ послѣдней; такъ—излучинѣ, идущей ниже Чоны къ сѣверу, отвѣчаетъ Ленская излучина сѣвернаго направленія—между Пеледуемъ и Ботомой, а Сунтарской излучинѣ отвѣчаетъ Нохтуйская. Такимъ образомъ Вилюй ограничиваетъ съ сѣвера то Ленское плоскогоріе, которое съ востока и отчасти съ сѣвера ограничиваетъ Алданъ. Устья обѣихъ рѣкъ довольно близки — меньше 200 верстъ по Ленѣ [3]) и если принять во вниманіе, что теченіе послѣдней въ этомъ мѣстѣ какъ бы продолжаетъ на западъ теченіе Алдана, то предположеніе Реклю, что долины низовьевъ Вилюя и Алдана нужно считать продолженіемъ другъ друга — вполнѣ правильно [4]). Эта общая долина двухъ, плывущихъ на встрѣчу другъ другу рѣкъ, пересѣкается крестообразно съ долиной Лены; перекрестокъ ихъ представляетъ самую низкую часть южнаго якутскаго плоскогорія.

Начиная съ Сутарской излучины, Вилюй не принимаетъ съ правой стороны значительныхъ рѣкъ, между тѣмъ, какъ съ лѣвой, гдѣ простирается горная страна, въ нее текутъ значительныя рѣки, какъ Ыгета, Марха, Тюканъ, Тюнъ. Принявъ ихъ, немного выше Вилюйска, Вилюй, рѣзко мѣняетъ свой видъ. Скалистыя обнаженія и утесы становятся рѣже

[1]) Реклю, ibid. Село Сунтаръ подъ $63^1/_2{}^0$ с. ш. и 134^0 в. д. Въ 1894 году пароходъ торговаго Дома Громовыхъ впервые прошелъ до г. Вилюйска.

[2]) Одинъ Кампедзяйскій ключъ можетъ дать въ мѣсяцъ около 15,000 пудовъ соли; вскипаетъ ключъ, правда, только зимою, но зима продолжается здѣсь 7 мѣсяцевъ. Ключъ разработывается въ настоящее время небрежно; соли отсюда вывозятъ мало, она сорная, смѣшана съ пескомъ и несолка. Не смотря на прекрасное водное сообщеніе, отправляютъ ее отсюда гужемъ. Пудъ ея въ Якутскѣ продается по 1 р. 60 к.—2 р.

[3]) По перпендикуляру значительно меньше.

[4]) «Разсматриваемая въ цѣломъ, долина Вилюя составляетъ восточное продолженіе долины Нижней Тунгуски и продолжается къ Тихому океану долиной Алдана». Реклю, ibid. VI, стр. 597.

долина замѣтно расширяется, русло увеличивается до 600 саженей и рѣка дѣлается островистою. Общая длина Вилюя 3000 верстъ. Въ верховьяхъ своихъ онъ очень извилистъ.

Рѣки сѣвернаго плоскогорья играли пока незначительную роль въ жизни Якутскаго народа, потому ограничусь только перечисленіемъ болѣе крупныхъ изъ нихъ и общей ихъ характеристикой. Считая съ запада, это будетъ: Пясина съ правымъ притокомъ Дудыптой, Хатанга съ лѣвымъ притокомъ Хетой, Анабара, Оленёкъ, а на востокъ отъ Лены: Амолой, Яна съ Дуолголахомъ, Бытаптаемъ (лѣвые) и Адычей (правый), Индигирка [1]) съ Уяндиной, Селеняхомъ (лѣвые) и Момой (правый), Алазей, Колыма съ Омолономъ и двумя Анюями.

Всѣ эти рѣки имѣютъ одну общую черту: выйдя изъ горъ своего верхняго теченія, текутъ нѣкоторое время среди возвышеннаго, довольно ровнаго, плоскогорья, гдѣ образуютъ широкія открытыя долины. Затѣмъ, ближе къ морю, опять вступаютъ въ горныя, узкія, скалистыя тѣснины, превращающіяся мѣстами даже въ «щеки» [2]). Это позволяетъ предполагать, что эти рѣки прорѣзываютъ въ нижнемъ своемъ теченіи какія-то земныя выпуклости, протянувшіяся съ запада на востокъ.

Общая характеристика большихъ рѣкъ будетъ неполная безъ бѣглаго хотя бы описанія ихъ долинъ.

Долины эти въ большинствѣ имѣютъ, такъ сказать, двусложный видъ. Онъ особенно рѣзко выраженъ въ ихъ среднемъ теченіи. Тамъ онѣ состоятъ изъ просторной впадины — шириною отъ одной до нѣсколькихъ десятковъ верстъ, промытой глубоко—футовъ на 200—300 въ плоскогорьи. По дну впадины вьется рѣка, въ относительно узкой, глубокой щели, шириною отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ футовъ, а глубиною отъ 60′ до 100′ и больше. Русло это въ средней части теченія разбито островами на много рукавовъ; острова, въ рѣдкихъ только

[1]) Верховья Индигирки зовутъ Омеконъ, отъ долины *Омеконъ*, гдѣ есть богатые луга и стоитъ Омеконское родовое правленіе.

[2]) Таковы, напримѣръ, «щеки» на Янѣ въ полуторастахъ верстахъ выше ея дельты (В. Сѣрошевскій. «Путевыя замѣтки», 1882 г.), таковы тѣснины въ низовьяхъ Оленёка (Чекановскій. «Оленёкская экспедиція». Изв. Имп. Геог. Общ. Т. XI, 1875 г., стр. 334—337) и Лены (Н. Юргенсъ. «Экспедиція къ устью р. Лены». Изв. Имп. Геог. Общ., Т. XXI. 1885 г., стр. 254—255). Относительно другихъ рѣкъ нѣтъ достаточно точныхъ свѣдѣній, но судя по расположенію ихъ низовыхъ притоковъ и присутствію горъ въ глубинѣ континента на всемъ прибрежьи восточной части Ледовитаго океана, можно предположить, что на нѣкоторыхъ, какъ Пясина, явленіе это существуетъ, а на другихъ, какъ Колыма, гдѣ горы подступаютъ къ рѣкѣ только съ правой стороны, оно выражено неясно, половинчато. Тоже видимъ на Енисеѣ. Даже о низменной тундрѣ, между Индигиркой и Алазеемъ, мнѣ сообщали туземцы, что по дорогѣ съ юга къ морю, они проѣзжаютъ мимо высокихъ скалъ, на вершинахъ которыхъ «стоитъ окаменѣлый обозъ древнихъ богатырей». (*Енжа*. Колымскій улусъ, 1883 г.).

случаяхъ такой же высоты, какъ основной берегъ рѣки. Они исключительно наносные, новѣйшаго происхожденія [1]). Берега, какъ первой долины, такъ и самаго русла рѣки, очень крутые. Они образуютъ какъ бы грани двухъ ступеневидныхъ террасъ, возвышающихся неодинаково надъ уровнемъ рѣки. Спуски первой террасы, вышиною въ нѣсколько сотъ футовъ, размытые весенней водою и мѣстами разорванные устьями текущихъ въ главную рѣку притоковъ, кажутся издали двумя горными цѣпями, идущими параллельно рѣкѣ. Ихъ такъ и называютъ, безъ всякаго, впрочемъ, основанія, «береговыми хребтами». Взобравшись на нихъ, путникъ увидитъ, что то, что онъ принималъ за гребень, не больше какъ край исполинскаго обрыва, а дальше простирается страна, неровности которой расположены совершенно независимо отъ этого мнимаго хребта. Эти высокіе крутые обвалы ничто иное, какъ берега бывшихъ здѣсь нѣкогда водоемовъ [2]).

На многихъ изъ нихъ сохранились слѣды былыхъ водяныхъ уровней, характерные карнизы и уступы. У подошвы ихъ внизу, по дну долины, составляющему ступень второй террасы, разсѣяны озера, большинство которыхъ удлинено въ томъ же направленіи, въ какомъ течетъ рѣка. Ихъ узкая, лентовидная форма, ихъ дно, изобилующее омутовидными ямами [3]), указываютъ, что всѣ они когда-то представляли русла текущихъ водъ. Положеніе многихъ надъ уровнемъ теперешней рѣки, превышаетъ 100′ и въ рѣдкихъ случаяхъ захватывается разливомъ. Дно долинъ выстлано, несомнѣнно, пластами рѣчныхъ отложеній: ила, песку, гальки, покоящихся другъ на другѣ въ извѣстномъ порядкѣ и достигающихъ иногда значительной мощности [4]).

---

[1]) Мнѣ извѣстенъ только одинъ случай, гдѣ островъ представляетъ скалу основной породы, это островъ «Столбъ», 50 верстъ выше Жиганска. Якуты зовутъ его также «Джеляхъ» и связываютъ съ преданіемъ объ Аграфенѣ Жиганской, нѣкогда русской колдуньѣ, теперь злого духа, насылающаго на людей сифилисъ, проказу и т. п.

[2]) Мѣстами долина рѣки представляетъ родъ озеровидныхъ расширеній съ плоскимъ, ровнымъ дномъ. На Ленѣ, вблизи Якутска, встрѣчается цѣлый рядъ такихъ котловинъ; самая крупная изъ нихъ та, среди которой стоитъ Якутскъ. Она около 60 верстъ длиною и до 20 шириною. Отъ прилежащей къ ней съ юга такой же, но болѣе узкой, котловины отдѣляетъ ее лѣсистый высокій мысъ, съ непосредственно въ рѣку круто опускающимся плоскомъ—Кангаласкимъ камнемъ; на сѣверѣ, отъ неменѣе обширной Намской котловины отдѣляетъ ее такой-же лѣсной мысъ съ утесомъ—Сургуевъ Камень. На Янѣ болѣе значительныя «уширенія» долины извѣстны мнѣ въ мѣстности Борунукъ (въ 7 верстахъ ниже г. Верхоянска), да еще въ 100 верстахъ ниже г. Верхоянска во 2-мъ Юсальскомъ наслегѣ; на Индигиркѣ въ окрестностяхъ Зашиверска; на Алданѣ въ мѣстности «Эбэ», 3-го Баягантайскаго наслега и т. д.

[3]) О такомъ характерѣ этихъ рѣкоподобныхъ озеръ, я имѣлъ возможность во многихъ мѣстахъ лично убѣдиться промѣрами при ловлѣ рыбы.

[4]) На Алданѣ, напримѣръ, ниже впаденія Амги, можно наблюдать на протяженіи многихъ десятковъ верстъ такой ихъ порядокъ въ основныхъ берегахъ: тонкій слой расти-

Теперешнія рѣки прокладываютъ, такимъ образомъ, свои русла въ прежнихъ своихъ отложеніяхъ. Возможно, что, постепенно передвигая свои извилины отъ одного края долины къ другому, онѣ уже нѣсколько разъ перерыли и переворотили ихъ [1]).

Мощность отложеній, ширина рѣчныхъ долинъ, высота водяныхъ линій, отмѣченная на древнихъ береговыхъ обвалахъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательны и до того типичны, что изученіе ихъ, нужно думать, много уяснило бы вообще въ теоріи образованія рѣкъ.

По количеству стоячихъ водъ: озеръ, болотъ, зыбуновъ (бадаранъ), калтусовъ и «моховиковъ», описываемый нами край, не смотря на свою возвышенность надъ уровнемъ моря, смѣло можетъ соперничать съ Обь-Енисейской низменностью. Озера разбросаны, главнымъ образомъ, по плоскогоріямъ, хотя есть и въ горахъ альпійскія озера, даже цѣлыя ихъ системы, окруженныя горами и лежащія довольно высоко надъ уровнемъ моря. Таковы *Норильскія озера*; большія озера, въ верховьяхъ Хатанги, съ знаменитымъ озеромъ «Эсе» (Жессейское); такова группа озеръ въ верховьяхъ Моньеро и Вилюя, наконецъ, группа озеръ въ верховьяхъ Чары, среди которыхъ болѣе крупное «Куськенде». (Олекминско-Витимская горная полоса).

Озера плоскогорій, естественно, гуще лежатъ въ самыхъ низкихъ ихъ частяхъ, чѣмъ въ предгоріяхъ. На южномъ плоскогоріи всюду есть озера, но количество ихъ возрастаетъ къ сѣверу и болѣе всего ихъ находится на части плоскогорія, прилегающей къ нижнему теченію Вилюя. Много, также, озеръ въ сѣверной части Амгинско-Ленскаго плоскогорія, въ улусахъ Дюпсюнскомъ, Борогонскомъ, Баягантайскомъ.

Классической страной озеръ для всего этого отрѣзка Сибири нужно считать плоскую низменность, между низовьями Колымы и Индигирки. Она вмѣстѣ съ тѣмъ и по своему положенію надъ моремъ самая низкая часть во всей странѣ. Величина многихъ изъ тамошнихъ озеръ

тельнаго перегноя, красноватый или бурый рѣчной илъ (характернаго, чешуйчатаго строенія съ прослойками желтаго песку); крупнозернистый изъ-зелена-сѣрый песокъ (иногда слой въ 15′—20′—30′ толщины), мелкая круглая галька и, наконецъ, такая же болѣе крупная галька. Въ слоѣ послѣдней, насколько я замѣтилъ, рѣка прокладываетъ себѣ, въ настоящее время, дно. Въ этихъ отложеніяхъ попадаются кости мамонта, носорога, мускуснаго быка, лошади и, иногда, низко въ слояхъ гравія или зеленаго песку, довольно толстые стволы березы, не отличающейся ничѣмъ отъ нынѣшней.

[1]) По этому поводу Э. В. Толь говоритъ: «Здѣсь рѣки не выработываютъ настолько свои русла въ вертикальномъ направленіи, какъ въ нашихъ странахъ, но онѣ отличаются частыми и періодическими передвиженіями въ горизонтальномъ направленіи, почему обмываютъ гораздо большее пространство, чѣмъ у насъ». «Экспедиція Императорской Академіи Наукъ 1893 года на Ново-Сибирскіе острова и побережье Ледовитаго океана», стр. 14 брош.

ПОРВАНО
93/332.
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ верстъ въ діаметрѣ, но не столько поражаютъ они своей величиной, сколько количествомъ.

«Ихъ столько, сколько звѣздъ на небѣ», говорятъ туземцы (*Енгжа*, 1884 г.). Благодаря этому, рыбаки безъ труда совершаютъ длинныя путешествія, перетаскивая лодки съ озера на озеро. Иногда озера раздѣлены только узкимъ, низкимъ перешейкомъ, и достаточно небольшой трещины, чтобы одно изъ нихъ сплыло въ другое, если они разнаго уровня. Это обыкновенно и случается, когда зимою во время сильныхъ морозовъ трескается земля. По веснѣ, черезъ такую щель озеро уходитъ, наполняя сосѣднее, которое въ свою очередь разрываетъ берегъ и т. д. Подобныя «убывающія озера» якуты называютъ «уолбутъ». Освобожденная отъ воды площадь земли, особенно первые годы, представляетъ прекрасные луга и сѣнокосы. Поэтому якуты, нерѣдко, искусственно спускаютъ озера. За самыя лучшія мѣста для поселенія считаются озера не совсѣмъ еще сплывшія, а настолько понизившія свой уровень, что кругомъ ихъ образовался просторный луговой воротникъ. Такихъ озеръ больше всего на южномъ плоскогоріи, гдѣ они, пожалуй, представляютъ преобладающій типъ. Озера сѣверныхъ плоскогорій, на оборотъ, въ большинствѣ «полныя» (толбутъ), т. е. вода въ нихъ выполняетъ котловину полностью, до гребня окружающихъ ее, поросшихъ лѣсомъ холмовъ.

Озера плоскогорій лежатъ высоко надъ уровнемъ рѣкъ, но они рѣдко питаютъ послѣднія. Правда, многія озера имѣютъ свои «истоки» (сіенъ), соединяющіе ихъ между собою, но такія рѣчки не всегда достигаютъ главной рѣки; часто онѣ теряются гдѣ-нибудь по дорогѣ, въ обширныхъ болотахъ и калтусахъ. Если же произойдетъ соединеніе съ главной рѣкой, то дни существованія данной системы озеръ сочтены: рѣчка быстро промываетъ глубокое ложе и осушаетъ водоемы, превращая ихъ постепенно въ открытую *луговую долину*. Въ такихъ долинахъ охотно селятся якуты, и ими особенно изобилуетъ Амгинско-Ленское плоскогоріе, гдѣ есть также много такихъ, надо думать, озернаго происхожденія рѣчекъ. Между ними болѣе замѣчательныя рр.: Тата, Танда, Бажа, Сола, Теря, Мыла и т. п. [1]).

Размѣры луговыхъ долинъ—озерныхъ и рѣчныхъ — въ Якутской области относительно значительны и колеблются отъ одной до нѣсколькихъ

---

[1]) Туземцы отличаютъ крупныя, старыя рѣки отъ такихъ относительно новыхъ, называя послѣднія: «боръ юряхъ» (земляныя рѣчки), «аласъ юряхъ» (нагорныя рѣчки), наконецъ «отъ юряхъ» (травяныя рѣчки). Рѣчки, текущія изъ озеръ, называются «сіенъ»—истокъ. Отличаютъ они также луговыя долины *нагорныя* (аласъ), отъ лежащихъ много ниже ихъ, на второй террасѣ, крупныхъ рѣкъ; послѣднія долины они зовутъ «береговыми»—кытылъ.

квадратныхъ верстъ. Онѣ—то обособлены, и тогда ихъ раздѣляютъ гряды невысокихъ, лѣсистыхъ холмовъ, то составляютъ болѣе или менѣе связныя цѣпи, соединенныя узкими, болотистыми, поросшими ерникомъ, кочковатыми падями, по сибирски—«калтусами».

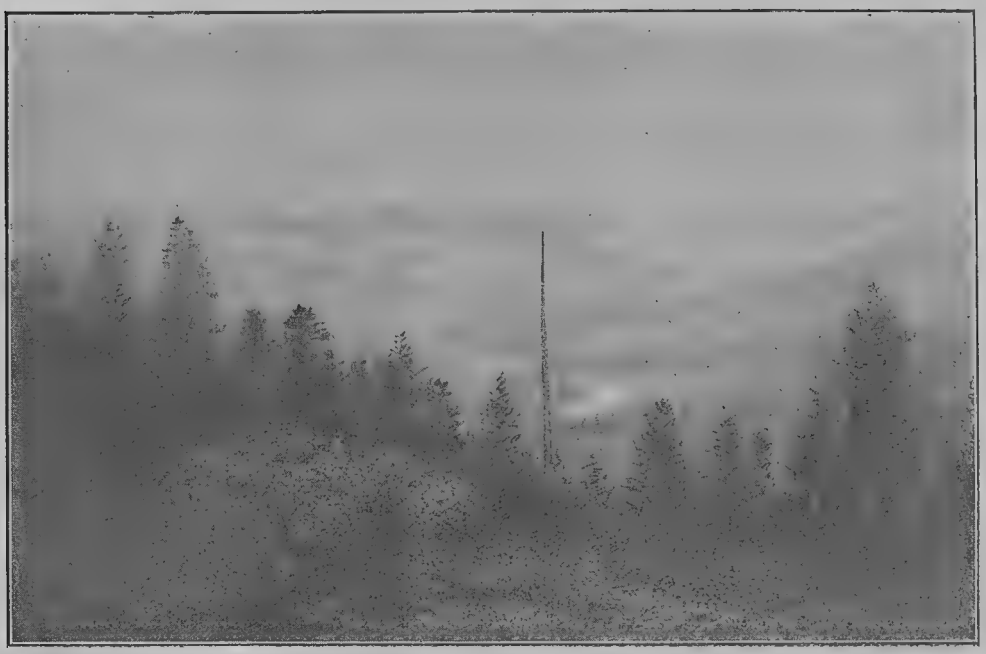


Рис. 7. Олекминско-Витимская горная страна. Долина р. Пуричи, лѣв. прит. р. Тоноды, впадающей въ Патому. Видъ съ перевала на Кевакту (съ фотогр. Обручева).

Сухихъ, ровныхъ, крупныхъ, въ нѣсколько десятковъ или сотенъ верстъ, степовидныхъ пространствъ, наоборотъ, мало. Они встрѣчаются преимущественно въ долинахъ большихъ рѣкъ, да на днищахъ тѣхъ немногихъ огромныхъ, сплывшихъ или спущенныхъ озеръ, которыя еще не заполнились вторично, снѣговой водой, не успѣли засырѣть, зарости кочкарникомъ и ивнякомъ [1]).

---

[1]) Вотъ приблизительные размѣры нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ равнинъ: 1) равнина, среди которой стоитъ Якутскъ, 50 вер. длиною и до 20 в. шириною; 2) Бурунукъ, мѣстность въ 7 вер. отъ Верхоянска, на лѣвомъ берегу Яны — 10 вер. длиною и 5 шириною; 3) Енжа (въ Колымскомъ улусѣ, Кангаласкаго рода) 20 верстъ длиною и 8 шириною; 4) Нюрба (Вилюйскаго округа) 20 вер. длины и 10 ширины; 5) луга около станціи Малое (р. Алазей), ?—длиною и 10 вер. шириною; 6) Чурепча, въ Батурускомъ улусѣ; 7) луга кругомъ озера Абый (Индигирка); 8) луга Сунтарской излучины; 9) Зашиверскія равнины.

Позволимъ себѣ еще разъ напомнить общую схему страны. Южная часть ея представляетъ огромную продолговатую съ запада на востокъ впадину въ полъ милліона слишкомъ квадратныхъ верстъ. Дно впадины, слегка волнистое и слегка къ сѣверу покатое, возвышается надъ уровнемъ моря почти на 1,000 футовъ. Впадина со всѣхъ сторонъ окружена горнымъ поясомъ шириною отъ 300 до 500 верстъ. Для насъ въ данномъ случаѣ безразлично, каково геологическое происхожденіе этихъ горъ: суть-ли онѣ складки земной коры или размытыя, растрескавшіяся, вывѣтрившіяся ея массивныя поднятія, для насъ достаточно знать, что полоса эта— скалиста, изборождена узкими ущельями, по которымъ текутъ безчисленныя горныя рѣчки, что откосы ихъ долинъ крутые, дна, въ большинствѣ, завалены каменными розсыпями, вершины горъ голы и безплодны. Наоборотъ: включенная въ ихъ вѣнокъ впадина, выстлана исключительно почти пескомъ, глиною, лесомъ, и дно ея представляетъ мягкое, волнистое соединеніе мелкихъ открытыхъ впадинъ и плоскихъ холмовъ. Въ каждой ея лункообразной впадинѣ лежитъ одно или нѣсколько озеръ съ болѣе или менѣе болотистыми берегами; въ каждой ложбинѣ течетъ рѣчка. Многія озера, соединеныя «истоками» (сіенъ), образуютъ своеобразныя рѣчныя системы, питающія крупныя рѣки, текущія съ далекихъ горъ. Горы, окружающія впадину съ южной стороны, сливаются съ ея дномъ, постепенно понижающимися отрогами; горы, окружающія ее съ сѣверной стороны, имѣютъ крутые и короткіе скаты. Три самыя большія якутскія рѣки: Лена, Алданъ, Вилюй крестообразно встрѣчаются въ самой низкой точкѣ впадины. Принявши ихъ, Лена огибаетъ съ запада Верхоянскій хребетъ и, прорвавъ прилегающее къ нему возвышенное сѣверно-вилюйское нагоріе, уходитъ къ морю.

Выше описанную, обрамленную со всѣхъ сторонъ горами впадину, мы будемъ называть *южнымъ якутскимъ плоскогоріемъ*, въ отличіе отъ *плоскогорій сѣверныхъ*, непосредственно прилегающихъ къ Ледовитому океану. Сѣверныя плоскогорія распадаются на двѣ группы, различныя не только по положенію, но и по характеру: плоскогорія, лежащія на западъ отъ Лены и плоскогорія на востокъ отъ нея. Въ западной группѣ, повидимому, преобладаютъ возвышенныя массивныя однородныя поднятія, раздѣленныя глубокими рытвинами и безпорядочно разбросанными горными кряжами; восточныя плоскогорія окаймлены съ юга полукругомъ горъ, образующимъ цѣлый, непрерывный вѣнецъ, концы котораго, погруженные въ океанъ, выглядываютъ оттуда въ видѣ Ново-Сибирскихъ острововъ [1]). Такимъ

[1]) Смотри Э. В. Толь: «Экспед. Им. Ак. Наукъ» 1893 года, стр. 11, докладъ въ Геог. Общ. 6-го апрѣля 1894 года, брош.

образомъ, эта восточная группа сѣверныхъ плоскогорій имѣетъ нѣчто общее въ своемъ рельефѣ съ южной впадиной, только разобщеніе между составными ея частями больше, такъ какъ цѣпи горъ, идущія въ меридіональномъ направленіи и разъединяющія бассейны: Яны, Индигирки, Колымы и другихъ рѣкъ, параллельны и выражены строже: онѣ круче, выше и непрерывнѣе. Нѣчто похожее на общее, слитное плоскогорье намѣчается только у самаго моря, въ видѣ узкой, тундряной, слабо волнистой полосы, да въ болотистой, низовой Колымо-Алазейской низменности. Каждый бассейнъ выше названныхъ рѣкъ составляетъ, такимъ образомъ, какъ-бы замкнутое цѣлое, которыхъ южныя, даже среднія части гористы, низовыя—плоскогорны, болотисты и изобилуютъ озерами.

По серединѣ страны течетъ Лена. Она погружается многочисленными протоками своего устья въ океанъ, точно исполинское дерево корнями. Ближайшая къ морю часть ея русла почти лишена притоковъ; она представляетъ гладкій, могучій стволъ отъ 5 до 8 верстъ шириною. Крона этого могучаго дерева, состоящая изъ такихъ гиганскихъ вѣтвей, какъ Алданъ, Вилюй, Витимъ, Олёкма, заполняетъ своей *тысячной* сѣтью второстепенныхъ вѣтокъ всѣ ущелья, ложбины и углубленія южной якутской впадины. На сѣверныхъ плоскогоріяхъ рѣки образуютъ 9 крупныхъ, сложныхъ бассейновъ и 112 болѣе простыхъ, непосредственно изливающихся въ океанъ. И все это направляется въ одну сторону—на сѣверъ, а на всемъ якутскомъ отрѣзкѣ Сибири слишкомъ 2000 рѣкъ и рѣчекъ, и примѣрно 100,000 озеръ [1]).

---

[1]) На протяженіи 300 вер. между С. Колымскомъ и Алазейскимъ хребтомъ насчитано мною до 70 озеръ только по линіи дороги. Маакъ на меньшемъ разстояніи между оз. Нежели и Вилюйскомъ (250 вер.) отмѣтилъ больше 100 озеръ. Если сдѣлать вычисленіе въ такой же пропорціи для всѣхъ извѣстныхъ озерныхъ раіоновъ, то окажется въ Як. Об. болѣе 100.000 озеръ, не считая альпійскихъ. Количество рѣкъ и рѣчекъ высчитано мною по картѣ Генер. штаба и считается по бассейнамъ: Ниж. Тун.—228; Енисей ниже Н. Тун.—14; Пясина—10; Таймыра — 14; Хатанга — 49; Анабара — 23; Оленёкъ — 109; Лена (отъ 56° с. ш.)—325; Вилой—248; Витимъ (отъ 56° с. ш.)—84; Олёкма (отъ 56° с. ш.)—131; Алданъ—230; Яна—100; Индигирка—100; Алазей—19; Колыма—200; мелкихъ бассейновъ самостоятельно текущихъ въ море—116. Конечно, на картѣ обозначены часто такія рѣчки, которыхъ въ сущности нѣтъ, но, какъ я убѣдился, существуетъ не менѣе того много ненанесенныхъ на карту; такихъ—даже больше. Достаточно, наконецъ, сравнить карты бассейновъ изслѣдованныхъ съ картами бассейновъ менѣе извѣстныхъ, чтобы придти къ заключенію, что приведенныя цифры минимальны.

Климатъ.

Рис. 8. Бадараны—болота въ 10 верстъ длиною по дорогѣ изъ Устьянска въ Верхоянскъ, во 2-мъ Эгинскомъ ночлегѣ на берегу Орлинаго (Тоенъ-кылъ-кель) озера (съ рисунка).

Климатъ этой части Сибири, не смотря на громадное ея протяженіе и значительную разницу широтъ, довольно однороденъ. Зима начинается повсюду почти въ одно и тоже время [1]). Съ первыхъ чиселъ сентября страна начинаетъ стынуть и подмерзать; въ первой половинѣ октября покрывается она сплошнымъ, уже не исчезающимъ до весны покровомъ снѣга.

Къ концу этого мѣсяца всѣ рѣки приблизительно стали, озера давно уже покрылись льдомъ, снѣгу набралось до полу фута, и зима воцаряется во всей своей суровости.

По мѣрѣ того, какъ ростетъ тѣнь зимней ночи, и тьма ея дѣлается гуще — слѣдомъ надвигается лютая стужа. Идетъ она, какъ всюду именно—слѣдомъ, а не совпадаетъ, и самый короткій день (21 декабря), и самое тёмное время—не самые здѣсь холодные.

---

[1]) Это объясняется для сѣвернаго плоскогорія тѣмъ, что Ледовитый океанъ излученіемъ своей лѣтней теплоты, передвигаетъ явленія здѣшней осени къ началу зимы; съ другой стороны, въ южныхъ предѣлахъ южнаго плоскогорія (Витимское нагорье, верховье Алдана и Нижней Тунгуски), болѣе высокое положеніе надъ уровнемъ моря ускоряетъ наступленіе зимнихъ холодовъ.

Земля питаетъ воздухъ еще нѣкоторое время своей теплотой. На склонѣ сѣвернаго плоскогорья, совершенно открытаго къ морю, ходъ этой студеной волны замедляется еще умѣряющимъ вліяніемъ Ледовитаго океана, замерзающаго только въ серединѣ зимы. Стужа поспѣваетъ сюда къ концу января или даже въ февралѣ [1]). Главная дорога, такъ сказать, гребень этой стужи, пролегаетъ съ сѣверо-сѣверо-запада, на юго-юго-востокъ, приблизительно между 120° и 140° меридіанами (отъ Ферро), почти по серединѣ того волнистаго, возвышеннаго амфитеатра, какой представляетъ описываемый здѣсь край.

Приливъ стужи достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, своей вершины, въ окрестностяхъ Верхоянска, гдѣ средняя температура зимы равняется —48° Ц., и термометръ, случается, падаетъ до —67° Ц. [2]). Здѣсь—полюсъ холодовъ сѣвернаго полушарія. Замѣчательно, что напряженіе холодовъ, по мѣрѣ удаленія отъ ихъ полюса, быстрѣе, повидимому, падаетъ въ сѣверномъ направленіи, чѣмъ въ южномъ. На Сагастырѣ (73° 23′ с. ш.), въ Усть-Янскѣ (70° 55′ с. ш.) средняя температура зимы равна для перваго —35,9°, для втораго —33,8° Ц., самый сильный изъ отмѣченныхъ холодовъ не достигаетъ —60° Ц. Между тѣмъ, въ Мархинскомъ селеніи (Якутскъ, 62° 10′ с. ш.), даже въ Олекминскѣ (60° 22′ с. ш.) средняя температура —40° и —33°, и термометръ въ иные годы опускается ниже —61° Ц.

Волна холода, встрѣтившись съ влажнымъ дыханіемъ Ледовитаго океана, передвинулась, такимъ образомъ, не только во вторую половину зимы, но и въ глубину материка. На западъ и на востокъ отъ указаной выше линіи самыхъ низкихъ, среднихъ и крайнихъ температуръ, напряженіе холода тоже постепенно слабѣетъ. Но слабѣетъ ли оно равномѣрно или не равномѣрно—пока не установлено.

Зиму инородцы считаютъ здѣсь съ Михайлова дня, т. е. съ 20-го ноября [3]), вѣрнѣе—съ ближайшаго этому дню новолунія, за которымъ слѣдующій лунный мѣсяцъ они причисляютъ къ зимнимъ. Они отзываются о немъ: «верхушку коновязи морозами выпячивающій, седьмой» [4]). О слѣдующемъ мѣсяцѣ (съ 17 декабря по 15 января) они говорятъ: «съ

---

[1]) Смотри таблицу II.

[2]) Смотри таб. № II. Въ 1892 г. въ Верхоянскѣ, наблюдалось въ февралѣ мѣсяцѣ —69,8° Ц.

[3]) Всѣ числа по новому стилю.

[4]) «Серге тёбётё сетиричи тоҥоръ сеттини». Верхушка коновязи бываетъ по большей части ровная. «Сетиричи тоҥоръ»—называютъ ту выпуклость, которая образуется на кружкѣ молока, которое заморожено въ сильную стужу.

жестокимъ мглою-туманомъ, восьмой» [1]); третій называютъ «мѣсяцъ шумящаго дятла» [2]). На сѣверѣ, къ зимнимъ причисляется еще и четвертый (съ 12-го февраля по 12-е марта)—олуню [3]), десятый мѣсяцъ якутскаго года.

Якутская зима—пора, безъ сомнѣнія, самая однообразная и схожая во всей странѣ. Возможно, что въ разныхъ мѣстахъ и въ разные годы она отличается степенью холода и своей продолжительностью; но всюду и всегда она здѣсь—самое тихое, ясное, сухое и устойчивое изъ климатическихъ періодовъ. Рѣзкихъ перемѣнъ погоды, удивительныхъ скачковъ температуры, столь характерныхъ для здѣшней весны, лѣта и осени, зимою не случается. Стужа нарастаетъ и падетъ плавными и крупными размахами. День мало отличается температурой отъ ночи. Вѣтры почти отсутствуютъ. Чаще всего дуютъ легкіе, мѣстные вѣтерки (салгыръ), съ перерывчатой струей и неопредѣленнымъ направленіемъ. Сила ихъ въ глубинѣ страны до того незначительна, что въ Якутскомъ, напримѣръ, округѣ, при ихъ помощи невозможно вѣять хлѣбъ. Понятно, что часть сѣверная и приморская болѣе вѣтрена, чѣмъ южная, лежащая въ глубинѣ впадины, окруженной со всѣхъ сторонъ горными хребтами; но и на сѣверѣ зимою вѣтровъ вообще мало и они слабы [4]). Они здѣсь на столько слабы, что не въ состояніи колыхать лѣсовъ, одѣтыхъ въ толстыя ризы снѣга, и тѣ стоятъ всю зиму бѣлые и неподвижные, точно застывшая морозная пѣна. Всюду царитъ ненарушимая тишина, спокойствіе, безмолвіе. Все замерло, оцѣпенѣло, превратилось въ ледъ, который здѣсь пріобрѣтаетъ твердость горной породы [5]). Даже сводъ неба кажется куполомъ выточеннымъ изъ льда. Онъ блѣденъ, прозраченъ и по цѣлымъ недѣлямъ не видно на немъ ни облачныхъ пятенъ, ни тучъ. Только изрѣдка появ-

---

[1]) «Куденахъ (абырынахъ) анъ-данъ ахсыни». Ахсыни—названіе мѣсяца, значитъ восьмой.

[2]) «Тонногосъ торулуръ тохсуню». Тохсуню—названіе мѣсяца, значитъ—девятый.

[3]) Десятый мѣсяцъ.

[4]) За то, повидимому, здѣсь существуютъ другія своеобразныя воздушныя теченія Въ особенно тихіе, ясные, морозные дни я не разъ наблюдалъ въ Верхоянскѣ такое явленіе: дымъ, выходящій изъ трубъ, поднимался перпендикулярно на нѣсколько саженей, потомъ заламывался подъ прямымъ угломъ, и, пройдя нѣкоторое разстояніе въ горизонтальномъ направленіи, разсѣвался въ воздухѣ. Иногда онъ образовывалъ нѣчто въ родѣ зонтика, или гриба, чему, быть можетъ, способствовало немного наклонное положеніе якутскихъ трубъ. Такое же явленіе я по Сибири видѣлъ еще только въ Якутскомъ округѣ и Колымскѣ, но тамъ рѣже и не такъ рѣзко выраженное. Надо замѣтить, что эти мѣстности входятъ въ раіонъ зимняго максимума атмосфернаго давленія сѣвернаго полушарія, такъ называемаго зимняго антициклона, оперирующаго къ сѣверу отъ Байкала.

[5]) Мнѣ извѣстны случаи, когда кусками свѣже отколотаго льда обрѣзывали руку, точно осколкомъ кремня.

ляются длинныя волокнистыя, бѣлесоватыя полосы, похожія на тѣ матовыя ленты, которыя встрѣчаются въ хрустальныхъ толщахъ замерзшей воды. На этомъ чистомъ сводѣ звѣзды и луна горятъ особенно ярко; за то солнце всплываетъ только минутнымъ гостемъ—тусклое и красное—и спѣшитъ спрятаться въ туманы. Морозные туманы особаго происхожденія и отличнаго вида. Густые, бѣлые, тяжелые, они стелются низко, рѣдко подымаясь выше нѣсколькихъ футовъ надъ землею. Густота и толщина ихъ слоя замѣтно увеличиваются вблизи жилищъ человѣка, въ городахъ, поселеніяхъ и въ лѣсахъ. Въ мѣстахъ открытыхъ, среди полянъ и озеръ тумана всегда меньше и онъ рѣдокъ [1]). Этимъ онъ и отличается отъ другой, тумано-подобной ледяной пыли, въ видѣ которой, по большей части, падаетъ здѣсь снѣгъ зимою. Хлопьями онъ, въ эту пору года, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя я знаю, падаетъ очень рѣдко; между тѣмъ какъ пластинчатая, кристаллическая снѣговая пыль, при совершенно ясномъ небѣ, тамъ не рѣдкость.

Вообще весь этотъ уголъ Восточной Сибири извѣстенъ сухостью своей зимы и уступаетъ въ этомъ развѣ только Монголіи. Количество зимнихъ осадковъ во всемъ краѣ весьма незначительно; при чемъ страна, лежащая на востокъ отъ долины Алдана и Яны, какъ это ни странно, оказывается бѣднѣе ими западной. На прекрасной картѣ осадковъ акад. Вильда [2]), количество это обозначено для декабря, января и февраля, на востокѣ, въ 10 миллиметровъ воды, полученной отъ таянія снѣга ($^1/_{20}$ годичнаго выпаденія влаги), а на западѣ, въ окрестностяхъ Якутска, Олекминска и на сѣверѣ вплоть до Туруханска, отмѣчено ея отъ 20 до 40 миллиметровъ ($^1/_{10}$ годичнаго выпаденія влаги). Самой богатой этими осадками является, вообще болѣе влажная, долина Вилюя, гдѣ они достигаютъ 50 мм. ($^1/_8$ годоваго количества влаги).

Зимою, въ глубинѣ материка [3]), какъ мы отмѣтили выше, нѣтъ ни

---

[1]) Можно предположить, что это—слабое дыханіе погруженныхъ въ зимнюю спячку растеній, или испарина животныхъ и людей, превращенныя стужей въ тончайшіе кристаллики льда. Они висятъ въ плотномъ студеномъ воздухѣ, будучи легче его, и, не смотря на ничтожность выдѣленій, успѣваютъ накопляться въ большомъ количествѣ вслѣдствіе неподвижности атмосферы. Такіе типичные морозные туманы можно наблюдать только въ безусловно тихіе дни. Такое же объясненіе даютъ этому явленію и инородцы. Въ сильные холода запахъ дыма также не уносится вверхъ, а разносится широко по окрестности; онъ чувствуется за нѣсколько верстъ отъ жилья. Этому наблюденію способствуетъ, вѣроятно, и та чувствительность обоняніе, какая пріобрѣтается при чрезмѣрно низкой температурѣ воздуха.

[2]) Die Regen-verhältnisse des Russichen Reiches. von H. Vild, 1887 I.

[3]) Самая вѣтряная часть страны—это прибережная полоса Ледовитаго океана; здѣсь, повидимому, господствуютъ муссоны. Вѣтры дуютъ, почти всю зиму, по преимуществу съ материка на море; нерѣдко скорость ихъ достигаетъ 19—20 метровъ въ секунду; средняя скорость вѣтра, за декабрь, январь, февраль, равняется въ Туруханскѣ 3,7 метра, а въ

вьюгъ, ни вѣтровъ, ни непогодъ. Все мертвенно, блѣдно и неподвижно. Безъ преувеличенія можно сказать, что единственное въ это время, здѣсь, сколько-нибудь мощное движеніе это—содраганіе земли, трескающейся отъ холодовъ, что единственное явленіе, разнообразящее мертвенность пейзажей это—зори. Я полагаю, что нигдѣ въ болѣе южныхъ широтахъ, восходъ и закатъ солнца не даютъ такого богатства красокъ, такого разнообразія ихъ сочетаній и нѣжности оттѣнковъ, какъ здѣсь. Иногда все небо, весь воздухъ напитаны нѣжнымъ розовымъ отблескомъ, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ спрятано солнце, горитъ, впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, цѣлая палитра разнообразныхъ цвѣтныхъ пятенъ. За полярнымъ кругомъ рядъ многихъ дней въ году состоитъ исключительно изъ подобной зари. Еще дальше на сѣверѣ, зимній день низводится до слабаго, краснаватаго багрянца, вспыхивающаго не надолго на южномъ небосклонѣ дымчатаго, ночного неба. Звѣзды не тухнутъ и луна свѣтитъ ярко-преярко, замѣняя солнце. Иногда играетъ сполохъ [1]), но его причудливый мерцающій, свѣтъ не успокаиваетъ, не ободряетъ, а, на оборотъ, на сколько я замѣтилъ, будитъ какую-то тревогу въ истомленныхъ тьмою людяхъ, и домашнихъ животныхъ. Въ глубинѣ материка сполохъ рѣдко наблюдается въ срединѣ зимы, чаще въ ея началѣ и концѣ. Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ, вообще на сѣверѣ, онъ случается чаще, и проявленія его тамъ много сильнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ на югѣ. Въ дельтѣ Лены, на Сагастырѣ, въ журналахъ русской полярной станціи за 1882—83—84 годы, явленіе это отмѣчено почти ежедневно съ сентября по апрѣль, между тѣмъ какъ въ Якутскомъ или Олекминскомъ округахъ, сполохъ видѣнъ всего нѣсколько разъ въ году [2]). Впрочемъ, съ увѣренностью можно сказать, что для всей страны это свѣтовое явленіе имѣетъ второстепенное значеніе и вліяніе его на жизнь ничтожно. Большая часть зимы проходитъ въ глубокомъ мракѣ или при свѣтѣ луны и звѣздъ. За то звуковые эфекты пріобрѣтаютъ въ студеномъ, густомъ воздухѣ необыкновенную силу. Малѣйшій шорохъ слышенъ на далекое разстояніе, скрипъ саней можно явственно различить за 2—3 версты, гулъ, трескающихся, отъ холода земли и льда, превращается въ оружейную пальбу. Въ особенно холодныя ночи,

---

Сагастырѣ 4,8 метра. Окрестности Верхоянска зимою чуть-ли не самая тихая мѣстность. Здѣсь средняя скорость вѣтра въ это время года=0,1, а средняя годичная=1,8; на 247 наблюденій отмѣчено за декабрь (1887 г.), и январь, и февраль (1888 г.) только 32 вѣтра. Относительно годичнаго безвѣтрія онъ уступаетъ только Якутску. Въ Якутскѣ безвѣтрій 59,6 на 100 наблюденій, въ Верхоянскѣ безвѣтрій 18,2 на 100 наблюденій.

[1]) Сѣверное сіяніе.

[2]) Якуты говорятъ: «Сполохъ (юкагиръ уота) играетъ передъ перемѣной: если тепло, то будетъ холодно, если холодно, то будетъ тепло».

путнику часто слышится слабый, непрерывный, странный шелестъ, который якуты называютъ «шопотомъ звѣздъ» (Колымск. окр., 1883 г.). Этотъ говоръ, покрытой мракомъ и снѣгомъ, неподвижной природы, остается, по всей вѣроятности, не безъ вліянія на душу инородца и на его вѣрованія.

«Морозъ точно быкъ и два у него рога; одинъ ломается на перваго Афанасія (5 марта), другой рогъ на втораго Афанасія (24 апрѣля), а на третьяго Афанасія (14 мая) [1]) и все тѣло опадаетъ», согласно повторяютъ и сѣверные и южные якуты. Дѣйствительно, бѣлый быкъ зимы туго поддается вліянію весенняго солнца. Громадное количество тепла израсходованное землею и снѣгомъ въ зимнюю стужу, должно быть возмѣщено, а между тѣмъ, солнце, которое уже довольно высоко поднимается и ярко сверкаетъ надъ бѣлоснѣжными полянами, еще мало грѣетъ, и холода стоятъ все такіе же. Только съ перваго сильнаго весенняго вѣтра, собственно говоря, начинается весенняя погода [2]). Вѣтеръ окончательно нарушаетъ уже чуть чуть ослабѣвшій зимній режимъ; приноситъ съ собою влагу, тепло и тучи, откуда бы ни подулъ. Съ лѣсовъ отряхается часть снѣга и мало по малу они начинаютъ темнѣть, а вслѣдъ за ними и даль и небо, вмѣсто бѣлаго зимняго тумана покрываются все густѣющей синевой. Правда, въ мартѣ температура по утрамъ (утренники) падаетъ не рѣдко до —36° Ц. (Благовѣщенскій пріискъ) и даже до —60° (Верхоянскъ), но въ полдень она поднимается уже на нѣсколько градусовъ выше нуля въ тѣни, а на солнцѣ начинаетъ порядочно припекать. Средняя температура этого мѣсяца значительно выше средней температуры зимы и февраля — ея типичнаго представителя.

---

[1]) Всѣ числа по новому стилю.

[2]) Первый сильный весенній вѣтеръ.

	Годъ.	Число.	Направленіе.	Скорость: максим.	Скорость: сред. суточ.
Туруханскъ	1881	20 марта	SSW	20 м.	18 м.
	1882	28 февраля	SSW	20 м.	16 м.
	1883	6 марта	S	14 м.	9,6 м.
	1884	25 февраля	ESE	20 м.	10,6 м.
Сагастыръ	1883	23 февраля	S	19 м.	14,5 м.
	1884	23 февраля	WSW	17 м.	10,8 м.
Верхоянскъ	1888	27 марта	SW	6 м.	3 м.
Мархинское	1888	22 марта	W	4 м.	3 м.
	1889	21 февраля	NW	20 м.	11,3 м.
	1890	2 марта	NW	10 м.	5,3 м.
Олёкминскъ	1887	18 марта	W	10 м.	6 м.
Благовѣщенскій пріискъ	1890	4 апрѣля	W	3 м.	3 м.

Вотъ примѣры, взятые изъ «Лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи» за послѣдніе годы (между 1882 и 90 гг.).

Средніе.	Туруханскъ.	Сагастыръ.	Устьянскъ.	Нижн. Колым.	Верхоянскъ.	Сред. Колым.	Мархинск.	Олёкминскъ.	Благовѣщ. пр.
Зимы	—26,3	—35,9	—37,6	—32,6	—48,4	—34,8	—40,3	—33,1	—27,5
Февраля . .	—23,3	—37,9	—37,5	—32,1	—45,9	—33,8	—35,4	—28,6	—25,6
Марта . . .	—17,2	—34,3	—27,5	—27,7	—34,4	—26,0	—22,3	—19,8	—17,1

Считаю нужнымъ показать здѣсь, что не только средняя температура февраля повсемѣстно мало разнится отъ средней температуры зимы, но что и крайнія температуры обоихъ, почти одинаковы:

Крайнія температуры. (Въ разные годы).	Туруханскъ.		Сагастыръ.		Верхоянскъ.		Сред. Колым.	
	мак.	мин.	мак.	мин.	мак.	мин.	мак.	мин.
Зимою	—1,1	—59,6	—14,8	—53,2	—16,7	—67,1	—15,2	—65,7
въ февралѣ	—1,1	—55,6	—19,6	—53,2	—16,7	—65,9	—15,2	—52,2

	Мархинское.		Олёкминскъ.		Благовѣщ.	
	мак.	мин.	мак.	мин.	мак.	мин.
Зимою	—15,5	—61,5	— 4,7	—61,5	— 2,	—49,8
въ февралѣ	—15,5	—53,5	— 6,9	—54,5	— 2,8	—46,0

Исключеніе составляетъ Сагастыръ, гдѣ близость моря отодвинула конецъ зимы на апрѣль. Тамъ апрѣль отвѣчаетъ февралю другихъ мѣстностей.

Если подобную, какъ у февраля и зимы, аналогію среднихъ температуръ можно усмотрѣть для апрѣля и весны, августа и лѣта, октября и осени, то ничего подобнаго нѣтъ для ихъ крайнихъ. Скачки температуры лѣтомъ, весною и осенью значительно болѣе разнообразны и рѣзки, чѣмъ зимою. Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, поразительно термическое сходство разныхъ мѣстностей этого обширнаго края [1]).

Возвращаюсь къ описаніи вѣтровъ и другихъ элементовъ мѣстнаго климата въ послѣдовательномъ ихъ проявленіи по временамъ года. Весенніе вѣтры по силѣ уступаютъ, пожалуй, только лѣтнимъ, а по продолжительности—осеннимъ. На сѣверѣ они вызываютъ извѣстныя пурги, дѣлающія, въ то время, поѣздки и промыселъ въ тундрахъ затруднительными, даже опасными. Путнику приходится иногда по нѣсколько дней лежать подъ нартой, покрытой оленьими шкурами, безъ огня и теплой пищи. Чрезъ небольшіе промежутки времени приходится

[1]) Смотри табл. № I.

вылѣзать оттуда, чтобы разбудить собакъ, могущихъ безъ этой предосторожности, въ дремотѣ околѣть отъ стужи, отряхнуть ихъ отъ снѣга и накормить. Тучи, ледяныхъ иголъ, несомыхъ вѣтромъ впиваются въ путника, забиваются подъ одежду, знобятъ и ранятъ открытыя части тѣла. Случается, что вѣтры дуютъ при совершенно ясномъ небѣ, но и тогда они несутъ облака ледяной пыли, сорванной съ поверхности снѣга. Тогда, на извѣстную высоту надъ землею, воцаряется мутный, бѣлесоватый сумракъ, чрезъ который изрѣдка только прорывается лучъ солнца. Человѣку достаточно позволить вѣтру оттолкнуть себя отъ нарты или дверей дома, чтобъ уже не найти ихъ [1]).

Послѣ такой сухой вьюги, ровная поверхность тундры, или обширныхъ сѣверныхъ озеръ, оказывается изрытой множествомъ морщинъ и углубленій, въ общемъ похожихъ на водяную зыбь. Вѣтры въ каждой данной мѣстности дуютъ и смѣняются съ такой правильностью, что опытные промышленники узнаютъ по кривизнамъ этой зыби, по направленію сугробовъ и «застругъ», страны свѣта, въ сумрачный день, и читаютъ по неровной поверхности, какъ по книгѣ, послѣдовательный ходъ погоды.

Хотя въ глубинѣ материка, начиная отъ границы лѣсовъ, вѣтры бываютъ слабѣе, но они и тамъ, особенно весною, не остаются безъ вліянія на распредѣленіе снѣга, что въ земледѣльческихъ и скотоводческихъ районахъ не лишено значенія. Если они поднимаются раньше того времени, когда, благодаря теплотѣ, снѣгъ успѣлъ достаточно осѣсть и уплотниться, то сыпучую его массу они легко передвигаютъ въ болѣе низкія мѣста, оголяя до самой земли вершины бугровъ и покатыя подъ вѣтеръ скаты. Въ обнаженныхъ мѣстахъ почва быстро высыхаетъ и не даетъ, впослѣдствіи, достаточно обильныхъ всходовъ хлѣба и травъ. Между тѣмъ, гребни бугровъ и рѣлокъ считаются здѣсь самими плодородными, а трава, ростущая на нихъ, — самой питательной. Вѣтряная весна считается неблагопріятной [2]).

Стремительные весенніе вѣтры дуютъ въ округахъ Якутскомъ, Вилюйскомъ и Олёкминскомъ, по преимуществу съ сѣвера, или юго-запада;

---

[1]) Я зналъ торговца якута, родовича Кангаласкаго рода, Колымскаго улуса, Николая Слѣпцова, который отбившись отъ товарищей въ тундрѣ и застигнутый пургой, имѣлъ неосторожность удалиться на нѣсколько шаговъ отъ своей нарты. Онъ уже не могъ ее найти и не погибъ только благодаря скорому прекращенію вѣтра. Товарищи нашли его полуживаго. Онъ отдѣлался болѣзнью и потерей глаза, который вытекъ «отъ ледяныхъ иглъ», какъ объяснили якуты.

[2]) Время появленія весеннихъ вѣтровъ состоитъ также въ нѣкоторой связи съ болѣе быстрымъ, дружнымъ, или медленнымъ и постепеннымъ таяніемъ снѣговъ, а слѣдовательно съ величиною весеннихъ разливовъ. Дружная весна, обыкновенно, весна тихая и поздняя, она же и многоводная.

они сухіе и холодные. Южный вѣтеръ, конечно, самый теплый, онъ сильно способствуетъ таянію снѣга. Вѣтры: восточной и сѣверный считаются якутами «съ непогодою, снѣгомъ» (ардактахъ-хардахъ). Зимою эти вѣтры считаются теплыми, весною и лѣтомъ холодными.

Количество снѣга, выпадающаго весною по всей странѣ, превышаетъ, почти на треть, количество зимнихъ ея осадковъ. Исключеніе составляетъ Вилюйскъ, гдѣ весною ихъ меньше, да Туруханскій край, гдѣ ихъ почти столько же.

Толщина снѣга рѣдко достигаетъ здѣсь 3 — 4 фут., обыкновенно она значительно меньше [1]).

Снѣгъ, глубиною въ 5—6 якутскихъ «харысъ» [2]), признается уже туземцами глубокимъ. За осень, зиму и весну больше всего выпадаетъ снѣгу на западѣ, въ окрестностяхъ Туруханска (около 200 мм. воды, полученной отъ таянія снѣга); всего меньше на востокѣ, въ бассейнахъ рѣкъ: Яны, Индигирки, Колыми (80 мм. воды), въ остальномъ краѣ количество снѣга колеблется между этими цифрами [3]). Въ половинѣ марта солнце уже пригрѣваетъ днемъ на столько, что на снѣгу появляется ледяная глазурь или, какъ здѣсь называютъ,—«настъ». Образуется она отъ попеременнаго дѣйствія солнечнаго тепла и утреннихъ, еще очень сильныхъ морозовъ. Въ лѣсной тѣни глазурь наростаетъ значительно позднѣе и медленнѣе, да и снѣгъ тамъ обыкновенно болѣе рыхлый. Сначала верхній, тонкій слой снѣга превращается въ зернистую, полупрозрачную кашицу; кашица эта постепенно наростаетъ, смерзается, слипается, въ чемъ не послѣднюю роль играетъ иней, осаждаемый изъ влажнаго воздуха ночными стужами. Въ тихія ночи, листьевидныя, довольно крупныя пластинки этого инея, ложатся кружевной пленкой по всему снѣгу, нависаютъ въ видѣ прозрачныхъ, ажурныхъ лохмотьевъ на вѣтвяхъ и пняхъ деревьевъ, возвращая природѣ, на мгновеніе, утраченную ею зимнюю, бѣлоснѣжную наружность. Днемъ, подъ лучами солнца все это таетъ быстро и проникаетъ въ глубь снѣга, гдѣ, замерзая, помогаетъ зерновидной массѣ слипаться. Подъ твердой корой снѣгъ

---

[1]) Я разъ только видѣлъ здѣсь такой глубокій снѣгъ; именно, въ Колымскомъ округѣ въ 1883 году. Въ этомъ же году случился извѣстный разливъ Колымы, уничтожившій часть города Ср. Колымска. Маакъ въ 1854 г. наблюдалъ снѣгъ такой же глубины въ долинѣ Вилюя.

[2]) Разстояніе между концами сильно раздвинутыхъ большаго и средняго пальцевъ; приблизительно 6 дюймовъ.

[3]) Свѣдѣнія почерпнуты изъ таблицъ акад. Вильда. Они противорѣчатъ немного моимъ личнымъ впечатлѣніямъ: мнѣ всегда казалось, что снѣговъ въ долинахъ Яны и Колымы больше, чѣмъ, напримѣръ, въ Якутскомъ округѣ.

долго еще сохраняетъ рыхлость и пушистость. Этимъ пользуются охотники, устраивая погоню на лыжахъ за оленями и лосями въ то время, когда «настъ» еще на столько слабъ, что не можетъ удержать звѣрей, а снѣгъ достаточно глубокъ и рыхлъ, чтобы служить имъ помѣхой въ бѣгствѣ.

«Настъ», въ ясные солнечные дни, играетъ всѣми цвѣтами радуги, точно онъ усыпанъ алмазной пылью. Больно смотрѣть тогда не только на поверхность снѣга, но и прямо въ воздухъ, полный отраженнаго свѣта.

Нерѣдко, въ концѣ апрѣля, термометръ въ полдень въ тѣни показываетъ уже 10° тепла. Снѣгъ значительно осѣлъ и весь превратился въ рыхлую кашицу. Появляются, и все ростутъ въ числѣ и размѣрахъ, участки чорной, совершенно оголенной отъ снѣга земли. Блестятъ въ углубленіяхъ лужи стоячей воды. Прилетаютъ птицы. Жизнь и движеніе, исчезнувшіе на время зимы, возвращаются съ лихорадочной поспѣшностью. Также быстро наростаетъ тепло. Въ маѣ, въ окрестностяхъ Якутска, Олекминска, по Вилюю, Алданѣ, Витиму, вообще во всей южной части плоскогорія, средняя температура дня бываетъ ниже нуля только временами и то исключительно въ первую половину мѣсяца. Въ полуденные часы она нерѣдко поднимается до +14° Ц. въ тѣни, хотя по ночамъ падаетъ иногда ниже —15° Ц. Ко второй половинѣ мая снѣгъ уцѣлѣваетъ только на горахъ да въ глубокихъ, поросшихъ лѣсомъ лощинахъ. На сѣверѣ наступленіе весны запаздываетъ недѣли на двѣ, даже на три.

Тающія воды образуютъ въ горныхъ мѣстностяхъ многочисленные, бурные потоки, а въ равнинахъ—временныя, мелкія озерца. Впрочемъ, большая часть воды скопляется на ледяныхъ полотнахъ настоящихъ рѣкъ и озеръ. Тамъ она остается до тѣхъ поръ пока не промоетъ отверстій во льду, пока края послѣдняго не оттаютъ отъ береговъ и ея самой не соберется достаточное количество, чтобы, сплывши внизъ, поднять ледяную толщу. Иногда послѣдняя, примерзши плотно ко дну, не пускаетъ внизъ воду и лежитъ подъ ней долго, крошась и растворяясь по частямъ. Всплывшія на поверхность ледяныя поля, блестящія, синія, лишенныя снѣговаго покрова, утратившія спайность отъ безчисленныхъ зимнихъ трещинъ, не смотря на толщину свою, достигающую нерѣдко 2-хъ метровъ—легко уже поддаются совокупному дѣйствію солнца и просачивающейся сквозь нихъ влаги. Они раскалываются вдоль своей толщи на столбики, затѣмъ на длинныя и тонкія иглы, такъ что все ледяное поле представляетъ какъ-бы громадную щетку.

Исчезновеніе снѣга опереживаетъ вскрытіе рѣкъ дней на десять,

даже недѣли на двѣ, а вскрытіе озеръ нерѣдко на мѣсяцъ. Рѣки вскрываются прежде всего въ южныхъ своихъ частяхъ. Маленькіе рѣки и притоки обыкновенно вскрываются раньше большихъ рѣкъ. Періодъ вскрытія во всемъ краѣ приходится на конецъ мая, до первыхъ чиселъ іюня [1]).

			Вскрываются:	Замерзаютъ:
Енисей	65° 50′	Туруханскъ.	14 мая (бываетъ и 19 іюня).	20 октября.
	69° 22′	Дудино.	12 іюня.	3 октября.
	72°	въ устьѣ.	10 іюля.	11 октября.
Оленекъ	68° 15′	въ верховьяхъ.	въ концѣ мая — началѣ іюня.	
	73°	въ устьѣ.	въ началѣ іюля.	1 октября.
Лена	59° 55′	Мача.	17 мая (1870 г.).	5 ноября.
	60° 22′	Олекминскъ.	18 мая (1862 г.). 26 мая (1870 г.).	между 3 и 15 ноября.
	62° 2′	Якутскъ.	19 мая (1872 г.), 22 мая (1874 г.), между 21 и 30 мая за 14 лѣтъ наблюденій.	между 28 октября и 15 ноября.
	73° 23′	въ устьѣ.	25 іюня.	между 1 и 2 октября.
Амга	60° 50′	Амга, селеніе.	между 4 и 28 мая.	
Алданъ	58° 36′	въ устьяхъ Учура.	21 мая.	
	—	при впад. въ Лену.	почти одновременно съ Вилюемъ.	
Вилюй	63° 45′	Вилюйскъ.	между 13 и 30 мая.	между 16 и 24 окт.
		въ устьѣ.	26 мая (1854 г.)	
Индигирка	71°	Русское устье.		17 сентября.
Яна	67° 33′	Верхоянскъ.	между 22 мая и 1 іюня.	9 октября.
	70° 55′	Устьянскъ.	5 іюня.	11 сентября.
Колыма	65° 45′	Верхне-Колым.	25 мая.	
	67° 10′	Средне-Колымскъ.	между 24 мая и 7 іюня.	между 9 и 10 окт.
	69° 26′	въ устьѣ.	14 іюня (1822 г.).	между 1 и 26 сент. [2])

Запаздываніе вскрытія, по мѣрѣ удаленія на сѣверъ, ровняется для болѣе крупныхъ рѣкъ приблизительно двумъ-тремъ днямъ на градусъ широты. Степень запаздыванія у разныхъ рѣкъ сильно колеблется, потому что въ значительной степени зависитъ отъ топографіи ихъ долинъ. Оленёкъ, напримѣръ, запаздываетъ на градусъ по три-четыре дня; Яна и Колыма, повидимому, запаздываютъ больше, чѣмъ Лена, а послѣдняя — больше, чѣмъ Алданъ. Показатель запаздыванія измѣняется также у одной и той же рѣки, по годамъ. Это зависитъ, какъ отъ разницы температуръ во время вскрытія, такъ и отъ разницы минувшихъ зимъ. Если зима была ровная и умѣренная, если снѣгу было много [3]) и главная масса его выпала осенью, если затѣмъ весна была дружная и, вдобавокъ, эти явленія ра-

---

[1]) Исключая самыхъ сѣверныхъ рѣкъ: Таймыра, Пясины, Богадыны, Дудыпты, Хатанги, которыя вскрываются во второй половинѣ іюня.

[2]) Таблица составлена на основаніи данныхъ, приведенныхъ Маакомъ и Миддендорфомъ, и моимъ личнымъ записямъ, и исправлена по М. Рыкачеву.

[3]) Инородцы увѣряютъ, что «снѣжная зима, всегда теплая зима».

спространились одинаково на всю рѣчную долину, то вскрытіе совершается быстро и правильно. Если, на оборотъ, снѣгу по осени выпало мало, зима стояла особенно холодная, а весною господствовали снѣга и вѣтры, тогда ледъ на рѣкахъ наростаетъ до саженной толщины и, укрытый снѣговыми покровами отъ дѣйствія весенняго солнца, сохраняетъ въ значительной степени свою спайность, а отъ его спайности и толщины главнымъ образомъ зависитъ время и характеръ ледохода. На спайность его вліяетъ также плавность пониженія и повышенія зимней температуры и отсутствіе особенно холодныхъ дней, способствующихъ растрескиванію льда. Ходъ вскрытія состоитъ въ непосредственной связи съ первымъ весеннимъ разливомъ, называемомъ туземцами «ледянымъ». Онъ, дѣйствительно, вызывается ледяными запрудами, образующимися въ узкихъ проходахъ руселъ. Такія запруды называются мѣстными русскими—«запорами», по якутски «торасъ» [1]). Онѣ образуются постоянно въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, хорошо извѣстныхъ жителямъ. Это, по большей части, или особенно крутыя колѣна изгибовъ, или плёсы полные острововъ и стѣсненные мысами, далеко вдающимися въ рѣку. Ледъ, недостаточно пластичный и раздробленный, или несомый недостаточно сильной струей воды, застреваетъ въ такихъ мѣстахъ, нагромождается и образуетъ молъ, плотно упирающійся въ бока и дно рѣки. Такой молъ простирается иногда вдоль рѣки въ длину на полъ-версты, даже на версту. Приносимыя водой и задерживаемыя имъ льдины еще больше укрѣпляютъ его. Иногда онъ стоитъ день, два, три. Тогда уровень воды, выше мола, быстро подымается, а ниже его—падаетъ. Мнѣ не разъ удавалось наблюдать «запоры» на Янѣ, Колымѣ, Алданѣ и Ленѣ. Участіе мѣстнаго льда въ образованіи ихъ слабо, чаще всего это издали принесенный ледъ. Иногда рѣка двигается уже нѣсколько дней и почти очистилась отъ зимняго покрова, какъ вдругъ опять появляются ледяныя поля и запруживаютъ ее. Прибывающіе льды съ грохотомъ и трескомъ наскакиваютъ на застрявшіе ряды, а мелкіе куски съ шипѣніемъ уходятъ подъ нихъ; затѣмъ все стихаетъ и въ глубинѣ омертвѣвшей рѣки слышенъ только шумъ воды, прорывающейся сквозь ледяное рѣшето запруды, да металическій шелестъ откалывающихся и обсовывающихся внизъ ледяныхъ иголъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока тяжесть воды, накопившейся въ руслѣ поверхъ запруды, не сломитъ препятствія. Тогда вся эта масса, съ невѣроятной стремительностью низвергается въ низовья. Энергія этихъ наводненій, бѣгущихъ съ быстротою водопада—

[1]) Въ иныхъ мѣстахъ «торосъ».

неописуема. Льды, точно громадные тараны, бьютъ въ берега, бороздятъ ихъ и разрушаютъ; срѣзаютъ до дна довольно крупные мели и острова; уничтожаютъ на большихъ протяженіяхъ лѣсъ и кустарники, вырывая ихъ и опрокидывая, точно смерчь. Цѣлыя десятины луговъ и цѣлыя рощи, попавши на льдины, уносятся ими далеко, вмѣстѣ съ громадными глыбами камней, отколотыхъ отъ утесовъ. Въ устьяхъ Яны, въ тундрѣ, я видѣлъ громадные валуны, покоящіеся на подобныхъ ледяныхъ кораблях. Во время извѣстнаго разлива Колымы въ 1883 г., ледъ разрушилъ $^2/_3$ домовъ въ Ср. Колымскѣ. Льдины передвигали дома съ мѣста на мѣсто, разбивали ихъ или, ударивши въ одинъ уголъ, сворачивали на фундаментѣ на-крестъ. Въ долинѣ Лены я видѣлъ мѣстами, высоко надъ уровнемъ рѣки, цѣлыя десятины лѣсу, разрушеннаго льдами, точно выкошеннаго косой. Часто въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ запоръ, быстрая убыль воды оставляетъ на берегу цѣлый рядъ льдинъ. Запоры случаются ежегодно, но не каждый годъ бываютъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣютъ обыкновеніе образовываться. Часто они минуютъ свои стоянки, и тогда въ томъ околоткѣ нѣтъ разлива. Замѣчено, что размѣры разлива ниже запора всегда значительнѣе, чѣмъ выше его. Все это дѣлаетъ ледоходъ здѣшнихъ рѣкъ чрезвычайно своеобразнымъ. Рѣка сбрасываетъ льды подобно тому какъ спускаютъ тяжело нагруженныя судна въ искусственныхъ, маловодныхъ каналахъ. Шлюзъ бассейна остается запертымъ до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ достаточно воды, чтобы поднять грузъ и передвинуть его дальше. Льды плывутъ какъ-бы по уступамъ.

Разливы, вызываемые запорами, самые значительные въ году по высотѣ воды; она поднимается иногда на десятки саженей, орошаетъ мѣста, рѣдко орошаемыя, наполняетъ свои давно покинутые, полуобсохшіе курьи и протоки, обновляетъ рыбу и воду въ высколежащихъ въ долинахъ озерахъ [1]). Населеніе всегда радо большому разливу: «много

[1]) Живущіе надъ Леной якуты утверждаютъ, что каждые 25 лѣтъ случается особено большой разливъ. Послѣдній такой разливъ былъ въ 60-хъ годахъ и, судя по слѣдамъ, которые мнѣ показывали—по истинѣ громадный. По словамъ якутовъ, вся долина Лены отъ горъ до горъ была превращена въ сплошную рѣку. Приведу нѣсколько примѣровъ болѣе крупныхъ разливовъ, вызванныхъ запорами, лично мною наблюдаемыхъ, въ моментъ разлива или впослѣдствіи опредѣленныхъ по слѣдамъ и указаніямъ: 1) разливъ Яны въ 1882 году, потопившій село Устьянское, 2) разливъ Колымы въ 1883 году, потопившій С. Колымскъ; вода поднялась на 20 саженей выше обыкновеннаго уровня рѣки. 3) Разливъ Алдана въ мѣстности «Эбэ» (Баягантайскаго улуса), вызванный запоромъ въ 1885 году; вода поднялась на 12 слишкомъ саженей, совершенно наполнила лощину рѣки и залила на огромномъ протяженіи луга второй террасы. 4) Разливъ Лены вызванный запоромъ въ Хатыгаринскомъ наслегѣ, вода поднялась на 15 слишкомъ саженей и подступила вплоть къ воротамъ моего дома, стоящаго на второй террасѣ рѣки, въ разстояніи 2-хъ верстъ отъ нея, на довольно высокомъ холмѣ.

воды—много и рыбы и сѣна», говорятъ якуты. Впрочемъ для урожая сѣна значительно важнѣе второй разливъ «мутной воды» (бордахъ у), начинающійся дней черезъ десять или двѣ недѣли послѣ прохода льдовъ. Уровень его не такъ высокъ, но разливается онъ равномѣрнѣе и длится дольше.

Вскорѣ послѣ вскрытія рѣкъ, въ ихъ долинахъ начинаютъ дуть сильные низовые вѣтры. На сколько широко распространеніе ихъ за предѣлами рѣчной долины, мнѣ не удалось узнать, и судить въ какой связи они находятся со вскрытіемъ рѣки—не берусь. Дуютъ они почти ежегодно, довольно правильно въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Они холодные и стремительные, несутъ тучи, но рѣдко дождь. Жители называютъ ихъ «вѣтрами вскрытія рѣкъ» (бусъ устата тыэлъ). Эти холодные вѣтры представляютъ, какъ-бы остатокъ зимы; съ ихъ окончаніемъ наступаетъ лѣто.

Обиліе лѣтнихъ осадковъ увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ моря на юго-западъ, такъ что самое меньшее ихъ количество (отъ 50 до 100 мм.) приходится на самый сѣверный поясъ континента, среднее (150 мм.) — на долину Алдана, Вилюя, окрестности Якутска и Туруханска, а самое большое (отъ 175 до 200 мм.) на долину Олёкмы, Витима и прилегающія, къ нимъ части бассейна Лены и Нижней Тунгуски. Распредѣленіе этой влаги, по времени ея выпаденія, далеко неравномѣрно.

Первая половина лѣта всюду менѣе дождлива, но эта разница опредѣленнѣе всего выражена въ центральныхъ мѣстностяхъ страны. Тамъ проходятъ иногда промежутки въ 25—30 дней, когда не выпадаетъ ни капли дождя, или выпадаетъ его такъ мало, что онъ не въ состояніи, какъ характерно здѣсь выражаются, — «прибить пыль». Первые болѣе значительные дожди выпадаютъ здѣсь въ концѣ мая или началѣ іюня; населеніе зоветъ ихъ «Троицыными». Вторые лѣтніе дожди, «Петровскіе», случаются въ началѣ іюля. Въ мѣстностяхъ скотоводческихъ и хлѣбородныхъ, населеніе ожидаетъ съ большой тревогой обоихъ дождей; если ихъ нѣтъ или они недостаточны, странѣ грозятъ всякія бѣды, такъ какъ урожай и травъ и хлѣба зависитъ исключительно отъ нихъ. Вслѣдъ за этими дождями, рѣдко продолжающимися два-три дня, опять настаетъ засуха, смягчаемая только по ночамъ обильными росами. Вѣтры, въ это время года, по всей странѣ, дуютъ по преимуществу съ запада и сѣверо-запада. Это не исключаетъ и другихъ вѣтровъ, но упомянутыя направленія преобладаютъ и стремительность ихъ больше. Самая тихая, повидимому, часть страны—это внутреннее плоскогоріе; самая вѣтряная,

конечно, прибрежье океана [1]). Въ тундрахъ, на берегу моря, я наблюдалъ лѣтомъ своеобразные вѣтры, дующіе противъ солнца. Они обвѣваютъ страны горизонта, только что покинутыя солнцемъ и, идучи слѣдомъ за нимъ, обходятъ, такимъ образомъ, въ круглый лѣтній день почти всю розету компаса. Обыкновенно они кончаются штормомъ со стороны моря.

На сѣверѣ, среди тундръ и озеръ, я наблюдалъ другое явленіе, вѣроятно, родственное этимъ круговымъ вѣтрамъ, именно: въ ясный, тихій или слабо вѣтреный день, когда одиноко плывущее облако закрывало солнце, вѣтеръ въ то же мгновеніе крѣпчалъ, иногда доходя до размѣровъ бури; затѣмъ туча проходила и все быстро стихало. Только волны да лѣсъ шумѣли нѣкоторое время въ совершенно спокойномъ воздухѣ. Бѣда, когда такой смерчь застигнетъ промышленника на небольшой лодочкѣ среди озера. Страхомъ передъ нимъ, можно объяснить отвращеніе якутовъ къ плаванію по срединѣ обширныхъ и открытыхъ водъ, даже въ совершенно тихую погоду.

Насколько здѣсь зимою воздухъ спокоенъ и чистъ, настолько лѣтомъ онъ полонъ движенія и облаковъ. Не проходитъ дня, чтобы откуда нибудь ни дулъ хотя легкій вѣтерокъ, чтобы на небѣ не блуждало хоть маленькое облачко. Иногда вверху творится что то крайне своеобразное: тучи плывутъ нѣсколькими, неособенно толстыми слоями, по разнымъ, часто перекрещивающимся, направленіямъ, а еще выше, надъ ними, стоятъ бѣлыя, перистыя облака, освѣщенные солнцемъ или виднѣется въ промежуткахъ голубое небо. Чаще всего тучи плывутъ въ двухъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, соотвѣтствующихъ смѣнившимъ другъ друга направленіямъ вѣтра. Въ глубинѣ материка мнѣ не

[1]) Якуты отличаютъ слѣдующіе періодическіе весенніе и лѣтніе вѣтры:

1) въ началѣ февраля: вѣтеръ, который сдуваетъ съ деревьевъ снѣгъ (кёмпёхъ тюсярярь тыэлъ).

2) въ началѣ марта: вѣтеръ, уносящій пустые берестовые ушаты изъ подъ тара, что означаетъ окончаніе зимнихъ припасовъ (холлогосъ кётютярь тыэлъ).

3) въ срединѣ марта: вѣтеръ, сдувающій съ рёлокъ (сыръ) снѣгъ (сыръ хастыръ т.).

4) въ концѣ марта: вѣтеръ, набивающій бугромъ дорогу (суолъ томторъ т.).

5) въ началѣ апрѣля: вѣтеръ, подымающій солнце (кюнь кётёгёрь т.).

6) въ срединѣ апрѣля: вѣтеръ, сушащій снѣгъ (харъ сахсатаръ т.).

7) въ концѣ апрѣля: вѣтеръ, снѣгъ сгоняющій (харъ харардаръ т.).

8) въ началѣ мая: вѣтеръ, сушащій ледъ (мусъ сахсатаръ тыэлъ).

9) въ срединѣ мая: вѣтеръ, землю изсушающій (сири курдаръ тыэлъ).

10) въ концѣ іюня: холодный, останавливающій ростъ деревьевъ (?) вѣтеръ (масъ сыра т.).

11) въ концѣ іюля: холодный, останавливающій ростъ травъ вѣтеръ (отъ сыра т.).

12) въ концѣ августа: вѣтеръ, изсушающій растительность (оту-масы орохсутаръ т.)

NB. *с* курсивомъ означаетъ, что звукъ этотъ неопредѣленный, способный превращаться въ х или даже исчезать, какъ напр., въ словѣ *с*уохъ—нѣтъ, которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произносятъ хуохъ, а то даже уохъ.

рѣдко удавалось наблюдать постоянный и правильный обмѣнъ вѣтровъ направленіями. Если, напримѣръ, нѣсколько дней дулъ западный или сѣверо-западный вѣтеръ, то, послѣ его прекращенія, непремѣнно подуетъ—хоть день, хоть два—вѣтеръ въ совершенно обратномъ направленіи. Такой же обмѣнъ, хотя рѣже, случается между вѣтрами дня и ночи. Это явленіе туземцы называютъ «борьбой вѣтровъ». Ночью, передъ разсвѣтомъ, вѣтеръ обыкновенно повсюду стихаетъ, что такъ же хорошо извѣстно инородцамъ и чѣмъ они обязательно пользуются при переправахъ чрезъ озера и рѣки, въ вѣтряную погоду.

Самая жаркая часть лѣта—іюль, а самое жаркое лѣто, съ крайне высокими температурами, присуще мѣстностямъ, лежащимъ немного къ югу отъ полюса стужи. Здѣсь стоградусный термометръ въ теченіи года проходитъ почти всю свою скалу. (Верхоянскъ + 30,8, — 67,1; Мархинское +37,9 —61,5).

Привожу сравнительную таблицу среднихъ и крайнихъ температуръ лѣта и іюля въ разныхъ мѣстностяхъ.

		Лѣто			Іюль		
		средняя	максим.	миним.	средняя	максим.	миним.
Сѣверныя плоскогорія.	Туруханскъ	+11,5	+32,8	— 6,2	+15,6	+32,7	+ 1,9
	Устьянскъ	+ 8,1			+11,4		
	Сагастыръ	+ 3,0	+12,8	—12,6	+ 4,9	+12,1	— 0,2
	Верхоянскъ	+10,7	+30,8	— 5,8	+13,7	+30,8	+ 2,6
	Средне Колымскъ	+11,9	+34,2	— 2,2	+12,9	+28,9	+ 3,0
	Нижне Колымскъ	+10,3					
Южное плоскогоріе.	Мархинское	+15,9	+37,9	— 3,0	+19,2	+37,9	+ 5,4
	Олёкминскъ	+18,0	+33,9	— 2,3	+18,6	+33,9	+ 4,6
	Благовѣщенскій пріискъ	+14,1	+38,0	— 2,0	+17,4	+38,0	— 0,4

Въ іюлѣ температура хотя не разъ понижается ночью до +2-хъ, 3-хъ градусовъ, но, не въ примѣръ остальнымъ лѣтнимъ мѣсяцамъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ падаетъ ниже нуля. Въ іюнѣ и іюлѣ, на солнцѣ, жара достигаетъ по истинѣ африканской знойности. Нерѣдко она доходитъ до 48 градусовъ по Цельзію и не только въ близи почвы, но и на воздухѣ, на высотѣ нѣсколькихъ футовъ. Камни и песокъ накаляются до того, что ходить по нимъ босой ногой невозможно, они жгутъ даже сквозь якутскую кожаную обувь. Хоронясь отъ зноя, люди предпочитаютъ работать ночью, не смотря на множество комаровъ. Кони въ дорогѣ падаютъ иногда подъ сѣдокомъ; но какъ это ни странно, я не знаю за всѣ двѣнадцать лѣтъ [1]) ни одного примѣра солнечнаго удара у людей.

Если такія жары стоятъ долго, то послѣдствіемъ ихъ являются «сухіе туманы». Ихъ смѣшиваютъ часто съ дымомъ лѣсныхъ пожаровъ

[1]) Я прожилъ въ Якутской области съ марта 1880 года по іюль 1892 года.

но они отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что ночью осѣдаютъ, образуя бѣлесоватую, стелящуюся мглу. Утромъ, по мѣрѣ того, какъ солнце начинаетъ пригрѣвать, эта мгла исчезаетъ, правильнѣе: расширяется, покрывая окрестности и сводъ неба сѣро-пепельной дымкой. Сквозь нее просвѣчиваетъ солнце, похожее на дискъ, окрашенный въ малиновый цвѣтъ и лишенный блеска. Дышать становится трудно, какъ въ жарко натопленной банѣ. Странный, мертвенный свѣтъ и темная, спаленная засухою земля, дополняютъ удручающую картину якутскаго бездождія. Сухіе туманы наблюдаются во всемъ краѣ, но мѣсто ихъ господства—это внутреннее плоскогоріе: долины Лены, Алдана, Олёкмы; мѣсяцъ ихъ наибольшаго распространенія—іюль. Появляются они въ года особенно жаркіе и сухіе. «Сухіе туманы» даютъ мало росы или даже совсѣмъ ея не даютъ.

Дождливый періодъ начинается въ іюлѣ и длится съ небольшими перерывами до конца августа. За это время выпадаетъ, по крайней мѣрѣ двѣ трети всѣхъ лѣтнихъ осадковъ. Количество же дождливыхъ дней не такъ велико, потому что, по большей части, дожди льютъ проливные, моросятъ рѣдко и то больше въ концѣ августа и въ сентябрѣ. Послѣдній мѣсяцъ, хотя пасмурнѣе и холоднѣе предъидущихъ, но менѣе дождливъ,—дожди падаютъ въ перемежку со снѣгомъ. За исключеніемъ развѣ самой сѣверной полосы, температура сентября всюду выше нуля; днемъ температура воздуха достигаетъ до +20° Ц. въ тѣни; ночью же случаются уже морозы въ —11°, —12°. Въ иные годы этотъ мѣсяцъ состоитъ сплошь изъ ясныхъ, погожихъ дней съ сильными утренними заморозками. Тогда озера и незначительныя рѣчки быстро покрываются толстымъ слоемъ льда, и табуны лошадей и рогатый скотъ, свободно пасущіеся въ лѣсахъ, сильно страдаютъ отъ жажды. Трава высохла, земля замерла, а обильныя лѣтнія росы замѣнились не менѣе обильными инеями.

Сплошной прочный снѣговой покровъ появляется во всей странѣ не раньше, какъ въ первыхъ числахъ или даже въ половинѣ октября. Въ это время года всюду выпадаетъ самая крупная доля зимнихъ осадковъ. Въ Туруханскѣ въ 21 день съ осадками выпадаетъ 28,3 мм. воды, что составляетъ половину зимняго снѣга; въ Средне Колымскѣ въ 3 дня (среднимъ числомъ) выпадаетъ 8,6 мм. = $^4/_5$ зимняго количества; въ окрестностяхъ Якутска въ 11 дней—17,3 мм.=$^2/_5$ зимняго количества; въ Олекминскѣ, въ 10 дней—20,2=$^2/_3$ этого количества, а въ Благовѣщенскомъ пріискѣ, Витимской системы: въ 13 дней—22,8 мм., что составитъ $^9/_{10}$ зимняго снѣга. Исключеніемъ, повидимому, будутъ: Верхо-

янскъ, гдѣ судя по тѣмъ немногочисленнымъ даннымъ, которыя у меня есть, январь самый снѣжный мѣсяцъ, именно:

въ октябрѣ въ 3 дня—3,5 мм.=$^1/_7$.
въ январѣ въ 6 дней—5,5 мм.

да Сагастыръ, гдѣ:

въ октябрѣ въ 17 дней—2,0 мм.=$^1/_5$.
въ декабрѣ въ 8 дней—4,9 мм.

И такъ, въ концѣ октября во всемъ краѣ водворяется настоящая зима. Термометръ уже ни на минуту не поднимается выше нуля. Холода достигаютъ —30° (Олёкминскъ) и —39° Ц. (Верхоянскъ); крупныя рѣки, мало по малу, начинаютъ замерзать.

Собственно говоря, весны и осени, въ странѣ описываемой нами, почти нѣтъ. Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ на лицо всѣ типичные признаки континентальнаго лѣта: жаркіе дни, холодныя ночи, продолжительныя засухи, смѣняющіяся періодами проливныхъ дождей. Только часть мая можно считать за весну, только сентябрь за осень. Громадная зима, возросшая до семи мѣсяцевъ, поглотила прилегающія ей времена года.

Въ непосредственной связи съ суровостью климата находится слой вѣчно-мерзлой почвы, залегающій на извѣстной глубинѣ всюду въ этомъ краѣ [1]). Вблизи полюса холодовъ онъ проникаетъ на 400 слишкомъ футовъ въ глубину земли. Дальше къ югу мощность его конечно слабѣетъ и мѣстами сходитъ даже на нѣтъ, какъ это замѣчается на Витимскомъ плоскогоріи, гдѣ встрѣчаются только отдѣльныя его острова, на днѣ узкихъ, глубокихъ долинъ [2]). Толщина слоевъ разнится даже въ прилегающихъ другъ другу мѣстностяхъ. Напримѣръ, въ Шергинской шахтѣ, по вычисленію Миддендорфа, она равняется 700 футамъ, а въ Шиловской, по его же показанію, она достигаетъ только 300′ [3]). Толщина эта

---

[1]) Лопатинъ.

[2]) По Вильду граница вѣчно мерзлой почвы почти совпадаетъ съ линіями годовыхъ изотермъ въ—2 Ц. Ячевскій по поводу этого замѣчаетъ, что она «по натурѣ самого явленія, по его сложности, должна представлять линію весьма сходную съ береговою линіею весьма изрѣзаннаго материка, окаймленнаго многочисленными островами». («О вѣчно мерзлой почвѣ въ Сибири», Л. Ячевскаго).

[3]) Шергинская шахта (Якутскъ) . . . . 700′
Шиловская шахта (Якутскъ) . . . . 300′
Олёкминскъ . . . . . 60′
Воздвиженскій рудникъ . . . . . 60′ (Kupfer).

въ сильной зависимости отъ рельефа и состава почвы, отъ ея плотности и теплоемкости, отъ близости проточной и стоячей воды и, наконецъ, отъ толщины снѣга и количества, а также времени и способа выпаденія лѣтнихъ осадковъ. Первые мѣшаютъ или способствуетъ промерзанію почвы, вторые, просачиваясь глубоко въ землю, приносятъ туда большое количество свойственной имъ теплоты. Степень оттаиванія съ поверхности мѣняется еще больше и зависитъ, кромѣ вышеуказанныхъ условій, еще отъ массы второстепенныхъ, мѣстныхъ, какъ то: характера растительныхъ покрововъ, распредѣленія тѣни, направленія наклона почвы въ ту или другую сторону горизонта. Подъ мхомъ, въ лѣсу, на откосахъ, обращенныхъ къ сѣверу, или открытыхъ для зимнихъ вѣтровъ, мнѣ случалось, нерѣдко, въ августѣ находить никогда нетающій ледъ, на глубинѣ нѣсколькихъ дюймовъ, между тѣмъ какъ по близости, въ мѣстахъ открытыхъ, на солнцепекѣ, на сухихъ глинистыхъ буграхъ, чтобы добраться до льда, приходилось рыть ямы въ 5—6, даже 12 футовъ [1]).

И такъ, наружная плоскость вѣчно мерзлаго слоя не тянется параллельно земной поверхности, а представляетъ неровную плоскость, усѣянную многочисленными, совершенно самостоятельными выпуклостями и ямами.

---

[1]) Интересны тѣ практическія правила, какими руководствуются мѣстные жители при устройствѣ молочныхъ ямъ и погребовъ. Погребъ по якутски «булусъ», (повидимому, слово это—смѣсь какого то испорченнаго не якутскаго слова съ якутскимъ «бусъ»—ледъ). «Если хочешь устроить хорошій погребъ», учили меня якуты Намскаго улуса, «то долженъ вырыть яму не мельче четырехъ аршинъ: ближе у насъ не встрѣчается вѣчный ледъ». (Намс. улусъ, 1886 г.). Въ Верхоянскѣ и Колымскѣ, для этой цѣли считается достаточной глубина въ сажень съ четвертью или даже сажень. Въ долинѣ Алдана подъ $63^1/_2°$ с. ш. въ илистой, наносной почвѣ, я находилъ слой вѣчной мерзлоты приблизительно на такой же глубинѣ. «Въ пескѣ холодъ не держится». (Намс. ул., 1886 г.). «Мы, якуты, никогда не роемъ ямъ въ маленькихъ буграхъ (булгуняхъ)». (Баягантайскій ул., 1884 г.). «Если хочешь, чтобы въ погребѣ никогда не таяло, спусти въ яму хорошій срубъ съ дверьми и двойной перегородкой внутри. Между срубомъ и землей, снаружи, плотно набей навозу, а сверху поставь амбаръ». (Намс. ул., 1886 г.). «Погребъ долженъ стоять всю зиму открытый, чтобы изъ него вышелъ запахъ». (Намс. ул., 1886 г.). «Въ погребѣ не клади рыбы и мяса прямо на ледъ, потому что они испортятся». (Намс. ул., 1887 г.). «Если хочешь сохранить мясо свѣжимъ и сочнымъ, облей его водою и спусти въ погребъ въ самые сильные холода; въ такомъ видѣ оно можетъ пролежать годъ». (Сред. Колымс., 1882 г.). Молочные погреба роются значительно менѣе глубоко. На сѣверѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народонаселенію приходится часто переходить съ мѣста на мѣсто, ямы эти роются совсѣмъ не глубокія, аршина полтора, но каждый разъ онѣ роются въ новомъ мѣстѣ и, по мѣрѣ того, какъ молоко начинаетъ портиться, углубляются, или же роютъ рядомъ новыя. Ямы выкладываются внутри лиственичной корою, а сверху прикрываются кожей или старой одеждой. Для «заквашиванія» рыбы въ колымскомъ улусѣ роютъ ямы въ сажень глубиною. Много разъ я убѣждался, что большинство приведенныхъ здѣсь правилъ несомнѣнно вѣрно. Погреба въ глинистой почвѣ считаются лучшими; хотя торфяникъ съ прослойками льда труднѣе всего поддается оттаиванію, но тамъ, говорятъ якуты,—«сыро», тамъ въ погребъ легко можетъ попасть вода и тогда онъ испорченъ. Глубже всего оттаиваютъ мѣста, гдѣ весною и лѣ-

Однимъ изъ послѣдствій [1]) ледяной подпочвы можно считать многоводность здѣшнихъ рѣкъ и непостоянство ихъ уровня. Ни одна изъ нихъ не беретъ начала изъ ледника или какого нибудь крупнаго озера; нѣтъ здѣсь также многочисленныхъ ключей, которые могли бы питать ихъ постоянно [2]). Всѣ рѣки живутъ исключительно дождями и снѣговой водой; за то послѣдніе почти цѣликомъ сплываютъ въ ихъ русла по непроницаемому полотну вѣчной мерзлоты. Бѣдность осадковъ уравновѣшивается громадностью рѣчныхъ бассейновъ [3]), а періодичность ихъ выпаденія порождаетъ правильность разливовъ.

Медленность образованія растительнаго перегноя, признанную слабосильность здѣшней почвы и незначительность толщины черноземнаго слоя, полагаю, слѣдуетъ приписать также въ значительной мѣрѣ низкой температурѣ подпочвы.

томъ стоятъ лужи воды или гдѣ протекаетъ ручей. Якуты знаютъ это прекрасно. Между прочимъ, якуты не вѣрили мнѣ, когда я говорилъ имъ, что на моей родинѣ нѣтъ вѣчно мерзлой почвы; они утверждали, что непремѣнно есть, но только очень глубоко. (Колым. ул., 1884 г.). Подполья для храненія картофеля всегда устраиваются подъ жилымъ домомъ. Подполья для этой цѣли глубже сажени считаются неудобными: нижній слой картофеля и тѣ, что по угламъ, промерзаютъ въ нихъ по веснѣ.

[1]) Несомнѣнно, что въ связи съ ней состоитъ образованіе ледяныхъ покрововъ на рѣкахъ и озерахъ, а также шуги, наледей (тариновъ), и т. п. «Тарины» особое явленіе свойственное, повидимому, только здѣшнимъ рѣкамъ. Это—выпотеніе на поверхность льда воды, сдавленной со всѣхъ сторонъ, въ водоемахъ мелкихъ горныхъ рѣчекъ, страшными зимними морозами. Иногда выпотѣніе производитъ сильное давленіе въ верхнемъ теченіи, когда истокъ его запертъ льдомъ и шугою; давленіе бываетъ такъ высоко, что взламываетъ и вспучиваетъ ледъ въ 2 аршина толщиною. Эту наледь не нужно смѣшивать съ тою осеннею наледью, которая образуется провалами льда послѣ убыли воды или проломами быстринъ, какъ напр. мѣстами на Алданѣ или у водопада «Тоиимотъ «рѣчки, съ лѣвой стороны впадающей въ р. Уяндину, притокъ р. Селеняха. (Противъ устья Тоиимотъ на прав. берегу Уяндины стоитъ извѣстный утесъ «Тулуяхъ-хая»). Не знаю, чему слѣдуетъ приписать явленіе, видѣнное мною въ декабрѣ по дорогѣ въ Колымскъ, между станціями Малое и Унджей: рѣка, вытекающая изъ озера, дымилась и текла въ ледяныхъ берегахъ не особенно быстро. Якуты увѣряютъ, что она никогда не замерзаетъ

[2]) Настоящіе ключи, родники, бьющіе изъ земли, я встрѣчалъ только на югъ отъ Олёкминска. На сѣверѣ въ предѣлахъ полярнаго круга, мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ родникъ. Повидимому, нѣтъ ихъ и въ Якутскомъ округѣ. Въ Вилюйскомъ округѣ есть извѣстные соляные ключи на рѣчкѣ Кампедзяй; соль добывается тамъ только зимою, когда на рѣчной поверхности образуется ледяная, насыщенная солью накипь (таринъ). Температура воды въ ключѣ не превышаетъ +0.25° и не спускается ниже —0,75° Ц.

[3]) Отмѣчу, что вѣчная мерзлота не остается безъ вліянія и на детали формы рѣчныхъ береговъ, придавая плотность и устойчивость каменныхъ породъ влажнымъ сыпучимъ пескамъ, глинѣ и илу. Тоже самое мнѣніе высказываетъ Э. В. Толь, (14 стр., цитиров. доклада); онъ почвенный ледъ о. Ляхова называетъ «горной породой» (стр. 12). Она же замедляетъ обсыханіе страны, дѣлаетъ послѣднюю болотистой и совершенно устраняетъ въ земной корѣ тѣ своеобразныя процессы, которые вызываютъ движеніе подпочвенныхъ водъ.

Температура

	Сагастыръ 73° 22′—48′ с. ш.			Устьянскъ 70° 55′ с. ш.			Ниж. Колым. 68° 32′ с. ш.			Туруханскъ 65° 55′ с. ш.		
	Средняя.	Максим.	Миним.	Средняя.	Максим.	Миним.	Средняя.	Максим.	Миним.	Средняя.	Максим.	Миним.
Январь	—36,5	—22,4	—47,8	—39,0	—	—	—35,1	—	—	—28,7	— 6,3	—59,6
Февраль	—37,9	—19,6	—53,2	—37,5	—	—	—32,1	—	—	—23,3	— 1,1	—55,6
Мартъ	—34,3	—18,6	—47,5	—27,5	—	—	—27,7	—	—	—17,2	+ 3,7	—47,1
Апрѣль	—21,6	— 4,3	—37,4	—18,3	—	—	—10,5	—	—	—10,6	+ 7,3	—35,8
Май	— 9,5	+ 3,3	—27,3	— 8,7	—	—	— 0,8	—	—	— 2,6	+14,3	—19,4
Іюнь	+ 0,7	+12,5	—12,6	+ 3,3	—	—	+ 8,5	—	—	+ 7,4	+28,7	— 6,2
Іюль	+ 4,9	+12,1	— 0,2	+11,4	—	—	—	—	—	+15,6	+32,7	+ 1,9
Августъ	+ 3,4	+12,8	— 1,2	+ 9,7	—	—	—	—	—	+11,6	+26,9	— 1,0
Сентябрь	+ 0,5	+11,0	—12,3	— 2,5	—	—	— 6,0	—	—	+ 3,8	+20,9	—11,6
Октябрь	—14,6	— 0,4	—29,6	—19,0	—	—	—15,6	—	—	— 8,3	+12,2	—34,6
Ноябрь	—26,7	—12,3	—38,1	—30,0	—	—	—22,3	—	—	—23,1	+ 0,3	- 49,6
Декабрь	—33,4	—14,8	—49,2	—36,1	—	—	—29,8	—	—	—27,1	— 1,3	—56,1
Годъ	—16,9	+12,8	—53,5	—17,4	+37,5	- 54,3	—12,5	—	—53,7	— 8,5	+32,7	—59,6
Зима	—35,9	—14,8	—53,2	—37,6	—	—	—32,6	—	—	—26,3	— 1,1	—59,6
Весна	—21,8	+ 3,3	—47,5	—18,4	—	—	—13,4	—	—	—10,1	+14,3	—47,1
Лѣто	+ 3,0	+12,8	—12,6	+ 8,1	—	—	+10,3	—	—	+11,5	+32,7	— 6,2
Осень	—13,6	+11,0	—38,1	—17,1	—	—	—14,6	—	—	— 9,2	+20,9	—49,6

в о з д у х а.

Таблица I.

Верхоянскъ 67° 45′ с. ш.			Сред. Колымскъ 67° 10′ с. ш.			Мархинское 62° 22′ с. ш.			Олёкминскъ 60° 22′ с. ш.			Благовѣщенскій пріискъ 58° 10′ с. ш.		
Средняя.	Максим.	Миним.	Средняя.	Максим.	Миним.	Средняя.	Максим.	Миним.	Средняя.	Максим.	Миним.	Средняя.	Максим.	Миним.
—50,8	—22,7	—67,1	— 34,5	—16,0	—65,7	—44,1	—21,0	—61,5	—35,9	— 4,7	—61,5	—29,9	— 6,6	—49,8
—45,9	—16,7	—65,9	—33,8	—15,2	—52,2	—35,4	—15,5	—53,0	—28,6	— 6,9	—54,5	—25,6	— 2,8	—46,0
—34,4	— 7,8	—60,8	—26,0	— 4,3	—46,2	—22,3	+ 2,6	—45,5	—19,8	+ 7,3	—44,0	—17,1	+ 5,0	—36,6
—14,5	+ 5,6	—39,9	— 9,8	+ 5,3	—35,8	— 6,9	+ 9,9	—28,7	— 5,2	+11,2	—29,8	— 6,3	+14,0	—28,0
— 0,8	+20,1	—19,3	— 1,1	+23,2	—19,4	+ 5,9	+27,9	—13,8	+ 5,6	+29,4	—13,0	+ 3,2	+26,0	—14,0
+ 9,5	+28,8	— 5,8	+11,9	+34,2	— 5,1	+15,2	+31,6	+ 3,9	+14,9	+29,5	— 2,3	+13,4	+29,4	— 1,3
+13,7	+30,8	+ 2,6	+12,9	+28,2	+ 3,0	+19,2	+37,9	+ 5,4	+18,6	+33,9	+ 4,6	+17,4	+38,0	— 0,4
+ 8,9	+26,1	— 4,0	+11,1	+26,7	— 2,2	+13,3	+30,6	— 3,0	+13,9	+30,9	— 0,5	+11,7	+29,3	— 2,0
+ 2,6	+20,6	—13,5	+ 4,2	+19,7	—12,4	+ 5,6	+22,1	—10,4	+ 6,6	+24,4	— 6,0	+ 4,8	+24,0	—12,2
—16,2	+ 9,1	—39,0	—11,0	+ 5,2	—30,3	— 8,1	+10,1	—35,4	— 4,1	+14,8	—32,2	— 6,9	+17,8	—33,4
—39,1	— 6,4	—58,0	—30,3	—10,0	—43,9	—31,9	— 0,7	—52,0	—21,3	+ 4,1	—50,5	—20,0	+ 0,6	—45,1
—48,9	—19,7	—62,0	—36,1	—15,8	—51,0	—41,4	—15,5	—58,5	—33,9	— 6,2	—56,0	—27,1	— 6,2	—48,2
—18,0	+30,8	—67,1	—11,8	+34,2	—65,7	—11,0	+37,9	—61,5	— 8,2	+33,9	—61,5	— 6,8	+38,0	—49,8
—48,4	—16,7	—67,1	—34,8	—15,2	—65,7	—40,3	—15,5	—61,5	—33,1	— 4,7	—61,5	—27,5	— 2,8	—49,8
—16,5	+20,1	—60,8	—12,3	+23,2	—46,2	— 7,7	+27,9	—45,5	— 6,4	+29,4	—44,0	— 6,7	+26,0	—36,0
+10,7	+30,8	— 5,8	+11,9	+34,2	— 2,2	+15,9	+37,9	— 3,0	+18,0	+33,9	— 2,3	+14,1	+38,0	— 2,0
—17,5	+ 9,1	—58,0	—12,4	+19,7	—43,9	—11,4	+22,1	—5[illegible],0	—11,4	+24,4	—50,5	— 7,3	+24,0	—45,1

		Самый холодный день въ году.	Миним.	Средняя.	Второй самый холодный день въ году.	Миним.	Средняя.
Турухапскъ	1881	17 февраля	—50,7	—44,5	3 декабря (1880 г.).	—45,8	—45,4
	1882	23 января	—53,6	—48,0	22 января	—51,6	—49,3
	1883	20 февраля	—55,6	—48,7	27 января	—51,7	—50,3
	1884	11 января	—44,9	—42,2	28 февраля	—42,6	—36,7
Сагастыръ	1883	2 марта	—47,3	—42,0	22 января	—45,0	—43,9
Верхоянскъ	1869	1 февраля	—62,7	—59,0	—	—	—
	1887	—	—	—	—	—	—
	1888	18 февраля	—58,1	—53,8	17 февраля	—58,0	—54,5
Якутскъ	1873	23 января	—60,6	—	—	—	—
Мархинское (около Якутска)	1888	29 декабря	—55.5	—54,7	5 января	—55,0	—54,0
	1889	31 декабря	—58,5	—57,0	28 декабря	—56,0	—55,3
	1890	—	—	—	—	—	—
Олёкминскъ	1886	19 января	—56,5	—54,0	18 января	—55,0	—53,0
	1887	24 декабря	—51,5	—50,1	1 января	—50,5	—49,7
	1888	—	—	—	—	—	—
Благовѣщенскій пріискъ	1890	11 января	—48,6	—43,4	10 января	—47,1	—46,6

Таблица II.

ій теплый день ъ году.	Максим.	Средняя.	Второй самый теплый день въ году.	Максим.	Средняя.	ЗАМѢЧАНІЯ.
20 іюля	+28,3	+24,1	21 іюля	+27,6	+23,9	Дни выбраны по степени ихъ средней температуры.
6 августа	+25,6	+21,1	3 августа	+23,5	+20,7	
11 іюля	+29,6	+25,6	14 іюля	+28,6	+25,3	
5 іюля	+29,3	+23,7	8 іюля	+26,6	+23,0	
27 іюня	+12,5	+ 8,3	24 іюля	+12,1	+ 9,5	
3 августа	+30,1	—	—	—	—	По Мааку ч. I.
1 іюля	+30,8	+23,4	25 іюля	+28,2	+21,7	
3 іюля	+26,6	+19,9	6 іюля	+26,2	+22,4	
4 іюля	+38,7	—	—	—	—	По Мааку ч. I.
31 іюля	+28,2	+20,7	30 іюля	+30,0	+24,3	
26 іюля	+30,5	+25,3	7 іюля	+30,0	+24,3	
20 іюля	+34,0	+25,2	21 іюля	+30,0	+28,0	
10 іюля	+30,2	+24,9	9 іюля	+28,3	+22,8	
6 іюля	+33,3	+27,5	4 іюля	+31,1	+25,5	
25 іюля	+29,4	+23,7	24 іюля	+28,4	+22,5	
20 іюля	+30,3	+21,4	27 іюля	+26,9	+21,2	

Таблица III.

Среднія температуры мѣсяцевъ по Вильду [1]).

Годы наблюденій.		Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Года.
1877—1887	Туруханскъ	—28,6	—23,2	—14,8	—11,0	— 2,5	+ 7,3	+15,3	+11,5	+ 3,5	— 7,8	—19,4	—24,9	— 7,9
1877—1887	Баньщиково	—30,8	—25,6	—12,4	— 3,5	+ 5,9	+15,0	+18,8	+14,5	+ 6,9	— 4,3	—18,2	—26,0	— 5,0
1882—1887	Олёкминскъ	—35,3	—29,1	—19,2	— 5,8	+ 5,3	+14,1	+18,5	+12,9	+ 6,6	— 5,0	—22,2	—33,2	— 7,7
1882—1887	Мархинское	—43,3	—34,9	—21,7	— 8,0	+ 4,8	+14,4	+18,8	+12,7	+ 5,1	— 9,3	—30,4	—40,7	—11,0
1883—1887	Верхоянскъ	—53,1	—46,3	—34,7	—15,8	— 0,1	+ 9,6	+13,8	+ 6,4	— 1,6	—20,2	—40,1	—49,9	—19,3
— [2])	Казачье (У. Ян.)	—37,6	—35,1	—31,7	—19,7	—	—	—	+ 6,1	+ 0,3	—16,9	—35,1	—37,6	—
1886	Ляховъ	—	—	—	—	—11,9	— 0,3	+ 3,5	+ 0,9	— 2,4	—17,2	—	—	—
1886	Котельн. и Ѳадеев.	—	—	—	—	—12,0	— 0,9	+ 3,1	+ 1,2	— 3,0	—17,0	—	—	—
1882—1884	Сагастыръ	—36,5	—38,0	—34,4	—21,6	— 9,6	+ 0,0	+ 4,9	+ 3,5	+ 0,2	—14,6	—26,8	—33,5	—17,2
1862—1875—1887	Средне Колымскъ	—34,4	—33,6	—23,7	— 9,6	— 1,9	+ 9,7	+12,5	+10,9	+ 3,2	—11,6	—21,3	—32,0	—11,0

[1]) «О зимнихъ изотермахъ и мнимомъ повышеніи температуры съ высотою, въ В. Сибири». Г. Вильдъ.
[2]) Первые 4 мѣсяца за 1886 г., послѣдніе 5 мѣсяца за 1885 г.

Данныя для всѣхъ таблицъ позаимствованы мною главнымъ образомъ изъ «Лѣтописей Глав. Физ. Обсер.» за послѣднія 10 лѣтъ. Такъ какъ тамъ не для всѣхъ мѣстностей и не за всѣ годы помѣщены болѣе подробные ежедневные журналы, то для многихъ таблицъ пришлось брать различные годы, что въ нихъ всегда отмѣчено. Для таблицъ температуры воздуха (табл. I) взяты данныя: для Сагастыря за 1882 по 84 гг. («Жур. Усть-Ленс. Мет. Стан.»); для Устьян. и Нижн. Кол. позаимствованы у Маака («Вилюй. Окр». ч. I, стр. 223); для Туруханска—1888 по 90 гг. (включительно), для Верхоянска—1884 по 90 гг.; для Сред. Кол.—1887, 1889—90 гг.; для Мархин.—1883 по 90 гг.; для Олекмин.—1884 по 90 гг.; Благовѣщ. пріискъ 1884—90 гг.

Таблица IV.

Среднія за годы.	Число дней съ осадками.					Количество осадковъ въ миллиметрахъ.					Состояніе неба [1].									
	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Май.		Іюнь.		Іюль.		Августъ.		Сентябрь.	
											Ясно.	Пасм.	Ясно.	Пасм.	Ясно.	Пасм.	Ясно.	Пасм.	Ясно.	Пасм.
Туруханскъ . (1887—90).	15	13	14	15	18	20,2	28,5	42,0	56,8	62,2	3	16	5	9	4	10	4	13	3	17
						48,7		98,8												
Сагастыръ . . (1883—84 г.).	19	14	12	19	23	5,4	5,4	6,9	35,9	9,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
						10,8		42,8												
Верхоянскъ . (1887—90 г.).	3	3	5	6	3	4,3	10,3	33,2	30,5	8,2	2	6	5	4	1	9	3	11	4	8
						14,6		63,7												
Сред. Колым. (1889—90 г.).	—	8	8	6	6	—	74,7	51,8	48,5	24,5	14	4	11	5	4	13	5	10	4	12
						74,7		100,3												
Мархинское . (1887—90 г.).	5	5	9	13	10	9,1	23,2	54,7	49,6	30,3	7	10	7	6	3	10	2	16	4	13
						32,3		104,3												
Олёкминскъ . (1887—90 г.).	10	9	9	12	12	14,9	33,9	49,9	69,7	35,3	4	17	6	9	5	7	5	10	4	16
						48,8		119,6												
Благовѣщенскій пріискъ. 1885 — 86; 89—90 г.).	7	8	13	15	14	17,1	35,3	58,6	45,8	42,6	7	10	1	6	3	8	3	8	4	11
						52,4		104,4												

[1]) Цыфры означаютъ количество дней въ мѣсяцѣ. Для обозначенія облачности принято употреблять 10 степеней: «ясно» значитъ, когда сумма облачности, отмѣченной въ 7 часовъ утра, въ часъ пополудни и въ 9 часовъ вечера, не превышаетъ 5; «пасмурно», когда сумма эта не менѣе 25.

		Послѣдній снѣгъ весною.	Первый дождь.	Первая гроза.	Послѣдняя гроза.
Сагастыръ	1883	14 іюня	28 мая	00	00
	1884	22 іюня	22 мая	00	00
Туруханскъ . . .	1882	14 іюня	28 апрѣля	2 іюля	9 августа
	1883	26 іюня	7 мая	8 іюля	15 августа
Верхоянскъ . . .	1887	18 мая	18 мая	00	00
	1888	1 іюня	25 іюня	27 іюня	10 іюля
Вилюйскъ	1863	24 мая	28 апрѣля	28 іюня	4 сентября
Мархинское . . .	1888	10 мая	16 мая	29 мая	5 августа
	1889	18 мая	11 мая	22 іюня	16 августа
	1890	24 мая	15 мая	2 мая	17 августа
Олёкминскъ . . .	1886	15 мая	12 апрѣля	4 іюня	18 августа
	1888	15 мая	14 апрѣля	31 мая	23 іюня
	1889	13 мая	1 мая	27 іюня	19 августа
Баговѣщ. пріискъ .	1890	25 мая	6 апрѣля	14 іюня	11 августа
Нельканъ	1862	10 мая	—	11 мая	—

Таблица V.

...личество грозъ.	Количество дней съ градомъ.	Первый снѣгъ осенью.	Снѣгъ, послѣ котораго не было ни дождя, ни оттепели.	Послѣдній день, когда термометръ подымался выше нуля.	
0	0	1 августа	21 сентября	29 сентября	+0,9
0	1 (6 іюня).	—	—	—	—
4	0	21 августа	30 сентября	29 сентября	+7,5
2	0	13 сентября	28 сентября	1 октября	+1,7
0	0	2 сентября	6 октября	3 октября	+0,7
6	0	6 августа	29 сентября	2 октября	+1,1
—	—	24 снетября	7 октября	10 октября	+3,0
9	0	17 сентября	5 октября	9 октября	+0,2
7	0	4 августа	15 октября	8 октября	+2,0
3	0	7 октября	16 октября	14 октября	+2,5
6	1 (4 іюня)	24 сентября	6 октября	16 октября	+0,7
6	0	22 сентября	7 октября	29 октября	+0,7
12	1 (7 іюня)	17 сентября	3 октября	2 октября	+9,8
7	1 (31 іюля)	25 сентября	19 октября	2 ноября	+0,6
—	—	20 сентября	—	—	—

		День весною, до котораго температура ночью постоянно падаетъ ниже нуля.		День осенью, съ котораго температура ночью постоянно падаетъ ниже нуля.		Общее число дней безъ мороза.
Сагастыръ [1]	1883	28 мая	—1,9	21 сентября	—0,6	114
Туруханскъ	1882	2 мая	—6,7	29 сентября	—1,9	113
	1883	1 мая	—3,0	28 сентября	—1,9	99
	1884	15 мая	—7,6	14 сентября	—3,0	81
Верхоянскъ	1887	16 мая	—3,2	14 сентября	—0,5	11
	1888	11 мая	—4,8	13 сентября	—5,4	1
Вилюйскъ	1863	27 апрѣля	—3,1	4 октября	—3,0	133
Мархинское	1888	3 мая	—6,8	4 октября	—2,3	135
	1889	24 апрѣля	—7,0	30 сентября	—1,0	138
	1890	12 мая	—2,2	14 октября	—1,5	134
Олёкминскъ	1886	11 апрѣля	—2,6	14 октября	—3,1	133
	1887	20 апрѣля	—7,8	14 октября	—3,5	145
	1888	1 мая	—7,9	3 октября	—1,6	136
Благовѣщенскій пріискъ	1890	5 мая	—2,6	26 сентября	—3,2	109

[1]) На Сагастырѣ 25 и 26 сентября 1883 года морозъ былъ не ночью, а днемъ.

Таблица VI.

Послѣдній морозъ весною.		Первый морозъ осенью.		Непрерывный періодъ дней безъ мороза.	Иней и морозъ въ половинѣ лѣта.	Температура.
22 іюня	—0,2	3 августа	—1,0	40	5 іюля	—0,2
14 іюня	—1,0	15 сентября	—1,1	90	21—22 августа.	—1,0
15 іюня	—1,9	12 сентября	—2,0	89	24 августа (инеи).	+4,5
14 іюня	—1,7	4 сентября	—1,7	79	5 августа (иней).	+5,4
19 мая	—0,4	3 сентября	—2,6	105	21 іюня (снѣгъ).	+2,6
31 мая	—0,4	7 сентября	—4,5	98	6—7—10—20 августа (иней и снѣгъ).	+4,9
27 мая	—2,5	20 сентября	—0,9	115	30—31 августа (снѣгъ).	+2,5
11 мая	—1,8	14 сентября	—2,3	125	21—22 мая, 29 іюня (иней).	+3,7
19 мая	—2,0	16 сентября	—7,0	118	14—24 августа (иней). 27 августа (морозъ).	+3,5 —0,5
26 мая	—2,6	16 сентября	—6,5	112	—	—
18 мая	—1,1	18 сентября	—0,9	119	20—26 августа (иней), 22—30 августа (морозъ).	+0,4 —0,5
14 мая	—0,9	23 сентября	—0,5	131	27 августа (иней).	+1,6
13 мая	—0,3	7 сентября	—1,8	116	—	—
2 іюня	—0,1	26 августа	—1,1	83	21 іюня—13 іюля (морозъ).	—1,3

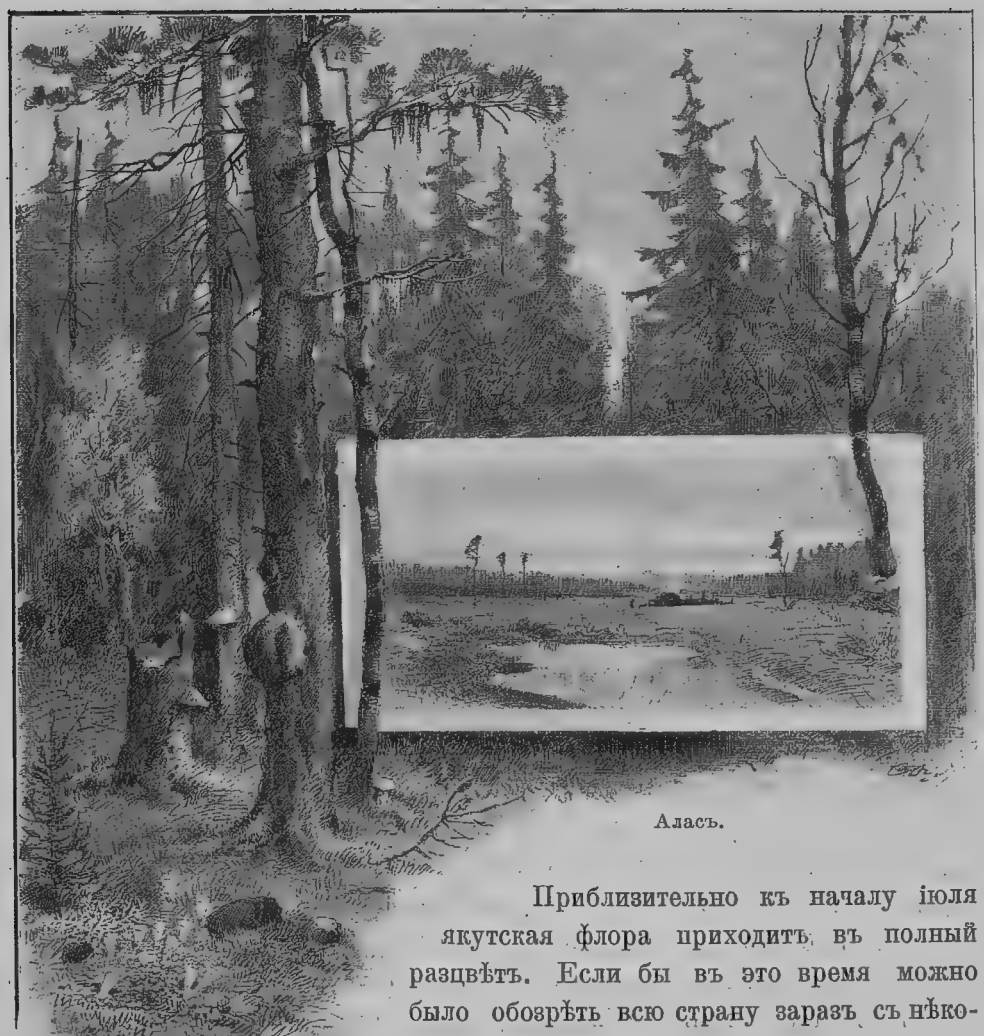
Таблица VII.

Давленіе воздуха, приведенное къ уровню моря и широтѣ 45°, въ мил.

Среднія мѣсячныя.

	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годъ.
Туруханскъ	66,4	66,0	64,5	61,9	61,0	57,1	56,6	58,2	60,6	61,1	64,1	66,0	62,0
Сагастыръ	63,7	65,5	67,4	63,6	59,2	55,9	60,5	59,5	56,3	57,2	60,7	62,8	61,0
Устьянскъ	71,7	68,2	62,5	60,5	58,8	54,0	56,5	57,0	58,8	57,6	64,0	67,7	61,4
Верхоянскъ	67,8	70,3	66,9	62,3	56,8	54,8	54,4	58,6	61,2	61,7	64,7	67,3	62,3
Средне-Колымскъ . . .	64,4	64,5	63,8	63,2	58,7	56,7	56,3	57,9	60,7	61,7	62,5	68,3	61,6
Якутскъ	71,2	72,3	67,0	62,1	59,0	56,2	55,9	56,6	60,4	62,2	65,6	71,0	63,3
Олёкминскъ	73,6	70,8	69,3	61,9	58,8	56,1	55,5	58,8	63,3	65,6	68,8	71,6	64,5

Данныя позаимствованы у А. Тилло. «Распредѣленіе Атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской Имперіи». Записки Импер. Рус. Геогр. Общ., т. XXI.



Аласъ.

Рис. 9. Тайга. «Уръ»—наплывъ на лиственницѣ.

Приблизительно къ началу іюля якутская флора приходитъ въ полный разцвѣтъ. Если бы въ это время можно было обозрѣть всю страну заразъ съ нѣкоторой высоты, то она представилась бы сплошнымъ ковромъ темной, лѣсной зелени. Лѣсъ, главнымъ образомъ лиственичный лѣсъ, преобладаетъ всюду. Относительно узкая — отъ 200 до 300 верстъ шириною — бахрома грязно-зеленоватой тундры, оторачиваетъ край лѣсовъ со стороны Ледовитаго океана. Гребни горъ, то покрытые ржавыми лишайниками и блѣдно желтыми ягелями, то совсѣмъ обнаженные, черные, сѣрые, желтые и красные утесы, всплываютъ выше лѣсовъ всюду, гдѣ пролегаютъ самыя высокія линіи горныхъ хребтовъ. Тонкія, вѣтвистыя прожилки рѣкъ густой сѣтью покрываютъ весь край, а на плоскогоріяхъ сверкаютъ безчисленныя озера. Около каждой такой водяной капли, или даже самой тонкой нити ея, виднѣются, точно оправа, узенькіе свѣтло-зеленыя бор-

дюры луговой и болотной растительности и изъ-сѣра-зеленоватыя полосы ракитника и ивы. Все это дѣлаетъ лѣтній покровъ страны довольно пестрымъ.

Густая зелень лѣса, при болѣе подробномъ обзорѣ, тоже не представляетъ сплошнаго фона, а скорѣе мозаику, состоящую изъ множества кусковъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Различія не столько зависятъ отъ подмѣси другихъ древесныхъ породъ: ели, сосны, березы, сколько отъ самого достоинства лѣса, сильно разнящагося даже на смежныхъ участкахъ, даже на различныхъ склонахъ одной и той же горы. Пожалуй, что нигдѣ плодородіе почвы и присутствіе или отсутствіе защиты отъ вѣтровъ не вліяетъ на развитіе растеній въ такой мѣрѣ, какъ здѣсь. Суровость зимы, кратковременность лѣта, рѣзкія колебанія весеннихъ и лѣтнихъ температуръ, сырые, холодные вѣтры, дующіе отъ Ледовитаго моря, сильно ослабляютъ живучесть и приспособляемость болѣе высокихъ видовъ. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ замѣтнѣе ихъ зависимость отъ малѣйшихъ благопріятныхъ или вредныхъ условій. Бодрость, сочная, свѣжая зелень, ростъ и толщина особей, поселившихся на плодородныхъ, защищенныхъ участкахъ, сразу бросается въ глаза среди общей убогости, хилости и худосочія лѣсовъ. Такъ какъ площади плодородной почвы залегаютъ, главнымъ образомъ, вблизи проточной воды, то здѣсь и ютятся самые крупные и требовательные изъ представителей растительнаго царства. Защищенные отъ холодныхъ морскихъ вѣтровъ древними береговыми уступами долинъ, согрѣтые теплымъ дыханіемъ водъ, несущихся изъ болѣе южныхъ широтъ—лѣса высылаютъ по дну рѣчныхъ впадинъ длинные, мысовидные форпосты на сѣверъ, далеко за предѣлы общей своей границы. Вообще, пограничная полоса лѣсовъ, по нашему наблюденію, не представляетъ, какъ это принято изображать на картахъ, рѣзко опредѣленной, слабо извилистой линіи, идущей на разстояніи отъ 150 до 200 верстъ параллельно морскому берегу; она напоминаетъ скорѣе сильно изорванное, тонкое лѣсное кружево, изъ подъ котораго вездѣ просвѣчиваетъ тундра и которое хотя и подчиняется въ главныхъ своихъ изгибахъ береговымъ излучинамъ моря, но въ деталяхъ всецѣло зависитъ отъ направленія рѣкъ, распредѣленія водъ и неровностей данной мѣстности, способныхъ дать защиту передъ непогодами, а также отъ качества почвы. Граница здѣшнихъ лѣсовъ постоянно образуетъ фестоны, извилины, зазубрины, развѣтвленія, расползающіяся по падямъ и падушкамъ, среди безплодныхъ, подвергнутыхъ смертоноснымъ вьюгамъ откосовъ, и равнинъ, поросшихъ только мхами, лишаями, багульникомъ да низенькой кустарной ивой (ерникъ). Часть тундры, прилегающая къ границѣ лѣсовъ,

усѣяна на значительномъ протяженіи лѣсными островами, небольшими купами и рощами низкорослыхъ деревьевъ.

Такъ какъ ятуты рѣдко селятся и промышляютъ внѣ предѣла лѣсовъ и всюду отдаютъ предпочтеніе рѣчнымъ долинамъ, то считаю не лишнимъ отмѣтить крайнія лѣсныя точки на разныхъ рѣкахъ:

Енисей . .	70° с. ш. (село Дудино)	Хатанга . . .	72½° с. ш.
Пясина . .	70¼° с. ш.	Анабара . . .	71° с. ш.
Оленёкъ . .	70½° с. ш. [1])	Индигирка . .	68⅔° с. ш.
Лена . . .	72° с. ш.	Алазей . . .	68° с. ш.
Яна . . .	71° с. ш. (Устьянскъ)	Колыма . . .	69° с. ш.
Селляхъ (?)	71½° с. ш.		

И такъ, на Хатангѣ, подъ защитой далеко вдающагося въ океанъ Таймурскаго полуострова, лѣсъ достигаетъ 72½°—самой сѣверной своей точки не только въ Сибири, но и на всемъ земномъ шарѣ.

Лѣсъ этотъ жалокъ. Преждевременно состарившійся, покрытый бородатыми лишайниками, съ жидкой, желтоватой зеленью на немногочисленныхъ живыхъ побѣгахъ, съ высохшими, часто обломанными верхушками, онъ тянется широкой, рѣдкой, траурной каймой вдоль всей сѣверной опушки лѣсовъ. Деревья хворыя, уродливыя, отъ 2-хъ до 3-хъ саженей высоты и отъ 4 до 6 дюймовъ въ діаметрѣ, покрыты массой бородавокъ, сучковъ, вѣтвей, засохшихъ однолѣтнихъ побѣговъ, торчащихъ вдоль ствола, точно шипы. Зелени на нихъ чрезвычайно мало. Они совсѣмъ почти не даютъ ни тѣни, ни защиты; въ такомъ лѣсу всюду видишь надъ собою небо, а кругомъ прогалины [2]). Такой лѣсъ тянется на сотни верстъ въ глубину материка. Даже далеко на югѣ, въ окрестностяхъ Якутска и Олёкминска, въ самомъ сердцѣ могучаго лѣса, я не разъ встрѣчалъ участки подобнаго криволѣсья, со всѣми принадлежностями тундры, съ подстилкой политриховыхъ мховъ, ягелей, съ верескомъ, съ низкорослымъ, кустовиднымъ ерникомъ вмѣсто подлѣска и колоніями пустодвѣта морошки. Только здѣсь эти острова тундры прятались отъ жгучаго солнца на днѣ глубокихъ падей, подобно тому какъ лѣса дальняго сѣвера прячутся въ тундрѣ отъ холодныхъ морскихъ вѣтровъ. Можно смѣло сказать, что если лѣсъ, въ видѣ острововъ и заливовъ, проникаетъ далеко въ тундру, то и послѣдняя не менѣе глубоко забирается въ его предѣлы. Нигдѣ лѣсъ не

[1]) Отдѣльныя лиственичныя рощи попадаются среди тундры на Олёнекѣ еще подъ 72° 10′. (Чекановскій).

[2]) На 8, рѣдко на 4, и совсѣмъ рѣдко на 2 квадр. сажени приходится по одному жалкому деревцу. (Миддендорфъ).

составляетъ сплошного, на многіе десятки верстъ, однороднаго одѣянія края. Всюду черезъ 5—10—20 верстъ встрѣчаются то обширныя, покрытыя мхомъ болотины, то рѣчныя или озерныя луговыя долины, то нагорныя тундры, то просто скалистыя полосы или гребни хребтовъ, точно ребра земли просвѣчивающіе сквозь рѣдѣющую зелень лѣса. На югѣ лѣсъ, конечно, взбирается значительно выше на склоны горъ, но и горы тамъ выше, такъ что главные гребни ихъ все таки остаются безлѣсными [1]). Къ сѣверу линія обнаженія понижается постепенно: вблизи границы лѣсовъ бугры въ 100—200 футовъ уже безлѣсны; вершины внутренняго горнаго пояса безлѣсны на высотѣ отъ 2000 до 3000 футовъ, а на югѣ лѣсъ нерѣдко подымается отъ 3000 до 4000 футовъ надъ уровнемъ моря [2]).

Преобладающая въ здѣшней тайгѣ древесная порода—даурская лиственица [3]). Она любитъ солнце и жить не можетъ безъ свѣта, любитъ верхушки и откосы невысокихъ холмовъ, сухіе увалы, съ рыжеватой, суглинковой или супесчаной почвой, гдѣ она разростается особенно привольно. Въ мѣстакъ низкихъ, сырыхъ она хотя и живетъ, но чахнетъ и вырождается. Не любитъ она, также, мѣстъ, покрываемыхъ на долго снѣговою водою или рѣчными разливами и, потому, къ рѣкамъ и озерамъ она подходитъ вплоть только тамъ, гдѣ край берега лежитъ выше линіи обычнаго разлива; изъ рѣчныхъ острововъ растетъ только на тѣхъ, которые не заливаются въ половодье.

На югѣ этого края, въ окрестностяхъ Олёкминска, лиственица достигаетъ нерѣдко 80, даже 100 футовъ высоты и $2^1/_2$, даже 3 футовъ толщины; на сѣверѣ она достигаетъ только половины этого роста; обыч-

---

[1]) Вотъ какъ Крапоткинъ, описываетъ южно-витимскую горную страну: «Безлѣсныя, скалистыя вершины горъ съ одинокими, рѣдкими мачтами лиственицъ, перемежаются съ глухими падями, гдѣ густо растутъ хвойные лѣса, гдѣ падающія деревья не успѣваютъ сгнить, какъ уже ихъ застилаютъ покровы ягелей и мховъ и на развалинахъ погибшихъ стволовъ выростаютъ новыя поколѣнія, а густыя непроходимыя чащи молодыхъ подлѣсковъ съ избыткомъ пополняютъ убыль въ изжившихъ особяхъ». (Отчетъ объ Олёкминско-Витимской Экспедиціи, стр. 366).

[2]) Мы имѣемъ въ виду среднія цифры, около которыхъ колеблется эта граница. Во многихъ случаяхъ она то опускается ниже, то подымается значительно выше. Чекановскій для Верхоянскаго хребта даетъ нижеслѣдующія цифры:

	Юго-Западный склонъ.	Сѣверо-Восточ. склонъ.
На Верхоянскомъ хребтѣ	5017′	5350′
Тасъ-Кыстабытъ	5590′	5710′
Улаханъ Чистай	5330′	5224′
Томусъ-хая (Тумусъ)	5370′	4714′

[3]) По якутски: «титъ масъ» (масъ—дерево). Сибирская лиственица отличается отъ даурской тѣмъ, что у первой края чешуекъ у шишекъ округлые, даже заостренные, а у сибирской урѣзанные и зубчатые; кромѣ того шишки у даурской гораздо мельче.

ные же ея размѣры—20—30 футовъ высоты и 6—8 дюймовъ въ поперечникѣ. Часто ея стволъ весьма заколистъ и вслѣдствіе ненормальныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій, подверженъ разнымъ болѣзнямъ: растрескиванію, спиральному скручиванію, вѣтвистости, наплывамъ [1]), болѣзнямъ сердцевины и т. п. Участки крупнаго, гладкоствольнаго, строевого лѣса встрѣчаются на сѣверѣ очень рѣдко. Бревна, годныя для постройки домовъ и лодокъ, тамошніе жители вывозятъ издали, отыскивая ихъ съ трудомъ и по одиночкѣ [2]). Только въ глубинѣ страны, на южномъ склонѣ внутренняго горнаго пояса и во впадинѣ южнаго плоскогорія, лѣса начинаютъ расти буйно, разнообразятся различными древесными породами и образуютъ дремучія, непроницаемыя тѣнистыя чащи. Тутъ, впервые, къ лиственичнымъ лѣсамъ подмѣшиваются сосны [3]), ели [4]), пихты [5]), кедровые сланцы и кедры [6]), отсутствующіе на сѣверныхъ плоскогоріяхъ.

Береза, тополь, ольха, осина, хотя и переходятъ мѣстами далеко на сѣверъ, за хребты раздѣляющіе плоскогорія, но только на югѣ они принимаютъ видъ настоящихъ деревьевъ, являются на столько многочисленными, что вліяютъ на физіономію лѣса и даже скопляются отдѣльно въ крупныя самостоятельныя рощи.

Бѣлая береза (Betula alba) [7]) всѣхъ дальше сопутствуетъ лиственницѣ на сѣверъ. Но тамъ, гдѣ лиственница выростаетъ уже до размѣровъ виднаго деревца, березы малочисленны, низки и тонки; стволы ихъ чахлы, дряблы и болѣзненны. Въ окрестностяхъ Верхоянска и Средне-Колымска, гдѣ лиственичный лѣсъ уже довольно порядочный, я не видывалъ березы толще 5—6 дюймовъ, большинство ихъ было значительно тоньше, а высота не шла далѣе 3—4 саженъ. Миддендорфъ описываетъ березы подъ 69½° с. ш. на Енисеѣ, какъ дряхлыя деревца въ сажень высотою и 3 дюйма толщиною. Маакъ сообщаетъ, что «отъ Оленёка къ озеру Сюрюнга (Сюрюнда, 65 ½° с. ш.), на горныхъ

---

[1]) По якутски называется «уръ»: это уродливый наростъ, нерѣдко въ ½ и ¾ аршина въ діаметрѣ.

[2]) Мнѣ говорили, что лѣсъ для церквей городовъ Верхоянска и Средне-Колымска былъ сплавленъ издали, съ верховьевъ соотвѣтствующихъ рѣкъ. Церковь въ «Казачьемъ» (устья Яны) тоже построена изъ сплавного верхового лѣса. Извѣстенъ мнѣ также случай, когда на рѣшеніе родоваго суда въ Колымскомъ улусѣ, Камалахскомъ наслегѣ, поступила жалоба якута, что другой якутъ срубилъ и увезъ годную для выдѣлки лодки лиственницу, не смотря на то что на деревѣ была мѣтка жалобщика.

[3]) бэсъ (масъ), [4]) харыя (масъ), [5]) сатыханъ харыя, [6]) болбукта,

[7]) Хатынгъ. Другой видъ березы (betula nana), стелющейся и малорослой, заходитъ мѣстами въ тундру подъ 74° с. ш. на Таймырскомъ полуостровѣ, въ долинѣ р. Таймыръ, (Миддендорфъ ibid. Ч. I., От. IV, стр. 532).

хребтахъ и столовыхъ горахъ, бѣлая береза нерѣдко появляется исключительно въ видѣ кустарника. Только на низинахъ у послѣдняго озера и на его островахъ встрѣчаются деревья значительной величины [1]). Излюбленныя мѣсторожденія березы: долины и острова рѣкъ—холодныя, черныя, слегка солонцеватыя почвы [2]). На плоскогоріяхъ, надъ озерами, на торфяникахъ она растетъ плохо; криворослая лиственница заглушаетъ ее тамъ совершенно. Жители такихъ мѣстъ, въ поискахъ за березой годной для подѣлокъ, дѣлаютъ объѣзды въ десятки верстъ. Мнѣ также извѣстно доподлинно, что жители низовьевъ Индигирки, Яны, Колымы вывозятъ съ верховьевъ этихъ рѣкъ березовыя полозья для нартъ и березовую кору для посуды. Мѣстную березу они считаютъ никуда негодной [3]).

Благовонный тополь [4]) и осина [5]) проникаютъ всего градуса на два сѣвернѣе полярнаго круга. Растутъ они и на береговыхъ откосахъ съ каменистымъ грунтомъ и на низменныхъ островахъ съ жирной почвой [5]).

Впрочемъ, мѣста появленія ихъ, особенно первой, довольно прихотливы. Тополевыя рощицы находятся главнымъ образомъ въ горныхъ ущельяхъ, въ верховьяхъ Яны и Дуолгалаха [6]), а также въ верховьяхъ Бытынтая, лѣваго притока Яны, текущаго изъ тѣхъ же горъ. Тополь достигаетъ тамъ такой толщины, что изъ него приготовляютъ доски даже

[1]) Маакъ, Матеріалъ для изученія флоры Вилюйскаго Округа, стр. 243.

[2]) На такихъ мѣстахъ березы иногда образуютъ, такъ называемыя, «щетки», т. е. клубни корневыхъ побѣговъ, сплетенные самымъ причудливымъ образомъ. Распиленные, они даютъ доски съ красивыми узорами изъ темныхъ и свѣтлыхъ пятенъ, прожилокъ и кружковъ; якуты выдѣлываютъ изъ нихъ узорчатую посуду и черенки для ножей.

[3]) На югѣ, въ горахъ растетъ особый видъ березы, называемый по якутски «ыэрга» (Betula Ermani); она цѣнится за крѣпость волоконъ, а метлы сдѣланные изъ вѣтвей этой березы, и употребляемые при очисткѣ хлѣба, предпочитаются передъ другими за упругость и прочность (Намскій Улусъ).

[4]) тирэхъ, [5]) тэтиҥъ.

[5]) Маакъ, ibid, стр. 243

[6]) (Н. Гороховъ. «Старый Трактъ отъ Верхоян. въ Якутскъ». Изв. В. Сиб. Геог. Отдѣл. Т. XIV 1883 г.). Выписка изъ дневника Горохова.—«Опять болото версты на 2 и потомъ слава Богу сухо, сухо, сухо!... Съ горки на горку, съ горки на горку и трахъ!—болото, болото и р. Теряхъ-Юряга (Тополевая рѣчка въ 25—30 вер. сѣвернѣе станціи Кень-Юряхъ). Поварня Тополи. Вы не можете себѣ представить какое удовольствіе чувствуетъ путешественникъ, когда приходится переѣзжать рѣчки, берега и острова которой поросли тополями. Во первыхъ тутъ нѣтъ грязи—не боишься утонуть въ болотѣ, а во вторыхъ, самый тополь въ сравненіи съ корявыми низкорослыми деревцами (лиственица), ёрникомъ и тальникомъ—стройныя, чистыя (именно чистыя, потому что здѣсь вся лиственница покрыта какимъ то чернымъ мхомъ, точно бородой обросла), крупный тополь кажется Богъ знаетъ чѣмъ. Особенно это удовольствіе бываетъ велико въ жаркій лѣтній день: и прохладно тутъ, и комаровъ тутъ меньше, и въ болотѣ не утонешь. И непремѣнно въ такихъ мѣстахъ спустишься съ лошади, посидишь, копямъ роздыхъ дашь. Послѣдніе тоже съ видимымъ удовольствіемъ останавливаются здѣсь: какъ же? травка-то не болотная осока, а тонкая, нѣжная, какъ шолкъ».

въ 10—11 дюймовъ шириною [1]). Встрѣчается онъ также подъ 67° с. ш., по дорогѣ изъ Верхоянска въ Средне Колымскъ, по рѣчкамъ восточнаго склона Тасъ—Ханяхтаха, изливающихся въ Индигирку около поварни «Тирэхъ-юрье» (Тополь растетъ). Въ верховьяхъ Колымы, въ долинѣ Аннюя а также на Оленёкѣ, тополь и осина изрѣдка достигаютъ такихъ размѣровъ, что изъ ихъ пней, путемъ выдалбливанія и выгибанія въ горячемъ пару, приготовляютъ цѣльные, долбленые челны [2]), высоко цѣнимые мѣстными русскими рыбаками. На югѣ тополь и осина растутъ повсюду, какъ подмѣсь къ лиственичнымъ, сосновымъ и еловымъ лѣсамъ, главнымъ образомъ, конечно въ долинахъ рѣкъ; тополя вообще мало; на плоскогоріяхъ его почти не замѣтно, между тѣмъ какъ осина съ березой образуютъ тамъ нерѣдко цѣлыя отдѣльныя рощи. Тополевую рощу я видѣлъ всего одинъ разъ. Спустившись съ высокаго, совершенно безлѣснаго Верхоянскаго хребта, по почтовому Верхоянско-Якутскому тракту, я, на южномъ его склонѣ у истоковъ рѣчки Тюкулана, попалъ вдругъ въ густой и рослый тополевый лѣсъ. Здѣсь тополь поднялся выше горной линіи лиственицы и даже кедроваго сланца, который, между прочимъ, я тоже увидѣлъ здѣсь впервые послѣ поѣздки по сѣверному плоскогорію [3]).

Самая распространенная, здѣсь послѣ лиственицы, лѣсная порода—несомнѣнно сосна. Она совсѣмъ не водится на сѣверномъ плоскогоріи, но на южномъ она мѣстами образуетъ сплошные боры. Самое сѣверное мѣсторожденіе ея, въ этомъ краѣ, находится на Енисеѣ, южнѣе Туруханска подъ 65°—55° с. ш. [4]). По мѣрѣ приближенія къ границѣ своего произрастанія, она не вырождается по всей линіи въ уродливый кустъ, подобно лиственицѣ, а вдругъ исчезаетъ всюду, оставаясь тѣмъ-же красивымъ стройнымъ деревомъ, какимъ растетъ на югѣ. Только на болотинахъ и торфяникахъ она превращается въ криворослъ. Въ долинахъ Лены,

---

[1]) Такую доску, вывезенную изъ Бытыптая, я видѣлъ въ 1884 г. въ Верхоянскѣ въ столярной мастерской С. Ковалика.

[2]) Это такъ называемые «стружки»—круглодонные, ординарные челноки, сажень съ небольшимъ длиною, фута полтора-два шириною, и восемь дюймовъ глубиною. Цѣна имъ въ Средне-Колымскѣ отъ 3 до 5 рублей. На Янѣ ихъ не знаютъ. Якуты считаютъ ихъ тяжелыми на ходу и предпочитаютъ свои изящныя вѣтки, сшитыя изъ лиственичныхъ досокъ; онѣ и дешевле стоятъ и ихъ легче чинить. Граница тополи на Олёнекѣ по Чекановскому 70° 15′ с. ш.

[3]) Говорятъ, что сланецъ, встрѣчается и на сѣверныхъ плоскогоріяхъ въ долинѣ Индигирки.

[4]) Сѣверный предѣлъ сосны въ Европѣ достигаетъ 70° с. ш. въ Норвегіи, въ долинѣ р. Альтена (Миддендорфъ ibid. стр. 519).

Алдана, Вилюя, Олёкмы, размѣрами она не много уступаетъ лиственицѣ [1]). Излюбленная ею почва—это желтоватые сыпучіе пески, за обладаніе которыми она успѣшно борется съ лиственицей. Долина Вилюя, изобилующая съ правой своей стороны подобными мѣстами, почти сплошь покрыта прекраснымъ сосновымъ боромъ. Сосна не чуждается возвышенностей, разъ ихъ почва пригодна для нея. Въ отрогахъ Южно-Алданскаго хребта она подымается даже на высоту 3500 футовъ. Зато она очень чутка къ сырымъ, холоднымъ лѣтнимъ вѣтрамъ.

Мнѣ кажется, что она неохотно смѣшивается съ другими древесными породами и предпочитаетъ жить отдѣльными колоніями. Такія колоніи всегда отличаются отъ угрюмой лиственичной тайги отсутствіемъ валежника и бурелома, опрятностью, сухостью, прозрачностью тѣни и веселымъ, даже величественнымъ видомъ. Въ сосновыхъ рощахъ всегда растетъ масса ягодъ. напѣваютъ птицы и снуютъ звѣрьки. Сосна, въ виду употребленія якутами ея заболони вмѣсто муки, сыграла немалую роль въ жизни якутскаго народа до знакомства его съ хлѣбомъ. Еще въ 50-хъ годахъ, проводники Маака, тунгусы, не безъ основанія утверждали: «гдѣ сосна, тамъ и якуты» [2]). Подмѣсь сосны къ здѣшнимъ лѣсамъ, даже въ Вилюйскомъ Округѣ, едва-ли превосходитъ отношеніе 1-го къ 20-ти.

Третье по распространенію дерево здѣшнихъ лѣсовъ—сибирская ель—въ противоположность лиственицѣ и соснѣ, предпочитаетъ мѣста низкія, сырыя, съ тучной черноземной почвой. Въ еловыхъ рощахъ всегда грязно и темно. Мѣста, занятыя ими, нерѣдко заливаются весенними разливами, слѣды которыхъ замѣтны на пняхъ и вѣтвяхъ деревьевъ, украшенныхъ мочалами водорослей; безпорядочно разбросанныя, кучи стараго, искрошеннаго плавнику валяются у ногъ деревьевъ. Въ гористыхъ мѣстахъ ель любитъ скрываться отъ вѣтровъ въ глубокихъ долинахъ; на востокъ отъ Лены она попадается значительно рѣже. Очевидно другія климатическія и почвенныя условія не допускаютъ ее сюда. Здѣсь она не переходитъ сѣвернѣе внутренняго горнаго пояса ($64^1/_2^0$ с. ш.)), между тѣмъ какъ на западѣ, въ верховьяхъ Вилюя она образуетъ значительные лѣсные участки, на Оленёкѣ достигаетъ $70^1/_2^0$, а на Енисеѣ $69^1/_2^0$ с. ш.

[1]) Маакъ мѣрилъ самыя крупныя сосны на правомъ берегу Вилюя, между его устьемъ и г. Вилюйскомъ, и нашелъ въ нихъ 70 фут. высоты и $2^1/_2$ фута въ поперечникѣ (на разстояніи одного фута отъ земли). Видѣнныя мною сосны тоже всюду немногимъ уступаютъ окружающимъ ихъ лиственницамъ.

[2]) Маакъ, ibid. Часть II, стр. 20.

[3]) По дорогѣ въ Верхоянскъ, послѣднія ели встрѣчаются у рѣчки «Туора-Тюкуланъ»; въ 25 верстахъ отъ станціи Бёдё-кёль. (Н. Гороховъ. «Старый трактъ отъ Верхоянска въ Якутскъ». Изв. Спб. Вост. Отд. Геог. Общ. Т. XIV 1883 годъ).

Сибирская пихта, очень на нее похожая, сопутствуетъ ей на Ленѣ только до Олёкмы, а на Енисеѣ—до $67^3/_4^0$ с. ш. [1]). Сибирская ель и сибирская пихта превосходятъ высотою всѣ деревья здѣшнихъ лѣсовъ. Ихъ косматыя пирамидальныя верхушки, подобно шпилямъ колоколенъ, высоко подымаются надъ уровнемъ бора, а ихъ темная зелень рѣзко и красиво выдѣляется на свѣтломъ, нѣжномъ фонѣ лиственицы и блѣдной зелени березъ, ивъ и лѣсной поросли.

Южнѣе Олёкмы попадаются въ лѣсахъ и кедры [2]), а кедровый сланецъ [3]), хотя въ небольшомъ количествѣ, встрѣчается всюду на болѣе значительныхъ высотахъ южнаго плоскогорія, но оба эти растенія не играютъ почти никакой роли въ лѣсномъ хозяйствѣ мѣстныхъ жителей [4]). Кромѣ кедра въ лѣсахъ нерѣдко попадается и древовидная [5]) и кустовидная ольха [6]), а южнѣе 65° с. ш. и рябина, по якутски «сарбаняхъ», или «рэбина» [7]).

Изъ кустарниковъ, несомнѣнно, первое мѣсто занимаетъ «тальникъ» [8]). Это та же европейская ива, только пень дерева до того низокъ, что спрятанъ въ землѣ, и все растеніе представляетъ зонтовидный кустъ, состоящій изъ гладкихъ, длинныхъ, радіусами расходящихся прутьевъ, увѣнчанныхъ кроной кудрявыхъ, ланцетовидныхъ, серебристо-зеленыхъ листьевъ. Есть, впрочемъ, виды, которые растутъ густо, отдѣльными побѣгами въ 10′ и 20′ длиною и не больше двухъ дюймовъ толщиною; а въ горахъ и надъ озерами попадается уродливое ивовое деревцо—черный тальникъ (хара талакъ), съ корявой корой и вычурно скрюченными вѣтвями. Видовъ тальника очень много [9]); всѣ они любятъ мѣста

---

[1]) Миддендорфъ, ibid. стр. 515. Я помню, что среди еловыхъ перелѣсковъ, въ долинѣ Алдана, недалеко устья Амги, я встрѣчалъ отдѣльныя деревья, напоминающія пихту: стройныя, чрезвычайно высокія, съ гладкой, пепельно-сѣрой корой; но я тогда не опредѣлилъ точно разницы и теперь утверждать, что это пихта, не смѣю.

[2]) сылахъ масъ, [3]) болбукта.

[4]) Не далеко отъ Якутска я, впрочемъ, видѣлъ кедровый мельничный валъ, толщиною въ 10—11 дюймовъ, приплавленный нарочно изъ Олёкминска. Но больше я не видѣлъ у якутовъ кедроваго дерева въ подѣлкахъ. Сборомъ кедровыхъ орѣховъ они тоже не занимаются.

[5]) абаха, [6]) сисикъ абага.

[7]) Рябина встрѣчается въ долинѣ Тюкулана по дорогѣ въ Верхоян. (Гороховъ) ibid.

[8]) талакъ.

[9]) Якутамъ извѣстно ихъ больше десятка; привожу названія и опред. по Мааку:

1) Сутуга талакъ - лычной тальникъ (сутуга-лыко) (Salix pyrolaefolia); цвѣтетъ между 2—23 Мая.

2) Кылъ сиръ талакъ—тальникъ, который ѣстъ звѣрь (скотъ) (Salix myrtilloides); въ видѣ небольшого кустарника, нерѣдко на болотахъ. Кылъ сиръ талакъ зовутъ еще нѣсколько видовъ съѣдобнаго тальнику.

3) Юрюнгъ талакъ—бѣлый тальникъ (S. repens и brachypoda), его тоже ѣстъ скотъ.

сырыя, поемныя берега рѣкъ и озеръ; особенно проточныя воды, куда они спускаются даже въ самыя русла, заполняютъ собою острова и низкія песчаныя мели, гдѣ по цѣлымъ недѣлямъ, иногда, остаются подъ водою. Здѣсь тальникъ, положительно, какое-то земно-водное растеніе, такъ какъ, иногда, проводитъ половину лѣта подъ водою. Онъ властвуетъ на берегахъ рѣкъ, образуя густыя, непроницаемыя, тѣнистыя «джонглы», среди которыхъ ни одно посторонее растеніе не въ состояніи жить; тальникъ заглушаетъ и уничтожаетъ все. Въ его тѣни осмѣливаются рости развѣ только разные виды хвощей «бору» да еще, любящая тѣнь и сырость красная [1]) и черная [2]) смородина. Тальникъ плохо уживается съ лиственицей; онъ не любитъ сухой, твердой, глинистой почвы излюбленной первою и, въ случаѣ обсыханія занятыхъ имъ пространствъ, замѣтно хирѣетъ, и постепенно исчезаетъ выживаемый лиственичнымъ молодятникомъ. Онъ дружитъ съ пихтой и елью; но на солонцоватыхъ болотахъ стоячихъ водъ, гдѣ послѣднія чувствуютъ себя такъ хорошо, встрѣчаются только худшіе виды тальника, видимо больные и чахлые. Какъ мы уже замѣтили, тальникъ по преимуществу рѣчной кустарникъ.

Какъ подлѣсокъ на опушкѣ тайги, въ изобиліи встрѣчаются: шиповникъ [3]), боярка [4]) и можжевельникъ [5]). На югѣ, часто, кусты ихъ перевиты лозами дикаго хмѣля, прозываемаго якутами «сѣтьми дьявола» (Atragene alpina) [6]), и образуютъ густыя колючія заросли.

Въ лѣсахъ масса ягодъ. Изъ съѣдобныхъ самая распространенная—

---

4) Ыманъ талакъ—развѣсистый тальникъ (?). Маакъ выдѣляетъ его въ особый видъ.

5) Сиге талакъ, видъ съ тонкими вѣтками, покрытый узловатой, желтовато-коричневой корой; а также горный тальникъ и вообще тѣ его виды, прутья которыхъ отличаются особенной гибкостью, крѣпостью, способны замѣнять веревки.

6) Хара талакъ—черный тальникъ (Salix viminalis).

7) Джахтаръ талакъ, или кисиль талакъ—женскій, или красный тальникъ (Cornus sibirica). тонкая, стройная, мелкой породы лоза съ красной корой.

8) Эръ талакъ—мужской тальникъ; всякій рѣчной, кустовидный тальникъ крупной породы.

9) Сатыханъ талакъ—пахучій тальникъ.

10) Чай талакъ—кустовидная, низкорослая, полярная ива, растущая обильно на тундрѣ, наваръ изъ ея коры и листьевъ пьютъ вмѣсто чаю (Salix arctica и polaris).

[1]) хаптагасъ, [2]) мойнохонъ.

Кусты первой я находилъ подъ 71° с. ш.; вторая прекращается значительно южнѣе. На югѣ смородина, особенно красная, достигаетъ 10 фут. высоты, а гроздн ея ягодъ, сочныя и большія, висятъ иногда такъ густо, что весь кустъ кажется краснымъ или чернымъ, смотря по сорту.

[3]) дёлёхёнь, [4]) бояркы, [5]) кытыэпь, [6]) абасы илимэ.

брусника [1]), затѣмъ костяника [2]), голубица [3]), княженика [4]), наконецъ малина [5]). Кусты послѣдней хотя попадаются далеко на сѣверѣ (я видѣлъ ихъ въ Колымск. окр. подъ $68^1/_2{}^0$ с. ш.), но ихъ мало и плоды ихъ мелки, грязномалиноваго цвѣта, безъ запаха и вызрѣваютъ далеко не каждый годъ. На сѣверѣ, въ тундрахъ, обильно растетъ морошка, а на югѣ земляника. Первые три сорта ягодъ, а также чорную смородину и морошку, якуты собираютъ въ большомъ количествѣ на продажу и для себя; остальные, исключая малины, которую считаютъ «поганой», ѣдятъ, но въ запасъ не собираютъ.

Среди лѣсныхъ и тундровыхъ растеній, распредѣленіе которыхъ не лишено значенія, особенно для якутовъ сѣвера, видное мѣсто занимаетъ оленій мохъ—ягель.

Его два вида: одинъ съ широкими лопастями желтаго цвѣта, другой—тонкій, сѣроватый, любимый оленями болѣе перваго, который они ѣдятъ только тогда, когда нѣтъ второго. Растутъ они рядомъ, но, повидимому, первый преобладаетъ въ тундрахъ, второй въ лѣсахъ. Ягель занимаетъ иногда громадныя площади, въ десятки тысячъ десятинъ, и особенно охотно растетъ на возвышенностяхъ и плоскогоріяхъ, гдѣ лѣсъ рѣдокъ и почва не черезъ чуръ сырая. Въ долинахъ рѣкъ, на тучныхъ наносныхъ почвахъ я встрѣчалъ только незначительныя его колоніи и то въ видѣ исключенія. На болотахъ онъ тоже не растетъ: тамъ его замѣняетъ грязно-зеленый несъѣдобный политрихумъ, и торфяные мхи (Sphagnum). Послѣдніе покрываютъ и большинство такъ называемыхъ «бадарановъ»—жидкихъ, къ счастью неглубокихъ, всего на 3 съ небольшимъ фута оттаивающихъ грязей, занимающихъ иногда нѣсколько квадратныхъ верстъ пространства и сильно затрудняющихъ передвиженіе по странѣ. На южномъ плоскогоріи ихъ относительно мало; они попадаются въ большомъ количествѣ только въ сѣверной части Вилюйско-Ленскаго плоскогорія; но на сѣверныхъ плоскогоріяхъ ихъ масса и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ больше. Мѣстами они покрыты рѣдкимъ, болѣзненнымъ лѣсомъ. Ужасно жалкій видъ представляетъ лиственница на этой несвойственной ей почвѣ; она вымираетъ и, судя по развитію и росту нѣкоторыхъ умершихъ особей, я всегда склоненъ былъ предполагать, что подобные лѣсные «бадараны» образовались уже послѣ того, какъ долина была занята лѣсомъ.

Мхи играютъ здѣсь не малую роль въ распредѣленіи влаги и тепла на поверхности земли. Толстый, до $^3/_4$ фута, губчатый ихъ покровъ,

---

[1]) улахъ отонъ, [2]) уонтахъ отонъ, [3]) субунъ отонъ, [4]) джеджьене, [5]) эльюнь отонъ; ытъ атага, бе-эміэ, сылгы-эміэ. Въ Колымскомъ округѣ малина любитъ расти на могилахъ.

напитавшись снѣговой и дождевой водой, долго впослѣдствіи служитъ источникомъ маленькихъ рѣчекъ и ключей, стекающихъ въ болотины и озера и пополняющихъ убыль послѣднихъ. Мхи содѣйствуютъ образованію грязей на откосахъ горъ.

Ягеля, не смотря на толщину своихъ покрововъ, просыхаютъ быстро; нормальное ихъ состояніе: сухія, ломкія кроны лопастей и слегка влажные, нѣжные, гибкіе корни.

Перехожу къ описанію луговъ и пастбищъ якутскаго края. Они искони имѣли важное значеніе для якутовъ.

Не менѣе важно было для нихъ преобладаніе тѣхъ или другихъ кормовыхъ травъ въ данномъ уголкѣ края, на долинахъ разнаго типа. Изслѣдованіе этого вопроса объяснило-бы, думаю, во многихъ случаяхъ, тяготѣніе населенія къ извѣстнымъ центрамъ и оставленіе другихъ втунѣ; дало бы ключъ къ уразумѣнію быстроты перехода въ иныхъ мѣстахъ къ рыболовству, вызваннаго гибелью стадъ; наконецъ, позволило-бы судить, на сколько основательна враждебность къ земледѣлію, высказываемая опытными якутскими скотоводами [1]). Они говорятъ что подъ пашни уходятъ лучшія пастбища, именно тѣ, гдѣ растутъ самыя питательныя и любимыя скотомъ травы, что тамъ, гдѣ такіе участки огорожены и распаханы, скотъ начинаетъ давать меньше молока и приплода, и замѣтно хирѣетъ (Намск. ул., 1889 г.).

Думаю, что въ этомъ есть доля правды. Подъ хлѣбъ здѣсь распахиваютъ сначала степные участки, никогда не заливаемые весеннею водою. Предпочтеніе отдаютъ вершинамъ и южнымъ скатамъ пологихъ рѣлокъ и бугровъ, уклонъ которыхъ къ солнцу обезпечиваетъ растеніямъ больше свѣта и тепла, а также защиту отъ сѣверо-западныхъ холодныхъ и сухихъ вѣтровъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію, до сихъ поръ, на этотъ вопросъ обращали очень мало вниманія. Нѣкоторыя указанія на то, гдѣ, какія и въ какомъ количествѣ находятся растенія, можно найти только у Миддендорфа, да у Маака. Я самъ поздно созналъ важность, для этнографіи якутовъ, составленія гербаріевъ ихъ населенныхъ и сѣнокосныхъ урочищъ, и началъ собирать образцы только подъ конецъ моего пребыванія въ Якут. области. Слабое мое знаніе ботаники всегда сильно мѣшало этой работѣ и, если я, все таки, осмѣливаюсь говорить теперь о якутскихъ лугахъ, то только въ виду важности этого предмета, ради начала, ради привлеченія вниманія болѣе подготовленныхъ изслѣдователей. Какъ разъ во время печатанія этой книги я получилъ извѣстіе, что гг. Бычковъ и Сосновскій прислали въ музей Восточнаго Сибир. Отд. въ Иркутскъ колекціи растеній южно-якутскаго плоскогорія. Правитель дѣлъ Я. П Прейръ, ботаникъ, отзывается объ этихъ гербаріяхъ съ большой похвалой. Онъ теперь занятъ ихъ научной обработкой.

Такіе бугры въ долинахъ рѣкъ состоятъ по большей части изъ красноватаго суглинка, плодороднѣйшаго сорта почвы, во всемъ краѣ [1]). На плоскогоріяхъ, въ «аласахъ», такого рода суглинокъ рѣдокъ, тамъ преобладаютъ темныя, сѣроватыя почвы. Во впадинахъ, между буграми, располагаются почвы холодныя, черныя, солонцоватыя; онѣ-же преобладаютъ вблизи болотъ и на днѣ спущенныхъ озеръ. Ихъ распахиваютъ очень рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ.

На обоихъ родахъ почвы растутъ различныя травы. Сухіе бугры, особенно южные ихъ откосы, обыкновенно сплошь покрыты невысокой, стелющейся муравой, состоящей изъ разныхъ сортовъ пырея (кырысъ) и «остреца»—злакъ, растущій на сухихъ песчаныхъ мѣстахъ, очень любимый скотомъ. Тамъ же можно встрѣтить многія изъ тѣхъ растеній, присутствіе которыхъ считается признакомъ хорошихъ степныхъ пастбищъ, какъ то: полынь (artemisia sr. r.), по якутски «ёрьгё аса» (еврашечій кормъ); achillea millefolium—«хäрюй отъ»; draba repens, dr. incana, dr. nemorosa—«сытыганъ отъ» (душистая трава); thymus serpyllum—«богородской отъ»; mentha arvensis; разные виды ranunculus—«алтанъ отъ» (мѣдь трава). Изъ послѣднихъ, ростущихъ на сухихъ песчаныхъ почвахъ Маакъ насчитываетъ: ranunculus borealis и repens и на влажныхъ лугахъ и болотахъ: ranun. aquatilis, r. purshii, r. cassubicus, r. sceleratus; якуты знаютъ ихъ подъ общимъ именемъ «уоттахъ отъ» (огненной травы). Delphinium crassifolium, crassicaule, elatum; кромѣ того Маакъ находилъ d. parviflorum и grandiflorum. Potentilla; Маакъ нашелъ его одиннадцать видовъ; pot. anserina, по якутски «кёсёнгёсъ». Veronica incana и longifollia; galeopsis tetrahit (во множествѣ, какъ сорная трава на поляхъ; plantago major, paludosa, asiatica, canescens, media; изъ сѣмянъ послѣдней якуты приготовляютъ кашу. Euphorbia esula, latifolia, и maackii, и др. [2]).

---

[1]) Ее превосходитъ въ этомъ отношеніи только такая же почва изъ подъ лѣса.

[2]) Каррикъ, у котораго я позаимствовалъ списокъ степныхъ травъ, по его мнѣнію особенно важныхъ для стадъ коннаго скота («Врачъ» 1881 г.), приводитъ еще многія другія травы, также встрѣчающіяся на лугахъ Якутской области. Мнѣ казалось, что я находилъ здѣсь даже «ковыль», именно stipa altaica; къ сожалѣнію, отсутствіе, оставленнаго мною въ Якут. обл. для пополненія, гербарія, лишаетъ меня возможности провѣрить это справкой у спеціалистовъ; во всякомъ случаѣ, если это ошибка, то не я одинъ подвергся ей: Козьминъ, спутникъ Врангеля, сообщаетъ на 123 стр. своего отчета о поѣздкѣ вдоль берега Ледовитаго океана отъ устьевъ Колымы къ Индигиркѣ, что онъ «на льду нашелъ зерна весьма похожія на рожь» и впослѣдствіи узналъ, «что это сѣмена травы ковыль (stipa pennata), растущей по всему здѣшнему берегу».

Изъ кормовыхъ злаковъ считаю нужнымъ упомянуть: метликъ, котораго Маакъ насчиталъ 7 видовъ [1]), дикій ячмень [2]), дикую рожь [3]), пырей [4]), кипецъ [5]), овсяница [6]), костеръ [7]) и дикій овесъ (Avena flavescens и planiculis), и проч.

Якуты считаютъ также хорошимъ, особенно для коровъ, то сѣно, къ которому подмѣшанъ «горошекъ» [8]), листья хрѣна (?), щавель и проч.

Всѣ эти травы растутъ преимущественно въ сухихъ мѣстахъ, не надолго заливаемыхъ снѣговой или рѣчной водою. Въ мѣстахъ сырыхъ, низкихъ, съ солонцоватой почвой, онѣ уступаютъ мѣсто болотнику [9]): «осокамъ» (кылысъ), пухоносу (erigeron activ. и canadensis), и хвощамъ (бору). Вблизи озеръ, въ мѣстахъ гдѣ снѣговая вода стоитъ относительно недолго, растетъ невысокая мелкая «осока» — «сý-осокъ», какъ ее мѣтко назвалъ одинъ знакомый мнѣ русскій крестьянинъ. Пока она молода и сочна, лошади ее очень любятъ, но по осени, или скошенную на сѣно—ѣдятъ неохотно. Мѣстами, вдоль береговъ, изъ воды густо растетъ тростникъ (кулусунъ); осенью, по льду, лошади охотно лакомятся его молодыми побѣгами. Я видѣлъ тростникъ только на южномъ плоскогоріи и главнымъ

---

[1]) Poa attenuata, по якутски: кулунъ кутуруга—жеребячій хвостъ; p. caesia; p. sterilis-p. pratensis; p. angusitifolia—бэтіэмэ; p. psat. anceps. L.; p. trivialis.

[2]) Hordeum pratense и h. jubatum, по якутски: кись кутуруга — соболій хвостъ. [3]) Elymus dasystachys; E. excelsus. [4]) Triticum repens. [5]) Festuca ovina, F. duriuscula, [6]) F. elatior. [7]) Bromus inermis, по якутски: хантахай-отъ—плоская трава; B. ciliatus.

[8]) Papilionaceae. Среди стручковыхъ, встрѣчающихся въ Якут. об., Маакъ отличаетъ 18 видовъ. Болѣе распространенные изъ нихъ: Vicia cracca, Astragalus alpinus и fructicosus. Тимофеевка (Phleum pratense) встрѣчается въ небольшомъ количествѣ на заливныхъ, глинистыхъ, прирѣчныхъ лугахъ. «Лисій хвостъ» (Alopecurus pratensis) встрѣчается повсюду, но тоже въ небольшомъ, относительно, количествѣ. Что же касается растенія называемаго *хрѣномъ* здѣсь якутами и русскими, по сходству съ этимъ растеніемъ, то это не хрѣнъ, а Cochlearia sisymbroides, Dec. var. Czek anov. Trautv. (Н. Г. Потанинъ. Извѣст. Рус. Геог. Общ. т. XX, 1884 г., вып. 6, стр. 615). Жители не корень, а листья его употребляютъ въ пищу, добавляя вмѣстѣ съ щавелемъ въ «таръ». Корни тонкіе, горкіе, желтоватые, очень непріятны на вкусъ и совершенно лишены своеобразной остроты настоящаго хрѣна.

[9]) Болотника встрѣчается два вида: alopecurus ruthenicus, по якутски: кютэръ кут уруга—кротовій хвостъ и a. fulvus. Они считаются хорошими кормовыми травами; осоки-же признаются за худшіе сорта травъ; нѣкоторыхъ скотъ совсѣмъ не ѣстъ, или только въ крайности. Одинъ только неизвѣстный мнѣ видъ осоки высоко цѣнится на сѣверномъ плоскогоріи въ Верхоянскомъ и Колымскомъ окр.; якуты зовутъ его «бердегесъ». Хвощей Маакъ называетъ 4 вида: Equisetum arvense, E. pratense, E. limosum, E. scirpoides. Хвощи вообще якуты называютъ «бору»; между ними отличаютъ кормовые: 1) *сибикте*—растущій преимущественно *въ горахъ* въ тѣни утесовъ, въ зарослях, на пескахъ, заливаемыхъ разливомъ рѣчекъ; имъ быстро и хорошо откармливаются кони, коровы и олени; 2) *хара бору*—черный хвощъ, самый крупный видъ, достигающій человѣческаго роста; считается особенно хорошимъ кормомъ для коровъ, которыя даютъ отъ него, по мнѣнію якутовъ, много молока; кони тоже любятъ его, но страдаютъ, по мнѣнію туземцевъ, «шатуномъ»—частичный параличъ заднихъ ногъ; скотъ вообще ѣстъ этотъ хвощъ съ жадностью, тѣмъ не менѣе якуты не кормятъ имъ однимъ, а смѣшиваютъ съ другими травами; 3) *юрюнгъ бору* (бѣлый хвощъ) считается сквернымъ, мало питательнымъ; скотъ ѣстъ его неохотно.

образомъ на озерахъ, лежащихъ въ долинахъ рѣкъ; на самыхъ рѣкахъ тростникъ здѣсь не растетъ. Кромѣ тростника, здѣсь, по болотамъ и озерамъ растутъ въ изобиліи всякаго рода ситники (*мангычары*); изъ нѣкоторыхъ видовъ (Arundo) якуты плетутъ хорошія «цыповки» (сере). На солонцахъ, настолько обильныхъ солью, что покрываются бѣлымъ налетомъ, ничто не растетъ, кромѣ никуда негодной «пальчатой травы» (торбахъ-отъ) [1]).

Большинство перечисленныхъ выше кормовыхъ и всякихъ другихъ травъ встрѣчается и на верхнемъ плоскогоріи, въ «аласахъ» и въ долинахъ рѣкъ (кытылъ) [2]), на уступахъ ихъ вторыхъ террасъ. Тѣмъ не менѣе, относительная примѣсь и преобладаніе тѣхъ или другихъ до того различны тутъ и тамъ, что скотъ, привыкшій къ пастбищамъ въ «аласахъ», первое время тощаетъ и страдаетъ поносомъ, въ роскошныхъ лугахъ рѣчныхъ долинъ, и, на оборотъ, скотъ, воспитанный въ рѣчныхъ долинахъ, неохотно ѣстъ травы плоскогорій и, пока не привыкнетъ къ нимъ, худѣетъ, сбавляетъ молока и даже совсѣмъ перестаетъ доиться.

Сѣно, скошенное въ аласахъ, не трудно отличить отъ сѣна рѣчныхъ долинъ. Въ первомъ преобладаютъ осоки и худшіе сорта пырея; въ послѣднемъ—лучшіе пыреи и лучшіе осоки, масса цвѣтовъ, широколистныхъ растеній; кромѣ того попадается дикій лукъ и дикій ленъ, которыхъ я никогда не видалъ въ аласахъ.

На аласахъ, по мнѣнію якутовъ, ядовитыя растенія встрѣчаются чаще. Между прочимъ, они съ особымъ ужасомъ упоминали о какомъ-то «асы отъ» (горькомъ растеніи), корень котораго похожъ на рѣпу, бѣлый, мясистый и чрезвычайно вредный. Отъ одного обнюхиванія его, будто-бы, пухнутъ губы и ноздри коровъ; будучи съѣдено, оно причиняетъ судороги и смерть. Кони не ѣдятъ его, но при мнѣ было нѣсколько смертныхъ случаевъ среди рогатаго скота, приписанныхъ якутами этому растенію. Очень буйно разростается оно послѣ сухого лѣта, въ дождливую осень. Образцовъ его мнѣ не удалось получить, такъ какъ якуты боятся его трогать (Намскій улусъ, 1889 г.).

Одинъ и тотъ же участокъ земли, при одинаковой почвѣ, даетъ худшія травы въ тѣхъ мѣстахъ, которыя дольше оставались подъ водою, и, при нѣкоторомъ навыкѣ, можно легко узнавать продолжительность ихъ потопленія. Якуты умѣютъ отлично это дѣлать. Выше всего цѣнятся

---

[1]) Иные называютъ ее «тарахъ-отъ»—гребенчатая трава.

[2]) «Кытылъ» значитъ собственно «берегъ»; прирѣчные и островные луга, зовутъ также «ары», что значитъ вообще «островъ»; «анъ-дайды»—степь; «толонъ»—поле; «хаджима»—лугъ; «асылыкъ»—кормовище, пастбище.

сѣнокосы, заливаемые на непродолжительное время «тихою» водою, т. е. водою не несущей ни ила, ни песку, ни льду [1]).

При раздѣлѣ сѣнокосовъ между общинниками, гдѣ принимается во вниманіе и сортъ травъ, стараются разбить лугъ на такіе участки, чтобы каждому досталась часть, незаливаемая водою, часть—заливаемая среднимъ, непродолжительнымъ разливомъ, и часть луговъ мокрыхъ, совсѣмъ необсыхающихъ или обсыхающихъ только по осени, въ особенно засушливые годы. Засуха первой половины лѣта—главная помѣха удачному росту травъ.

Если были дожди въ первую половину лѣта—сѣна всюду много и оно прекрасное; если дождей выпало мало — сѣна въ аласахъ совсѣмъ мало, а въ долинахъ рѣкъ оно въ полной зависимости отъ разлива и сортъ его хуже.

Въ общемъ, условія прозябанія во всей описываемой нами странѣ, крайне своеобразны. Зимою всѣ растенія, безъ исключенія, не то что погружаются въ спячку, а совершенно замираютъ. Тухнетъ даже та слабая искра жизни, которую сохраняютъ, глубоко спрятанные въ слояхъ теплой земли, корни растеній, въ странахъ съ суровымъ климатомъ, но лежащихъ внѣ предѣловъ вѣчно мерзлой почвы.

Здѣсь все растеніе надолго превращается въ твердое, хрупкое, ледяное изваяніе, вѣтви котораго, съ стекляннымъ звономъ ломаются зимою при малѣйшемъ прикосновеніи, толстыя же части, при ударѣ топоромъ, выбиваютъ искры. Весною, раньше всего, возвращаются къ жизни тѣ части растеній, которыя прежде другихъ подвергаются дѣйствію солнечной теплоты, т. е. вѣтки и верхушки; соки начинаютъ въ нихъ вращаться, онѣ начинаютъ жить, развивать почки и дышать, въ то время, когда болѣе толстыя и близкія землѣ части растенія все еще представляютъ собою ледяные столбы. 14-го апрѣля, подъ $70^{3}/_{4}^{\circ}$ с. ш., въ мѣстности покрытой снѣгомъ, гдѣ ночью температура падала до —37° Ц., а днемъ, въ тѣни, повышалась всего до —16°, Миддендорфъ нашолъ на солнцепекѣ ивовыя вѣтви поднятыя всего на $1^{1}/_{2}$ дюйма надъ снѣгомъ, покрытыми вполнѣ развитыми, бѣлыми, какъ серебро, сережками. «Дюйма

---

[1]) Сообразно сорту травъ, собираемыхъ съ даннаго участка, сѣно дѣлится на: мелкое, пырейное сѣно, съ подмѣсью листьевыхъ растеній (бытархай, сэбирдэхтэхъ-отъ), считается лучшимъ и обыкновенно собирается раньше; эрбэхинъ арыга-отъ — грубое островное (заливное), второй сортъ сѣна; «бадараннахъ отъ»—грубое болотное сѣно, осока, ростущая изъ воды, собираемая обыкновенно осенью.

два глубже въ снѣгу, тѣ же самыя сережки и вѣтки оказались замерзшими» [1]).

Мнѣ самому многократно случалось наблюдать нѣчто подобное на вѣткахъ ивы, привозимыхъ якутами для корма скота. Ихъ начинаютъ собирать въ половинѣ марта, когда все еще покрыто снѣгомъ, и хотя на солнцѣ термометръ уже поднимается на нѣсколько градусовъ выше нуля, но въ тѣни господствуетъ еще зимній холодъ. Прикрытыя снѣгомъ и отѣненныя вѣтвями, нижнія, толстыя части кустовъ все еще представляютъ мертвыя сооруженія изъ льда и древесины, тогда какъ верхнія части уже живутъ: онѣ становятся гибки, мягки и сочны, кожица ихъ темнѣетъ, сережки ихъ изо дня въ день припухаютъ, растутъ. Такимъ образомъ, здѣсь различныя части дерева пользуются, какъ бы большею самостоятельностью жизни, чѣмъ у насъ.

Это наблюдается не только на ивѣ, но и на всѣхъ другихъ растеніяхъ (деревьяхъ), даже на травахъ, растущихъ отъ корней, которые нерѣдко глубоко погружены въ мертвую почву и просыпаются къ жизни позднѣе своей вершины. Относительно корней считаю нужнымъ отмѣтить, что въ слои, *никогда* не оттаивающей, почвы они не проникаютъ, а располагаются на извѣстной глубинѣ горизонтально, не прикасаясь къ поверхности вѣчнаго льда. Такимъ образомъ, хоть на нѣкоторое время года, всѣ части корней оживаютъ.

Корни здѣшнихъ растеній какіе-то больные, большею частью гнилые и уродливо скрюченные, особенно въ сырыхъ мѣстахъ. Такіе уродливые клубни растущей въ сырыхъ мѣстахъ березы даютъ извѣстную «щетку». На сѣверѣ, гдѣ слой ледяной почвы очень близокъ отъ поверхности, корни крупныхъ деревьевъ ползутъ во всѣ стороны по землѣ, слабо прикрѣпляясь къ ней своими мочками, едва укрытые мхами. Вслѣдствіе этого деревья здѣсь очень неустойчивы и когда выростаютъ выше извѣстнаго предѣла, неизбѣжно опрокидываются вѣтромъ. Это обстоятельство и болѣзнь корней даютъ то огромное количество бурелома, которое поражаетъ въ сѣверныхъ лѣсахъ, особенно вблизи его предѣловъ.

И такъ, здѣшнія деревья весною начинаютъ жить съ верхушекъ. Вначалѣ жизнь эта длится не больше нѣсколькихъ часовъ въ день и, съ пониженіемъ температуры подъ вечеръ, дерево снова погружается въ леденящій сонъ. Чтобы ломать вѣтки ивы для скота, якуты выѣзжаютъ въ концѣ марта, не раньше 11 часовъ дня, когда кустъ нѣсколько оттаетъ, иначе топоръ съ

[1]) Миддендорфъ, ibid. Часть I, отд. IV, 622.

трудомъ рубить его, и весь кустъ такъ хрупокъ, что при паденіи всѣ нѣжныя и самыя питательныя части его обламываются и крошатся настолько мелко, что нѣтъ возможности собрать ихъ. Мало по малу періоды жизни удлиняются и тепло разливается по всему растенію; надо полагать, что жизнь вѣтокъ не остается безъ вліянія на ускореніе этого процесса. Я не разъ замѣчалъ, что полѣнья срубленнаго мерзлаго дерева оставались замерзшими значительно дольше живыхъ стволовъ той же толщины. Кожица живыхъ темнѣла и становилась слизкой на много раньше, не смотря на тѣнь вѣтвей, покрывавшую ихъ.

Изъ всѣхъ растеній первая просыпается здѣсь ива (тальникъ). Она распускаетъ цвѣтовыя почки чуть ли не одновременно съ исчезновеніемъ снѣга. На южномъ плоскогоріи, даже въ сѣверныхъ его частяхъ, именно на южныхъ предгоріяхъ Алданскихъ и Вилюйскихъ горъ, въ первыхъ числахъ мая, можно увидѣть, какъ распускаются: бѣлый тальникъ (salix viminalis) и другіе виды его, преимущественно кустовидные, затѣмъ ольшнякъ (Alnaster fructicosa), осинникъ (Populus tremula) и другіе. Одновременно съ ними распускается березнякъ, такъ-же сначала кустовидный, а послѣ и деревья. Позже всѣхъ распускается лиственица, именно около 10-го мая.

На сѣверномъ плоскогоріи, смотря по мѣстности и по веснѣ, появленіе зелени на деревьяхъ запаздываетъ отъ 2 до 3 недѣль противъ южнаго.

Пострѣлъ, «нюргусунъ» (Anemona patens), первый якутскій цвѣтокъ; опереживая кусты и деревья, чуть не изъ подъ снѣга показываетъ свои бѣлыя, блѣдно золотистыя и розоватыя чашечки. По количеству пострѣла якуты судятъ о предстоящемъ урожаѣ травъ и о молочности сокта. Если его много, годъ предполагается хорошій. Немного позже Anemona patens является: одуванчикъ, желтушка (anemona silvestris) и др. Изъ съѣдобныхъ травъ раньше другихъ даетъ побѣги и распускаетъ листья щавель; его густые, темнозеленые кусты, уже въ первыхъ числахъ мая, рѣзко выдѣляются среди блѣдно-желтой зелени, только что нарождающейся муравы.

Въ концѣ мая и началѣ іюня, рощи и края луговъ южныхъ плоскогорій сплошь унизаны цвѣтами бѣлаго и розоваго шиповника и бѣлаго лютика. Въ глубинѣ лѣса цвѣтутъ уже ягоды и богульникъ.

Лѣтомъ все благоухаетъ, особенно въ тихіе жаркіе дни, когда удушливый ароматъ молодой лиственицы сильно распространяется, и каждый

цвѣтокъ, точно огненный бокалъ, широко развертываетъ свои дрожащіе лепестки въ накаленномъ до 40 градусовъ воздухѣ.

Взятые въ отдѣльности и въ холодные дни, здѣшніе цвѣты мало пахнутъ, но сильная іюльская жара, сухость воздуха, а главное—количество цвѣтовъ, дѣлаетъ ароматъ ихъ замѣтнымъ.

Окраска лепестковъ, вообще, довольно яркая и нѣжная; въ началѣ весны преобладаютъ блѣдные оттѣнки и цвѣта: желтый и бѣлый; они же доминируютъ въ лѣсахъ, надъ озерами, въ лѣсныхъ долинахъ; въ долинахъ рѣкъ, на лугахъ, мѣстахъ открытыхъ и на краю лѣсовъ — цвѣта встрѣчаются самые разнообразные: розовые, красные, фіолетовые, голубые, алые.... въ такой же пестрой смѣси какъ и у насъ [1]). Къ концу іюля коверъ луговъ блекнетъ, многія растенія отцвѣли. Тѣмъ не менѣе здѣсь можно видѣтъ въ началѣ и въ концѣ лѣта, что однѣ особи цвѣтутъ, тогда какъ рядомъ съ ними, другія особи того же вида уже покрыты вызрѣвающими плодами. Даже на однѣхъ и тѣхъ же особяхъ я видѣлъ почти зрѣлыя сѣмянныя коробочки и цвѣты. Нѣкоторыя цвѣтутъ по два раза, какъ напримѣръ Anemone [2]). Конечно, масса сѣмянъ этого поздняго цвѣтенія не вызрѣваетъ и является для растенія какъ бы лишнимъ расходомъ [3]). Изъ собранныхъ мною въ концѣ августа для посѣва двухъ фунтовъ сѣмянъ дикаго льна (linum perenne), едва треть была зрѣлая, а взошло всего нѣсколько особей. Повидимому, что быстрота созрѣванія, вынужденная краткостью лѣта, продолжительностью солнечнаго освѣщенія и высокой, парниковой, лѣтней температурой, не способствуетъ вообще плодности сѣмянъ. Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ рѣже растенія размножаются изъ нихъ, тѣмъ чаще они выходятъ изъ корней [4]). И

---

[1]) Величиной и красотой выдѣляются: фіолетовый ирисъ, оранжевая сарана (Lilium spectabile); она цвѣтетъ въ началѣ іюня, растетъ больше на сухихъ поляхъ и на краю лѣсовъ; затѣмъ: роза, нѣсколько видовъ гвоздики и незабудокъ.

[2]) На Тюканѣ, въ лѣсу, 28 іюля, Маакъ находилъ въ цвѣту тѣ же самыя Pulsatina parens; которыя, какъ первые подснѣжные цвѣты, встрѣчали его въ долинѣ р. Кюрги. Въ дневникѣ онъ и отмѣтилъ, что они цвѣтутъ во второй разъ (часть II, стр. 231).

[3]) Считаю нужнымъ указать на фактъ, доказывающій огромное и здѣсь значеніе для растительнаго царства этихъ затратъ на сѣмена. У якутовъ сохранились преданія, что они рѣдко пасли стада два года подъ рядъ на одномъ мѣстѣ, на третій всегда давали отдыхъ пастбищамъ, иначе «трава портилась». И теперь надъ Алданомъ богатые якуты, владѣющіе обширными участками луговъ, черезъ три-четыре года на пятый, не косятъ нѣкоторыхъ луговъ, оставляя ихъ «обсѣмениться и засѣяться» (сиксіи); въ противномъ случаѣ, сборъ травы, по ихъ увѣреніямъ, уменьшается и самый сортъ травъ ухудшается (Баягантайскій ул., 1886 г.).

[4]) Тотъ же самый дикій ленъ, которымъ я сильно заинтересовался, предполагая что культура его можетъ имѣть практическое значеніе для населенія, по моимъ наблюденіямъ размножается главнымъ образомъ изъ корней. Не смотря на тщательные поиски я не нашелъ *ни одной особи выросшей изъ сѣмянъ*; вѣроятно есть такія, но большинство является въ видѣ

хотя, въ виду скверныхъ условій, въ которыхъ здѣсь находятся корни, правда, замедляется появленіе растеній и ослабляется ихъ ростъ, за то они «разомъ являются со множествомъ листьевъ» [1]) и быстро нагоняютъ потерянное время. Въ этомъ, равно и въ способности развивать листевыя и цвѣтовыя почки въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, именно въ то время, когда стволъ и корни погружены еще въ зимнюю спячку, а ночью все растеніе промерзаетъ насквозь, кроется, по мнѣнію Миддендорфа, тайна чудеснаго, почти невѣроятно быстраго превращенія мѣстнаго ландшафта изъ зимняго въ лѣтній, покрытый зеленью и цвѣтами. Особенно послѣ весенняго теплаго дождя окрестности зеленѣютъ почти на глазахъ и, при нѣкоторомъ терпѣніи, положительно можно увидѣть ростъ травы [2]).

Во время лѣта ростъ часто замедляется, даже пріостанавливается скачками температуры, холодными вѣтрами, засухой. Во второй половинѣ іюля, для большинства растеній онъ завершенъ, а въ половинѣ августа и началѣ сентября травы и листья на деревьяхъ желкнутъ и вянутъ. Слѣдовательно, даже на южномъ плоскогоріи періодъ этотъ значительно короче европейскаго [3]).

побѣговъ изъ старыхъ корней. Такимъ образомъ, здѣсь левъ растеніе по преимуществу многолѣтнее. Корень представляетъ древовидный стволъ толщиною, иногда, въ $^1/_2$ дюйма, а длиною въ нѣсколько футовъ, идущій на нѣкоторой глубинѣ параллельно поверхности земли. Корень снабженъ многочисленными мочками; тамъ и сямъ изъ него выростаютъ ежегодно колоніи новыхъ, наземныхъ побѣговъ. Маакъ находилъ его на Вилюѣ и вотъ что онъ о немъ сообщаетъ: Linum perenne на открытыхъ мѣстахъ, песчаной почвѣ, по лѣвому берегу Вилюя, въ 80 верстахъ выше устья, 16-го іюня въ цвѣту. На тѣнистыхъ, покрытыхъ травою мѣстахъ, по дорогѣ отъ Мархи къ селенію Нюрба, 16 іюля и нерѣдко—на покрытыхъ густою травою берегахъ Хаыпгыы; у урочища Тасъ,—3 августа со зрѣлыми плодами; 23 сентября на Ыгеттѣ со зрѣлыми плодами. Между Вилюйскомъ и Верхневилюйской Управой—21 іюня, съ первыми цвѣтами и на Чонѣ, 2 августа — въ цвѣту. Встрѣчается между Вилюйскомъ и Якутскомъ и у Якутска (Маакъ, ibid. часть II, стр. 258).—Я находилъ ленъ на Алданѣ и въ Намскомъ ул., 100 верстъ сѣвернѣе Якутска. Думаю, что превращеніе льна въ многолѣтнее растеніе, объясняетъ до нѣкоторой степени неудачу моихъ опытовъ выращивать въ огородахъ домашній ленъ изъ сѣмянъ. Не смотря на поливку и старательный уходъ, ленъ росъ плохо, между тѣмъ, какъ конопля выростала отлично. Дикій же ленъ, растущій изъ корня, наоборотъ, процвѣтаетъ: онъ не ниже нашего, стебель его толстый и мясистый, процентъ волокна удовлетворительный, само волокно свѣтлое и нѣжное, но очень хрупкое, такъ что тонкія нити прясть трудно. Якуты совсѣмъ не знакомы со свойствами этого растенія и для своихъ сѣтей покупаютъ привозныя, скверныя, гнилыя нитки, платя по 1 р. 20 к. и 1 р. 60 к. за фунтъ.

[1]) Миддендорфъ, ibid. Часть I, отд. IV, стр. 631.

[2]) Я дѣлалъ слѣдующіе опыты: втыкалъ въ муравуи въ хлѣба палочку, величиною равную былинкамъ; черезъ нѣсколько часовъ послѣднія уже превышали ихъ на нѣсколько линій, а въ сутки выростали больше чѣмъ на дюймъ. Ночью, на нѣсколько часовъ ростъ замедлялся, а въ особенно жаркіе дни замедлялся и въ полдень.

[3]) Миддендорфъ, ibid; Отд. IV стр. 568.

Этотъ ускоренный темпъ жизни и краткій срокъ ея, сильно и неблагопріятно отражается, между прочимъ, на отложеніи древесины и ростѣ деревьевъ. Если граница лѣсовъ главнымъ образомъ зависитъ отъ силы, направленія и многочисленности сырыхъ, холодныхъ вѣтровъ, то толщина деревьевъ и качество ихъ матеріала стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ срокомъ, какой предоставилъ имъ климатъ на отложеніе и уплотненіе годичныхъ слоевъ [1]). Срокъ времени, нужный для процеса правильнаго наростанія слоевъ, признанъ для Европы въ 16 недѣль (112 дней), минимумъ. Въ землѣ якутовъ, срокъ близкій къ этому находимъ только въ южномъ плоскогоріи, гдѣ промежутки между послѣднимъ морозомъ весною и первымъ осенью равняются въ среднемъ:

въ Вилюйскѣ . . . . . 115 днямъ,
» Мархинскомъ с. (Якутскъ) 117 »
» Олёкминскѣ . . . . . 122 »

На сѣверныхъ плоскогоріяхъ промежутокъ между морозами—меньше, именно:

для Верхоянска и его окрестностей . . 100 дн.
» Туруханска . . . . . 86 »
» Сагастыра . . . . . 40 »

Если изъ этого количества вычесть часы, когда температура падаетъ такъ низко, что ростъ древесины задерживается, затѣмъ дни съ инеемъ, засухой и заморозками, дни сухихъ тумановъ, сѣверо западныхъ сухихъ и холодныхъ вѣтровъ [2]), то срокъ этотъ придется сократить почти на треть. Но такъ какъ всѣ эти явленія въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ мѣстныхъ условій: защиты горъ, близости проточной или стоячей воды, качества почвы, то въ результатѣ получается та смѣсь разнообразныхъ по качеству и росту участковъ лѣса, на которую я указывалъ выше и какая замѣтна не только на сѣверныхъ плоскогоріяхъ, но и на югѣ. По поводу уменьшенія толщины слоевъ, наростающихъ ежегодно, Миддендорфъ говоритъ: «Подъ 60° с. ш. (средина южнаго плоскогорія) рѣдко можно найти дерево у котораго самое толстое годичное кольцо имѣло бы менѣе 3-хъ милиметровъ; при благопріятныхъ условіяхъ оно достигаетъ 5 мм. и болѣе, тогда какъ подъ полярнымъ кругомъ и сѣвернѣе отъ него, ни одно годичное кольцо не доходитъ до 2-хъ милиметровъ [3]). Тамъ же

[1]) Утолщеніе деревьевъ въ Европѣ начинается въ первыхъ числахъ мая и оканчивается въ августѣ; затѣмъ слѣдуетъ довольно продолжительный періодъ уплотненія древесины и подготовки почекъ для будущаго года.

[2]) Они, у мѣстныхъ жителей, получили даже прозвище: «пріостанавливающихъ ростъ деревьевъ».

[3]) На предѣлахъ древесной растительности, дерево, чтобы доставить доску *въ одинъ*

этотъ ученый говоритъ о тяжести, хрупкости, твердости и колкости древеснаго полярняго матеріала, какъ результатахъ сокращеннаго срока отложенія древесины, о меньшей спайности слоевъ, вызываемой рѣзкими колебаніями температуры и сжатіемъ отъ чрезмѣрно низкихъ зимнихъ температуръ [1]). Я же, въ свою очередь, отмѣчу, что полярный лѣсъ при горѣніи даетъ меньше тепла и больше золы.

футъ ширины, должно бы рости 2000 лѣтъ, между тѣмъ оно умираетъ тамъ уже въ 100 лѣтъ; на предѣлѣ лѣсовъ на это потребовалось бы 1000 лѣтъ, дерево умираетъ здѣсь въ 200 лѣтъ; градусомъ южнѣе нужно только отъ 300 до 250 лѣтъ, а подъ 60° с. ш. на такую доску нужно только 100—150 лѣтъ. Здѣсь приведены средніе сроки жизни; особи попавшіе почему либо въ болѣе благопріятныя условія, проживаютъ, какъ увидимъ ниже, въ двое и въ трое дольше; но это исключенія.

Для сравненія наростанія привожу данныя о мамутовомъ деревѣ (Sequoia Wellingtonia), описанномъ Земаномъ; оно отложило въ продолженіи 1120 лѣтъ своей жизни 11½ футовъ древесины. При исчисленіи годичныхъ колецъ оказалось: что:

первая	сотня	занимала 17,5″	ширины.
вторая	»	» 14,0″	»
третья	»	» 12,5″	»
четвертая	»	» 13,0″	»
пятая	»	» 16,2″	»
шестая	»	» 8,7″	»
седьмая	»	» 7,7″	»
восьмая	»	» 11,0″	»
девятая	»	» 10,0″	»
десятая	»	» 11,2″	»
прочіе 20	кольцъ	болѣе 1,0″	»
итого 1120	колецъ	= 122,8	

[1]) На ростъ деревьевъ, постоянно уменьшающійся къ сѣверу, и, обязательное у границы лѣсовъ, омертвленіе верхушекъ деревьевъ много раньше прочихъ частей, остается не безъ вліянія температура воздуха въ разныхъ слояхъ. Такія наблюденія были сдѣланы только Миддендорфомъ, привожу ихъ, какъ единственныя въ своемъ родѣ.

Наблюденіе I.

Съ 13 на 14 Іюля, подъ 73¼° с. ш., съ 12¾ по полуд. до 2¼ часовъ. Все небо покрыто облаками.

Высота надъ мхомъ тундры.	Температура.
24″ англійск.	+3,8° R.
12″ . .	+3,7 »
6″ . .	+3,4 »
3″ . .	+3,1 »
1″ . .	+3,2 »
2″ въ землѣ	+1,8 »
4″ въ землѣ	+1,1 »

Наблюденіе II.

2-го Августа, подъ 74°17′ с. ш. въ 2 часа по полудни, при солнечномъ сіяніи.

Высота надъ мхомъ тундры.	Температура.
24″ . . .	+19,2° R.
12″ . . .	+20,6 »
9″ . . .	+20,2 »
6″ . . .	+22,0 »
4″ . . .	+23,0 »
2″ . . .	+23,8 »
0″ . . .	+24,4 »
2″ въ землѣ	+11,6 »
4″ въ землѣ	+ 6,2 »

Почва была мерзлая на 14 д.

Наблюденіе III.

14 Августа, подъ 74¾° с. ш. начато при солнечномъ сіяніи въ 1 часъ 30 мин. дня.

Высота надъ мхомъ тундры.	Температура.
24″ . . .	+16°,5° R.
12″ . . .	+20,4 »
9″ . . .	+21,9 »
6″ . . .	+22,1 »
4″ . . .	+22,5 »
2″ . . .	+21,9 »
0″ . . .	+21,6 »
2″ въ землѣ	+14,8 »

Долговѣчность якутскаго лѣса тоже значительно ниже обычной. Миддендорфъ говоритъ, что самыя старыя изъ встрѣченныхъ имъ живыхъ особей имѣли 217 лѣтъ и что ближе къ границѣ лѣсовъ срокъ этотъ падалъ до 150 лѣтъ [1]). Чекановскому на Оленёкѣ, вблизи предѣла лѣсовъ, подъ 70° с. ш. попадались лиственницы съ 450 годовыми слоями и ели съ 380-ю [2]). Миддендорфъ заканчиваетъ главу о наростаніи древесины такимъ образомъ: «со временемъ, когда и въ этомъ отдаленномъ краѣ будетъ устроено правильное лѣсное хозяйство, число участковъ, назначаемыхъ для рубки лѣса, придется увеличить на $^1/_3$, сообразно замедляющимся на $^1/_3$ оборотомъ времени, потребнымъ на возобновленіе лѣса» [3]).

Если теперь обратимся къ вліянію человѣка на мѣстную растительность, то на первый планъ выступаютъ производимые имъ палы и лѣсные пожары, свирѣпствующіе здѣсь искони, особенно въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ. Якуты скотоводы каждый годъ по веснѣ жгутъ луга. Для защиты оставшихся зародовъ сѣна, жилищъ и изгородей, каждый родъ, въ опредѣленный сходкою день, посылаетъ артель людей, которая наблюдаетъ за ходомъ паловъ. Но лѣса все еще предоставляются пожарамъ, которые тушатся только выпадающими дождями. Нѣтъ почти участка лѣса, который не носилъ бы слѣдовъ недавняго пожара. Первую половину лѣта, особенно если оно сухое, пожары не прекращаются, и дымъ ихъ, смѣшанный съ сухими туманами, образуетъ мрачную сѣрую атмосферу, кладущую какой то мертвенный отпечатокъ на всю природу. Солнце слабо просвѣчиваетъ сквозь туманъ, удушливый запахъ гари наполняетъ воздухъ, росы нѣтъ и день мало чѣмъ отличается отъ свѣтлой ночи. Такъ проходитъ иногда нѣсколько дней, недѣля, до перваго дождя или сильнаго вѣтра.

Жертвой пожаровъ является, прежде всего, оленій мохъ, который, по увѣренію якутовъ, не возобновляется совсѣмъ на погорѣлыхъ мѣстахъ [4]); затѣмъ горитъ молодой подлѣсокъ—кедровпикъ и другіе сланцы, а изъ крупныхъ деревьевъ больше всего страдаетъ ель. Количество ея умень-

---

[1]) Ibid, стр. 600.

[2]) Изв. Геогр. Об. Т. XI 1875 г. 330 стр.

[3]) Миддендорфъ, ibid; часть I-я, отд. IV, стр. 602.

[4]) Въ Колымскомъ улусѣ я видѣлъ такія погорѣлыя, нѣкогда богатыя оленьи пастбища; не смотря на то, что прошло уже лѣтъ 20 со времени пожара; на нихъ, дѣйствительно, не было ягеля. Пожарамъ приписываютъ также отсутствіе оленьихъ кормовищъ въ окрестностяхъ г. Средне Колымска, гдѣ, говорятъ, въ старину ихъ было много. (Сред. Кол. 1883 г.).

шается вблизи якутскихъ жилищъ, хотя на подѣлки якуты неохотно берутъ ее. Она сохраняется лишь въ мѣстахъ крайне сырыхъ, среди тальниковъ, куда пожары не могутъ пробраться, на нежилыхъ островахъ рѣкъ, да на лужайкахъ, гдѣ образуютъ совершенно изолированныя рощи, окруженныя нагими солонцами. Крупный сосновый и лиственичный лѣсъ страдаетъ отъ пожаровъ меньше, особенно первый, горючая корона котораго такъ высоко поднята надъ землею, а стволъ такъ гладокъ, что пламени не за что уцѣпиться. Лиственница, какъ менѣе высокая и болѣе суковатая и карявая, страдаетъ больше сосны. Часто огонь пробирается въ дупло дерева, наполненное смолою и выѣдаетъ сердцевину; иногда загораются корни и переносятъ пожаръ въ подземные слои торфа. Такіе подземные пожары длятся годы. Почва горитъ и зимою [1]). Пожары эти измѣняютъ характеръ мѣстности совершенно. Луга исчезаютъ, ровная мѣстность дѣлается холмистой, появляются колодцеобразныя ямы, полныя воды, и все пространство быстро заростаетъ сорными растеніями и сорнымъ лѣсомъ.

Лѣсные, особенно повторительные, пожары имѣютъ, слѣдствіемъ исчезновеніе благородныхъ древесныхъ породъ и замѣну ихъ осинникомъ, ивнякомъ и березнякомъ. Почва до пожара сухая, опрятная, поросшая лучшими сортами ягодъ, становится грязной, поростаетъ кочкарникомъ, ситниками. Обиліе бурелома въ такихъ мѣстахъ способствуетъ удержанію влаги, замедляетъ таяніе снѣга и приближаетъ къ поверхности, своей защитой отъ солнца, слой вѣчной мерзлоты. Послѣ пожара лѣсная падь обязательно обращается современемъ въ «калтусъ» (лѣсное болото). На склонахъ горъ лѣсъ отъ пожара поправляется легче. Якуты до сихъ поръ не сознаютъ вреда лѣсныхъ пожаровъ и смотрятъ на нихъ равнодушно, пожалуй даже благосклонно:

«Трава выростетъ, пища скоту будетъ», говорятъ они не безъ нѣкотораго основанія.

Многіе степныэ, въ настоящее время совершенно лишенные лѣса участки земли, еще на памяти людей покрыты были сплошнымъ лѣсомъ или лѣсными рощами. Подобіе степи, окружающее теперь г. Якутскъ, по преданію, въ старину было покрыто многочисленными сосновыми рощами, слѣды которыхъ остались и теперь въ видѣ одинокихъ деревьевъ. То же самое говорятъ про равнину простирающуюся къ сѣверу отъ Намской Управы, и про степную полосу, идущую между береговыми хребтами и

[1]). Въ 1883 году я проѣзжалъ мимо станціи «Тастахъ», по дорогѣ въ Колымскъ, и видѣлъ тамъ пожаръ торфяника, который, по словамъ жителей, длился уже 8 лѣтъ; два года спустя я нашолъ его еще не прекратившимся.

р. Леной въ долинѣ западной Кангалаской Управы. Очистку такихъ мѣстностей отъ лѣса нельзя приписать исключительно «расчисткамъ» водворившихся тамъ недавно земледѣльцевъ, такъ какъ они существовали до нихъ еще.

Если лѣсные пожары, причиняя громадныя опустошенія внутри тайги, надолго оставляютъ послѣ себя почву, по истинѣ, въ «одичаломъ» состояніи, то, наоборотъ, постоянное присутствіе людей съ ихъ стадами, увеличивая участки сухихъ *степныхъ* площадей, медленно подготовляетъ ту же почву къ воспріятію земледѣлія. Безъ такой подготовки, послѣднее навряд ли сдѣлало бы здѣсь тѣ быстрые успѣхи, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить.

Исторія разведенія хлѣбныхъ злаковъ въ Якутской области представляетъ любопытный обращикъ того, на сколько условно понятіе возможнаго и невозможнаго, какъ мало доказательны въ иныхъ случаяхъ первые неудачные опыты и что въ состояніи сдѣлать совокупныя усилія людей, въ продолженіи многихъ лѣтъ, даже если они совершаются ощупью, наугадъ, безъ средствъ.

Въ первое время послѣ завоеванія якутской земли, русскимъ казакамъ и переселенцамъ некогда было заниматься земледѣліемъ, — они увлекались исключительно соболемъ. Если и были сдѣланы ими, по приказанію правительства, какіе либо опыты, то, навѣрно, были неудачны. Страна долго считалась негодной для хлѣбопашества; это видно изъ царскихъ указовъ того времени, не предписывающихъ, подобно другимъ мѣстамъ, «садить на пашню и сѣять съ великимъ тщаніемъ». Въ отпискѣ ленскаго воеводы Петра Головина съ товарищи, отъ 1640 года, указывается на устье Киренги, самое большее—Пеледуя, какъ предѣлъ хлѣбопашества. Тамъ сказано: «А въ Якутскомъ де, государь, поморьѣ торговыхъ и промышленныхъ служилыхъ людей, хлѣбной пашни не чаять, земля де, государь и среди лѣта вся не растаиваетъ» [1]). Спафарій хотя и говоритъ въ 1675 году, что «по рѣкѣ Ленѣ нынѣ вездѣ хлѣба родится много... и проводятъ его до Якутска и далѣе» [2]), но, очевидно, имѣетъ въ виду только верховья Лены. Впрочемъ, въ 1641 году уже хлѣбъ сѣяли на Усть-Киренгѣ и такъ называемомъ «Тунгускомъ волоку, что переходятъ съ Лены на Туруханъ» [3]) Въ продолженіи первыхъ 100

---

[1]) Допол. къ Истор. Акт., т. II, стр. 249.
[2]) Спафарій, «Путешествіе», стр. 134.
[3]) Допол. къ Истор. Акт., т. II, стр. 252.

лѣтъ, о якутскомъ собственно земледѣліи ничего не слышно. Все это время «съ великими трудами» возятъ «хлѣбное жалованье якутскимъ государевымъ служилымъ людямъ», изъ Верхоленскаго, Илимскаго даже Енисейскаго остроговъ. Витсенъ ничего не знаетъ о земледѣліи въ Якутской области. Впервые находимъ свѣдѣнія о немъ у Штраленберга въ 1730 году. Онъ сообщаетъ что-то мало понятное о какихъ то «старыхъ пашняхъ» или «сланяхъ» (Starri paschni, Jalahan), и утверждаетъ, что хлѣба не зрѣютъ дальше Киренги и Витима [1]). Гмелинъ, лично посѣтившій этотъ край въ 1737 г., пишетъ по поводу земледѣльческихъ опытовъ въ г. Якутскѣ: «Извѣстно, правда, что здѣшній монастырь до этого засѣвалъ участокъ земли ячменемъ, и что ячмень этотъ иногда хорошо колосился и созрѣвалъ. Но такъ какъ нерѣдко онъ и не созрѣвалъ, то по этой и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, дальнѣйшее его воздѣлываніе прекратилось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кромѣ ячменя, сколько слышно. другіе хлѣба никогда не созрѣвали» [2]).

Въ 1780 году, за пять лѣтъ до пріѣзда Билингса, земледѣліе едва достигло Пеледуя, и только въ 1803 г. стали заниматься имъ въ окрестностяхъ Олёкминска ($60^1/_3^\circ$ с. ш.) [3]).

Еще въ 20-хъ годахъ Врангель замѣчаетъ, что «у Олёкмы примѣтны еще послѣдніе слѣды огородничества и земледѣлія, но далѣе они исчезаютъ совершенно» [4]). Нѣсколько лѣтъ спустя, по приказанію правительства, дѣлаются многочисленные опыты по Якутской области вплоть до Вилюйска ($63^3/_4^\circ$ с. ш.), даже до Нижне-Колымска, но безуспѣшно. Только около Якутска Эрманъ въ 1829 г. упоминаетъ объ удачныхъ опытахъ съ озимой и яровой рожью. Съ того времени повторительные опыты, не смотря на неурожаи и всякія неудачи, уже не прекращаются. Земледѣліе входитъ въ обычаи; у нѣкоторыхъ зажиточныхъ лицъ, благодаря рискованности предпріятія и большимъ барышамъ въ случаѣ удачи, оно превращается въ настоящую страсть. Правительственныя награды и поощренія вводятъ въ моду земледѣліе среди чиновниковъ и богатыхъ, именитыхъ якутовъ. Начинаются земельныя распри, интриги, соревнованіе. Все это, впрочемъ, по признанію очевидца Миддендорфа, представ-

[1]) О хлѣбахъ Витима и Киренги онъ говоритъ: «хотя тамъ мало сѣютъ, но хлѣбъ растетъ всякій, однако не выше половины локтя. Едва посѣвъ взойдетъ, какъ сейчасъ же начинаетъ колоситься и въ продолженіи 6 недѣль готовъ, потому что солнце надъ этимъ горизонтомъ почти не заходитъ. При томъ самое странное есть то, что дождя въ это время не выпадаетъ, но земля, которая тамъ хотя жирна и черна, оттаиваетъ только на 1 или $1^1/_2$ четверти локтя—питаетъ корни своей влагой».

[2]) Reise. II 1752 г., стр. 519.

[3]) Сообщеніе взято у Миддендорфа. Часть I, от. IV, прибавл. I.

[4]) Путешествіе. Т. I, стр. 165.

ляетъ лишь поверхностную пѣну великой культурной борьбы; суть ея: упорные, изъ года въ годъ возрастающіе мелкіе посѣвы простаго народа, дѣлаемые не ради наградъ, а ради улучшенія своей участи [1]).

Въ 1835 г. въ окрестностяхъ Якутска уже засѣвали 331 пудъ яроваго хлѣба; сѣяли пшеницу, ячмень—простой и гималайскій (черный), да овесъ. Опыты ограничивались долиной Лены; но, по мѣрѣ того, какъ къ земледѣлію привлекаются и якуты, оно вступаетъ и на плоскогорія. Миддендорфъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, говоритъ о земледѣліи Якут. окр., какъ о дѣлѣ прочно поставленномъ. Тамъ уже засѣвали до 4 съ половиною тысячъ пудовъ и собирали больше 14,000.

Одновременно, или даже немного раньше чѣмъ въ окрестностяхъ Якутска, производились опыты посѣва хлѣбовъ въ Амгинской слободѣ, (подъ 61° с. ш.), въ 178 верстахъ на востокъ отъ Якутска. Уже въ 1735 году въ Амгинскъ были высланы изъ Илимскаго округа хлѣбопашцы съ этою цѣлью. Въ 1780 году, по словамъ Палласа, тамъ было посѣяно:

озимной ржи	16 пуд.,	собрано	75	пуд.
яровой ржи	311 »	»	1143	»
ячменя . . .	347 »	»	1474	»
овса	61 »	»	130	»
Итого	735 пуд.		2852	пуд.

«Въ 1842 году было посѣяно небольше; а въ 1850 г. губернаторъ Муравьевъ-Амурскій донесъ въ Петербургъ, что при проѣздѣ его черезъ Амгинскъ большая часть полей была не обработана и количество высѣяннаго хлѣба едва заслуживаетъ вниманія» [2]). Но въ томъ же донесеніи сообщается, что въ деревнѣ Усть-Майской опыты посѣвовъ удались и озимная рожь дала самъ 20-е зерно.

Задолго до этого, въ половинѣ 40-хъ годовъ, уже дѣлались попытки посѣвовъ нетолько на Усть-Маѣ, но и на Нелькапѣ; онѣ были неудачны [3]). Такія колебанія Якутское земледѣліе испытывало долгое время и повсюду.

О пробахъ сѣять въ другихъ мѣстностяхъ, въ болѣе отдаленное время, извѣстно чрезвычайно мало. Въ архивѣ Намской Управы П. Орловъ,

---

[1]) Тѣмъ болѣе странными кажутся, идущія параллельно съ поощреніемъ купцовъ и чиновниковъ, попытки администраціи обложить возможно сокрѣе нарождающееся и еще не окрѣпшее народное земледѣліе налогами и оброкомъ (смотри Мидден. прибавл. III, и стр. 682 текста).

[2]) Миддендорфъ, ч. I, отд. IV, прибавл. II, стр. 676.

[3]) «Памят. Енис. Як. об.» на 1891 г., стр. 149.

въ 1889 г. нашелъ копіи какихъ то старинныхъ донесеній, гдѣ говорится, что въ 1790 г. «нѣкоторые намскіе якуты недалеко отъ теперешней Намской Упр., посѣяли нѣсколько фунтовъ хлѣба». Въ 1841 г. Миддендорфъ упоминаетъ уже объ улусахъ: Кангаласкомъ, Батурускомъ, Мегенскомъ и Борогонскомъ, какъ о мѣстахъ, гдѣ сѣютъ хлѣбъ. Вопреки этому свидѣтельству, авторъ статьи «Земледѣліе въ Якут. Обл.», напечатанной въ памятной книжкѣ Якут. Обл. на 1891 г., утверждаетъ, что «инородцы Батурусскаго улуса только въ 1853 г. впервые сдѣлали небольшіе засѣвы» [1]). Этому противорѣчитъ приведенное дальше сообщеніе о томъ, что въ 1855 г., т. е. два года спустя, «въ Намскомъ и Батурусскомъ улусахъ посѣвъ достигалъ 4000 пудовъ». Очевидно, что опыты дѣлались много лѣтъ до этого, иначе не нашлось бы ни умѣлыхъ людей, ни готовыхъ земель для такого относительно крупнаго посѣва. Возможно, что случился только значительный перерывъ, вызванный недостаткомъ сѣмянъ, какъ слѣдствіемъ неурожаевъ 50-хъ годовъ.

Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о земледѣліи Вилюйскаго округа доставлены Маакомъ. Онъ говоритъ о незначительныхъ, но удачныхъ посѣвахъ въ Средневилюйскомъ улусѣ, при устьѣ Кюрги въ 1849 г., а о земледѣліи Мархинскаго и Сунтарскаго улусовъ, въ пятидесятыхъ годахъ, говоритъ какъ о вопросѣ рѣшонномъ въ удовлетворительномъ смыслѣ [2]).

И такъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ началѣ 50-хъ годовъ всѣ теперешніе земледѣльческіе центры были испробованы. Интересно, что отзывы путешественниковъ и земледѣльцевъ того времени, о мѣстахъ только что занятыхъ подъ хлѣбопашество, сильно схожи съ отзывами современныхъ наблюдателей надъ такими же мѣстами: «Иней, ранніе заморозки, поздняя весна—хлѣбъ не успѣваетъ вызрѣвать».

Даже смѣлый и прозорливый геній Миддендорфа помѣщаетъ въ 40-хъ годахъ Якутскъ на предѣлѣ земледѣлія [3]). Съ тѣхъ поръ предѣлы эти сильно расширились. Тѣ мѣста, которыя когда-то считались предѣльными, въ настоящее время представляютъ вполнѣ земледѣльческіе околодки и боевая линія земледѣлія ушла отъ нихъ далеко на сѣверъ, западъ и востокъ.

Наблюдая за ходомъ этого дѣла можно съ увѣренностью сказать, что придетъ время, когда все южное якутское плоскогоріе, вся эта огром-

---

[1]) Ibid. стр. 146.
[2]) Маакъ. Часть III, стр. 160.
[3]) Миддендорфъ. Ч. I, отд. IV, стр. 746—676.

ная въ $^1/_2$ милліона квадратныхъ верстъ впадина [1]), лежащая на перекресткѣ Лены, Вилюя и Алдана, будетъ завоевана для земледѣлія. Предѣльные форпосты земледѣлія уже теперь достигли естественныхъ ея границъ. На сѣверѣ они перешли за Алданъ и Вилюй и появились у предгорія Алданскихъ и Вилюйскихъ горъ. Самыя сѣверныя, изъ видѣнныхъ мною на востокѣ пашенъ, были небольшія, засѣваемыя ячменемъ поля, въ долинѣ Тюкулана, въ 30 верстахъ отъ рѣки Алдана, по почтовому Верхоянско-Якутскому тракту. Эта мѣстность, приблизительно подъ $63^1/_2{}^0$ с. ш., лежитъ уже у входа въ узкую горную долину съ каменистой безплодной почвой. На Вилюѣ удачные опыты производились еще сѣвернѣе, именно въ устьяхъ р. Кюрги (64° 3′ 43″ с. ш.). Селеніе Нюрба на Вилюѣ (подъ 63° 16′ 46″ с. ш.) считается однимъ изъ земледѣльческихъ центровъ Вилюйскаго округа, а хлѣбъ и огороды, въ 50-хъ годахъ, разводились якутами вплоть до 64° с. ш. [2]), конечно тамъ, гдѣ дозволяло плодородіе почвы. Дальнѣйшему движенію хлѣба на сѣверъ воспрепятствовали здѣсь горы [3]), онѣ же ограничили распространеніе

---

[1]) Она заключаетъ въ себѣ, круглымъ счетомъ, свыше 50.000,000 десятинъ. Конечно, изъ всего этого пространства едва сотая часть годится для распашекъ; тѣмъ не менѣе это количество составитъ площадь превышающую во много разъ теперешнюю площадь полей. По офиціальнымъ даннымъ, въ Якутской Области засѣвается всего отъ 10 до 12,000 десятинъ (Пам. книж. Як. Об., 1891 г., 159 стр.). Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ земледѣльческихъ районахъ распахана только крошечная часть годныхъ для обработки мѣстъ. Жалобы на земельную тѣсноту объясняются не недостаткомъ земель, а недостаткомъ рукъ и капиталовъ, необходимыхъ для расчистокъ площадей занятыхъ лѣсомъ. На счетъ этого, между прочимъ, я нашелъ интересную справку у Миддендорфа: Въ началѣ этого столѣтія, топографы, занимавшіеся съемкой Алданскаго хребта, исчислили количество пахатной земли между Леной и Алданомъ въ 5700 десятинъ. Въ настоящее время въ этой мѣстности засѣвается ежегодно не меньше этого количества и все таки много еще остается годныхъ земель, и земледѣліе продолжаетъ расти. Количество земель подъ посѣвомъ по офиціальнымъ даннымъ въ 1889 г.:

Якутск. Окр.	. . . . .	6186 дес.
Олёкменск. »	. . . . .	4829 »
Вилюйск. »	. . . . .	1185 »
Итого	. . . .	12200 дес.

Общую площадь полей нужно считать почти въ двое, такъ какъ ежегодно половина ихъ отдыхаетъ.

[2]) Маакъ нашелъ огороды приблизительно подъ этою широтою, въ урочищѣ Мунду-Кель.

[3]) Были попытки, пока неудачныя, перенести хлѣбные злаки на сѣверъ отъ внутренняго горнаго пояса. Въ Верхоянскѣ я видѣлъ, въ 1881 г., крошечныя заброшенныя пашни, на которыхъ былъ посѣянъ ячмень купцомъ Н. Гороховымъ. Позднѣе, П. Войнаральскій пробовалъ сѣять хлѣбъ и даже получилъ вполнѣ зрѣлые колосья. Тоже самое удалось въ 1891 г. С. Шаргородскому въ Верхнѣ-Колымскѣ. Выращенные имъ колосья ячменя были переслапы г. Черскимъ въ Академію Наукъ. Въ началѣ же этого столѣтія, подобные опыты производились на р. Момѣ и Омеконѣ (Индигирка), южнѣе Зашиверска, преданіе о чемъ сохранилось среди тамошнихъ жителей.

его на западъ до 130° меридіана, а на востокъ до 153° в. д. (отъ Ферро), И на югѣ горы широкой безплодной [1]) полосой отдѣляютъ якутскій земледѣльческій районъ, отъ земледѣльческаго района верховьевъ Лены. Такимъ образомъ, этотъ, самый сѣверный земледѣльческій пость Азіи, представляетъ собою, въ силу топографическихъ условій, замкнутый островъ, вѣрнѣе — архипелагъ острововъ, такъ какъ каждый изъ трехъ его крупныхъ земледѣльческихъ центровъ, Якутскій, Вилюйскій, Олёкминскій, тоже отдѣлены другъ отъ друга широкими, въ нѣсколько сотъ верстъ полосами, мало населенными и еще не подвергшимися земледѣльческимъ опытамъ.

Каждый изъ этихъ округовъ, въ свою очередь, представляетъ архипелагъ незначительныхъ полей, вкрапленныхъ въ необозримые лѣса и болота; въ нѣкоторыхъ только мѣстностяхъ, поля сливаются въ болѣе значительныя и связныя группы [2]). Они находятся, главнымъ бразомъ, въ зависимости отъ густоты населенія и топографіи мѣстности, такъ какъ до сихъ поръ, здѣсь, мѣстныя и побочныя обстоятельства играютъ въ вызрѣваніи хлѣба весьма важную роль; положеніе пашенъ на южныхъ скатахъ, защита отъ сѣверо-западныхъ сухихъ и стремительныхъ вѣтровъ, не слишкомъ жирная почва, отъ которой хлѣбъ сильно идетъ въ листъ и нѣжится, отдаленность вредныхъ болотистыхъ испареній—рѣшаютъ часто гибель или удачу посѣва.

Въ настоящее время, значеніе этихъ условій сильно ослабѣло для якутскихъ хлѣбовъ. Въ сравненіи съ тѣми временами, когда Миддендорфъ писалъ о тамошнихъ хлѣбахъ, они пріобрѣли значительно большую устойчивость противъ засухи, морозовъ и инея; сократили время роста и вызрѣванія, примѣнились къ почвѣ и влагѣ; тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время, когда инородцамъ приходится впервые распахивать небольшой участокъ, они строго сообразуются съ выше приведенными эмпирически дознанными условіями. Только тамъ, гдѣ уже расчищены

[1]) На сколько безплодіе почвы и суровость горнаго климата этой полосы мѣшаютъ земледѣлію и на сколько мѣшаетъ ему здѣсь золотопромышленность, составляетъ еще вопросъ. Въ прошломъ, напримѣръ, столѣтіи, сѣяли хлѣбъ на Витимѣ, и опыты были удачны; на Нюѣ и Пеледуѣ, якуты сѣютъ хлѣбъ и по сейчасъ. Они же пробрались со своими пашнями и въ самую середину горной страны, на р. Мую, гдѣ на 1400′ надъ уровнемъ моря у нихъ прекрасно родится ячмень. «Долина Муи и Парамы изобилуетъ сѣнокосными лугами, и сосновыми борами; вмѣстѣ съ долиной Мамукана онѣ составятъ площадь въ 5000 кв. верстъ». (И. А. Стрежневъ. Рукописныя замѣтки, собственность Вост. От. Имп. Геогр. Общ. въ Иркутскѣ).

[2]) Группы эти находятся: въ окрестностяхъ г. Якутска, Олёкминска, Амгинскаго селенія, на Чурепчѣ, въ долинѣ Намской Инород. Упр., въ долинѣ западной Кангаласской Инород. Упр., въ южныхъ наслегахъ Амгинскаго-Ленскаго плоскогорія; вообще около улусныхъ управъ и родовыхъ правленій.... около селенія Нюрба, въ Сунтарской излучинѣ.

крупныя площади, гдѣ пашни сливаясь, образуютъ поля въ сотни десятинъ, хлѣбъ до нѣкоторой степени освобождается изъ подъ власти этихъ частичныхъ законовъ и становится въ большую зависимость отъ общихъ культурныхъ и климатическихъ условій.

Земледѣльческая культура находится здѣсь еще въ самомъ первобытномъ состояніи; что же касается климата, то главными врагами хлѣбовъ являются: ранніе заморозки, іюнскіе иней, лѣтніе сухіе, холодные сѣверо-западные вѣтры, а главное, *неравномѣрное распредѣленіе* лѣтнихъ осадковъ.

Не общая сухость климата, а именно недостатокъ дождей въ первой половинѣ лѣта составляетъ, по нашему мнѣнію, главную помѣху своевременному вызрѣванію хлѣбовъ и вообще урожаямъ. То же самое единогласно признаютъ мѣстные жители, говоря: «дожди на Троицу и на Петровъ день — народъ съ хлѣбомъ» (Намскій улусъ). Мало того, если черезъ каждые 10 — 15 дней не перепадаетъ хотя небольшихъ дождей, то при здѣшнихъ страшныхъ жарахъ и суглинистомъ характерѣ почвы, одинъ дождь, какъ бы онъ ни былъ обиленъ, мало приноситъ пользы: вода быстро стекаетъ, смочивъ землю не больше, какъ на $^1/_2$ дюйма, затѣмъ быстро испаряется, оставивъ корни хлѣбовъ не увлажненными. Между тѣмъ, въ первую половину лѣта, когда растительность наиболѣе нуждается во влагѣ, выпадаютъ рѣдкіе и проливные дожди.

Иногда не 10, а 40 дней проходятъ безъ капли дождя, или падаетъ его такъ мало, что онъ не въ состояніи «прибить пыль». Тогда, мало по малу, окрестности пріобрѣтаютъ унылый, опаленный видъ; ростъ травъ и хлѣбовъ пріостанавливается, они какъ-то съуживаются, «заостряются» и подсыхаютъ. Если къ засухѣ присоединяются сухіе туманы или дымъ лѣсныхъ пожаровъ, которые не позволяютъ сильно понижаться температурѣ и почью мѣшаютъ падать росѣ, жизнь растеній превращается въ непрерывный горячечный бредъ. Ночь ничѣмъ не отличается отъ дня, они одинаково свѣтлы и сѣры, воздухъ все время удушливъ и зноенъ. Хлѣба, поднявшись на два, три дюйма надъ землею, спѣшатъ пойти въ трубку и образовать жалкіе колосья, состоящія обыкновенно изъ одного, двухъ зеренъ. Масса сѣмянъ не всходитъ. Черныя пашни, едва покрытыя скуднымъ руномъ, накаляются и сохнутъ все больше и больше. Земля до того ссыхается, что превращается въ плотный твердый кирпичъ, который якутская соха не въ состояніи рѣзать. На солнцепекѣ температура достигаетъ 50° Ц.

Такія засухи вредны не только потому, что убиваютъ хлѣба, но и потому, что пріостанавливаютъ пахоту, мѣшаютъ жителямъ приготовить достаточно паровъ подъ будущіе посѣвы. Онѣ имѣютъ еще одно, уже безусловно

гибельное для хлѣбовъ послѣдствіе—вызываютъ иней. Жителямъ хорошо извѣстно, что если послѣ продолжительной и сильной засухи, вдругъ выпадаетъ обильный дождь, а къ ночи прояснится, и вѣтеръ притихнетъ—быть инею. Я самъ наблюдалъ такой иней, вызванный проливнымъ дождемъ послѣ продолжительной засухи, въ Намскомъ улусѣ 1887 году 4 іюля (по новому стилю). Ночью было очень холодно и тѣ лучшіе хлѣба, которые еще не погорѣли отъ засухи, но зерно которыхъ еще не окрѣпло, были убиты.

Такое же явленіе я наблюдалъ въ Баягантайскомъ улусѣ надъ Алданомъ, въ 1886 г.

Иногда появленіе инея распространяется не только на ту мѣстность гдѣ выпалъ дождь, но и на сосѣднія, гдѣ дождя не было, особенно послѣ грозы съ градомъ. Явленіе это дѣлается вполнѣ понятнымъ, если примемъ во вниманіе, что здѣсь, не смотря на страшныя дневныя жары іюня и іюля, въ тихія безоблочныя ночи температура воздуха падаетъ до $+5^0$, даже до $+2^1/_2{}^0$ Цел. и что вполнѣ достаточно прибавки того незначительнаго охлажденія, какое приносятъ съ собою выпавшія массы льда или быстрое испареніе воды, пролитой на сухую горячую почву, чтобы вызвать морозъ и иней.

Занимаясь въ продолженіи 7 лѣтъ земледѣліемъ въ Якутской Области, понятно, что я сильно интересовался явленіями природы связанными съ сельскимъ хозяйствомъ. Я пробовалъ вести систематическія ежедневныя записи этимъ явленіямъ и, когда мнѣ удавалось доставать на нѣкоторое время термометръ, я измѣрялъ температуру почвы на пашняхъ и температуру воды днемъ и ночью въ ближайшемъ озерѣ; нѣкоторыя изъ этихъ записокъ у меня сохранились. Привожу запись, касающуюся того засушливаго періода 1887 г., который непосредственно предшествовалъ выпаденію инея по всей Намской долинѣ [1]).

---

[1]) Считаю нужнымъ, для большей ясности, сказать нѣсколько словъ о мѣстности гдѣ я жилъ въ промежутокъ времени отъ 1887 г. до 1892 г., такъ какъ большинство наблюденій надъ произростаніемъ хлѣбовъ было сдѣлано мною именно тамъ. Мѣстность эта представляла слегка волнистую, просторную равнину, въ большей своей части расчищенную отъ лѣса. Урочище, гдѣ стояла моя усадьба, называлось «Тысагасъ сіебыть» (съѣденный теленокъ), и отстояло на 5 верстъ къ сѣверу отъ Намской Упр. и на 105 отъ Якутска. Усадьба занимала открытую ложбину, шириною въ 200 саженей; по дну ложбины тянулись болота и рядъ небольшихъ озеръ; на западъ, верстъ на 10, простирался сплошной лѣсъ, вплоть до берегового Ленскаго хребта; на сѣверо-востокъ, въ перемежку съ небольшими березовыми и лиственичными рощами, верстъ на десять, шли скопческія и якутскія пашни; въ двухъ верстахъ, на юго-востокъ отъ полосы пашень, начинались прибрежные Ленскіе луга, а въ 3-хъ вер. протекалъ ближайшій протокъ Лены; на югѣ лощина усадьбы выходила на якутскіе выгоны—

Отъ посѣва, который въ тотъ годъ я началъ производить 18 мая, (по новому стилю), до 11-го іюня выпало всего три дождя: 18-го мая ночью—очень небольшой; 30-го мая—промочилъ землю всего на полъ дюйма; 6-го іюня—проливной, промочившій землю на 2 дюйма; да 10-го іюня, въ полдень, небольшая гроза съ ливнемъ и градомъ, длившаяся всего нѣсколько минутъ. Грозовыя тучи пришли съ юго-востока, при слабомъ восточномъ вѣтрѣ. Ночью тихо, влажно и тепло.

11-го іюня (днемъ). Облачно, слабый вѣтерокъ мѣняетъ направленіе, облака плывутъ независимо отъ вѣтра.

12-го іюня. Облачно, вѣтеръ слабый и неопредѣленный. Вечеромъ тихо, небо совершенно чистое, ночь холодная, роса обильная; термометръ передъ восходомъ солнца упалъ до $+4^0$ R. [1]), поверхность озеръ слегка дымилась.

открытое, степовидное, совершенно безлѣсное, слегка волнистое пространство, занимающее слишкомъ 500 десятинъ. Жилой домъ стоялъ посреди лощины, на восточномъ ея откосѣ, вблизи небольшого озера; мои пашни располагались на томъ же откосѣ, къ югу отъ дома образуя 4 участка въ 2—3 десятины каждый, открытыхъ къ югу и отдѣленныхъ другъ отъ друга узенькими полосами лѣса. На вершинахъ рёлокъ почва была супесчаная, ниже, на откосахъ—суглинистая (красный, «пшеничный» какъ здѣсь называютъ, суглинокъ, свойственный, главнымъ образомъ, долинѣ Лены), подпочва—желтый песокъ. Хлѣбородный слой залегалъ отъ 4 до 12 дюймовъ толщиною. Мѣстность славилась нѣкогда своимъ плодородіемъ, но я засталъ се уже порядочно истощенной. Кромѣ того, находясь въ центрѣ земледѣльческаго района, усадьба все больше и больше страдала отъ бездождія, вызываемаго непрерывно возростающей кругомъ площадью безлѣсья. По моимъ наблюденіямъ за 7 лѣтъ дожди все больше падали по окраинамъ, минуя эту самую обнаженную часть долины. Впрочемъ, описанная мною засуха и инеи, какъ послѣдствія ея, коснулись всей приленской Намской долины отъ «Сургуева Камня» (югъ) до «Кононкина креста» (сѣверъ)—два лѣсныхъ горныхъ мыса, замыкающіе озеровидное уширѣніе этой части древней рѣчной долины.

[1]) Наблюденія производились по термометру Реомюра; термометръ былъ новый, но плохой и невывѣренный. Тѣмъ не менѣе сообщаю его показанія, какъ пелишенныя нѣкотораго условнаго интереса, касающіяся отношеній температуръ почвы, воздуха и воды. Пользуясь этимъ термометромъ, я утѣшалъ себя, что сосѣдъ мой, врачъ, за отсутствіемъ лучшаго, принужденъ былъ тоже провѣрять имъ температуру своихъ больныхъ.

	Время.	Часы.	Минуты.	Температура воздуха. На солнцѣ.	Температура воздуха. Въ тѣни.	Температура земли.	Температура воды.	Температура, до которой падалъ термометръ, обсыхая.	ПРИМѢЧАНІЯ.
13 іюня	день	1	—	+30	+21	—	—	—	Тихо, безоблачно.
	вечеръ	10	—	—	+10	+13	+14	—	На восточномъ и сѣверномъ небосклонѣ высокія облака.
	ночь	12	—	—	+ 7½	+11	+16	—	Роса необильна, поверхность озеръ слабо дымится.
	ночь	2	—	—	+ 6	+ 8	+15	—	
	утро	4	—	—	+ 8	+10	+15	—	
14 іюня	день	1	—	+21	—	+23	+18	+14	Тихо, ясно; тамъ и сямъ на небѣ высоко бѣлыя облака, называемыя населеніемъ «засушливыми» (куранъ былытъ).
	вечеръ	7	—	+23	—	+25½	+18	+13	
	вечеръ	10	3	—	+11½	+12½	+16½	+ 8½	Солнце заходитъ.
	ночь	12	—	—	+ 7⅓	+ 9½	+16½	+10	
	утро	2	15	—	+ 6	+ 7¾	+14¾	—	Восходъ солнца. Тихо, небо чистое, роса обильна.
15 іюня	утро	11	—	—	+20	+29	+17½	+15	Легкій восточный вѣтерокъ, облаковъ мало.
	по полуд.	4	—	—	+27½	+39	+19	+14½	
	вечеръ	9	—	—	+15	+18	+19	+14	
	ночь	12	—	—	+10	+12	+18	+12	Поднялся довольно сильный вѣтерокъ, росы мало.
16 іюня	утро	11	—	—	+27	+27½	+18	+13½	Южный вѣтеръ, небо чистое.
	по полуд.	3	—	—	+23	+37	+19½	+14½	Небо совершенно чистое; очень слабый вѣтерокъ.
	вечеръ	9	—	—	+19	+17	+18	+13	
	ночь	1	30	—	+ 4½	—	—	—	Обильная роса.
	утро	11	—	—	+15½	+27½	+19	+13	Тихо, ясно. Подъ вечеръ стали собираться тучи, но сильный южный вѣтеръ разогналъ ихъ. Ночью обильная роса.

Отъ 16 по 26 все такіе же тихіе или слабо вѣтренные, жаркіе дни, то совершенно ясные, то слабо облачные. Хлѣба начали горѣть. 23-го, ярица, посѣянная мѣсяцъ тому назадъ, стала колоситься. 26-го, подъ вечеръ, при совершенно тихомъ воздухѣ, надъ окрестностями повисъ сухой туманъ. Душно, какъ въ банѣ. Мгла. Вечеромъ 30-го стали сверкать молніи, упало нѣсколько капель дождя; сѣверный и восточный вѣтры прогнали туманъ. Тѣмъ не менѣе дождя не было еще 4 дня; тучи кружились надъ долиной взадъ и впередъ, роняли всего по нѣскольку капель и мѣшали падать росѣ, отъ чего хлѣба еще больше горѣли. Только 4-го іюля, въ полдень, случилась гроза, послѣдствіемъ которой былъ ночной морозъ и иней.

Какъ ни несовершенны мои наблюденія, но изъ нихъ ясно видны причины, вызывающія послѣднее явленіе: воздухъ былъ на столько сухъ, испареніе до того быстро, что термометръ, вынутый изъ воды, обсыхая, падалъ неизмѣнно на 4, 5, а случалось и на 8 градусовъ. Послѣ проливнаго дождя влажная, сильно охлажденная почва, переставала быть той печью, излученіе которой поддерживало ночами падающую температуру воздуха; наоборотъ, почва сама поглощала тепло и въ результатѣ явилось временное охлажденіе болѣе низкихъ слоевъ воздуха до нуля, даже до минуса *одного* и *двухъ* градусовъ.

Какъ на признаки того, что инея не будетъ, не смотря на благопріятныя для него условія, мѣстные жители указываютъ на слѣдующія обстоятельства: «Инея не будетъ если на небѣ есть, хоть небольшая, тучка, если подулъ вѣтеръ, если послѣ дождя солнце хорошо пригрѣло и подсушило землю». (Намскій ул.; 1888 г.)

Иней и заморозки являются не только, какъ результаты выше описанныхъ совпаденій; въ иные годы случается, что температура, просто вслѣдствіе продолжительности сухихъ холодныхъ, сѣверо-западныхъ вѣтровъ, или по неизвѣстнымъ причинамъ, падаетъ на огромномъ пространствѣ такъ низко, что до точки замерзанія остается какая нибудь дробь градуса. При такомъ пониженіи, особенно подъ осень, съ наступленіемъ затишья и при совершенно ясномъ небѣ, можно наблюдать на поляхъ нѣчто вродѣ «пятнистаго инея» или, вѣрнѣе, «пятнистаго мороза». Не знаю, какъ иначе назвать эти полосы позноблепныхъ злаковъ рядомъ съ совершенно нетронутыми, причемъ *степень зрѣлости* хлѣбовъ играетъ второстепенную роль. Главную роль, какъ я уже замѣтилъ, играетъ тогда качество и положеніе почвы. Замѣчено, что меньше бьетъ морозомъ хлѣбъ, посѣянный на буграхъ, чѣмъ на низкихъ или ровныхъ поляхъ, что иней предпочитаютъ почву тяжелую, солонцоватую, глини-

стую, почвѣ песчаной; что въ такихъ случаяхъ больше страдаютъ растенія въ мѣстахъ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ, чѣмъ въ открытыхъ, на небольшихъ, окруженныхъ лѣсомъ пашняхъ, чѣмъ на просторныхъ поляхъ [1]).

Якутскіе хлѣба переносятъ прекрасно низкія температуры, даже очень близкія къ нулю, лишь бы не ниже его. Даже продолжительные холодные сѣверные и сѣверо-западные вѣтры, заставляющіе людей надѣвать шубы, не особенно вредятъ имъ [2]). Правда, такіе вѣтры пріостанавливаютъ развитіе, ростъ и созрѣваніе хлѣбовъ, во время ихъ цвѣтенія отряхиваютъ и уносятъ вонъ изъ полей цвѣтовую пыль, а во время налива сушатъ зерно и умаляютъ вѣсъ его, но само растеніе не убиваютъ и не калѣчатъ, какъ напримѣръ инеи, и оно, при наступленіи благопріятныхъ условій, быстро поправляется и нагоняетъ потерянное. Я помню такой случай: 23 іюля 1889 года, когда большая часть хлѣбовъ только что налилась, и зерно было еще совершенно мягко, выпалъ по утру, при +0 температуры и сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, обильный снѣгъ. Снѣгъ быстро таялъ, но упало его въ общей сложности почти 1/2 дюйма. Въ полдень температура поднялась до +18° R., а ночью упала до +6° R. Мороза не было, тѣмъ не менѣе всѣ съ тревогой ожидали послѣдствій такой холодной ванны для хлѣбовъ. Къ удивленію, хлѣба отъ нея ничуть не пострадали и урожай былъ прекрасный [3]). Хотя лѣтніе инеи и заморозки случаются здѣсь чаще, чѣмъ въ другихъ хлѣбородныхъ мѣстахъ Сибири, но они, по нашему мнѣнію, не могутъ служить препятствіемъ къ водворенію въ краѣ земледѣльческой культуры. Во первыхъ, явленіе это можно сильно ослабить правильною расчисткою лѣсовъ, во вторыхъ, оно и теперь довольно рѣдко какъ повсемѣстное, а потому, съ точки зрѣнія общей экономіи страны, все таки выгоднѣе производить хлѣбъ на мѣстѣ, чѣмъ привозить его издали.

---

[1]) Въ Никольской слободѣ Намск. улуса (въ 10 вер. отъ Намск. Инор. Управы), при мнѣ былъ случай, что лѣтній заморозокъ убилъ огурцы и повредилъ картофель у богачей, огороды которыхъ были обнесены, въ защиту отъ вѣтра, высокими плотными оградами и пощадилъ огородъ бѣдняковъ, гдѣ такихъ оградъ не было. Этотъ же морозъ убилъ огурцы, посаженные на завалинкѣ, въ закрытомъ дворѣ и не тронулъ ихъ на высокой но совершенно открытой грядкѣ, въ той же усадьбѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ разстоянія.

[2]) Нерѣдко температура, въ продолженіи двухъ, трехъ сутокъ колеблется между 8 и 2 градусами тепла.

[3]) Записки 1889 г. В. Сѣрошевскаго. О снѣгѣ, выпавшемъ того же дня при сѣверномъ вѣтрѣ, въ окрестностяхъ Якутска, говорится въ Обзорѣ Якут. Обл. за 1889 г. стр. 4.—«22-го іюля, того же года, въ Вилюйскомъ окр., былъ морозъ ночью; отъ него сильно пострадали яровые хлѣба, озимые же, поспѣвшіе къ этому времени, остались невредимы». Тамъ же: «22-го іюля въ окрестностяхъ Якутска была первая гроза».

Относительно «расчистокъ» и осушки полей, надо замѣтить, что инеи и заморозки случаются рѣже всего въ окрестностяхъ Якутска, гдѣ находится чуть ли не самая обширная изъ площадей, оголенныхъ земледѣльцами изъ подъ лѣса. Между тѣмъ, въ старину, тамъ сильно жаловались на иней [1]). То же самое замѣчается въ Намской долинѣ, гдѣ съ водвореніемъ скопцовъ (въ концѣ семидесятыхъ годовъ), расчистка лѣса сдѣлала большіе успѣхи [2]). По словамъ населенія инеи тамъ уменьшились. Конечно, расчистки производятся не съ этой цѣлью; ведутся онѣ безпорядочно, безъ соблюденія полезной лѣсной черезполосности, тѣмъ не менѣе, результаты ихъ, пока, нужно признать за положительные. Только тамъ, гдѣ долины подверглись оголѣнію въ большихъ размѣрахъ, чувствуется другая сторона расчистокъ—засухи. Горы и лѣсъ привлекаютъ къ себѣ дождевыя тучи, а надъ обнаженной частью долины, въ засушливый годъ, дождей падаетъ меньше. [3])

Мнѣ всегда казалось, что низко плывущія облака, начавшія уже дождить, встрѣтивъ такое накаленное пятно, вдругъ подымались вверхъ, точно подброшенныя снизу мощнымъ дуновеніемъ. Плывя дальше, надъ лѣсомъ или рѣкою, они опять опускались и опять изъ нихъ лилъ дождь.

Если припять во вниманіе признанный здѣсь недостатокъ дождей въ первую половину лѣта, ежегодно мѣшающій успѣшному росту травъ и хлѣбовъ; если прибавить къ тому стремленіе засухи возрастать съ увеличеніемъ засѣваемыхъ площадей и связь ея съ самыми опасными видами инея, то нельзя не признать, что засуха является самымъ опаснымъ врагомъ якутскаго земледѣлія. Среди лѣта инеи рѣдки, чаще всего они выпадаютъ по осени и настолько поздно, что прихватываютъ только запоздавшіе хлѣба. За семь лѣтъ, доступныхъ моему наблюденію, было только

[1]) Гмелинъ. Reise II, 1752, стр. 519.—По этому поводу припоминаю характерный отвѣтъ тункинскаго крестьянина (Тунка Иркутск. губ. верстъ 100 на югъ отъ Байкала), на вопросъ: какъ родятся хлѣба въ ихъ долинѣ, сравнительно съ прошлымъ?—«Лѣса были—были инеи; лѣсовъ нестало—засуха донимаетъ», отвѣтилъ онъ. Тункинская долина, нѣкогда сплошь покрытая лѣсомъ, по показаніямъ сторожиловъ и по мнѣнію такого опытнаго лѣсовода, какъ О. В. Маркграфъ, теперь представляетъ обширный степной оазисъ, на которомъ встрѣчаются только рѣдкіе кустарники, да одинокія матёрыя деревья, свидѣтели далекаго прошлаго. Лѣсъ отошелъ на окраины, на покатости окружающихъ долину гольцовъ.

[2]) По офиціальнымъ даннымъ было очищено изъ подъ лѣса и осушено озеръ и болотъ:

	1885 г.		1889 г.	
	изъ подъ лѣса,	болотъ и озеръ.	изъ подъ лѣса,	болотъ и озеръ.
Якутскій Округъ . . .	13 десятинъ	80 десятинъ	580 десятинъ	32 десятинъ
Вилюйскій » . . .	31½ »	39½ »	54 »	29 »
Олёкминскій » . . .	—	—	55½ »	28 »

Цифры эти однако далеко ниже дѣйствительныхъ.

[3]) Въ Намскомъ улусѣ, дождей падаетъ больше всего вблизи высокаго лѣсного мыса—Кононкинъ Крестъ; въ долинѣ Якутска, около такого же мыса—Кангаласкій Камень.

два іюльскихъ инея, распространившихся на болѣе обширные районы и сильно повредившихъ хлѣба: въ 1885 г. (числа не помню), во всемъ Якутскомъ округѣ, особенно въ Намской долинѣ, затѣмъ, въ 1888 году 29 іюня въ долинѣ города Якутска. Между тѣмъ, засуха, въ продолженіи извѣстныхъ мнѣ 7-ми лѣтъ, случалась ежегодно. Всюду на нее жаловались, всюду она замедляла ростъ хлѣбовъ.

Если влажность почвы вознаграждаетъ растеніе, хотя отчасти, за сухость воздуха, то оно развивается быстро, успѣшно и вызрѣваетъ скоро. Это можно наблюдать на посѣвахъ, произведенныхъ на днѣ недавно спущенныхъ озеръ [1]), да на новяхъ, гдѣ, естественно, первые два, три года, подпочва отличается большей влажностью.

Требуется нѣкоторая соразмѣрность влажности и тучности почвы, такъ какъ на очень жирныхъ и въ то же время сырыхъ мѣстахъ, хлѣбъ, какъ мы это говорили выше, долго нѣжится. Въ общемъ, срокъ вызрѣванія мѣстныхъ хлѣбовъ значительно короче, чѣмъ въ южной полосѣ Сибири. Самый короткій изъ отмѣченныхъ сроковъ равняется:

для ячменя	71 дню,	посѣяно	19 мая,	созрѣло	30 іюля,	урожай	самъ	три
» пшеницы . . .	77 днямъ,	»	18 »	»	4 августа,	»	»	два
» ярицы	80 »	»	20 »	»	7 »	»	»	»

(Намскій улусъ, 1887 году).

Самый длинный изъ извѣстныхъ мнѣ періодовъ произрастанія былъ не больше ста дней. Средній срокъ можно принять въ 80 — 90 дней; именно: посѣянное въ половинѣ мая созрѣваетъ въ половинѣ августа; таковъ періодъ произростанія хорошихъ хлѣбовъ въ урожайные годы.

На сокращеніе періода произрастанія вліяла безъ сомнѣнія вся совокупность своеобразныхъ растительныхъ условій страны. Раздражающая сухость воздуха, зной, значительныя колебанія суточныхъ температуръ и холодъ подпочвы, играли, вѣрно, не малую роль [2]), но впереди всѣхъ этихъ условій стоитъ безусловно длина лѣтняго дня. Общая сумма тепла доставляемая солнцемъ въ данную мѣстность, занимаетъ уже второе мѣсто.

Въ Олекминскѣ, гдѣ дни короче, хлѣба растутъ и зрѣютъ дольше, хотя сумма общаго тепла больше, чѣмъ въ Якутскѣ и такая же степень дневного зноя [3]).

---

[1]) Маакъ, часть III, стр. 159.

[2]) Миддендорфъ указываетъ на нихъ какъ на сильные біологическіе факторы, взятые даже порознь. О. В. Маркграфъ, въ разговорѣ по поводу якутскаго земледѣлія, указалъ мнѣ на низкую температуру, до которой зимою здѣсь промерзаютъ сѣмена, какъ на факторъ, ускоряющій, по его мнѣнію, прорастаніе (Иркутскъ 1893 года).

[3]) Миддендорфъ полагаетъ, что подъ 62° с. ш. (въ Якутскѣ), ячмень для своего роста и созрѣванія требуетъ меньше 750° R. въ общей сложности (часть I, стр. 752).

Подборъ и наслѣдственность закрѣпили мало по малу за якутскими хлѣбами эту укороченную растительную дугу. Даже въ иныхъ климатическихъ и свѣтовыхъ условіяхъ они сохраняютъ ее въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи огромный интересъ представляютъ опыты посѣва якутскихъ сѣмянъ на «образцовой фермѣ» Иркутской губ. [1]). Изъ нихъ оказалось, что въ 1889 году разница растительнаго періода:

---

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ опытахъ я получилъ отъ г. Н. Дмитріева, который лично наблюдалъ за ними на упомянутой фермѣ. Ферма была устроена въ семи верстахъ отъ села Черемхово, Балаганскаго окр. ($53^1/_6{}^0$ с. ш. и $120^2/_3{}^0$ в. д.), въ 160 вер. отъ Иркутска въ настоящее время она не существуетъ. Такъ какъ опыты эти пока единственные, то привожу доставленное мнѣ любезно сообщеніе полностью, въ подлинныхъ словахъ г. Дмитріева:

Посѣвъ 1889 года.

	Время посѣва.	Прорастанія зерна.	Появленіе всходовъ.	Начало колошенія.	Начало цвѣтенія.	Время созрѣванія и уборки.	Растительный періодъ.
Гессельбергск. ярица .	4 мая	8 мая	12 мая	12 іюня	26 іюня	18 авг.	105 дней.
Якутская » .	27 »	—	31 »	1 іюля	15 іюля	22 »	86 »
				Разница растительнаго періода на			19 дней.
Пшеница кубанка . .	8 мая	—	—	1 іюля	—	24 авг.	107 дней.
Якутская пшеница . .	19 »	31(?) мая	2 іюня	4 »	15 іюля	20 »	92 »
				Разница растительнаго періода на			15 дней.
Ячмень мѣстный . . .	23 мая	—	31 мая	—	—	20 авг.	88 дней.
Якутскій ячмень . . .	27 »	31 мая	—	—	15 іюля	17 »	81 »
				Разница растительнаго періода на			7 дней.

«Наблюденія эти показываютъ, что якутскіе хлѣба, значительно быстрѣе поспѣли чѣмъ мѣстные (взятыя для сравненія гессельбергская ярица и пшеница кубанка давно уже культивируются въ описываемый мѣстности, и періодъ ихъ произрастанія нисколько не отличается отъ мѣстныхъ хлѣбовъ). Такъ, растительный періодъ якутской ярицы оказался на 19 дней короче гессельбергской ярицы; растител. періодъ якутской пшеницы на 15 дней того же кубанки, и періодъ произрастанія якутскаго ячменя оказался короче на 7 дней мѣстнаго. Эта разница еще болѣе обнаружится, если мы примемъ во вниманіе, что въ 1889 г. въ описываемой мѣстности былъ недородъ и всѣ хлѣба ранняго и средняго посѣва пострадали отъ засухи, потому что слишкомъ ранняя весна (въ концѣ марта на поляхъ уже не было снѣга), съ палящимъ солнцемъ днемъ и морозными утренниками, слишкомъ изсушила землю. Дожди въ началѣ мая не задержали всходовъ гессельбергской ярицы и кубанки, и тѣ довольно хорошо вышли въ трубку; но начиная отъ этого момента до начала колошенія, когда растенія требуютъ наибольшаго количества влаги, хотя и выпадали дожди (съ 3-го іюня по 2-е іюля три небольшихъ дождя), но ясная и жаркая погода (напр. 18-го іюня 28° R. въ тѣни) не давала почвѣ поглотить всѣ осадки и воспользоваться ими растеніямъ, которыя заострились, а недостатокъ влаги отъ цвѣтенія до вызрѣванія вызвалъ вынужденную спѣлость зеренъ; все это сильно сократило періодъ произрастанія всѣхъ раннихъ посѣвовъ, въ томъ числѣ и гессельбергской ярицы и кубанки. Тогда какъ якутскія ярица и пшеница, посѣянныя въ концѣ мая, развивались, такъ сказать, при болѣе нормальныхъ условіяхъ... Что распредѣленіе осадковъ дѣйствовало именно въ указанномъ направленіи, видно изъ того, что одинъ и тотъ же овесъ, посѣянный 27 мая, сравнительно съ овсомъ, посѣяннымъ 8 мая, далъ болѣе длинный періодъ произрастанія».

для якутскаго и мѣстнаго ячменя . . . . = 7-ми днямъ.
» якутской пшеницы и пшеницы кубанки = 15-ти »
» якутской ярицы и гессельбергской . . = 19-ти »

Въ слѣдующемъ 1890 г., хотя якутскіе хлѣба и удлиннили періодъ произрастанія, но все-таки опередили другіе хлѣба, именно: якутская пшеница—пшеницу кубанку дней на 12; якутская ярица—гессельбергскую ярицу дней на 23, а забайкальскую на 16.

Отсюда можно заключить, что сокращенный срокъ вызрѣванія якутскаго хлѣба теперь не есть только результатъ наличныхъ физическихъ условій для каждаго даннаго случая, но также нѣкоторый внутренній, наслѣдственный стимулъ, развитый приспособленіемъ.

Нужно видѣть поле полу-зрѣлаго якутскаго хлѣба, пораженное двѣ почи сряду осенними заморозками, чтобы понять, какъ систематично здѣсь дѣйствуетъ естественный подборъ. Всѣ тѣ колосья, которые почему либо, хоть на незначительную долю, опередили сосѣдей, не только выносятъ ноч-

«Теоретически очень легко объясняется, физіологіей растеній, сокращеніе или удлиненіе періода произрастанія каждаго культурнаго растенія, перенесеннаго въ иныя климатическія условія, подъ вліяніемъ различнаго количества и распредѣленія осадковъ, а также отъ количества солнечныхъ лучей. Но вопросъ о константности періода произрастанія и причинахъ, почему одно растеніе при различныхъ климатическихъ условіяхъ все таки сохраняетъ свой періодъ произрастанія (скороспѣлые сорта), а другое нѣтъ, и насколько—является въ наукѣ далеко невыясненнымъ».

«Привожу ниже сравнительную таблицу наблюденій, произведенныхъ мною тамъ же надъ якутскими сѣменами (урожая 1889 г.) въ 1890 году:

	Время посѣва.	Прорастаніе зерна.	Появленіе всходовъ.	Начало колошенія.	Начало цвѣтенія.	Время созрѣванія и уборки.	Растительный періодъ.
Гессельберг. ярица . .	26 апр.	2 мая	8 мая	18 іюня	5 іюля	22 авг.	117 дней.
Забайкал. » . .	1 мая	5 »	12 »	—	5 »	20 »	110 »
Якутск. » . .	14 »	—	22 »	21 іюня	7 »	18 »	94 »
							Разница растительнаго періода якутской ярицы 23 дня (съ гессельберг. ярицей) и 16 дней (съ забайкальск. ярицей).
Пшеница кубанка . .	4 мая	—	16 мая	7 іюля	—	28 авг.	113 дней.
Якутская пшеница . .	9 »	12 мая	19 »	3 »	18 іюля	20 »	101 »
							Разница растительнаго періода 12 дней.

Она показываетъ, что якутскіе хлѣба, хотя и удлинили періодъ произрастанія (противъ 1889 г.), но, сравнительно съ мѣстными, все таки періодъ произрастанія якутской ярицы оказался въ 1890 г. короче растительнаго періода гессельбергской ярицы на 23 дня, а забайкальской на 16 дней; растительный періодъ якутской пшеницы оказался короче періода произрастанія кубанки на 12 дней. Тотъ фактъ, что гессельбергская ярица въ 1890 г. удлинила свой растительный періодъ на 12 дней (117 въ 1890 г. 105 въ 1889 г.); а кубанка на 6 дней (113—107) потверждаетъ сдѣланное мною выше предположеніе, что растительный періодъ этихъ хлѣбовъ въ 89 г. былъ значительно сокращенъ, тогда какъ 90 г. отличался наиболѣе благопріятнымъ распредѣленіемъ и количествомъ осадковъ, споспѣшествовавшихъ прекрасному урожаю, и растенія развивались при болѣе нормальныхъ условіяхъ».

ной морозъ, но и успѣваютъ въ промежуточный день настолько укрѣпиться, что второй морозъ, уже болѣе сильный, не мѣшаетъ имъ дать сѣмена.

Замѣчательно также, что время вызрѣванія хлѣбовъ, сообразно мѣстамъ, гдѣ они растутъ, меньше средняго количества безморозныхъ дней, отдѣляющаго холода весенніе, отъ осеннихъ инеевъ и заморозковъ.

Выше мы говорили о среднемъ времени произрастанія, теперь приводимъ средня количества безморозныхъ дней, вычисленныхъ нами для округовъ:

Вилюйскаго = 96
Якутскаго. = 99
Олекминскаго=105

Время произрастанія хлѣбовъ можно раздѣлить на слѣдующіе періоды:

отъ посѣва до начала прорастанія зерна . .	1½	— 6	дней
» прорастанія до всхода.	3	— 15	»
» всхода до колошенія	30	— 50	»
» колошенія до цвѣтенія	4	— 12	»
» цвѣтенія до созрѣва	20	— 35	»
Итого .	58½	—118	дней

Первая комбинація никогда не случается, такъ какъ хлѣба сильные, взошедшіе быстро, въ благопріятныхъ условіяхъ, обыкновенно удлинняютъ срокъ колошенія; вторая комбинація, хотя и случается, но никогда почти не уходитъ отъ мороза. Лучшіе урожаи даетъ приблизительно такая комбинація:

прорастаніе	1½	дня
всходы	3	»
колошеніе	10	дней
цвѣтеніе.	10	»
созрѣваніе	30	»
Итого 84½	дня [1]).	

Этотъ итогъ очень близокъ къ среднему нормальному, но распредѣленіе времени рѣдко отвѣчаетъ приведенной схемѣ. Различные періоды, то удлинняются, то сокращаются сообразно совпадающимъ съ ними климатическими явленіями. Замѣчено, что буйные хлѣба, съ тяжеловѣснымъ

[1]) Миддендорфъ приводитъ случай, когда хлѣбъ взошелъ черезъ 5 дней, цвѣлъ черезъ 57 дней, созрѣлъ черезъ 82 дня послѣ посѣва. Въ 42 году, судя по его словамъ, это считалось рѣдкостью, теперь это довольно обычное явленіе.

полнымъ зерномъ, удлиняютъ главнымъ образомъ періодъ налива и вызрѣванія, между тѣмъ, какъ періодъ роста стебля, вплоть до образованія колоса и цвѣтенія, остается равнымъ среднему или даже сокращается, если своевременно выпадали дожди и стояла теплая погода. Благодаря этому, здѣсь часто случается, что хлѣба, посѣянные много позже, нагоняютъ, даже опереживаютъ хлѣба, посѣянные раньше, но *въ началѣ* пострадавшіе отъ засухи, или весенняго заморозка.

Сѣять начинаютъ въ якутскомъ округѣ не раньше 6-го мая (24-го апрѣля) [1]).

Если весна была дружная, тихая, не особенно ранняя, почва снѣговой водой увлажнилась равномѣрно, прогрѣло ее хорошо, то сѣмена, брошенныя въ нее, прорастаютъ чрезвычайно быстро и всходы получаются ровные и густые. Быстрѣе другихъ всходитъ ячмень и овесъ, затѣмъ ярица, наконецъ пшеница.

Дальнѣйшій ростъ хлѣбовъ зависитъ отъ того, насколько влажна подпочва, которая въ то время на глубинѣ 6 дюймовъ остается мерзлой и которую вслѣдствіе этого снѣговая вода увлажнить не можетъ. Если поздно по осени перепадали большіе дожди и промочили высушенную іюньской засухой землю насквозь до вѣчно мерзлыхъ слоевъ [2]), то хлѣба долго и вполнѣ успѣшно могутъ развиваться, расти и куститься безъ дождя, питаясь этой постепенно оттаивающей влагой. Въ противномъ случаѣ они не такъ буйно разрастаются, руно съ трудомъ покрываетъ пашню и она, не прикрытая зеленью, сильно высыхаетъ. Въ такихъ случаяхъ, если не перепало двухъ-трехъ хорошихъ дождей, хлѣба, на 20-й или 30-й день послѣ посѣва, смотря по сорту почвы и ея плодородію, начинаютъ «горѣть», т. е. желкнуть и сохнуть. Слабые хлѣба, на слабыхъ или старыхъ почвахъ, начинаютъ горѣть скорѣе. Хлѣба молодые дольше сопротивляются засухѣ, чѣмъ хлѣба подросшіе. Прежде всего пріостанавливается ростъ хлѣбовъ, сѣмя перестаетъ давать новые побѣги отъ корня, не «кустится», идетъ въ трубку и въ результатѣ является колосъ ма-

[1]) По крайней мѣрѣ это самый ранній изъ извѣстныхъ мнѣ посѣвовъ. Вотъ списокъ точно установленныхъ посѣвовъ:

1835 годъ	27 (15) мая	1841 годъ	18 (6) мая	Три послѣднія числа относятся къ
1836 »	1 іюня (20 мая)	1842 »	14 (2) »	Намской долинѣ, гдѣ обыкновенно
1837 »	24 (12) мая	1843 »	30 (18) »	посѣвъ запаздываетъ дней на 5, въ
1838 »	22 (10) »	1887 »	18 (6) »	сравненіи съ Якутскимъ. Остальныя
1839 »	13 (1) »	1888 »	12 мая (апр.)	числа взяты у Миддендорфа, ч. I,
1840 »	8 мая (26 апр.)	1889 »	13 (1) мая	отд. IV, прибавл. I.

[2]) Случалось, что послѣ засушливаго года и сухой осени, подымая въ іюнѣ пары, вскрываютъ уже на глубинѣ 1/2 фута слой сухой, какъ зола, сѣрой почвы, которую снѣговая вода не могла промочить. Глубже подъ нимъ фута на три опять начинается влажная почва.

ленькій и чахлый. Даже если впослѣдствіи выпадаютъ дожди, зерна такого колоса никогда не достигаютъ полнаго вѣса и настоящей величины. Мѣшокъ хорошей негорѣлой пшеницы, вѣсомъ въ 5 пудовъ 10 фунтовъ, насыпанный горѣлымъ зерномъ, вѣситъ всего 4½ пуда. Другіе хлѣба даютъ еще большую разницу, особенно ячмень.

Засухи этого періода гибельнѣе всего отражаются на урожаѣ пшеницы. Правда, она начинаетъ желтѣть и ссыхаться нерѣдко позже ячменя, но она торопливѣе его на-колосъ и не такъ быстро поправляется послѣ дождя. Ярица на-колосъ еще торопливѣе пшеницы, но періодъ ея цвѣтенія длиннѣе и потому ей легче дождаться болѣе удобныхъ для налива условій. Въ благопріятные года ячмень кустится роскошнѣе всѣхъ и быстрѣе всѣхъ растетъ.

Въ 1889 году, который былъ самый урожайный изъ наблюдаемыхъ мною, дожди перепадали въ маѣ и іюнѣ, и температура этихъ мѣсяцевъ была очень высока. Хлѣбъ росъ и кустился чрезвычайно буйно [1]). Измѣренія роста вскорѣ послѣ всхода давали для ячменя больше 1½ дюймовъ въ сутки, поднявшись на высоту десяти дюймовъ, дневной приростъ стебля начиналъ уменьшаться. Количество стеблевыхъ побѣговъ изъ одного зерна у ячменя достигаетъ, обыкновенно, отъ 4 до 7 штукъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ я насчитывалъ отъ 12 до 14 побѣговъ. Ярица и пшеница рѣдко даютъ больше 8 — 9 побѣговъ, обычное количество у нихъ 3—5 побѣговъ.

Чтобы дать понятіе о сравнительномъ ходѣ роста разныхъ сортовъ хлѣба, привожу параллельное описаніе сортовъ этого хлѣба, хранящагося въ Иркутскомъ музеѣ Географическаго общества [2]). Они взяты въ одно и то же время, изъ одной и той же мѣстности, лежащей вблизи г. Якутска. Годъ и время посѣва не обозначены; слѣдуетъ полагать посѣяно 8 мая по новому стилю.

---

[1]) Въ маѣ на солнцѣ, температура очень часто подымалась до +27° Ц. 8-го іюля я отмѣтилъ даже +40° Ц. на солнцѣ и +26° Ц. въ тѣни. Самая высокая изъ температуръ имѣла мѣсто 18-го іюня, именно: +47½° Ц. на солнцѣ и +30° Ц. въ тѣни. Послѣ окончанія посѣва (посѣвамъ мѣшали перепадавшіе снѣга и холода), 24-го мая, первые дожди выпали въ мѣстности, гдѣ я жилъ, 10-го и 11-го іюня; затѣмъ, 20-го небольшой дождикъ и 22-го проливной дождь съ грозою (туча пришла съ запада). Затѣмъ, 23—25—26—29-го іюня небольшіе дожди; 30-го іюня проливной дождь шелъ сутки. 1-го іюля тоже дождь; 3-го опять проливной дождь; 7-го гроза, тучи пришли съ юга; дождь проливной и продолжительный. 9—10—13-го небольшіе дожди. Затѣмъ наступаетъ періодъ жаркій и росистый, и только 3-го августа (22 іюля) выпалъ небольшой дождь, а 4-го (23-го) снѣгъ, о которомъ упоминалъ выше. Потомъ настало ведро вплоть до 13-го (1-го августа). Хлѣба вышли очень хорошіе, средній урожай во всей долинѣ самъ 15.

[2]) Образцы собраны г. Приклонскимъ. Длина соломы измѣрена отъ земли,

	Длина главнаго побѣга.				Количество добавочныхъ побѣговъ.				Величина колоса.				ПРИМѢЧАНІЯ.			
	Ячмень.	Ярица.	Пшеница.	Овесъ.	Ячмень.	Ярица.	Пшеница.	Овесъ.	Ячмень.	Ярица.	Пшеница.	Овесъ.	Ячмень.	Ярица.	Пшеница.	Овесъ.
20 (8) іюня .	15″	10″	9″	8″	3	3	2	0	—	—	—	—	—	—	—	—
28 (16) іюня .	24″	25″	22″	18″	8	6	5	0	—	—	—	—	колосъ въ чехлѣ	колосъ въ чехлѣ	очень молодой колосъ въ чехлѣ	колосъ въ чехлѣ
6 (24) іюля .	30″	30″	20″	28½″	—	—	—	0	3″	3¼″	3″	6″	цвѣтетъ	собирается цвѣсти	колосъ выходитъ изъ чехла	цвѣтетъ
14 (2) іюня .	27½″	45″	29″	30½″	—	—	—	0	2½″	4½″	3″	8″	начало налива	оплодотворяется	оплодотворяется	½ налива
22 (10) іюля .	24″	—	—	31½″	3	—	—	0	3¼″	—	—	8″	почти зрѣлый, годится на муку	—	—	почти зрѣлый, солома зеленоватая
22 іюля . . .	—	48″	28½″	—	—	—	—	—	—	4½″	3½″	—	—	наливъ не полный, годится на муку	наливъ не полный, годится на муку	—

По этимъ образцамъ видимъ, что овесъ и ячмень опередили вызрѣваніемъ пшеницу и ярицу на недѣлю. Изъ другихъ приложенныхъ образцовъ сжатаго хлѣба оказывается, что

ячмень жали тамъ же и въ томъ же году	31 (19)	іюля
пшеницу	4 (23)	августа
овесъ	6 (25)	августа
ярицу (рожь).	14 (2)	августа

Обычный порядокъ созрѣванія и жатвы всегда почти таковъ.

Кромѣ засухи первой половины лѣта, урожаю сильно вредятъ холодные сѣверные и особенно сухіе сѣверо-западные вѣтры, дующіе здѣсь ежегодно. Если они дуютъ въ маѣ, то изсушаютъ сильно ничѣмъ еще не прикрытую почву, выдуваютъ корни растеній и, задерживая болѣе нѣжные всходы хлѣба, позволяютъ глушить ихъ сорнымъ травамъ: сурѣпицѣ (barbarea vulgari), тарицѣ (polygonum convolvulus), смолевкѣ (silene inflata), конопельнику (galeopsis tetrahit) и другимъ, небоящимся холодовъ. Если дуютъ въ концѣ іюня или въ іюлѣ—сушатъ солому и колосья, мѣшаютъ наливу, ускоряютъ затверденіе зерна, отъ чего оно дѣлается неполнымъ и легковѣснымъ [1]). Иногда они очень стремительны и дуютъ непрерывно недѣлю, даже 10 дней. Тогда хлѣба мучительно волнуются, ломаются, путаются, блекнутъ и развитіе ихъ пріостанавливается на все это время [2]).

Проливные дожди, случающіеся во время цвѣтенія, тоже уменьшаютъ урожай, смывая массу цвѣтовой пыли, а черезмѣрно дождливый августъ иногда не только мѣшаетъ уборкѣ хлѣба, но развиваетъ, особенно у дольше всѣхъ вызрѣвающей ярицы, «головню» (uredo sedetum et ruligo) и «рожки» (sclerotium clavus).

Въ общемъ, урожаи хлѣбовъ въ якутской области, по офиціальнымъ даннымъ, очень низки. Въ среднемъ, за многіе годы они равны самъ-третьему зерну. На величину этой нормы, кромѣ неточности данныхъ, вліяютъ періодическіе неурожаи, случающіеся разъ въ 7—8 лѣтъ и не возвращающіе даже сѣмянъ въ большей части края.

Болѣе точнымъ указателемъ размѣровъ урожаевъ, могутъ служить, думаю, требованія, предъявляемыя ему населеніемъ.

[1]) Таковы были сильные с.-зап. вѣтры въ 90 г. въ Намской долинѣ; урожай обѣщавшій быть сноснымъ, они превратили въ ничтожный, ускоривъ затверденіе зеренъ.

[2]) Дующіе въ іюнѣ періодическіе с.-зап. вѣтры якуты, какъ я говорилъ выше, называютъ «останавливающими ростъ деревьевъ» (масъ сыра тыэлъ); іюльскіе сѣв.-зап. вѣтры они зовутъ «останавливающими ростъ травъ» (отъ сыра тыэлъ).

Урожай самъ 2—3 считается убыточнымъ, урожай самъ 5—плохимъ, самъ 8—10 среднимъ, самъ 12—15 хорошимъ, самъ 20—рѣдкимъ. Лучшіе, извѣстные мнѣ урожаи ячменя на отдѣльныхъ пашняхъ, давали самъ 30, даже самъ 40, и разъ всего мнѣ пришлось видѣть ячмень, давшій умолота *самъ пятьдесятъ пять* [1]). Въ отдѣльныхъ случаяхъ я видѣлъ кусты въ 14 побѣговъ, вышедшихъ изъ одного зерна и дававшихъ 14 вполнѣ зрѣлыхъ колосьевъ. Количество зеренъ, въ общей сложности, достигало четырехъ сотъ.

Овесъ по урожайности стоитъ наравнѣ съ ячменемъ; затѣмъ идетъ ярица, которая въ рѣдкихъ случаяхъ даетъ самъ 40, и пшеница, о которой опытные мѣстные хлѣбопашцы говорили, что она не даетъ здѣсь никогда больше самъ 32-хъ.

Лучшая ярица, какую я здѣсь видѣлъ, была пяти футовъ высоты, съ колосомъ въ 6″, иногда выростающихъ по два изъ одного стебля. Съ хозяйственной десятины (3,200 квад. саж.) эта ярица дала 240 пудовъ. Посѣяно было 8 пудовъ съ небольшимъ.

Лучшая видѣнная мною пшеница, высотою въ три фута и съ колосомъ въ 4 дюйма длины, дала съ такой же десятины 200 пудовъ умолота.

Озимая рожь, нѣкогда усиленно засѣваемая въ окрестностяхъ Якутска и въ Амгинской слободѣ, почти исчезла изъ сѣвооборота. По офиціальнымъ отчетамъ за 1890 г., въ трехъ земледѣльческихъ округахъ ея было посѣяно всего 69 четвертей. Теперь ее сѣютъ почти исключительно въ Вилюйскомъ и Олёкминскомъ округахъ. Въ Якутскомъ округѣ жалуются, что озимая рожь часто «вымерзаетъ» и долго нѣжится по осени. Говорятъ, будто лучшіе урожаи давали самъ 60 (?) [2]).

Самые лучшіе урожаи даютъ лесовидныя, суглинистыя, красноватыя почвы. Такія почвы я видѣлъ здѣсь только въ долинахъ рѣкъ Лены и Алдана. Хлѣбородныя земли по Амгѣ и въ «аласахъ» [3]) Амгинско-Ленскаго плоскогорія — темныя; ихъ, по мнѣнію Миддендорфа, слѣдуетъ

---

[1]) Хлѣбъ этотъ уродился у моего сосѣда якута Намск. ул., Григорія Кобелева, на «чисткѣ» (расчищенная изъ подъ лѣса пашня). Солома была вышиною аршина полтора, толстая и крѣпкая, какъ тростникъ. Хлѣбъ былъ настолько густой, что «вылегъ». Сжатъ онъ чуть-чуть зеленоватымъ и дошелъ въ снопахъ. Зерно полное, вѣское, крупнѣе обыкновеннаго.

[2]) Вотъ интересныя данныя, приводимыя Миддендорфомъ относительно урожаевъ Амгинска:

	пшеница	*ярица*	*ячмень*	*рожь озимая.*
1841 годъ	самъ 23	самъ 20	самъ 27	самъ —
1842 »	» 19	» 22	» 33	» 17
1843 »	» 15	» 18	» 28	» 19

[3]) «Аласы»—долины на плоскогоріяхъ, обыкновенно окруженныя со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, съ озеромъ или болотомъ по серединѣ.

признать видомъ супесчанаго чернозема [1]). По Вилюю встрѣчается такой же черноземъ [2]).

Якутскія почвы вообще слабы, послѣ 10—15-ти посѣвовъ онѣ истощаются, даже если имъ давали черезъ каждый годъ отдыхъ, что принято при здѣшней двухпольной системѣ. Удобрять поля не принято, вмѣсто этого даютъ имъ отдыхъ лѣтъ въ 10 и болѣе. Даже такой продолжительный отдыхъ уже никогда не возвращаетъ имъ ихъ прежней силы. Лучшими почвами считаются тѣ, что подъ лиственничнымъ или березовымъ лѣсомъ, на буграхъ и откосахъ холмовъ, гдѣ вода застаиваться не могла. Плодородная почва залегаетъ не толстымъ слоемъ отъ 6 дюйм. до 3 футовъ; въ виду этого пашутъ не глубже 5—6 дюйм.; зерно заборанываютъ тоже мелко, дюйма на 4, на 5, такъ какъ глубже близость ледяной почвы по веснѣ сильно замедляетъ прорастаніе и всходы.

Кромѣ ячменя, ярицы, пшеницы и овса, въ долинѣ Западъ-Кангалаской Управы, изъ другихъ культурныхъ растеній разводятъ коноплю. Она растетъ тамъ очень удачно и достигаетъ высоты 4—5 футовъ, но пока сѣмена вызрѣваютъ рѣдко. Удачные опыты посѣва конопли производились также отдѣльными лицами въ Намскомъ Улусѣ.

Изъ огородныхъ овощей наибольшимъ распространеніемъ пользуются картофель и капуста. Посадка этихъ овощей давала сносные результаты далеко за предѣлами земледѣльческихъ округовъ. Картофель садятъ въ Верхоянскѣ, въ Средне-, даже Нижне-Колымскѣ. Но всюду на сѣверномъ плоскогоріи онъ мелокъ и водянистъ. Даже на южномъ плоскогоріи онъ не такъ разсыпчатъ, какъ европейскій, не смотря на то, что достигаетъ иногда огромной величины. Я видѣлъ клубни краснаго, скороспѣлаго картофеля въ $^1/_2$ фунта вѣсомъ. Отборный картофель, величиною съ кулакъ, является въ Якутскѣ для продажи цѣлыми мѣшками, особенно по осени, когда на плотахъ и лодкахъ его приплавляютъ изъ деревни, если не ошибаюсь, Бестяхской; тамъ его садятъ въ большомъ количествѣ подъ соху въ полѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ картофель разводятъ преимущественно въ огородахъ и предпочтительно на грядахъ. Скопцы и старовѣры Павловска [3]), лучшіе огородники въ Якутской области, поливаютъ картофель обязательно, хоть разъ въ лѣто. Обычный въ Якутской области урожай картофеля—самъ 10; лучшій извѣстный мнѣ—самъ 60.

---

[1]) Миддендорфъ, часть I, отд. IV, прибавл. II.

[2]) Маакъ, часть III, стр. 159.

[3]) Въ 15 верстахъ отъ Якутска, на правомъ берегу Лены.

Капуста тоже общераспространенная овощь. Я видѣлъ прекрасные, твердые кочаны въ 10 фунтовъ вѣсомъ, въ томъ же Павловскомъ селеніи. На сѣверѣ капуста рѣдко образуетъ кочаны. Мнѣ извѣстенъ одинъ только случай, когда въ Средне-Колымскѣ капуста свернулась въ кочанъ; обыкновенно она даетъ тамъ только большіе, толстые и грубые листья. Трудно судить на сколько это результатъ климата или неумѣлаго ухода, такъ какъ опыты до сихъ поръ производились людьми хотя и радивыми, но неумѣлыми.

Въ окрестностяхъ Якутска и даже сѣвернѣе, въ Намской долинѣ, прекрасно растетъ цвѣтная капуста. Я самъ выращивалъ фіоры величиною отъ 6 до 8 дюймовъ въ поперечникѣ.

Рѣпу въ Якутскомъ округѣ сѣютъ просто въ полѣ, но сѣять ее въ хлѣбѣ, какъ это дѣлаютъ въ Россіи, избѣгаютъ: она поздно всходитъ. Въ 1887 году у меня изъ одной ложки сѣмянъ рѣпы получилось ее 20 пудовъ; отдѣльные клубни достигали величины дѣтской головы и вѣсили свыше 5-ти фунтовъ.

Рѣдьку, рѣдиску, свеклу, морковь, рѣпчатый лукъ и прочіе огородныя растенія воздѣлываютъ здѣсь исключительно на грядахъ, какъ огородныя овощи, и хотя онѣ дороги на рынкѣ, но занимаются ими неохотно.

На горохъ смотрятъ тоже, какъ на огородное растеніе. Извѣстные мнѣ посѣвы гороха хотя и были удачны въ смыслѣ сбора (самъ 10), но достоинство его было значительно ниже привознаго; онъ не разваривался и годился только молодымъ въ супъ. Въ окрестностяхъ Якутска и въ Намской долинѣ вызрѣваютъ въ грядахъ огурцы и даютъ иногда богатые сборы. Въ парникахъ скопцы удачно выращиваютъ арбузы и дыни.

Закончу этотъ обзоръ культурныхъ растеній выпиской изъ статьи И. Д. Черскаго, касающейся земледѣльческихъ и огородническихъ опытовъ въ Колымскомъ краѣ и въ долинѣ р. Индигирки:

«Верхняя часть долины Индигирки (Омеконъ, 2966′ надъ Якутскомъ) должна, со временемъ, дать мѣсто даже земледѣлію и обширному огородничеству. Здѣсь, какъ я узналъ отъ мѣстныхъ жителей, производились уже опыты посѣва ячменя (на рч. Таринъ-юрахъ), настолько успѣшные, что нѣкоторая доля настойчивости могла бы довести это дѣло до желаемыхъ результатовъ. Ячмень сѣяли и въ 35 верстахъ выше Омеконскаго родового правленія, около Омеконской церкви на рч. Куйтусупъ, гдѣ, какъ мнѣ сообщали, возросло нынѣ нѣсколько его колосьевъ въ видѣ «падашки», т. е. отъ сѣмянъ, упавшихъ во время прошлогодняго сбора и выдержавшихъ, слѣдовательно, всю строгость зимы за 63°

сѣв. шир.; около той же церкви весьма удачно разводятъ картофель и нѣкоторыя другія овощи, а въ нынѣшнемъ году выростили даже огурцы.

Еще болѣе отраднымъ явленіемъ оказывается упрочившееся уже огородничество по Колымѣ между $65^1/_2$ и 67^0—15′ сѣв. шир., хотя и въ столь миніатюрныхъ размѣрахъ, что площадь всѣхъ воздѣланныхъ мѣстъ Колымскаго края удобно помѣстится въ одномъ огородѣ южно-сибирскаго крестьянина.

Въ Верхнѣ-Колымскѣ мы лично видѣли уже три огорода (у двухъ священниковъ и у псаломщика), въ которыхъ хорошо родились: картофель, рѣпа, крупная морковь, брюква, рѣдька, редиска, свекла, петрушка, укропъ, салатъ и капуста, хотя послѣдняя даетъ лишь немного вилковъ, и то недостаточно плотныхъ.

Здѣшній священникъ, отецъ Василій Сучковскій, которому я обязанъ многими свѣдѣніями относительно статистики и экономіи Верхне-Колымскаго прихода, успѣшно выростилъ здѣсь также немного конопли, составляющей столь необходимый матеріалъ для неводовъ, но достигающей здѣсь неимовѣрныхъ цѣнъ (80 к. и 1 руб. за фунтъ). Въ его-же огородѣ выросталъ лукъ, а у отца Стефана Попова—горохъ, какъ сахарный такъ и простой. Въ свою очередь опытъ посѣва льна удался въ огородѣ псаломщика Г. А. Попова (бывшаго на Сагастырѣ во время существованія тамъ метеорологической станціи подъ начальствомъ П. Д. Юргенса).

Овощи разводятъ также и въ Средне-Колымскѣ (67^0 10′ сѣв. шир.), составляющемъ крайній сѣверный пунктъ огородничества по Колымѣ; капуста тамъ уже вовсе не даетъ вилковъ.

Наконецъ въ послѣднее время (1891 года) сдѣланъ былъ въ высшей степени похвальный и удачный опытъ посѣва цереалій подъ $66^1/_2{}^0$ сѣв. шир., въ поселкѣ Родчево (иначе Урочево), на правомъ берегу Колымы, верстахъ въ 70 ниже Верхне-Колымска. Одинъ изъ проживающихъ тамъ политич. ссыльныхъ, С. М. Шаргородскій, всецѣло посвятилъ себя такого рода полевымъ работамъ и въ мѣстности этой, до него еще не тронутой орудіемъ земледѣльца, выростилъ: великолѣпный ячмень, немного ржи, коноплю, два сорта гороха, картофель, два сорта капусты, свеклу, брюкву, два сорта моркови и рѣдьки, редиску и щавель. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ этимъ, весьма интеллигентнымъ молодымъ человѣкомъ:

	Посѣвъ былъ.	Цвѣлъ.	Снятъ.
Ячмень	15 мая	3 іюля	10—15 авг.
Рожь.	17 »	3— 4 »	17 »
Конопля	17 »	16—18 »	17 »

Горохъ простой	19 мая	3—4 іюля	15 авг.
Горохъ садовый. . . .	18—19 »	12 »	15 »
Картофель	18—19 »	11—12 »	22—24 »
Капуста красная (разсадою)	—	4 іюня	17—15 »
Капуста лиственная . . .	—	12 »	—
Свекла салатная.	—	3 »	—
Брюква	—	12 »	—
Морковь коротель (пророщенными сѣменами) . .	—	20 мая	1 сент.
Морковь обыкновенная .	—	27 »	—
Рѣдька красная	—	26 »	23 авг.
Рѣдька длинная	—	27 »	съѣдена червями
Редиска	—	26 »	27—30 іюня
Щавель	—	25 »	1 сент.

Изъ всего посѣяннаго только рожь погибла отъ мороза 15-го августа. Ячмень далъ прекрасныя колосья и зерна, образцы которыхъ вмѣстѣ съ образцами сѣмянъ, служившихъ для посѣва, я выслалъ въ Академію, какъ уникатъ, интересный для любого музея. Изъ 20 фунтовъ посѣянныхъ сѣмянъ собрано его $3^1/_2$ пуда. Овощи точно также достигли желаемаго развитія. Картофель далъ удовлетворительные клубни, хотя только два куста его были въ цвѣту. Изъ посаженныхъ шести или семи фунтовъ его собрано $2^1/_2$ пуда, а изъ 56 зеренъ садоваго гороха вышло пять фунтовъ. Два экземпляра пошли въ цвѣтъ въ среднихъ числахъ іюля, какъ равно и нѣкоторая часть рѣдьки». (И. Д. Черскій. Предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ въ области р.р. Колымы, Индигирки и Яны, стр. 17—18—19).

Фауна.

Рис. 10. Тусахъ—петля на зайцевъ.

Здѣшніе лѣса и тундры, въ большей своей части, отличаются удивительной мертвенностью. Фауна ихъ необильна, а главное, очень неравномѣрно распредѣлена во времени и пространствѣ.

Даже во время весенняго перелета птицъ, небольшіе оазисы, полные кипучей жизни, гдѣ непрерывный крикъ пернатыхъ буквально заглушаетъ человѣческій голосъ, соединяются въ болѣе или менѣе связную нить только въ долинахъ рѣкъ. На плоскогоріяхъ есть цѣлыя массы озеръ и долинъ такихъ же безжизненныхъ, какъ и сосѣдніе лѣса. Оазисы жизни отдѣлены совершенно пустынными полосами, во много разъ превышающими оживленныя пространства. По нимъ только плотоядныя бродятъ въ одиночку, прокрадываясь отъ одной населенной колоніи къ другой, да вѣчно кочующіе олени блуждаютъ небольшими стадами.

Весною и лѣтомъ жизнь скопляется, главнымъ образомъ, надъ рѣками и озерами, на луговинахъ, болотахъ и закраинахъ лѣсовъ. Осенью—на тѣхъ же закраинахъ лѣса, гдѣ вообще растительность богаче, да на откосахъ горъ, густо поросшихъ спѣлыми ягодами. Сюда не только слетаются куриные, но прибредаетъ медвѣдь и приходятъ съ тундръ и луговъ олени, мѣняющіе, съ наступленіемъ холодовъ, лѣтній травяной кормъ на лишайники.

Самые бѣдные въ проявленія жизни, конечно, зимніе мѣсяцы: декабрь, январь, февраль. Европеецъ, очутившійся въ это время среди здѣшнихъ пустынь, будетъ пораженъ гнетущей ихъ мертвенностью. Въ

продолженіи многихъ дней онъ рискуетъ не услышать ничего кромѣ звука собственныхъ шаговъ, да глухого, морознаго гула, трескающейся земли и деревьевъ. Ни тропъ, ни слѣдовъ не видно. Зайцы перестаютъ бѣгать и большую часть времени проводятъ, зарывшись въ снѣгу; куропатки, глухари, тетерева, рябчики, которые зимуютъ почти по всей странѣ въ предѣлахъ лѣса, взлетаютъ на деревья чрезвычайно рѣдко, обыкновенно съ восходомъ солнца, на короткое время, и, наѣвшись до сыта березовыхъ и ивовыхъ почекъ, спѣшатъ опять броситься съ размаху въ сыпучій снѣгъ, гдѣ топутъ точно въ водѣ. На поверхности торчатъ только головки стражей ихъ стадъ. Можно набрести на птицъ и не замѣтить, не испугать ихъ, до того онѣ въ это время апатичны и тяжелы на подъемъ.

Промыслы прекращаются, и хотя якуты отдаленныхъ сѣверныхъ улусовъ ставятъ луки (самострѣлы) на лисицъ и волковъ, но въ самое холодное время, видно, и хищники бродятъ меньше, а потому рѣже попадаютъ въ ловушки, чѣмъ въ началѣ и концѣ зимы. Рыба тоже не ловится: собравшись въ стаи, она дремлетъ безъ движенія на днѣ глубокихъ омутовъ.

Все кругомъ неподвижно, точно въ заколдованномъ царствѣ, даже снѣгъ съ вѣтвей не осыпается, такъ какъ вѣтры отсутствуютъ, а новаго снѣга почти не падаетъ.

Тѣмъ болѣе странно увидѣть въ то время нарядную сойку — ропжу (garrulus infaustus, по якутски: кукакы), тихо перелетающую съ одного омертвѣлаго дерева на другое, въ поискахъ за сѣменами и за застывшей лиственичной смолой. Эту птицу, поздней зимой, я встрѣчалъ далеко за полярнымъ кругомъ, сѣвернѣе Средне-Колмыска. Очевидно она здѣсь зимуетъ.

По мѣрѣ приближенія весны, движеніе усиливается: заячьи, а за ними лисьи и волчьи слѣды умножаются, олени начинаютъ «кочевать» изъ пади въ падь, и, все чаще и чаще, можно увидѣть сидящихъ на деревьяхъ, зимующихъ въ данной мѣстности птицъ.

Въ февралѣ уже раздается постукиванье желны и полосатыхъ дятловъ [1]), исчезавшихъ куда то на нѣкоторое время; въ мартѣ прилетаютъ чечётки, затѣмъ ворóны, а въ половинѣ апрѣля первый отрядъ снигирей. Вслѣдъ за снигирями можно ожидать хищниковъ: орловъ, коршуновъ, луней, наконецъ — чаекъ. Къ тому времени овражки уже проснулись, проснулся и медвѣдь.

---

[1]) Вѣроятно поэтому мѣсяцъ этотъ получилъ у якутовъ характерное прозвище: «мѣсяцъ шумящаго дятла».

Къ сѣверу появленіе пришлой жизни запаздываетъ недѣли на двѣ, на мѣсяцъ, смотря по году. Нестолько холодъ, сколько присутствіе снѣга задерживаетъ ее. Нерѣдко можно видѣть, какъ поторопившіяся стаи птицъ возвращаются на югъ. Весеннія бури и мятели, вторично покрывающія слоемъ снѣга большія пространства, всегда вызываютъ такой обратный перелетъ. Если же распространеніе снѣжной бури незначительно, перелетъ на сѣверъ продолжается, не смотря на сильный холодъ и стремительность вѣтра [1]).

Настоящій перелетъ начинается въ концѣ апрѣля, когда появляются первыя одинокія стаи водяныхъ. Раньше всѣхъ появляются гуси (гуменники), потомъ лебеди, наконецъ лѣтятъ утки. Бывали случаи, особенно въ глубинѣ континента, что особняки утки являлись раньше всѣхъ водяныхъ, но главная ихъ масса летитъ значительно позже. Вслѣдъ за лебедями прилетаютъ журавли, и стерхи (grus leucogeranus of.) [2]).

Съ прилетомъ утокъ настаетъ самый оживленный періодъ лѣта. Обыкновенно онъ совпадаетъ со вскрытіемъ рѣкъ. Главный путь перелёта лежитъ вдоль рѣкъ; на плоскогорія, въ лѣсистыя сосѣднія долины, залетаютъ только тѣ птицы, которыя остаются тамъ лѣтовать, или очень незначительная часть, почему либо свернувшихъ въ сторону, стай. Вслѣдствіе этого, на плоскогоріяхъ (аласъ) можно не увидѣть многихъ видовъ ежегодно пролетающихъ по рѣкамъ.

Осенній перелетъ не смотря на свое численное превосходство, далеко въ оживленности уступаетъ весеннему. Веспою по поднебесью то и дѣло несутся стаи птицъ разнаго цвѣта, разной величины и различнаго полета. Летятъ бѣлые лебеди, по парно, или вытянувшись въ одну прямую нить; гуси всегда образуютъ острый уголъ, обращенный вершиной въ сторону полета; утки летятъ въ одной плоскости, но не-

---

[1]) Когда въ 1880 году, въ концѣ апрѣля, изъ почти лишенныхъ снѣга южныхъ плоскогорій, я попалъ въ Верхоянскія горы, гдѣ снѣгъ лежалъ еще толстымъ слоемъ и часто случались снѣговыя вьюги, то мнѣ казалось въ высшей степени страннымъ и загадочнымъ, куда это летятъ на вѣрную гибель, опереживающія насъ стаи гусей, лебедей и даже утокъ. Только взобравшись на гребень Верхоянскаго хребта, я увидѣлъ что сѣвернѣе, недалеко отъ вершинъ, начинается опять страна, оголенная отъ снѣга, съ тающей водой и бѣгущими ручьями и понялъ, что птицамъ предстоитъ пролетѣть холодный, снѣговой поясъ, верстъ всего въ 200. И въ ту минуту, когда я стоялъ на вершинѣ господствующаго надъ переваломъ утеса, на равнѣ со мной, въ ворота сѣдловины, съ юга, изъ бушующихъ тамъ клубовъ снѣга, вылетѣла стая гусей и съ радостнымъ крикомъ понеслась по залитой солнцемъ долинѣ сѣвернаго ската. Грань хребта была въ тотъ разъ и гранью бури. Даже вѣтеръ, срывавшій камни съ утесовъ сѣдловины, въ долинѣ, на сѣверной сторонѣ, дулъ слабо. — Случай, когда горный хребетъ является рѣзкой гранью атмосфернаго явленія, я наблюдалъ еще разъ въ 1882 г., по дорогѣ изъ Усть-Янска въ Верхоянскъ.

[2]) Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches; III Folge, Band III, Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande; Berichte der Reisenden, dr. A. Bunge und bar. E. Toll. S. 114.

соблюдаютъ никакого опредѣленнаго строя, а снигири, пѣтушки, кулики и прочая мелюзга, летятъ хмарой, точно пчелиный рой. Полета журавлей мнѣ не удалось наблюдать, обыкновенно они летятъ такъ высоко, что оттуда доносятся только мелодичные ихъ крики, а самыхъ птицъ не видно. Большинство стай пролетаетъ молча или издаетъ въ незначительные промежутки времени тихіе призывные и поощрительные сигналы.

За то, присѣвшія на землю, птицы поютъ, свистятъ, гогочутъ, гоняются другъ за другомъ, токуютъ, дерутся до изнеможенія. На сѣверѣ, въ нѣкоторыхъ излюбленныхъ птицей долинахъ, стоитъ въ это время такой гулъ, что положительно мѣшаетъ людямъ разговаривать (Андылахъ, Колым. ул. 1882 году). Шумъ стихаетъ немного въ полдень и прекращается часа на два въ полночь, когда птицы куда то исчезаютъ, за исключеніемъ чаекъ и воронъ, которыя какъ будто совсѣмъ не спятъ. Даже орлы и коршуны перестаютъ кружиться и улетаютъ куда-то въ лѣсъ, на отдыхъ.

Въ лѣсахъ всё время тихо; токъ тетеревей мѣстами и не на долго нарушалъ эту тишину; затѣмъ, только куютъ дятлы, да самецъ куропатки взлетаетъ еще утрами и вечерами на верхушки одиноко стоящихъ деревьевъ и карканьемъ призываетъ самку, да на югѣ кукуетъ кукушка, да бѣлка прыгнетъ съ вѣтки на вѣтку или пробѣжитъ бурундукъ.

Въ этотъ періодъ туземцы бьютъ птицу главнымъ образомъ изъ ружья и лука, да ловятъ волосяными «петлями» (тиргенъ), родъ силка, который настораживаютъ въ мѣстахъ, гдѣ должна проплывать или пробѣгать птица.

Въ началѣ іюня перелетная часть пернатыхъ уже улетѣла, а мѣстныя спарились, разбрелись по зарослямъ, кустамъ и ситнику и выводятъ выводковъ. Всюду опять тихо [1]).

Большія скопленія птицы можно найти только надъ моремъ, въ устьяхъ рѣкъ, на островахъ, не заливаемыхъ водою, на излюбленныхъ прибрежныхъ утесахъ. На континентѣ крупныя стаи водяныхъ: утокъ, гусей, лебедей, можно встрѣтить только въ концѣ іюня, на отдаленныхъ пустынныхъ озерахъ, гдѣ самцы собираются лѣнять. Тамъ они соединяются въ стаи, достигающія десятковъ тысячъ штукъ. .

[1]) Въ мѣстахъ изобилующихъ дичью возникаетъ тогда новый промыселъ: собираніе яицъ; ихъ набираютъ многія тысячи и сборъ продолжается отъ 10 дней до 2 недѣль. Якуты берутъ больше всего яица водяныхъ; яицъ хищныхъ совсѣмъ не трогаютъ изъ опасенія «божьяго гнѣва», а къ яйцамъ воронъ, вороны, кукушки и мелкихъ пташекъ относятся брезгливо.

Птицы въ это время жирныя, и туземцы устраиваютъ на нихъ артельныя охоты: гусей и утокъ загоняютъ въ загоны, постепенно съуживающіеся и оканчивающіеся клѣтушками, а лебедей окружаютъ, сидя на *оньткахъ* (лодки), ловятъ за шеи, свертываютъ головы и опрокидываютъ навзничъ. Такія охоты иногда, доставляютъ, участникамъ огромное количество мяса; мнѣ извѣстны случаи, когда на человѣка приходилось по 1500 утокъ, не считая поѣденныхъ собаками и втоптанныхъ въ грязь; между тѣмъ такая охота требуетъ отъ 15 до 20 человѣкъ по меньшей мѣрѣ. Я самъ видѣлъ въ Колымскомъ улусѣ огромные стаи лѣняющей птицы, образующія на тамошнихъ озерахъ подобіе черныхъ, пространныхъ плавучихъ острововъ. Безкрылыя въ это время птицы очень хитры и охота за ними не легка. Даже подплывъ къ нимъ на нѣсколько шаговъ, на вѣткѣ, трудно попасть въ нихъ изъ ружья; въ тотъ мигъ, какъ блеснетъ огонь, стая моментально ныряетъ, какъ по командѣ, и дробь попадаетъ въ пустое мѣстно. Изъ лука убить легче, но взять добычу мудрено: ныряя, птицы образуютъ до того сильный водоворотъ. что вѣтку качаетъ, точно въ вѣтряную погоду, и добычу уноситъ такъ быстро, что не скоро ее отыщешь. На сколько я знаю, на ленныхъ птицъ якуты не охотятся ни въ одиночку, ни малыми артелями; развѣ на особыя породы гусей, которыя небольшими партіями, встрѣчаются на горныхъ рѣчушкахъ. Они смотрятъ на этотъ промыселъ какъ на вспомогательный при разыскиваніи мамонтовой кости.

По преданіямъ якутовъ, мѣста, гдѣ скоплялась лѣняющая птица, нѣкогда встрѣчались далеко на югѣ, въ глубинѣ континента. Теперь они отодвинулись далеко на сѣверъ и размѣстились, главнымъ образомъ, въ приморской полосѣ.

За лучшій промыселъ водяной птицы, во всемъ краѣ, справедливо считается ловля молодыхъ утокъ подлетковъ собаками и въ «петли», начинающаяся въ концѣ іюля и длящаяся весь августъ, до отлета.

За двѣ недѣли до отлета птицы начинаютъ собираться въ большія стаи, вмѣстѣ «жеруютъ», производятъ пробные полеты и маневры. На озерахъ, болотахъ и всякихъ водахъ опять возникаетъ кипучая общественная жизнь. Она не такъ криклива, бойка и беззаботна, какъ весною, но отличается дружностью и подвижностью. Осенью птицы снимаются съ мѣста значительно легче, чѣмъ весною; всюду у нихъ стражи и пикеты, и въ стаяхъ замѣтно бо́льшее послушаніе. Правда, драки и внутреннія безпорядки изъ за самокъ не рѣдкость, но, на сколько я замѣтилъ, они прекращаются скорѣе весеннихъ и въ нихъ достается больше самкамъ отъ

ихъ поклонниковъ, чѣмъ соперникамъ. Болѣе крупныя драки стадо обыкновенно прекращало тѣмъ, что снималось съ мѣста и улетало [1]).

При отлетѣ многихъ птицъ совсѣмъ не видно. Такъ, напримѣръ, «нѣмки», родъ небольшаго гуся, многочисленныя стаи котораго можно видѣть вечерами въ концѣ мая летящими на сѣверъ, низко надъ поверхностью Лены — осенью пролетаютъ назадъ неизвѣстно какимъ путемъ.

Большая часть птицъ летитъ осенью очень высоко, такъ что количество ихъ незамѣтно. Послѣдними улетаютъ утки. Запоздавшія улетаютъ уже послѣ выпаденія снѣга [2]).

Съ отлетомъ птицъ озера и болота совершенно пустѣютъ; центръ звѣриной жизни перемѣщается въ заросли, на край лѣса, въ горы, гдѣ видную роль играютъ куропатки, рябцы, тетерева, зайцы, олени и прочіе, кочевые, но постоянные обитатели данной мѣстности. Стадное общежитіе съ наступленіемъ зимы изчезаетъ; животныя и птицы больше бродятъ въ одиночку или небольшими группами; при обиліи пастбищъ расходятся широко и становятся совсѣмъ мало замѣтными.

Подробности о нѣкоторыхъ осеннихъ и зимнихъ промыслахъ якутовъ, сообщу въ надлежащемъ мѣстѣ, а ниже прилагаю бѣглый перечень болѣе интересныхъ для насъ живыхъ существъ страны.

Насѣкомыя.

Жестко-крылыя, — хомурдуосъ, такъ называютъ якуты вообще всякаго жука. Маакъ собралъ ихъ въ Вилюйскомъ округѣ 121 отличныхъ отъ европейскихъ видовъ. Между ними встрѣчаются вредные для огородныхъ овощей; особенно страдаютъ отъ нихъ свекла и капуста. Изъ плавающихъ якуты отличаютъ «плавунцовъ» и «водолюбовъ», называя ихъ общимъ именемъ водныхъ жуковъ (у-хомурдуосъ).

Перепончато-крылыя.

Южнѣе внутренняго горнаго пояса встрѣчается нѣсколько породъ пчелиныхъ; утверждаютъ что въ лѣсахъ встрѣчаются даже настоящія пчелы. Богатые скопцы, вблизи Якутска, пробовали заводить домашнихъ пчелъ, но неудачно: по словамъ ихъ здѣсь пчелы не въ состояніи собрать достаточнаго количества меду даже для собственнаго пропи-

[1]) Я очень любилъ наблюдать на дальнемъ сѣверѣ эти огромныя, осеннія скопленія, готовящейся къ отлету, птицы; каждый родъ, каждый видъ имѣетъ свой особый характеръ и свою отличную организацію, равно и свои излюбленныя мѣста.

[2]) Есть особи, которыя остаются. Разъ я убилъ утку-соксона, 28 сентября въ Колымскомъ округѣ, когда все было уже покрыто льдомъ и оставались только маленькія полыньи. Утка была вполнѣ здоровая и очень жирная.

танія; скопцы обвиняли въ этомъ исключительно мѣстную флору; они сѣяли ради пчелъ невызрѣвающую здѣсь гречиху, но и это помогало мало. Пчелу и медъ якуты зовутъ по русски: «песелѧ» и «имедъ», оба предмета знакомы нѣкоторымъ, очевидно изъ разсказовъ русскихъ. Сѣвернѣе внутренняго горнаго пояса количество пчелиныхъ и ихъ видовъ уменьшается, какъ и количество всѣхъ другихъ насѣкомыхъ. Чаще прочихъ встрѣчается *земляной шмель* (bomus verticosus) [1]). Шершней очень мало, но осы видны часто, особенно на югѣ.

Муравьи красные и рыжіе попадаются во всемъ краѣ, даже въ тундрѣ; большинство ихъ живетъ въ землѣ; наземные муравейники изъ хвойныхъ иглъ и былинокъ встрѣчаются очень рѣдко и только на югѣ.

Изъ широкотѣлыхъ осъ есть нѣкоторыя породы древесницъ и пильщика, между прочимъ: рѣпной пильщикъ.

Бабочки, по якутски «юрюмэччи».

Больше другихъ по количеству замѣтны: *махаонъ* и *вапессы* [2]), много также всюду *бѣлянокъ*. Маакъ въ Вилюйскомъ окр. собралъ 30 слишкомъ новыхъ видовъ ночныхъ и дневныхъ; между ними есть очень рѣдкія, присущія только Вилюйскому округу.

Двукрылыя.

Въ этомъ отдѣлѣ особаго вниманія заслуживаютъ комары, по якутски—бырдахъ; ихъ здѣсь такія массы, особенно въ малонаселенныхъ болотистыхъ мѣстахъ, что съ ними приходится считаться и людямъ, и животнымъ. Нѣкоторыя явленія въ животномъ мірѣ, какъ напримѣръ, перекочевки оленей въ открытую тундру или на гольцы, гдѣ вѣчно дуетъ вѣтеръ, несомнѣнно связаны съ появленіемъ комаровъ. Въ самое комарное время, которое длится съ первыхъ чиселъ іюня до первыхъ чиселъ іюля, люди избѣгаютъ отлучаться изъ дому, спятъ въ темныхъ помѣщеніяхъ и, по возможности, проводятъ все время въ ѣдкомъ дыму изъ коровьяго кала, что служитъ единственной защитой отъ этихъ насѣкомыхъ. Ни деготь, ни другія пахучія мази не помогаютъ; даже дымъ горящаго дерева не особенно пугаетъ ихъ. Они до того крово-

[1]) Миддендорфъ говоритъ, что на Таймырскомъ полуостровѣ подъ 75° с. ш. онъ встрѣтилъ два вида «bomus», одинъ большой, другой маленькій. Онъ же говоритъ, что первыя земляныя пчелы (andrena) появились только 22-го іюня н. ст. и только спустя недѣлю онѣ жужжали и носились повсюду (Часть, II, отд. V, стр. 195). Любимые ихъ цвѣты potentilla и saussurea. 8-го августа пчелы изчезаютъ, такъ что жизнь ихъ продолжается всего 5 недѣль.

[2]) Есть мѣста особенно изобилующія бабочками. Въ 1891 г. между Табагинской и Техтюрской станціей, въ лѣсу на горахъ, я наткнулся въ іюнѣ на такую большую стаю махаоновъ, какой я никогда не видалъ въ Европѣ. Они густо летали по дорогѣ, поднимаясь саженей 5 надъ землею, пугая лошадей и непріятно щекоча наши лица ударами крыльевъ.

жадны, наглы и такъ ихъ много, что въ комарныхъ мѣстахъ положительно способны свести съума, ослѣпить и задушить человѣка, очутившагося вдали отъ жилища безъ сѣтки и возможности добыть огонь. Верхоянскіе якуты разсказывали мнѣ слѣдующее преданіе: «Говорятъ, что въ старину, давно, когда якуты еще не знали Бога, одинъ человѣкъ сильный и богатый, поймавши свою жену съ любовникомъ, приказалъ связать ихъ вмѣстѣ нагихъ и выбросить комарамъ на съѣденіе. Скоро они умерли, и когда господинъ велѣлъ проколоть ихъ копьями, то кровь не потекла... всю выпили злодѣи комары (иляттеръ бырдахтеръ). (Верхоян. ул. 1882 г.).

Въ 1883 году, который въ колымскомъ краѣ былъ годомъ наводненія и отличался особеннымъ обиліемъ комаровъ, я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ комары задушили быка. Случилось, что ночью дымокуры были потушены скотомъ, который, въ тотъ разъ, какъ бѣшенный бросался въ огонь. Одинъ изъ двухъ быковъ моего хозяина, болѣе молодой и неопытный, преслѣдуемый насѣкомыми, въ отчаяніи бросился въ кусты и дальше въ лѣсъ; черезъ нѣсколько часовъ возвратился измученный, покрытый кровью и потомъ и замертво упалъ во дворѣ. Когда его вскрыли— вся глотка и ноздри были биткомъ набиты комарами; они проникли даже въ легкія и желудокъ. Въ тотъ день комары гудѣли вокругъ нашей юрты какъ какая-то грозная армія; часть скота спрятали въ юрту, другую въ амбаръ—это былъ лѣтникъ, а здѣсь не устраиваютъ при лѣтникахъ скотскихъ хлѣвовъ; больше сутокъ скотъ не ходилъ на пастбище, т. е. все время пока не подулъ вѣтерокъ, и комаровъ не стало меньше. Такой же образцовый день комаровъ я наблюдалъ въ 1882 г. по дорогѣ изъ Устьянска въ Верхоянскъ, въ ущельяхъ рѣчки Кюгясь; въ моихъ путевыхъ отмѣткахъ сказано: «къ ночи вѣтеръ совершенно затихъ; массы комаровъ набросились на насъ немедленно; бѣлыя лошади мгновенно стали сѣрыми отъ облѣпившихъ ихъ насѣкомыхъ; животныя отчаянно порскали и мотали головами, спасая свои ноздри и глаза; наконецъ тѣ, которыя шли подъ вьюками и которыхъ мы не могли защищать нашими «тайбюрами» (махалки изъ конскихъ хвостовъ), стали бѣситься. Какъ только мы остановились, массы комаровъ увеличились; они лѣзли намъ въ глаза, въ ротъ, забирались подъ платье и даже ухитрялись кусать насъ сквозь толстое сукно армяковъ и замшевыя перчатки; тучи ихъ, точно подвижный, трепещущій туманъ, затѣняли окрестности, а ихъ неустанное однообразное жужжанье раздражало не меньше укушеній. (Верхоян. ул. 1882 г. 26 іюля).

Видѣлъ я также огромныя количества комаровъ на р. Бытынтаѣ,

на Колымскихъ озерахъ, потопленными вѣтромъ въ водѣ. О подобномъ явленіи на р. Таймыръ говоритъ Миддендорфъ [1]). Не даромъ якуты связываютъ комарные годы съ особеннымъ обиліемъ рыбы и комарные періоды съ началомъ появленія и ожирѣнія нѣкоторыхъ породъ рыбъ. Такова, напримѣръ, рыба «пельдятка» въ Колымскомъ краѣ; ее начинаютъ ловить въ комарное время.

Самыя комарныя мѣста—это низменная, болотистая, поросшая лѣсомъ сѣверная часть сѣверныхъ плоскогорій. На тундрѣ ихъ также много; но тамъ чаще дуютъ вѣтры, не позволяющіе комарамъ летать свободно. Хотя и тогда, избѣгая подвѣтренной стороны, они, подъ защитой тѣла животныхъ, успѣваютъ надоѣдать имъ.

Нѣтъ здѣсь комаровъ, или ихъ, сравнительно, мало только на обширныхъ степныхъ участкахъ, или въ ущельяхъ, гдѣ большія скопленія льда, остатки наледей и постоянные вѣтры поддерживаютъ все лѣто низкую температуру. Вліяніе льда незначительно, разъ по близости есть теплый воздухъ; въ сосѣдствѣ ледяныхъ обваловъ я видѣлъ такія же массы комаровъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ; наоборотъ, они даже слетались сюда, прячась отъ сухого дневного зноя, котораго тоже не выносятъ. Ихъ стихія—жаркій, но влажный воздухъ. Потому-то комаровъ значительно меньше на южномъ плоскогоріи, гдѣ и воздухъ, и земля суше. Ихъ здѣсь на столько меньше, что я, привыкшій къ сѣвернымъ комарамъ, могъ безъ сѣтки и махалки, не чувствуя особеннаго раздраженія, работать на лугу, въ полѣ и даже ходить въ лѣсъ, гдѣ ихъ всегда больше. Замѣтно уменьшается количество комаровъ и въ мѣстахъ гуще населенныхъ, вблизи жилищъ, даже тамъ, гдѣ они стоятъ среди озеръ и болотъ. Очевидно дымы многочисленныхъ дымокуровъ, своеобразный запахъ гари коровьяго кизяку, все лѣто носящійся вблизи якутскихъ жилищъ, дурно дѣйствуетъ на насѣкомыхъ. Это соображеніе несомнѣнно сдерживало и теперь сдерживаетъ одинокія якутскія семьи отъ разбреданія широко по тайгѣ.

«Уйти на новыя мѣста... Легко сказать! да тамъ и съ комарами не управишься: погубятъ скотъ!» оправдывались якуты, когда я упрекалъ ихъ, что они ссорятся и тягаются изъ за земель, въ то время какъ на окраинахъ пустуютъ луга.

Въ комарное время въ комарныхъ мѣстностяхъ скотъ сильно худѣетъ, не смотря на обиліе сочнаго молодого корма; коровы уменьшаютъ удой, табуны лошадей сами приходятъ къ якутскимъ лѣтникамъ и большую часть времени проводятъ въ дыму. Больше всѣхъ страдаетъ отъ

1) Ibid. Часть II, отд. V, стр. 196.

комаровъ олень и лось, затѣмъ коровы и, наконецъ, лошади. По преданію якутовъ, комары способствовали прирученію лошадей, заставляя ихъ *толпиться у разводимыхъ людьми костровъ*. И теперь лучшее средство заставить лошадей лѣтомъ собираться въ опредѣленномъ мѣстѣ—это разводить тамъ дымокуры. Эллей, якутскій первопредокъ, считается изобрѣтателемъ дымокура.

Какъ себя ведутъ относительно комаровъ другія лѣсныя животныя, мнѣ неизвѣстно; по всей вѣроятности тоже прячутся куда нибудь на это время. Якутскіе промышленники разсказывали, что медвѣдь, преслѣдуемый комарами, реветъ и бьетъ себя лапами по мордѣ до того, что кровь льется изъ нея ручьемъ.

Комары появляются, смотря по мѣстности, въ половинѣ или концѣ мая. Крупный, долгоногій видъ ихъ (Chironomus), считаемый якутами за «родителей маленькихъ», часто выползаетъ изъ своихъ зимовокъ еще до исчезновенія снѣга [1]). Вскорѣ послѣ оплодотворенія, какъ извѣстно, самка комара кладетъ яйца въ количествѣ отъ 200 до 300, въ тихія, теплыя, стоячія воды. Тамъ живутъ милліарды личинокъ, удерживаясь на поверхности воды своими дыхательными трубками. Раньше чѣмъ окуклиться, личинка три раза линяетъ; черезъ восемь дней послѣ окукливанія, изъ кокона вылетаетъ маленькій, вполнѣ развитый, способный къ размноженію комаръ. Періодъ отъ кладки яицъ до появленія насѣкомаго длится отъ 4 до 5 недѣль. Самки, вскорѣ послѣ кладки яицъ, умираютъ; жалятъ животныхъ и сосутъ кровь только самки, самцы же жалить не могутъ и крови не пьютъ. Замѣчательно, что къ укушенію комаровъ можно со временемъ настолько привыкнуть, что даже большое число укушеній не вызываетъ опухоли тѣла. У туземцевъ тѣло не пухнетъ совсѣмъ, или очень мало. У меня, вначалѣ, оно сильно опухало; разъ, въ Верхоянскѣ, когда комары искусали меня очень сильно—главнымъ образомъ руки, лицо и виски,—на другой день я почувствовалъ ознобъ, жаръ, сильно болѣла голова и тошнило; струпья на искусанныхъ мѣстахъ образовали густую сыпь, какъ послѣ оспы, одинъ глазъ закрылся опухолью. Впослѣдствіи никогда ничего такого не случалось, тѣло перестало пухнуть, даже боль отъ укола не казалась такой жгучей.

Въ концѣ іюля комары уже далеко не такъ назойливы, и хотя все еще летаютъ тучами, но жалятъ меньше, а въ августѣ ихъ совсѣмъ мало. Они начинаютъ смирнѣть послѣ первыхъ болѣе продолжительныхъ холодныхъ ночей, слабый даже иней или морозъ уби-

[1]) Миддендорфъ сообщаетъ, что подъ 73° с. ш. онъ не замѣчалъ комаровъ до 7-го іюля (Часть II, отд. V, стр. 194). Это должно быть описка, нужно полагать, 7-го іюня.

ваетъ ихъ на половину, но совершенно гибнутъ они только послѣ многократныхъ, повторительныхъ морозовъ въ нѣсколько градусовъ [1]). Замѣчтаельно, что весною такіе же морозы для нихъ безвредны. На южномъ плоскогоріи, тѣ часы дня, когда комары особенно свирѣпствуютъ, соотвѣтствуютъ нашимъ: это вечеръ, утро и періодъ свѣтлыхъ ночей. Днемъ, на солнечномъ зноѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ и тогда они нападаютъ на животныхъ только въ лѣсной тѣни, да и то умѣренно. На сѣверѣ они свирѣпствуютъ круглыя сутки въ тѣни и на солнцѣ; даже плывущаго среди огромныхъ озеръ или рѣкъ они преслѣдуютъ, забравшись въ лодку, гдѣ прячутся на днѣ въ случаѣ вѣтра и терпѣливо выжидаютъ удобнаго момента. Тамъ они настоящая египетская казнь, и Гумбольтъ вполнѣ правъ, указывая на комаровъ, какъ на важное препятствіе къ изслѣдованію и заселенію новыхъ странъ.

Мошка. Этой мелкой кровожадной, назойливой мухи, въ Якутской обл. мало. Она является только спорадически, въ нѣкторыхъ мѣстностяхъ, обыкновенно по осени, когда комары начинаютъ слабѣть. Появляется по вечерамъ.

Въ мѣстахъ открытыхъ, въ солнечные іюнскіе дни, особенно мучительны для скота «*слѣпни*» (ынгырыа). Рогатый скотъ они доводятъ до изступленія; онъ вламывается въ дома, въ хлѣва, забѣгаетъ на плоскія крыши юртъ, ища спасенія. Одна изъ породъ этого овода, называемая въ Якутской обл. «крючкомъ», жалитъ лошадей въ губы и ноздри, отчего животныя отчаянно машутъ головами. Слѣпни свирѣпствуютъ главнымъ образомъ въ полдень, въ самые знойные часы. Уберечь отъ нихъ скотъ легче, чѣмъ отъ комаровъ; достаточно тѣнистыхъ загоновъ, такъ какъ туда слѣпни не залетаютъ; не залетаютъ они даже въ тѣнь, отбрасываемую деревьями; лошади отъ нихъ прячутся въ лѣсъ. Вѣтеръ не мѣшаетъ слѣпнямъ летать и жалить. Глубокіе ихъ уколы производятъ жгучую боль, и кровь не рѣдко бьетъ фонтаномъ. Особенно сильно мѣшаютъ они пахотѣ и вообще лѣтнимъ полевымъ работамъ, производимымъ въ открытыхъ мѣстахъ.

Кромѣ массы мелкихъ скотскихъ паразитовъ, какъ: блохи, вши, клещи и пр., къ серьезнымъ врагамъ здѣшняго скотоводства нужно причислить *бычій оводъ* (hypoderma bovis), *оленій оводъ* (oestrus tarandi) и

[1]) Миддендорфъ говорилъ: «у Охотскаго моря комары пропали только 21-го сентября (нов. ст.), когда морозъ дошелъ до—7° R., при всемъ томъ 24-го сентября еще случалось жалили комары» (Часть II, отд. V, стр. 194).

«желудочный оводъ» (gastrus equi). Первый кладетъ свои яйца въ шерсти рогатаго скота, второй въ шерсти с. оленей, третій въ шерсти лошадей. Вылупившіяся изъ яицъ личинки двухъ первыхъ, пробиваютъ кожу и забираются въ подкожную клѣтчатку; живутъ всю зиму, мѣсяцевъ 9—10, питаясь кровью жертвы. Только будущимъ лѣтомъ личинки созрѣваютъ и выползаютъ изъ своихъ жилищъ, образующихъ на тѣлѣ животнаго миндалевидную припухлость. На рѣдкихъ животныхъ нѣтъ этихъ паразитовъ, но на нѣкоторыхъ особяхъ они встрѣчаются въ особенно большомъ количествѣ. Я видѣлъ оленей и коровъ, бока и спина которыхъ была сплошь усѣяна такими бугорками; снятая съ нихъ кожа представляла рѣшето. Такія животныя обыкновенно гибли весною отъ истощенія, если человѣкъ не приходилъ имъ на помощь. Сильнѣе всего страдаютъ они въ жаркіе дни, когда вызрѣвающія личинки начинаютъ шевелиться и причиняютъ нестерпимый зудъ. У лошадей нѣтъ этого паразита.

Личинка желудочнаго лошадинаго овода заползаетъ черезъ ротъ или ноздри въ желудокъ животнаго, или попадаетъ туда слизанная имъ самимъ съ собственной шерсти. Тамъ она прикрѣпляется къ стѣнкѣ желудка или кишекъ, гдѣ проводитъ зиму до начала лѣта.

Мы не будемъ останавливаться на домашнихъ мухахъ, тараканахъ, клопахъ, блохахъ, вшахъ... которыя ни видомъ, ни въ своихъ привычкахъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ. Клопа, блоху, таракана называютъ якуты по русски и только для вши имѣютъ свое собственное названіе—«бытъ»; муха по якутски—«сахсырга». Въ жилищахъ и платьѣ якутовъ этихъ паразитовъ особенно много тамъ, гдѣ они стали строиться по русски и перестали мѣнять жилье по нѣскольку разъ въ году, что вмѣстѣ съ привычкой ежедневно выбрасывать постель и платье на морозъ, оказывается лучшимъ средствомъ противъ этихъ насѣкомыхъ. Чтобы уничтожить расплодившихся клоповъ, приходится вымораживать дома въ самые жестокіе морозы и то въ два пріема: заморозить ихъ, затѣмъ слабо протопить зданіе и вторично проморозить; тогда только они гибнутъ. Средство это особенно популярно на югѣ Якутской обл. На сѣверѣ клоповъ меньше, потому что тамъ вообще дома хуже и стѣны жилыхъ помѣщеній промерзаютъ почти каждую зиму насквозь.

Однимъ изъ враговъ человѣка и грозныхъ бичей мѣстнаго земледѣлія дѣйствующимъ обыкновенно за одно съ засухой, нужно считать *кобылку*—«асынга». Здѣсь ея водится нѣсколько десятковъ видовъ. Самая распространенная, обыкновенная, буро-зеленая кобылка достигаетъ 2-хъ дюймовъ

длины. Она водится во всей странѣ. Если весна ранняя, маловодная и засушливая, то можно ожидать, что кобылки будетъ много, что она опередитъ ростъ хлѣбовъ и не позволитъ имъ подняться настолько, чтобы ихъ руно мѣшало ей двигаться по полю. Съ буйными, высокими хлѣбами кобылка справляется не такъ легко, какъ съ рѣдкими, хилыми или низкими. Первые она объѣдаетъ съ краевъ, прилегающихъ къ мѣстамъ, гдѣ она кладетъ яйца, вторые она наводняетъ вдругъ, все поле заразъ, и нечего думать бороться съ ней. Зеленое свѣжее руно, обѣщающее богатый урожай, она выѣдаетъ совершенно, вплоть до черной земли; поле кажется точно выкошеннымъ; только кое-гдѣ торчатъ обглоданные, засохшіе стебли. У выколосившагося хлѣба она прежде всего высасываетъ изъ колоса молоко и обкусываетъ усики и свѣжіе листья, если они еще достаточно сочны; затѣмъ подъѣдаетъ и самый колосъ, такъ что онъ умираетъ. Пшеницу и ячмень предпочитаютъ эти насѣкомыя яриць. Борьба съ кобылкой путемъ перепашки ея гнѣздовищъ почти невозможна, ввиду громадныхъ пространствъ отдыхающихъ пашенъ и дѣвственныхъ залежей, гдѣ она можетъ свободно класть яйца. Несомнѣнно одно, что тамъ, гдѣ поля образуютъ крупные участки, кобылки меньше. Небольшія якутскія поля, окруженныя со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и нетронутыми новями, больше всего страдаютъ отъ кобылки. Больше всего гибнетъ кобылки отъ дождя; онъ ее прибиваетъ и заливаетъ до смерти; послѣ обильнаго дождя всегда множество ея труповъ валяется на пашняхъ [1]). Отряхая насѣкомыхъ внизъ, вѣтеръ не мало защищаетъ поднявшіеся хлѣба; въ тихія ночи на каждомъ почти колосѣ сидитъ по двѣ, по три цикады, такъ что издали хлѣба кажутся черными. Таково было нашествіе кобылки въ 1891 году на пашни въ Намскомъ улусѣ.

Якуты увѣряютъ, что у кобылки трехлѣтній срокъ возростанія: первый годъ она поѣдаетъ большую часть посѣвовъ; на второй годъ она не удовлетворяется хлѣбами и набрасывается уже и на луга, сильно вредя лучшимъ покоснымъ мѣстамъ, наконецъ, въ третье лѣто ея такъ много, что поѣдаетъ все, что можетъ съѣсть, и преждевременно дохнетъ отъ голода. Тогда будто-бы опять проходитъ нѣсколько лѣтъ, когда ея незамѣтно. Въ Намскомъ улусѣ мнѣ разсказывали, что въ 60-хъ годахъ былъ случай, что кобылка поѣла всю зелень на деревьяхъ и кустахъ, набросилась на стоги собраннаго сѣна, испортила ихъ своими трупами, вызвала голодъ и

[1]) Можно думать, въ виду этого, что поливаніе изъ пожарныхъ трубъ участковъ, подвергшихся нападенію кобылки, было бы много цѣлесообразнѣе ловли ее ситцевыми неводами, окапыванія и опахиванія, какъ это тщетно пробовали дѣлать якутскіе хлѣбопашцы.

заставила жителей угнать значительную часть скота на Ситку [1]). (1890 г. Намск. ул.). Луга, заливаемые водой, меньше страдаютъ отъ кобылки, но въ «аласахъ» въ засуху ежегодно часть сѣна съѣдается ею.

Пауки—«ахый огусъ»; по Мааку ихъ слишкомъ 100 видовъ въ Якутской области; на Вилюѣ этимъ ученымъ найдено 9 новыхъ видовъ. Паукъ считается у якутовъ благодатнымъ насѣкомымъ и его не преслѣдуютъ.

Ракообразныя.

Ракообразныхъ въ Якутской обл. очень мало. Маакъ нашелъ ихъ всего 4 вида (3—Gammarus и 1 Cypris). Рѣчныхъ, съѣдобныхъ раковъ (Astacus pluviatilis) нѣтъ въ Якутской обл., и якуты не имѣютъ о нихъ понятія [2]).

Черви (юёнъ).

Изъ нихъ упомяну *дождевого червя* (lumbricus tenestris), *волосатика* (gordius seta O. F. Müller [3]), *конскую піявку* (nephelis vulgaris), по якутски «ынахъ тыла» — коровій языкъ, и *солитера* (киси юёна). Первый называется якутами по русски «червѣй» и употребляется для стерляжьяго промысла на Ленѣ, какъ нажива. Онъ водится на югѣ и на сѣверъ отъ внутренняго горнаго пояса, даже въ тундрѣ, но къ сѣверу его все меньше и меньше, а и въ южныхъ частяхъ страны очень мало, сравнительно съ Европой. Онъ не зарывается здѣсь такъ глубоко въ землю, очевидно опасаясь холода; живетъ близко къ поверхности; въ открытыхъ мѣстахъ засуха не даетъ ему жить, любимое его мѣстопребываніе—корневища тальниковъ, незаливаемыхъ водою.

О волосатикѣ ходятъ среди якутовъ такія же басни, какъ и среди русскихъ, именно, что онъ образуется изъ конскаго волоса, упавшаго въ воду. Кромѣ того якуты полагаютъ, что ревматическія боли и опухоль производятся именно этимъ червемъ, пробравшимся въ тѣло и обвивающимъ кости. Чтобы отравить его, они прикладываютъ сулему къ напухшимъ суставамъ. (Верхоянскъ, 1881 г.).

Медицинскихъ піявокъ нѣтъ въ Якутской обл.; конскихъ тоже меньше, чѣмъ у насъ, и онѣ рѣдко нападаютъ на купающихся людей и скотъ.

За то весною нѣтъ почти ни одной щуки, ни одного стараго карася, у которыхъ не было бы *солитера*. На сѣверѣ онъ въ рыбахъ

---

[1]) Лѣвый притокъ Лены, на половинѣ дороги изъ Намской управы къ устью Вилюя.

[2]) Beiträge z. Kenntniss d. Russ. Reiches III, Folge Bd. III, p. 163.

[3]) По Мааку; ibid ч. II, стр. 183, Э. В. Толь сомнѣвается тотъ ли это видъ и высказываетъ предположеніе, что это aquaticus, по крайней мѣрѣ на дальнемъ сѣверѣ.

встрѣчается рѣже. Часто заводится онъ въ рогатомъ скотѣ и лошадяхъ, откуда перебирается къ людямъ, употребляющимъ въ пищу сырое или полувареное скотское мясо. Солитеръ очень распространенная болѣзнь у якутовъ и оба вида его встрѣчаются у нихъ. Часто онъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ, разслабляетъ, мучитъ, причиняетъ судороги. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ смерти отъ солитера. Якуты не употребляютъ никакихъ средствъ, чтобы избавиться отъ него и не вѣрятъ, что онъ попадаетъ въ ихъ внутренности вмѣстѣ съ сырымъ мясомъ. Ругань—«червяный» (черебны́й) считается чрезвычайно обидной, и больные неохотно сознаются въ болѣзни солитеромъ.

Пропускаю *мягкотѣлыхъ*: слизняковъ, улитокъ, створокъ и прочихъ, немногочисленные представители которыхъ встрѣчаются здѣсь и въ водѣ и на сушѣ, такъ какъ они не играютъ никакой видной роли въ здѣшней жизни. Существа эти не затронули воображенія якутовъ даже на столько, чтобы получить особое названіе, и извѣстны подъ общимъ съ червями именемъ—«юёнъ».

Земноводныя.

Лягушка сѣрая (Rana temporaria) и разновидность ея съ кровавыми пятнами на брюхѣ (r. cruenta) по якутски «баха» или «альчахъ», встрѣчается на обоихъ плоскогоріяхъ, даже сѣвернѣе полярнаго круга (Верхоянскъ),—всюду, довольно, впрочемъ, рѣдко и довольно въ жалкихъ экземлярахъ [1]). Зимою лягушки, повидимому, скопляются въ тѣхъ озерныхъ омутахъ, гдѣ собирается рыба; я часто видѣлъ, какъ якуты добывали ихъ оттуда по веснѣ, въ мартѣ, черпая въ этихъ омутахъ рыбу (коюръ). Якуты относятся къ лягушкамъ брезгливо, насмѣшливо [2]), а также съ нѣкоторымъ страхомъ, какъ къ существу, находящемуся въ близкомъ общеніи съ подземными духами. (Намск. ул., 1888 г.). Я не слышалъ кваканья лягушекъ въ Якутской обл., но якутская загадка сравниваетъ ея голосъ съ музыкальнымъ якутскимъ инструментомъ—«хомысъ». (Худяковъ, Верх. Сборн., стр. 27, № 66).

---

[1]) Beiträge z. Kenntnis d. Russ. Reiches III, Folge Bd. III, p. 140—141.

[2]) «Въ старину, говорятъ, лягушка ѣздила на бурундукѣ ...съ уздою изъ блеклой травы, съ плетью изъ осоки; во время ѣзды вдругъ бурундукъ взбѣжалъ на лѣсину, и она упала. «Водяная дочь» ѣхала, говорила: «Другъ мой, другъ мой Кярпястирь-Кярпястирь, сѣвши на свою длинякъ лошадь съ моховою постелью, съ одѣяломъ изъ грязи, встрѣть, встрѣть»... и вдругъ закричала въ испугѣ: «Уй-лахъ»! и упала въ воду. Съ тѣхъ поръ еще не садилась верхомъ на лошадь (Худяковъ, ibid 27 стр.).

Пресмыкающіяся.

Ящерица (lacerta vivipara) [1]), «таймытъ-кильгэря», маленькая, сѣрая, жалкая; встрѣчается на Ленѣ, Вилюѣ, даже Янѣ. Маакъ границей ея распространенія полагаетъ 66° с. ш., но я встрѣчалъ ее въ окрестностяхъ Верхоянска (68° с. ш.), впрочемъ, довольно рѣдко. Въ Колымскѣ я ея не встрѣчалъ. Зиму она проводитъ, зарывшись въ землѣ. Одинъ мой знакомый, въ Верхоянскѣ, заморозилъ въ погребѣ, пойманную лѣтомъ ящерицу, такъ что она превратилась въ кусокъ льду; когда она оттаяла, то возвратилась къ жизни и побѣжала, какъ ни въ чемъ не бывало. Якуты боятся ея и, увидѣвши, считаютъ необходимымъ убить, иначе обязательно умретъ или тотъ, кто ее увидѣлъ, или кто нибудь изъ близкихъ его родственниковъ. (Верхоянскъ, 1881 г.). Тоже повѣрье существуетъ у минусинскихъ татаръ.

Гадюка обыкновенная (vipera berus) «мохой». Маакъ говоритъ, что она встрѣчается на Ленѣ не дальше, впрочемъ, 60° с. ш. Мнѣ разсказывали якуты, бывавшіе на пріискахъ, про какую то рѣчку «Маю» (не Муюли?), впадающую не то въ Лену, не то въ Олёкму или Витимъ, южнѣе которой живутъ змѣи, но гибнутъ немедленно перебравшись на сѣверный берегъ. (Якутскъ, 1880 г.). Пресмыкающіеся значительно чаще встрѣчаются въ якутскихъ сказкахъ, чѣмъ въ дѣйствительности; большинство знакомыхъ мнѣ якутовъ никогда не видѣло ни ящерицы, ни змѣи. По тунгуски ящерица—«ихёлла», змѣя—«куллинъ».

Рыбы (балыкъ).

Окунь рѣчной (perca fluviatilis), «алысеръ» или «касыпэй», встрѣчается во всей странѣ, достигаетъ ½ фунта вѣса.

Ершъ (acerina cernua), «тасъ басъ», (каменная голова), «лааха», встрѣчается въ рѣчкахъ съ каменистымъ дномъ, по всей странѣ.

Налимъ (lota vulgaris)— «салысэръ». Ленскіе и сѣверные низовые налимы достигаютъ иногда очень крупныхъ размѣровъ: 3—4 пуда вѣса. Ловятъ его преимущественно мордами, но попадаютъ они и въ сѣти, и на крючья, которые ставятъ осенью подъ ледъ. Это первая рыба, которую начинаютъ ловить весною въ озерахъ на сѣверѣ. Она считается у якутовъ худшей рыбой; водится и въ озерахъ и въ рѣкахъ во всей странѣ.

Карась (carassius vulgaris) «собо», маленькіе «бёчёхъ» или «чэркэ». На сѣверъ отъ внутренняго горнаго пояса карасей нѣтъ совсѣмъ; на югѣ

[1]) B. Salamandrella sp. Beiträge, ibidem. p. 141.

они водятся всюду. Лучшими считаются вилюйскіе, достигающіе иногда 5 фунтовъ вѣсу и 10″ длины. Ихъ ловятъ волосяными сѣтями и неводами. Неводятъ зимою, подъ льдомъ. Караси составляютъ крупную долю рыбы, потребляемой якутами. На плоскогорьяхъ, въ озерахъ ловятся почти исключительно караси да *мундушка* (phoxinus perenurus)—«мунду». На южномъ плоскогоріи, и въ болѣе возвышенныхъ и отдаленныхъ частяхъ сѣвернаго, послѣдняя водится почти всюду. Въ Средне-Колымскѣ и въ частяхъ Верхоянскаго и Колымскго округовъ, лежащихъ сѣвернѣе полярнаго круга, нѣтъ мундушки; исключеніе составляютъ окрестности Верхоянска. На Оленекѣ тоже, повидимому, нѣтъ мундушки. Вообще, гдѣ въ озерахъ водятся благородныя породы рыбъ, тамъ мундушки нѣтъ или ея очень мало, и на оборотъ. Мундушку ловятъ исключительно вершами, для чего среди водорослей прочищаютъ дорожки и ставятъ въ нихъ верши (морды), прикрывая ихъ сверху водорослями. Иногда отгораживаютъ болѣе глубокую часть озера отъ болѣе мелкой и въ началѣ лѣта ставятъ морды отверстіями къ глубинамъ, а въ концѣ, подъ осень наоборотъ. Осенью ее ловятъ въ огромномъ количествѣ неводомъ подъ льдомъ и «коюрами», въ тѣхъ омутахъ, куда она скопляется на зиму. Мундушка первая рыбка, которая, чрезъ щели льда, всплываетъ весною на его поверхность и появляется въ лывахъ снѣговой воды.

Елецъ (leuciscus vulgaris) «кюстяхъ», рѣчная рыбка похожая на плотву. Водится во всей странѣ, ловится во множествѣ. Въ Колым. окр. я знаю случаи, когда въ апрѣлѣ, въ поставленныя подъ льдомъ, на Алазеѣ, мережи, попадались огромныя стаи ельца; они направлялись вверхъ по рѣкѣ и всѣ были икряные.

Тугунъ (salmo tugun), «сэ балыкъ» (рыба жиръ), «ніохоръ», маленькая, серебристая, очень нѣжная и вкусная рѣчная рыбка; водится въ большомъ количествѣ во всѣхъ рѣкахъ.

Пельдятка или *бранатка* (salmo branatus) [1]); водится въ большомъ количествѣ въ озерахъ Колым. окр. и составляетъ главную пищу тамошнихъ якутовъ; она же водится и на сѣверѣ Верхоянскаго окр. и даже на югѣ; въ 10 верстахъ отъ г. Верхоянска есть озеро, гдѣ она живетъ. Въ рѣкахъ ея нѣтъ. Маакъ сообщаетъ со словъ тунгусовъ, что она встрѣчается въ озерахъ Джабыдахъ, Алтанъ и Луку по дорогѣ отъ Вилюйска къ озеру Мастахъ, но я на южномъ плослогоріи нигдѣ не встрѣчалъ пельдятки, и отъ жителей о ней ничего не слыхалъ. Это плоская рыба, самое большее дюймовъ 20 длины, отъ $^1/_2$ до 5 фунтовъ вѣса, серебри-

[1]) Строго научнаго опредѣленія не получила. П. И. Третьяковъ причисляетъ ее къ coregonus «Туруханскій край», стр. 111.

стаго цвѣта; мясо ея нѣжно и вкусно. Въ Колымскомъ окр. она начинаетъ попадаться въ сѣти въ концѣ іюня; въ сентябрѣ начинаетъ метать икру; уловъ ея прекращается только въ декабрѣ. Ловятъ ее преимущественно сѣтями, хотя лѣтомъ она попадаетъ вмѣстѣ со щукою въ верши.

Чокуръ—видъ пельдятки болѣе крупный и съ горбатостью на спинѣ; озерная рыба, по наружности нѣчто среднее между пельдяткой и *чиромъ*—(salmo nasus), «мунгуръ». Послѣдняя одна изъ самыхъ вкусныхъ рыбъ сѣвера Якутской области. Южнѣе внутренняго горнаго хребта не попадается. Водится и въ рѣкахъ, и въ озерахъ. Особенно славятся озерные чири «отъ границъ лѣсовъ»; послѣднимъ колымскіе знатоки отдаютъ предпочтеніе передъ всѣми рыбами, какъ приготовленнымъ, такъ и въ сыромъ, замороженномъ видѣ. Чиръ достигаетъ 15 ф. вѣса, но обычный ихъ вѣсъ отъ 5 до 8 фунтовъ. Онъ причисляется къ высшимъ сортамъ рыбы.

Моксунъ (salmo muksun) «муксунъ», «ньэмискэнъ» считается хуже чира; въ озерахъ не водится; по Ленѣ и Енисею ежегодно поднимается до 61° с. ш.; плыветъ обыкновенно большими стаями и, послѣ сельди, составляетъ въ устьяхъ рѣкъ главную часть добычи рыболововъ. Рѣдко достигаетъ 10 фунтовъ вѣса.

Нельма (salmo leucichtys)—«тутъ балыкъ, чурчахъ». Водится только въ рѣкахъ, во всей странѣ. Мечетъ икру въ сентябрѣ и первой половинѣ октября. Послѣ стерляди считается высшимъ сортомъ мѣстныхъ рыбъ. Въ устьяхъ рѣкъ нерѣдко попадаются особи въ пудъ вѣсомъ. Въ верхнемъ теченіи рѣкъ не водится.

Омуль (salmo autumnalis) «омулъ», водится въ низовьяхъ и считается однимъ изъ лучшихъ сортовъ для приготовленія вяленыхъ консервовъ «юкалы» и «хахты». Въ верхнемъ, даже среднемъ теченіи рѣкъ не водится и нѣтъ его южнѣе внутренняго горнаго хребта.

Ленокъ (salmo coregonoides) «сохолохъ», водится исключительно въ рѣкахъ; сѣвернѣе внутренняго горнаго хребта не встрѣчается.

Сигъ (salmo lavaretus) «маяхасъ, юрюнгъ-балыкъ, чуллуку», встрѣчается въ рѣкахъ всей страны; на сѣверѣ рѣже, чѣмъ на югѣ. Въ Янѣ и Колымѣ онъ рѣдкость.

Таймень (salmo fluviatilis) «биль-балыкъ, сюлюгёсь» (молотъ) только въ рѣкахъ; хищная крупная рыба, достигающая въ низовьяхъ рѣкъ огромной величины и 4-хъ пудовъ вѣса.

Щука (esox lucius) «сордонгъ, борохой», живетъ во всей странѣ въ озерахъ и рѣкахъ. Въ Колымскомъ окр., часть мая и весь почти іюнь, при-озерные жители питаются исключительно щуками, которыя въ это время ловятся мордами въ большомъ количествѣ. Большія озерныя щуки,

фунтовъ 10, противнаго запаха и вкуса; даже якуты ѣдятъ такую щуку съ отвращеніемъ, а въ рыболовныхъ мѣстахъ она не считается *за рыбу*.

Харіусъ (thymallus vulgaris) «джерга», встрѣчается только въ горныхъ рѣчкахъ; къ Ленѣ рѣдко попадается ниже Якутска. Онъ водится также въ верховьяхъ Яны, гдѣ въ 1880 г. я покупалъ у тунгусовъ свѣжихъ харіусовъ; въ томъ году они ихъ наловили особенно много.

Стерлядь (acipenser ruthenus) «хатысъ, кэчэ, кэчирэ», сѣвернѣе внутренняго горнаго хребта встрѣчается довольно рѣдко. На югѣ, особенно на Ленѣ, ее ловятъ много сѣтями подо льдомъ, и лѣтомъ съ половины іюня крючьями. Стерлядь алданская меньше стерляди ленской, гдѣ она достигаетъ и 20 ф., обыкновенный же вѣсъ отъ $1^1/_2$ до 5 фунтовъ.

Язь (idus melanotus) «тэнгэли» довольно большая, но очень рѣдко попадающаяся рыбакамъ рыба, она выбираетъ для хода самыя глубокія мѣста. Встрѣчается только южнѣе внутренняго горнаго пояса.

Сельдь (clupea harengus) «кюндюбэй», появляется во второй половинѣ августа, въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, гдѣ мечетъ икру до начала октября. Составляетъ главную пищу жителей низовьевъ Колымы, Яны, Индигирки и проч. Въ Колымѣ встрѣчаются самыя крупныя сельди и по этой рѣкѣ онѣ поднимаются до Средне-Колымска; въ Индигиркѣ онѣ мельче, въ Янѣ и Ленѣ еще мельче. На Енисеѣ сельди имѣютъ всего отъ 4 до $5^1/_2$ вершковъ, между тѣмъ какъ на Колымѣ за среднюю величину можно принять 7 вершковъ. Сельди приплываютъ съ моря до того густыми колоннами, что при проходѣ ихъ бѣлѣетъ поверхность воды; плывутъ онѣ близко къ поверхности; ловятъ ихъ неводами, по нѣсколько тысячъ заразъ. Сельдей усердно преслѣдуютъ таймени, нельмы, щуки и проч. хищники.

Остается сказать кое-что о тѣхъ рѣдкихъ породахъ рыбъ, которыя для населенія не имѣютъ почти значенія и даже по имени не многимъ извѣстны.

Валекъ (salmo microstomus) небольшая, веретенообразная рѣчная рыбка.

Красноглазка (*красноперка*) (leuciscus rutilus) «кысылъ харакъ, нича, бэттагачи», рѣчная, серебристая, небольшая рыбка съ карминно-красной радужной оболочкой глазъ.

Морской осетръ (ancipenser sturio); *рогатка* (cottus quadricornis); *ряпушка* (s. albula) и другія, часто совершенно неизвѣстныя населенію.

Вьюнъ (gobites) «тимакъ или быэ-балыкъ (рыба-веревка)» водится въ рѣчкахъ съ каменистымъ дномъ; затѣмъ изрѣдка попадается въ большихъ рѣкахъ; научнаго опредѣленія еще не получилъ.

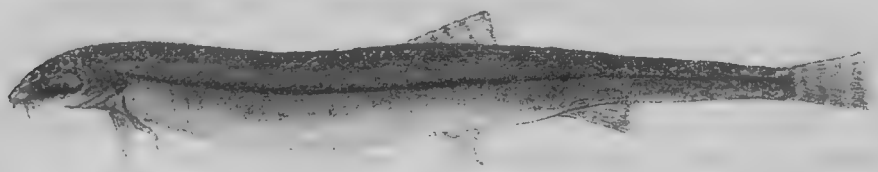


Рис. 11. Быэ-балыкъ (настоящая величина).

Мнѣ извѣстно, что изъ перечисленныхъ здѣсь рыбъ зимуютъ въ странѣ: карась, мундушка, пельдятка, озерный чиръ, таймень, елецъ, харіусъ, стерлядь, щука, налимъ, окунь; остальныя, надо полагать, являются какъ временныя гостьи [1]).

О крупныхъ морскихъ рыбахъ, какъ китъ, бѣлуга, которыя изрѣдка являются у населенныхъ береговъ, якуты имѣютъ очень смутное представленіе, а о моржѣ, тюленѣ (нерпа) и имъ подобныхъ, ластоногихъ, знаютъ только по наслышкѣ. Нужно думать, что эти животныя послужили поводомъ къ якутскимъ легендамъ о «клыкастыхъ и хвостатыхъ людяхъ», живущихъ на берегу моря о «дѣвицахъ, всплывающихъ изъ воды» и проч. (Колым. ул. 1883 г.). Во время ловли якутскіе рыбаки избѣгаютъ называть рыбъ, особенно зубастыхъ и хищныхъ: щуку, тайменя и проч. (Баягант. ул. 1885 г.). Они придумываютъ другія названія, такъ сказать псевдонимы, часто мѣшающіе узнать путемъ расспросовъ о распространеніи того или другого вида.

Птицы (кётёръ).

Изъ птицъ зимуютъ только куропатка, глухарь, рябчикъ, кукша (сойка), вдронъ, бѣлая сова и, въ земледѣльческихъ округахъ, мѣстами «воробей» и чечётка. Остальные на зиму улетаютъ.

Хищныя.

Орланъ бѣлохвостъ (haliaëtos albicilla) «барыласъ», отъ 6—7 фут. въ размахѣ крыльевъ; прилетаетъ въ мартѣ и первыхъ числахъ апрѣля, улетаетъ въ концѣ сентября и началѣ октября; вьетъ огромныя гнѣзда на вершинахъ деревьевъ, вблизи озеръ, такъ какъ питается главнымъ образомъ рыбой и водной птицей; его прилетъ пред-

[1]) Въ этотъ перечень я помѣстилъ только тѣхъ, которыхъ *лично* видѣлъ пойманными зимою, поздней осенью (начало ноября) или ранней весною (февраль), или тѣхъ, которыя водятся въ изолированныхъ отъ рѣкъ озерахъ.

вѣщаетъ скорый прилетъ утокъ. Въ своихъ сказкахъ якуты рисуютъ его птицей глупой, алчной и надменной. Здѣсь онъ далеко не рѣдкость. Маакъ говоритъ, что это единственный видъ этого рода, видѣнный имъ на сѣверѣ, но якуты отличаютъ еще болѣе крупный видъ орла, съ болѣе темнымъ опереніемъ, котораго называютъ «тоёнъ кылъ»—господинъ звѣрь; его очень почитаютъ и считаютъ эмблемой высшаго божества. Въ извѣстной сказкѣ «перелётъ птицъ», онѣ послѣ измѣны «орлана» выбираютъ себѣ господиномъ орла. Въ сборникѣ Худякова есть прекрасное стихотворное описаніе внѣшности «орла» [1]). (Худяковъ, стр. 19).

Этого бронзоваго орла, съ темными пятнами на спинѣ и свѣтло-рыжимъ подбрюшьемъ я видѣлъ всего нѣсколько разъ, всегда издали, сидящимъ на одинокомъ деревѣ, или летающимъ высоко надъ землею. Въ Намскомъ улусѣ, ежегодно въ срединѣ лѣта, онъ повадился летать ко мнѣ на пашню изъ лѣса, съ западной стороны; иногда прилетало ихъ двое. Мелкія птицы, особенно стрижи и вороны, всякій разъ преслѣдовали его съ крикомъ и большимъ возбужденіемъ. Близко я не разсмотрѣлъ его, но онъ былъ крупный и въ размахѣ имѣлъ не меньше сажени; когда же онъ садился на верхушку матерой лиственницы, то она сильно гнулась. Надъ Ледов. ок., въ тундрѣ, я видѣлъ не менѣе крупныхъ орловъ, которые издали казались мнѣ черными. Они по цѣлымъ часамъ неподвижно сидѣли на верхушкѣ какого нибудь бугра и высматривали добычу. Были очень осторожны: завидя человѣка, тотчасъ же улетали.

Сарычъ конюхъ	(buteo lagopus)		встрѣч. часто	
Соколъ сапсанъ	(falco peregrinus)	«кыртъ»	часто	прилетаютъ до начала перелёта, улетаютъ послѣдними
Соколъ чеглокъ	(falco subbuteo)	«кырби»	рѣдко	
Соколъ пустельга	(falco tinunculus)	«мохсоголъ»	часто	
Скопа степная	(pandion haliaëtos)	«балыксытъ»	часто	
Черный коршунъ	(milvus niger)	«эль или эльэ»	часто	
Ястребъ перепелятникъ	(astur nisus)	«чычахсытъ»	рѣдко	
Ястребъ обыкновенный	(astur palumbarius)	«мохсоголъ»	—	
Соколъ копчикъ	(erythrofus vespertinus)	—	—	
Соколъ балабокъ	(hierofalco linarius)	—	рѣдко	
Лунь полевой	(circus cyanëus)	«кутуяхсытъ»	—	

Ко всѣмъ хищнымъ этого семейства якуты относятся съ нѣкоторымъ благоговеніемъ, ихъ они не убиваютъ, не ругаютъ, мяса ихъ не ѣдятъ. Совъ тоже не ѣдятъ; хотя чувствуютъ по отношенію къ нимъ суевѣр-

[1]) Смотри томъ II, русскій и тюркскій текстъ.

ный страхъ, но онъ лишенъ того восхищенія съ какимъ якутъ говоритъ: «бульчутъ»,—промышленникъ, слѣдя за соколомъ или орломъ преслѣдующими добычу.

Совъ водится въ Якутской обл. 5 видовъ:

Сова уральская (strix uralensis) «какханъ или хасанъ»,

Сиринъ бѣлый (strix nyctea) «харъ эбе—снѣжная бабушка»

Сиринъ ястребиный (strix funerea) «мёкчёргё»

Сычъ ручной (strix tengmalmi).

Филинъ пугачъ (strix bubo).

Лавуны.

Стрижъ обыкновенный (cypselus apus)

Кукушка вѣщая (cuculus canorus) «кёхе»

Дятелъ желна (picus martius) «киргиль»

Дятелъ трехперстный (picus tridactylus) «тонгсогой»

} Водятся во всей странѣ, за исключеніемъ кукушки, которая не залетаетъ сѣвернѣе вн. гор. хребта. Начинаетъ куковать въ концѣ мая. Якуты считаютъ ее волшебной подругой шамана.

Воробьиныя.

Жаворонокъ снѣжный (alauda alpestris) «сыръ чычахъ» (береговая птичка, вѣрнѣе—птичка крутыхъ обваловъ).

Пуночка подорожникъ (plectrophanes nivalis) «юрюнгъ чычахъ» (бѣлая птичка).

Стренатка чернолицая (emberiza aureola) и двѣ ея разновид. e. spodocephala, e. pusilla.

Воробей домашній и полевой (passer domesticus и p. montanus); появился въ послѣднее время въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ; домашній пробуетъ даже зимовать; спитъ подъ крышами, отогрѣваясь около трубъ, или сидитъ на косякахъ дверей, гдѣ, сквозь дверныя щели, дуетъ теплый воздухъ.

Снигирь обыкновенный (pyrrhula vulgaris) «туллукъ». Ловятъ его въ петли, которыя устраиваютъ такимъ образомъ: на доску или палочку густо навязываютъ небольшія волосяныя петли и ставятъ тамъ гдѣ земля оттаяла и гдѣ любятъ садиться снигири; прикрываютъ дерево землей или мякиной, оставляя петли наружу; въ нихъ птицы ловятся за ножки или за голову.

Снигирь красный (pyrrhula erythrina).

Вьюрокъ чечотка (fringilla linaria) «чарыасъ».

Вьюрокъ настоящій (fringilla montifringilla) «ылыръ чычахъ» (пѣвчая птичка).

Медвѣдка (fringilla brunneonncha) «эсэ чычахъ».

Клестъ бѣлокрылый (loxia leucoptera) «ымы» зимуетъ на южномъ плоскогоріи.

Синица сибирская (parus sibiricus).

Поползень ямщикъ (sitta europaea), зимуетъ на южномъ плоскогоріи.

Свиристель хохлушка (bombycilla garrula), на зиму улетаетъ.

Ронжа (кукша) (garrulus infaustus) «кукакы», зимуетъ во всей странѣ.

Ворона черная (corvus corone) «туракъ» — также зовутъ ее и тунгусы, живетъ во всей странѣ, прилетаетъ въ началѣ апрѣля, улетаетъ въ октябрѣ; осенью сильно вредитъ полямъ.

Воронъ (corvus corax) «суоръ», одинокія особи зимуютъ на южномъ плоскогоріи.

Щеврица лѣсная (anthus arboreus), встрѣчается только на южномъ плоскогоріи.

Трясогуска бѣлая (motacilla alba) «сылгы чычахъ» (лошадиная птичка).

Дроздъ орѣховый (turdus iliacus) «титъ черчыҥыра» (лиственичный дроздъ.)

Др. красногорлый (tur. ruficollis), *др. чернозобый* (tur. fuscatus).

Дроздъ рябинникъ (tur. pilaris) «іетъ черчыҥыра» (тальничный дроздъ.)

Чеканъ попутчикъ (saxicola oenanthe) «тасъ чычахъ» (каменная птичка).

Чеканъ черношвостый (saxicola rubicola) «хону чычахъ» (полевая птичка).

Соловей красношейка (sylvia kamtschatkensis) рѣдко, только на южномъ плоскогоріи.

Зарничка (sylvia proregulus) «харджанъ».

Сорокопутъ большой (lanius major)
Ласточка касатка (hirundo rustica) } (харангаччикъ).
Ласточка стрижокъ (hirundo urbica)

Ласточка земляная или водяная (hirundo riparia) (у харангаччикъ).

Всѣхъ этихъ птичекъ, за исключеніемъ снигирей (туллукъ) и подорожника, якуты не трогаютъ и не ѣдятъ. Ласточку считаютъ божьей птичкой, именно птичкой Богородицы и не позволяютъ дѣтямъ портить ея гнѣздъ. Въ легендахъ о сотвореніи міра дяволъ превращается въ ласточку и ныряетъ на дно моря по приказанію бога, за иломъ; разсказывали мнѣ также о перьяхъ выстрѣленныхъ изъ хвоста ласточки дьяволомъ.

Замѣчательно, что всѣ эти птицы здѣсь поютъ очень мало и неохотно, даже на югѣ ихъ почти неслышно въ лѣсахъ, и лѣса очень молчаливы.

Голубиныя.

Изъ этого отряда я встрѣчалъ только одинъ видъ, ближе всего подходящій къ *лѣсному голубю* (columba torquata). Въ концѣ лѣта, когда созрѣвали хлѣба, парочки ихъ показывались на опушкахъ лѣса, прилегающихъ къ нивѣ. Нѣсколько такихъ парочекъ посѣщало меня ежегодно въ Намскомъ улусѣ. Видѣлъ я ихъ тоже и въ Баягантайскомъ улусѣ, но не встрѣчалъ нигдѣ внѣ земледѣльческаго района, внѣ пашенъ, въ лѣсу. Это можно объяснить ихъ зоркостью и осторожностью, что также не позволило мнѣ убить ихъ и расмотрѣть ближе. Они однообразно аспидносѣраго цвѣта, толстые, невысокіе, по наружности сильно напоминающіе домашнихъ сибирскихъ голубей, именно такихъ, какихъ впослѣдствіи я массами видѣлъ въ Верхоленскихъ и Иркутскихъ степяхъ; только подбрюшіе у первыхъ не бѣлое, а темное.

Куриныя.

Куропатка бѣлая (lagopus albus) «хабджы или крупашкы». Эта птица, наравнѣ съ зайцемъ, составляетъ во многихъ мѣстахъ главную основу лѣсного якутскаго промысла, подобно тому какъ утки—воднаго. Мѣстные жители отличаютъ два подъ-вида: 1) горная или каменная «тасъ хабджы» меньше ростомъ и съ красной коемкой кругомъ глаза; 2) таловка «талакъ или хону хабджы» больше прежней и съ блѣдножолтой каймой вкругъ глаза. Лѣтомъ здѣшнія куропатки изжелта-коричневыя, въ сентябрѣ мѣсяцѣ начинаютъ бѣлѣть. Онѣ постоянно кочуютъ. Въ мартѣ улетаютъ на приморскія тундры, откуда возвращаются въ сентябрѣ. Но улетаютъ туда далеко не всѣ, и въ іюлѣ я встрѣчалъ ихъ съ выводками въ горахъ, въ глухихъ, поросшихъ ерникомъ падяхъ. На плоскогоріяхъ лѣтомъ ихъ не видно, за то всю зиму, особенно послѣ выпаденія обильнаго снѣга цѣлыя стаи бродятъ по березнику и тальникамъ, около озеръ и рѣкъ плоскогорій. Горная куропатка рѣдко спускается внизъ, предпочитая горныя лощины и предгорія. Держатся куропатки стаями; питаются ягодами, тальниковыми, березовыми и ольховыми почками, также разными сѣменами. Ловятъ ихъ такъ: въ мѣстахъ, часто посѣщаемыхъ куропатками, легко узнаваемыхъ по слѣдамъ, этихъ любящихъ бродить по снѣгу птицъ, устраиваютъ нѣсколько параллельныхъ невысокихъ «засѣкъ». Засѣка состоитъ въ томъ, что кладутъ въ длину одна за другой рядъ молодыхъ лиственицъ, мѣшающихъ свободно пройти; на каждыя три, четыре сажени въ такихъ низенькихъ, колючихъ заборчикахъ оставлены дверцы; въ дверцы вставляется рамочка изъ тальнику, съ волосяной настороженной петлей; птица входитъ въ дверцы и грудью стягиваетъ петлю

съ защепокъ и затягиваетъ кругомъ шеи. Также точно ловятъ якуты рябчиковъ, тетеревей, даже глухарей, только смотря по птицѣ дѣлаютъ и засѣки выше и петли крѣпче; точно также ловятъ и утокъ на водѣ. Этотъ способъ называется «тиргэнъ»—петля. Куропатка считается шаманской птицей, появленіе ея вблизи дома предвѣщаетъ смерть.

Рябчикъ (tetrao bonasia) «бочугурасъ». Ловится якутами во множествѣ. Онъ не улетаетъ лѣтомъ на тундры, но подымается выше на горы; зимою же спускается ниже въ долины и пади. Онъ не мѣняетъ окраски подобно куропаткѣ, а только чуть чуть свѣтлѣетъ къ зимѣ.

Пальникъ (tetrao urogallus) «чакыръ уларъ» и *глухарь* (tetrao urogalloides) «хара уларъ» (черный глухарь), «самка—ордахъ».

Первый, меньше и свѣтлѣе, получилъ свое названіе отъ пребыванія «по палымъ» (погорѣлымъ) лѣсамъ; осенью цѣлыя стаи ихъ собираются на поляхъ. Черный глухарь рѣдко собирается въ стаи; чаще можно ихъ парочки встрѣтить, одиноко сидящія на деревьяхъ, въ высокоствольномъ лѣсу; на сѣверъ отъ внутренняго горнаго пояса они рѣдко попадаются. Они подобно куропаткамъ кочуютъ съ горъ въ долины и обратно [1]).

Тетеревъ черный (tetrao tetrix) «куртуяхъ». Водится во всей странѣ. Встрѣчается рѣже, чѣмъ пальникъ, но чаще большаго чернаго глухаря.

Когда-то охота за глухарями и тетеревами, особенно «токующими», составляла у якутовъ видный промыселъ.

«Теперь перевелись «токовища», птицы куда-то дѣлись, промышленники вымерли, но въ старину много якуты добывали глухарей. Охота за глухарями — тайная охота. Отправляясь на токъ охотники передъ другими скрывались, охотники охотниковъ выслѣживали. Хорошій промышленникъ за мѣшокъ (100) рублей не открывалъ своихъ мѣстъ и, только умирая, открывался сыну»! (Намскій ул., 1892 г.).

Голенастыя.

Журавль бѣлый, стерхъ (grus leucogeranus) «кыталыкъ». Птица эта здѣсь очень рѣдка, я ее видѣлъ за 12 лѣтъ всего 4 — 5 разъ; за ней охотно охотятся якуты, признавая мясо ея очень вкуснымъ. Этому не мѣшаетъ то, что стерхъ на равнѣ съ лебедемъ фигурируетъ въ ихъ пре-

[1]) Ежегодно въ декабрѣ и январѣ въ одно и въ тоже время въ березовой рощѣ противъ моей усадьбы въ Намскомъ улусѣ, обязательно являлась смѣшанная стая пальниковъ и черныхъ глухарей, штукъ въ 20; они садились на деревья и, объѣдая березовыя почки, спокойно ждали восхода солнца; иногда они забирались на гумно и, сидя на одонахъ, объѣдали нависшія наружу тамъ и сямъ колосья; подъ вечеръ обязательно улетали въ сосѣдній лѣсъ и зарывались въ снѣгъ. Впослѣдствіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ночевало стадо, я находилъ настоящіе «ходы» продѣланные птицами, очевидно плававшими въ рыхломъ снѣгу, точно въ водѣ.

даніяхъ, какъ священная птица, какъ воплощеніе хорошаго начала. Въ сказкахъ дѣвицы не разъ являются въ видѣ стерховъ.

Журавль сѣрый (grus cinereus) «туруя» во время перелета собирается въ большіе стаи, вообще—общественная птица. Прилетаетъ въ апрѣлѣ, улетаетъ въ августѣ; улетаетъ раньше другихъ крупныхъ птицъ, вслѣдъ за мелкими. Мясо его считается у якутовъ лакомствомъ.

Зуекъ глупый (charadrius morinellus) «хону барахъ (полевой пѣтушокъ).

Въ глубинѣ континента является только во время перелета.

Летятъ большими стаями штукъ въ 60—100. Якуты ловятъ ихъ въ петли, устроенныя въ дверцахъ такихъ же низенькихъ, длинныхъ засѣкъ, какъ на куропатокъ. Ихъ устраиваютъ тамъ, гдѣ замѣчено что садятся пѣтушки: на солнечной сторонѣ сухихъ, луговыхъ бугровъ, вблизи воды. Замѣчательна дружба этихъ птицъ съ куликами, которые пронзительнымъ своимъ крикомъ, даютъ всегда первые знать на болотѣ о приближеніи опасности: охотника, собаки, хищной птицы и прочее.

Зуекъ рѣчной (charadrius (aegialites) curonicus).

Зуекъ галстушникъ (charard. (aegial.) hiaticula).

Камнешарка сѣверная (strepsilas interpres).

Улитъ большой (totanus glottis) «логнутъ или логнутъ чёкченге».
(totanus pulverulentus) «таба барахъ».
(totanus glareola).

Улитъ травникъ (totanus ochropus) «чёкчёнгё».

Береговикъ сѣрый (actitis hypoleucos).

Плавунчикъ плосконосый (phalaropus rufescens).

Сукаленъ мордушка (limosa cinerea) и *сукаленъ красный* (limosa rufa).

Турухтанъ пѣтушокъ (tringa pugnax) «эсэ барахъ» медвѣжій пѣтушокъ.

Песочникъ малый (tringa minuta) «кырбасъ барахъ», *песочникъ кривоносый* и *Темминка* (tringa subarquata и tringa Temminckii).

Бекасъ слонка (scolopax rusticola); *бекасъ дупель* (s. major) *бекасъ барашекъ* (s. gallinago) «ингирiе»; послѣдній часто встрѣчается всюду въ болотистыхъ мѣстностяхъ.

Куликъ котрусъ (numenius arquata) «джіэрэнь».

Чепура выпь (ardea stellaris) «у-огуса» (водяной быкъ).

Всѣ эти птицы называются якутами вообще «кытылъ-чычаха»—береговыми птицами, «бадаранъ-чычаха»—болотными птицами; въ пищу онѣ употребляются, но предметомъ спеціальнаго промысла не служатъ.

Обыкновенно за ними охотятся дѣти и подростки; ихъ ловятъ въ петли или стрѣляютъ изъ луковъ особыми стрѣлами о четырехъ-остромъ, вилообразномъ наконечникѣ.

Водяныя.

Лебедь кликунъ (cygnus musicus) и *лебедь малый, тундренный* (c. Bewickii) «куба». На югъ отъ внутренняго горнаго пояса встрѣчается рѣдко и еще рѣже гнѣздится и лѣтуетъ. Только въ глухихъ уголкахъ тайги можно повстрѣчать одинокія ихъ пары воспитывающія выводокъ. На сѣверномъ плоскогоріи встрѣчаются лебеди чаще: они линяютъ тамъ не только на берегу моря, но и въ глубинѣ континента. Якуты очень любятъ ихъ мясо и ради него, а также лебяжьихъ шкурокъ, стрѣляютъ изъ винтовокъ, травятъ собаками и проч. Птицу эту они тоже считаютъ «благословленной» (аи), воплощеніемъ богини плодородія, покровительницы якутовъ—Аисытъ.

Большимъ у нихъ почетомъ пользуется также другая крупная птица, *гусь гуменникъ* (anser grandis) «хонгоръ хасъ»; онъ не считается «благословеннымъ», но часто упоминается въ пѣсняхъ и сказкахъ.

Гусь пашенный (anser segetum), *гусь бѣлолобый* (казарка) (anser albifrons) «лыглый», *гусь нѣмокъ* (anser bernicla) «хардыръ или хардыргасъ хасъ» (гусь хлопуша). Гуси рѣдки на южномъ плоскогоріи, на сѣверномъ лѣтуетъ ихъ несравненно больше; особенно «казарки», которой небольшія стада линяютъ и выводятъ выводокъ въ долинахъ не значительныхъ, мелководныхъ, горныхъ рѣчушекъ.

Изъ водяныхъ во всей странѣ больше всего утокъ «кусъ»; ихъ слишкомъ двадцать видовъ, изъ которыхъ чаще встрѣчаются: 1) *шилохвостъ* (anas acuta) «мойногонъ», 2) *кряква* (a. boschas) «кёхёнъ», 3) *чиранка* (чирокъ) (a. cresca) «черкей», 4) *моклокъ* (мордушка) (a. glocitans) «морду», 5) *свищъ* (a. penelope) «тыньякъ», 6 (?) (a. falcata) «унюсь», 7) *соксунъ* (саксонъ) (a. clypeata) «сохсонъ» или «халба», 8) *Нырокъ синьга* (турпанъ) (a. nigra) «анды», 9) нырокъ *морянка* (савка) (a. glacialis) «эильдэ», 10) нырокъ *гоголь* (a. clangula) «арылыасъ», 11) нырокъ *чернеть* (a. fuligula) «умсахъ», 12) *крахаль большой* (mergus merganser) «тистэхъ кусъ» (зубастая утка), 13) *крахаль длинноносый* (m. serrator) «улунъ», 14) *крахаль лутокъ* (m. albellus) «игачи», 15) *нырецъ рогатый* (podiceps cornutus) «нятъ», 16) (?) (podiceps subcristatus) «татаи», 17) *гагара обыкновенная* (полярная) (colymbus glacialis) «далай куогасъ» (гагара обширныхъ водъ), 18) *гагара полосатая* (c. arcticus) «нырдаи», 19) *гагара краснозобая* (c. septentrionalis) «бытта куогасъ». Всѣ эти породы водятся и въ глубинѣ

страны, гдѣ вьютъ гнѣзда и лѣтуютъ; надъ моремъ кромѣ того есть еще много не встрѣчающихся совсѣмъ въ глубинѣ континента, или временно являющихся во время перелета. Утки всякихъ видовъ и родовъ и утиныя яйца составляютъ главный предметъ якутскаго птичьяго промысла. Только *гагару обыкновенную* и *полосатую* якуты причисляютъ къ зловреднымъ шаманскимъ птицамъ; ихъ они опасаются стрѣлять и мясо ѣдятъ не охотно; также неохотно ѣдятъ они мясо и другихъ болѣе мелкихъ видовъ гагары.

Чайки «копто».

Чайка обыкновенная (larus ridibundus) «хара бастахъ копто» (черноголовая чайка)

Чайка малая (l. minutus) «тококъ».

Чайка хохотунья (l. cachinnans) «колукъ».

Крачка малая (sterna minuta) и *крачка мартышка* (sterna longipennis). Первая рѣдко попадается въ глубинѣ континента, вторая—довольно обычная тамъ птица.

Чайки и крачки тоже считаются шаманскими птицами и есть даже въ якутской миѳологіи одинъ духъ—дѣвица съ чайкою «коптолохъ кысъ». Мяса этихъ птицъ якуты не ѣдятъ и я не видѣлъ, чтобы якутъ убилъ чайку или даже взялъ у нея яйца. Во время перелета кромѣ перечисленныхъ бываетъ и много другихъ, между прочимъ: большая совершенно бѣлая съ нѣжно-розовымъ отливомъ на крыльяхъ (pagophila eburnea); она-то, да черноголовая, да трехпалая и пользуются самымъ большимъ почетомъ у якутовъ; ихъ деревянныя изображенія употребляются при шаманствѣ, ихъ крику подражаетъ шаманъ во время камланія. Въ глубинѣ материка, на сѣверѣ, чаще всего попадается *трехпалая чайки*; тамъ же, на берегу моря—*чайки серебристыя* (larus argentatus).

Четвероногіе (атактахъ, сюреръ кылларъ).

Рукокрылыя.

Обыкновенная летучая мышь (изъ рода vespertilio) водится только въ самыхъ южныхъ мѣстностяхъ; сѣвернѣе 60° ш. пока не встрѣчалась. Якуты зовутъ ее «тынгы или уромчи».

Насѣкомоядныя.

Кутора обыкновенная, землеройка (sorex vulgaris) «сиръ кутуяхъ» водится во всей странѣ.

Кротъ (talpa europaea) попадается только въ верховьяхъ Нижне-Тунгуски; въ странѣ заселенной якутами его нѣтъ, тѣмъ не менѣе они

его знаютъ и шкурка его до недавняго времени считалась у якутскихъ промышленниковъ талисманомъ, защищающимъ отъ бурого медвѣдя.

Грызуны.

Бѣлка обыкновенная (sciurus vulgaris) (тингъ) водится во всей странѣ, преимущественно въ нагорныхъ высокоствольныхъ лѣсахъ. Такъ какъ мѣста, изобилующія бѣлкой, бѣдны лугами, то бѣличій промыселъ слабо развитъ среди якутовъ и составляетъ у нихъ родъ отхожаго промысла. Промышленники соединясь въ небольшія артели по два по три человѣка, уходятъ по осени бѣлковать на мѣсяцъ, на два. Бѣлку преимущественно стрѣляютъ изъ винтовокъ и луковъ, рѣже ставятъ петли и капканы на гнѣздахъ. Цвѣтъ бѣличьяго мѣха пепельный; вилюйскія и оленёкскія бѣлки считаются хуже: онѣ рыжеватыя или бурыя. Бѣлки кочуютъ. Иные годы въ данной мѣстности ихъ является очень много, затѣмъ наступаетъ періодъ убыли. Тунгусы и олёкминскіе якуты ѣдятъ бѣлокъ, но якуты другихъ мѣстностей, на сколько мнѣ извѣстно, мясо бѣлки считаютъ нечистымъ. Шкурка бѣличья съ хвостомъ стоитъ отъ 15 до 25 коп. на мѣстѣ. Изъ хвостовъ якуты дѣлаютъ ошейники (мойтрукъ).—Бѣличьи шкурки служатъ въ сѣверныхъ округахъ, какъ мелкая мѣновая монета, но бѣличій мѣхъ мало употребляется якутами, а весь вывозится.

Летяга (pteromys volans) «нетягы или маскалай»; мѣхъ ея свѣтлѣе бѣличьяго. Встрѣчается летяга во всей странѣ въ хвойныхъ и лиственичныхъ лѣсахъ. Въ окрестностяхъ Якутска, на Вилюѣ летягами не промышляютъ; но на Витимѣ ихъ бьютъ ради шкурокъ довольно много. Въ Верхоянскомъ округѣ также ими промышляютъ въ небольшомъ количествѣ; въ 1884 году на Сиремской станціи мнѣ предлагали купить цѣлое одѣяло, сшитое изъ 60 штукъ, за 5 рублей (Сиремъ, 1884 г.).

Бурундукъ (tamias striatus) «мохотой», «муруку» водится во всей странѣ въ предѣлахъ лѣса; зимою съ сентября ложится на зимнюю спячку, просыпается въ началѣ апрѣля. Въ хлѣбородныхъ округахъ, особенно на пашняхъ расположенныхъ среди лѣса, причиняетъ большой вредъ полямъ. Пригнувши колосъ лапкой, быстро обираетъ онъ зерна и уноситъ въ защечныхъ сумочкахъ; суслоны, оставленныя для просушки на поляхъ, онъ посѣщаетъ еще охотнѣе и способенъ за ночь унести до 10 фунтовъ хлѣба. Подъ снопами въ тоже время онъ находитъ защиту отъ хищныхъ птицъ: коршуновъ, воронъ, ястребовъ, усердно преслѣдующихъ его, и опасеніе которыхъ удерживаетъ его, главнымъ образомъ, отъ путешествія въ открытыя поля. Норы въ землѣ бурундукъ рыть не

умѣетъ, но охотно пользуется готовыми. Живетъ въ дуплистыхъ деревьяхъ; любитъ бѣгать по изгородямъ, гдѣ легче всего его поймать, поставивши вмѣсто ловушки старую «морду» (вершу). Бурундукъ дѣлаетъ на зиму большіе запасы хлѣбныхъ зеренъ, сѣмянъ и прочее, онъ искусно прячетъ свои склады, никогда не ведетъ къ нимъ преслѣдующаго его человѣка и отыскать ихъ довольно трудно. Это смѣлый, проворный звѣрекъ, при нападеніи вступающій въ драки даже съ собаками и кошками и нерѣдко остающійся побѣдителемъ. Онъ ничуть не боится людей и забирается даже на гумно и въ амбары. Якутскіе дѣти очень любятъ за нимъ охотиться; пойманный рано, онъ легко дѣлается ручнымъ. Изрѣдка встрѣчается въ Сибири черная разновидность бурундука (sciurus uthensis Pall).

Мыши полевки (arvicola rutilus и a. obscurus) «чыҥгырканъ» встрѣчаются въ большомъ количествѣ на поляхъ; забираются въ амбары и, среди зимы, въ страшные морозы, ихъ можно видѣть бѣгающими по глубокому снѣгу; слѣдъ ихъ мелкій, ровный точно бисеръ, встрѣчается въ это время года чаще другихъ слѣдовъ. Кажется, что я находилъ въ хлѣбахъ гнѣзда мышей малютокъ (mus minutus), но взрослыхъ экземпляровъ не видалъ. На югѣ страны, въ городахъ и деревняхъ попадаются виды *домашнихъ мышей* и *крысъ*, пробравшихся сюда, вѣроятно, вслѣдъ за осѣдлымъ населеніемъ.

На сѣверѣ, въ тундрахъ, въ большомъ количествѣ водится *лемминг*ъ, составляющій главную пищу песцовъ; также *песцовая копытная мышь*. изъ прекраснаго ея мѣха чукчи шьютъ дорогія куклянки.

Крыса полевая «кутуяхъ» и *водяная* (arvicola amphibius) «кютэръ». Обѣ встрѣчаются во всей странѣ, исключая тундры. Первая вредитъ огородамъ, портитъ гряды, копаетъ картофель, даже рѣпу уноситъ въ свои склады. Въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ земледѣлія, онѣ собираютъ въ большомъ количествѣ съѣдобные корни, чѣмъ пользуются якуты, отыскивая и выкапывая ихъ по осени.

Водяная крыса преслѣдуется ради мѣха темнаго и нѣжнаго, который бѣдняки употребляютъ на шапки и мѣховую подбивку перчатокъ и чулокъ. Водяная крыса тоже портитъ огороды, расположенные вблизи воды. Я долго не могъ понять, кто копаетъ у меня картофель въ Баягантайскомъ улусѣ, пока не засталъ водяной крысы на мѣстѣ преступленія. Испуганный звѣрекъ сейчасъ же убѣжалъ и нырнулъ въ воду, оставивъ разрытую гряду и нѣсколько вырытыхъ картофелинъ. (Баяган. ул., 1886 г.). Бѣдные вилюйскіе якуты ѣдятъ мясо водяныхъ крысъ; въ

другихъ мѣстахъ, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ, мышей и крысъ якуты не ѣдятъ.

Сѣверная пищуха (lagomys hyperboreus) «чисъ; хая или тасъ кутуяхъ» (каменная крыса), водится только въ горахъ въ каменистыхъ розсыпяхъ [1]).

Еврашка (овражекъ, эверсмановъ сусликъ—spermophilus eversmanni) «сиръ кыла» (земляной звѣрь), «джабраскы и эргэ», настоящій бичъ здѣшнихъ полей. Зимою спитъ—съ конца сентября до начала апрѣля, на зиму собираетъ богатые запасы. Тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣба, онъ собираетъ сардану и другіе съѣдобные коренья, травы и сѣмена; въ хлѣбородныхъ мѣстахъ набрасывается на хлѣбъ. Говорятъ, что въ первое время, въ мѣстностяхъ, гдѣ раньше хлѣба не сѣяли, еврашки долго его не трогаютъ; впослѣдствіи любимыя ихъ мѣста—болѣе высокія мѣста вспаханныхъ полей, гдѣ имъ очень удобно выкапывать норы въ рыхлой землѣ и гдѣ они безопасны отъ наводненія. Любимый ихъ хлѣбъ—пшеница, ячмень, ярица. Послѣднюю ѣдятъ менѣе охотно, кромѣ того, высокій ростъ этого хлѣба дѣлаетъ неудобнымъ добываніе колосьевъ. Густой хлѣбъ также больше гарантированъ отъ нихъ, потому что его труднѣе наклонять. Первому нападенію бурундука и еврашки подвергаются хлѣба рѣдкіе и низкіе. Звѣрки заламываютъ стебель невысоко отъ земли и объѣдаютъ колосъ. Если имъ дать волю, они способны въ короткое время опустошить поля на большія пространства.

Ловятъ ихъ капканами, травятъ собаками; весною, когда земля еще не растаяла, выгоняютъ изъ норъ водою, а, главное, постоянно безпокоятъ тѣмъ, что забиваютъ кольями и затыкаютъ соломой ихъ норы, на поляхъ и по близости ихъ. Тогда еврашка, принужденная бѣгать издали, причиняетъ меньше вреда. Для этого нужно постоянно обходить поля со времени посѣва и упорно уничтожать новыя норы, иначе на полѣ заведется столько сусликовъ, что послѣ ничего съ ними не подѣлаешь: они уничтожатъ весь сборъ. Хлѣбъ они начинаютъ ѣсть съ момента его налива. Норы копаютъ чрезвычайно быстро, обыкновенно съ нѣсколькими искусно спрятанными ходами, глубиною иногда въ сажень, а длиною всегда больше сажени. Заключенныя въ норахъ и засыпанныя землей выбиваются оттуда черезъ нѣсколько часовъ; старыя, задѣланныя, норы скоро находятъ и при малѣйшей оплошности земледѣльца быстро ихъ возстановляютъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ борьбы съ ними не ведутъ, ихъ размножается столько, что равнины и луга сплошь усѣяны ихъ норами и ихъ

[1]) Вопросъ о нахожденіи «тарбагана» (arctomys spec.) въ горахъ дальняго сѣвера рѣшенъ Э. В. Толлемъ въ удовлетворительномъ смыслѣ; онъ видѣлъ этого звѣрька въ Хараулахскихъ горахъ. Beiträge. Ibid. p. 100.

рѣзкій свистъ раздается поминутно изъ подъ ногъ путника [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они не допускаютъ воздѣлыванія извѣстныхъ сортовъ хлѣба, именно: пшеницы и ячменя. Жители Улаханской и Техтюрской станціи говорили мнѣ, что раньше, когда не было столько евражекъ, они сѣяли три сорта хлѣба, теперь сѣютъ только ярицу, потому что «*евраны* другому хлѣбу даже вызрѣть не дадутъ, все сырьемъ съѣдятъ». Еврашки забираются и на огороды, гдѣ копаютъ картофель; только скошеннаго хлѣба въ суслонахъ и прокосахъ не трогаютъ и на гумно не забираются. Еврашки водятся далеко не всюду и распространеніе ихъ иногда довольно трудно объяснить. На правомъ берегу Лены, на Амгинско-Ленскомъ плоскогоріи ихъ нѣтъ; Маакъ ничего не говоритъ объ еврашкахъ на Вилюѣ, нѣтъ ихъ и въ Колымскѣ. Между тѣмъ еврашка водится всюду на лѣвомъ берегу Лены, а также ихъ множество въ Верхоянскомъ улусѣ, далеко на востокъ отъ Лены за внутреннимъ горнымъ поясомъ; очевидно она идетъ не за хлѣбомъ, котораго не сѣютъ въ Верх. ул., и распространеніе ея подчинено какимъ то другимъ законамъ.

Мясо и мѣхъ еврашки отдаетъ непріятнымъ запахомъ, потому ими пользуются только крайніе бѣдняки. Въ старину потребленіе еврашки было болѣе распространено среди якутовъ, теперь они считаютъ ее «поганой» и даже ругаются словомъ «еврашечникъ» (джебрахсытъ).

Заяцъ-бѣлякъ—(ушканъ) (lepus variabilis) «кобакъ, табысканъ, дёлёкёнъ» —вѣчно кочуетъ подобно бѣлкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ предгоріяхъ, его водится масса; за зиму каждый промышленникъ добываетъ до 300 штукъ. Осенью, когда начнетъ желтѣть трава, на зайцевъ ставятъ волосяныя петли. Петли эти подвязаны къ подвижному коромыслу, на подобіе южнорусскаго колодезнаго коромысла; петля ставится на извѣстной высотѣ среди кустовъ, на тропинкахъ, продѣланныхъ зайцами; помощью коротенькаго деревяннаго «бычка» (застежки) и «прищепокъ», кольцо петли удерживается настороженнымъ до тѣхъ поръ, пока звѣрекъ, съ разбѣгу не задернетъ ее себѣ на шею и не отстегнетъ «бычка», тогда рычагъ поднимаетъ зайца вверхъ и звѣрекъ умираетъ. Зайцы очень осторожны и разъ заподозрятъ засаду—сворачиваютъ съ тропы; ввиду этого, по обѣимъ сторонамъ ея дѣлаютъ «засѣки». Волосъ для петли осенью берутъ черный или рыжій, а по снѣгу — бѣлый. Этотъ приборъ зовутъ Якуты «тусахъ» (рис. 10). Съ ноября ставятъ на зайцевъ луки-самострѣлы, а въ мартѣ — пасти. На плоскогорьяхъ въ сильно болотистыхъ мѣстахъ мало зайцевъ, мало ихъ въ сѣверной части Колым-

[1]) Нигдѣ я не видѣлъ столько еврашекъ, какъ на степовидныхъ равнинахъ на югъ отъ г. Якутска, между этимъ городомъ и селеніемъ Табага.

скаго и Верхоянскаго улусовъ и на сѣверо-западъ отъ Лены, мало и въ тундрѣ. На южномъ плоскогоріи они разсѣяны болѣе равномѣрно. Живутъ преимущественно въ горныхъ падяхъ и на откосахъ горъ. Лѣтомъ поднимаются выше на горы, зимою спускаются въ долины рѣкъ, гдѣ особенно любятъ острова, поросшіе тальниковыми рощами [1]). Кромѣ того они періодически перекочевываютъ изъ одной мѣстности въ другую, иначе нельзя объяснить то неожиданное ихъ появленіе, то совершенное ихъ исчезновеніе. Въ Верхоянскѣ 1884 годъ былъ чрезвычайно обильный зайцами; собственники нѣсколькихъ десятковъ петель носили добычу каждый день, между тѣмъ, какъ два года раньше тамъ же, на 100 петель въ продолженіи недѣли попадались иногда только одинъ, два зайца. Жителямъ хорошо извѣстна эта періодичность, они говорятъ, что заячьи годы считаются черезъ 10 лѣтъ.

Заячій мѣхъ, вполнѣ заслужено, считается у якутовъ самымъ теплымъ; онъ дешевъ и больше другихъ въ употребленіи. Заячье одѣяло имѣется у самаго бѣднаго якута; безъ него немыслимы ночевки зимою въ снѣгу подъ открытымъ небомъ; даже въ юртѣ, при томъ пониженіи температуры, какая въ ней бываетъ каждую ночь къ утру,—заячье одѣяло единственное спасеніе отъ ревматизма. Якуты считаютъ зайца всеяднымъ, они увѣряютъ, что зимою онъ не прочь отвѣдать рыбы, оставленной на складѣ рыбаками въ лѣсу, и будто не брезгаетъ и падалью. Въ 1883 г., въ Колым. ул. мнѣ многократно показывали, въ доказательство сказаннаго, многочисленные заячьи слѣды около труповъ павшихъ въ дорогѣ животныхъ и особый слѣдъ зубовъ на мясѣ, обглоданномъ горностаями и волками. Шкурка заячья стоитъ отъ 5 до 10 коп.

Хищныя.

Лисица (canis vulpes) «сасылъ». Лисій мѣхъ искони причисляется якутами къ благороднымъ мѣхамъ и, повидимому, охота за лисицами составляла всегда видное мѣсто въ якутскомъ промыслѣ. У нихъ до сихъ поръ сохранилась, ими только практикуемая здѣсь, охота на лисицъ верхомъ на лошади съ собаками, очевидно вывезенная изъ дальнихъ степей.

Лисица идетъ вслѣдъ за зайцемъ, она тоже кочуетъ и періодически то появляется, то исчезаетъ въ данной мѣстности. Впрочемъ, лисицы водятся и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ зайцевъ нѣтъ совсѣмъ или очень мало; тамъ добычей имъ служатъ куропатки, тетерева, рябцы и проч. Лисица живетъ по всему краю, исключая высокія и скалистыя

[1]) Здѣсь ихъ иногда застигаетъ весенній разливъ, тогда промышленники на небольшихъ незаливаемыхъ бугоркахъ, гдѣ они спасаются, бьютъ ихъ безъ труда изъ ружья и даже палками.

мѣста. Вотъ ея виды: *Лисица красная* «кисиль сасылъ»; *лисица пестрая* (сиводушка) «кёрёмёсъ сасылъ»; *лисица чернобурая* «хара сасылъ» и пр. Эти виды дѣлятся на массу оттѣнковъ: искристая, голубая, сѣдая...

Промышляютъ якуты лисицъ только осенью и зимою; ставятъ на нихъ капканы, луки, пасти. Иногда лисицы попадаютъ въ петли, поставленныя на зайцевъ, но рѣдко въ нихъ гибнутъ, такъ какъ коромысло не достаточно быстро поднимаетъ ихъ тяжесть. Лисица ѣстъ все: рыбу, мясо, ягоды, коренья, даже трупы своихъ сестеръ, попавшихъ въ ловушки. На сѣверѣ она далеко не рѣдкость; я нѣсколько разъ видѣлъ ее вблизи жилищъ, а разъ она пробѣжала на нашихъ глазахъ черезъ дворъ юрты. Ее легко принять за якутскую собаку, особенно болѣе темные виды ея, которые къ тому же и крупнѣе. Шкура красной лисицы на сѣверѣ служитъ мѣновой единицей; она оцѣнивается отъ 2 до 5 рублей; отъ 6 до 15 р. сиводушка и отъ 25 до 50 р. и болѣе—чернобурая. Мнѣ показывали очень красивыя, совершенно черныя шкурки съ легкой просѣдью, заплаченныя по 120 руб. каждая, на мѣстѣ.

Песецъ (canis lagopus) «кырса». На южномъ плоскогоріи вовсе не водится; на сѣверномъ, за родину его нужно принять тундру и притундренную полосу криволѣсья, куда онъ забредаетъ только зимою. Миддендорфъ полагаетъ, что на западъ отъ Лены, граница его зимнихъ набѣговъ простирается до 68° с. ш., на востокъ отъ Лены онъ заходитъ не дальше той же широты, а въ гористыя мѣста никогда не заходитъ даже въ болѣе сѣверныхъ широтахъ. Маакъ говоритъ, что песцы забѣгаютъ на Вилюй и Чону, но это очень рѣдкіе случаи. По количеству добываемыхъ шкурокъ песецъ стоитъ послѣ лисицы во главѣ пушныхъ промысловыхъ якутскихъ звѣрей. Песцовыя шкурки цѣнятся по времени промысла (норникъ, недопесокъ, песецъ), и по сорту (бѣлый песецъ, пестрый, голубой) отъ 30 коп. до 7 руб. Самый дорогой и вмѣстѣ съ тѣмъ крупный—песецъ голубой, не уступающій величиною средней лисицѣ.

Волкъ (canis lupus) «бёрё». Мѣхъ этого животнаго и само оно почитаются якутами; въ сказкахъ и былинахъ часто упоминается мѣхъ изъ волчьихъ лапъ съ чорными полосками. Объ одномъ богатырѣ говорится, что онъ «пошелъ вести самца (сохатаго) за носъ, медвѣдя за ножную щетку, за ноздри — изъ волковъ лучшаго, съ черными полосками на переднихъ лапахъ» (Худяк., стр. 74). Волка промышляютъ исключительно луками (самострѣлами), да кладутъ отраву: сулему или другой ядъ. Волка, на Амгинско-Ленскомъ плоскогоріи, въ населенныхъ улусахъ Якутскаго округа — нѣтъ; въ тундрѣ и вообще на сѣверномъ плоскогоріи его много, особенно тамъ, гдѣ водятся стада дикихъ и домаш-

нихъ сѣверныхъ оленей, среди которыхъ онъ производитъ большія опустошенія. На домашній скотъ, коровъ и лошадей, волкъ нападаетъ здѣсь чрезвычайно рѣдко, даже тамъ, гдѣ онъ водится; я не знаю ни одного случая такого нападенія [1]). Волкъ считается однимъ изъ шаманскихъ животныхъ и поминается въ заклинаніяхъ. На Вилюѣ волковъ мало. Въ Колымскомъ и Верхоянскомъ округахъ ихъ довольно. По тундрѣ волки рыщутъ большими стадами, но въ лѣсахъ охотятся больше въ одиночку.

Въ стаи свыше 10 штукъ собираются рѣдко; подобную стаю я видѣлъ всего одинъ разъ, весною, въ концѣ марта, на озерѣ Калгынъ, между Индигиркой и Алазеемъ (по почтовому тракту).

Рысь (felis lynx) «бэдэръ или ись» въ большомъ почтеніи у якутовъ; мѣхъ ея высоко цѣнится, какъ украшеніе и употребляется, какъ оторочка для шапокъ и шубъ; рысій мѣхъ доставляютъ якутамъ купцы съ юга. Въ Якутской обл. рысь встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Маакъ перечисляетъ всего нѣсколько случаевъ за многіе годы, когда рысь была убита въ различныхъ мѣстностяхъ Якутской области.

Россомаха (gulo borealis) «сіэгенъ». Встрѣчается чаще рыси; мнѣ разсказывали, что лѣтъ 7 назадъ убили россомаху въ Намск. ул., около Камыстахской церкви [2]); по словамъ Миддендорфа россомаха проникаетъ иногда до 72° с. ш. Нѣкогда она встрѣчалась довольно часто въ Якутской обл. и причиняла большой вредъ домашнимъ оленямъ. Охотятся на нее съ ружьемъ и собаками, преслѣдуя верхомъ на лошади.

Барсукъ (meles taxus), встрѣчался раньше по Витиму и Ленѣ южнѣе ихъ сліянія, чаще всего около слюдяныхъ копей.

Выдра (lutra vulgaris) «ыты» очень рѣдко попадается и только на южномъ плоскогоріи. Я не встрѣтилъ якута, который-бы видѣлъ ее, а разсказывали мнѣ о ней, «что есть будто-бы» (баръ юсью).

Горностай (mustela erminea) «кырнасъ, белеляхъ». Это самый распространенный изъ промысловыхъ звѣрьковъ. Живетъ онъ по всей странѣ, въ горахъ, на плоскогоріяхъ и среди тундры. Среди него тоже замѣчательна то прибыль, то убыль, зависящая, вѣроятно, отъ количества пищи. Зимою онъ подходитъ къ жилищамъ людей, забирается въ амбары, ѣстъ и

---

[1]) Нужно думать, что не всегда такъ было; вотъ что говоритъ по этому поводу Врангель въ 20-хъ годахъ о Колымскомъ краѣ: «Августа 22-го холодный, рѣзкій NW нагналъ сильный снѣгъ, которымъ погубило несобранное въ копны сѣно и внезапно превратило лѣто въ зиму. Несчастные жители лишились большой части запасовъ пріобрѣтенныхъ тягостными трудами. Къ тому присоединилась сильная стужа, озера замерзли, изъ лѣсовъ вышло *множество волковъ и въ одинъ мѣсяцъ задушили они 80 коровъ*... (Часть II стр. 70).

[2]) Въ 80 верстахъ отъ г. Якутска, на сѣверъ, въ долинѣ Лены.

таскаетъ мясо и рыбу. Ловятъ его особыми хлопушами — капканами («чырканъ»—мышеловка). Это хищный, смѣлый и любопытный звѣрекъ. Раздраженный, онъ нападаетъ даже на людей, и были случаи сильнаго пораненія горностаемъ, такъ какъ онъ наровитъ прокусить кровеносные сосуды на шеѣ, куда онъ взбирается чрезвычайно быстро и ловко. Шкурка горностая цѣнится отъ 2 до 5 коп. Она употребляется, какъ самая мелкая мѣновая монета.

Ласка (mustela vulgaris) «*мунгуръ*»—встрѣчается рѣже горностая, но цѣнится ниже. Также, какъ и первый, забирается зимою въ амбары.

Видѣлъ я тоже разъ *колонка* (mustela sibirica) «*солонгдо*» по тунгуски—*холонгго*, забравшагося въ амбаръ. Вообще звѣрекъ этотъ рѣдокъ и шкурка его цѣнится 1 рубль.

Купцы, ѣздившіе изъ Нижне-Колымска и Анадыря, показывали мнѣ шкурки *черныхъ куницъ*, «каменныхъ», какъ они ихъ называли, но якуты не знаютъ этого звѣрька. Стоимость его шкурки отъ 4 до 6 рублей на мѣстѣ.

Соболь (mustela zibellina) «кись, сарба». Нѣкогда встрѣчался во всей странѣ. Теперь, за исключеніемъ Витима, нѣтъ его нигдѣ. Раньше всего изчезъ на Амгинско-Ленскомъ плоскогоріи, гдѣ его уже не было до пришествія русскихъ. Главная масса якутскихъ соболей добывалась въ то время на Оленёкѣ, Анабарѣ, Колымѣ, Анадырѣ, также по Алдану, Витиму и Олёкмѣ. Теперь о пребываніи тамъ соболя остались только легенды. «Здѣсь когда-то соболя было столько, что во дворъ къ людямъ забѣгали», говорили мнѣ Колымскіе якуты (Колым. ул., 1883 г.). Ясакъ съ якутовъ взимался соболями и доходилъ до 9 соболей *съ лука* (промышленника). Отдѣльнымъ промышленникамъ, въ урожайные годы удавалось за зиму добыть до 100 штукъ [1]). Охотились за соболями на лошади и пѣшкомъ съ собаками; собака загоняла звѣря на дерево, гдѣ его убивали изъ винтовки или лука. Въ силки соболь попадалъ рѣдко. Лучшими соболями всегда, какъ и въ настоящее время, считались витимскіе. Теперь якуты очень мало промышляютъ соболей, большая часть обращающихся въ торговлѣ добыта тунгусами.

Медвѣдь (ursus arctos) «эсе» (дѣдъ)—нѣкогда водился тоже во всей странѣ. Теперь встрѣчается только въ пустынныхъ мѣстностяхъ, на предгорьяхъ, въ глухихъ, мало населенныхъ округахъ. Любимыя мѣста его: долины рѣкъ и горныя пади; среди озеръ бродитъ неохотно. На Амгинско-Ленскомъ плоскогоріи нѣтъ его совсѣмъ и заходитъ туда только случайно.

[1]) Въ настоящее время упромыслить такое количество, хотя-бы бѣлки, удается довольно рѣдко.

Въ Олёкминскомъ, Колымскомъ, Верхоянскомъ и Вилюйскомъ округахъ встрѣчается мѣстами даже вблизи человѣческихъ жилищъ, но тамъ же есть мѣста совершенно пустынныя, гдѣ его почему то нѣтъ. Отмѣчаютъ два его вида: бурый и черный. Черный меньше, но считается злѣе. Вообще, здѣшніе медвѣди, уступая по величинѣ и количеству байкальскимъ, злѣе послѣднихъ. Они нападаютъ не только на рогатый скотъ, какъ байкальскіе, но и на лошадей, даже на людей, чего почти не бываетъ въ Прибайкальи [1]).

Ложатся медвѣди въ сентябрѣ и въ первыхъ числахъ октября; встаютъ, по показаніямъ якутовъ, въ началѣ мая (на Николу); я же видѣлъ въ Верхоянскихъ горахъ медвѣжьи слѣды въ апрѣлѣ. Охотятся якуты за медвѣдями по преимуществу въ берлогѣ и ставятъ на нихъ западни съ приманкой (кулема). Маакъ говоритъ, что на Вилюѣ, выше Сунтара, до Чоны якуты, случалось, убивали отъ 15 до 20 медвѣдей ежегодно. Такой промыселъ нужно считать обильнымъ.

Шкура медвѣдя стоитъ на мѣстѣ отъ 8 до 20 рублей. Бѣлаго медвѣдя якуты знаютъ только по наслышкѣ, зовутъ его «юрюнгъ эсе», что значитъ «бѣлый дѣдъ». Медвѣдя якуты очень боятся, почитаютъ и величаютъ «княземъ звѣрей». Они думаютъ, что медвѣдь происходитъ отъ человѣка «оборотня» (Верх. ул., 1880 г.). Избѣгаютъ называть его по

---

[1]) Я знаю нѣсколько случаевъ нападенія якутскаго медвѣдя на человѣка безъ всякаго повода. Въ 1886 г. въ августѣ, урочище Эбэ въ III Баягантайскомъ улусѣ подверглось необычному нашествію медвѣдей. Говорили, что ихъ пригнали снѣга, рано выпавшіе въ Верхоянскихъ горахъ, другіе говорили, что это вилюйскіе (кокуйскіе) медвѣди, выгнанные изъ своихъ мѣстъ лѣснымъ пожаромъ. Такъ или иначе, но медвѣдей оказалось такъ много, и продѣлки ихъ были такъ дерзки, что навели панику на населеніе. Всюду, по цѣлымъ ночамъ жгли огни, люди ходили вооруженными и по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, женщины боялись ночами выходить изъ юртъ безъ провожатыхъ. Медвѣди рвали скотъ, забирались въ оставленныя юрты, въ молочные погреба, въ амбары. Одного медвѣдя такъ и убили въ погребѣ, куда онъ залѣзъ и, наѣвшись масла и молока, уснулъ. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ показывали слѣды его пребыванія въ пустой юртѣ, куда онъ забрался черезъ окошко, величиною *въ одинъ квад. футъ*, а вышелъ черезъ дверь, выбивши ее. Якуты ничего не предпринимали и только когда медвѣдь съѣлъ человѣка, а на другого напалъ, устроили общую облаву и въ нѣсколько дней убили восемь медвѣдей. При мнѣ же имѣлъ мѣсто другой случай нападенія медвѣдя на человѣка, въ Колымскомъ улусѣ, гдѣ медвѣдь взялъ *со двора* якутскаго мальчика 9-ти лѣтъ. Въ томъ же Кол. ул. медвѣдица съ пестуномъ остановила учителя П. Рѣшетникова, который спасся отъ нихъ только меткимъ выстрѣламъ, убивши всѣхъ троихъ. Подобныхъ примѣровъ, можно-бы привести много, хотя параллельно существуетъ масса случаевъ, доказывающихъ добродушіе этого звѣря. На Колымѣ, безоружныя бабы и рыбаки часто натыкаются на лежащихъ по берегу медвѣдей и спокойно проходятъ мимо. Въ 1885 г. два медвѣдя повадились ходить на берегъ Колымы, какъ разъ противъ города Сред. Колымска, но никого не трогали и скота не преслѣдовали. Такіе же два медвѣдя издавна бродятъ въ окрестностяхъ Верхоянска; ихъ много разъ видѣли въ мое пребываніе въ этомъ городѣ, но и они не трогали ни людей, ни скота. Въ Колымскомъ краѣ медвѣди охотнѣе всего осматриваютъ сѣти, верши и грабятъ рыбные амбары.

имени и во всякой мѣстности есть для него особыя гадательныя прозвища: «хара»—чорный, «тоёнъ»—господинъ, «кокъ» (?), и т. п. Въ сказкахъ онъ играетъ не малую роль, да кромѣ того про него разсказываютъ массу анекдотовъ, доказывающихъ его умъ, благородство, хитрость или кровожадность.

Жвачныя.

Кабарга мускусная (moschus moschiferus) «мёкчёнгё, сайга или мэчикй»—попадается на Ленѣ, даже сѣвернѣе Олёкмы, но мало. Въ Верхоянскъ тунгусы привозили кабарговую струю, добытую, по ихъ увѣреніямъ, въ Верхоянскихъ горахъ.

Косуля (cervus capreolus и c. pygargus) «туртасъ». На Ленѣ, ниже Олёкминска не встрѣчается. По Витиму и окрестностямъ Мачи ее много.

Каменный баранъ (aegoceros argaliovis nivicola) «чуббуку» водится въ неприступныхъ мѣстахъ внутренняго горнаго пояса. Любитъ самыя высокія сопки и гольцы, гдѣ часто можно видѣть сторожевые ихъ пикеты. Тунгусы ихъ много убиваютъ. Огромные рога, достигающіе иногда пуда вѣса, употребляются тунгусами и якутами на подѣлки.

Лось (cervus alces) «таяхъ, улукылъ» (большой звѣрь), «ынахъ» (корова). Когда-то встрѣчался во всей странѣ на плоскогоріяхъ. Теперь изрѣдка попадается въ глухихъ мѣстахъ. Спеціально лосинаго промысла у якутовъ нѣтъ и никогда не было.

Сѣверный олень (cervus tarandus). Для того, чтобы считаться промысловымъ звѣремъ, водится его достаточно только въ Колымскомъ округѣ, да въ сѣверной части Верхоянскаго, на Ленѣ, Оленёкѣ, Анабарѣ, Хатангѣ и проч. На южномъ плоскогоріи еще охотятся за нимъ весною на лыжахъ, но водится его тамъ мало. Объ огромныхъ стадахъ дикихъ оленей, тысячными табунами кочевавшихъ съ сѣвера на югъ осенью и промышляемыхъ якутами и тунгусами при переправахъ черезъ рѣки, какъ это описываютъ путешественники конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія, остались только преданія. Теперь дикіе олени встрѣчаются въ одиночку или небольшими стадами, главнымъ образомъ въ горахъ и предгорьяхъ, куда спускаются лѣтомъ на луга, мѣняя на это время мохъ на злаки и водоросли. Дикій олень отличается отъ домашняго болѣе темной шерстью. Онъ мнѣ показался стройнымъ и высокимъ; по крайней мѣрѣ тотъ самецъ, котораго я имѣлъ возможность разглядѣть на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, складомъ тѣла напоминалъ скорѣе настоящаго оленя (c. elaphus).

[1]) Эта встрѣча случилась въ 1882 г. по дорогѣ изъ Устьянска въ Верхоянскъ, на берегу одного горнаго озера (Сордапахъ); звѣрь, испуганный нами, выскочилъ изъ подъ берего-

Въ сентябрѣ и октябрѣ мясо оленя бываетъ самое вкусное; тогда же и мѣхъ его считается лучшимъ; его мѣхъ считается теплѣе мѣха домашняго оленя; на мѣстѣ шкура дикаго оленя стоитъ отъ 1 рубля до 2 р. 50 к. Якуты промышляютъ ихъ изъ винтовокъ, да ставятъ на нихъ луки-самострѣлы. Ямами якуты не промышляютъ никакого звѣря.

Домашнія животныя.

Рис. 12.

Собака.

Среди собакъ, встрѣчающихся у якутовъ, можно отмѣтить слѣдующія породы: а) собственно *якутскую*, сторожевую и промысловую собаку; б) собаку *приморскую*, ѣздовую и в) собаку *подгородную*—помѣсь якутской и всевозможныхъ породъ, привезенныхъ изъ Россіи купцами и чиновниками. Конечно, дѣленіе это самое грубое и поверхностное.

Опытъ научнаго описанія якутской собаки сдѣланъ пока только Миддендорфомъ. Хотя за объектъ изслѣдованія онъ взялъ тунгускую шавку изъ верховьевъ Силимджи, тѣмъ не менѣе всякій, видѣвшій якутскихъ собакъ, сразу признаетъ тождество ихъ съ описаніемъ и рисункомъ.

По опредѣленію Миддендорфа собака эта принадлежитъ къ породѣ *шпицовъ*. Ростомъ она рѣдко выше $1^1/_2$—2-хъ футовъ и рѣдко длиннѣе 2—$2^1/_2$ футовъ. Она поджара, на относительно высокихъ и тонкихъ ногахъ. У нея острая морда, стоячія остроконечныя, подвижныя уши и длинный, пушистый хвостъ. Въ радостномъ, возбужденномъ состояніи она этотъ хвостъ закручиваетъ вверхъ, налѣво трубою, озадаченная или испуганная—распускаетъ его и волочитъ по лисьи. Голова у нея небольшая, лобъ малъ. Цвѣта она по большей части однообразнаго, темнаго или сѣраго, свѣтлѣющаго постепенно къ низу на бокахъ и совер-

---

вого обвала, гдѣ въ тѣни спасался отъ комаровъ. Мы наѣхали на него вплотную. Олени, застигнутые въ такихъ мѣстахъ, нерѣдко бросаются вплавь и захлебываются съ испугу. Колымскіе якуты промышляютъ оленей осенью на озерахъ, выжидая ихъ темной ночью тамъ, гдѣ ростутъ ихъ любимыя водоросли; замѣтивши звѣря, осторожно подплываютъ къ нему на душегубкѣ и колятъ легкимъ копьемъ (поколюгой).

шенно свѣтлаго на груди и брюхѣ; масть рыжая, желтая или пятнистая встрѣчается относительно рѣдко. Шерсть мѣха густая, длинная, прямая, блестящая, жестче на ощупь лисьей, но мягче волчьей. По характеру подпушка и распредѣленію ости мѣха, а главное по строенію тѣла, по всей внѣшности, и характеру, якутская собака занимаетъ несомнѣнно середину между лисицей и волкомъ. Миддендорфъ, отмѣтивъ это, ставитъ ихъ все таки ближе всего къ шакало-волчьимъ ублюдкамъ.

Движенія якутской собаки проворны: она легко дѣлаетъ крупные, внезапные прыжки, побѣжка ея отличается плавностью и твердостью; обоняніе у нея повидимому не особенно развито; на охотѣ, можно замѣтить, что она больше довѣряетъ своему слуху и зрѣнію. Зрѣніе у нея прекрасно. Глаза небольшіе, расположенные недалеко другъ отъ друга, кажутся немного косыми, окрашены они въ желтый или изъ-желта-карій, прозрачный цвѣтъ; зрачекъ большой и подвижной; глаза легко воспламеняются при видѣ добычи или отъ ярости, и тогда горятъ даже въ темнотѣ, точно уголья. Видъ у собаки хищный, особенно, когда настороживъ уши и распустивъ хвостъ, она всматривается вдаль, готовая туда броситься. Тѣмъ не менѣе она далеко не свирѣпа; чрезвычайно рѣдко кусаетъ людей, легко робѣетъ и охотно слушается приказаній, конечно, если ихъ понимаетъ [1]). Любитъ ласкаться, не лишена смышленности, хотя кажется подчасъ тупой, благодаря заброшенности, въ которой воспитывается у якутовъ. Лишенія дѣлаютъ ее унылой и равнодушной. Отъ природы она весела и чутка, хотя можетъ быть и менѣе бдительна, чѣмъ наши деревенскія собаки. Послѣднее лучше всего можно замѣтить на сытыхъ, живущихъ въ холѣ, якутскихъ собакахъ. Лѣтомъ якутская собака мало живетъ дома, она все рыщетъ по окрестностямъ, отыскивая добычу; она прекрасно выслѣживаетъ и ловитъ зайцевъ, овражекъ, крысъ и другихъ мелкихъ четвероногихъ, а также умѣло разыскиваетъ гнѣзда съ яйцами и хватаетъ молодыхъ птицъ. Дома она круглый годъ ничего не получаетъ, за исключеніемъ *человѣческаго кала*, и только благодаря способности сильно жирѣть за лѣто и затѣмъ жить зимою на счетъ этого жиру, она не гибнетъ съ голоду. Вѣчно голодныя, онѣ, случается, до того промерзаютъ въ морозы, что, впущенныя въ избу, пока согрѣются, дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ и жалобно визжатъ. Впрочемъ, въ самыя сильныя стужи якуты позволяютъ имъ все время проводить

[1]) Знаю случаи, когда обыкновенная якутская собака выучивалась носить поноску, бросалась за ней даже въ воду, носила убитую птицу, разыскивала спрятанные въ комнатѣ предметы, и даже, посланная самостоятельно, находила, оставленные на мѣстѣ прогулки, потери: платокъ, палку, связку ключей.

въ избахъ. Тамъ онѣ вступаютъ въ большую дружбу съ ребятишками, отъ которыхъ пользуются крохами пищи и съ тѣлецъ которыхъ жадно слизываютъ грязь и калъ. Вотъ все, чѣмъ пользуются якутскія собаки отъ человѣка; связь ея съ нимъ самая слабая и носитъ какой-то весьма древній характеръ, чуть-ли самаго начала ихъ взаимнаго знакомства. Считаю нужнымъ отмѣтить, что рѣдкая якутская собака не страдаетъ солитеромъ и глистами; есть среди нихъ замѣчательно болѣзненныя субъекты, нервные и припадочные, но не смотря на сильный лѣтній зной, я, за всѣ двѣнадцать лѣтъ, не знаю ни одного случая *собачьяго бѣшенства* (водобоязни).

Приморскія ѣздовыя собаки. Онѣ крупнѣе ростомъ, и, судя по ихъ складу, нужно думать, составляютъ или особую породу или помѣсь нѣсколькихъ породъ, а въ томъ числѣ и якутской. Внѣшностью онѣ сильно напоминаютъ волка; онѣ не лаютъ, а воютъ и тявкаютъ. Собственно и якутскія дворовыя собаки тоже плохо лаютъ, но все таки лучше ѣздовыхъ.

Лучшими ѣздовыми собаками считаются въ настоящее время индигирскія. Цѣна собаки въ этой мѣстности колеблется отъ 6 до 15 руб. сер., а передовой отъ 25 до 60 руб. сер. И въ другихъ мѣстностяхъ якутскаго морскаго прибрежья она держится въ этихъ цифрахъ. Способъ запряжки, пріемы, даже названія частей упряжи всюду одинаковы на востокъ отъ устьевъ Енисея. Въ Западной Сибири они другіе, и собаки тамъ другія; по крайней мѣрѣ тѣ остяцкія собаки, которыхъ я видѣлъ на Оби, сильно отличались отъ индигирскихъ и колымскихъ собакъ; еще больше отличаются отъ нихъ собаки *амурскія.* Это дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что ѣздовыя собаки якутскаго прибрежья родомъ съ востока, можетъ быть изъ Америки. То обстоятельство, что русскіе застали здѣсь ѣздовыхъ собакъ только на востокъ отъ Лены, у юкагирей и чукчей, подтверждаетъ это предположеніе [1]).

Въ Западной Сибири упряжъ очень странная; шлея надѣвается на туловище передъ подвздошной костью, и ремень отъ нея пропускается между ногами животнаго, такъ что оно тащитъ тазомъ. Восточно-сибирская упряжъ—грудная: шлея надѣвается на грудь собаки и ремни отъ нея идутъ по бокамъ животнаго къ «*алыку*» (тяжевой ремень, замѣняю-

[1]) Я склоненъ думать, что ѣздовыхъ собакъ русскіе застали только у чукчей чукотскаго полуострова; юкагири были оленеводы; якуты и юкагири обзавелись собаками впослѣдствіи при посредствѣ русскихъ и отъ нихъ позаимствовали названіе упряжи, ея форму и способы обращенія съ ѣздовыми собаками.

щій дышло). На собаку въ дорогу полагается отъ 2 до $2^1/_2$ пудовъ тяжести. Полная запряжка считается: двѣнадцать собакъ и тринадцатая «передовая». Кормятъ собакъ въ дорогѣ сырой, мерзлой или вяленой, сухой рыбой; дома кормъ варятъ. Хлѣба якутскія собаки не ѣдятъ, какъбы онѣ ни были голодны, понюхавши его, онѣ совершенно равнодушно отходятъ въ сторону, точно это камень. Между тѣмъ онѣ ѣдятъ бруснику, голубицу, смородину, обгрызая ихъ прямо съ кустовъ; ѣдятъ какія-то травы и коренья. Впрочемъ, ихъ не трудно пріучить и къ хлѣбу, подмѣшивая, вначалѣ въ небольшихъ количествахъ, муку къ рыбной похлебкѣ. Для запряжки изъ 12-ти собакъ полагается въ сутки отъ 50 до 70 сельдей, смотря по работѣ и степени «сытости» (откормленности) животныхъ. Жирныхъ собакъ якуты по осени передъ началомъ ѣзды обязательно тренируютъ и «вывязываютъ». Въ дорогѣ вначалѣ, пока онѣ не привыкнутъ, даютъ каждыя 5 верстъ роздыхъ. Обучаютъ молодыхъ собакъ, запрягая съ опытными; лучшихъ собакъ запрягаютъ впереди; «передовая» должна быть самая смышленая и обученая.

На хорошихъ собакахъ можно совершать длинныя путешествія въ нѣсколько тысячъ верстъ [1]), но ѣдутъ тогда не быстро. На короткихъ разстояніяхъ весною, по убитой, ровной дорогѣ на 12 собакахъ съ 20 пудами клади можно проѣхать въ сутки отъ 150 до 200 верстъ; обыкновенная ѣзда не превосходитъ 60—70 вер., а по плохой дорогѣ ѣдутъ не больше 40 или 30 верстъ въ сутки.

Ѣзда на собакахъ очень непріятна, ввиду постоянной вонючей отрыжки и испражненій животныхъ набѣгу.

Послѣ дороги, усталыхъ собакъ якуты передъ кормленіемъ обязательно «выдерживаютъ»; тощихъ-же, безсильныхъ собакъ кормятъ даже въ пути, во время короткихъ отдыховъ. Если корма въ дорогѣ не хватило, то ѣдутъ безостановочно до полнаго истощенія силъ и ни въ какомъ случаѣ не даютъ собакамъ спать, такъ какъ, говорятъ, что отъ этого «у нихъ деревенѣютъ ноги». Въ сильные морозы на заднія ноги и мошонку надѣваютъ собакамъ родъ штановъ; весною «въ настъ» во избѣжаніе подбоя, на лапки надѣваютъ имъ кожаные башмачки. Когда въ пургу приходится пережидать мятель въ чистой тундрѣ, то «*каюръ*» (ямщикъ) часто долженъ вылѣзать изъ подъ нарты, гдѣ обыкновенно укрываются въ то время люди подъ пологомъ изъ кожъ, чтобы отряхать и отгребать собакъ изъ подъ снѣга; иначе не добыть ихъ впослѣдствіи оттуда, а сами онѣ лежатъ, все время свернувшись неподвижно. Робкія и смирныя отъ природы, въ упряжи здѣшнія собаки свирѣпѣютъ; онѣ часто дерутся между собою, набрасываются стрѣ-

[1]) Извѣстный мнѣ максимумъ—2000 верстъ.

мительно на такого опаснаго противника, какъ бѣлый медвѣдь, а набѣжавъ нечаянно на корову, лошадь или оленя, разрываютъ ихъ мгновенно. Знаю случаи, когда даже люди были принуждены спасаться передъ ними на деревья. *Каюръ*, если раньше не увидѣлъ опасности и не принялъ мѣръ, рѣдко съ ними можетъ справиться въ такіе моменты. На меня самаго разъ набросилась свора собакъ и порвала на мнѣ платье, когда я неосторожно подошелъ къ нартѣ въ отсутствіе хозяина, не замѣтивши, спавшихъ въ снѣгу, животныхъ. Во время голода, когда весною ихъ почти не кормятъ, онѣ тоже опасны; тогда онѣ собираются стаями, бродятъ далеко за нѣсколько десятковъ верстъ по окрестностямъ, рвутъ встрѣченныхъ оленей, коровъ и лошадей, но на людей, сколько мнѣ извѣстно, не бросаются; достаточно грознаго окрика или взмаха палкой, чтобы разогнать цѣлое ихъ стадо. Разъ только, къ великому удивленію якутовъ, онѣ окружили и чуть не разорвали въ Устьянскѣ пріѣзжаго русскаго, вышедшаго погулять за деревню. «Этого не бываетъ! Этого наши собаки не сдѣлаютъ... То есть, никакъ, чтобы хозяина съѣсть»! утверждали колымчане, когда я разсказывалъ имъ про случай съ американскимъ морскимъ офицеромъ въ 1882 году, унесеннымъ теченіемъ въ море на льдинѣ вмѣстѣ съ 12 собаками и повидимому съѣденнымъ ими [1]).

Ѣздовыя собаки страдаютъ иногда повальными болѣзнями, неизвѣстными у сторожевыхъ и промысловыхъ, какъ то: собачьимъ сапомъ и какой-то болѣзнею, похожей на бѣшенство: собаки становятся угрюмы, не ѣдятъ, кружатся на одномъ мѣстѣ и околѣваютъ въ судорогахъ. Онѣ кусаютъ въ это время другъ друга, и укушенная обязательно заболѣваетъ; людей онѣ не кусаютъ. Болѣзнь эту я наблюдалъ въ Средне-Колымскѣ въ 1883 году зимою, въ декабрѣ.

Въ 1821 и 23 годахъ собачій сапъ страшно разорилъ все прибрежное населеніе, уничтоживши большую часть собакъ на востокъ отъ Лены. Кромѣ того ѣздовыя собаки часто дохнутъ отъ изнуренія, отъ чахотки, болѣзни почекъ и проч... Средняя продолжительность жизни ѣздовой собаки здѣсь 10 лѣтъ; отъ 2 года до 6 лѣтъ собака считается самой сильной. Ѣздовыхъ собакъ якуты кастрируютъ.

Якуты, насколько я замѣтилъ, любятъ вообще крупныхъ, мохнатыхъ псовъ, а также такихъ, въ которыхъ замѣтна кровная примѣсь, собакъ съ большимъ лбомъ, толстыми мордами и лапами, съ висячими длинными ушами. За такихъ щенковъ, даже на югѣ, гдѣ не дорожатъ собаками, охотно платятъ деньги. Этотъ вкусъ несомнѣнно способствуетъ быстрому

[1]) Такъ заключаютъ по положенію тѣла, найденнаго впослѣдствіи (устное сообщеніе путешественника Гильдера).

распространенію *подгородныхъ*, южныхъ, европейскихъ собакъ даже въ глубинѣ страны, далеко отъ русскихъ центровъ и постепенной метисаціи якутскихъ шавокъ.

Домашній сѣверный олень.

Рис. 13. Тунгусскій всадникъ.

Воспитаніемъ домашнихъ оленей несомнѣнно занимались аборигены нѣкогда во всей этой странѣ. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Якутскаго округа, гдѣ оленя теперь совершенно нѣтъ, встрѣчаются кости его въ землѣ перемѣшанныя съ человѣческими костями и металлическими частями оленьей упряжи. Во многихъ мѣстностяхъ сохранились преданія, что тамъ когда-то водились домашніе олени. Укажу хотя-бы на долину Борогонской улусной управы, гдѣ кочевалъ до пришествія якутовъ тунгусъ Міоре съ многочисленными стадами, а также на долину Сунтарскаго озера, будто бы получившаго свое названіе отъ тунгусса Сунтаръ. «Тунгусы не знали другого скота, кромѣ оленей... Олени тунгусскій скотъ!» единогласно утверждаютъ преданія. Преданія утверждаютъ также, что якуты позаимствовали этихъ животныхъ у тунгусовъ.

Если въ настоящее время якутскіе олени отличаются отъ тунгусскихъ большимъ вѣсомъ и большей силой, то это слѣдуетъ приписать исключительно искуственному подбору и культурѣ.

«Наши олени самые крупные и крѣпкіе въ странѣ. Самые мелкіе и слабые—чукотскіе «каргинъ»; тунгусскіе олени—по серединѣ. Если на пару нашихъ можно грузить (на сани) 12—15 пудовъ, то на тунгусскіе—

10—12 пуд., а на чукотскіе—8—10»! говорили мнѣ не безъ гордости колымскіе якуты (Андылахъ, 1883 года). Чукотскихъ оленей, какъ ѣздовыхъ, якуты совершенно отрицаютъ и покупаютъ исключительно на мясо. Мяса въ «каргинъ» иногда всего $2^1/_2$—3 пуда, между тѣмъ, какъ въ якутскихъ оленяхъ соотвѣтственнаго возраста рѣдко бываетъ меньше 4 пудовъ, а случаются иногда особи въ $5^1/_2$ пудовъ чистаго мяса съ костями. Валовой вѣсъ якутскаго оленя съ внутренностями, рогами и кожей достигаетъ даже 10 пудовъ. Высота ихъ отъ земли до вершины холки не рѣдко равна 3—4 футамъ, а длина—$5^1/_2$—6 футамъ. Преобладающая масть рыжая или пестрая, бѣлыхъ мало. Домашніе олени, равно какъ всѣ здѣсь четвероногія, два раза въ году мѣняютъ шерсть: въ мартѣ начинаютъ сбрасывать зимнюю, въ концѣ октября начинаютъ снова обростать ею; рога они мѣняютъ зимою; у сильныхъ, жирныхъ особей вскорѣ (недѣли черезъ двѣ—три) послѣ потери старыхъ роговъ, начинаютъ расти новые, вначалѣ покрытые мягкой кожицей и полные крови. Якуты и тунгусы очень любятъ эту кожицу и эту кровь. Время потери и выростанія роговъ различно и зависитъ отъ степени тучности, силы и возраста оленя. Сильные, возмужалые олени сбрасываютъ рога въ декабрѣ, слабые — въ мартѣ и апрѣлѣ. Оленицы телятся въ маѣ; течка происходитъ у домашнихъ въ ноябрѣ. Тунгусы доятъ отелившихся самокъ; вначалѣ тѣ даютъ въ сутки до 4 чайныхъ чашекъ густаго, сладкаго молока, вкусомъ напоминающаго подслащенныя сливки. Молоко жирно, легко сгущается въ смѣтану, и безъ труда перерабатывается въ прекрасное масло. Тунгусы пьютъ оленье молоко съ чаемъ, но никакихъ консервовъ изъ него приготовлять не умѣютъ; они черезвычайно удивились, когда разъ на ихъ глазахъ, въ видѣ опыта, было изъ оленьяго молока приготовлено, такъ любимое ими, масло. Якуты совершенно не доятъ своихъ оленей, чему отчасти нужно приписать и большій ростъ и большую силу якутскихъ телятъ. Для ѣзды и возки тяжестей якуты употребляютъ оленей преимущественно въ упряжи; запрягаютъ ихъ точно такъ, какъ и чукчи: по парно, въ длинныя, легкія «нарты». Шлея у нихъ тоже похожа на чукотскую; только гужъ у чукчей на глухо прикрѣпленъ къ ножкамъ саней, а у якутовъ двигается свободно по обручу, соединяющему переда полозьевъ. Тунгусы употребляютъ сѣверныхъ оленей преимущественно подъ верхъ и подъ вьюки.

Въ сѣверныхъ округахъ Якутской области, у границы лѣса, гдѣ опыты разведенія коровъ и лошадей по тѣмъ или другимъ причинамъ, оказались неудачны, гдѣ у русскихъ въ домашнемъ быту господствуетъ собака, якуты, вообще недолюбливающіе собакъ, главнымъ образомъ обращаются къ оленеводству.

У нихъ тамъ больше оленей, чѣмъ у тунгусовъ. Есть богачи въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ, владѣющіе стадами въ нѣсколько тысячъ головъ. Обыкновенно стада эти раздроблены на части и разосланы въ предосторожность отъ падежа, въ разныя стороны, гдѣ пасутся подъ присмотромъ наемныхъ пастуховъ якутовъ и тунгусовъ. Для домашняго обихода, возки дровъ, доставки рыбы и снастей якуты держатъ въ этихъ мѣстностяхъ въ небольшомъ количествѣ собакъ. Оленей употребляютъ только для дальнихъ путешествій, для перевозки кладей, а также бьютъ на мясо.

Единственная особенность, которую якуты стремятся ввести въ образъ жизни присвоенныхъ ими оленей, это сокращеніе, даже устраненіе дальнихъ кочеваній. Стада ихъ обыкновенно зиму и лѣто бродятъ въ одной и той же мѣстности, въ раіонѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ кругомъ жилища. Чрезъ опредѣленное число дней, кто-либо изъ домашнихъ разыскиваетъ и провѣряетъ стадо, и гонитъ его ближе къ дому. Если вблизи появились волки, то на ночь къ стаду отряжаютъ дѣтей съ котлами и сковородами, ударяя въ которые, они отгоняютъ хищниковъ. Олени прекрасно сознаютъ опасность и, почуявъ непріятеля, стремглавъ бѣгутъ къ огню, не опасаясь шума. (Колымскій округъ, Андылахъ, 1883 г.). Лѣтомъ, вмѣсто того, чтобы угонять стада отъ комаровъ подобно тунгусамъ въ горныя долины или на берегъ моря, якуты пригоняютъ ихъ поближе къ дому или строятъ въ извѣстныхъ мѣстахъ крытые сараи, куда въ особенно комарные дни и жару прячутся животныя. Тамъ устроены окруженныя плетнями углубленія, гдѣ люди постоянно поддерживаютъ горящіе дымокуры. Животныя стоятъ въ дыму, понурыя, голодныя, иногда по цѣлымъ суткамъ, не смѣя выйти наружу. Они ужасно боятся укушенія всякаго овода; комары изъѣдаютъ ихъ, не смотря на густой и длинный мѣхъ, до ранъ. Они забираются въ этотъ мѣхъ и оттуда даже сильный вѣтеръ не въ состояніи ихъ выгнать. Помогаетъ только дымъ или вода и къ обоимъ этимъ средствамъ охотно прибѣгаютъ олени. Если нѣтъ дыма, они по шею залезаютъ въ воду.

Оленьяго моха во всей Якутской области, а особенно въ сѣверныхъ ея частяхъ, такъ много, что зимою даже довольно крупныя стада могутъ не кочевать и не испытывать недостатка въ пищѣ. Въ болѣе густо населенныхъ мѣстностяхъ такія кормовища изъ году въ годъ уменьшаются, уничтожаемыя пожарами. Лѣтомъ олени не ѣдятъ моха, а предпочитаютъ травы, водоросли и особенно: листья и вѣтки березы, тополя, осины. Любовь оленей къ соли и грибамъ общеизвѣстна. Они очень усердно посѣщаютъ лѣтомъ солонцы (туранъ), а зимою отыскиваютъ около жилищъ

снѣгъ облитый человѣческой мочею, остатки соленой рыбы, пропитанныя потомъ тряпки, и проч. Очень охотно они пожираютъ также рыбную шелуху и цѣлыхъ мерзлыхъ рыбъ, даже несоленыхъ, а Миддендорфъ описываетъ, какъ они съ удовольствіемъ ловили и ѣли мышей. Несмотря на такую неразборчивость, извѣстные мнѣ опыты якутовъ пріучить сѣверныхъ оленей къ сѣну, оказались неудачны. О сборѣ въ запасъ оленьяго моха, якуты еще не подумали и даже подсмѣивались надъ моими совѣтами попробовать дѣлать нѣчто такое.

Якутовъ сильно въ оленеводствѣ стѣсняютъ съ одной стороны привычка жить въ постоянныхъ деревянныхъ домахъ, съ другой—необходимость постоянныхъ перекочевокъ оленевода.

Долгане, принявшіе тунгусскій образъ жизни, кочуютъ со стадами; стада ихъ, впрочемъ, значительно меньше стадъ колымскихъ, янскихъ и оленёкскихъ якутовъ. Якуты вилюйскіе и алданскіе оленеводствомъ не занимаются, а пріобрѣтаютъ оленей у тунгусовъ, исключительно почти для перепродажи.

Кромѣ указанныхъ мною выше легкихъ уклоненій, въ ростѣ и цвѣтѣ, я не замѣтилъ у якутскаго сѣвернаго оленя никакихъ отличій отъ тунгусскаго или чукоцкаго. По характеру онъ также смиренъ, терпѣливъ и покоренъ, также остороженъ и находчивъ, и, въ пути, на болотахъ, на переправахъ черезъ быстрыя рѣчки, на горахъ, незамѣнимъ, благодаря твердости поступи, ловкости, легкости и особому устройству своей многокопытной ступни, способной широко разтопыриваться, и подбитой снизу толстыми подушками-мозолями, точь въ точь, какъ у верблюда. Подъ вьюками олень въ состояніи нести не больше трехъ пудовъ; въ санѣхъ пара ихъ легко везетъ 15 пудовъ.

Попытки приручить дикихъ оленей оказывались до сихъ поръ неудачны; но ради полученія болѣе сильныхъ и рослыхъ особей тунгусы и якуты выгоняютъ своихъ самокъ во время течки въ лѣсъ для случекъ съ дикими самцами. На такомъ ублюдкѣ, отличающемся нѣкоторой строптивостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ силой и ростомъ, Миддендофъ совершилъ извѣстное свое путешествіе вдоль китайской границы, по отрогамъ Яблоноваго хребта.

Олени часто страдаютъ отъ повальныхъ болѣзней: сибирской язвы и болѣзни копытъ. Послѣднюю якуты лечатъ, безъ особеннаго, впрочемъ, успѣха, ежедневнымъ очищеніемъ ранъ отъ гноя и прижиганіемъ мѣднымъ купоросомъ.

Мясо якутскихъ и тунгусскихъ оленей вкуснѣе и плотнѣе мяса чукоцкихъ «каргинъ», но мнѣ не случалось видѣть у якутовъ до такой

степени тучныхъ животныхъ, какъ у чукчей. У этихъ послѣднихъ случаются олени буквально сплошь обросшіе, точно свиньи, слоемъ жира пальца въ два-три толщиною. Изъ оленьяго жира можно приготовлять отличныя свѣчи, твердостью, опрятностью горѣнія и свѣтомъ пламени значительно превышающія наши сальныя свѣчи, а также прекрасное, плотное мыло.

Рогатый скотъ.

Рис. 14. Якутскій быкъ шести лѣтъ (съ фотографіи).

Первое, что бросается въ глаза въ наружности якутскаго скота — это необыкновенно длинная и густая его шерсть зимою. Длина волосъ достигаетъ $1^1/_2$ и 2-хъ дюймовъ; густота даже лѣтняго одѣянія много превышаетъ густоту шерсти нашего скота. Ростомъ якутскій скотъ мельче европейскаго, но крупнѣе бурятскаго. Средній вѣсъ мяса (безъ внутренностей, головы и голеней) можно принять для самцовъ — 9-ть пудовъ, для самокъ—7 пудовъ; выше этой нормы скотъ считается здѣсь крупнымъ, ниже—мелкимъ. Вѣсъ, впрочемъ, сильно зависитъ отъ степени тучности; для выше приведенныхъ данныхъ я имѣлъ ввиду скотъ средній, немного старше 4-хъ лѣтъ, гулявшій свободно, недоеннымъ или неупотребляемымъ въ работу, всего нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ. Средней степенью тучности считается у быка—1 пудъ 10 фун. внутренняго жиру, и 1 пудъ жиру—у коровы; самые крупные и жирные изъ извѣстныхъ мнѣ образцовъ дали: корова, гулявшая 2 года яловой, 12 пудовъ мяса и 2 пуда жиру, быкъ—18 пудовъ мяса и 2 пуда жиру.

Холощенные быки всегда крупнѣе поросовъ; скотъ сѣверный (верхоянскій и колымскій) мельче скота изъ южныхъ округовъ.

По формѣ якутскій скотъ можно назвать низкимъ и длиннымъ. Вышина его отъ земли до крестца рѣдко превосходитъ 4 фута, между тѣмъ какъ длина не рѣдко достигаетъ 7 футовъ. У него небольшая

короткая голова; небольшіе, гладкіе рога; ноги короткія, узловатыя; холка невысокая, спина слегка выгнута, шея развита слабо. Вообще весь костякъ довольно жидкій, и скотъ кажется на видъ много тщедушнѣе европейскаго. Это живой, подвижный, горный скотъ, ловко лазящій по крутизнамъ и прекрасно пробирающійся сквозь лѣсную чащу. Верховые якутскіе быки умѣютъ ходить крупной «переступью», неуступающей у нѣкоторыхъ экземпляровъ лошадиной иноходи. На саняхъ якутскій быкъ въ состояніи увезти отъ 20 до 25 пудовъ тяжести, но на далекія разстоянія якуты рѣдко грузятъ больше 15—17 пудовъ.

Корова даетъ въ среднемъ отъ 4 до 5 бутылокъ молока въ день. Эта слабосильность и неудойливость якутскаго скота въ значительной степени обусловлена уходомъ. Разъ ятутскій скотъ попадаетъ въ лучшія условія, онъ быстро крѣпнетъ и дѣлается молочнѣе. Быкъ безъ труда везетъ 20 пудовъ за нѣсколько сотъ верстъ, корова начинаетъ давать до 10—12 бутылокъ въ день. Ростъ, время течки и отела, качество мяса, кожи, молока, понятно тоже, сильно улучшаются, разъ якутскій скотъ попадаетъ въ руки богатыхъ русскихъ колонистовъ или скопцовъ, ведущихъ хлѣбное хозяйство, гдѣ скотъ начинаютъ кормить хлѣбомъ. Особенно замѣтно это на скотѣ, который съ дѣтства или въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній воспитывался въ благопріятныхъ условіяхъ. Замѣтно это даже на скотѣ богатыхъ якутовъ, хотя тамъ уходъ остается тотъ-же и только слабѣетъ степень голода, отъ котораго страдаетъ зимою весь безъ исключенія якутскій скотъ.

Способность переносить дурную погоду, холодъ, голодъ, недоѣдать, ѣсть положительно все, всякую растительную «вѣтошь», удовлетворяться въ случаѣ надобности чрезвычайно малымъ, а затѣмъ быстро отъѣдаться на хорошихъ кормахъ и въ послѣдствіи жить на запасъ накопленнаго жиру и мяса—замѣчательно развита у якутскаго скота. На это тратится огромная масса энергіи, но, въ смыслѣ продуктивности, свойство это не имѣетъ почти значенія, если только не вліяетъ отрицательно; за то оно дѣлаетъ скотъ неоцѣненнымъ въ качествѣ піонера скотоводства. Только благодаря ему, удалось якутамъ такъ далеко на сѣверъ провести рогатыхъ. Они теперь самые сѣверные скотоводы не только въ Азіи, но и на всемъ земномъ шарѣ. Самыя сѣверныя извѣстныя мнѣ скотоводческія ихъ колоніи находятся на р. Амолоѣ [1]) подъ 70° с. ш., а самая сѣверная, изъ посѣщенныхъ мною, была въ 1882 г. на р. Янѣ подъ 69° у впаденія въ нее рѣчки «Кюнгясь». На Колымѣ, Алазѣе, Индигиркѣ распространеніе рогатаго скота не достигаетъ въ настоящее время этихъ ши-

[1]) Впадаетъ въ Ледовитый океанъ западнѣе Яны въ Борхойскую губу.

ротъ; оно прекращается южнѣе градуса на два. Въ старину оно достигало Ледовитаго океана, конечно, только въ рѣчныхъ долинахъ. Сохранились также остатки рогатаго скота въ Устьянскѣ, и преданіе о немъ въ Нижне-Колымскѣ и на Аллайхѣ (низовья Индигирки).

На плоскогорьяхъ, гдѣ и пастбища грубѣе и больше болотъ, и холоднѣе, а главное, гдѣ люди не такъ охотно селятся, какъ надъ рѣками, скотоводство уходитъ въ глубину лѣсовъ на нѣсколько сотъ верстъ отъ его границъ. Въ долинѣ р. Лены и на западъ отъ нея скотоводство отступаетъ еще болѣе на югъ; тамъ оно нигдѣ не переходитъ сѣвернѣе внутренняго горнаго пояса. Есть тамъ, впрочемъ, преданія о скотоводствѣ въ одной мѣстности, именно: на Жессейскомъ (Эсэ) озерѣ, въ настоящее время совершенно безлюдномъ. На рѣкѣ Енисеѣ скотоводство опять переходитъ за полярный кругъ. Миддендорфъ говоритъ о стадѣ коровъ штукъ въ 20 у монаховъ Туруханскаго Троицкаго монастыря; дальше на сѣверѣ онъ встрѣчалъ рогатый скотъ у шорохинскихъ якутовъ и русскихъ крестьянъ ниже селенія Хантайскаго [1]). На берегахъ Охотскаго моря скотоводство пришло въ совершенный упадокъ. Не смотря на старанія правительства, на «казенныхъ коровъ» и особыя скотоводческія должности, не смотря на постоянный подвозъ туда скота изъ Якутскаго округа, Миддендорфъ въ 1844 году засталъ въ Удскомъ острогѣ всего 7 головъ, крайне жалкихъ и погибающихъ. Теперь, насколько мнѣ извѣстно, тамъ совсѣмъ нѣтъ скота. Въ окрестностяхъ Охотска скотъ уцѣлѣлъ только въ якутскихъ селеніяхъ, но и тамъ количество его не возрастаетъ, а падаетъ. Причину такого неудачнаго насажденія скотоводства вблизи морскаго берега нужно искать по словамъ Миддендорфа не въ климатическихъ условіяхъ и отсутствіи пастбищъ, а въ обиліи рыбы.

Все вниманіе населенія въ такихъ мѣстностяхъ естественно направлено на рыболовство, уходъ за скотомъ по недосугу дѣлается небрежнѣе, а этого совершенно достаточно, чтобы неокрѣпшій, не примѣнившійся къ условіямъ и малочисленный скотъ на рубежахъ его распространенія началъ вырождаться, хирѣть, а затѣмъ гибнуть, то отъ заразы, то отъ безкормицы. Небрежность, возникающая вслѣдствіе перемѣщенія хозяйственнаго центра, выражается въ началѣ часто въ очень незначительныхъ подробностяхъ. И такъ: въ Колымскомъ округѣ хлѣва тѣсны, совершенно темны, и за рѣдкими исключеніями не вентилируются ежедневной топкой. Они строятся тамъ отдѣльно отъ человѣческихъ жилищъ, а у людей, занятыхъ рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ, нѣтъ времени и силъ

[1]) Миддендорфъ. Путешествіе. Часть II; Отд. V, стр. 549.

протапливать ихъ. Ихъ строятъ такого размѣра, чтобы они согрѣвались тепломъ самихъ животныхъ. Такое отдѣленіе, при якутскомъ способѣ содержанія скота, полезно для людей, но безусловно вредно для животныхъ. Нужно слышать жалобное, смиренное мычаніе скота при входѣ къ нему человѣка, чтобы понять, какъ скучно ему въ здѣшнюю безконечно длинную зиму въ душныхъ, темныхъ, молчаливыхъ хлѣвахъ, какъ тоскуетъ онъ тамъ за привычнымъ ему обществомъ своего господина, за говоромъ и движеніемъ людскимъ, за блескомъ огня.

Между тѣмъ здѣсь даже выводится обычай кормить скотъ зимою на дворѣ и мало-по-малу исчезаютъ приспособленія для защиты его въ это время отъ вѣтра и снѣжныхъ заносовъ. Скотъ кормятъ или въ хлѣвахъ или на вѣтру и часто въ періодъ вьюгъ, въ продолженіи многихъ недѣль, его выгоняютъ только на водопой. На Индигиркѣ, на Уяндинѣ, въ низовьяхъ Яны повторяется тоже самое. Если обратимся затѣмъ къ уборкѣ сѣна въ рыболовныхъ мѣстностяхъ, то замѣтимъ туже небрежность: промыселъ не позволяетъ косить и убирать сѣна вѣ-время; оно перестаивается, деревенѣетъ, затѣмъ, въ ожиданіи досуга хозяевъ, не рѣдко гніетъ въ копнахъ или уносится наводненіями. На Ситкѣ и устьяхъ Вилюя косятъ, напримѣръ въ концѣ августа; трава тамъ грубый, второсортный пырей и осока; сѣно получается скверное. «Такого сѣна не ѣстъ нашъ скотъ, развѣ въ голодъ» разсказывали мнѣ Намскіе якуты. Самыя обильныя рыбой мѣста— это устья сѣверныхъ рѣкъ, между тѣмъ, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ больше удлиняется время, въ продолженіе котораго скотъ требуетъ самаго внимательнаго ухода. Если въ южныхъ округахъ кормить сѣномъ и держать въ хлѣвахъ приходиться съ Покрова (1 октября) до Николы (9 мая), то на сѣверѣ срокъ этотъ отодвигается до конца мая, а начинается не рѣдко на Семеновъ день (1 сентября). Не удивительно, что скотъ тамъ хирѣетъ.

Ночи всюду якутскій скотъ проводитъ зимою въ хлѣвахъ; по мѣрѣ укорачиванія дня и увеличиванія холодовъ время пребыванія на воздухѣ естественно уменьшается, наконецъ оно сводится до 2-хъ даже до 1-го часу въ день. Всегда ли такъ было и насколько правъ Гмелинъ, сообщающій, что «якуты пасутъ свой скотъ всю зиму на подножномъ корму» [1]), рѣшать не берусь; вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду только конный скотъ. Отмѣчу только, что и рогатый якутскій скотъ при обильномъ питаніи прекрасно переноситъ стужу. Якуты это знаютъ. «На холодѣ скотина

[1]) Гмелинъ. Путешествіе, томъ II, стр. 395.

жирѣетъ; она больше ѣстъ. Нужно только не вводить ее въ хлѣвъ (хотонъ) съ осени. Мы такъ откармливаемъ лучшихъ убойныхъ животныхъ: пускаемъ въ зародъ сѣпа (кюре) съ Покрова и тамъ она днюетъ и ночуетъ» (Намскій ул., 1889 г.). На дорогѣ можно не разъ видѣть, какъ рабочіе быки, везущіе тяжести въ городъ, ночуютъ въ январѣ и декабрѣ подъ открытымъ небомъ, вмѣстѣ съ своими господами. Въ Западномъ Кангаласкомъ улусѣ у богатыхъ крестьянъ я встрѣчалъ быковъ, которые изъ году въ годъ всю зиму проводили въ холодномъ сквозномъ загонѣ. Они, точно медвѣди, обростали густой пушистой шерстью, но были бодры. Хозяинъ увѣрялъ, что они: «больше везутъ, но только и ѣдятъ больше; все ровно кладй на такого быка сѣна (корму) въ зиму, какъ на коня!» Нѣкоторые скопцы и нѣкоторые политическіе ссыльные находили возможнымъ даже телятъ и дойныхъ коровъ держать въ холодныхъ хлѣвахъ, во избѣжаніе парши и паразитовъ; удойность отъ этого не страдала, скотъ казался бодрымъ и только съѣдалъ больше сѣна. О такихъ опытахъ у якутовъ я не слыхалъ. Они черезчуръ дорожатъ сѣномъ, стремятся кормить скотъ возможно экономно и держать его возможно много.

Съ конца апрѣля, самое большее съ 9-го мая, въ южныхъ округахъ установлено, что скотъ уходитъ на подножный кормъ. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, какъ я это сообщалъ выше, срокъ этотъ замедляется недѣли на двѣ, на три, смотря по году и мѣстности. Уже съ того момента, когда кончики прошлогоднихъ травъ стали выглядывать изъ подъ тающаго и осѣдающаго снѣга, даже въ годы обильные сѣномъ, дачи сѣна скоту уменьшаются. Въ маѣ подкармливаютъ только дойныхъ или стельныхъ, на сносяхъ коровъ, телятъ да работающихъ быковъ. Остальной скотъ самъ разыскиваетъ себѣ пищу. Онъ разбредается по сѣнокосамъ, по рощамъ, по влажнымъ луговинамъ, гдѣ отыскиваетъ самымъ тщательнымъ образомъ мельчайшіе съѣдобные остатки. Къ моему удивленію, онъ въ крайнихъ только случаяхъ обращался къ высокому, густому растущему на кочкахъ пырею, предпочитая ему низенькія чуть замѣтныя травки, полуобглоданные остатки водорослей и тростника. Особенно онъ любитъ въ это время вѣтки деревьевъ: березы, тальника, осины.

Собирать и разыскивать скотъ въ это время довольно трудно: въ поискахъ пищи онъ уходитъ иногда далеко отъ дому, а между тѣмъ возможность наводненія и хрупкость льда на озерахъ, заставляетъ бдительно за нимъ наблюдать.

По мѣрѣ того, какъ разцвѣтаетъ растительность, скотъ быстро поправляется и веселѣетъ. Онъ уже днюетъ и ночуетъ въ тайгѣ безъ при-

смотра и замѣтно дичаетъ; домой является только въ жару, преслѣдуемый комарами и оводами, чтобы спрятаться отъ нихъ въ дымъ и подъ навѣсы. Только отелившіяся дойныя коровы являются по нѣскольку разъ въ день въ усадьбу, привлекаемые телятами. Скотъ все лѣто ходитъ безъ пастуха и особаго попеченія; только къ осени, когда начинаются длинныя, темныя ночи, вечеромъ скотъ ежедневно пригоняютъ домой: въ мѣстностяхъ мало населенныхъ — отъ «звѣря», въ густо населенныхъ—«отъ воровъ». Но и тутъ ночуетъ онъ на дворѣ, въ изгороди; въ хлѣва запираютъ его не раньше первыхъ чиселъ сентября. Лѣтомъ въ хлѣвъ загоняютъ въ исключительныхъ только случаяхъ, въ сильный комаръ, въ грозу съ ливнемъ, въ болѣзнь... У многихъ якутскихъ «лѣтниковъ» даже нѣтъ хотоновъ: ихъ замѣняютъ крытые, невысокіе сараи, со сквозными стѣнами, сплетенными изъ ивовыхъ прутьевъ, а то и вовсе безъ стѣнъ.

«Хотоны»—душные, темные хлѣва, до того низкіе, что человѣкъ задѣваетъ головой потолокъ. Не смотря на то, что ихъ за лѣто старательно просушиваютъ и провѣтриваютъ, разворачивая съ этой цѣлью иногда часть стѣнъ, въ нихъ быстро скопляется опять сырость; съ потолка и стѣнъ вѣчно каплетъ, а въ холода внутренность ихъ сплошь покрыта бѣлымъ морознымъ налетомъ. Полъ — бревенчатый, подъ поломъ — яма, куда стекаетъ моча. Такимъ образомъ скотъ всю зиму стоитъ надъ клоакой и дышетъ отвратительнымъ воздухомъ; моча никогда сразу не замерзаетъ и вонь стоитъ ужасная; часто яма переполняется и жидкій гной, течетъ по верхъ бревенчатаго полу. Противный, острый, аміачный запахъ, пропитываетъ все, что находится въ зданіи: платье, волоса, тѣло людей, посуду, даже свѣже-подоенное молоко. Если хлѣвъ пристроенъ къ жилью, этотъ запахъ, не смотря на постоянную топку, до того въѣдается во всѣ предметы домашняго обихода, что не покидаетъ ихъ даже послѣ многихъ дней провѣтриванія.

Калъ счищаютъ ежедневно, въ отсутствіи скота, соскребывая его маленькими лопатами съ бревенчатаго полу и выбрасывая на дворъ сквозь пробитое внизу въ задней стѣнѣ отверстіе, или сквозь окно. Тамъ изъ него выдѣлываютъ длинные болваны (балбàкъ), которые затѣмъ замораживаютъ и увозятъ вонъ со двора или складываютъ тутъ же въ кучи. Лѣтомъ, когда навозъ подсохнетъ, кучи жгутъ на дымокуры. Не смотря на то, что онъ горитъ все лѣто, навозу накопляются иногда около дома такія массы, что якуты изъ за него бросаютъ старыя жилища и уходятъ на новыя мѣста. Никакой подстилки скоту не полагается, онъ лежитъ всю зиму на неровномъ, холодномъ, влажномъ полу; шерсть на животныхъ отъ грязи и скверпаго воздуха страшно портится, вылезаетъ; кожа по-

крывается паршою, ранами, пролежнями; на выменяхъ нерѣдко являются нарывы и сыпь. Нѣкоторыя, особенно молодыя слабосильныя особи, въ концѣ зимы заболѣваютъ странной болѣзнью зубовъ и десенъ, похожей на цынгу. Помѣщается скотъ въ хотонахъ до того тѣсно, что съ трудомъ можно протиснутся между одной и другой скотиной; коровница никогда не въ состояніи пройти по хлѣву безъ крика, безъ ударовъ и безъ того, чтобы не испачкаться навозомъ. На 10 — 12-ти квадратныхъ саженяхъ стоитъ иногда до 30 штукъ.

Привязываютъ обыкновенно скотъ головою къ стѣнѣ; подъ стѣнами вбиты колья и устроенъ рядъ невысокихъ, узкихъ яслей. Въ большихъ хотонахъ такія ясли устроены даже по серединѣ. Скотъ привязываютъ тогда въ два ряда, другъ къ другу задомъ.

Отдѣльныя, отгороженныя стойла устраиваются только для телятъ или особенно буйныхъ, драчливыхъ особей. Вообще якутскіе хлѣва возмутительны; наврядъ ли въ нихъ приходится на скотину больше $^1/_2$ кубической сажени воздуха.

Въ хотонахъ, соединенныхъ съ жилыми помѣщеніями, гдѣ топится каминъ, конечно, скоту лучше; такіе хотоны суше и гигіеничнѣе, но люди страдаютъ отъ вони и сквернаго воздуха; строить же отдѣльные хлѣва и особо отоплять ихъ не подъ силу большинству хозяевъ; это дѣлаютъ только богачи. Обширные, холодные хлѣва, какъ я указалъ выше, требуютъ больше сѣна, что тоже въ настоящихъ условіяхъ недоступно большинству якутовъ.

На штуку крупнаго рогатаго скота на югѣ якутской области полагается въ зиму 100 пудовъ сѣна (5 куб. саженныхъ возовъ непресованнаго сѣна); на дойную корову или рабочаго быка — 120 до 140 пуд. (6—7 воз.), на теленка 50—70 пудовъ; это приблизительно столько же, сколько полагается вообще въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Восточной Сибири, даже въ южной ея части [1]). Кормятъ хозяйственные якуты скотъ всегда на дворѣ.

Если зароды сѣна стоятъ близко, то во избѣжаніе возки, изгородь для кормленія устраиваютъ возлѣ пихъ. «Загонъ» представляетъ болѣе или менѣе просторную площадку, со всѣхъ сторонъ окруженную жердянымъ заборомъ. Съ подвѣтренной стороны, а иногда съ двухъ и трехъ сторонъ, если загонъ на юру, заборъ обставляютъ плотно другъ около друга стоймя уставленными бревнами, на подобіе стѣнъ юрты.

[1]) Смотри «Земледѣліе и скотоводство» въ Канскомъ, Красноярскомъ, Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ, Енисейской губерніи. М. М. Дубенскаго. Иркутскъ 1884 г., стран. 173—181.

Иногда бревна замѣняются замороженными «балбаками» навозу. Снѣгъ на площадкѣ плотно утоптанъ, а калъ скота и смѣтье ежедневно по утру счищается съ нея широкими лопатами (кюрджяхъ), сгребается въ кучу по серединѣ или выбрасывается за изгородь. У обстоятельныхъ, порядочныхъ хозяевъ площадка для кормленія скота представляетъ опрятный даже щеголеватый видъ; гладкость ея вошла въ поговорку и сказки: «чтобы ни одна былинка не пропала на ней, чтобы все до чиста подобрали длинные языки голодныхъ коровъ». Сѣно разбрасываютъ прямо на землѣ небольшими кучками фунтовъ въ 5—6, соображаясь съ тѣмъ, чтобы количество кучекъ всегда превышало количество скота и чтобы разстояніе между кучками дозволяло скоту сводобно стоять и не топтать корма сосѣдокъ. Подоенный скотъ по утру выгоняютъ изъ хотона прямо къ корму; тамъ онъ запирается и предоставляется самому себѣ. Многочисленность кучекъ, не смотря на тѣсноту, устраняетъ драки: болѣе слабые уступаютъ сильнымъ и уходятъ къ незанятымъ копнамъ. Около полудня скотъ поятъ. Поятъ его на ближайшей рѣчкѣ или озерѣ изъ проруби (ойбонъ) [1]). Весною, когда близъ лежащіе водоемы выпиваются или вымерзаютъ, приходится иногда скотъ гнать на водопой версты за двѣ, что очень неудобно. Поэтому на выборъ мѣста жительства сильно вліяетъ близость зимняго водопоя. Въ сильныя стужи, напоенный, дрожащій отъ холода, скотъ загоняютъ въ теплые хлѣва, гдѣ имъ въ ясляхъ приготовлено немного корму; весною имъ тутъ же въ «загонѣ» подбрасываютъ перекусить немного сѣна, сортомъ похуже. Телятъ, которыхъ всю зиму держатъ въ жилыхъ избахъ, тамъ же кормятъ и поятъ; пойло для нихъ нерѣдко подогрѣваютъ. Въ хлѣвахъ также кормятъ только что оте-

[1]) Прорубь, всегда круглая, фута полтора въ діаметрѣ, окружена гладкимъ красиво изъ льда и мокраго снѣга выдѣланнымъ валикомъ. Валикъ защищаетъ скотъ отъ соскользыванія въ прорубь и облегчаетъ доступъ къ водѣ. Таковы проруби во всей Сибири; чистка ихъ и отдѣлка лежитъ на попеченіи молодыхъ парней и они видимо ею щеголяютъ. Осенью прорубь дѣлается ближе къ берегу, затѣмъ постепенно по мѣрѣ убыли воды, ее переносятъ на глубину, куда воронкообразно вгибается весь ледяной покровъ. Отверстье проруби очищаютъ ненадолго передъ водопоемъ, долбятъ желѣзной пѣшней (ани), а осколки льда вылавливаютъ рѣшетчатой лопатой (хоппо кюрджяхъ). Въ старыхъ прорубяхъ уровень воды ниже льда; въ новыхъ—вода всегда послѣ взломанія льда, сильнымъ фонтаномъ бьетъ наружу и наполняетъ всю чашу проруби, гдѣ стоитъ на нѣсколько дюймовъ выше общей поверхности. Къ старымъ, изсякшимъ прорубямъ, по веснѣ, приходится нерѣдко прорубать во льду глубокіе ходы, чтобы дать доступъ скоту къ водѣ; скотъ пьетъ не рѣдко на колѣняхъ, а телятъ и копей приходится поить изъ ведра. Вода въ такихъ старыхъ прорубяхъ препротивная, загнившая, воняетъ сѣрнымъ-водородомъ и болотомъ. Проруби на ночь, чтобы ослабить ихъ промерзаніе, якуты нерѣдко прикрываютъ соломенными крышками и снѣгомъ. Кстати отмѣчу, что ледъ на озерахъ съ прорубями намерзаетъ повидимому толще, чѣмъ на нетронутыхъ.

лившихся коровъ; ихъ не водятъ на водопой дня 3—4 и поятъ теплой водой.

Таковъ въ общихъ чертахъ уходъ якутовъ за рогатымъ скотомъ; онъ всюду одинаковъ, слегка измѣнясь сообразно мѣсту и времени. Такъ, напримѣръ: норму 100 пудовъ сѣна на каждую крупную скотину и 50 на подростка въ зиму, нужно признать максимальной, практикуемой только въ обильные сѣномъ года; обыкновенно она равна 80 даже 70 пудамъ, а въ голодные года падаетъ до 50. Какъ только скотъ остается тогда живъ, понять трудно. Весною въ мартѣ, какъ только пригрѣетъ немного, онъ разбредается по дорогамъ побираться. Онъ подстерегаетъ возвращающіеся отъ зародовъ, возы съ сѣномъ, подбираетъ крохи корма, разсыпанныя тамъ и сямъ или застрявшіе на кольяхъ изгородей, толчется около стоговъ, прокрадывается во дворы богачей, гдѣ нѣтъ-нѣтъ пріѣдетъ кто нибудь и привезетъ въ саняхъ подстилку изъ сѣна или соломы. Все это мгновенно исчезаетъ. Если кто нибудь попробуетъ мимо такого голоднаго стада пронести охапку сѣна, то можетъ быть увѣренъ, что, не смотря на удары и крики, треть сѣна у него отберутъ. Бѣда тоже, если изгородь гдѣ-либо кругомъ сѣновала недостаточно крѣпка и густа. Эти тупоумныя, неуклюжія на видъ животныя въ дѣлѣ добыванія пищи проявляютъ иногда изумительную смышленность и ловкость. Для разгораживанія, подающей нѣкоторыя надежды, изгороди, они составляютъ даже нѣчто въ родѣ артелей: пока одна изъ скотинъ дѣйствуетъ рогами и шеей, другія терпѣливо ждутъ, чтобы замѣнить уставшую; крѣпость изгороди онѣ опредѣляютъ замѣчательно вѣрно и никогда не тратятъ напрасно силъ. Если быкъ между жердями просунулъ голову, то можно быть увѣреннымъ, что изгородь раньше или позже будетъ разобрана. Если же она не поддается усиліямъ, если нигдѣ нельзя отодвинуть засова, разшатать колья, разорвать тальниковыя связи, но внизу есть достаточно просторная щель, то животныя на колѣняхъ или бокомъ пролѣзаютъ подъ нижней жердью. Якуты, сами хорошо знакомые съ неумолимостью голода, никогда не бьютъ, но наказываютъ, даже чужой скотины, пробравшейся въ ихъ сѣновалъ: «виноваты люди, плохо загородившіе, а не она, бѣдняжка»! разсуждаютъ они. Противъ подвиговъ особенно искусныхъ взломщиковъ, долженъ принимать мѣры самъ собственникъ; послѣдняго можно обжаловать въ родовой судъ, разъ взломанная изгородь отвѣчала общепринятой нормѣ.

Для скота здѣсь самый тяжелый періодъ въ году февраль.

Въ годы безкормицы только въ концѣ марта является возможность предпринять что либо для поддержанія гибнущаго скота; только тогда

возможно собирать и возить ивовыя вѣтки. Ивовыя (тальниковыя) вѣтки скотъ охотно ѣстъ, и якуты увѣряютъ, что онѣ лучше плохаго сѣна; ихъ не дробятъ, не рѣжутъ, а даютъ цѣлыми пучками.

Поправившійся и окрѣпшій, хоть немного, скотъ становится затѣмъ предпріимчивѣе и въ поискахъ корма разбредается по лѣсу, залѣзаетъ въ глубокій даже снѣгъ, чего избѣгалъ онъ до сихъ поръ дѣлать, чувствуя свое безсиліе.

При обыкновенномъ якутскомъ уходѣ здѣшняя корова даетъ до 60 ведеръ молока въ годъ. Это количество распредѣляется по времени такимъ образомъ:

			при якутскомъ уходѣ	при русскомъ уходѣ
съ мая	по 1 іюля	(70 дней)	по 6 мѣръ = 420	по 8 мѣръ = 560
» 15 іюля	по 1 сент.	(45 »)	» 4½ » = 203	» 5 » = 225
» 1 сент.	по окт.	(30 »)	» 3 » = 90	» 4 » = 120
» окт.	по янв.	(120 »)	» 2 » = 240	» 3 » = 360
» фев.	по март.	(28 »)	» 1 » = 28	» 2 » = 56
			981 мѣръ	1321 м.

что составитъ на вѣсъ кругл. счет.: при якутскомъ уходѣ 73 пуд. молока.
» » » » » » при русскомъ уходѣ 102 пуд. молока.

Такая корова считается очень хорошей; средняя даетъ почти на треть меньше.

Отмѣчу, что въ мартѣ и апрѣлѣ, передъ отёломъ, огромное большинство коровъ перестаетъ давать молоко; болѣе крѣпкія и сытыя перестаютъ доиться всего на мѣсяцъ, на нѣсколько недѣль до родовъ, другія — уже съ половины зимы. Много въ этихъ случаяхъ зависитъ отъ обилія и сорта корма. Для якутовъ чрезвычайно важно, чтобы періодъ этотъ былъ возможно короткій, поэтому они въ случаѣ недостатка сѣна, дойныхъ коровъ кормятъ въ ущербъ остального скота. Иногда во всей мѣстности кругомъ на сотни верстъ случаются оригинальныя у якутовъ голодовки, вслѣдствіе *одновременнаго* прекращенія коровами дачи молока: всѣ коровы оказываются стельныя. Все это въ самой тѣсной связи съ продолжительностью минувшей зимы, съ осенними кормами и обиліемъ и качествомъ корма въ текущую зиму. Время течки животныхъ передвигается вслѣдствіе этихъ причинъ то на начало лѣта, то на осень. Все зависитъ отъ степени тучности и сытости скота; жирные быки богачей обхаживаютъ яловыхъ самокъ нерѣдко въ апрѣлѣ, между тѣмъ какъ слабосильный скотъ бѣдняковъ случается въ іюлѣ даже въ августѣ.

Якутскія коровы плодовиты; онѣ способны рожать ежегодно, и среди нихъ стародойки и яловыя встрѣчаются относительно рѣдко. Чтобы

обезпечить себѣ молоко на зиму и оставить стародойку, приходится прибѣгать къ искуственнымъ мѣрамъ и подвѣшивать коровамъ фартукъ. Молоко стародоекъ считается лучшимъ, самымъ жидкимъ конечно является молоко послѣ отела [1]). Рожаютъ якутскія коровы довольно трудно, рѣдко обходятся безъ человѣческой помощи; ревутъ при родахъ и стонутъ. Коровъ на сносяхъ держатъ во дворѣ или даже въ хлѣву; роженицъ кормятъ отборнымъ сѣномъ и изрѣдка солью. Телятся коровы уже по 3-му году.

Уходъ за теленкомъ до крайности простъ. Только что родившагося теленка кладутъ на нѣкоторое время передъ мордой матери, чтобы она его облизала; затѣмъ уносятъ въ теплую избу и ставятъ передъ каминомъ вблизи огня. Первыя сутки его морятъ голодомъ; на второй день даютъ ему немного пососать, а на третій примѣняютъ къ нему уже тотъ режимъ, который вслѣдъ затѣмъ удерживается въ продолженіи года. Каждый разъ передъ доеніемъ его подпускаютъ къ матери для раздраженія послѣдней, затѣмъ быстро отводятъ и начинаютъ доить. Когда молока осталось на столько мало, что пальцами трудно выжать, пускаютъ теленка.

Рѣдкія якутскія коровы доятся безъ телятъ, а каждая изъ нихъ послѣ потери теленка обязательно уменьшаетъ дачу молока. Чтобы пріучить ее къ другому теленку, покрываютъ подставного шкурой сдохшаго, а то посыпаютъ его солью, чтобы корова слизывая привыкла къ нему. Если корова при доеніи почему-либо заупрямится, то у ней дутьемъ и щекотаніемъ раздражаютъ половые органы; а если и это не помогаетъ, то вводятъ во влагалище руку и нажимаютъ матку, послѣ чего молоко начинаетъ струей литься изъ вымени. Этимъ средствомъ бѣдняки пользуются при каждой почти дойкѣ, ради увеличенія удоя.

Телятъ очень рано пріучаютъ къ травѣ и сѣну; на пастбище телятъ выпускаютъ не раньше 6 — 8 недѣль; ихъ запираютъ въ особыя изгороди — телятники; вмѣстѣ со стадомъ отпускаютъ въ поле только 3-хъ мѣсячныхъ телятъ, надѣвши имъ берестяныя намордники или дощечки съ зубцами на концахъ, мѣшающіе имъ сосать матокъ. Кастрируютъ бычковъ, предназначенныхъ для работы, на второй годъ, «когда трава начинаетъ зеленѣть и становится тепло». Кастрацію производятъ вырѣзываніемъ яичекъ; рану перевязываютъ и зашиваютъ. Послѣ кастраціи часто молодыя животныя дохнутъ или у нихъ являются какіе-то судорожные

[1]) Съ одного пуда хорошаго молока якуты получаютъ $2^1/_2$ фун. масла и 30 фун. тару (кислое молоко).

припадки; замѣчательно, что припадки возобновляются, когда скотина начинаетъ отгуливаться и жирѣть.

Коровы подпускаютъ быковъ уже по 2-му году, а трехъ-годовалые бычки-поросы уже охаживаютъ самокъ. Кульминаціоннымъ пунктомъ роста и силы у рогатаго скота считаютъ якуты 6 лѣтъ. Живетъ якутскій скотъ лѣтъ до 30, но якуты позволяютъ доживать даже до 20 только исключительнымъ особямъ, отличающимся особенной молочностью, силой или ростомъ. Обыкновенно убиваютъ старѣющійся скотъ уже по 10—12 году.

Замѣчательна огромная смертность якутскихъ телятъ; оставляя въ сторонѣ частыя выкидыши коровъ, происходящіе отъ плохаго корма, узкихъ дверей въ хлѣвахъ, ушибовъ и т. д., мы не сдѣлаемъ ошибки если 60% смертности, вычисленныхъ Маакомъ для Вилюйскаго округа, признаемъ общими.

Эта ежегодная трата приплода, да то огромное количество мяса и жиру, которое ежегодно поглощается на живомъ скотѣ весенней безкормицей, составляетъ пока главную массу энергіи, которую вырабатываютъ и теряютъ здѣшнія стада; то, что они въ видѣ молока и мяса отдаютъ человѣку, составляетъ относительно ничтожную долю.

Изъ повальныхъ болѣзней самая распространенная это—сибирская язва; она здѣсь почти не прекращается, вспыхивая ежегодно то тутъ, то тамъ. Въ сухіе годы и сухіе мѣсяцы она затихаетъ, въ мокрые — возобновляется. Зимою падежи почти прекращаются. Якуты обыкновенно стараются уйти отъ мѣстъ посѣщенныхъ болѣзнью, но такъ какъ уносятъ съ собою содранныя кожи, а часто и мясо погибшихъ животныхъ, то зараза идетъ за ними слѣдомъ, пока не прекратитъ ее какой-либо благопріятный случай, особенно сухой или морозный годъ.

Часто также среди якутскаго скота можно встрѣтить чахоточныхъ, припадочныхъ, ревматиковъ; рабочіе быки часто гибнутъ отъ натуги, отъ воспаленія легкихъ, отъ порока сердца, что якуты называютъ «ледъ въ сердцѣ» (бусъ сюрахка); въ началѣ лѣта отъ зноя, гибнутъ особенно истощенные за зиму: съ ними дѣлается нѣчто въ родѣ солнечнаго удара. Сильно также страдаетъ якутскій скотъ отъ порчи зубовъ. За зубами своего скота якуты особенно внимательно наблюдаютъ, такъ какъ часто у совершенно здоровой скотины, появляются острыя на зубахъ отростки (кылань), мѣшающіе ѣсть. Эти отростки спиливаютъ особыми подпилками, вставивъ коровѣ въ ротъ большую деревянную втулку для удобства операціи.

Лѣчатъ якуты скотъ преимущественно шаманствомъ, рѣже даютъ снадобья: соль, сушеную, толченую еврашку или дятла, лекарственныя

травы... Безнадежно больную или окалѣченную скотину торопятся убить, пока жива.

Значеніе половаго подбора хорошо извѣстно якутамъ, но они слабо имъ пользуются; они стараются только оставить на племя самыхъ сильныхъ и красивыхъ быковъ, да телятъ отъ самыхъ молочныхъ коровъ; все остальное предоставляется случаю. Скотъ ихъ ходитъ въ полѣ, смѣшивается со всякимъ другимъ и постоянно подвергается самому неожиданному скрещиванію. Въ результатѣ является всюду одна и таже порода, съ незначительной разницей въ ростѣ. Тѣмъ болѣе удивительно, что до сихъ поръ среди якутскаго скота у нѣкоторыхъ особей встрѣчаются слѣды происхожденія ихъ отъ «яковъ», о привозѣ которыхъ въ Якутскъ писалъ Миддендорфъ [1]). Какимъ образомъ слѣды эти до сихъ поръ сохранились, для меня остается загадкой. Якуты называютъ ихъ китайскимъ скотомъ (кытай сюёсю). Они широколобы, горбато-носы, шерсть на нихъ курчава, хвостъ заканчивается болѣе пушистой кистью, ростомъ они крупнѣе и нравомъ дичѣе.

Кромѣ этой помѣси видѣлъ я также въ Якутскѣ холмогорскихъ быковъ и коровъ, но телята отъ нихъ продаются черезъ чуръ дорого; за случку съ кровными поросами также приходится платить, что противно обычаямъ, наконецъ: эти поросы черезъ-чуръ крупны для якутскихъ коровъ. О вліяніи ихъ на улучшеніе породы якутскаго скота говорить трудно; я не знаю, кто и зачѣмъ привезъ ихъ сюда, говорятъ, что они принадлежали нѣкогда образцовой фермѣ. Думаю, что помѣсь съ «яками» болѣе соотвѣтствуетъ и породѣ мѣстнаго скота, и мѣстнымъ условіямъ.

Желательно было бы возможно скорое сравнительно-научное изученіе и опредѣленіе породы якутскаго скота съ точки зрѣнія его близости къ бурятскому, монгольскому или минусинскому.

[1]) Фауна, стр. 96—97 и 549.

Рис. 15. Якутская лошадь.

Лошадь.

Всѣ, кто по внѣшности пробовалъ сближать якутскихъ лошадей съ южно или западно-сибирскими, чаще всего указывалъ на киргизскую конную породу. Научнаго изслѣдованія, опирающагося на точныя и многочисленныя измѣренія, пока не было сдѣлано. Единственныя достойныя вниманія данныя по этому вопросу находимъ у Черскаго. На основаніи изученія черепа современной якутской лошади, доставленнаго докторомъ Бунге съ р. Адычы (Верхоянскаго округа), Черскій устанавливаетъ самостоятельный типъ якутской лошади, отличный отъ другихъ сибирскихъ лошадей и ближе всего примыкающій къ южно-русскимъ тарпанамъ и полуископаемой (subfossilis) западно-сибирской лошади. И. Черскій причисляетъ якутскую лошадь къ восточной группѣ, къ породѣ малорослыхъ (длина черепа въ основаніи 472 мм.), среднелобыхъ (лобный указатель =235,2 мм.). Ископаемая, послѣ-третичная лошадь [1]), остатки которой обильно разсыпаны всюду въ Якутской области, по мнѣнію того же ученаго, представляетъ въ формѣ черепа и костей извѣстное родство съ нынѣ живущими сибирскими породами и, между прочимъ, съ якутской лошадью. Родство это выражается: въ умѣренной ширинѣ лба, въ наклонномъ положеніи надбровныхъ частей, небольшой ширинѣ скуловыхъ отростковъ лобной кости, въ вогнутости профиля и оригинальной зубной системѣ [2]). По величинѣ ископаемыхъ якутскихъ лошадей нужно причислить къ рослымъ (о. Ляховъ) и высокорослымъ (Яна).

---

[1]) Записки Имп. Акад. Наукъ, томъ LXV; приложеніе № 1. Описаніе коллекціи послѣ третичныхъ млекопитающихъ животныхъ собранныхъ Ново-Сибирской экспедиціей 1885—86 г. стр. 450.

[2]) Лошадиныя кости часто встрѣчаются перемѣшанными съ костями мамонта и носорога. Я часто находилъ ихъ совмѣстно въ ледяныхъ обвалахъ рѣки Алдана. Случалось, что онѣ

Существованіе у якутовъ смутнаго преданія о какихъ-то *дикихъ* (*тангара*, собственно — божьихъ) лошадяхъ, которыя, привлекаемыя въ комарное время дымокурами, «толпились до того густо кругомъ человѣческихъ жилищъ, что тушили огни и давили жеребятъ» (З. Кангаласкій ул., 1892 г.), дѣлаетъ особенно интереснымъ вопросъ: могли-ли якуты застать въ теперешней своей родинѣ остатки сѣверной сибирской лошади и не произошли ли особенности ихъ лошадей отъ скрещиванія приведенныхъ съ юга стадъ съ мѣстной уже изсчезнувшей расой.

Находка въ 1878 году въ ледяной почвѣ низовьевъ Яны, вполнѣ сохранившагося трупа «бѣлой лошади», о чемъ сообщаетъ Бунге [1]), усиливаетъ этотъ интересъ, какъ бы указывая на возможность вполнѣ опредѣленнаго его рѣшенія, а то или другое его рѣшеніе находится уже въ непосредственной связи съ временемъ прибытія на сѣверъ якутовъ и отысканіемъ мѣста ихъ первородины. Здѣсь отмѣчу только, что бѣлый цвѣтъ является до сихъ поръ преобладающимъ среди якутскихъ лошадей, и что скрещиваніе домашнихъ животныхъ съ дикими считается якутами *выгоднымъ для улучшенія породы.* Такое скрещиваніе по отношенію къ домашнимъ оленямъ, какъ я упоминалъ выше, практикуется до сихъ поръ якутами и тунгусами дальняго сѣвера.

Возвращаюсь къ изложенію того, что извѣстно мнѣ о внѣшности и нравахъ теперешней якутской лошади.

Предположеніе, что якутская лошадь родомъ изъ Забайкалья и что она ближайшая родичка бурятской и монгольской лошади, побудили меня

были еще включены въ мерзлую почву на глубинѣ то нѣсколькихъ саженей, то нѣсколькихъ футовъ. Тамъ же попадались куски березы ничѣмъ не отличающейся отъ нынѣ ростущей. Добытый мною въ такихъ условіяхъ лошадиный зубъ вмѣстѣ съ кусками березы, я въ числѣ другихъ ископаемыхъ остатковъ и находокъ, отдалъ въ Якутскій музей.

Считаю нужнымъ упомянуть о лошадиномъ черепѣ, найденномъ Миддендорфомъ на Таймырскомъ полуостровѣ. Черскій склоненъ считать его ископаемымъ, Миддендорфъ предполагаетъ, что онъ могъ попасть сюда уже въ историческое время, сравнительно недавно. Такъ какъ среди находокъ чаще всего попадаются зубы ископаемой лошади и они лучше всего сохраняются, то привожу то, что по поводу ихъ говоритъ И. Черскій: «Зубная система сибирскихъ лошадей, какъ ископаемыхъ, такъ и знакомыхъ намъ современныхъ, оригинальна въ томъ отношеніи, что она, не взирая на особенности черепа, ставящія ихъ въ группу восточныхъ лошадей (среднелобыхъ), обличаетъ характеръ, свойственный западно-европейскимъ, тяжелымъ расамъ (узколобымъ) и достигающій, къ тому-же, высшей степени развитія этого типа; въ особенности, что касается значительнаго выстоянія передней лопасти внутреннихъ петель зубовъ верхней челюсти» (стр. 513). Сходство ископаемыхъ зубовъ съ зубами теперешнихъ якутскихъ лошадей заставляетъ быть крайне внимательнымъ къ условіямъ залеганія такихъ находокъ.

[1]) Мѣстность, гдѣ найденъ былъ трупъ лошади находится въ 60 вер. выше села Казачьяго на Янѣ около «Дирингъ-Юнъ».—«Описаніе коллекцій млекопитающихъ, собр. Ново-Сибир. экспедиціей» 1885—86 г., стр. 363 и 516.

съ особымъ вниманіемъ присматриваться къ послѣднимъ. Признаюсь, особеннаго сходства между ними я не нашелъ; даже больше: мнѣ казалось, что если бы въ то время, когда воспоминанія мои были свѣжи, среди монгольскихъ лошадей случайно замѣшалась якутская, то я бы безъ труда узналъ ее. Монгольскіе кони показались мнѣ сравнительно малоголовыми, ниже ростомъ, короче и круглѣе корпусомъ; правомъ они несомнѣнно рѣзвѣе якутскихъ. Якутскіе — стройнѣе и крупнѣе ростомъ; голова у нихъ большая, горбоносая; задъ крѣпкій, продолговатый; они не такъ быстры и горячи на бѣгу, какъ монгольскіе кони, но кажутся сильнѣе и выносливѣе ихъ. Сравненіе сѣделъ якутскаго и монгольскаго тоже въ свою очередь указываетъ на значительную разницу въ размѣрахъ костяка обѣихъ лошадей. Якутское сѣдло длиннѣе и шире монгольскаго, и бурятская или монгольская лошадь подъ такимъ сѣдломъ раньше или позже непремѣнно бы «сплечилась».

Среди якутскихъ лошадей самыя крупныя и типичныя особи встрѣчаются въ настоящее время на сѣверѣ, именно: въ Верхоянскомъ, Колымскомъ и Вилюйскомъ округахъ. Вообще, якутскія лошади выше 2-хъ аршинъ ростомъ, а иныя достигаютъ 2-хъ аршинъ съ двумя, даже тремя вершками. Голова, какъ я выше замѣтилъ, у якутскихъ лошадей большая, горбоносая; морда относительно длинная и широкая; лобъ умѣренный, плоскій; губы толстыя, мясистыя; ноздри подвижныя, слабо-раздутыя; глаза довольно большія, живыя и выразительныя; уши заостренныя, небольшія, «мышиной», какъ ихъ зовутъ, формы, находятся въ постоянномъ движеніи, выражая большую чуткость и перемѣнчивость настроенія животныхъ. Шея у якутской лошади коротка и слабо развита; вообще передняя часть тѣла жиже, менѣе мускулиста и стройна, чѣмъ задъ; это дѣлаетъ якутскихъ лошадей прекрасными верховыми и вьючными, но слабыми тяглыми животными. Грудная кость выдается впередъ, отъ чего дыхательное горло выгнуто; холка низкая, нерѣдко кажется ниже крестца; спина короткая, прямая; переднія лопатки прямыя; задъ продолговатый, сильный; заднія ляжки толстыя, широкія; ноги прямыя, съ короткими бабками; копыта крѣпкія, маленькія; грива длинная; хвостъ крѣпкій и многоволосый; шерсть густая, зимою достигаетъ одного и болѣе вершка длины [1]). Масть преимущественно бѣлая, сѣрая, вообще блѣдныхъ цвѣтовъ. Вороной конь высоко цѣнится якутами, но онъ рѣдокъ. На югѣ

[1]) Описаніе это позаимствовано мною изъ статьи ветеринара Гольмана, «Замѣтки о коноводствѣ въ Якутской области», Памят. книж. Якутской области на 1871 г., стр. 124; я позволилъ себѣ сдѣлать лишь небольшія измѣненія и отступленія, сообразно моимъ личнымъ наблюденіямъ.

встрѣчаются цвѣтные кони, особенно вблизи городовъ; но на сѣверѣ ихъ совсѣмъ мало, тамъ господствуетъ бѣлый цвѣтъ. Нерѣдки также бѣлоглазые кони; они считаются якутами почему то особенно выносливыми.

Ступью якутскіе кони ходятъ отлично, размашисто и податливо, среди нихъ встрѣчаются также рысистые, но въ скачь бѣгутъ они скверно, тяжело и неуклюже. Ѣздятъ якуты чаще всего переступью, и кони ихъ выхаживаютъ такой побѣжкой отъ 50 до 80 верстъ въ 10 часовъ. Выносливость якутскихъ лошадей извѣстна. Онѣ довольствуются чрезвычайно малымъ и проходятъ подъ вьюками и сѣдломъ громадныя пространства на подножномъ корму. На такой длинный путь, какъ изъ Якутска въ Средне-Колымскъ полагается на каждую лошадь вьючнаго груза $5^1/_2$ пудовъ круглымъ счетомъ; на нѣкоторыя грузятъ 6 — 7, а Миддендорфъ говоритъ про лошадь, которая по худой, совершенно дикой дорогѣ несла даже 9 пудовъ [1]); верховая лошадь, кромѣ ѣздока, несетъ всю дорогу его постель и дорожныя сумы вѣсомъ отъ 2-хъ до 3-хъ пудовъ. На близкомъ разстояніи вьючатъ на лошадей средней силы до 8-ми пудовъ. Въ саняхъ якутская лошадь, по сносной дорогѣ, везетъ отъ 15 до 20 пудовъ, но на большія разстоянія кладутъ на лошадь средней силы не больше 12-ти—15-ти пудовъ.

Наслышавшись легендъ о выносливости якутскихъ лошадей, вначалѣ я былъ требователенъ и не удивлялся напримѣръ тому, что онѣ проходятъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней ежедневно по 50 верстъ по неудобной, малопроѣзжей дорогѣ, на подножномъ корму; только впослѣдствіи, убѣдившись, что это общее правило, и ближе познакомившись съ этимъ удивительнымъ животнымъ, я вполнѣ оцѣнилъ драгоцѣнныя его качества, незамѣнимыя въ здѣшнихъ мѣстахъ. Кромѣ того я нѣсколько разъ наблюдалъ истинно сказочные подвиги якутской лошади. Въ 1882 году, лѣтомъ, по дорогѣ изъ Устьянска въ Верхоянскъ нашему небольшому каравану, состоявшему изъ 4-хъ человѣкъ и 5 вьючныхъ лошадей, пришлось торопиться въ виду полнаго истощенія съѣстныхъ припасовъ. Двѣсти верстъ по болотистымъ, неровнымъ таежнымъ тропамъ отъ Бытантайскаго перевоза до урочища въ устьи рѣчки Тынка мы сдѣлали безъ передышки, не ложась спать и подкармливая лошадей только во время приготовленія и питья чаю по дорогѣ: за все время не больше 4-хъ разъ. Въ урочищѣ на рѣчкѣ Тынка не хватило лошадей; рыжаго коня съ бѣлыми «рыбьими глазами», на которомъ я ѣхалъ верхомъ, уже съ устья

[1]) Фауна, стр. 543.

рѣчки Кюнгясь отъ первыхъ поселеній эгинскихъ якутовъ, опять засѣдлали подъ меня. Его совсѣмъ не кормили, а только «выдержали» («байбыть» — вывязали, какъ здѣсь говорятъ) шесть часовъ у столба, пока я спалъ; затѣмъ засѣдлали, напоили, и я на немъ поѣхалъ дальше. Конь какъ ни въ чемъ не бывало прошелъ еще 100 верстъ безъ отдыха, а послѣднія 7 верстъ безъ принужденія, по собственной охотѣ, пробѣжалъ рысью. (Верхоянскъ, 1882 года 18 іюля). Сдѣлать 80—100 верстъ на одной и той же лошади, не ночуя, не разсѣдлывая ея и умѣренно, всего нѣсколько разъ за всю дорогу, покормивъ сѣномъ, не считается въ Якутской области, чѣмъ либо необыкновеннымъ. Въ 1883 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ, на обыкновенныхъ, почтовыхъ верховыхъ лошадяхъ мнѣ пришлось по особымъ обстоятельствамъ сдѣлать въ сутки 120 верстъ; лошадей всего разъ отпустили на короткое время на подножный кормъ; а въ 1892 г., опасаясь запоздать на пароходъ, я проскакалъ на парѣ лошадей, запряженныхъ въ телѣгу, нагруженную вещами, 110 верстъ, отдѣляющихъ мое мѣсто жительства отъ города, въ 13 часовъ, считая въ томъ числѣ и остановки; лошадей за это время всего два раза кормили ячменемъ. Пристяжная, старая лошадь лѣтъ 18-ти, немного подъ конецъ ослабѣла, но другая, болѣе молодая (7 лѣтъ) всю дорогу прошла ровно и бодро. Якутъ, давши имъ отдохнуть всего день въ городѣ, возвратился обратно домой, опять нагрузивъ телѣгу покупками. Отмѣчу, что кони были истощены пахотой и, что поѣздка случилась всего черезъ двое сутокъ послѣ окончанія работъ. О такихъ и даже болѣе быстрыхъ и утомительныхъ переѣздахъ я слышалъ не разъ, но изъ опасенія ошибокъ привожу *только лично мною наблюдаемыя* и то тѣ только случаи, когда время и пространство возможно было болѣе точно установить.

Самыми выносливыми якуты считаютъ безплодныхъ кобылицъ (*менге*); кобылъ они обыкновенно въ работу и подъ сѣдло никогда не употребляютъ, считая для себя за позоръ ѣздить на кобылѣ; но въ исключительно трудную и далекую дорогу берутъ «*менге*» 8—9 лѣтъ (Баягантайскій ул., 1886 г.). Самыми слабыми въ работѣ считаются жеребцы и жеребыя кобылы.

Однимъ изъ важныхъ свойствъ якутской лошади, позволяющимъ ей безъ пищи проходить большія пространства, или довольствоваться долгое время самымъ скуднымъ кормомъ, есть несомнѣнно способность откладывать значительныя количества подкожнаго и внутренняго жиру. Въ счетъ этого жиру и, при крайней степени истощенія, въ счетъ другихъ тканей, главнымъ образомъ мышцъ, живутъ якутскія лошади и въ дорогѣ и въ безкормицу. Система обращенія якутовъ съ лошадьми въ до-

рогѣ, какъ-будто стремится заставить ихъ жить преимущественно на счетъ этихъ запасовъ. Жирныхъ, только что взятыхъ изъ табуна лошадей якуты передъ всякой работой старательно «вывязываютъ», т. е. держатъ въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ безъ корма, или давая имъ очень незначительныя его дачи. Затѣмъ, когда желудокъ животныхъ опорожнится, ихъ «проминаютъ» незначительной поѣздкой и тогда уже снаряжаютъ въ дальній путь. Если «промять» почему либо было нельзя, то въ первый день пути проходятъ мало и рано останавливаются на отдыхъ. Тамъ тоже выдерживаютъ лошадей до «сухости», т. е. до полнаго высыханія пота, покрывающаго лошадь и полнаго охлажденія тѣла. Это опредѣляется ощупываніемъ подъ гривой. Считается даже хорошимъ, если лошадь чуть продрогнетъ. Тощія лошади скорѣе обсыхаютъ и остываютъ, жирныя дольше; смотря поэтому, а также по трудности пройденнаго пути, лошадей держатъ отъ $2^1/_2$ до 5 часовъ голодными; въ исключительныхъ случаяхъ держатъ всю ночь и только по утру даютъ немного закусить. Окормить лошадь въ дорогѣ считается у якутовъ очень вреднымъ; лошадь по мнѣнію якутовъ отъ этого слабѣетъ на ноги и никогда уже не выздаравливаетъ. «Лучше ты недокорми лошадь, чѣмъ перекорми» увѣщевалъ меня хозяинъ, когда я нанималъ у него лошадь въ путешествіе. (Баягант. улусъ, 1885 г.). «Сытый всадникъ и голодная лошадь—хорошая пара» говоритъ якутская поговорка (Намскій улусъ, 1888 г.). Еще болѣе вреднымъ считается «опоить» въ дорогѣ лошадь; отъ этого у нея въ первый разъ дѣлаются на спинѣ нарывы, а затѣмъ развивается общая слабость и порокъ сердца (сюряхъ-муса, мусъ-сюряхка) [1]). Въ виду этого, лошадей, подъѣзжая къ остановкѣ, старательно удерживаютъ возжами отъ хватанія снѣгу, а затѣмъ коротко подвязываютъ у столбовъ съ поднятой вверхъ головой. Въ случаѣ, если нѣтъ сухого сѣна и лошадей отпускаютъ на подножный кормъ, естественно «выстойка» продолжается дольше. Сухимъ сѣномъ въ ясляхъ можно кормить лошадь уже черезъ $2^1/_2$ часа, но такъ какъ якуты по большей части кормятъ лошадей или на снѣгу или прямо отпускаютъ въ поле, то они рѣдко держатъ ее менѣе 4 — 5-ти часовъ. Поить лошадей изъ проруби старозавѣтные якуты не любятъ, предпочитая, какъ я указывалъ выше, «кормить на снѣгу». Все это и «выстойка», и предпочтеніе «снѣга передъ водой» имѣетъ свои основанія: жирныя сыто-накормленные кони легче потѣютъ, что въ здѣшнемъ климатѣ, при весьма низкой температурѣ зимою и значительныхъ суточныхъ

---

[1]) Замѣчательно, что устьянскіе якуты увѣряли меня, что морской водой лошадь опоить нельзя, что безопасно можно дать пить ее самой потной и усталой лошади.

ея колебаніяхъ лѣтомъ, весьма вредно: вызывается простуда и ревматическія боли. Также мучительно и вредно для лошади, если послѣ продолжительнаго путешествія, даже на другой день, ее обильно напоить студеной водой; зимою послѣ того лошади дрожатъ не разъ до судороги и ихъ необходимо «грѣть», т. е. проѣхать сейчасъ же возможно быстро нѣсколько верстъ. Подножный кормъ или кормленіе сѣномъ на снѣгу не вызываетъ такой мучительной дрожи, такъ какъ лошадь утоляетъ жажду не сразу, а постепенно, захватывая снѣгъ вмѣстѣ съ пищей. Якуты утверждаютъ, что лошади вообще «лучше ѣдятъ на снѣгу и меньше портятъ зубы», что весьма вѣроятно, ввиду того, что смоченное снѣгомъ сѣно менѣе жестко.

На сѣверѣ Якутской области, гдѣ копи исключительно почти питаются подножнымъ кормомъ, выстойка всегда продолжительна; въ сильныя стужи, во избѣжаніе замерзанія, лошадей подкармливаютъ по временамъ съ руки, горсточками сухой травой.

Я не знаю случая, чтобы лошадь на «выстойкѣ» замерзла, но мнѣ разсказывали, что это бываетъ. Продолжительная «выстойка» гарантируетъ и лѣтомъ отъ «опоя»; голодная лошадь не пьетъ, какъ бы раньше ни мучила ее жажда.

Таковъ въ главныхъ чертахъ уходъ якутовъ за лошадьми во время работы. Онъ направленъ преимущественно къ тому, чтобы уберечь лошадь отъ простуды, отъ сильнаго потѣнія и быстраго охлажденія. Для этого, въ силу бытовыхъ условій, имъ нельзя было прибѣгать ни къ попонамъ, ни къ теплымъ стойламъ, и они умѣло воспользовались природнымъ свойствомъ животнаго долго и безнаказанно переносить голодъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе густо, переѣзды малы, гдѣ рабочихъ лошадей кормятъ сѣномъ, гдѣ входятъ въ обычай, если не теплыя то защищенныя отъ вѣтра, крытыя стойла — время выстойки мало-помалу сокращается.

Несомнѣнно, какъ мы это указали выше, что только способность откладывать большія количества жиру, и пользоваться имъ, какъ запасомъ пищи, вообще свойственная дикимъ и полудикимъ животнымъ, и у якутской лошади достигающая высокой степени развитія, позволяетъ имъ здѣсь жить, размножаться, почти безъ поддержки человѣка и, въ случаѣ нужды, проявлять такое количество рабочей энергіи, о которой, не видя ея, трудно себѣ сдѣлать представленіе. Нужно видѣть, какъ якутская лошадь идетъ по брюхо въ густомъ липкомъ болотѣ (бадаранъ), пробивая прямо грудью борозду, идетъ версты 3 — 4, иногда 10 безъ перерыва, несетъ всадника или выоки, стонетъ, храпитъ, пошатывается, но идетъ не

останавливаясь, такъ какъ остановка это — гибель; нужно видѣть, какъ она пробирается, согнувшись въ дугу, по невѣроятнымъ крутизнамъ, по горнымъ скалистымъ розсыпямъ, сквозь бушующіе потоки и широкія рѣки, сквозь лѣсную чащу, гдѣ что ни шагъ, приходится перелѣзать черезъ упавшія колоды, гдѣ подъ мхомъ скользкій ледъ; какъ она пробирается по кочковатымъ мокрымъ калтусамъ, гдѣ ивнякъ и высокія аршина $1^1/_2$ кочки образуютъ для нихъ настоящія «западни»; нужно видѣть какой она довольствуется въ тоже время пищей, чтобы понять насколько велики и драгоцѣнны тѣ запасы силъ, которыя она заключаетъ въ себѣ. За то она, подобно человѣческимъ мало культурнымъ племенамъ, не такъ сильна въ упряжи, не способна равно-хорошо работать изо-дня въ день и нуждается для возвращенія силъ въ долгомъ и безусловномъ отдыхѣ въ степяхъ, на полной свободѣ. Богатые якуты считаютъ за правило, не только ежегодно позволять все лѣто гулять на свободѣ, работавшимъ зимою лошадямъ, но даже насколько возможно употреблять ихъ только черезъ годъ. Въ такихъ условіяхъ лошади свѣжи, бодры и достигаютъ высшихъ степеней тучности.

Якуты отмѣчаютъ двѣнадцать степеней тучности и истощенности конпаго скота, которыя они прекрасно опредѣляютъ на живой скотинѣ по наружному виду и ощупываніемъ на шеѣ, выше холки и за ушами. Вотъ названія этихъ степеней и поясненія ихъ, записанныя мною въ Намскомъ улусѣ (1888 г.).

1) «Ырбытъ»—самая сильная степень истощенности; мясо и кости почти не даютъ навара; мозгъ голепей почти весь превратился въ кровь и сукровицу. Отъ варенаго, горячаго мяса тошнитъ, его можно ѣсть только холоднымъ, оно вредно, противно и рѣшаются употреблять его только крайніе бѣдняки.

2) «Уонгхъ бюрлюонъ» (кости покрыты)—получается отъ мяса наваръ, супъ ѣсть можно, кости сосать стоитъ, хотя самаго мяса зажиточные якуты не ѣдятъ.

3) «Уонга биллеръ» (кости замѣтны)—мясо и мозгъ можно ѣсть.

4) «Толору кунгнахъ»—пѣтъ жиру, но мышцы и ткани здоровыя и нетронутыя (толору—полный).

5) «Кисиль сыэ» (красный жиръ)—жиръ только около холки.

6) «Тынгэ сыэ»—на туловищѣ еще пѣтъ жиру, но жиръ около холки уже бѣлый, а не красный. Отъ этой степени начинаются «тараха» — жиръ внутренній и подкожный по всему тѣлу, главнымъ образомъ на спинѣ и брюхѣ.

7) «Юрюнгъ тараха» (или «батыя энчохо») бѣлый покровъ.

8) Былытъ тараха—туманный покровъ (или «ылынчикіе каса»—покровъ въ толщину маленькаго пальца).

9) «Биръ или или ангара каса»—покровъ въ одинъ съ половиною пальца толщиною.

10) «Экки или или ангара каса» — покровъ въ два съ половиною пальца толщиною.

11) «Юсь или или ангара каса»—покровъ въ три съ половиною пальца толщиною.

12) «Терть или или ангара каса» — покровъ въ четыре пальца съ половиною толщиною. Послѣдній встрѣчается чрезвычайно рѣдко.

Высшихъ степеней тучности достигаютъ молодыя, яловыя кобылицы; мясо ихъ и жиръ высоко цѣнится, и отличается нѣжнымъ вкусомъ, напоминающимъ свинину. Къ началу зимы, къ декабрю якутскіе копи достигаютъ высшей степени ожирѣнія, затѣмъ наступаетъ задержка и пониженіе. Здоровый якутскій конь, гулявшій все лѣто на волѣ, а тѣмъ болѣе гулявшій нѣсколько лѣтъ, сплошь тогда одѣтъ подкожнымъ жиромъ, задъ его пріятно округлый, а спинная впадина ясно замѣтна средп гладкихъ толстыхъ спинныхъ мышцъ. Внутренности до того набиты жиромъ, что животныя, случается, гибнутъ отъ разрыва кишечныхъ стѣнокъ. Для этого достаточно удара къ бокъ копытомъ разыгравшейся товарки, или же нажима при катаніи по неровному мѣсту. Случается это также отъ быстраго бѣга, вызваннаго внезапнымъ испугомъ.

«Если табунъ черезъ-чуръ жирныхъ кобылъ испугается и вдругъ побѣжитъ, то животныя нерѣдко задыхаются до смерти. Нѣтъ у нихъ простора въ животѣ — дышать нечѣмъ» (Намскій ул., 1890 г.). Если черезъ-чуръ жирные, сытые кони, разыгравшись, станутъ бѣгать и прыгать, то нерѣдко ихъ тяжелыя внутренности рвутся...» утверждаютъ якуты.

Рабочихъ коней якуты держатъ вблизи дома, лѣтомъ въ огороженныхъ «выгонахъ», зимою въ открытыхъ «изгородяхъ», гдѣ кормятъ ихъ сѣномъ. На коня полагается въ зиму 10 возовъ сѣна (200 пуд.). Подъ крышу въ хлѣвъ старозавѣтные якуты считаютъ за большой грѣхъ ставить лошадей. Они говорятъ, что лошади у такихъ хозяевъ не водятся, стада ихъ постигаютъ всякія несчастія. Тѣмъ не менѣе я видѣлъ, какъ разъ въ страшную пургу, якутъ, много проплутавшій ночью, ввелъ свою промерзшую усталую лошадь въ юрту. Животное упиралось и ни за что не хотѣло войти и ее пришлось втолкнуть насильно. Во время дороги якутъ часто счищаетъ съ лошади ледъ, снѣгъ и намерзающій на ней иней; также старательно онъ очищаетъ отъ льда ея ноздри, постоянно

засоряющіяся во время сильнаго холода. Всадникъ часто внимательно осматриваетъ подпруги, поправляетъ положеніе сѣдла и каждыя десять верстъ останавливается и даетъ, хоть минуты двѣ, отдохнуть лошади. Благодаря этому, лошадь всю дорогу свѣжа, и опытный якутскій всадникъ считаетъ особенно для себя лестнымъ проѣхать трудный переѣздъ и привести лошадь сухую и бодрую. Это обращеніе, какъ видимъ, сильно разнится отъ бурятскаго и монгольскаго; монголы любятъ на лошадяхъ ѣздить быстро, вскачь и, не слѣзая, по нѣскольку десятковъ верстъ.

Якутскіе кони настолько кротки и послушны, что караванъ въ 50 лошадей, связанныхъ гусемъ (сетеляхъ), ведутъ два якута, одинъ впереди другой сзади. Успокаиваютъ якуты лошадей крикомъ «ба-ба», подбодриваютъ свистомъ и крикомъ «хотъ-хотъ»; заставляютъ бѣжать рысью звукомъ «тпрр».

Уходъ якутовъ за табунами не рабочаго конпаго скота сводится до сихъ поръ, какъ это было и раньше, къ простому наблюденію за ихъ цѣлостью.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ конокрадство по тѣмъ или инымъ причинамъ практикуется рѣдко, якуты разыскиваютъ и провѣряютъ табуны не больше двухъ разъ въ лѣто и то провѣряютъ въ полѣ. Только по осени, послѣ Покрова, стада пригоняютъ домой; здѣсь ихъ сортируютъ отбираютъ убойныхъ, продажныхъ и подъ сѣдло. Остальныхъ опять угоняютъ въ поле. Зимою якуты навѣдываются къ своимъ табунамъ чаще, но во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Стада круглый годъ проводятъ въ полѣ на подножномъ кормy и, въ поискахъ за лучшими, кормовищами, уходятъ не рѣдко очень далеко отъ жилища собственника. Тамъ они пасутся на полной свободѣ, руководимые и оберегаемые исключительно своими жеребцами вожаками. Не рѣдко за десятки верстъ отъ человѣческаго жилища среди долины въ глухомъ лѣсномъ «аласѣ», или на «калтусѣ» (мокрая, кочковатая ложбина), или въ рощѣ на берегу рѣчки, путешественникъ увидитъ стада пасущихся кобылицъ и жеребятъ. Гривастый, рослый жеребецъ, волоча за собою длинный хвостъ, который у жеребцовъ якуты не подстригаютъ, выскочитъ впередъ, посмотритъ, бросится къ своимъ кобылицамъ, сженитъ ихъ и отгонитъ немного въ сторону въ лѣсъ; затѣмъ, прижавъ уши, выгнувъ змѣеобразно къ землѣ шею, бросится опять къ незваннымъ гостямъ. Если это вольные кони, особенно, если среди нихъ жеребецъ, возникаетъ жестокая драка; а если это кобылы, онъ гонитъ ихъ въ свой гаремъ; если всадники или пѣшіе люди, онъ, храпя и сердито поглядывая блестящими глазами, проводитъ ихъ иногда за версту и дальше.

Къ нападающимъ собакамъ здѣшніе кони относятся крайне презрительно; помахиваютъ на нихъ головою, и не обращаютъ вниманія, развѣ что тѣ особенно безпокоятъ жеребятъ; тогда кобылы бросаются на нихъ. Я не видѣлъ, какъ они встрѣчаютъ волка, говорятъ что тоже не особенно боятся его, тѣмъ болѣе, что волки здѣсь рѣдко ходятъ стаями, и промысловыя артели у нихъ здѣсь маленькія, въ двѣ-три особи. Когда случалось въ дорогѣ натыкаться на волчьи слѣды, здѣшніе кони не проявляли особеннаго безпокойства. Я не слышалъ также о нападеніи волковъ на взрослыхъ лошадей. Другое дѣло медвѣдь; его жертвой по большей части дѣлается самъ вожакъ, который не смотря на страшный испугъ, всегда храбро отстаиваетъ своихъ женъ. Медвѣдя якутскіе кони боятся страшно; встрѣтивши свѣжій его слѣдъ, храпятъ, встаютъ на дыбы, а увидѣвши самого звѣря, начинаютъ дрожать всѣмъ тѣломъ и совершенно теряютъ голову [1]).

Косяки лошадей у якутовъ состоятъ обыкновенно изъ 20—30 особей, включая подростковъ и жеребятъ. Случаются, впрочемъ, и большіе косяки въ 50—70 даже 100 штукъ. Крупный косякъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ группъ, держащихся особо, но пасущихся вблизи. У каждаго жеребца есть признанныя за нимъ соперниками кобылы; затѣмъ тутъ-же, по сосѣдству, пасутся косяки, выгнанныхъ изъ стада подростковъ и безполыхъ, рабочихъ коней. Маленькими косяками въ 10 шт. якутскіе кони пастись не любятъ и предпочитаютъ крупныя общества; иногда на полянѣ собирается ихъ до нѣсколькихъ сотъ головъ. Якуты, на оборотъ, предпочитаютъ дробить косяки. Составъ табуна обыкновенно таковъ: жеребецъ съ 10—15 матками, остальные—молодежъ, яловыя кобылы, жеребята, годовалые и двугодовалые подростки. Подростковъ двухъ-лѣтокъ жеребцы уже гонятъ вонъ изъ табуна. Хозяева стремятся образовать изъ нихъ новые табуны (юръ), полагая на каждаго самца 10 кобылъ. Кобылы охаживаются по третьему году; жеребятся не ежегодно, а черезъ годъ на третій.

Лошади часто и быстро любятъ мѣнять пастбища. Въ началѣ лѣта онѣ дольше остаются на мѣстѣ; по помѣрѣ того, какъ откармливаются, онѣ дѣлаются все разборчивѣе, выѣдаютъ только лучшія травы и, оставляя слегка обглоданныя пастбища, покрытыя нерѣдко роскошной еще растительностью, уходятъ въ другія мѣста. Особенно любятъ онѣ травы, растущія на невысокихъ горахъ, глинистыхъ бугрѣхъ, на краю лѣса, въ березовыхъ рощахъ... Любятъ онѣ также полакомиться болотными травами

[1]) Считаю нужнымъ отмѣтить, что кони въ Прибайкальи совершенно не боятся медвѣдей; они спокойно проходятъ мимо него, если съ нимъ встрѣтятся на дорогѣ, что здѣсь не рѣдкость

и даже лѣтомъ, очевидно, ради разнообразія залезаютъ глубоко въ воду, выѣдая и отыскивая ихъ. По осени, когда растущія въ водѣ, болотныя травы сохраняютъ еще свѣжесть и нѣжность, а степныя и лѣсныя успѣли уже засохнуть и одервенѣть, лошади, главнымъ образомъ, устремляются на берега озеръ. Туда-же онѣ стекаются ранней весной, когда стаятъ снѣга, но еще нѣтъ зелени. Любятъ также въ это время (весною и по осени) лошади лизать и ѣсть «туранъ» (солонцоватая земля). Когда по осени озера замерзнутъ и покроются снѣгомъ, среди при-озерныхъ тростниковъ всегда можно встрѣтить табуны лошадей, лакомящихся молодымъ, еще не успѣвшимъ одервенѣть, тростникомъ. Стараго, засохшаго тростника онѣ не ѣдятъ. Вообще съ выпаденіемъ снѣга лошади становятся мало по малу менѣе разборчивы въ пищѣ, хотя якуты, выражая недовольство на малые снѣга, обыкновенно говорятъ: «малый снѣгъ, корму видно много, кобылы разборчивы, бѣгаютъ, не стоятъ на мѣстѣ, отчего худѣютъ»... (Баягантайскій ул. 1886 г.). Самымъ лучшимъ для лошадей считаютъ якуты сродній снѣгъ, четвертей въ $2^1/_2$ въ 3. Болѣе глубокіе снѣга неудобны, такъ какъ работа по розыску пищи становится черезъ чуръ изнурительной. Тогда лошадь принуждена безъ устали рыться въ снѣгу, не имѣетъ времени искать новыхъ пастбищъ и разнообразить пищу. Въ 1883 году въ многоснѣжную зиму снѣгъ доходилъ до стремянъ всадника; я видѣлъ въ Колымскомъ округѣ цѣлыя поляны, изрытыя во всѣхъ направленіяхъ глубокими корридорами въ снѣгу. Часто на поверхности видна была только спина животнаго или выглядывала голова, поднятая по случаю нашего пріѣзда.

Роютъ лошади снѣгъ ударами переднихъ копытъ обѣихъ ногъ, хотя чаще только правой. Этими ударами они пробиваютъ лёдъ даже въ $^1/_2$ дюйм. толщиною, и когда случается, что по осени рано замерзнутъ озера, а снѣгу нѣтъ, и стада мучатся жаждой, то часто можно видѣть, какъ вожаки ихъ или старыя опытныя кобылы добываютъ изъ подъ льда воду ударами копытъ. Дѣлаютъ такія прорубы они часто сообща: когда одна, почувствовавшая боль въ ногѣ или усталость, уходитъ, ее замѣняетъ другая, и долбитъ ледъ въ томъ же мѣстѣ, а прежняя, отойдя въ сторону, ждетъ результата. Такая же артельность замѣчается въ добываніи пищи изъ подъ снѣга: впередъ идетъ самая сильная лошадь, а за ней въ томъ-же корридорѣ роются подростки, часто собственныя дѣти, или болѣе слабыя товарки. Когда передовая устаетъ, ее смѣняетъ другая. Глубина снѣга, конечно, отражается мучительно на лошадяхъ, изнуряетъ ихъ тяжелой работой, но безкормицу создаетъ собственно не она, а «гололедица», послѣдствіе намерзанія льда на поверхности снѣга или вторичнаго замерзанія весенней воды; наконецъ, бозкормицу вызываютъ дожди, выпавшіе уже послѣ перваго снѣга и по-

крывшіе растительность слоемъ льда, откуда ее добыть невозможно, такъ какъ ударомъ копыта, откалывая лёдъ, отбрасываютъ и самыя нѣжныя, самыя питательныя части травъ, вмерзшія въ него. Въ «гололедицу» необходимо лошадей кормить сѣномъ, котораго обыкновенно не заготовлено, такъ какъ предвидѣть гололедицу невозможно. Начинается «голодуха» и падежи. Въ глубоко-снѣжныя зимы тоже приходится подкармливать лошадей. Но въ обыкновенныя средне- или мало-снѣжныя зимы подкармливаютъ и то 2 — 3 послѣднихъ зимнихъ мѣсяца, только жеребыхъ кобылъ да 3—4 лѣтнихъ жеребятъ, которые въ то время мѣняютъ зубы и которымъ по этому трудно справиться съ подножнымъ кормомъ [1]).

Жеребыхъ кобылъ съ осени отбиваютъ въ особый табунъ и стараются держать вблизи дома. Жеребыхъ кобылъ въ концѣ марта и апрѣля, и только-что родившихся отъ нихъ жеребятъ-сосунчиковъ помѣщаютъ въ особыя изгороди (титикъ), защищенныя отъ вѣтра высокимъ, въ сажень слишкомъ, плетнемъ, сооруженнымъ изъ тонкихъ, отвѣсныхъ тальниковыхъ или лиственичныхъ прутьевъ. Прутья корзинообразно переплетены между тремя горизонтальными жердями, составляющими остовъ изгороди [2]). У старозавѣтныхъ же якутовъ жеребятъ ставятъ просто въ открытомъ дворѣ, огражденномъ обыкновенной изгородью. По серединѣ протягиваютъ ремень съ петлями, и къ каждой петлѣ помощью особыхъ деревянныхъ застежекъ (кулугу) прикрѣпляютъ за оброть жеребенка. Тутъ жеребята стоятъ безъ всякой защиты день и ночь [3]), во всякую погоду. Только въ сильную бурю ихъ уводятъ въ болѣе защищенное мѣсто или устраиваютъ временную отъ вѣтра защиту. Кобылы первыя недѣли никуда не уходятъ отъ жеребятъ, и все время пасутся на виду. Доятъ ихъ въ началѣ два раза, затѣмъ 3 и 4 раза въ день. Въ старину говорятъ доили до 6 и даже до 9 разъ. Хорошая дойная кобыла даетъ въ день ведро (20—30 фун.) сладкаго жидкаго молока. Дойныхъ кобылъ кормятъ особенно хорошимъ сѣномъ. Для остальныхъ лошадей въ безкормицу рубятъ, съ половины марта, «тальникъ». Съ этой цѣлью гонятъ табуны въ мѣста поросшія извѣстными, съѣдобными сортами тальника и тамъ рабочіе, вооруженные топорами, валятъ на землю кусты; животныя объѣдаютъ верхушки и болѣе нѣжныя вѣтки кустовъ.

---

[1]) Миддендорфъ; ibid, фауна. Часть II, стр. 536.

[2]) По видимому плетень этотъ позаимствованъ у русскихъ; на сѣверѣ его нѣтъ, или онъ встрѣчается рѣдко.

[3]) Въ началѣ, пока они неспособны ѣсть сѣна, къ нимъ на ночь пускаютъ матокъ. О вводѣ жеребятъ въ жилое помѣщеніе подъ крышу, также какъ и взрослыхъ лошадей, я не слыхалъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ уходъ якутовъ за табунами коннаго скота. Таковъ онъ былъ и въ прошломъ. Тѣмъ не менѣе якутамъ удалось провести коневодство къ самой границѣ лѣсовъ. Дальше на тундрѣ лошади являлись только временно, какъ вьючныя и верховыя животныя. Въ Устьянскѣ мнѣ разсказывали, что лѣтъ тому 20 «на морѣ костѣвать» ѣздили на лошадяхъ (1882 г.) Тоже самое сообщаетъ Врангель о Ниже-Колымскихъ промышленникахъ, которые отправлялись въ тундру за промысломъ [1]). По дорогѣ изъ Устьянска въ Верхоянскъ мы часто въ лѣсныхъ чащахъ, далеко сѣвернѣе теперешней границы коневодства, натыкались на повѣшенныя на сучьяхъ черепа лошадей. Такіе же черепа найдены на Оленёкѣ Маакомъ и даже черепъ, найденный Миддендорфомъ на Таймырскомъ полуостровѣ, этотъ ученый считаетъ въ полеонтологическомъ смыслѣ сомнительнымъ, т. е. современнымъ, занесеннымъ. Въ настоящее время самыя сѣверныя по мѣсту жительства кони это тѣ нѣсколько штукъ, что находятся въ Устьянскѣ: ихъ тамъ видѣлъ еще въ 1892 году Э. В. Толь, и онѣ, по всей вѣроятности, потомки, тѣхъ послѣднихъ 4 кобылъ, остававшихся въ 1882 году отъ тамошнихъ стадъ, которыхъ видѣлъ я. Онѣ были яловы по недостатку жеребца, и якутъ, везшій на нихъ нашу кладь вплоть до урочища, въ устьи р. Кюнгясь, гдѣ уже начиналось прочное коневодство, расчитывалъ случить ихъ тамъ съ жеребцомъ. Такимъ образомъ, существованіе лошадей въ Устьянскѣ въ то время было связано съ такой случайностью, какъ нашъ проѣздъ [2]). Въ Ниже-Колымскѣ, на Омолонѣ, въ Черноусовой давно уже о лошадяхъ нѣтъ помину. Граница постояннаго коневодства отодвинулась по всей линіи верстъ на двѣсти на югъ, въ глубину лѣсовъ. Нѣтъ также лошадей на Жессеѣ, гдѣ говорятъ нѣкогда было ихъ много; онѣ вытѣснены оттуда, отчасти болѣе удобнымъ для рыбака животнымъ, собакой, отчасти болѣе удобнымъ для охотника сѣвернымъ оленемъ. Тѣже причины повели къ исчезновенію лошади съ береговъ Охотскаго моря и окрестностей Удскаго острога, гдѣ онѣ были въ свое время вводимы даже правительствомъ.

Повальныя болѣзни, угрожающія здѣсь лошадямъ, суть, главнымъ образомъ, «сибирская язва» и «influenza» [3]). По словамъ Гольмана отъ этихъ

---

[1]) Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: «Другіе (жители Походска и Черноусовой) на лошадяхъ отправляются въ тундру за оленями. Охотники выѣзжаютъ всегда въ двоемъ и кромѣ хорошо обученныхъ собакъ, каждый привязываетъ къ своей лошади вѣтку». Врангель «Путешествія», Част. II, стр. 60. Извѣстно, что многія поѣздки по чукотской землѣ Врангель совершилъ на лошадяхъ.

[2]) Лѣтомъ нѣтъ сухопутнаго сообщенія съ Устьянскомъ. Нашъ проѣздъ былъ экстраординарный.

[3]) Гольманъ, «Памят. Книж. Якут. Об.» 1871 г., стр. 130.

болѣзней въ Вилюйскомъ и Олёкминскомъ округахъ между 1861 и 1862 годами погибло до 12.000 лошадей. Сибирская язва спорадически свирѣпствуетъ во всемъ краѣ почти безпрерывно, но грознѣе этихъ болѣзней для здѣшняго коневодства—безкормицы: такая безкормица въ 1882 году, возникшая вслѣдствіи потопленія сѣна осенью и глубокихъ зимой снѣговъ въ Колымскомъ округѣ, убила сразу треть лошадей. Кромѣ того лошади часто страдаютъ отъ ревматизма, порока сердца, воспаленія легкихъ, чахотки, солитера, фистулы и т. п. Больную лошадь якуты торопятся убить. Лѣчатъ якуты лошадей шаманствомъ, ставятъ кромѣ того банки изъ рожка, пускаютъ кровь изъ ушей, изъ хвоста, прокалываютъ «мышки [1])». Внутрь даютъ якуты лошадямъ топленое масло, соль, водку, а иногда какую нибудь сложную гадость: напр., смѣсь лягушечьяго отвара съ женской мочей, или порошекъ изъ толченаго дятла. Все это (исключая мыла, которое считается слабительнымъ) принимается безъ всякой системы, по усмотрѣнію. Какъ отвлекающее (горчишникъ, мушку) якуты употребляютъ прижиганіе трутомъ и «заволоку»; послѣднюю тоже считаютъ русской выдумкой. Переломы костей якуты вылѣчиваютъ очень умѣло; для перевязокъ употребляютъ разогрѣтую на огнѣ бересту, которая дѣйствительно, быстро затвердѣвая, представляетъ отличный бинтъ. Раны заклеиваютъ отъ мухъ рыбьимъ клеемъ или смазываютъ дегтемъ.

Якутская лошадь отъ 5 до 10 лѣтъ считается въ силѣ возраста; въ старину въ это время только начинали ее употреблять для ѣзды. На сѣверѣ это удержалось до сихъ поръ, но на югѣ нужда въ лошадяхъ заставила понизить рабочій возрастъ до 3-хъ лѣтъ, что вредно отозвалось на ростѣ и развитіи лошадей. Также дурно отзывается на нихъ раннее холощеніе, которое теперь производятъ по 2-му году; прежде не дѣлали его раньше 3-хъ лѣтъ. Не менѣе дурно отзывается на лошадяхъ обычай ѣздить вдвоемъ на одной лошади, послѣдствіемъ чего нерѣдко является хроническая хромота. Возрастъ въ 20 лѣтъ считается для лошади предѣльнымъ; обыкновенно тогда лошадь убиваютъ.

---

[1]) «Мышки»—опухоль желѣзъ подъ скулами и на шеѣ, вызванная натугой или тѣснымъ хомутомъ. Якуты увѣряютъ, что «мышки» да «насосъ» болѣзни, привезенныя русскими, что якутскіе кони никогда ими раньше не страдали, и что теперь при якутскомъ обращеніи съ лошадьми они не случаются. «Насосъ» (мозолистая опухоль на верхнемъ пёбѣ) лѣчится проколомъ.

Кромѣ выше описанныхъ крупныхъ домашнихъ животныхъ встрѣчаются еще въ Якутской области въ небольшихъ количествахъ слѣдующія:

Изъ птицъ:

Куры, простыя, русскія. Завезенныя сюда вначалѣ любителями, опѣ дѣлаются мало по малу въ земледѣльческихъ округахъ общераспространенной, деревенской птицей. Нѣтъ русской деревни, нѣтъ дома въ г. Якутскѣ, гдѣ бы не нашлось ихъ нѣсколько десятковъ. Держатъ ихъ, главнымъ образомъ, для яицъ, хотя на якутскомъ городскомъ рынкѣ, появляются уже изрѣдка цыплята. Свѣжее яйцо стоитъ въ Якутской области лѣтомъ отъ одной до полуторы копѣйки, весною отъ 2-хъ до $2^1/_2$ зимою же и наканунѣ Пасхи за него охотно платятъ 5 даже 10 коп. Мороженыя яйца—скверныя, безвкусныя, и бѣлокъ у нихъ свернутъ, точно они были опущены въ кипятокъ; стоимость ихъ значительно ниже ($^1/_2$ коп.). Содержатся куры лѣтомъ на открытомъ воздухѣ и только на ночь загоняются въ избы и теплые курятники. Я, впрочемъ, убѣдился, что куры, которыхъ не загоняютъ въ теплыя помѣщенія, а все время оставляютъ на открытомъ воздухѣ, дольше по осени несутся. Зимою куръ держатъ въ баняхъ или избахъ, въ особыхъ низенькихъ и тѣсныхъ клѣтяхъ, нерѣдко подъ печкой, гдѣ онѣ лишены всякихъ удобствъ, свѣта, воздуха, гдѣ сильно скучаютъ и гдѣ мучитъ ихъ невыносимо паразитъ. Хорошихъ, просторныхъ, свѣтлыхъ курятниковъ я нигдѣ въ Якутской области не видѣлъ, кромѣ какъ у нѣсколькихъ богачей скопцовъ, любителей свѣжихъ яицъ. Они путемъ разведенія все болѣе и болѣе раннихъ цыплятъ добились того, что у нихъ есть курицы, несущіяся зимою, въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ. Курицы въ Якутской области, по моимъ наблюденіямъ, начинаютъ нестись на пятый мѣсяцъ и, если осень теплая, благопріятная, а лѣто было жаркое, сухое, то самки изъ мартовскихъ выводковъ въ концѣ августа даютъ яйца. Съ наступленіемъ холодовъ носка яицъ прекращается, особенно если курятники плохіе. Приноситъ, по моимъ вычисленіямъ, курица за лѣто отъ 50 до 60 яицъ. Содержаніе ихъ лѣтомъ ничего не стоитъ; зимою кормятъ ихъ зерномъ, хлѣбными «охвостьями», вареным кортофелемъ, даже рѣпой [1]). Изъ хлѣба даютъ преимущественно овесъ и ячмень, рѣже пшеницу, а ярицу и рожь избѣгаютъ давать: при недостаткѣ воздуха и движенія, здѣшнія курицы вѣчно страдаютъ несваревіемъ желудка и ярицу съ трудомъ усвоиваютъ. Въ случаѣ заболѣванія отъ несваренія и поноса ихъ съ большой пользой переводятъ на рыбную или мясную пищу и вареный кортофель. Курицы,

[1]) Вареным картофелемъ, съ подмѣсью муки, очень выгодно кормить здѣсь куръ, такъ какъ въ урожайные картофелемъ годы, его, по недостатку погребовъ, некуда дѣвать.

которымъ изрѣдка давали зимою рыбу и мясо, быстрѣе линяютъ, раньше начинаютъ нестись, и скорлупа ихъ яицъ много толще и крѣпче, чѣмъ у другихъ. Лѣтомъ курицы, питающіяся болотными червями, начинаютъ нести яйца безъ скорлупы (лить), тогда мѣстные хозяева запираютъ ихъ на нѣкоторое время въ курятники и кормятъ ихъ зерномъ, да мучными голушками съ подмѣсью извести. Видѣлъ я курицъ даже въ Верхоянскѣ, но очень жалкихъ.

Якуты куръ не разводятъ, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, скорѣе ради развлеченія, чѣмъ ради пользы. Главное этому препятствіе: частыя перемѣны мѣста жительства и вѣчно рыскающія въ поискахъ за пищей голодныя сосѣдскія собаки. Дома собаки быстро осваиваются съ птицей и даже дѣлаются успѣшными конкурентами въ подбираніи яицъ; смѣшно видѣть, какъ внимательно слѣдятъ онѣ за несущимися курицами и сколько употребляютъ хитрости и остроумія, чтобы добыть яйцо изъ узкаго недоступнаго для нихъ логовища.

Домашнихъ утокъ, гусей и голубей я видѣлъ всего по нѣсколько десятковъ штукъ у любителей въ г. Якутскѣ Видѣлъ также дикихъ прирученныхъ утокъ выведенныхъ изъ яицъ. Онѣ очень привязчивы, бѣгаютъ за хозяевами, какъ собачки, и охотники пользуются ими для приманки дикихъ утокъ, пуская ихъ на озера, гдѣ устраиваютъ «засѣдки». Имъ приходится подрѣзывать крылья. Зимою онѣ очень попуры, вѣчно сидятъ у огня, насупивъ перья. Въ теплыхъ курятникахъ, достаточно обширныхъ и свѣтлыхъ, домашнія гуси и утки проводятъ здѣсь зиму прекрасно. Голуби зиму тоже живутъ въ теплыхъ помѣщеніяхъ, но думаю, что могутъ со временемъ акклиматизироваться. Въ Иркутскѣ онѣ водятся цѣлыми стаями въ полудикомъ состояніи, хотя стужа тамъ тоже достигаетъ 40 градусовъ; дѣло все въ обиліи пищи и медленномъ приспособленіи.

Изъ четвероногихъ встрѣчаются:

Кошки, по якутски «машка». Они завезены сюда русскими; быстро стали любимыми якутскими домашними животными. Ихъ часто, особенно вблизи городовъ и русскихъ поселеній, можно встрѣтить въ юртахъ даже бѣдняковъ. Въ сѣверной части Якутской области ихъ нѣтъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ, завезенныхъ чиновниками въ города. Въ Якутскѣ я видѣлъ также кошекъ китайскихъ, съ пушистымъ хвостомъ; преобладаютъ же обыкновенныя русскія кошки.

Овцы. Было время, когда овцеводство обѣщало разростись и укрѣпиться въ Якутской области. Имъ стали даже интересоваться якуты. Но обѣднѣніе приленскихъ крестьянъ, вызванное внезапнымъ лишеніемъ поч-

товой гоньбы, въ восмидесятыхъ годахъ, повело къ уничтоженію у большинства изъ нихъ овечьихъ стадъ. Теперь вновь заводить трудно, тѣмъ болѣе что, какъ мнѣ объяснили, «овцу нужно заводить всѣмъ, чтобы всѣмъ пастуха нанимать, чтобы собаки у всѣхъ съ овцой стали знакомы, иначе толку не будетъ; овца не корова, требуетъ постояннаго присмотра». (Зад. Кангалас. ул. село Улаханское, 1892 г.).

Якуты по тѣмъ же причинамъ не заводятъ овецъ, хотя выгоду ихъ вполнѣ понимаютъ: «нужно всѣмъ заразъ, чтобы пастуха, чтобы собаки и воры не одолѣли». (Нам. ул., 1890 г.).

Овцы есть здѣсь, главнымъ образомъ, въ селѣ Павловскомъ у старовѣровъ да въ самомъ Якутскѣ. Овцы—простыя, черныя, низшаго сорта, двурогія, безъ курдюковъ.

Кромѣ овецъ пробовали здѣсь разводить свиней и козъ. Козы есть въ настоящее время только въ г. Якутскѣ и Вилюйскѣ. Свиньи встрѣчаются и въ другихъ городахъ и округахъ. Свиней особенно усердно въ 80 годахъ разводили въ Дюпсюнскомъ улусѣ политическіе ссыльные Страндинъ и Юрасовъ. Первый приготовлялъ прекрасные окорока, солонину, колбасы и сальники, пріобрѣвшіе извѣстность и, подъ названіемъ «страндиновскихъ», успѣшно конкурировавшіе съ привозными. За свинью средняго размѣра онъ, насколько мнѣ извѣстно, выручалъ около 100 руб. Съ отъѣздомъ этихъ умѣлыхъ и предпріимчивыхъ хозяевъ, свиноводство пало. Свиней купили, правда, богатые якуты, но животныя по большей части вслѣдствіе плохого ухода передохли. Привожу офиціальныя свѣдѣнія о количествѣ свиней и овецъ за года 1870 и 90, позаимствованныя изъ «Памятныхъ книжекъ Якутской обл.».

	г. Якутскъ		Якутскій окр.		г. Олёкминскъ		Олёкминскій окр.		г. Вилюйскъ		Вилюйскій окр.	
	1870	1890	1870	1890	1870	1890	1870	1890	1870	1890	1870	1890
Овцы . .	54	50	345	149	—	—	48	52	7	4	12	9
Свиньи .	9	15	10	5	5	2	22	10	5	—	—	—
Козы . .	4	8	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—

Итого въ 1870 . . . . овецъ 466, свиней 51, козъ 4.
» 1890 . . . . » 264 » 32 » 10.

Рис. 16. Якутскій алъ на Ленѣ

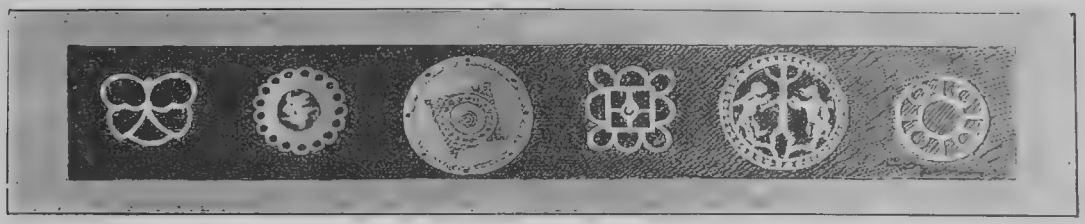


Рис. 17. Якутскія к ю с т э, подвѣски (1/3 настоящей величины).

I. О южномъ происхожденіи якутовъ.

«Жилъ нѣкогда, далеко на югѣ, человѣкъ сильный, господинъ богатый, по имени Джугупъ. Былъ у него сынъ Онохой—силачъ, воръ, разбойникъ, про котораго говорили, что онъ «восемьдесятъ амбаровъ сломалъ, девяносто людей убилъ» [1]). Пріобрѣлъ онъ такую извѣстность, что и теперь, когда хотятъ сказать о комъ, что онъ человѣкъ смѣлый, воръ ловкій, то говорятъ: «человѣкъ, какъ Онохой, сдѣлать болѣе другихъ способный—человѣкъ удалый, воръ первый» [2]). Долго онъ обижалъ сосѣдей, кралъ, насильничалъ, наконецъ истощилось ихъ терпѣнье, заговорилъ гнѣвъ. Собрались и рѣшили отомстить Онохою, сыну Джугупа. Услышавши, что идутъ съ большимъ войскомъ, онъ испугался, забралъ имущество, людей, скотъ, женъ и дѣтей и пустился бѣжать. Бѣжалъ, уходилъ долго, пока не попалъ на рѣку, текущую на сѣверъ. А были это истоки Лены (Ӧрюсь) [3]). Здѣсь построилъ два п л о т а (булуотъ), одинъ большой, на которомъ помѣстилъ скотъ и сѣлъ самъ съ людьми, а другой маленькій, на которомъ поставилъ деревянныя чучела, одѣтыя въ человѣческое платье и вооруженныя луками. Впереди, внизъ по рѣкѣ плыли сами, усиленно работая веслами; сзади свободно поплылъ по теченію плотъ съ куклами. Вскорѣ послѣ Онохоя прибыла на Лену погоня. Найдя щепки, стружки, слѣды работы, догадались что бѣглецы построили плотъ и уплыли на сѣ-

[1]) Агысъ уонъ амбаръ алепытъ, тогусъ уонъ киси ӧлӧрбитъ.

[2]) Оногой киси, обургу гыннэха гыммытъ киси, хорсупъ (хосунъ) киси, бӓрдъ уоруяхъ.

[3]) Здѣсь возможна путаница, «Ӧрюсь» значитъ вообще *большая рѣка*; такъ зовутъ, я не разъ слышалъ, колымскіе якуты *Колыму*, вилюйскіе—*Вилюй*. Штукенбергъ и Паллассъ такъ назвали послѣдній со словъ якутовъ. Pallas, Neue Nor. Beiträge, 1793 Bd. V, p. 282. Точно также переводитъ это слово Бётлингъ («Über die sprache der Jakuten», p. 27).

веръ и рѣшили тѣмъ же путемъ преслѣдовать ихъ. Прежде всего нагнали плотъ, гдѣ будто войско, стояли одѣтые въ платье шии. Начали пускать въ нихъ стрѣлы, но видя что тѣ не падаютъ, убоялись.

— «Пускай себѣ бѣжитъ! не возвратится! Убѣжалъ далеко»! говорили. И оставили преслѣдованіе бѣглыхъ.

Между тѣмъ, сынъ Джугуна, плывя безъ отдыха, безъ остановки, добрался до Почтенной горы [1]), что стоитъ на югѣ отъ города. Тутъ онъ впервые вышелъ на берегъ. Видитъ: на сѣверной сторонѣ открылись мѣста ровныя, поля широкія; остался, живетъ. Построилъ дома, огородилъ скотъ, размножилъ людей и скотину. Сдѣлался богаче, чѣмъ былъ прежде.

Однажды парни его, охотясь-промышляя надъ рѣкою, увидѣли плывущія щепки и стружки дерева, рубленнаго топоромъ или строганнаго ножомъ. Сказали объ этомъ старику. Испугался Онохой.

— «Охъ! бѣда, дѣти, бѣда!.. Должно быть мои враги приближаются»! Выбралъ ловкихъ, выбралъ смѣлыхъ и послалъ ихъ на югъ, говоря:

— «Осторожно подкрадываясь и высматривая, узнайте...»!

Пошли вверхъ по теченію. У самаго подножія Почтенной горы видятъ, на мысу, горитъ огонь; надъ огнемъ виситъ огромный котелъ, недалеко лежитъ топоръ изъ большихъ-большой, а около — ножъ, величины невиданной. Человѣка нѣтъ, а только на пескѣ замѣтили большущій слѣдъ ноги. Спрятались въ кустахъ, смотрятъ. Слышатъ: лѣсъ трещитъ, идетъ съ горъ человѣкъ, невообразимо великій. Испугались, убѣжали, приходятъ, разсказываютъ отцу.

— «Бай»! сказалъ старикъ. «Нужно посмотрѣть что это такое»! Собралъ вооруженныхъ людей и отправился. Видитъ: сидитъ человѣкъ и ѣстъ; камень поставилъ передъ собой, будто столъ, на немъ помѣстилъ котелъ, чашку, ножъ, ложку... Все огромное, самъ онъ невозможно великій. Видятъ что одинъ, подошли ближе, но осторожно, опасаясь.

— «Кто ты такой»?—спрашиваетъ Онохой.

— «А ты кто»?

— «Я Онохой»!

— «А я—Эллей»!.... [2]).

— «Зачѣмъ сюда приходишь»?

---

[1]) Ытыкъ-хая—почтенная гора, это Табагинскій мысъ; нарицательное имя для всѣхъ утесовъ, возвышающихся прямо изъ воды.

[2]) Эллей означало въ старину «большой», «громадный». (Объясненіе разкащика). Бётлингъ пишетъ: «Äläi» ibid, стр. 18; ällä по уйгурски образовать *роды*, распадаться на *роды* (W. Radloff, «Die Alttürkischen inschriften», p. 93).

— «Восемьдесять амбаровъ сломалъ, девяносто человѣкъ убилъ! Хотѣли меня поймать, наказать.... Бѣгу»!...

Обрадовался Онохой.

— «Совсѣмъ какъ я!... Хочешь: будемъ друзьями»!?...

Эллей согласился, подали другъ другу руки и пошли вмѣстѣ въ домъ Онохоя. Тамъ гуляли, ѣли, пили, танцовали, боролись, пѣли. Понравился Эллей старику; принялъ онъ его въ домъ, сдѣлалъ сыномъ. Живутъ, промышляютъ. Онохой знаетъ, Эллей еще лучше знаетъ; Онохой сдѣлаетъ, Эллей поправитъ; Онохой посовѣтуетъ, Эллей еще лучше того научитъ. Полюбилъ его старикъ сильно, сдѣлалъ начальникомъ, господиномъ, любимымъ сыномъ.

— «Столько лѣтъ живетъ у насъ этотъ человѣкъ, работаетъ, все, что прикажемъ, дѣлаетъ хорошо, быстро, лучше другихъ... Что же дадимъ ему въ награду за это, старуха»? спросилъ однажды Онохой жену.

— «Эттэ-тэ!... Что же больше мы дать ему въ состояніи, какъ не нашу любимую дочь, красавицу, не ломающую на ходу зеленой травы, шелковистую — Нуруланъ-ко»!...

А были у нихъ двѣ дочери: старшая—некрасивая, черная, на которую никто смотрѣть не хотѣлъ, и младшая, которой пальцемъ пошевелить не давали, которую холили и нѣжили, которая сама даже не мылась и не одѣвалась, а помогали ей другіе. Она не работала, никуда не ходила, ничего никогда не дѣлала, развѣ золотой иголкой, шелковыми нитками вышивала узоры. Однимъ словомъ имя ей: солнце-дѣвушка [1]).

Подумалъ, сообразилъ Онохой и, выждавши случай, говоритъ Эллею:

— «Столько лѣтъ у насъ живешь, стараешься, работаешь... Скажи, чего просишь въ награду? а мы не откажемъ тебѣ. Только нѣтъ у насъ ничего дороже дочери нашей любимой, не ломающей на ходу зеленой травы, шелковой Нуруланъ» [2]).

Эллей, ничего не отвѣтивши, вышелъ.

— «Что жъ онъ ничего не говоритъ»?.. удивлялся старикъ.

— «Должно быть раздумываетъ», догадалась старуха. А между тѣмъ Эллей слѣдилъ за дѣвушками, высматривая, куда онѣ тайкомъ ходятъ.

---

[1]) Кюнь кысъ. Этому выраженію въ сказкахъ придаютъ иногда особое значеніе, мнѣ непонятное; на вопросъ не значитъ ли это «солнце»?—отвѣчали: нѣтъ. Отмѣчу, что по уйгурски «кюнг»—значитъ дѣвушка, прислужница или рабыня (Radloff, ibid. p. 115). Якуты тоже часто въ этомъ словѣ произносятъ *нг* носовое.

[2]) Кюöхъ оту тосту тöбöтъ, солку Нуруланъ-ко—не ломающая на ходу зеленой травы, шелковая Нуруланъ-ко. Прозвище это стало теперь нарицательнымъ для красивыхъ, холеныхъ дочерей. Н. Гороховъ, въ своемъ замѣчательномъ переводѣ олонго Юрюнгъ-Уоланъ, Нюрюлданъ (все равно: Нюрюлланъ) переводитъ — «бѣло-лицая». Нюръ—лицо, уланъ—свѣтлый.

Тамъ наблюдалъ слѣдъ ихъ мочи: по Пурулдаѣ не оставалось ничего, точно дождикъ накраналъ, а послѣ старшей, худой и черной, всегда бѣлѣла на землѣ пѣна, точно густыя, свѣже-сбитыя сливки. Увидѣлъ это Эллей, молчитъ и ждетъ. Наконецъ пришло время, и старикъ опять спрашиваетъ:

— «Что-же ты молчишь?.. Говори: возьмешь или нѣтъ то, что даемъ тебѣ»?

Поклонился старику Эллей.

— «Не возьму я вашей дѣвки! Не хочу ее»!.. говоритъ. «А если правда хотите вознаградить меня, такъ отдайте мнѣ Растрепанную косу [1]). Такъ прозывали старшую дѣвушку.

Услышавши это, разсердился старикъ.

— «Тый!.. Вотъ дуракъ!.. Вотъ хитрый!.. Мы тебѣ даемъ, что у насъ самое лучшее, а ты просишь то, на что никто смотрѣть не хочетъ!.. Хорошо: возьми себѣ ее и уходи вонъ!.. Пусть не видятъ тебя мои глаза»!..

Далъ ему дойную кобылу съ жеребенкомъ, далъ полосатую [2]) корову съ теленкомъ, изъ самыхъ что ни на есть худыхъ, и прогналъ прочь со двора. Поблагодарилъ Эллей, поклонился и, взявши что дали, ушелъ. Ведетъ въ поводу кобылу съ жеребенкомъ, сзади жена гонитъ хворостиной корову съ теленкомъ [3]). Пошли на сѣверъ.

Пришли туда, гдѣ надъ рѣкою распростерлись мѣста ровныя, гладкія, а среди нихъ стоятъ «три лиственницы» [4]). Мѣсто имъ понравилось, рѣшили остаться. Набралъ Эллей березовой коры, поставилъ палки, связалъ ихъ вверху, обшилъ корой, украшенной узорами, зубчиками, вырѣзками, образовалась ураса, жилой домъ. Затѣмъ устроилъ для коровъ маленькій хлѣвъ, для кобылы покрытый загонъ, выкопалъ яму для молока. Основался, огородился, живутъ. Стоитъ въ хлѣву одинокая корова, стоитъ въ загонѣ кобыла, самъ-другъ съ жеребенкомъ [5]), а люди живутъ въ урасѣ; доятъ скотъ, собираютъ сливки, копятъ масло, дѣлаютъ кумысъ, промышляютъ, добываютъ, живутъ.

Ушелъ Эллей отъ Онохоя въ началѣ весны, а въ концѣ лѣта, около послѣдняго Спаса, захотѣлось старому узнать про зятя и дочку, и опъ

---

[1]) Сыспэй-Сысыахъ—Растрепанная коса. (Объясненіе и переводъ слова сдѣланъ самимъ разскащикомъ).

[2]) Кюрдюгёсъ—масть эта считается якутами скверной, несчастливой.

[3]) Въ этомъ мѣстѣ женщины-слушательницы обыкновенно всплескиваютъ руками и говорятъ жалостливо: барахсаттаръ! (бѣдняжечки!).

[4]) Юсь-титтахъ—мѣстность надъ Леной, недалеко Кельдямскаго скопческаго селенія, въ пятидесяти верстахъ отъ предполагаемыхъ стойбищъ Онохоя.

[5]) Опять выраженіе жалости со стороны слушателей.

послалъ своихъ парней отыскивать ихъ. Нѣкоторые пошли горами, другіе берегомъ рѣки. Тѣ, что шли горами, увидѣли дымъ вдали, тѣ, что шли вдоль рѣки, тоже его замѣтили. «Должно быть Эллей огонь развелъ», угадывали. «Пойдемъ, посмотримъ». И, крадучись, пошли. Эллей былъ богатырь, силачъ, а они не знали его мыслей... Подползли осторожно и увидѣли: стоитъ точно серебряная, бѣлая берестяная ураса, украшенная узорами, зубчиками, кружками... кругомъ, въ порядкѣ стоятъ пристройки: хлѣвъ, загонъ, изгороди. Горятъ дымокуры. Всюду чисто подметено, гладко. Во дворѣ, вдоль изгороди, стоятъ зеленыя елки ровно улица. Елки внизу подчищены, (содрана кора), что называется чечиръ. Въ самомъ углу стоитъ большое, красивое берестяное ведро, хологосъ, подъ кумысъ. Тогда у Эллея еще не было кожи чтобы сшить настоящій кумысный мѣшокъ, симиръ. Передъ ведромъ, повернувшись лицомъ на югъ, стоитъ на колѣняхъ (на одномъ колѣнѣ) Эллей, держитъ въ рукахъ большую ложку съ теплымъ масломъ и поетъ:

— «Создатель нашъ, господинъ творецъ! Мать наша госпожа хранительница! Восьми небесъ создатель, отче боже! Четырехъ небесъ распорядительница мать! Девятигранная земля! Восьмигранная родительница степь! Мѣстами обсыхающій, съ рѣдкими лѣсами, съ развѣсистой растительностью, Серединный міръ: рожай для меня! Восьмигранная стень, тобою созданный, благодаря тебѣ, живу! На вершинахъ міра сего, опершись ступнями, стою и взываю къ тебѣ! Три тверди заставь, четыремъ небесамъ накажи, семи небесамъ опредѣли, раскрывши восемь своихъ скрижалей (агысъ аркыматы*нгъ*)! Девяти небесамъ прикажи, девяти небесамъ свою волю объяви! Сдѣлай все это на бѣломолочномъ камнѣ сидящій, бѣлый создатель господинъ! Бѣлая мать госпожа, создавшая эту четвертую землю, на этомъ серединномъ мірѣ, дитя твое умоляетъ! Ты, мягкихъ обычаевъ заходящаго солнца! Ты благопріятныхъ мыслей восходящаго солнца! Будучи человѣкомъ праведнымъ, обращаюсь къ тебѣ; будучи удалымъ ура*нгх*айцемъ, говорю тебѣ! Мать-хранительница, госпожа, душа міра! Воспѣвающимъ голосомъ взываю къ тебѣ: чистое серебро взволнуй, замути, появись! Трехъ-жердной моей изгороди, ворота раздвинувши, прошу тебя! Исполненный лучшихъ памѣреній, мудрыхъ совѣтовъ, стою, ожидаю! Создательница паша, хранительница, госпожа, мать моя: воспитанный мною скотъ огради, рожденныхъ мною дѣтей въ пуху укачай! Неба создательница, трехъ небесъ мать, съ бѣлооблачнаго сѣдалища своего небрежно взгляни на меня! Рождающая создательница, госпожа, выслушай! Творецъ господинъ, благослови!.. уруй!.. уруй!.. уруй»!.. [1]).

[1]) Тюркій текстъ смотри II-й томъ, соотвѣт. главу.

Окончивши пѣсню, Эллей подбросилъ вверхъ ложку масла, затѣмъ отдалъ ложку женѣ и приказалъ отнести ее домой и положить не кое-какъ, а повернувъ вверхъ углубленіемъ. Жена исполнила приказаніе. Тогда Эллей взялъ большущій деревянный аяхъ (кубокъ) съ кумысомъ и, ставши опять на одно колѣно, а на другомъ держа сосудъ, снова пѣлъ и просилъ, поднимая бокалъ съ кумысомъ къ небу. Неизвѣстно откуда появились тогда три бѣлыхъ лебедя и, троекратно покружившись надъ Эллеемъ, спустились и стали пить кумысъ изъ бокала. Обрадовался Эллей, усѣлся съ женою, подъ чечиромъ пилъ кумысъ, разговаривалъ и веселился.

Все это видѣли, спрятавшіеся въ кустахъ, люди Онохоя, и понравилось имъ все чрезвычайно. Возвратились и разсказали старику, восхваляя красоту обряда, чистоту и порядокъ въ хозяйствѣ Эллея.

Разсказъ встревожилъ старика. «Какъ же это такъ? Что же это такое»? Взялъ онъ людей, жену и дочь. Впереди приказалъ гнать скотъ на пищу и подарки: старинные якуты никуда не ходили безъ скота, безъ пищи [1]). Пріѣхали. Эллея дома нѣтъ, только жена. Эллей ушелъ на промыселъ. Все осматриваютъ, все пробуютъ и удивляются, какъ все хорошо, прочно сдѣлано. Вошли въ домъ, спрашиваетъ старикъ дочь:

— «Какъ живете?... Мужъ тебя любитъ?...

— «Живемъ по маленьку!... Мужъ меня учитъ, а я слушаюсь»!...

Похвалилъ ее отецъ, погладилъ по головѣ. Сидятъ, разговариваютъ. Пришелъ и Эллей, принесъ много добычи и всю отдалъ старику съ поклономъ. Еще больше обрадовался старикъ, говоритъ:

— «Видѣли мои люди и разсказали мнѣ, какъ ты поставилъ въ рядъ зеленыя елки, какъ ты пѣлъ, масло и кумысъ вверхъ бросалъ и какъ прилетѣли три лебедя и выпили напитокъ!... Ты мнѣ все это покажи, а я ужъ тебя не забуду, отблагодарю».

Согласился Эллей, устроилъ чечиръ, поставилъ ведро съ кумысомъ, сталъ на колѣни съ бокаломъ въ рукахъ; сзади стали на колѣни всѣ присутствующіе; пѣлъ, просилъ, и слетѣли съ неба три бѣлыхъ лебедя и выпили напитокъ. Сильно обрадовался Эллей, а Онохой и люди его удивились. Потомъ сѣли подъ чечиръ, пили кумысъ, разговаривали, веселились три дня и былъ первый ысыахъ! [2]).

---

[1]) Это выраженіе: былыргыттаръ сахалларъ сюöсютö суохъ ханна-да барбаттаръ, астахъ бардылларъ можетъ, думаю, послужить, къ уясненію темнаго выраженія въ преданіи объ Уйгурахъ у Рашидъ-эд-Дина. См. «Къ вопросу объ Уйгурахъ», В. В. Радлова. Приложеніе къ LXXIII т., Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 2, стр. 42.

[2]) Говорятъ и ысыэхъ, смотря по мѣстности. Мы, гдѣ можно, предпочитали, придерживаться указаній Бётлинга.

Уѣзжая, старикъ сталъ звать Эллея къ себѣ, но тотъ не согласился. Тогда онъ отдалъ зятю скотъ, приведенный съ собою, и половину людей.

Затѣмъ благословилъ, говоря:

— «Пусть твой скотъ размножается, пусть люди твои расплодятся»!...

Уѣхалъ. Шли, путешествовали хорошо, пока подъ вечеръ не добрались до того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Марха [1]). Тутъ остановились почевать. Убили скотину, сварили ужинъ. А мѣсто это тогда было красиво; трава тамъ росла высокая, по колѣна людямъ и такая густая, что, если разъ кто прошелъ, то слѣдъ оставался навсегда. Цвѣтовъ было много, запахъ отъ нихъ разливался чудесный, а на холмахъ тамъ и сямъ стояли сосновыя рощи! Теперь пришли русскіе, вырубили рощи, взрыли землю, поставили всюду изгороди, измѣнилось мѣсто: не растутъ травы, не цвѣтутъ цвѣты...

Заночевалъ здѣсь Онохой. Люди разводятъ костры, а онъ любуется на красивую мѣстность, но тоска что-то гложетъ его.

Больше всѣхъ однако груститъ его непаглядная дочь Нурулданъ. Молчитъ, не говоритъ, сидитъ печальная. Наконецъ, встала и ушла въ степь, говоря:

— «Возвращусь... только вотъ въ этотъ лѣсокъ схожу»...

Ушла и нѣтъ ея. Ждали, ждали, наконецъ послали искать дѣвку. Пошли, ходятъ, смотрятъ—не видно, зовутъ—не отзывается! Вдругъ закричали, видятъ: виситъ дѣвка на суку. Обрѣзала одинъ изъ четырехъ ремней, которыми старинные якуты завязывали свои штаны (сыали), и повѣсилась!.. Должно быть огорчилась она, что другія, черныя и некрасивыя, находятъ счастье, дѣлаются госпожами, а она, бѣлая, красивая, холепая — все одна... Такъ догадывались.

Заплакали, затужили старики, взяли съ собой тѣло дочери и похоронили недалеко отъ своего жилья.

Живутъ, но покинуло ихъ счастье. Не везетъ: не то, такъ другое случается. А Эллей крѣпнетъ. Эллей мастеръ, Эллей кузнецъ, Эллей дѣлаетъ изъ дерева, изъ бересты разную посуду; куетъ топоры, ножи, котлы. А если кто нибудь изъ людей Онохоя завернетъ къ нему, то принимаетъ его щедро, разговариваетъ съ нимъ ласково. И всегда чѣмъ нибудь уходящаго подаритъ, и всегда что нибудь дѣльное ему скажетъ. Стали люди Онохоя, одинъ за другимъ, убѣгать къ Эллею.

---

[1]) Скопческое селеніе въ 8 верстахъ на сѣверъ отъ г. Якутска

— «Эллей, говорятъ, всякому домъ даетъ, даетъ женщину, даетъ скотъ и посуду. Дѣлаетъ всякаго господиномъ, а у Онохоя ты всю жизнь работникъ»!...

Бѣжали и скотъ съ собой уводили. Мало осталось скота и людей у старика. Но и эти остатки Эллей, почувствовавъ силу, отнялъ грабежемъ. Обѣднѣлъ, ослабѣлъ Онохой. И стали ему прежнія, нѣкогда счастливыя мѣста ненавистны; бросилъ ихъ и ушелъ искать другого пристанища. Ушелъ на сѣверъ; но не низомъ, долиною Лены, а горами, чтобы не встрѣчаться съ людьми Эллея. Прійдя туда, гдѣ теперь паслегъ Одей [1]), основался. Отъ него ведутъ начало люди Намскаго улуса; отъ Эллея же произошли якуты Кангалахсъ, Борогонъ, Татта, (Батурусъ), Менге и всѣ остальные зарѣчные восточные улусы. Поэтому то эти улусы многолюдны, богаты; поэтому есть среди нихъ превосходные мастера и промышленники, поэтому имъ везетъ, скотъ ихъ размножается, они богатѣютъ; а мы остаемся всегда бѣдными и темными»! (Намскій улусъ, 1891 года, разсказано Семенчикомъ Носковымъ, якутомъ Бётюнскаго наслега, рода Бётюгётъ) [2]).

Таково преданіе якутовъ о южномъ ихъ происхожденіи. По богатству типичнѣйшихъ подробностей, по замѣчательной правдивости, съ какой изображены въ немъ бытъ и характеръ якутовъ, оно заслуживаетъ большаго вниманія. Распространено оно повсемѣстно. Всякій якутъ, неравнодушный къ преданіямъ своего народа, знаетъ его и можетъ передать съ большей или меньшей полнотой. Я слыхалъ нѣсколько его варіантовъ и привелъ самый полный. О немъ же упоминаютъ: Миллеръ [3]), на него намекаетъ Врангель [4]), Щукинъ [5]), Миддендорфъ [6]) и другіе изслѣдователи и путешественники; его приводитъ В. Л. Приклонскій въ своихъ этнографическихъ очеркахъ [7]). По варіанту г. Приклонскаго Оногой-бай (бай — богатый) — татаринъ племени Саха; онъ пришелъ съ женою Сара, ея братомъ Улу-хоро и рабами; всѣхъ мущинъ было 13, женщины и рабы у древнихъ якутовъ не включались въ счетъ людей [8]). Уже на новомъ мѣстѣ родился у Оногоя сынъ Апъ-тайбыръ и

[1]) По правописанію официальныхъ списковъ: «Одейскій».

[2]) Преданіе приведено мною цѣликомъ не въ пересказѣ, а въ дословномъ переводѣ

[3]) Описаніе Сибирскаго царства, §§ 34, 5, 6, 7, 8.

[4]) Часть I. стр. 183.

[5]) «Поѣздка въ Якутскъ», изданіе II-е, 1844 г., стр. 271.

[6]) Часть II. Отд. VI, выпускъ 7-й, стр. 763.

[7]) Матеріалы по этнографіи Якутской Обл., Изв. В. С. От. Им. Рус. Геог. Общества Томъ XVIII 1887 г., стр. 11.

[8]) По варіанту Н. Щукина людей у Оногой-Бая было 150. Щукинъ поясняетъ, что разсказъ о южномъ происхожденіи якутовъ, позаимствованъ имъ изъ двухъ старинныхъ рукописей (ibid., стр. 271).

двѣ дочери Анъ-чинтай (Анъ значитъ «первенецъ») и Ника-харахсынъ (нѣжный взглядъ) [1]). Некрасивая Анъ-чинтай дѣлается женою Эллея; Ника-харахсынъ умираетъ трагической смертью подобно Пуруланъ [2]).

Общія свѣдѣнія по исторіи тюркскихъ племенъ на столько отвѣчаютъ гипотезѣ южнаго происхожденія якутовъ, что для признанія ея было бы совершенно достаточно тѣхъ прямыхъ указаній, которыя сохранила народная память. Но, возможно ясное и точное рѣшеніе этого вопроса, очень важно. Съ одной стороны оно позволило бы легче разобраться въ этническихъ особенностяхъ якутовъ, съ другой—эти особенности, бросили бы, въ свою очередь, много яркаго свѣта на культуру, общественное устройство и вѣрованіе древне-тюркскихъ племенъ, разъ были бы хоть приблизительно установлены моментъ и мѣсто отдѣленія отъ нихъ якутской вѣтви. Въ настоящее время даже опытъ подобнаго изслѣдованія не мыслимъ по недостатку матеріаловъ. Для начала мы постараемся отмѣчать въ этой книгѣ всюду признаки родства якутовъ съ южными ихъ соплеменниками и въ тоже время выдѣлять все позаимствованное ими у теперешнихъ ихъ сосѣдей. Въ этой же главѣ мы изложимъ тѣ указанія на югъ которыя стоятъ отдѣльно въ нашихъ матеріалахъ и сильнѣе бросаются въ глаза.

Къ такимъ, по нашему мнѣнію, принадлежатъ представленіе и названія: льва, змѣи, верблюда, животныхъ совершенно не встрѣчающихся въ теперешней родинѣ якутовъ. Змѣю якуты зовутъ одинаково съ монголами: мохой; она не встрѣчается сѣвернѣе 60°, а южнѣе она настолько рѣдко, что навряд ли найдется среди мѣстныхъ якутовъ десятокъ лицъ, видѣвшихъ ее. Верблюдъ имъ также знакомъ; правда, они считаютъ его сказочнымъ существомъ и нерѣдко называютъ русскимъ именемъ мер-

---

[1]) Ника значитъ нѣженка. По тунгуски Ника-дружокъ, ласкательное женское имя.

[2]) У Эллея было 6 сыновей: 1) Лабы*нгха*-сюрикъ (Болтунъ стремительный) старшій сынъ, впослѣдствіи пропавшій безъ вѣсти; онъ считается первымъ шаманомъ, первымъ распространителемъ вѣрованій и обычаевъ якутовъ. 2) Хадатъ-хан*галас*ъ; отъ него произошли якуты двухъ Кан*галас*кихъ улусовъ. 3) Джонъ-джагылы (джонъ—джаабы), отъ него произошелъ Батурусскій улусъ. 4) Молотой-орхонъ отъ него Мегинскій улусъ. 5) Дэли-дарханъ отъ него Борогонскій и Дюпсюнскій улусы по имени двухъ сыновей его Борогонъ-джорту и Сюрдяхъ-дюпсюнъ. 6) Хатанъ-хата-малай родоначальникъ Намскаго улуса. Эллей по этому преданію признается изобрѣтателемъ *дымокура*, а сынъ его Лабы*нгха* сюрикъ устроителемъ перваго ысыэха. Оногой въ концѣ умираетъ, богатство его гибнетъ; единственный сынъ Барагай-батылы-кялътягай-тобукъ, отъ котораго произошли якуты Балгантайскаго улуса, терпитъ нужду и пропитывается добычей, которую ему приноситъ черная собака. («Живая Старина», выпускъ II-ой, 1890 г., стр. 11). Всюду въ цитатахъ удерживаю транскрипцію авторовъ.

блюдъ-кылъ, мерблюдъ-саръ [1]), но у нихъ есть и другое его названіе, именно: тябень, очень близкое къ южно-тюркскому названію верблюда теве, или вѣрнѣе: тебе, качинскихъ татаръ. Богатырскій конь тябень обыкновенно называется хоро-тябень, причемъ хоро можно переводить и «южный» и «хоролорскій» (Худяковъ стр. 54); въ нѣкоторыхъ сказкахъ говорится о *двухъ его холкахъ*. На тябень ѣздятъ всегда богатыри враждебные якутамъ. Затѣмъ, въ преданіи о пребываніи верблюдовъ въ Якут. обл., эти животныя прямо называются тябень-кылъ. Верблюды въ началѣ прошлаго столѣтія, управленіемъ Вост. Сиб., были высланы на Охотскій трактъ, для перевозки тяжестей [2]). Якутское преданіе говоритъ, что китайцы (кытайдеръ) возили на нихъ изъ Охотска товары, и по дорогѣ привязывали къ какому-то священному дереву, недалеко верховьевъ Колымы (?). Духъ мѣста, обиженный этимъ, улетѣлъ, дерево засохло, а звѣри подохли. (Западный Кангаласкій улусъ, 1891 г. [3]).

Левъ, по якутски хахай. Въ сказкахъ якуты изображаютъ хахая звѣремъ сильнымъ, ловкимъ, съ буйной гривой на шеѣ и груди, съ длиннымъ упругимъ хвостомъ, снабженнымъ на концѣ шишкой [4]). Словомъ, представленіе ихъ довольно ясно и близко къ правдѣ. Нѣкоторое сомнѣніе вызываетъ только то, что слово хахай у монголъ и бурятъ значитъ свинья. Свинья тоже никогда не водилась въ дикомъ видѣ въ Якутской обл., тѣмъ не менѣе интересно было-бы узнать, какого изъ этихъ двухъ звѣрей въ старину называли хахай. Дикіе кабаны водятся и въ камышахъ Сыръ-Дарьинской области, и въ Монголіи, но особенно много ихъ на Амурѣ, гдѣ издревлѣ свинья считалась домашнимъ животнымъ у тамошнихъ осѣдлыхъ тунгусовъ. Китайскіе источники говорятъ о народѣ сѣдой древности, «жившемъ гдѣ то на сѣверо-востокѣ въ землянкахъ и имѣвшемъ стада домашнихъ свиней [5])». Въ Якутскую обл. свиньи попали очень недавно; ихъ привезли

[1]) Въ послѣднемъ выраженіи, судя по смыслу сказки, явно смѣшиваются понятія саръ—желтый (тюркское слово) и саръ—царь, императоръ (испорченное русское слово). См. т. II, Сказки.

[2]) Миддендорфъ, Часть II, Отд. V, стр. 546.

[3]) Можно также полагать, что якутское слово *таба*—сѣверный олень, котораго якуты раньше, несомнѣнно, не знали и котораго до сихъ поръ зовутъ «тунгусской скотиной» (омукъ-сюёсютё), родственно древне-тюркскому тебе. Койбалы зовутъ сѣвернаго оленя «ак кік» (бѣлая коза), карагасы «ібі»; «ібе», «ібі» или «дзаръ» зовутъ его также урянгайцы. Тунгусы зовутъ его «оронъ»; буряты — «гуронъ»; самоѣды — «дяба» (олень самецъ). Якутское «таба» ближе всего подходитъ или къ самоѣдскому «дяба» или древне-тюркскому «тебе».

[4]) Смотри главу этой книги «Народное творчество»—сказка «Эксёкю или битва птицъ и четвероногихъ», а также у Худякова, ibid. стр. 228.

[5]) «Илэу... Любятъ разводить свиней. Питаются мясомъ ихъ, одѣваются кожами ихъ». Іакинѳъ, «Собраніе свѣдѣній о народахъ обитав. въ Сред. Азіи», ч. II, стр. 19.

туда русскіе; якуты даютъ имъ русское названіе испинѣ; они, подобно монголамъ, брезгаютъ свиньями и не ѣдятъ ихъ мяса. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ свиней не видали, представленіе о нихъ болѣе фантастично, чѣмъ образъ льва. Въ сказкахъ крайняго сѣвера, подъ названіемъ желѣзной свиньи (тимиръ-испиня), изображается чудовище, не то змѣй, не то драконъ. Всюду она считается якутами животнымъ глупымъ, противнымъ и жестокимъ, между тѣмъ какъ левъ: гордымъ, смѣлымъ и благороднымъ царемъ четвероногихъ. Характерно также, что въ титулѣ высоко-почитаемаго якутскаго божества огня, встрѣчается, между прочимъ, хахай сагныяхъ—львиный плащъ [1]), и что одинъ изъ знаменитѣйшихъ якутскихъ шамановъ, могилу котораго на р. Баягѣ до сихъ поръ свято чтятъ якуты, назывался Хахаяръ, что значитъ «рыкающій по львиному».

Въ сказкѣ Тулуяхъ ого, первый столбъ коновязи въ домѣ богатыря, считающійся особенно священнымъ, «рычитъ, какъ левъ» (хахаяръ); второй—«клекчетъ какъ орелъ» (барылыръ); третій—«кукуетъ какъ кукушка» (кӧгӧёръ). Замѣчательно, что въ той же сказкѣ «верховный владыка страны 26 родовъ» называется Арсанъ-Долай, очевидно: арсланъ-далай — святой левъ [2]). Это же имя Арсынъ-Далай встрѣчается у Худякова (см. стр. 134, 156, 218, 225); въ олонго онъ называется начальникомъ враждебнаго якутамъ «дьявольскаго восьми-родового, дремлющаго племени, со ртомъ на темени, съ глазами на вискахъ». Слово арсланъ, арслынъ, арыстанъ, употребляемое южными тюрками для обозначенія льва, не знакомо якутамъ.

Особенное вниманіе ко льву якутскихъ сказаній, тѣмъ болѣе замѣчательно, что якуты очень мало знаютъ о тигрѣ, не менѣе страшномъ и хорошо

---

[1]) Худяковъ стр. 135. Вотъ полный текстъ этого титула: «И думаетъ (Бѣлый юноша) Откуда это у меня взялся сначала огонь, какое его назначеніе и власть, кѣмъ онъ разведенъ? Господиномъ и Госпожей моего огня должны быть: маленькій сынъ (аччигый ого) Бѣлаго Господа Бога (Юрюнгъ Ап Тоён) съ бѣломолочнымъ сѣдалищемъ (ють тас олбохтох) съ тремя серебряными ступенями (юсь юрюнгъ кѣмюсь юктяллях), съ кроткимъ нѣжнымъ характеромъ (сынъ), родившійся по назначенію имѣть во власти жизнь якутовъ (саха уранхай), принимающій въ подарокъ сосновый лѣсъ, обѣдающій сырымъ лѣсомъ, почующій сухимъ лѣсомъ (дровами), берущій и ѣдящій сырое дерево, бѣлобородый господинъ (быра бырджал-тоён) и бѣловолосая госпожа (быра бырджалъ хатын), высокій—подъемъ (дабый дархан) и высокій—спускъ (дархан тюсю), солнце лучъ; закаленое счастье тростка съ побрякушками, львиная доха, (хахай сагныяхъ), опасная плеть съ видной тросткой, сердитый зѣвокъ; духомъ этого священнаго огня мой дѣдушка по имени Анъ Улаханы и госпожа Анъ Сабахъ».

[2]) См. томъ II, главу «Народное творчество», сказку Тулуяхъ-ого. Ханъ Уйгуровъ, принимавшій китайскаго посланника, въ 982 году по Р. Х., въ своей столицѣ Хо-чеу (Сичжеу), развалины которой лежатъ недалеко отъ теперешняго Турфана, носилъ тоже титулъ Арсланъ хана (львинаго царя). Риттеръ. Землевѣденіе. Томъ II. стр. 37. Арсланъ — уйгурское слово, по мнѣнію Вамбери персидскаго происхожденія.

извѣстномъ южнымъ тюркамъ [1]). Были даже случаи, что тигръ забѣгалъ въ предѣлы населеннаго якутами края [2]); разсказы о немъ привозятъ постоянно купцы, выѣзжающіе ежегодно на Зею, Бурею и Наманъ, гдѣ туземцы хорошо знакомы съ тигромъ; между тѣмъ якуты постоянно смѣшиваютъ его со змѣемъ и дракономъ, называя безъ разбору всѣхъ ихъ элмесъ-кылларъ—полосатыми звѣрями. Въ глухихъ уголкахъ, гдѣ знали названіе льва (хахай) и сносно его описывали, гдѣ даже слыхали о «свиньѣ», о тигрѣ ничего не могли мнѣ сказать. Интересно было бы выяснить всѣ эти противорѣчія путемъ обстоятельныхъ и многочисленныхъ распросовъ и выключить изъ нихъ все то, что могло попасть въ народное сознаніе вмѣстѣ съ чужеземными сказками и преданіями.

Обратимся теперь къ названіямъ растеній. Тополь якуты зовутъ тіряхъ, то есть такъ же, какъ зовутъ его: персы, сарты, узбеки, калмыки, киргизы, урянгайцы (туба), и другіе народы, живущіе далеко на югѣ, отъ которыхъ якуты отдѣлены въ настоящее время пирокимъ иноплеменнымъ и иноязычнымъ поясомъ. Сосну, лиственницу, иву, березу и другія растенія, съ которыми они могли быть знакомы и на прежней своей родинѣ, они также зовутъ старинными татарскими именами, часто уже исчезающими въ другихъ нарѣчіяхъ, какъ напримѣръ: бесъ — сосна [3]). Названія всѣхъ этихъ растеній а также многихъ травъ, совершенно другія у теперешнихъ сосѣдей якутовъ: тунгусовъ, юкагирей, самоѣдовъ, чукчей. Иныя они и у бурятъ, и у монголовъ. За то растенія, какъ кедровый сланецъ, болбукта,

---

[1]) Алтайцы называютъ тигра—парсъ; урянгайцы—баръ; киргизы—джол-барсъ (Потанинъ. Оч. С. З. Монголіи, стр. 158).

[2]) Вотъ свѣдѣнія о появленіи тигра въ Якут. обл., позаимствованныя у И. Сельскаго. Въ 1833 году, въ Камаласкомъ наслегѣ, убитъ якутами тигръ огромныхъ размѣровъ: длина его отъ головы до хвоста была 10 четвертей. Въ 1846 году застрѣленъ тигръ около Амгинскаго селенія; по разсказамъ якутовъ онъ зашелъ туда съ верховьевъ р. Зеи. Между рѣдкостями, собранными г. Баснинымъ, находится тигровая шкура молодаго животнаго, убитаго около Якутска. (Запис. Сибир. Отд. Геогр. Об. Книжка I. 1856 г. стр. 10).

[3]) У урянгайцевъ (туба) манчжурская лиственница (Pinus Cembra) называется также бешъ. (Потанинъ, ibid). Татары сѣвернаго Крыма зовутъ ее иногда bias tsahami, хотя чаще употребляется названіе нарать, близкое къ наракъ, и нуратъ другихъ татарскихъ племенъ, а также къ монгольскому нарассу и бурятскому нарахунъ. Лиственница по якутски титъ; у сибирскихъ татаръ—tyt, telagatsch, karagaj; у ариндевъ—tshiltt, у карагасовъ и кайбаловъ töt. Ива, тальникъ, по якутски талакъ, по татарски талъ или тірäхъ; киргизы, узбеки, сарты, башкиры зовутъ ее талъ съ разными прибавками, смотря по виду. Береза по якутски—хатыннъ, у киргизовъ — каинъ; у сартовъ Туркестана — хаданъ; у татаръ вятскихъ chain, kasin; у татаръ бійскихъ и кузнецкихъ—kain; у татаръ томскихъ—kasin; у татаръ красноярскихъ — chasen. Другое татарское названіе березы—сирикъ, перешло у якутовъ въ сиспкъ и примѣняется ими только къ кустовидному березняку. Иностранныя названія взяты мною у Кастрена, Маака. Потанина и изъ Ботаническаго словаря Н. Анненкова.

ягель лабыкта, съ которыми якуты, повидимому, стали чаще встрѣчаться на теперешней своей родинѣ, они называютъ по тунгусски, а моропку, съ которой познакомились только въ приморскихъ тундрахъ, куда проникли одновременно съ русскими, зовутъ по-русски марошкы. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что, напримѣръ для южнаго высокоствольнаго кедра у нихъ сохранилось особое названіе силахъ масъ, близкое къ татарскому (томск.) Syra и отличному отъ тунгусскаго Taktykan, что подтверждаетъ, между прочимъ, мнѣніе о малой склонности якутовъ давать чужія названія уже извѣстнымъ имъ предметамъ.

Въ преданіяхъ якутовъ о климатѣ и растительности отдаленнаго прошлаго, встрѣчаются тоже намеки на югъ:

«Въ старину было теплѣе: снѣгъ выпадалъ поздно, таялъ рано. Потомъ произошли перемѣны: пошли чрезвычайно глубокіе снѣга въ шесть, семь четвертей; морозы стали невозможные. Теперь опять будто легчаетъ: слабѣе сталъ холодъ, а снѣга бываютъ даже черезчуръ мелкіе. Это тоже худо: земля вымерзаетъ, сохнутъ, умираютъ корни травъ и на слѣдующій годъ будетъ неурожай. Подножный кормъ, не покрытый снѣгомъ, теряетъ вкусъ и сокъ, ломается и крошится, колеблемый вѣтромъ. Вотъ отчего въ малоснѣжную зиму приходятъ лошадиные табуны домой»... (Намскій ул., 1889 г.).

«Нѣкогда травы росли такія высокія, что люди раннимъ утромъ боялись косить: онѣ, большущія, покрытыя росою, падая на людей, мочили ихъ платье, мѣшали двигаться». (Намск. ул., 1891 г.).

«Нѣкогда были, говорятъ, такія засухи и жары, что днемъ люди боялись выходить изъ дому и прятались подъ землей, а работали только по утрамъ и вечерамъ». (Намск. ул., 1889 г.).

«Когда-то цвѣтовъ на лугахъ было такое множество, что если кто проходилъ по нимъ, обувь его пропитывалась масломъ и медомъ растеній и дѣлалась мягкою, точно только что смазанная и вымятая. Развѣ теперь это случается? Сколько ни ходи, обувь твоя останется сухою... Исчезли куда-то цвѣты, травы утеряли соки». (Намск. ул., 1891 г.).

Правда, всѣ подобные разсказы проникнуты мыслею, что предполагаемыя перемѣны произошли на теперешней родинѣ якутовъ, но, вѣроятнѣе, это глухіе отголоски воспоминаній о старомъ гнѣздѣ, гдѣ дѣйствительно «солнце жгло сильнѣе, трава росла выше, гуще и яркіе цвѣты покрывали землю, издавая душистый запахъ». Вотъ какъ якуты описываютъ въ своихъ сказкахъ этотъ далекій, желанный, благодатный край:

«Въ томъ краѣ вода не изсякала, деревья не сваливались, кукушка не переставала куковать, журавли не мѣняли свои мѣста, и днемъ и ночью

жаворонки вились на высотѣ; зимы не было; край былъ вольный, хорошій, солнце не закатывалось, луна не уменьшалась». (См. сказку Тулуяхъ-ого).

Календарь якутовъ также носитъ отпечатокъ южнаго происхожденія [1]). Названіе марта—кулупъ-тутаръ «держущій жеребятъ», показываетъ что когда-то въ это время жеребились кобылы, а названіе апрѣля — бус-устаръ «ломающій льды», что въ ту пору вскрывались рѣки. «Такъ было нѣкогда; теперь въ эти мѣсяцы морозъ часто слезы изъ глазъ выжимаетъ, а кобылы рожаютъ два мѣсяца спустя», поясняли якуты. (Нам. ул., 1886 г., Верхоянскій ул., 1882 г.; Баягантайскій ул., 1885 г.).

Трудно также предположить, чтобы та любовь къ степному простору, къ широкимъ ровнымъ полямъ, которою дышутъ якутскія описанія мѣстностей, была пріобрѣтена ими гдѣ-либо въ сѣверовосточной Сибири, съ ея крохотными луговыми долинами, среди сплошнаго лѣсистаго плоскогорія, съ горизонтомъ всюду закрытымъ мрачной тайгой.

— «Мѣста красивыя, поля чистыя! Куда не взглянешь—всюду видно далеко»! (Нам. ул., 1890 г.).

— «Мѣста почтенныя, пупъ земли, степь матушка, восьмиугольно-гранный (агысъ иляхъ сагалахъ) міръ»...

— «Краю берега не увидишь, границъ не замѣтишь, простора не обнимешь—земля ровная, цвѣтущей травы».

— «Выѣзжаетъ въ тихое, самое лучшее, богатое, роскошное мѣсто, на пупъ земли, гдѣ длинная благодать никогда не измѣняется, широкое богатство растянуто съ неизмѣннымъ счастьемъ...» (Худяк., ibid. стр. 144)

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываютъ якуты излюбленныя мѣста и, на оборотъ, выражаютъ сожалѣніе, что:

— «Въ старину большія ровныя поля были не рѣдкостью, а теперь земля покоробилась, появились углубленія, степи покрылись кочками, кустами»... (Нам. ул., 1889 г.).

— «Въ началѣ земля была ровная и гладкая, точно столъ. Горы и долины появились впослѣдствіи. Ихъ создалъ дьяволъ». (Верхоян. ул., 1881 г.).

— «Раньше земля была ровная; трещины и углубленія сдѣлалъ впослѣдствіи подземный быкъ [2]), копая свои ходы и логовища. По этимъ рытвинамъ потекли рѣки». (Верхоянскъ, 1882 г.).

Лѣсъ и воду не особенно жалуютъ:

— «Живетъ въ лѣсу точно медвѣдь или воръ», говорятъ брезгливо. (Нам. ул., 1890 г.).

---

[1]) Смотри Томъ II «Якутскій Календарь».

[2]) Мамонтъ или носорогъ.

Свои жилища любятъ устраивать среди лужка, на краю поля или болѣе просторной луговой пади. Воды боятся, купаться не любятъ, и рѣдкій изъ нихъ умѣетъ плавать. Даже тамъ, гдѣ рыболовство является теперь исключительнымъ средствомъ къ жизни, сохранились у нихъ преданія, показывающія высокомѣрное отношеніе древнихъ якутовъ къ рыболовамъ: «Живетъ рыбой, точно бродяга-чужестранецъ»... (Верхоянскій ул. 1881 г.). «Смердящій рыбакъ (сытыганъ балыкчытъ) — послѣднее имя»!.. [1]) (Намск. ул., 1891 г.).

Въ этихъ отзывахъ чувствуется степнякъ скотоводъ.

Гдѣ, однако, были степи, первоначально воспитавшія якутовъ, рѣшить трудно.

Предположенія, гдѣ ихъ слѣдуетъ искать, нельзя даже признать за гипотезы до того они мало основательны. Вамбери, напримѣръ, указываетъ на Джунгарію и сближаетъ ихъ по простому созвучію племеннаго имени Саха съ древними Саками [2]).

Другіе изъ писавшихъ по этому поводу, какъ Ф. Миллеръ [3]), І. Фишеръ [4]), а съ ихъ словъ Георги, Щукинъ, Миддендорфъ, Маакъ и пр. указываютъ на Байкалъ, а въ болѣе отдаленномъ прошломъ на верховья Енисея, ссылаясь тоже, главнымъ образомъ, на присутствіе тамъ соименныхъ татарскихъ племенъ: сагай, сахаль, соха... Наконецъ, есть такіе, которые указываютъ на страну Холинъ (верховья Селенги и Толы), на Забайкаліе (Риттеръ) [5]) и даже Амуръ.

Оба послѣднія мнѣнія, какъ мы указывали, опираются, главнымъ образомъ, на присутствіе въ этихъ мѣстностяхъ тюркскихъ и даже спеціально якутскихъ названій [6]). Нахожденіе ихъ можетъ быть, впрочемъ, удовлетворительно объяснено безъ предположенія, что здѣсь жили когда-то якуты.

---

[1]) *С* въ словѣ балыксытъ переходитъ въ говорахъ въ *ч*: балыкчытъ; мы въ такихъ случаяхъ будемъ писать: балыкчытъ, *ч* курсивъ.

[2]) Vamberi, «Das Türken volk», p. 148.

[3]) Описаніе Сибирскаго царства, стр. 22.

[4]) «Сибирская Исторія», стр. 67.

[5]) Землевѣденіе Азіи, т. II, стр. 314, изд. 1859 г.

[6]) Для примѣра приведу нѣсколько изъ нихъ наудачу; 1) Кокуй (родовое якутское имя)—селеніе на Шилкѣ. 2) Токуръ (кривой) правый истокъ р. Олёкмы въ Забайкальѣ 3) Уръ (лиственичный наплывъ) притокъ Зеи. 4) Керяхъ (жертва) лѣвый притокъ Ура. 5) Арба—притокъ Ура. 6) Бургали (часть бычьяго ярма)—лѣвый притокъ Амура. 7) Эльге (родовое якутское имя) лѣвый притокъ Зеи. 8) Танда (родовое якутское имя) притокъ Гилюя. 9) Бомъ (ущелье)—притокъ Силимджи. 10) Тугуръ—рѣка. впадаетъ въ Тихій Океанъ противъ Шантарскихъ Острововъ. 11) Эсе (медвѣдь)—одинъ изъ Шантарскихъ острововъ. Кромѣ этихъ болѣе извѣстныхъ и обозначенныхъ на картѣ, встрѣчается много несомнѣнно якутскихъ именъ въ дневникахъ путешественниковъ напр.: р. Артыкъ (подемъ) прит. Шевелы и Уда; Быса (раздѣлъ) пр. Силимджи.; р. Тастахъ прит. Буреи.

Вѣроятнѣе всего названія эти занесены сюда уже въ позднѣйшее время завоевателями казаками и якутскими промышленниками.

Казаки и «вольные промышленные люди» сильно способствовали искаженію и отуреченію сибирской географической терминологіи. Въ отрядахъ казаковъ всегда было много татаръ и другихъ инородцевъ перебѣжчиковъ, и «амапатовъ» (заложниковъ), служившихъ имъ вмѣсто проводниковъ, и переводчиковъ [1]); они то надо думать и называли новыя мѣста. Сами казаки быстро вырождались и денаціолизировались, особенно тамъ, гдѣ приливъ новыхъ силъ изъ Россіи былъ затрудненъ разстояніемъ. Это въ высшей степени замѣчается среди якутскихъ казаковъ. Среди нихъ, уже въ первые годы завоеванія, является масса такъ называемыхъ «новокрещенцевъ», т. е. якутовъ, принявшихъ православіе и зачисленныхъ въ казаки; они какъ знатоки края играли немалую роль въ завоеваніи Восточной Сибири. Наконецъ, недостатокъ русскихъ женщинъ въ Якутской области заставлялъ казаковъ сплошь и рядомъ жениться на якуткахъ, а плѣнницъ и «крѣпостныхъ якутскихъ жонокъ» они, случалось, брали съ собою и въ походы и увозили далеко въ Енисейскъ, Красноярскъ и на Амуръ [2]).

Такимъ образомъ становится понятнымъ появленіе тюркскихъ и спеціально якутскихъ названій въ перемежку съ русскими, тунгускими и другими мѣстными, въ первыхъ казацкихъ донесеніяхъ, а затѣмъ въ офиціальныхъ спискахъ и на картахъ, помимо того жили ли тамъ тюркскія народности или нѣтъ [3]).

---

[1]) По этому поводу приведу маленькую историческую справку. Ленскіе воеводы, Головинъ и Глѣбовъ въ отпискѣ «о пріисках служивыми людьми новыхъ земель по рѣкамъ Витиму, Цыпиру и проч.» сообщаютъ, между прочимъ, что: послали для сбора ясаку къ *верхоовлямъ* Витима (Забайкаліе) письменнаго голову Епалея Бахтареева съ 51 человѣкомъ, *толмачей якутскихъ* и тунгускихъ служивыхъ людей 4 человѣка... (Дополненіе къ Историч. акт., т. II-й, стр. 260).

[2]) Въ копіяхъ съ якутскихъ «свитковъ» Кіевской Дух. Консист., любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе собственникомъ ихъ, отцомъ А. А. Іонинымъ, есть интересная челобитная въ Якут. Воеводскую Канцелярію, относящаяся къ половинѣ XVII столѣтія. Тамъ говорится, между прочимъ, «о двухъ якутскихъ жонкахъ», увезенныхъ казаками въ енисейскій острогъ и, очевидно, перепроданныхъ тамъ другимъ лицамъ. Послѣдніе ихъ владѣльцы хлопочутъ о позволеніи жениться на нихъ.—Въ извѣстной отписи Дежнёва находимъ тоже указанія на то, что казаки нерѣдко брали съ собою въ походы женъ инородокъ, именно: тамъ говорится что плывя вдоль береговъ Охотскаго моря, онъ видѣлъ среди корякъ плѣнную якутку, взятую въ походъ на Камчатку Ѳедотомъ Алексѣевымъ (1648 г.). (Врангель Томъ I стр. 18). Отмѣчу, кстати, что сообщенія о якутахъ новокрещенцахъ можно часто встрѣтить въ воеводскихъ дѣлахъ и отпискахъ, между тѣмъ какъ о тунгусахъ и самоѣдахъ въ роли казацкихъ новобранцевъ я не встрѣчалъ свѣдѣній. Очевидно якуты легче мирились съ дисциплиной и охотнѣе мѣняли мирную кочевую жизнь на военные походы, полные приключеній и надеждъ на быстрое обогащеніе.

[3]) Кромѣ спеціальныхъ географическихъ терминовъ какъ: т а с ъ, т а г ъ, д а ' с ъ—утесъ, х а л—гора, б о м ъ—ущелье, х о м о—заливъ, т о м п о—водоворотъ, б у л у н ъ—долина, а н ъ—во-

На Амуръ и въ Забайкалье первые казаки, какъ намъ извѣстно, пришли изъ Якутска. Все это позволяетъ сильно усомниться въ историческомъ значеніи многихъ тюркскихъ и спеціально якутскихъ названій юга Восточной Сибири.

Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ только названіе Байкала; съ нимъ, главнымъ образомъ, и связываютъ предположеніе о проживаніи тамъ якутовъ. Въ виду этого мы постарались узнать все, что было для насъ доступно, о появленіи и происхожденіи этого названія и позволимъ себѣ въ кратцѣ изложить здѣсь наши по этому предмету изысканія.

Риттеръ указываетъ, что самыя раннія свѣдѣнія о Байкальскомъ озерѣ мы встрѣчаемъ у китайскихъ авторовъ. Изъ «описанія земель Орось» видно, что оно было имъ извѣстно уже при династіи Танъ въ VII столѣтіи текущей эры и что называлось оно Бэй-хай — оно-же Бай-хай или Пе-хай, смотря по выговору [1]). Тамъ же сказано, что въ исторіи Китая упоминается о Байкалѣ, какъ о мѣстѣ ссылки важныхъ придворныхъ лицъ. Монголы звали Байкалъ Далай—святое. Первый разъ Байкалъ названъ Байгаломъ въ оригинальной исторіи Монголіи Сананъ-Сецена. Въ главѣ о миоическихъ сказаніяхъ озеро это названо «большою водою Байгала, омывающей гору Бурханъ-Халдунъ (могилу Чингисхана); второй разъ говорится о Байкалѣ въ цвѣтущій періодъ Чингисханова владычества. Именно, сказано: «что ему покорились между прочими и Ойрядъ-Бурядъ, прославшіе пословъ «изъ-за большихъ водъ Байгала» и поднесли орла въ дань, какъ знакъ повиновенія [2]). Марко Поло не даетъ Байкалу никакихъ названій; онъ помѣщаетъ его на сѣверъ отъ равнины Баргу, населенной Меркитами, называетъ его «океаномъ» и говоритъ о соколахъ, кречетахъ и песцахъ (?), гнѣздящихся на его прибрежныхъ скалахъ и островахъ [3]). И такъ нужно признать за несомнѣнное, что буряты и монголы за много лѣтъ до пришествія русскихъ давали Байкалу его

рота, эленъ—щеки, юрякъ—рѣчка и проч. встрѣчаются собственныя имена, особенно излюбленныя казаками. Для примѣра приведу одно Кокуй: на Шилкѣ есть два Кокуйскихъ селенія, одно вблизи Стрѣтенска, выше его, другое верстъ 80 ниже; затѣмъ есть Кокуй на Енисеѣ (селеніе въ устьи Тасѣевой); на Ленѣ селеніе Кокуй, верстъ 50 ниже Усть-Кута и цѣлый якутскій родъ ***Кокуй***, въ устьяхъ Вилюя; наконецъ, Кокуй называлась нѣкогда (1677) восточная часть Туруханска, въ отличіе отъ западной «посадской». (Третьяковъ «Туруханскій край». стр. 142). Во времена Палласа было селеніе Кокуй на Ишимѣ (Палласъ, ibid. ч. II, кн. II, русскій переводъ, стр. 93). Г. Н. Потанинъ говорилъ мнѣ, что есть также село Кокуй въ Самарской губерніи на Волгѣ.

[1]) Риттеръ, «Землевѣденіе Азіи», т. II, стр. 312, изд. 1859 г.

[2]) См. Риттера, ibid. стр. 314; провѣрено по Шмитовскому переводу: Ssanang'Ssetsen Chungtaidschi. Gesch. d. ost-Mongolen: «das Ufer des grossen Wassers, Baighal genannt» p. 57; «von dem grossen Gewässer Baighal» p. 75 ibid.

[3]) Марко Поло «Путешествіе въ 1286 г.», стр. 68.

настоящее имя. Но извѣстно также, что эти народы охотнѣе звали его Далай-поръ—Святое озеро, а знакомые съ нимъ тунгусы называли его Ламъ — море. Въ казачей отпискѣ, гдѣ впервые говорится о Байкалѣ, онъ называется Ламъ, а въ поясненіи къ тому сказано, что «Ламу называютъ Брацкіе люди Байкаломъ озеромъ» [1]).

Подъ общимъ именемъ Ламы казаки долго путали въ одно: Ледовитый океанъ, Лену, Байкалъ, Амуръ, наконецъ Восточный океанъ [2]). Интересно: случались ли другія смѣшенія въ предѣлахъ упомянутаго выше географическаго понятія. Судя по заголовку отписки: *Распросныя рѣчи Енисейскаго служиваго человѣка, бывшаго въ посылкѣ на рѣкѣ Ленѣ и на Байкалѣ для ясачнаго сбора и открытія новыхъ земель*, нужно думать, что они случались. Дѣло идетъ здѣсь о плаваніи по Ледовитому океану и посѣщеніи рѣкъ Яны и Олепёка; океанъ въ текстѣ всюду названъ Ламою, но въ заголовкѣ сказано Байкалъ. Характерно, что смѣшеніе это сдѣлано енисейскимъ казакомъ, казакомъ той группы, которая раньше другихъ и совершенно, повидимому, независимо познакомились съ Байкальскимъ озеромъ [3]). Названіе «Байкальское озеро» прочно устанавливается въ офиціальныхъ бумагахъ, только съ основанія въ устьи Ангары острога, что случилось въ 1646 г.

Къ тому времени представленіе объ Амурѣ, Ледовитомъ и Восточномъ океанахъ настолько выясняется, что смѣшенія больше не встрѣчаются; тунгусское Ламъ исчезаетъ изъ географическаго оборота и является ле-

---

[1]) «Дополненіе къ историч. актамъ», томъ II-й стр. 247.

[2]) См. Дополненіе къ историч. актамъ», т. II-й, страницы по порядку именъ: Ледовитый океанъ, стр. 240; Лена — стр. 243; тамъ сказано: «ходилъ де онъ съ Енисейскимъ десятникомъ съ Елеской Бузой по морю, для провѣдыванія Ламы рѣки и иныхъ падучихъ рѣкъ въ море»; Байкалъ — стр. 247, 248, 251, 255; Амуръ и Восточный океанъ—стр. 259; тамъ сказано: «а Шилка де, государь, рѣка пала въ Ламу, а Ламу де, государь, они называютъ моремъ, а на усть де, государь, рѣки Шилки живутъ Килорцы...» Замѣчательно также, что въ одной отпискѣ (см. стр. 248), представленіе о Байкалѣ, какъ бы разбивается на двѣ половины, часть его называется Ламой, а часть Байкаломъ: «а по Ламѣ и по Байкалу живутъ неясачные тунгусы... А на Ламѣ островъ именемъ Ойхонъ...»

[3]) Байкальское озеро открыли не якутскіе казаки, а какіе то другіе, вышедшіе изъ Енисейска или Красноярска. Якутскіе казаки навѣрное знали бы о своихъ сотоварищахъ и не написали бы въ первомъ донесеніи объ этомъ озерѣ: «тунгусъ чипкагирскаго роду съ Ламы... сказывалъ: въ прошломъ де въ 148 (1640) году лѣтомъ ходятъ по Ламѣ въ судахъ русскіе люди... а отколѣва тѣ казаки пришли и давно ли по Ламѣ ходятъ, того не вѣдаетъ (Дополн. къ историч. актамъ, ibid. стр. 247). Отмѣчу, что приведенное выше смѣшеніе Ледовитаго океана съ Байкаломъ было по времени раньше этого перваго офиціальнаго свѣдѣнія о Байкалѣ. Первый организованный походъ на Байкалъ въ 1629 году енисейскаго воеводы Якова Харитонова, не состоялся. Тотъ хотя и побѣдилъ, по его донесенію, бурятъ у Оки, но возвратился назадъ и Байкала не объѣхалъ. Фишеръ, ibid. стр. 349.

генда о полученіи имени Байкальскимъ озеромъ «отъ нѣкоего иноземца...» [1]).

Какъ ни отрывочны собранныя нами свѣдѣнія объ имени Байкалъ, тѣмъ не менѣе они несомнѣнно подрываютъ довѣріе въ байкальское происхожденіе якутовъ, разъ послѣднее не имѣетъ за себя ничего кромѣ этого слова. Правда: имя Байкалъ въ числѣ прочихъ было извѣстно очень давно прибайкальскимъ инородцамъ, но оно могло возникнуть самостоятельно, наконецъ, они могли его позаимствовать у китайцевъ, немного передѣлавъ однозвучное слово Бай-хай. Характерно, что имя это вмѣстѣ съ китайцами исчезаетъ съ береговъ Байкала и что хранителями его являются теперь по преимуществу русскіе. Якуты же могли быть на Байкалѣ, но могли и не быть. Слово это у нихъ есть, но оно могло быть занесено къ нимъ русскими казаками уже впослѣдствіи, подобно тому какъ были занесены къ нимъ другія инородческіе слова: юкала, нàрта, бурдукъ, бать и проч.; могли они также познакомится съ нимъ много раньше и въ то время могли жить далеко на югѣ или западѣ въ степяхъ и узнать о немъ при посредствѣ бурятъ и монголовъ. Выбрать послѣднее предположеніе меня заставляетъ еще одна маленькая, но характерная черточка.

Издавна слѣдя за якутскими выраженіями, гдѣ встрѣчается Байкалъ, я замѣтилъ, что въ сказочныхъ оборотахъ, соотвѣтствующихъ русскому «море-океанъ», якуты употребляютъ странную, чуждую имъ въ звуковомъ отношеніи и лишенную смысла, приставку ратъ или ырат ъ [2]). Она очень близко подходитъ къ слову ойратъ и невольно наводитъ на сопоставленіе ойратъ байгалъ монгольскихъ лѣтописей съ ратъ байгалъ якутскихъ сказокъ [3]).

Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что у якутовъ есть и другой терминъ того же типа: далай, означающій многоводность, большую воду [4]); терминъ этотъ совершенно тождественъ съ бурятскимъ и монгольскимъ прозвищемъ Байкала, но значитъ по монгольски «святой».

Въ настоящее время у якутовъ слово Байкалъ значитъ, вообще, море. — Ледовитый океанъ они зовутъ бусъ (ледъ) байкалъ. Восточ-

[1]) «А иноземцы всѣ, и Мунгальцы, и Тунгусы и иные, называютъ все Байкальское море своимъ языкомъ Далай — се есть море, и иноземцы только двухъ озеровъ великихъ называютъ Далая, одного Байкала, а другаго изъ котораго течетъ р. Аргуня.... И имя Байкала видѣтся, что не русское, а назвали его тѣмъ именемъ по имени нѣкотораго иноземца, который жилъ въ тѣхъ мѣстахъ». (П. Спаѳаріи. Путешествіе черезъ Сибирь въ 1675 г., стр. 120).

[2]) Смотри Т. II сказку «Эксекю», тюркскій текстъ.

[3]) Риттеръ, ibid Том. II стр. 215. Ssanang-Ssetsen, ibid. p. 75.

[4]) Бётлингъ, ibid стр. 115, далай куогасъ—гагара обширныхъ водъ.

ный океанъ **ити байкалъ** — теплое море. Впрочемъ, яснаго понятія о морѣ большинство якутовъ не имѣетъ и нѣтъ у нихъ особыхъ терминовъ для обозначенія морской бури, шторма, прилива, отлива, корабля, паруса и т. п. Вамбери указываетъ, что вообще у тюрокъ нѣтъ своихъ морскихъ терминовъ и нѣтъ собственнаго слова для понятія *море*, что употребляющееся въ этомъ смыслѣ **тенгизъ** значитъ просто: широкій, просторный, а **дерья** (derja) средне-азіатскихъ тюрокъ позаимствовано ими у персовъ [1]). У якутовъ корень **тенг** употребляется преимущественно въ смыслѣ: ровный, одинаковый; изрѣдка онъ встрѣчается и въ такихъ выраженіяхъ, какъ **тенг-сиръ** — обширная равнина; тѣмъ не менѣе для понятія *море* якуты употребляютъ **байкалъ**. Отмѣчу, что русскіе застали якутовъ по серединѣ материка, вдали отъ морскихъ береговъ, и что юкагиры и тунгусы, отъ которыхъ они могли узнать о морѣ, называли послѣднее **ламъ**. Къ обоимъ океанамъ, Восточному и Сѣверному, якуты проникли одновременно съ русскими, и послѣдній я слышалъ, какъ Колымскіе якуты называли наравнѣ съ **бусъ байкалъ** и русскимъ именемъ: **моорá**. Слово **байкалъ** они склонны выговаривать по монгольскому образцу: **байгалъ** [2]).

Возможно, что въ то время, когда якуты познакомились съ словомъ байкалъ, это озеро было самымъ крупнымъ изъ извѣстныхъ имъ водоемовъ и имя его стало у нихъ въ послѣдствіи нарицательнымъ; но возможно также, что они узнали его относительно недавно. Корень этого слова неизвѣстный, и наврядъ ли тюркскій; въ лексиконѣ якутовъ стоитъ онъ совершенно отдѣльно, если не признать дѣтскихъ попытокъ производить его отъ **бай көль** — *богатое озеро* или **бай халъ** — *богатство останься*. Никакого особеннаго богатства не могли признать за Байкальскими берегами скотоводы якуты, особенно въ то давнее время, когда они, навѣрное, еще хорошо помнили родныя степи.

И такъ, нужно подождать помѣщать якутовъ даже временно въ Прибайкаліи, до подтвержденія этого предположенія другими болѣе точными доказательствами.

Закончу этотъ обзоръ названія **байкалъ**, указаніемъ на мѣстности Сибири, гдѣ оно также встрѣчается, а гдѣ пребываніе якутовъ не было отмѣчено: 1) **Байкалово**, зимовье въ устьяхъ Енисея ниже Толстаго носа [3]), 2) озеро «**Байкалъ**» на правомъ берегу И. Тунгу-

---

[1]) Вамбери. «Das Türkenvolk» p. 49.

[2]) Послѣднее обстоятельство было замѣчено не только мною, но и Худяковымъ. Онъ всюду въ своихъ тюркскихъ запискахъ придерживается правописанія **байгалъ**.

[3]) Записки объ Енис. Губ. 1831 г. Ст. Совѣт. И. Пестова стр. 235.

ски [1]), и наконецъ [2]) село «Байкальское» на правомъ берегу Енисея, въ 50 верстахъ выше села Абакапскаго [2]). Впрочемъ, о пребываніи якутовъ на Н. Тунгускѣ Чекановскій записалъ преданіе, указывающее на мѣстность «Ямы», гдѣ, будто-бы стояли ихъ юрты [3]).

Теперь попробуемъ узнать, какіе результаты даетъ сближеніе національнаго имени якутовъ съ однозвучными именами южно-тюркскихъ племенъ.

Зовутъ якуты себя саха (множественное сахалларъ); въ торжественныхъ оборотахъ рѣчи, въ сказкахъ, пѣсняхъ, молитвахъ любятъ употреблять двойное имя ура*нгай* саха, причемъ ура*нгай* относится къ саха, какъ общее къ частному, какъ племенное къ родовому [4]). Въ обычной рѣчи говорится ура*нгай* киси—урангайскій человѣкъ, въ смыслѣ «чудной человѣкъ», «человѣкъ необычныхъ размѣровъ», «старинныхъ обычаевъ», «немного странный», «немного удивительный» (Намск. улусъ, 1891 г.).

«Ура*нгай* саха» зовутъ якутовъ также въ эпическихъ пѣсняхъ враждебные имъ (абасы) богатыри. Примѣровъ такого обращенія много; приведу позаимствованное мною у Худякова изъ извѣстной былины (олонго) Юрюнгъ-Уоланъ: «Другъ человѣкъ, родившійся на среднемъ мѣстѣ по обыкновенію ура*нгай* якутовъ, съ перемѣшною душой, здравствуй!» (стр. 155) [5]).

Аларскіе буряты до сихъ поръ подъ именемъ урянха разумѣютъ дикій лѣсной народъ вродѣ тунгускаго. Мѣстожительство его указываютъ на сѣверъ отъ своихъ мѣстъ (р. Бѣлая, лѣв. пр. Ангары). «Ты хочешь

---

[1]) Озеро Байкалъ, длиною 1½ версты, на пр. берегу Н. Тунгуски, въ 9 верстахъ ниже д. Логашинской, близъ р. Ружинской. (Вилюйск. окр., Маакъ, Часть II, стр. 39).

[2]) Pallas, ibid. p. 522.

[3]) Чекановскій сообщаетъ, что на Н. Тунгускѣ, гдѣ-то къ сѣв. зап. отъ села Преображенскаго (точно не указано) есть мѣстность «Ямы», о которой разсказываютъ, что тамъ еще до прихода русскихъ жили якуты. Они жили въ обычныхъ своихъ балаганахъ, мѣсто которыхъ обозначаютъ теперь бугры и углубленія, отъ которыхъ и названа мѣстность. На нихъ растетъ теперь старый лиственичный лѣсъ. (Чекановскій. Извѣстія Имп. Геог. Общ., выпускъ V 1876 г. стр. 414.) Хорошо бы сдѣлать тамъ раскопки.

[4]) Это, повидимому, ввело въ заблужденіе г. Приклонскаго, который ура*нгай* саха переводитъ «человѣчество». (Живая Старина. Выпускъ II. стр. 27). Насколько мнѣ удалось заключить изъ многочисленныхъ распросовъ, понятіе «человѣчество» отсутствуетъ у якутовъ. Когда они хотятъ сказать вообще—*весь народъ, всѣ люди, всѣ сосѣди*—они, правда, говорятъ ура*нгай* джонъ; но только разумѣютъ по преимуществу якутовъ. Когда я пробовалъ употреблять ура*нгай* въ смыслѣ человѣчество, включая въ него всѣ народы, и русскихъ и тунгусовъ—надо мной смѣялись. Въ такихъ случаяхъ якуты обязательно говорятъ: *всѣ люди и якуты и чужестранцы* (бары ура*нгай* джонъ: сахалларъ да омуктаръ).

[5]) «Догоръ киси! Орто дайдыга кутунгъ кубулуянъ тӧрӧбютъ ура*нгай* саха бысытыгаръ боллагына, дӧробо». (Тюркскій текстъ).

быть урянха хамногынъ», говорятъ они тому, кто праздно ведетъ себя шатается безъ дѣла [1]).

Риттеръ склоненъ, повидимому, къ мнѣнію, что въ старину китайцы подъ именемъ урянхай (вулянхай) понимали самоѣдовъ, живущихъ на Кемѣ. По толкованію А. Ремюза и Клапрота слово это значитъ «охотники за оленями» и относится къ тунгусамъ. Въ древнѣйшемъ сказаніи о народномъ сеймѣ Та-че, есть указаніе, что въ ихъ странѣ къ западу лежитъ Самаркандъ, къ востоку же Вуляю-ха», изъ чего А. Ремюза заключаетъ, что это самая сѣверная часть восточной Татаріи, на западъ отъ народа Нюй-чжень, до Японскаго моря [2]). Всѣ эти предположенія не выходятъ, впрочемъ, изъ области гадательности и устанавливаютъ прочно только одно: имя это давно извѣстно китайцамъ и монголамъ, чуть ли не одновременно со словомъ уйгуръ, и этимъ именемъ назывались народы, жившіе гдѣ то на сѣверѣ. Этимъ же именемъ уранхай или сокращеннымъ урянхъ, называютъ въ настоящее время дархаты, монголы и китайскіе чиновники небольшой народецъ, смѣшаннаго, повидимому, происхожденія, живущій на сѣверныхъ склонахъ Таннуола, между этимъ хребтомъ и Саянскими горами въ долинахъ рѣкъ: Улукемъ, Бай-кемъ, Кемчику и другихъ, а также на озерѣ Косоголъ и на южномъ склонѣ Танну-ола (или Тангну-ола) въ долинѣ р. Нарынъ сумынъ и въ вершинѣ р. Кобдо [3]). Въ старину, въ этихъ мѣстахъ, по согласному показанію арабскихъ и китайскихъ источниковъ жили вмѣстѣ съ хакасами племена сѣверо-западныхъ Хой-ху. И хакасы и Хой-ху, по показаніямъ тѣхъ же китайцевъ, имѣли одинаковый языкъ «хой-ху», т. е. уйгурскій [4]). Дархаты до сихъ поръ зовутъ языкъ урянгайцевъ — *уйгурскимъ*, а народъ ихъ—*народомъ уйгурскаго языка* (уйгуръ кельтей улусъ [5]). Сами урянгайцы зовутъ себя: туфа, туба туха, смотря по мѣстности, по названіе «ура*нгай*» имъ знакомо и, по словамъ Г. Н. Потанина, они выговариваютъ его также, какъ якуты ура*нгай* — *твердое*

---

[1]) Потанинъ «Очер. С. З. Монг. Выпускъ IV, стр. 114.—Тамъ же разсказана слѣдующая исторія объ урянхахъ, по поводу онгона Андо-баръ: Шаманка Айсуханъ нашла мальчиковъ, закованныхъ въ люлькахъ, усыновила ихъ и воспитала. Одинъ изъ нихъ Андобаръ оставилъ ее и ушелъ прочь. Шаманка проклиная, крикнула ему вслѣдъ: Если будешь ходить въ лѣсу—будешь урянха, если будешь по скаламъ ходить—будешь хамногынъ. Андобаръ зашелъ на сѣверъ, здѣсь урянха угощали его головами туланга, т. е. тайменя; буряты же кормили его головами козъ».—Голова тайменя до сихъ поръ считается почетнымъ угощеніемъ у якутовъ. Хамногынъ, повидимому, происходитъ отъ корня хамна—двигаться. Хамначчытъ—работникъ. (Бётлингъ, стр. 79).

[2]) Риттеръ, ibid. т. III, стр. 568.

[3]) Потанинъ. Очеркъ С. З. Монг. Выпускъ II, стр. 7.

[4]) Риттеръ, ibid. томъ III. стр. 536 и 549—552.

[5]) Потанинъ Очеркъ С. З. Монголіи. Выпускъ IV, стр. 13.

а и носовое нг. Интересно, не употребляютъ ли урянгайцы въ исключительныхъ случаяхъ двойного имени у р а *н г* а й т у б а подобно якутамъ, и откуда взялось ихъ монгольское имя у р а н х а й [1])?

Относительно Саха, Сагай или Сагаль верховьевъ Енисея и Абакана, на которыхъ указываетъ Миллеръ, Фишеръ и другіе, какъ на предполагаемыхъ сородичей якутовъ, можно сказать, что доподлинно неизвѣстно, было ли раньше среди нихъ племя или родъ С а х а [2]). Теперь его нѣтъ.

С а г а и во время Палласа и Пестерова кочевали между Аксышемъ и Уйбатомъ до Базскихъ горъ. Ихъ въ то время насчитывали около 1000 человѣкъ; занимались они скотоводствомъ, держали много лошадей, крупный рогатый скотъ и овецъ. Раздѣлялись на а й м а к и (роды), во главѣ которыхъ стоялъ б а ш ы л ы х ъ (начальникъ, отъ басъ-голова, по якутски б а с ы л ы к ъ). Были знакомы съ земледѣліемъ и обработкой желѣза. Придерживались шаманства. Не были аборигенами этого края, а пришли откуда-то съ юга [3]).

---

[1]) Въ русской литературѣ они болѣе извѣстны подъ именемъ «соётъ»; такъ зовутъ ихъ русскіе сосѣди, теленгиты и минусинскіе татары. Китайцамъ и монголамъ неизвѣстно въ свою очередь имя «соётъ». А. В. Адріановъ разсказываетъ о забавной перепискѣ между русской и китайской администраціей, возникшей въ 1868 году и длившейся годъ, по поводу названія въ офиціальной русской бумагѣ у р я н х о в ъ—соётами. (Путешест. на Алтай и за Саяны. стр. 207). Соётами зовутъ ихъ будто бы по имени храбраго князя Сойта, который послѣ покоренія его народа русскими на Тубѣ (1618 г.), перевелъ своихъ подданныхъ къ джунгарцамъ, въ высокія горы, гдѣ они живутъ и теперь. (Риттеръ, ibid. т. II стр. 570). Самоѣды, живущіе по Енисею, зовутъ себя т а б о. Миддендорфъ, ч. II, т. VI, стр. 664.

[2]) Въ словѣ саха у якутовъ начальное с прочное, а не бѣглое; оно никогда, ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ говоровъ и выраженій не исчеваетъ и не смягчается въ х; въ виду этого всякія сближенія съ jaha, aha, haha, джяха, должны быть дѣланы крайне осторожно, тѣмъ болѣе, что с утеряно уже якутами въ тѣхъ словахъ, гдѣ оно могло быть утеряно, какъ наприм., алъ — судно, корабль, салъ — плотъ, у южныхъ татаръ; энъ — ты (мѣстоимен.), сенъ—ты, южныхъ татаръ и проч. Никогда я не слышалъ, чтобы якуты говорили: х а х а (*с* а х а) хахалларъ (*сахалларъ*), подобно тому, какъ говорятъ х у о х ъ (суохъ) или с а х ы л ъ (сасылъ) и т. п. Правда у нихъ сохранились въ то же время слова, какъ: *с* у о л ъ—дорога, с у т ъ—бевкормица, с ю с ь—сто, с ы л ъ—годъ, с а і—лѣто, гдѣ с прочно, несмотря на то, что по уйгурски слова эти пишутся: jol, jut, juz, jyl, jai (W. Radloff. «D. Alttürkischen Inschiften»). Тѣмъ не менѣе производить усвоенное *исключительно русскими* названіе якутъ отъ j a h a-утъ; у т ъ — монгольское окончаніе, означающее народъ, навряд ли возможно. Вѣрнѣе, что оно произошло отъ соединенія тунгусскаго прозвища якутовъ э к о, ёко, я к о съ окончаніемъ у т ъ; послѣднее окончаніе могли прибавить и сами казаки, уже къ тому времени знакомые съ монгольскими и татарскими именами на у т ъ (телеутъ, бурутъ и проч.). О якутахъ русскіе впервые узнали отъ тунгусовъ. Прозвище я к у т ъ считается якутами обиднымъ и они даютъ его другъ другу поругавшись. Щукинъ первый печатно попробовалъ обосновать производство я к у т ъ отъ е к о; онъ указываетъ, что первоначально въ офиціальныхъ бумагахъ острогъ якутскій назывался ё к о т с к и м ъ, а страна ё к о т с к о ю (Щукинъ, «Геогр. и этногр. терминологія Вост. Азіи», Вѣстн. Имп. Рус. Геогр. Общ., 1856 г. кн. III, стр. 261). Случалось, что звали ее также я к о л с к о й (Дополн. къ истор. актамъ. т. II, стр. 161).

[3]) Pallas, ibid. B. III, p. 345—349.

Sahal — названіе нѣсколькихъ соёковъ (родовъ) у Алтайскихъ татаръ по Катуни и у теленгитовъ на Чуѣ [1]).

Всѣ эти племена, скотоводы, охотники, постоянно двигались и, уже на памяти исторіи, нѣсколько разъ мѣняли свои территоріи. Этническая къ нимъ близость якутовъ мало выяснить, гдѣ былъ послѣдній якутскій на югѣ этапъ. Что-нибудь достовѣрное по этому вопросу можно развѣ ожидать отъ дешифровки и разработки орхонскихъ, уйгурскихъ и монгольскихъ надписей, а также минусинскихъ и енисейскихъ писаницъ.

О пути по которому прошли якуты на сѣверъ, также ничего не извѣстно; они нигдѣ не оставили слѣдовъ, унося все съ собою, какъ истые номады. Большинство писателей за вѣроятный признаетъ слѣдующій маршрутъ: Байкалъ, Верхоленскія степи и дальше внизъ по Ленѣ. Одинъ Щукинъ указываетъ на возможность и другихъ дорогъ. Именно, первая: внизъ по Енисею до Н. Тунгуски и вверхъ по послѣдней рѣкѣ, оттуда на Вилюй и Лену; вторая: изъ минусинскихъ и красноярскихъ степей на востокъ, въ *Манзурскія* (нужно думать Балаганскія и Верхоленскія) степи и оттуда внизъ по Ленѣ [2]). Первый путь имѣетъ за себя то, что въ окрестностяхъ Туруханска, въ Шорохинѣ и южнѣе по Енисею въ нѣсколькихъ деревняхъ существовали небольшія колоніи якутовъ, совершенно оторванныя отъ восточной компактной ихъ массы. Они занимались рыболовствомъ, но у нихъ *сохранился скотъ*. Костровъ считаетъ ихъ поселенія древними. Въ колоніяхъ этихъ можно, пожалуй, усматривать остатки главнаго отряда, впослѣдствіи двинувшагося на востокъ. Противъ себя этотъ путь имѣетъ: длину, сложность, суровый климатъ, большую глубину зимнихъ снѣговъ и отсутствіе на огромныхъ пространствахъ пастбищъ. Второй путь болѣе вѣроятенъ, разъ допустить выходъ якутовъ отъ Енисея. Путь этотъ лежитъ черезъ мѣстность, правда волнистую и покрытую густыми лѣсами, но по которой проплываютъ многія рѣки и рѣчки съ одной стороны на западъ въ Енисей, съ другой — на востокъ, въ Ангару. Теченія этихъ рѣкъ мѣстами близко сходятся, а долины ихъ изобилуютъ пастбищами. По нимъ изстари кочевали скотоводы. Здѣсь между прочимъ жило, неизвѣстно куда исчезнувшее, скотоводческое, тюркское племя б и р ю с ы... Настоящее ихъ имя неизвѣстно, а прозваны они по рѣкѣ Б и р ю с ѣ, притоку Уды. Послѣ разсѣянія незначительная часть ихъ, всего 168 луковъ (около 1000 д.), поселилась въ бассейнѣ

---

[1]) Г. Н. Потанинъ, Очеркъ сѣверо-западной Монголіи, выпускъ IV, стр. 2.
[2]) Н. Щукинъ, «Поѣздка въ Якутскъ», стр. 273.

Абакана, гдѣ ихъ въ 1772 году нашелъ вблизи Тапчинскаго карула Палласъ [1]).

Считая нужнымъ отмѣтить, что у якутовъ существуютъ нѣкоторыя странности въ обычаяхъ и названіяхъ частей свѣта, какъ-бы намекающія на продолжительное путешествіе ихъ не только съ юга на сѣверъ, но и съ запада на востокъ. Напримѣръ въ глухихъ уголкахъ до сихъ поръ удержался обычай строить жилыя дома всегда дверьми на востокъ.

«Въ старину всегда такъ строились», объясняли мнѣ якуты. (Верхоян. ул. 1881 г.).

Когда я распрашивалъ, почему такъ, мнѣ отвѣчали: «чтобы не заблудиться, чтобы всегда знать, гдѣ у тебя домъ, по какую остался руку!..» (Колым. ул. 1883 г.). Я думаю, что этотъ отвѣтъ до нѣкоторой степени вѣренъ. На разспросы, какъ они находятъ дорогу въ тайгѣ, какъ безошибочно узнаютъ направленіе, въ какомъ нужно идти, чтобы выйти къ такому-то сосѣду, мѣсту, урочищу... якуты всегда говорили, что они «помнятъ, гдѣ у нихъ «двери дома», помнятъ «какъ вышли изъ нихъ». Части свѣта они часто зовутъ сообразно частямъ дома: сѣверную — лѣвой (*хангасъ* діäккі), южную — правой (*унгъ* діäккі), западъ — задомъ (käннікі) [2]). Называютъ также югъ—верховьями ю с я или ю с ä, сѣверъ—низовьями аллара [3]).

Что не распредѣленіе свѣта и не вѣтры заставляли ставить жилья дверьми на востокъ, доказываетъ то, что теперь, когда старинные обычаи теряютъ силу, якуты болѣе южныхъ и густонаселенныхъ улусовъ, перестаютъ уже обращать вниманіе на древнее правило, между тѣмъ какъ прежде, даже круглыя лѣтнія у р а с ы, лишенныя оконъ, тоже ставились выходомъ на востокъ. Можно предполагать, что обычай этотъ сложился въ то время, когда, перебираясь на востокъ, якуты приходили на луга, гдѣ назначена была стоянка чаще всего съ запада, останавливались на западномъ краю равнины и, желая имѣть передъ собою стада, на виду, направляли выходъ жилищъ на лугъ, на востокъ. Всё остальное, какъ привычка разбираться въ пути и называть части свѣта, явилось послѣдствіемъ многократныхъ повтореній.

Къ тѣмъ же косвеннымъ доказательствамъ движенія съ запада на востокъ нужно причислить повѣрье, что души знаменитыхъ умершихъ шамановъ пребываютъ на западномъ небѣ, гдѣ живетъ также грозный У л у

---

[1]) Pallas, ibid. b. III, p. 367.

[2]) То же дѣлаютъ и монголы, но такъ какъ они ставятъ свои палатки выходомъ на югъ, то сѣверъ называютъ задней стороною, западъ—правой, а востокъ—лѣвой.

[3]) Настоящія названія частей свѣта будутъ: сѣверъ—х о т у, югъ—с о г о р у, востокъ—и л и н ъ, западъ—а р г а. А р г а, по тюрски спина (Radloff, «Словарь тюрк. нарѣчій» стр. 294).

тоёнъ, верховный господинъ земли, покровитель всего живущаго, отецъ и учитель шамановъ.

Путешествіе якутовъ вниз по Ленѣ откуда бы они сюда ни попали, не представляетъ собою интереса; возможно, что часть дороги была совершена ими сухопутьемъ, вдоль рѣки, по плоскогорію или прибрежнымъ лугамъ, затѣмъ, часть по льду, часть на плотахъ, при переправахъ на острова, и черезъ устья рѣкъ, что хорошо знакомо ихъ южнымъ сородичамъ [1]). Отсюда источникъ легенды «о плаваніи на плоту», обновленный прибытіемъ русскихъ на огромныхъ плотахъ, на которыхъ они, согласно исторіи и преданіямъ, привезли не только весь свой скарбъ, но и готовую крѣпость.

Весь переходъ якутовъ съ юга въ мѣста настоящаго жительства длился, по всей вѣроятности очень долго. Возможно даже, что онъ совершился по частямъ, въ нѣсколько промежутковъ раздѣленныхъ вѣками, и что въ составъ якутскаго народа вошли родственныя, но различныя по своей родинѣ племена. Долго, десятки, а можетъ быть и сотни лѣтъ они отдыхали въ тѣхъ степныхъ участкахъ, которые попадались имъ по пути, высылая далеко впередъ въ видѣ щупальцевъ свои передовые отряды. Отпрыски эти селились, обживались, знакомились съ мѣстностью, а между тѣмъ глухая молва разносила по всему племени свѣдѣнія, почерпнутыя лазутчиками о новыхъ земляхъ. Таковыхъ пріемовъ въ колонизаціи новыхъ земель держатся до сихъ поръ якуты. Такъ, они засѣлили свои теперешнія сѣверныя и южныя окраины; такихъ, одинокихъ колонистовъ находилъ Крапоткинъ на Муѣ [2]), Маакъ на Чонѣ [3]), гдѣ теперь цѣлые послеги. Если мѣстность была удобная, къ одиночкамъ быстро присоединялись новые эмигранты.

Со временемъ, подъ давленіемъ сосѣдей или въ поискахъ за лучшими пастбищами, народъ передвигалъ центръ своей тяжести дальше, на новыя мѣста, стягивая или бросая по пути отставшіе и затерявшіеся аріергарды. Часто такіе аріергарды, разсѣянные, ничтожные, поглащались чужими пришельцами, гибли, вырождались или уходили въ совершенно противуположную сторону. Къ нимъ можно бы причислить тѣ незначительныя тюркскія племена, исчезнувшія или исчезающія, которыя были найдены русскими на сѣверо-востокъ отъ Енисея, а также туруханскихъ якутовъ.

---

[1]) Послѣдніе и теперь, даже довольно быстрыя и широкія, рѣки переплываютъ на бревенчатыхъ плотахъ, связанныхъ ремнями или ивовыми прутьями. Такіе плоты называются по ураригайски *салъ* (Адріановъ, «Путешествіе на Алтай и за Саяны», стр. 189).

[2]) Крапот., «Олёк. Вит. Эксп.», стр. 58.

[3]) Маакъ, «Вилюйск. Окр.», Ч. II, стр. 45.

Главные отряды якутовъ представляли, по всѣмъ даннымъ, группы компактныя и многочисленныя, владѣвшія значительнымъ достаткомъ и большими стадами скота. Иначе трудно себѣ представить, чтобы они могли выдержать борьбу съ хозяевами страны, тунгусами, а главное, *акклиматизировать свой южный скотъ*, тѣмъ болѣе, что послѣдній путь, на сѣверъ, по Ленѣ они должны были пройти относительно быстро, ввиду недостатка луговъ въ среднемъ ея теченіи. Если бы скота у нихъ было мало, и роды ихъ были малочисленны, они не могли бы достаточно широко разойтись по новой странѣ и первый падежъ или безкормица въ данной мѣстности, случающіеся здѣсь такъ часто, уничтожили бы ихъ стада. Тогда они неизбѣжно превратились бы въ звѣролововъ-оленеводовъ, какъ это и случилось съ одинокими, малочисленными группами, которыя зашли далеко на сѣверъ, къ берегамъ Ледовитаго океана, оторвались отъ скотоводовъ и потеряли стада.

Если трудно установить точно мѣсто южной родины якутовъ и путь ихъ на сѣверъ, то еще труднѣе, почти немыслимо, указать на время ихъ выхода. У меня записано только одно преданіе, гдѣ затронутъ этотъ вопросъ. Преданіе это очень интересно, но требуетъ повѣрки [1]). Передаю разсказъ возможно близко къ подлиннику.

«Мы, якуты,—съ юга. Всѣ народы съ юга. Югъ—сердцевина [2]) народовъ. Когда люди еще не разошлись оттуда, царствовалъ надъ ними якутскій царь Джингисъ. Онъ былъ чрезвычайно могущественъ, побѣдилъ всѣхъ царей, даже Бѣлаго царя; покорилъ всѣ народы и земли... Умирая, оставилъ свое царство единственной своей дочери. Это была дѣвушка неописанной красоты. Разъ поссорились два батыря, служившіе въ ея войскѣ. Старикъ сказалъ молодому: «Ты думаешь, что она необыкновенно хороша, а я не думаю». За эти слова молодой убилъ старика. Съ тѣхъ поръ оставило счастье якутовъ. Русскіе и другіе народы побѣдили ихъ и прогнали съ юга. Часть ихъ пошла на сѣверъ и отъ нихъ мы происходимъ, часть осталась на югѣ и по сей день тамъ живетъ». (Колымскій ул. Ёнгжа 1883 г., разсказалъ старшина 2-го Кангаласкаго наслега И. Слѣпцовъ). Тотъ же самый якутъ разсказалъ мнѣ, что одинъ изъ вождей войскъ Джингиса носилъ имя Мырса, что Джингисъ и Метлямпартъ (Бонопартъ) были самыми великими завоевателями въ мірѣ; что послѣ Джингиса царствовалъ Тыгынъ—и это онъ привелъ якутовъ на теперешнюю ихъ родину.

[1]) Тамъ же передали мнѣ извѣстную сказку объ «Александрѣ Македонскомъ», называя его Ликсандра Македонскàй—«убійца людей, міра покоритель».

[2]) Разскащикъ употребилъ слово юӧсь, что значитъ: сердцевина, центръ, середина рѣки или озера; жёлчь.

Впослѣдствіи всюду и многократно распрашивалъ я о Джингисѣ, но никто изъ якутовъ о немъ ничего не зналъ. Правда, не знали о немъ и здѣшніе русскіе простолюдины, казаки, не знали они также имени Мырса [1]), не знали и даже упорно отрицали, какъ нѣчто въ высшей степени обидное, чтобы якуты когда-либо, на югѣ, счастливо воевали съ русскими (о чемъ всякій якутъ знаетъ). Имя степнаго владыки, сына солнца, я услышалъ изъ устъ якута только одинъ разъ, на далекомъ сѣверѣ, въ тотъ зимній вечеръ, когда, починяя сѣти при свѣтѣ пылающаго камина, онъ разсказывалъ мнѣ романтическую исторію татарской княжны.

Благодаря контрасту обстановки и неожиданности, имя Джингиса произвело на меня сильное впечатлѣніе, повело къ подробнымъ скептическимъ распросамъ и, въ концѣ концовъ, вызвало ссылку «на кущовъ и русскихъ» въ потвержденіе правдивости. Возможно, что преданіе это занесено русскими, но возможно, что проникло самостоятельно, вмѣстѣ съ позднѣйшими эмигрантами монголами и тюрками, намекъ на которыхъ встрѣчаемъ въ преданіи объ Эллсѣ. Мы лично склоняемся къ тому мнѣнію, что якуты, по крайней мѣрѣ значительная ихъ часть, задолго до царствованія Чингисхана уже попала въ эту вполнѣ изолированную отъ остальнаго міра впадину, окруженную со всѣхъ сторонъ широкимъ горнымъ поясомъ, гдѣ они прожили независимые и никому неизвѣстные до самого пришествія русскихъ.

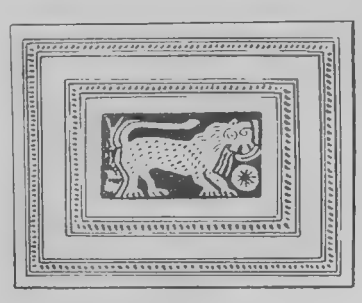
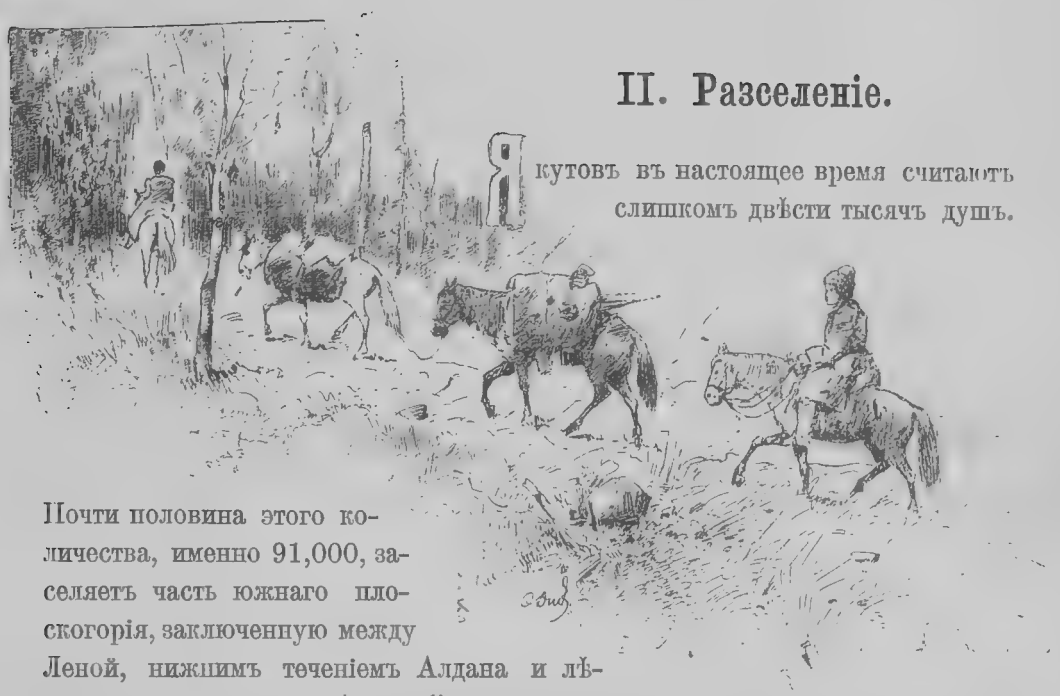


Рис. 18. Якутское изображеніе льва на пластинкѣ древняго серебрянаго пояса. Собственность Академіи Наукъ.

[1]) Сначала я думалъ что это испорченное «мурза» и позаимствовано изъ книжнаго разсказа, но впослѣдствіи усомнился, найдя имя это въ числѣ трехъ извѣстныхъ Намскихъ борцовъ, именно: Чемпелисъ, Очокюнъ и *Мырса*. (Намскій улусъ, 1891 г.).



II. Разселеніе.

Якутовъ въ настоящее время считаютъ слишкомъ двѣсти тысячъ душъ.

Почти половина этого количества, именно 91,000, заселяетъ часть южнаго плоскогорія, заключенную между Леной, нижнимъ теченіемъ Алдана и лѣвымъ его притокомъ, Амгой [1]).

Амга, какъ я это говорилъ выше, рѣка довольно большая; она беретъ начало въ тѣхъ же горахъ, что и Алданъ и течетъ почти по сре-

---

	Мужчинъ.	Женщинъ.
[1]) Якутскій округъ	64.818	66.270
Одёкминскій округъ	5.090	4.572
Вилюйскій »	33.973	32.502
Верхоянскій »	5.385	5.300
Колымскій »	1.716	1.577
Туруханскій »	303	270
	111.285	110.491

Точныхъ современныхъ свѣдѣній о Туруханскихъ якутахъ, о Долганахъ, Ессейскихъ и Шороханскихъ якутахъ, а также свѣдѣній о якутахъ, поселившихся въ Приморской обл. и на Амурѣ, я добыть немогъ.

динѣ между нимъ и Леной, параллельно обѣимъ рѣкамъ. Въ Алданъ она впадаетъ немного ниже того мѣста, гдѣ онъ, круто измѣнивъ свое сѣверо-восточное направленіе, поворачиваетъ на западъ почти подъ прямымъ угломъ, чтобы впасть въ Лену. Такимъ образомъ теченіе и сліяніе этихъ трехъ рѣкъ образуетъ какъ бы трапецію очень близкую къ прямоугольнику. Если за южную границу этой трапеціи принять почтовый якутско-амгинскій трактъ, или, вѣрнѣе, правый притокъ Лены, рѣчку Таммы протекающую по Хаптагайскому и I-му и II-му Нахарскимъ наслегамъ Кангаласкаго улуса, а дальше на востокъ рѣчку Хамжи (удерживаю офиціальное правописаніе, хотя вѣрнѣе: Хамджи), впадающую въ Амгу вблизи Амгинской слободы, то площадь, почти въ 40,000 квад. вер., включенная въ предѣлы этой трапеціи, будетъ представлять самый густо населенный участокъ края. Въ южной части этого отрѣзка плотность населенія самая большая; опредѣлить ее очень трудно, такъ какъ распредѣленіе ея весьма неравномѣрно: мѣстами она не уступаетъ густонаселеннымъ мѣстностямъ Россіи, но тутъ же, бокъ-о-бокъ, лежатъ громадныя площади глухой, никѣмъ даже не посѣщаемой тайги. Къ сѣверу плотность населенія постепенно слабѣетъ и рѣзко обрывается у рѣки Алдана. На сѣверномъ берегу послѣдняго есть поселки только въ его долинѣ; дальше начинается горная страна, неудобная для скотоводовъ. Въ глубину горъ, врѣзались: на востокѣ поселки по рѣчкѣ Томпо, правому притоку Алдана; это Сасыльскій и III-й Баягантайскій наслеги. Баягантайскаго улуса; на западѣ же самый дальній изъ извѣстныхъ мнѣ сѣверныхъ форпостовъ будетъ усадьба якутовъ Дюпсюпскаго улуса, въ 40 верстахъ отъ Алданской почтовой станціи, въ долинѣ рѣчки Тюкуланъ [1]). По тому же тракту есть еще дальше одинокія якутскія жилища—почтовыя станціи, но это не *вольныя* поселенія, а искусственно устроенныя и поддерживаемыя правительствомъ, въ интересахъ почтовой гоньбы, колоніи. Въ устьяхъ Алдана есть жители только на лѣвомъ берегу рѣки [2]).

Восточная граница сплошныхъ поселеній Амгинско-ленскаго плоскогорія совпадаетъ съ долиной р. Амги. Восточнѣе ея, благодаря тому же горному характеру страны и малочисленности сѣнокосовъ, якутскія усадьбы являются только въ видѣ разорванной цѣпи участковъ, разъединенныхъ большими пространствами пустыхъ земель и горныхъ хребтовъ; таковы

[1]) Уже въ отрогахъ Верхоянскихъ горъ, въ урочищѣ Сама-алы (новая долина). Здѣсь якуты косятъ сѣно и даже сѣютъ ячмень.

[2]) На правомъ стоятъ пустыя поварни, гдѣ временно останавливаются купеческіе караваны, идущіе сюда изъ Верхоянска (по Дуолгалаху) за чаемъ, приплавленнымъ воднымъ путемъ изъ Аяна.

поселки, тянущіеся вдоль бывшаго Охотскаго тракта; таковы узкія, длинныя ленты населенія, придерживающіяся исключительно теченій рѣкъ, поселенія по Ноторѣ, Милѣ и верховьямъ Билира, лѣвыхъ притоковъ Алдана. Замѣчательно, что по самому Алдану, въ верхнемъ и среднемъ его теченіи, почти нѣтъ постоянныхъ якутскихъ поселеній, а на вышеупомянутыхъ рѣчкахъ они есть только въ верховьяхъ и среднемъ теченіи, а въ нижнемъ ихъ нѣтъ.

Придерживаясь исключительно рѣчной долины, поселенія якутовъ по Амгѣ доходятъ на югѣ до рѣчки Тойдахъ, которая впадаетъ на 300 слишкомъ верстъ выше Амгинской слободы. По рѣчкѣ Батомѣ, правому притоку Лены, они поднимаются верстъ около 300 на югъ вверхъ отъ устья.

Этими двумя углами кончаются на югѣ поселенія, такъ называемыхъ, «восточныхъ» приленскихъ улусовъ [1]). Самый восточный изъ этихъ улусовъ будетъ Батурусскій [2]) по рѣкѣ Амгѣ и Таттѣ, прозываемый отъ этой послѣдней иногда Таттинскимъ. Дальше идетъ Баягантайскій [3]) улусъ по рѣкѣ Баягѣ; онъ обогнулъ колѣномъ съ сѣвера Батурусскій улусъ и занялъ мѣста по рѣкѣ Алдану вплоть до устья Амги. За Баягантайскимъ на западъ идетъ Борогонскій [4]), по рѣчкѣ Тандѣ, притоку Алдана, рѣчкамъ Нилаги и Сырдахъ, притокамъ Лены, и многочисленнымъ, разбросаннымъ по всему краю озерамъ. Онъ не прилегаетъ на сѣверѣ къ Алдану, отъ котораго отдѣляютъ его земли слѣдующаго за нимъ съ запада Дюпсюпскаго улуса именно Тюлятскаго наслега. Дюпсюпскій [5]) улусъ расположился по рѣкамъ Мылѣ, Алдану и Ленѣ.

Всѣ эти улусы расположены длинными, почти параллельными полосами съ сѣвера на югъ. На югѣ они упираются въ Мегинскій [6]) улусъ, вытянувшійся отъ Лены съ запада на востокъ, вдоль рѣчки Солы, праваго притока Лены. Съ юга къ Мегинскому прилегаетъ небольшой Восточно-Кангаласкій [7]) улусъ, занимающій сѣнокосныя мѣста по р. Таммѣ, а также на островахъ и по правому берегу Лены, наконецъ, по Батомѣ и верховьямъ Амги. На лѣвыхъ притокахъ средняго теченія Алдана: Нотора, Мокуй, Хатаргапъ, Эльгя, Мйля, Билиръ, расположились якуты разныхъ наслеговъ Батурусскаго улуса.

---

[1]) «Улусъ»—волость.
[2]) 30.335 душъ обоего пола.
[3]) 9.292 души об. пола.
[4]) 9.673 души об. пола.
[5]) 7.706 душъ об. пола.
[6]) 20.036 душъ об. пола.
[7]) 14.499 душъ об. пола.

На западъ отъ Амгинско-Ленскаго плоскогорья, уже на лѣвомъ берегу Лены, находятся два самыхъ обширныхъ, но не самыхъ многолюдныхъ улусовъ Якутскаго округа: Намскій [1]) на сѣверѣ, Западно-Кангаласскій [2]) на югѣ. Ихъ поселенія, все болѣе и болѣе рѣдѣющія къ западу, у границъ своихъ смѣшиваются съ поселеніями вилюйскихъ якутовъ.

Самыя населенныя части ихъ прилегаютъ къ Ленѣ; здѣсь густота населенія ровна самымъ многолюднымъ участкамъ Амгинско-ленскаго плоскогорія, а мѣстами даже гуще ихъ.

Въ непосредственной, хотя слабой, связи съ этой группой улусовъ, составляющихъ плотное ядро якутскаго населенія, состоятъ, только, группы Олёкминская и Вилюйская. Сѣверные улусы отдѣлены отъ нея широкимъ, въ сотни верстъ, горнымъ, пустыннымъ поясомъ.

Олёкминскіе якуты приходятъ въ соприкосновеніе съ якутами Якутскихъ улусовъ, по рѣкѣ Ленѣ и на лѣвобережномъ плоскогоріи этой рѣки.

О подробномъ разселеніи якутовъ въ Олёкминскомъ округѣ у меня нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Повидимому, главная масса населенія (9.662 д. об. п.) расположилась тамъ на лѣвомъ берегу Лены на сѣверѣ, западѣ и югѣ отъ города Олёкминска; на правомъ же берегу живетъ относительно немного, преимущественно по рѣкамъ Олёкмѣ и Чарѣ.

Кромѣ этого отдѣльные, небольшіе выселки Олёкминскихъ якутовъ встрѣчаются на р. Нюѣ и еще дальше на югѣ на р. Пеледуѣ, лѣвыхъ притокахъ Лены [3]). Наконецъ, есть якутскія поселенія въ глубинѣ Олёкминско-витимскаго плоскогорія на озерахъ Кускенде (верховья Чары) и на р. Муѣ, у впаденія послѣдней въ Витимъ. Здѣсь въ долинѣ, окруженной горами, высотою въ 4000′ надъ уровнемъ моря, ютится небольшой якутскій выселокъ, дальше всѣхъ выдвинувшійся на югъ (56½° с. ш.) [4]), и не оторвавшійся совершенно отъ метрополіи, какъ это случилось съ болѣе южными Амурскими поселеніями.

---

[1]) 17.551 душа об. пола.

[2]) 21.996 душъ об. пола.

[3]) Всего въ общей сложности около 3.000 душъ об. пола.

[4]) Въ 1866 году было всего нѣсколько юртъ. Вотъ что говоритъ о нихъ Крапоткинъ: «Они поселились на устьѣ Муи года три тому назадъ; они пришли съ озера Кускендэ, гдѣ также прожили года три, безуспѣшно пытаясь разводить хлѣбъ. Высокое положеніе плоскогорія Чары (1880—2150′) вѣроятно было причиной того, что хлѣбъ постоянно вымерзалъ. За то здѣсь, въ несравненно болѣе низкой долинѣ Муи, посѣянный ими ячмень родился довольно хорошо; овощи высѣяны слишкомъ поздно, хотя и были еще очень малы во время нашего пребыванія на Муѣ, но, судя по разсказамъ якутовъ о климатѣ этихъ мѣстъ, можно думать, что и огородничество пойдетъ успѣшно. Вообще это поселеніе есть первый, чрезвычайно важный шагъ къ заселенію страны» (стр. 58). Теперь тамъ, насколько мнѣ извѣстно, цѣлый наслегъ изъ нѣсколькихъ десятковъ семей.

Центромъ населенія Вилюйскаго округа нужно считать Суптарскій улусъ самый многочисленный и гуще другихъ населенный [1]). Особенно часты поселки въ излучинѣ, которую образуетъ Вилюй въ среднемъ своемъ теченіи, подавшись слишкомъ на градусъ къ югу. Мягкій климатъ, благопріятный для земледѣлія, а главное, богатые обширные луга, привлекли сюда большое количество жителей. Отсюда недалеко до Лены, до Нюи, до Олёкминска, и между жителями послѣдняго округа и Суптарскими якутами искони существуютъ постоянныя и оживленныя сношенія. Вторымъ, по количеству населенія, считается Мархинскій улусъ [2]), по рѣкѣ Мархѣ, лѣвому притоку Вилюя; затѣмъ Верхне-Вилюйскій улусъ [3]), въ верховьяхъ Вилюя, до рѣки Вилюйчанъ включительно и по притокамъ верхняго теченія рѣки; наконецъ, самый малочисленный и рѣдко заселенный—Средне-Вилюйскій улусъ [4]), расположившійся, главнымъ образомъ, на болотистой низменности, прилегающей съ юга къ нижнему теченію Вилюя. Крайніе южные и восточные поселки этого улуса, какъ сказано выше, соприкасаются съ поселеніями Намскихъ якутовъ и даже смѣшиваются съ ними.

Вилюйскіе якуты, только какъ временные гости, торговцы и промышленники, заходятъ на Оленёкъ и Анабару, и на обѣихъ этихъ рѣкахъ кромѣ полу-русскихъ селъ въ устьяхъ Оленёка, Болколахъ и другихъ, нѣтъ постоянныхъ якутскихъ поселеній. Ихъ постоянныя мѣстожительства въ западной части сѣвернаго, захребетнаго плоскогорія встрѣчаются только по Хатангѣ, Богадинѣ, Дудыптѣ, на Норильскихъ озерахъ и, наконецъ, на Енисеѣ [5]). Они очень малочисленны и перемѣшаны съ тамошнимъ русскимъ населеніемъ, отъ котораго якуты мало разнятся образомъ жизни и привычками; занимаются они рыболовствомъ и держатъ немного скота. Долганы, кочующіе по Хатангѣ, Анабарѣ и по пустынямъ между Норильскими и Жессейскимъ озерами, занимаются оленеводствомъ и звѣринымъ промысломъ.

---

[1]) 24.564 д. об. пола.

[2]) 20.360 д. об. пола.

[3]) 12.612 д. об. пола.

[4]) 8.939 д. об. пола.

[5]) Вотъ что пишетъ Костровъ объ этихъ якутахъ: «По послѣднимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, всѣхъ якутовъ, живущихъ въ Туруханскомъ краѣ, считается 249 душъ мужскаго и 252 души женскаго пола. Они раздѣляются на два рода: Шорохинскій и Нижне-Затундринскій. Въ первомъ, при 15 душахъ мужского населенія считается 9 работниковъ; во второмъ, при 234—121 работникъ, платящихъ ясакъ. Шорохинскій родъ Туруханскихъ якутовъ живетъ вмѣстѣ съ русскими крестьянами въ зимовьѣ Шорохинскомъ, на правой сторонѣ Енисея, немного ниже впаденія въ Енисей рѣчки Шорохи. Якуты Нижне-Затундринскіе живутъ отъ Турухапска верстъ за 1500—1800, за такъ называемой Низовой

Количество этихъ Туруханскихъ якутовъ, въ сравненіи съ громадной площадью занятою ими, — ничтожно, всего нѣсколько сотъ душъ. Они отдѣлены отъ остальнаго якутскаго населенія громадными необитаемыми пустынями. Ближайшія къ нимъ поселенія сородичей находятся въ верховьяхъ Вилюя.

Населенные участки сѣверныхъ плоскогорій не только малочисленнѣе, но и обособленнѣе южныхъ. Они расположились большею частью по рѣкамъ и прирѣчнымъ озерамъ; среди плоскогорій (аласъ) ихъ мало.

Вдоль нижняго теченія Лены, удобныя для ловли рыбы мѣста, заняли жители Жиганскаго улуса [1]). Они со всѣхъ сторонъ окружены пустыннымъ, необитаемымъ поясомъ. Сѣверное населеніе вообще значительно подвижнѣе южнаго; оно вѣчно переходитъ съ мѣста на мѣсто и постоянно мѣняетъ свое распредѣленіе. Пунктовъ съ постоянными жителями всего здѣсь четыре: 1) Жиганскъ, бывшая резиденція правительственнаго комиссара, теперь тамъ всего три семьи. 2) Красное, въ 120 верстахъ ниже Жиганска, на западномъ берегу Лены (четыре семьи якутовъ). 3) Сиктяхъ въ 400 верстахъ ниже Краснаго на томъ же берегу (10 семействъ русскихъ и якутовъ). 4) Булунь въ 180 вер. отъ моря при устьи рѣчки того же имени, въ немъ часовня, хлѣбные магазины и до 15-ти жилыхъ домовъ. Остальное населеніе бродитъ вдоль по рѣкѣ и ея притокамъ, преимущественно по низменной, лѣвой сторонѣ Лены. На югѣ оно доходитъ до р. Баханай, лѣваго притока, впадающаго въ Лену, полтораста верстъ выше Жиганска. На сѣверѣ оно встрѣчается въ дельтѣ Лены и на морскомъ берегу до Оленёка (Туматскій наслегъ); на эту послѣднюю рѣку, а также на Анбару, якуты заходятъ временно, для промысла и торговли съ тунгусами.

На Янѣ населеніе образуетъ двѣ самостоятельныя, разъединенныя пустыннымъ поясомъ группы: небольшую Усть-янскую (1019 жит.), расположившуюся въ низовьяхъ этой рѣки, на ея дельтѣ, на берегу Ледо-

---

Тундрой, по рѣкамъ Хетѣ, Богадынѣ, Хатангѣ—до Анабары». (Костровъ, «Очерки Туруханскаго края». Запис. Спб. Геогр. Отд., IV кн., 1857 г., стр. 140). Кривошапкинъ указываетъ на селеніе Костинское, къ югу отъ Туруханска, какъ на мѣстожительство якутовъ. Онъ даетъ общее число туруханскихъ якутовъ въ 250 душъ обоего пола, оттуда они, по его словамъ, выходятъ на Хету и Богадину только для промысла (Запис. Спб. Отд., кн. VI, 1863 г., стр. 84). «Шорохино въ 35 верстахъ отъ Туруханска; вы очутитесь здѣсь среди колоніи, которая имѣетъ полнѣйшее право считать себя якутскимъ родомъ. Въ мое время насчитывали 17 душъ муж. пола и 16 жен. пола. По общему виду они преобразились въ русскихъ, это тѣмъ болѣе неудивительно, что половина дворовъ, составлявшихъ Шорохино была занята чисто русскими поселенцами (Миддендорфъ, ibid., стр. 758).

[1]) 2.045 душъ об. пола.

витаго океана и на нѣкоторыхъ второстепенныхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, какъ: Хара-улахъ, Амолой [1]) Селльяхъ, Хрома.

Самое сѣверное поселеніе на Янѣ въ 1882 г. стояло уже въ виду моря, на лѣвомъ берегу Мураша главнаго, средняго, самаго глубокаго рукава, устьевъ Яны. Это была юрта одного изъ князей, семья котораго жила здѣсь круглый годъ. Юрта стояла далеко за предѣлами лѣса. Послѣднія стойбища, видѣнныя мною тогда же у южныхъ границъ Усть-янскаго улуса, находились въ 60 верстахъ выше Казачьяго (70° 45′ с. ш.). Отсюда къ югу шелъ поясъ въ нѣсколько сотъ верстъ шириною, совершенно незаселенный и изрѣдка только посѣщаемый тунгусами.

Первыя поселенія на югѣ за этимъ поясомъ принадлежатъ якутамъ Верхоянскаго улуса [2]) и встрѣчаются у впаденія рѣчки Кюнгясь въ Яну [3]). По Янѣ живетъ главная масса Верховскихъ якутовъ. Кромѣ долины главной рѣки есть поселенія и въ нижнемъ теченіи Бытантая, лѣваго притока Яны и по Дуолгалаху. Они разбросаны по послѣдней рѣкѣ до Билира, гдѣ въ 1879 г. Гороховъ нашелъ осѣдлыхъ жителей; урочище это недалеко (5 вер.) отъ впаденія въ Дуолгалахъ главнаго его притока Орто-сала, около 200 верстъ отъ устья Дуолгалаха. Въ верховьяхъ Яны послѣдними жилищами слѣдуетъ считать юрты Сирямской станціи около 200 верстъ отъ Верхоянска. Тутъ есть покосы; отсюда къ сѣвѣру идетъ уже болѣе или менѣе непрерывная цѣпь поселеній *вольныхъ*, не ограничивающихся исключительно почтовыми станціями.

На востокѣ есть болѣе крупныя скопленія населенія на Адычѣ и притокахъ ея: Борулаху (лѣвый) и Тастаху (правый). Затѣмъ, дальше на востокъ, цѣпь поселеній разрывается горнымъ поясомъ Тасъ-Хаяхтаху а за нимъ начинаются уже жилища обитателей Индигирскаго бассейна.

На Индигиркѣ населеніе группируется тоже, главнымъ образомъ, по рѣкѣ. Верховья рѣки заселены гуще. Центромъ населенія нужно считать мѣстность Абый, получившую названіе отъ озера того же имени. Въ верхо-

---

[1]) На Амолоѣ живутъ якуты Верхоянск. улуса, Борогонскаго наслега.

[2]) 5,550 жит. об. пола.

[3]) Рѣчка Кюнгясь течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ; длиною она въ 70 верстъ, шириною у устья саженей 30. Истоки ея начинаются въ томъ же горномъ увалѣ, изъ котораго вытекаетъ другой притокъ Лены Даркылахъ; Даркылахъ длиною верстъ 100 и въ устьѣ саженей полтораста шириною. Течетъ какъ разъ въ обратномъ Кюнгясь направленіи. Руслами этихъ рѣчекъ идетъ лѣтняя дорога изъ Усть-янска въ Верхоянскъ; съ вершины перевала видна долина Амолоя на западѣ. а на востокъ высятся крутыя горы. («Путевыя замѣтки», В. Сѣроševскаго, 1881 годъ).

вьяхъ Индигирки, въ мѣстности Омёконъ, живутъ якуты Омёконъ-Бороганскаго наслега, Баягантайскаго улуса, Якутскаго Округа, отдѣленные отъ своихъ сородичей пустыней въ 500 слишкомъ верстъ. На восточномъ, болѣе гористомъ берегу Индигирки жителей меньше, чѣмъ на низменномъ западномъ. Между этой рѣкой и Алазеемъ, водораздѣломъ служитъ невысокій Алазейскій хребетъ, совершенно пустынный. Низменность между этимъ хребтомъ и Колымой очень богатая озерами и рѣчками, усѣяна рѣдкими, но находящимися въ постоянномъ общеніи колоніями якутовъ. Поселенія ихъ на Колымѣ идутъ немного южнѣе Верхне-Колымска; на сѣверѣ поднимаются по Колымѣ и Алазею чуть ли не до границъ лѣсовъ, а на востокѣ они заходили, нѣкогда, даже на Анюй; теперь ихъ тамъ нѣтъ. Вообще, большая часть этого малочисленнаго улуса [1]) расположилась на западномъ отъ Колымы плоскогоріи.

О незначительныхъ якутскихъ поселкахъ, найденныхъ Миддендорфомъ въ 1844 г. на Кебели [2]) (5 душъ), о торговыхъ ихъ факторіяхъ на Тугурѣ и на Иканѣ [3]), а также о якутахъ Приморской области, Удскаго края, окрестностей Охотска и Аяна я, современныхъ свѣдѣній, нигдѣ найти не могъ. Что съ ними случилось: существуютъ ли они тамъ и теперь или вымерли и исчезли, мнѣ неизвѣстно. Люди, ѣздившіе въ порты Охотскаго моря, говорили мнѣ, что будто бы на восточныхъ покатостяхъ Становаго хребта, мѣстами, находятся до сихъ поръ «по рѣчкамъ» якутскія юрты, обитатели которыхъ занимаются скотоводствомъ [4]). Въ прошломъ столѣтіи Сарычевъ нашелъ тамъ якутскія поселенія.

Повидимому, въ началѣ прошлаго и концѣ XVII столѣтія, въ Приморскую полосу направлялась довольно сильная эмиграція, отчасти вынужденная, отчасти вольная. «Уже въ 1744 году присылались въ Удскій острогъ указы разыскать нѣкоторыхъ скрывшихся якутовъ различныхъ племенъ, о которыхъ извѣстно было, что они жили на Китайской (того времени) землѣ. Съ тѣхъ поръ послѣдовало множество такихъ указовъ, такъ что въ девяностыхъ годахъ, изъ Удскаго острога присылались въ якутскій нижній окружной судъ то 15, то 20 и даже по 30 и болѣе якутовъ... Зауеръ

[1]) 3.293 души об. пола.

[2]) Притокъ Нимана.

[3]) Притокъ Зеи.

[4]) «На Нелькапѣ впервые встрѣчаются якуты; много покосныхъ мѣстъ...» «Въ Аянѣ живетъ 24 человѣка якутовъ съ семействами, работниковъ Филипеуса...» («Отчетъ о поѣздкѣ въ Аянъ въ 1886 г. генерала Свѣтлицкаго, рукопись хранится въ Канцеляріи Генералъ-Губерн. Вост. Сиб.). Якуты Шерскаго отдѣла, причисленные къ Удскому острогу 20 душъ муж. и 16 женск. 1843 года. (Миддендорфъ, 731 стр., часть II, отд. VI). Уваровскій въ Удскомъ острогѣ засталъ въ 1827 г. 47 семействъ (84 души). Нѣкоторые находились тамъ уже 30 лѣтъ (Миденд., стр. 773).

говоритъ даже о *6,000 якутовъ*, перешедшихъ будто бы въ Китай съ Олёкмы и Вилюя; въ китайскихъ источникахъ, вѣроятно, можно найти самыя вѣрныя свѣденія объ этомъ случаѣ.... говоритъ Миддендорфъ [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ же замѣчаетъ, что «въ 1825 г. Якутскому областному начальнику поручено было предложить 10 якутскимъ семействамъ переселиться со скотомъ своимъ въ Удскій острогъ». Правительство, сильно заботившееся въ концѣ XVIII столѣтія о насажденіи хлѣбопашества и скотоводства въ Приморской области, не разъ прибѣгало къ подобнымъ мѣрамъ. Попытки, однако, оказались, неудачными: не привилось ни то, ни другое; населеніе выродилось и вымерло. За промысломъ якуты вмѣстѣ съ русскимъ удальцами заходили далеко отъ своей родины: на Шантарскіе острова, на Амуръ, даже въ Аляску, но, повидимому, нигдѣ не оставили послѣ себя другихъ слѣдовъ, кромѣ названій нѣкоторыхъ рѣкъ, озеръ и урочищъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ сѣверныя, такъ и южныя, западныя и восточныя окраины якутскихъ поселеній суть новѣйшаго происхожденія, и преданія прямо указываютъ на окрестности Якутска и на Амгинско-ленское плоскогоріе, какъ на метрополію этихъ колоній. Здѣсь застали ихъ русскіе. На Вилюѣ и Олёкмѣ ихъ не было, или было очень мало. Мангазейскіе казаки, въ 1630 году, волокомъ перебравшіеся съ Нижней Тунгуски на Чону, правый притокъ Вилюя, а затѣмъ спустившіеся внизъ по этимъ рѣкамъ на Лену, не видѣли якутовъ на Вилюѣ. Первое болѣе точное указаніе по этому поводу въ обнародованныхъ матеріалахъ мы находимъ въ спискѣ ленскихъ воеводъ Петра Головина съ товарищи, *о разборкѣ и оцѣнкѣ ясачной и десятичной соболиной казны, собранной на Вилюѣ и о погабленіи Тунгусами на зимовьяхъ Русскихъ промышленныхъ людей»*. Воинъ Шаховъ, собиравшій тамъ ясакъ въ годахъ 1636—37—38—39 сообщаетъ, что собиралъ соболиную дань: «съ Вилюя рѣки, съ Мургатцкаго, и съ Баягирскаго роду, и съ Тамтакулей... да съ *устья Вилюя* рѣки съ Тунгусовъ и съ *Якутовъ* съ конныхъ и пѣшихъ...» Тамъ же эти конные якуты называются *роду тагусы*. Тотъ-же Воинъ Шаховъ самъ показалъ въ распросныхъ рѣчахъ въ 1671 году воеводамъ Головину, Глѣбову, что «онъ ходилъ по Вилюю 7 лѣтъ, и всякіе мѣста и иноземцевъ разсмотрѣлъ, и иноземцевъ де съ усть Вилюя рѣки и вверхъ по Вилюю ясачныхъ и неясачныхъ Якутовъ и Тунгусовъ съ 5.000...»—На 7 человѣкъ тунгускихъ аманатовъ, онъ привелъ только одного якутскаго [2]). Не упоминаетъ о якутахъ и Петръ Бекетовъ,

[1]) Ibid, часть I, от. IV, приб. III, стр. XV и часть II, отд. VI, стр. 735.

[2]) Дополненія къ Истор. актамъ, томъ II, стр. 229 и 254.

который въ 1635 году строилъ Олекминскій острогъ и послалъ въ Енисейскъ «пространное извѣщеніе о всѣхъ обстоятельствахъ» [1]).

Ремезовъ, на своей картѣ 1701 года, на Олёкмѣ и Витимѣ не обозначилъ якутовъ. И тутъ и тамъ у него помѣчены тунгусы. Тунгусы сплошь обозначены по Витиму, «Чарой» (? Чарѣ), по Олёкмѣ и даже сѣвернѣй, по неизвѣстной рѣкѣ Мокма, по положенію своему отвѣчающей Батомѣ [2]). Надпись «якуты» встрѣчается между Амгой и Леной, тамъ, гдѣ проведена рѣчка Татта съ лѣвымъ притокомъ «Малая». Затѣмъ дальше, противъ устья рѣки Синей написано: «Ялани промежъ тагою и Лепою и потемъ Ялюя живутъ многіе ясашны якуты разныхъ волостей». Якутскія жилища обозначены также по Амгѣ, вплоть до Ботальскаго [3]) острога (на правомъ берегу, въ верховьяхъ Амги), да на западномъ берегу Лены, по рѣчкѣ Синей, гдѣ написано: «Синяя, по ней живутъ тунгусы и якуты ясашныхъ волостей».

На Патомѣ, правый притокъ Лены, между Олекмой и Витимомъ, (сказано неопредѣленно) «допрежны года живали иноземцы».

По Вилюю не обозначено ни одного якутскаго стойбища. Ниже Верхне-вилюйскаго и Танарейскаго [4]) зимовьевъ, за рѣкой Варкой, написано, что «живутъ тунгусы Снигири [5]). Дальше, внизъ по Вилюю, по показаніямъ того же Ремезова, живутъ: Тыгны, Шалагоны, Икалэтагалы, Имугаты.

Жиганское зимовье обозначено правильно на этой картѣ, но жилища «жиганскихъ якутовъ разныхъ волостей» обозначены въ устьяхъ Алдана на правомъ берегу его.

На сѣверѣ, по Колымѣ, Индигиркѣ и Япѣ—обозначены «многіе юкагири», а по Амолою («рѣка омолоева»), верховья котораго, очевидно,

---

[1]) Фишеръ, ibid. стр. 369.

[2]) Не Наммора ли рѣка? или можетъ быть «Мыла», по которой расположены наслеги Восточно-Камаласкаго улуса; эта рѣчка течетъ значительно южнѣе и впадаетъ въ Лену На югѣ отъ ея устья написано на картѣ Ремезова «столбъ».

[3]) «Сіе зимовье названо Бутальскимъ по Бутѣ, поколѣнпомъ имени тамошнихъ тунгусовъ. Оное лежало около ста верстъ выше устья Маи или какъ тунгусы обыкновенно считаютъ, на 13 «нюлгъ», изъ которыхъ каждая содержитъ 8 верстъ». (Фишеръ, Ibid. стр. 377). По мнѣнію этого автора, оно было основано Копыловымъ въ верхнемъ теченіи Алдана въ 1637 г. Положеніе этого въ свое время знаменитаго зимовья не опредѣлено въ точности.

[4]) Верх. Вил. при впаденіи р. Кутерги (?) на правомъ берегу послѣдней, а второе зимовье на лѣвомъ берегу р. Голанта. Не признать ли въ Тапарей якутское слово—тангара—святой, божество.

[5]) Снигири, можетъ быть сигири — якутское презрительное прозвище тунгусовъ значитъ: «тальниковыя стружки»; но, возможно, что оно: силигри тунгуское названіе притока Оленека, а также тунгусское родовое имя. Нигидальцы такъ зовутъ, между прочимъ, Амуръ.

спутаны съ верховьями Яны, Дуолгалаха и Бытантая, обозначены иноземцы «верхоянскіе якуты» [1]).

Сѣвернѣе Дуолгалаха, по той же сторонѣ рѣки, написано у Ремезова: «иноземцы по эланямъ верхоянскіе тунгусы и якуты», а на правой сторонѣ, сѣвернѣе устьевъ Адычы—«Верхоянское зимовье», дальше къ сѣверу по той же сторонѣ «р. гэтгэса, а по симъ рѣкамъ живутъ якуты разныхъ волостей». Всѣ эти рѣки плывутъ въ Амолой. Амолой впадаетъ въ Лену и, недалеко отъ его впаденія, на правомъ берегу сказано: «Рѣка Амолоева, по ней живутъ князекъ Амолой со своими улусными людьми».

На западъ отъ Лены якутскія стойбища обозначены въ верховьяхъ Молодой и въ устьяхъ Олёнека и на сѣверъ, къ морю [2]).

Это самыя древнія, болѣе достовѣрня свѣдѣнія, какія существуютъ о первоначальномъ разселеніи якутовъ.

Въ виду такой скудности, тѣмъ болѣе замѣчательно сообщеніе Георги, которое опъ даетъ, о разселеніи и количествѣ якутовъ, опираясь на переписи 1750 года, значитъ спустя всего 50 лѣтъ послѣ составленія чертежа.

Вотъ оно: «Въ *Кунгалайскомъ Улусѣ* десять волостей, которыя всѣ вообще называются *Кангалайскими*, три *Хоринскими*, три *Неруктейскими*, двѣ *Нажарскими*, двѣ *Шерковскими*, одна *Шаліконскою*, двѣ

---

[1]) Въ одной казацкой отпискѣ, 7146 года (1638), пятидесятникъ Юрьевъ доноситъ въ Енисейскъ, что «якуты по Янѣ, Тувукова улуса, его осадили, убили человѣка и осаждали 4 недѣли». (Позаимствовано изъ неизданныхъ бумагъ священника А. А. Іонина найденныхъ имъ въ Кіевскомъ консисторскомъ архивѣ). Изъ разысканныхъ мною печатныхъ свѣдѣній видно, что Елеска Юрьевъ былъ енисейскій казачій десятникъ, что онъ ушелъ въ 144 г. (1636 г.) съ 10 служилыми людьми и 40 промышленными съ Олёкминскаго острожку «на Ламу и которыя рѣки падутъ своимъ устьемъ въ морѣ», что былъ въ 1637 г. на Олёнекѣ и 1638 г. поднялся вверхъ изъ устья Яны. «По Янгѣ рѣкѣ вверхъ до якутовъ три недѣли» говорится въ отпискѣ, —«а взяли государева ясаку, на 146 годъ, два сорока 27 соболей, 4 шубы соболіи, лисица чернобурая, восемь лисицъ сивочерныхъ, одиннадцать лисицъ красныхъ».—(Дополненіе къ Актамъ Истор., томъ II, стр. 240. Это первыя болѣе точныя свѣдѣнія о Янскихъ жителяхъ. Въ тѣхъ же приблизительно годахъ Постникъ Ивановъ (Посничко) собиралъ съ своей стороны ясакъ по Янѣ, какъ это видно изъ отписки Ленскихъ воеводъ П. Головина и М. Глѣбова. Постникъ въ 1638 году съ 30 товарищами перебрался въ верховья Яны «черезъ камень и внизъ по Янѣ до якутскихъ людей въ 4 недѣли». Въ верховьяхъ Яны и горахъ по его показаніямъ жили, какъ и теперь живутъ «Ламутки» (тунгусы) дальше «по Янгѣ и Онгѣ рѣкѣ живутъ многіе якутскіе люди, князецъ Кутурга, да тунгусы...» Изъ Яны въ 1639 году Постникъ съ 27 товарищами идетъ придерживаясь р. Толстака (нужно думать р. Тастахъ) на «Индигирскую р. въ Юкагирскую землицу». «По Тостаху и Индигирскія вершины многія неясачные тункусы-ломутки» а «Юкагирская Индигарская земля» названа, «лодной», но обозначены въ ней только юкагиры. (Доп. къ Акт. Ист., т. II, стр. 241.

[2]) С. Ремезовъ, «Чертежная книга Сибири», 1701 г., листъ 17. Вездѣ мы придерживались Ремезовскаго правописанія собственныхъ именъ.

Хазикацкими, и пять *Мажегарскими*. Всѣ, вообще, платятъ подушной окладъ за 5.868 душъ, *Бугурусской улусъ* состоитъ изъ 25 волостей, а въ сихъ считается 6.380 душъ. Въ *Намскомъ улусѣ* 13 волостей, изъ коихъ шесть называются Намскими. Во всѣхъ 3.090 душъ. *Барагонской улусъ* имѣетъ 7 волостей сего имени, и еще 11 инако называемыхъ. Во всѣхъ считается 2.948 душъ. Въ *Магинскомъ улусѣ* 15 волостей, между коими одна называется *Алтайской* уповательно по прежнимъ ихъ мѣстамъ. Во всѣхъ 3.356 душъ. Всѣ пять улусовъ платятъ подушной окладъ въ городѣ *Якуцкѣ*, въ округахъ котораго они живутъ.

«*Олекминская округа*, заключающая въ себѣ не только оба берега рѣки Олекмы въ Восточной сторонѣ *Лены*, но и западный берегъ самой *Лены*, содержитъ *пять волостей*, которыя—за 1823 души, платятъ ясакъ въ *Олекминскій острогъ*, лежащій на лѣвомъ берегу Лены, въ 13 верстахъ выше устья рѣки Олекмы и въ 550 верстахъ выше Якутска къ юго-западу.

«*Вилуй*, вышедшая въ западной сторонѣ изъ Лены рѣка, населена преимущественно великимъ числомъ *якутъ*, которые отдаютъ подушной окладъ въ три зимовья. *Верхневилуйское зимовье*, отстоящее въ западо-юго-западную сторону отъ Якутска на 500 верстъ, содержитъ въ себѣ 22 волости, въ какихъ считается 5.911 душъ; къ *Средневилуйскому зимовью*, отстоящему отъ Якутска на 420 верстъ принадлежитъ 15 волостей, въ коихъ 1.270 душъ; къ *Устьвилуйскому* же *зимовью*, стоящему въ 12 верстахъ выше Вилюйскаго устья, а отъ Якутска въ сѣверозападную сторону въ 338 верстахъ, причисляется 24 волости, въ которыхъ 1417 душъ.

«Якуты, живущіе по рѣкѣ *Янъ*, впадающей въ Ледовитое море въ восточной сторонѣ Лены, имѣютъ 18 *волостей*, въ коихъ 1662 души и отдаютъ ясакъ въ *Верхоянское зимовье*, построенное при верхней *Янѣ* въ 400 верстахъ отъ Якутска въ сѣверную сторону.

«По Индигиркѣ, текущей съ восточной сторонѣ отъ Яны и вышедшей изъ Ледовитаго моря рѣкѣ, кочуетъ 12 *волостей*, изъ которыхъ въ самой большой только 95, а въ самой малой только 17, вообще же 493 души въ нихъ считается. Они приписаны къ *Зашиверскому острогу*, лежащему вверху при *Индигиркѣ*, отъ Якуцка въ сѣверо-восточную сторону на 904 версты. Думать надобно, что къ сему же острогу принадлежитъ и *Баягатайской улусъ*, коего шесть волостей, содержащія въ себѣ вообще 761 душу, кочуютъ по рѣкамъ между *Индигиркою* и *Колымою*» [1]).

[1]) «Описаніе обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ». Іоанна Готлиба Георги, 1776 г. Спб., 180 стр.

Оставляя въ сторонѣ ошибки въ разстояніяхъ и перемѣщеніе Баягантайскаго улуса на сѣверъ,—все описаніе Георги безусловно правильно; оно отвѣчаетъ теперешнему распредѣленію народонаселенія и даже пропорціональная густота его близка къ настоящей.

По его показаніямъ якуты есть всюду: на южныхъ и на сѣверныхъ окраинахъ, и на Вилюѣ и на Олёкмѣ. Такимъ образомъ произошло поистинѣ чудесное перемѣщеніе, въ какіе нибудь 50—60 лѣтъ, огромнаго количества людей на обширнѣйшія пространства. Очевидно, что или прежнія свѣдѣнія систематически и согласно извращались, что трудно предположить въ виду доносовъ, интригъ, борьбы того времени, происходившей между енисейскими и манґазейскими казаками; или же послѣдующее распредѣленіе было естественное и до вторженія русскихъ существовали искусственныя причины, удерживавшія якутовъ въ тѣсныхъ предѣлахъ Амгинско-ленскаго плоскогорія. Нужно полагать, что правильно послѣднее предположеніе, и что рамкой, удерживающей якутовъ въ прежнихъ предѣлахъ были тунгусы.

Въ виду этого мы позволимъ себѣ болѣе подробно войти въ изслѣдованіе политическихъ якутско-тунгускихъ отношеній того времени. На картѣ Ремезова кочевья ихъ окружаютъ территорію якутовъ сплошнымъ кольцомъ.

Откуда бы ни шли якуты, въ присвоенныя ими теперь мѣста, они должны были прорываться сквозь кольцо, образуемое тунгусами. Понятно, что какъ скотоводы они постарались по пришествіи въ новую страну занять мѣста пастбищныя, луговыя, въ долинахъ рѣкъ и рѣчекъ, и на берегахъ озеръ. Такихъ рѣкъ, рѣчекъ и «обсыхающихъ» [1]) озеръ съ каймой покосовъ и пастбищъ по берегамъ особенно много на Амгинско-ленскомъ плоскогоріи. Горцы тунгусы хотя и сопротивлялись нашествію, но уступили предъ натискомъ хорошо вооруженныхъ и прекрасно организованныхъ пришельцевъ; они отошли глубже въ горы, къ верховьямъ рѣчекъ, недоступныхъ и ненужныхъ конпымъ всадникамъ. Тунгусамъ, оленеводамъ, не особенно нужны были, влажныя лѣсистыя плоскогорія и злачныя равнины, занятыя прибывавшими съ юга пастухами; тѣмъ не менѣе они уступали ихъ неохотно, какъ неохотно и въ настоящее время уступаютъ былыя свои территоріи въ Вилюйскомъ округѣ [2]). Слѣды ихъ пребыванія и господства уцѣлѣли до сихъ поръ въ памяти якутовъ. «Эти земли тунгускія», говорили мнѣ въ Баягантайскомъ улусѣ (1884 г.). Тоже самое повторяли въ Намскомъ, гдѣ я самолично находилъ не разъ на пашняхъ, нѣмыхъ сви-

[1]) Уолбутъ—озеро «съ убывающей водой».

[2]) Маакъ, ibid, часть II, стр. 45.

дѣтелей старины, кости какихъ то оленеводовъ, перемѣшанныя съ оленьей упряжью и костями оленей. Въ Барогонскомъ улусѣ, озеро Міорэ, самый населенный пунктъ этого улуса, получилъ, говорятъ, свое имя отъ тунгускаго родоначальника, нѣкогда тамъ жившаго. (Борогонскій улусъ, 1884 г.; смотри также Врангеля, ibid. T. I).

Возможно, что было время, когда тунгусы пробовали ужиться бокъ о бокъ съ якутами, какъ это до сихъ поръ водится на окраинахъ.. Но якуты, пуская ежегодно по лугамъ «палы», жгли лѣсъ, пугали звѣря, котораго и безъ того стало меньше съ увеличеніемъ числа охотниковъ Кромѣ того, хитрые и ловкіе торгаши, они обманывали и эксплуатировали тунгусовъ, похищали у нихъ женщинъ, отнимали добычу. Простодушные горцы, уходя отъ якутскихъ становищъ, всегда уносили въ сердцахъ обиду и недоброжелательство. «Знаемъ мы якутовъ, обсыпающихъ свои дома землею!...» съ горечью отвѣчаетъ тунгусъ, въ одномъ изъ сказаній, на миролюбивыя увѣщеванія якутовъ (Худяковъ, ibid, стр. 68).

Тамъ, гдѣ тунгусовъ было много, гдѣ горный характеръ страны давалъ имъ перевѣсъ, гдѣ богатые рыбные и звѣриные промыслы дѣлали для нихъ мѣста особенно цѣнными, они упорно сопротивлялись вторженію якутовъ и тѣснили ихъ форпосты назадъ, въ безвозвратно утерянныя, густо заселенныя пришельцами мѣста.

Миллеръ приводитъ преданіе ленскихъ тунгусовъ, «что какъ якуты въ оныя мѣста пришли, то они (тунгусы) симъ чужимъ гостямъ всею силою противились, чтобы не дать имъ проходу, однако-жь отъ нихъ побѣждены были; и сказываютъ, что главный бой происходилъ недалеко отъ устья рѣки Патомы, при урочищѣ такъ называемыхъ Гусельныхъ горъ, да и нынѣ еще великія сраженія между ними случаются, когда тунгусы при рѣкахъ Витимѣ, Патомѣ, Олёкмѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ найдутъ якутовъ на звѣриномъ промыслѣ» [1]).

Якуты сильные своей родовой солидарностью, встрѣтили не меньшую солидарность и среди своихъ враговъ. Тунгусы Витимскіе, Олёкминскіе, Вилюйскіе, а также сѣверныхъ плоскогорій и прибрежья Ледовитаго океана, несомнѣнно сознаютъ единство своего происхожденія; они нахо-

---

[1]) «Описаніе Сибирскаго царства», стр. 23. Я слыхалъ это самое преданіе въ Запад. Камгаласком улусѣ въ 1891 г. Тамъ, по поводу поимки якутами Восточ. Камгаласкаго улуса, нѣсколькихъ политическихъ ссыльныхъ, бѣжавшихъ съ мѣста причисленія, разсказывали, что Батомскіе якуты искони отличались мужествомъ и хитростью, что нѣкогда, на той же рѣкѣ Батомѣ, они устроили засаду тунгусамъ и множество ихъ перебили. Очевидно, что тутъ говорится не о Патомѣ Витимскаго нагорья, а о Батомѣ, проплывающей на югѣ Амгинско-ленскаго плоскогорья. Второй варіантъ вѣроятнѣе, такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ о томъ, чтобы якуты жили когда-либо на Патомѣ Витима.

дятся въ постоянномъ общеніи и охотно заступаются другъ за друга [1]).

Спаѳарій и другіе ранніе путешественники по Вост. Сибири не разъ упоминаютъ о мѣстахъ, прозванныхъ то «кровавыми», то «убіенными», «гдѣ бывали драки тунгусовъ съ русскими людьми», и значительно позже Гмелинъ описываетъ враждебную встрѣчу тунгусовъ, какой онъ самъ удостоился надъ Леной [2]).

Сѣверные тунгусы слывутъ искони, какъ народъ охотничій, подвижной и воинственный; оленей они всегда держали немного; самыя крупныя стада не достигаютъ у нихъ 600 штукъ; обыкновенно держатъ ихъ не болѣе двухъ десятковъ; охота и рыбная ловля главныя ихъ занятія; олени были имъ необходимы только какъ средство быстраго и удобнаго передвиженія въ горахъ. Жизнь, полная опасностей и риска, развила въ нихъ многія положительныя качества.

«Они обладаютъ извѣстной выправкой, исполнены приличія, ловки, предпріимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически», говоритъ о нихъ Миддендорфъ.

Въ нихъ есть что-то рыцарское и благородное, прибавимъ мы. Самый послѣдній бѣднякъ приметъ васъ въ своемъ чумѣ, точно владѣтельный князь. Мнѣ случилось посѣтить совершенно обнищавшаго старика съ цѣлью помочь ему; онъ принялъ подарокъ съ благодарностью, но безъ низкопоклонства и угостилъ меня «дикимъ чаемъ», единственнымъ его достояніемъ, съ такой утонченной вѣжливостью, что я не рѣшился отказаться отъ напитка, не смотря на его противный вкусъ. Гостепріимство у нихъ до сихъ поръ священный обычай. Когда въ 1884 году, застигнутый мятелью въ Верхоянскихъ горахъ, я остановился ночевать въ тунгускомъ стойбищѣ, начальница его, вдова, долго извинялась передъ нами, что не въ состояніи убить для насъ оленя, такъ какъ собственныхъ у нея нѣтъ; въ концѣ рѣчи, съ низкими поклонами, она положила передъ нами по вяленому языку дикаго оленя, говоря: «хоть это возьмите». Гдѣ бы я не встрѣчалъ тунгусовъ на югѣ и сѣверѣ, всюду они

---

[1]) Смотри казацкую запись у Миддендорфа въ I части, стр. 42.

«Да у того жъ князца Межеула былъ тунгусъ Чилкагирскаго роду съ Ламы и хотѣлъ ихъ, Курбатка Иванова, да Ѳедьку Степанова, убить; а сказывалъ въ прошломъ де въ 148 году лѣтомъ, ходятъ по Ламѣ въ судахъ русскіе люди казаки и побили де ево родниковъ Чилкагирскихъ тунгусовъ пятнадцать юртъ». Казацкія отписки много и пространно разсказываютъ о стремительныхъ и хорошо организованныхъ нападеніяхъ тунгусовъ.

[2]) Ibid. B. II, p. 299—300.

считали своею обязанностью накормить прибывшаго, подѣлиться запасами, «одарить» на дорогу. Правда, что въ то же время они сами беззастѣнчиво пользуются чужими запасами.

Какъ всѣ воинственные народы, они высоко цѣнятъ физическую силу, ловкость, отвагу; любятъ борьбу, состязанія, танцы. Они страстны и хватаются за ножъ въ тѣхъ случаяхъ, когда якуты ограничивается руганью. Въ обыденной жизни прямодушные и правдивые, на войнѣ съ врагами коварны, жестоки, неумолимы [1]).

Якуты относятся къ тунгусамъ высокомѣрно [2]), но боевымъ ихъ способностямъ отдаютъ должное: «ловкій какъ тунгусъ», говорятъ они. «Тунгусъ вертокъ, онъ сквозь сонъ можетъ чувствовать направленное въ него желѣзо и ускользнуть» (Колым. ул., 1882 г.). «Мы побѣждали тунгусовъ благодаря ихъ глупости ....построимъ деревянные дома съ отверстіями, и щелкаемъ ихъ оттуда» (Колымск. ул., 1882 г.) [3]). «Тунгусъ можетъ стрѣлять на ходу, на лыжахъ, на лодкѣ, верхомъ на оленѣ, лежа, стоя, прыгая ...и попадать въ цѣль. Онъ можетъ вбѣжать на высокую гору, ни разу не передохнувши; можетъ не ѣсть, не пить, не спать по нѣсколько сутокъ....» (Колым. ул., 1883 г.).

Борьба съ такими противниками была трудная и продолжительная. Олёкминско-витимскіе, алданскіе и вообще южные тунгусы, издавна слыли за богатый, независимый, воинственный народъ [4]). О вилюйскихъ тунгусахъ, нѣкогда по свидѣтельству русскихъ лѣтописцевъ, многочисленныхъ и богатыхъ, я записалъ слѣдующій якутскій разсказъ, характерный какъ для разсказчиковъ такъ и для воспѣваемыхъ.

«Когда то въ старину, въ одно и тоже время, жило двое тунгусскихъ богатырей: Бюлюй-Эрюнча [5]) и Джянгы-Даринча. Въ своихъ мѣстахъ оба они считались лучшими промышленниками, борцами, удалыми воинами. Другъ о другѣ они знали только по слухамъ: Эрюнча слышалъ про славнаго Даринчу, Даринча—про знаменитаго Эрюнчу. И вотъ пожелали они свидѣться и помѣриться силами. Первымъ собрался въ путь Бюлюй-

[1]) Уже послѣ замиренія, относительно недавно, въ пятидесятыхъ годахъ, Вагановъ, спутникъ Миддендорфа. и его товарищи, были застрѣлены во время сна тунгусами. Вскорѣ послѣ того были ограблены и убиты члены астрономическо-топографической экспедиціи. снаряженной для изслѣдованія Станового пограничнаго хребта, подъ начальствомъ Шварца.

[2]) Называютъ ихъ «глупыми» аккары, «безмозглыми» силите суохъ.

[3]) О такихъ же щеляхъ въ стѣнахъ домовъ для стрѣльбы изъ лука, говорится въ преданіи: «Хоро прародители якутовъ». (Худяковъ, 57 стр.).

[4]) Они обладали лучшими соболиными промыслами. Не рѣдко одинъ охотникъ добывалъ 25 отборныхъ шкурокъ, въ годъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ даже 100 штукъ. Мѣха Вилюйскихъ соболей считаются первосортными.

[5]) Бюлюй-Вилюй. Джянгы по якутски Яна, она же Нянгы, Янгы, это по тунгуски значитъ: голыя, безлѣсныя вершины, а по самоѣдски—тундра. Въ казацкихъ отпискахъ она вначалѣ тоже пишется: Янга.

Эрюнча. На лыжахъ, быстро скользя, онъ въ три дня и три ночи достигъ мѣстностей, гдѣ жилъ народъ Даринчи. Найдя полныя мѣховъ аракасы [1]), онъ вскрылъ ихъ, взялъ лучшихъ черныхъ лисицъ и соболей, а остальное разбросалъ на всѣ четыре стороны свѣта и убѣжалъ. Пришелъ Даринча осматривать свои аракасы и видитъ: слѣдъ лыжъ неизвѣстнаго человѣка, высокіе его аракасы сломаны, дорогіе его черныя лисицы и соболя унесены, а остальные мѣха разбросаны на всѣ стороны свѣта. Думаетъ, разсуждаетъ: «кто найдется среди людей этой земли, осмѣлившійся задѣть меня....» Перебирая, пересчитывая, такого не находилъ. Тогда догадался, что это пришелецъ и никто другой, какъ Бюлюй-Эрюнча.—Обозлился, лыжи наладилъ, оружіе осмотрѣлъ и съ обнаженнымъ копьемъ [2]) въ рукахъ пустился слѣдомъ. Въ два дня и одну ночь пришелъ къ стойбищамъ Эрюнчи. Услышали тунгусы шорохъ, увидали что-то мелькающее и говорятъ господину своему Эрюнчѣ: «трава-дерево шелеститъ.... острый человѣкъ пришелъ!.. [3]). Среди насъ такого удалаго (кытыгрась) нѣтъ, должно быть чужой (омукъ киси)!...»

«Никто другой быть не можетъ, какъ Джянгы-Даринча, ищущій своихъ лисицъ и соболей...», догадался Эрюнча и, собравши людей, вышелъ Даринчѣ на встрѣчу.

— «Джянги-Даринча», говоритъ, «разъ ты пришелъ, выслушай мою рѣчь!... Какъ водится у другихъ, будемъ разговаривать хорошимъ языкомъ, показавши другъ другу привѣтливыя лица. Ты достойнѣе многихъ, я хотѣлъ сравнить твою доблесть съ моею... Ты не сердись!... Въ мой хорошій домъ войди, хорошей пищи покушай, сядь на хорошемъ мѣстѣ. Ты не сердись: желая познакомиться, я взялъ лисицу. Подаривши, прими отдарки!» [4]).

Даринча повѣрилъ этимъ словамъ, вошелъ къ нимъ; знакомился. Стали его принимать и чествовать, какъ подобаетъ такого извѣстнаго воина. Медвѣжью шкуру подослали, темнаго оленя шкуру сверху положили, посадили его на нихъ. Наклали передъ нимъ свѣжихъ зеленыхъ вѣтвей (седиръ), прикрыли берестой (сулъ-тосъ), на бересту положили во множествѣ сырыхъ голеней оленя (чанкы), вареныхъ жирныхъ реберъ, позвонковъ оленьихъ (таба таса) и лосиныхъ, и много мяса... Пировали. Собралось много народу посмотрѣть богатыря Даринчу. Разговаривали, разсказывая про свое житье, хвастаясь богатствомъ, умомъ; боролись, испы-

[1]) Аракасъ — небольшой продолговатый амбаръ, вѣрнѣе: скриня на столбахъ; въ нихъ якуты и тунгусы нѣкогда хоронили, между прочимъ, покойниковъ.

[2]) Сагыняхъ батыя.

[3]) Отъ-масъ джергэеръ, сыты киси кельбитъ.

[4]) Тюркскій текстъ этой рѣчи смотри во II томѣ въ соотвѣтствующей главѣ.

тывая силу. Затѣмъ, Эрюнча отдалъ взятыхъ лисицъ и соболей и одарилъ Даринчу, говоря: «Вотъ мое добро, мое богатство: возьми себѣ сколько взять можешь... Познакомимся!» — Тутъ раскрылъ свои сумы и аракасы съ дорогими мѣхами. Даринча взялъ нѣсколько и остался доволенъ. Пошли спать. Постлали постель Даринчѣ на этой же медвѣжьей шкурѣ; покрыли одѣяломъ каменнаго барана (чуббука). Когда Даринча уснулъ, всталъ со своей постели Эрюнча и, подкравшись къ нему, ударилъ его изо всей силы копьемъ. Вскочилъ Даринча на ноги и тогда, вторымъ ударомъ, подсѣкъ ему Эрюнча жилы голеней. Схвативши копье, выбѣжалъ Даринча на дворъ и бросился бѣжать. Цѣлый день гнался за нимъ Эрюнча и только вечеромъ, нагнавши среди рѣки [1]), убилъ».

«Оставшійся послѣ Даринчи сынъ Энкебиль бӧгӧ (бӧгӧ — мощный), выросши, вдругъ затосковалъ. Не ѣстъ, не пьетъ, не промышляетъ, но и дома сидѣть не можетъ. Отправился отыскивать отца. Сказалъ матери, что идетъ на охоту, а ушелъ на Вилюй. Въ земляхъ Эрюнчи, первое стойбище, которое встрѣтилъ юноша, принадлежало самому младшему изъ сыновей Эрюнчи, Чыкы-усъ (усъ-кузнецъ). Тогда Энкебиль-бӧгӧ, не входя въ домъ, закричалъ: «эй малый (кэтэганъ, кытыганъ) [2]), выйди, возьми подарокъ, принесенный мною»! Когда юноша вышелъ, раньше, чѣмъ онъ успѣлъ дверь запереть, Энкебиль разсѣкъ ему голову.

«За широкою Лепою живущій, за тремя рядами пагихъ каменныхъ горъ живущій, я, сынъ Джянги-Даринчи, ребенокъ Энкебиль, ловите меня!...» Закричалъ и ушелъ, будучи неимовѣрно скорымъ: никто его нагнать не могъ. Плакали родовичи (аймага) Эрюнчи. Этотъ Чыкы былъ «учитель воиновъ» (серкенъ сэхэнъ, сяркянь сясянь), мастеромъ знающимъ дѣлать оружіе, ковать желѣзо, мудрымъ, опытнымъ совѣтникомъ.

Энкебиль-бӧгӧ пришелъ въ свои мѣста невредимо.

Эрюнча, между тѣмъ, собиралъ людей и пошелъ на Верхоянскихъ тунгусовъ войной. Узналъ объ этомъ Энкебиль и уговорилъ одного изъ враждебныхъ рабочихъ, молодого мальчика:

«Я тебя, товарищъ, вознаградить намѣренъ: одну красную, одну черную лисицу дамъ, дамъ тебѣ мою младшую сестру въ жены, только ты поломай рукоятки копій, подрѣжь тетивы луковъ, уничтожь стрѣлы, а остальное оружіе сложи вмѣстѣ на дворѣ....»

«Согласенъ!»—отвѣтилъ глупый мальчикъ и сдѣлалъ, какъ приказалъ Энкебиль, а сдѣлавши, пришелъ и говоритъ:

---

[1]) Ӧрюска. Ӧрюсь значитъ здѣсь не Лена, а Вилюй.

[2]) Кытыганъ—собственно дальній родственникъ, всегда младшій; ребенокъ, парнишка.

«Все, какъ ты сказалъ, совершено».

Тогда Энкебиль, съ обнажешнымъ копьемъ въ рукахъ, войдя въ станъ Эрюнчи, вскричалъ:

«Зовущійся сильнымъ, зовущійся скорымъ, пусть выходитъ!.. Я Энкебиль, убившій Чыкы-уса!...» Выскочилъ народъ изъ палатокъ, ищетъ оружія—нѣтъ его: древки пальмъ (копій) сломаны, тетивы луковъ подрѣзаны, нѣтъ стрѣлъ.

«Энкебиль набросился на нихъ со своими людьми и перебилъ множество, не щадя никого. Оставшіеся, не имѣя возможности защищаться, сказали: «Возьми наше богатство, наше добро, уведи (оленей), дѣлай насъ своими людьми, только дыханіе душу оставь... Будь господиномъ!...» Энкебиль согласился и повелъ ихъ въ Верхоянскія горы. Вотъ почему пѣтъ тунгусовъ на Вилюѣ (Намск. ул., 1890 г.).

Внутреннія неурядицы, подобныя только что разсказаннымъ, несомнѣнно помогали якутамъ въ борьбѣ съ тунгусами, но быстрое заселеніе мѣстъ, облюбованныхъ ими заранѣе на сѣверѣ и западѣ, совершилось только послѣ русскаго завоеванія, послѣ того, какъ новыми пришельцами было разорвано сдерживающее тунгуское кольцо.

Дѣло въ томъ, что тунгусы значительно энергичнѣе и дольше сопротивлялись казацкому нашествію, чѣмъ кто-либо изъ инородцевъ Восточ. Сибири. Якуты покорились почти сразу и безъ сопротивленія, и если, затѣмъ, неоднократно возставали, то лишь вынужденные крайне жестокимъ и несправедливымъ обращеніемъ съ ними завоевателей. Сами они не прочь были откупиться и дружить съ завоевателями. Въ борьбѣ русскихъ съ тунгусами они всегда принимали сторону первыхъ [1]), подобно тому, какъ на дальнемъ сѣверовостокѣ, въ борьбѣ русскихъ съ чукчами, пришельцы тунгусы помогали пришельцамъ же русскимъ. Въ Намскомъ улусѣ я слышалъ характерное преданіе объ этихъ отношеніяхъ: «Сначала тунгусы убили 30 русскихъ [2]). А случилось это вотъ какъ. Узнали русскіе, что есть такіе люди,

---

[1]) Никогда не забуду сцены, свидѣтелемъ которой я былъ въ Колымскомъ округѣ. Старикъ тунгусъ, жившій временно у якутовъ, разсказывалъ о какомъ то страннномъ пророчествѣ, будто бы вычитанномъ дьячкомъ съ Момы (рѣка и церковный приходъ) изъ старыхъ книгъ: «настанетъ день, когда тунгусы опять поднимутся на русскихъ и якуты присоединятся къ нимъ, и они всѣ погибнутъ, какъ братья». Старикъ разсказывалъ съ воодушевленіемъ, но якуты отвѣчали насмѣшками и одинъ изъ нихъ грубо остановилъ раскащика: «будетъ тебѣ болтать, какіе мы вамъ братья!.. Никогда мы русскихъ не промѣняемъ на васъ»! (Колым. ул., 1883 г.).

[2]) Цифра 30, повидимому, была излюбленной тогдашнихъ казачьихъ шаекъ и ихъ начальниковъ. Хрипуновъ въ 1628 году посылаетъ съ устьевъ Илима на Лену отрядъ въ 30 человѣкъ. Въ 1630 году, 30 мангазейскихъ казаковъ, подъ предводительствомъ Мартына Васильева. по Вилюю, перебираются на Лену. Ипатъ Галкинъ, годъ спустя, оправляется туда же изъ Енисейска, тоже съ 30-ю казаками. Въ 1634 году тотъ же Галкинъ наря-

у которыхъ много дорогихъ мѣховъ и всякаго богатства. Пошли на нихъ войной. Пришли въ горы, видятъ: на вершинѣ одной горы, будто комары, чернѣютъ: это были тунгусы. Выстрѣлили русскіе... и мимо: было далеко. Тунгусы слышатъ выстрѣлы, но пули къ нимъ не долетаютъ. Выпустили тунгусы тучу стрѣлъ сверху: убили двадцать русскихъ. А былъ у русскихъ начальникъ боюнъ (воинъ), что ходилъ въ желѣзной кольчугѣ, (кунгяхъ) и казакъ необычной скорости Сюрюкъ-касакъ. Этихъ двоихъ никакъ тунгусы убить не могутъ. Стрѣлы не пробивали кольчугу, а казакъ, прятаясь за своего начальника, спасался. Остальныхъ убили. Говоритъ Сюрюкъ-касакъ своему господину: «Господинъ, убѣжимъ! Убивши всѣхъ, убьютъ и насъ! Заряды кончатся и мы ни съ чѣмъ останемся». Тогда начальникъ отвѣтилъ: «У Великаго Государя не одинъ я слуга!.... Могу ли я нарушить присягу? Послѣ нашей смерти развѣ не останется людей, помнящихъ насъ?!...» Сюрюкъ-касакъ убѣжалъ, а бойна убили тунгусы, набросивши на него съ горы мамоки (арканы). Сюрюкъ, придя домой, разсказалъ, что случилось.

А между тѣмъ, вотъ что произошло. Отдавалъ богатый якутъ дочь замужъ за тунгуса. Когда повезли дѣвушку и тунгусы устроили у себя гулянье, играючи, поссорились и якутскій боецъ (хосунъ) убилъ тунгускаго бойца (тунгусъ хосуна). Убилъ и сбѣжалъ. Сидитъ дома, раздѣвшись, и грѣется у огня; вдругъ со двора входитъ тунгусъ съ обнаженнымъ копьемъ въ рукахъ. Остріе направилъ въ якута и хочетъ убить. «Я нагой,— ты одѣтый» говоритъ якутъ, «развѣ тебѣ не стыдно (арàхъ) убить меня? Ты, точно мой малый палецъ, убиваешь спящаго! Позволь мнѣ одѣться— сравняться съ тобою!..».—Тунгусъ, понявши обратно, выскочилъ на дворъ и давай раздѣваться, равняясь съ якутомъ. Якутъ, схватилъ копье, пошелъ за нимъ и ждетъ. Ударили другъ друга. Долго ничего подѣлать не могли, наконецъ, якутъ попалъ тунгусу въ плечо и отсѣкъ руку. «Довольно», говоритъ тунгусъ, «не убивай меня». Якутъ оставилъ (драться). «Товарищъ» (атасъ), спрашиваетъ тунгусъ, «какъ ты думаешь, съ такой раной далеко ли можно уйти? Не охота мнѣ умирать въ чужой землѣ!..» «Съ такой раной», говоритъ якутъ, «лучшій человѣкъ уйдетъ 30 кось (300 вер.), средній—20, послѣдній только 10 кось»! «Ты, вижу, молодецъ», сказалъ тунгусъ и ушелъ. Опъ сдѣлалъ 30 кось и умеръ. Испугался якутъ, собралъ родныхъ и говоритъ: «Двухъ лучшихъ тун-

---

жаетъ 29 человѣкъ, въ Устьѣ Алдана стеречь Корытова. Въ 1639 году Иванъ Москвитинъ отправляется на Маю, оттуда на Охотское море и опять съ 31 человѣкомъ. Даже Ходыревъ, побѣдивъ въ 1639 г. Копылова, приказываетъ «порубить 30 чел. плѣнныхъ якутовъ Копыловой партіи». (Дополн. къ Историч. актамъ, т. II, стр. 234).

гускихъ бойцовъ я убилъ, — совѣтуйте, какъ быть? Не лучше ли самимъ впередъ броситься на нихъ»? Якуты усовѣтовали отправиться; собрали своихъ и пошли. Однако, придя къ тунгусамъ, не воевали, а помирились и возвратились обратно. Когда возвращались, одаренные и довольные, встрѣтили отрядъ русскихъ, идущихъ по указаніямъ Сюрюкъ-касака. Сначала хотѣли напасть на нихъ и побить, но русскіе надавали имъ много подарковъ: табаку, чаю, бусъ и подговорили пойти вмѣстѣ на тунгусовъ, побить ихъ и ограбить. Якуты согласились. Разсказали русскимъ, гдѣ живутъ тунгусы, гдѣ кочуютъ, кого среди нихъ бояться, чего избѣгать. Мущинъ тунгусовъ, воиновъ и молодежи, не застали дома: всѣ ушли на промыселъ. Нашли только женщинъ, дѣтей да стариковъ. Убивши многихъ, ушли съ добычей. Возвраящась, строили въ ущельяхъ, мѣстахъ тѣсныхъ (б о м ъ-с и р ъ) дома, укрѣпленія, гдѣ ночевали. Тунгусы, возвратившись и найдя дома ограбленными, людей перебитыми, бросились въ погоню. Увидя ихъ издали, русскіе стрѣляли сверху, и убивали многихъ. Тунгусамъ же вверхъ трудно было стрѣлять». (Намскій ул., 1892 г.).

Для насъ совершенно безразлично, какіе историческіе факты составляютъ фабулу двухъ этихъ разсказовъ... Возможно даже, что они вымышлены, но они совершенно правильно рисуютъ эпоху и взаимныя отношенія дѣйствующихъ племенъ. Родовая месть и возникающія вслѣдствіе этого мелкія, родовыя войны, сослужили большую службу казакамъ при завоеваніи. Они ими ловко и охотно пользовались не только для усмиренія, и для грабежа. Это отмѣчено въ историческихъ документахъ [1]).

Тунгусы всегда отличались легкой воспламеняемостью и родовой агностью. Благодаря этому, исчезали цѣлыя тунгускія племена и исчезала, мало-по-малу, та живая опояска, которая заставляла якутовъ держаться вмѣстѣ, преграждала имъ доступъ къ окраинамъ, охраняя горные проходы, уничтожая одинокіе выселки.

Вслѣдъ за появленіемъ русскихъ, якуты толпами устремляются на окраины. Я просматривалъ податныя списки 60-хъ годовъ XVII столѣтія; тамъ сплошь и рядомъ встрѣчаются помѣтки: «бѣжалъ въ Жиганы», «бѣжалъ на Янгу» «ушелъ на Индигирку», «на Колыму», «отправился на Вилюй» [2]). Уходятъ и по одиночкѣ и цѣлыми семьями, и даже родами, спасаясь съ одной стороны отъ притѣсненій, съ другой—пользуясь слабостью тунгусовъ, занятыхъ войною съ русскими.

---

[1]) Смотри: Дополненіе къ истор. акт. Томъ II, стр. 231, 250.

[2]) Рукописныя оригинальныя свитки изъ Якутскаго архива. Собственность Иркутской Библіотеки В. Сибир. Отд. Геогр. Общ.

На сѣверныя плоскогорія якуты проникли почти одновременно съ русскими и отчасти въ союзѣ съ ними. Казаки въ 1638 году, какъ мы это отмѣтили выше, и Елисей Буза, въ 1639 году, находятъ якутовъ только въ верхнемъ теченіи Яны [1]); по преданіямъ, они пришли туда, убѣгая отъ русскихъ же (?) «Первый разъ пришли, когда русскіе убили Тыгына (Дыгына) [2]); второй разъ опять много пришло съ юга якутъ, убѣгая передъ оспой» (Верхоян. ул., 1881 г.).

О борьбѣ переселенцевъ съ Янскими тунгусами сохранилось много преданій. Въ одномъ изъ нихъ описывается «Плоскій боецъ» (Хаптагай батыръ) т. е. такой, «что если бокомъ встанетъ, такъ въ самой серединѣ всего три пальца толщины». Отъ реберъ до локтей у него были крылья. Скоростью и ловкостью никто не могъ его превозойти. Онъ, вмѣстѣ съ това-

[1]) Фишеръ. Устное преданіе говоритъ, что это на рѣкѣ Дуолгалохѣ (Верхоянскъ 1881 г.).

[2]) Вотъ преданіе, записанное мною на югѣ, о первыхъ переселенцахъ въ Верхоянскъ: «Когда войско Тыгына было разбито русскими, часть его убѣжала на сѣверъ, внизъ по Ленѣ. Русскіе преслѣдовали ихъ. Въ мѣстности Кӧмӧкӧнгъ Дунгуръ-гыммытъ харыя, отъ Намской управы верстъ 40, на сѣверо-западѣ, русскіе нагнали бѣглецовъ. Здѣсь выстроили амбаръ, куда запирали плѣнныхъ. Когда русскимъ понадобилось уйдти дальше на сѣверъ, этотъ амбаръ съ людьми они сожгли. Преслѣдуя якутовъ, они взимали съ нихъ дань. Въ мѣстности, которая теперь зовется Мангысъ (обжора), жилъ въ это время витязь (мӓргӓнъ или бяргянь) Альчардыръ. Русскіе встрѣтили витязя недалеко отъ дома и, должно быть, у нихъ произошелъ споръ, они его тутъ и повѣсили. Въ первый разъ витязь оборвался, а оборвавшись, сталъ просить, чтобы позволили ему передъ смертью молвить слово. Русскіе отпустили петлю и онъ сказалъ имъ: «Есть у меня четыре амбара: одинъ полный черныхъ лисицъ, другой—красныхъ, третій наполненъ бѣличьими мѣхами, четвертый—заячьими! Все вамъ отдаю. Идите къ моей старухѣ и скажите ей вотъ эти слова, по нимъ она васъ узнаетъ: «Иди на югъ къ большому дереву; тамъ на востокъ отъ него стоятъ три мерзлыя ели моей судьбы (несчастія). Отъ нихъ гибну... Ты ихъ сруби... Затѣмъ возьми три мои пернатыя стрѣлы и пусти, обнаженныя, въ горы Джяны... Ну, русскіе, я кончилъ можете меня убить!...» Повѣсили Альчардыра, отрѣзали у него голень и послали вмѣстѣ съ Тыгыновымъ глазомъ царю. Сами пошли къ старухѣ и говорятъ ей: «мы нашли твоего мужа, умирающаго въ лѣсу, его мѣдныя кости мы схоронили, его серебряныя кости мы почтили, вознесли на помостъ; за то онъ отказалъ намъ передъ смертью свои четыре амбара съ добромъ; тебѣ же приказалъ сказать: пусть»... тутъ говторили слово въ слово, что говорилъ витязь. — Догадалась жена, смолчала. Отдала амбары съ мѣхами. Собрали они все вмѣстѣ, увязали въ тюки, а сами между тюками легли спать. Пришла ночью съ топоромъ жена Альчардыра, а топоры въ это время были не такіе широкіе, какъ теперь, а узкіе; и вотъ она, слабая, долбя имъ головы, точно долотомъ, убила всѣхъ спящихъ, кромѣ трехъ, которые проснулись и убѣжали. Послѣ этого взяла она трехъ своихъ сыновей, три пернатыя стрѣлы Альчардыра и ушла въ горы Джяны. Отъ нихъ и происходятъ Верхоянскіе якуты. Одинъ остался тамъ жить навсегда, а два другіе брата, когда все утихло, возвратились назадъ, на старыя мѣста. Отъ нихъ происходятъ два рода Мангысъ, такъ какъ сами они такъ прозывались за свою чрезмѣрную прожорливость» (Намск. ул. 1890 г.). Роды эти, въ настоящее время, превратились въ наслеги и официально называются: Первый и Второй Быжагажинскіе. Нужно думать, что это эпизодъ изъ возстанія Мамыка 1634 года или второго возстанія Кангаласцевъ 1637 года. У Фишера сказано, что тогда многіе якуты убѣжали черезъ горы, окружающіе якутскій уѣздъ, «чаятельно къ рѣкѣ Вилюю» и что «Галкинъ гонясь за ними съ 150 человѣками семь дней, не могъ ихъ нагнать» (ibid. стр. 368).

рищемъ Суорда (Воронецъ), удачно воевалъ съ тунгусами, и тѣ, подъ конецъ, признали его своимъ «господиномъ» (тоёнъ). Сынъ его Хохоебатыръ еще болѣе знаменитый и свирѣпый, который «прежде чѣмъ огонь щелкаетъ и уголь вылетаетъ изъ пламени — трижды отвертывается отъ стрѣлы», былъ убитъ тунгусами въ сраженіи на Ölörсöбютской долинѣ [1]), по дорогѣ на Индигирку, куда онъ ушелъ вмѣстѣ съ русскимъ отрядомъ (Верхоян. Сборн., Худякова, стр. 61).

О появленіи якутовъ въ Колымскомъ округѣ, я тамъ же, у нихъ, записалъ слѣдующее преданіе:

«Эта земля была раньше не наша, а ломутская (ломукъ, тунгусъ-омукъ), и жило ихъ здѣсь великое множество, должно быть... нѣсколько тысячъ! Говорили, что бѣлая чайка, пролетая съ юга къ морю надъ дымомъ ихъ костровъ, дѣлалась черной. Въ то время край былъ богатъ пушнымъ звѣремъ и всякой добычей: соболи во дворъ забѣгали и достаточно было пустить стрѣлу въ глубину любого озера, чтобы она всплыла съ рыбой. Хаживали въ эту землю, на промыселъ, два брата-якута. Были они богатыри и много обидъ причиняли ломутамъ. Вздумали ломуты ихъ убить. Братья прослышали и убѣжали; ломуты погнались за ними. Братья бѣжали, не отдыхая, и только черезъ нѣсколько сотъ верстъ рѣшились прилечь. Уснули: вдругъ, съ просонку, слышитъ старшій братъ: кто-то кричитъ; открылъ глаза, но не шевелится по обычаю; видитъ: кругомъ на вершинахъ деревьевъ сидятъ люди и наводятъ на нихъ свои стрѣлы. «Здравствуйте»!—кричатъ. Онъ толкнулъ въ бокъ спящаго брата, самъ вскочилъ, схватилъ оружіе. Кругомъ столпились люди. Пригнули богатыри, упершись концами копій въ землю, и перепрыгнули черезъ тѣхъ, что стояли на землѣ, и черезъ тѣхъ, что сидѣли на деревьяхъ. Ломуты погнались за убѣгающими витязями, пуская стрѣлы въ догонку; но братья бѣжали такъ быстро, что опереживали стрѣлы. Однако ломуты не отставали, надѣясь, что впереди рѣка задержитъ братьевъ. Прибѣжали братья къ рѣкѣ, не остановились. Старшій однимъ прыжкомъ перескочилъ на другой берегъ, младшій же поскользнулся одной ногой и упалъ. Замѣтилъ старшій, что съ лѣвой стороны его нѣтъ брата, обернулся и увидѣлъ его въ оврагѣ рѣки, пробитаго стрѣлами, умирающаго. Тогда онъ закричалъ: «товарищъ мой, черезъ три года принесу я гостинца: впереди буду гнать, а сзади вести... прощай»! И ушелъ. Ломуты убоялись его и оставили. Придя домой, витязь разсказалъ родственникамъ о случившемся; тѣ рѣшили соединиться съ русскими и пойти воевать съ ломутами. Они

[1]) По рѣкѣ Догдо, притоку Адычи, въ горахъ Тасъ-Ханяхтахъ, тамъ, гдѣ теперь поварня «Убіенная» (Ölörсöбютъ).

разсказали русскимъ начальникамъ, какую они нашли богатую и обильную землю и какой народъ. Собрался отрядъ якутовъ и русскихъ и двинулись на сѣверо-востокъ. Въ пятидесяти верстахъ отсюда (Андылахъ, почтовая станція по дорогѣ въ Средне-Колымскъ) есть большое озеро, а на берегу его высокій «камень» (скала). Мѣсто это называется Хаирдахъ. Говорятъ, нѣкогда камень былъ сѣрый, теперь онъ красный. На этомъ камнѣ жили ломуты. Тутъ былъ ихъ главный станъ. Было ихъ много, напасть открыто было опасно. Тогда русскіе построили плотъ, на серединѣ поставили палатку, привязали бѣлаго коня, а впереди поставили пушку и поплыли къ этому камню. Увидѣли ломуты вещи невиданныя: бѣлый домъ и бѣлаго рѣдкостнаго звѣря. Вышли всѣ, скучились, глаза протираютъ, уши поглаживаютъ. Вдругъ русскіе выстрѣлили и убили ихъ добрую половину. Началась битва, но у тунгусовъ были только луки, а у русскихъ ружья. Русскіе вышли на берегъ и стали убивать оставшихся. Изъ тунгускихъ воиновъ остался только одинъ. Онъ вскочилъ въ палатку, схватилъ оружіе и говоритъ: «мать, умирать надо! ...одно яйцо гдѣ не гніетъ! ...дай напиться». А у самого-то бокъ вырванъ, кровь льется ручьями, а сердце такъ и треплется наружу. «Лучше умри отъ моей руки, чѣмъ отъ руки русскихъ»! крикнула старуха, и въ то время, какъ онъ пилъ воду, ударомъ ножа отрубила ему сердце. Сердце упало на землю, но богатырь еще успѣлъ выскочить и скончался за порогомъ палатки. Русскіе убили всѣхъ, кромѣ молодыхъ женщинъ, которыхъ они увели въ плѣнъ... Вотъ отъ чего камни такіе красные» (Колым. улусъ, 1883 г. [1]).

Въ Тасъ-Ханяхтахскихъ горахъ мнѣ указывали ущелье, которымъ будто бы прошелъ первый отрядъ казаковъ въ Колымскій округъ. Отрядъ велъ якутъ, впереди котораго бѣжала собака (1883 г.). По одному изъ варіянтовъ преданія о Хаптагай-батырѣ, ему удалось пропикнуть за Верхоянскій хребетъ, разыскивая собаку. Эта подробность, упорно повторяется въ разныхъ преданіяхъ; она какъ-бы указываетъ на якутскіе способы развѣдыванія новыхъ земль. Это все тотъ же древній, простой и естественный способъ: охотники, молодые удалые воины, въ поискахъ за счастьемъ и пушниной, проникали далеко въ горы, въ тайгу, на другую сторону горныхъ хребтовъ, осматривали мѣстность и впослѣдствіи своими разсказами подготовляли выселеніе сородичей и служили вожатыми [2]).

---

[1]) Въ этомъ разсказѣ названіе ломукъ, омукъ и тонгусъ постоянно перемежались и употреблялись, какъ синонимы.

[2]) Въ настоящее время существуютъ три дороги за внутренній хребетъ съ южно-якутскаго плоскогорія на сѣверное: 1) почтовый Якутско-Верхоянскій трактъ, кратчайшій путь, но чрезвычайно трудный, и для рогатаго скота прямо непроходимый. 2) купеческій— съ устьевъ Алдана. 3) съ устьевъ Амги къ верховьямъ Индигирки (по якутски Омёконъ).

Такъ заселили якуты Верхоянскій, Колымскій, Олёкминскій и, пожалуй, Вилюйскій улусы.

На Оленёкъ русскіе промышленники явились раньше якутовъ. Уже въ 1636 году, тамъ промышленные русскіе люди охотились до того удачно, что «въ Якутскѣ за потребное признали послать туда кого нибудь для сбору десятаго соболя» [1]).

Труднѣе опредѣлить время появленія якутовъ на Ессейскомъ озерѣ. Между этимъ озеромъ и Леной, когда то, существовали очень оживленныя сношенія. Повидимому, много раньше до прихода русскихъ, сюда, въ извѣстныя времена года, стекались многочисленные таборы самоѣдовъ, тунгусовъ, къ нимъ приходили съ торговыми цѣлями якуты, незначительныя колоніи которыхъ еще застали тамъ моряки Полярной русской экспедиціи, въ 18-мъ столѣтіи [2]).

Говорящіе по якутски Долгане, по типу помѣсь якутовъ и тунгусовъ, переселились, какъ говорятъ, изъ верховьевъ Хатанги къ Норильскимъ озерамъ и на Авамскую тундру послѣ того, какъ знаменитый ихъ богатырь Сюрюкъ-сюгä-тоёнъ [3]) былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ русскими.

О времени появленія якутовъ въ окресностяхъ Туруханска, извѣстно еще менѣе; повидимому съ XVIII столѣтія, количество ихъ здѣсь быстро стало уменьшаться. Георги говоритъ, что по переписи 1750 г., ихъ числилось «127 ясашныхъ душъ», а Миддендорфъ въ 1843 г. нашелъ ихъ всего 33 души обоего пола [4]). У Ремезова самыя западныя стойбища якутовъ обозначены въ верховьяхъ Анабыры; на Енисеѣ нигдѣ у него якутовъ нѣтъ [5]).

По вопросамъ разселенія слѣдуетъ, думаю признать за положенія несомнѣнныя, что якуты до пришедствія русскихъ занимали много меньшую территорію, что главная часть ихъ, кочевала по амгинско-ленскому

Преданіе указываетъ только на два послѣдніе пути. При помощи послѣдняго родъ Баягантайскаго улуса, живущій на Индигиркѣ, до сихъ поръ поддерживаетъ связь со своей отдаленной метрополіей.

[1]) Фишеръ, ibid., стр. 376.

[2]) Миддендорфъ, ibid. ч. II, ст. VI, стр. 700; Маакъ, ibid. ч. II, стр. 118: Кривошапкинъ, «Енисейск. Окр.» стр. 371; Третьяковъ, «Турух. Окр.», стр. 271.

[3]) Названіе это значитъ «Быстрый топоръ господинъ».

[4]) Миддендорфъ, ibid. стр. 758.

[5]) Значеніе этого факта уменьшается, впрочемъ, въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что на генеральной картѣ капитана Крузенштерна, изданной въ 1813 году, якутовъ совсѣмъ даже *не обозначено*, а на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, написано—«тунгусы», и что до изслѣдованія Миддендорфа всѣ считали Долганъ тунгусами и даже потомъ нѣкоторые ошибочно называли ихъ языкъ «тунгускимъ». Кривошапкинъ, «Енисейскій округъ» стр. 33.

плоскогорію и теперь гуще другихъ населенному, что къ эмиграціи на окраины побуждали ихъ не только иноземное нашествіе, преслѣдованія, страхъ оспы, но что были и другія болѣе глубокія причины, нужно думать, экономическаго характера, которыя дѣйствовали и раньше и продолжаютъ дѣйствовать и теперь; только эти причины получили полный просторъ въ моментъ завоеванія. Это подтверждается все продолжающейся колонизаціей окраинъ, какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ, вплоть до нашихъ дней, а также попытками якутовъ проникнуть туда до русскихъ, слѣды чего сохранились въ приведенныхъ нами якутскихъ преданіяхъ.

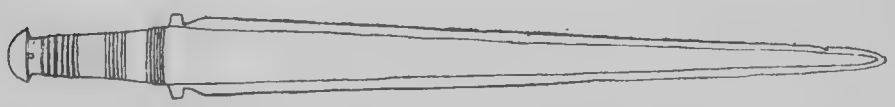


Рис. 20. Бронзовый мечъ, найденный въ 150 вер. отъ Вилюйска на днѣ спывшаго озера. Собственность Иркутскаго Музея В. Сиб. Геог. Общ. № 135. ($2^1/_2$ ф. вѣса; $^1/_6$ настоящей вел.).

III. Физическія особенности племени.

Рис. 21.

асовые признаки якутовъ до сихъ поръ ждутъ научнаго опредѣленія. Повидимому, якуты представляютъ помѣсь многихъ народовъ, даже расъ. Уже въ послѣднее время, въ мѣстахъ ихъ теперешняго пребыванія, сильный приливъ монголо-манчжурской крови, при посредствѣ тунгусовъ, и арійской—черезъ русскихъ, значительно повліялъ на измѣненіе ихъ первоначальнаго типа. Старинный обычай брать женъ издали, распредѣлилъ это вліяніе, болѣе или менѣе, на весь народъ. Все-таки, внимательно присматриваясь къ типамъ различныхъ мѣстностей, не трудно отмѣтить линіи столкновенія разныхъ народностей и очаги ихъ смѣшенія. Въ началѣ, всѣ лица кажутся одинаково темными, скуластыми, косоглазыми; фигуры, движенія и позы странными и удивительно схо-

жими, почти тожественными [1]). Только послѣ нѣкотораго навыка личныя и племенныя особенности всплываютъ настолько, что безъ труда удается отличить даже небольшую относительно подмѣсь тунгуской, юкагирской или славянской крови.

Если встрѣтится индивидъ съ болѣе, чѣмъ у окружающихъ, свѣтлымъ цвѣтомъ лица, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, съ мягкими, немного вьющимися волосами, съ растительностью, хотя бы жидковатою, на верхней губѣ и подбородкѣ, если глаза у него болѣе свѣтлые, блестящіе, каріе или зеленовато-сѣрые, немного на выкатѣ, съ тонкими вѣками и густыми не особенно длинными рѣсницами, если онъ крупный ростомъ, костистый и мясистый, и икры и ягодица у него толстыя—то можно навѣрное сказать, что въ немъ течетъ доля арійской крови. Даже присутствіе одного изъ этихъ признаковъ, говоритъ за русское происхожденіе объекта. Этотъ типъ смѣшанный встрѣчается главнымъ образомъ на югѣ, въ окрестностяхъ Якутска и въ Олёкминскомъ округѣ. Здѣсь есть цѣлые роды, называемые въ память ихъ происхожденія «русскими родами» (н у ч ч а а г а-у с а). Въ Якутскомъ округѣ нѣтъ почти улуса, гдѣ бы не было нѣсколькихъ такихъ родовъ. Они образуются путемъ браковъ русскихъ съ якутками или женитьбой якутовъ на русскихъ. Послѣдніе случаи болѣе рѣдки, но не исключительны. Миддендорфъ говоритъ о Долганахъ съ Хатанги, женатыхъ на русскихъ дѣвушкахъ; одна изъ нихъ была дочерью священника. Я лично знаю много такихъ случаевъ. Въ III-мъ Баягантайскомъ наслегѣ, одинъ изъ тамошнихъ князьковъ женатъ на дочери русскаго дьячка, а сынъ князя женатъ на дочери улуснаго писаря, русскаго; мать этой дѣвушки якутка, а отецъ великороссъ. Въ мѣстности Абый, богатый якутъ Степанъ Черемкинъ, женился на русской уроженкѣ города Якутска. Бѣдныя русскія дѣвушки, на югѣ Якутской области, сплошь и рядомъ выходятъ замужъ за богатыхъ якутовъ. Еще чаще женятся русскіе на якуткахъ и тунгускахъ, но такія случаи не такъ для насъ интересны, такъ какъ, тогда потомство, если оно законно, причисляется къ русскому населенію края. Примѣсь русской крови на югѣ, всюду сильно даетъ себя чувствовать въ типѣ якутовъ. Даже въ глухихъ уголкахъ, далеко отъ центровъ русскаго населенія, встрѣчаются сильно подчеркнутыя, характерныя особен-

[1]) Якуты, впервые столкнувшіеся съ большимъ количествомъ русскихъ, тоже затрудняются отличать ихъ индивидуальныя особенности. «Кто васъ узнаетъ, всѣ вы бородатые», жаловались они мнѣ на свои ошибки.

ности русскихъ метисовъ. Онѣ проникли туда всякими правыми и неправыми путями: любовными связями якутскихъ женщинъ съ проѣзжими купцами и чиновниками, романтическими похожденіями уголовныхъ поселенцевъ, высланныхъ въ глушь; возможно, что часто это отголоски былыхъ казацкихъ набѣговъ, когда отряды побѣдителей, облюбовавъ «мѣста», живали въ пихъ по нѣсколько лѣтъ, собирая ясакъ.

Рис. 22. Якутка горожанка.

«Въ старину, бывало, пригонятъ казаки къ себѣ въ станъ якутскихъ бабъ и дѣвокъ и живутъ съ ними, да не съ одной, а съ нѣсколькими заразъ. Забеременѣетъ женщина, въ наслегъ ее обратно... Вотъ какъ»..... разсказывалъ мнѣ колымскій казакъ Алексѣй Поповъ, по прозвищу «Трегубый» [1]). Вообще здѣшніе русскіе отдаютъ предпочтеніе любовницамъ инородкамъ, увѣряя, что онѣ сладострастнѣе бѣлыхъ женщинъ. Особенно слывутъ за таковыхъ тунгуски, какъ среди русскихъ, такъ и якутовъ [2]).

На сѣверѣ, за внутреннимъ хребтомъ, ближе къ морю, гдѣ якутское населеніе проникаетъ долинами рѣкъ и рѣчекъ далеко въ горныя страны, вліяніе тунгуской и юкагирской (монголо-манджурской) крови, даетъ себя чувствовать болѣе сильно. Долганъ, живущихъ подобно тунгусамъ и одѣвающихся по тунгуски, многіе считаютъ тунгусами, хотя они говорятъ по якутски и преданія ихъ ясно указываютъ на смѣшанное полуякутское происхожденіе. Юкагири [3]), когда-то густо населявшіе ни-

[1]) Казакъ этотъ—силачъ, ловкій боецъ, удалый наѣздникъ. Когда въ 1882 г., вмѣстѣ съ другими 10-ю казаками онъ очутился въ «Казачьемъ» (устья Яны), въ экспедиціи, имѣвшей нѣкоторое подобіе набѣга, вспомнилъ, очевидно, «старину» и открыто зажилъ съ двумя якутскими женщинами. Они ночевали втроемъ на одной постели, при чемъ казакъ хвалилъ обѣихъ женщинъ за отсутствіе ревности и говорилъ, что обѣихъ любитъ одинаково. (Усть-Янскій улусъ, казачье 1882 года).

[2]) На Анюйской ярмаркѣ, въ Колымск. окр., проституціей занимаются по преимуществу тунгускія женщины: имъ отдаютъ предпочтеніе.

[3]) Въ старинныхъ казацкихъ отпискахъ, всю янскую долину зовутъ «юкагирской землей». Въ глубинѣ ея я и теперь еще находилъ слѣды юкагирей; по дорогѣ изъ Устьянска въ Верхоянскъ (въ 1882 г.), южнѣе Бытантая я встрѣчалъ мѣстности, которымъ давали прозвища «юкагирскихъ рѣчекъ» (ю к а г и р ъ ю р я к ъ), «юкагирскихъ падей» (ю к а г и р ъ а л а с ъ), гдѣ теперь нѣтъ и помину о юкагиряхъ. — Сѣверное сіяніе якуты зовутъ «юкагирскимъ огнемъ», а нѣкоторые полярную звѣзду зовутъ «юкагирской». Юкагири, надо по-

зовья рѣкъ Яны, Индигирки и Колымы, исчезли, поглощенные якутами. То же самое случилось со многими тунгусскими родами. Въ Колымскомъ улусѣ я встрѣчалъ много семействъ завѣдомо тунгусскихъ, живущихъ по якутски, сроднившихся и переженившихся съ якутами. Въ Дюпсюпскомъ и Баягантайскомъ улусахъ, въ сѣверныхъ ихъ частяхъ, примыкающихъ къ южнымъ отрогамъ Верхоянскихъ горъ, гдѣ до сихъ поръ кочуютъ тунгусы, въ голодные годы являются многочисленныя тунгусскія семьи, нанимаются въ работники къ якутамъ, или живутъ на иждивеніи улуса. Такія семьи часто навсегда остаются среди якутовъ. Въ случаѣ смерти взрослыхъ, осиротѣвшихъ дѣтей охотно разбираютъ зажиточные якуты въ пріемыши. То же происходитъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ по сосѣдству живутъ тунгусы и якуты. «Многіе тунгусы въ Вилюйскомъ округѣ объякутились и у нѣкоторыхъ есть даже многочисленныя стада рогатаго скота... Большинство говоритъ по якутски, и мало кто среди нихъ знаетъ свой родной языкъ»... замѣчаетъ по этому поводу Маакъ [1]). Въ Олекминскомъ округѣ ежегодно, зимою, тунгусы приходятъ въ якутскія селенія и живутъ тамъ самые холодные мѣсяцы совмѣстно съ якутами, въ тѣхъ же юртахъ.

«Пріѣзжаютъ въ началѣ поста, а уѣзжаютъ въ концѣ масляпки. Привозятъ хозяевамъ, у которыхъ живутъ, подарки: мѣха, орѣхи, бѣличье и медвѣжье мясо. Покупаютъ у якутовъ: кобылье мясо, хаякъ, муку; все это очень любятъ. Тогда бываетъ весело. Каждый день пѣсни и пляска. Тунгусы любятъ веселье, даже взрослые, все равно что маленькія дѣти, переговариваются съ якутами пѣснями. А послѣ танцевъ разно бываетъ»... разсказывала мнѣ якутка, долго жившая въ Олёкминскомъ округѣ (Нам. ул., 1887 г.).

Майскіе (притокъ Алдана) тунгусы, какъ это видно изъ путевыхъ замѣтокъ генерала Свѣтлицкаго, тоже отчасти объякутилась и даже занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ [2]). Сѣверные якуты, гдѣ помѣсь съ тунгусами

лагать, занимались искони рыболовствомъ. Наружностью, ухватками, характеромъ они сильно напоминаютъ тунгусовъ, только какіе-то они приниженные, льстивые и жалкіе. Это—податливое, мягкое племя, со слабыми національными инстинктами. Въ низовьяхъ Колымы они совершенно обрусѣли; кочующіе съ чукчами превратились въ чукочъ, а на западѣ, по Янѣ и Ленѣ они слились съ якутами. Въ Устьянскомъ улусѣ, на берегу моря, я встрѣчалъ семьи по преданію юкагирскія, но уже ничѣмъ, кромѣ внѣшности, не отличавшіяся отъ якутскихъ. Языкъ ихъ, по увѣренію якутовъ, сильно разнящійся отъ тунгузскаго, исчезъ; старики, знающіе по юкагирски, на перечетъ на всемъ побережьи Ледовитаго океана. Національный костюмъ, тоже отличный и своеобразный, забытъ. Только разбогатѣвшіе на службѣ у чукочъ **каханы**, изрѣдка къ нему возвращаются.

1) «Вилюйскій округъ», ч. III, стр. 38.

2) «Отчетъ о поѣздкѣ въ Алнъ въ 1886 г.», рукопись.

болѣе значительна, свѣжа и не заглушена приливомъ русской крови, отличаются отъ южныхъ меньшимъ ростомъ, большей худощавостью, большей плоскостью и скуластостью лицъ, меньшимъ размѣромъ глазъ и болѣе косымъ ихъ прорѣзомъ. Форма ихъ черепа, повидимому, тоже другая. Бровныя дуги рѣзче обозначены и лобъ болѣе покатъ назадъ, не такъ гладокъ и къ вискамъ покатистъ, какъ у якутовъ юга. Конечно, и среди нихъ встрѣчаются семьи и даже цѣлые роды совершенно схожіе съ южными якутами, но монголо-манчжурская помѣсь преобладаетъ.

Для удобства сравненія приведу въ началѣ описаніе наружности тунгусскихъ племенъ, такъ сильно повліявшихъ на якутскій типъ.

Тунгусы и юкагиры, тѣ по крайней мѣрѣ, которыхъ я могъ наблюдать, всѣ были коротко-головые. Лобъ у нихъ широкій, но низкій, бугристый и сильно покатый назадъ. Бровныя дуги сильно развиты, на нихъ жидкія высоко на лбу, приподнятыя брови, расположенныя далеко другъ отъ друга и отъ глазной щели. Глазная впадина мелкая, глазная щель узкая и прорѣзана немного вкось, рѣсницы рѣдкія. Скулы широкія и выдающіяся. Переносица низкая и широкая, носъ небольшой, плоскій, съ толстыми мало подвижными поздрями. Отверстіе ноздрей продолговатое, съ поперечнымъ направленіемъ большой оси, дѣлаетъ носъ еще болѣе плоскимъ. Онъ кажется, вмѣстѣ съ тѣмъ, вздернутымъ такъ, что отверстія его видны почти цѣликомъ при взглядѣ въ лицо. Ротъ сомкнутый, подбородокъ небольшой, острый и характерныя, многоугольныя «тунгусскія» уши съ маленькой мочкой. Глаза у молодыхъ до того темные, что радужная оболочка сливается со зрачкомъ; у стариковъ они немного выцвѣтаютъ. Блескъ глазъ обыкновенно тусклый, матовый, разгорается только въ минуты сильнаго возбужденія [1]). Черные, жесткіе, прямые волоса, даже длинные не вихрятся, а ложатся прядями. Цвѣтъ кожи свѣтло-шоколатный, съ просвѣчивающимъ на щекахъ румянцемъ. Но я видѣлъ тунгусокъ, холепыхъ съ дѣтства, живущихъ въ русскихъ семьяхъ, въ деревянныхъ домахъ, и у нихъ цвѣтъ лица былъ почти бѣлый съ пріятной смуглостью и нѣжнымъ румянцемъ. Тунгусы невысокаго роста, 59—60″, худощавы, тонкокостны [2]). Руки и ноги у нихъ маленькія; мышцы рукъ и ногъ продолговатыя подвижныя и довольно твердыя, никогда не отличаются большими размѣрами. Шея тонкая, животъ втянутъ, грудная клѣтка объемистая и высокая. У женщинъ груди малыя, коническія; у дѣвушекъ очень малыя, почти муж-

[1]) Разъ я видѣлъ, какъ тунгусъ, оскорбленный якутомъ, схватился за ножъ; глаза его вспыхнули хищнымъ, фосфорическимъ, истинно волчьимъ огнемъ. Думаю, что ни русскіе, ни якутскіе глаза не способны такъ вспыхнуть.

[2]) Среди тунгусовъ я видѣлъ всего *одного* зажиточнаго купца довольно полнаго, и даже какъ будто склоннаго къ ожирѣнію.

скія, у замужнихъ и пожилыхъ сильно отвисшія. Тазъ у женщинъ очень узокъ, мужской. Ягодицы и икры и у мущинъ и у женщинъ совсѣмъ малыя. Трудно отличить тунгуса мущину отъ женщины, когда они одинаково одѣты, что у бѣдняковъ часто случается. Женщины немного только ниже мущинъ и нѣжнѣе сложеніемъ. Движенія тунгусовъ легки, часто граціозны, всегда порывисты. Впрочемъ, эта порывистость, почти судорожность движеній, значительно сглаживается съ перемѣной образа жизни и платья. Осѣдлые тунгусы скотоводы, въ просторныхъ якутскихъ сонахъ (кафтанъ) двигаются также солидно, какъ и якуты; на оборотъ: занимающіеся охотой вмѣстѣ съ тунгусами якуты, въ легкихъ тунгускихъ костюмахъ въ обтяжку, усваиваютъ до нѣкоторой степени порывистось и урывчатость тунгускихъ движеній. Только якуты не такъ граціозны и легки, какъ природные тунгусы.

Помѣсь съ якутами смягчаетъ вышеуказанныя черты. Одно странно, что если чисто тунгусскія или чисто якутскія физіономіи отличаются благообразіемъ, иногда даже привлекательностью, помѣсь обѣихъ, по большей части, до крайности безобразна.

Рис. 23. Дѣвочка 9 лѣтъ изъ бѣдной семьи (съ фот.).

Якуты [1]) ростомъ 63″ — 64″, занимаютъ середину между здѣшними русскими (67″) и тунгусами. Кости ихъ толще, мышцы объемистѣе тунгусскихъ. При хорошемъ питаніи они обнаруживаютъ склонность къ ожирѣнію. Грудная клѣтка объемистая, хотя не столько широкая, сколько высокая; животъ у бѣдняковъ, питающихся неправильно, притомъ скверной пищей (сосновой заболонью, падалью, гнилой рыбой и т. п.) очень объемистъ и уродливъ, сильно выдается впередъ. Но это безусловно послѣдствіе дурной пищи, съ улучшеніемъ ея, животъ даже у индивидумовъ, съ дѣтства изуродованныхъ нуждою, принимаетъ обычные размѣры. Руки длинныя и тонкія, ноги короткія, кривыя, татарскія. Тазъ узкій, ягодницы маленькія. Какъ у тунгусовъ, такъ и у якутовъ поражаетъ чрезвычайно слабое развитіе, почти отсутствіе икръ. Ступня маленькая, хотя больше чѣмъ у тунгусовъ, съ высокимъ округленнымъ подъемомъ. Большой палецъ, повидимому помѣщенъ ближе къ пяткѣ, чѣмъ у европейцевъ. Ступаютъ они тоже немного иначе: выворачивая носки скорѣе внутрь,

[1]) Въ этомъ описаніи я бралъ въ соображеніе только тѣхъ лицъ, въ самомъ отдаленномъ происхожденіи которыхъ, на сколько могъ узнать, не участвовали ни русскіе, ни тунгусы.

чѣмъ наружу. Рука, особенно у женщинъ, маленькая, кисть тонкая и посажена изящно, но въ расположеніи и въ формѣ пальцевъ настолько отлична отъ европейской, что, не видя собственника, по рукѣ можно узнать кто онъ, даже при одинаковой загрубѣлости или нѣжности обоихъ. Главнымъ образомъ, это характеризуется положеніемъ большого пальца, болѣе близкаго къ посадкѣ другихъ пальцевъ, такъ что обхватъ якутской руки меньше обхвата русской; затѣмъ—формой пальцевъ, короткихъ и всюду одинаково толстыхъ. Грудь женщинъ небольшая, полукруглая. Шея вообще тонкая и короткая, съ небольшимъ адамовымъ яблокомъ; голова, у многихъ, до того странно посажена, что шея кажется тоньше у плечъ, чѣмъ у головы. Голова небольшая, круглая почти шаровидная. Якуты—средне-головые. У нѣкоторыхъ, затылочная кость сильно развита и образуетъ бугоръ [1]). Лицевая часть головы имѣетъ сильный перевѣсъ надъ черепной. Лобъ гладкій невысокій, но довольно широкій. Виски выпуклые, надбровные дуги мало замѣтны. Глазная впадина глубже тунгусской: брови не особенно густыя, рѣдко очерчены дугообразно, чаще состоятъ какъ бы изъ двухъ частей, образующихъ неправильную кривую. Черные, довольно большіе, продолговатые глаза, прорѣзаны прямо; только наружные, височные углы вѣкъ сходятся подъ очень острымъ угломъ, что, по мѣткому выраженію Миддендорфа, дѣлаетъ ихъ «какъ-бы сшитыми». Вѣки толстыя, большія, нерѣдко съ длинными, изящно выгнутыми густыми рѣсницами. Переносица широкая, низкая, но въ меньшей степени, чѣмъ у тунгусовъ. Носъ длинный, толстый, округлый, нерѣдко съ горбинкой. Ноздри толстыя, раздутыя, неподвижныя. Площадь ихъ направленія такая же какъ у тунгусовъ, но отверстія круглыя. Ротъ большой, но губы не особенно толстыя и иногда красиво очерченныя. Зубы желтые, крупные слегка прогнатичны. Верхняя губа больше нижней. Подбородокъ небольшой и покатый назадъ. Скулы умѣренныя. Цвѣтъ лица однородный смуглый, изжелта сѣрый или бронзовый [2]). Есть, впрочемъ, лица совершенно желтыя, какъ латунь, но есть и свѣтлыя, не болѣе смуглыя, чѣмъ у брюнетовъ кавказской расы. Волосы черные, жесткіе, прямые; на лицѣ растительности почти нѣтъ. Главная характерная черта якутскаго

[1]) По мнѣнію якутовъ, люди съ такой особенностью отличаются даровитостью.

[2]) Попадаются особи съ пестрой пятнистой или полосатой кожей, съ рѣзко разграниченными болѣе свѣтлыми и болѣе темными мѣстами. Чаще всего, эти пятна, разнообразной величины и формы, обнаруживаются на лицѣ. При этомъ бываютъ иногда пряди русыхъ волосъ среди совершенно черной шевелюры. Это слѣды помѣси съ русскими, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, которые мнѣ удалось провѣрить.

лица это непропорціональное развитіе средней лицевой части въ ущербъ лбу и подбородку. Это дѣлаетъ и носъ длиннымъ и все лицо замѣтно

Рис. 24. Богатые якуты съ амгинско-ленскаго плоскогорія (съ фот.).

удлиняетъ. У женщинъ и молодыхъ мущинъ овалъ лица нерѣдко очень изящный. Съ годами развитіе скулъ становится замѣтнѣе.

Это бѣглое описаніе далеко не обнимаетъ всѣхъ встрѣчающихся разновидностей. По наружности правильнѣе было бы раздѣлить якутовъ на три крупныя группы: 1) группа съ явными слѣдами примѣси русской крови; 2) группа монголо-видная, ближе всего стоящая къ тунгусамъ и 3) собственно тюркская, якутская группа, сходство которой съ индѣйцами сѣверной Америки уже въ свое время отмѣтилъ Миддендорфъ.

Послѣняя группа, — горбоносая, съ пріятнымъ оваломъ лица, тонкими яркими губами и черными, большими блестящими глазами; представители ея разсѣяны всюду и, мѣстами, образуютъ сплошныя колоніи,

роды и наслеги. Таковъ, на сколько помню, родъ Мятись по Алазею, въ Колымскомъ улусѣ; часть Юсаль (Джусалъ) по Дуолголаху, въ

Рис. 25. Дѣвушки съ амгинско-ленскаго плоскогорія (съ фотогр.).

Верхоянскомъ улусѣ и якуты многихъ родовъ Батурусскаго и Намскаго улусовъ [1]). Группа эта, въ сравненіи съ двумя другими малочисленна и, видимо, исчезаетъ, растворяясь въ двухъ другихъ.

На Вилюѣ самое чистое якутское населеніе сохранилось въ Сунтарскомъ улусѣ, а самые характерные его типы—въ состоятельныхъ семьяхъ, выбирающихъ себѣ женъ исключительно между дочерями подобныхъ себѣ богачей [2]). Я долженъ добавить, что идеалъ физической красоты, якутовъ, какъ мужской, такъ и женской, совпадаетъ съ впѣшнимъ видомъ именно этого горбоносаго типа.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи меня особенно поразилъ Первый Бётюнскій наслегъ, Намскаго улуса, гдѣ какъ на подборъ, всѣ знакомыя мнѣ лица принадлежатъ описываемому мною горбоносому типу съ сухой, красивой головой, называемой по якутски лякарись. Старики очень похожи на старыхъ, бритыхъ нѣмцевъ колонистовъ. Я замѣтилъ также, что если не болѣе высокій ростъ, то, по крайней мѣрѣ, большая стройность сложенія присуща этому типу.

[2]) Маакъ, ibid. ч. III стр. 83.

Рис. 26. Молодая женщина съ амгинско-ленскаго плоскогорія, обще-признанная красавица (съ фотогр.).

Типъ этотъ, не смотря на свою малочисленность очень живучъ. Я находилъ его возрождавшимся въ отдѣльныхъ особяхъ въ мѣстностяхъ, казалось, окончательно паводненныхъ монголо-манчжурской и всякой другой подмѣсью; я встрѣчалъ его даже въ смѣшанныхъ семьяхъ, отъ родителей совершенно другого склада. Такъ, на Андылахѣ (Колымскій улусъ, Камгал. наслега) семья Слѣпцовыхъ состояла изъ отца, Матвѣя, плотнаго старика, съ широкимъ краснымъ лицомъ и выющимися сѣдыми волосами, носившаго, какъ весь родъ Слѣпцовыхъ, явные слѣды русскаго происхожденія, матери—безобразной плосколицей, скуластой старухи, типичной тунгусо-якутской метиски, младшаго сына, Уйбанчика, который вышелъ въ отца: красный, толстый, курчавый и старшаго сына, Кёхёргёса, невысокаго, стройнаго, сухопараго юноши, съ бронзо-матовымъ цвѣтомъ

лица, считавшагося красавцемъ во всемъ околоткѣ и представлявшаго образецъ горбоносаго типа. На него немного походила сестра, самый младшій членъ семьи, только къ ней перешелъ отъ отца легкій румянецъ на щекахъ и большая бѣлизна кожи.

Кромѣ русской и тунгуской, современныхъ и доступныхъ наблюденію расовыхъ подмѣсей есть среди якутскаго народа много случайныхъ болѣе древнихъ, о которыхъ можно догадываться только по преданіямъ и тѣмъ удивительнымъ уклоненіямъ отъ общаго типа, которыя выдѣлилъ и опредѣлилъ Миддендорфъ: «Насколько они въ прежнія столѣтія, вслѣдствіе соприкосновенія съ бурятами, подверглись примѣси бурятской крови, это трудно сказать, но даже между Долганами я встрѣтилъ двѣ-три чисто бурятскія физіономіи; отмѣтивъ себѣ незнакомыя мнѣ особенности этихъ лицъ, я отложилъ замѣтки свои въ сторону, пока, наконецъ, поѣздка моя по бурятскимъ степямъ разъяснила мнѣ давнишнюю мою загадку» [1]). «Что такая подмѣсь продолжалась уже нѣсколько столѣтій сряду, объ этомъ еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ якутскій языкъ, какъ это подробно доказалъ и убѣдительно подтвердилъ академикъ Ботлингъ въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія», говоритъ онъ дальше по этому поводу.

Гдѣ, однако, происходило это смѣшеніе съ бурято-монголами, слѣды котораго остались и въ языкѣ и во внѣшности якутовъ, судить трудно. Возможно, что оно происходило въ то время, когда послѣдніе жили на югѣ, но возможно также, что оно совершилось позже и занесено сюда, на сѣверъ эмиграціей бурятъ изъ Забайкалья. У якутовъ есть преданія о народѣ хоро, пришедшемъ съ юга, и отъ якутовъ отличномъ. О нихъ Худяковъ сообщаетъ, что хоро—собственное имя, значитъ также перелетная птица, также югъ, южный; хороллоръ множественное число отъ хоро». Онъ приводитъ тамъ-же одно преданіе о хоро—прародителяхъ якутовъ», жившихъ будто бы, нѣкогда, въ Эгинскомъ наслегѣ Верхоянскаго улуса, въ 30 верстахъ ниже «къ морю», отъ устя рѣки Бытантай. Жили въ одномъ домѣ и было ихъ всего «съ дѣтьми и женами» семнадцать человѣкъ» (Верхоянскъ, Сборн. Худяковъ, 54 стр.) [2]).

---

[1]) Миддендорфъ, ч. II, отд. IV, стр. 766.

[2]) Повидимому въ переводъ вкралась ошибка. По смыслу его можно думать, что якуты происходятъ отъ хоро. Привожу тюркскій текстъ саги, гдѣ о происхожденіи якутовъ отъ хоро ничего не говорится: Янгягя, Бытынтай тёрьде киряринъ аллара ёттюгяръ, юсь кёсаллара, хороллоръ, день джонъ баллара юсю тёрюдь саха, саха тёрьде джонъ... (транскрипція рукописи). Полагаю что нужно переводить: «На Янѣ, у впаденія Бытантая, ниже на той его сторонѣ, тридцать верстъ ниже, говорятъ будто былъ хоролорскій народъ, природный якутскій, якутскаго происхожденія (тёрдё) народъ...» По якутски «прародители»—эбюге. Яна по якутски—Нянга, Янга. Джянга; названіе это, главнымъ образомъ, употребляется въ среднемъ ея

Въ олонго (былинахъ) не разъ упоминается о хоро. Въ былинѣ Кёньчё-Бёгё говорится, что у сѣверныхъ воротъ стоитъ «Звучный Звон-богатырь съ хоролорскимъ языкомъ». Въ былинѣ «Старуха со старикомъ», враждебный герою злой духъ называетъ себя: Хоро-Дыбырданъ—богатырь со стременами изъ 9 пуговицъ. Есть конь Хоро-Тябенъ. До сихъ поръ сохранилось выраженіе: «не по хоролорски тебѣ говорю, а по якутски», въ значеніи: «говорю понятно» (Намскій ул., 1891 г.). Есть у якутовъ роды и цѣлые наслеги, сохранившіе до послѣдняго времени прозвище Хоро; таковъ, напримѣръ, Хоро Ёдей. извѣстный офиціально, какъ II Одейскій, Намскаго улуса, паслегъ Хоро запад. Кангаласскаго улуса. Есть озеро Хоръ въ Суntарскомъ улусѣ [1]).

теченіи; вѣроятно потому находящіеся тамъ наслеги зовутъ Янгя—янгяляръ кисп (множ. число)—«люди Янгя»; офиціально это I и II-й Эгинскіе наслеги. Сомнительно чтобы рѣка эта позаимствовала названіе у рода; Яна всюду среди якутовъ, даже не подозрѣвающихъ о существованіи родовъ Янга, слыветъ подъ этимъ именемъ, которое, должно быть, тунгускаго происхожденія и значитъ: «голыя сопки, высокая обнаженная тундра» (Малкъ. Ibid, ч. II, стр. 124). Родовъ Янга нѣтъ въ южныхъ улусахъ.

[1]) Въ этихъ былинахъ встрѣчается масса бурятскихъ словъ, преимущественно прозвищъ героевъ въ родѣ: Олонъ-Долонъ—семъ-много, Сюга-бёгё—змѣй силачъ, Алыпъ—великанъ, Хосунъ—боецъ, Дабанъ—подъёмъ и т. п. Если допустить, что якутскіе хоро суть буряты, то отмѣтимъ, что по Риттеру, Хоринскіе буряты, кочующіе къ югу отъ Байкала по рѣкамъ Удѣ, Хилкѣ и за Ингодою до самаго Онона, составляли самую многочисленную часть этого народа. Въ 1821 г., ихъ, кочующихъ только на Удѣ, насчитывали до 23,000 душъ (Риттеръ, «Землевѣденіе Азіи», стр. 150, т. V). О нихъ, конечно, говоритъ Спаѳарій, описывая свое путешествіе въ верховьяхъ Уды: «Станъ 11-й, ноября въ 17-й день, ѣхали только черезъ небольшіе хребты, пріѣхали къ рѣкѣ Погромной. а Погромная потому словетъ, что по той рѣкѣ громили Мунгалъ, неясачныхъ людей въ прошломъ 183 году (1675 г.) даурскіе казаки: нерчинскіе да изъ Албазинскаго острога, а тѣ Мунгульцы словутъ Тобунуты (по бурятски родъ—табинъ которые обиды чинили государевымъ людямъ многія, а было ихъ съ три тысячи и кочевали подлѣ Уды и послѣ погрома разбѣжались далеко, и нынѣ кочуютъ они по Онону рѣкѣ въ степи, отъ рѣчки 45 верстъ»... (Путеш. Н. Спаѳарія черезъ Сибирь, въ 1675 г., стр. 137). Верховье Уды близко подходитъ къ верховьямъ рѣчекъ текущихъ въ Витимъ. Вотъ что объ этой мѣстности пишетъ Риттеръ: «Вся эта страна, простирающаяся немного южнѣе равномѣрно-возвышенной, холодной, болотистой Витимской степи, и находящаяся въ непрерывной связи съ послѣднею, обилуетъ здѣсь хорошимъ черноземомъ. Всѣ поименованныя нами выше воды (Еравна, Хараторомъ, Догно) текутъ въ Витимъ, слѣдовательно принадлежатъ къ рѣчной системѣ Лены. Совершенно близко къ нимъ берутъ начало верховые ручьи Уды; на одномъ изъ нихъ стоитъ станція — Удинскія вершины» (стр. 174, ibid). Возможно, что по этой рѣкѣ, когда нибудь, часть хоринцевъ пробралась въ Якутскую область, и занесла туда свой языкъ и свое имя, а также и тѣ многочисленныя монгольскія преданія, повѣрія и сказки, слѣды которыхъ находимъ у якутовъ. Считаю не лишнимъ отмѣтить, что характеръ долины Витима таковъ, что если по ней совершилась эмиграція предполагаемыхъ хороловъ, то навряд ли они могли пройти здѣсь въ большомъ количествѣ, и провезти многочисленныя стада. На среднемъ Витимѣ очень мало сѣнокосныхъ мѣстъ и луговъ, хотя путь по этой рѣкѣ и признанъ лучшимъ, чѣмъ по которой либо изъ двухъ ея сосѣдокъ: Алданѣ и Олёкмѣ. Только по Витиму удалось золотопромышленникамъ прогнать изъ Забайкалья нѣсколько болѣе крупныхъ гуртовъ скота. (Крапоткинъ).

Полагаю умѣстнымъ перечислить здѣсь всѣ извѣстныя якутамъ названія народовъ и разобрать насколько каждый изъ нихъ могъ вліять на измѣненіе якутскаго типа. О вліяніи тунгусовъ и русскихъ я уже говорилъ, остается привести названія остальныхъ и опредѣлить приблизительную древность этихъ названій. Затѣмъ разсмотримъ взглядъ якутовъ на внѣшность этихъ народовъ, съ точки зрѣнія важной для скрещиванія, именно: привлекательности, отвращенія, уваженія и презрѣнія. Всѣхъ чужестранцевъ вообще, якуты называютъ омукъ; этимъ же именемъ они зовутъ спеціально тунгусовъ и родственныя имъ бродячія охотничьи племена юкагирей. Названіе это древнее. Среди тунгусовъ они отличаютъ, прежде всего, двѣ группы: морскихъ байкалъ-омукъ, и горныхъ тасъ-омукъ. Первыхъ они считаютъ неуклюжимъ, худосочнымъ, бездарнымъ, хитрымъ, лживымъ, презрѣннымъ племенемъ; вторыхъ — дикимъ и неразвитымъ, но гордымъ, правдивымъ и привлекательнымъ народомъ. Есть, впрочемъ, у якутовъ шутки и поговорки, указывающія на отвращеніе якутскихъ женщинъ къ тунгусамъ мущинамъ. Наоборотъ, женщинъ тунгусокъ якуты охотно берутъ въ жены и считаютъ ихъ красивыми. Горные тунгусы дѣйствительно статнѣе и удалѣе морскихъ, подъ которыми нужно, главнымъ образомъ, разумѣть юкагировъ. Вліяніе горныхъ тунгусовъ было значительно сильнѣе на якутовъ; линія соприкосновенія обоихъ народовъ значительно обширнѣе и знакомство ихъ древнѣе, чѣмъ съ юкагирами. Среди тунгусовъ горцевъ якуты отличаютъ двѣ вѣтви ламанха и лёльёль, схожихъ по внѣшности и обычаямъ, но говорящихъ будто-бы разными нарѣчіями. Каждая изъ двухъ вѣтвей заключаетъ въ себѣ роды съ особыми названіями. По словамъ якутовъ, такія же вѣтви есть и среди «морскихъ» тунгусовъ. Мнѣ назвали только одну: *кангхай*, небольшой народецъ, кочующій вмѣстѣ съ чукчами въ низовьяхъ Индигирки и Колымы. По внѣшности они похожи на юкагирей. Якуты ихъ не любятъ и я не знаю случая женитьбы на *кангай*. Остальныхъ приморскихъ тунгусовъ якуты зовутъ то просто омукъ, то юкагиръ. Оба эти названія общеизвѣстны; названія племенъ и родовъ знаютъ немногіе.

Русскихъ якуты зовутъ нучча, учча, лучча, смотря по мѣстности. Мнѣ говорили, что въ старину названіе «лучча» было самое распространенное. Слово это позаимствовано якутами у тунгусовъ. Юраки и самоѣды зовутъ русскихъ люсе; нѣкогда китайцы, монголы, буряты, наконецъ многіе южные и западные сибирскіе инородцы, всѣ звали русскихъ «лоча». Слово это по якутски лишено значенія, но по тунгуски оно значитъ «чучело», «пугало», «уродъ». Что русскіе, осо-

бенно въ началѣ, казались уродами якутамъ, это доказываютъ описанія дьявола въ якутскихъ сказкахъ, гдѣ онъ всегда схожъ съ русскимъ. Повидимому имъ особенно были противны именно типичныя черты арійцевъ: длинный носъ, борода, впалость глазъ. И теперь еще якуты относятся съ отвращеніемъ къ этимъ признакамъ. «Носатый, волосатый, съ ледяными глазами туда и сюда», говорятъ они брезгливо. Бѣлизна кожи, если она не переходитъ въ красноту, имъ нравится; о темныхъ своихъ сородичахъ говорятъ: «краспорожій, точно мѣдный котелъ». Магапъ—бѣлый, значитъ то же, что красивый; Нюръ-уланъ—свѣтлолицая, нарицательное имя сказочныхъ красавицъ. Русые, золотистые волоса тоже очень нравятся якутамъ, но они терпѣть не могутъ рыжихъ. Голубые, свѣтлые глаза насмѣшливо называютъ: мусъ-харакъ (ледяные глаза); теперь якутамъ начинаютъ все больше и больше нравиться свѣтлые волоса и глаза, съ отчетливо обозначеннымъ зрачкомъ; я не разъ слышалъ восхищеніе якутскихъ женщинъ, по поводу синихъ или голубыхъ глазъ и свѣтло русыхъ волосъ. Растительность на лицѣ все еще вызываетъ насмѣшки и отвращеніе среди простолюдиновъ, и только богатые, обрусѣвшіе якуты изрѣдка осмѣливаются отпускать усы и небольшія бородки или баки. Впрочемъ, якуты по природѣ отличаются отсутствіемъ волосъ не только на лицѣ, гдѣ они ихъ старательно выщипываютъ, но и на всемъ тѣлѣ: подъ мышкой, на груди, въ паху..., присутствіе у нихъ бороды и усовъ можно считать за признакъ скрещиванія. Въ русскихъ нравится якутамъ ростъ и дородность, но только въ томъ случаѣ, если они не переходятъ средней нормы. Широкій тазъ женщинъ и высокая грудь считаются некрасивыми даже зазорными [1]).

Рис. 27. Старуха 50 лѣтъ и дѣвочка 15 лѣтъ. Окрестности г. Якутска (съ фотогр.).

[1]) Помню какъ одна дѣвушка въ Колымск. округѣ стыдилась и старалась уменьшить, путемъ крѣпкаго затягиванія платья, этотъ свой недостатокъ; парни постоянно смѣялись и

Вмѣстѣ съ тѣмъ якутамъ не нравится и сильное уклоненіе къ монгольскому скуластому, плосконосому, плосколицему типу, и въ настоящій моментъ русскій идеалъ красоты, несомнѣнно беретъ перевѣсъ. Господство русскихъ какъ завоевателей, физическое и умственное ихъ превосходство, признанное развитыми якутами, располагаетъ туземцевъ къ скрещиванію и вліяетъ на ихъ эстетическія понятія. Помѣсь чистаго якутскаго горбоносаго типа съ русскимъ, даетъ довольно миловидныя лица. Къ н у ч ч а якуты причисляютъ всѣхъ европейцевъ, хотя уже знаютъ названія нѣкоторыхъ народностей: б е л я к ъ (полякъ), п р е н ь ц у с ъ (французъ), н е м е ц ъ (нѣмецъ), а м е р и к а н ъ (американецъ), к о к о л ъ (хохолъ-малоросъ). За исключеніемъ поляковъ и хохловъ, которые попадали сюда какъ поселенцы, остальные народы знакомы имъ только по наслышкѣ. Евреевъ, которыхъ довольно много въ г. Якутскѣ и которые разъѣзжаютъ, торгуя по улусамъ, якуты зовутъ с и д ъ. Цыганъ, татаръ, черкесовъ, киргизовъ—отличаютъ отъ русскихъ, считаютъ за своихъ собратьевъ по крови, но называютъ ихъ русскими именами. Якутскія женщины боятся ихъ и избѣгаютъ въ виду буйнаго нрава и дурной славы. Смѣшиваніе съ ними якутовъ мѣшаетъ кромѣ того разница вѣроисповѣданія.

Изъ туземныхъ сосѣдей якуты знаютъ чукочь, корякъ, камчадаловъ. Съ двумя первыми народами находятся въ частомъ общеніи, особенно съ чукчами, съ которыми ведутъ оживленную торговлю; но я не слыхалъ о бракахъ между якутами и чукчами, а спрошенные по этому поводу пограничные якуты, презрительно выражались: «развѣ человѣкъ можетъ съ такимъ звѣремъ жить»? (Колымскій улусъ, 1884 г.). Тѣмъ не менѣе, въ мѣстностяхъ Ёнгжа, куда ежегодно пріѣзжаютъ чукчи зимою и гдѣ они кочуютъ впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я видѣлъ парня, незаконнаго сына бѣдной якутки, складомъ лица и тѣла до того напоминающаго чукчу, что окружающіе даже дали ему прозвище ч у к ч а. О незаконныхъ и временныхъ связяхъ якутокъ съ чукчами я неслыхалъ, ихъ стыдятся и усиленно скрываютъ, но связи чукчанокъ съ якутами довольно часты. О камчадалахъ якуты знаютъ только по наслышкѣ и зовутъ ихъ к а м ч а к ъ-к и *с и* (камчатскіе люди). Понаслышкѣ также знаютъ о китайцахъ и бурятахъ. Первыхъ зовутъ к ы т а й [1]), вторыхъ—б р а т с к а й; считаютъ ихъ за своихъ сородичей и, увидѣвши китайца, члена американской

издѣвались надъ ней, хотя въ нашихъ деревняхъ грудь ея считалась бы совсѣмъ умѣренной (Колым. ул. 1883 г.).

[1]) К ы т а і-К ы т а и д а такъ называли уйгуры какой-то тунгусскій народъ. (Radloff, «Die Alttürk. Inschrif.» p. 110).

полярной экспедиціи Делонга, утверждали, что это «якутъ» (Верхоянскій улусъ, 1882 г.). О китайцахъ знаютъ, что они живутъ далеко на югѣ; ихъ государство часто описывается въ сказкахъ, а верховный владыка ихъ зовется: Богдо-ханъ, въ отличіе отъ Ырахта или Юрюнгъ-ырахта, русскій или бѣлый царь.

О монголахъ имѣютъ очень смутное представленіе; имя Моголъ встрѣчается только въ сказкахъ, былинахъ и предапіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ, отвѣчаютъ незнаніемъ на вопросъ о значеніи этого слова; иногда говорятъ, что «есть молъ, такой народъ на югѣ» (Намскій улусъ, 1891 г.). Остяковъ, самоѣдовъ, отличаютъ только ближайшіе ихъ сосѣди—туруханскіе якуты; вообще же они извѣстны подъ общимъ именемъ омукъ (иноземецъ). Якутовъ и долганъ самоѣды и остяки зовутъ по русски: якуты, долгане. Имя долганъ, по мнѣнію Миддендорфа, занесено якутскими переселенцами съ востока, съ береговъ Лены [1]).

Перехожу къ описанію менѣе *устойчивыхъ* физическихъ чертъ, въ значительной степени зависящихъ отъ упражненія, питанія и другихъ культурныхъ условій.

Мышечной силой якуты не отличаются; человѣкъ, способный поднять 10—12 пудовъ, считается среди нихъ силачемъ; обыкновенно они поднимаютъ отъ 5 до 6 пудовъ. На одной свадьбѣ, въ Колымскомъ улусѣ, гдѣ собралось до 100 человѣкъ, оказалось: мущинъ, способныхъ поднять трехъ человѣкъ заразъ (немного больше 12 пуд.), всего трое; способныхъ поднять 4 стегна мяса (15 пуд.)—только двое; способныхъ поднять пудъ вытянутой рукою — только одинъ человѣкъ. Ноги у якутовъ, повидимому, крѣпче рукъ и спины; въ борьбѣ они предпочитаютъ бить погами и лягаться, чѣмъ сжимать руками и гнуть къ землѣ противника. Бѣгаютъ и прыгаютъ они прекрасно. Они сильнѣе тунгусовъ, но не такъ ловки. Всякаго рода борьба и проба силы очень нравится якутской молодежи. Въ путешествіяхъ и на охотѣ, выносливостью они уступаютъ только тунгусамъ, но къ продолжительному и однообразному напряженію привыкаютъ съ трудомъ. На пріискахъ ихъ не принимаютъ на земляныя работы, на которыхъ они быстро истощаются. Усиленныя земледѣльческія работы въ полѣ они переносятъ тоже много труднѣе русскихъ.

Въ движеніяхъ якуты медленны и тяжеловаты. Мышцы ихъ лишены того вѣчнаго трепета, постоянной готовности перейти въ сложное и быстрое движеніе, какая присуща тунгусамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ нѣтъ отчетливости въ движеніяхъ, свойственной европейцамъ. Же-

[1]) Ibid, ч. II, отд. VI, стр. 664.

стикуляція ихъ небогата, хотя они употребляютъ ее чаще русскихъ. Мышцы лица совсѣмъ мало подвижны; нуженъ большой навыкъ, чтобы по слабымъ сокращеніямъ ихъ научиться читать болѣе тонкія душевныя движенія якутовъ. Особенно слабо отражаютъ они угнетающія эмоціи: испугъ, гнѣвъ, страданіе; лицо принимаетъ только болѣе тупое, бесмысленное выраженіе. Веселье и вообще пріятныя ощущенія они выражаютъ довольно шумно, но, вообще, они скрытнѣе и сдержаннѣе тунгусовъ и, даже, многихъ русскихъ. Образцомъ поведенія считается: солидность въ движеніяхъ и обстоятельность въ рѣчи. Степень чувствительности кожи и впечатлительности къ боли при порѣзѣ, обжогѣ и проч. у нихъ, нужно думать, не слабѣе, чѣмъ у русскихъ [1]). Изъ органовъ лучше другихъ развитъ органъ слуха, затѣмъ: зрѣнія, вкуса и обонянія.

Глухихъ и глухонѣмыхъ среди нихъ мало, хотя встрѣчаются. Слышатъ они, вообще, прекрасно и различаютъ даже слабые звуки на очень большомъ разстояніи. Зимою различаютъ голоса, топотъ лошади и скрипъ саней за нѣсколько верстъ. «Есть воры, которые слышатъ лѣтомъ за пять, а зимою за восемь верстъ. Вору ухо больше нужно чѣмъ глазъ»... поучали меня якуты Баягантайскаго улуса (1884 г.). Говорятъ якуты больше теноромъ, женщины сопрано, встрѣчается и баритонъ, но баса я у якутовъ не слышалъ. Видятъ они не менѣе хорошо, чѣмъ слышатъ. Всѣ знакомые мнѣ якуты дальнозоркіе; близорукихъ я встрѣтилъ всего одного. Унѣкоторыхъ глаза были настолько телескопическіе, что не въ состояніи были различать рисунковъ и мелкой рѣзьбы по серебру, между тѣмъ прекрасно видѣли вдали. Одинъ якутъ возвратилъ мнѣ серебряный рѣзной перстень, грубой работы, говоря: «Это хорошо для русскихъ, я ничего не вижу: черезъ-чуръ мелко»!... Этотъ же самый якутъ отличалъ отдѣльныя звѣзды въ созвѣздіи Плеядъ (юргялъ) и увѣрялъ, что «ихъ много, но большихъ только семь». (Колымскій улусъ, 1883 г.). Впрочемъ, свойства эти, по всей вѣроятности, въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ упражненія. Якуты сѣвера, занимающіеся рыбной ловлей и звѣринымъ промысломъ, проводящіе большую часть времени въ тайгѣ, гдѣ постоянно приходится вглядываться въ даль,— всѣ вначалѣ съ большимъ трудомъ разбирали мои рисунки и прямо не понимали ихъ; впослѣдствіи, многіе изъ нихъ привыкли къ нимъ, примѣни-

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ утверждалъ знакомый мнѣ, земскій врачъ, которому не разъ приходилось вскрывать нарывы и перевязывать раны у русскихъ и у якутовъ... «Или они чувствительнѣе, или они боязливѣе и несдержаннѣе. Они стонутъ и кричатъ отъ всякаго пустяка, когда нашъ мужикъ постыдился-бы даже кряхтѣть...» (Верх. ул., 1881 г.).—Я же лично, наблюдалъ у якутовъ примѣры замѣчательной деревянности и равнодушія къ боли.

лись и съ наслажденіемъ разсматривали въ книгахъ политипажи, и узнавали свои собственные портреты въ моемъ альбомѣ [1]). На югѣ и въ городахъ, якуты не только свободно отличаютъ мелкіе узоры, но, случается, и сами недурно рисуютъ, рѣжутъ и чеканятъ. Безъ особыхъ усилій они привыкаютъ бѣгло читать и прекрасно пишутъ. Почеркъ большинства ровный, твердый и красивый. Значительно труднѣе для нихъ выучиться различать цвѣта. Особенно путаютъ они голубые, синіе, фіолетовые и зеленые. Даже интеллигентные якуты смѣшиваютъ ихъ оттѣнки. Для всей этой группы цвѣтовъ у нихъ есть одно общее названіе к ю ӧ х ъ; и хотя глазъ ихъ уже научается отличать «зеленый» отъ голубого и синяго, но языкъ еще не выработалъ особаго для него названія; фіолетовый все еще имъ не дается [2]).

Относительно вкусовыхъ ощущеній могу сказать только, что прѣсный вкусъ они предпочитаютъ всѣмъ другимъ, потомъ слабо-кислый. Сахаръ любятъ, но сильно сладкихъ вещей много ѣсть не могутъ. Даже дѣти якутскіе не могли съѣсть больше двухъ ломтиковъ дыни или арбуза; ихъ тошнило (Намскій улусъ, 1890 г.) Соль охотно подмѣшиваютъ въ пищу, но въ небольшомъ количествѣ; солоность европейскихъ блюдъ уже имъ непріятна. Острыхъ, кислыхъ, горькихъ, пряныхъ приправъ не выносятъ. Словами выражаютъ слѣдующія вкусовыя ощущенія: 1) а с ы—горькій, кислый, ѣдкій; 2) м и п и г е с ъ—сладкій; 3) т у с т а х ъ—соленый. Трудно опредѣлить насколько эта неразвитость вкуса результатъ однообразія пищи и низкой культуры или же природный недостатокъ. Замѣчу только, что якуты большіе любители вкусно поѣсть и дѣлаютъ тонкія отличія въ мясныхъ и молочныхъ блюдахъ и подыскиваютъ имъ удачныя приправы. Напримѣръ: къ жирному кобыльему мясу подаютъ старую с о р у [3]), острый, немного ѣдкій вкусъ которой, пріятно сдабриваетъ приторный вкусъ лошадинаго мяса. Они охотно употребляютъ въ пищу щавель, полевой лукъ (порей), дикій чеснокъ (черемша) и многія ягоды.

[1]) Долго только не могли понять перспективы: «Это вачѣмъ здѣсь стоитъ маленькій человѣкъ? Опъ сынъ большого, что ли?» спрашивали, указывая на нарисованныя въ глубинѣ фигуры.

[2]) Иногда происходили забавные ошибки, когда бывало, знающій по русски и грамотный якутъ, хорошо отличавшій цвѣта, когда они распредѣлены по группамъ, и называвшій ихъ сносно порусски, становился втупикъ и ошибался, если я разбрасывалъ часть своихъ красокъ и просилъ уложить ихъ въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ оставалась вторая половина. Фіолетовый неизмѣнно являлся камнемъ преткновенія; потомъ чаще всего ошибались и смѣшивали цвѣта: желтый и оранжевый, красный и малиновый, всевозможныя оттѣнки сѣрыхъ и рыжихъ и т. п. Радуга (к у с т у к ъ) считается у якутовъ трехъ цвѣтной.

[3]) Кислое вареное молоко, русскій «варенецъ».

Высказаться опредѣленно по поводу обонянія якутовъ, еще труднѣе, чѣмъ по поводу ихъ вкуса. Живутъ они грязно, тѣсно, часто вмѣстѣ со скотомъ; запахъ въ ихъ жилищахъ стоитъ невозможный. Бѣдняки совсѣмъ не носятъ бѣлья, или носятъ какіе-то вонючіе лохмотья; даже зажиточные считаютъ предразсудкомъ стирку рубахъ и портовъ, которые по ихъ мнѣнію «отъ этого только рвутся». Мѣховое и кожаное платье сѣверянъ, питающихся исключительно рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ, пропитано специфическимъ запахомъ испорченнаго рыбьяго жира и дичи. Къ этому запаху они привыкаютъ съ колыбели, они всюду носятъ его съ собою и, положительно, не замѣчаютъ. На югѣ, скотоводы, живущіе въ однихъ хлѣвахъ со своимъ скотомъ, въ такой же мѣрѣ привыкаютъ къ вони навоза и скотской мочи. Нельзя сказать чтобы они питали къ ней пристрастіе, но неудобство причиняемое вонью, для нихъ второстепенно: разъ устраненіе его затруднено экономическими соображеніями, они мирятся съ нимъ. Они предпочитаютъ, какъ и нашъ мужикъ, скверный запахъ низкой температурѣ жилищъ. Послѣдняя требуетъ больше пищи, а обширная изба—больше дровъ.

Отмѣчу, что словарь якутовъ чрезвычайно бѣденъ терминами выражающими пахучесть. Они дѣлятъ предметы на пахучіе, сыттахъ и непахучіе, сытэ суохъ, затѣмъ, на запахи «хорошіе», ючюгаі сытъ, которые иногда называютъ «сладкими» и запахи «скверныя», кусуганъ-сытъ, которые иногда называютъ «горькими», асы сытъ. Болѣе точное различіе запаховъ, въ случаѣ необходимости, опредѣляютъ сравненіями: «запахъ гнилого яйца», сытый бытъ сымытъ сыттахъ, или «запахъ сосны», бäсъ масъ-отъ колобуръ сыттахъ. Надо замѣтить, что въ Якутской области, особенно на сѣверѣ, цвѣты почти лишены запаха, и ароматъ всѣхъ другихъ пахучихъ тѣлъ, какъ-то: древесной смолы, почекъ, сѣна, значительно слабѣе, чѣмъ въ южныхъ странахъ. Въ этой странѣ льда и снѣга, обонянію якутовъ не на чемъ упражнятся въ продолженіи двухъ третей года. Тѣмъ не менѣе есть данныя, что органъ этотъ у нихъ не окончательно захирѣлъ. Богатые культурные якуты, пожившіе въ цивилизованной обстановкѣ, быстро пріобрѣтаютъ отвращеніе къ противнымъ, въ европейскомъ смыслѣ, запахамъ. Я наблюдалъ, что даже бѣдные якуты съ удовольствіемъ нюхаютъ духи, кабарговую струю, любятъ запахъ ладона. Подобно другимъ народамъ, они любятъ запахъ тѣла близкихъ, дорогихъ имъ лицъ. матери съ наслажденіемъ нюхаютъ своихъ дѣтей, отецъ нюхаетъ сына, мужъ жену. Нюханье, какъ ласка, въ обычаяхъ; въ любовныхъ пѣсняхъ

о немъ говорится часто наравнѣ съ поцѣлуемъ, который по всѣмъ данным, введеніе болѣе современное. Отмѣчу однако, что о поцѣлуѣ говорится уже въ очень старинныхъ былинахъ, именно въ такой связи: «поцѣловавши, понюхавши» [1]). Я помню еще одинъ случай, доказывающій въ нѣкоторыхъ условіяхъ значительную чуткость якутскаго обонянія: когда въ 1880 г., по дорогѣ въ Верхоянскъ, нашъ небольшой караванъ сбился во время пурги съ пути, и провожатый не могъ отыскать юрты, которая была недалеко, то одинъ изъ ямщиковъ указалъ направленіе по запаху дыма, принесеннаго порывомъ вѣтра. Ни я, ни мои русскіе спутники, его не замѣтили, между тѣмъ ямщикъ оказался правъ (Верхоянскій улусъ, 1880 г.).

Выносливость якутовъ по отношенію къ голоду, холоду, жаждѣ, недостатку сна, ихъ способность проявлять, когда нужно, громадное количество движенія и упорства, равно какъ ихъ обжорство, неумѣренность въ питьѣ, умѣнье спать цѣлыми сутками, лѣнь, безпечность, вялость — хорошо уже извѣстны изъ сообщеній другихъ путешественниковъ. Качества эти уживаются рядомъ. Я не разъ наблюдалъ проявленія и того, и другого, нерѣдко у однихъ и тѣхъ же лицъ. Въ мѣстахъ охотничьихъ и рыболовныхъ эти противоположныя свойства достигаютъ замѣчательнаго развитія, но быстро падаютъ съ переходомъ къ земледѣльческой, и даже скотоводческой культурѣ. По характеру якуты вообще веселы, впечатлительны, хотя не такъ экспансивны какъ тунгусы. Любятъ зрѣлища, сборища, игры, танцы, борьбу. Игра въ карты легко превращается у нихъ въ страсть; также легко поддаются они пороку пьянства.

[1]) Угуранъ—сылланъ.

Остается упомянуть о тѣхъ уродствахъ и болѣзняхъ, которыя распространены среди якутовъ. Горбатыхъ, кривыхъ, хромыхъ среди нихъ я замѣчалъ не часто; косноязычныхъ и шепелявыхъ мало [1]). Косоглазые попадаются чаще; глазныя болѣзни, вообще, очень распространены и большинство стариковъ, подъ конецъ жизни, теряетъ зрѣніе. Зобатыхъ я не встрѣчалъ среди инородцевъ, хотя у мѣстныхъ русскихъ, особенно въ долинѣ Лены, зобъ довольно обычное явленіе.

Идіотовъ и тупоумныхъ, говорятъ, много въ Вилюйскомъ округѣ, преимущественно въ Средне-Вилюйскомъ улусѣ, гдѣ условія жизни особенно тяжелы; вообще процентъ ихъ небольше, чѣмъ среди русскихъ. За то много якутовъ страдаетъ нервными болѣзнями, временнымъ умопомѣшательствомъ, кликушествомъ, судорогами. На сѣверѣ нѣтъ почти ни одной женщины, которая хоть въ слабой степени не была бы ёмюряхъ (тоже эмирякъ) [2]). Болѣзнь эта нѣчто въ родѣ тика, выражается въ неудержимой склонности къ подражанію всему поразившему, испугавшему или неожиданному. Слабая ея степень состоитъ въ невольномъ подражаніи услышаннымъ звукамъ, или выкрикиваніи названія предмета взволновавшаго больнаго. Одержимыхъ этой болѣзнью въ болѣе высокой степени можно, путемъ постепеннаго раздраженія, довести до полузабытья, въ которомъ они совершенно перестаютъ владѣть собою и продѣлываютъ все, что имъ укажутъ... Якуты часто устраиваютъ себѣ даровыя зрѣлища такихъ вынужденныхъ кривляній. Испуганный нечаянно ёмюряхъ бросается иногда съ ножемъ или топоромъ на причину испуга [3]). Отсюда пословица: «всполошенный (ёмюряхъ) бьетъ, какъ олень» (Худяковъ, стр. 5).

Другая тоже распространенная нервная болѣзнь—мäпріеръ [4]), похожа на кликушество. Она проявляется періодически, а иногда вызывается, въ видѣ отдѣльныхъ припадковъ, сильными душевными или физическими страданіями. Больной воетъ, кричитъ, причитаетъ, разсказываетъ небылицы, при чемъ часто его ломаетъ, сводитъ, бросаетъ изъ угла въ уголъ,

---

[1]) Пословица говоритъ объ этихъ недостаткахъ: «кривой замѣтенъ — хромой дорогъ» (рѣдокъ). Худяковъ, стр. 8. Плѣшивость считается обстоятельствомъ позорнымъ и служитъ поводомъ постоянныхъ насмѣшекъ.

[2]) Ämірäк значитъ у телеутъ—мягкосердечный; амыракъ — согласный. (Radloff ibid. pp. 957, 648.

[3]) Одна женщина, увидѣвши медвѣдя, вставшаго при видѣ людей на заднія лапы, пошла къ нему съ распростертыми объятіями.

[4]) Мäнäрü—сходить съума, терять разсудокъ, мäнäрік—сумашедшій. Radloff, ibid. p. 148. Есть у якутовъ и другой терминъ для обозначенія сумашествія, именно: ірбіт собственно: завертѣвшійся. закружившійся; по отношенію къ молоку онъ значитъ: свернувшееся. У Алтайцевъ, телеутовъ, лебединцевъ, сагайцевъ, койбалъ, качинцевъ, киргизовъ,—слово это значитъ по преимуществу: испортившійся, свихнувшійся.

пока, истощившись, онъ не успетъ. Болѣзни этой подвержены и дѣвушки, но чаще женщины, особенно страдающія женскими болѣзнями послѣ замужества, или послѣ несчастныхъ родовъ; подвержены ей и мущины, но рѣдко.

Огромное распространеніе среди якутовъ, благодаря ихъ неряшливости, имѣютъ накожныя болѣзни: чесотка, разные лишаи, коросты, фистулы, язвы и нарывы. Худосочіе, золотуха тоже не рѣдкость, особенно въ мѣстностяхъ бѣдныхъ, подверженныхъ частымъ голодовкамъ. Въ мѣстахъ болотистыхъ, сырыхъ, среди озеръ, гдѣ народонаселеніе питается, по преимуществу, худшими сортами рыбъ, встрѣчается проказа, хотя далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ разглашено. Дѣло въ томъ, что населеніе смѣшиваетъ эту болѣзнь съ нѣкоторыми формами застарѣлаго сифилиса, проявляющагося въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ съ ужасающей силой: тѣло и кости гніютъ, и больной разлагается заживо, какъ и при проказѣ. Населеніе страшно боится обѣихъ болѣзней и, разъ онѣ проявились, больныхъ безжалостно удаляютъ: сифилитиковъ въ окружныя больницы, подозрѣваемыхъ въ проказѣ — въ лѣса, гдѣ у нихъ есть дома, для нихъ выстроенные, и куда, въ опредѣленные сроки имъ доставляютъ пищу. Когда такая колонія вымретъ, якуты сжигаютъ строеніе со всѣмъ имѣющимся въ немъ имуществомъ [1]). Проказу зовутъ «большой хворью» (улаханъ ӧлю, а также сыстӧръ), сифилисъ — русской или французской болѣзнью Изъ эпидемическихъ болѣзней ужаснѣе всего для якутовъ оспа. Девяносто процентовъ, заболѣвшихъ ею умираетъ; на югѣ она не такъ убійственно дѣйствуетъ на нихъ, какъ на сѣверѣ.

Относительно распространенности другихъ болѣзней ничего почти неизвѣстно; всѣ онѣ лечатся домашними средствами, наговорами, шаманствомъ, и разъ онѣ сопровождаются бредомъ и стонами, приписываютъ вліянію враждебныхъ человѣку духовъ. По сообщенію знакомыхъ врачей

---

[1]) Ихъ опасенія заразиться простирается до того, что они избѣгаютъ говорить съ больными и приближаться къ нимъ даже на разстояніе нѣсколькихъ саженей. Рыбу того озера, гдѣ ловили прокаженные, они считаютъ тоже прокаженной. и когда разъ я собралъ немного моронки, растущей недалеко отъ пепелища. давно уничтоженной колоніи больныхъ, то, узнавши объ этомъ, якуты считали меня погибшимъ (Колымскій улусъ, Ёнжа, 1883 г.). Другой разъ, когда по дорогѣ въ Кодымскъ на Индигиркѣ я и сопутствовавшій. мнѣ казакъ заблудились въ пургу, отставши отъ каравана, и попали случайно въ такой домъ. то мой молодой спутникъ, узнавши, что здѣсь прокаженные, выскочилъ, какъ угорѣлый и буквально бѣгомъ убѣжалъ далеко за предѣлы ограды, не дожидаясь меня и не разпросивши о дорогѣ. Сами прокаженные, встрѣтившіе насъ крайне застѣнчиво, выйдя на дворъ издали прокричали намъ указанія.

и собственному наблюденію мнѣ извѣстны здѣсь еще слѣдующія болѣзни: горячки: катаральныя, гастрическія, ревматическія; затѣмъ воспаленія дыхательныхъ органовъ, страданія сердца, почекъ, мочевого пузыря, чахотка, ракъ горла, матки, желудка, глазныя болѣзни.... Легкое воспаленіе глазъ лѣчатъ очень удачно вылизываніемъ гноя изъ подъ вѣкъ концомъ языка. Этимъ занимаются иногда особые спеціалисты, обладающіе особенно мягкимъ и тонкимъ языкомъ. Къ нимъ нарочно приходятъ на домъ и платятъ, случается, до 30 коп. за операцію. Болотныя лихорадки, не смотря на обиліе воды, относительно рѣдки; лѣчатъ ихъ испугомъ, окатываніемъ холодной водой, а чаще всего ничѣмъ не лѣчатъ. Лихорадка причисляется къ тѣмъ болѣзнямъ, противъ которыхъ шаманство признается безсильнымъ. Весьма распространенъ ревматизмъ, и, наконецъ, нерѣдкость ужасная болѣзнь — «съуженіе глотки», отъ которой здѣсь человѣкъ умираетъ голодной смертью. Этотъ недугъ встрѣчается, кажется, чаще всего въ мѣстахъ исключительно скотоводческихъ, гдѣ звѣриные промыслы истощились, а хлѣба не сѣютъ; онъ является, думаю, послѣдствіемъ употребленія исключительно жидкой пищи. Рѣдкій якутъ, кромѣ того, не страдаетъ солитеромъ или глистами—результатъ употребленія въ пищу недовареннаго или сырого мяса; скотъ здѣшній не менѣе сильно страдаетъ отъ этихъ паразитовъ. Болѣзни, равно какъ и лекарства дѣйствуютъ, по наблюденіямъ врачей, болѣе быстро и разрушительно на организмъ якутовъ, чѣмъ на русскихъ. Доживаютъ якуты до поздней старости: 70-ти 80-ти-лѣтніе старики далеко среди нихъ не рѣдкость.

Въ общемъ якутовъ нужно считать за племя здоровое, закаленное, легко приспособляющееся и, при лучшемъ питаніи, при улучшеніи санитарныхъ и гигіеническихъ условій, обѣщающемъ быстро превратиться въ сильный рослый, работящій народъ.

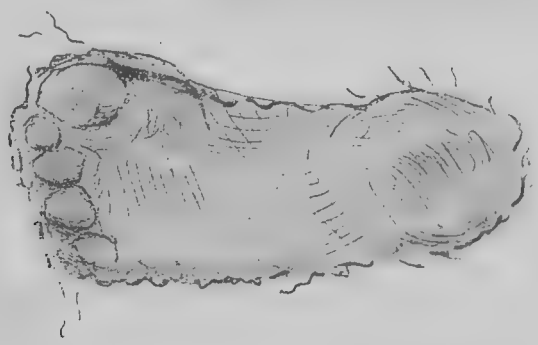


Рис. 28. Оттискъ якутской ступни въ глинѣ.

IV. Экономическія основы быта.

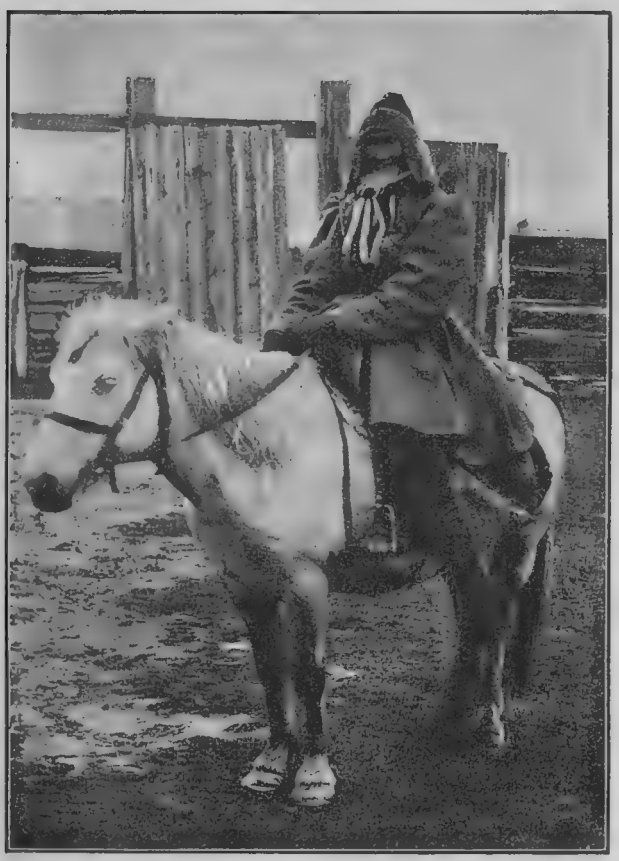


Рис. 29. Якутскій всадникъ съ амгинско-ленскаго плоскогорія (съ фотогр.).

Якуты искони извѣстны, какъ скотоводы. Уже Витсенъ (1692 г.), отзывается о нихъ, какъ о хорошихъ наѣздникахъ, содержащихъ по нѣскольку тысячъ лошадей.

«Овечьи стада, которыя безъ сомнѣнія были у нихъ въ первобытныхъ мѣстахъ пребыванія, совершенно погибли въ лѣсистой полосѣ сѣвера» прибавляетъ къ этому сообщенію Миддендорфъ [1]). Кромѣ лошадей русскіе нашли у якутовъ и рогатый скотъ [2]); но послѣдняго было меньше.

Теперь существуетъ обратное отношеніе. Въ 1891 году, во владѣніи якутовъ находилось по офиціальнымъ даннымъ 131.978 лошадей и 243.153 штуки рогатаго скота [3]), что составитъ приблизительно одну штуку рогатаго скота *на душу* и одну лошадь *на двѣ души* жителей. Маакъ,

[1]) Миддендорфъ, ibid. ч. II, отд. VI, стр. 764.

[2]) Первыя писанныя свѣдѣнія о якутскомъ рогатомъ скотѣ мы находимъ въ челобитныхъ по дѣлу Ходырева и Копылова (1639 г.), побившихъ и ограбившихъ многихъ якутовъ, жившихъ по Амгѣ и Алдану: «а женъ ихъ и дѣтей съ собою въ полонъ поймали и скотъ ихъ, и лошади и коровы къ себѣ отогнали» (Дополненіе къ Истор. актамъ, т. II, стр. 232.

[3]) Памят. книж. Якутской области, 1891 г.

который нашелъ въ 60-хъ годахъ въ Вилюйскомъ округѣ приблизительно такое же отношеніе (0,8 лошадей и 1,6 рогатаго скота на душу), называетъ его *поразительнымъ по количеству лошадей*, и объясняетъ, «что лошадь для якута есть не только рабочая сила, но и важный источникъ продовольствія, такъ какъ якуты не только большіе любители конскаго мяса, но сверхъ того употребляютъ въ громадномъ количествѣ квашеное кобылье молоко» [1]). Отмѣтимъ, что вообще въ восточной Сибири, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не ѣдятъ конскаго мяса и не приготовляютъ кумысу, лошадей относительно много, что въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ приходится на душу 1,04 штук. конн. и 1,05 шт. рог. скота. Только тамъ процентъ рабочихъ лошадей значительно выше, чѣмъ у якутовъ; именно они составляютъ почти двѣ трети всего количества [2]); между тѣмъ какъ кобылицы, жеребята и гуляющія лошади составляютъ главную массу якутскихъ конныхъ стадъ. Въ старину по преданіямъ эти конныя стада, составляли главное богатство народа.

«Въ старину якуты рогатаго скота держали мало, а все больше—кобылъ (Колымск. ул., Енгжа, 1884 г.).

— «Въ старину рогатаго скота было мало; даже богачи держали его не больше, сколько требовалось для своего семейства» (Намскій ул., 1887 г.).

Всѣ показанія, записанныя мною, согласно утверждаютъ, что раньше коннаго скота было у якутовъ значительно больше, чѣмъ рогатаго и что жили они, главнымъ образомъ, на счетъ перваго. Тоже преданіе полтораста лѣтъ тому назадъ записалъ Гмелинъ: «Говорятъ, что лѣтъ десять тому назадъ», сообщаетъ онъ по поводу кумыснаго празднества, «веселіе продолжалось дольше, потому что у якутовъ было больше лошадей. За послѣдніе годы много лошадей погибло отъ снѣжныхъ зимъ, когда лошади умирали отъ голода и отъ требованій Камчатской экспедиціи, которая ихъ много потребила и гдѣ онѣ во множествѣ пропадали» [3]). Культъ лошади, слѣды котораго сохранились въ ихъ мнѣніяхъ, религіозныхъ обрядахъ и въ повѣріяхъ, также указываетъ на громадную роль, какую сыграла лошадь въ прошломъ якутовъ.

«Старинный якутъ, сколько бы не держалъ рогатаго скота, все жаловался, все считалъ себя бѣднымъ; только, когда завелъ одинъ дру-

---

[1]) Вилойск. округъ, ч. III, стр 143.

[2]) Въ восьми округахъ этихъ губерн. числится лошадей рабочихъ: 391.788; нерабочихъ: 198.036; жеребятъ: 70.417. М. М. Дубенскій, «Земледѣліе и скотоводство Енисейской губ., стр. 137.

[3]) «Reise», B. II, p. 507.

гой табунъ коней, начиналъ говорить: «ну теперь и я со скотомъ, есть и у меня добро»! (Намск. ул., 1890 г.),

«Кобылы и лошади были когда-то нашимъ божествомъ. Ты видѣлъ кобылью голову, что во время свадьбы лежала въ переднемъ углу? Ну, такъ вотъ этой головѣ, а не образамъ святыхъ должны были въ старину троекратно кланяться молодые, входя въ домъ. Мы почитали ихъ, потому что ими жили (Колым. ул., *Енгжа*, 1884 г.).

Жертвы духамъ самымъ опаснымъ и могущественнымъ состоятъ изъ коней. Эти духи такъ и называются «небесный родъ духовъ съ конскимъ скотомъ» въ отличіе отъ «подземнаго—съ рогатымъ скотомъ» [1]). Только второстепеннымъ духамъ приносятъ въ жертву рогатый скотъ. Веревки и пучки волосъ, употребляемыя въ жертву и для колдовства, всегда должны быть конскіе. Я не видѣлъ также, чтобы огню въ жертву бросали коровью шерсть — всегда конскій волосъ и преимущественно съ гривы. Пучками конскихъ волосъ украшаютъ свадебные, деревянные кувшины для кумысу, ими украшаютъ кожаный мѣшокъ и кожанное громадное кумысное ведро, въ весенній праздникъ ысыаха. Ысыахъ по преимуществу конскій праздникъ, и въ старинной хоровой пѣснѣ его, гдѣ довольно подробно описывается домъ и древнее якутское хозяйство, гдѣ часто упоминается о кобылахъ и жеребятахъ—ничего, между прочимъ, не говорится о коровахъ [2]).

Столбы коновязей считаются священными, съ ними связано счастіе дома. «Если эти столбы пожелаютъ кому хорошаго, то благословляютъ за три переѣзда, говоря: «Пусть живетъ три человѣческихъ вѣка»! Если кому худаго пожелаютъ, то проклинаютъ съ девяти перѣздовъ, говоря: «Стойте шумя—высыхая, обнявши сухое дерево»! [3]).

Богатые якуты, перемѣняя мѣсто жительства, не разъ выкапывали и увозили съ собою эти столбы [4]). (Намс. ул., 1889 г.).

Нерѣдко подобные столбы, украшенные богатой рѣзьбой, пучками волосъ и лентами разноцвѣтнаго ситца, можно встрѣтить на перевалахъ, на перекресткѣ дорогъ — вообще тамъ, гдѣ христіане привыкли ставить кресты. Эти столбы ставились въ старину на могилахъ князей и вождей;

---

[1]) Халланъ бісь-ата-уса сылгылахъ, аллара бісъ-ата-уса сюöсюляхъ.

[2]) Миддендорфъ, ibid. стр. 801.

[3]) Худяковъ, ibid. стр. 97.

[4]) Простой народъ придаетъ такое большое значеніе связи домашняго благополучія со столбами коновязи, что вліянію его поддаются даже мѣстные полу-интеллигентные русскіе люди. Мнѣ разсказывали, что покойный попъ Намской Управской церкви, о. Винокуровъ, переѣзжая въ ново-выстроенный приходскій домъ, увезъ съ собою главный столбъ коновязи того дома, гдѣ жилъ раньше. Этотъ столбъ стоитъ тамъ и понынѣ (Намс. ул., 1888 г.).

на нѣкоторыхъ встрѣчаются изображенія конскихъ головъ [1]). Якутъ никогда не оставитъ валятся на землѣ черепъ или позвонки лошади, а обязательно подыметъ ихъ и повѣситъ на колъ или сукъ дерева, что называется *арангкас ты*. Все въ лошади по мнѣнію якутовъ чисто, изящно, хорошо. Ножкамъ деревянной посуды, столовъ, коробокъ, почетнымъ вѣшалкамъ въ юртѣ, на которыя раньше вѣшалось оружіе, якуты охотно придаютъ форму кобыльихъ ногъ, копытъ, головъ. Я не встрѣчалъ этихъ предметовъ въ формѣ головъ или копытъ рогатаго скота. Точно также сравненіе дѣвушки съ кобылой, а парня съ жеребцомъ считается дозволительнымъ, даже красивымъ, между тѣмъ, какъ сравненіе ея съ коровой считается оскорбительнымъ.

«Конь — животное чистое: куда чище человѣка! Вы, русскіе, брезгаете лошадинымъ мясомъ, а ѣдите свинину»!—упрекали меня колымскіе якуты. Конское мясо, жиръ, потроха считаются у якутовъ самымъ лакомымъ блюдомъ, а кобылій кумысъ самымъ отмѣннымъ напиткомъ, вродѣ меда древнихъ славянъ. Въ старину, при постройкѣ юрты главные столбы, служащіе ея основою, обмазывались кумысомъ и лошадиною кровью [2]). Въ якутскихъ былинахъ (*олонго*), въ сказкахъ, въ пѣсняхъ, конь играетъ видную роль: онъ совѣтникъ, другъ, наперстникъ героя, превышающій его умомъ, прозорливостью, благородствомъ и скромностью. Часто онъ является даже заступникомъ за своего господина передъ божествомъ [3]). «Смотри, не отпусти своего коня, а то на вѣки потеряешь богатырскую судьбу» говорятъ добрые боги, даря коня якутскому богатырю [4]). «Спачала богъ сотворилъ коня, отъ него произошелъ полуконь полу-человѣкъ, а уже отъ послѣдняго родился человѣкъ...» поясняетъ легенда (Баягант. ул., 1886 г.).

«Коня сотворилъ Бѣлый Богъ Создатель Аи-Тангара наравнѣ съ человѣкомъ; корова вышла изъ воды» говоритъ другое преданіе (Колымскій улусъ, 1883 г.). Я не знаю воспѣтаго случая о превращеніи добраго божества въ быка или корову, между тѣмъ, какъ въ *олонго* Огоннёрдохъ эмяхсинъ «Старуха со старикомъ» разсказывается, какъ съ неба спустилась на землю Создательница Аисытъ,—одно изъ главныхъ якутскихъ божествъ, богиня плодородія, обилія, покровительница роженицъ и семьи; она спустилась

[1]) См. Маакъ, «Вилюйс. окр.», ч. Ш, стр. 102, рисунокъ гробницы на берегу озера Бёрё, а также рисунокъ съ фотографіи гробницы князя Долгуйбатъ Болтай, помѣщенный въ этомъ сочиненіи во главѣ о вѣрованіяхъ.

[2]) Маакъ, ibid, ч. Ш, стр. 111.

[3]) Худяковъ, ibid, стр. 84, 121.

[4]) Потанинъ, Очерки сѣв.-запад. Мон., вып. VI, стр. 631, сказка Боско. Сказка эта была записана въ г. Верхоянскѣ Е. И. Борисовымъ, въ 1881 г.

въ видѣ кобылицы «съ тридцати-саженной лодкой — хвостомъ, съ семисаженной нѣжной серебряной гривой, съ трехъ саженной торчащей холкой, стоячими ушами, съ ноздрями, какъ труба, съ серебряной трехъскладной шерстью, съ копытами, подобно гребню, съ рябыми глазами, съ лѣтней, нѣжной думой-мыслью, окрылившись своими священными гривой и хвостомъ» [1]).

Якуты страстно любятъ лошадей; лишенные лошадей, они тоскуютъ по нимъ, что замѣтно въ пѣсняхъ и преданіяхъ дальнихъ сѣверянъ; глаза ихъ всегда съ наслажденіемъ останавливаются на любимыхъ формахъ, а языкъ охотно и восторженно воспѣваетъ ихъ. Я не видѣлъ, чтобы якутъ билъ или ругалъ коня. «Кони умны, какъ люди: нельзя оскорблять ихъ. Ты только посмотри, какъ они ходятъ по лугамъ, они никогда зря, подобно коровамъ, не топчутъ, не разоряютъ копенъ, они берегутъ человѣческій трудъ»!... объяснялъ мнѣ баягантайскій якутъ поведеніе табуновъ, бережно обходившихъ готовыя копны на лугахъ, между тѣмъ, какъ рогатый скотъ постоянно изъ шалости топталъ и разбрасывалъ ихъ рогами. «Конь животное съ нѣжными мыслями; онъ способенъ оцѣнить добро и зло»! (Баяган. ул., 1886 г.). «Если ужъ ты говоришь, неужели я тебя не послушаю?» говоритъ богатырь своему коню [2]). Подобно арабамъ, имена и происхожденіе лошадей, прославившихся чѣмъ либо, населеніе долго сохраняетъ въ памяти и разукрашиваетъ ихъ фантастическими вымыслами. И теперь Намскіе якуты охотно раскажутъ легенды о иноходцѣ Кёкя, принадлежавшемъ родоначальнику Чорбоху, современнику русскаго пришествія; о бѣгунцѣ Сирягясь, причинѣ кровавой распри между двумя намскими родами; о Кусаганнельскомъ Кутунгай Боронгъ, на которомъ никто усидѣть не могъ, какъ такъ «сбрасывало вѣтромъ полета». Вилюйскіе якуты разскажутъ о знаменитомъ конѣ Маляря. И такъ, каждый улусъ, каждая почти извѣстная мѣстность, каждый богатырь и военачальникъ имѣютъ знаменитыхъ коней. Въ описаніи богатства сказочнаго богатыря всегда на первомъ мѣстѣ кони. У Юрюнгъ Уолана главный жеребецъ названъ Ханъ-Джарылы, кобыла — Кюпь-Кеделю; ханъ и кюпь — самыя высшіе титулы; между тѣмъ, тамъ же главный быкъ зовется только «господиномъ» Тоёнъ Тойболу огусъ, а корова — «мѣсяцемъ»: Ый Ыдалыкъ ынакъ [3]). По отношенію къ рогатому скоту не замѣчается особаго поклоненія. Добрые герои и божества якутскихъ былинъ никогда не ѣздятъ на быкахъ, повѣствованіе о чемъ такъ часто встрѣчается въ бурятскихъ и монгольскихъ

[1]) Худяковъ, ibid. стр. 121.
[2]) Худяковъ, ibid. стр. 144.
[3]) Худяковъ, ibid. стр. 137.

сказаніяхъ. На оборотъ, какъ это ни странно, на быкахъ ѣздятъ по большей части злые персонажи сказокъ, враждебные якутамъ.

Несомнѣнно, что въ прошломъ якутовъ конь занималъ такое же центральное и исключительное мѣсто, какъ сѣверный олень у тунгусовъ и чукчей.

Культура рогатаго скота явилась впослѣдствіи. Слѣды этой послѣдовательности отразились даже въ языкѣ. Для коней есть спеціальныя названія: адъ—конь, атыръ—жеребецъ; *менге*—яловая, никогда не жеребившаяся кобыла; для быковъ и коровъ нѣтъ такого спеціальнаго названія. Быкъ (волъ) зовется у нихъ «конемъ-быкомъ», адъ-огусъ, поросъ—«жеребцомъ-быкомъ, атыръ-огусъ; кытаракъ значитъ вообще — стародойка. Въ случаѣ надобности якуты вездѣ примѣняютъ къ рогатому скоту термины коннаго скота съ оговорками. Въ настоящее время якуты ясно сознаютъ всю выгоду культуры рогатаго скота, скотъ этотъ они такъ-же любятъ и уважаютъ, но эта любовь и уваженіе черезъ чуръ свѣжи, не успѣли еще фиксироваться въ народномъ творчествѣ и закрыть собою или покрайней мѣрѣ сравняться съ впечатлѣніемъ, оставленнымъ тамъ лошадью. Между тѣмъ экономическій центръ передвинулся.

Рогатый скотъ составляетъ теперь главное богатство и основу жизни якутовъ, количество его все увеличивается, даже полевыя работы и перевозку тяжестей якуты предпочитаютъ теперь дѣлать на быкахъ. Конь становится мало по малу, исключительно верховымъ животнымъ, а кумысъ и кобылье мясо привиллегіей богачей.

Интересно было бы прослѣдить этотъ переворотъ болѣе точно и подробно. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ цифровыхъ данныхъ относительно отдаленнаго прошлаго. Тѣ современныя данныя, которыя есть въ нашемъ распоряженіи, обнимаютъ черезъ чуръ короткій періодъ времени, чтобы могли вѣрно отразить такой крупный и постепенный переворотъ; къ тому же они спутаны замѣшательствами, какія производятъ въ нихъ эпизоотіи, собраны они крайне грубо, путемъ опросовъ родовыхъ старшинъ, а то просто выставлены по соображеніямъ управскаго писаря, узнающаго только

по слухамъ и разсказамъ случайныхъ пріѣзжихъ и родовичей объ урожаѣ травъ, падежѣ, прибыли или убыли скота, вообще благополучіи или неблагополучіи разныхъ мѣстностей.

Приводимъ все таки эти данныя, какъ единственную реальную основу для представленія о размѣрахъ и распредѣленіи скотоводчества въ Якутской области.

	Количество скота во всей области.		КОЛИЧЕСТВО СКОТА ПО ОКРУГАМЪ [1]).											
			Якутскій		Олёкминскій.		Вилюйскій.		Верхоянскій.		Колымскій.	
	Лошади.	Рогатый скотъ.	Лошади.	Рогатый скотъ.	Лошади.	Рогатый скотъ.	Лошади.	Рогатый скотъ.	Лошади.	Рогатый скотъ.	Лошади.	Рогатый скотъ.
1879 г.	144.325	263.424	83.896	173.968	9.178	11.813	45.451	71.760	5.626	5.764	174	110
1882 г.	127.433	259.659	64.615	168.037	9.582	11.605	46.442	73.547	5.676	5.657	1.118	755
1884 г.	122.235	230.440	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1885 г.	119.371	230.732	57.326	149.240	9.043	13.427	45.411	61.371	6.191	5.741	1.400	953
1886 г.	116.168	236.890	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1887 г.	114.060	219.216	58.671	144.527	7.680	14.464	41.923	56.314	4.415	3.037	1.371	874
1888 г.	—	—	79.873	134.977	—	—	41.720	54.624	4.955	3.142	992	695
1889 г.	133.291	243.153	79.366	169,657	7.249	14.198	40.899	55.511	5.103	3.190	674	597
1890 г.	123.073	220.165	68.761	146.639	7.520	13.789	40.808	55.838	5.158	3.249	826	650
1891 г.	131.978	241.662	78.363	168.715	7.163	14.132	40.779	55.196	5.030	3.060	643	561

1) Цифры эти почерпнуты изъ отчетовъ Якутскаго областнаго статистическаго комитета.

Въ этой таблицѣ, не смотря на условность ея показанія, все таки ясно обозначились два крупныя, несомнѣнно вѣрныя экономическія явленія. Во первыхъ: медленное, но постоянное общее паденіе скотоводства въ Якутской области, затѣмъ главное: подтверждается сдѣланное нами наблюденіе о стремленіи замѣнить лошадей рогатымъ скотомъ [1]). Конечно, послѣднее явленіе должно было рѣзче всего выразиться въ мѣстностяхъ малоземельныхъ, густо населенныхъ и болѣе культурныхъ. Такъ оно и есть: въ Олёкминскомъ округѣ, совмѣщающемъ эти три условія, количество лошадей постепенно и довольно правильно уменьшилось за послѣдніе десять лѣтъ *съ девяти тысячъ на семь*, а количество рогатаго скота, на оборотъ, возросло *съ одиннадцати до четырнадцати тысячъ*. Въ отчетахъ о Якутскомъ и Вилюйскомъ округахъ этотъ процесъ не такъ ясенъ. Онъ затемняется въ общемъ итогѣ смѣшеніемъ мѣстностей самыхъ разнообразныхъ по культурности и обилію земель, а также вывозомъ на пріискъ оттуда говядины и скота, достигающемъ ежегодно 15.000 головъ [2]). Въ Якутскомъ округѣ количество коннаго и рогатаго скота уменьшилось въ одинаковой мѣрѣ почти на *пять тысячъ*; въ Вилюйскомъ округѣ, откуда главнымъ образомъ вывозятъ на пріиски скотъ, убыль рогатаго скота за эти десять лѣтъ больше, она достигаетъ 16 тысячъ, между тѣмъ, какъ лошадей убыло только на четыре тысячи. Наконецъ, Верхоянскій и Колымскій округа, съ своимъ абсолютнымъ преобладаніемъ коннаго скота, при обиліи пастбищъ и безлюдіи, служатъ лишнимъ подтвержденіемъ, высказаннаго выше мнѣнія: они представляютъ собою какъ-бы остатки экономическаго прошлаго [3]).

---

[1]) Это явленіе, повидимому, не исключительное для Якут. об., оно замѣчается и въ другихъ скотоводческихъ мѣстностяхъ. Такъ, у киргизъ Букеевской орды было:

	въ 1814 г.	въ 1891 г.
Верблюдовъ	63.338	122.243
Лошадей	350.562	230.799
Рогатаго скота	158.856	378.676
Овецъ и козъ	1.476.948	1.205.041

(Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Г. О., вып. II, 1893 года).

[2]) Лошадей тоже вывозятъ оттуда, но значительно меньше, не больше 2.000 въ годъ.

[3]) Что преобладаніе коннаго скота въ этихъ округахъ въ текущемъ десятилѣтіи не случайность, указываетъ замѣтка Неймана за 72 годъ, гдѣ показано:

	Лошадей.	Рогатаго скота.
Верхоянскій округъ	6159	4468
Средне-Колымскій округъ . . .	4413	1946

К. К. Нейманъ, «Нѣсколько словъ о торговлѣ и промышленности въ сѣверн. окр. Якутской области», стр. 13. Замѣчательно также, что въ благополучные годы, послѣ эпизоотіи количество лошадей здѣсь возрастаетъ значительно быстрѣе въ сравненіи съ рогатымъ скотомъ. Наоборотъ въ мѣстностяхъ мало земельныхъ въ такіе же годы, количество лошадей въ лучшемъ случаѣ остается тоже, между тѣмъ, какъ количество рогатаго скота всегда значительно возрастаетъ.

Отъ такого положенія, нѣкогда общаго во всемъ краѣ, якуты исподволь и въ относительно недавнее время перешли къ культурѣ преимущественно рогатаго скота. Переходъ этотъ вызвалъ такія глубокія измѣненія въ бытѣ и общественномъ устройствѣ якутовъ, что они далеко превосходятъ тѣ измѣненія, которыя сопутствовали переходу европейскихъ народовъ отъ естественнаго хозяйства къ капиталистическому. Въ этой главѣ мы отмѣтимъ только болѣе крупныя, главнымъ образомъ экономическія его послѣдствія.

Съ переходомъ къ рогатому скоту прежде всего якуты стали болѣе осѣдлыми. Въ началѣ этотъ переходъ былъ вызванъ, между прочимъ, недостаткомъ свободныхъ пастбищъ и кочевьевъ. Но, совершившись въ свою очередь, онъ закрѣпилъ населеніе. Дѣло въ томъ, что лошадь требуетъ пастбищъ значительно болѣе обширныхъ. Она ѣстъ въ двое больше коровы. Извѣстно, что на томъ же участкѣ, гдѣ съ трудомъ прокормиться десятокъ лошадей, можетъ свободно пастись штукъ 25 даже 30 рогатаго скота. Кромѣ того лошадь, для достиженія высшихъ степеней тучности, нуждается въ большемъ выборѣ и разнообразіи корма. Эта тучность, какъ мы это указали выше [1]), въ здѣшнемъ климатѣ и при якутскомъ уходѣ за стадами, является факторомъ первостепенной важности. Особенно важенъ онъ для коннаго скота, круглый годъ пасущагося на подножномъ корму. Жирные кони становятся чрезвычайно привередливы и разборчивы въ пищѣ. Они часто мѣняютъ пастбища и, въ поискахъ вкусныхъ травъ по сезону, проходятъ быстро иногда огромныя пространства. Когда якуты по преимуществу содержали стада коннаго скота, они конечно принуждены были слѣдовать за ними. Слѣды такихъ быстрыхъ и далекихъ передвиженій остались и въ нравахъ, и въ преданіяхъ.

«Мы любили бродить... Старинные якуты имѣли дома во многихъ мѣстахъ», часто сообщали мнѣ якуты. «Въ старину якуты не работали, сѣна не косили, а все бродили съ мѣста на мѣсто, отыскивая кормъ для табуновъ...» (Баягант. ул., 1886 г.; Намск. ул. 1888 г.; З. Кангал. ул., 1891 г.). Въ преданіяхъ о Тыгынѣ указывается на окрестности Якутска, какъ на его мѣстожительство, но тамъ же говорится, что онъ заходилъ далеко и на югъ, и на сѣверъ, на западъ и на востокъ. Между прочимъ, указываютъ, какъ на излюбленныя его кочевки на Тарахану—въ 150 верстахъ на сѣверъ отъ Якутска на восточномъ берегу Лены и на Юрюнгъ Кёль (Бѣлое озеро) въ 200 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Якутска на западномъ берегу Лены (Намскій ул. 1889). Под-

[1]) См. «Введеніе», стр. 167.

вижность, близкая къ бродяжничеству была въ обычаяхъ древнихъ якутовъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ вѣчныя странствія, непосѣдливость, безпричинные отлучки былинныхъ героевъ и такіе разсказы, какъ о Хаптагай батырѣ [1]), или о Тангасъ Болтонго [2]). Наконецъ, только привычкой бродить объясняется быстрота, съ какой якуты послѣ русскаго завоеванія разбрелись съ амгинско-ленскаго плоскогорія по всей обширной занятой ими теперь территоріи. Есть и прямыя по этому поводу показанія очевидцевъ. Казаки въ первые годы завоеванія часто доносятъ въ отпискахъ, что «ясаку де мало, потому что князецъ (такой-то) со своя народомъ и захребетники укочевалъ далече, а гдѣ неизвѣстно...», и всюду якутовъ называютъ «кочевыми» [3]). Гмелинъ, посѣтившій Якутскую область въ 1736 г. и заставшій, конечно, болѣе чѣмъ теперь ахраическихъ привычекъ, называетъ ихъ «кочевниками», хотя тутъ же отмѣчаетъ, что они «не такъ много кочуютъ, какъ другіе язычники» [4]).

Мнѣ казалось, что якуты до сихъ поръ много подвижнѣе своихъ сосѣдей скотоводовъ, хотя бы бурятъ, не говоря уже о мѣстныхъ русскихъ, содержащихъ часто ничуть не меньше скота. Русскіе предпочитаютъ возить сѣно за 50 даже 100 верстъ, чѣмъ перегонять скотъ; между тѣмъ, такіе перегоны до сихъ поръ вездѣ практикуются якутами. Даже рогатый скотъ въ неурожай сѣна они перегоняютъ за сотни верстъ изъ нагорныхъ луговъ въ долины рѣкъ, гдѣ сѣно всегда дешевле и обильнѣе. Табуны лошадей они безъ всякаго стѣсненія по малѣйшему поводу перегоняютъ изъ одной мѣстности въ другую, особенно тамъ, гдѣ не угрожаетъ имъ покража. И такъ, якуты съ Дуолгалаха (Верхоян. ул.) ежегодно осенью перегоняютъ свои табуны верстъ за 200 въ верховья р. Бытантая, ради лучшихъ травъ, а въ Колымскомъ улусѣ мнѣ нерѣдко случалось встрѣчать якутовъ за 100—150 верстъ отъ усадьбы, разыскивающихъ свои табуны.

Все это остатки старины. Теперь передвиженія якутовъ сильно стѣснены запасами собраннаго сѣна, потребностью въ обширныхъ хлѣвахъ для рогатаго скота, въ изгородяхъ, въ водопоѣ... Теперь кочеванія ихъ сводятся къ двумъ, самое большое къ тремъ, переѣздамъ въ годъ. Зиму они проводятъ въ усадьбахъ, въ такъ называемыхъ «зимникахъ», кысынгы джье, лѣто — въ лѣтникахъ, саилыкъ или саингы джье. Зимники устраиваются обыкновенно среди луговъ недалеко отъ зародовъ

---

[1]) Худяковъ, ibid. стр. 58.
[2]) См. т. II.
[3]) Истор. акты, т. III и IV и Дополн. т. II-й.
[4]) Reise, B. II, p. 473.

сѣна [1]); лѣтники—въ горныхъ падяхъ, надъ рѣчками или въ «аласахъ», въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, не больше, впрочемъ, 10 или 15, отъ зимниковъ.

Кочуетъ все населеніе одновременно. Уже въ половинѣ апрѣля жители начинаютъ навѣдываться въ свои лѣтники, отгребаютъ съ крышъ и со двора снѣгъ, подчищаютъ и поправляютъ дома и молочные погреба, подвозятъ, пользуясь послѣднимъ саннымъ путемъ, сѣно, нужное для стельныхъ коровъ, и болѣе грузныя вещи домашняго обихода. Съ исчезновеніемъ снѣга, приблизительно въ концѣ апрѣля, а на сѣверѣ въ концѣ мая, по проселочнымъ дорогамъ, ведущимъ съ долинъ рѣкъ въ глубь тайги, начинается оживленное движеніе. Идутъ гурты скота, за ними ѣдутъ люди верхомъ на быкахъ, на саняхъ, а гдѣ позволяетъ мѣстность, на скрипучихъ телѣгахъ; везутъ: сундуки, столы, стулья, платье, пустыя бочки подъ молочныя скопы, утварь, накопецъ, маленькихъ дѣтей въ люлькахъ и телятъ-сосунковъ, увязанныхъ въ выстланныхъ сѣномъ корзинкахъ, не хуже любого младенца [2]). Съ боку и впереди каравана бѣгутъ остромордыя собаки; люди веселые, довольные перекликаются, смѣются, поютъ; скотъ нетерпѣливо реветъ и постоянно разбѣгается по сторонамъ въ поискахъ пищи; вода въ многочисленныхъ лужахъ плещетъ подъ ногами идущихъ, а впереди ихъ и сзади за ними раздаются такіе же голоса тоже тронувшихся въ путь сосѣдей; вверху, ниже серебристыхъ тучъ, проносятся съ крикомъ стаи перелетныхъ птицъ и кружатся, высматривая поживу, пестрые коршуны. Дни для перекочевокъ якуты выбираютъ солнечные, теплые и не смотря на непріятную желтизну, только что обнажившихся, полей, на ледъ на озерахъ и спѣгъ въ лѣсныхъ разпадкахъ, картина получается веселая. Въ ней что то бодрое, беззаботное, полное надежды и радости. Табуны лошадей обыкновенно гонятъ послѣдними. Періодъ перекочевки длится иногда дней десять; менѣе состоятельные или обладающіе не удобными «лѣтниками» медлятъ уходитъ съ луговъ, гдѣ подножный кормъ всегда лучше. Уходить заставляетъ приближающійся разливъ рѣкъ и необходимость выжечь на сѣнокосахъ старыя прошлогоднія травы. Въ «лѣтникахъ» живутъ якуты до Семенова дня, т. е. до окончанія сѣнокоса; затѣмъ также, всѣ заразъ,

---

[1]) Еще во времена Врангеля, когда преобладаніе коннаго скота было несомнѣнно значительнѣе и забота удержать ихъ зимою въ близи жилищъ брала верхъ надъ неудобствомъ возить издали сѣно, якуты кругомъ зимниковъ на большомъ разстояніи никогда не косили сѣна, сохраняя траву для коней, какъ подножный кормъ. Тоже самое отмѣчаетъ Гмелинъ. Теперь нѣтъ этого обычая.

[2]) Въ такихъ корзинкахъ возятъ телятъ и вьюками, верхомъ на лошадяхъ или быкахъ.

весело и оживленно, перебираются на «зимники». Въ Колымскомъ и Верхоянскомъ округахъ я наблюдалъ болѣе частыя перекочевки, числомъ до четырехъ въ годъ, но онѣ вызваны не столько нуждами скотоводства, сколько необходимостью рыбнаго промысла, играющаго тамъ видную, чуть ли не главенствующую роль въ народномъ хозяйствѣ. Наоборотъ, на югѣ, гдѣ другіе земельные порядки, гдѣ значительное преобладаніе рогатаго скота, наконецъ, зарождающееся земледѣліе требуютъ большей осѣдлости, кочеваніе сводится иногда къ переходу на лѣто въ другой домъ, выстроенный въ томъ же дворѣ. Переходъ этотъ имѣетъ значеніе исключительно гигіеническое: сушку, провѣриваніе и уничтоженіе насѣкомыхъ въ зимнемъ жильѣ. У богатыхъ имѣть нѣсколько домовъ считается за своего рода шикъ, въ которомъ, не смотря на европейское иногда убранство комнатъ, просвѣчиваетъ кочевая душа.

Рис. 31. Якутскій косецъ.

Весьма важнымъ экономическимъ явленіемъ вызваннымъ въ жизни якутовъ, возрастаніемъ стадъ рогатаго скота, былъ запросъ на сѣнокосныя угодья и возникновеніе на рынкѣ новой мѣновой цѣнности въ видѣ сѣна.

Сѣна конямъ здѣсь не даютъ, Оно *необходимо* исключительно для рогатаго скота. И вотъ, съ увеличеніемъ числа послѣдняго, сѣнокошеніе пріобрѣтаетъ мало по малу первостепенное значеніе. Сохранились интересныя преданія относительно начала сѣнокошенія у якутовъ.

«Старинные якуты жизнь проводили больше въ играхъ, забавахъ, собраніяхъ... Ходили съ ысыаха на ысыахъ, со свадьбы на свадьбу; любили танцы, пѣсни, зрѣлища, шаманства... Работали мало. Сѣна косили совсѣмъ не много, рогатаго скота не держали. Въ тяжелые годы, когда подножный кормъ былъ плохъ, пригоняли табуны, къ берегамъ рѣкъ и

рубили тальникъ. Теперь пошло другое: требуется тяжелый трудъ. Исчезли игры, умолкли пѣсни!...» (Намск. ул., 1890 г.).

— «Прежніе якуты не знали заботы, не думали, какъ мы, о завтрашнемъ днѣ. Запасовъ сѣна не дѣлали. Придетъ хорошій годъ—хорошо, а въ худой, когда не хватало сѣна, рубили тальниковые кусты или выгоняли скотъ на мѣста кочковатыя, гдѣ отыскивали траву, разгребая снѣгъ лопатами [1]). Тѣмъ и жилъ скотъ... Лишь бы пробиться до зеленой травы! Большое было мученіе и для людей и для скота: за хвостъ иногда вытаскивали коровъ въ поле, за уши поддерживали, чтобы тѣ стояли на ногахъ. Вотъ отъ чего и пошла поговорка: «худой до держанія за уши». Съ кобылами въ такіе годы все таки легче: онѣ всегда найдутъ себѣ хоть какой нибудь кормъ: выскребутъ изъ подъ снѣга, или обломаютъ съ кустовъ. Но рогатый скотъ безпомощенъ: только реветъ. Чистое наказаніе съ нимъ безъ сѣна» (Намск. ул., 1891 г.).

Сѣнокошеніе нужно думать играло самую незначительную роль въ хозяйствѣ древнихъ якутовъ. Въ извѣстныхъ казацкихъ отпискахъ нигдѣ не говорится о запасахъ сѣна, о способахъ его собиранія, хотя тамъ всюду тщательно отмѣчены сѣнокосныя угодья, а также малѣйшія свѣдѣнія о посѣвахъ хлѣба. Гмелинъ тоже совершенно не упоминаетъ о запасахъ травы, хотя въ Якутскъ онъ прибылъ по осени и, будь это теперь, стоги сѣна не могли бы ускользнуть отъ вниманія такого детальнаго и добросовѣстнаго наблюдателя.

«И здѣсь, какъ и начиная уже отъ Олёкминска», пишетъ онъ, «по берегу рѣки видно много земли, годной для хлѣбопашества. Она доставляетъ якутамъ ту выгоду, что они могутъ пасти свой скотъ всю зиму, какъ это дѣлали ихъ предки въ верьховьяхъ. Пастбища не очень тучны, но скотъ не умираетъ отъ голода, особенно въ тѣ годы, когда зима не очень снѣжна и не очень продолжительна. Величайшая кара Божія для якута, когда выпадетъ глубокій снѣгъ и долго не таетъ. Свое положеніе здѣсь они считаютъ не лучшимъ и не худшимъ, чѣмъ его считаютъ другія языческія племена Сибири; они не нуждаются въ запасахъ провизіи; скотъ обреченъ самъ отыскивать свое пропитаніе, гдѣ хочетъ; это дѣлается не потому, чтобы они всѣ свои надежды возлагали на Бога, но потому, что они слишкомъ лѣнивы для того, чтобы дѣлать запасы» [2])

У якутовъ нѣтъ сознанія, что сѣнокошеніе заимствовано; напротивъ, все это они считаютъ «природнымъ якутскимъ», якутами изобрѣтеннымъ

---

[1]) На кочкахъ растетъ высокій, жесткій пырей, не любимый ни лошадьми, ни рогатымъ скотомъ и потому уцѣлѣвающій всегда отъ потравъ.

[2]) Reise, B. II p. 395.

и усовершенствованнымъ. По этому поводу иногда возникаютъ презабавныя противорѣчія. Якутъ Баягантайскаго улуса III Баягантайскаго наслега Боксанъ, большой патріотъ, восхваляя достоинства желѣзной косы горбуши, которую онъ, въ отличіе отъ литовки, называлъ «якутской», разсказалъ между прочимъ такое преданіе:

«Въ старину якуты и не могли косить много сѣна. Развѣ много накосишь косою изъ кости или рога? Въ то время хотя и знали желѣзо, но его было мало. Косъ желѣзныхъ не дѣлали: все желѣзо уходило на копья, кольчуги и стрѣлы; сѣно косили копьями *батасъ* [1]). Развѣ какой нибудь богатырь или силачъ были въ состояніи такимъ орудіемъ (сёбё) выкосить за лѣто десять возовъ» (Баяган. ул., 1886 г.). Тоже самое преданіе я слышалъ впослѣдствіи въ Намскомъ улусѣ.

Относительно уборки и сушки сѣна якуты высказывались за значительные успѣхи ихъ въ послѣднее время.

— «Въ старину якуты совсѣмъ *не выдерживали* сѣна въ прокосахъ и копнахъ, а сейчасъ же собирали его въ кучу». (Баяган. ул., 1886 г.). «Раньше якуты косили только старое сѣно, по осени, и то худое, твердое—осоку. Они не умѣли сушить сѣна мягкаго, а позднее, твердое сѣно не гніетъ». (Нам. ул., 1890 г.).

— «Раньше рогатаго скота было совсѣмъ мало и кобылъ никогда не кормили сѣномъ. Косили якуты немного; начинали на Средняго Спаса (6 авгус.) или даже на Послѣдняго Спаса (16 авг.), а кончали на Семена. Вотъ и довольно». (Нам. ул., 1891 г.). Меня увѣряли, что и теперь еще есть мѣстности настолько *дождливыя*, что тамъ жители *въ состояніи сберечь отъ порчи только позднія травы*.

— «На Ситкѣ якуты начинаютъ косить поздно и косятъ травы осеннія, высокія, проросшія, которыя мы считаемъ худшими. А причина тому рыба и дожди»... (Нам. ул., 1889 г.). Думаю, что не столько дожди, сколько дѣйствительно «рыба» является причиною такой несвоевременной уборки сѣна. Ситка (Ситта)—мѣстность на рѣкѣ того же названія у сѣверной границы Намскаго улуса. Населеніе ея занимается по преимуществу рыболовствомъ, а уже Миддендорфъ отмѣтилъ насколько рыболовство находится въ противорѣчіи съ скотоводствомъ [2]).

Наконецъ, въ преданіи о знаменитомъ Борогонскомъ родоначальникѣ Бертъ-Хара говорится, что онъ косилъ всего «одинъ день въ году»

[1]) Копье съ длиннымъ широкимъ, ножевиднымъ лезвеемъ и короткой рукоятью. Кстати отмѣчу, что якуты зовутъ иногда косу *салбахъ батасъ*. Разница между батасомъ и горбушей состоитъ въ посадкѣ ручки подъ угломъ и въ лезвеѣ дугообразно загнутомъ внутрь у горбуши; батасъ же прямой и прямо положенъ на рукоятку.

[2]) Ibid., часть II, стр. 553.

(Баягант. ул., 1885 г.; Намск. ул., 1889 г.). Сѣнокошеніе приняло болѣе широкіе размѣры только съ пришествіемъ русскихъ. Отъ послѣднихъ якуты несомнѣнно позаимствовали теперешніе свои инструменты и болѣе совершенные способы собиранія травъ. Якутская коса-горбуша—точная копія такой же русской косы [1]). Ихъ сѣнокосныя грабли, вилы, крюки по формѣ, по работѣ, даже по украшеніямъ тождественны съ русскими. У нихъ нѣтъ особеннаго названія для *граблей*, которыя называются испорченнымъ русскимъ граблы. Тоже самое нѣтъ у нихъ особаго названія для *стога*, называемаго улаханъ бугулъ—большая копна [2]).

Интереснымъ остаткомъ стариннаго способа добывать кормъ для голодающаго скота, является у якутовъ кормленіе тальниковыми вѣтками. Для этого конный скотъ пригоняютъ въ мѣста, поросшія съѣдобными видами тальнику, и рубятъ его кусты на извѣстной высотѣ. Кони ходятъ и объѣдаютъ все съѣдобное. Иногда на огромныхъ пространствахъ по берегамъ рѣкъ видишь такія порубки. Полая вода по веснѣ обыкновенно уноситъ валежникъ, или же его сжигаютъ, а удобренныя золой мѣста вновь быстро заростаютъ ивнякомъ.

Чтобы кормить тальникомъ рогатый скотъ, нужно значительно больше труда. Пригонъ скота въ мѣста произростанія не практикуется, во первыхъ, потому, что къ сбору тальника приступаютъ обыкновенно, какъ къ послѣднему средству спасенія отъ безкормицы, и скотъ тогда истощенъ зимней голодовкой; онъ отвыкъ отъ продолжительнаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, между тѣмъ тальниковыя заливныя рощи находятся далеко отъ дому, дорога къ нимъ по глубокому влажному весеннему снѣгу неудобна, скользка, а на мѣстѣ острые комли срубленныхъ кустовъ грозятъ смертельными пораненіями вслучаѣ паденія. Во вторыхъ потому, что медленно пережевывающія рогатыя, принужденныя сами отыскивать и объѣдать вѣтви съ безпорядочно разбросанныхъ кустовъ, не наѣдались бы достаточно въ короткій, теплый періодъ дня, когда вѣтви деревьевъ отмякаютъ и легче поддаются обкусыванію и разжевыванію. «Они бы болѣе натоптали и наломали, чѣмъ съѣли. Они вѣдь всюду наровятъ съ ногами, не то что кобылы...» объясняли мнѣ якуты. Тальниковыя вѣтви якуты обламываютъ съ кустовъ руками, складываютъ на сани и возятъ домой. Работникъ, вооруженный топоромъ, и работница, въ рукавицахъ изъ крѣпкой коровьей кожи, въ состояніи наломать въ продолженіи 8—10 часовъ самаго упорнаго труда не больше 25-ти пудовъ вѣтокъ. Это составитъ

[1]) Еще теперь косятъ горбушей въ Архангельской губерніи и глухихъ захолустьяхъ Полѣсья. Въ Бѣлоруссіи я видѣлъ ее въ 70 годахъ; якутская горбуша ни чѣмъ не отличается отъ русской.

[2]) Улаханъ—большой, бугулъ—копна.

кормъ для 10 штукъ скота впродолженіи 2-хъ дней. Большихъ запасовъ дѣлать нельзя, такъ какъ скотъ неохотно ѣстъ «кислый» тальникъ, т. е. тальникъ, пролежавшій нѣсколько дней, и совсѣмъ не ѣстъ засохшаго. Чѣмъ хуже сортъ тальнику, толще вѣтки и онъ дольше лежалъ, тѣмъ больше остается «объѣдокъ». На сборъ тальнику выѣзжаютъ часовъ въ 11-ть, когда кусты уже чуть-чуть оттаютъ, въ противномъ случаѣ невозможно собирать самыхъ нѣжныхъ и питательныхъ частей: мерзлые они крошатся въ труху. По тѣмъ же причинамъ, а также потому, что тальникъ не началъ еще жить, якуты не производятъ его сбора никогда раньше конца марта. Въ голодные годы этого срока выжидаютъ, какъ избавленія. Сборъ тальнику работа трудная; приходится долгіе часы проводить по колѣно въ мокромъ снѣгу, солнце сверху печетъ, потъ льётся ручьями, а сбросить шубу невозможно: снизу холодно и нѣтъ-нѣтъ подуетъ холодный вѣтеръ; на рукахъ образуются раны и мозоли. Съ возрастаніемъ правильнаго сѣнокошенія естественно сборъ тальнику прекращается; но, судя по преданіямъ, въ былое время онъ игралъ не малую роль и былъ повидимому предтечей собиранія травъ [1]). Намскіе якуты, между прочимъ, сообщали мнѣ, что «для скота особенно хороши вѣники изъ молодаго зеленаго тальнику, собранные и высушенные въ первой половинѣ лѣта, и въ старину, когда семьи были много больше, объ этомъ заботились женщины и старики, да и теперь хорошіе хозяева такіе вѣники *замётываютъ* въ стога сѣна, гдѣ они прекрасно сохраняются». Отъ такого «сдобриванія» кормовъ коровы больше даютъ молока. (Намскій ул., 1890 г.).

Въ настоящее время якутская уборка сѣна отличается отъ русской только въ подробностяхъ, главнымъ образомъ, въ его сушкѣ и сортировкѣ. Въ болѣе культурныхъ и густо населенныхъ мѣстностяхъ отличія эти постепенно слабѣютъ, но они довольно ясно выступаютъ на окраинахъ, гдѣ сильно даетъ себя чувствовать недостатокъ рабочихъ рукъ, гдѣ сохранилась старая привычка къ подножному корму и естественное въ силу этого стремленіе къ возможно многочисленнымъ стадамъ. Различія прежде всего сводятся къ запаздыванію начала сѣнокоса и стремленію получить возможно больше сѣна въ ущербъ его качеству.

Косить якуты начинаютъ съ Петрова дня. Петровское сѣно считается лучшимъ, но косятъ его въ небольшомъ количествѣ и только богачи.

---

[1]) Замѣчательно, что тунгусы въ мѣстахъ лишенныхъ оленьяго моха, срубаютъ деревья, обросшія лишайниками и такимъ образомъ кормятъ животныхъ. Въ лѣсахъ якуты для этой цѣли срубаютъ для лошадей молодыя березы.—О. В. Маркграфъ сообщалъ мнѣ, что въ Швейцаріи признано удобнымъ кормить скотъ размельченной и разпаренной въ водѣ молодой древесиной, для чего даже изобрѣтены особыя машины и жернова.

Оно труднѣе сохраняется, чернѣетъ отъ малѣйшаго дождя и даетъ небольшой сборъ, потому что сильно «усыхаетъ». Большинство якутовъ предпочитаетъ начинать сѣнокосъ съ Прокопія и даже позже.

«На Петровъ день косимъ по подряду богачамъ и скопцамъ. Себѣ косить убыточно: сѣна мало, трава еще растетъ только». (Нам. ул. 1887 г.).

«На Петровъ день начинаетъ косить тотъ, у кого подрядовъ набрано много, кто не надѣется управиться. Косимъ сначала у людей, а послѣ у себя. Если богачъ не соглашается косить рано, то подрядъ можетъ у него остаться не оконченымъ, и подрядчикъ не будетъ виноватъ: всякому и у себя, вѣдь, косить тоже нужно...» (Баяган. ул., 1887 г.).

Косятъ якуты, какъ было сказано выше, горбушей, толстой въ 5—6 линій, широкой въ дюймъ, и длинной, въ аршинъ съ четвертью, до полутора аршина, серповидной косой (см. рис. 32). Она посажена на короткую, выгнутую, деревянную ручку, конецъ которой якуты не рѣдко украшаютъ рѣзьбой, ввидѣ декопскаго копыта. Держа въ обѣихъ рукахъ рукоять косы, косецъ взмахиваетъ ею надъ головою, за тѣмъ быстро нагибается и концомъ желѣза ловко подрѣзаетъ полукругомъ траву передъ собою. Получается прокосъ не менѣе широкій, чѣмъ при косьбѣ литовкой. Есть косари, которые ударяютъ послѣдовательно въ право и въ лѣво, на отмашь; у этихъ прокосъ значительно ширѣ. Горбушей при извѣстной снаровкѣ можно выкосить за лѣто не меньше, чѣмъ литовкой. Якуты увѣряютъ, что хорошій косецъ также скоро выкоситъ десятину горбушей, какъ и литовкой; только при косьбѣ литовкой получается больше сѣна и при продолжительной работѣ не такъ изнуряется рабочій.

«Раньше, когда люди косили горбушами, всегда въ половинѣ покоса хворали животами, на рукахъ и спинѣ у многихъ выступали нарывы, болѣла шея, болѣла поясница, стягивало сухожилія; съ тѣхъ поръ, какъ нашъ наслегъ сталъ косить литовками, не слышно о такихъ болѣзняхъ среди косарей. Толкуютъ, что болѣли отъ натуги». (Хатынгаринскій нас. Намскаго улуса, 1890 г.).

Чтобы хорошо косить горбушей, требуется бо́льшій навыкъ и бо́льшая ловкость, литовкой выучиться хорошо косить значительно легче. Въ результатѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ литовка вытѣснила горбушу, скорѣе управляются съ тѣмъ-же количествомъ покоса, чѣмъ при косьбѣ горбушей. Якуты сами признаютъ это.

— «Съ тѣхъ поръ какъ стали мы», говорили мнѣ якуты Хатынг-

[1]) Десятины якуты считаютъ сибирскія, «хозяйственныя», т. е. 3.200 квад. саж.

аринскаго наслега Намскаго улуса, «косить литовками, мы значительно скорѣе управляемся съ сѣнокосами. Не будь осеннихъ дождей, мѣшающихъ уборкѣ, мы бы кончали сѣнокосъ за долго до Семенова дня» (Нам. ул., 1891 г.).

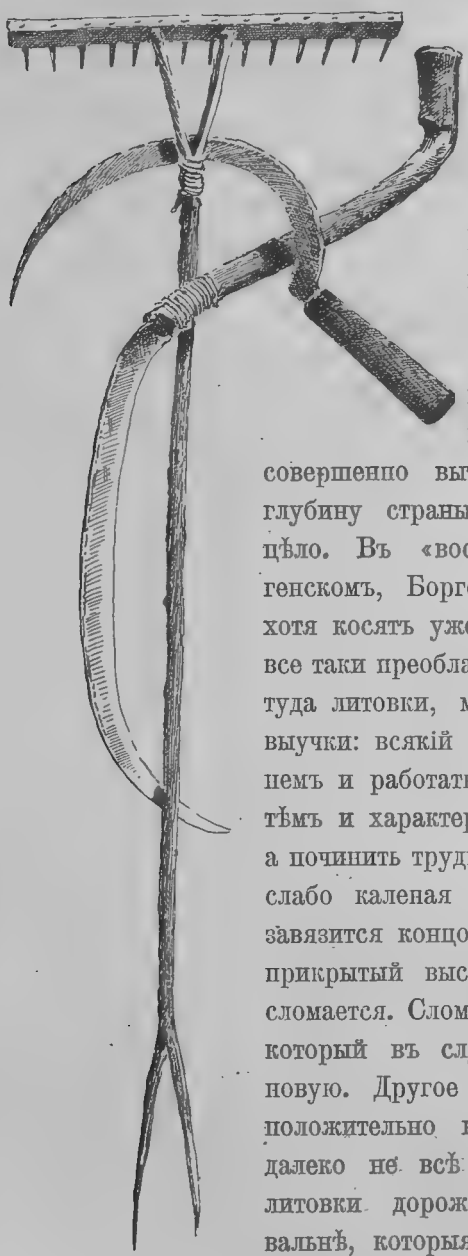


Рис. 32.

Тоже самое я слышалъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ косятъ литовками. Въ Кангалагскомъ и Намскомъ улусахъ, около городовъ и особенно около скопческихъ или поселенческихъ селеній, гдѣ якуты постоянно нанимаясь въ поденную работу, принуждены работать хозяйскими инструментами, именно литовками, послѣднія совершенно вытѣснили горбушу [1]). Горбуша ушла въ глубину страны на окраины, гдѣ она еще царитъ всецѣло. Въ «восточныхъ улусахъ», Батурусскомъ, Мегенскомъ, Боргонскомъ, Дюпсюнскомъ, Баягантайскомъ, хотя косятъ уже мѣстами литовкой, но косьба горбушей все таки преобладаетъ. Такому медленному проникновенію туда литовки, мѣшаетъ, главнымъ образомъ, недостатокъ выучки: всякій боится рисковать дорогимъ лѣтнимъ временемъ и работать мало знакомымъ инструментомъ [2]). Затѣмъ и характеръ инструмента, который сломать легко, а починить трудно, мѣшаетъ его разпространенію. Толстая, слабо каленая горбуша, если даже по неосторожности завязится концомъ въ землю, кочку или въ пень дерева, прикрытый высокой травою, то только погнется, рѣдко сломается. Сломанную безъ труда сваритъ якутъ кузнецъ, который въ случаѣ необходимости можетъ отковать и новую. Другое дѣло литовка: нѣкоторые переломы ея положительно не исправимы, иные могутъ исправить далеко не всѣ изъ здѣшнихъ мастеровъ. Кромѣ того литовки дороже и нуждаются въ молоткѣ и наковальнѣ, которыя тоже не легко здѣсь достать хорошаго качества.

[1]) Хатынгаринскій и Бѣтюнскій наслеги Намскаго улуса сплошь употребляютъ литовки, о горбушѣ здѣсь совершенно забыли, хотя скопческое селеніе, причина этой перемѣны, существуетъ всего десять лѣтъ.

[2]) Литовку нужно умѣло посадить, и слѣдить за тѣмъ, чтобы посадка ея во время работы не измѣнялась, нужно ее умѣло отбивать и оттачивать.

Хорошая горбуша стоитъ отъ 1 руб. до 2-хъ руб.; литовка въ городѣ стоитъ минимумъ 1 р. 40 коп., а во время сѣнокоса на мѣстѣ доходитъ до 2 р. 50, даже до 3 руб. Молотокъ и наковальня стоятъ отъ 60 к. до 1 руб. Хорошую косу якутъ косецъ ни за что не продастъ, развѣ... проиграетъ въ карты [1]).

Якуты знакомые съ литовкой, но почему либо не рѣшающіеся завести ее, утѣшаютъ себя, что «ихъ земля не такая, кочковатая и неровная, съ пнями и какорами» (Колым. ул., 1883 г.; Баягантайскій ул., 1886 г.). Случается часто, что спустя нѣсколько лѣтъ, тѣ же лица и въ тѣхъ же мѣстностяхъ употребляютъ литовку. Къ тому же за литовку здѣсь дѣйствуетъ все возрастающая земельная тѣснота и недостатокъ рабочихъ рукъ. Послѣ горбуши остается много травы; она оставляетъ «гриву», которая также же мѣшаетъ сгребанію сѣна. Сѣно въ прокосахъ ложится послѣ горбуши безпорядочно, что тоже затрудняетъ его сгребаніе. Отмѣчу, что якуты только старыя зрѣлыя травы оставляютъ сохнуть не тронутыми въ прокосахъ, молодыя же травы высшаго сорта, они разбрасываютъ тонкимъ и ровнымъ слоемъ сейчасъ же послѣ косьбы, если благопріятствуетъ погода.

Сушатъ якуты сѣно, смотря по погодѣ, сорту травъ и времени кошенія, отъ 2 до 4 дней. Петровское сѣно сушатъ 4 дня, а осеннія травы, начиная со второго Спаса, сушатъ два дня; еще болѣе позднія травы оставляютъ въ прокосахъ нерѣдко только сутки. Мелкое сѣно, богатое разнаго рода лиственными кормовыми растеніями (клеверъ, горошекъ и т. п.), просушиваютъ старательнѣе; злаки и осоку сушатъ мало. Хвощей никогда не досушиваютъ, въ виду того, что совершенно сухіе, они крошатся въ «пыль»; вообще собрать ихъ чрезвычайно трудно, разъ въ нихъ нѣтъ большой примѣси другихъ травъ. Подсохшія травы сгребаютъ въ валы и тутъ же сейчасъ копнятъ. Болѣе старательные хозяева подъ каждую копну ставятъ колышекъ, не позволяющій послѣдней прилегать плотно къ землѣ и способствующій дальнѣйшему подсыханію травъ. Копны дѣлаютъ маленькія, отъ нѣсколькихъ фунтовъ до 1 пуда вѣсомъ (сухаго сѣна). Величина ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ разная; повидимому зависитъ она, главнымъ образомъ, отъ обычая. Въ мѣстностяхъ, гдѣ вліяніе русскаго сѣнокоснаго хозяйства сильнѣе, копны ставятся больше (Намск. улусъ), въ мѣстностяхъ, гдѣ вліяніе это ничтожно—онѣ маленькія (Баягантайскій улусъ). Величина ихъ уменьшается и увеличивается тоже смо-

[1]) Я самъ видѣлъ случаи, когда за горбушу платили охотно 5 руб. или отдавали 2-хъ лѣтняго бычка. На сѣверѣ, гдѣ желѣзо 50 коп. фун. горбуша стоитъ не меньше 3 руб. Косы, случается, берутъ у богачей на прокатъ за 1 руб. въ лѣто. Косятъ по подряду хозяйскимъ инструментомъ или своимъ, смотря по уговору.

тря по степени сухости и сорту травъ. Травы зрѣлыя или хорошо просушенныя сгребаютъ въ большія копны, травы молодыя, а главное чуть влажныя—въ маленькія [1]).

Травы ранней уборки обыкновенно стараются скопить въ большія копны, еще по той причинѣ, что этимъ копнамъ предстоитъ ждать все лѣто, такъ какъ якуты метаютъ въ стога сѣно только послѣ окончанія всего сѣнокоса, слѣдовательно въ послѣднихъ числахъ августа или даже началѣ сентября. Проливные дожди, льющіе въ концѣ іюля и августѣ по цѣлымъ недѣлямъ, прошибаютъ, случается, на сквозь маленькія копны, и сѣно въ нихъ гніетъ, горитъ и чернѣетъ. Даже на крупныхъ копнахъ обязательно образуется сверху толстая корка прѣлаго сѣна, а дно копны, разъ она лежитъ на землѣ, а не на колышкѣ, сильно подгниваетъ. Зеленымъ остается только середина. Эта подмѣсь чернаго, прѣлаго сѣна довольно значительная, въ виду небольшихъ размѣровъ копенъ, придаетъ даже прекрасному, своевременно собранному и старательно просушенному якутскому сѣну, сѣроватый цвѣтъ. Такое «изъ-сѣра-зеленое» сѣно предпочитается якутами и называется «якутскимъ», въ отличіе отъ ярко-зеленаго, собраннаго по русскому методу, т. е. провянувшему сначала сутки въ прокосахъ, затѣмъ перетрушенному, перевернутому, на третьи сутки при хорошей погодѣ собранному въ валы и скопленному въ большія пудовъ 4 — 5, копны, наконецъ сметанному въ стоги возможно скоро, лишь только позволитъ погода и распредѣленіе работъ. Подобный порядокъ работъ рекомендуется правительственными указами, печатанные бланки которыхъ я видѣлъ въ инородческихъ управахъ; онъ хорошо знакомъ инородцамъ, особенно живущимъ вблизи рускихъ селъ и городовъ. Введенію этихъ улучшеній мѣшаетъ вынужденная въ значительной степени паралельность хозяйственныхъ порядковъ во всемъ околодкѣ, какъ то: обычай въ опредѣленные сроки запирать или отпирать луга для скота, нѣкоторый порядокъ въ кошеніи угодьевъ, а также необходимость метать всюду сѣно въ одно и тоже время. Далеко не всѣ якутскія семьи обладаютъ достаточными силами, чтобы самостоятельно и быстро сметать въ одинъ или два дня сѣно на своихъ обширныхъ участкахъ. Продолжать же долго эту работу опасно, въ виду перемѣнчивой погоды второй половины здѣшняго лѣта. Имъ приходится метать въ сообществѣ съ

---

[1]) Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ, а также въ болотистыхъ мѣстностяхъ Якутскаго и Вилюйскаго округовъ, гдѣ не рѣдко значительная часть сѣнокосовъ остается подъ водою, траву сейчасъ послѣ косьбы выгребаютъ на сушу и копнятъ въ маленькія 5—6 фунтовъ копны Якуты увѣряютъ, что болотныя травы, исключая б о р у (хвощей), не боятся такой сушки и никогда въ копнахъ не загниваютъ.

другими семьями. Это ставитъ отдѣльныхъ хозяевъ въ зависимость отъ общаго хода работъ. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ могутъ обходиться безъ посторонней помощи, часть сѣна обязательно стараются сметать пораньше, въ половинѣ лѣта. Стремленіе якутовъ накосить возможно больше сѣна заставляетъ также естественно дорожить каждымъ ведрёнымъ днемъ первой половины лѣта, когда травы еще не одеревенѣли и не засохли. Другое дѣло, когда трава скошена и скопнена. Тогда-то и начинаются всякія «помочи»—кёмё и гуляй [1]), и семьи соединяются въ небольшія артели для метанія стоговъ. Сѣно къ зародамъ подвозятъ на саняхъ, на которыя накладываютъ не больше 4—5 копенъ и затягиваютъ наискось ремнемъ. У зарода сани опрокидываютъ. Такимъ образомъ, кругомъ остожья воздвигается огромный валъ сѣна, изъ котораго уже вилами оно систематично складывается въ стогъ. Среди разныхъ сортовъ вилъ, атырджяхъ, есть огромныя, достигающія двухъ-саженной длины. Примѣненія коромыселъ и поднимапія сѣна вверхъ цѣлыми возами якуты не знаютъ. Стоги ихъ маленькіе; ставятъ ихъ они изъ года въ годъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, самыхъ высокихъ точкахъ луговъ, незаливаемыхъ наводненіями и весенней снѣговой водою. Въ основаніе зарода всегда кладутъ худшія травы: онѣ все равно отсырѣютъ и почернѣютъ. Лучшее сѣно кладутъ въ середину; болѣе влажныя копны укладываютъ съ краю. Края сильно утаптываютъ и убиваютъ рабочіе, обыкновенно женщины или подростки. На одного мущину, поднимающаго и укладывающаго сѣно вилами, нуженъ: одинъ подростокъ на стогу, одинъ или два подростка съ быками въ саняхъ и двѣ гребщицы. Такое количество рабочихъ якутовъ въ состояніи сметать въ день отъ 25 до 30 возовъ сѣна (кубическихъ сажен.), т. е. два раза переложить съ мѣста на мѣсто, свезти, и поднять на нѣкоторую высоту отъ 500 до 600 якутскихъ копенъ въ одинъ пудъ вѣсомъ. Форма стоговъ круглая или четырехъ-угольная; вторая предпочитается особенно для влажнаго, подмоченнаго дождями сѣна.

Якуты не стѣсняются метать даже сильно влажное сѣно, лишь бы влажность происходила отъ дождя, а не отъ сочности, недостаточно провянувшей, травы, ӧльбӧтӧхъ отъ—«неумершей», какъ называютъ ее якуты.

Иногда въ низу стоговъ для вентиляціи дѣлаютъ сквозные ходы или въ серединѣ ставятъ нѣсколько тальниковыхъ прутьевъ, которыя раздвигаютъ сѣно и способствуютъ проникновенію внутрь воздуха. Въ случаѣ, если сѣно въ стогу загорится, въ немъ дѣлаютъ сквозныя окна.

[1]) Послѣднее слово русское; обозначаетъ сосѣдскую помочь, сопровождающуюся угощеніемъ мясомъ, кумысомъ, чаемъ.

Верхушку стога дѣлаютъ круто-круглую. На верхъ, подобно тому, какъ внизу и съ боковъ, кладутъ худшіе и хуже просушенные сорта сѣна. Такимъ образомъ, зеленое сѣно, какъ оболочкой, окружено въ зародѣ тонкимъ слоемъ прѣлаго сѣна. Это прѣлое сѣно якуты называютъ тасъ (камень); иногда такой тасъ *рано* и плохо сметанныхъ стоговъ достигаетъ 2 аршинъ толщины и составляетъ нѣсколько возовъ сѣна. Между прочимъ, это-то якуты и выдвигаютъ, какъ доводъ противъ ранняго метанія стоговъ. Подъ крышу якуты никогда сѣна не сметываютъ. Старые зароды у нихъ иногда поростаютъ съ верху травой и кустами [1]). Чѣмъ сѣно старше, тѣмъ оно цѣнится ниже; оно пыльно, затхло, всегда въ немъ масса песку и сору занесеннаго и забитаго внутрь вѣтромъ. Оставляемое въ запасъ сѣно, сколько бы оно ни стояло, якуты переметываютъ всего одинъ разъ: на другой годъ послѣ уборки. Дѣлаютъ это они обыкновенно по веснѣ въ мѣсяцѣ мартѣ, чтобы сѣно можно было возить на саняхъ; запасные зароды они стараются метать вблизи дома. Въ это время года часто падаетъ снѣгъ, а такъ какъ работа производится, не торопясь, на досугѣ, длится долго, то обязательно сѣно волгнетъ. Въ запасъ якуты оставляютъ худшіе сорта сѣна, разсчитывая, что оно все равно испортится.

Размѣры якутскихъ стоговъ небольшіе: 40—60 возовъ максимумъ, это стога богачей. Излюбленные размѣры 10—20—30 возовъ. Этотъ размѣръ отвѣчаетъ средней величинѣ якутскихъ покосныхъ надѣловъ, к ю р е, и заключаютъ то количество сѣна, которое необходимо въ зиму *бѣднѣйшей* якутской семьѣ. Въ случаѣ необходимости, якуты прекрасно двоятъ и отрѣзаютъ части стоговъ безъ взякаго вреда для остальнаго сѣна. Для этого они желѣзными лопатами рубятъ мерзлое сѣно по отвѣсной плоскости, стараясь дѣлать это возможно правильно. Обрубленная сторона обращена обыкновенно на югъ, откуда рѣже несетъ вѣтромъ снѣгъ и дождь.

Величина стоговъ при продажѣ или оцѣнкѣ опредѣляется различно, смотря по мѣстности: копнами, возами и «буласами». Саженный заправскій возъ считается равнымъ кубической сажени непрессованнаго сѣна, вѣситъ приблизительно 20 пуд. и въ переводѣ на копны считается за двадцать копенъ. Б у л а с ъ мѣра особая и употребляется преимущественно на сѣверѣ. П у л а с ъ или б у л а с ъ [2]), это собственно маховая сажень—разстояніе между концами во всю длину размахнутыхъ рукъ. Стогъ, на вышинѣ человѣческаго роста, мѣрится этими размахами и принимаетъ

[1]) Такіе, старые поросшіе травой и кустами зароды сѣна, стоявшіе что-то лѣтъ десять, я видѣлъ въ Хатырыкскомъ наслегѣ Намскаго улуса, у богатаго якута Дьяконова (1890 г.).

[2]) Слово русскаго происхожденія отъ «пластъ,—пластовать».

названіе по величинѣ окружности; «шести, семи или девяти буласнаго». Высота предполагается минимумъ $1^1/_4$ саж. безъ верхушки. Счетъ «буласами» довольно запутанный. На югѣ принято полагать, что десяти-буласный стогъ равняется 20 возамъ, т. е. 400 якутскихъ пудовыхъ копенъ [1]). Этотъ счетъ и названія мѣръ лишній разъ, думаю, указываютъ на вліяніе русскихъ въ дѣлѣ обученія якутовъ сѣнокошенію.

Въ настоящее время якуты представляютъ чуть ли не единственный на землѣ народъ, для котораго сборъ травы пріобрѣлъ первенствующее значеніе. Есть въ Америкѣ, Африкѣ и въ Азіи многія скотоводческія племена и скотъ у нихъ преобладаетъ рогатый, но только у якутовъ длинная и снѣжная зима, *съ замьной коней рогатымъ скотомъ*, выдвинула на первый планъ сборъ травъ. Именно *сборъ травъ*, а не ихъ урожай, такъ какъ травы могутъ уродиться прекрасныя, подножный кормъ можетъ быть богатѣйшій, а между тѣмъ здѣсь можетъ возникнуть недостатокъ сѣна: оно можетъ сгнить въ копнахъ, прокосахъ, его могутъ унести и испортить въ зародахъ неожиданные осенніе или лѣтніе разливы.

Понятно, что два сѣнокосныхъ мѣсяца время самой напряженной и горячей работы у якутовъ. «Дѣятельность и усиліе якутовъ во время сѣнокоса превосходитъ всякое описаніе»... писалъ по этому поводу Врангель уже въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія [2]).

Теперь все это еще болѣе усилилось. Населеніе отъ мала до велика работаетъ въ сѣнокосъ, не покладывая рукъ. Не досыпаютъ и не доѣдаютъ, лишь бы собрать и сберечь лишнюю горсть сѣна. Запасы сѣна, ихъ доброкачественность и количество составляютъ гордость и мѣрило благосостоянія хозяевъ. Ловкость и неутомимость въ косьбѣ считаются качествами, ради которыхъ прощаютъ человѣку другіе его недостатки.

— «Правда: онъ бѣденъ, но онъ первый косецъ, онъ въ состояніи выкосить два воза въ день, его прокосъ слишкомъ сажень шириною», говорили Баягантайскіе якуты, про якута Дмитрія, объясняя то вліяніе, которымъ онъ, не смотря на бѣдность, пользовался въ обществѣ (Баягант. ул., 1886 г.).

— «Егорка каторжникъ и плутъ, но онъ вмѣстѣ съ женою выкашиваетъ десятину въ день...» [3]) защищали своего провинившагося родовича Хатынгаринскіе якуты (Намскій, ул. 1889 г.).

---

[1]) По счету Верхоянскихъ якутовъ 10 буласный стогъ равняется: 9+6 буласному, а два семи-буласные равны одному девяти-буласному (Сергѣй Ковалинъ, «Верхоянскіе якуты и ихъ экономическое положеніе»—рукопись).

[2]) Путешествіе, ч. II, стр. 70.

[3]) Биръ десятный. Десятины якуты считаютъ въ 80×40 саж.

«Въ сѣнокосъ—день годъ кормитъ» говорятъ якуты, вполнѣ правильно примѣняя земледѣльческую страдную поговорку къ своему сѣнокосному времени. (Нам. Ул. 1890 г.) Все это время у нихъ страда и недавніе лѣнивые кочевники въ этотъ періодъ неузнаваемы.

Начиная съ Петрова дня въ полѣ, въ Якутской области выходитъ ежедневно до 20.000 косцовъ. Число это постепенно растетъ и въ половинѣ лѣта достигаетъ двухъ третей всего проживающаго на мѣстѣ населенія. По нашимъ вычисленіямъ якуты въ состояніи выставить армію рабочихъ всего въ 40.000 косцовъ и 80.000 гребщицъ (женщинъ и подростковъ), полагая по одному взрослому косцу и двѣ гребщицы на семью изъ пяти душъ [1]). Дома остаются только богатые люди, да маленькія дѣти подъ присмотромъ дряхлыхъ стариковъ и старухъ. Въ усадьбахъ — пусто; за то на лугахъ кипитъ работа, позваниваютъ косы, мелькаютъ яркіе платки и ситцевыя рубахи женщинъ, раздаются пѣсни и возгласы, а по вечерамъ передъ маленькими крытыми сѣномъ шалашами теплятся тамъ и сямъ огоньки. Всюду тысячи копенъ, длинные прокосы и необъятые, зеленоватые отъ колосьевъ пырея поляны зрѣлой, нескошенной еще травы. Только нигдѣ не видно скота, необходимаго акцессуара всякаго болѣе оживленнаго якутскаго ландшафта. Если гдѣ либо и виднѣется одинокій быкъ съ кольцомъ въ носу и поводомъ, опутаннымъ кругъ роговъ, такъ это «ѣздовое» животное, на которомъ черезъ извѣстное число дней привозятъ съ отдаленныхъ «лѣтниковъ» пищу косцамъ. Косцы ночуютъ въ полѣ и домой являются только въ праздники или въ непастье. Интесивность работы увеличиваютъ постепенно: въ первый день проходятъ два три прокоса не больше—«разминаютъ тѣло», на другой, на третій день размѣръ работы увеличиваютъ, а черезъ недѣлю уже работаютъ настоящимъ образомъ.

«Если сразу набросишься на работу—худо, ослабѣешь» объясняютъ якуты (Баяган., 1885 г.; Нам. ул., 1887 г.). Ѣдятъ они въ покосъ хорошо; даже бѣдняки припасаютъ къ тому времени хоть немного масла, муки, чаю и табаку. Въ началѣ лѣта, когда днемъ жары, косятъ по большей части ночью, по утрамъ и вечерами. Спятъ днемъ. Спятъ вообще мало—нѣсколько часовъ въ сутки. За то въ ненастные дни высыпаются не въ мѣру — иногда безъ перерыва спятъ по 20 часовъ. Косятъ преимущественно мущины; женщины сгребаютъ и копнятъ. Впрочемъ, есть и среди женщинъ недурные косцы. При плохой пищѣ иногда доходятъ до

[1]) Количество работающихъ, конечно, всегда ниже этой предѣльной цифры; многіе уходятъ на пріиски, въ извозъ, въ города, гдѣ живутъ круглый годъ, многіе не косятъ потому, что богаты, больны или отправляютъ служебныя обязанности.

полнаго изнеможенія. Я знаю въ Баягантайскомъ улусѣ случай временнаго сумасшествія, приписанный жителями по истинѣ «черезмѣрному» труду и нуждѣ. Лица работающихъ дѣлаются подъ конецъ покоса какія-то тупоумныя, страдальческія, походка тяжелая и вялая.

Эта лихорадочная дѣятельность вполнѣ понятна. Быстро здѣсь блекнутъ, отвѣцаютъ, деревенѣютъ травы, быстро проходятъ хорошіе дни и наступаетъ дождливая половина лѣта, когда каждый солнечный день подарокъ. Меньше чѣмъ 50 дней, съ вычетомъ праздниковъ, отводитъ якутамъ природа для выполненія доброй половины, если не двухъ третей, ихъ годичнаго труда. Они должны собрать за это время слишкомъ 24.000.000 пудовъ сѣна, стоимостью въ $2^1/_2$ милліона рублей, т. е. выкосить и убрать слишкомъ 180.000 хозяйственныхъ десятинъ (3,200 кв. саж.) луговъ, считая по 140 пуд. сухого сѣна съ каждой десятины [1]). Иначе имъ грозитъ голодъ и разореніе [2]).

---

[1]) Количество сѣна съ десятины рѣдко достигаетъ 240, или 200 пуд.; средній сборъ равенъ 140, а чаще всего 100 пуд. сѣна.

[2]) Расчетъ конечно, приблизительный. Сдѣланъ онъ слѣдующимъ образомъ. Головъ рогатаго скота по офиціальнымъ даннымъ за 1891 годъ показано 243.153. На каждую голову полагаютъ якуты въ годъ 100 пуд. сѣна, что = 24.315,300. Это количество несомнѣнно ниже настоящаго ежегоднаго сбора. Правда, якуты подчасъ очень скверно кормятъ свой скотъ, правда, я допускаю, что весь скотъ взрослый, между тѣмъ какъ на каждыя 10 штукъ нужно полагать отъ 3 до 4 подростковъ и телятъ, требующихъ 40 или 60 пудовъ на голову не больше; но за то я ничего не прибавилъ на конный скотъ, рабочихъ лошадей и рабочихъ быковъ. Рабочій конь потребляетъ отъ 800 до 1000 пудовъ въ зиму а быкъ на 20—30 пудовъ больше дойной коровы. Приблизительно на каждые 20—15 штукъ рогатаго скота приходится или одинъ быкъ или одинъ конь. Затѣмъ несомнѣнно, что скота у якутовъ больше, чѣмъ это показано въ офиціальныхъ данныхъ. Сборъ сѣна по офиціальнымъ даннымъ оказывается много меньше предположеннаго нами:

Всего въ Якутской области.	Въ Якутск. округѣ.	Въ Олёкмин. округѣ.	Въ Вилюйск. округѣ.	Верхоянск. округѣ.	Колымскомъ округѣ.
1882—17.196.331 п.	10.613.206 п.	571.145 п.	5.590.650 п.	409.500 п.	11.830 п.
1884—19.444.709 п.	»	»	»	»	»
1885—13.841.157 п.	8.185.307 п.	4.816.700 п.	710.945 п.	109.660 п.	18.545 п.
1886—14.023.337 п.	8.354 312 п.	652.975 п.	4.900.800 п.	94.200 п.	21.050 п.
1887—11.797.260 п.	7.613.475 п.	450.135 п.	3.601.100 п.	106.600 п.	22.950 п.
1888—13.197.295 п.	8.572.080 п.	510.780 п.	3.826.380 п.	272.000 п.	16.085 п.
1889—15.682.668 п.	11.209.200 п.	499.638 п.	3.734.910 п.	224.800 п.	14.120 п.
1890—14.088.591 п.	9.890.140 п.	390.335 п.	3.320.806 п.	467.000 п.	20.610 п.

Эти цифры безусловно не точны. Даже въ урожайные во всей странѣ годы, каковъ 1884 г., показано значительно ниже необходимаго количества. Между тѣмъ въ этомъ году,

Миддендорфъ по этому поводу говоритъ: «По свѣденіямъ, сообщеннымъ мнѣ бывшимъ Якутскимъ губернаторомъ, другомъ моимъ, тайнымъ совѣтникомъ докторомъ фонъ-Штубендорфомъ, въ 1859 г. косили сѣна: въ наслегѣ Сасылъ до 57 п., въ наслегѣ Игидей до 87 п., въ наслегѣ Баягантай до 105 п. на каждую скотину. Кромѣ того они заготовляли стогъ сѣна для жеребятъ, равно какъ и для лошадей, которыхъ рано въ году приходилось подготовлять къ дальнимъ транспортнымъ походамъ». Самъ Миддендорфъ полагаетъ, что на штуку рогатаго скота здѣсь въ годъ уходитъ не менѣе 100 пуд. [1]).

Если коровы плохо питаются, онѣ рано перестаютъ доиться, у стельныхъ дѣлается выкидышъ, а очень старый или молодой, не отъѣвшійся за лѣто, болѣе слабый скотъ сдыхаетъ. Скотъ и мясо въ безкормицу очень дешево. Корову стоимостью въ 18—20 руб. можно купить за 8, даже за 5 руб. Молоко и молочные скопы чрезвычайно дороги; ихъ нѣтъ въ продажѣ, а народъ голодаетъ, не смотря на дешевизну мяса; послѣднее является на рынкѣ только для обмѣна на сѣно или на деньги необходи-

---

проѣзжая по Верхоянскому, Колымскому и Якутскому округу, я всюду видѣлъ массы оставшагося въ запасѣ сѣна и пудъ его упалъ мѣстами до 2½ копѣекъ. Привожу количество сѣна въ Вилюйскомъ округѣ за 1860 годъ по Мааку.

въ Сунтарскомъ	улусѣ	5.720	десят.	саж.	стога	1.716.000	пуд.	на	31.797	штукъ.	рог.	скота.
» Мархинскомъ	»	6.267	»	»	»	1.880.100	»	»	31.873	»	»	»
» Верхневилюйскомъ	»	2.403	»	»	»	720.900	»	»	9.659	»	»	»
» Средневилюйскомъ	»	8.088	»	»	»	2.426.400	»	»	3.500	»	»	»
И т о г о .		22.478	десят.	саж.	стога	6.603.400	пуд.	на	76.829	штукъ	рог.	скота.

Данныя Маака очевидно были собраны старательнѣе. Тамъ въ этотъ годъ былъ недородъ, количество скота въ слѣдующемъ году уменьшилось; но соотношеніе между запасами сѣна и количествомъ рогатаго скота во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствуетъ нормальному; въ общей сложности выходитъ по 90 пуд. на голову. По офиціальнымъ даннымъ, даже въ урожайный 1884 годъ, приходится на штуку рогатаго скота всего 84 пуда, а въ неурожайный 1887 годъ только по 49 пуд. Между тѣмъ для якутской коровы *по самому минимальному расчету*, чтобы она не сдохла съ голоду, нужно 75 пудовъ сѣна. Сергѣй Ковалинъ, прекрасный знатокъ якутскаго экономическаго быта, въ своихъ замѣткахъ говоритъ, что якуты Верхоянскаго округа считаютъ для 8 штукъ рогатаго скота совершенно достаточнымъ два десяти-буласныхъ стога сѣна и принимаютъ каждый стогъ равнымъ 300 пуд. Отмѣчу, что и я, и Маакъ принимаемъ это же количество за необходимое и полагаемъ, что 300 пуд. =десяти, саженному стогу, тоже самое что «десяти-буласному». Оба эти свѣдѣнія прекрасно повѣряютъ другъ друга, тѣмъ болѣе что и С. Ковалинъ и Маакъ полагаютъ на 8 штукъ скота:

два теленка	80 пуд.
двѣ прошлогоднія телки . . .	120 »
и четыре взрослыхъ коровы. .	400 »
Итого . . .	600 пуд.=2 десяти буласнымъ стогамъ.

Коваликъ при этомъ оговариваетъ, что дойныя коровы требуютъ значительно больше сѣна. По моимъ опросамъ и личному опыту оказалось, что дойная якутская корова потребляетъ столько же сколько и рабочій быкъ: именно отъ 6 до 7 возовъ (120—140) пудовъ. Норма 75 пуд. 80 пуд. на штуку взрослаго скота несомнѣнно недостаточна даже на якутскій взглядъ.

[2]) Ч. II, отд. IV, стр. 784.

мыя для уплаты податей. Сѣно достигаетъ 25—30 даже 50 коп. за пудъ въ мѣстностяхъ, гдѣ оно въ урожайные годы стоитъ 4 даже 2½ коп. Такія значительныя колебанія цѣнъ, конечно, сильнѣе всего отражаются на мелкихъ хозяйствахъ, неимѣющихъ запасовъ. Бѣдняки теряютъ нерѣдко весь свой скотъ, или ради покупки сѣна попадаютъ въ неоплатную кабалу къ богачамъ. Въ такія годы возъ сѣна отдается въ долгъ до осени «по сосѣдски», джомутъ, за три четыре воза, или, въ знакъ особаго благоволенія, разсчитывается по рыночной высокой цѣнѣ въ подрядъ за косьбу и уборку покосовъ. Благодаря громадному предложенію, подрядная цѣна падаетъ съ обычныхъ 3 руб. за косьбу до 2 даже до 1 р. 50 коп. и съ 1 руб. за греблю до 50 даже 30 коп. съ той же десятины [1]).

Рис. 33. Якутскій пахарь.

Послѣ скотоводства второе мѣсто несомнѣнно принадлежитъ у якутовъ земледѣлію, какъ отрасли добывающаго труда. Хотя оно теперь по размѣрамъ и уступаетъ, напримѣръ, рыболовству, но значеніе его быстро растетъ. Оно захватываетъ все большія пространства, привлекаетъ къ себѣ все возрастающую долю силъ и капитала и въ недалекомъ будущемъ грозитъ кореннымъ переворотомъ быту самыхъ богатыхъ и густо населенныхъ улусовъ. Таковы всѣ безъ исключенія улусы амгинско-ленскаго плоскогорія, такова прилегающая къ Ленѣ часть Намскаго улуса, таковъ улусъ Олёкминскій и на Вилюѣ: улусы Сунтарскій, Мархинскій и отчасти Верхневилюйскій. Три четверти якутскаго народа живетъ въ мѣстахъ доступныхъ хлѣбопашеству, и напрасно думаютъ, что оно его не привлекаетъ. Источникомъ подобнаго заблужденія служитъ то, что якутскаго

[1]) Цѣны привожу самыя высокія и самыя низкія изъ извѣстныхъ мнѣ. Размѣръ подряда рѣдко опредѣляется десятинами; это только въ настоящее время начало входить въ употребленіе; чаще якуты условливаются отъ копны (2 — 3 коп.), или отъ участка кюре. Впрочемъ, условливающимся на столько хорошо знакомъ этотъ предметъ, что переводъ съ одной мѣры на другую ничуть ихъ не затрудняетъ и вознагражденіе всегда приблизительно остается одно и тоже. Перемѣна условій употребляется, какъ пріемъ торга, чтобы съ честью уступить, согласиться или прижать.

хлѣба не замѣтно, что поля якутовъ, разбросанныя небольшими участками, теряются среди просторныхъ луговъ и лѣсовъ, что на рынкѣ нѣтъ якутской муки, такъ какъ якуты не только потребляютъ сами весь свой хлѣбъ, но еще прикупаютъ его на сторонѣ [1]). Тѣмъ не менѣе, по офиціальнымъ источникамъ, оказывается, что мало по малу, якуты захватываютъ въ свои руки производство хлѣба. Такъ:

въ 1888 г. изъ	46.673	четв., якут. хлѣба оказалось	20.889	(—45% вс. кол.)
» 1889 »	82.999	» » »	40.566	(—49% » »
» 1890 »	91.217	» » »	51.259	(—56% »

Если съ этимъ сопоставить, что въ 1841 году было всего:

	посѣяно:		собрано:	
въ улусѣ Хангаласкомъ (Камаласкомъ)	124	четверти	853	четверти
» Батуруйскомъ (Батурускомъ)	68	»	636	»
» Мегенскомъ	32	»	242	»
» Борогонскомъ	2	»	22	»
Итого . . .	226	четверти	1753	четверти [2]).

что въ Вилюйскомъ округѣ только 8 лѣтъ спустя сдѣлали первый слабый земледѣльческой опытъ, то нельзя не признать, что хлѣбопашество у якутовъ сильно подвинулось впередъ, хотя и состоитъ въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ главнымъ ихъ занятіемъ, скотоводствомъ.

Русское хлѣбопашество въ Якутской области возросло далеко не

---

[1]) Если поставимъ мѣстнымъ жителямъ вопросы: кто способствовалъ возникновенію и развитію земледѣлія и на кого оно должно возлагать свои надежды, то обязательно наткнемся на «скопческую легенду». — Легенда эта подкрѣпляется огромными площадями засѣваемыхъ полей, отличной продажной мукой, хорошей упряжью, коваными желѣзными орудіями, сытыми лошадьми, а, главное, крупными барышами. Въ сущности скопцы только воспользовались многочисленными, съ немалымъ трудомъ, страданіями и затратами сдѣланными въ прошломъ опытами. Нѣтъ ни одного употребляемаго скопцами земледѣльческаго пріема, ни одного земледѣльческаго орудія, описаніе котораго, какъ извѣстнаго въ Якутской области, не нашлось бы у Палласа, Гмелина, Миддендорфа, Маака и другихъ путешественниковъ, посѣтившихъ этотъ край за долго до водворенія скопцовъ. Послѣдніе съорганизовали земледѣліе на широкихъ промышленныхъ началахъ, образовали среди окружающаго населенія, съ этой цѣлью, полки наемныхъ рабочихъ и сами заняли по отношенію къ нимъ должности строгихъ и умѣлыхъ надсмотрщиковъ. Никакихъ земледѣльческихъ традицій у нихъ нѣтъ и никакихъ культурныхъ началъ въ якутское земледѣліе они не внесли. Вся ихъ сила въ деньгахъ и въ торговыхъ способностяхъ, такъ какъ въ сущности они больше предприниматели и торговцы хлѣбомъ, чѣмъ хлѣбопашцы. Они даже не особенно благосклонно относятся ко всякимъ улучшеніямъ, могущимъ обезпечить урожаи и уничтожить страшныя колебанія въ цѣнахъ, доставляющія имъ огромные барыши. Когда предложили нѣкоторымъ богатымъ скопцамъ сдѣлать опытъ искусственнаго орошенія полей, что здѣсь очень не трудно въ виду многочисленности и близости высоко лежащихъ водоемовъ, тѣ отвѣтили: «Да слыханое-ли дѣло?... Ничего не выйдетъ!... Да и кто переѣстъ весь хлѣбъ, если каждый годъ будетъ родить!...» Многіе изъ нихъ не разъ громко желали неурожая, оправдывая это желаніе низкими цѣнами. Скопцы рутинеры и если вводятъ кое-какія маленькія улучшенія (вѣлки), то лишь такія, которыя могутъ имъ сейчасъ-же доставить барыши.

[2]) Миддендорфъ, часть I, отд. IV, приб. I.

въ такой мѣрѣ, не смотря на большой приливъ къ нему капиталовъ за послѣднія тридцать лѣтъ, съ выселеніемъ туда массы скопцовъ [1]).

Уже въ 1835 году въ окрестностяхъ Якутска высѣвали до 331 п. а въ 40-хъ годахъ въ Якутскомъ округѣ, включая село Амгинское случалось собирали до 6,000 четвертей различныхъ сортовъ хлѣба. Уже въ то время русскіе пахали такимъ же, какъ и теперь, сибирскимъ сабаномъ, боронили желѣзными боронами, жали серпами и даже косили хлѣбъ литовками; молотили его, какъ и теперь, деревянными катками на льду, вѣяли лопатами [2]). Покупка большинства этихъ орудій была недоступна бѣднытъ якутамъ по дороговизнѣ, а сами они дѣлать ихъ еще не выучились. У нихъ не было опытности, сноровки, не было обученаго рабочаго скота, а главное не было увѣренности и достаточно побудительныхъ причинъ для борьбы со всевозможными неудачами. Богачи смотрѣли недружелюбно на зарождающееся земледѣліе, справедливо видя въ немъ соперника, отвлекающаго нужныя имъ рабочія руки. Только честолюбіе и ожиданіе наградъ свыше заставляло нѣкоторыхъ сѣять немного хлѣба на-показъ. Полевыя работы производились тогда самымъ жалкимъ образомъ. Въ Намскомъ улусѣ въ мѣстности, гдѣ теперь каждый якутъ старается хоть «сколько-нибудь» посѣять, которая теперь доставляетъ скопцамъ-капиталистамъ цѣлую армію прекрасно обученныхъ полевыхъ рабочихъ, гдѣ всѣ земледѣльческія орудія, начиная отъ грабель и кончая двухколеснымъ плугомъ, изготовляются якутами, разсказывали мнѣ старики-очевидцы любопытные агрономическіе анекдоты, выдавая ихъ за недавнее прошлое.

«Раньше росло... и какъ еще росло... А только мы были глупые! Приказали, помню, дѣлать якутамъ огороды... Посадили картошку, рѣпу... Рѣпа уродилась величиною съ человѣческую голову, картошка въ кулакъ. Между тѣмъ якуты на собраніи (мунякъ) рѣшили все съѣсть и показать, что ничего не уродилось... такъ и сдѣлали». (Намск. ул., 1890 г. Хатынгаринскій наслегъ, разсказывалъ Харитонъ Кобелевъ).

«Теперь за сѣмена большія деньги платимъ, а когда впервые приказали якутамъ сѣять хлѣбъ и роздали по фунту сѣмянъ на душу, то якуты ворчали: «что за мука, заставляютъ безъ толку работать».— Всѣ думали, что самъ царь пользоваться хочетъ... Сильно ворчали... Тожѳ

1) Русскихъ, занимающихся земледѣліемъ въ Якутскомъ, Олёкминскомъ и Вилюйскомъ округахъ, можно полагать около 6000 душъ обоего пола. Скопцовъ въ Якутской области въ настоящее время находится 715 мущинъ и 458 женщинъ; всего русскаго населенія въ области: въ городахъ 2.832 мужчинъ и 2,202 женщинъ, въ округахъ 5,102 мужчинъ и 1,334 женщ.

2) Меддендорфъ, ibid. Отд. VI. Добав. IV.

самое, когда приказали косить литовкою, говорили: «что за глупость, и работать то не даютъ... Наступило большое мученье... а оказалось хорошо». (Намск. ул., 1888 г.).

«Въ старину сѣяли хлѣбъ такъ: вскопаютъ кой-какъ землю лопатой—только бы чернѣла, разбросаютъ сѣмя, затѣмъ возьмутъ суковатую, раскидистую вѣтвь за конецъ и волочатъ по пашнѣ... Вотъ и заборонили... все сѣмя на верху... прилетятъ птицы и половину съѣдятъ... И всетаки родило, и не такъ родило, какъ теперь, а посѣешь нѣсколько фунтовъ и будешь съ хлѣбомъ со всей семьей цѣлый годъ». (Намс. ул., 1890 г.; Баягант. ул., 1888 г.).

Еще въ 1853 году въ глухихъ мѣстахъ Вилюйскаго округа Маакъ описалъ пріемы работъ, подобные вышеописаннымъ: «Вся обработка почвы здѣсь заключается въ томъ, что ковыряютъ землю на 1/4 и на 1/3 вершка желѣзною лопатою, называемою хоруръ [1]). Ковырянье это начинается 9 мая, когда земля нѣсколько растаетъ; работа такая называется сире кахыэхъ (копаніе). Удобреніе изъ конскаго или коровьяго навоза кладутъ только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не взошелъ хлѣбъ и остались плѣши. Дней черезъ пять или десять послѣ описанной обработки приступаютъ къ посѣву. Для этого деревянной лопатой (ухаты кюрджахъ) отгребаютъ нѣсколько сверху землю, бросаютъ сѣмена и тою же лопатой набрасываютъ землю обратно. Такая операція продолжается до тѣхъ поръ, пока высѣютъ всѣ сѣмена (посѣвъ по якутски—бурдуку кыхыэха). Во второй половинѣ августа, когда хлѣбъ созрѣетъ, что якуты опредѣляютъ по тому, насколько онъ побѣлѣлъ,—приступаютъ къ уборкѣ. Если нѣтъ какихъ либо занятій, и времени достаточно, то срываютъ только колосья, по одному, руками. Но если есть другія занятія и, стало быть, время дорого, то хлѣбъ на корню собираютъ руками въ пучки и связываютъ тальниковымъ лыкомъ въ двухъ мѣстахъ: подъ самыми колосьями и внизу, и затѣмъ срѣзываютъ пучки въ видѣ сноповъ у самой земли ножомъ. Снопы эти не имѣютъ особеннаго названія и отличаются отъ нашихъ сноповъ тѣмъ, что у насъ сперва жнутъ, а потомъ вяжутъ, а здѣсь сперва вяжутъ, а затѣмъ уже сжинаютъ. При первомъ изъ описанныхъ способовъ уборки, собранные колосья кладутъ въ берестяные лотки, называемые атыякъ, при второмъ—снопы кладутся на лиственичную кору, разстилаемую на землю. Собранные въ атыяки колосья сушатъ на солнцѣ и потомъ разминаютъ руками для отдѣленія зеренъ отъ пленокъ. Операція эта замѣняетъ молотьбу. Смятый такимъ образомъ хлѣбъ про-

[1]) Харыръ (Böthling, стр. 84)—долотовидная небольшая лопата, шириною въ 3 — 4 вершка.

сѣваютъ (отвѣваютъ) при помощи тѣхъ же атыяковъ черезъ простое подбрасываніе смятой массы вверхъ, при этомъ беруть за одинъ конецъ атыяка, быстро поднимая другой, отъ чего мякина улетаетъ, а зерна падаютъ обратно въ атыякъ. Высушенные при второмъ способѣ уборки снопы обиваются надъ атыякомъ такимъ образомъ, чтобы достигалось удаленіе колосьевъ отъ соломы, потомъ снопы развязываются и опять обиваются для отдѣленія колосьевъ и сѣмянъ, которые могли остаться внутри, и затѣмъ просѣваютъ сѣмена, какъ выше описано...» [1]).

И сейчасъ можно встрѣтить въ разныхъ глухихъ углахъ Якутской области подобные земледѣльческіе пріемы. Въ Баягантайскомъ улусѣ, среди тамошнихъ микроскопическихъ нивъ, я не разъ видѣлъ въ жаркіе августовскіе дни голыхъ якутскихъ жницъ и жнецовъ на низенькихъ стульчикахъ. Обыкновенно это были старики или дѣти и рѣдко ихъ было болѣе трехъ на одномъ полѣ. Они степенно захватывали стебли хлѣба горстью лѣвой руки, а правой подрѣзали ихъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли. Жали они небольшимъ самодѣльнымъ серпомъ или чаще всего ножомъ. Случалось видѣть, что срѣзали только колосья. Колосья эти сушатъ передъ огнемъ, мнутъ въ рукахъ или толкутъ въ ступѣ. Отвѣваютъ также, какъ описалъ Маакъ, помощью берестяныхъ лотковъ.

Такой сборъ и такая молотьба хлѣба практикуется въ маленькихъ якутскихъ хозяйствахъ во всемъ краѣ. Даже въ сердцѣ якутскаго земледѣльческаго района, въ Намскомъ и Кангаласкомъ улусахъ, я видѣлъ не разъ старухъ, сидящихъ вечеркомъ у камелька и обрывающихъ колосья руками съ сжатыхъ, какъ слѣдуетъ быть, большихъ сноповъ, и затѣмъ отбивающихъ въ лоткѣ зерно отъ плевы. Это, несомнѣнно самый экономный способъ очистки хлѣба, тутъ зернышко не пропадетъ. Производятъ его почти исключительно слѣпые, старики, дѣти, да разные слабосильные и слабоумные.

«Что имъ и дѣлать, если не очищать хлѣбъ», справедливо замѣчали якуты. Въ то же время и въ тѣхъ же мѣстахъ большія количества хлѣба, они молотятъ цѣпами, и сплошь и рядомъ нанимаются къ скощамъ и русскимъ крестьянамъ молотить хлѣбъ катками; вѣютъ его лопатами. Я знаю случай, когда якутъ, ради лучшей очистки и сортировки хлѣба, купилъ даже вѣялку (Намск. ул., 1891 г.). Вскапываніе земли подъ посѣвъ лопатой или копорулей, бороньба лопатой, граблями или суковатой вѣтвью въ настоящее время встрѣчаютя уже очень рѣдко, па окраинахъ, и то только среди бѣднѣйшаго населенія. Всюду уже пашутъ сабанами,

[1]) Маакъ, Вилюйск. округъ, ч. III, стр. 166

а въ долинѣ Лены даже «колесухами» [1]), въ которыя впрягаютъ лошадей или быковъ. Послѣднихъ охотно употребляютъ, въ виду ихъ болѣе спокойнаго нрава, хотя при этомъ нужно больше людей, такъ какъ плохо обученныя животныя не слушаются ни голоса, ни возжи, продѣтой въ ноздри и постоянно выходятъ изъ борозды. Нужно ихъ водить, даже тащить за этотъ же поводъ, выступая впередъ. Пахать сабаномъ легко и нерѣдко въ него впрягаютъ одного быка. Нови якуты пашутъ въ 2 верш. глубиною, затѣмъ каждый слѣдующій годъ надбавляютъ $^1/_2$ или $^1/_4$ верш.; глубже 5-ти вершковъ не пашутъ. Пашутъ разъ и никогда не двоятъ. Въ долинѣ Лены, гдѣ уже вошло въ обычай двупольное хозяйство, пашутъ лѣтомъ до покоса между Троицей и Петровымъ днемъ, или осенью въ концѣ августа послѣ покоса. Въ другихъ мѣстностяхъ обыкновенно пашутъ весною около 8-го или 9-го мая (Николы), когда земля оттаетъ, какъ разъ на столько, на сколько глубоко приходится пахать [2]). Черезъ нѣсколько дней послѣ пахоты, обыкновенно черезъ два, когда земля подсохнетъ и разрыхлится, сѣютъ и боронятъ. Бороны, обыкновенно четырехрядныя, бываютъ желѣзныя и деревянныя. Сѣютъ якуты преимущественно ячмень. Изъ 24.000 четвертей, высѣянныхъ якутами въ три года (1888—89—80), на ячмень приходилось 80%, на ярицу 13%, на пшеницу 5%, на овесъ 2%. Ярицу сѣютъ преимущественно въ Якутскомъ округѣ, овесъ — исключительно въ Олёкминскомъ. Высѣваютъ якуты на хозяйственную десятину (3,200 кв. саженъ) больше четверти, т. е. 8 пудовъ здѣшняго легковѣснаго хлѣба; это составитъ на 400 кв. саженей одинъ пудъ. Это отношеніе до того укрѣпилось, что пашни, вообще хлѣбородныя земли, измѣряютъ *пудами*. Говорятъ: 2 пуда, 4 пуда, 10 пудовъ земли, что значитъ—800 кв. саж, 1,600 кв. саж., 4,000 кв. саж. Хлѣбъ всегда жнутъ, косятъ только въ томъ случаѣ, если его убило морозомъ, и онъ назначенъ на кормъ скоту. Въ засушливые годы, когда хлѣба малорослы, ихъ дергаютъ съ корнями, ползая по пашнѣ.

Въ дождливые годы урожай на якутскихъ земляхъ всегда бываетъ лучше чѣмъ на русскихъ, потому что, пользуясь обиліемъ свободныхъ земель, якуты бросаютъ выпаханные участки и замѣняютъ ихъ новыми.

---

[1]) Сибирскій сабанъ; конецъ его стрѣлы лежитъ на двуколесномъ передкѣ. Лемехъ у здѣшняго сабана одинъ; лѣвый край его загнутъ и служитъ за рѣзецъ, къ нему привязана доска, служащая за «отвалъ». Это полу-плугъ, полу-соха. Происхожденіе его сложно и смѣшанно, какъ происхожденіе сибирскаго населенія. Палласъ введеніе его въ Сибири приписываетъ полякамъ.

[2]) Якуты этихъ мѣстъ, почему-то, связываютъ степень талости съ пахотой, утверждая, что если оттаетъ глубже, то пахать труднѣе; для легкости, по ихъ словамъ, желѣзо должно скользить по льду.

За то въ засуху, якутскіе хлѣба больше страдаютъ вслѣдствіе плохой обработки земли. Меня, впрочемъ, всегда удивляло одно обстоятельство: въ мѣстахъ, гдѣ хлѣбопашество наименѣе развито и гдѣ замѣчательное приволье земель, якуты меньше пользуются новями, чѣмъ въ настоящихъ земледѣльческихъ улусахъ. Въ первыхъ пашутъ иногда десятки лѣтъ одинъ и тотъ же участокъ, пока онъ совершенно станетъ безплоднымъ, между тѣмъ какъ во вторыхъ, убѣдившись въ превосходствѣ пашенъ изъ подъ лѣса, не лѣнятся даже корчевать его и оставляютъ въ тунѣ близь лежащія, вполнѣ годныя подъ пашни, но не столь плодородныя степныя цѣлины. Присмотрѣвшись ближе, я убѣдился, что первый случай всегда имѣлъ мѣсто тамъ, гдѣ земледѣліе играло до этого незначительную роль въ хозяйствѣ и отвоевало себѣ изъ суммы общаго труда столь незначительную часть, что не стоило относить пашни далеко отъ усадьбы, рискуя даже меньшимъ урожаемъ.

Въ нижеслѣдующихъ годахъ якутами было засѣяно:

	Якутскій окр.	Олёкминскій окр.	Вилюйскій окр.
Въ 1888 году	2,300 четв.	2,360 четв.	309 четв.
» 1889 »	2,264 »	4,576 »	1,025 »
» 1890 »	3,135 »	4,311 »	1,232 »

Собираютъ якуты съ десятины самъ-десятое, самъ-пятнадцатое зерно, меньшій урожай считается плохимъ.

Обработка десятины стоитъ: вспашка 3 р. — 3 р. 50 к., боронъба 1 р., уборка 8—12 р., обсѣменепіе отъ 12—24 р., итого отъ 24 р. до 39 р. 50 к. Самый большой расходъ, конечно, приходится на обсѣменепіе. Сѣмена рѣдко выходятъ изъ 3-хъ рублей. Даже въ урожайные годы, когда зимою можно купить муку по 1 р. 80 к. за пудъ, пудъ сѣмянъ стоитъ 2 р. Это потому, что во первыхъ, на сѣмя берутъ отборное зерно, такъ что не каждый хозяинъ рѣшится сѣять свое собственное; во-вторыхъ, потому, что большинство якутовъ сѣетъ меньше хлѣба, чѣмъ его потребляетъ. Этимъ, конечно, пользуются богачи и, поощряемые весенней распутицей и всегдашнимъ безденежьемъ якутовъ, отдаютъ сѣмена въ долгъ, получая барыши въ сто процентовъ. Отмѣчу, что вообще сохранять хлѣбъ якуты до сихъ поръ не научились. Ихъ хлѣбные амбары и засѣки, даже въ общественныхъ магазинахъ, почти вездѣ устроены такъ скверно, что хлѣбъ, пролежавшій въ нихъ два, три года, на сѣмена уже не годится. Иногда онъ до того затхлый, что трудно ѣсть приготовленную изъ него муку. Это неумѣніе сохранять хлѣбъ поддерживаетъ обычай раздавать общественныя сѣмена, даже въ урожайные годы, зажиточнымъ родовичамъ въ долгъ, пудъ за пудъ. Такимъ образомъ, многіе магазины ока-

зываются пустыми въ неурожай, что составляетъ чуть ли не самое сильное препятствіе успѣхамъ земледѣлія. Тогда въ округѣ сѣмянъ чрезвычайно мало. Неурожай хлѣба по большей части совпадаетъ съ малымъ урожаемъ травы, а слѣдовательно недостаткомъ молока. Хлѣбъ съѣдается. Замѣчательно, что хлѣбопашество окрѣпло даже въ болѣе сѣверныхъ мѣстахъ, но тамъ, гдѣ находились постоянные крупные склады сѣмянъ, въ видѣ ли русскихъ земледѣльческихъ селеній или якутскихъ хозяевъ, ведущихъ дѣло на широкую ногу. Якутовъ, занимающихся хлѣбопашествомъ въ большихъ размѣрахъ для торговыхъ цѣлей, чрезвычайно мало. Даже такіе богачи, какъ, напр. Сыромятниковъ, Баягантайскаго улуса [1]), сѣяли только для себя, что-то около десятины на домъ, а было ихъ 4 дома. Я зналъ только одного якута, занимающагося производствомъ хлѣба на продажу. Это Григорій Дьяконовъ, бывшій староста Хатынгаринскаго наслега Намскаго улуса. Онъ не только самъ засѣвалъ свыше 15-ти дес. хлѣба, что для якута очень много, но скупалъ въ урожай хлѣбъ у сосѣдей, даже у скопцовъ, и развозилъ его по дальнимъ улусамъ. Главнымъ образомъ онъ отправлялъ транспорты съ мукою на сѣверъ, въ низовья Лены, гдѣ съ выгодою обмѣнивалъ муку на рыбу. Много тоже засѣвали Афанасьевы и Никифоровъ въ Дюпсюнскомъ улусѣ, а также нѣкоторые богачи въ Батурусскомъ и Кангаласкомъ ул., фамилій которыхъ не помню. Олёкминскій якутъ Антоповъ, въ 20 верстахъ отъ г. Олёкминска, занимался хлѣбопашествомъ въ широкихъ размѣрахъ. Въ Олёкминскомъ же округѣ, видѣлъ я прекрасныя мызы, отлично обработанныя, съ большими площадями однородныхъ хлѣбовъ, съ опрятными, основательными хозяйственными порядками, амбарами, ригами, мельницами. Мнѣ говорили, что эти мызы принадлежатъ богачамъ якутамъ [2]).

Впрочемъ, считаю нужнымъ отмѣтить, что не эти богачи составляютъ ту рабочую армію, которая вырываетъ у морозовъ, засухъ, лѣсовъ и безплодія съ каждымъ годомъ возростающее, неоцѣненное для культуры зерновое богатство. Работа крупныхъ земледѣльцевъ часто сводится здѣсь къ роли общественныхъ, дорого оплачиваемыхъ неумѣлыхъ, невѣжественныхъ и жадныхъ казначеевъ и экономовъ. Бѣдняки сѣютъ, правда, мало — по горсточкѣ, но ихъ самихъ много и они несомнѣнно создаютъ тѣ быстро увеличивающіяся тысячи пудовъ, они своимъ трудомъ, своей не безъ

[1]) Глава этого дома оставилъ послѣ своей смерти имущества скотомъ, деньгами, товарами и угодьями слишкомъ на 100.000 руб., онъ еще при жизни отдѣлилъ трехъ сыновей.

[2]) У якутовъ Якутскаго округа нѣтъ ни ригъ для хлѣбовъ, ни крытыхъ сараевъ. Хлѣбъ сушатъ въ полѣ въ суслонахъ, или развѣсивъ на жердяхъ колосьями внизъ, затѣмъ его складываютъ въ зароды на высокой платформѣ или крышѣ хлѣва, ради защиты отъ мышей.

борьбы дающейся воздержанностью, подготовляютъ почву для лучшей будущности всего народа [1]).

Огородничествомъ якуты почти не занимаются. Огородъ требуетъ больше знанія и ухода: поливки, полки, окапыванія. Пашню, посѣявши, можно не посѣщать вплоть до жнитва. Огородъ больше связываетъ свободу движенія и распредѣленіе времени, а огородныя овощи своей громоздкостью и чуствительностью къ холоду, кромѣ того, стѣсняютъ зимнія перкочевки. Только въ Олёкминскомъ округѣ, гдѣ населеніе стало почти осѣдлымъ, огородничество уже вошло въ обычай. Тамъ въ продолженіи трехъ лѣтъ (1888—89—90 гг.) было собрано якутами слишкомъ 30.000 пуд. картофеля. Кромѣ того они разводятъ: капусту, морковь, свеклу и мѣстами сѣютъ коноплю.

Былъ ли извѣстенъ хлѣбъ якутамъ до пришедствія русскихъ и какого происхожденія слова бурдукъ, которымъ они его называютъ? Возможно, что якуты когда-то на своей южной родинѣ знали хлѣбъ, подобно тому, какъ знали льва, верблюда, овцу, но они забыли о немъ, и въ Якутской области хлѣбъ появился, нужно думать, только вмѣстѣ съ русскими. Есть, впрочемъ, одно указаніе, что онъ въ незначительныхъ количествахъ могъ къ якутамъ попадать и раньше. Именно: въ отпискѣ казацкой 1641 г. говорится, что «у князца Межеула», что кочуетъ по «Тутурѣ рѣкѣ» (прав. притокъ Лены, въ верховьяхъ), видѣли «просо» и что просо это сѣютъ «брацкіе люди, живущіе по Онгѣ рѣкѣ, а тунгусы мѣняютъ его у нихъ на соболей» [2]). Хлѣбъ этотъ въ видѣ дорогаго и рѣдкаго товара могъ проникать и дальше на сѣверъ; но какимъ онъ тогда назывался словомъ, мы не знаемъ. Слово бурдукъ, мы думаемъ, принадлежитъ къ такимъ безроднымъ словамъ, какъ юкала, нàрта, и пр., неизвѣстно гдѣ оно было усвоено русскими и затѣмъ ими же разнесено по всей Сибири.

[1]) Мнѣ случалось слышать, какъ бѣднякъ, раздобывшій сѣмена для посѣва, радовался быстро наступившимъ хорошимъ днямъ. «Хлѣбъ посѣялъ, а то съѣли-бы; непремѣнно бы съѣли... самъ знаешь, ѣсть нечего». (Намскій улусъ, 1889 г.).

[2]) Дополненіе къ Истор. Актамъ, т. II, стр. 247.

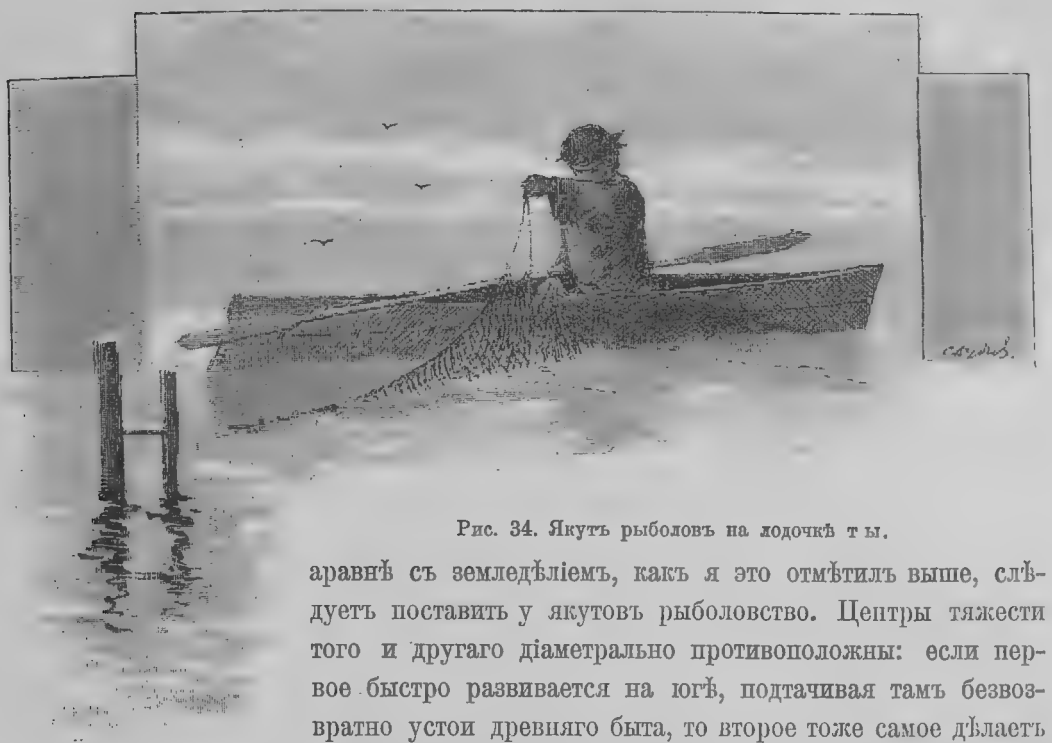


Рис. 34. Якутъ рыболовъ на лодочкѣ т ы.

аравнѣ съ земледѣліемъ, какъ я это отмѣтилъ выше, слѣдуетъ поставить у якутовъ рыболовство. Центры тяжести того и другаго діаметрально противоположны: если первое быстро развивается на югѣ, подтачивая тамъ безвозвратно устои древняго быта, то второе тоже самое дѣлаетъ на берегу Ледовитаго океана, въ низовьяхъ большихъ якутскихъ рѣкъ, во влажной, богатой озерами сѣверной части края, за горной стѣной, что раздѣляетъ Ялутскую область на двѣ разныя по климату половины. Тамъ двѣ трети населенія занимаются исключительно рыбной ловлей и охотой. Впрочемъ, количество такихъ, якутовъ въ сравненіи со всѣмъ народомъ очень незначительно. Оно составляетъ не больше 3%. Именно:

Устьянскій улусъ	1.019	челов.	обоего пола
Эльгетскій улусъ	1.475	»	» »
Жиганскій улусъ	2.045	»	» »
Колымскій улусъ [1])	1.607	»	» »
Итого . .	6.146	чел.	обоего пола.

Для остальнаго населенія рыболовство составляетъ только громадное подспорье. Въ каждомъ самостоятельномъ якутскомъ хозяйствѣ есть самодѣльныя снасти и хоть одинъ членъ семьи въ извѣстное время года

[1]) Въ Эльгетскомъ и Колымскомъ улусахъ у многихъ, особенно въ южной части, есть скотъ. Поэтому я счелъ нужнымъ отчислить изъ общаго количества жителей процентъ соотвѣтствующій количеству скота.

занимается рыболовствомъ. У богачей есть сѣти, даже невода, у бѣдняковъ—преимущественно «верши». Рыбной ловлей, какъ отхожимъ промысломъ, занималось въ 1889 году по офиціальнымъ даннымъ:

въ Якутскомъ округѣ	8600 чел.
» Олёкминскомъ округѣ	80 »
» Вилюйскомъ округѣ.	980 »
Итого	9660 чел.

Учесть количество рыбы, добываемой якутами въ скотоводческихъ округахъ, довольно трудно. Главную массу ея составляетъ «мундушка», м у н д у, маленькая озерная рыбка, родъ нашихъ малорослыхъ линей [1]). Ловля ея привилась у якутовъ, думаю, потому что, во первыхъ, рыбка эта водится во множествѣ во всѣхъ озерахъ южныхъ округовъ и во многихъ озерахъ Верхоянскаго улуса, именно тамъ, гдѣ есть скотоводство, и во вторыхъ, что для ловли своей она не требуетъ никакихъ особыхъ приспособленій, ни отлучекъ и вообще отнимаетъ очень мало времени. Ловятъ ее небольшими цилиндрическими вершами, длиною въ $2^1/_2$ аршина, а шириною въ діаметрѣ не больше $^1/_2$ или $^3/_4$ арш. Верши въ извѣстныхъ мѣстахъ опускаютъ на дно и прячутъ въ водорослях, въ которыхъ дѣлаютъ весломъ наскоро чистые ходы къ отверстію верши. Верши ставятъ совсѣмъ мелко или не глубже 4—5 фут.: ниже вода холодная и мундушка тамъ лѣтомъ не ходитъ. Смотрятъ ихъ каждый день или черезъ день, глядя по промыслу. Добытая мундушка сейчасъ же идетъ въ употребленіе: ее жарятъ, нанизавъ на палку, или варятъ ее цѣликомъ неочищенную, нерѣдко живую. Я думаю, что каждая якутская семья, въ годъ среднимъ числомъ потребляетъ отъ 10 до 15 пудовъ этой мелкой рыбёшки. Это составитъ приблизительно около 400.000 пуд. ежегодно во всей странѣ [2]). Почти столько же потребляютъ якуты въ годъ карасей и мелкой рѣчной рыбы. Крупная рыба идетъ главнымъ образомъ на продажу. Свѣжую и соленую ее везутъ въ города, въ богатыя скопческія селенія, наконецъ, за сотни верстъ на пріиски. Количество такой крупной рыбы въ 1889 году по официальнымъ даннымъ достигало:

въ Якутскомъ округѣ . . .	7.291 п.	стоимостью	22,500 руб.
» Олёкминскомъ округѣ . .	315 »	»	931 »
» Вилюйскомъ округѣ . .	3.354 »	»	6.701 »
» Верхоянскомъ округѣ . .	15.360 »	»	30.096 »
» Колымскомъ округѣ . .	165.150 »	»	82.807 »
Итого	191.570 п.	стоимостью	144.035 руб.

[1]) См. Введеніе, стр. 119.

[2]) Эта цифра ниже дѣйствительной. Ловится мундушка все лѣто, съ половины мая вплоть до октября. На десять «мордъ», которыя есть у каждаго бѣдняка и которыхъ половину осматриваютъ по перемѣнно, нужно класть 3—4 фунта рыбы ежедневнаго улова. По веснѣ куюрами добываютъ ея сразу по 20 и 30 пудовъ, а неводами въ иныхъ мѣстностяхъ Дюпсюнскаго и Борогонскаго улусовъ ловятъ ихъ положительно несмѣтное количество.

Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ главное количество рыбы было поймано въ сѣверныхъ улусахъ и на продажу не поступило. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ рыба оттуда не появлялась на рынкѣ: ее полностью потребляли на мѣстѣ.

Главный подвозъ рыбы въ г. Якутскъ и на пріиски идетъ съ низовьевъ Лены: съ Жиганскаго улуса и съ Вилюйскаго округа; лѣтомъ водою по Ленѣ, а зимою — на саняхъ [1]). Вся рыба на пріиски Олёкминско-Витимской системы поставляется изъ вышесказанныхъ двухъ пунктовъ. Вывозъ мало по малу увеличивается:

въ 1887 г.	было	1,593 п.	на сумму	15,835 руб.
» 1888 г.	»	1,870 »	»	22,597 »
» 1889 г.	»	1,678 »	»	18,915 »

Изъ милліона пудовъ, добываемыхъ ежегодно якутами, поступаетъ на продажу, какъ видимъ, очень незначительная часть. Судя по изысканіямъ Маака для Вилюйскаго округа она не превышаетъ 4—5%. Въ южныхъ улусахъ процентъ этотъ еще меньше, тамъ преимущественно добываются худшіе сорта, не годящіяся ни для солки ни для копченія. Исключеніе составляетъ стерлядь, но ловится ея вообще мало [2]).

Ловятъ якуты рыбу самымъ разнообразнымъ способомъ. Мундушку ловятъ, какъ описано выше, «мордами» [3]). Мордами ловятъ также мелкихъ карасей и низшія сорта рѣчной рыбы: щукъ, ельцовъ, окуней, налимовъ, мелкихъ сиговъ, тугуновъ, ершей. Для этого въ узкихъ, удобныхъ мѣстахъ, на небольшихъ рѣчкахъ, на второстепенныхъ протокахъ, сала, большихъ рѣкъ, на текущихъ изъ озера въ озеро «истокахъ», сіэнъ, устраиваютъ «городьбу»—по якутски бысъ по сибирски—«черезъ». Въ окнахъ городьбы, сплетенной изъ лиственичныхъ или тальниковыхъ вѣтвей, ставятъ, обыкновенно отверстіемъ противъ теченія, большія морды. Иногда заборъ «чéреза» дѣлаютъ въ видѣ рѣшетки изъ тонкихъ ровныхъ стволовъ молодой лиственицы, съ такимъ разсчетомъ, чтобы сквозь нее прошла только мелкая рыба. Такими же городьбами послѣ убыли воды запираютъ глухія «куріи», ради поимки забредшей туда рыбы. Тамъ, гдѣ на

---

[1]) Изъ Вилюйскаго округа вывозятъ, главнымъ образомъ, карасей, которые въ продажѣ обращаются исключительно въ замороженномъ видѣ.

[2]) Пудъ стерляди на Ленѣ въ окрестностяхъ Якутска стоитъ: свѣжей отъ 4 до 5 руб., а соленой отъ 6 до 8 руб.

[3]) Морды дѣлаются изъ тальниковыхъ прутьевъ или тонко выстроганныхъ лиственичныхъ лучинокъ, онѣ точь въ точь такія же, какъ верши, употребляющіяся въ Россіи. На Онежскомъ озерѣ зовутъ ихъ «мердами». Якуты зовутъ ихъ: ту, что въ переводѣ значитъ: «вершина». Подобныя же верши я видѣлъ въ Польшѣ и на Литвѣ.

рѣкѣ нѣтъ удобныхъ для «чéреза» мѣстъ, устраиваютъ въ извѣстное время года «заѣздки», по якутски с ю р ю к ъ, что значитъ «бистрына». Это не большая, сажени 2—3 длиною иногда глухая, чаще рѣшетчатая плотина, на концѣ которой укрѣпляется, то противъ теченія, то обратно, смотря по времени года, крѣпкая верша. Принципъ этой ловушки таковъ: мелкая рыба предпочитаетъ ходить вдоль берега, гдѣ теченіе слабѣе; встрѣтивъ препятствіе и огибая его, испуганная шумомъ быстрины, образовавшейся на концѣ плотины, торопится проскользнуть въ первое попавшееся отверстіе, въ отверстіе верши. Осенью ловятъ такимъ образомъ налимовъ, а весною окуней, ельцовъ, тугуновъ и прочую рѣчную мелюзгу. На сѣверѣ въ рыболовныхъ округахъ помощью «черезовъ» и «заѣздокъ» ловятъ и крупную высшаго достоинства рыбу. Тамъ вмѣсто вершъ не рѣдко настораживаютъ конопляныя мережи или холщевые мѣшки.

Крупную рыбу, крупныхъ карасей, чировъ, моксуновъ, нельмъ, омулей, сиговъ, стерлядей, тайменей, ловятъ якуты вездѣ по преимуществу неводами и сѣтями.

На Ленѣ, въ окрестностяхъ Якутска и въ Олёкминскомъ округѣ для ловли стерлядей употребляютъ якуты «перемёты», б е р е м е т ъ. Перемётъ это длинная саженей 30 — 50 веревка, толщиною въ палецъ. Она въ одномъ концѣ укрѣпляется на якорѣ и пускается вдоль по теченію въ глубинѣ воды. Тамъ она помощью грузовъ и поплавковъ поддерживается на извѣстномъ отъ дна разстояніи. Масса желѣзныхъ крючковъ, подвязана къ ней на короткихъ (1 арш.) бичевкахъ черезъ каждые $1^1/_2$ аршина. За наживу для стерляди употребляются дождевые черви, для тайменя, нельмы, налима: живая рыба, куски мяса, гусиныя и утиныя лапки. Ставятъ перемёты въ мѣстахъ глубокихъ, гдѣ теченіе тихое и ровное.

Все это точь въ точь, какъ въ Россіи. Есть здѣсь только одинъ своеобразный способъ рыбной ловли, повидимому, возможный только въ Якутской области. Это ловля к у ю р о м ъ. Для него нужно, чтобы рыба, тѣснимая наростающимъ льдомъ, собралась въ большихъ количествахъ зимовать въ излюбленные омуты. Размѣры омута не должны быть особенно большіе, глубина не должна превышать двухъ саженей, иначе работа будетъ не подъ силу одному, двумъ человѣкамъ и потребуетъ много людей и много «куюровъ».

К у ю р ъ [1]) представляетъ небольшую мѣшкообразную сѣтку-сакъ, прикрѣпленную къ обручю, к у а я. Отверстіе его не больше 3/4 арш. въ діаметрѣ, длина не больше 1 1/2 аршина. Самая ловля начинается съ того, что к у ю р ъ привязываютъ къ жерди, м а н г к ы, на столько длинной, чтобы съ помощью ея можно было достать дно озера. Жердь эту просовываютъ въ отверстіе, сдѣланное по серединѣ доски, л а а х ы р а. Доска кладется поперегъ проруби, острымъ концомъ упирается въ край льда, или снѣжный сугробъ, а на другой конецъ наступаетъ правой ногой рыбакъ. Опустивши куюръ на дно, его, при помощи жерди, заставляютъ описывать небольшіе спиральные круги. Дремлющая на днѣ рыба, ослѣпленная взбаломученнымъ иломъ, попадаетъ въ центръ водоворота и когда ея тамъ соберется по разсчету рыбака достаточно, то ловкимъ своеобразнымъ движеніемъ куюра она захватывается въ сѣть и вытаскивается наружу. Понятно, что такимъ образомъ ловится только мелкая рыба. Послѣ холодныхъ зимъ, когда озера сильно промерзаютъ, рыба въ омутахъ скопляется въ такомъ количествѣ, что ее выбрасываетъ вверхъ вмѣстѣ съ водою, бьющую въ первое время фонтаномъ [2]). Я былъ свидѣтелемъ, какъ три куюрщика двумя «куюрами» наловили въ продолженіи дня слишкомъ 40 пуд. рыбы. Выловивъ всю рыбу въ одной проруби, пробиваютъ отверстіе на нѣсколько саженей дальше и опять пробуютъ, иногда съ не меньшимъ успѣхомъ. Говорятъ, что чѣмъ больше куюровъ за разъ мутитъ воду, тѣмъ лучше, потому, что рыбѣ не куда уйти. Ловятъ куюрами почти исключительно на озерахъ или въ рѣчныхъ заливахъ, превращенныхъ морозами въ совершенно отдѣльные, плотно закрытые льдомъ, водоемы.

Якуты всегда предпочитаютъ единоличные способы рыбной ловли: сѣти, верши, крючья. Неводами «миромъ» исключительно ловятъ они карасей, по льду осенью и весною. На рѣкахъ и лѣтомъ отдаютъ предпочтеніе сѣтямъ. Якутскія волосяныя сѣти и невода отличаются отъ русскихъ работой. Формы тѣ-же. Волосяной неводъ сшивается изъ волосяныхъ тесемокъ; сѣти вяжутся изъ тонкихъ небольшихъ, въ длину волоса, бичевокъ, состоящихъ изъ 2-хъ до 5-ти конскихъ слабо-ссученныхъ волосъ. Они очень похожи на соётскія волосяныя сѣти. При вязаніи бичевочки посте-

---

[1]) Бётлингъ пишетъ к у j у р, стр. 178.

[2]) Маакъ говоритъ о «набрасываніи» якутами вѣтокъ ели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ледъ озеръ, годныхъ для «куюра». (Ч. III, стр. 177). Такой подготовки я не видѣлъ; наоборотъ замѣчалъ, что якуты предпочитаютъ «куюрить» на озерахъ сильно промерзшихъ, лишь бы не до дна.—Можетъ быть набрасываніемъ вѣтокъ они хотѣли защитить данныя озера именно отъ такого промерзанія до дна.

пенно подвязываютъ къ ряду такимъ образомъ, что соединяющіе ихъ узлы совпадаютъ съ узлами очковъ. Лишніе концы обрѣзаютъ. Вязать приходится пальцами, такъ какъ незначительная длина нитокъ дѣлаетъ невозможнымъ употребленіе вязальной рыбачьей иглы. Волосяныя сѣти легки, крѣпки, быстро сохнутъ, мало прѣютъ и мало замѣтны въ водѣ, но онѣ дороже конопляныхъ. Въ настоящее время якуты во многихъ мѣстностяхъ употребляютъ и конопляныя сѣти. Конопляныя сѣти для щукъ они красятъ въ бурый цвѣтъ отваромъ лиственичной коры [1]).

Поплавки къ сѣтямъ дѣлаютъ якуты изъ свернутой въ трубочку бересты; грузила изъ плоскихъ камешковъ, подвязанныхъ внутри кружка изъ гибкаго древеснаго корня. Въ болотистыхъ, напосныхъ равнинахъ сѣвера, гдѣ часто случается, что на десятки верстъ кругомъ не найдти камешка, для грузилъ употребляются конскіе зубья, черепки глиняной посуды, куски мамонтовыхъ бивней.

Веревки, тяжи, клячи къ рыболовнымъ снастямъ выдѣлываются изъ худшихъ сортовъ конскаго волоса иногда съ добавкой коровьей шерсти, также изъ пакли, даже изъ тальничнаго лыка [2]).

Присматриваясь къ пріемамъ ловли, формамъ, способамъ приготовленія и названіямъ рыбачьихъ снастей якутовъ, я пришелъ къ заключенію, что якутское рыболовство развивалось подъ сильнымъ иностраннымъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ русскихъ и тунгусовъ. Даже суевѣрія ихъ тождественны съ русскими. И такъ: никогда якутскій рыбакъ не дастъ рыбаку, не состоящему съ нимъ въ артели, наживы съ собственной коробки. Никогда не позволитъ прикоснуться къ нимъ незнакомцу и даже не любитъ, когда осматриваютъ его снасти. Это портитъ счастіе. (Нам. ул., 1887 г.). Надѣвъ червяка на крючекъ, обязательно онъ поплюётъ на него, чтобы заплевать «кому то глаза», точь въ точь, какъ наши мальчишки (Верхоян., 1881 г. Нам. ул., 1887 г.). На сѣверѣ, они даютъ многимъ рыбамъ русскія названія. Богапидскіе якуты всѣхъ рыбъ, исключая харюса джàрга—джìэрга и пелета, іюку, зовутъ порусски [3]). Колымскіе и Верхоянскіе якуты того-же пелета зовутъ бранатки отъ мѣстнаго русскаго—«пелдятка, бранатка». Слышалъ я также, какъ эту

---

[1]) Я убѣдился, что щука дѣйствительно въ такія крашеныя сѣти попадаетъ лучше, чѣмъ въ простыя. Многіе сорта рыбъ ловятся исключительно въ волосяныя сѣти, въ конопляныя они не идутъ.

[2]) Лыко особенно охотно употребляется для «перемётовъ»; такая снасть служитъ только годъ, за то она дешева.

[3]) Миддендорфъ. Ч. II, стр. 587.

рыбу звали колымскіе якуты несомнѣнно русскимъ именемъ пѐрпа (Колымскій Улусъ, Андылахъ 1883 г.). Омуля, моксуна якуты вездѣ зовутъ порусски, ѐмуль, муксунъ. Сельдь мѣстами зовутъ кюндюбей [1]) (Верхоянскъ, Устьянскъ и Колымскій улусъ) а мѣстами (Анабара, Боганида) сельдей точь въ точь, какъ и асиискіе Самоѣды [2]). Вяленая или сушоная рыба, для чего обыкновенно берутъ лучшіе жирные сорта, зовется по-якутски ю́кала—названіе, судя по произношенію, иностранное, позаимствованное, нужно полагать отъ самоѣдовъ, у которыхъ ю (jû') значитъ жиръ а коля (kola) рыба [3]). Принесено оно въ Якутскую область, по всей вѣроятности, русскими, равно какъ ими оно занесено на Камчатку, на Алеутскіе острова, на Анадыръ.

Тоже самое видимъ въ названіяхъ частей неводовъ, сѣтей, мерёжъ. Онѣ рѣдко носятъ спеціальныя якутскія техническія названія, утерявшія смыслъ. Въ большинствѣ это названія описательные или грубый переводъ русскихъ и тунгускихъ названій. Багаджи—неводъ, монгольское: багацу—приборъ [4]), зовется сплошь и рядомъ мунга, что значитъ мѣшокъ, а прорубь, сквозь которую вынимаютъ его изъ подъ льда, якуты окрестили библейскимъ іордáнь. Мерёжу зовутъ мёрёжа, частыя сѣти и невода частикъ; якоре-видному, дву-жалому крючку даютъ тунгуское названіе иривунъ [5]), и такъ дальше. Я думаю, что $^4/_5$ якутской рыбачьей терминологіи можно заподозрить въ иностранномъ происхожденіи. Характерно также, что рыбъ они не приносятъ никогда въ жертву. Я не видѣлъ даже, чтобы бросали ее на огонь, въ подарокъ этому всеядному хищному, якутскому богу.

Наконецъ, у якутовъ нѣтъ ни одного собственнаго названія для рыбачьихъ лодокъ и судовъ. Плотъ они зовутъ порусски пулуотъ, или булотъ; вообще лодку—потунгуски огонгчо [6]). Сшитый изъ досокъ карбасъ—порусски кáрбасъ. Берестянку откровенно признаютъ тунгуской лодкой, тонгусъ или омукъ огонгчо. Круглодонный русскій стружокъ, душегубку, зовутъ уструсъ, а плоско-донную вѣтку самыми разнообразными именами, смотря по мѣстности; въ окрестностяхъ Олёкминска,

---

[1]) Считаю не лишнимъ замѣтить, что «кюндю» значитъ по якутски драгоцѣнный несмѣтный, а бей или бай—богатый, богатство.

[2]) Мпдд. Ч. II, стр. 587.

[3]) A. Castren. Wörtesverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen, p.p. 220, 221 i.

[4]) Böhtling, 126 ст. Также зовутъ вилюйскіе якуты лѣсныя засѣки на лосей и оленей. Маакъ. Ч. II, стр. 48. Спеціальное названіе для засѣки—тонгу. Маакъ. Ч. III, стр. 171.

[5]) Маакъ. Часть III, стр. 177.

[6]) Ohoco. Castren. Tungusischen Sprachlehre, p. 101.

въ Якутскомъ округѣ, на Алданѣ ее зовутъ подобно бурятамъ—батъ [1]) или порусски, беткы; на Боганидѣ—той, на Вилюѣ, на Колымѣ, на Янѣ, гдѣ тый, гдѣ—ты. Также точно ти (ti) съ протяжнымъ «и» на концѣ, зовутъ енисейскіе остяки лодку средней величины, какою является якутская ты по отношенію съ одной стороны къ берестянкѣ, съ другой къ карбасу (см. рис. 34) [2]).

Миддендорфъ описываетъ самоѣдскій той, средней величины на Боганидѣ въ 16 англ. фут. длиною, въ 2 фут. наибольшей ширины, и въ 11 дюймовъ вышины. Вѣсу въ немъ было 70 фунтовъ и стѣнки нигдѣ не были толще 1/2 дюйма [3]).

---

[1]) Также зовутъ русскіе небольшіе челноки въ верховьи Лены. Въ XVII столѣтіи этимъ именемъ называли казаки и болѣе крупныя судна.

[2]) A. Castrén. Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre, p. 234). Меня, еще въ мою бытность на дальнемъ сѣверѣ, сильно интересовало происхожденіе этихъ изящныхъ, прелестныхъ пирогъ. Всё въ нихъ носитъ печать высокой рыболовной культуры и не вяжется съ грузной фигурой якута скотовода. Въ началѣ я приписывалъ изобрѣтеніе ихъ тунгусамъ, тѣмъ болѣе, что на Колымѣ приготовленіемъ лучшихъ стружковъ и вѣтокъ занимаются именно Верхнеколымскіе тунгусы. Но предпочтеніе, которое всюду оказываютъ тунгусы берестянкамъ, а также различіе названій, смущали меня. Въ послѣдствіи, увидѣвши узкую юкагирскую пирогу я ее призналъ за прародительницу якутской ты. Дѣйствительно, обѣ онѣ представляютъ одинаково острыя у носа и кормы пироги, построенныя изъ трехъ тонкихъ досокъ. На дно идетъ самая широкая (отъ 8 до 10″ въ самомъ широкомъ мѣстѣ), на бока поуже, нерѣдко составная. Бока и дно по серединѣ сходятся подъ тупымъ угломъ приблизительно въ 120°, къ носу уголъ этотъ становится все болѣе близкимъ къ прямому и въ самомъ концѣ оба бока сходятся въ острое лезвіе, чуть срѣзанное къ низу. Длина пироги отъ 7 до 9 футовъ, ширина между бортами въ самомъ широкомъ мѣстѣ—отъ 11 до 14″.—Юкагирскіе пироги при той же длинѣ значительно уже и въ днѣ и между бортами. Онѣ также мельче, именно: глубина ихъ рѣдко больше 6—8″. Онѣ очень вертки, но замѣчательно легки на ходу; ихъ безъ труда гнать можно противъ быстраго теченія и противъ вѣтра; онѣ мало парусятъ. Якутскія пироги устойчивѣе, въ нихъ можно плавать даже въ волненіе; волна въ нихъ слабо хлещетъ. Онѣ крѣпки, объемисты, иногда подымаютъ до 30 пудовъ груза. На водѣ онѣ чрезвычайно изящны, летятъ прямо, точно стрѣлы, колыхаясь не больше, чѣмъ плывущій лебедь; все въ нихъ расчитано на легкость, ходкость и крѣпость. Сшиваютъ ихъ пополамъ-разрѣзанными вышаренными въ кипяткѣ, тонкими, лиственичными корнями. Дерево (лиственичное) мѣстами не толще 4—5 милиметровъ. Только тамъ, гдѣ швы и скрѣпленія, оно утолщается. Въ борта вставлены по серединѣ на разстояніи двухъ футовъ, тонкія, слегка выгнутыя къ верху распорки. Пловецъ въ одну опирается спиною, за другую хватается, вставая. Въ борта упираться руками нельзя—швы дадутъ сейчасъ течь; ступить на дно въ сапогахъ тоже опасно, можно каблукомъ продавить дерево; нужна мягкая обувь или босая нога. Швы просмолены лиственичной смолой, для мягкости смѣшанной съ коровьимъ масломъ или рыбьимъ жиромъ. Всѣ изгибы, углы, утолщенія расчитаны на возможно большее сопротивленіе при возможно меньшемъ количествѣ матеріала, точно дѣлалъ пирогу не дикарь, а математикъ. Лодку двигаютъ, ударяя попеременно двулопаточнымъ, легкимъ весломъ. Я видѣлъ, какъ въ такой лодочкѣ, плавали въ устьяхъ Яны по морю въ такую бурю, что стоя на берегу можно было видѣть дно лодки: ее становило почти отвѣсно. На югѣ въ Олёкминскомъ и Якутскомъ округѣ эти пирóги, много грубѣе.

[3]) Часть II, стр. 580.

Есть у якутовъ только одно татарское слово для обозначенія плавательнаго прибора — это а л ъ. Такъ они въ настоящее время называютъ всякое большое парусное судно: паузакъ, корабль, каюкъ, включая ковчегъ Ноя. Оно несомнѣнно происходитъ отъ древне-тюркскаго с а л ъ— плотъ. И теперь еще урянхайцы (соёты) называютъ такъ маленькіе плоты.

Кромѣ выше приведенныхъ косвенныхъ указаній у якутовъ сохранились прямыя преданія, указывающія на ихъ недавнее относительно знакомство съ лодками, сѣтями и вообще съ рыболовствомъ.

«Въ старину, якуты считали за большой срамъ ловить рыбу—этимъ занимались только дѣти и лядащіе люди». (Верхоянск. ул., 1887 г.) [1]).

«Раньше, когда у насъ было много скота, мы за большой грѣхъ считали держать сѣти. Самый богатый держалъ ихъ не больше пяти и то только ради забавы ребятъ. Теперь у послѣдняго бѣдняка ихъ не менѣе десяти, а богачи имѣютъ ихъ по пятидесяти, даже по сту—тѣмъ и живутъ», жаловались якуты Колымскаго округа (1883 годъ).

«Первую лодку намъ показали русскіе, жившіе у Тыгына въ работникахъ, они тайкомъ выстроили судно и убѣжали...» (Намскій улусъ, 1890 г.).

— «Когда на другой день», говоритъ иной варіантъ этого преданія, «якуты увидѣли этихъ двухъ людей (незнакомыхъ пришельцевъ), сидящихъ на водѣ и размахивающихъ лопатами, то они чрезвычайно удивились и подумали, что это колдовство, такъ какъ лодокъ до сихъ поръ не знали...» (Намск. ул., 1887 г.). У Худякова въ преданіи о Тыгынѣ и пришествіи русскихъ тоже отмѣчено разсказчикомъ незнакомство тогдашнихъ якутовъ съ лодками:

— «Между тѣмъ Тыгинъ всталъ утромъ: русскихъ нѣтъ. А всѣ якуты спали; никто не видалъ, куда они ушли. Разсердился Тыгинъ-тоёнъ. Вдругъ видятъ, плыветъ лодка, а въ ней оба русскіе. А якуты до сихъ поръ не видали лодокъ» [2]). Наконецъ, въ одномъ изъ преданій о военачальникѣ Бертъ Хара говорится, что «онъ не могъ подать помощи Тыгыну, такъ какъ русскіе на послѣдняго напали лѣтомъ, на лѣвомъ берегу Лены, а Бертъ-хара былъ въ то время съ войскомъ на правомъ».

---

[1]) Отмѣтимъ, что загадки и пословицы о рыбахъ и рыболовахъ всегда дышутъ у якутовъ насмѣшкой:

«Рыжая корова все озеро покрыла экскрементами» говорятъ они про сѣти. «Подъ землей есть мочальный воришко»—говорятъ про неводъ. Худяковъ, ibid., стр. 39.

[2]) Верх. сбор., стр. 53.

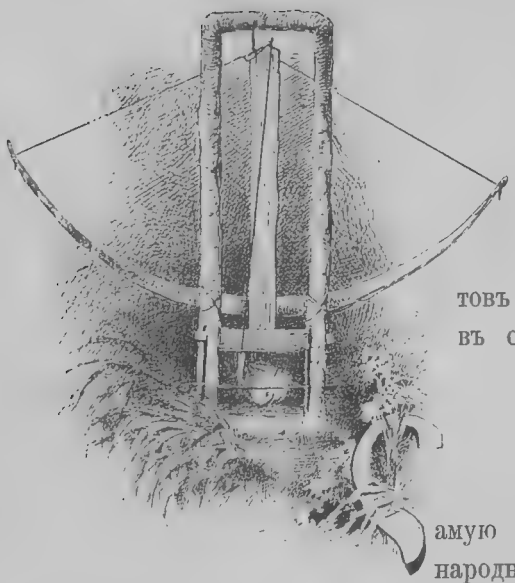


Рис. 35. Ловушка Черканъ.

Покуда русскіе и якуты дрались, онъ «бѣгалъ только вдоль берега съ лѣсиной въ рукахъ, отыскивая бродъ» (Нам. ул., 1891 г.).

Всё это заставляетъ насъ предположить, что рыболовство развилось и усовершенствовалось у якутовъ уже въ теперешней ихъ родинѣ и въ относительно новѣйшее время.

амую незначительную роль въ якутскомъ народномъ хозяйствѣ играетъ въ настоящее время звѣроловство. Правда, на сѣверѣ есть мѣстности, гдѣ добыча дикихъ оленей, лепыхъ гусей и утокъ, составляетъ въ извѣстное время года единственный источникъ пропитанія, но вообще во всемъ краѣ якуты на охотничую выручку разсчитываютъ мало. Учесть, какое количество пушнаго, добываемаго ежегодно въ Якутской области приходится на долю якутовъ, довольно трудно, такъ какъ добрая половина шкурокъ доставляемыхъ даже сѣверными якутами мѣстнымъ кущамъ, не добыта ими, а вымѣнена у тунгусовъ, чукочь, юкагирей на мясо, масло, рыбу, товары. Въ южныхъ земледѣльческихъ, болѣе культурныхъ улусахъ, звѣроловство въ настоящее время почти прекратилось, а охота на водяную и лѣсную птицу снизошла до очень скромныхъ размѣровъ.

Такъ, напримѣръ, въ наслегѣ Батаринскомъ [1]), Мегенскаго улуса по свѣдѣніямъ, изъ имѣющейся у меня подворной переписи за 1892 годъ, на 338 семей, охотой занимались на досугѣ только въ 52 семьяхъ, и было добыто: 711 турпановъ, 542 штуки утокъ болѣе мелкой породы, 5 гусей, 361 заяцъ и 2 бѣлки. Въ Тарагайскомъ наслегѣ [2]) того же улуса, по той же переписи, на 300 семей занимались охотой въ 34 семьяхъ, и было добыто ими только 239 зайцевъ и 3 горностая.

---

[1]) Наслегъ Батаринскій, одинъ изъ центральныхъ наслеговъ Мегинскаго улуса лежитъ по рѣчкѣ Теря, правому притоку Солы; по величинѣ и числу жителей принадлежитъ къ наслегамъ средней величины.

[2]) Тарагайскій наслегъ, такой же величины и численности, что Батаринскій, по верховьямъ рѣки Мылы, южной своей границей примыкаетъ къ Восточ. Кангаласскому улусу.

Это далеко не исключительные наслеги, есть такіе, какъ Тулунгинскій (того же улуса), Кильдямскій (Запад. Кангаласк.), Кусаганнельскій (Намскаго улуса), Хоринскій (Запад. Кангал.) и другія густо населенныя приленскія мѣстности, гдѣ охотой совсѣмъ не занимаются: не на кого охотиться. Человѣкъ выжилъ звѣрей, птицъ негдѣ садиться; всюду люди, дымъ огней и жилища. Звѣрь остался еще въ сѣверныхъ улусахъ да въ гористомъ центральномъ и окрайныхъ поясахъ. Тамъ живущіе якуты на Маѣ, Алданѣ, Вилюѣ, Нюѣ, Муѣ, Пеледуѣ и пр., занимаются охотой.

По офиціальнымъ даннымъ охотой въ 1889 году занималось якутовъ

Въ Якутскомъ округѣ . . .	6150	(9%)	муж нас.
» Олёкминскомъ округѣ . .	140	(2⁴/₅%)	»
» Вилюйскомъ округѣ . .	1749	(6%)	» »
» Верхоянскомъ округѣ . .	3600	(66%)	» »
» Туруханскомъ округѣ . .	300	(100%)	» »
» Колымскомъ округѣ. . .	600	(35%)	» »
Итого	12539		

Всего больше якуты промышляютъ птицы всякаго рода. Если расположить охотничью ихъ добычу въ убывающемъ порядкѣ по количеству штукъ, то получимъ:

Водная птица	Горная, лѣсная и полевая птица.	Звѣри.
Утки		
		Зайцы
	Куропатки, рябчики	
		Горностаи
	Пѣтушки, кулики, снигири и пр. мелюзга.	Бѣлки
Гуси	Тетерева и глухари.	Лисицы, песцы, евражки
Лебеди		Олени
		Сохатые
		Медвѣди
		Соболя

За остальной дичью якуты не охотятся, исключая единичныхъ попутныхъ, такъ сказать, случаевъ.

Способы ловли, употребляемые ими, ничѣмъ не отличаются отъ обще сибирскихъ, однообразію которыхъ въ значительной степени способствовали русскіе промышленные люди XVII столѣтія. Позаимствовавъ остроумные пріемы у однихъ народовъ Сибири, они передавали ихъ другимъ, въ обмѣнъ на новые. На многихъ ловушкахъ якутовъ лежитъ печать такого обмѣна.

Одинъ только способъ ловли могъ быть ими принесенъ самостоятельно изъ степной родины. Это гоньба звѣря верхомъ на лошади. Охоту эту я

наблюдалъ только на сѣверѣ, гдѣ огромныя озера, перемежающіяся съ рѣдкими лѣсами, образуютъ слабое подобіе степи. Гоняютъ осенью, когда воды замерзнутъ и выпадетъ снѣгъ, настолько глубокій, что не даетъ скользить лошади и настолько въ тоже время мелкій, что не мѣшаетъ всаднику. Гонять не быстро, но неустанно, по свѣжему слѣду. Нѣкоторые пускаютъ собакъ со своры. Звѣря или заставляютъ скрыться въ нору, откуда выкапываютъ, настигаютъ въ полѣ и убиваютъ палкой. Говорятъ, что такъ въ старину охотились на соболя.

Излюбленныя якутскія ловушки: всякаго рода волосяныя петли, тиргенъ, затѣмъ луки-самострѣлы, айя, и пасти, сохсо. Для самострѣловъ дѣлали они когда-то «засѣки», тонгу. Лепныхъ гусей и утокъ загоняютъ въ «загонъ», родъ двукрылаго, сходящагося подъ острымъ угломъ забора. Въ вершинѣ угла—отверстіе, вводящее въ небольшой рѣшетчатый амбаръ. Плывущіе въ рядъ на вѣткахъ охотники, окруживъ птицу, сгоняютъ ее съ озера на сушу, а стоящіе на берегу люди направляютъ ее въ загонъ. Лепныхъ лебедей стрѣляютъ, колятъ бьютъ палками или ловко свертываютъ имъ шеи, собравъ ихъ въ кучу среди озера. Оленей и сохатыхъ гоняютъ по веснѣ на лыжахъ: осенью подстерегаютъ на кормовищахъ и переправахъ, зимою ставятъ на нихъ луки-самострѣлы. Медвѣдей бьютъ преимущественно въ берлогѣ или добываютъ ловушками въ родѣ «амбарной пасти», называемой русскимъ испорченнымъ словомъ уструбъ. Мелкихъ звѣрушекъ, горностaлей, еврашекъ, бѣлокъ, всякаго рода мышей ловятъ черканами (см. рис. 35).

Возможно, что когда-то охота была значительно болѣе развита у якутовъ и пришла въ упадокъ съ убылью звѣря. Она до сихъ поръ пользуется большимъ среди нихъ почетомъ и титулъ бульччутъ, охотникъ, выгодно отличается отъ балыкчитъ, рыбакъ. Напомню, что въ преданіи объ Опохоѣ и Эльеѣ, послѣдній умилостивилъ разгнѣваннаго свекра, между прочимъ, богатой охотничьей добычей, которую принесъ и подарилъ старику. Есть также не мало преданій о томъ, что въ старину удалые якутскіе промышленники забирались далеко отъ своихъ стойбищъ въ лѣсную глушь, гдѣ жили исключительно охотою. Такъ по преданію жилъ Хантагай Батыръ и сынъ его Хохоё-Батыръ, Тангасъ Болтонго, Саппы-Хосунъ и другіе. Еще Миддендорфъ засталъ якутовъ, одиночекъ-промышленниковъ, далеко за предѣлами Якутской области, по ту сторону тогдашней китайской границы, въ бассейнѣ Амура. Теперь подобныя охотничія странствованія значительно сократились, мѣстами почти что вывелись. Думаю, впрочемъ, что и тогда, за долго до пришествія русскихъ, какъ и теперь большая часть драгоцѣнныхъ мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ

находящихся у якутовъ въ обращеніи, была добыта не ими, не охотой, а торговлей [1]).

Остается упомянуть о той незначительной доли оленей и собакъ, которыя находятся въ рукахъ у якутовъ и составляютъ часть ихъ богатства. Якутовъ оленеводовъ, вродѣ чукчей или самоѣдовъ, совсѣмъ нѣтъ. Всѣ они держатъ небольшія стада оленей преимущественно для ѣзды, на ряду съ другими животными собаками и лошадьми. Долгане, у которыхъ нѣтъ другихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ оленей, держатъ ихъ тоже, главнымъ образомъ, подобно тунгусамъ, какъ вьючный скотъ.

Якуты Колымскаго округа разводятъ ихъ исключительно почти ради почтовой гоньбы. Только въ Жиганскомъ улусѣ, да въ Устьянскомъ, да въ сѣверной части Эльгетскаго, есть якуты, обладающіе настолько крупными стадами, что можно ихъ счесть за оленеводовъ. Но такихъ мало. Я знаю всего одного изъ нихъ; это нѣкто Мартынъ, богачъ Эгинскаго наслега, Верхоянскаго улуса, у котораго говорятъ было до 2000 головъ. У другихъ число оленей рѣдко превосходитъ одинъ-два десятка. Оленей якуты не доятъ; бьютъ на мясо тоже только въ рѣдкихъ случаяхъ, продажнаго оленьяго мяса у нихъ нѣтъ.

Ѣздовыя собаки есть у всѣхъ якутовъ, живущихъ вблизи границы лѣса. У болѣе бѣдныхъ они тамъ составляютъ единственное домашнее животное. По мѣрѣ удаленія къ югу въ глубину тайги, къ собакамъ, все въ болѣе увеличивающейся пропорціи, подмѣшиваются олени, лошади, рогатый скотъ. Въ верховьяхъ Индигирки собакъ уже не употребляютъ, низовья, между тѣмъ, ими исключительно пользуются. Тоже самое на Янѣ, гдѣ нѣтъ ѣздовыхъ собакъ южнѣе 70° параллели. Въ низовьяхъ Лены въ Жиганскомъ улусѣ опять встрѣчаются ѣздовыя собаки, хотя, по видимому, тамъ отдаютъ предпочтеніе оленямъ. На Оленёкѣ, Анабарѣ, Хатангѣ видимъ тоже самое: въ низовьяхъ преобладаютъ собаки, въ верховьяхъ — олени. Это понятно, если принять во вниманіе образъ жизни населенія. И тутъ, и тамъ есть мохъ, но олень неудобенъ для рыбака.

Если якуты крайне неохотно заводятъ оленей, которыхъ они откровенно зовутъ «иноземнымъ скотомъ» (омукъ сюёсю), то собакъ, считаемыхъ «погаными», они заводятъ только по необходимости.

У собаки и кошки нѣтъ души, кутъ, которая на равнѣ съ человѣкомъ есть, у домашняго рогатаго и коннаго скота.

---

[1]) Часто въ опросныхъ рѣчахъ якуты отвѣчаютъ сборщикамъ податей: «ясаку де платить не можемъ, потому обезлошадились, на промыслы пѣшему ходить немочно а *покупать* де не на что — обезживотились».

«Черная собака», «Собачья морда», «Четырехъ-глазый черной крови, черный песъ»—вотъ отборныя якутскія ругательства. Какъ скотоводы par excelens, якуты въ душѣ съ одинаковымъ пренебреженіемъ относятся, какъ къ рыболовству, такъ и къ вѣрному рыбака спутнику — собакѣ [1]).

[1]) Миддендофъ, отд. V, стр. 520.

V. Пища.

Кубокъ для кумысу.

Симиръ.

Рис. 37. Доеніе кобылъ въ Якутской области.

Съ перемѣной основъ быта измѣнилась и домашняя обстановка якутовъ, измѣнилась ихъ пища, платье, постройки, развились другія ремесла; они многое забыли, что знали, и узнали много новаго.

Начну съ пищи.

Въ то время, когда главное богатство якутовъ состояло изъ стадъ коннаго скота, конечно, пищу ихъ составляли по преимуществу кобылье молоко и кобылье мясо.

Кобылье молоко бѣдно жиромъ, а богато сахаромъ; оно годно для употребленія только или въ сыромъ видѣ, или переработанное въ кумысъ [1]). Кромѣ послѣдняго, да водки «араки», никакихъ другихъ продуктовъ изъ него людямъ получить до сихъ поръ не удалось. Сырое кобылье молоко якуты въ пищу употребляютъ неохотно, оно по словамъ ихъ вызываетъ «тошноту»; вареное—иногда подбавляютъ въ чай въ небольшомъ количествѣ. Въ старину на кобыльемъ молокѣ варили похлебку-кашу бутугасъ, какъ называютъ якуты такого рода блюдо. Для этого въ большемъ, количествѣ кипящаго молока растворяли небольшое количество муки изъ сосновой заболони или изъ съѣдобныхъ корней: сордапы, моно, кюёльаса (lilium spectabile, l. martagon, butomus umbellatus).

Но главнымъ образомъ кобылье молоко шло на приготовленіе кумыса. Кумысъ—это сырое кобылье молоко, пришедшее въ кислое и спиртное броженіе. Приготовляется онъ у якутовъ такимъ образомъ: парное кобылье молоко, остывшее въ подойникѣ до обыкновенной температуры, сливаютъ въ симиръ, продымленный кожанный мѣшокъ съ узкимъ горлышкомъ. Въ молоко кладутъ закваску, которая состоитъ обыкновенно изъ остатковъ стараго кумысу или прошлогодняго кумыснаго осадка, старательно въ свое время собраннаго и высушеннаго. Если нѣтъ настоящей кумысной закваски, то для этого употребляютъ простое кислое молоко или сорать. Такой кумысъ считается худшимъ. Затѣмъ молоко старательно взбалтываютъ мутовкой, мутукъ, — деревяннымъ дискомъ, снабженнымъ отверстіями и насаженнымъ на длинную палку, точь въ точь такимъ, какой употребляется для выдѣлки масла въ Польшѣ и на Литвѣ. Мѣшокъ для приготовленія кумыса, украшенный серебряными подвѣсками, бусами и прядями бѣлыхъ копскихъ волосъ, стоитъ обыкновенно недалеко отъ камина, на низкомъ стульчикѣ, подвязанный, во избѣжаніе паденія, за уши на длинномъ ремнѣ къ крышѣ дома. Дѣти и женщины постоянно между дѣломъ подходятъ къ нему и взбалтываютъ содержимое. Иногда болтаютъ его и гости. Взбалтываніе облегчаетъ превращеніе молочнаго сахара въ спиртъ, углекислоту и молочную кислоту, въ чемъ и состоитъ производство

[1]) Кобылье молоко по составу близко къ женскому, оно легко горкнетъ и при продолжительномъ стояніи гніетъ.

Въ 100 частяхъ оно содержитъ по анализу Штанге:

Сахара	5,1
Соли	0,4
Бѣлковъ	2,3
Жировъ	1,9
Воды	89,5
Лактопротеина	0,8
Итого	100,0

кумыса. Якуты въ кобылій кумысъ подбавляютъ много воды и коровьяго молока, но они прекрасно знаютъ, что отъ этого качество напитка ухудшается. Черезъ полтора—два дня кумысъ готовъ [1]). Онъ кисло-сладкаго вкуса, съ своеобразнымъ, сырнымъ запахомъ. Старый прокисшій кумысъ немного похожъ вкусомъ на огуречный, малосольный разсолъ. Молодой кумысъ бьетъ въ носъ отъ избытка углекислоты и слегка опьяняетъ, но не на долго. Онъ бодритъ, быстро возстановляетъ силы, прекрасно утоляетъ жажду. Якуты, избѣгающіе употреблять въ пищу кислое послѣ сильной усталости, дѣлаютъ исключеніе для кумыса. Онъ быстро, почти безъ остатка усвоивается организмомъ, возбуждаетъ кровообращеніе и усиливаетъ всѣ жизненныя отправленія. Онъ, вмѣстѣ съ кобыльимъ мясомъ, остался лакомымъ угощеніемъ богачей, воспѣваемой въ пѣснях нищей героевъ. Когда-то, и не особенно даже давно, онъ составлялъ существенную часть народнаго питанія.

«Во время сѣнокоса якуты питаются обыкновенно однимъ кумысомъ и выпиваютъ его иногда по цѣлому ведру» пишетъ Врангель [2]).

«Въ лѣтнюю пору видно много якутъ пьяныхъ отъ излишняго употребленія *кумызу...*» пишетъ Георги въ 1777 г.

«Давно, но не особенно давно, на памяти людей, главная пища наша былъ кумысъ», сообщалъ мнѣ, въ свою очередь, Баягантайскій якутъ въ 1885 году.

«Старинные якуты, да и теперь старые старики, порицаютъ русскую ѣду: чай, хлѣбъ, сахаръ... Ими больше почитается природная якутская пища: кобылье мясо и кумысъ. Отъ нихъ, говорятъ, человѣкъ дѣлается крѣпокъ и удалъ». (Намсій ул., 1887 г.).

«Что же, что теперешніе якуты ѣдятъ сладкую ѣду и одѣваются въ русское платье!.. Развѣ они силой и выносливостью могутъ равняться съ прежними? Прежде давали косцу мѣшокъ, с и м и р ъ кумыса и ничего больше. По мѣсяцамъ другой пищи не знавали, а косили съ утра до поздней ночи. И еще какъ косили!.. Теперь, такъ косить не умѣютъ.. И всѣ были здоровы и крѣпки». (Баягантайскій улусъ, 1886 г.).

«Теперь больше мода (муодàлахъ) на чай, а раньше былъ кумысъ... Осенью, когда ночью кумысъ, случалось, замерзнетъ у почующихъ въ полѣ косцовъ, его грѣли въ котелкахъ и пили теплымъ. Не вкусенъ теплый кумысъ, но что же дѣлать, если другой пищи не было, кромѣ

[1]) Это приготовленіе чрезвычайно схоже съ приготовленіемъ кумысу киргизами и башкирами. Кумысъ по-якутски: к у м ы с ъ, по киргизски: к у м ы с ъ, по монгольски: г у н и а р и к ъ или ч и г е п ъ а р и к ъ, что значитъ: кобылье квашеное молоко.

[2]) Ibid., томъ II, стр. 69.

какъ кобылье молоко. Даже бутугасъ варили на кобыльемъ молокѣ. Сливокъ, масла, тара (кислое молоко) изъ кобыльяго молока не получишь—одинъ кумысъ. Правда, кумысъ въ это время былъ хорошій и хорошій хозяинъ гордился хорошимъ кумысомъ, какъ счастіемъ». (Намскій ул. 1891 г.). Несмотря на такіе похвальные отзывы въ честь кумыса и привычку къ нему якутовъ, онъ не могъ служить исключительной пищей. По своему составу онъ не мыслимъ безъ дополненія мясомъ, коровьимъ масломъ или мукой [1]). Всѣ кочевники, питавшіеся кумысомъ, а въ томъ числѣ и древніе якуты, потребляли эти продукты въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Для этого приходилось или часто бить скотъ или пополнять недостатокъ удачнымъ промысломъ. Убивать лошадей въ достаточномъ количествѣ безъ нарушенія хозяйственнаго равновѣсія доступно было только обладателямъ многочисленныхъ табуновъ. Въ то время, когда якуты поселились въ Якутской области, у нихъ, нужно думать, уже не было овецъ, мелкаго быстро размножающагося скота. Лошадь растетъ и размножается тихо. Вспомогательный звѣриный промыселъ тоже быстро уменьшался съ возрастаніемъ населенія и уже до пришествія русскихъ почти исчезъ на амгинско-ленскомъ плоскогоріи, центрѣ якутской осѣдлости. Рыболовство состояло въ нѣкоторомъ противорѣчіи со скотоводствомъ и всегда было у якутовъ въ загонѣ. Такимъ образомъ, въ ряду другихъ причинъ, заставляющихъ якутовъ все болѣе обращать вниманіе на рогатый скотъ, явился и хроническій, постоянно возрастающій голодъ.

Кумысъ имѣетъ еще то неудобство, что сохранять и перевозить его трудно. Онъ легко прокисаетъ, загниваетъ и при небольшомъ удѣльномъ

---

[1]) Въ 5 литрахъ средняго кумыса находится по Штанге граммовъ:

Спирта	92
Молочнаго сахара	82
Молочной кислоты	28
Бѣлковъ	150
Жировъ	95
Соли	20
Воды	4540

Необходимое количество веществъ для поддержанія жизни по Молешотту слѣдующее:

Углеводовъ	404
Бѣлковъ	130
Жировъ	84
Соли	30
Воды	2000

Въ кумысѣ бѣлки, жиры и вода находятся въ избыткѣ, а углеводовъ и солей мало. По заключенію Штанге количество углерода и относительно, и абсолютно недостаточно. Авторъ свое заключеніе основываетъ на анализѣ самарскаго степнаго кумыса, а кумысъ якутскій врядъ ли его лучше.

вѣсѣ занимаетъ много мѣста. Неувѣренность, гдѣ урожай травъ заставитъ проводить зиму, не позволяли оставлять запасовъ его на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого распредѣленіе пищи въ году становилось очень неравномѣрнымъ: лѣтомъ — обиліе, зимою — недостатокъ. Коровье молоко представляетъ въ этомъ отношеніи очевидныя выгоды.

Изъ продуктовъ коровьяго молока якутамъ теперь извѣстны: кислое молоко, смѣтана, сливки, масло. Имъ совершенно не знакомы: творогъ и сыръ [1]), они ихъ приготовлять не умѣютъ, не любятъ и не имѣютъ для нихъ названій; они ихъ зовутъ презрительно «молочнымъ мыломъ» ютъ мылата. Не охотно также ѣдятъ якуты простокважу. То кислое коровье молоко, которое составляетъ теперь ихъ главную пищу, они приготовляютъ слѣдующимъ образомъ. Снятое, но не закисшее молоко [2]), сливаютъ въ большіе желѣзные или мѣдные котлы и въ продолженіи 2—3 часовъ выпариваютъ при точкѣ кипѣнія, не допуская до бурленія частымъ, легкимъ поглаживаніемъ поверхности молока большой деревянной ложкой. Затѣмъ, молоко снимаютъ съ очага и даютъ ему остыть до 25—28° R., что узнаютъ погружая палецъ въ жидкость: если тѣло терпитъ, температура считается искомою; если холодитъ — моментъ пропущенъ. Въ такое тепловатое молоко кладутъ закваску, обыкновенно ложку стараго кислаго молока, сосудъ закрываютъ и обертываютъ шубой. Часа черезъ четыре сорать, такъ называютъ якуты кислое молоко подобнаго приготовленія, готовъ. Онъ представляетъ изъ-желта-бѣлую густую массу кисловатаго, пріятнаго вкуса. Сорать со сливками, взбитый при помощи мутовки, даетъ пушистую, прохладную, легко перевариваемую пищу, любимую не только якутами, но и русскими. По приготовленію, вкусу и внѣшнему виду онъ тождественъ съ монгольскимъ тарыкъ. Лѣтомъ якуты приготовляютъ сорать каждый день или каждые нѣсколько дней, смотря по количеству дойныхъ коровъ. У богачей имѣются для этой цѣли огромные въ нѣсколько ведеръ величиною котлы, алгый, и есть особыя печки во дворѣ подъ открытымъ небомъ. Остающійся отъ употребленія сорать якуты сливаютъ въ деревянныя бочки, ухать, съ русскаго: «ушатъ», или берестяные чапы, холлогосъ. Въ нихъ хранятся скопы до зимы. Чаны стоятъ въ молочныхъ погребахъ или гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ, гдѣ прохладно. Отъ тепла страдаетъ достоинство продукта; питательность его уменьшается и его «убываетъ», какъ выражаются якуты. Такой старый, постоявшій сорать

[1]) Буряты и киргизы приготовляютъ разные сорты творога и сыровъ и для этого употребляютъ даже иногда сычугъ.—(Потанинъ. Очерк. Сѣверн. Мон. II, стр. 112).

[2]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, якутскія хозяйки, точно также, какъ и наши, льютъ молоко на накаленый листъ желѣза.

якуты зовутъ таръ. Самый лучшій соратъ считается осенній, про него говоритъ поговорка: «осенній соратъ, жалко, не дается». Самый лучшій таръ конечно тоже осенній; онъ изъ-желта-бѣлый, чистый и не кислый [1]). Въ лѣтній таръ, подбавляютъ нерѣдко мелкой рыбы, тогда онъ называется, ахаранъ, или крупу изъ сосновой заболони, бесьтяхъ таръ. Туда тоже сливаютъ испортившееся во время варки молоко, случайно полученную простокважу, бёлёнёхъ, и всякіе молочные остатки, а также бросаютъ хрящи, кости, корки хлѣба и съѣдобные корнья. Все это, даже рыба и кости, растворяются въ молочной кислотѣ и образуетъ родъ студня. Въ таръ кладутъ также ягоды, преимущественно бруснику. Съ наступленіемъ морозовъ таръ, назначенный на продажу, замораживаютъ въ большихъ ларяхъ, сдѣланныхъ изъ навоза или лиственичной коры. Внутренность ларей выкладываютъ толстымъ слоемъ снѣга и поливаютъ водой, такъ что пища не касается навоза.

Изъ тара приготовляется главное якутское блюдо бутугасъ, жидкая похлебка съ большой подмѣсью воды и небольшой муки, ягодъ или съѣдобныхъ корней. Если муки много, то даютъ ей названіе кахы, отъ русскаго *каша*. Если же за подмѣсь служитъ сосновая или лиственная заболонь, проквашенные вареные листья щавелю и луку, или какія либо сушеныя травы, то похлебку зовутъ юрe—растеніе. Изъ тара также приготовляютъ уминанъ, который бѣднякамъ замѣняетъ кумысъ. Это смѣсь холодной воды взболтанной съ таромъ. Уминанъ изъ прѣснаго молока называется сингэ и употребляется неохотно. Всѣ эти блюда приготовляются изъ снятаго молока. Несняное молоко якуты употребляютъ въ рѣдкихъ случаяхъ: пьютъ его сырымъ или подбавляютъ въ чай.

Отстаиваютъ якуты молоко для сливокъ въ неглубокихъ ямахъ, охонгчокъ, бока которыхъ выложены обыкновенно на скорую руку лиственичной корой, а верхъ покрытъ землей и навозомъ. У богатыхъ въ ямы не рѣдко спущенъ срубъ и онѣ настолько глубоки, что въ нихъ можно ставить молоко только съ половины лѣта и то не на полъ, а на полки: на полу молоко мерзнетъ. Въ хорошихъ молочныхъ погребахъ якуты выдерживаютъ молоко до 4 дней. Стоитъ оно тамъ въ берестяныхъ плоскихъ чашахъ, чыбычахъ, разной величины, смотря по количеству дойныхъ коровъ. У богачей размѣры чыбычаховъ достигаютъ 6—7 литровъ. У бѣдныхъ чыбычахи маленькія отъ 2 до 5 лит. Маленькій чыбычахъ въ 1 литръ называется мерай, съ русскаго «мѣра», или без-

[1]) Пудъ такого тару доходилъ до 50 к. Съ 1 пуда молока его получается 30 фун., и меньше чѣмъ за 30 к. его нельзя купить, между тѣмъ какъ худшіе сорта стоятъ 20 даже 15 коп. за пудъ.

менъ, съ русскаго «безмѣнъ», т. е. 2½ фунта вѣса. Онъ служитъ для измѣренія молока. Величина чыбычаховъ разсчитана каждой хозяйкой такъ, чтобы каждый удой ея коровъ наполнялъ ихъ до верху. Подбавлять молоко, даже послѣ нѣсколькихъ часовъ, считается неудобнымъ: количество сливокъ будетъ меньше. Сливки, сюогей, снимаютъ одинъ только разъ. Ихъ вѣшаютъ въ тепломъ мѣстѣ надъ каминомъ или ставятъ на полку, гдѣ сухо и тепло. Тамъ онѣ скисаютъ въ смѣтану, асы сюогей. Сладкія сливки, случается, сбиваютъ въ родъ крема, по якутски кюёрчäхъ или догда. Въ кюöрчäхъ подбавляютъ иногда толченую сордану или ягоды. Блюдо это считается якутами барскимъ, почетнымъ и ставится дорогимъ гостямъ. Не менѣе дорогимъ угощеніемъ считается толстая жирная пѣнка, осадившаяся на сливкахъ, вскипяченыхъ и разлитыхъ въ плоскія корытца. Употребляется она по большей части въ мерзломъ видѣ, рубленая на небольшіе куски и подается, какъ закуска къ чаю. Подобная сливочная пѣнка извѣстна монголамъ и соётамъ минусинскаго округа и называется ими «уримэ». По якутски она юрюмэ.

На сладкихъ сливкахъ богатые якуты также варятъ въ торжественныхъ случаяхъ похлебки изъ душистыхъ травъ, ягодъ и кореньевъ. Особенно вкусный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мало извѣстный напитокъ представляетъ княженика и земляника, вскипяченныя со сливками и разбитыя помощью мутовки въ эмульсію. Онѣ даютъ густой, душистый напитокъ, справедливо могущій быть названнымъ якутскимъ шоколадомъ.

Главнымъ образомъ, сливки идутъ на приготовленіе масла [1]). Для этого проквашенныя сливки передъ сбиваніемъ ставятъ въ теплое мѣсто, гдѣ онѣ согрѣваются до 20 слишкомъ градусовъ, и затѣмъ сбиваютъ при помощи мутовки въ томъ же берестяномъ ведрѣ, передъ пылающимъ каминомъ. Въ 15—20 минутъ масло готово. Густую эмульсію, изъ которой еще не выдѣлилось масло и поры которой полны углекислоты, особенно любятъ якуты, и хозяйка, сбивая ее, не упуститъ угостить ею мужа, любимаго сына или почетнаго гостя. Эмульсія, подвергшаяся болѣе продолжительному пахтанію, но въ которой пахтаніе еще не выдѣлилось, называется хаяхъ или «бѣлое якутское масло». Повидимому якуты раньше знали только этотъ родъ масла.

«Когда люди держали мало коровъ, масла совсѣмъ не дѣлали, а только хаяхъ да и тотъ давали только въ праздники», разсказывали якуты Баягантайскаго улуса (III-й Баягантайскій наслегъ, 1885 года).

«Якутское масло это—хаяхъ», говорили въ Намскомъ улусѣ (1891 г.).

[1]) Съ 1 пуда якутскаго молока получается отъ 2 до 2½ фунтовъ топленаго масла и отъ 3½ до 5 сыраго.

На сѣверѣ, въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округѣ чистое масло приготовляется въ ограниченномъ количествѣ и идетъ почти исключительно на продажу. Масло употребляется якутами преимущественно ввидѣ хаяху. Только отправляющіеся въ дальнюю дорогу якуты берутъ съ собою настоящее масло «топленое или сырое». Въ Колымскомъ улусѣ я не встрѣтилъ ни одной якутки хозяйки, умѣющей добывать настоящее масло. Онѣ пахтаютъ сметану въ котелкахъ на огнѣ и всегда получаютъ только хаяхъ. Въ мое время тамъ даже въ продажѣ у якутовъ не было масла и желающіе принуждены были его добывать изъ хаяху, вторичнымъ пахтаніемъ. На югѣ, наоборотъ, приготовленіе масла совершенно вытѣснило хаяхъ, и чтобы получить послѣдній, прибѣгаютъ къ обратному процессу: растапливаютъ въ котелкѣ на огнѣ масло и, взбивая мутовкой, подливаютъ постепенно воды, молока или соры, смотря по качеству требуемаго продукта [1]). Затѣмъ эмульсію замораживаютъ, рубятъ на кусочки и подаютъ къ чаю. Хаяхъ такого приготовленія значительно хуже и грубѣе на вкусъ и я сразу могъ отличать его отъ настоящаго хаяха, даже тогда, когда кусочки обоихъ были перемѣшаны и поданы вмѣстѣ. Такъ какъ процессъ производства хаяха можно разнообразить до безконечности моментомъ прекращенія пахтанія и степенью кислоты матеріаловъ, то у каждой хозяйки онъ имѣетъ свой особый вкусъ, равно какъ и сорать. Хозяйки гордятся ихъ достоинствомъ и нѣкоторыя слывутъ на весь околодокъ, подобно тому, какъ наши бабы слывутъ на всю деревню хорошей стряпней хлѣба. Масло зовутъ якуты ары; имя это можно считать нарицательнымъ, общимъ. Такъ: они зовутъ древесныя масла: отъ-масъ арыта; костяной мозгъ называютъ: уонгъ арыта; ары, я слышалъ много разъ, что на сѣверѣ называютъ также хаяхъ. Масло якутское бываетъ двоякаго рода: свѣжее, сырое, сікей, и топленое, джäнгкиръ [2]), что значитъ собственно: прозрачный. Масло якуты никогда не солятъ. Въ торговлѣ обращается почти исключительно желтое топленое масло. Якуты съумѣли оцѣнить достоинство этого продукта, въ ихъ пѣсняхъ, сказкахъ, даже въ разговорной рѣчи «прозрачное масло» употребляется для выраженія превосходства, доброкачественности, высокой цѣнности. Это превосходный продуктъ, который въ холодныхъ, сухихъ погребахъ, можетъ безвредно сохраняться годы. Но у якутовъ, не смотря на вѣчно мерзлую почву, пѣтъ такихъ погребовъ и масло ихъ

[1]) Хаяхъ на водѣ противный; кристаллы воды выдѣляются при замораживаніи и получаются крупинки масла, перемѣшанныя со льдомъ. Хаяхъ на молокѣ сладокъ, его зовутъ мѣстами кömöръ или кöбöръ.

[2]) Böthling, стр. 123.

успѣваетъ прогоркнуть въ продолженіи одного лѣта. Они поправляютъ его вкусъ вторичнымъ протапливаніемъ, но свѣжаго, хорошаго масла, какъ топленаго, такъ и сыраго на якутскомъ рынкѣ мало и цѣнится оно дорого [1]). Масло, какъ пища высшаго достоинства, играетъ немаловажную роль при свадьбахъ, празднествахъ, шаманствахъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ. Это лучшее угощеніе и самый цѣнный подарокъ богамъ.

Особенную цѣнность оно, конечно, пріобрѣло съ водвореніемъ русскихъ. «Масло пошло въ ходъ съ тѣхъ поръ, какъ русскіе пришли и устроили городъ, а главное, когда стали его покупать на пріиски», утверждали Намскіе якуты (1891 г.). На торговое значеніе масла указываетъ якутская денежная единица ары, означающая «одинъ безмѣнъ топленаго масла $2^1/_2$ фун.». Въ глухихъ уголкахъ на нее не рѣдко якуты переводятъ цѣну товара, сказанную имъ въ деньгахъ и въ ней выражаютъ наемную плату и продажную цѣну предлагаемыхъ предметовъ. Большинство женщинъ знаетъ только ее одну и при счетѣ деньгами путается. Масло составляетъ одинъ изъ очень важныхъ пищевыхъ продуктовъ якутовъ. Самый бѣдный якутъ старается, чтобы въ праздникъ оно было у него на столѣ и самый скупой хозяинъ долженъ покормить масломъ хоть разъ въ недѣлю рабочихъ [2]). Ѣдятъ его якуты твердымъ въ кускахъ, пьютъ раскрошеннымъ съ кумысомъ, пьютъ его въ чаѣ, пьютъ топленое, теплое безъ всякихъ подмѣсей. Въ здѣшнемъ климатѣ напитокъ этотъ далеко не противный, и, возвращаясь продрогшимъ съ охоты или промерзнувъ сильно во время длиннаго зимняго переѣзда, я самъ охотно выпивалъ полное его блюдечко. Оно быстро согрѣваетъ, возстановляетъ силы и бодрость, подобно виноградному вину. Якутъ въ состояніи выпить безъ передышки не больше $^1/_2$ фунта, а съ остановками, впродолженіи нѣкотораго времени, до $2^1/_2$ фунтовъ. Удальцы, способные выпить 5—10 фунтовъ сразу, извѣстны въ каждомъ околодкѣ на перечетъ, а способныхъ выпить $^1/_2$ пуда, думаю, не больше 2—3 въ области; но я не знаю ни одного. Способностью выпить много топленаго масла якуты также хвастаютъ, какъ у насъ хвастаютъ способностью выпить много водки.

Изъ масла и муки приготовляютъ «божественный саламатъ», свадебное угощеніе, пищу мощныхъ духовъ, богатыхъ людей, больныхъ и родильницъ. Съ возникновеніемъ хлѣбопашества въ Якутской области саламатъ

[1]) Безмѣнъ ($2^1/_2$ ф.) топленаго масла стоитъ отъ 80 к. до 1 р., сырого—отъ 50—60, два безмѣна сырого даютъ немного больше 1 безмѣна топленаго.

[2]) Въ Баягантайскомъ улусѣ я слышалъ странный, на нашъ взглядъ, договоръ; рабочій, вычисляя количество пищи, нужное ему во время сѣнокоса, сказалъ: «и разъ въ недѣлю накормить *досыта* масломъ».

сталъ употребляться и въ менѣе торжественныхъ случаяхъ и проникъ въ болѣе бѣдные слои населенія. Приготовляется онъ изъ влажной ячменной или ржаной муки, сильно прогрѣтой, даже поджаренной въ котлѣ на слабомъ огнѣ. Чтобы мука не пригорѣла, къ ней подливаютъ постоянно понемногу воды и ее постоянно мѣшаютъ. Въ концѣ вмѣсто воды подливаютъ масло до полнаго насыщенія. Иногда вмѣсто масла употребляютъ сливки.

Послѣ молочной пищи, второе мѣсто у якутовъ занимаетъ растительная пища, именно: древесная заболонь, мука и ея суррогаты, съѣдобные корни, травы и, наконецъ, ягоды.

Древесная заболонь, главнымъ образомъ, употребляется сосновая; лиственичная считается хуже. Сдираютъ ее преимущественно лѣтомъ или ранней весною, когда растеніе только что начинаетъ просыпаться. Со ствола молодыхъ деревьевъ осторожно срѣзаютъ верхнюю кожицу, и затѣмъ помощью острыхъ закругленныхъ ножей соскабливаютъ нѣжное, оставшееся лыко. Лыко это рѣжутъ на мелкіе кусочки, варятъ въ нѣсколькихъ водахъ, чтобы удалить смолу, затѣмъ подбавляютъ въ бутугасъ или сушатъ, толкутъ и ссыпаютъ въ сухое мѣсто въ запасъ. Сосновое лыко мало-питательно. Это пища бѣдняковъ. Въ 1859 г., по вычисленію Маака, въ Вилюйскомъ округѣ на семью въ годъ уходило отъ 10 до 100 пудовъ древесной заболони, меньше или больше, смотря по достатку семьи и развитію хлѣбопашества въ данномъ уголкѣ.

Въ настоящее время за исключеніемъ сѣверныхъ округовъ и бѣднѣйшихъ семействъ на югѣ, всюду мало-по-малу мука вытѣсняетъ древесную заболонь. Старозавѣтные якуты, жалуясь на порчу нравовъ, между прочимъ, приводили въ доказательство этого: «теперь самый бѣдный якутъ не обходится безъ *ячменной лепешки* къ утреннему чаю и самый лядащій работникъ требуетъ себѣ въ пищу *муки*» (Баяган. ул., 1886 г.). Мука проникаетъ также на сѣверъ, тамъ, гдѣ есть удобныя и дешевыя пути сообщенія, какъ напр. въ низовья р. Лены. Потребляютъ якуты муку въ похлебкѣ или дѣлаютъ изъ нея прѣсную лепешку, которую пекутъ въ лучистомъ теплѣ камина, насадивъ на деревянный рожонъ и воткнувъ послѣдній отвѣсно въ шестокъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пылающаго огня. Испеченное тѣсто, поломанное на небольшіе куски, подаютъ къ чаю на сковородѣ съ растопленнымъ масломъ. Изъ той же ячменной муки приготовляютъ прѣсныя оладьи, маленькіе блинчики изъ жидко разведеннаго тѣста, поджаренные на маслѣ. Квасить тѣсто и стряпать хлѣбъ, исключая Олёкминскаго округа и единичныхъ хозяевъ въ окрестностяхъ Якутска, якуты пока еще не знаютъ.

Съѣдобныя растенія, употребляемыя якутами, нужно раздѣлить на двѣ группы: на такія, которыхъ корни идутъ въ пищу, и такія, у которыхъ съѣдаются только стебли и листья. Къ послѣднимъ принадлежатъ:

a) Щавель (rumex acetosa), по-якутски кислѣй; листья кладутъ въ таръ или варятъ въ водѣ, рубятъ и квасятъ, и затѣмъ употребляютъ въ небольшомъ количествѣ, какъ приправу къ бутугасу.

b) Angelica sylvestris; рубятъ на подобіе капусты и квасятъ съ таромъ; по якутски истѝ съ русскаго *щи*. Побѣги ея употребляются кой-гдѣ и въ Россіи въ пищу. У якутовъ называлась она когда-то «дьявольскимъ посохомъ» абасытаяха [1]).

c) Крестики (potentilla anserina), по якутски кэпіэсъ или кэріэсь, съ русскаго. Корень собираютъ, когда растеніе отцвѣтетъ и завянетъ. Траву и корни сушатъ, растираютъ въ порошокъ и варятъ съ таромъ или молокомъ.

d) Хрѣнъ (cochlearia sisymbroides), по-якутски ыхренъ; листья квасятъ и варятъ съ таромъ.

e) Дикій лукъ и чеснокъ (allium schoenoprasum и a. lineare), по-якутски улукъ (съ русскаго).

По большей части всю эту зелень квасятъ не порознь, а вмѣстѣ, превращая ее предварительно помощью рубки и варки въ родъ шпината. Иногда просто бросаютъ листья въ ушаты съ таромъ. Судя по названіямъ, употребленіе наземныхъ частей растеній въ пищу въ большинствѣ случаевъ перенято якутами у русскихъ. Употребленіе корней они, повидимому, принесли съ собою съ юга Сибири, гдѣ многіе инородцы употребляютъ и издавна употребляли тѣже коренья и также искали ихъ, какъ и якуты, въ мышиныхъ или еврешечьихъ норахъ [2]). Названія этихъ корней вполнѣ тюркскія. Болѣе употребительные изъ нихъ суть:

a) Сусатокъ, хлѣбница (butomus umbellatus) унджула, мнакъ аса. кюёль аса, значитъ: тягучка, коровій кормъ, озерная пища. Въ сентябрѣ якуты выгребаютъ шестами со дна озера корни этого болотнаго растенія, или отыскиваютъ ихъ въ грязи обмелѣвшихъ озеръ руками. Ложка муки этого корня придаетъ горшку бутугаса большую густоту и пріятный сладкій вкусъ.

b) Сардана (lilium spectabile), по якутски сарданғсъ. Весною якуты отправляются во влажныя низменности среди горъ, гдѣ преимущественно растетъ этотъ корень, собираютъ его въ большомъ количествѣ, сушатъ и мелятъ на муку.

[1]) Ботаническій словарь Н. Анненкова, стр. 36.

[2]) Георги, стр. 174.

c) Девятерникъ (lilium martagon), мопо; похожъ на сарану и употребляется также, какъ и первая въ бутугасѣ.

d) Чаканъ, моралка, палочникъ (typha latifolia), ёргётъ эбюсэ; болотное растеніе, корни сушатъ и мелютъ на муку.

e) Спурокъ, черноголовникъ (sanguisorba officinalis), по якутски ымыякъ или бытá.

Есть еще много другихъ корней, употребляемыхъ мѣстами въ пищу; перечисленныя извѣстны почти повсюду. Собираніе ихъ въ настоящее время сокращается, что приписать нужно исключительно распространенію и дешевизнѣ ячменной муки. Ягоды, употребляемыя якутами въ пищу въ сыромъ или вареномъ видѣ, идутъ по количеству потребленія въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Брусника (vaccinium vitis idæa), кысылъ отонъ, краспая ягода или просто отонъ.

2) Голубица (vaccinium uliginosum), субунъ или сугунъ.

3) Толокняпка (arctostaphylos uva ursi), ыгохтахъ отонъ (ягода съ косточкой); точно такъ называютъ мѣстами: rubussaxatilis.

4) Черная смородина (ribes nigrum), мойпохонъ или хара хаптагасъ.

5) Кислица (ribes rubrum)—кысылъ хаптагасъ.

6) Княженика (rubus arcticus) и земляника (fragaria elatior), которыхъ якуты не отличаютъ и зовутъ одинаково: джеджіене или джаджäнъ.

Ѣдятъ также шиповникъ (rosa acicularis и r. cinnamomea), дёлехёнъ, шикшу (empetrum nigrum), улахъ отонъ, морошку, морошкы и т. п. но ихъ не собираютъ въ запасъ. Совсѣмъ не ѣдятъ малины (rubus idaeus), сылгы эміэ, ытъ-тысытэ, считая ее нечистой. Ягодъ якуты потребляютъ относительно немного, относятся къ нимъ, какъ къ пищѣ, насмѣшливо и, подтрунивая, зовутъ тунгусовъ «любителями ягодъ» отонъ-сакъ, «любителями голубицы» субунъ-сакъ. На якутскую семью въ годъ уходитъ не больше десяти пудовъ разнообразныхъ ягодъ, изъ которыхъ добрую половину составляетъ брусника. Грибовъ якуты никогда не ѣдятъ и даже съ отвращеніемъ смотрятъ, когда ѣдятъ ихъ другіе.

Послѣ молочной пищи, наравнѣ съ растительной, нужно поставить у якутовъ рыбу. Исключая самые сѣверные улусы, рыба, потребляемая якутами, принадлежитъ, какъ я это говорилъ выше, къ худшимъ мелкимъ сортамъ озерной и рѣчной рыбы. Ее жарятъ, нанизавъ на палку, или варятъ неочищенную и слегка только промытую въ водѣ безъ соли и

всякихъ приправъ. Затѣмъ, когда она сварится, иногда разбиваютъ ее мутовкой, подбавляютъ молока, муки, древесной заболони, или же похлебку только забѣливаютъ молокомъ и подаютъ рыбью уху, въ которой плаваютъ цѣлыя рыбы. Чтобы сохранить эту мелкую рыбку въ запасъ, ее по большей части смѣшиваютъ съ таромъ или квасятъ въ ямахъ.

«Рыбаки, балыкчытаръ, кормящіеся исключительно рыбой, собираютъ мунду (cyprinus perenuros) и на зиму», разсказывали якуты Намскаго улуса. «Для этого рыбку немного варятъ, затѣмъ выливаютъ ее вмѣстѣ съ водой на сито изъ старой, разломанной «морды» и, когда вода стечетъ и рыбка обсохнетъ, ссыпаютъ въ касасъ: круглую, сажень глубиною, выложенную лиственничной корой, яму. Когда яма наполнится, ее закрываютъ корой и засыпаютъ землей. Такая рыба зовется сыма. Она горькая и вонючая, но балыкчыты предпочитаютъ ее свѣжей, ея въ пищу уходитъ меньше. Сыма замѣняетъ имъ нашъ таръ. Хатырба, зовутъ они мундушку вареную и затѣмъ высушенную; лыба зовутъ мундушку свѣжую, собранную по осени; они считаютъ ее за наше молоко. Бухэрбанъ,—свѣжая, вареная и замороженная, употребляется вмѣсто хаяха». (Нам. ул., 1888 г.). Мнѣ не удавалось видѣть выше описаннаго исключительно мундушечьяго хозяйства, но я видѣлъ, какъ въ обильный уловъ этой рыбы, запасливые хозяйки варепую мундушку коптили слегка на рѣшетахъ въ дыму надъ трубою юрты, затѣмъ сушили и ссыпали въ холлогосы, берестяные чаны. На сѣверѣ потребленіе и сохраненіе рыбы якутами отличается отъ потребленія и сохраненія русскихъ развѣ тѣмъ, что якуты никогда рыбы *не солятъ*, а либо коптятъ, вялятъ (юкала), либо квасятъ. Такая проквашенная, пролежавшая въ ямахъ, рыба складывается въ четырехугольныя связки въ $2^1/_2$ пуда вѣсомъ и замораживается. Связки обращаются въ торговлѣ подъ неякутскимъ названіемъ калимсѣ. Однимъ изъ любимыхъ и дѣйствительно очень вкусныхъ и здоровыхъ блюдъ считается у якутовъ «строганина»—мерзлая, изрѣзанная въ ломтики рыба. Строганину подаютъ обыкновенно къ чаю. Строганина бываетъ хороша только изъ жирной рыбы. Для нея берутъ рыбъ разныхъ породъ высшихъ сортовъ: лососины, стерляди; другихъ якуты и не употребляютъ. Нужно, чтобы рыба промерзла до очень низкой температуры, не меньше 40° R., иначе она кажется дряблой и водянистой. Изъ частей рыбъ въ сыромъ видѣ ѣдятъ еще печень налима, максѣ, да икру. Изъ жареной икры и жарепыхъ рыбьихъ внутренностей приготовляютъ сѣверные якуты тоже довольно вкусныя блюда. Въ умѣніи пользоваться рыбою и приготовлять изъ нея всевозможныя кушанья, они, нужно сознаться, далеко уступаютъ мѣстнымъ русскимъ, отъ которыхъ, повидимому, учились этому искусству.

Среди мясной пищи якутовъ первое мѣсто по количеству съѣдаемыхъ пудовъ занимаетъ въ настоящее время говядина. Кобылье мясо цѣнится якутами выше, стоимость его дороже и оно недоступно для бѣдняковъ. Даже средней руки хозяева рѣдко имъ лакомятся. Его расходится меньше. —«Это пища богачей и конокрадовъ», не безъ основанія говоритъ поговорка. Но изрѣдка мясо попадаетъ и къ бѣднякамъ, ввидѣ платы за подряды, сѣно и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ богачи охотно производятъ разсчетъ убойными кобылами или двухгодовалыми жеребятами. Затѣмъ на свадьбахъ, даже небогатыхъ, обязательно бьютъ конный скотъ и все мясо тутъ же съѣдается и развозится по домамъ. Якуты отличаютъ 9 степеней тучности конпаго скота и три степени истощенности. Мясо въ послѣдней степени истощенія, ырбытъ, считаютъ они вреднымъ для здоровья. Матюшкинъ, спутникъ Врангеля описываетъ, что когда послѣ многихъ дней странствованія впроголодь онъ предложилъ изможденнымъ, пришедшимъ въ отчаяніе, якутамъ убить одну лошадь, тѣ отказались: «нѣтъ, лошади наши измучены, покрыты нарывами и ранами; ихъ кровь воспалена и мы заболѣемъ, если станемъ ѣсть ихъ мясо»,— говорили они [1]). Тѣ же самыя разсужденія слышалъ и я не разъ. Тѣмъ неменѣе въ Колымскомъ округѣ въ 1882 году, когда отъ плохихъ подножныхъ кормовъ гибла по тракту масса лошадей, я встрѣчалъ цѣлые караваны, до 10 нартъ, безконечно худой и отвратительной падали съ ободранной кожей. Ихъ везли на почтовыя станціи, откуда онѣ распродавались по дешевой цѣнѣ бѣднымъ якутамъ. Вообще якуты не брезгаютъ падалью и даже богачи подъ предлогомъ «опоя», уруттабытъ, не упустятъ съѣсть павшую кобылу или корову, разъ онѣ жирныя. «Опой» (разрывъ сердца) не считается почему-то порочной смертью. Ѣдятъ они также охотно скотъ, павшій отъ сибирской язвы, причемъ выработали цѣлую систему обращенія съ такими животными. Ихъ дорѣзываютъ, что вообще стараются сдѣлать со всякой безнадежно больной скотиной, но крови ни въ какомъ случаѣ въ пищу не употребляютъ. Затѣмъ мясо, разрубленное по четвертямъ, подвѣшиваютъ, чтобы оно остыло и обсохло отъ остатковъ крови. Ѣдятъ его, сильно проваривая, не въ примѣръ обыкновенному мясу. Внутренностей и жиру не ѣдятъ. Свѣжуютъ скотину въ рукавицахъ и всячески стараются не заразиться, тѣмъ не менѣе ежегодно въ Якутской области нѣсколько семействъ поголовно вымираетъ отъ сибирской язвы. Они часто не узнаютъ этой болѣзни и соблазненные видомъ лакомаго жира, относятъ смерть на счетъ всеизвиняющаго «опоя».

[1]) Врангель. Т. II, стр. 267.

Лучшими частями въ скотинѣ, конечно, считается всякаго рода жиръ. Самый благородный его представитель—мозгъ голеней [1]), затѣмъ—брюшной жиръ и внутренній, дальше жиръ лошадинаго или коровьяго горба, наконецъ жиромъ обросшее мясо, при чемъ предпочтеніе отдается ребрамъ. Голову скотины считаютъ долей почетной, жертвуютъ ее духамъ и потребленіе ея откладываютъ къ праздникамъ, но особенно вкусной ее не считаютъ. Таковымъ считается въ ней только языкъ и губы. Печень, почки, вымя, кишки, налитыя кровью, идутъ на угощеніе сосѣдей, на подарки и первыя блюда, которыми разговляются домашніе. Мясо убитой скотины оставляется въ цѣлыхъ тушахъ, замораживается и впослѣдствіи рубится, по мѣрѣ надобности, на небольшіе куски въ $^1/_2$ фунта вѣсомъ.

Мяса якуты теперь употребляютъ относительно немного; среднимъ числомъ отъ 3 до 13 пудовъ на семью по исчисленію Маака для Вилюйскаго округа, что приблизительно вѣрно и для другихъ мѣстъ. Есть, конечно, такіе богачи, которые ѣдятъ мясо каждый день, даже по два раза въ день: утромъ и вечеромъ, но есть также много такихъ, которые въ годъ ѣдятъ его всего нѣсколько разъ.

Кромѣ скотскаго мяса якуты ѣдятъ всякую водяную птицу, мелкую и крупную, включая лебедя, стерха (аиста) и журавля. Эти три птицы даже особенно ими любимы. Ѣдятъ куропатокъ, рябцовъ, глухарей, тетеревей, полевыхъ пѣтушковъ, снигирей. Остальной мелкой горной, лѣсной и полевой птицы не ѣдятъ. Не ѣдятъ также хищныхъ и почныхъ птицъ, чайку ѣдятъ неохотно, а нѣкоторыхъ сортовъ ея не станутъ ѣсть даже въ крайнемъ голодѣ: птицы эти священны, онѣ принадлежатъ одной дѣвушкѣ, духу ниспосылающему слѣпоту. Хищныхъ четвероногихъ, какъ-то: лисицу, волка, горностая не ѣдятъ, а медвѣжье мясо ѣдятъ и любятъ. Ѣдятъ также ёврашекъ, хотя стыдятся этого, считая животное погапымъ, питающимся между прочимъ, человѣческимъ мясомъ [2]). На сѣверѣ есть бѣдняки, которые питаются исключительно еврашками и одѣваются въ шкурки этого животнаго. Мышей и лягушекъ считаютъ погапыми, но молоко, если въ нихъ попадутъ эти животныя, не выливаютъ, а только погружаютъ въ него крестикъ или образокъ. Если вѣрить преданіямъ, количество животныхъ, изъятыхъ изъ потребленія, все увеличивается, несомнѣнно подъ вліяніемъ духовенства и насмѣшекъ русскихъ. Но из-

[1]) Мозгъ голеней, особенно оленьихъ, очень нѣжный и вкусный. Подается сырой и мерзлый.

[2]) Повѣріе это произошло по всей вѣроятности вслѣдствіе того, что еврашки особенно охотно копаютъ свои норы на могилкахъ. Отвращеніе къ еврашкамъ нужно приписать вліянію русскихъ.

древле якуты не ѣли: свиньи, собаки и никакихъ гадовъ, червей и насѣкомыхъ. По этому поводу замѣчаетъ Георги: «По языческому закону могутъ они все употреблять въ пищу; и для того они по состоянію своихъ мѣстъ, такъ же по житью и обыкновеніямъ питаются тѣмъ же, что и предки ихъ ѣли. Послѣдуя имъ, гнушаются они: свиньями, лягушками и гадиною. Въ прочемъ же ѣдятъ не только всякихъ чистыхъ звѣрей и проч., но и лошадей, хищныхъ звѣрей, сусликовъ, бѣлокъ, ласокъ, цапель, водяныхъ и хищныхъ птицъ, всякую рыбу, и кромѣ вышепомянутыхъ трехъ родовъ животныхъ, почти все живущее» (стр. 174).

Съ послѣднимъ не могу согласиться. Хищныхъ птицъ, орловъ и соколовъ якуты не только никогда не ѣли, но и не стрѣляли: это птицы священныя. Воронъ, филина, кукушки, нѣкоторыхъ сортовъ чаекъ тоже не трогали: это вѣщія птицы, безпокоить которыхъ не безопасно. Ворону считаютъ за поганую наравнѣ съ собакой, а чёчёткъ (fringilla linaria) и другихъ мелкихъ лѣсныхъ птицъ не ѣдятъ, предполагая, что онѣ превращаются иногда въ мышей. Вообще нечистыхъ животныхъ у нихъ не меньше, чѣмъ у насъ, только животныя эти другія. Даже нѣкоторыя части животныхъ считаются ими погаными, и бѣдные якуты, не брезгающіе падалью и кобыльимъ или коровьимъ влагалищемъ, ни за что ѣсть не станутъ скотскаго *головного мозга*. Послѣдній употребляется ими только для смазки мятыхъ кожъ или выбрасывается собакамъ.

Приготовляютъ якуты свою пищу чрезвычайно просто. Мясо они чаще всего варятъ въ водѣ безъ соли и всякихъ приправъ. Провариваютъ его лишь настолько, чтобы оно хорошо насквозь прогрѣлось и утеряло сырой, кровяной цвѣтъ. Мяса вываренаго или даже такого, въ которомъ всѣ бѣлки круто свернулись, якуты не любятъ. Дичь якуты варятъ еще короче: она у нихъ вынимается изъ горшка дѣйствительно полусырою. Рыбу варятъ долго. Крупную рыбу, чтобы она не разварилась, не допускаютъ кипѣть такими же пріемами, какъ и молоко: т.-е. поглаживаніемъ ложкою по поверхности воды. Ее выдерживаютъ при точкѣ кипѣнія нерѣдко въ продолженіи двухъ часовъ, смотря по сорту рыбы. Менѣе употребительный въ настоящее время, но когда-то очень распространенный у якутовъ пріемъ, есть *жареніе рыбы* и *мяса* на деревянномъ рожнѣ, ютюга или иттиге масъ, воткнутомъ въ нѣсколько наклонномъ положеніи на извѣстномъ разстояніи отъ огня (Маакъ, Таб. V и рис. 38). Въ олонго и преданіяхъ, путешествующіе герои почти исключительно употребляютъ этотъ кулинарный пріемъ [1]).

[1]) См. Худяковъ, стр. 122; см. т. II, Чорбохъ, Тангасъ Болтонго, и преданіе «о великанахъ».

«Въ старину якуты больше жарили мясо на рожнѣ», пояснилъ въ разсказѣ Чорбохъ повѣствователь. И теперь якуты въ дорогѣ не прочь прибѣгнуть къ этому ненуждающемуся ни въ посудѣ, ни въ водѣ кочевому способу приготовленія пищи. Но дома они избѣгаютъ его, такъ какъ оно не экономно. Масса питательнаго сока и жиру стекаетъ въ огонь. Дома они жарятъ мясо на сковородѣ, для чего рѣжутъ его на кусочки и подливаютъ воды. Получается тоже вареное мясо, приготовленное быстрѣе, но хуже.

Умѣнье приготовлять супы и соусы, исключая упомянутыхъ выше: бутугасъ и кахы, отсутствуетъ у якутовъ. Впрочемъ, есть у нихъ одна похлебка, прославленная въ свое время спартанцами: это похлебка изъ скотской крови, заправленная молокомъ и мучной подбивкой. Рыбью уху, кромѣ мундушечьей, стерляжьей и налимьей, обыкновенно выливаютъ собакамъ. Мясной бульонъ, скверный и почти всегда припахивающій дымомъ, якуты ѣдятъ неохотно [1]).

Приправъ якуты никакихъ не употребляютъ. Даже соль стала проникать въ ихъ кухню только въ послѣднее время, вслѣдъ за хлѣбомъ.

Сахаръ употребляютъ якуты только къ чаю, только въ прикуску и въ очень незначительномъ количествѣ.

Чай, по преимуществу кирпичный, пьютъ въ огромномъ количествѣ. Онъ замѣнилъ у нихъ кумысъ. Для многихъ бѣдняковъ чай или его суррогаты, забѣленные молокомъ, составляетъ въ иные мѣсяцы года главную пищу. Богачи пьютъ его три-четыре разъ въ сутки, каждый разъ отъ 6 до 10 чашекъ. Бѣдные пьютъ чай два раза въ день. Кофе якуты не пьютъ.

Водку пьютъ рѣдко и не считаютъ ее за пищу, а за лакомство. Цѣнятъ въ ней, конечно, только ея охмѣляющее свойство. Хотя у нихъ есть свое якутское для нея названіе арги, очень похожее на архи соётовъ, но якуты не умѣютъ, какъ послѣдніе, добывать водки изъ кумыса. Въ якутскихъ преданіяхъ и пѣсняхъ я тоже нигдѣ не нашелъ указанія на самобытное производство водки. Если они знали его, то забыли и съ водкой ихъ опять познакомили русскіе.

Общій обзоръ якутской пищи приводитъ къ заключенію, что молоко, какъ было, такъ и осталось основой ихъ питанія. Средняя якутская семья, средняго достатка, состоящая изъ 4—5 человѣкъ въ скотоводческихъ округахъ, потребляетъ въ годъ на себя удой отъ 5 до 6 коровъ, что составитъ отъ 200 до 300 пудовъ молока. Изъ нихъ отъ 60 пудовъ до 100 уходитъ на заготовленіе необходимаго на зиму тара, масла и пр.

[1]) Бульонъ, по якутски минъ, по урянхайски мунъ.

остальное потребляется сырое, вареное или въ видѣ свѣжей соры. Количество пищевыхъ продуктовъ въ годъ для такой семьи приблизительно равняется:

Молока свѣжаго и снятаго	отъ	140	до 200	пудовъ.
Тара	»	45	» 50	»
Масла.	»	2	» 3	»
Хлѣба	»	5	» 30	»
Растительныхъ суррогатовъ, заболони и кореньевъ, ягодъ [1]) . .	»	100	» 10	»
Рыбы [1])	»	20	» 10	»
Мяса	»	4	» 5	»
Сала говяжьяго	»	1/2	» 1	»
Соли	»	2 1/2	» 10	фунтовъ.
Чаю	»	8	» 10	кирпичей.
Сахару			5	фунтовъ.
Водки			1/4	ведра.
Табаку	»	3	» 5	фунтовъ.

Въ моемъ распоряженіи нѣтъ такой же смѣты для болѣе отдаленныхъ временъ, но думаю небезинтересенъ слѣдующій списокъ годовыхъ припасовъ богатаго якутскаго семейства въ 40-хъ годахъ, позаимствованный мною у Миндендорфа.

Фамильнаго чаю.	отъ	20	до 30	фунтовъ.
Бѣлаго сахару	»	40	» 80	»
Водки	5	ведеръ	(и болѣе).	
Конины	30	пудовъ	(и болѣе).	
Коровьяго мяса	отъ	20	до 30	пудовъ.
Масла топленаго	»	10	» 15	»
Масла якутскаго	»	5	» 7	»
Творогу простоквашнаго	25	пудовъ.		

Сверхъ того еще уловъ рыбы, охотничья добыча и т. д., рѣдко мука [2]).

Въ этомъ спискѣ поражаетъ огромное количество мяса и масла, относительно незначительное тару и почти полное отсутствіе муки, табаку и соли. Въ настоящее время расходъ на три послѣднія вещи неизбѣжный во всякомъ якутскомъ хозяйствѣ. Во всемъ остальномъ составъ пищевыхъ продуктовъ у богачей остался приблизительно тотъ же. Значительно большія измѣненія претерпѣлъ онъ, по видимому, въ семействахъ средней руки.

«Мяса мы, бѣдные, всегда ѣли мало; въ старину лѣтомъ даже богачи его не ѣли; скота не били; не знали погребовъ и ледниковъ» (Баяганстайскій ул., 1885 г.).

Съ уменьшеніемъ промысловъ, количество мяса ввидѣ дичи, сократилось до очень незначительныхъ размѣровъ, его замѣнила рыба. Среди

[1]) Количество рыбы и *растительныхъ суррогатовъ* обратно пропорціонально количеству муки, мяса, молока и хлѣба, потребляемыхъ семьей.

[2]) Ibid., часть II, отд. VI, стр. 785.

растительной пищи на первый планъ выступилъ хлѣбъ; кумысъ замѣненъ чаемъ. Сообразно съ этимъ измѣнился вкусъ.

«Теперь безъ чаю, безъ хлѣба, безъ масла, никакой рабочій не пойдетъ въ поле. Раньше масло ѣли только на свадьбахъ, а хлѣба не знали... (Баягантайскій ул., 1886 г.). Когда въ Баягантайскомъ улусѣ я моимъ сосѣдямъ, собравшимся помочь мнѣ въ уборкѣ сѣна, предложилъ на выборъ чай или кумысъ, всѣ единогласно высказались за чай. Хлѣбъ въ южныхъ улусахъ ѣдятъ якуты теперь ежедневно; а нѣкогда, какъ это теперь въ Колымскомъ и Верхоянскомъ улусахъ, якуты совсѣмъ не могли ѣсть хлѣба: у нихъ, по ихъ же выраженію, «горѣло сердце». И теперь еще желудокъ ихъ плохо перевариваетъ ячменную муку, и тамъ, гдѣ она составляетъ значительную долю ихъ пищи (въ урожайные годы), каждый ходитъ окруженный непріятной атмосферой, выдѣляющихся газовъ. Экскременты ихъ, скудные и твердые на сѣверѣ, стали у питающихся хлѣбомъ обильны, жидки и вонючи [1]). Соль сдѣлалась необходимою, и маломальски зажиточные якуты охотно ее покупаютъ, платя за фунтъ 10 даже 15 коп. и запросъ на нее постоянно увеличивается.

Этотъ быстрый переворотъ, всего въ 30 — 40 лѣтъ, былъ бы для якутскихъ желудковъ несомнѣнно черезчуръ крутымъ, не будь они къ нему подготовлены прежнимъ потребленіемъ мучныхъ суррогатовъ и сосновой заболони. Тупоумные, вѣчно голодные дендрофаги, какъ ихъ называетъ Маакъ за огромное количество поѣдаемой заболони, замѣнившіе во многихъ мѣстностяхъ края, съ убылью стадъ, прежнихъ смѣтливыхъ торгашей, страстныхъ и подвижныхъ потребителей кумыса, теперь сами въ свою очередь исчезаютъ, превращаясь, гдѣ только доступно земледѣліе, въ немного тяжеловатыхъ, но воздержанныхъ и предпріимчивыхъ производителей и потребителей хлѣба.

Распредѣленіе пищи во времени слѣдующее: самое *сытое* время, конечно, лѣто и осень, именно мѣсяцы: іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь. Первые два мѣсяца пища исключительно почти молочная, съ примѣсью небольшаго количества рыбы, дичи, растительныхъ суррогатовъ. Въ августѣ уже даетъ себя чувствовать убыль молока, но поспѣваетъ хлѣбъ; въ сентябрѣ заканчивается сѣнокосъ, начинается осенній рыболовный и лѣсной промыселъ; въ октябрѣ бьютъ скотъ. Съ ноября многія

[1]) Кстати отмѣчу, что когда мнѣ пришлось прожить на якутскомъ столѣ безъ хлѣба и соли слишкомъ годъ и послѣ того я поѣлъ ячменной лепешки, то она подѣйствовала на меня какъ ядъ: появилась головная боль, тошнота, давленіе подъ ложечкой, судороги въ желудкѣ, которыя прекратились только послѣ пріема большаго количества говяжьяго жиру. Отъ соли и пряностей я отвыкъ настолько, что обыкновенныя европейскія блюда казались мнѣ нестерпимо солеными и пряными.

стельныя коровы перестаютъ доиться, убыль молока очень замѣтна; общее ухудшеніе питанія; въ декабрѣ и январѣ у большинства истощаются запасы, въ февралѣ и мартѣ для многихъ наступаетъ *голодный* періодъ, когда имъ только случайно удается *поѣсть досыта*. Въ это время чуть ли не половина якутовъ перебивается кирпичнымъ чаемъ, чуть забѣленнымъ молокомъ. Въ мартѣ опять начинается, замершій было на зимнее время, лѣсной промыселъ; въ апрѣлѣ начинаютъ якуты ловить подъ льдомъ рыбу и возить сосновые стволы для сдиранія заболони [1]). Въ маѣ начинаютъ телиться коровы и количество молока правильно возрастаетъ.

Ѣдятъ якуты ежедневно въ слѣдующемъ порядкѣ: встаютъ они до разсвѣта, смотря по времени года, между 4 и 6 часами утра. Маломальски состоятельные прежде всего пьютъ чай черный или съ молокомъ, смотря по состоятельности и времени года, т. е. присутствію или отсутствію *доёныхъ* коровъ. Къ чаю подаютъ иногда хаяхъ или масло, въ рыболовныхъ мѣстностяхъ: зимою—строганину, лѣтомъ—юкалу. Послѣ чаю черезъ часъ подаютъ въ скотоводческихъ мѣстностяхъ бутугасъ, а въ рыболовныхъ—вареную рыбу. У богачей подаютъ два блюда: мясо и бутугасъ. Часа черезъ три-четыре полдничаютъ: ѣдятъ сорать или пьютъ чай. Бѣдняки, конечно, не полдничаютъ. Вечеромъ опять чай и передъ сномъ ужинъ: бутугасъ, кахы, а въ рыболовныхъ мѣстностяхъ—вареная рыба. У богачей обязательно мясо. Чай всегда у якутовъ предворяетъ ѣду, послѣ нея изрѣдка, нѣкоторые, страдающіе солитеромъ, пьютъ чашку чая, чтобы ихъ не тошнило; вообще пить чай *послѣ ѣды* не въ обычаѣ. Ужинъ у якутовъ всегда плотнѣе завтрака и обѣда. Ложатся спать якуты въ 9—10 часовъ вечера; спятъ, смотря по времени года, работѣ и количеству имѣющейся у нихъ пищи, отъ 6-ти до 12-ти, даже до 15 часовъ. Въ голодъ все время они проводятъ въ дремотѣ, сберегая такимъ образомъ пищу и силы.

[1]) Лучшая заболонь, какъ выше сказано, собирается въ іюнѣ.

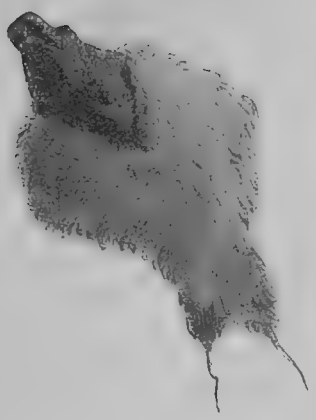


Рис. 39. Старинная якутская шапка.

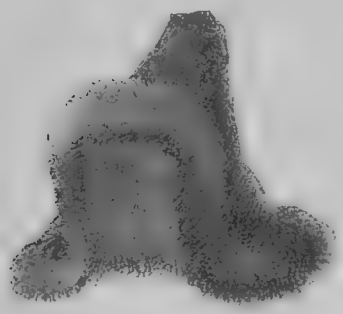


Рис. 40. Киргизская шапка.

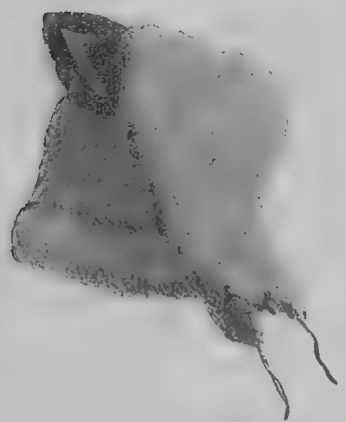


Рис. 41. Якутская женская шапка. (1/9 настоящей величины).

VI. Платье.

«Теперь стариннаго платья и сшить не умѣютъ, и названія его не знаютъ... Теперь все по-русски»... говорятъ единогласно якутскіе любители старины. (Намскій улусъ, 1891 г.).

«Теперь пошли ситцы, дабы, шелки, сукна да бейбереты (плисъ), а старинное якутское платье было: тарбаганъ, лисица, соболь, рысь, боберъ... а еще раньше—кобылья и коровья шкура»... (Нам. ул., 1890 г.).

Дѣйствительно: изъ стариннаго якутскаго платья уцѣлѣли развѣ только остроконечная шапка, да коротенькіе кожанные штаны (сыали), да еще волосяная, кружевная на глаза опояска, замѣняющая снѣговыя или вѣтряныя очки, совершенно по формѣ одинаковая съ урянхайскими кустюкъ [1]).

Шапокъ разнообразной формы у якутовъ въ употребленіи множество. Но есть одна форма, признанная за старинную [2]), встрѣчающаяся рѣже другихъ и одинаковая, какъ для мужчинъ, такъ и женщинъ (рис. 39). Это плисовый (нѣкогда ровдужный или мѣховой) колпакъ, подбитый мѣхомъ и отороченный широкимъ бордюромъ бѣличьяго или тарбаганьяго мѣха. Тулья на вискахъ кли-

[1]) Енисейскіе самоѣды, юкагири и тунгусы употребляютъ, вмѣсто волосяной сѣтки, бересту съ узкой продольной щелкой. Волосяныя чернаго волоса сѣтки они покупаютъ у якутовъ. Въ Иркутскомъ музеѣ видѣлъ я также серебряные юкагирскія очки—тонкую серебряную пластинку съ двумя узкими щелями. У якутовъ подобныхъ очковъ я не встрѣчалъ.

[2]) Такія точно шапки встрѣчаются на древнихъ каменныхъ бабахъ Монголіи (Марко Поло) и, между прочимъ, на барельефѣ съ гробницы Асхета въ нижнемъ теченіи Орхона. (Таб. XV—2 «Труды Орхонской экспедиціи». Древности Монголіи. В. В. Радловъ).

Рис. 42. Якутская женская шапка.

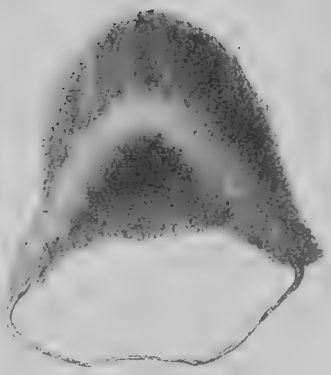


Рис. 43. Колымская шапка изъ песцовыхъ лапъ. (1/9 настоящей величины).

Рис. 44. Круглая шапка съ бобровымъ околышемъ и верхомъ изъ лисьихъ лапъ.

пообразно удлиняется и образуетъ наушники [1]). Своей формой она напоминаетъ башлыкъ съ усѣченной верхушкой и укороченными концами. Общеупотребительная въ настоящее время высокая якутская женская мѣховая шапка несомнѣнно произошла отъ этого колпака, а оба они состоятъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ киргизскимъ мѣховымъ капоромъ (рис. 40). Съ послѣднимъ якутская женская шапка почти тождественна. Затылочная часть обоихъ одинаково удлинена. Только въ якутской шапкѣ она покрыта дорогимъ мѣхомъ, обыкновенно рысьимъ и бобровымъ. Тулья шапки спереди тоже украшены мѣхомъ богато, какъ подобаетъ народу, поселившемуся въ звѣроловныхъ мѣстахъ, обильныхъ всякою рухлядью. Она обязательно или чернаго камчатскаго бобра или изъ черныхъ бѣличьихъ хвостовъ, въ старину—соболиная (рис. 41 и 42). Верхушка шапки всегда суконная черная или зеленая съ красными вставками. Иногда спереди нашиваютъ на пей серебряную круглую чеканеную пластинку: тусахта (рис. 45). Въ Колымскомъ округѣ остроконечныхъ, колпаковидныхъ шапокъ я видѣлъ мало. Тамъ и мужчины и женщины предпочитаютъ мѣховой шлемъ (рис. 43) изъ лисьихъ или песцовыхъ лапокъ, подбитый бѣличьимъ мѣхомъ. Шапка эта по формѣ очень похожа на тунгусскій мѣховой чепчикъ, только толще его, больше и выше. Наконецъ, всюду, особенно у подгородныхъ якутовъ, можно встрѣтить круглую русскую, вѣрнѣе татарскую шапку съ мѣховыми

[1]) Носятъ ее почти исключительно бѣдные. Видѣлъ я ее изрѣдка въ Верхоянскомъ округѣ да въ Якутскомъ, въ Баягантайскомъ и Намскомъ улусахъ у пріѣзжихъ якутовъ изъ глухихъ отдаленныхъ аласовъ.

наушниками или безъ нихъ (рис. 44). Бѣдные дѣлаютъ ее изъ отборнаго оленьяго мѣха, подбиваютъ бѣличьими брюшками; богатые—тулью дѣлаютъ бобровую, а верхъ кроютъ лапками красныхъ или чернобурыхъ лисицъ. Послѣднюю шапку носятъ и мужчины, и женщины.

Лѣтомъ мужчины носятъ картузъ, или повязываютъ на лбу ситцевый платокъ, а то просто—узкій ремешокъ; женщины носятъ ситцевые платки, мѣховыя шапки, наконецъ «модницы» кергемсяхъ—круглыя ярковыя шляпы, завязанныя подъ подбородкомъ на широкія яркія ленты (рис. 22). Всѣ эти формы головныхъ уборовъ нерѣдко существуютъ параллельно бокъ-о-бокъ въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ.

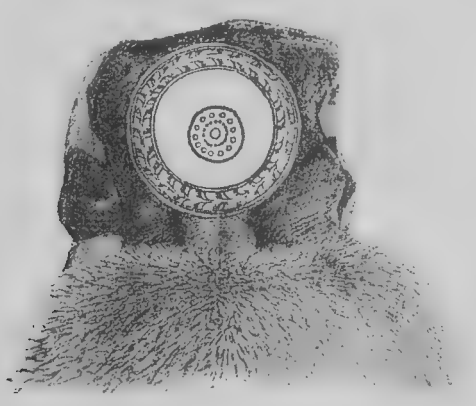


Рис. 45. Верхушка якутской шапки съ серебряной тусахтой (1/2 наст. велич.).

Среди верхняго платья на первомъ мѣстѣ стоитъ якутскій сонъ [1]). Это длинный до колѣнъ чекмень, крытый ровдугой, плисомъ или иной тканью, подбитый мѣхомъ заячьимъ, лисьимъ или ватой. Лѣтній сонъ шьется изъ тонкой матеріи, сукна или плису, на тонкой лѣтней подкладкѣ (см. рис. 22 и 24). Бѣдняки носятъ соны изъ кобыльей, коровьей или телячей шкуры, выдѣланной, но не лишенной шерсти. Надѣваютъ его нерѣдко прямо на голое тѣло, мѣхомъ всегда внутрь. Шьется сонъ всегда одпобортный изъ четырехъ клиновидныхъ одинаковаго размѣра полосъ: двухъ для спины и двухъ для переда (рис. 48 и 49). Въ плечахъ онъ въ обтяжку, но къ низу становится все шире и шире и оканчивается довольно просторной юбкой. Чтобы размѣры послѣдней увеличить ниже таліи, у пояса вшиваютъ клиновидныя вставки (рис. 50), числомъ отъ двухъ до трехъ, образующія крупныя выступающія фалды. Верхъ этихъ фалдъ не всегда пришитъ къ поясу и иногда онѣ образуютъ нѣчто въ

[1]) Сонъ значитъ собственно толстый; сонъ киси толстый человѣкъ.

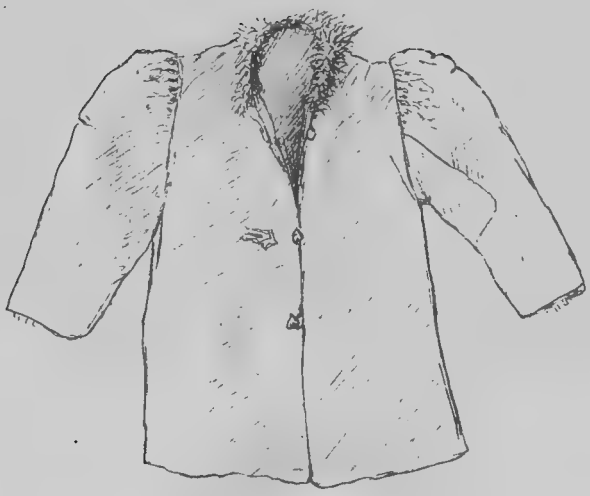


Рис. 46. Со́нъ изъ кобыльей кожи; передъ, (1/16 наст. велич.).

родѣ складокъ или крыльевъ, свободно болтающихся у бедра. Отъ этого фигура одѣтаго дѣлается еще болѣе широкой и неуклюжей. Неуклюжесть костюма къ тому же увеличивается чрезвычайно короткой, начинающейся чуть ли не подъ пахами, таліей и странной формой рукавовъ узкихъ у запястья, широкихъ и сборчатыхъ у плеча (рис. 52). Сборки образуютъ буффъ, величина котораго вполнѣ зависитъ отъ состоятельности и щегольскихъ наклонностей собственника. У почетныхъ, богатыхъ князей и княгинь буффы и крыловидныя у бедеръ вставки достигаютъ иногда уродливыхъ размѣровъ. У сона воротникъ всегда отложной (рис. 51).

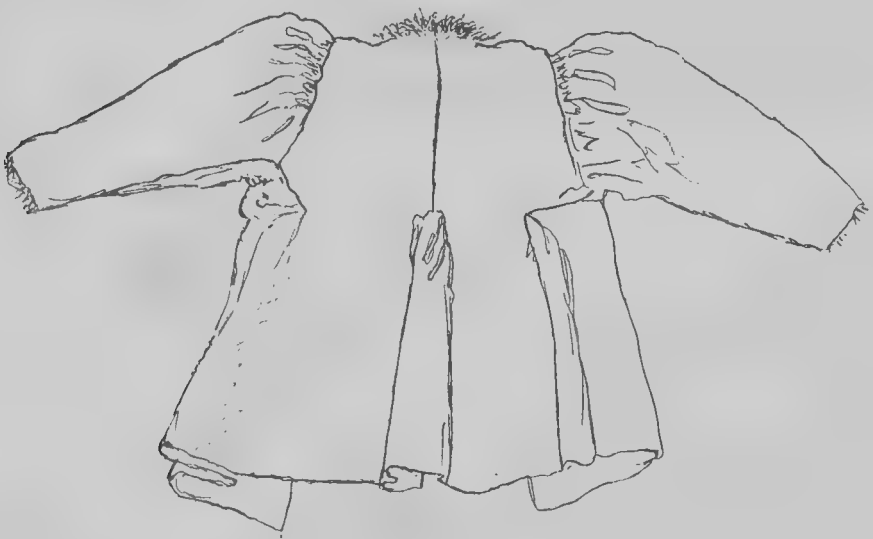


Рис. 47. Сонъ изъ кобыльей кожи; спина (1/16 наст. велич.).

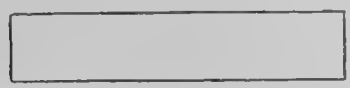


Рис. 51. Воротникъ.

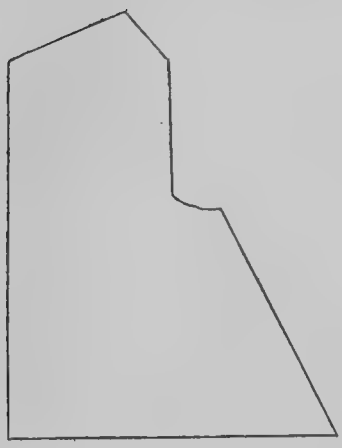


Рис. 50. Клинъ, фалда на спинѣ.

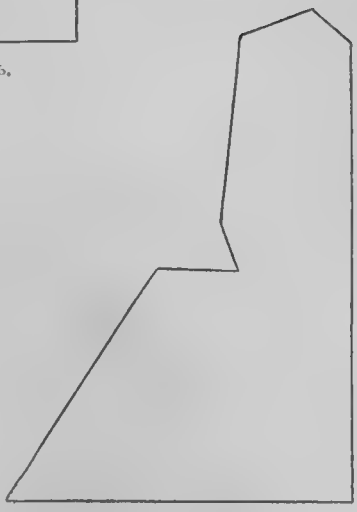


Рис. 48. Правая полоса переда.

Рис. 49. Правая полоса спины.

(1/16 настоящей величины).

Отправляясь въ дорогу, поверхъ сона якуты обыкновенно надѣваютъ суконный армякъ, называемый супунъ отъ русскаго: зипунъ. Послѣдній шьютъ изъ бѣлаго, желтаго или сѣраго сукна; воротникъ, края бортовъ, а у женщинъ и подолъ, обшиваютъ плисомъ или краснымъ сукномъ. Буффы и крылья у супуна, конечно, больше, чѣмъ у сона и кромѣ того, онъ сзади снабженъ разрѣзомъ, для верховой ѣзды.

Иные роды верхняго дорожнаго платья, какъ то: до̀хи (дахы̀), парки (паркы̀), куклянки (куклянки̇̀), кука̀шки (кукашкы́) рѣдко шьются якутами самолично, чаще они покупаютъ ихъ готовыми у чукочь, тунгусовъ и юкагирей. Ихъ названія: дакы́, паркы́, кукашкы́, куклянкы́ и проч., по-

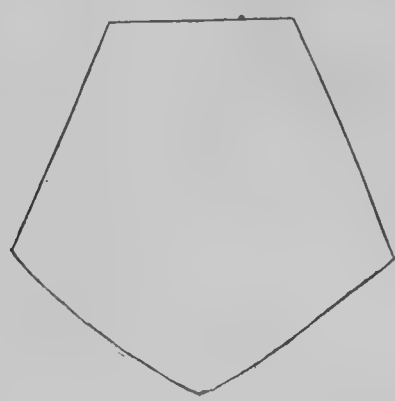


Рис. 52. Рукавъ (1/16 наст. велич.).

заимствованы якутами у русскихъ, а на матеріалъ для нихъ употребляются исключительно оленьи мѣха.

Доху зовутъ также иногда сангыяхъ, что значитъ «мѣхомъ наружу [1]), но настоящій якутскій сангыяхъ представляетъ совершенно особое и по покрою и по происхожденію одѣяніе. Это чуть ли не старѣйшій изъ извѣстныхъ якутскихъ костюмовъ. На гравюрахъ Георги (1777 г.) и Сарычева (1785 г.) якуты изображены въ сангыяхахъ. Мужской костюмъ на этихъ рисункахъ страненъ: его украшенія, форма и работа сильно напоминаютъ тунгусскіе, вѣрнѣе юкагирскіе кафтаны. Тамъ же оговорено, что это охотничій якутскій костюмъ. Но женскіе костюмы почти тождественны съ сангыяхами, находимыми Маакомъ въ старыхъ гробницахъ Вилюйскаго округа, а также срисованнымъ имъ стариннымъ фамильнымъ костюмомъ богатаго якута Сунтарскаго улуса [2]).

Рис. 53. Сангыяхъ (фасъ).

Ближе всего къ нимъ теперешніе нарядные сангыяхы, вышитые съ боковъ и на спинѣ шелкомъ, бисеромъ, серебромъ, отороченные бобромъ, выдрою, рысью, чернобурой лисицей, торбаганомъ, или даже цѣликомъ сшитые изъ этого мѣха. Серповидный мѣховой (рѣчнаго бобра) узоръ на спинѣ, о которомъ говоритъ Маакъ, вышелъ изъ употребленія. Я видѣлъ его на сѣверѣ всего

[1]) Böhtling, p. 153.

[2]) Такіе костюмы вилюйскіе якуты зовутъ тангалай, что значитъ точно: одѣяніе.

у трехъ свадебныхъ самыяховъ. Всѣ они были изъ отборнаго торбаганьяго мѣха [1]), безъ всякихъ другихъ украшеній; сзади во всю спину пришитъ былъ узоръ, напоминающій орла съ распущенными крыльями, изъ того же мѣха, только болѣе темнаго. Покрой самыяха отличается отъ сона маленькимъ стоячимъ воротникомъ, а также отсутствіемъ или, по крайней мѣрѣ, меньшей величиной фалдъ назади и буффъ на плечахъ.

Такіе нарядные самыяхи стоятъ иногда до 200, даже до 1000 р., передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ семейная драгоцѣнность, и надѣваются въ исключительно торжественныхъ случаяхъ. Въ повседневномъ обиходѣ сонъ всюду распространеннѣе самыяха. Я всего разъ или два встрѣчалъ въ глуши [2]) самыяхъ, какъ будничное платье. Это были красивые, легкіе кафтаны, длиною немного ниже колѣнъ, сшитые изъ пестрыхъ телячьихъ кожъ. Скроенные въ талію, въ обтяжку, надѣтые прямо на голое тѣло, они прекрасно обрисовывали фигуру, а отсутствіе воротника и небольшая вырѣзка на груди, обнажая шею, дѣлали ихъ

Рис. 54. Самыяхъ (спина).

[1]) Повидимому, пристрастіе къ торбоганьему мѣху, якуты тоже вывезли съ юга. Въ якутской области нѣтъ торбагана, между тѣмъ, преданіе говоритъ, что древніе самыяхы дѣлались изъ торбагана и до сихъ поръ на сѣверѣ свадебные самыяхи торбаганьи. (Калым. окр., 1883 г.).

[2]) Въ Колымскомъ улусѣ въ такомъ платьѣ ходила извѣстная красавица Акулина, сестра старосты Камаласкаго наслега. Въ Верхоянскомъ улусѣ я видѣлъ его, гдѣ-то по дорогѣ въ Усть-янскъ.

Рис. 55. Сангыяхъ (фасъ).

похожими на кокетливые костюмы юга. Есть указанія, что сангыяхъ, который зовутъ также сагыняхъ, въ прошломъ имѣлъ значительно большее распространеніе. Въ сангыняхахъ хоронили мертвыхъ, въ сангыняхи одѣвали и одѣваютъ теперь на сѣверѣ молодыхъ для свадьбы. Сангыяхъ дарится, какъ брачный подарокъ свекрови. Наконецъ, въ женскомъ сангыяхѣ, въ случаѣ отсутствія костюма, совершаетъ на сѣверѣ шаманъ свои мистеріи. (Колым. ул., 1883 г.). Но сангыняхъ на югѣ становится все рѣже; тамъ сонъ сталъ національнымъ костюмомъ якутовъ. Онъ всюду пошелъ за ними и въ новыя колоніи. Вмѣстѣ съ якутской рѣчью проникъ онъ къ мѣстнымъ русскимъ, къ объякутившимся тунгусамъ и юкагирамъ. Его съ небольшими измѣненіями носятъ лица обоего пола, самаго разнообразнаго достатка и возраста. Даже, если вѣрно предположеніе, что занесенъ опъ сюда казаками не дальше, какъ въ XVII столѣтіи, то такое повсемѣстное и прочное его распространеніе указываетъ, что были въ народныхъ вкусахъ соотвѣтствующія начала и что на практикѣ формы его оказались цѣлесообразны. И такъ: буффы на плечахъ прекрасно защищаютъ отъ холода и сырости плечевые суставы,

подвергающіеся больше всего во время верховой ѣзды, вліянію непогоды; крыловидныя вставки защищаютъ бедра, желудокъ и сѣдалище ѣздока, не позволяя сильно расходиться поламъ чекменя.

Въ пользу недавняго происхожденія сона, кромѣ народной молвы, говоритъ между прочимъ и то, что выкройки его частей ограничены прямыми, параллельными линіями и снабжены треугольными правильными вставками, что указываетъ, какъ-бы, на приготовленіе его изъ полосъ узкой ткани. Съ тканями якуты познакомились ближе при посредствѣ русскихъ. Старый ихъ сангыяхъ скроенъ по другому немного принципу, хотя въ позднѣйшее время и на его формѣ отразилось вліяніе сона.

Въ настоящее время только крайніе бѣдняки надѣваютъ сонъ или сангыяхъ прямо на голое тѣло. Всякій мало-мальски имущій якутъ и якутка носятъ рубаху, по якутски—ырбахы. Обыкновенно это синяя дабовая рубаха, одинаковаго для обоихъ половъ покроя. У мужчинъ она достигаетъ до половины лядвей, у женщинъ до колѣнъ, у богатыхъ якутокъ—до щиколки. У богатыхъ она часто ситцевая или изъ серпинки, цвѣтная, и шьется иногда на подобіе блузы.

Рис. 56. Сангыяхъ (спина).

Такую женскую рубаху зовутъ халадай. Рубахъ якуты никогда не моютъ, считая что это уменьшаетъ крѣпость ткани. Никогда они также не спятъ въ рубахахъ. Даже тѣ, которые носятъ днемъ бѣлье, предпочитаютъ снимать его на ночь и спать подобно скиѳамъ «нагими на мѣхахъ, укрываясь мѣхами». Остаются они тогда только въ короткихъ кожанныхъ штанахъ, сыали [1]), похожихъ на наши купальныя (рис. 27). Ихъ якуты никогда не снимаютъ. Форма ихъ для обоихъ половъ одинаковая. Ноговицы ихъ длиною всего въ два три дюйма, снабжены кольцами или ремнями для прикрѣпленія наколѣнниковъ, сотуро, очень схожихъ съ шведскими «Beinhösl».

Рис. 57. Санныяхъ (фасъ); рукава сшиты по образцу древнаго тангалая.

Туловищную часть штановъ якуты шьютъ обыкновенно безъ пояса, часть ихъ, покрывающая сѣдалище, больше передней части, такъ что животъ почти весь остается наружу. Это дѣлаетъ понятнымъ, почему мѣховой широкій поясъ, набрюшникъ, составляетъ неизбѣжную часть якутскаго дорожнаго костюма. Теперь штаны начинаютъ кроить и шить по-русски. Въ мужскихъ штанахъ дѣлаютъ небольшой разрѣзъ спереди; въ женскихъ—такой же разрѣзъ дѣлаютъ съ боку. Ноговицы въ мужскихъ штанахъ дѣлаютъ болѣе длинныя и онѣ мало по малу превращаются въ ыстанъ: русскія брюки сборчатыя у бедеръ, съ узкими

[1]) По Бётлингу: сыалыа, стр. 161.

голенищами и тесемками на концахъ для привязки къ ногѣ (рис. 60). Штаны шьютъ по большей части изъ выдѣланной оленьей или телячьей кожи. Зимою подбиваютъ ихъ мѣхомъ. На югѣ зажиточные носятъ плисовыя шаровары. Въ подгородныхъ мѣстностяхъ входятъ мало-по-малу въ общее употребленіе лѣтомъ дабовыя порты. Прежнія якутскія штаны, судя по нѣкоторымъ видѣннымъ мною образцамъ, близко подходили къ тунгусскимъ, и составляли, по сравненію съ ними, ступень выше въ развитіи этой части костюма. У тунгусовъ они часто, ничто иное, какъ выдѣланная, приспособленная для человѣка снятая чулкомъ съ заднихъ ногъ оленья кожа.

Рис. 58. Самыяхъ (спина); рукава сшиты по образцу древняго тангалая.

Подобный же первобытный характеръ удержали зимніе мѣховые сапоги, торбаса. Они шьются мѣхомъ наружу, изъ кобыльей или оленьей кожи, содранной съ голеней, тысъ. Они употребляются преимущественно на сѣверѣ и для нихъ нѣтъ особаго якутскаго названія. Зовутъ ихъ этэрбэсъ, что значитъ по-якутски вообще обувь, а также камусъ, слово иностранное, позаимствованы якутами, повидимому, у русскихъ.

Форма этой обуви, особенно изъ оленьихъ лапъ, тождественна съ тунгусской обувью. Въ нихъ наколенникъ соединенъ съ сапогомъ, и вся обувь представляетъ длинный до паха чулокъ. Впрочемъ, любимая и самая распространенная у якутовъ обувь совершенно

другого типа. Она всегда, даже зимняя, шьется мѣхомъ внутрь, а гладкой стороной кожи наружу. Состоитъ она обыкновенно изъ трехъ частей: задней части голяшки, вмѣстѣ съ пяткой и передней части голяшки, вмѣстѣ съ головкой; наконецъ—подошвы, уллукъ [1]). Вся головка состоитъ изъ мелкихъ сборокъ и оканчивается вздернутымъ вверхъ носкомъ (рис. 24). Эта обувь по большей части шьется изъ мягкой дымленной кожи, сары́. Для лѣтней обуви она красится въ черный цвѣтъ. Такіе мягкіе сапоги зовутся сàры, только переносится удареніе. Лучшая для нихъ кожа считается изъ кобыльяго крестца. «Срѣзать сары́» значитъ передвоить кожу, точно такъ, какъ это дѣлаютъ наши скорняки. Зимнюю обувь предпочитаютъ шить изъ оленьей или лосьей ровдуги, выкрашенной въ желтый или коричневый цвѣтъ.

Чулки, кэтенчи, якуты шьютъ также, какъ и наружную обувь, только головка чулокъ дѣлается гладкой, безъ сборокъ. Чулки употребляются мѣховые и суконные. Верхъ чулокъ и сапогъ (сàры) украшаютъ суконной оторочкой. Оторочка эта, биле, иногда достигаетъ такой ширины, что прикрываетъ добрую половину голяшки сапога. Тогда она состоитъ обыкновенно изъ сукна двухъ цвѣтовъ: чернаго и зеленаго или чернаго и краснаго, а у женщинъ украшается серебромъ и бисеромъ. Сàры изящная, легкая, удобная обувь. Только подошвы приходится часто мѣнять [2]). Хотя хорошіе сары въ водѣ не промокаютъ, но теряютъ форму и никогда не защищаютъ достаточно ноги отъ влажности. Они не годятся также для глубокаго снѣга, о который быстро стираются ихъ сборки; это обувь, надо полагать, степняка и наѣздника.

Одѣваясь въ дорогу, якутъ прежде всего перемѣнитъ въ обуви подстилку изъ сухой травы, затѣмъ надѣнетъ на голую ногу чулки изъ заячьей или телячьей кожи, шерстью внизъ, на нихъ мелкія туфельки изъ того же мѣха шерстью наружу, и поверхъ натянетъ *сапоги*: сàры или торбасы. Наколѣнники штановъ засовываются всегда въ голяшки, а на нихъ натягиваютъ дорожные мѣховые наколѣнники, сотуры, шерстью наружу [3]). Послѣдніе стягиваются крѣпко подъ колѣномъ, а вверху подвязываются къ мѣднымъ кольцамъ штановъ. Они достигаютъ паха и свободно охватываютъ бедро. Они не допускаютъ ни снѣга, ни дождя, ни вѣтра до нижняго платья, о которомъ якутъ старается, чтобы оно было возможно сухое. Пріѣхавши на мѣсто, якутъ прежде всего снимаетъ сотуры.

---

[1]) По-тунгусски подошва ула. (Кастренъ).

[2]) На сѣверѣ обувь нерѣдко подшиваютъ кожей тюленя.

[3]) Особенно охотно якуты дѣлаютъ дорожныя сотуры изъ волчьихъ лапъ. Хуже считаются наколѣнники изъ лапъ песцовыхъ, оленьихъ и кобыльихъ.

Чтобы закончить описаніе якутскаго одѣянія осталось сказать о рукавицахъ, ошейникѣ и якутской постели. Якутскія рукавицы, ютюлюкъ, всегда *съ однимъ пальцемъ;* перчатки съ пятью пальцами зовутся «русскими». Якутскія рукавицы отличаются отъ тунгусскихъ отсутствіемъ разрѣза у кисти. Онѣ въ замѣнъ снабжены ремешками, на которыхъ виситъ рукавица, когда рука изъ нея вынута и занята работой. Онѣ просторнѣе, тяжелѣе и грубѣе прекрасныхъ, ловкихъ и изящныхъ тунгусскихъ рукавицъ. Привязываніе рукавицъ къ рукавамъ шубы, а также «напульсникъ» считаютъ якуты тунгусскимъ обычаемъ. Отправляясь зимой въ лѣсъ за промысломъ ставить ловушки или луки, что требуетъ мягкой незастывшей руки, они надѣваютъ огромныя по локоть рукавицы изъ медвѣжьяго, оленьяго или другаго крупноволосаго мѣха, шерстью наружу. Ошейникъ, мойтрукъ, дѣлаютъ якуты обыкновенно изъ бѣличьихъ хвостовъ и носятъ обернувъ два, три раза кругомъ шеи, если позволяетъ величина. Въ ошейникъ прячутъ они въ дорогѣ подбородокъ, ротъ, щеки, часть носа. Якуты дышутъ сквозь мѣхъ ошейника и такимъ образомъ въ жестокія стужи немного умѣряютъ холодъ глотаемаго воздуха. Когда дыханіе увлажнитъ ошейникъ настолько, что прикосновеніе къ нему становится непріятнымъ, его поворачиваютъ другой стороной; въ то время влажная часть быстро обсыхаетъ въ морозномъ воздухѣ и при обтряхиваніи совершенно очищается отъ инея [1]).

Охотно также подпоясываются якуты поверхъ кафтановъ поясами. Пояса бываютъ преимущественно кожаные, шириною пальца въ два. У богатыхъ выложены серебромъ или мѣдью. У пояса нерѣдко виситъ слѣва ножъ въ чехлѣ, кынахъ бысахъ, справа огниво, хататъ (рис. 61). Трубку, гамза (рис. 61), и кисетъ носятъ якуты обыкновенно за голенищемъ праваго сапога. Иногда они ножъ привязываютъ къ штанамъ къ правому бедру, къ кольцамъ, ради этого тамъ нарочно пришитымъ.

Кромѣ перечисленныхъ частей платья у якутовъ встрѣчаются еще слѣдующія: жилецйкъ (жилетъ), алтысъ (галстухъ), куфайкы (фуфайка), платъ (платокъ), солку платъ (шелковый платокъ) и т. д., которыя вмѣстѣ съ названіями позаимствованы у русскихъ. Дома, особенно лѣтомъ, или зимою у пылающаго камина, якуты охотно ходятъ и работаютъ голые.

---

[1]) По поводу мѣховаго ошейника Г. Н. Потанинъ сообщилъ мнѣ, что такіе же точно ошейники изъ волчьихъ хвостовъ, носитъ населеніе въ окрестностяхъ Пекина; тамъ-же населеніе употребляетъ набрюшники и наколѣнники обыкновенно стеганные на ватѣ, а у богатыхъ расшитые шелками. Это замѣчательно, потому что этихъ частей костюма незнаютъ ни въ Монголіи, ни у соётовъ, ни у тунгусовъ, теперешнихъ сосѣдей якутовъ.

Якутская постель, какъ дома, такъ и въ дорогѣ состоитъ изъ мѣховой подстилки, тельляхъ, и одѣяла, сорганъ. За подстилку служитъ шкура кобылья, оленья, у богатыхъ—медвѣжья, за одѣяло четыреугольная пластина 2 арш. шириною и $2^1/_2$ арш. длиною, сшитая изъ заячьихъ хребтовъ, лапокъ или головокъ, или изъ песцовыхъ лапокъ и хвостовъ. Бѣдняки накрываются собственными шубами и спятъ на цыновкахъ (сёрё) [1]).

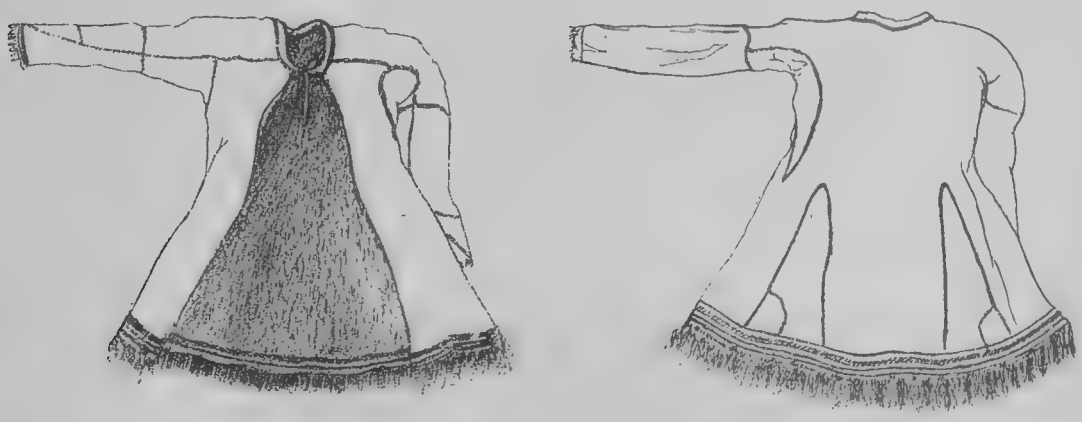
Подушки, сытыкъ, набиваютъ якуты перьями, кроютъ ихъ ситцемъ. Постельнаго бѣлья не употребляютъ. Спятъ обыкновенно вдвоемъ, подъ однимъ одѣяломъ, головами врозь, такъ что ноги одного приходятся на груди другого. Супружескія пары надъ своей кроватью устраиваютъ пологъ. Это равдужная или ситцевая занавѣска, сдвигающаяся на кольцахъ къ одному изъ столбовъ кровати, вдоль натянутой вверху веревки. Кольца эти не рѣдко серебряныя, украшенныя бусами и побрякушками. Такія же украшенія пришиты къ нижнему краю самой занавѣски въ одинъ или два ряда. Къ концамъ подушекъ якуты тоже пришиваютъ иногда побрякушки, такъ что съ полнымъ правомъ въ пѣсняхъ говорятъ они про «звонко-голосныя постели». Вмѣсто постелей употребляютъ они также большіе узорчатые ковры, сшитые изъ кусковъ искусно подобраннаго чернаго и бѣлаго коротко-шерстаго мѣха. Когда якуты стелятъ почетному гостю *почетную постель*, такіе ковры кладутъ внизъ, а на верхъ уже медвѣжью шкуру. Впрочемъ, въ Якутской области крѣпко держится обычай ѣздить съ собственной постелью; запасныхъ постелей даже въ богатыхъ домахъ не водится и оплошавшій путникъ можетъ поставить въ большое затрудненіе хозяевъ дома. Мѣховыхъ спальныхъ мѣшковъ, въ родѣ тунгусскихъ сäктäмъ, плотно зашнуровывающихся кругомъ шеи, у якутовъ я не видѣлъ. Даже постоянно ночующіе въ полѣ, у костра въ снѣговой ямѣ, промышленники и ямщики товарныхъ каравановъ, довольствуются заячьими одѣялами, края которыхъ иногда придавливаютъ во время сна палками.

Портняжествомъ у якутовъ занимаются исключительно женщины. Кроятъ они безъ формъ и вырѣзокъ, по старому платью или на память; затѣмъ часто во время шитья примѣряютъ и подрѣзываютъ. Всѣ русскіе швы имъ извѣстны, но самый любимый это—«черезъ край»; имъ сшиваютъ якуты не только кожи, но и сукно и ткани. Шьютъ якутскія мастерицы плохо, неровно и крупно. Если расположить употребляющіеся якутами способы шитья, въ убывающемъ порядкѣ, то впереди нужно поставить «черезъ край», дальше «подрубку», «тачку», «строчку», «впередъ иголку» и наконецъ въ «заподшивку». Суконные и ситцевые сборы они обыкновенно «притачиваютъ». Вышиваніемъ узоровъ въ настоящее

[1]) Подстилка по тунгусски сірё. (Кастренъ, ibid., стр. 100).

время якутскія женщины мало занимаются. Старинные узоры вышивались или исключительно гладью, шелкомъ, жильными нитками и конскимъ волосомъ.

Закончу обзоръ якутскаго костюма указаніемъ на его двѣ замѣчательныя особенности. Первая: это пристрастіе якутовъ къ отложнымъ воротникамъ. Всѣ верхнія якутскія платья, мужскія и женскія, шьются съ отложными воротниками и размѣры послѣднихъ нерѣдко очень значительны. Матеріалъ на нихъ всегда другой, чѣмъ въ остальномъ платьѣ: въ суконныхъ онъ покрытъ плисомъ, въ мѣховыхъ онъ сдѣланъ изъ мѣха высшаго сорта, въ кобыльихъ и коровьихъ — изъ кусковъ такой же, но черной шкуры. Они даже рубаху, позаимствованную ими у русскихъ, шьютъ съ отложнымъ воротомъ. Косоворотокъ и стоячихъ воротниковъ не любятъ.



Передъ. Спина.

Рис. 59. Изнанка тунгусскаго кафтана (1/16 наст. велич.).

Вторая черта это то, что разрѣзъ платья всегда приходится по срединѣ груди. Объ эти особенности рѣзко отличаютъ всякій костюмъ якута отъ костюма бурята или монгола, у которыхъ низенькій стоячій воротникъ и лацканъ застегивается далеко наискось, у праваго плеча. У якута верхняя пуговица всегда подъ горломъ, по серединѣ груди. Тоже самое, правда, видимъ въ тунгусскомъ кафтанѣ, но покрой послѣдняго совершенно отличенъ отъ покроя якутскаго платья и никакъ въ связь съ нимъ поставленъ быть не можетъ. Тунгусское платье всегда выкроено изъ одной цѣльной оленьей кожи. Въ эту цѣлую кожу, для приданія ей надлежащей формы, вставлены подъ мышками ластовицы, и сзади на ягодицахъ два клина (рис. 59). Рукава его вшиты тоже совершенно иначе [1]). Спе-

[1]) Внимательное изученіе тунгусскаго костюма (онъ же юкагирскій) дастъ, думаю, много интереснаго для эволюціи платья. Его форма привлекала меня всегда своимъ изяще-

реди борта, благодаря узости платья, не сходятся или сходятся съ великимъ трудомъ, что дѣлаетъ необходимымъ передникъ, далысъ. У якутовъ борта всегда заходятъ другъ на друга, причемъ пуговицы всегда пришиты не къ нижнему борту, а къ верхнему, петли же къ нижнему. Изъ сибирскихъ инородцевъ отложные воротники и разрѣзъ по серединѣ груди, повидимому, встрѣчается только у минусинскихъ татаръ [1]), что опять навязываетъ нить между якутами и этимъ краемъ.

Рис. 60. Кожаныя якутскія ыстанъ, сшитыя по русскому образцу (1/16 наст. велич.).

Опишу якутскій порядокъ одѣванія. Первымъ движеніемъ проснувшійся якутъ-мужчина отыскиваетъ кисетъ и трубку, а женщина бѣжитъ, въ чемъ она есть, и разводитъ огонь. Спять якуты, какъ я уже говорилъ выше, голыми, въ короткихъ кожаныхъ штанахъ, сыали. Раньше всего якуты надѣваютъ рубаху. Послѣдняя, ради уничтоженія насѣкомыхъ, часто выбрасывается на дворъ, на крышу или вѣшается на заборъ. Зимою непріятная обязанность сходить за ней лежитъ на женщинахъ. Затѣмъ одѣ-

ствомъ. Болѣе близкое знакомство съ нимъ убѣдило меня, что это изящество не есть результатъ какихъ нибудь сложныхъ портняжныхъ соображеній. На оборотъ: работа тунгусскаго костюма поражаетъ простотой, почти первобытной. Тунгусскій кафтанъ не больше, какъ цѣлая оленья кожа, передніе ноги которой были сняты «чулкомъ» и употреблены вмѣсто рукавовъ. Вставки подъ мышками, на бокахъ и клинья сзади, нужно думать, образовались изъ заплатъ, которыя пришлось вставлять послѣ разрыва, полученнаго при движеніи и ходьбѣ. Возможно, что нѣкогда кожу надѣвали *мокрой* и только, когда она принимала формы тѣла, ее обминали; теперь шьютъ ее изъ мятыхъ кожъ.

[1]) Словесное сообщеніе Д. А. Клеменца.

вающіеся перебираются съ постели къ камину, гдѣ обыкновенно сушатся ногавицы штановъ (beinhösl), чулки и обувь. Надѣвши ногавицы, подвязываютъ ихъ къ сыалямъ и стягиваютъ ремешками у щиколки, затѣмъ натягиваютъ чулки: мѣховые, суконные или кожаные, смотря по времени года и достатку, и надѣваютъ сàры. Домашній туалетъ закончепъ. Затѣмъ моютъ лицо, руки, причесываютъ волосы. Женщины заплетаютъ косу и чешутся на досугѣ. Молодыя женщины и дѣвушки особенно старательно обуваютъ ноги и завязываютъ ремни саръ, такъ какъ это служитъ мѣриломъ вкуса, опрятности и щегольства. Выходя изъ дому, поверхъ рубахи, какъ было сказано, надѣваютъ сопъ, въ дальнюю дорогу поверхъ сона—сипунъ или сангыяхъ, смотря по богатству и торжественности случая. Шапка, рукавицы, наколѣнники, ошейникъ, набрюшникъ, жилетикъ — все это части дорожнаго костюма и они имѣются у всякаго маломальски зажиточнаго якута. Зимою—обязательная часть дорожнаго костюма богатаго якута—снѣговыя, волосяныя очки, лѣтомъ—махалка отъ каморовъ изъ конскаго хвоста тайбуръ [1]).

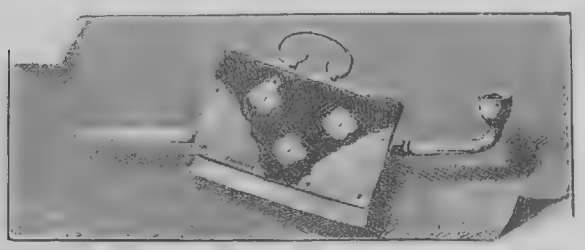


Рис. 61. Гамза и хататъ.

[1]) Смотри рисунокъ 30, на стр. 265, якутъ на быкѣ, въ рукѣ у него тайбуръ, а также ниже главу «о ремеслахъ» рис. 79.

Рис. 62. Эльбэленъ.

VII. Постройки.

сѣ якутскія постройки — наземныя, и тунгусское выраженіе «земляные якуты» (буоръ сахаларъ), встрѣчающееся въ преданіяхъ [1]), нужно понимать cum grano salis, какъ указаніе на дернъ, глину, навозъ, которыми они обкладываютъ снаружи свои дома взамѣнъ тунгусской ровдуги, бересты и мха. Употребленіе пещеръ, подваловъ, землянокъ, какъ жилыхъ помѣщеній, совершенно незнакомо якутамъ и противно ихъ вкусамъ. Съ подвалами и погребами они, надо полагать, познакомились совсѣмъ недавно; въ старинныхъ сказаніяхъ объ этихъ сооруженіяхъ ничего не упоминается и замѣчу кстати, что устройство ихъ совершенно тождественно съ крестьянскими русскими, а названія: булусъ—ледникъ, подполья—подполье, *онгкучахъ*—просто яма—всѣ подозрительнаго полурусскаго происхожденія или имѣютъ болѣе общее, не спеціальное значеніе.

Описанія подземелій, подземныхъ дворцовъ и хоромъ, залъ и галлерей, таинственныхъ сокровищницъ, кладовыхъ и могильныхъ склеповъ, подземныхъ колодцевъ, тюремъ и застѣнковъ, которыя такъ охотно въ сказкахъ воспроизводитъ фантазія нашего простолюдина, не встрѣчаются у якутовъ. Если какъ-нибудь герою разсказа, по ходу событій, необходимо посѣтить или провалиться въ преисподнюю, то онъ находитъ тамъ не рядъ пещеръ, гротовъ, сводчатыхъ палатъ и узкихъ лабиринтовъ, гдѣ хранятся заколдованныя царевны и несмѣтныя сокровища, а просто попадаетъ въ «мѣсто съ половиннымъ солнцемъ на выворотъ, съ половинною кривою луной; въ мѣсто мрачное, какъ рыбья уха, сѣроватое, какъ карасевая уха, съ ящерицами, какъ трехъ-годовалыя коровы, съ лягушками, какъ

[1]) Смотри Худяковъ, ibid., стр. 68.

трехъ-годовалые быки, съ водолюбами, какъ большіе быки» [1]). Только въ преданіи о разбойникѣ Маньчары упоминается, какъ-то вскользь, о томъ, что онъ «жилъ въ глухомъ лѣсу, въ землянкѣ, которой снаружи замѣтить нельзя было и которую только случайно открыли по струѣ дыма, неожиданно показавшейся изъ расщелины въ почвѣ». Да еще въ Колымскомъ округѣ разсказывали мнѣ о какихъ-то чудныхъ волхвахъ, карликахъ, полу-людяхъ, полу-привидѣніяхъ, бородатыхъ и волосатыхъ, живущихъ въ пустотахъ приморскихъ скалъ (1883 г.). Вообще, представленіе о просторныхъ и удобныхъ жилищахъ, выбитыхъ человѣкомъ въ камнѣ или вырытыхъ въ землѣ, у якутовъ отсутствуетъ. Какъ строительный матеріалъ, они знаютъ только дерево, древесную кору, кожу, ткань и навозъ. Въ послѣднее время они научились у русскихъ дѣлать кирпичъ, но пока они употребляютъ его, и то лишъ изрѣдка, на кладку печей.

За самую древнюю форму якутскихъ жилищъ нужно признать урасу. Покрайней мѣрѣ въ сказкахъ и преданіяхъ она за таковую выставляется. Въ сказкѣ Эксекю, описывая колпакъ вѣдьмы, очень мѣтко сравниваютъ его съ урасой «древняго народа» [2]) (Эксекю, Нам. ул., 1891 г.) и это выраженіе: «берестяное жилье древнихъ людей», мнѣ не разъ попадалось въ олонго. «Въ старину якуты жили въ урасахъ и лѣто и зиму», заявилъ мнѣ даже одинъ сказочникъ (Нам. ул., 1891 г.). «Въ старину ставили урасы въ мѣстностяхъ, гдѣ пасли скотъ. Такія мѣста назывались суртъ. Былъ кобылій суртъ; былъ коровій суртъ. Якуты перебирались изъ урасы въ урасу изъ сурта на суртъ. Богачи покрывали урасу берестой, украшенной узорами и рѣзьбою. Въ урасѣ внутри были три обруча [3]): одинъ внизу, другой по серединѣ, третій—вверху. Къ этимъ обручамъ и палкамъ, стоящимъ кругомъ, прикрѣпляли берестяной покровъ. Такая ураса называлась: съ тремя обручами Мог'ол-ураса [4]) (Нам. ул., 1889 г.). Въ кумысовой пѣснѣ, приведенной Миддендорфомъ, воспѣвается такая берестяная ураса, при чемъ о деревянныхъ, крытыхъ землею, юртахъ тамъ не говорится ничего, не смотря на довольно подробное описаніе стариннаго якутскаго хо-

[1]) Худяковъ, стр. 90. Встрѣчаются, впрочемъ, описанія, гдѣ эти подземныя царства изображаются точь въ точь, какъ неземныя, гдѣ живутъ точно такіе же люди — якуты. (Намскій ул., 1891 г.).

[2]) Былыргы джонъ тосъ джете.

[3]) Курду.

[4]) Юсь курдулахъ мог'олъ ураса. Объяснить, что значитъ слово мог'олъ мнѣ никто не могъ. Считаю нужнымъ отмѣтить, что южные тюрки называютъ этимъ словомъ монголовъ вообще, и что ѳ они произносятъ также въ носъ, какъ это дѣлаютъ якуты. (Устное сообщеніе Д. А. Клеменца. Иркутскъ. 1892 г.). Бётлингъ мог'олъ переводитъ—большой со словъ Уваровскаго (стр. 149), мог'олъ ураса—большая ураса, мог'олъ тангара—большой богъ, мог'олъ хотунъ—большая госпожа... Слово это древнее и мало употребляемое.

зяйства [1]). Всѣ лѣтнія жилья нѣкогда строились урасами. Путешественники конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія постоянно говорятъ о нихъ, какъ о чемъ-то бросающемся въ глаза. Еще Маакъ засталъ въ Вилюйскомъ округѣ много урасъ. Я лично видѣлъ ихъ мало. Настоящихъ старинныхъ урасъ просторныхъ, изящныхъ, крытыхъ узорчатою берестою, какими изображаютъ ихъ народныя преданія и описываетъ Маакъ [2]), я встрѣтилъ только двѣ: одну въ Баягантайскомъ улусѣ, III Баягантайскомъ наслегѣ въ урочищѣ Эбэ, надъ Алданомъ, и другую въ Верхоянскомъ округѣ, надъ Яной, въ 100 верстахъ къ сѣверу отъ города Верхоянска, если не ошибаюсь, во II Юсальскомъ наслегѣ, въ мѣстности, названіе которой забылъ. Такая ураса стоитъ дорого. Шесты для нея выбираются отборные, гладкіе, безъ сучковъ и изъяновъ, бересту варятъ въ молокѣ. Надъ украше-

Рис. 63. Развалины земляной урасы въ устьѣ рѣки Яны на протокѣ Мурашъ въ 30 верстахъ отъ Ледовитаго океана.

ніемъ ея трудятся многіе вечера многія женщины. Только богатымъ людямъ она доступна, но богатые предпочитаютъ теперь строить русскіе дома и искусство ставить, и украшать урасы мало-по-малу исчезаетъ. Берестяная ураса—вымирающая форма якутскихъ жилищъ. Ураса снаружи представляетъ бѣлый конусообразный колпакъ отъ 3 до 4 сажепей высоты, отъ 2 до 3 у основанія въ діаметрѣ — широкій [3]). Строится она такимъ образомъ. Двѣ отборныя, обтесанныя и старательно очищенныя отъ сучьевъ лѣсины, надлежащей длины, врубаютъ другъ въ друга тонкими концами «на замокъ», такъ что онѣ образуютъ родъ открытаго угольника, градусовъ приблизительно въ шестьдесятъ. Этотъ угольникъ,

[1]) Миддендорфъ, стр. 801.

[2]) Часть III, 46 стр.

[3]) Маакъ сообщаетъ, что самыя обширныя изъ видѣнныхъ имъ были 4-хъ саж. высоты и 3-хъ саж. въ діаметрѣ при основаніи. (Часть III, стр. 45).

вершиною вверхъ, укрѣпляютъ отвѣсно въ землѣ, надъ мѣстомъ, предназначеннымъ для постройки; подъ нимъ ставятъ точь въ точь такой же угольникъ, но такъ, чтобы діагонали, соединяющія врытыя въ землю концы обоихъ, пересѣкались крестообразно подъ прямымъ угломъ. Упираясь другъ въ друга выступами своихъ вершинъ, эти четыре бревна взаимно поддерживаются. На составившихся такимъ образомъ козлахъ, высоко вблизи ихъ вершины, въ вырубленныя тамъ заранѣе неглубокія гнѣзда, кладутъ въ горизонтальномъ положеніи толстые, короткіе брусья. Брусья эти, соприкасаясь концами, образуютъ родъ четырехугольной рамы, правильное горизонтальное окно, единственное въ зданіи, сквозь которое свѣтъ проникаетъ внутрь, а дымъ уходитъ наружу.

Рис. 64. Наружный видъ якутской земляной урасы. к а л ы м а н ъ.

На брусьяхъ этой рамы опираются концы многочисленныхъ жердей, отстоящихъ другъ отъ друга не меньше, чѣмъ на футъ и составляющихъ остовъ урасы. Обыкновенно жерди длиннѣе вышеописанной основной пары угольниковъ и концы ихъ, выступая надъ урасой образуютъ черную, закоптѣлую, ажурную воронку, надъ которой, когда ураса населена, постоянно колышется дымъ [1]). Покровомъ урасы служитъ березовая кора, наложенная на ея остовъ кольцеобразно полосами, шириною въ $^3/_4$ аршина. Полосы эти сшиты изъ небольшихъ кусковъ, сложенныхъ въ два слоя, такимъ образомъ, что швы, щели, отверстія одного закрываются полотномъ другаго. Онѣ даже въ самые сильные ливни не протекаютъ. Края верхнихъ колецъ заходятъ на края нижнихъ, подобно черепицѣ. Краямъ придаютъ нерѣдко видъ зубцовъ, полукруговъ, волнистыхъ и ломанныхъ линій.

[1]) Маакъ сообщаетъ, что главныхъ жердей только три. Есть и такія; верхъ ихъ обыкновенно связанъ тальникомъ; но это не капитальныя постройки. Шесты, изъ которыхъ состоитъ остовъ у р а с ы, называются ураѣасъ, а дымовое вверху отверстіе ура. Подобные урасы строятъ въ настоящее время енисейскіе остяки; берестяныя ихъ крыши называются тиска. (А. Ельневъ. «Естественно-географическій очеркъ р. Енисея», стр. 89).

Ажурные эти узоры, плотно прилегая въ два слоя къ поверхности нижнихъ цѣлыхъ поясовъ, производятъ впечатлѣніе тонкой, нѣжной, выпуклой рѣзьбы. Между рѣзными каймами, по остальному широкому гладкому серебристому фону покрова идетъ вокругъ рядъ параллельныхъ круговъ, коричневыхъ рисунковъ: кружковъ, зигзаговъ, крестиковъ, кубиковъ. Они получены при помощи неглубокихъ желобовидныхъ порѣзовъ на бѣлой кожицѣ бересты, вплоть до коричневыхъ ея слоевъ [1]). Внѣшность урасъ положительно выдѣляется среди обыкновенныхъ низкихъ, сѣрыхъ, землей заваленныхъ, якутскихъ строеній. Онѣ щеголеваты, своеобразны и на фонѣ зеленаго лѣса производятъ безусловно художественное впечатлѣніе. Внутренность урасы тоже почти всегда чище и привлекательнѣе внутренности юртъ. Посерединѣ, подъ дымовымъ отверстіемъ, помѣщается четырехугольный, низкій, вершковъ 6—8 деревянный шестокъ, $1^1/_2$ арш. въ квадратѣ, наполненный пескомъ и золой или набитый глиною. Якуты зовутъ его по-русски сестокъ. Надъ шесткомъ, на извѣстной высотѣ, на поперечныхъ перекладинахъ, по-якутски ачаакъ, подвѣшены деревянные крючья, кёлё для поддерживанія котловъ и чайниковъ во время варки пищи. Тутъ же, на этихъ перекладинахъ, жители коптятъ и вялятъ распластанную и очищенную отъ костей рыбу—юкалу. Кругомъ вдоль стѣнъ идутъ нары, въ такомъ же приблизительно порядкѣ, какъ и въ юртѣ. Въ большихъ урасахъ кровати, подобно тому какъ въ юртѣ, отдѣлены невысокими врытыми въ землю столбами. На подобныхъ столбахъ въ юртѣ покоится рама крыши; здѣсь же укрѣплено внутреннее, среднее кольцо-обручь, орто курду, моголъ урасы. Это создаетъ какъ бы нѣкоторую генетическую связь между урасой и юртой. Связь эту отмѣтили нѣкоторые путешественники, но она сомнительна. На сѣверѣ, гдѣ доброкачественную бересту добывать чрезвычайно трудно, урасы обкладываютъ дерномъ. Такія урасы неопрятны, темны, вонючи. Песокъ, соръ и всякія букашки постоянно падаютъ на голову, даже въ пищу. У богачей, въ красномъ углу, во избѣжаніе подобнаго неудобства, подстилаютъ подъ дернъ—бересту или развѣшиваютъ ровдугу (выдѣланную олепью кожу). Такія крытыя землею урасы зовутъ въ Колымскомъ округѣ калыманъ [2]). Онѣ, повидимому, давно были якутамъ извѣстны. Уже въ 12 пѣснѣ древней блины Юрюнгъ Уоланъ упоминается о *земляной урасѣ жителя рыбака*».

[1]) Въ старину такой берестяной покровъ снимался съ урасы при перекочевкѣ: «При перемѣнѣ жилищъ не трогаютъ они съ мѣста своихъ юртъ, но снимаютъ только съ нихъ крыши и берутъ оныя съ собою», сообщаетъ по этому поводу Георги, стр. 176.

[2]) По тунгусски гулема.

[3]) Худяковъ, Верхоян. сбор., стр. 199.

Рис. 65. Продольный разрѣзъ якутскаго калымана.

Въ калыманѣ жерди остова стоятъ тоже вертикально, но иначе, чѣмъ въ урасѣ. Онѣ разной величины, плотно прилегаютъ другъ къ другу и пригнаны по угламъ извѣстнымъ образомъ, точь въ точь какъ въ юртѣ. Обоимъ строеніямъ ближе всего сродни, приходится, несомнѣнно, охотничій якутскій шалашъ—итянь. Это тотъ же калыманъ, только безъ дерновой покрышки.

Время появленія урасы у якутовъ довольно темное. Судя по берестяному покрову и остроконечной, требующей длинныхъ жердей, формѣ—она наврядъ ли была имъ извѣстна въ южной степной ихъ родинѣ. Карагасы и урянхайцы, ихъ родичи, также кроютъ свои конусовидныя жилища берестой. Первые исключительно оленеводы, вторые—горцы. По собственнымъ преданіямъ якутовъ они познакомились съ урасой только въ Якутской области. Строить ее научилъ ихъ лѣсной бродяга промышленникъ Эллей, явившійся къ скотоводу Онохою, въ его стойбища въ окрестностяхъ Якутска.

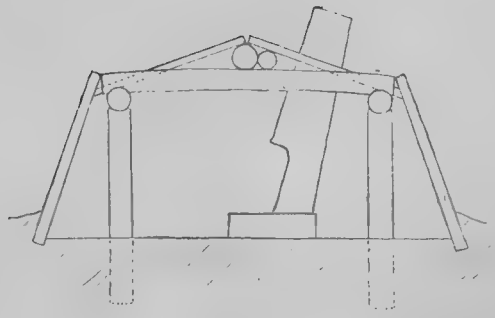


Рис. 66. Остовъ юрты.

На мой вопросъ: въ чемъ до того жили люди Онохоя, разсказчикъ послѣ нѣкотораго раздумья отвѣтилъ незнаніемъ. Впрочемъ, онъ упорно отрицалъ, чтобы дома Онохоя походили на другой типъ якутскихъ строеній—на теперешнюю якутскую юрту.

Юртой называютъ ее русскіе; якуты охотнѣе зовутъ ее балаганъ, хотя послѣднее слово тоже не якутское, а персидское, и занесенное сюда русскими [1]).

Остовъ юрты составляютъ четыре столба, багана, толщиною въ 6 дюймовъ и отъ 4 до 4½ футовъ высоты, надъ землей. Они врыты относительно мелко, не глубже аршина съ четвертью или полутора аршина. Кстати отмѣчу, что якуты никогда не ставятъ столбовъ комлёмъ вверхъ, считая это за грѣхъ. (Верхоян. ул., 1882 г.). Ставятъ ихъ другъ противъ друга въ углахъ одного и того же квадрата на разстояніи 2½ или 3½ саж. Въ вершинахъ столбовъ сдѣланы мелкія, полукруглыя гнѣзда. На столбахъ, въ эти гнѣда кладутся балки: соотвѣтствующей длины и 6″ въ діаметрѣ толщиною: кладутъ сначала двѣ параллельно, а на нихъ на верхъ еще двѣ, такъ что образуется надъ столбами квадратная рама. Въ старозавѣтныхъ якутскихъ юртахъ, двери которыхъ должны быть непремѣнно обращены на востокъ, стороны этого квадрата соотвѣтствуютъ сторонамъ свѣта. Раньше кладутся балки, лицевая восточная и задняя западная; а на концы ихъ уже балки южная и сѣверная [2]). Затѣмъ посерединѣ рамы, съ юга на сѣверъ, кладется толстая дюймовъ въ 8″—10″ матица, сись масъ, или, въ случаѣ неимѣнія таковой, двѣ потоньше. Иногда кладутъ ихъ одна около другой, иногда врозь на растояніи 1½ или 2 аршинъ. Затѣмъ изъ тонкихъ 3—4″ кругляковъ кладутъ крышу. Бревна прилегаютъ другъ къ другу вплоть и при болѣе старательной постройкѣ дома притесываются. Одинъ конецъ бревна лежитъ на матицѣ, другой—на восточной или на западной балкѣ рамы. Такимъ образомъ получается пологая двускатная, ординарная крыша. Чтобы скатъ ея увеличить, нерѣдко подъ матицу кладутъ подставки: деревянныя брусья въ нѣсколько дюймовъ толщиною, по якутски, сытыкъ—подушка. Ради выпуклости крыши стараются тоже, чтобы основныя балки, на которыхъ

[1]) Бётлингъ, стр. 131.
[2]) Себерхене.

лежатъ концы матицы, имѣли нѣкоторую естественную кривизну, и поворачивають ихъ кривизной къ верху. Края жердей, образующихъ крышу, выступаютъ наружу съ западной и восточной стороны; они подогнаны подъ липію.

Бревна стѣнъ ставятся торцомъ вплоть другъ около друга, наклонно. Строеніе, такимъ образомъ, представляетъ усѣченную пирамиду съ уклономъ боковъ приблизительно въ 70°. Разъ матеріалъ заготовленъ, такой пирамидальный домъ строится чрезвычайно быстро. Его можно выстроить въ 3—4 дня. Затѣмъ дѣлаютъ окна, тюннюкъ, и двери, анъ, мѣста для которыхъ оставляются въ стѣнахъ незаложенными. Оконъ бываетъ обыкновенно три: два въ южной и одно въ западной стѣнѣ. Въ соотвѣтствующія бревна ея врубаютъ поперечныя колоды; у дверей дѣлаютъ косякъ и порогъ, очень высокій, нерѣдко на 8″, даже поларшина. Окна рѣдко встрѣчаются больше 1 квад. фута; дверное отверстіе имѣетъ обыкновенно отъ 3 до $3^1/_2$ фут. высоты и отъ 2 до $2^1/_2$ фут. ширины. Запирается оно сбитыми изъ толстыхъ досокъ и обшитыми коровьей кожей, дверьми.

Такъ какъ двери слегка наклонны и, падая, сильно хлопаютъ, то во избѣжаніе сотрясеній, особенно опасныхъ лѣтомъ для обмазки юрты, въ лѣтнихъ домахъ подвѣшиваютъ обыкновенно легкія двери, состоящія изъ одной кожи, натянутой на толстую тальниковую раму. Въ окна лѣтомъ вставляютъ рамы съ рыбьимъ пузыремъ, слюдой, бумагой, волосяной сѣткой, кусочками стекла, соединенными берестяной оправой, подобно тому, какъ нѣкода соединяли ихъ въ Европѣ свинцомъ и оловомъ. Зимою прикрываютъ окна всюду толстыми льдинами. Домъ снаружи обмазываютъ сначала чистой глиной, затѣмъ глиной пополамъ съ коровьимъ навозомъ. Крышу кроютъ корьемъ у болѣе богатыхъ, и затѣмъ набрасываютъ землю, а у бѣдныхъ—землю набрасываютъ прямо. Кругомъ дома снаружи дѣлаютъ, ради тепла, земляную насыпь, доходящую вплоть до оконъ—значитъ фута въ $2^1/_2$ высотой и 1 или $1^1/_2$ фута шириною. У богатыхъ такой земляной валъ нерѣдко сдерживается отъ оползыванія деревяннымъ заборомъ. Внутри юрты, кругомъ стѣнъ, подобно тому какъ въ урасѣ, идутъ неподвижныя нары, по-якутски оронъ. Нары помѣщаются подъ откосомъ стѣны—между нею и поддерживающими крышу столбами.

Расположеніе и назначеніе этихъ паръ имѣетъ нѣкоторый бытовой интересъ. Порядокъ ихъ такой:

а) Налѣво отъ входа, ближайшая отъ дверей «*правая задняя нара*» называется также *придверной*, унга атакъ оронъ, ана суолъ оронъ. На ней обыкновенно, садятся гости и посѣтители изъ неважныхъ, снять

рабочіе мужскаго пола, и во время свадьбы, въ самомъ дальнемъ углу ея сидитъ женихъ, задомъ къ пирующимъ (Колым. окр.).

b) Далѣе подъ той же стѣной помѣщается *правая средняя* нара, называемая также *подоконной*, ортоку унга оронъ, тюннюктяхъ оронъ. Ея назначеніе такое же, какъ и первой; въ небольшихъ юртахъ ея нѣтъ. Если зять посѣщаетъ у ея родителей жену, съ которою уже повѣнчанъ, но за которую еще не успѣлъ выплатить калыма, то молодыхъ укладываютъ спать на этой кровати (Колым. окр., 1883 г.).

c) Подъ тою же стѣной находится билирикъ, глухая, удобная и теплая кровать, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ юрты, куда сажаютъ самыхъ почетныхъ посѣтителей, гдѣ спитъ приглашенный для камланія шаманъ, и гдѣ, во время свадебъ, сидятъ родные, кумовья и сваты, пріѣхавшіе съ брачнымъ поѣздомъ.

d) Съ билирикомъ непосредственно граничитъ, но находится уже подъ противоположной выходу стѣной и считается менѣе почетнымъ мѣстомъ, чѣмъ первая, *правая передняя* нара (бастынгъ унга оронъ). Она не такъ удобна, надъ ней прорублено окно и на нее прямо дуетъ холодный воздухъ изъ открываемыхъ дверей. На ней, во время свадьбы, сидятъ хозяева дома и ближайшіе ихъ родственники, сажаютъ также и болѣе знакомыхъ, изъ высоко-чтимыхъ посѣтителей въ случаѣ, если билирикъ занятъ. Билирикъ и *правая передняя* нара составляютъ красный уголъ дома. Здѣсь стоитъ всегда столъ и надъ нимъ въ верху подъ потолкомъ на рѣзной полочкѣ, холлорукъ, расположены святые образа. Передъ ними обязательно приклеенъ рядъ восковыхъ свѣчей или виситъ лампада, разукрашенная лентами, стеклярусомъ и разными блестящими подвѣсками. Сюда собираются по праздникамъ молиться всѣ домашніе, съ хозяевами во главѣ, и, ставши чинно въ рядъ, по старшинству и почету, кланяются, крестятся, жгутъ свѣчи и ладонъ. Однимъ словомъ, временно этотъ небольшой уголокъ, даже въ самой темной и убогой юртѣ, свѣтлѣетъ и превращается въ маленькую молельню.

e) Противъ камина помѣщается всегда хозяйская семейная кровать, кетегеринъ; надъ ней, какъ и надъ билирикомъ, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, не прорубаютъ окна.

f) За кетегериномъ, если юрта большая, помѣщается югяхъ, онъ же называется иногда *лѣвымъ* билирикомъ, хангасъ билирикъ, нара для *женской молодежи*, на ней сидятъ, спятъ и работаютъ обыкновенно взрослыя дѣвушки, дочери и родственницы хозяевъ.

g) Далѣе идетъ *лѣвая* нара, хангасъ оронъ, на которой спятъ женщины работницы и подростки обоего пола. На этой же лавкѣ

Рис. 67. Внутренность якутской юрты.

сидитъ, скрытая за запавѣской, невѣста во время трехдневнаго свадебнаго пиршества.

h) *Лавка для посуды*—ихитъ оронъ, собственно: «кухонный столъ». Вверху надъ обѣими послѣдними парами, дѣлаютъ, обыкновенно, полку долбуръ. Распредѣленіе кроватей въ урасѣ, и названія ихъ, какъ я говорилъ выше, точно такое.

Начиная съ кетегерина, всѣ дальше перечисленныя мною пары считаются принадлежащими къ женской половинѣ дома Если стать передъ каминомъ, лицемъ къ выходу, то по правую руку будетъ правая, мужская половина дома, а по лѣвую—женская, лѣвая. Какъ разъ на линіи, раздѣляющей эти двѣ половины, стоитъ комелекъ. Комелекъ представляетъ трубу, слегка наклоненную назадъ. Его остовъ сдѣланъ изъ длинныхъ, не особенно толстыхъ жердей, связанныхъ талынкомъ или заключенныхъ вверху, надъ крышей, и внизу, надъ челомъ камина въ деревянныя крѣпкія рамы. Внутри комелекъ весь вымазанъ толстымъ слоемъ глины. Труба помѣщается на низкомъ, вершковъ 6, не болѣе, плоскомъ довольно обширномъ фундаментѣ, имѣющемъ аршина 2—$2^1/_2$ въ квадратѣ. Раковина комелька довольно плоская и относительно узкая, но высокая. Начало дымовой трубы часто приходится въ уровень съ человѣческимъ лицемъ. Шестокъ комелька сдѣланъ изъ толстыхъ бревенъ и плотно набитъ глиной.

Якуты обращаютъ большое вниманіе на форму и наружность своихъ комельковъ. Они любятъ, чтобы тѣ содержались въ опрятности, чтобы обмазка на нихъ была цѣла и гладка, чтобы на шесткѣ не было большихъ кучъ золы и угля, чтобы, наконецъ, самые размѣры камина отвѣчали извѣстнымъ требованіямъ ихъ вкуса. Удачно построенные камины домашніе особенно любятъ и берегутъ. Замѣчу кстати, что парни, высматривающіе невѣстъ, по состоянію домашняго камина судятъ хорошія ли въ данномъ домѣ живутъ хозяйки и стоитъ ли оттуда брать себѣ подругъ. (Калымскій улусъ, 1885 г.).

Чтобы покончить съ описаніемъ юрты упомяну о тѣхъ измѣненіяхъ въ ея строеніи, которыя повидимому произошли въ позднѣйшее время. Именно: полъ, обыкновенно глиняный, въ богатыхъ юртахъ вымащиваютъ досками, въ нихъ же не рѣдко надъ кетегериномъ ставятъ глухую клѣть, образующую особую крохотную темную комнатку. Она служитъ спальней хозяевамъ. Даже въ бѣдныхъ юртахъ не рѣдко встрѣтишь досчатую перегородку, идущую до половины юрты, отъ задней стѣнки перпендикулярно комельку и дѣлящую ее на двѣ половины: мужскую—правую и женскую—лѣвую.

Въ большихъ юртахъ количество столбовъ доходитъ до восьми: четырехъ главныхъ по угламъ и четырехъ вспомогательныхъ: по одному по серединѣ каждой стѣны. Въ очень просторныхъ юртахъ ихъ бываетъ даже двѣнадцать. По серединѣ юрты тоже иногда одинъ столбъ подпираетъ матицу. У богатыхъ якутовъ, стѣны нерѣдко дѣлаютъ не изъ круглыхъ бревенъ, а изъ широкихъ гладко тесанныхъ плахъ. Въ углахъ вмѣсто столбовъ ставятъ *срубомъ* тщательно отдѣланыя угольники. Такіе углы почему-то якуты называютъ «нѣмецкими».

Каждый столбъ вверху снабженъ вѣшалкой, нерѣдко вырѣзанною въ видѣ коня или лебедя. Въ старину на подобныхъ колышкахъ, вбитыхъ въ балки или на самыя балки, надъ постелями мужчинъ, клали оружье: копье, лукъ и стрѣлы, сабли...

Хотонъ [1]) или коровій якутскій хлѣвъ строится совершенно также, какъ якутская юрта. Только матеріалъ на него берется похуже, лѣсъ тоньше и потолокъ въ немъ положе и ниже, окошекъ устраиваютъ меньше, двери крохотныя, а вмѣсто наръ кругомъ стѣнъ—ясли. Нерѣдко хотонъ составляетъ самую существенную часть юрты, и жилой уголокъ занимаетъ въ ней лишь незначительную часть. Иногда они раздѣлены тонкой бревенчатой перегородкой. Чаще всего, однако, они представляютъ два отдѣльныя строенія съ одной общей капитальной стѣной. Въ этой стѣнѣ

[1]) По урянхайски хотонъ—зимній нескрытый загонъ для скота.

за каминомъ существуютъ обыкновенно двери, соединяющія объ половины. Отдѣльно отъ жилыхъ юртъ строятъ хотоны только въ Колымскомъ улусѣ, да кой-гдѣ въ Якутскомъ округѣ, но и тамъ телятъ всегда держатъ въ людскихъ помѣщеніяхъ. Я думаю, что происхожденіе якутской юрты тѣсно связано съ увеличеніемъ стадъ рогатаго скота, что она ничто иное, какъ разширенный и преобразованный скотскій хлѣвъ. Уже въ преданіи о Эллеѣ говорится, что онъ, выстроивши жилой домъ—урасу буолбутъ [1]), поставилъ около нея *небольшой хлѣвъ* для единственной своей коровы. Какой формы былъ этотъ хлѣвъ, тамъ не сказано. Возможно, что это былъ простой дву-скатный шалашъ, на подобіе старинной якутской гробницы, найденной Маакомъ надъ озеромъ Бёрё. Точь въ точь такой же шалашъ я видѣлъ въ 1880 г. въ верховьяхъ Яны далеко отъ людей, въ глубинѣ болотистыхъ пустынь. Въ немъ укрывалась семья копателей сорданы, сордаччи, съ коровой и теленкомъ, приведенными издали ради пищи. Шалашъ, повидимому, построенъ былъ исключительно ради коровы, она заполняла его цѣликомъ и чтобы пробраться къ людямъ, спящимъ у ея морды, нужно было, нагнувшись, пропалзывать между ея ногъ. У якутовъ извѣстно еще менѣе сложное сооруженіе для временной защиты отъ дождя и вѣтра: это эльбэленъ якутовъ Вилюйскаго округа и халтама въ Якутскомъ округѣ [2]). Я видѣлъ его мѣстами и въ Верхоянскомъ округѣ. Онъ представляетъ какъ-бы стѣну юрты (рис. 62). Столбами перѣдко служатъ пни деревьевъ. Появилось ли это сооруженіе у якутовъ, какъ послѣдствіе ихъ знакомства съ юртой или само дало матеріалъ для устройства послѣдней, судить трудно. Отмѣчу только, что я много разъ встрѣчалъ на сѣверѣ юрты, гдѣ за основные столбы служили пни деревьевъ. Въ обрубленныя ихъ росохи были положены балки крыши, точно такъ, какъ жердь халтама. Предположеніе, что употреблять для построекъ бревна въ отвѣсномъ положеніи заставило якутовъ плохое качество сѣвернаго лѣса, что форма юрты есть результатъ естественныхъ свойствъ ея матеріала, мало убѣдительно. Почему въ такомъ случаѣ долгане и якуты, живущіе на границѣ лѣса по Хатангѣ, Боганидѣ, Анабарѣ, предпочитаютъ для постоянныхъ жилищъ, употреблять горизонтальную кладку бревенъ въ русскомъ стилѣ? Имъ знакомы и урасы, крытыя то землей, то ровдугой, и ничѣмъ не крытыя охотничьи итяни, а между тѣмъ, вопреки недостатку хорошаго матеріала, строятъ свои жилища по образцу славянскихъ избъ, подражая имъ вплоть до формы, битыхъ изъ глины, лежачихъ печей. Вѣроятнѣе предположить, что устройство болѣе обширныхъ, постоянныхъ домовъ

[1]) Дже, значитъ вообще, домъ, строеніе, жилище преимущественно человѣка.
[2]) Маакъ. Ч. III, стр. 46.

было якутамъ до прихода въ Якутскую область неизвѣстно или находилось у нихъ въ зачаточномъ состояніи. Когда явилась въ нихъ настоятельная потребность, они усвоили: на западѣ идею русскаго сруба, на востокѣ же, на амгинско-ленскомъ плоскогорьи, гдѣ потребность эта явилась, по всей вѣроятности, немного раньше появленія русскихъ, они приняли отъ неизвѣстныхъ сосѣдей, аборигеновъ, идею торцовой постройки. Любопытны свѣдѣнія, которыя по этому вопросу находимъ у Андреева, сержанта гвардіи, посѣтившаго въ 1763 году пустынные и совершенно безлѣсные Медвѣжьи острова. Онъ говоритъ о найденной имъ цѣлой крѣпости торцоваго типа, построенной на берегу моря «съ превеликимъ трудомъ только не русскими людьми, а другими, по какими, о томъ знать не можно... оныя проухи и рублены и доски тесаны топоромъ не желѣзнымъ, а каменнымъ или какимъ костянымъ, подобно какъ зубами грызено» [1]).

Такія же строенія «рубленныя каменными топорами», экспедиція Врангеля встрѣчала и на континентѣ, именно на берегахъ Мал. и Больш. Анюевъ [2]). Путешественники высказываютъ мнѣніе, что онѣ принадлежатъ древнимъ юкагирамъ или исчезнувшимъ омокамъ, что весьма вѣроятно. Многія части якутской юрты еще болѣе новаго, почти современнаго происхожденія. Нары, ороны, устроенныя на подобіе ящика съ крышкой, для прятанія вещей и постели, зовутся «русскими или нѣмецкими» нарами, нучча или немесъ оронъ. Полъ зовутъ — муостá, отъ русскаго *по-*

[1]) Вотъ слова его: «Съ сѣверной стороны острова имѣется у берега называемый отпрядышъ, разстояніемъ отъ берега 11 саженей печатныхъ, и на прибыли промежутками бываетъ вода, а нынѣ сухо, одна мелкая дресва, а оный камень отпрядышъ весьма мягокъ, дресвянъ, вышиною отъ земли въ 5 саженей печатныхъ; на немъ же имѣется самый тѣсный залавокъ (уступъ), вышины отъ земли три сажени печатныхъ, на которомъ сдѣлана крѣпость, на подставныхъ десяти лѣсинахъ матерыхъ (крупныхъ) лиственныхъ; а становлены лѣсины вверхъ корнями, къ землѣ же вершинами; такъ прилѣплено, какъ птица на деревѣ гнѣздо вьетъ, а сдѣлано подобно, какъ быть надобно лабазу. Первый полъ настланъ изъ паноснаго лиственичнаго матераго жъ лѣсу; поверхъ пола настланъ песокъ съ мѣлкою дресвою, толщиною на четверть, а по тому полу обставлено вокругъ, на подобіе юрты, дощечками и пластинами шестичетвертными, столь высоко, человѣку въ поясъ; вокругъ юрты осыпано тою же дресвою съ дерномъ, а на верхъ накиданъ мелкій, наносный, лиственичный, еловый и осиновый лѣсъ, на немъ была насыпана жъ дресва съ пескомъ, токмо обвалилась. Для связей рублены проухи и связаны уши ремнями; оныя проухи рублены и доски тесаны топоромъ не желѣзнымъ, а каменнымъ или какимъ костянымъ, подобно какъ зубами грызено. Поперегъ ея четыре сажени, въ длину $4^1/_2$ сажени, а когда она цѣла была, вдоль и поперегъ по 6 сажень; внизъ къ берегу изъ юрты спускъ на землю; другой спускъ въ камень на сѣверную сторону, токмо много-же развалилось. А признавается дѣлана оная крѣпость съ превеликимъ трудомъ по высотѣ и по тѣснотѣ того залавка, токмо строена не русскими людьми а другими, по какими о томъ знать не можно». (Андреевъ. Экспедиція на Медвѣжьи острова. 1763—1764 г. Записки Гидрографическаго Департ. Морск. Минист. 1852 г. Ч. X. стр. 104—118.

[2]) Ibid. T. II, стр. 100 и 235.

Рис. 68. Якутскіе лѣтники и амбары, построенные по русскимъ образцамъ (окрестности г. Якутска).

мостъ; потолокъ — юрдя, верхъ; матица называется спиною—сісь масъ; заборъ кругомъ завалинки—собраніе. Есть у нихъ еще и цѣлыя строенія, какъ кладовыя, амбары которые называются по-русски и строятся по-русски. Наконецъ, якутскій комелекъ происхожденія также, несомнѣнно, русскаго, вѣрнѣе смѣшаннаго польско-русско-инородческаго, подобно тому, какъ сибирскій сабанъ и другіе инструменты. Его якутское названіе осокъ несомнѣнно испорченое русское «очагъ», для названія его фундамента удержано русское сестокъ (шестокъ); трубу якуты называютъ турба, юäльöсь [1]) или ура, что значитъ вообще выходъ для дыма [2]). Трубы комельковъ приготовлялись нѣкогда точь въ точь, какъ у полѣсскихъ мужиковъ изъ дуплистаго толстаго пня, вымазаннаго внутри глиной. Нужно думать, что нѣкогда якутской очагъ представлялъ собою подобіе тунгусскаго вѣнка [3]) изъ плоскихъ камней, положенныхъ среди жилища прямо подъ дымовымъ отверстіемъ и только.

Рис. 69. Старинная казацкая башня въ Якутскѣ.

[1]) Бöтлингъ, стр. 48.

[2]) Бöтлингъ, стр. 43.

[3]) Такіе каменные круги до сихъ поръ употребляются тунгусами въ ихъ передвижныхъ ровдужныхъ палаткахъ.

«Въ старину жилища наши были маленькія и очаги безъ трубъ», разсказывала мнѣ якутка Колымскаго улуса. (*Енгжа*, 1883 г.). Сознаніе о измѣненіяхъ, которое претерпѣвало ихъ жилище, сохранилось среди якутовъ и въ другихъ мѣстностяхъ:

«Въ старину, но въ еще большую старину, дома были до того большіе, что всадники, въѣзжавшіе ради шутки въ домъ на конѣ, не могли достать крыши размахомъ трехъ-конечной плети. Затѣмъ якуты жили въ домахъ совсѣмъ маленькихъ и темныхъ. Высокихъ и свѣтлыхъ домовъ не любили, говоря: глаза болятъ отъ высоты и постояннаго свѣта. Теперь дома опять увеличиваются». (Нам. ул., 1891 г.).

Вліяніе русскихъ на постройки якутовъ высказывается прежде всего въ подъемѣ крыши и большей отвѣсности стѣнъ. Приближаясь изъ глухихъ мѣстъ къ какому нибудь изъ русскихъ центровъ, я всегда замѣчалъ въ постройкахъ постепенное наростаніе ихъ высоты, большую покатость ихъ крыши и увеличивающіеся размѣры ихъ оконъ. Подъ матицами обязательно появлялись подушки, а меньшій наклонъ стѣнъ, лишалъ юрту темныхъ угловъ, дѣлалъ ее свѣтлѣе и уютнѣе.

Лѣтомъ снаружи юрта далеко не казиста, вѣчно потрескавшаяся и оползшая, размытая дождями, глиняная ея обмазка придаетъ ей видъ какой-то развалины. Зимою, когда все гладко замазано толстымъ слоемъ замерзлаго коровьяго кала и покрыто слоемъ мокраго снѣга, она значительно выигрываетъ.

Дворъ, на которомъ стоитъ юрта, амбаръ и другія хозяйственныя постройки, всегда почти гладкій и просторный. Юрта помѣщается не въ центрѣ его, а въ одномъ изъ концовъ. Въ центрѣ, передъ дверьми жилого дома, стоятъ обыкновенно столбы коновязки, *сäргä*, нерѣдко украшенные на вершинѣ деревянными шарами и выемками. Снѣгъ передъ домомъ и кругомъ столбовъ всегда подметенъ. Дворъ окружаетъ трехъ-жердевая изгородь, въ 2 арш. высотою, съ широкими воротами, засовывающимися тоже 3 или 4 жердями. Скотный дворъ и помѣщеніе для сѣна окружены такими же изгородями и устроены отдѣльно. Тамъ же помѣщается, если это лѣтникъ, просторный навѣсъ, подъ которымъ прячется въ жару рогатый скотъ отъ оводовъ и гдѣ его доятъ, а также высокій плетеный загонъ, *хаса*, безъ крыши, для жеребятъ. О такихъ обстоятельныхъ дворахъ поютъ въ пѣсняхъ:

«Съ стройными изгородями
съ просторнымъ надворьемъ
съ голосистыми сѣновалами
съ укромными загонами».

Кокюримэ кюреляхъ
даларымэ даллахъ
кыкырымэ кыбылахъ
хасарымэ хасалахъ.

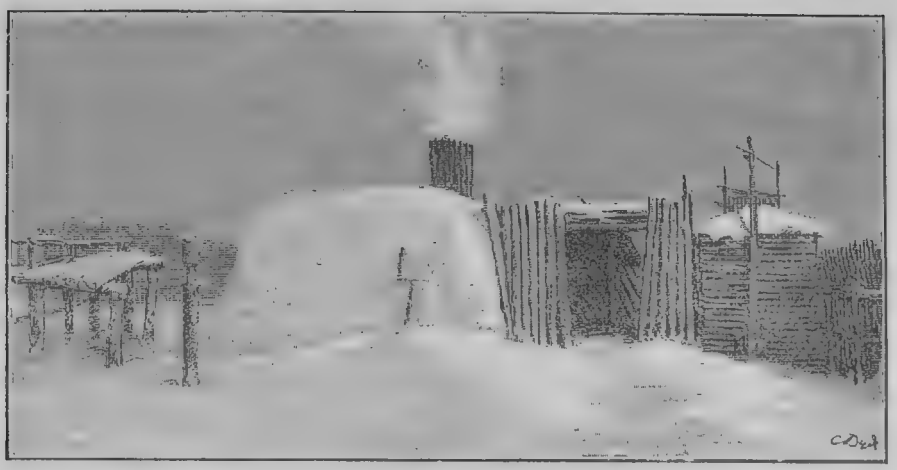


Рис. 70. Наружный видъ юрты зимою.

Идеальная же якутская юрта воспѣвается въ такихъ выраженіяхъ: «Смотритъ Бѣлый юноша: кто-то первый вырубилъ самый лучшій лѣсъ изъ богатаго темнаго бора; воткнулъ красивые толстые столбы; отыскавши изъ сырого темнаго бора лучшее дерево, величественно положилъ матицу. Надъ этимъ шумно настлалъ трехъ-составной потолокъ. Изъ многаго лѣса часто наставилъ стѣны. А, «чтобы мое десяти-лучистое полное солнце, поворачиваясь на югъ, закинуло бы свои лучи въ домъ» — въ девяти мѣстахъ повырѣзалъ насквозь окна. Думая о томъ, чтобы «перемѣнные вѣтра, приходящіе съ юга и сѣвера, не проняли насквозь» — снаружи плотно намазалъ черной глиной, толщиной въ 6-ть аршинъ, а сверхъ того обсыпалъ сыпучимъ пескомъ на три аршина. Когда онъ вошелъ въ домъ и посмотрѣлъ: почтенный полъ его былъ такъ гладокъ, какъ поверхность полой воды на каменной рѣчкѣ; надъ этимъ кто-то сдѣлалъ наискось блестящую нару, подобно видной кобылѣ, лежащей наискосокъ, другую переднюю кровать съ пятью рядами узоровъ. А на лѣвую сторону сдѣлалъ кровать небрежно изъ мелкаго лѣса со всякой корой, худо склалъ жердинки, перемѣшавши взадъ и впередъ: «чтобы была она работницкой кроватью». Сверхъ того, были перегородки передъ (между) кроватями, какъ бѣлые жеребята богатаго человѣка, привязанные первый разъ къ ремню и играющіе станомъ и ногами. А кромѣ того, были вколочены серебряные колышки, подобно головѣ съ шеей востроxвоста, готовящагося вспорхнуть. Былъ серебряный столъ, гладкій, блестящій, подобно льду, отломленному съ ровнаго гладкаго озера. Было блюдо, подобно

кожѣ трехгодовалой лошади; красныя чашки, какъ выкрашенная затылочная кость умной лисицы, серебряныя вилки, какъ хорошо вырѣзанныя челюсти стерха—самки: посуды, ковши, хозяйственныхъ вещей,—всего полно по его желанію. Когда посмотрѣлъ онъ, отвернувшись отсюда, то увидалъ: отборный прямой лѣсъ, изъ сырого бора. Кто-то важно поставилъ госпожу печку, связавши ее тальникомъ, какъ вытянутыми спинными жилами червей, обмазавши черной глиной въ шесть аршинъ Это была четвероугольная прозрачная печь съ открытой трубой, мгновенно сверкающей искрой, съ теряющимся дымомъ и съ бѣлымъ шесткомъ, какъ восьми-поясное поле. Тутъ были поставлены семь лѣсинъ, вывороченныхъ съ корнями. Онъ затопилъ ихъ и они шумно горѣли семь дней и ночей..»

Замѣчательно, что въ этомъ отрывкѣ, равно какъ и въ другихъ, извѣстныхъ мнѣ о л о н г о, нигдѣ не воспѣваются формы строенія. Между тѣмъ архитектурнаго вкуса у якутовъ отрицать нельзя и онъ полнѣе всего и изящнѣе всего выражается у нихъ въ настоящее время въ юртѣ. Откуда бы они не позаимствовали ея основную идею, и подъ чьимъ бы вліяніемъ ни совершалось ея развитіе, но въ эти начала якуты вдохнули совершенно самобытное пониманіе архитектурной красоты. Юрта красивая, по мнѣнію якутовъ—а они отличаютъ «красивые отъ некрасивыхъ—всегда почти признавались красивою не только мною, но и другими знакомыми мнѣ европейцами, спросить которыхъ мнѣ удавалось. Подборъ лѣса, толщина столбовъ и балокъ, крутизна угловъ паденія, отношеніе высоты, длины и ширины—все это сливалось въ такой юртѣ въ одно художественное цѣлое, въ которомъ поправить или измѣнить было нечего. Небольшое уклоненіе въ ту или другую сторону чего-либо портило-бы впечатлѣніе и якуты сейчасъ же указывали на такіе недостатки. Уловить математическія основы ихъ архитектурнаго вкуса мнѣ не удалось; я сдѣлалъ черезъ-чуръ мало измѣреній.

На меня внутренность якутской юрты, особенно ночью, освѣщенная краснымъ пламенемъ огня, производила немного фантастическое впечатлѣніе. Въ юртѣ значительно болѣе тѣней, чѣмъ въ дому съ отвѣсными стѣнами. Ея бока, сложенные изъ круглыхъ стоячихъ бревенъ, кажутся полосатыми отъ затѣненныхъ желобковъ, и вся она съ потолкомъ, слабо переломленнымъ по серединѣ, со столбами по угламъ, съ массой лѣса, мягко падающаго съ крыши на землю, представляется какимъ-то восточнымъ шатромъ. Только легкая восточная ткань въ силу обстоятельствъ замѣнена здѣсь золотистымъ лиственнымъ деревомъ. Не даромъ якуты сродни османамъ, изобрѣвшимъ палатки-дворцы, не да-

[1]) Верх. Сб. И. А. Худякова, стр. 132.

ромъ выдаютъ за былую свою родину мѣста, гдѣ стояли въ свое время города шатровъ.

Возможно, что идею юрты они вынесли еще оттуда. Она спала на днѣ народнаго сознанія; вначалѣ ее замѣнила берестяная лѣсная ураса, но затѣмъ измѣнившіеся потребности опять вызвали ее къ жизни.

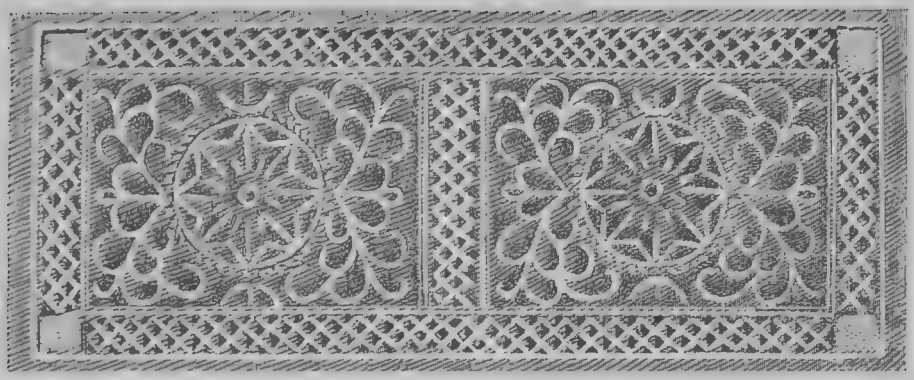


Рис. 72. Ажурный узоръ по кости якутской работы (наст. велич.).

VIII. Ремесла и искуства.

Матеріалы, употребляемые якутами для издѣлій, располагаются въ слѣдующемъ убывающемъ порядкѣ:

Дерево.
Кожа.
Волосъ.—Береста.—Древесная кора.
Горшечная и огнеупорная глина.
Желѣзо.—Мѣдь.
Кость.—Рогъ.—Ткани.—Сухая трава.—Навозъ.
Камень.
Серебро.
Олово.—Свинецъ.
Краски.—Масла.—Клей.
Стекло.—Смола.
Соль.—Нашатырь.—Горючая сѣра.—Бура.—Мѣдный купоросъ.—Бумага.—Золото.

Впереди всѣхъ и по количеству, и по разнообразію изготовляемыхъ изъ него предметовъ стоитъ, конечно, *лиственичное дерево*. Это тяжелое, плотное, твердое дерево, здѣсь самое дешевое. Всѣ громоздкіе, не боящіеся расколки, предметы изготовляются изъ него. Изъ него приготовляютъ также предметы, требующіе значительной упругости, какъ-то: луки къ самострѣламъ, вилы, рукоятки грабель, оси къ телегамъ, шесты двухлопаточныхъ веселъ, оглобли къ санямъ, коромысла къ ловушкамъ (на зайцевъ), рукоятки косъ-*литовокъ* и т. п. Изъ старыхъ лиственичныхъ пней дѣлаютъ: ступки, кэли, для толченія древесной заболони, сордапы, хлѣбныхъ колосьевъ; бочки для тара, касасъ; огромные, воронкообразные щиты для обиванія сноповъ; корыта; лотки—вообще все, что при большихъ размѣрахъ требуетъ выдѣлки, изъ одного куска. Изъ лиственичныхъ древесныхъ наплывовъ, уръ, дѣлаютъ громадныя,

1/2 и 3/4 аршина въ діаметрѣ, чашки и тарелки. На сѣверѣ доски и все, что приготовляется изъ нихъ, какъ столы, стулья, ящики, лодки и т. п. дѣлаются исключительно изъ лиственицы. На югѣ, тамъ, гдѣ есть сосна, послѣдняя, благодаря своей легкости, мягкости въ обработкѣ и меньшей колкости, вытѣснила лиственицу изъ досчатаго производства. Тамъ, даже двери, полки и внутреннія въ избахъ перегородки, нерѣдко дѣлаются изъ сосновыхъ досокъ, что считается за своего рода комфортъ.

Рис. 73. Горшокъ, столъ, стулъ, ларецъ для чайной посуды, таганъ.

Второе мѣсто послѣ лиственицы занимаетъ *береза*. Вся мелкая домашняя посуда: чашки, ложки, кубки всевозможной формы и величины, коробочки, ящички и т. п., дѣлаются изъ березоваго дерева. Изъ него также дѣлаютъ рукоятки къ топорамъ, молоткамъ, косамъ-горбушамъ, приклады къ винтовкамъ, черенки къ копьямъ, рогатинамъ, ножамъ. Въ старину дѣлали легкіе охотничьи и военные луки и стрѣлы. Все, что требуетъ большей стойкости и пластичности матеріала, дѣлается якутами изъ этого дерева. Все выгнутое, колѣнчатое, подвергающееся частымъ сотрясеніямъ и ударамъ — березовое. Сѣдельные луки, колесные ободья и ступицы, полозья и копылья у нартъ и саней — обязательно березовые. Якуты, живущіе у границъ лѣса, гдѣ дерево это плохого качества, платятъ за привозные съ юга полозья отъ 3 до 5 рублей, а за части сѣдла даже до 10 рублей серебромъ. Все, что должно отличаться тонкостью отдѣлки, быть фигурно изваяно, покрыто узорами и рисунками, непремѣнно березовое. Береза считается *барыней-деревомъ*, а его «щетка» (извѣстная уродливость корневища) высшимъ по красотѣ образцомъ древеснаго матеріала. Изъ «щётки» якуты выдѣлываютъ довольно изящныя табакерки, женскія рабочія коробки, ящики для храненія чаю, черенки къ ножамъ, трубочки и т. п. Она, особенно сырая, легко обрабатывается, и слои ея, темные и свѣтлые, сочетаются иногда въ дѣйствительно прекрасные узоры. Изъ нея не дѣлаютъ только никогда посуды для жидкостей.

Изъ другихъ сортовъ дерева значительнымъ употребленіемъ пользуется *тальникъ*. Тонкіе, молодые его побѣги служатъ всюду, какъ связки, точь въ точь, какъ въ Европѣ. Изъ нихъ плетутъ также корзины и верши. Изъ толстыхъ загибаютъ крупныя связи для саней и телѣгъ, гнутъ дуги, гнутъ стулья, дѣлаютъ обручи на бочки и т. п.

Дерево тополя, осины, ольхи, пихты, кедра, и другихъ, здѣсь растущихъ, употребляются на подѣлки якутами только случайно. Изъ двухъ первыхъ на сѣверѣ, на Колымѣ, Оленёкѣ, Анабарѣ, Пясинѣ и Хатангѣ — дѣлаютъ небольшія лодочки-стружки. На Ленѣ, Алданѣ, Янѣ, Алазеѣ я такихъ стружковъ не видѣлъ, хотя тополь тамъ растетъ [1]).

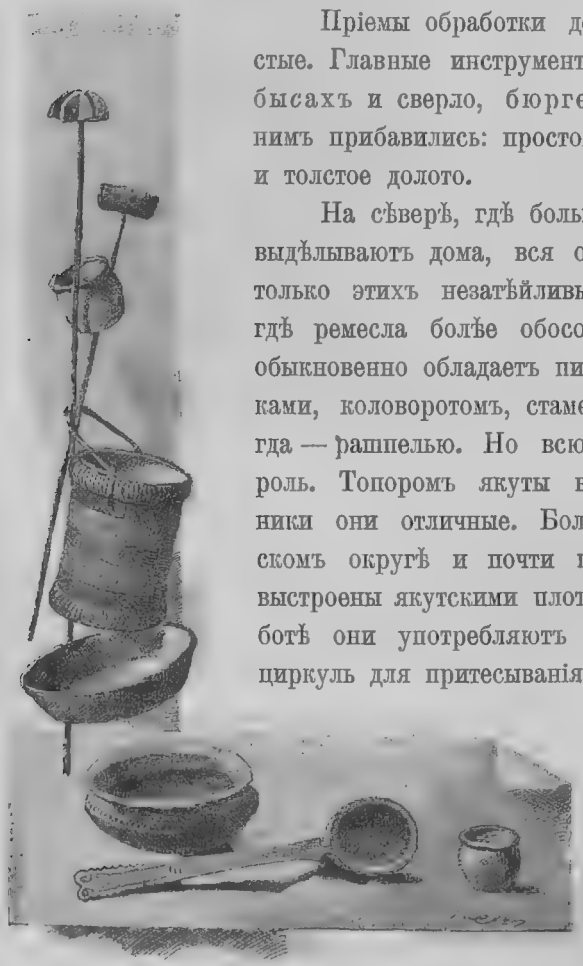


Рис. 74. Мутовки (мутукъ); маленькій горшокъ для сливокъ; берестяное ведро (ыаґасъ), деревянныя чашки; большая ложка-черпакъ (хамыяхъ).

Пріемы обработки дерева у якутовъ самые простые. Главные инструменты ихъ: топоръ, сюгё, ножъ, бысахъ и сверло, бюргесъ. Въ послѣднее время къ нимъ прибавились: простой, полукруглый *струг*ъ, пила и толстое долото.

На сѣверѣ, гдѣ большую часть домашней посуды выдѣлываютъ дома, вся она изготовлена при помощи только этихъ незатѣйливыхъ инструментовъ. На югѣ, гдѣ ремесла болѣе обособлены, столяръ кромѣ того обыкновенно обладаетъ пилой широкой и узкой, рубанками, коловоротомъ, стамесками, долотами, даже иногда — рашпелью. Но всюду топоръ играетъ первую роль. Топоромъ якуты владѣютъ мастерски и плотники они отличные. Большинство церквей въ Якутскомъ округѣ и почти всѣ дома въ городѣ Якутскѣ выстроены якутскими плотниками. При плотничьей работѣ они употребляютъ тѣ же пріемы, тотъ же райциркуль для притесыванія, ту же смоленую веревку, отвѣсъ, угольникъ и линію, что и русскіе. Руководящаго плотничьей артелью старшаго плотника зовутъ по-русски «уставщикъ». Но главные ихъ инструменты, топоры и ножи, удержали старинную форму.

[1]) Повидимому, это русское нововведеніе. Якуты предпочитаютъ сшитыя изъ лиственичныхъ досокъ *ытки*,—ты.

Вѣсятъ они отъ 2 до 4 фунт. не больше и стоятъ 50 коп. до 1 рубля. Тѣшутъ якуты ими гладко, чисто и быстро; даже мелкія вещицы они охотно обдѣлываютъ топоромъ.

За неимѣніемъ большихъ продольныхъ пилъ якуты рѣдко также пилятъ доски; чаще они ихъ вытесываютъ по одной или по двѣ изъ одного толстаго бревна, расколовъ его на двое. Для этого они выбираютъ отборныя деревья съ прямыми нескрученными слоями, называемыя кильмасъ». Я видѣлъ довольно длинныя доски въ палецъ толщиною, вытесанныя совершенно гладко и равномѣрно. Такая доска стоитъ отъ 25 до 40 коп. Шириною она обыкновенно въ 6″. Соединяютъ ихъ якуты въ большія плоскости при помощи шпонокъ и клея. Шипы и пазы якутамъ мало извѣстны. Сбивъ и склеивъ доски, ровняютъ и подтесываютъ ихъ острымъ топоромъ. Когда желаютъ такимъ большимъ плоскостямъ придать извѣстную гладкость, то за неимѣніемъ струга и рубанка выгибаютъ слегка толстый, слабо каленый якутскій ножъ, и двумя руками строгаютъ неровности тонкой стружкой, сильно прижимая ладони къ доскамъ. Тотъ же болѣе выгнутый ножъ служитъ для выбиранія и выглаживанія углубленій въ плоской посудѣ. Для выдѣлыванія болѣе глубокой посуды, чашекъ и кубковъ, употребляется опять тотъ-же ножъ, только на этотъ разъ выгнута не средина его, а конецъ. У кустарей есть, впрочемъ для такихъ подѣлокъ особыя разнообразно-выгнутыя стальныя лезвія. Тотъ же ножъ сплошь да рядомъ употребляется вмѣсто сверла, вмѣсто внутренней пилы, вмѣсто художественнаго рѣзца. Послѣ топора онъ чаще всего появляется въ рукахъ якутскаго кустаря. Они не жалѣютъ на него денегъ и охотно платятъ рубль и полтора за сносный, острый клинокъ.

Остальные якутскіе инструменты, рубанки, струги, сверла, долота, стамески и т. п. той же формы, что и русскіе, и названія носятъ русскія. Обыкновенно онѣ самодѣльныя и плохого достоинства. Помощью этихъ инструментовъ якуты выдѣлываютъ свою мебель, простую и узорчатую: столы круглые (якутскіе) и четырехугольные, шкафы, стулья, ящики. Какой была вся эта мебель до XIV столѣтія, до пришествія русскихъ, не извѣстно; теперь она носитъ слѣды сильнаго русскаго вліянія и зовется по-русски. Крѣпятъ бока ящиковъ и коробокъ (доски) якуты различно. Скрѣпленіе «на замокъ» имъ извѣстно, но считаютъ его русскимъ; предпочитаютъ скрѣплять на деревянные гвозди и клей, а еще охотнѣе свя-

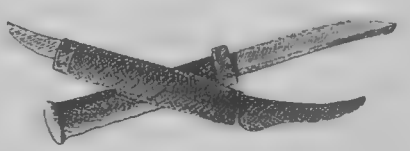


Рис. 75. Долото и ножъ для вырѣзыванія узоровъ.

зываютъ ремешками, волосяными веревками, талинками или гибкими древесными корнями. Бондарнаго искусства якуты до недавняго времени совсѣмъ не знали. Всю посуду, сдѣланную изъ клепокъ и связанную обручами, они называютъ по-русски: ухать (ушатъ), бедрò (ведро), пляхы (фляга) и т. д. Старинныя бочки для тара, касасъ, они дѣлали и теперь еще во многихъ мѣстностяхъ дѣлаютъ изъ лиственичныхъ дуплястыхъ пней. Для этого они спиливаютъ ихъ, выравниваютъ внутри, выжигая и выстрогивая, а затѣмъ вставляютъ дно. Иногда выжигаютъ пень еще на корню, чтобы увеличить его отверстіе и облегчить срубаніе. Обручей якуты, повидимому, не знали. На треснувшихъ касасахъ я часто видѣлъ скрученный помощью палки ремень. Бондарное искусство распространено пока только среди подгородныхъ якутовъ.

Такой же пріемъ выдѣлки стѣпокъ изъ одного куска и вставного отдѣльно дна — я часто встрѣчалъ и въ мелкой якутской посудѣ: въ маленькихъ ведёркахъ для сохраненія сливокъ, въ большихъ узорчатыхъ ведрахъ, въ какихъ подаютъ кумысъ женщинамъ, а также въ табакеркахъ и коробкахъ, выдѣлываемыхъ изъ березовой «щетки». Якутскія деревянныя чашки, кубки для кумысу, выдѣлываются всегда изъ одного, хорошо просушеннаго, цѣльнаго куска березы. Судя по украшеніямъ, умѣнье приготовлять эту посуду нисходитъ у якутовъ къ глубокой древности. Вся она сдѣлана отъ руки. О токарныхъ станкахъ у якутовъ, даже о томъ грубомъ подобіи ихъ, которое встрѣчается у нашихъ деревенскихъ колесниковъ, я никогда не слыхалъ и не видѣлъ ихъ. Деревяшныя издѣлія якуты охотно красятъ, но не полируютъ и не покрываютъ лакомъ. Единственное исключеніе представляетъ, пожалуй, кумысная деревянная посуда, которую ежегодно, складывая въ амбары для сохраненія на зиму, смазываютъ сверху густо сливками или масломъ, что по мнѣнію якутовъ предохраняетъ ее отъ растрескиванія. Дѣйствительно, жиръ впитываясь въ дерево, умепьшаетъ его чувствительпость къ влажности и дѣлаетъ сосудъ прочнѣе, тверже, вмѣстѣ съ тѣмъ глаже и темнѣе становится его поверхность; это-то и нравится якутамъ.

Изъ крупныхъ деревянныхъ предметовъ якутская лодка, сани и телѣга, носятъ въ своей формѣ и работѣ столько слѣдовъ разнообразныхъ позднѣйшихъ вліяній, что первопачальный ихъ видъ и постороннія на нихъ наслоенія чрезвычайно трудно прослѣдить. Всѣ они—недавнія якутскія пріобрѣтенія. Телѣга во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ имъ неизвѣстна. Колымскимъ якутамъ мнѣ съ трудомъ удалось разъяснить идею колеса и они не находили никакой разницы въ передвиженіи по землѣ на телѣгѣ и саняхъ, на которыхъ они возятъ тяжести и лѣтомъ. Даже

сани въ этихъ отдаленныхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ мало употребляются якутами да и то исключительно для собачьей и оленьей ѣзды. Употребленіе хомута и дуги имъ неизвѣстно и когда, изрѣдка, для проѣзжихъ чиновниковъ, приходится имъ запрягать лошадей, то впрягаютъ ихъ въ тѣ же оленьи нарты, при помощи той же оленьей лямки, задѣвая ее за сѣдло. Тогда на эту лошадь или на другую, впереди ея, садится верховой ямщикъ. Понятно, что и лошадь и ѣдущій въ саняхъ устаютъ страшно отъ постоянныхъ подергиваній и встряхиваній [1]).

Иногда вмѣсто лямки употребляютъ оглобли, которыя тоже привязываютъ къ сѣдлу. Происхожденіе бычьихъ саней и бычьей упряжи не такъ ясно. Преданія на счетъ этого я не нашелъ. Это до того грубый и первобытный приборъ, что, пожалуй, начало его можно искать въ тѣхъ двухъ лѣсинахъ, съ загнутыми вверхъ корнями, соединенными поперечнымъ толстымъ брускомъ, въ которыя впрягаютъ точно въ оглобли быка и на которыхъ до сихъ поръ возятъ якуты изъ лѣсу матерыя бревна строеваго лѣса. Бычье ярмо состоитъ изъ двухъ совершенно одинаковыхъ частей: верхней—ара и нижней—булгалѝ [2]) (рис. 14). Онѣ гладко выстроганы, выгнуты и соединены между собою и съ оглоблями помощью ремней, продѣтыхъ въ сдѣланныя на концахъ ихъ дырки. Ара прикрѣплена на-глухо, а одинъ конецъ булгали, обыкновенно лѣвый, можетъ скользить свободно на петлѣ по оглоблѣ. Ярма якутскія совершенно похожи на бурятскія и на монгольскія. Якутскія сани формой, размѣромъ, работой совершенно схожи съ русскими дровнями; служатъ онѣ исключительно для возки тяжестей: сѣна, дровъ, причемъ вожакъ садится верхомъ на быка. Даже когда они пустыя, ѣдущій предпочитаетъ сидѣть верхомъ.

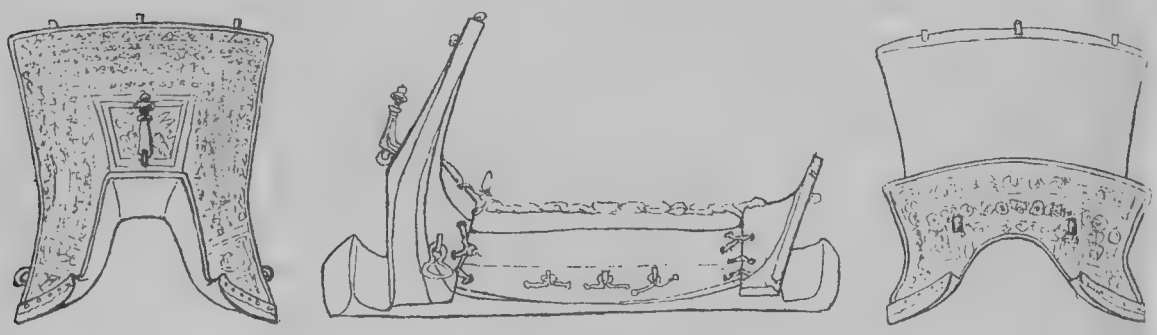
Употребленіе длинныхъ возжей въ бычьей упряжи не привилось, да и идея возжей, по происхожденію, у якутовъ русская, что свидѣтельствуетъ и преданіе, и ихъ названіе, бодзи́. Сѣна въ старину не приходилось возить, а лѣсъ на топливо возили якуты, по всей вѣроятности, заарканивъ лѣсину за сѣдло лошади, какъ и теперь возятъ его на близкія разстоянія въ дорогѣ, въ случаѣ необходимости. Впрочемъ, Георги говоритъ о томъ, что якуты возятъ свои вещи «на небольшихъ узкихъ саняхъ, въ которыя впрягаютъ рогатый скотъ» [3]).

[1]) Мнѣ сообщали, что теперь въ окрестностяхъ С. Колымска, мало-по-малу входитъ въ употребленіе русская упряжь; но еще въ 1883 году, когда я захворалъ въ дорогѣ до того, что не могъ влѣзать на сѣдло, то былъ принужденъ проѣхать нѣсколько десятковъ верстъ по Колымскому и въ другой разъ по Верхоянскому улусу подобнымъ мучительнымъ образомъ.

[2]) Булгали—зовутъ также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и оглобли, чаще, однако, зовутъ послѣднія по-русски: оглобля или просто «тяжи», тарды́ масъ.

[3]) Ibid., стр. 176.

Кстати укажу, что въ олонго на саняхъ ѣздятъ только злые, дьявольскіе богатыри, что упряжь, хомутъ, ярма, оглобли употребляютъ, преимущественно враждебные герою якуту, злые герои, которые по всѣмъ даннымъ иностранцы [1]). Якутскіе герои и героини всегда ѣздятъ верхомъ на лошадяхъ и возятъ свои богатства вьюками [2]). Оно такъ и было въ дѣйствительности. Какъ кочевой, наѣзднический народъ, якуты сѣдло научились приготовлять раньше другихъ перевозочныхъ средствъ.



Лука. Спинка.

Рис. 76. Остовъ якутскаго сѣдла. (1/8 наст. велич.).

Якутское сѣдло, какъ вьючное, такъ верховое, сдѣлано все почти изъ дерева. Вьючное состоитъ изъ двухъ дощечекъ, соединенныхъ на концахъ небольшими деревянными дугами. По серединѣ къ этимъ основнымъ доскамъ прикрѣпленъ крестикъ, за выступающія плечи котораго закладываютъ уши вьюковъ. Подъ сѣдло и подъ тяжести на спину и бока лошади подкладываютъ толстый потникъ. Сѣдло верховое по конструкціи очень похоже на вьючное [3]). Основаніе его составляютъ также двѣ параллельныя дощечки, слегка выгнутыя и наклоненныя другъ къ другу подъ угломъ, подобно краямъ корыта, лишеннаго дна и боковъ. На концахъ онѣ соединены дугами, но дуги эти толстыя, высокія, соотвѣтственно вырѣзанныя и приспособленныя, образуютъ высокую азіатскую луку и не менѣе высокую спинку. Отъ луки къ спинкѣ, въ пустотѣ, оставшейся между описанной выше деревянной рамой, натянутъ ремень сидѣнія. На верхъ сѣдла кладется подушка. Къ кольцамъ вбитымъ въ передніе концы параллельныхъ дощечекъ прикрѣпляются стремена, а дальше за ними три подпруги. Стремена не рѣдко деревянныя, съ ободомъ изъ тальника, загнутаго и заложеннаго концами въ отверстія стремянной плашки; всѣ части сѣдла

[1]) Худяковъ, стр. 93, 100, 170, 199.

[2]) Смотри тамъ же.

[3]) Смотри Миддендорфъ. Нѣмецкое изданіе, стр. 1549.

скрѣплены помощью ремней, что обезпечиваетъ за нимъ бо́льшую упругость и большее сопротивленіе на изломъ. Якутское верховое сѣдло, какъ было сказано выше, близко подходитъ къ якускому вьючному сѣдлу, которое въ свою очередь въ идеѣ родственно съ деревянною рамою, употребляемою якутскими пѣшеходами для носки грузовъ: это тонкія дощечки способствующія разложенію давленія тяжести болѣе равномѣрно по всей спинѣ. Только у сѣдла дуги по понятнымъ причинамъ кривыя [1]).

Якутское сѣдло, особенно старинное, представляетъ по типу менѣе усовершенствованный приборъ, чѣмъ, напримѣръ, монгольское или бурятское. Оно тяжелѣе послѣднихъ, лука его выше и грубѣе, скакать и прыгать черезъ препятствія въ немъ неудобно, за то оно крѣпко сидитъ на лошади и, благодаря его высотѣ, длинѣ и ширинѣ его основанія, на немъ сидѣть удобно и на него подъ ѣздока можно грузить много. У европейцевъ широта якутской луки, пока они къ ней не привыкнутъ, вызываетъ сильную боль въ бедрахъ и паху. Спина и ноги мало устаютъ въ якутскомъ сѣдлѣ, даже при дальнихъ поѣздкахъ. Остальныя части якутской верховой и вьючной сбруи дѣлаются изъ волоса, кожи и сухой травы. Перейдемъ къ описанію обработки этихъ матеріаловъ.

Кожу на всякія подѣлки якуты употребляютъ преимущественно коровью и кобылью. Замши изъ этихъ кожъ якуты не приготовляютъ, хотя такого рода выдѣлка имѣетъ у нихъ особое названіе сары, и крытый замшей кафтанъ зовется сары сонъ. Въ настоящее время замшу они покупаютъ у тунгусовъ или выдѣлываютъ сами исключительно изъ *оленьей* кожи. Пріемы ея выдѣлки усвоены ими, повидимому, у тѣхъ же тунгусовъ и юкагировъ, у которыхъ они позаимствовали и сѣвернаго оленя.

Инструменты и пріемы для выдѣлки кожи всюду тождественны. При выдѣлкѣ якуты прежде всего очищаютъ ее отъ волосъ. Волоса преимущественно брѣютъ или сдираютъ вмѣстѣ съ эпидермой на сухо при помощи разной формы желѣзныхъ скребковъ. На сѣверѣ я видѣлъ, что для разрыхленія и очищенія кожи отъ шерсти ее слегка смачивали водою, затѣмъ смазывали испортившимися рыбьими внутренностями и клали на долго въ теплое мѣсто, свернувши въ комокъ шерстью внутрь [2]). Черезъ два дня шерсть свободно слѣзала. Удаливши волоса,

[1]) Такія же носилки употребляются въ нашихъ городахъ каменщиками для носки кирпича. Только у якутовъ и тунгусовъ онѣ тоньше и легче и вмѣсто колышекъ, закладывающихся на плечи, у нихъ устроены ременныя петли, въ которыя продѣваются руки; затѣмъ петли связываются по срединѣ груди.

[2]) На югѣ иногда съ этой же цѣлью употребляется полуразложившаяся скотская печень; но чаще всего тамъ соскребаютъ волосъ *на сухо*.

принимаются за мятье. Для этого сухую кожу проминаютъ сначала въ рукахъ или при помощи деревянныхъ станковъ, колотушекъ, очень схожихъ съ употребляющимися въ Россіи для мятья и трепанія конопли. Затѣмъ кожу со стороны мездры смазываютъ масломъ, сливками или сажей, смотря по качеству требуемаго матеріала [1]). Для худшихъ сортовъ ограничиваются сорой, безъ которой на югѣ не обходится никакая выдѣлка. Иногда къ сорѣ подбавляютъ немного муки. Если требуется мягкость, то кожу проминаютъ вторично съ коровьимъ масломъ, сливками или скотскимъ мозгомъ. На сѣверѣ рыбій жиръ и рыбья печень замѣняетъ масло. Видѣлъ я также на сѣверѣ, что тонкую, выдѣланную кожу, предназначенную на верхнее платье, *дымили*. Для этого изъ нѣсколькихъ кожъ строятъ маленькую палаточку и разводятъ въ ней изъ сыраго смолистаго дерева слабо тлѣющій огонь. Такая кожа пріобрѣтаетъ красивый олифковый цвѣтъ и не такъ поддается вліянію сырости. Красятъ якуты кожу охрой, бѣлой глиной, юронгъ буоръ, и разными растительными красками, въ цвѣта: черный, оранжевый, коричневый, желтый и бѣлый. Кожи, на которыхъ волосъ долженъ остаться нетронутымъ, мнутъ такимъ же образомъ, употребляя тѣже пріемы смягченія и разрыхленія. Я не знаю, чтобы якуты дубили кожу, хотя прекрасныхъ дубильныхъ матеріаловъ, какъ сосновая и ивовая кора, у нихъ подъ руками много. Только косвенно, при употребленіи отвара ольховыхъ шишекъ или тальниковой коры, какъ красокъ, нѣкоторыя кожи дубятся ими съ поверхности въ очень, впрочемъ, слабой степени.

Для выдѣлки ремней кожу еще сырую разрѣзываютъ на узенькую, длинную ленту и, если веревка должна быть двойная, то тутъ-же скручиваютъ и сушатъ. Затѣмъ мнутъ ее при помощи прибора, состоящаго изъ тяжелаго деревяннаго болвана и палки съ двумя отверстіями. Ремень продѣвается нѣсколько разъ сквозь отверстія по серединѣ палки и въ ухо болвана; затѣмъ всю связку подвѣшиваютъ къ потолку. Болванъ оттягиваетъ ее къ низу и во время передвиженія палки онъ же заставляетъ ремни равномѣрно скручиваться и раскручиваться. Острые края отверстій, скользя по ней, проминаютъ веревку.

Кромѣ платья, обуви, ремней, изъ кожи выдѣлываютъ части русской упряжной сбруи, а также сѣдельныя подушки, сѣдельные фартуки и чепраки, дорожныя сумы, уздечки, оброти, подпруги, плетки и проч. Тонко изрѣзанная кожа употребляется на всевозможныя связки. Наконецъ, изъ нея выдѣлываютъ старинную, дорожную посуду — симиръ (рис. 37).

[1]) Употребляютъ также и говяжье сало, хотя считаютъ его не особенно хорошимъ; за лучшее смягчающее вещество справедливо считается кобылій жиръ и оленій костяной мозгъ.

Рис. 77.
Чашка. Холлогосъ. Мѣра безменъ. Ящикъ для чаю.

Самый крупный образецъ этого рода представляетъ «кумысный мѣшокъ». Это кожанный *бурдюкъ* плоскій, призматическій, суживающійся къ верху и оканчивающійся совсѣмъ узкимъ горлышкомъ. Въ горлышко это, дома, вставляютъ деревянную изящно вырѣзанную втулку халя (рис. 115). Въ дорогѣ мѣшокъ замыкаютъ помощью двухъ связанныхъ на обоихъ концахъ палочекъ, тылба. Точь въ точь такіе же, только поменьше размѣромъ, мѣшки употребляются якутами лѣтомъ для перевозки вьюками жидкостей, молока, соры, сливокъ, а также масла, которое легко на солнцѣ таетъ и подвергается порчѣ. Маленькіе мѣшочки называютъ уменьшительнымъ именемъ: симирчахъ. Нѣкогда они были въ большомъ употребленіи, но теперь мало-по-малу вытѣсняются менѣе удобными, но болѣе дешевыми русскими, деревянными фляжками. Кожу для симировъ берутъ преимущественно кобылью, ее не мнутъ, а только очищаютъ отъ волосъ, пропитываютъ масломъ или кобыльимъ жиромъ и сильно коптятъ въ дыму. Эта кожа не промокаетъ. Она идетъ на приготовленіе большихъ кумысныхъ круглыхъ чановъ, холлогосъ, а также небольшихъ при производствѣ кумысу употребляющихся ведеръ и подойниковъ, турсукъ, симиръ иситъ.

Остальная молочная посуда у якутовъ вся безъ исключенія берестяная. Работа и форма этой посуды ничѣмъ почти не отличается отъ русской берестяной посуды. Производство ея мало-по-малу выдѣляется

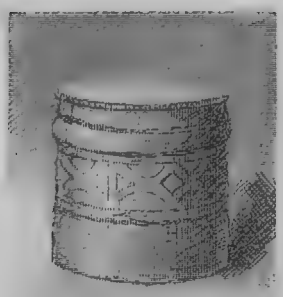


Рис. 78. Берестяная женская рабочая коробка.

въ кустарный промыселъ для тѣхъ мѣстъ, гдѣ привольнѣе растетъ береза. Раньше умѣть ее шить были обязаны *всѣ женщины*, но теперь на югѣ многія забыли соотвѣтственное приготовленіе бересты и не умѣютъ прочно и хорошо ее скрѣплять. Якутская берестяная посуда далеко не такъ изящна, какъ напр. тунгусская или мангутская, иногда сплошь покрытая тисненными узорами, вышитая бисеромъ и выкрашенная въ разнообразные цвѣта. Способъ скрѣпленія краевъ тоже различный у этихъ народовъ; тунгусы и мангуты предпочитаютъ соединять березовую кору на замокъ, подобно нашимъ бѣлоруссамъ; если они сшиваютъ ее, то шовъ обыкновенно запрятанъ, онъ некрасивъ, за нитки служатъ сухожилія сѣвернаго оленя. Якуты сшиваютъ бересту бичевками изъ конскаго волоса; шовъ чаще всего крестообразный, составляетъ главное и чуть ли не единственное украшеніе посуды; мастера стараются, чтобы онъ былъ ровный и чтобы бѣлые и черные цвѣта волосяныхъ бичевокъ пріятно въ немъ сочетались. Изъ бересты шьютъ и мелкую посуду: табакерки, коробочки... и огромные, холлогосы, вмѣщающіе по нѣскольку ведеръ жидкости. Бересту, какъ было говорено выше, употребляли раньше на крышку урасъ, на лодки, на обертываніе тѣла и подстилку для труповъ, на чахлы къ лукамъ, копьямъ, на колчаны, даже на надставки къ котламъ; вообще, употребленіе ея, повидимому, было обширнѣе; теперь съ усовершенствованіемъ инструментовъ, обособленіемъ ремеслъ и возростаніемъ торговли, ее вытѣсняетъ болѣе прочная деревянная посуда, замѣняетъ ткань, желѣзо, мѣдь. Кора другихъ деревьевъ употребляется только, какъ красильное вещество, да еще кора тополя, какъ подмѣсь къ табаку. Исключеніе составляетъ лиственичная кора. Ея корою кроютъ крыши домовъ, выкладываютъ неглубокіе погреба, ее употребляютъ на постройку лѣсныхъ и рыбачьихъ шалашей и выдѣлку грубыхъ коробокъ подъ уголь, древесныя стружки и т. п.

Рис. 79. Тайбуръ.

На ряду съ древесной корой и кожей стоитъ въ якутскомъ хозяйствѣ конскій волосъ. Изъ него приготовляютъ сѣти, невода, веревки, кёньчёсы, подпруги и т. п.,

изъ него дѣлаютъ махалки отъ комаровъ, тайбуръ, имъ набиваютъ сѣдельныя подушки, его пучки употребляютъ, какъ украшеніе посуды въ торжественныхъ случаяхъ и какъ жертву. Въ старину бахромою изъ конскаго бѣлаго или крашеного волоса оторачивали верхнее платье [1]).

Волосяныя веревки, сети, сучатся обыкновенно изъ двухцвѣтныхъ волосъ: чернаго и бѣлаго. Толщина ихъ самая разнообразная, смотря по назначенію. Обыкновенно онѣ скручены изъ двухъ только прядей. Изъ такихъ бичевокъ, сшивая ихъ въ одной плоскости, дѣлаютъ къ оботямъ прекрасные, крѣпкіе повода, кѣньтёсъ, шириною въ дюймъ; подпруги къ сѣдламъ, холунъ, въ $1^1/_2$ и $2''$; волосяныя цыновки и даже толстые зимніе чулки. Лучшимъ волосомъ, считается волосъ съ хвоста, худшимъ—съ гривы, еще худшимъ—очески съ гривы и хвоста, вылѣзающіе во время линянія животныхъ. Ради волосъ гриву кобылъ и жеребятъ по осени обстригаютъ. Жеребцовъ и рабочихъ лошадей не стригутъ, считая, что животныя отъ этого слабѣютъ. Соединять въ одну ткань нитки и веревочки, какъ волосяныя, такъ и всякія другія, при помощи вязальныхъ спицъ, крючка или ткацкаго станка, якуты не умѣютъ и, повидимому, не умѣли никогда; веретено имъ тоже незнакомо и нити, даже толстыя веревки, они, сучатъ рукою на голомъ колѣнѣ. Занимаются этимъ, главнымъ образомъ, женщины, и нѣкоторыя достигли высокаго совершенства: нитки ихъ, ровныя и твердыя, не хуже пряжи. О сбиваніи шерсти или волоса въ войлокъ или сукно якуты понятія не имѣютъ. На сѣверѣ, случалось, спрашивали меня объ этихъ фабрикатахъ: «какого это звѣря кожа»? Даже узлы ихъ для соединенія веревокъ не отличаются разнообразіемъ; по большей части это общераспространенныя двусложныя, крестообразныя вязи. Очевидно въ прошломъ якутовъ, какъ приборъ, для стягиванія и связыванія, преобладали ремни. Для привязыванія лошадей и вообще животныхъ у нихъ есть очень остроумный, быстро развязы-

Рис. 80. Якутка, сучащая нитки.

[1]) Георги, стр. 175.

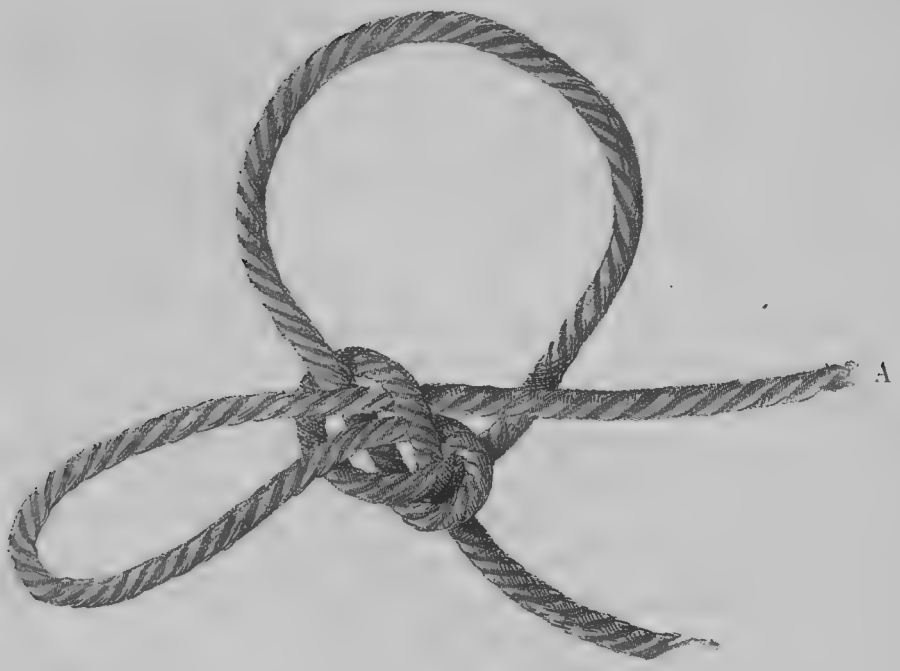


Рис. 81. Якутскій узелъ.

вающійся и никогда незатягивающійся узелъ (рис. 81) [1]). Помощью его можно въ какомъ угодно мѣстѣ веревки сдѣлать постоянную, прочную петлю, какой угодно величины, но связать два разорванныхъ конца нельзя. Для этого якуты употребляютъ два узла сходные съ европейскими: одинъ затяжной, другой—бантикомъ. Ремни они сшиваютъ.

Вслѣдъ за кожей, берестой, волосомъ, по важности и количеству употребленія, нужно поставить у якутовъ глину; если же принять во вниманіе глину, идущую на обмазку домовъ, совершаемую съизнова черезъ каждыя нѣсколько лѣтъ или даже ежегодно, и обмазку комельковъ, производимую раза два въ мѣсяцъ, то количество это возрастетъ до громадныхъ размѣровъ. О немъ ясно свидѣтельствуютъ большія ямы, находящіяся гдѣ-нибудь по близости каждой якутской юрты. Для обмазокъ употребляютъ глину худшаго сорта, съ большой подмѣсью песку; она

[1]) Якутскій узелъ—остроумнѣйшее изобрѣтеніе. Завязывается онъ чрезвычайно быстро и просто и выучиться его дѣлать механически, завязывать не глядя, чрезвычайно легко. Завязать его можно даже въ рукавицахъ, такъ какъ отдѣльные пальцы не играютъ въ этой работѣ важной роли. Развязывается же онъ еще проще: потягиваніемъ за свободный конецъ веревки А. Онъ по типу близокъ къ *башкирскому* узлу, но превосходитъ его быстротой въ развязываніи. Его несомнѣнно изобрѣли люди, для которыхъ отвязать возможно скоро лошадей, ускакать или настичъ кого-то, былъ нерѣдко вопросъ жизни и смерти. Этотъ узелъ, какъ бы ни билась лошадь, не развяжется самъ сбою и не затянется наглухо; мерзлые ремни и веревки завязываются въ него также хорошо, какъ талые.

зеленоватаго цвѣта, чешуйчатаго сложенія; пласты ея на большей или меньшей глубинѣ залегаютъ почти всюду въ долинахъ рѣкъ. На плоскогоріи она далеко не такъ распространена и я знаю на сѣверѣ мѣстности, гдѣ, на десятки верстъ кругомъ, глины, песку и камня на поверхности нѣтъ нигдѣ, гдѣ все ледъ и торфъ или очень богатый растительными остатками негодный для какой-либо подѣлки озерной илъ. Въ такихъ мѣстностяхъ, чтобы не возить далеко глины, якуты, между прочимъ, стараются ставить юрты недалеко отъ немногочисленныхъ ея залежей. Это не всегда совпадаетъ съ другими удобствами, какъ, напримѣръ, близостью улова и показываетъ, думаю, на важность этого матеріала въ якутскомъ хозяйствѣ.

Тѣмъ не менѣе керамика якутовъ стоитъ на очень низкомъ уровнѣ. Глины они никогда не квасятъ, не промываютъ, даже мнутъ и размельчаютъ ее небрежно. Въ производствѣ они отличаютъ два ея сорта: обыкновенную, буоръ, что значитъ также вообще *почва*, и горшечную глину—туой. Впрочемъ, они отличаютъ еще глину огнеупорную, но зовутъ ее также, какъ и горшечную—туой. Первый родъ глины употребляется исключительно на обмазки и дѣлаютъ изъ нея только кирпичи. Для замазокъ ее разводятъ водою, размипаютъ лопатами, а ради уменьшенія растрескиванія подмѣшиваютъ въ пее траву, сѣпную труху, коровью шерсть. Дома обмазываютъ довольно толстыми слоями, но комельки мажутъ тонкими слоями, причемъ для болѣе быстраго высыханія слоевъ глины, разводятъ въ томъ же комелькѣ сейчасъ же огонь. Есть у нихъ еще одно техническое въ этихъ случаяхъ правило: разводить глину кипяткомъ или, по крайней мѣрѣ, теплой водой. Въ глину, предназначенную для наружныхъ слоевъ комелька, богатые якуты подмѣшиваютъ сору, что придаетъ большую прочность, блескъ и болѣе свѣтлый цвѣтъ обмазкѣ. Изъ той же глины якуты иногда бьютъ свои комельки; внутрь вмѣсто кёрна ставятъ дуплистое дерево, которое впослѣдствіи выжигаютъ. Кирпичное производство якуты цѣликомъ позаимствовали у русскихъ. Кирпичи, по-якутски кирписъ, выдѣлываютъ они плохіе, неровные и неоднородные, а обжигаютъ ихъ еще хуже. На сѣверѣ и на югѣ въ захолустьяхъ, якуты совершенно незнакомы съ кирпичами и, если дѣлаютъ ихъ, то только для печей въ церквахъ и управахъ. Кирпичи тамъ обжигаютъ очень рѣдко, а печники во всемъ улусѣ на-перечетъ.

Горшечное производство распространено значительно больше. Глину на горшки якуты тщательно разыскиваютъ въ горныхъ долинахъ. Копаютъ ее неглубоко, съ поверхности, не глубже двухъ-трехъ аршинъ. Въ 1890 г. я посѣтилъ такія разработки горшечной глины въ Хатынгаринскомъ наслегѣ, Намскаго улуса. Онѣ находились верстахъ въ 15 отъ улусной

управы на сѣверо-западъ, въ вершинѣ небольшой пади, какихъ множество здѣсь среди высокихъ уступовъ древнихъ Ленскихъ береговъ. По дну оврага плылъ ручеекъ. Залежи, слывущія въ околодкѣ хорошимъ качествомъ глины, представляли невысокія, волдыревидные бугры, у подножья горнаго ската. Разработка состояла въ томъ, что желающій достать глину, сбрасывалъ сверху незначительный слой почвы и выбиралъ изъ дна ямы и ея стѣнокъ нужное ему количество матеріала. Такимъ образомъ яма внутри земли расширялась, пока ея земляная крыша не выдерживала тяжести и не обрушивалась внизъ. Тогда переходили къ слѣдующему бугру. Я видѣлъ многія выработанныя ямы и нѣсколько новыхъ. Въ одной изъ нихъ при мнѣ, какъ разъ, работалъ якутъ. Онъ съ трудомъ вытаскивалъ изъ глубины ямы куски въ 10—15 фунт. вязкой, темной, почти черно глины и клалъ ихъ на краю отверстія. Изъ этихъ кусковъ впослѣдствіи вылѣпливались кирпичи отъ трехъ до десяти фунтовъ вѣсомъ, которые, высушенные и обращались въ продажѣ подъ названіемъ туой. Обыкновенная горшечная якутская глина всегда темнаго цвѣта, жирная, вязкая и тяжелая. Въ Якутскѣ на рынкѣ есть также въ продажѣ горшки изъ бѣлой глины, но горшки эти, я слышалъ, русскаго производства. Они совершенно другой формы и сдѣланы на гончарномъ станкѣ. Обыкновенно якуты горшковъ не покупаютъ, а покупаютъ глину (отъ 5 до 10 коп. за фунтъ) и даютъ передѣлывать ее вмѣстѣ съ обломками старыхъ горшковъ, мастерамъ. Тѣ превращаютъ обломки старыхъ горшковъ, въ порошокъ и, смотря по сорту туоя, подбавляютъ его къ жирнымъ больше, къ тощимъ — меньше. Туой тоже дробятъ молоткомъ на каменной плиткѣ, порошокъ собираютъ въ корыто и разводятъ теплой водой съ подмѣсью соры. Затѣмъ, густое тѣсто ударами деревяннаго молотка умипаютъ до тѣхъ поръ, пока оно станетъ однородно и пластично, какъ воскъ. Тогда дѣлаютъ изъ него булку и изъ нея руками лѣпятъ стѣнки горшка, подбавляя, если нужно, свѣжей глины. Когда горшокъ получитъ уже извѣстную желательную форму, внутрь его вставляютъ полукруглый или круглый гладкій камень и, поддерживая рукою, ударами лопатки снаружи по поверхности горшка, выравниваютъ и выглаживаютъ его стѣнки. Гончарнаго станка якуты не употребляютъ и все производство ведется отъ руки. Горшки якуты слабо прокаливаютъ тутъ же въ комелькѣ на угляхъ. Рѣдко накаливаютъ до краснаго калепія, чаще ограничиваются темнокраснымъ. Нагрѣтый до этой температуры горшокъ поливаютъ водой. Если желаютъ получить болѣе прочные горшки, то воду заправляютъ молокомъ и сорой. Затѣмъ, горшокъ опять слабо про-

[1]) Горшокъ въ 1 фунтъ вѣсомъ стоитъ около 30 коп.

Рис. 82. Якутка, дѣлающая горшки.

каливаютъ. Якутскіе горшки очень не крѣпки и быстро отъ употребленія размокаютъ: гніютъ, какъ говорятъ якуты. Черезъ стѣнки новаго горшка обязательно просачивается вода, пока онъ не «заварится», для чего лучшимъ средствомъ считается варить молоко. Послѣ каждой варки ихъ обязательно чистятъ и сушатъ. Жидкость не можетъ въ немъ стоять двухъ-трехъ дней сряду безъ вреда для нихъ. Горшечной глазури якуты не знаютъ. Форму своимъ горшкамъ, даже большимъ—въ $1^1/_2$—2 ведра величиною—якуты всегда придаютъ яйцевидную удлиненную съ маленькимъ донышкомъ и слегка выгнутыми краями. Формой, работой, украшеніями якутскіе горшки чрезвычайно близки къ горшкамъ каменнаго вѣка. Инструменты, употребляемые для выдѣлки ихъ, тоже близко подходятъ къ находимымъ въ кухонныхъ остаткахъ этихъ временъ [1]).

Есть, впрочемъ, мѣстности, гдѣ якуты не знаютъ горшечнаго производства, и въ домашнемъ обиходѣ употребляютъ исключительно желѣзную и мѣдную посуду. Къ такимъ нужно причислить всѣ улусы Верхоянскаго и Колымскаго округовъ, улусъ Жиганскій и якутскія поселенія по Оле-

[1]) Между прочимъ, въ изслѣдованіи кухонныхъ остатковъ на берегу Амурскаго залива г. Маргаритова близъ р. Седима, въ табл. II, рис. 6, изображенъ круглый камень съ продольной выемкой, онъ названъ молотомъ, но точь въ точь такіе же камни съ тальниковыми рукоятками употребляютъ якуты, какъ выше описанныя каменныя наковальни для выклёпыванія стѣнокъ болѣе крупныхъ горшковъ. Подобный же камень я видѣлъ въ коллекціи каменнаго вѣка Иркутскаго музея.

нёку, Хатангѣ, Анабарѣ и т. п. Повидимому, это произошло отъ отсутствія или чрезвычайной рѣдкости въ этихъ мѣстностяхъ залежей горшечной глины. Я такихъ залежей тамъ не видѣлъ; говорили мнѣ якуты, будто бы существуютъ таковыя, гдѣ-то въ Тасъ-Ханяхтаскомъ хребтѣ, недалеко отъ станціи Кюреляхъ, по почтовому Верхоянско-Колымскому тракту. Образцы ея, доставленные мнѣ оттуда, оказались прекрасной бѣлой огнеупорной глиной съ подмѣсью крупно-зернистаго песку [1]). Послѣднее дѣлало ее мало тягучей и сильно пористой, что для якутскихъ горшечниковъ, не умѣющихъ промывать глины, лишало ее всякой цѣнности. Такія глины употребляются якутами только на плавильные тигли. Они не крѣпки и спекаются въ горнѣ. Въ Якутскомъ округѣ встрѣчалъ я тоже у тамошнихъ кузнецовъ тигли изъ плотной, мелкозернистой глинки, пепельнаго или бѣлаго цвѣта. Они прекрасно выдерживали самую высокую температуру и, повидимому, состояли изъ чистаго каолина. Мѣсторожденія не могъ узнать: мастера неохотно такія вещи открываютъ постороннимъ. Якутскіе кузнецы имѣютъ обыкновеніе свои тигли вслѣдъ за опорожненіемъ ихъ, еще докрасна накаленныя, погружать въ холодную воду или молоко. Кузнечные горны якуты дѣлаютъ изъ простой глины и обмазываютъ ихъ огнеупорной тогда только, когда употребляютъ ихъ для выплавки желѣза.

Отсутствіе горшечнаго производства въ отдаленныхъ, менѣе культурныхъ мѣстностяхъ Якутской области, а также недостатокъ въ литературѣ указаній на знакомство съ нимъ якутовъ въ прошломъ, породило мнѣніе, что съ горшечными издѣліями они познакомились, относительно, недавно при посредствѣ русскихъ. Мнѣніе это приходится оставить въ виду признаковъ глубокой древности якутскаго горшечнаго дѣла. Уже Страленбергъ пишетъ, что горшки «они выдѣлывали сами» (стр. 377). Происхожденіе этого ремесла у нихъ несомнѣнно самостоятельно, что доказываютъ чисто тюркскія названія разной величины горшковъ и инструментовъ производства [2]). Старинное слово к ю ӧ с ь обозначаетъ по преимуществу «глиняный горшокъ» и строго отличается отъ с а л ы р ъ, котелъ. Оно извѣстно и тамъ, гдѣ якуты теперь не знаютъ глиняной посуды, и употребляется въ смыслѣ «варить пищу», и служитъ для измѣренія (дороги) разстоянія. «Одинъ горшокъ», «два горшка», «горшокъ пѣшаго, коннаго», «бычій горшокъ» «часть горшка», к ю ӧ с ь б ы с а г а, значитъ разстояніе, которое сможетъ сдѣлать при данномъ способѣ передвиженія и по извѣстной дорогѣ чело-

[1]) Изъ нея я дѣлалъ впослѣдствіи тигли, въ которыхъ безъ затрудненія плавилъ серебро и мѣдь.

[2]) Списокъ ихъ, къ сожалѣнію, мною потерянъ.

вѣкъ въ то время, «когда уварится горшокъ мяса для средней якутской семьи». Время это равняется двумъ часамъ [1]), а размѣръ дороги—отъ 7 до 10 даже 12 верстъ. Этотъ способъ мѣрить дорогу не встрѣчается у сосѣднихъ племенъ; повидимому, онъ вывезенъ изъ далекаго юга и нисходитъ до тѣхъ временъ, когда якуты владѣли стадами овецъ [2]).

Возможно, что съ появленіемъ металловъ и усиленіемъ кочеванія, временно развитіе горшечнаго дѣла у якутовъ задержалось, даже пало. Примѣры подобнаго паденія были отмѣчены въ исторіи культуры и въ другихъ мѣстностяхъ [3]). Но знаніе горшечнаго производства поддерживалось, очевидно, въ народѣ преданіями и, съ увеличеніемъ осѣдлости, оно стало быстро увеличиваться и совершенствоваться. Укажемъ хотя бы на соль, которую якуты вводятъ теперь въ горшечное дѣло для приданія большей крѣпости и уменьшенія промокаемости своихъ горшковъ.

Изъ металловъ якутамъ знакомы: желѣзо, мѣдь, бронза, серебро, олово, свинецъ, золото. По значенію и распространенности на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить желѣзо. Это, кромѣ того, единственный металлъ, который въ настоящее время якуты добываютъ изъ руды, и единственное производство ясно обособившееся въ кустарный промыселъ. Имъ занимаются искони нѣкоторые роды въ Вилюйскомъ и Якутскомъ округѣ. Въ первомъ добыча желѣза сосредоточена въ Мархинскомъ улусѣ въ наслегахъ Асыкайскомъ, Одейскомъ, Кангаласкомъ и въ Верхне-Вилюйскомъ улусѣ, въ наслег. Хоринскомъ, Меитскомъ и I-мъ Удюгейскомъ. Во второмъ округѣ центръ ея представляютъ Хачикатскій и Жемконскій наслеги Восточнаго-Кангаласкаго улуса, именно роды ихъ, расположенныя по рѣчкамъ Батомѣ и Тюгатѣ.

Кромѣ того тамъ и сямъ по всему округу разбросаны единичные желѣзо-плавильщики или болѣе или менѣе крупные ихъ поселки. Такой поселокъ я видѣлъ недалеко отъ Тюхтюрской станціи въ Октемскомъ наслегѣ Западно-Кангаласкаго улуса, а отдѣльнаго кузнеца, умѣющаго плавить руду, встрѣчалъ даже въ мало-культурномъ Баягантайскомъ улусѣ.

Выплавка производится въ кувшинообразныхъ печахъ изъ огнеупорной глины въ 3 ф. 8 дюйм. вышиною и въ 3 фута шириною въ самомъ широкомъ мѣстѣ, которое приходится на четырнадцати приблизительно

[1]) Въ Авганистанѣ к ю ӧ с ъ тоже употребляется, какъ мѣра дороги; она равна 2½ верстамъ. Происхожденіе этой мѣры Миддендорфъ объясняетъ величиною былыхъ дневныхъ перекочевокъ, въ концѣ которыхъ «ставили горшокъ» варить пищу. Бётлингъ различаетъ оба слова: мѣру времени и дороги онъ пишетъ к ӧ с ь отъ к ӧ с ӧ б ю н ъ—кочую.

[2]) Миддендорфъ, ч. II, отд. V, стр. 570.

[3]) Клеменцъ. «Древности Минусинскаго музея», стр. 65.

Рис. 83. Якутскіе кузнецы.

дюймахъ выше дна. Верхнее отверстіе печи узко—немного болѣе 1 фута. Внизу находятся дверцы для вынманія крицы. Огнеупорныя стѣнки печки не толще $1^1/_2$—2 дюймовъ. Для крѣпости и сбереженія тепла она помѣщается часто въ срубъ набитый обыкновенной глиной. Маакъ описываетъ такія же печки въ Вилюйскомъ округѣ, но безъ обшивки. Въ нижнюю часть горна проведена труба отъ раздувательныхъ мѣховъ. Запершн кричное отверстіе глиняной дверцей и обмазавши ее глиною, разводятъ огонь и мало-по-малу, раздувая мѣхами, наполняютъ печку до верху углемъ. На него высыпаютъ около полуведра искрошенной въ куски руды. Когда уголь сгоритъ и опустится до половины печки, то опять подбавляютъ до верху угля и на него кладутъ такое же количество руды. И такъ повторяютъ процессъ до 15—20 разъ.

Изъ каждаго пуда руды получается отъ $3^1/_2$ до 4 фунтовъ желѣза. Крицы, болгò, выходятъ вѣсомъ отъ 25 фун. до 1 пуда. Онѣ очень пористы, покрыты толстымъ слоемъ окалины и шлаковъ. Чтобы сдѣлать ихъ пригодными для дальнѣйшей обработки, ихъ много разъ проковываютъ, причемъ половина вѣса угораетъ. Съ 1 пуда болгò получается максимумъ 25 фунтовъ желѣза. Иногда получается прекрасное мягкое, во-

локнистое желѣзо, иногда высокаго достоинства сталь; чаще всего помѣсь того и другаго, гибкая и вмѣстѣ съ тѣмъ доступная закалкѣ. Ее то ставятъ выше всего якуты, называя «якутскимъ желѣзомъ» саха тимиръ, въ отличіе отъ чистаго, мягкаго желѣза, русскаго, нучча тимиръ. Послѣдняго они не любятъ; привозная же сталь, укладъ, ысталъ, не доступна имъ по дороговизнѣ. Руководить процессомъ выплавки, чтобы получить желаемый сортъ желѣза, якуты не умѣютъ. Употребленіе флюсовъ имъ неизвѣстно. Руду ищутъ на поверхности земли на берегахъ рѣкъ или добываютъ изъ неглубокихъ шахтъ и ямъ. Затѣмъ сушатъ ее и дробятъ на небольшіе куски молоткомъ. Излюбленныя якутами руды: бурый и красный желѣзняки и сферо-сидериты. Послѣднимъ они отдаютъ предпочтеніе.

Рис. 84. Якутская винтовка.

Мастера, выплавляющіе желѣзо, обыкновенно селятся недалеко отъ залежей руды. Они рѣдко занимаются дальнѣйшей обработкой крицъ; обыкновенно отсылаютъ ихъ на продажу въ городъ или перепродаютъ на мѣстѣ другимъ, настоящимъ кузнецамъ.

Якутская кузница до сихъ поръ осталась подвижной кузницей кочевника, а якутскій кузнецъ—бродячимъ мастеромъ, охотно перебирающимся изъ одной мѣстности въ другую, изъ юрты въ юрту, то по вызову богатыхъ работодателей, то по личному усмотрѣнію. Главные его инструменты:

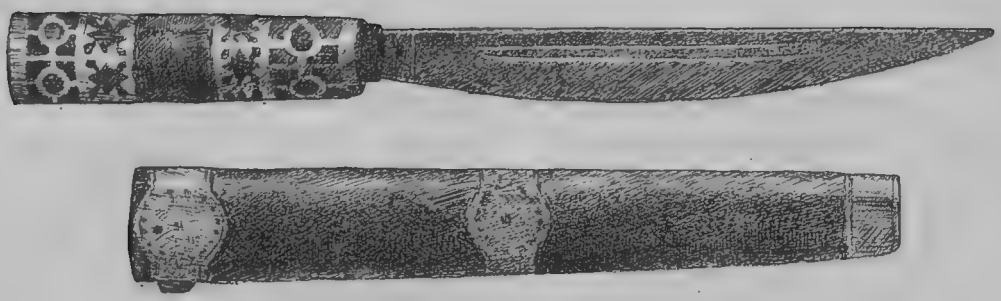


Рис. 85. Ножъ съ чехломъ, кынахъ бысахъ, якутской работы; ручка украшена оловянной набивкой. (1/2 наст. вел.).

мѣхъ, кёртъ, наковальня, кыстыкъ, клещи, кытыгасъ, молотъ, ётюё и напилокъ, иги. Всѣ эти вещи и по сейчасъ очень схожи съ тѣми, которыя изображены въ монгольской кузницѣ XVIII столѣтія Палласомъ [1]). Мѣха ихъ представляютъ также, какъ и у древнихъ монголъ, кожанные мѣшки изъ мягкой кожи, сшитые такъ, что формой они чрезвычайно напоминаютъ кожу, снятую чулкомъ съ кобыльяго зада; два рукава этихъ мѣшковъ привязываются къ общей двухгорлой деревянной втулкѣ, жерло которой вложено въ переднюю стѣнку горна. Между двумя мѣхами садится помощникъ кузнеца, его жена, сынъ, чаще всего самъ заказчикъ и дуетъ, обѣими руками, попеременно подымая и раскрывая пальцами отверстіе одного мѣха и закрывая, и опуская одновременно другой мѣхъ, такъ что струя воздуха получается непрерывная. Работа якутскимъ мѣхомъ требуетъ нѣкотораго навыка, но почти каждый взрослый якутъ умѣетъ съ нимъ справляться. Воздуха даетъ такой мѣхъ много, но невысокой плотности; отверстіе его жерла широко, что мѣшаетъ сосредоточить накаливаніе на небольшомъ пространствѣ. Мелкія вещи плохо свариваются при дѣйствіи этими мѣхами: онѣ горятъ; большія требуютъ другой пары мѣховъ. Уже кусокъ въ десять фунтовъ не можетъ быть доведенъ до плавленія безъ работы четырехъ мѣховъ одновременно. Кромѣ того, якутскіе мѣха требуютъ чуть-ли не вдвое больше времени въ сравненіи съ русскими

Рис. 86. Короткое охотничье копье. (4/10 наст. вел.).

[1]) P. S. Pallas. Samlungen historischer Nachrich en über die Mongolischen Volkerschaften. Erster Theil, Platte V.

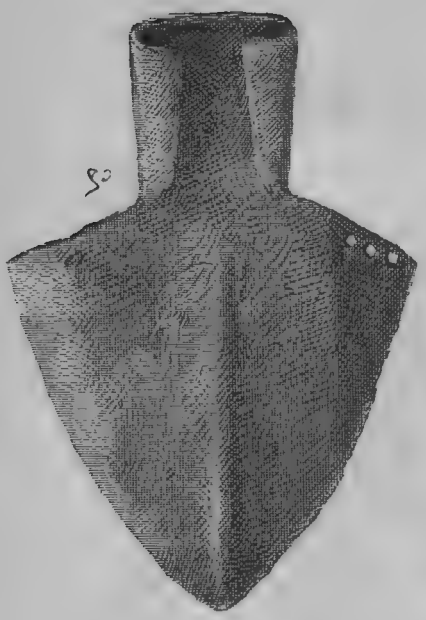


Рис. 87. Лѣмехъ для плуга якутской работы (1/8 наст. вел.).

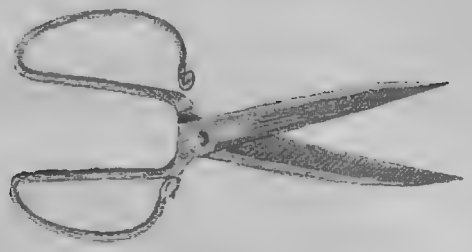


Рис. 88. Якутскія ножницы (1/4 наст. вел.).

Рис. 89. Ледоколъ (1/5 наст. вел.).

Рис. 90. Якутская подкова.

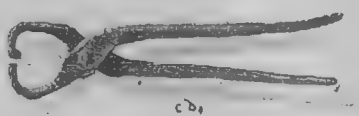


Рис. 91. Якутскія клещи.

кузнечными мѣхами для полученія тѣхъ же результатовъ. За то они безъ всякаго затрудненія раскладываются и примащиваются ко всякому комельку или даже просто во дворѣ. Горно представляетъ узкую рытвину въ 3—4 дюйма шириной, перпендикулярно къ которой по серединѣ пристроены мѣха. Въ правое устье жолоба, считая отъ мѣховъ, обыкновенно кладутъ подлежащее ковкѣ желѣзо, лѣвымъ выбрасываютъ золу и шлаки. Горно всегда полно угля. Уголь употребляется древесный легкій и мягкій, съ массой головешекъ. Получаютъ его, сжигая на воздухѣ сложенное въ клѣтку сухое дерево и заливая жаръ водой. Куютъ якуты обыкновенно сидя, на маленькомъ стульчикѣ, на корточкахъ передъ низенькой небольшой наковальней. Въ два молота куютъ чрезвычайно рѣдко, а тому, что можно ковать въ три и четыре молота, не вѣрили. Большинство видѣнныхъ мною якутскихъ молотовъ формой напоминало монгольскій топоръ, съ сильно развитымъ обухомъ. Бородка ихъ иначе заправлена, чѣмъ въ нашихъ молотахъ, она обыкновенно оттянута вдоль черенка. Пріемы и инструменты якутскихъ мастеровъ очень первобытны, тѣмъ не менѣе они справляются съ своими грубыми инструментами прекрасно, и при ихъ помощи свариваютъ довольно удачно даже ружейныя дула. Впрочемъ, такіе искусники въ каждомъ улусѣ на-перечетъ, средній же якутскій кузнецъ не отличается особенной чистотой работы и долженъ быть поставленъ значительно ниже

Рис. 92. Сюрахъ, серебряный женскій крестъ якутской работы.
(3/4 наст. велич.).

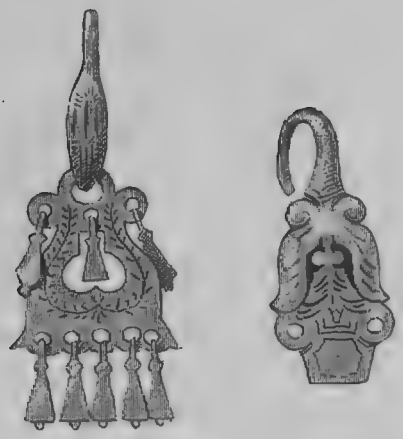


Рис. 93. Серебряныя серьги (наст. вел.).

Рис. 94. Серебряныя серьги (наст. вел.).

средняго русскаго кузнеца. Желѣзо до степени сварки якуты доводятъ неохотно, отчего оно въ работѣ часто пленится и щепится. Шовъ сварки всегда почти замѣтенъ и сила сцѣпленія его слаба. Для флюсовъ при свариваніи употребляютъ, какъ и русскіе кузнецы, бѣлый, кварцовый песокъ. Закаливаютъ предметы, погружая ихъ въ холодную воду со льдомъ; для большей крѣпости иногда передъ нагрѣваніемъ посыпаютъ ихъ порошкомъ слабо пережженаго рога и соли. Отпускъ по цвѣтамъ имъ незнакомъ и если отогрѣваютъ иногда закаленные предметы, то опредѣляютъ ихъ мягкость, пробуя напилкомъ. Ввиду прекраснаго навыка нѣкоторыхъ распознавать качества даннаго матеріала по его наружному виду, излому, цвѣту нагрѣва, якуты съ закалкой особенно *своей стали* справляются сносно; они дѣлаютъ изъ нея напилки, удачно закаливаютъ топоры, ножи, долота, пѣшни, копья и т. п. Не умѣютъ только калить и ковать ружейныхъ и всякихъ другихъ пружинъ. До недавнихъ поръ не умѣли тоже нарѣзывать винтовъ и сверлить желѣзо. Винторѣзки всѣ сплошь у нихъ покупные, а винтъ зовется бинтъ или пучче суола—русская дорожка. Коловоротъ, буръ, пьерка, сверленіе желѣза вызывали всегда удивленіе среди верхоянскихъ и колымскихъ кузнецовъ, хотя между ними есть и хорошіе мастера. На югѣ сверленіе желѣза практикуется, но тоже рѣдко; якуты предпочитаютъ желѣзо *пробивать*. Сверлить желѣзо имъ трудно еще потому, что нужныя для буровъ высшія сорта стали (гушталь) имъ незнакомы; я убѣдился, что они не умѣютъ ее обработывать, всегда прогрѣваютъ и жгутъ. Не знаютъ они также

чугуна и я помню недоумѣніе и ужасъ одного кузнеца, когда, принятая имъ по ошибкѣ за желѣзную, чугунная душка, согрѣтая въ горнѣ разсыпалась подъ молотомъ въ кашицу. Только тамъ, гдѣ проникла русская печка, а вслѣдъ за ней русскій чугунный горшокъ, они знаютъ этотъ металлъ и зовутъ его: джугунъ. Если нельзя сваривать желѣзныхъ предметовъ, то для соединенія ихъ якуты употребляютъ, какъ припой красную или желтую мѣдь, рѣже серебро. При спаиваніи употребляютъ буру, а за неимѣніемъ ея—жидко разведенную глину. Склепываютъ якуты предметы очень неумѣло. На заклёпки употребляютъ по большей части трубочки свернутой жести. Я не видѣлъ ни одного, который умѣлъ бы дѣлать настоящія заклёпки; они все-таки прекрасно понимаютъ превосходство настоящихъ заклёпокъ и моя заклёпочная машинка всегда среди нихъ вызывала зависть. Жестянники якуты тоже не важные. Паяютъ оловомъ грубо и толсто. На сѣверѣ даже лудятъ паяльникомъ; на югѣ для растиранія олова употребляютъ заячьи лапки, куски кожи и т. п. Паяльникъ у нихъ обыкновенно желѣзный; какъ облегчающія спаиваніе вещества употребляютъ нашатырь, стеаринъ, воскъ, лиственичную смолу (камедь). Жестяной посуды не дѣлаютъ; даже дно и заплаты вставляютъ до того неумѣло, что всегда послѣ починки якутскія хозяйки принуждены замазывать щели тѣстомъ. За то большинство якутскихъ кузнецовъ прекрасные мѣдники и серебреники. Не говоря уже о мелкихъ предметахъ, какъ-то: пряжкахъ, кольцахъ, серьгахъ, крестахъ, печатяхъ, цѣпочкахъ, привѣсочкахъ, и цѣлыхъ сложныхъ украшеніяхъ, которыя они чисто и тонко отливаютъ изъ обоихъ металловъ, многіе изъ нихъ изъ мѣднаго лому выливаютъ и выковываютъ большіе, ведеръ въ 10—12, котлы, пузатые чай-

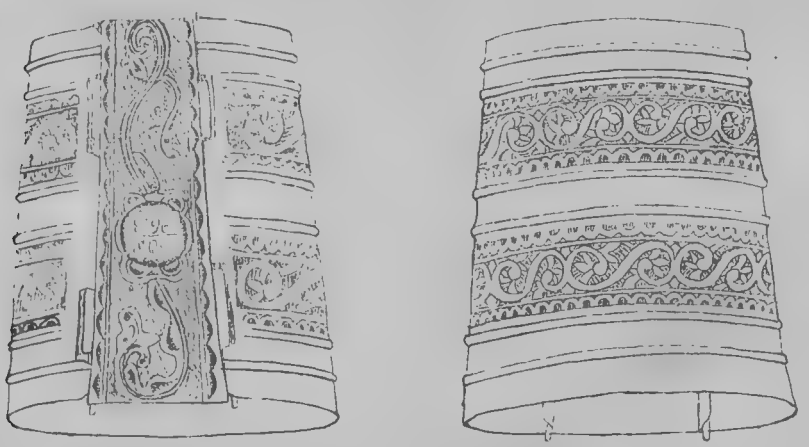


Рис. 95. Бёгёкъ, серебряныя браслеты.
(1/2 наст. вел.).

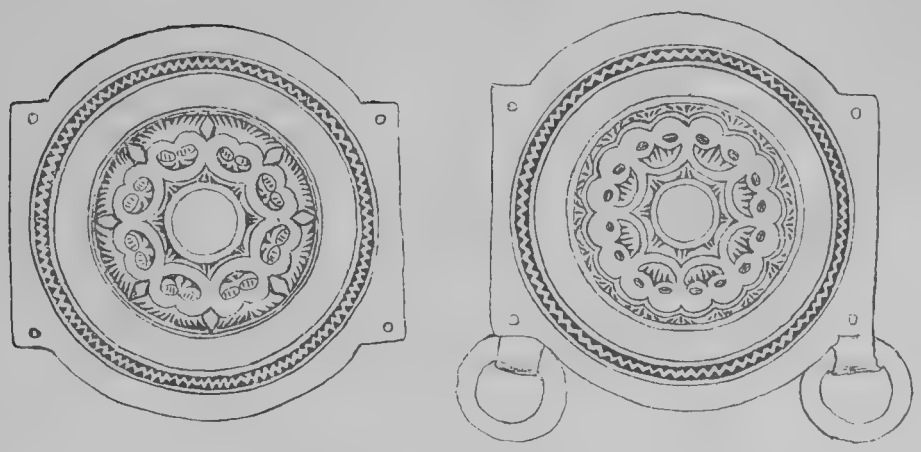


Рис. 96. Пластинки серебрянаго пояса.
(наст. вел.).

ники въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ и даже, я записалъ въ Намскомъ улусѣ преданіе, что одинъ изъ колоколовъ Намской управской церкви, отлитъ якутомъ (Намс. ул., 1891 г.). Литейное ихъ искусство равняется и, пожалуй, превышаетъ ихъ кузнечныя знанія. Они плавятъ и льютъ даже золото и я видѣлъ у богачей золотые перстни, серьги и браслеты работы якутскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Для плавки этихъ металловъ они употребляютъ небольшіе тигли изъ огнеупорной глины, съ округлымъ, какъ у яичной скорлупы, днемъ. Горшки слегка грѣютъ, затѣмъ кладутъ въ нихъ металлъ и, помѣстивъ посерединѣ горна, тщательно обсыпаютъ мелкимъ горячимъ углемъ. Немного спустя начинаютъ слегка поддувать мѣхами, все усиливая и усиливая токъ воздуха. Когда металлъ расплавится, его мѣшаютъ тонкой деревянной лучиной, выдуваютъ черезъ длинную трубку съ горшка золу и уголь и, схвативши загнутыми щипцами за край горшка, вынимаютъ его съ горна и выливаютъ металлъ въ приготовленную и согрѣтую заблаговременно форму. Форма обыкновенно состоитъ изъ двухъ совершенно одинаковыхъ желѣзныхъ рамокъ, которыя наполняются влажнымъ, мелкимъ рѣчнымъ иломъ, выглаживаются, посыпаются порошкомъ древеснаго угля и сдавливаются на модели, какъ створки. Оттискъ обыкновенно чистъ и нѣженъ. Крупныя вещи также формуются и отливаются якутами, какъ мелкія; разница только въ размѣрахъ формъ.

Красную мѣдь для большихъ котловъ они сперва выливаютъ въ толстые круги а затѣмъ куютъ, согрѣвая до темно-краснаго каленія. Серебряныя облицовки къ сѣдламъ, кружки и бляхи къ поясамъ, тоже отливаютъ сначала болѣе толсто а затѣмъ выковываютъ. Якуты умѣютъ или-

фовать свои металлическія издѣлія помощью напилковъ, но совсѣмъ не знаютъ полировки. Вообще работа и рѣзьба ихъ довольно груба, но бываютъ исключенія. Я знаю случай, когда Верхоянскій серебряникъ, Румянцевъ, сдѣлалъ на парѝ серебряный, гравированный кубокъ точь въ точь такой, какъ привезенный пріѣзжимъ купцомъ изъ Москвы. Этотъ же Румянцевъ дѣлалъ винтовки, слывущія по всему краю. Я видѣлъ одну, за которую заплатили 100 руб. и которая на 200 шаговъ била безъ промаха въ цѣль. Онъ же, не будучи грамотнымъ, рѣзалъ печати по рисунку, сдѣланному на бумагѣ, и закаливалъ ножи такъ хорошо, что за нихъ якуты платили охотно вдвое больше. Такихъ кузнецовъ мало. Слава Румянцева гремѣла по всему округу и живетъ вѣрно до сихъ поръ, хотя старикъ, я слышалъ, умеръ.

Количество желѣзныхъ, мѣдныхъ и серебряныхъ предметовъ, находящихся во владѣніи якутской семьи, сильно измѣняется съ ея благосостояніемъ. То оно падаетъ до нѣсколькихъ фунтовъ, то подымается до нѣсколькихъ пудовъ. За обязательные предметы для семьи въ 5 человѣкъ нужно считать:

у бѣдныхъ.

ЖЕЛѢЗА.

1 топоръ	вѣсомъ	3	фун.	—	лот.	—	р.	50 коп.
2 ножа	»	—	»	8	»	—	»	60 »
1 ножницы	»	—	»	9	»	1	»	— »
1 сковорода	»	—	»	20	»	—	»	60 »
1 коса	»	1	»	16	»	1	»	— »
1 огниво	»	—	»	4	»	—	»	40 »
1 котелокъ	»	—	»	10	»	—	»	50 »
1 скребокъ для кожи . .	»	—	»	25	»	—	»	40 »
1 наперстокъ	»	—	»	½	»	—	»	10 »
Иглы, шилья, пряжки и т. п.	«		»	1	»	—	»	20 »
Всего	вѣсомъ	6	фун.	8½	лот.	5	р.	30 коп.

МѢДИ.

Чайникъ	вѣсомъ	2	фун.	16	лот.	3	р.	— коп.
2 крестика	»	—	»	2	»	—	»	30 »
1 пара серегъ	»	—	»	1	»	—	»	40 »
2 вѣнчальныхъ кольца. .	»	—	»	1	»	—	»	20 »
10 литыхъ пуговицъ. . .	»	—	»	4	»	—	»	30 »
Всего	вѣсомъ	2	фун.	24	лот.	4	р.	20 коп.

Это составитъ на 40.000 якутскихъ семействъ около 7.000 пудовъ желѣза, на 200.000 слишкомъ рублей серебромъ, и 2.750 пуд. мѣдныхъ издѣлій на 140.000 руб. Если къ этому прибавить ¼ фунта олова на семью въ полудѣ, спайкѣ, мелкихъ подѣлкахъ и украшеніяхъ, что со-

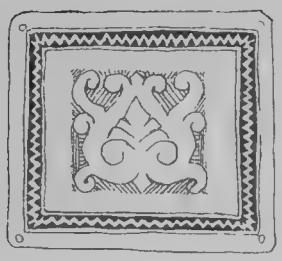


Рис. 97. Пластинка серебрянаго пояса (наст. велич.).

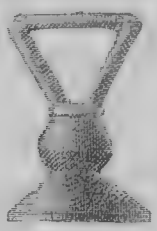


Рис. 98. Мѣдная печать.

Рис. 99. Мѣдная пуговица для сѣдла.

ставить 250 пуд., стоимостью около 6.000 руб., то получится 10.000 пуд. металлическихъ издѣлій на 334.000 руб., находящихся въ постоянномъ пользованіи якутовъ [1]). Конечно, показанная сумма значительно ниже настоящей. Еще въ 1860 году Маакъ исчислялъ ежегодную добычу желѣза въ Области въ 3.000 пудовъ [2]). Съ тѣхъ поръ добыча желѣза не уменьшилась, а привозъ его годъ отъ году возрастаетъ. Тоже самое можно сказать о распространеніи мѣди, олова, серебра, свинцу и другихъ металловъ, не добываемыхъ якутами. Учесть болѣе точно количество металлическихъ предметовъ у якутовъ невозможно, по недостатку данныхъ. Ради полноты привожу перечень ихъ въ богатомъ якутскомъ хозяйствѣ.

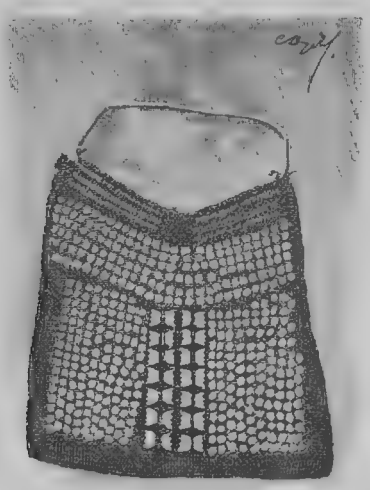


Рис. 100. Вышитый серебромъ нагрудникъ.

[1]) Расцѣнка сдѣлана по мѣстнымъ рыночнымъ цѣнамъ.

[2]) 420 пудовъ въ Мархинскомъ улусѣ и почти столько же въ Верхне-Вилюйскомъ (Маакъ, ч. III, стр. 151).

ЖЕЛѢЗО.	ВѢСЪ Ф.	Л.	ЦѢНА Р.	К.
3 топора	12	—	1	50
3 ножа	—	16	2	—
1 долото	—	8	—	40
1 стругъ	—	7	—	50
2 сверла	—	8	—	70
1 пила	—	16	1	—
1 подпилокъ	—	10	1	—
1 огниво	—	4	—	60
3 скребка для кожи	1	6	1	20
2 пары ножницъ	—	16	1	50
2 наперстка	—	1	—	20
иглы, шилья, пряжки	—	10	—	80
2 котла	2	8	1	50
2 сковороды	1	16	1	60
1 лопатка для оладьи	—	7	—	50
1 щипцы для угля	—	16	—	60
1 сковородникъ	—	3	—	30
1 хоруръ (заступъ)	1	16	—	50
1 пѣшня	3	—	1	—
1 лѣмехъ	7	—	2	50
3 косы	6	—	4	—
2 серпа	—	12	1	—
1 батасъ	2	—	2	50
2 пары стремянъ	4	—	3	—
2 оковки къ сѣдлу	6	—	2	60
2 узды	—	20	1	—
кольца, пряжки, застежки и т. д.	—	16	1	50
1 кованая тѣлега	80	—	18	—
1 винтовка съ прибор.	12	—	20	—
1 желѣзный безмѣнъ				
1 ворганъ (хамысъ)	12	—	3	—
1 ломъ и остальныя мелочи	5	—	1	—
Итого	160	25	78	—

МѢДЬ.	ВѢСЪ Ф.	Л.	ЦѢНА Р.	К.
2 чайника (красн.)	10	—	10	—
1 самоваръ (желт.)	12	—	9	—
пуговицъ, колецъ, побрякушекъ, привѣсокъ	3	—	5	—
украшеній къ сѣдламъ и уздамъ	5	—	6	—
1 котелъ (средній)	7	—	10	—
1 котелъ большой (алгый)	15	—	17	—
1 печать	—	2	—	50
Итого	52	2	57	50

СЕРЕБРО.	ВѢСЪ Ф.	Л.	ЦѢНА Р.	К.
1 женское украшеніе на грудь (илинъ кебигеръ)	1	8	50	—
1 женское украшеніе на спину (калинъ кебигеръ)	1	—	45	—
2 креста съ цѣпочкой		8	9	—
2 креста мужскихъ	—	3	2	—
1 поясъ	—	16	10	—
2 пары серегъ	—	2	3	50
1 пара браслетъ (бёгёкъ) подвѣсокъ, побрякушекъ, украшеній къ сѣдламъ, колецъ, уздечекъ, пуговицъ	1	—	30	—
6 серебряныхъ ложекъ	—	26	20	—
1 риза къ образамъ	—	4	—	—
Итого	5	8	173	50

ОЛОВО и СВИНЕЦЪ.	ВѢСЪ Ф.	Л.	ЦѢНА Р.	К.
полуда, спайка, починки	3	—	2	50
украшенія	1	16	1	50
пули и дробь (свинецъ)	5	—	1	50
Итого	9	16	5	50

Качество металловъ, обращающихся среди якутовъ, самое разнообразное и сильно вліяетъ на цѣну предметовъ. Лучшія ихъ серебряныя издѣлія, «старинныя», какъ говорятъ они, содержатъ только 50% серебра, остальное мѣдь и цинкъ [1]). Металлическаго цинка якуты совершенно не знаютъ, онъ попадаетъ къ нимъ въ русскихъ товарахъ только въ сплавахъ, какъ латунь. Бронзу якуты знаютъ и зовутъ чянъ [2]); подѣлки изъ нея у нихъ довольно рѣдки и цѣнятся низко. Любимый ихъ металлъ для украшеній—серебро; золота они не любятъ.

Рис. 101. Горбуша, зимнія сары, сѣдло. рабочая женская коробка. винтовка, чепракъ, ножъ.

«Что въ немъ красиваго,—та же мѣдь!..» говорили мнѣ Колымскіе якуты, когда я имъ показывалъ никогда ими невиданныя золотыя кольца и цѣпочки (Колым. ул., 1882 г.). Другое дѣло серебро; желая выразить

[1]) По Мааку якутское серебро содержитъ:

Серебра	34,26%
Мѣди.	50,78%
Цинка	15,05%

[2]) Чянъ я слышалъ называли также блѣдно-желтый сплавъ мѣди съ небольшой прибавкой серебра. Чянъ—называли также нейзильберъ; но чянъ по преимуществу называли бронзу. Для двухъ первыхъ существуетъ особое названіе полскöй кöмюсь—польское серебро; бронзу они всегда называютъ чянъ. Многіе, впрочемъ, якуты не умѣютъ отличать бронзы отъ мѣди и не знаютъ слова чянъ.

высшую степень красоты, они говорятъ: «какъ серебро», и любовное, ласкательное ихъ имя—кӧмюсь—серебро. Золото зовутъ краснымъ серебромъ, кысылъ кӧмюсь. Мѣдь предпочитается ярко-красная; даже желтую мѣдь, которую зовутъ «бѣлой мѣдью» юрюнгъ алтанъ, предпочитаютъ съ краснымъ отливомъ.

Знали ли якуты до пришествія русскихъ всѣ эти металлы? Кой-что можно отвѣтить только относительно желѣза, мѣди и серебра. Древность знакомства ихъ съ первымъ не подлежитъ сомнѣнію. Преданія, записанныя мною по поводу всевозможныхъ случаевъ, постоянно указываютъ на это. Герои ихъ былинъ воюютъ постоянно желѣзнымъ оружіемъ.

«Желѣза было мало, все оно шло на копья, стрѣлы и панцыри, куяхъ, на косы его не хватало, ихъ дѣлали изъ кости или косили батасами» (Баягант. ул., 1885 г.), говорили якуты по поводу изобрѣтенія косы.

«Желѣзо мы знали до русскихъ, богатыри наши выходили на бой въ желѣзныхъ рубашкахъ, а только было его мало, и простые люди, кӧпнёрю киси, долго еще дѣлали къ стрѣламъ острія изъ расколотыхъ вдоль костей скотскихъ голеней» (Колымс. ул., 1883 г.).

Правда, есть у меня и такія записи:

«Желѣзо получается изъ камня. Добывать желѣзо изъ камня научили русскіе...»

«Мѣдь и серебро находятся въ землѣ, а желѣзо получается изъ камня. Когда узнали желѣзо, въ то время и стали сѣно косить...» (Намс. ул., 1887 г.).

Но этимъ показаніямъ противорѣчатъ историческіе документы, указывающіе на то, что инородцамъ Якутской области желѣзо было знакомо до пришествія русскихъ. Въ отпискѣ служиваго Семена Епишева (1652 г.) къ якутскому воеводѣ Дмитрію Францебекову говорится, между прочимъ: «пришли мы моремъ на усть Охты рѣки и въ тѣ поре на устьѣ иноземцевъ тунгусовъ было многихъ родовъ тысяча и больше, и стрѣляли насъ збруйны и оружейны, съ луки и съ копья, въ куякахъ и шишакахъ въ желѣзныхъ и костяныхъ и въ Охту пустить не хотѣли—хотѣли побить» [1]).

Сомнѣнію не подлежитъ, что разъ желѣзныя издѣлія были въ то время у тунгусовъ, то они были и у якутовъ, стоящихъ во всѣхъ отношеніяхъ выше тунгусовъ и другихъ своихъ сосѣдей [2]).

---

[1]) Дополненіе къ историческимъ актамъ, III, стр. 333—4.

[2]) Подобное же мнѣніе высказываетъ въ своей статьѣ «Объ орудіяхъ каменнаго вѣка на сѣверѣ и востокѣ Сибири», г. Поповъ. Онъ говоритъ: «При покореніи сѣверо-восточной

Отмѣчу также, что въ настоящее время только у якутовъ сохранилась самостоятельная выплавка желѣза изъ рудъ. Тунгусамъ она незнакома и нѣтъ преданій, указывающихъ на что нибудь подобное. Наоборотъ, есть указаніе на позаимствованіе послѣдними. Георги говоритъ по этому поводу:

«Между лѣсными тунгусами есть и кузнецы: но другихъ ремесленниковъ нѣтъ никакихъ. Наковальня, молотъ, терпукъ, клещи, которые они, какъ и самое желѣзо, вымѣниваютъ на мягкую рухлядь у собирающихъ подушный окладъ казаковъ, раздувальные мѣхи изъ тюленьихъ кожъ подобные нашимъ [1]), не выключая и самаго мѣшечка съ угольемъ, тяжестью вообще не больше, какъ въ полпуда: почему всякій кузнецъ весь свой приборъ можетъ носить съ собою подъ пазухою» [2]).

Между тѣмъ о якутахъ тотъ же Георги говоритъ: «...они умѣютъ плавить желѣзо и изрядно куютъ изъ онаго разныя надобности; а особливо искусны въ томъ Вилюйскіе кузнецы» [3]).

Еще раньше у Штраленберга, въ книгѣ, изданной въ 1730 году, находимъ замѣтку, что «у якутовъ котлы имѣли дно желѣзное, а бока изъ березовой коры и все это такъ устроено, что ни вода не проливается, ни огонь боковъ не сжигаетъ» [4]).

Кромѣ острія стрѣлъ, повидимому одинаковыхъ у инородцевъ всей Сибири, есть у якутовъ и другія желѣзныя орудія, сохранившія до сихъ поръ свои древнія, оригинальныя формы. Къ такимъ принадлежитъ якутское *военное копье* батасъ (рис. 126). Лезвее его длиною въ $^3/_4$ слишкомъ аршина, съ прямой, тупой спинкой, съ острымъ концомъ, по серединѣ слегка расширяющимся, такъ что остріе образуетъ ломанную линію. Ширина его у деревца $1^1/_4''$ а въ самомъ широкомъ мѣстѣ $1^1/_2$ дюйма. Толщина $^1/_8''$. Его березовая ручка къ концу становится тоньше. У лезвія она не толще $1''$ въ діаметрѣ. Не рѣдко она обернута скотскими сухожиліями, обклеена черненой кожей

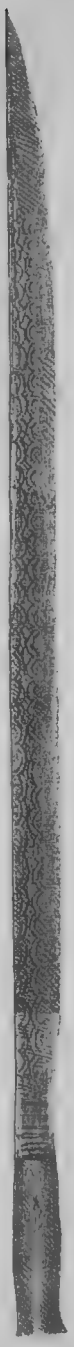


Рис. 102. Древній желѣзный мечъ-болатъ. ($^1/_5$ нас. вел.).

Сибири русскими въ XVII столѣтіи одни якуты умѣли обрабатывать желѣзо. По свидѣтельству архивныхъ актовъ, производство желѣзныхъ издѣлій въ это время достигло у нихъ уже значительной степени развитія; ибо изъ желѣза приготовлялись не одни орудія необходимости: ножи, топоры, копья, стрѣлы, рогатины, но и куяки (кожаныя брони съ нашитыми желѣзными пластинками), шишаки (шлемы) и т. п.

[1]) Теперь тунгусы, живущіе въ Якутской области, употребляютъ якутскіе кузнечные мѣха.

[2]) Часть III, стр. 45.

[3]) Часть II, стр. 172, изд. 1777 г.

[4]) Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730, p. 377.

Рис. 103. Современный якутскій топоръ (1/5 наст. вел.).

Рис. 104. Обыкновенный якутскій ножъ (1/3 наст. вел.).

и украшена съ обѣихъ сторонъ двумя узкими продольными полосками бѣлой бересты. Въ общемъ батасъ красивое, легкое, боевое оружіе, нѣкогда любимое якутами. Имъ можно и колоть и рубить. Точно такое ихъ *охотничье копье*, батыя-хотоханъ (рис. 126), только остріе его поменьше и пошире. Лезвее копья не рѣдко гравировано, украшено простой, но изящной рѣзьбой, мѣдными и серебряными насѣчками. Ихъ особенность заключается въ томъ, что острія ихъ сточены съ правой стороны, между тѣмъ какъ у остальныхъ рѣжущихъ инструментовъ, включая топоръ и косу, якуты стачиваютъ лѣвую сторону. Красивы также, но рѣдки желѣзные мечи, болатъ (рис. 102). Не менѣе древній по формѣ якутскій *топоръ*, сюге. Не смотря на совершенно одинаковое названіе съ монгольскимъ—сугэ, онъ сильно отъ послѣдняго разнится. Онъ узокъ, въ $2^1/_2$—3″, ровенъ, съ тонкимъ обухомъ, безъ бородки и обушной закраины, съ прямымъ тонкимъ остріемъ. Эти признаки, а также размѣры, сильно сближаютъ его съ бронзовыми сибирскими топориками поздпѣйшаго періода. Бородка, обушныя закраины, закругленность острія и большая его противъ обуха ширина, встрѣчающіеся теперь все чаще, по сознанію самихъ якутовъ, поздпѣйшія русскія нововведенія.

«Въ старину топоры были еще *уже* и еще *меньше;* рубили ими, точно долотомъ долбили», передавали Колымскіе якуты (1883 г.). «Въ старину топоры были узкіе и было ихъ нѣсколько родовъ, а у всякаго особое названіе». (Намс. ул., 1890 г.). Узнать названій мнѣ не удалось [1]). Маакъ говоритъ про два топора: чіёсля [2]) и—адалха [3]); оба, съ по-

[1]) Въ сказкахъ какой-то родъ топоровъ называютъ: тäрäхъ чохронъ сюге.

[2]) Чесля русское «тесьмы». (Памятники Сибир. Исторіи XVIII вѣка, кн. II, стр. 40. «Роспись морскаго ходу судовыхъ припасовъ»).

[3]) Часть III, стр. 48.

Рис. 105. Якутскій ножъ вынутый изъ ручки (1/2 наст. вел.).

Рис. 106. Монгольскій ножъ (1/2 наст. вел.).

перечными къ черенку, полукруглыми остріями, употребляются для выдалбливанія лодочекъ и чашекъ. Такой же топоръ съ узкимъ, прямымъ остріемъ я видѣлъ въ Якутскомъ округѣ. Его тамъ употребляютъ для продалбливанія дыръ въ столбахъ.

Но изъ всѣхъ якутскихъ металлическихъ инструментовъ самаго большаго вниманія заслуживаетъ несомнѣнно *якутскій ножъ*. Онъ небольшой, рѣдко длиннѣе 4″ и рѣдко шире 1/2″. Спинка его тупая, прямая, отъ 3 до 5 линій толщиною. Конецъ острый, пальмовидный. Лезвіе слегка выгнуто. Сточена у него всегда лѣвая сторона, подобно большинству видѣнныхъ мною древнихъ курганныхъ, сибирскихъ ножей и подобно имъ же правая сторона у якутскихъ хорошихъ клинковъ слегка вогнута. Въ послѣднее время съ этой стороны стали дѣлать якутскіе мастера желобокъ. Хвостъ, который вбивается въ деревянный или костяной черень, вдвое короче лезвія. Обыкновенно хвостъ помѣщается по серединѣ лезвія, образуя два плечика, но я видѣлъ ножи, гдѣ хвостъ оттянутъ въ одной линіи съ остріемъ и плечо одно. Якутскій ножъ, повидимому, есть образецъ совершенно особыхъ сибирскихъ ножей [1]). На югѣ Сибири онъ не встрѣчается; буряты, монголы, урянхайцы употребляютъ кинжаловидные ножи, ручка которыхъ плоска и такой же почти ширины, какъ лезвіе.

[1]) Желѣзныя издѣлія: топоры, удила, стремена, огнива, пряжки, наконечники стрѣлъ, копья и проч. и проч. чрезвычайно похожія на теперешнія якутскія, широко разбросаны по Европѣ и Азіи въ могильникахъ курганнаго періода. Меня особенно поразили *ножи* того періода, тождественные даже въ деталяхъ съ якутскими современными ножами. При самомъ бѣгломъ обзорѣ Московскаго историческаго музея, я отмѣтилъ по каталогу 1893 года тождественные съ якутскими клинками:

Въ водоемѣ Днѣпра: Гнѣздиковскій могильникъ, зала 4, витрина 3-я (верхъ и низъ) предметы: №№ 210, 308, 309, 496, 514, 516, 517, 519, 520. 521. 522. 523, 524; витрина 4-я предметъ № 602; витрина 5-я (низъ) предметы: №№ 634. 646; витрина 6-я (низъ) предметы: №№ 663. 679, 688, 691; витрина 5-я (верхъ) предметъ № 770. Въ водоемѣ Днѣпра и Нѣмана: витрина 7-я (низъ) предметы №№ 852, 990, 993. Въ долинѣ р. Десны: витрина 8-я (низъ) предметъ № 1050. Въ водоемѣ Балтійскаго моря: витрина 11, предметъ № 1186 (или 5), витрина 12, предметъ № 1236; витрина 13-я, предметъ № 1311, 1314; витрина 14, пред-

Рис. 107. Старинные сибирскіе ножи, найденные около Тунки. Собственность Восточ. От. Рус. Геог. Общ. № 1058. (1/2 наст. вел.).

Рис. 108. Остріе стрѣлы. (1/2 наст. вел.).

Оправа ручки состоитъ изъ двухъ половинокъ, приклёпанныхъ или привязанныхъ къ черенку, совсѣмъ какъ у бронзовыхъ ножей этого типа. Только самодѣльные ножи минусинскихъ татаръ имѣютъ нѣкоторое сходство съ якутскими [1]). Въ послѣднее время русскій фабричный ножъ всюду въ Сибири вытѣсняетъ самобытные инородческіе клинки. Якуты до поры до времени составляютъ исключеніе. Качество добываемаго ими желѣза вполнѣ соотвѣтствуетъ формѣ и употребленію большинства ихъ орудій, что и удерживаетъ орудія эти въ обращеніи.

меты: №№ 1471, 1527, 1533, 1536, 1541, 1545, 1568, 1601. Въ водоемѣ Волги: витрина 15 (низъ) предметы: №№ 1630, 1637, 1720, 1733, 1741; витрина 15 (верхъ) предметы: №№ 1768 (или 9?) 1796, 1805, 1839, 1853; витр. 16, предметы: №№ 1865, 1870, 1875, 1877, 1901, 1926, 1936, 1937, 1966, 1967; витрина 17, *всѣ* почти ножи въ этой витринѣ якутскаго типа; тоже самое въ 18, 19 и 20 витринахъ. Въ 21 витринѣ № 2489 отмѣченъ какъ *очень похожій*. Въ 22 витринѣ въ Московской губерніи не отмѣчено мною ножей якутскаго типа. Въ витринѣ 24, въ Рязанской губ., Касимовскаго у., отмѣченъ № 535, въ Владимірской губ. витр. 25, предметъ № 658. Зало 5, Нижегородская губ. витрина 1 и 2, предметы: №№ 15, 43, 122; витрина 3 Вятская губ., предметъ № 241. Водоемъ Каспія и Закаспійскихъ озеръ, Тургайская обл. витрина 4, предметъ № 305. Зало 6. Терская область витрина 3, предметы: №№ 210, 212, 223, 226, 230, 231, 232, 235. 238. 244. Такіе же ножи попадаются въ курганахъ Харьковской губ., Богодуховскаго уѣзда и въ Полтавской губ., Роменскаго уѣзда; затѣмъ въ Мощинахъ, въ Спасскомъ городцѣ, въ Кавказскихъ коллекціяхъ Самоквасова. въ Каррасской группѣ кургановъ Терской области. Вездѣ почти сопутствуютъ ножамъ этого типа глиняные горшки по формѣ, работѣ и украшеніямъ близкіе къ якутскимъ. На сходство другихъ желѣзныхъ издѣлій я уже указывалъ. Теперь еще отмѣчу, что въ залѣ 4 въ витринѣ 24, подъ № 493 помѣщены: *три проволочныя овальныя пряжки съ длинными стержнями*, всякій видѣвшій якутскій музыкальный инструмеетъ х а м ы с ъ, сейчасъ же признаетъ въ этихъ странныхъ пряжкахъ родныхъ его братьевъ. Вообще детально сравненіе якутскихъ узоровъ, ихъ металлическихъ и гончарныхъ издѣлій съ подобными предметами курганнаго періода могло бы, думаю, помочь къ разъясненію многихъ загадокъ и многіе обычаи якутовъ объяснили бы странности тогдашняго погребенія. Осматривая переломы многихъ клинковъ того времени, я невольно вспоминалъ привычку якутовъ ломать копья и ножи и продырявливать котлы и посуду, оставляемые ими въ могилахъ покойниковъ.

[1]) Клеменцъ—устное сообщеніе.

Предположеніе, что добыча желѣза позаимствована якутами у русскихъ, неосновательна. Возможно только, что подъ вліяніемъ желѣзоплавильныхъ казенныхъ заводовъ на рѣкѣ Тёра и Батомѣ существовавшихъ въ 1730 г., измѣнились у якутскихъ плавильщиковъ этой мѣстности и форма и размѣры горна, что они позаимствовали нѣкоторые пріемы [1]). Въ основѣ якутское желѣзо-плавильное дѣло осталось такимъ же, какимъ оно было до пришествія русскихъ, и повидимому они его принесли съ юга. Его описываетъ Георги въ такихъ выраженіяхъ:

«Въ плавильномъ ихъ снарядѣ составляютъ всю разность, въ отношеніи къ Абинцкому плавленію, одни только раздувальные мѣхи...» (Часть II, стр. 174). О Абинцахъ же онъ говоритъ: «Плавильное ихъ заведеніе едва ли можетъ быть простѣе. Плавильная печь дѣлается въ зимней хижинѣ и состоитъ въ гемисферическомъ на пядень углубленіи глинистаго пола въ избѣ, у котораго находится на одной сторонѣ для дѣйствія двумя мѣхами небольшое отверстіе. Яма покрывается круглою горбатою вьюшкой изъ глины, у которой въ самомъ верху есть отверстіе пространствомъ дюйма въ два. Когда плавятъ, то наполняютъ печь такими мелкими угольями, какіе только сквозь отверстіе проходить могутъ и опые поджигаютъ. А какъ они совсѣмъ разгорятся, то при безпрестанномъ раздуваніи мѣхами бросаютъ поперемѣнно сквозь отверстіе въ печь, то уголья, то по небольшому количеству истолченной мѣлко руды. Часа въ полтора выходитъ руды около трехъ фунтовъ. Вскрывши печь, очищаютъ они переплавленную руду отъ огарковъ біеніемъ оной деревянными поленьями. Изъ выплавленнаго такимъ образомъ желѣза куютъ они на каменныхъ наковальняхъ желѣзными молотами желѣзцы къ стрѣламъ и заступы; больше же продаютъ невыдѣланнаго желѣза россійскимъ кузнецамъ...» (стр. 163).

Всѣ пріемы, включая «біеніе поленьями» и продажу крицъ на сторону, остались у якутовъ и по сейчасъ тѣ же.

---

[1]) «Противъ устья большой Батомы въ толще пестраго известняка на лѣвомъ берегу Лены при урочищѣ Кёмисхая (Кёмюсь-серебро, хая-гора) *видны древнія копи*, дѣланныя для выработки бураго желѣзняка, въ который былъ вкрапленъ серебристо-свинцовый блескъ съ сѣрнымъ колчеданомъ». Словцевъ. Періодъ IV, стр. 142. Мнѣ напр. говорили, что нѣкоторые мастера на Патомѣ (Батомѣ) предварительно пережигаютъ руду на кострахъ; а на р. Тамгѣ, впадающей въ Лену съ правой стороны въ 30 верстахъ выше Якутска, гдѣ былъ основанъ заводъ въ 1732 году, употребляютъ *флюсы* (?!). Еще раньше, при первыхъ воеводахъ Головиныхъ, будто бы началась въ г. Якутскѣ обработка желѣза кузнецами вывозимыми изъ Европейской Россіи. Въ историческихъ актахъ есть дѣйствительно на это указанія. По всей вѣроятности вызвано это было примѣромъ якутскихъ желѣзоплавильщиковъ, такъ какъ казаки нигдѣ самостоятельно не дали начала добыванію металловъ, а всегда только захватывали и расширяли уже существующіе инородческіе мѣстные промыслы. (Gmelin Reise, стр. 484 и 486). Такъ было въ Кузнецкѣ, такъ было и въ Якутскѣ.

Впрочемъ, есть у нихъ слѣды еще болѣе древнихъ пріемовъ. Въ Намскомъ улусѣ я записалъ слѣдующее преданіе: «Желѣзо, мѣдь, серебро мы, якуты, считаемъ за слезы (харахъ ута) невидимыхъ существъ (абасы). Они разсыпаны по землѣ, и люди, блуждая по рѣкамъ, находятъ эти камни». (Нам. ул., 1890 г.).

Богатый старикъ Капитонъ, жившій въ мѣстности Туруялахъ въ III Баягантайскомъ наслегѣ, въ то время, когда я тамъ жилъ, ежегодно посылалъ, послѣ убыли воды, на берегъ Алдана, своихъ малолѣтнихъ внуковъ, отыскивать «желѣзные камни». Они оказывались на столько богаты желѣзомъ, что ихъ безъ всякихъ особыхъ хлопотъ переплавляли и перековывали въ простомъ якутскомъ горнѣ.

Степень знакомства якутовъ въ прошломъ съ мѣдью, серебромъ, оловомъ, выяснить значительно труднѣе. Ни одного изъ этихъ металловъ они въ настоящее время не добываютъ. Для подѣлокъ употребляютъ старый ломъ, деньги или привозной въ кускахъ сырецъ. Даже подлинно не дознано до настоящаго времени, существуютъ ли въ Якутской области мѣдные рудники, годные для выработки. Тѣмъ не менѣе сохранились признаки, что въ Якутской области жилъ когда-то какой-то народъ, близко знакомый съ мѣдью. Въ Якутскомъ музеѣ есть красной мѣди ваза, найденная въ Вилюйскомъ округѣ. Въ томъ же округѣ въ 150 верстахъ отъ города Вилюйска найденъ прекрасный обоюдоострый бронзовый мечъ (рис. 20) [1]).

Наконецъ, о подобной же мѣдной находкѣ въ вершинахъ Вилюя, въ 30 годахъ, говоритъ Маакъ. Двѣ выше упомянутыя вещи я видѣлъ лично; онѣ, по видимому, не были въ употребленіи. Ваза не отдѣлана; на ней сохранились тонкіе пузырьки, образующіеся при отливаніи. На краю, вмѣсто уха изображена изгибающаяся змѣя, животное отсутствующее въ Якутской области. По формѣ она тождественна съ такъ называемыми «скиоскими котлами». Мечъ совершенно новый, острый и на немъ всего одна небольшая щербинка, случайнаго, повидимому, происхожденія. Тамъ же въ Вилюйскомъ округѣ въ старинныхъ тунгусскихъ гробницахъ Маакъ находилъ мѣдные наконечники стрѣлъ и мѣдныя, шейныя украшенія изъ витой проволоки [2]). Отмѣчу, что у якутовъ въ настоящее время, изъ мѣди и бронзы приготовляются только украшенія и домашняя утварь [3]).

---

[1]) Мечъ описанъ г. Анучинымъ въ «Congrès International d'archéologie et d'anthropologie, E. II, p. 343. Fig. 3.

[2]) Они отъ теперешнихъ якутскихъ серебряныхъ отличаются только пятью петлевидными изгибами. Послѣднее обстоятельство, по замѣчанію г. Клеменца, сближаетъ ихъ съ такими же украшеніями, находимыми въ курганахъ Минусинскаго округа.

[3]) Фишеръ, «Сибир. исторія», стр. 359.

Никакого рѣжущаго или колющаго инструмента изъ бронзы или мѣди я у нихъ не встрѣчалъ и преданій о чемъ нибудь подобномъ, не смотря на допросы, не находилъ [1]). Мѣдныя и серебряныя украшенія находятъ въ старыхъ якутскихъ гробницахъ; а какъ они цѣнили мѣдь, свидѣтельствуетъ небольшая замѣтка Фишера: «якуты за мѣдные котлы, которые имъ нравились *паче другихъ россійскихъ товаровъ*, обыкновенно давали столько соболей, сколько въ каждый котелъ могло умѣститься». За желѣзо, насколько извѣстно, они не платили такъ дорого. Въ пользу того, что якутамъ мѣдь знакома съ незапамятныхъ временъ говоритъ также татарское ея названіе: алтанъ. Такимъ же татарскимъ словомъ кӧмюсъ они обозначаютъ серебро [2]). Олово зовутъ по-монгольски: хорголюнъ [3]); это значитъ по-татарски свинецъ, а свинецъ зовутъ якуты порусски сипинесъ [4]).

Я знаю только одинъ случай добыванія якутами свинцу изъ руды. Сдѣлалъ это тоже кузнецъ Румянцевъ; онъ въ 1882 году и раньше выплавлялъ металлъ изъ свинцоваго блеска, большія залежи котораго найдены имъ были недалеко отъ старинныхъ Екатерининскихъ рудниковъ въ верховьяхъ р. Дуолголахъ. Плавилъ онъ руду тамъ же на мѣстѣ, въ обыкновенномъ горнѣ, дно котораго дѣлалъ воронкообразнымъ и вымазывалъ огнеупорной глиной. Туда стекалъ металлъ. Этотъ свинцовый блескъ былъ очень богатъ серебромъ, но послѣдняго не умѣлъ получить Румянцевъ. Онъ даже *не вѣрилъ*, что его можно изъ сплава получить, хотя самъ употреблялъ пріемъ *многократнаго пережиганія* сплавовъ мѣди и серебра, для увеличенія процента послѣдняго и увѣрялъ меня, что этотъ пріемъ знаютъ всѣ якутскіе серебряники. «Мѣдь горитъ, а серебро остается»—объяснялъ онъ. (Верхоянскій ул., 1882 г.).

Изъ кости, рога, камня якуты въ настоящее время выдѣлываютъ предметы только второстепеннаго значенія: гребни, рукоятки, табакерки, рожки для пороха, стушки для растиранія табаку, ложки, мутовки для сбиванія масла и т. п. Изъ камня они выдѣлываютъ, между прочимъ, жернова, которые въ былое время, по преданію, были деревянные съ каменной и ко-

---

[1]) Изъ желтой мѣди выливаютъ иногда очень красивыя стремена, кольца и пряжки къ сѣдламъ, сбруямъ и уздамъ.

[2]) По поводу серебра интересны показанія Постника Иванова (1640 г.) о жителяхъ Индигирки: «да у юкагирскихъ же де, государь, людей серебро есть, а гдѣ де они серебро емлютъ, того онъ, Посничко, не вѣдаетъ». Тамъ же сказано дальше: «а опричь, государь, одекую и желѣза юкагири иныхъ товаровъ не покупаютъ». (Дополненіе къ историческимъ актамъ, томъ II, стр. 242.

[3]) Böhtling, стр. 88, хорѣольджунъ по-монгольски—горгольчинъ.

[4]) У тунгусовъ олово называется багдаринъ тюдва — бѣлый свинецъ. A. Castren. Tungus. Sprachlehre, p. 115.

стяной набивкой. (Намскій ул., 1891 г.). Кость употребляютъ якуты по преимуществу мамонтовую, рогъ—коровій. Изъ перемежающихся кружковъ бересты, кости, дерева, кожи, серебра или олова, плотно наложенныхъ другъ на друга и насаженныхъ на черенокъ пожа, якуты дѣлаютъ изящныя рукоятки къ ножамъ, очень похожія на уряпхайскія.

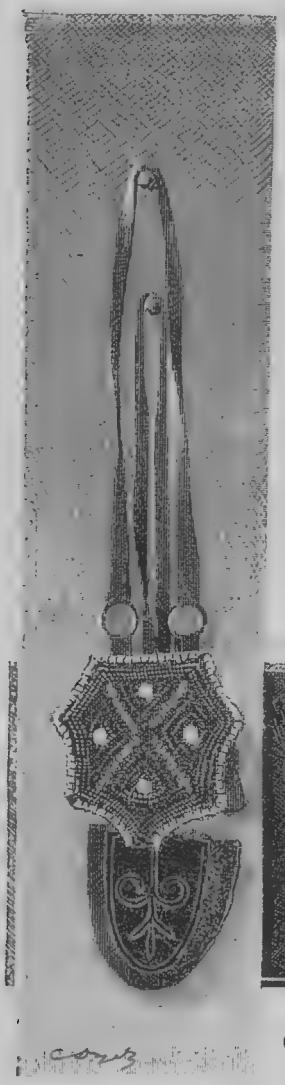
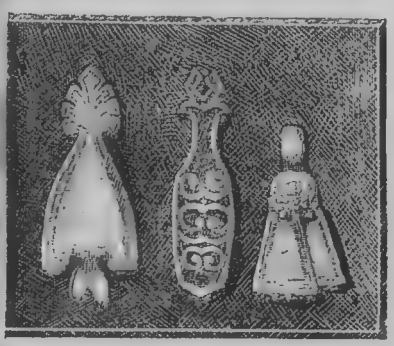


Рис. 109. Мѣшочекъ для трута.

Въ прошломъ кость, рогъ, камень, конечно, имѣли значительно болѣе широкое примѣненіе. Изъ кости и рога, какъ я сообщалъ выше, дѣлали наконечники стрѣлъ, косы и копья. Въ Верхоянскомъ улусѣ еще въ 1881 году я видѣлъ костяныя удочки, очень первобытной конструкціи, употреблявшіяся для ловли налимовъ, за отсутствіемъ желѣзныхъ крюковъ [1]). Въ Колымскомъ улусѣ я видѣлъ костяныя шилья, костяные наперстки и большія костяныя иглы для сшиванія потниковъ. О каменныхъ топорахъ, пѣшняхъ и долотахъ тамъ до сихъ поръ сохранились очень живыя воспоминанія.



Сѣрница, костяная подвѣска, серьга. (1/3 наст. вел.).

«Жилища мы строили въ старину маленькія, потому что топоры были каменные. Каменнымъ топоромъ рубить поперегъ нельзя, приходилось щепить. Одно дерево въ день иногда рубили, а толстаго и вовсе срубить нельзя было» разсказывали колымскіе якуты въ мѣстности *Енгжа* (1884 г.) [2]).

«Каменнымъ топоромъ рубить все

[1]) Удочка представляла прямую костяную палочку длиною въ 1 1/2 дюйма, заостренную съ обоихъ концовъ; по серединѣ къ ней прикрѣплялась волосяная бичевка. Удочка наживлялась такъ, что проглотить ее было легко а, когда рыба начинала тянуть сильно веревку къ себѣ, косточка становилась поперегъ горла и упиралась въ него острыми концами

[2]) Не отсюда ли произошла якутская пословица: «матераго дерева не свалишь» улаханъ тить охторботъ, употребляющаяся въ смыслѣ, что «легче многихъ бѣдныхъ одолѣть, чѣмъ одного богача». (Нам. ул., 1892 г.).

равно, что зубами грызть». (Андылахъ Колым. ул., 1882 года). Когда я впослѣдствіи подобное выраженіе встрѣтилъ въ описаніи сержантомъ Андреевымъ построекъ на Медвѣжихъ островахъ, я былъ пораженъ тождественностью выраженій «какъ бы зубами грызено»[1]).

Я думаю, что на сѣверѣ употребленіе каменныхъ орудій было перепято якутами по недостатку желѣза у тамошнихъ инородцевъ юкагирей и тунгусовъ, у которыхъ сохранились каменныя орудія еще до половины текущаго столѣтія [2]). Тамъ образовалось, какъ-бы, пониженіе въ развитіи ремеслъ. Якутскіе мастера забыли выплавлять желѣзо, не смотря на обиліе желѣзныхъ рудъ и ихъ доступность [3]). Фунтъ желѣза стоитъ тамъ 50 коп. и даже 1 руб. Многіе сѣверные кузнецы не умѣли ни плавить, ни отливать, ни ковать серебра и мѣди. Въ Колымскомъ округѣ оба эти металла привозили ко мнѣ изъ очень отдаленныхъ мѣстностей, такъ какъ я въ то время былъ тамъ единственнымъ человѣкомъ, умѣвшимъ переработать ломъ. Тамошніе кузнецы приходили ко мнѣ учиться, между тѣмъ какъ на югѣ я самъ многому учился у нихъ. Но это паденіе ремеслъ и возвратъ къ каменнымъ орудіямъ былъ временный. Теперь оно исчезаетъ и память о немъ быстро потухаетъ. Только кремень для добыванія огня, вмѣстѣ съ огнивомъ, все еще пользуется широкимъ распространеніемъ [4]).

Названіе у кремня двоякое: истрикъ зовется привозный, изъ-сѣра-прозрачный, обращающійся въ торговлѣ кремень. Онъ цѣнится выше и для кремневокъ употребляютъ исключительно его, какъ болѣе богатаго на огонь. Другой, мѣстный кремень, отыскиваемый тщательно на берегахъ рѣчекъ, изъ-желта-прозрачный, носитъ монгольское прозвище чокурь (ча-

[1]) Смотри выше, стр. 358.

[2]) Еще въ мое время находились въ обращеніи среди тунгусовъ низовьевъ Колымы каменные топорики, называемые по имени одного изъ тамошнихъ тунгусскихъ родовъ.

Ихъ уже не умѣли выдѣлывать, а пользовались старыми. По этому поводу далъ мнѣ не лишенное интереса объясненіе тунгусъ, совершенно другой мѣстности. Въ Верхоянскихъ горахъ, проѣзжая въ 1884 г., я остановился на ночевку въ поварнѣ, которую занялъ подъ зимовье обѣднѣвшій тунгусъ. Онъ удилъ подо льдомъ рыбу и этимъ питался. Показывая мнѣ свою маленькую пѣшню, онъ жаловался на ея легкость, отбивающую руки до боли въ суставахъ. Мы по этому поводу разговорились, и онъ о каменныхъ орудіяхъ сказалъ, что «оставили ихъ люди, не потому что они хуже, а потому, что они забыли ихъ дѣлать». Онъ увѣрялъ, что «онъ охотно промѣнялъ бы свою маленькую желѣзную пѣшню на большую каменную»! (Тюкуланъ, 1884 г.).

[3]) Укажу хотя бы на залежи желѣза, желтой и красной охры по дорогѣ изъ Верхоянска въ Колымскъ, въ Тасъ-Хаяхтакскихъ горахъ, восточнѣе Кюреляхской станціи, тутъ же у тракта. Якуты берутъ оттуда краски, для окрашиванія кожъ. Румянцевъ единственный кузнецъ Верхоянскаго округа, имѣвшій понятіе о плавкѣ желѣза, былъ съ юга, поселенецъ чуть ли не съ Камчатскаго ул.

[4]) Населеніе тамъ до сихъ поръ охотится луками и стрѣлами; у стрѣлъ на птицъ концы перѣдко костяные.

*

кырь). По монгольски чӧгуръ — кремень. Не меньшимъ распространеніемъ пользуется точильный брусъ, который зовутъ по-русски брусъ, онъ привозной. Этимъ и исчерпываются роговые, каменные и костяные предметы въ якутскомъ обиходѣ.

Ткани у якутовъ встрѣчаются: бумажныя, шелковыя и шерстяныя; всѣ онѣ привозныя. Изъ растительныхъ волоконъ, имѣющихся у нихъ подъ рукою, они употребляютъ только тальничное лыко на веревки къ «перемѣтамъ» [1]), болотный ситникъ—на цыновки сёрё, да извѣстный сортъ мягкой травы—на потники, бото. Траву собираютъ по осени, когда она обмякнетъ и завянетъ. Чтобы сшить потники, ее кладутъ ровнымъ толстымъ слоемъ на полу и прошиваютъ тонкими волосяными бичевками. Для циповокъ траву (тоже осенью) сплетаютъ въ узкія $^1/_4$″ ленты и затѣмъ послѣднія сшиваютъ волосяными бичевками. Есть еще оригинальный матеріалъ, которымъ повидимому не пользуется для своихъ издѣлій никто, кромѣ якутовъ, это коровій навозъ. Изъ него въ смѣси съ глиной дѣлаютъ ступки, эпэкъ, описанныя въ свое время Страленбергомъ, а затѣмъ Маакомъ. Изъ него выдѣлываютъ большіе четырехугольные ящики для замораживанія тару и воронкообразные огромные щиты для обмолачиванія хлѣба. Всѣ эти предметы вымазываютъ внутри мокрымъ снѣгомъ и поливаютъ многократно водой. Мерзлый навозъ употребляется также на скрѣпленія къ санямъ, вмѣсто связокъ у изгородей, на обмазму домовъ и т. д. Это дало поводъ къ удивительнымъ попыткамъ объяснить родовое прозвище якутовъ саха—употребленіемъ ими навоза, сахъ, въ домашнемъ обиходѣ.

Такія вещи, какъ клей, краски, масла, нашатырь, горючая сѣра, стекло, смола, спиртъ, бумага и т. п. употребляются якутами только, какъ вспомогательныя средства при выдѣлкѣ и украшеніи разныхъ предметовъ. Впереди всѣхъ по употребленію стоятъ краски. Самыя излюбленныя якутами суть: черная, красная, оранжевая, желтая, бѣлая, голубая, зеленая. Для окрашиванія въ черный цвѣтъ они употребляютъ: болѣзненный наростъ появляющійся на хвостѣ лошади: харангачина, небольшіе, растущіе на березѣ, черные лишаи, ытъ тумса, накопецъ: уголь горной, кустовидной ольхи, сисикъ абагата, и нѣкоторыхъ другихъ травъ и кустовъ. Для окрашиванія въ красный цвѣтъ якуты употребляютъ кору ольхи, абага; въ Вилюйскомъ округѣ употребляютъ красную охру, сохо. Въ Колымскомъ и Верхоянскомъ улусѣ употребляютъ оранжевую охру для окраски въ оранжевый цвѣтъ, а также кору ивы, сисикъ, или іетъ,

[1]) Смотри «рыболовство», стр. 289.

кысылъ талакъ (cornus sibirca). Для окраски въ желтый цвѣтъ: охру и отваръ исландскаго мха; отваръ лиственичной коры для окраски въ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Для бѣлыхъ цвѣтовъ отыскиваютъ бѣлыя земли и глины. Голубую и зеленую краски якутскіе мастера покупаютъ въ лавкахъ, хотя я видѣлъ у якутовъ Верхоянскаго округа какой-то голубоватый порошокъ, употребляемый ими вмѣсто краски, который они добывали, будто-бы, гдѣ-то въ горахъ на мѣстѣ. Краски приготовляютъ якуты очень просто. Минеральныя вещества они растираютъ, смѣшиваютъ съ водою или клеемъ и растворомъ густо покрываютъ предметъ; кожу обыкновенно натираютъ краской на сухо. Ытъ тумса (собачья морда), и харангачина, а также древесные угли якуты сушатъ, мелятъ, смѣшиваютъ съ скотской кровью, клеемъ или водою и красятъ ихъ растворомъ. Въ растительный красильный отваръ они погружаютъ предметы на продолжительное время; березовую посуду даже варятъ въ немъ, а если, этого нельзя сдѣлать, то многократно смачиваютъ имъ окрашиваемую поверхность. Въ послѣднее время стали якуты минеральныя краски разводить на конопляномъ маслѣ. Такимъ способомъ они красятъ мебель, иногда богачи — внутреннія двери, косяки дверей и оконъ, надгробные памятники, выѣздныя санки. Цвѣта обыкновенно довольно пестрые, но преобладаютъ: бѣлый, голубой, красный. Красить въ эти три цвѣта, покрывая одинъ другимъ, зовется по якутски бурутуйбутъ [1]). (Намскій улусъ, 1892 г.). Смолы и лаковъ для окраски якуты не употребляютъ. Лиственничную, желтовато-бурую смолу, ыэсъ, похожую по твердости, хрупкости и аромату, на копалъ, они охотно жуютъ. Смѣшанная съ коровьимъ масломъ, рыбьимъ жиромъ и шерстью она идетъ на замазку швовъ въ легкихъ якутскихъ лодочкахъ, ты. Деготь изъ березовой коры якуты приготовляютъ исключительно на продажу для русскихъ. Пока этимъ занимаются очень немногіе. Ведро якутскаго дегтя въ Якутскѣ стоитъ около $1^1/_2$ рубля. Полу-сожженый берестяный уголь въ смѣси съ масломъ и сливками употребляется на замазку щелей и отверстій въ берестяной и деревянной посудѣ.

Стекло, въ видѣ корольковъ и бусъ, идетъ на вышивки, подвѣски и другія украшенія. У богачей окна въ домахъ стеклянныя.

Изъ остальныхъ веществъ замѣтнымъ употребленіемъ пользуется еще горючая сѣра. Сѣру употребляютъ на сѣрницы (рис. 109). Это небольшія костяныя чашечки, налитыя сѣрой. Онѣ висятъ у пояса вмѣстѣ съ трутомъ и огнивомъ и служатъ для разведенія огня въ дождливую пору. Всякій

[1]) По Böhtling буруі — покрывать что-либо, чѣмъ-либо. По-монгольски бураг. стр. 145

якутскій промышленникъ, отправляющійся далеко въ лѣсъ на охоту, обязательно запасается сѣрницей. Затѣмъ, горючая сѣра входитъ, какъ составная часть, въ якутскую серебряную эмаль, хара-кёмюсъ. Эмаль приготовляютъ такимъ образомъ: пережигаютъ на слабомъ огнѣ свинецъ, помѣшивая его постоянно палочкой; когда металлъ превратится въ каницу, его перекладываютъ въ небольшое углубленіе, сдѣланное въ кирпичѣ, добавляютъ серебряныхъ опилокъ, кладутъ зажженные кусочки горючей сѣры и плотно закупориваютъ углубленіе глиняной крышкой. Какъ остатокъ горѣнія, получается темная губчатая масса, которую толкутъ и, посыпавши ею серебряный вычищенный и соотвѣтственно вырѣзанный предметъ, накаливаютъ въ горнѣ до сплавленія въ стекло. Нѣкоторые, какъ средство, облегчающее плавленіе, употребляютъ буру, другіе напатырь. У всякаго мастера есть свои секреты очень разнообразящія достоинства этой эмали. Иногда это твердая, стекловидная масса, голубоватаго отлива, иногда — черно-бурая и болѣе мягкая. Якутами выше цѣнится первая. Эмаль шлифуется и спиливается мелкими напилками или стачивается на брускѣ.

Большинство якутскихъ производствъ не организовано и не обособлено. Только кузнечное и плавильное дѣло, какъ было сказано выше, выдѣлились и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ образовали кустарныя производства. Кустари, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не соединяются въ артели, а работаютъ отдѣльными семьями. Ремесло служитъ имъ только вспомогательной статьей дохода при скотоводствѣ. Плавильщики вырабатываютъ въ годъ отъ 20 до 50 пуд. болго на семью. На пудъ идетъ обыкновенно двѣ крицы, а крица стоитъ отъ 40 коп. до 50. Это составитъ на семью р. 20—50 въ годъ. Начинаютъ работать кустари обыкновенно осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. Якутское плавильное дѣло находится въ трудномъ положеніи. Якутскому желѣзу приходится конкуррировать съ все болѣе и болѣе дешевѣющимъ привознымъ желѣзомъ, и только благодаря своему превосходному качеству и замѣчательной дешевизнѣ якутскаго труда, оно пока держится. Пудъ болго даетъ послѣ проковки и очистки 25 ф. желѣза. Кузнечное и плавильное дѣло у якутовъ наслѣдственно; оно переходитъ отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ инструментами и секретами. Есть роды, съ незапамятныхъ временъ занимающіеся этими производствами, и они въ свою очередь дѣлятся на роды исключительно плавильщиковъ и роды исключительно кузнецовъ. Въ Якутскомъ округѣ роды кузнецовъ и плавильщиковъ есть въ Хачикатскомъ и I-мъ Жемконскомъ паслегахъ В. Кангаласкаго улуса; въ Вилюйскомъ округѣ — въ Асыкайскомъ, Одейскомъ и Кангаласкомъ Мархинскаго улуса и Хоринскомъ, Меитскомъ, Удюгейскомъ Верхневилюйскаго улуса.

Въ Якутскомъ округѣ въ 1859 году числилось въ Кангаласкомъ улусѣ 90 кузнецовъ; въ 1860 году въ Мархинскомъ улусѣ было 42 плавильщика, преимущественно Асыкайскаго наслега, и 175 кузнецовъ Одейскаго и Кангаласкаго наслеговъ. Добывали они и обработывали до 420 пудовъ желѣза ежегодно. Такой же порядокъ добычи и обработки наблюдался раньше и въ Верхневилюйскомъ улусѣ, и количество желѣза достигало тамъ приблизительно той же величины [1]). Въ якутскомъ округѣ добыча желѣза въ это же время достигала 2.000 пудовъ [2]). Въ 1891 году о кузнечествѣ въ Якутскомъ округѣ мнѣ передавали приблизительно тѣ же свѣдѣнія. Плавильнымъ дѣломъ занимались тѣ же роды тѣхъ же наслеговъ, что и въ старину. Группы кузнецовъ существуютъ особо и въ другихъ улусахъ. Въ Зап. Кангаласкомъ улусѣ, въ верстѣ отъ станціи Тюхтюрской, мнѣ показывали цѣлый выселокъ, занимающійся кузнечествомъ. По веснѣ, обыкновенно въ концѣ февраля и мартѣ, на якутскомъ городскомъ рынкѣ появляются работы этихъ кустарей: ножи, топоры, пѣшни, сабаны, наборы боронныхъ зубьевъ, пальмы, косы горбуши, удила и проч. Всѣ эти предметы отличаются большимъ однообразіемъ формы и *невысокимъ* достоинствомъ; лучшія вещи раскупаются на мѣстѣ производства [3]). На городскомъ рынкѣ, въ тоже приблизительно время, можно встрѣтить мѣдныя и серебряныя кустарныя издѣлія: кресты, пряжки, цѣпочки, пуговки и т. п. Деревянную посуду, горшки, столярныя издѣлія: ящики, столы, стулья, бочки, ушаты, дуги; затѣмъ издѣлія изъ мамонтовой кости, рога, кожи, готовое платье (мѣховое и суконное), обувь, цыновки, сбрую, сани и тѣлеги якутской работы и много другихъ предметовъ домашняго обихода. Всѣ они, конечно, по качеству матеріала и работы значительно ниже такихъ же предметовъ домашняго приготовленія и даютъ не совсѣмъ вѣрное представленіе о якутскомъ вкусѣ и якутскихъ способностяхъ.

Мнѣ не удалось узнать откуда ихъ привозятъ; повидимому, онѣ попадаютъ въ руки скупщиковъ по одиночкѣ изъ разныхъ уголковъ страны.

[1]) Маакъ, стр. 181.

[2]) Миддендорфъ, стр. 777.

[3]) Интересны свѣдѣнія относительно торговли желѣзомъ Вилюйскаго округа съ Олёкминскимъ, сообщаетъ Маакъ, (стр. 181). «Изъ Верхневилюйскаго улуса въ Суntарскій и Олёкминскій по даннымъ 1860 года вывезено:

	Топоровъ.	Косъ.	Пѣшней.	Пальмъ.	Котловъ.
изъ наслега Хоринскаго	300	500	200	40	50
» » Меитскаго	100	200	30	40	30
» » I Удогейскаго	200	20	50	—	30
	600	720	280	80	110

что составитъ слишкомъ 100 пуд. желѣзныхъ подѣлокъ ежегодно, на сумму *въ полторы тысячи рублей*. Въ Батаринскомъ наслегѣ на 1.525 душъ обоего пола приходится: 1 печникъ, 5 плотниковъ, 9 кузнецовъ, 1 гребенщикъ.

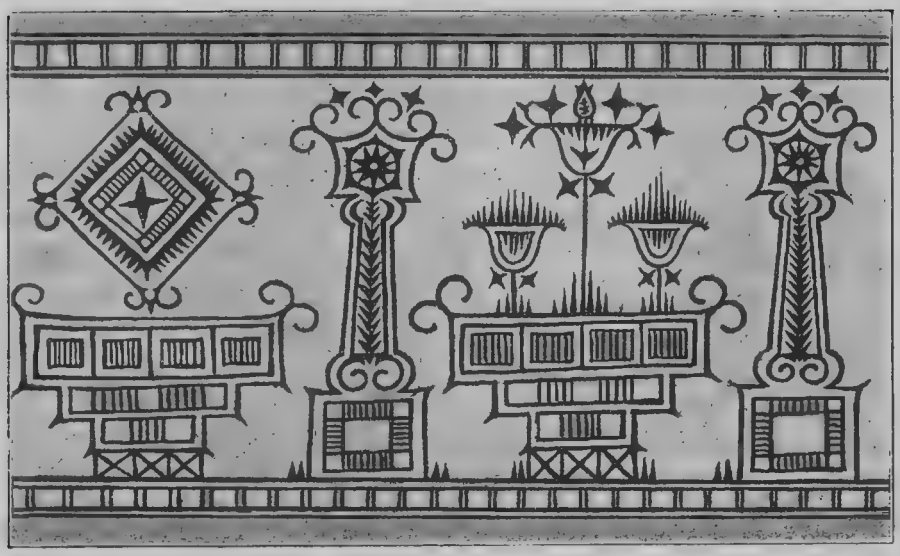


Рис. 110. Якутскій рельефный узоръ по дереву; бокъ ящика (1/2 наст. вел.).

Только кузнецы, плавильщики и нѣкоторые литейщики поставляютъ свои работы въ дюжинахъ и сотняхъ совершенно одинаковыхъ экземпляровъ и сбываютъ ихъ гуртомъ.

Въ мѣстахъ болѣе густо населенныхъ и культурныхъ, какъ было сказано выше, начали обособляться также столярное, плотничье, гончар-

Рис. 111. Рельефный узоръ по дереву, крышка коробки (2/3 наст. вел.).

ное и берестяное ремесло, но въ глуши нѣтъ другого ремесленника, кромѣ кузнеца. Если можетъ быть рѣчь объ общественномъ раздѣленіи труда, то распался онъ пока только на трудъ мужской и женскій. Всѣ подѣлки изъ дерева, все, что выдѣлывается при помощи топора и ножа, дѣлаютъ мужчины, все что сшивается, сплетается, лѣпится—женщины или дряхлые старики. Мятьё и выдѣлка кожъ тоже женское и старческое рукодѣлье. Безконечно длинные зимніе вечера трудолюбивой якутской семьи проходятъ въ заготовленіи для себя или по просьбѣ сосѣдей платья, утвари, разныхъ предметовъ. Якутъ не торопится. Мурлыкая пѣсенку или прислушиваясь къ речитативу не менѣе длинной, чѣмъ самая ночь, сказки, онъ готовъ тысячу разъ примѣрить, подстрогать, прирѣзать, пока наконецъ предметъ приметъ соотвѣтствующую его вкусамъ форму. Онъ лѣниво поворачивается передъ огнемъ камина, согрѣвая то одинъ бокъ, то другой, то спину, совѣтуется съ окружающими, съ удовольствіемъ выслушиваетъ ихъ похвалы и живо обсуждаетъ возраженія. Вотъ почему каждая вещь, даже самая пустяшная, выходитъ изъ рукъ якутскаго мастера съ особымъ

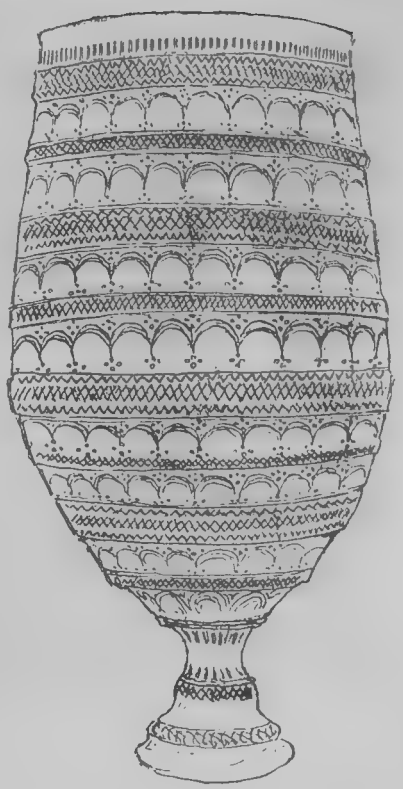


Рис. 112. Аяхъ или ымыя, кубокъ для кумыса (1/4 наст. вел.).

Рис. 113. Балкхахъ или чоронъ для кумысу. (1/4 наст. вел.).

Рис. 114. Чашка. (1/4 наст. вел.).

Рис. 115. Халя, втулка кумыснаго семира. (1/4 наст. вел.).

Рис. 116.

отпечаткомъ: она всегда вещь болѣе или менѣе художественная. Миддендорфъ отмѣтилъ это и говоритъ по этому поводу: «Чтобы онъ ни вырѣзалъ, во всемъ у него особый шикъ; будетъ-ли это столь же удобная, какъ простая, но все-таки красивая рыбная ложка, которую онъ дѣлаетъ для русскаго, или большая ступка для толченія, которая также дѣлается изъ дерева, тутъ не можетъ быть рѣчи о механической подражательности. Вездѣ проглядываетъ своеобразность» [1]).

Я былъ не разъ свидѣтелемъ, какъ съ удивительнымъ терпѣніемъ якутъ цѣлые часы осторожно подрѣзывалъ черенокъ ложки или пузо деревяннаго жбана, чтобы придать ихъ изгибамъ желаемую степень кривизны. Нерѣдко это были молодые люди и сколько шутокъ и смѣха вызывали ихъ тщетныя усилія, и въ свою очередь, какой искренней гордостью наполняло ихъ общее признаніе ихъ искусства! Хорошіе мастера пользуются почетомъ, и молодому мастеру, особенно женщины, охотно прощаютъ за его «ловкіе пальцы» иные неловкіе слова и поступки.

Относительно ихъ вкуса могу только отмѣтить, что формы якутскихъ издѣлій всегда лучше ихъ рѣзьбы и рисунка. Линіи очертаній всегда довольно чистыя, предпочтительно кривыя и волнистыя. Кривизна ихъ никогда не

Рис 117. Якутскія bric a brac изъ кости.

[1]) Стр. 778, ч. II, отд. VI.

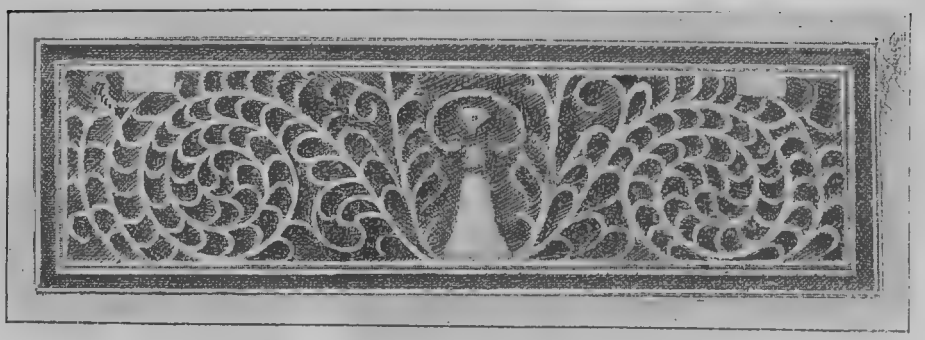


Рис. 118. Ажурный узоръ по кости (½ наст. велич.).

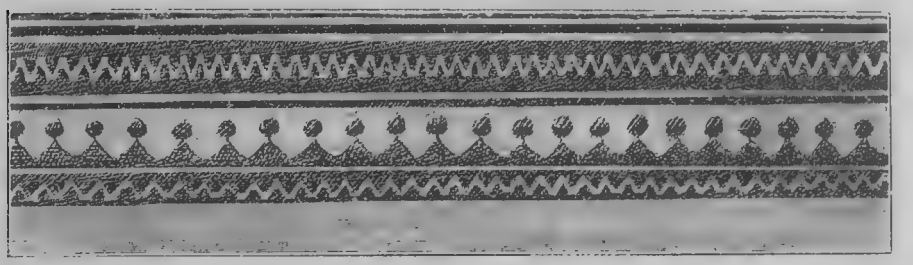


Рис. 119. Барельефная рѣзьба по дереву (наст. велич.).

переходитъ въ уродливую китайскую или монгольскую вздутость, она ближе къ нашимъ вкусамъ, и старинные ихъ жбаны для кумыса нерѣдко очертаніями напоминаютъ этрусскія вазы.

Рѣзьба на этихъ жбанахъ обыкновенно представляетъ параллельныя барельефныя кольца, состоящія изъ тонкихъ рубчиковъ или двухъ пересѣкающихся ломанныхъ линій. Этотъ древній узоръ лучше всего удается якутскимъ мастерамъ. Его, въ видѣ бордюра, можно встрѣтить и на металлическихъ и на костяныхъ издѣліяхъ. Другіе узоры, представляющіе варіаціи болѣе или менѣе развернутой спирали, зачатки вѣтокъ, цвѣтовъ, листьевъ и розетокъ—спутаны, смутны и исполнены по большей части грубо. Въ ихъ рисункѣ не трудно подмѣтить монгольское, русское, даже китайское вліяніе. На далекомъ сѣверѣ въ Египскомъ наслегѣ, Верхоянскаго улуса, сѣвернѣе р. Бытантай, я видѣлъ старинное сѣдло, серебряная лука котораго украшена была сплошь монгольскимъ характернымъ двулинейнымъ узоромъ, а съ боку въ двухъ мѣстахъ изображенъ былъ китайскій драконъ. Якуты звали дракона мохой—змѣй, а сѣдло считали очень древнимъ. Нерѣдко также на якутскихъ сѣдлахъ позднѣйшей ра-

Рис. 120. Серебряная пряжка пояса; узоръ выложенъ черню (наст. вел.).

боты можно видѣть рогатаго коня или гривастаго льва, вставшихъ на заднія лапы съ двухъ сторонъ щита: точный снимокъ фабричныхъ ситцевыхъ клеймъ. Русское вліяніе особенно сильно замѣтно на ажурныхъ работахъ лобзикомъ изъ кости. Вырѣзныя игрушечныя фигурки животныхъ и людей тоже издѣлія недавняго происхожденія — въ старину только шаманъ имѣлъ право вырѣзывать человѣческія фигуры [1]). Я помню страхъ и гнѣвъ одной якутки Верхоянскаго улуса, когда я ея ребенку далъ, какъ игрушку, вырѣзанную мною фигурку человѣка. Она

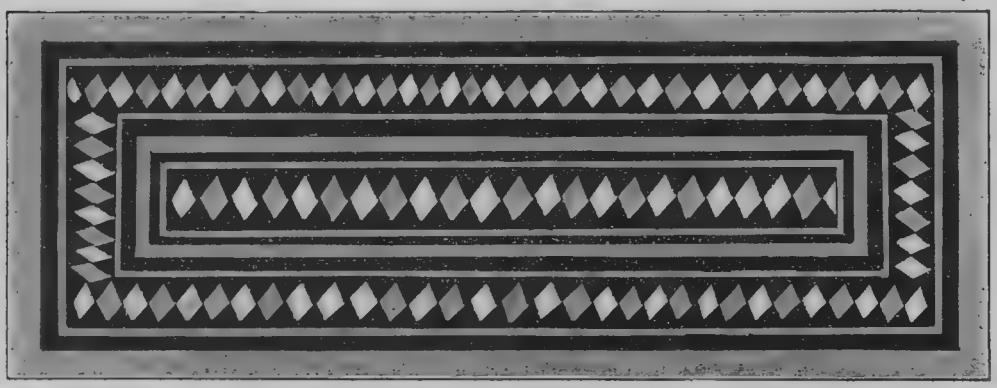


Рис. 121. Узоръ по черному фону составленный изъ кусковъ соломы и цвѣтной бумаги; бокъ ящика (2/3 наст. вел.).

[1]) Колымскій улусъ, 1883 г. Верхоянскій улусъ, 1881 г.

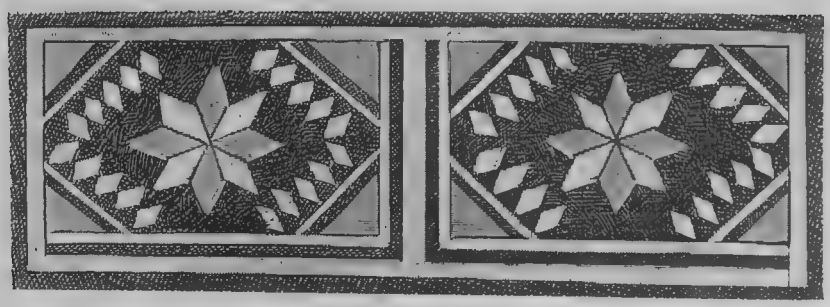


Рис. 122.

очень энергично потребовала, чтобъ я ее уничтожилъ. Якутскія дѣти играютъ изображеніями только птицъ и животныхъ: гусей, утокъ, быковъ, коней. Тѣмъ не менѣе, якутскія костяныя фигурки, не смотря на грубость отдѣлки, производятъ нерѣдко художественное впечатлѣніе. Въ нихъ удачно схваченъ характеръ лицъ и своеобразно передано отношеніе къ нимъ ваятеля [1]).

Подборъ и сочетаніе цвѣтовъ у якутовъ тоже своеобразно; оно менѣе пестро, чѣмъ у тунгусовъ; хотя во всѣхъ шитыхъ бисеромъ украшеніяхъ, видимъ мы тѣже излюбленные тунгусскіе цвѣта: голубой, черный и бѣлый, съ незначительной подмѣсью желтаго и краснаго. Платье чернаго цвѣта у женщинъ обрамлено обыкновенно полосами краснаго сукна, платье бѣлаго, желтаго или сѣраго цвѣтовъ—полосами чернаго сукна. Платье мужчинъ обыкновенно лишено цвѣтныхъ бордюровъ. Оторочка саръ (биле) у голенищъ дѣлается изъ чернаго и зеленаго или изъ чернаго и краснаго цвѣтовъ; у женщинъ по красному фону нерѣдко нашиты серебряныя блестки, что, повидимому, нравится очень якутамъ. Видѣлъ я также якутовъ въ шубахъ, крытыхъ ярко-зеленымъ сукномъ; но въ платьяхъ синяго, фіолетоваго или краснаго цвѣта здѣсь щеголяютъ только женщины. Цвѣтной узоръ на ситцахъ и платкахъ нравится имъ, повидимому, мелкій и однородный, а, такъ называемые, татарскіе ситцы у нихъ не въ ходу.

Не смотря на сильное иностранное вліяніе, якутскій вкусъ въ своей основѣ остался независимымъ. У якутовъ есть свой якутскій стиль, позволяющій отличать ихъ издѣлія, узоры и украшенія, отъ издѣлій и узо-

---

[1]) Прошу обратить вниманіе на снимки фигурокъ (рис. 117), на старуху нищую, на поселенцевъ и важную барыню (рис. 116),—всѣ они дышутъ такимъ своеобразнымъ юморомъ и настолько удачно схвачены типичныя черты изображеній, что поставить ихъ можно наравнѣ съ японскими и китайскими фигурками. Одинъ изъ поселенцевъ держитъ бутылку съ водкой въ рукѣ и не смотря на крошечныя размѣры фигурки въ немъ не трудно узнать поселенца татарина.

ровъ другихъ сѣверныхъ инородцевъ. Какъ на типичный образчикъ ихъ узора укажу на серебряную пряжку (рис. 120); въ орнаментѣ застежки сильно чувствуется монгольское вліяніе, но самая бляха разрисована въ чисто якутскомъ стилѣ. Даже позаимствованнымъ вещамъ они придаютъ своеобразный отпечатокъ, подобно тому, какъ сѣверному оленю, недавно перепятому ими у тунгусовъ, или рубахѣ и винтовкѣ, принесенныхъ сюда русскими, они успѣли уже придать нѣкоторыя характерныя особенности.

Рис. 123. Костяная рѣзная рукоятка ножа.

Рис. 124. Якутъ пріискатель (съ фотогр.).

IX. О распредѣленіи богатства, условіяхъ труда и найма [1]).

Въ самую распространенную у якутовъ хозяйственную единицу, нужно принять группу, состоящую изъ 4 лицъ: двухъ взрослыхъ рабочихъ, одного подростка и одного неспособнаго къ труду потребителя—ребенка или дряхлаго старика. Эта группа, совмѣстно съ прилежащими ей 3-хъ и 5-ти-душевыми группами, составляетъ всюду значительное большинство якутскихъ хозяйствъ. Въ Тарагайскомъ наслегѣ имъ принадлежитъ 52% общаго количества самостоятельныхъ хозяйствъ, а въ Батаринскомъ и того больше: именно 70% [2]). Такое отношеніе приблизительно имѣетъ мѣсто всюду, исключая, пожалуй, крайне сѣверной полосы, гдѣ эти группы-семьи мельчаютъ, въ виду большой смертности дѣтей.

---

[1]) Кромѣ личныхъ наблюденій, къ сожалѣнію, очень скудныхъ въ цифровыхъ данныхъ, за матеріалъ, для составленія настоящей главы, послужила мнѣ подворная перепись Тарагайскаго и Батаринскаго наслеговъ Мегенскаго улуса, собранная по частному почину въ 1892 году интеллигентными якутами этой мѣстности. Оба наслега лежатъ въ южной части Амгинско-ленскаго плоскогорія, почти по серединѣ его: Батаринскій—въ верховьяхъ р. *Теря*, Тарагайскій—въ верховьяхъ *Мылы* и отчасти по *Солт*. Въ хозяйственномъ отношеніи ихъ, безъ большой погрѣшности, можно считать типичными для всего плоскогорія

[2]) Въ Тарагайскомъ наслегѣ на 248 хозяйствъ, состоящихъ

изъ	1	души было . . .	8 (3, 2%)
»	2	» » . . .	38 (15, 3%)
»	3	» » . . .	37 (14, 9%)

За предѣльное количество богатства, необходимаго для существованія такой группы, якуты считаютъ *десять* штукъ скота, т.-е. около двухъ штукъ на душу [1]). Выше этой нормы, по ихъ мнѣнію, начинается достатокъ, ниже—нищета. Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ скотоводство удачно сочетается съ рыболовствомъ, десять штукъ скота признакъ зажиточности. На оборотъ, въ тѣхъ же округахъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни звѣриныхъ, ни рыбныхъ промысловъ, количество скота, необходимаго для сноснаго существованія семьи, возрастаетъ до 15, даже 20 штукъ. Причиной этому большая продолжительность зимы и худшее качество луговъ на сѣверѣ. На югѣ, гдѣ земледѣліе является серьезнымъ подспорьемъ и легче найти зимній заработокъ, крайняя норма независимаго существованія передвигается до $1^1/_2$ шт. скота на душу. Я знаю цѣлую массу такихъ хозяйствъ крайне бѣдныхъ, но борющихся болѣе или менѣе удачно за свою самостоятельность.

Не смотря на значительную разницу въ абсолютномъ количествѣ богатства (отъ 6 до 20 гол. скота, т.-е. отъ 120 до 400 руб. капитала) всѣ эти хозяйства стоятъ на рубежѣ нужды. Малѣйшій случай нарушаетъ

изъ	4	душъ было . . .	56	(22, 5%)
»	5	» » . . .	37	(14, 9%)
»	6	» » . . .	28	(11, 2%)
»	7	» » . .	16	(6, 4%)
»	8	» » . . .	12	(4, 8%)
»	9	» » . . .	2	(0, 8%)
»	10	» » . . .	4	(1, 6%)
»	11	» » . . .	2	(0, 8%)
»	12	» » . . .	1	(0, 4%)
»	13	» » . . .	3	(0,12%
»	14	» » . . .	1	(0, 4%)
»	17	» » . . .	1	(0, 4%)

Въ Батаринскомъ наслегѣ на 270 хозяйствъ

изъ	1	души было	14	(5,1%)
»	2	» »	37	(14,7%)
»	3	» »	63	(23,3%)
»	4	» »	70	(25,9%)
»	5	» »	57	(21,1%)
»	6	» »	30	(11,1%)
»	7	» »	27	(10%)
»	8	» »	15	(5,5%)
»	9	» »	16	(5,9%)
»	10	» »	6	(2,2%)
»	12	» »	1	(0,3%)
»	13	» »	1	(0,3%)
»	14	» »	1	(0,3%)

[1]) Замѣчательно, что общее количество скота по оффиціальнымъ даннымъ: 375,131 голова раздѣленное на общее число жителей: 1.222,776 душъ обоего пола съ вычетомъ 6 тысячъ якутовъ, живущихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ скотоводства, даетъ 1,7 головы на душу круглымъ счетомъ, что довольно близко къ этой *минимальной* нормѣ.

ихъ устойчивость, равно какъ малѣйшая поддержка позволяетъ имъ жить и развиваться. Они составляютъ главную боевую массу народа въ борьбѣ за его существованіе. Въ Тарагайскомъ наслегѣ изъ 248 хозяйствъ на ихъ долю приходится 101, а въ Батаринскомъ на 270 хозяйствъ 127. Изъ другихъ категорій хозяйствъ находится въ первомъ наслегѣ:

безскотныхъ 10
съ одной или съ дробью скотины на душу . . 74

и, наконецъ, 54 съ 3-мя до 9 головъ на душу, что представляетъ разныя степени зажиточности. Кромѣ того, есть одно хозяйство съ 12 гол. на душу (17 ч. — 208 скота) и одно съ 18-ю (14 чел. — 260 скота); такое количество считается у якутовъ признакомъ богатства [1]. Во вто-

[1])

ТАРАГАЙСКІЙ НАСЛЕГЪ.	Хозяйства.
Безъ скота	10
съ 1/3 скотины или меньше на душу	5
» 1/2 » » » »	11
» 3/4 » » » »	20
» 1 » » » »	38
» 1 1/2 » » » »	41
» 2 » » » »	41
» 2 1/2 » » » »	19
» 3 » » » »	20
» 3 1/2 » » » »	5
» 4 » » » »	14
» 5 » » » »	6
» 6 » » » »	2
» 7 » » » »	2
» 8 » » » »	3
» 9 » » » »	2
» 12 » » » »	1
» 18 » » » »	1

БАТАРИНСКІЙ НАСЛЕГЪ.	Хозяйствъ.
Безъ скота	23
съ 1/3 скотины или меньше на душу	17
» 1/2 » » » »	25
» 3/4 » » » »	13
» 1 » » » »	27
» 1 1/2 » » » »	72
» 2 » » » »	29
» 2 1/2 » » » »	26
» 3 » » » »	11
» 3 1/2 » » » »	10
» 4 » » » »	11
» 5 » » » »	9
» 6 » » » »	13
» 7 » » » »	4
» 8 » » » »	3
» 9 » » » »	1
» 10 » » » »	4
» 12 1/5 » » » »	1
» 32 1/2 » » » »	1

ромъ наслегѣ: безскотныхъ 23; съ 1-й или съ дробью скотины на душу—82 хозяйства и съ 3-мя до 9-ти головъ—62 хозяйства; 4 хозяйства по *десяти* головъ на душу; одно—12½ (4 человѣка—50 гол.) и одно—32½ (2 человѣка—65 головъ скота).

Вообще лѣстница благосостоянія у якутовъ далеко не такая крутая, какъ у насъ; владѣльцы стадъ въ нѣсколько сотъ головъ на перечетъ въ каждомъ улусѣ; въ Якутскомъ округѣ я знаю только одного, у котораго 500 штукъ скота: именно Попова, Батурусскаго улуса; а такихъ, которые владѣютъ капиталомъ въ 100 и 200 тысячъ, всего нѣсколько человѣкъ во всемъ краѣ [1]). Капиталы послѣднихъ нажиты торговлей и состоятъ, главнымъ образомъ, въ товарахъ, деньгахъ и разныхъ юридическихъ обязательствахъ. Чрезмѣрный ростъ чисто скотоводческихъ хозяйствъ сдерживается: во-первыхъ—отсутствіемъ рабочихъ рукъ, во-вторыхъ—общиннымъ поземельнымъ владѣніемъ.

Дѣло въ томъ, что самая распространенная изъ якутскихъ хозяйственныхъ группъ, семья, состоящая изъ четырехъ или пяти человѣкъ, изъ которыхъ три способны къ работѣ, съ основнымъ капиталомъ по три головы скота на каждую душу, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ отношеній, при которыхъ возможно обходиться безъ наемнаго труда.

Лучшій якутскій косецъ и двѣ гребщицы могутъ собрать за лѣто, смотря по урожаю травъ, отъ 1.200 до 1.800 пудовъ сѣна, что даетъ возможность якутамъ прокормить въ зиму отъ 12 до 15 штукъ скота. Всѣ хозяйства, въ которыхъ эта норма почему-либо нарушена, принуждены: или принанять рабочія руки, или покупать сѣно, или держать скотъ впроголодь. Даже въ урожайные годы практикуются всѣ эти средства одновременно въ одной и той же мѣстности и такихъ хозяйствъ у якутовъ добрая треть. Рабочихъ и сѣно доставляетъ, конечно, менѣе состоятельная часть населенія; для всѣхъ тѣхъ, у которыхъ на душу имѣется меньше *одной* скотины или не имѣется ея совсѣмъ, наемъ и всякаго рода подряды составляютъ часто единственное убѣжище. При этомъ повторяется обще-распространенное явленіе: болѣе состоятельные получаютъ болѣе высокую плату за свое время и свои продукты, чѣмъ нуждающіеся. Рабочая плата, хамнасъ, номинально всюду почти одинакова: на хозяйскомъ содержаніи 35—40 руб. въ годъ мужчинѣ-косцу и 20—24—женщинѣ гребщицѣ и коровницѣ [2]). Эта плата раздѣляется такъ: одна треть ея считается за зиму: отъ Покрова (1 октября) до Вешняго Ни-

[1]) По мнѣнію одного мѣстнаго купца въ г. Якутскѣ, нужно считать: одного купца съ 200 т. капитала, трехъ съ 100 т., четырехъ по 50 т. и пять-шесть человѣкъ отъ 10—20 т. руб. (Приклонскій. «Три года въ Якутской области». Стр. 51).

[2]) Содержаніе рабочему стоитъ столько же и въ такомъ же приблизительно распре-

колы (9 мая) и двѣ трети за лѣто отъ Николы до Покрова. Только часть жалованья, и то очень незначительная, выдается деньгами. Обыкновенно даютъ товары, иногда совершенно ненужные, и рабочій съ убылью сбываетъ ихъ затѣмъ на сторону. Еще болѣе распространена плата скотомъ, преимущественно конянъ, убитымъ или живымъ [1]). По-видимому, это очень древняя форма вознагражденія и она всегда была также невыгодной для рабочаго, какъ и теперь. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ старинная поговорка: «сколько ни работай, не получишь больше кобыльей кожи». (Намс. ул., 1892 г.). Недостатокъ рабочихъ рукъ заставляетъ хозяевъ дорожить хорошими рабочими. Они всячески стараются удержать ихъ, подвести итоги такъ, чтобы они остались у нихъ въ долгу, ради чего иногда поощряютъ даже ихъ порочныя наклонности, какъ напримѣръ, картежную игру. Часто не выдаютъ остатковъ жалованья и грозятъ не отдать ихъ совсѣмъ, если рабочій не согласится прослужить у нихъ еще годъ, что, при томъ вліяніи, какимъ богачи пользуются въ якутскихъ общинахъ, сдѣлать имъ не трудно. Однимъ словомъ, можно повторить за Миддендорфомъ, что и въ этомъ отношеніи: «все, какъ у насъ».

Этотъ же недостатокъ рабочихъ рукъ заставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ якутскихъ хозяевъ обращаться болѣе или менѣе сносно съ рабочими, разъ они нанялись. Въ хозяйствахъ средней руки рабочій принятъ въ семью на равныхъ правахъ. На сѣверѣ, даже у первостепенныхъ богачей, если пѣтъ постороннихъ, онъ садится за столъ съ хозяевами, вмѣшивается въ разговоръ, въ домашнія дѣла, здоровается съ ними за руку и держится просто и непринужденно. Отмѣчу, что якуты вообще не любятъ высокомѣрія и въ обращеніи съ собою довольно учтивы. Той же учтивости требуетъ для себя и якутскій рабочій.

дѣляется отношеніи: мужчинѣ лучше, женщинѣ хуже. Вотъ разсчетъ, приведенный г. Приклонскимъ (для южныхъ округовъ):

Чай	6	руб.	— коп.
Мука.	15	»	— »
Масло	12	»	— »
Молоко.	6	»	— »
Таръ.	3	»	— »
Мясо.	5	»	50 »
	47	руб.	50 коп.

Платье и табакъ рабочій долженъ покупать самъ. Вмѣсто содержанія даютъ иногда, особенно лѣтомъ, для доенія: 2 коровы—на косца и *одну* на гребщицу.

[1]) Въ Верхоянскомъ округѣ, даже въ самомъ Верхоянскѣ въ мое время существовалъ обычай давать въ плату рабочему *жирную кобылу*. Объ этомъ же обычаѣ говоритъ также Сергѣй Ковилякъ въ своихъ замѣткахъ. Даже въ такихъ бойкихъ, богатыхъ рогатымъ скотомъ, улусахъ, какъ Намскій, хозяева предпочитали расплачиваться съ рабочими жеребятами и убойными кобылами, чѣмъ коровами.

«Онъ думаетъ, что мы согласимся ѣсть отдѣльно и спать отдѣльно, въ хлѣву со скотомъ, какъ рабочіе на югѣ», ворчали на Андылахѣ въ Колымскомъ улусѣ рабочіе одного изъ тамошнихъ богачей, задѣтые его поведеніемъ. Тотъ же самый богачъ, въ моментъ благодушнаго настроенія, не разъ осуждалъ «богачей юга», ведущихъ себя высокомѣрно съ рабочими.

«Удивляюсь, что у нихъ работаютъ!..» говорилъ онъ наивно. (Колымс. ул., 1883 г.). Тѣмъ не менѣе, разъ есть возможность безъ ущерба своему карману дать волю господскимъ инстинктамъ, якуты-собственники не упускаютъ случая.

Поденно якуты нанимаются неохотно, хотя поденная плата всегда выше мѣсячной и годичной. Между собою они ея почти не практикуютъ. Только въ подгородныхъ мѣстностяхъ и то въ послѣднее время, стала она входить въ обычай. Развитію ея особенно способствовали скопцы [1]).

Поштучная плата, какъ одна изъ формъ подряда, привилась легче и распространилась шире.

Объ послѣднія формы найма, несомнѣнно, русскаго происхожденія.

Подрядъ такого же происхожденія, что показываетъ якутское его названіе: подрядъ. Этимъ словомъ обозначаютъ якуты всякую сдѣлку, гдѣ вознагражденіе выдается впередъ—всякій кредитъ. «Въ подрядъ» они берутъ уборку сѣна (съ участка, съ копны, со стога), пахоту и бороньбу (съ пуда, т.-е. съ 400 квадр. саж.), городьбу изгородей (съ сажени), постройки домовъ, доставку масла, молока, мяса, рыбы, льда, воды, рубку и возку дровъ (саженями и возами) [2]) и такъ дальше: всякую работу, даже самую пустяшную, они наровятъ взять «въ подрядъ», т.-е. получить вознагражденіе впередъ. «Въ подрядъ» также берутъ «сѣно подъ сѣно, масло подъ масло, хлѣбъ подъ хлѣбъ», причемъ уплата обыкновенно вдвое превышаетъ получку. Это до того вошло въ нравы, что ничуть не вызываетъ нареканій, хотя при краткосрочности кредита достигаетъ иногда 200% на капиталъ. Между тѣмъ слово «процентъ» считается у якутовъ ругательнымъ, и отдавать деньги въ ростъ—зазорно.

---

[1]) Плату якутскимъ рабочимъ скопцы всегда даютъ ниже, чѣмъ русскимъ поселенцамъ. Вотъ примѣръ поденной платы, практикующійся въ Намскомъ улусѣ:

Косцу	1 руб.
Гребцицѣ	отъ 30 до 50 коп.
Жницѣ.	отъ 1 р. до 1 р. 50 к.
Копать картошку	отъ 30 коп.
Въ остальное время лѣта на разн. раб.	отъ 30 до 40 коп.
Зимою молотьба	отъ 25 до 30 коп.
Зимою остальная работа поденно . . .	отъ 15 до 20 коп.

Расплата производится скопцами по большей части мукою, печенымъ хлѣбомъ, картошкой, чаемъ кирпичнымъ и сахаромъ, рѣдко—деньгами и краснымъ товаромъ.

[2]) Въ однополенной сажени полагается 4 вова.

Такое быстрое и повсемѣстное распространеніе «подряда», я думаю, можно объяснить только тѣмъ, что онъ ближе всего сродни нѣкоторымъ экономическимъ отношеніямъ, давно извѣстнымъ якутамъ. Къ такимъ принадлежатъ: отдача за извѣстныя обязательства рабочихъ животныхъ *въ тѣло*, а молочныхъ коровъ и кобылъ—*въ удой*.

Если берутъ коня или быка на одинъ разъ для исполненія какой либо незначительной случайной работы, то это считается простой сосѣдской услугой, взамѣнъ за которую одолжающій имѣетъ право требовать равносильной услуги. Если берутъ животное на болѣе продолжительный срокъ, то уговоръ бываетъ различный, смотря по времени года [1]). За лѣтніе мѣсяцы вознагражденіе взимается большее, чѣмъ за зимніе. Оно приблизительно равняется разницѣ между цѣной тощей и жирной скотины, что составитъ для лошади 8—10 руб., для быка 5 или 6 руб. За зиму, въ виду того, что приходится кормить скотину, плата очень небольшая 2—3 руб. Богатые якуты охотно отдаютъ лишнихъ быковъ и коней надежнымъ родовичамъ въ пользованіе на это время даже «задаромъ», какъ здѣсь говорятъ, «безъ уговора» кансіеты суохъ. Они ловко пользуются подобными отношеніями и взимаютъ съ своихъ оригинальныхъ вассаловъ массу незначительныхъ, но многочисленныхъ сосѣдскихъ услугъ, безъ которыхъ здѣсь не обходится никакое болѣе крупное хозяйство.

Аренда молочнаго скота для удоя зовется по-якутски хасасъ, что значитъ «скопы» [2]). Хасасъ ынакъ зовутъ также корову среднихъ лѣтъ и средняго достоинства.

Хасасъ берутъ только на лѣто (отъ 9 мая по 1 октября). Условія хасасъ одинаковыя во всей странѣ: собственникъ получаетъ осенью 1 пуд. 10 фун. топленаго якутскаго масла и больше ничего, или 30 фун. масла и бочку (хасасъ) тара въ 12—15 пудовъ. Въ переводѣ на деньги это составитъ около 10 руб. сер., почти $^2/_5$ стоимости коровы. Иногда молочныя скопы полностью остаются у арендатора и онъ обязуется исполнить извѣстную работу: накосить сѣна, нарубить дровъ, поступить на зиму въ услуженіе или отдать въ работники кого либо изъ семьи. Тутъ и открывается поле собственнику для всякихъ уловокъ. Придерживаясь номинально признаннаго обычаемъ вознагражденія, онъ сообразно со степенью нужды должника и текущими рыночными цѣнами

[1]) Иногда берутъ *за путь*; такъ, за провозъ на лошади груза изъ Намской управы въ городъ (100 верстъ) брали якуты отъ 2—3 руб.; за быка—не больше 2 руб.; за лошадь подъ выюки отъ Усть-Амги въ Колымскъ—8 руб. (чрезъ Омёконъ).

[2]) Хасасъ или касас зовутъ также бочку или вообще крупную посуду для собиранія всякихъ запасовъ, стр. 321, 368.

продуктовъ, выжимаетъ изъ него всякія «добавочныя стоимости втораго порядка»—не рѣдко равняющіеся половинѣ условной арендной платы.

Если берутъ корову для удоя на зиму, то плата за нее значительно ниже; иногда 1 руб. или 2 за стародойку (кытаракъ); за стельныхъ же, которыя доятся только часть зимы, приплачиваетъ даже собственникъ отъ $1^1/_2$ до 3 руб. за голову. Кобылъ тоже берутъ на удой, но значительно рѣже.

За смерть отъ заразы или какого нибудь внутренняго порока, за покражу или съѣденіе звѣремъ, взятой въ пользованіе скотины, арендаторъ не отвѣчаетъ. Онъ плотитъ всю ея стоимость или часть только въ случаѣ, если та погибла вслѣдствіе небрежнаго или неумѣлаго съ нею обращенія: утонула, сломала ногу, сдохла отъ истощенія или натуги. Эти дѣла рѣшаетъ обыкновенно родовой судъ.

Хасасъ заключаетъ въ себѣ ту общую черту для всѣхъ якутскихъ сдѣлокъ, что работодатель кредитуетъ рабочаго; эта излюбленная форма якутскаго найма существенно отличается отъ нашей, гдѣ рабочій кредитуетъ капиталиста. Къ предложенію получить плату послѣ окончанія работы, якутъ всегда относится, какъ къ какой-то ловушкѣ, онъ недоумѣваетъ и рѣдко соглашается. Только годичные и долгосрочные рабочіе привыкли къ тому, что сейчасъ на руки выдаютъ имъ часть платы, а часть удерживаютъ въ обезпеченіе отъ побѣга, непослушанія или нерадивости. Я указывалъ выше, какое употребленіе дѣлаютъ нерѣдко изъ этихъ остатковъ предусмотрительные хозяева.

Не смотря на то, что положеніе якутскаго работника относительно сносно, что онъ сытъ, а у богатыхъ болѣе или менѣе прилично одѣтъ [1]), якуты неохотно идутъ въ услуженіе и при малѣйшей возможности устраиваются самостоятельно. Неимущія семьи, часто лишенныя даже пріюта, нерѣдко годы живутъ въ качествѣ постояльцевъ у такихъ же, какъ они, бѣдняковъ, перебиваются подрядами, попрошайничаютъ, голодаютъ, мрутъ, стремясь во что бы то ни стало отстоять свою экономическую самостоятельность, выжидая случая, чтобы обзавестись собственнымъ скотомъ. Это имъ нерѣдко удается. Достаточно нѣсколькихъ подъ рядъ благополучныхъ, урожайныхъ годовъ, а сейчасъ же всплываютъ маленькія зачатки будущихъ состояній. Ни одинъ молодой якутъ не сомнѣвается, что онъ будетъ со временемъ богатымъ и онъ, пожалуй, имѣетъ для этого нѣкоторыя основанія. Превращеніе это стоитъ такихъ страшныхъ усилій и страданій, что смѣшно послѣ этого говорить о невоздержности ди-

[1]) Богатые якуты стыдятся, если ихъ рабочіе ходятъ въ лохмотьяхъ и слѣдятъ затѣмъ, чтобы часть жалованія употреблялась рабочими на платье. Въ лѣсъ зимою и въ дальнюю дорогу работникъ обыкновенно надѣваетъ хозяйскую доху.

карей-якутовъ, объ ихъ обжорствѣ, лѣни и легкомыслiи. Даже собственники нѣсколькихъ коровъ, разъ въ семьѣ ихъ меньше $1^1/_2$ головы на душу, большую часть жизни голодаютъ. Они, обмирая отъ голода, удерживаются убивать скотъ изъ страха потери самостоятельности, и я знаю случаи, когда въ голодные годы родовыя власти посылали десятскихъ къ бѣднякамъ, чтобы тѣ били насильно скотъ, ради спасенiя людей отъ голодной смерти. (Баягантайскiй улусъ, 1883 годъ).

Голодные перiоды, когда абсолютно нечего въ ротъ положить, когда всѣ крошки съѣстнаго подобраны и уничтожены, когда стельныя коровы поголовно не доятся, а природа, скованная холодомъ, сурово отстраняетъ всякiя попытки добыть пищу, повторяются ежегодно, и двѣ трети якутскаго народа страдаетъ отъ нихъ болѣе или менѣе продолжительное время. У кого въ стадѣ находился собственный быкъ-поросъ, чей скотъ зимою кормился сносно и по веснѣ быстро поправился и отгулялся, у кого есть достаточно коровъ, чтобы онѣ могли телиться разновременно, у того срокъ голоданiя сокращается до нѣсколькихъ недѣль. У бѣдныхъ онъ выростаетъ до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тогда они кормятся подачками, выпрашиваемыми у болѣе счастливыхъ сосѣдей. Не удивительно, что въ это время самой интересной темой для разговора является вопросъ: у кого отѣлилась корова и у кого скоро будутъ телиться. Но иногда случается, что во всемъ околодкѣ коровы почему-то въ одно время забеременили и телятся одновременно [1]); тогда, если это околодокъ не земледѣльческiй или случился тамъ неурожай хлѣба, наступаетъ голодъ.

— «Тогда мы больше лежимъ, покрывшись одѣяломъ», объясняли бѣдняки, когда я распрашивалъ, какимъ образомъ они ухитряются прожить эти ужасные мѣсяцы. (Верхоянскъ, 1881 г.). Пьютъ кирпичный чай, отваръ разныхъ растенiй и ѣдятъ лиственичную или сосновую заболонь, если остались ея запасы. Зимою добывать ее невозможно, никакой топоръ не срубитъ въ это время сырого дерева, затвердѣвающаго до крѣпости кремня.

Но и въ благополучные годы часть якутовъ голодаетъ. Почему это такъ, станетъ яснымъ, если мы разсмотримъ бюджетъ достаточной якутской семьи. Возьмемъ сначала семью въ сѣверномъ округѣ, именно въ Верхоянскомъ, и предположимъ, что обстановка и утварь заведены были раньше и что семья состоитъ изъ *пяти* душъ и владѣетъ 20 штуками скота [2]). Такая

---

[1]) Особенно часто такiя явленiя я наблюдалъ въ Верхоянскомъ округѣ.

[2]) Позаимствовано изъ рукописныхъ замѣтокъ у С. Ковалика. «О экономическомъ положенiи якутовъ Верхоянскаго округа».

семья имѣетъ обыкновенно на своемъ иждивеніи одного кумулана или итимни, т. е. живущаго на мірской счетъ бѣдняка. Сѣна ей нужно: 6 десяти буласныхъ стоговъ (отъ 1,800—2,000 пуд.), считая 5 стоговъ для рогатаго скота и 1 для копя и почлежниковъ. Собственными силами семья можетъ накосить въ среднемъ 4 стога (отъ 1,200—1,800 пуд.), поэтому приходится нанять одного косца или держать у себя бѣднаго родственника; послѣднее обходится еще дороже. На косца полагается лѣтомъ *двѣ коровы*. Если въ семьѣ одинъ взрослый мужчина, то, слѣдовательно, на всѣхъ 7 человѣкъ, включая косца, потребуется молока отъ 9 коровъ. Если дѣти очень малы, то достаточно 8 коровъ; но за то приходится нанимать гребщицу, значитъ, понадобятся тѣ-же 9 коровъ. Изъ числа 20 штукъ скота слѣдуетъ положить почти 10 штукъ на быка, лошадь, подростковъ и яловокъ, такъ что будетъ доиться немногимъ болѣе 10 коровъ, и на молочные скопы останется приблизительно молоко отъ одной коровы за лѣто и отъ 2 коровъ, ассигнованныхъ наемному косцу, за половину лѣта (косецъ нанимается отъ 30 іюня по 1 октября). Семья только изрѣдка потребляетъ масло и сливки, и можно полагать, что она продаетъ масло отъ одной коровы цѣликомъ.

Такимъ образомъ получится:

ДОХОДЪ.	Р.	К.	РАСХОДЪ.	Р.	К.
1 пудъ свѣжаго масла	8	—	Косцу жалованія	18	—
			Повинности	5	—
1½ коровы, проданной на мясо . .	45	—	12 кирпичей чаю.	24	—
			1 пудъ ржаной муки на бутугасъ	6	—
			2 фунта сахару	1	60
Промыселъ лисицъ, зайцевъ и бѣлокъ	10	—	2 чашки съ блюдцами, взамѣнъ разбитыхъ	2	—
			1 даба (для одежды)	5	—
			16 арш. сердинки на двѣ женскія		
Съ торговли (каждый почти якутъ тургуетъ.	10	—	рубахи	7	20
			10 арш. ситцу на двѣ мужскія рубахи	3	—
Различныхъ случайныхъ доходовъ напр.: подряды, перевозка клади, наемка зимою въ ямщики. . . .	8	80	5 платковъ ситцевыхъ	3	—
			1 большую ровдугу на покрышку		
			зимняго сона.	3	—
			Часть кобыльей кожи для обуви . .	2	—
			На ремонтъ горбушъ (плата кузнецу)	1	—
			За разныя требы священнику. . .	1	—
Итого	81	80	Итого	81	80

Чтобы получить картину той же степени достатка на югѣ нужно понизить количество коровъ до 15-ти, уменьшить сообразно съ рынкомъ

цѣны на товары и вставить нѣкоторые новые расходы, какъ напр.: табакъ, соль, водку. Семья обходится собственными силами: рабочаго при такомъ количествѣ скота на югѣ не нанимаютъ.

ДОХОДЪ.	Р.	К.
1 пудъ топленаго масла.	8	—
1 корова, проданная на мясо . . .	20	—
Промыселъ лисицъ, зайцевъ и бѣлокъ	—	—
Съ торговли	2	—
Различныхъ случайныхъ доходовъ:		
Перевозка клади, наемка въ ямщики, подряды по доставкѣ лѣса и т. п.	20	—
Итого	50	—

РАСХОДЪ.	Р.	К.
Повинности	5	—
10 пуд. хлѣба или его суррогатовъ	15	—
10 кирпичей чаю.	8	—
2 фунта сахару	1	—
2 чашки съ блюдцами взамѣнъ разбитыхъ	—	90
2 дабы (для одежды)	5	—
16 арш. сердинки на 2 женскихъ рубахи или *одну* женск. и 2 дѣтск.	3	52
10 аршинъ ситцу на 2 мужскія рубахи и другія надобности	1	50
2 ситцевыхъ платка	—	50
1 большую ровдугу на покрышку зимняго с о н а или соотвѣтственное количество сукна.	4	—
Часть кобыльей кожи на обувь и подошвы.	2	—
Кузнецу.	1	—
Священнику за требы	1	—
Табакъ	—	80
Соль	—	30
Водка	1	—
Итого	50	52

Сравнивая оба бюджета мы видимъ, что на югѣ зависимость отъ спроса на трудъ возросла, что работа на сторону даже въ зажиточныхъ хозяйствахъ должна покрыть половину расходовъ [1]). Иначе про-

[1]) Сообщаю еще одинъ не лишенный интереса бюджетъ, составленный совершенно независимо отъ моей работы, политическимъ ссыльнымъ Каменскимъ для Могенскаго улуса. Онъ даетъ приблизительный валовой доходъ и расходъ семьи состоящей изъ 4 душъ (3 взрослыхъ и 1 ребенка) и владѣющей 4 *дойными* коровами.

Д О Х О Д Ъ.	Р.	К.	Р.	К.
1/2 остожья сѣна въ 5—10 возовъ	15	—	30	—
Доходъ отъ 4-хъ коровъ	89	—	152	—
Итого .	104	—	182	—

Р А С Х О Д Ъ.	Р.	К.	Р.	К.
10 кирпичей чаю.	8	—	10	—
20 фунтовъ сала	—	70	—	90
5—30 пуд. хлѣба по 1 р. 50 к. или 2 р.	10	—	45	—
4—5 пудовъ мяса	8	—	10	—
3 пуда масла.	24	—	30	—
10—30 пудовъ тару по 10—20 коп. . . .	2	—	3	—

зить дефицитъ или приходится сокращать и безъ того умѣренныя потребности.

Если семья посѣетъ хлѣбъ и онъ уродится, то конечно расходы уменьшаются на цѣлыхъ 15—20 руб., давленіе слабнетъ и чувствуется довольство

Въ хозяйствахъ менѣе счастливо поставленныхъ, а такихъ половина, гнетъ этотъ существуетъ постоянно. Въ нихъ зависимость отъ случая возрастаетъ до трагическихъ почти размѣровъ. Вздорожали на нѣсколько копѣекъ товары, обманулъ сосѣдъ, обвѣсилъ купецъ, сдохли телята, все это отзывается тяжелыми ударами на чутко настороженномъ бюджетѣ. Нѣсколько такихъ ударовъ подрядъ и хозяйство падаетъ въ пучину задолженности, откуда уже рѣдко и съ трудомъ всплываетъ. Якуты прекрасно это знаютъ и предпочитаютъ временно голодать, продавая больше, чѣмъ слѣдуетъ, на сторону масла и тару. Сбытъ этихъ продуктовъ, благодаря спросу въ города и на пріиски, почти неограниченъ.

Понятно, что по мѣрѣ уменьшенія доходности хозяйства, изъ его бюджета исчезаютъ: водка, соль, табакъ, сахаръ. Хлѣбъ и чай замѣняются суррогатами, платье превращается въ лохмотья. Въ результатѣ производительность хозяйства падаетъ: люди не въ состояніи выработать столько, сколько добывали раньше, плохо кормленный скотъ уменьшаетъ количество молока и приплода. Хозяйство попадаетъ въ замкнутый кругъ, изъ котораго его можетъ вывести только случай. Есть еще одинъ исходъ: долги.

Я думаю, что двѣ трети якутскихъ хозяйствъ задолжены. У одной трети эти долги незначительные, посильные, современемъ выплачиваемые; величина ихъ колеблется отъ 1 руб. до 5 на штуку скота. У другой трети эти долги неоплатные, вѣчные, поглащающіе ежегодно весь доходъ хозяйства, такъ что оно постоянно существуетъ въ кредитъ—выражаясь по-якутски: оно «въ вѣчномъ подрядѣ» у богачей [1]).

	р.	к.	р.	к.
1 коровья голова	—	70	—	70
4—5 фунтовъ табаку	2	50	2	50
3 пуда суррогатовъ хлѣба.	—	60	—	90
2 дабы по 2 руб. 50 коп.—3 руб. . . .	5	—	6	—
12 возовъ сѣна на 4 коровы по 2 р. 50 к.— 3 руб.	30	—	36	—
Подати 2-го класса.	9	—	9	—
Свѣчей и ладону	1	15	1	15
Другихъ мелкихъ расходовъ.	2	—	2	—
Итого .	103	85	157	15

[1]) Я знаю хозяйства очень небольшія съ долгомъ въ 100 слишкомъ рублей.

Эти богачи по образу жизни, потребностямъ, расходамъ недалеко ушли отъ бѣдняковъ. Они сыты, они ѣдятъ каждый день хлѣбъ, мясо, каждый день пьютъ чай, они живутъ въ болѣе просторныхъ и теплыхъ жилищахъ, они одѣты и обезпечены, стада ихъ правильно возрастаютъ и только! Все это очень умѣренно. Я думаю, что у рѣдкихъ богачей расходъ превышаетъ 200—300 р. въ годъ. Но и для этого имъ уже необходимо присвоивать себѣ часть чужаго труда. Дѣло въ томъ, что содержаніе стадъ, дающихъ такой чистый доходъ (съ вычетомъ пищи работающихъ) далеко превышаетъ силы средней якутской семьи. Только многолюдныя, сложныя семьи могутъ обходиться безъ наемнаго труда. Такихъ семействъ очень мало, а кооперативныя начала чужды якутскому народному духу. Они предпочитаютъ работать семьями, биться на личный рискъ и страхъ. Даже кустари-ремесленники, какъ я это отмѣтилъ выше [1]), не образуютъ никогда правильно организованныхъ постоянныхъ артелей. Если мнѣ случалось говорить съ якутами о выгодахъ кооперації, то я всегда получалъ въ отвѣтъ замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: «Для этого нужно, чтобы люди были ангелы!..» (Верхоянскъ, 1881 года). «Люди бываютъ разные: лѣнивые и работящіе, совѣстливые и безсовѣстные, харса суохъ!..» (Намскій улусъ, 1892 г.). «Мы выигрыша въ карты подѣлить не можемъ, а ты хочешь, чтобы мы дѣлили сѣно, молоко, масло, заработанныя деньги—мы непремѣнно подеремся!..» (Колымскій ул., 1883 г.).

У якутовъ въ ходу только летучіе кооперативные союзы. Тѣ очень популярны. Два рыбака, сойдясь на одномъ уловѣ, сейчасъ же образуютъ компанію: ловятъ вмѣстѣ и дѣлятъ добычу по ровну. Нѣсколько дровосѣковъ, рубящихъ по сосѣдству, тоже вступаютъ «въ компашію», потому что такъ «веселѣе». Косцы соединяются нерѣдко въ небольшіе отряды изъ 5—6 человѣкъ и выкашиваютъ поочереди луга участниковъ. (Намскій ул., 1889 г.). Баба помогаетъ грести сосѣдкѣ, взамѣнъ за такую же услугу, а метать стога поочереди соединенными силами двухъ, трехъ семействъ вошло почти въ обычай. Кромѣ того, сосѣди постоянно обмѣниваются массой мелкихъ услугъ, требующихъ особаго знанія и не поддающихся учету. Скроить и сшить платье, склеить сломанную посуду, поймать и укротить буйнаго коня, притесать двери, найти заблудшую скотину и т. д.—цѣлый рядъ работъ, въ суммѣ далеко превышающихъ оплоченныя по договору, находится въ обмѣнѣ, не возбуждая особенныхъ недоразумѣній. Замѣчательно также, что всѣ союзы съ ясно выраженнымъ артельнымъ началомъ: равный трудъ и равное участіе—называются по-русски компанія, хотя у якутовъ есть слово кытыкъ—кытыкасъ,

[1]) См. стр. 406.

выражающее недурно это понятіе [1]). Русскимъ словомъ гуляй обозначаютъ они также мірскую помочь, по-якутски кёмё. Къ ней прибѣгаютъ или зажиточные люди, могущіе поставить извѣстное «угощеніе», или неимущіе бѣдняки. Послѣдніе кланяются сосѣдямъ въ поясъ, даютъ какой нибудь небольшой подарокъ: кирпичъ чаю, рубль денегъ... и если причины, выставленныя просителемъ, были достаточно уважительны, просимые исполняютъ работу безвозмездно на своемъ содержаніи: строятъ домъ, выкашиваютъ лугъ, рубятъ и свозятъ топливо. Для богачей, князей, всякихъ вліятельныхъ въ околодкѣ личностей обычай «помочи» чрезвычайно выгоденъ. Отказать имъ нельзя, а угощеніе у нихъ всегда расчитано такъ, что оно обходится дешевлѣ найма [2]). День гуляй начинается съ восходомъ, кончается съ закатомъ солнца. Во время работъ разъ только кормятъ и разъ поятъ чаемъ; главное угощеніе происходитъ послѣ окончанія работы. Иногда хозяинъ подноситъ помочанамъ по рюмкѣ водки, что считается большимъ почетомъ. Пища состоитъ изъ кумыса или чаю, молока, масла, муки и мяса. Обыкновенно бьютъ скотину и часть ея варятъ, а другую раздаютъ въ сыромъ видѣ, какъ подарки. «Помочи» практикуются, кромѣ сѣнокоса: для постройки домовъ, бороньбы, возки сѣна, вообще всюду, гдѣ полезны и примѣнимы быстрыя, массовыя усилія. На «помочь» приглашаютъ бѣдняковъ и хозяевъ средней руки, богатые люди считаютъ для себя зазорнымъ принимать въ нихъ участіе.

На себя однако богачи не стыдятся работать всякую работу. Особенно на сѣверѣ, гдѣ нравы проще, они участвуютъ въ сѣнокосѣ, ловятъ рыбу и занимаются звѣринымъ промысломъ наравнѣ съ своими рабочими. На югѣ это не въ обычаѣ и богачи, имѣющіе свыше 100 штукъ скота, рѣдко берутъ въ руки косу, охотятся же только на птицу для собственнаго удовольствія. Такихъ тузовъ, впрочемъ, немного и предположеніе, что количество трудящихся относится у якутовъ къ общему количеству населенія, какъ 3 къ 5, немногимъ измѣняется отъ ихъ бездѣйствія.

Чтобы дать понятіе о распредѣленіи народнаго труда въ продолженіи года, я пересчитаю всѣ работы, приходящіяся на долю средней якутской семьи. Начну съ 9 мая, начала якутскаго рабочаго года. Около этого

---

[1]) По Бётлингу кытыкъ—союзъ, совладѣніе, стр. 62. Нужно думать, что русское названіе работъ присвоено имъ ввиду того, что они *по характеру* своему отличаются отъ прежнихъ кытыкъ.

[2]) Впрочемъ, мнѣ извѣстны случаи, когда рабочіе, сочтя себя обиженными, сговарпвались и накошивали сѣна такъ мало, что оно обходилось дороже рыночнаго. Для устраненія такихъ сговоровъ, хозяева во главѣ артели ставятъ обыкновенно своего родственника или друга, отборнаго косца, отставать отъ котораго считается неприличнымъ.

времени дѣлаются приготовленія къ посѣву хлѣба: хлопочутъ о сѣменахъ, исправляютъ сохи и бороны. Земледѣльческія работы такой семьи рѣдко длятся дольше 3—4 дней. Между тѣмъ подсыхаютъ луга, и якуты отправляются туда сообща, миромъ, пускать палы, жечь старыя травы. Дѣлается это всегда до разлива. Въ то время нѣкоторые занимаются ловлей рыбы, утокъ, гусей и мелкой птицы. Женщины усиленно хлопочутъ около отелившихся или имѣющихъ отелиться коровъ, доятъ кобылъ, чинятъ и шьютъ молочную посуду, чистятъ молочные погреба и т. п. Въ самый разливъ всѣ стараются быть дома, сгоняютъ туда скотъ, подкармливаютъ его, чтобы онъ не разбѣгался и не утонулъ застигнутый водой половодья. Послѣ разлива между 15 и 20 іюня исправляютъ изгороди кругомъ хлѣбовъ и луговъ, подымаютъ пары, новь, чистятъ чистки [1]). На это уходитъ въ общей сложности отъ 7 до 10 рабочихъ дней. Въ іюлѣ якуты исполняютъ также лѣсныя работы: рубятъ и ставятъ сажени на топливо, гдѣ на нихъ есть запросъ, сдираютъ кору, и т. п. Все это они дѣлаютъ не торопясь, съ отдыхомъ, сберегая силы для приближающейся страды. Изъ 50 дней съ 9 мая по 30 іюня мужчины работаютъ не больше 20 дней. Женщины работаютъ постоянно по дому, доятъ 3—4 раза въ день коровъ, присматриваютъ за скотомъ, устраиваютъ ему дымокуры и защиту отъ зноя. Шьютъ, чинятъ платье, посуду, чистятъ дворъ, хлѣва и проч.

Съ Петрова по Перваго Спаса (1 августа)—самый длинный рабочій день и самое горячее страдное время. Послѣ Спаса начинаются дожди, мѣшающіе работѣ; косцы и гребцицы по неволѣ отдыхаютъ и высыпаются. Затѣмъ подходитъ опять горячее время жнива и метанія сѣна. 1 сентября сѣнокосъ считается оконченнымъ, изгороди сѣнокосовъ отпираются, и якуты перекочевываютъ въ зимнія жилища.

Если отчислить 9 воскресеній, 4 праздника и половину изъ 12 среднимъ числомъ ненастныхъ дней [2]), то получимъ за время отъ 1 іюля по 1 сентября 19 досужныхъ дней и 42 рабочихъ страдныхъ дня. Это съ прежними 20 составитъ 60 слишкомъ лѣтнихъ рабочихъ дней часовъ по 15, или около 1,000 часовъ за лѣто мужскаго труда и столько же женскаго (гребля).

---

[1]) Въ иныхъ мѣстностяхъ доступъ въ сѣнокосные луга запирается съ 1-го іюня, тогда изгородь исправляютъ вслѣдъ за убылью воды.

[2]) Во вторую половину лѣта якуты косятъ сѣно и въ дождь, не считая это особенно для него вреднымъ. Такое сѣно, долго пролежавшее подъ дождемъ, считаютъ за второй сортъ—ю р ю *и* ъ к ю ӧ х ъ (блѣдно-зеленое), за третій сортъ считаютъ совсѣмъ побѣлѣвшее подъ дождями ю р ю *и* ъ (бѣлое); ниже его—черное х а р а, высохшее и затѣмъ загнившее въ покосахъ или кошахъ.

Мѣсяцъ сентябрь якуты почти не работаютъ. Только женщины поправляютъ обмазку дома на зиму, а мужчины больше бродятъ изъ дому въ домъ въ поискахъ новостей и развлеченій. Немногіе ставятъ сѣти на рыбу [1]), пашутъ запоздалые пары, отыскиваютъ и собираютъ табуны и т. п. Это самый веселый мѣсяцъ года. Онъ сытый, досужій и въ Якутской области всегда почти ведрёный. Съ выпаденіемъ снѣга, что случается обыкновенно въ началѣ октября, начинается возка сѣна и дровъ. Дровъ на отопленіе юрты необходимо срубить и вывести минимумъ 100 возовъ, на что уйдетъ не меньше 500—600 часовъ въ зиму.

Возятъ якуты дрова, смотря по количеству имѣющихся у нихъ упряжныхъ животныхъ (обыкновенно быковъ), каждый второй или третій день, а сѣно—въ промежуточные дни. На возку сѣна уходитъ, тоже смотря по отдаленности, количеству упряжныхъ животныхъ и количеству необходимаго корма, отъ 90 до 100 короткихъ, 6 часовыхъ зимнихъ дней. Такимъ образомъ вся зима мужчинъ занята возкой дровъ и сѣна, по обѣ эти работы по большей части исполняетъ молодежь, подростки, нерѣдко женщины. Въ самые лютые морозы якуты избѣгаютъ работать и передвигаютъ часть работы на осень, часть на весну, когда длинные дни позволяютъ работать по 10 часовъ, а меньшій холодъ — грузить больше тяжести на животныхъ. Такимъ образомъ выходитъ, что въ 7 мѣсяцевъ, отъ 1 октября по 1 мая, на неизбѣжный въ хозяйствѣ трудъ требуется не больше 100 дней мужского труда, остальное время можетъ быть посвящено отдыху или работѣ на сторону [2]). Весь домашній трудъ, какъ: кормленіе скота, чистка хлѣвовъ, молотьба хлѣба, приготовленіе пищи, мятье кожъ, починка и шитье новаго платья и обуви и т. п., производится женщинами, дѣтьми и стариками. Глава семьи зимою работаетъ только тогда, когда у него пѣтъ подростка сына или работника; на послѣднихъ лежатъ всецѣло заботы зимою о сѣнѣ, о дровахъ; хозяинъ проводитъ большую часть времени въ торговыхъ поѣздкахъ, въ гостяхъ, на міру, въ родовыхъ судахъ и собраніяхъ. Богачи проводятъ такъ все свое время.

---

[1]) Имѣю ввиду якутовъ преимущественно скотоводческихъ мѣстностей. Въ Колымскомъ улусѣ въ этомъ мѣсяцѣ заготовляютъ чуть ли не главную часть зимнихъ запасовъ рыбы, выѣзжая для этого на болѣе богатые уловы, часто за сотни верстъ отъ дому.

[2]) Въ переводѣ на часы это составитъ:

лѣтомъ	отъ 2.000	до 2.500	часовъ работы	внѣ дома
зимою	отъ 1.000	до 1.200	» »	» »
Итого въ годъ . .	отъ 3.000	до 3,700	часовъ работы	внѣ дома.

Въ Батаринскомъ наслегѣ въ 1892 году изъ 338 семействъ ушло въ отхожіе промыслы 33 мужчины и 18 женщинъ.

Есть остатки обычаевъ и смутныя преданія, указывающія, что въ прошломъ у якутовъ была иная организація народнаго хозяйства и иное распредѣленіе богатствъ.

Оно рушилось и увлекло за собой къ паденію многіе опирающіеся на немъ институты; остались только непонятные, часто лишенные смысла обрывки.

Рис. 126. Чеканенный узоръ по желѣзу.

Свѣдѣнія, собранныя подворной переписью Батаринскаго и Тарагайскаго наслеговъ въ 1892 г. [1]).

ВЪ ТАРАГАЙСКОМЪ НАСЛЕГѢ:

1,149 душ. об. п., 585 муж. и 564 жен. Хозяйствъ 247. Рогатаго скота 2035 шт. Коннаго 268 шт. Сѣна собрано 2092 воза. Хлѣба было посѣяно 405 пуд., собрано — 1270. Сѣяло хлѣбъ 162 хозяина; 2 хозяина засѣяло по 30 пуд.; 2—по 10 пуд.; 15—отъ 5 до 10 и 48 — 2 пуд.; 56 — по 1 пуду; остальные меньше пуда. Сѣнокосныя земли распредѣлялись такимъ образомъ: 1 хозяйство обладало сѣнокосами на 40 остожіи (кюре) сѣна, 1—на 20; 1—на 10; 2—на 5; 3—на 4; 6—на 3; 1—на $2^1/_2$; 24—на 2; 5—на $1^1/_2$; 99—на 1; 90 — на $^1/_2$ остожья. У остальныхъ нѣтъ надѣла.

ВЪ БАТАРИНСКОМЪ НАСЛЕГѢ:

1525 душ. об. п., 786 муж. и 739 жен. Хозяйствъ 338. Рогатаго скота 2597 шт. Коннаго 364. Сѣна собрано 4307 возовъ. Хлѣба было посѣяно 370 пуд., собрано — 855 пуд. Сѣяло хлѣбъ 226 хозяевъ. *Одинъ* хозяинъ сѣялъ: 9 п.; 2 хов. по 6 п.; 8 хоз. по 5 п.; 13 хоз. по 4 п.; 18 хоз. по 3 п.; 59 хоз. по 2 п.; остальные по 1 п.; меньше *пуда* посѣяло 24 хозяина. Сѣнокосныя земли распредѣлялись такимъ образомъ: 1 хозяйство обладало сѣнокосами на 4 остожья (кюре) сѣна, 3—на $3^1/_2$; 5—на 3; 13—$2^1/_2$; 21—на 2; 64—на $1^1/_2$; 119—на 1; 69—на $^1/_2$ остожья; у остальныхъ не было надѣла.

[1]) Оба наслега принадлежатъ къ центральнымъ Мегенскаго улуса; въ Тарагайскомъ наслегѣ три рода: Нерчу, Сясикъ и Урчусъ.

Распредѣленіе скота по хозяйствамъ.

ВЪ ТАРАГАЙСКОМЪ НАСЛЕГѢ:

на 248 самостоятельныхъ хозяйствъ:

въ	1	было	260	штукъ скота.
»	1	»	208	» »
»	1	»	70	» »
»	1	»	60	» »
»	1	»	50	» »
»	1	»	47	» »
»	1	»	42	» »
»	1	»	39	» »
»	1	»	38	» »
»	1	»	36	» »
»	1	»	28	» »
»	1	»	19	» »
»	2	»	27	» »
»	2	»	20	» »
»	2	»	17	» »
»	2	»	14	» »
»	2	»	13	» »
»	4	»	9	» »
»	6	»	11	» »
»	6	»	1	» »
»	8	»	12	» »
»	10	»	0	» »
»	12	»	15	» »
»	15	»	7	» »
»	16	»	8	» »
»	22	»	6	» »
»	22	»	3	» »
»	23	»	4	» »
»	23	»	2	» »
»	24	»	10	» »
»	34	»	5	» »

ВЪ БАТАРИНСКОМЪ НАСЛЕГѢ:

на 270 хозяйствъ:

въ	1	было	65	штукъ скота.
»	1	»	60	» »
»	1	»	45	» »
»	1	»	33	» »
»	1	»	28	» »
»	1	»	24	» »
»	1	»	21	» »
»	1	»	19	» »
»	2	»	40	» »
»	2	»	35	» »
»	2	»	18	» »
»	3	»	17	» »
»	3	»	16	» »
»	3	»	13	» »
»	3	»	9	» »
»	4	»	14	» »
»	5	»	50	» »
»	7	»	20	» »
»	8	»	30	» »
»	9	»	12	» »
»	10	»	11	» »
»	11	»	7	» »
»	15	»	15	» »
»	16	»	3	» »
»	18	»	4	» »
»	20	»	6	» »
»	21	»	1	» »
»	21	»	0	» »
»	25	»	8	» »
»	33	»	2	» »
»	43	»	5	» »
»	50	»	10	» »

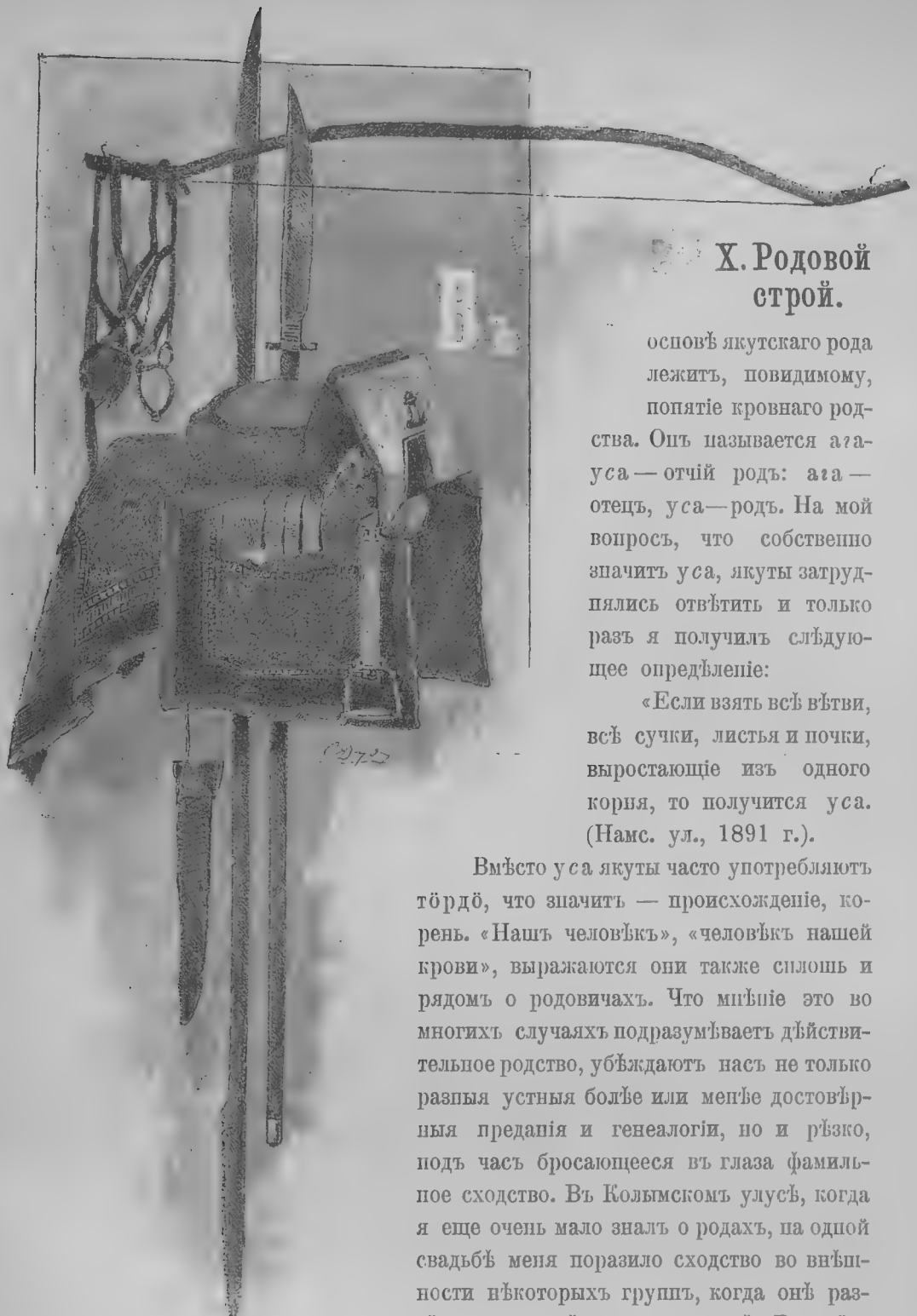


Рис. 126. Узда, юнь; лукъ, охъ; батыя съ чахломъ; батасъ; сѣдло, ыҥыръ.

X. Родовой строй.

Основѣ якутскаго рода лежитъ, повидимому, понятіе кровнаго родства. Онъ называется аҕауса — отчій родъ: аҕа — отецъ, уса — родъ. На мой вопросъ, что собственно значитъ уса, якуты затруднялись отвѣтить и только разъ я получилъ слѣдующее опредѣленіе:

«Если взять всѣ вѣтви, всѣ сучки, листья и почки, выростающіе изъ одного корня, то получится уса. (Намс. ул., 1891 г.).

Вмѣсто уса якуты часто употребляютъ тӧрдӧ, что значитъ — происхожденіе, корень. «Нашъ человѣкъ», «человѣкъ нашей крови», выражаются они также сплошь и рядомъ о родовичахъ. Что мнѣніе это во многихъ случаяхъ подразумѣваетъ дѣйствительное родство, убѣждаютъ насъ не только разныя устныя болѣе или менѣе достовѣрныя преданія и генеалогіи, но и рѣзко, подъ часъ бросающееся въ глаза фамильное сходство. Въ Колымскомъ улусѣ, когда я еще очень мало зналъ о родахъ, на одной свадьбѣ меня поразило сходство во внѣшности нѣкоторыхъ группъ, когда онѣ разсѣлись въ извѣстномъ порядкѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что это были сородичи.

На югѣ, въ Якутскомъ и Олёкминскомъ округахъ не такъ легко замѣтить нѣчто подобное. Здѣсь скрещиваніе происходитъ несравненно энергичнѣе, роды гораздо древнѣе, выборъ женщинъ разнообразнѣе, тѣмъ не менѣе, если внимательно присмотрѣться, то у большинства родовъ можно найти какія-нибудь характерныя особенности: горбатые носы, низкіе лбы, чрезмѣрно отстающія уши и другія отличія, явно доказывающія ихъ общее происхожденіе. Это сходство, конечно, рѣзче всего выступаетъ у родовъ, отдѣлившихся отъ общаго корня недавно, или тамъ, гдѣ совершилась примѣсь крови настолько чуждой якутскому типу, что она, точно яркая краска, вспрыснутая въ ткань, замѣтна въ самыхъ мельчайшихъ и отдаленнѣйшихъ развѣтвленіяхъ рода. Примѣромъ могутъ служить такъ называемые «русскіе роды» пучча-ага-уса. Есть они во множествѣ во всякомъ почти улусѣ.

Тѣмъ болѣе странны противорѣчивые, часто сбивчивые отвѣты якутовъ о происхожденіи рода.

«Ага уса—не родственники», объяснялъ мнѣ Намскій якутъ Константинъ Жарковъ. «У васъ есть купцы, казаки, мѣщане, а у насъ—роды. Это въ родѣ чина, чиннахъ буолбутъ». (Намс. ул., 1891 г.).

«Хотя и одного происхожденія, но не родственники по крови и тѣлу» канъ-эть урута суохъ, получалъ я чаще всего въ отвѣтъ. (Баяг. ул., Намс. ул., Зап. Кангал. ул.). Эти противорѣчія попробовалъ примирить мой сосѣдъ, восьмидесятилѣтній старикъ Семенъ, по прозвищу Гыннаттахъ (Крылатый), слѣдующимъ образомъ:

«Я тебѣ, русскій, разскажу какъ произошли роды. Положимъ, что были у какого-нибудь стариннаго якута два или три сына. Они выросли, поженились, отдѣлились. Прежде земли было много, скота якуты держали тоже много, и поэтому жили въ одиночку, чтобы просторнѣе было. Разойдясь, размножались. А между тѣмъ, старикъ умиралъ, умирали родные братья, исчезало родство крови и тѣла. Старинные якуты *до девятаго только колѣна* считали родство, а дальше шли сыганъ [1]), про которыхъ пословица говоритъ: «если-бъ въ воду упалъ, не обезпокоился бы я—таковы мы родственники [2])»! Сыганъ девятаго колѣна уже считаются людьми другого рода и могутъ жениться между собою. Каждый родъ принималъ имя одного изъ сыновей старика, а всѣ вмѣстѣ назывались именемъ его самого: вотъ и роды, вотъ и наслегъ!.. Есть у насъ наслегъ Кусаганъ-ыэлъ (злые сосѣди) отъ злой старухи, Намъ отъ старика Намъ, есть Бютюгетъ, Модутъ и много другихъ... А все отъ людей—отъ яку-

---

[1]) Сыганъ якуты называютъ дѣтей двоюродныхъ братьевъ.

[2]) Уга тюсьтехына, ӧрюсюсьнетъ сыганныбытъ.

товъ! Откуда же улусы—этого не знаю, не слыхалъ! Можетъ быть «ревизія» ихъ *устроила*, онгостобутъ, а можетъ быть и они свое названіе отъ людей получили, отъ богатырей, такъ какъ мы, якуты, всѣ считаемся богатырскаго происхожденія, всѣ богатырскими дѣтьми считаемся». (Намс. ул., 1891 г.).

Такъ объясняютъ толковые якуты происхожденіе своего общественнаго строя и по такому типу возможно, что онъ строился въ ближайшее къ намъ время. Но я указалъ уже на смутность сознанія у нѣкоторыхъ самой сущности рода; теперь укажу на другіе извѣстныя мнѣ противорѣчія. Есть многіе роды, происходящіе по преданіямъ *отъ женщинъ*, хотя теперь роды считаются въ мужской линіи. Затѣмъ: еслибы принципъ кровнаго дѣленія строго примѣнялся, то роды были бы приблизительно одинаковой величины и было бы ихъ безчисленное множество. Между тѣмъ, родовъ далеко не такъ много и они до того разнятся въ размѣрахъ, что это невольно вызываетъ на раздумье. Есть роды, какъ Омёко-Борогонскій (въ 1414 душъ) Баягантайскаго улуса, 2-й Нерюктейскій Сунтарскаго улуса (901 душа), два Юсальскіе Верхоянскаго улуса (I-ый—905 и II-й—703 д.) и много другихъ, достигающихъ нѣсколькихъ сотъ, даже тысячъ душъ и есть не менѣе того родовъ, состоящихъ всего изъ *нѣсколькихъ десятковъ душъ*. Оказывается, что признанные предѣлы кровнаго родства, сыганъ, понятіе чрезвычайно неясное и растяжимое. По однимъ показаніямъ сыганъ зовутъ дѣтей двоюродныхъ братьевъ, по другимъ сыновей двухъ сестеръ; иные, наконецъ, утверждали, что это вообще «дальніе родственники».

«Сы(г')» повторяли, очевидно, удивляясь моему непониманію, «мы говоримъ сы(г) это все равно: можно жениться». (Намс. ул., 1891 г.).

«Сы(г) а отъ этого сыганъ—сыновья двухъ сестеръ, вышедшихъ замужъ въ чужой родъ» (Зап. Кангал. ул., 1892 г.).

Никто не могъ перечислить всѣхъ степеней родства, включенныхъ въ понятіе сы(г), и указать точно въ какомъ опѣ начинаются колѣнѣ.

Всѣ спрошенные согласно, по голословно утверждали: «сыганъ, это девятая степень, это та степень (уруу), которую не грѣшно не вытаскивать изъ воды!» (Намск. ул., 1892 г.).

Въ женской линіи сыганъ найти не трудно; оно начинается уже въ третьемъ колѣнѣ и подробнѣе опредѣляется различными приставками. Въ мужской линіи... на десятки записанныхъ мною отвѣтовъ не нашлось даже двухъ сходныхъ. Были такіе, которые прямо отрицали существованіе сыганъ въ предѣлахъ отчаго рода, на основаніи того, что «же-

[1]) Иные говорили сы(г)э, объясняя, что это тоже самое слово, только болѣе древнее.

нитьба внутри его недозволена». Это послѣдовательно, но не согласно съ дѣйствительностью. Якутскіе роды не дробились обязательно у этой предполагаемой девятой грани; многіе изъ нихъ включаютъ всевозможныя степени родства, какъ оно теперь понимается или даже составляютъ группы, не связанныя рѣшительно ни чѣмъ кромѣ *очень отдаленнаго*, глухаго *преданія*. Если же сыг, отнести къ женской линіи, то строгія *кровныя* ограниченія для якутскаго рода, какъ экзогамическаго, падаютъ сами собою. Ихъ въ дѣйствительности и нѣтъ.

Родовая связь существуетъ всюду, какъ смутное сознаніе и выступаетъ наружу только тогда, когда родъ получитъ достаточно сильный для раздѣла экономическій толчекъ. Повинуясь ему и только ему, родъ начинаетъ распадаться и тутъ только кровныя понятія даютъ себя до извѣстной степени чувствовать. И такъ: два родные брата, а тѣмъ болѣе отецъ и сынъ не могутъ попасть въ два различные рода; не могутъ въ нихъ попасть при жизни: дѣдъ и внукъ, дядя и племянникъ по мужской линіи въ первой степени. Но уже внучатные братья могутъ принадлежать къ различнымъ родамъ, особенно если умеръ дѣдъ. Огромное значеніе хозяйственныхъ побужденій въ дѣленіи якутскихъ родовъ и ничтожное кровныхъ, особенно удобно наблюдать въ родахъ еще цѣлыхъ, но гдѣ уже намѣтились новые родовые центры. Изъ извѣстныхъ мнѣ приведу какъ примѣръ: Каска и его подраздѣленіе Сётё, роды Бётюнскаго наслега Намскаго ул., родъ Арчинга и его же дѣленіе Хара, этого же улуса, Хатынгаринскаго наслега, наконецъ родъ Кангаласъ Колымскаго ул., прозываемый Кылгасъ (короткимъ), гдѣ обозначились ясно два центра: одинъ на Енгже другой на Андылахѣ, отличающіе себя въ сношеніяхъ, но не присвоившіе еще себѣ никакихъ спеціальныхъ названій (Колым. ул., 1883 г.). Всѣ они раздѣлены болѣе или менѣе крупными разстояніями и земельныя ихъ угодія и значительная часть имущества: дома, изгороди, запасы сѣна, мелкая цѣнная домашняя утварь, въ случаѣ смерти владѣтелей, имѣютъ нѣкоторую цѣнность *только для членовъ* данной группы. Перевозить ихъ нельзя или не стоитъ, а продать, въ виду отсутствія рынка, невозможно.

Въ прошломъ, когда главное богатство якутовъ состояло изъ табуновъ лошадей, размѣры и условія дробленія родовыхъ группъ и ихъ союзовъ были совершенно другіе. Въ это отдаленное время, нужно думать, за реальную подкладку рода служило совмѣстное потребленіе продуктовъ, получаемыхъ отъ стадъ и охотничьяго промысла. Есть многіе пережитки, указывающіе на это.

«Если якутъ убиваетъ скотину, то внутренности, жиръ, налитыя

кровью кишки, онъ дѣлитъ на порціи разной величины и достоинства и раздаетъ сосѣдямъ, которые, узнавши о такомъ событіи, обыкновенно по очереди посѣщаютъ его. Самое меньшее—онъ долженъ накормить мясомъ посѣтителей». (Верхоян. ул., 1881 г.). Обычай этотъ существуетъ всюду и никто не смѣетъ нарушить его безъ опасенія непріятныхъ послѣдствій. Помню, какъ были разгнѣваны мои сосѣди въ Бесъ-анъ (Сосновое урочище) надъ Алданомъ, какъ они долго жаловались на богача Семена, называя его чуть не *воромъ*, за то, что тотъ тайкомъ, ночью, убилъ *своего собственнаго* быка и съѣлъ, *не подъливщись* съ ними». (Байган. ул., III-й Баяган. наслегъ, 1885 года).

— «Достаточно, убивши скотину, обойти кого-либо изъ сосѣдей подаркомъ, чтобы пріобрѣсти себѣ врага». (Намскій ул., 1888 г.). Умышленный обходъ равносиленъ вызову; съ него обыкновенно начинается открытое прекращеніе дружественныхъ отношеній между семействами. Даже люди въ тайнѣ враждующіе, разъ живутъ близко, обмѣниваются подобными подарками, а болѣе любимымъ и уважаемымъ сосѣдямъ они отсылаютъ ихъ даже на домъ, за нѣсколько верстъ. (Нам. ул., 1889 г.).

Обычай этотъ распространяется *на всѣхъ живущихъ по сосѣдству*. Если принять во вниманіе, что въ прошломъ совмѣстно кочевали только сородичи или союзники (тѣже родовичи, пріобщенные путемъ договора), то станетъ понятнымъ родовой характеръ этого архаическаго остатка. Что онъ древній, въ этомъ убѣждаетъ насъ преданіе и его вымираніе въ настоящее время, почти исчезновеніе въ болѣе культурныхъ мѣстностяхъ, что онъ *родовой* убѣждаютъ насъ нѣкоторые обряды во время свадьбы и мировыхъ сдѣлокъ.

— «Одной изъ существенныхъ частей якутской свадьбы является обмѣнъ мясомъ. Свадебный пиръ длится обыкновенно три дня, свадебныя блюда преимущественно мясныя. Даже самый бѣдный якутъ считаетъ необходимымъ для этой цѣли убить скотину. Во время пира поѣзжане жениха и невѣсты обмѣниваются отборнѣйшими кусками мяса, изъ выдѣленныхъ имъ порцій. При этомъ обыкновенно произносятся торжественныя, подходящія къ случаю рѣчи съ напоминаніемъ, что вотъ «мы теперь свои люди». (Колым. ул., 1883 г.). Свадьба якутская носитъ родовой характеръ, на нее преимущественно собираются родовичи вступающихъ въ бракъ, и справлять ее бѣднымъ въ старину помогали сородичи [1]). (Намскій ул., 1890 г.; Колым. ул. 1883 г.).

[1]) Послѣдній обычай я засталъ еще въ Колымскомъ округѣ, тамъ богачи не отказываютъ дать въ долгъ для этой цѣли скотину даже совершенному бѣдняку, отъ котораго затѣмъ долгъ получить будетъ довольно трудно, и которому безъ стѣсненія въ другихъ случаяхъ отказываютъ даже *въ кирпичѣ чаю*.

— «Какъ вы водкой, такъ мы скотнимъ мясомъ и костьми дѣлимся въ знакъ дружбы и родства!..» (Нам. ул., 1891 г.), объясняли якуты обычай обмѣниваться мясомъ. Въ связи съ этимъ стоитъ обрядъ заключенія мировой—«плата за стыдъ», саатъ тёлюбра, какъ говорятъ якуты. Теперь мировая въ большинствѣ случаевъ совершается по русскому обычаю: уплачиваютъ извѣстную сумму денегъ и угощаютъ водкой. Въ старину она производилась иначе.

— «Пусть дастъ 25 руб. денегъ и убьетъ скотину» требовалъ богатый якутъ Кусагапшельскаго наслега, отъ желавшаго помириться съ нимъ русскаго. «Зачѣмъ буду убивать? у меня мяса довольно!.. Денегъ дамъ и пусть пріѣдетъ—угощу, какъ надо!» былъ отвѣтъ. «Нѣтъ! пельзя! Ты ужъ долженъ по нашему, по-якутски, убить для него особо... Обыкновеннаго, кӧпӧрю, *мяса* ѣсть ему, мирясь, не подобаетъ: онъ почетный»! Такое требованіе посредники объясняли тѣмъ, что «при мировой необходимы, равно какъ при угощеніи знаменитаго шамана, *цѣльные, нерубленные кости голеней*». (Намскій ул., 1887 г.).

Тѣ-же кости на богатыхъ свадьбахъ кладутся неизбѣжно во время пиршества передъ поѣзжанами чужаго рода и идутъ въ обмѣнъ. (Колым. ул., 1883 г.). Всякая мировая носитъ отчасти родовой характеръ, на нее сходятся родовичи мирящихся и пользуются угощеніемъ. Конечно, если для этого убита скотина, то угощеніе обильнѣе. Таковъ обычай. Слѣды совмѣстнаго потребленія пищи замѣтны также въ признаніи за присутствующими права на долю въ промыслѣ. Въ Колымскомъ улусѣ при дѣлежѣ ленныхъ утокъ, добываемыхъ десятками тысячъ общими усиліями, пай наравнѣ съ другими получаетъ всякій членъ рода, даже всякій *посторонній присутствующій* при этомъ, хотя-бы случайно сюда забредшій человѣкъ и не принимавшій участія въ ловлѣ. (Колым. ул., 1883 г.). «Всѣмъ людямъ Богъ счастіе (добычу) даетъ» говорятъ якуты, въ поученіе не желающимъ дѣлиться уловомъ. (Нам. ул., 1887 годъ). Тоже самое мы наблюдаемъ на югѣ при дѣлежѣ добытыхъ неводьбой карасей. (Баягап. ул., Нам. ул., Батум. ул.).

Право на долю имѣетъ всякій прохожій не только въ артельномъ промыслѣ, но и единичномъ. Если колымскій или верхоянскій якутъ вытащитъ въ присутствіи гостя сѣти съ рыбой—онъ обязательно предложитъ ему часть добычи. На Ленѣ рыбаки, занимающіеся ловлей стерляди «переметами» считаютъ своей обязанностью надѣлить рыбой, или по крайней мѣрѣ накормить, *всякаго посѣтителя*. (Намскій ул., 1890 г.). Этотъ обычай временами настолько обременительный, что изъ-за него рыбаки часто бросаютъ обильные уловы, если послѣдніе находятся на слиш-

комъ бойкомъ мѣстѣ, и отправляются въ трудно доступныя дерби. (Нам. ул., 1890 г.).

Скупые нерѣдко пробуютъ обходить этотъ обычай, но тщетно. Въ Колымскомъ улусѣ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая. Одинъ богатый, но алчный якутъ, поймалъ какъ-то очень много рыбы. Это была рыба не важная, елецъ, въ родѣ плотвы; но уловъ случился весною, въ разгаръ голодовки, и 7 лошадей грузу, который она составила, представлялъ высокую цѣнность. Тѣмъ не менѣе большую часть разобрали задаромъ жители этого урочища, не выказывая никакой особенной благодарности собственнику. Скупецъ, а особенно его жена, ворчали и жаловались, но отказать, а тѣмъ болѣе заикнуться о платѣ, не смѣли. (Колым. ул., Андыллахъ, 1883 г.).

Въ той же мѣстности Колымскаго улуса я наблюдалъ другое доказательство силы описываемаго обычая; именно: радость одного неудачника, который до сихъ поръ все больше получалъ и вдругъ случайно загналъ въ озеро жирнаго дикаго оленя и въ свою очередь могъ *надѣлить сосѣдей подарками*. Ничто не могло сравниться съ самодовольствомъ этого человѣка, когда онъ подносилъ, наконецъ, другимъ «свою добычу». Себѣ онъ не оставилъ почти ничего». (Колым. ул., Андылахъ, 1883 г.). Не только часть свѣже убитой скотины или охотничьей добычи подлежитъ дѣлежу, ему подвергается до нѣкоторой степени все, что обречено на потребленіе сейчасъ же и можетъ быть раздѣлено на мелкія части. Особенно — лакомства. Если якутъ получитъ кусокъ сахару, пряника или другую «рѣдкость», онъ обязательно раздробитъ его на столько частей, сколько присутствующихъ, и раздастъ имъ. Величина и качество кусковъ зависитъ отъ произвола дарителя, но даже самый неважный изъ присутствующихъ будетъ себя считать обиженнымъ, разъ его обошли. Всегда среди одаренныхъ найдется тогда сердобольный, который, въ свою очередь, подѣлится съ обиженнымъ. Водка раздѣляется положительно между всѣми и даже маленькимъ дѣтямъ дается по нѣсколько капель. Нюхательный и курительный табакъ представляютъ предметы такого же общественнаго потребленія и достаточно вынуть табакерку или закурить трубку, чтобы сейчасъ же съ обычнымъ біерись (подѣлись) протянулись къ нимъ руки присутствующихъ.

Если якуту случится ѣсть отдѣльно отъ другихъ, онъ дастъ непремѣнно, хоть по кусочку, тѣмъ изъ окружающихъ, которые по его мнѣнію особенно голодны [1]).

Нужно думать, что изъ этого обычая исходитъ якутская привычка,

[1]) На югѣ обычай этотъ выводится.

окружать молчаливымъ, выжидательнымъ кольцомъ кушающихъ проѣзжихъ. Получить въ подачку кусокъ съѣстнаго, не считается зазорнымъ даже для вполнѣ зажиточныхъ и независимыхъ людей. Наоборотъ, такой подарокъ считается особенно лестнымъ, если исходитъ отъ лица уважаемаго; это лучшее выраженіе сердечной заботливости и дружбы. Только «кусокъ» долженъ соотвѣтствовать общественному положенію одареннаго и количеству имѣющейся на лицо пищи. Дать мало богачу и въ тоже время много бѣдняку, считается нарушеніемъ якутскаго этикета. (Бояг. ул., 1886 года). На сѣверѣ къ поданной на столъ пищѣ приглашаютъ всѣхъ, кто въ данный моментъ находится въ юртѣ. (Колым. ул., 1883 г.). Обычай этотъ до того былъ могущественный и общій, что даже древнее названіе одной изъ фазъ луны носитъ его слѣды. Именно: «третій день ущерба зовется кюбе или кюбете—*восходящій, когда жестокій человѣкъ ставитъ горшокъ*, что значитъ какъ мнѣ объяснили: восходящій настолько поздно, что скупой, жестокосердный хозяинъ, можетъ не опасаться пріѣзда гостей и варить ужинъ». (Намскій ул., 1891 г.).

Въ томъ же Намскомъ улусѣ мнѣ разсказывали, «что въ старину богачи никогда не садились въ одиночку обѣдать...» (Нам. ул., 1892 г.).

— «Отецъ теперешняго головы (улуснаго) Эверстова, Михайло Эверстовъ, былъ ужасно для бѣдныхъ хорошій голова. Пріѣдетъ, бывало почевать къ богачу, тамъ непремѣнно должно быть приготовлено: два ведра водки, на меньшее не соглашался, двѣ поги кобыльяго мяса, двѣ поги коровьяго мяса. На завтра чуть встанетъ, уже полный домъ людей, а приходили, услышавши, не только бѣдняки, но и средніе люди. Передъ Эверстовымъ на столѣ, точно передъ сватомъ на свадьбѣ: всѣ четыре поги варенаго мяса! Онъ все раздаетъ: что болѣе жирное—бѣднымъ, что похуже—зажиточнымъ..» (Нам. ул., 1891 годъ).

Если якутъ рубитъ новое стегно мяса, сосѣди обязательно приходятъ къ нему и онъ долженъ накормить всѣхъ присутствующихъ.

Если у кого раньше другихъ отелилась корова, обычай требуетъ, чтобы тотъ подѣлился сливками и молокомъ съ тѣми изъ сосѣдей у кого этого нѣтъ въ данное время. (Намскій ул., 1887 г.) Все это дѣлаетъ понятнымъ тотъ интересъ, съ какимъ якуты высчитываютъ и разузнаютъ у кого изъ богачей на исходѣ мясо, когда должна рубиться новая туша, а во время весеннихъ безмолочныхъ періодовъ — у кого отелилась корова [1]).

---

[1]) Вездѣ почти въ Якутской области сохранился обычай, что хозяйки посѣщаютъ другъ друга въ началѣ лѣта съ туескомъ, въ который та у которой коровы отелились и доятся хорошо, наливаетъ немного сливокъ. Послѣ посѣщенія двухъ-трехъ сосѣдокъ туесъ обыкновенно наполняется. Это называется «сливничать» с ю ӧ г ӧ й д и р ъ. Жены влія-

Это объясняетъ также, какимъ образомъ бѣдняки ухитряются прожить голодные мѣсяцы. При извѣстномъ имущественномъ равенствѣ, что можно наблюдать въ нѣкоторыхъ урочищахъ Колымскаго улуса, всѣ выше описанные обычаи ничуть не тягостны [1]). Они охотно поддерживаются и исполняются, особенно людьми средняго достатка. Тамъ не хотѣли мнѣ вѣрить, что на моей родинѣ есть многолюдные богатые города, въ которыхъ голодаютъ и, случается, умираютъ съ голода. «Развѣ всѣ такъ умираютъ»? спрашивали. Не могли понять моихъ разъясненій и стали подсмѣиваться: «Какіе дураки!.. кто же станетъ умирать, когда можно пойти поѣсть къ сосѣдямъ»!.. (Колым. ул., Андылахъ, 1882 г.).

На югѣ уже входитъ въ обычай продавать пищу проѣзжимъ, даже сосѣдямъ, но на сѣверѣ во многихъ мѣстностяхъ еще *за срамъ* считаютъ подобную торговлю: предложеніе принять деньги за ночлегъ, за съѣденную пищу, даже крайній бѣднякъ сочтетъ за обиду. Если у проѣзжающаго мало пищи, его будутъ тамъ кормить, сколько бы онъ ни жилъ. Онъ можетъ этого даже требовать. Якуты никогда не берутъ съ собою въ дорогу провизіи, если ѣдутъ по населенной мѣстности. Проѣзжающіе зимою по лугамъ мимо стоговъ сѣна, имѣютъ право покормить скотину, лишь бы съ собою *не брали* сѣна. (Верх. ул., 1882 г.).

— «Проѣзжающіе (тамъ) ѣдятъ, уставшіе нѣжатся, голодные полнѣютъ, присталые жирѣютъ...» описывается въ сказкѣ гостепріимный домъ [2]).

Всѣ эти обычаи придаютъ разрозненнымъ и малочисленнымъ якутскимъ общинамъ, нѣкоторую связность и устойчивость. Путешественникъ, охотникъ, торговецъ могутъ на-легкѣ отправляться въ дальній путь увѣренные, что не умрутъ съ голоду, разъ попадутъ въ жилыя мѣста. Въ

тельныхъ якутовъ сдѣлали себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ этого обычая статью дохода: объѣзжаютъ сосѣдей, сами же очень скупо имъ отплачиваютъ.

[1]) Впрочемъ, въ томъ же Колымскомъ улусѣ я былъ свидѣтелемъ обычнаго въ южныхъ улусахъ плутовства, съ цѣлью скрыть время рубки мяса и избавиться отъ обязательнаго угощенія. Tempora mutantur!.. Къ якуту, у котораго я жилъ, разъ вечеромъ собралось много гостей. Ихъ, по обыкновенію, напоили чаемъ и накормили рыбой, но они все не уходили. Наконецъ, на лицахъ домашнихъ я замѣтилъ скрытую досаду и нетерпѣніе. Ужина долго не давали и я уже собрался было спать, какъ вдругъ гости поднялись и ушли. Хозяинъ сейчасъ же удержалъ меня, чтобъ я не ложился и, какъ скоро вышелъ послѣдній гость, внесли ногу мяса, стали ее рубить и варить. «Видишь», объяснялъ мнѣ немного сконфуженный хозяинъ, «мяса у меня мало, а народу собралось много, все бы съѣли. Завтра праздникъ, безъ мяса спать идти нехорошо. Они узнали, что у меня еще есть нога, вотъ и пришли». (Колым. ул., *Енжа*, 1883 г.). Впослѣдствіи я не разъ наблюдалъ разнообразныя уловки ради скрытія интереснаго момента рубки мяса: то рубятъ его рано утромъ, а не вечеромъ, то на нѣсколько дней раньше срока; въ случаѣ появленія гостя не разъ уже оттаявшую ногу уносятъ въ амбаръ. Якутъ, замѣтившій приготовленія къ рубкѣ мяса или къ битью скотины, ни за что не уйдетъ, будетъ сидѣть полъ дня и даже заночуетъ. Тоже самое у тунгусовъ отмѣтилъ Миддендорфъ. Отд. 6, стр. 734.

[2]) Худяковъ, стр. 113.

Рис. 127. Нищіе лѣтомъ.

случаѣ несчастія они смѣло обращались къ сосѣдямъ за всѣмъ необходимымъ. Обычай создавалъ нѣчто въ родѣ взаимнаго страхованія отъ охотничьихъ и житейскихъ неудачъ. Калѣки, хилые, больные могли разсчитывать на извѣстную опеку. Попеченіе о нихъ искони считалось обязанностью рода. Итымни, кумуланъ—такъ якуты называютъ находящихся на иждивеніи рода — старинное родовое учрежденіе. Уже Кривогорпицынъ въ своей описи недоимщиковъ на 1671 г. упоминаетъ про старухъ «межъ юртъ скитающихся» [1]). Итымни и кумуланы это одинокіе, неспособные къ труду дѣти и старики или раззорившіяся совершенно неимущія семьи Послѣднимъ выдаютъ кömö (помощь) на домъ, первые ходятъ и теперь, какъ въ былое время, «межъ юртъ» и допускаются къ столу наравнѣ съ домашними. Имъ поручаютъ исполнять койкакія мелкія, домашнія работы. У бѣдныхъ и среднихъ хозяевъ, по моимъ наблюденіямъ, съ ними обращались лучше, чѣмъ у богатыхъ; тѣ кормятъ ихъ плохо и относятся высокомѣрно. По якутскимъ понятіямъ грѣшно презирать итымни.

«Итымни слѣдуетъ помогать и жалѣть; имъ можетъ сдѣлаться каждый. Дѣти богачей дѣлаются не разъ итымни и на оборотъ: многіе изъ теперешнихъ богачей были итымни, а теперь другихъ кормятъ». (Намск. ул., 1890 г.). Якуты дѣлаютъ, повидимому, различіе между итымни и профессіональнымъ нищимъ, живущимъ изъ милостыни—мандысъ.

«Итымни не то что мандысъ. Мандысъ рѣдко лишенъ всего; у него что нибудь да есть; часто у него не только ѣда имѣется, но есть и скотъ, и домъ, и посуда. Мандысу не хватаетъ—вотъ онъ и проситъ. Иногда онъ проситъ отъ жадности. У итымни дѣйствительно нужда и добыть ему неоткуда. Мандысу можно дать, можно и не дать, итымни нужно помочь, иначе погибнетъ человѣкъ. Мандысу даетъ богатый, итымни—общество». (Намскій ул., 1891 г.). Все это попеченіе о бѣдныхъ, впрочемъ, довольно у якутовъ мизерно. Родъ прежде всего преслѣдовалъ другія задачи, именно: организацію равносильныхъ и равноправныхъ лицъ.

Несомнѣнно, что многіе изъ приведенныхъ мною воззрѣній и обы-

[1]) Смотри томъ II-й.

чаевъ, складывались подъ воздѣйствіемъ привычки совмѣстно, всей ордой, потреблять пищу, будь это охотничья добыча или продукты отъ стадъ. Былъ моментъ въ развитіи якутовъ, когда это было для нихъ выгодно, даже неизбѣжно [1]), и условія эти возникли опять, но всей вѣроятности уже *вторично*, съ переходомъ ихъ на сѣверъ, гдѣ они утеряли мелкій скотъ, если онъ у нихъ былъ (овецъ), и гдѣ въ началѣ сильно уменьшилось у нихъ количество рогатаго скота, въ виду ихъ неумѣнія собирать сѣно. Стада лошадей требовали на подножномъ корму частаго и быстраго передвиженія. Кумысъ, какъ молочные скопы, никуда не годится; зимою онъ портится отъ мороза, лѣтомъ—отъ зноя; къ тому же онъ громоздокъ. Мяса впрокъ приготовлять (вялить или коптить) якуты не умѣютъ и никогда не умѣли. Для нихъ было въ высшей степени удобно жить группами такой величины, чтобы кумысъ, полученный отъ стадъ, и мясо такой крупной скотины, какъ лошадь, потреблялось возможно быстро [2]). Нужно думать, что въ глубокой древности такіе группы представляли первичный и неразложимый элементъ якутскаго рода. Отсюда обмѣнъ мясомъ и угощеніе кумысомъ, какъ признакъ міра, дружбы, пріобщенія къ роду. Такія группы, которыя мы не рѣшаемся назвать *семьями*, жили въ одной большой *урасѣ* или въ нѣсколькихъ, стоящихъ вблизи. Право частной собственности на домъ, повидимому, отсутствовало у древнихъ якутовъ. И теперь оно у нихъ не особенно сильно, и теперь они склонны смотрѣть на жилище, какъ на нѣкоторое общественное достояніе [3]). Всякій кто войдетъ въ него, можетъ сидѣть и стоять тамъ сколько угодно. Проѣзжій имѣетъ право, по якутскимъ понятіямъ, войти въ каждый домъ во всякое время дня и ночи, расположиться тамъ пить чай, варить пищу или ночевать. Даже непріятнаго ему человѣка хозяинъ не смѣетъ удалить

---

[1]) Къ тому же это такъ отвѣчаетъ первобытной психологіи, лишенной рефлекса и предусмотрительности. Для *сытаго* дикаря *немыслимо* не накормить голоднаго собрата, хотя бы завтра и ему пришлось голодать. Это высокое и человѣчное чувство исчезнувшее у многихъ европейцевъ, воспиталось и выросло подъ прикрытіемъ довольно-таки прозаичныхъ соображеній: тунгусы, убившіе лѣтомъ сохатого, рады всякому гостю, сами обжираются и торопятся до невозможности, «чтобы не сгнило добро». (Верх. ул., ст. Бёдекёль, 1880 г.).

[2]) Интересно, что у якутовъ сохранилась память о возможности организоваться на подобныхъ основаніяхъ. Въ Намскомъ улусѣ мнѣ разсказывали, что «въ старину *конокрады* старались образовать такія *артели*, к ы т ы г а с ъ, чтобы они были въ состояніи украденную скотину тутъ же въ полѣ раздѣлить и *съѣсть въ одну ночь*». (Намск. ул., 1892 г.).

[3]) На сѣверѣ квартирная плата неизвѣстна якутамъ; тамъ обыкновенно сожитель принимаетъ только нѣкоторое участіе въ отопленіи и поправкѣ, обмазкѣ, чисткѣ строенія На югѣ тоже самое, хотя тутъ уже извѣстна квартирная плата, крайне, впрочемъ, низкая. 1—2 руб. въ годъ за уголъ. Взимается она обыкновенно въ томъ случаѣ, если у квартиранта нѣтъ быка для возки дровъ и льда, или онъ за этими вещами ѣздить почему-либо не можетъ. Сожитель—б ю к а к ъ. Древнее названіе жилища—б ю к а к ъ у о т ъ.

изъ своего дома, безъ достаточно уважительныхъ причинъ. (Колым. ул., 1883 года).

Одно изъ самыхъ оскорбительныхъ выраженій есть: керь-баръ тахысъ «пойди прочь!», произносимое иногда по-русски «пшёлъ» (Баягайскій ул., 1885 г.).

Жилищъ постоянныхъ въ прежнее время почти не было у якутовъ. Они постоянно кочевали; на мѣстѣ оставались только палки остова, а берестяную покрышку урасы увозили съ собою. Палками могъ пользоваться всякій прикочевавшій раньше въ данное мѣсто; земля была ничья. (Георги. 176 ст.). Стада считались собственностью каждой отдѣльно кочующей группы. Номинально собственникомъ признавался глава группы, ложно называемый казаками въ старыхъ отпискахъ «родо-начальникомъ».

Въ то время, когда русскіе встрѣтились съ якутами, якутскій родовой строй уже достигъ высокой степени развитія, и родоначальникъ, бісьуса тоёно, была должность особая, повидимому, исключительно военная и судебная.

Группы, какъ большія, такъ и малыя, какъ сложныя, такъ и единичныя, въ конструкціи своей были тождественны, что и теперь видимъ въ якутскихъ родахъ. Выборное представительство было еще болѣе номинальное, чѣмъ теперь. Всѣ вопросы, какъ экономическіе, такъ и правовые рѣшались міромъ, совѣтомъ старѣйшихъ, огоніоръ: отцовъ, дядей, старшихъ братьевъ. И теперь еще взрослый, отдѣлившійся, совершенно юридически независимый, хозяинъ-якутъ избѣгаетъ производить крупныя измѣненія въ своемъ хозяйствѣ, затратъ и продажъ безъ «отцовскаго, дядинаго или братняго совѣта». (Баягантайскій улусъ, 1885 г.). Обычай находитъ такое поведеніе похвальнымъ; даже такіе мелкіе вопросы, какъ продажа или убой скотины, наемъ луговъ, отдачу подряда, покупку сѣна и т. п. якуты любятъ подвергать обсужденію своихъ близкихъ друзей, родныхъ, и болѣе чтимыхъ сосѣдей. (Намскій ул., 1888 г.). Въ прошломъ эта собирательная власть была сильнѣе и совѣтъ старѣйшихъ фактически распоряжался всѣмъ общиннымъ богатствомъ. Молодежь считалась неимущей.

— «Въ старину молодые люди не имѣли скота, они жили промысломъ, добычею, только состарившись, просили отцовъ: «я состарился, волоса мои побѣлѣли, силы укоротились, надѣлите меня скотомъ»!.. (Намскій ул., 1891 г.). Намекъ на подобный порядокъ владѣнія, мы встрѣчаемъ и въ извѣстной сагѣ «Эллей и Онохой».

— «Эллей даетъ всякому отдѣльный домъ, даетъ женщину, скотъ, посуду, всякому помогаетъ: у него каждый дѣлается хозяиномъ... А у

Опохоя хоть вѣкъ живи—ты все работникъ»!.. объясняютъ перебѣжчики свою измѣну прежнему вождю (стр. 190).

Сильное дробленіе собственности и, какъ послѣдствіе его, дробленіе внутреннихъ родовыхъ группъ, стало возможнымъ только съ постепеннымъ введеніемъ рогатаго скота который можно держать самостоятельно и въ небольшомъ количествѣ. Лошадиный табунъ изъ двухъ, трехъ штукъ не мыслимъ: такіе лошади обязательно присоединятся къ блуждающимъ по сосѣдству стадамъ. Никакія предосторожности и дальность разстоянія не воспрепятствуютъ имъ. Затѣмъ табунъ изъ десяти штукъ, который можно считать предѣльно малымъ по размѣрамъ, не можетъ прокормить предѣльно малой якутской группы-семьи изъ четырехъ человѣкъ. Между тѣмъ время, нужное для постоянныхъ перекочевокъ, защиты и ухода за такимъ небольшимъ табуномъ, ничуть не меньше, чѣмъ при размѣрахъ его въ двое, въ трое большихъ. Можно принять за правило, что чѣмъ больше табунъ, тѣмъ больше силъ у владѣющей имъ общины освобождается для посторонихъ занятій: охоты, рыбной ловли, ремеслъ. Соціальныя привычки лошадей, любящихъ жить въ крупныхъ общинахъ, дѣлали союзы ихъ пастуховъ естественными. Даже отдѣльные косяки лошадей съ враждебными другъ другу жеребцами стараются пастись вблизи, врозь, но на виду другъ у друга.

Величина сложныхъ табуновъ зависитъ, нужно думать, только отъ размѣровъ и достоинства пастбищъ, а тѣ и другія въ Якутской области чрезвычайно разнообразны. Они и создали то разнообразіе въ величинѣ якутскихъ родовыхъ группъ, которое отмѣчено въ преданіяхъ, слѣды котораго находимъ и теперь и которое поражаетъ насъ своей видимой произвольностью. Въ обширныхъ однородныхъ степяхъ ростъ и дробленіе табуновъ могли совершаться болѣе правильно, а ихъ скопленія, временныя или постоянныя, могли возрастать безгранично, съ чѣмъ сообразно могли возрастать и организоваться живущіе на ихъ счетъ общины людей. Другое дѣло тамъ, гдѣ степные участки незначительны и разъединены лѣсами. Тамъ стада постоянно дробятся или сливаются сообразно встрѣчающимся по пути условіямъ. Это дѣлаетъ союзы неустойчивыми. Быстрота и учащенность перекочевокъ, неизбѣжная при крупныхъ стадахъ и незначительныхъ размѣрахъ луговыхъ участковъ, тоже усиливаетъ стремленіе къ дробленію. Экономическія соображенія вступаютъ въ борьбу съ родовыми и общественными инстинктами.

Все это имѣло мѣсто съ переходомъ якутовъ изъ степей въ лѣса. Были ли это лѣса ихъ теперешней родины или болѣе южные, для насъ въ данномъ случаѣ безразлично. Попробуемъ въ общихъ чертахъ возста-

новить характеръ этого переходнаго времени якутскаго родоваго строя. Начнемъ съ размѣровъ родовыхъ группъ. За предѣльно малую для коннаго хозяйства единицу нужно принять табунъ въ 10—15 кобылъ [1]); за предѣльно большую для Якутской области—стадо, состоящее изъ 300 - 500 лошадей. Первая съ трудомъ обезпечиваетъ нищенское существованіе семьи изъ четырехъ душъ; вторая даетъ возможность жить относительно достаточно общинѣ изъ 50 человѣкъ. Въ этихъ предѣлахъ должно было колебаться у якутовъ стремленіе къ дробленію и разсѣянію по странѣ.

Есть преданія и обычаи, позволяющіе думать, что нѣкогда у якутовъ встрѣчались значительно большія скопленія людей и богатствъ, и что разбросаны они были по странѣ еще менѣе равномѣрно, чѣмъ теперь. Въ ихъ преданіяхъ, сагахъ и былинахъ находимъ многочисленныя на это указанія. Ихъ герои проѣзжаютъ обыкновенно огромныя пустынныя пространства раньше, чѣмъ достигнутъ жилыхъ мѣстъ; въ послѣднихъ находятъ всегда много людей и много скота. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описывается въ одной изъ олонго сказочное стойбище, древній якутскій суртъ:

—«Сѣлъ на лошадь и ѣдетъ. И выѣзжаетъ въ тихое, самое лучшее, богатое, роскошное мѣсто, на пупъ земли, гдѣ длинная благодать никогда не измѣняется, широкое богатство растянулось съ неизмѣннымъ счастіемъ. Это было мѣсто, гдѣ поставлено девять берестяныхъ урасъ, натянутъ девятигранный господинъ ремень для привязыванія жеребятъ; мѣсто, гдѣ собирались остроумныя головы, гдѣ бодался четвероглавый скотъ и сходились мягкогривыя (кобылы); въ табуны собирались малодорогіе; имѣющіе спинной хребетъ, собирались, какъ поплавки; имѣющіе пятки толпились; гдѣ молодые парни боролись между собою; вертѣлись верткіе мужчины; гдѣ дѣвушки собирались въ общества; съ восторгомъ находились ловкія, отборныя женщины...» [2]).

Вездѣ, гдѣ въ сказкахъ описываются народы, добрые или злые, они живутъ большими общинами, стада ихъ многочисленны, «точно березнякъ», движутся «подобно рѣчной быстрети».

[1]) Такой табунъ будетъ состоять изъ 5 кобылъ, 1 жеребца, 1 двухгодовалаго, 1 годовалаго жеребенка и 2 жеребятъ сосунчиковъ. При такомъ количествѣ и составѣ убивать можно ежегодно только одного взрослаго коня, а кумысу не хватаетъ. Кумысу нужно отъ 15 до 20 литровъ на человѣка въ день; одна кобыла даетъ такое количество только лѣтомъ, такая кобыла считается отборнѣйшей; средняя даетъ въ половину менѣе, зимою же многія не доятся (беременныя), а стародойки, даже если кормы удовлетворительные, даютъ въ то время не больше 3—4 литровъ въ день. Итого человѣку нужно въ годъ отъ 5.405 до 7.200 литровъ кумысу. Одна кобыла даетъ въ годъ отъ 2.000 до 2.500 литровъ, если доится круглый годъ, что составитъ на взрослаго человѣка $2^1/_2$ дойныя кобылы, а на три взрослыхъ человѣка якутской семьи $7^1/_2$ дойныхъ кобылъ.

[2]) Худяковъ. Сбор., стр. 145.

Рис. 128. Селеніе Усть-Янскъ.

У Юрюнгъ Уоллана, героя популярнѣйшей изъ якутскихъ былинъ, было: «восемь табуновъ кобылъ, девять хотоновъ коровъ; отъ запаху пару, пыли ихъ, солнце и мѣсяцъ стали въ туманѣ» [1]).

Въ олонго «Старуха со старикомъ» говорится, что было у нихъ: «девять домовъ рабовъ, восемь домовъ невольниковъ, семь домовъ прислужниковъ» [2]).

Невѣстку Господина Похвальнаго-Почетнаго-Кровянаго-Глаза — въ другой былинѣ — готовятся встрѣтить прислужники «изъ девяти его домовъ, домочадцы съ восьми домовъ, комнатные слуги съ семи домовъ, девять господъ сыновей, родившихся, какъ девять журавлей» [3]).

Въ сагѣ о «Тыгынъ-Господинѣ» говорится, что онъ «не знаетъ счету своимъ стадамъ», что людей у него было съ половину здѣшняго улуса и богатства столько же...» [4]).

Въ олонго Кёнчё-бёгё богатырь Кыйбырданъ забираетъ «безсчетное число людей, сожителей двухъ богатыхъ человѣкъ». Тамъ же описывается цѣлый городъ, убѣжище, куда Кыйбырданъ ставилъ уведенный имъ скотъ

[1]) Худяковъ. Сбор., стр. 137.
[2]) Худяковъ. Сбор., стр. 113.
[3]) Худяковъ. Сбор., стр. 87.
[4]) Худяковъ. Сбор., стр. 48.

и людей. Городъ окруженъ *каменной стѣной* и снабженъ четырьмя воротами, оберегаемыми богатырской стражей» [1]).

—«Древніе якуты жили людно. Каждый хозяинъ нуждался въ настухахъ, товарищахъ, конюхахъ, были у него и рабы, и прислужники... Иначе тогда и нельзя было. Одинокій погибалъ...» (Намскій ул., 1891 г.).

Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ былинахъ, возвращающіеся домой герои, приводятъ съ собою отряды людей, многочисленныя стада и основываютъ новые очаги для заселенія. Лучшее якутское благословеніе: «пусть люди твои расплодятся, пусть скотъ твой размножится».

Многолюдство одно изъ условій счастія: оно въ понятіи якутовъ идетъ рука объ руку съ богатствомъ. Веселье и игры якутовъ шумныя и общественныя; они любятъ толпу, танцы, ысыахи, людныя шаманства, толкотню, говоръ, пѣсни и зрѣлища. Чувство стадности высоко развито у якутовъ; они легко поддаются общей паникѣ, гнѣву, унынію и общей радости. Любовь къ уединенію имъ не понятна; одиночество кажется имъ самымъ тяжелымъ наказаніемъ.

—«Бѣдный!.. Живешь одинъ, вдали отъ сосѣдей... И никто къ тебѣ не ходитъ и ты никуда не ходишь... Какъ же ты не боишься, какъ же тебѣ не скучно... Удивительно!...» выражали многократно свое сочувствіе случайные посѣтители моего одинокаго жилища. (Баягант. ул., 1886 г.).

—«Живетъ одинъ въ лѣсу, точно воръ или медвѣдь...» (Нам. ул., 1889 г.).

—«Не выглядываетъ въ пасмурную погоду и глазъ не показываетъ въ ясную!..» говорятъ съ насмѣшкой о нелюдимѣ [2]).

—«Подъ конецъ старости жилъ онъ совершенно одинъ съ своей черной собакой», разсказывали съ ужасомъ объ одномъ шаманѣ, осиротѣвшемъ, благодаря своему колдовству. (Намс. ул. 1889 г.). Ходить въ гости якуты любятъ до страсти. Мужчины зимою только это и дѣлаютъ.

—«Есть, впрочемъ, богачи, которые ничего не дѣлаютъ, только ѣдятъ и пьютъ... Даже въ гости не ходятъ... «Зачѣмъ столько шуму, за-

[1]) «У восточныхъ воротъ поставилъ караульнымъ теряющагося съ дыханіемъ сыраго моря Желѣзнаго Красная-мѣдь-богатыря (сиѳеліянь сикь баягал тынпахъ Тимирь Джесиня бухатыр); у южныхъ воротъ поставилъ съ одной ногой, толстаго, неуклюжаго богатыря (соготох атахтах сон Содалба бухатыр); у западныхъ воротъ поставилъ одно-ногаго Арджаманъ-Джарджаманъ-богатыря (ангардас харахтас Арджаман-Джарджаманъ); у сѣверныхъ воротъ поставилъ Зычнаго-Звонъ-богатыря съ хороло̀рскимъ языкомъ (Хоролу тыллах Хонгкурданбухатыр). Поставивши, онъ говоритъ этому народу: «Если будетъ дуть сверху Утиное гнѣздо (Юргёль), если задуетъ снизу вѣтерокъ, то вы пріѣдите ко мнѣ и донесите». Худяковъ, стр. 201. Правописаніе автора. Отмѣчу, что въ титулѣ Арджамана вкралась ошибка; нужно переводить «одноглазаго» ангардасъ харахтахъ.

[2]) Худяковъ. Сбор., стр. 8.

чѣмъ столько крику, столько хожденія—бѣганія... Суета—безпорядокъ наступаетъ!.. говорятъ такіе!..» разсказывали мнѣ въ порицаніе домосѣдовъ. (Намскій ул., 1891 г.).

Привычки къ общенію, къ бойкой, открытой жизни до того сильно укоренились у якутовъ, что часто, не смотря на земельную тѣсноту, на неудобства, они неохотно уходятъ съ заселенныхъ мѣстъ въ тайгу. На окраинахъ много прекрасныхъ луговъ лежитъ и посейчасъ въ туѣ.

—«Такія мѣста опасны—ихъ нужно заселять сообща...» объясняли мнѣ. (Нам. ул., 1892 г.). Число обособленныхъ урочищъ съ одной-двумя юртами незначительно. Самое большее количество урочищъ съ 4—5 юртами, съ 20-ю—30-ю душами населенія. Правда, урочища съ 40—50 юртами и нѣсколькими стами душъ жителей—уже очень рѣдки, а выше того встрѣчаются, какъ исключенія. Правда, зимнія юрты въ урочищахъ по большей части стоятъ одиноко, каждая на особомъ участкѣ, вдали другъ отъ друга, а вблизи зародовъ сѣна; но тутъ уже замѣтно вліяніе болѣе поздняго, сѣнокоснаго хозяйства.

За то саилыкъ—лѣтнія жилища—строятся иначе. Вообще, мнѣ кажется, лѣтнія хозяйственныя порядки ближе къ старинному образу жизни.

Саилыкъ всегда состоитъ изъ многихъ юртъ, стоящихъ довольно тѣсно, хотя настоящихъ селеній съ правильно въ рядъ выстроенными усадьбами, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ у якутовъ. Даже въ такихъ густо населенныхъ мѣстностяхъ, какъ долина Лены, прилегающая къ Якутску и далѣе на югѣ долина Западно-Кангаласкаго улуса, гдѣ, по выраженію якутовъ: «куда ни повернешь лицо, всюду увидишь дымъ жилищъ»—нѣтъ селъ и деревень, а усадьбы стоятъ густо, но безпорядочно, ближе: «гдѣ вода, гдѣ любимое мѣсто, гдѣ жили отцы...» (Зап. Канг. ул., 1892 г.).

Я переписалъ нѣсколько саилыкъ и убѣдился, что всѣ они группируются по родамъ. Въ каждомъ изъ нихъ преобладаетъ одинъ какой-нибудь родъ и считается какъ-бы хозяиномъ мѣста. Въ этомъ-то, нужно думать, и сходны они со старинными якутскими кочевьями.

Въ этихъ людныхъ кочевьяхъ, гдѣ-бы они ни стояли, на дальнемъ ли югѣ или сѣверѣ, якуты получили начало своей гражданственности. Тамъ воспитались лучшіе ихъ инстинкты, зародились ремесла и искусства, сложились ихъ пѣсни и былины, расширилось и окрѣпло ихъ міросозерцаніе, тамъ они пріобрѣли привычку дружно, сообща, переносить несчастія и преодолѣвать препятствія.

На все созданное ими тогда легъ своеобразный отблескъ характера тѣхъ сильныхъ благородныхъ животныхъ, которые составляли въ то время

главное ихъ богатство и основу ихъ жизни. Уходъ за лошадьми требуетъ спеціальныхъ душевныхъ качествъ и спеціальныхъ свѣдѣній. Онъ требуетъ прекраснаго знанія географіи и географической сообразительности, огромной наблюдательности, осмотрительности въ выборѣ мѣста и направленія кочевокъ, соотвѣтственно только-что обозначившимся климатическимъ феноменамъ, сообразно времени года, разливу воды, глубинѣ снѣга. Онъ требуетъ отъ пастуховъ ловкости, удали, рѣшительности и умѣнья быстро и дружно совершать довольно сложныя эволюціи съ цѣлью направить, пріостановить или загнать, куда слѣдуетъ, ослушные табуны [1]). Отсюда привычка къ дисциплинѣ и дѣйствіи скопомъ, до сихъ поръ замѣтная у якутовъ. Они и ихъ молодежь на свадьбахъ и въ играхъ любятъ, построившись въ шеренги, совершать совмѣстныя движенія: бѣгать, толкаться, или при торжественныхъ встрѣчахъ образовывать шпалеры и фронты. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно предположить, что тогдашняя общественная организація была немного другая чѣмъ теперь, что раздѣленіе труда было рѣзче выражено. Въ преданіяхъ есть на это указанія:

—«Одинъ верховой человѣкъ прискакалъ въ поле, пригналъ одинъ табунъ кобылъ, загналъ въ огородъ. Ловящій петлей парень Огуттаккы поймалъ петлей одну жирную кобылу. Надѣвающій недоуздокъ Сулуръ-батыръ надѣлъ недоуздокъ. Обрывающій становую жилу Юёбягай парень оборвалъ жилу. Сдирающій шкуру Сурдуругасъ-Самдаргасъ содралъ шкуру. Мясникъ Кыбыргасъ-Хабыргасъ разрубилъ по частямъ мясо. Поваръ парень Бусуханъ сварилъ. Ырбайбанъ-мылахсынъ, снимающій жиръ, снялъ жиръ. Перекладывающій изъ горшка длиннорожій Холойбонъ парень выложилъ. Раздающій Разбросай Юряйбя Сарайба роздалъ...» [2]).

Тоже самое говорится о приготовленіи оружья Юрюнгъ-Уоллана:

—«Была у него оружье-пальма, которую обработывали разные кузнецы: Кёкёнянъ—кузнецъ раздувалъ мѣхомъ; Бакананъ—кузнецъ билъ молотомъ, Такопанъ—кузнецъ молотомъ подколачивалъ; Кёнёгё—кузнецъ смотрѣлъ; Кыгынанъ—кузнецъ смотрѣлъ прямолинейно; Алысъ-луканъ—кузнецъ напиливалъ напилкомъ; Хатысъ-луканъ—кузнецъ накаливалъ; Кикенянь—кузнецъ отсвѣтливалъ...» [3]).

—«Взялъ лошадь свою, сдѣланную Медвѣдицею, взялъ узду отъ

---

[1]) Я думаю, что здѣсь кроется источникъ той любви къ работѣ сообща, которую я отмѣтилъ въ XI главѣ и которая высказывается даже въ пустякахъ, въ родѣ того, что два якута, рубящіе по сосѣдству жерди, обязательно составляютъ «артель», складываютъ свои припасы, вмѣстѣ готовятъ пищу, ѣдятъ и работаютъ.

[2]) Худяковъ. Верх. сбор., стр. 104.

[3]) Худяковъ. Верх. сбор., стр. 137.

Плеядъ, сѣдло отъ Блуждающей Звѣзды, недоуздокъ взялъ отъ Венеры. Пришелъ назадъ къ этимъ людямъ. Отворяющій дверь Халы*нг*ысъ-батыръ отворилъ двери; отворяющій домъ Тэлебись-батыръ отворилъ двери настежь...» [1]).

—«У каждаго богатыря были воины, были товарищи, были прислужники: одинъ сѣдлалъ, другой запуздывалъ коня, третій носилъ его лукъ и стрѣлы... Были у него скороходы, были прыгающіе на одной ногѣ, на двухъ, были стрѣлки и борцы...» (Намс. ул., 1891 г.).

Замѣчательно, что всѣ эти названія: Огутаккы, Сулуръ, Юёбягай, Сурдуругасъ, Бусуханъ, Кёкёпянъ, Алысъ-луканъ, Хатысъ-луканъ, Тэлебись-батыръ и проч., равно какъ юньютъ, ы*нг*ырджытъ, куобахсытъ, кылыхсытъ, не имена собственныя, а нарицательныя, соотвѣтствующія такимъ, какъ: стремянной, правильщикъ, калильщикъ, привратникъ, поваръ и т. д. Перевести многія изъ нихъ невозможно, такъ какъ занятій и должностей подобныхъ не было никогда у русскихъ и нѣтъ на русскомъ языкѣ для нихъ названія. Теперь и у якутовъ не осталось ничего подобнаго и только на старосвѣтскихъ свадьбахъ да на ысыахахъ являются нѣкоторыя изъ поименованныхъ лицъ; является: куобахсытъ—прыгающій, какъ заяцъ (отъ куобахъ—заяцъ), кылыхсытъ—прыгающій на одной ногѣ и т. п.

Главное дѣленіе труда внутри рода происходило, конечно, сообразно возрасту и полу. Женщины работали дома, мужчины въ полѣ.

Молодежь до извѣстнаго возраста пасла табуны, перегоняла ихъ съ мѣста на мѣсто, вьючила, сѣдлала и ловила коней. Ихъ звали уолларъ [2]), что значитъ—парни. Болѣе взрослые и отборные изъ нихъ подъ названіемъ батыръ—витязь, хосунъ—боецъ [3]), бäргäнъ (бяргянь)—мѣткій стрѣлокъ, бродили по тайгѣ недалеко стойбищъ, въ поискахъ всякаго рода добычи. У многихъ были кольчуги (куяхъ) изъ желѣзныхъ и костяныхъ пластинокъ, нашитыхъ на кожаномъ кафтанѣ [4]).

Въ большинствѣ случаевъ они отлучались конные, но были и пѣшіе. Вооруженіе ихъ состояло изъ легкаго извилистаго березоваго лука (охъ) [5]),

---

[1]) Худяковъ. Сбор., стр. 110.

[2]) Уолъ—парень, множественное число уолларъ—юноши, парни.

[3]) Иные говорятъ хорсунъ; оно встрѣчается наравнѣ съ баатыръ, боготуръ багатыръ, бяргянь, какъ приставка къ именамъ разныхъ былинныхъ и сказочныхъ героевъ. У Бётлинга хосунъ переводится: отчаянный, смѣлый, герой (стр. 89), бäргäнъ—мѣткій стрѣлокъ, мäргäнъ—по-монгольски стрѣлокъ. Бётл., стр. 133.

[4]) Про кольчуги ленскихъ тунгусовъ замѣчаетъ Гмелинъ: «они были, какъ у красноярскихъ киргизовъ-казаковъ двоякіе: изъ желѣзныхъ колецъ и пластинокъ, скрѣпленныхъ вмѣстѣ» «Reise». B. II p. 643.

[5]) Дуга лука—чечаръ, тетива—крись.

изъ колчана (кихёкъ), полнаго стрѣлъ (ая), ножа и военнаго копья (батыя). Вблизи дома въ большомъ употребленіи было легкое охотничье копье (батасъ), у нѣкоторыхъ были приняты короткіе мечи (болатъ) и небольшіе костяные щиты ввидѣ лопатокъ для отбиванія стрѣлъ.

Эти воины образовали кругомъ стойбищъ цѣпь подвижныхъ, зоркихъ пикетовъ. Въ случаѣ войны они составляли ядро военныхъ отрядовъ—сăри [1]). Нѣкоторые изъ удальцовъ уходили искать «счастія», джолъ [2]), въ одиночку или съ товарищами очень далеко въ непзвѣстныя земли, къ чужестранцамъ. Такіе отряды не брали съ собой скота, путешествовали нерѣдко пѣшкомъ, жили исключительно охотой, рыбной ловлей и грабежомъ. Эти привычки сохранялись долго, до самыхъ недавнихъ временъ. У Худякова есть преданія о Хаптагай-батырѣ и сынѣ его Хохоё-батырѣ и о трехъ хосунахъ: Саппы, Ынгкабылъ, Батагыянъ, бродившихъ въ 40 годахъ XVIII столѣтія, во времена Павлуцкаго на сѣверѣ Якутской области. Я записалъ въ Колымскомъ округѣ (1882 г.) преданіе о двухъ братьяхъ якутахъ, впервые пробравшихся въ Колымскій край. Имена ихъ забыты. Въ Намскомъ улусѣ мнѣ разсказали преданіе о вилюйскомъ якутѣ Тангасъ-Болтоно, бродившемъ въ одиночку тоже, гдѣ-то въ малоизвѣстныхъ закоулкахъ Вилюйскаго округа. Его звали багатыръ—наравнѣ съ старинными эпическими героями. Жилъ онъ, повидимому, въ началѣ текущаго столѣтія, на что указываетъ прозвище, столкнувшагося съ нимъ промышленника якута Намскаго улуса, Бётюнскаго наслега, рода Чакы, Солдатъ [3]). Солдаты появились въ Якутской области только въ прошломъ столѣтіи, во время Камчатскихъ походовъ Павлуцкаго. Затѣмъ Миддендорфъ упоминаетъ объ одинокихъ якутахъ звѣроловахъ, встрѣченныхъ имъ далеко отъ родныхъ племенъ въ горахъ Амурскаго бассейна. Подобные удальцы служили въ родахъ, какъ бы добровольными лазутчиками-пластунами, розыскивающими новыя пастбища, годныя для заселенія въ случаѣ какихъ-либо непріятностей или неудобствъ возникшихъ на родинѣ. Они приносили слухи о новыхъ земляхъ, о встрѣченныхъ ими народахъ, подробностяхъ пути и ихъ препятствіяхъ. Иногда такихъ ходоковъ выбирали отъ себя роды и посылали умышленно въ розыскъ, на что намекаетъ сказка «Беркутъ и Чирокъ» и «Летающіе крылатые» [4]). Это были люди отборные, ихъ называли тоже: багатыръ, баатыръ, батыръ, батýръ; слово это значитъ собственно по-якутски: доблестный, необыкно-

[1]) Сăри—войско, война, по-монгольски царанъ. Бётлингъ, стр. 159.

[2]) По-монгольски джолъ. (Бётлингъ, стр. 123).

[3]) У Словцева сказано, что Анадырская команда въ 1741 году состояла изъ 100 мушкатеровъ, 400 казаковъ. Ниже говорится, что въ 1748 году для походовъ къ казакамъ прибавлена была еще рота *солдатъ*. (Період. IV, стр. 79).

[4]) Худяковъ. Сбор., стр. 73.

венно мужественный, смѣлый, сильный и ловкій. Но они не пользовались никакими особыми въ родѣ правами, кромѣ обычныхъ правъ личнаго превосходства.

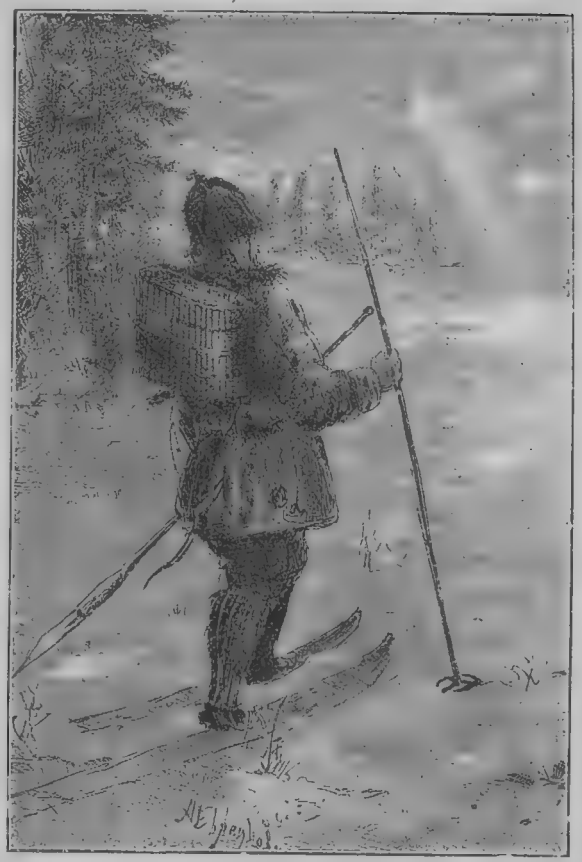


Рис. 129. Колымскій промышленникъ отправляющійся на лыжахъ на рыбную ловлю.

Общія дѣла рода вершалъ, какъ и теперь, родовой сходъ. Военныя и мелкія судебныя дѣла, требующія быстраго неотложнаго рѣшенія, вершалъ признанный народомъ военачальникъ — тоёнъ. Должность эта по словамъ якутовъ была наслѣдственная, въ силу понятія, что «орлёнокъ всегда орелъ — воронёнокъ всегда воронъ» [1]). Но наслѣдственность проводилась не строго. И такъ: у Борогонскаго Лёгёй-тоёна наслѣдникомъ является не сынъ, а инородный купленый за деньги мальчикъ-пріемышъ [2]). Въ другой сагѣ разсказывается, съ полнымъ сознаніемъ законности подобнаго дѣла, какъ тунгусы выбрали своимъ тоёномъ за доблесть якута Хантагай-батыра. Они говорятъ: «Какой бы ни былъ ламутъ (тунгусъ), тебя не убьетъ. Теперь ты будь намъ господиномъ (тоёнъ). Если ламутъ твоего слова не послушается, то пусть будетъ грѣшенъ» [3]). Тоёнъ всегда пользовался въ тоже время титуломъ—багатыря (доблестный) и душевныя его качества по народнымъ понятіямъ должны были отвѣчать богатырскимъ требованіямъ. Но онъ не бродилъ въ одиночку, не искалъ приключеній, а жилъ всегда тамъ, гдѣ жилъ родъ и уходилъ только на войну, во главѣ отряда «конный и оружный».

Войны возникали чаще всего изъ-за угона скота, похищенія жен-

[1]) Худяковъ. Сбор., стр. 6.
[2]) Худяковъ. Сбор., стр. 48.
[3]) Худяковъ. Сборн., стр. 61.

щинъ, убійства или оскорбленія сородича. Пылкій, воинственный нравъ степныхъ жеребцовъ, любящихъ драться и отнимать другъ у друга самокъ, разъ стада сталкивались, нерѣдко служилъ поводомъ для недоразумѣній и дракъ между ихъ владѣльцами.

— «Скотъ больше старались отнять другъ у друга... Земли не жалѣли... земли было много...» (Намск. ул., 1890 г.).

«Не столько изъ-за земли дрались сколько изъ-за скота...» (Баяндайскій ул., 1887 г.).

Всюду въ былинахъ и преданіяхъ похищеніе женщинъ и скота выставляется, какъ поводъ къ войнѣ. Не менѣе часто побуждала къ этому обязательная родовая месть. Кровь человѣка не могла быть пролита безнаказанно, она требовала возмездія.

— «Въ былинѣ о богатырѣ «Шумномъ» Айданъ-батыръ и богатырѣ «Бѣшеномъ» Иренъ батыръ, небесный духъ, упрекая послѣдняго въ убійствѣ роднаго брата, говоритъ: «Что же теперь будетъ?! Развѣ кровь человѣка можетъ быть даромъ пролита?!.» (Нам. ул., 1890 г.).

Въ сказкѣ Эксеню утопающій крысій «Голова» заставляетъ умирать съ собою другую крысу со словами: «развѣ хорошій человѣкъ гибнетъ безъ товарища»!..

— «За убійство мстили дѣтямъ убійцъ и дѣтямъ этихъ дѣтей, до девятаго колѣна... Поймавши не убивали сразу, а мучили ужасными муками»... (Нам. ул., 1890 г.).

— «Убившій богатыря молчалъ и скрывалъ это и только стороною впослѣдствіи люди догадывались... Уходившій мстить, тоже молчалъ». (Нам. ул., 1890 г.). Мнѣ удалось записать интересныя подробности о древней родовой мести у якутовъ.

— «Нѣкогда, въ старину, если былъ кто-нибудь изъ семьи убитъ, а мать въ то время была беременна и затѣмъ рожала дочь, то дитя убивали. Убивали не сейчасъ, а немного спустя, когда ребенокъ подросталъ настолько, что начиналъ сидѣть, былъ бальчыръ. Убивая приговаривали: «черезъ тебя твой старшій братъ (а мстили больше за братьевъ) доблестный взрослый человѣкъ погибъ... Ты намъ принесла такое счастіе, джолъ!» Если же новорожденный оказывался мальчикомъ, то его старательно воспитывали, кормили хорошо, присматривали бдительно. А затѣмъ, когда онъ подросталъ, пріучали его мало-по-малу къ ранамъ, къ страданіямъ, къ бою... Еще въ колыбели били его ремешками съ остріемъ на концахъ, чтобы, корчась и содрагаясь, тѣло его пріобрѣтало упругость, суставы— подвижность. Когда ребенокъ подросталъ, въ него стрѣляли изъ маленькихъ игрушечныхъ луковъ игрушечными стрѣлами, остріе которыхъ могло

пробить только кожу, не больше. Ребенокъ, избѣгая ударовъ, учился наблюдать полетъ стрѣлъ и уклоняться отъ нихъ. Затѣмъ его самаго учили стрѣльбѣ, учили владѣть копьемъ, подкарауливать и выслѣживать добычу и врага, пока не выходилъ изъ него воинъ, который могъ отомстить за убитаго. Тогда сообщали ему имя убійцы и онъ уходилъ. Въ то время таковъ былъ якутскій законъ: долженъ или самъ погибнуть или убить убійцу. Если тотъ уже умеръ или убилъ его кто нибудь другой, то месть переносилась на родственниковъ. И такъ воевали иногда до девятаго колѣна...» (Намскій ул., 1891 г.).

Эта ссылка на «девятое колѣно», предполагаемую границу рода, указываетъ, что месть была родовая. Подтверждаютъ это и прямыя указанія. Когда я спросилъ, почему родовичей рода Быр джики, Хамахатинскаго наслега, Намскаго улуса называютъ въ насмѣшку Быстыбытъ,—вырѣзанный, и почему эти тогда *сердятся*, то мнѣ разсказали цѣлое преданіе о томъ, какъ Кангаласкіе якуты, заподозривши, что шаманъ этого рода помощью колдовства убилъ нѣсколькихъ Кангаласцевъ, напали на сыновей и родственниковъ уже умершаго къ тому времени шамана и убили всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей». (Намскій ул., 1891 г.) [1]).

Въ упомянутомъ выше преданіи о двухъ братьяхъ-якутахъ, проникнувшихъ впервые на Колыму, говорится, что «родъ, желая отомстить за убійство своего члена и не сознавая себя для этого достаточно сильнымъ, пригласилъ на помощь русскихъ». (Колым. ул., Андылахъ, 1882 г.).

Въ другомъ преданіи того же времени, описывается, какъ якутскій батыръ убилъ на свадьбѣ тунгускаго хосуна и убѣжалъ. Отмстить приходитъ къ нему въ домъ тунгускій воинъ, но и этого убиваетъ якутъ. Тогда, испугавшись отвѣтственности, убійца собираетъ родъ и уговариваетъ въ цѣляхъ защиты предупредить нападеніе тунгусовъ. Родъ соглашается, снаряжаетъ походъ, но дѣло къ обоюдному удовольствію кончается миромъ, враждующіе расходятся, обмѣнявшись подарками. На обратномъ пути якуты встрѣчаютъ русскихъ и, подкупленные ими, совмѣстно бросаются опять на тунгусовъ. (Намскій ул., 1892 г.) [2]).

Объ этихъ суровыхъ временахъ суровыя остались въ памяти народа воспоминанія.

— «Въ старину мы не знали ни законовъ, ни Бога... Кто былъ сильный, тотъ былъ правый». (Колым. ул., 1883 г.).—«Въ старину сильный и богатый, что хотѣлъ, то и дѣлалъ». (Нам. ул., 1887 г.).—«Когда якуты не знали еще Бога, когда русскіе еще не пришли, не было ни

[1]) Смот. Т. II соотвѣтствующую главу, гдѣ преданіе приведено цѣликомъ.

[2]) Смот. II главу этой книги, стр. 230.

господъ, ни законовъ. Люди постоянно между собою воевали, отнимали другъ у друга скотъ, уводили женщинъ. Кто что хотѣлъ и могъ, то и дѣлалъ»!.. (Баяган. ул., 1886 г.).

— «Древнимъ якутамъ убить человѣка казалось также просто, какъ убить еврашку». (Нам. ул., 1891 г.).—«Старинные якуты не работали, сѣна не косили, а только то и дѣлали, что шлялись съ мѣста на мѣсто, грабя и убивая»... (Намскій ул., 1890 г.).

Конечно, эти давно прошедшія времена были много грубѣе теперешнихъ, но картина, нарисованная въ выше приведенныхъ преданіяхъ, грѣшитъ односторонностью. Не вѣрно также отнесеніе начала смягченія нравовъ къ русскому завоеванію. Мощная струя общественности, зародилась раньше всякихъ войнъ, на почвѣ совмѣстнаго потребленія добычи отъ стадъ и охоты; она-то стремилась организовать роды въ союзы для взаимопомощи, для обузданія всѣмъ вредной хищности, насилія, жестокости.

Въ Намскомъ улусѣ я записалъ о смягченіи нравовъ прелестную легенду. Судя по нѣкоторымъ подробностямъ, она очень древняго происхожденія; тѣмъ не менѣе ея глубокая мораль до сихъ поръ не лишена смысла и для европейца.

— «Въ тѣ времена, когда всѣ кругомъ еще дрались, не щадя жизни, одинъ старый якутъ и якутка, испугавшись, ушли отъ своихъ далеко въ лѣса. Не имѣя дѣтей, украли чужое и воспитывали его, какъ свое, чтобы въ старости не остаться безъ поддержки. Скота у нихъ не было: бросили все, уходя съ душою. Жили промысломъ. Было ихъ трое и всего, что добывали, всегда оказывалось по трое: на три только давалось раздѣлить части. Въ сѣти попадало рыбы на три только горшка, зайцевъ въ ловушки тоже по трое, по трое птицъ въ петли и столько же гибло звѣря отъ луковъ. Какъ ни старался старикъ, ходилъ и хлопоталъ весь день, не можетъ упромыслить больше положеннаго. Замѣтила это старуха и говоритъ: «Насъ трое и ты старикъ всего только по трое добыть въ состояніи!.. Этотъ ребенокъ не нашей крови, не нашихъ внутренностей—нужно его убить. Тогда одна часть останется: можно будетъ отложить на черный день! Нужно убить... Непремѣнно убей ребенка!..» Не соглашался старикъ, но старуха не давала ему ни днемъ, ни ночью покою: убей, да убей!.. Повелъ старикъ въ лѣсъ ребенка, но сердце у него болѣло; не могъ, глядя на знакомое лицо и глаза, убить. Оставилъ въ лѣсу, чтобы оно заблудилось. Возвращаясь, осмотрѣлъ пасти и ловушки и удивился, найдя всего по двое. Приходитъ, говоритъ старухѣ: «А что!.. Говорилъ я: по жадности, убивши дитя, не воспользуемся. Исчезая, взяло оно и часть свою.

Всего я нашелъ только по двое. Схвативши ожикъ, ётёрякъ, старуха ударила старика, кричитъ: «Самъ поѣлъ ты, меня обманывая и дразня! Подожди—не всегда же такъ будетъ»! Жили дальше, промышляли. Жили долго, а все больше того, что съѣсть, не могутъ добыть. Всё двѣ и только двѣ доли, какъ раньше было ихъ все три. Не вѣритъ старуха, пошла сама осматривать ловушки. Убѣдившись, заревѣла: — «Убили мы дитя наше! Остались мы подобные псамъ, близкіе къ несчастію, собаки!.. Нашъ дымъ утерялъ верхушку, укоротились искры наши, остались мы точно опаленный, сломанный комель дерева, точно черный пень»... Плакали старики и задумали возвратиться къ людямъ. Прійдя въ родную землю, стали разсказывать, что случилось съ ними. Уговаривали не убивать, не грабить. «Каждое живое существо съ пищей» — поучали. Люди послушали ихъ и начали смягчаться и мириться». (Намскій ул., 1891 г.).

Въ то время грабежи и воровство внутри рода были не мыслимы, въ виду ненужности кражи, общности имущества, невозможности ни спрятать, ни продать покраденное. Убійство была тоже вещь не слыханная; весь драматизмъ выше цитированной былины «Богатырь Шумный и Богатырь Бѣшеный» вращается, главнымъ образомъ, кругомъ этого необычнаго событія.

Старикъ Капитонъ, бывшій голова Баягантайскаго улуса, хвалившійся, что онъ «большой знатокъ старины», разсказывалъ мнѣ, что нѣкогда, *если человѣкъ убивалъ сородича*, то его привязывали къ дереву въ глухомъ лѣсу и бросали на всегда, до конца жизни». (Баягантайскій улусъ, 1886 г.).

За убійство внѣ рода терпѣли виновные родовую месть или платили виру. Якутская мировая, тупсу, до сихъ поръ носитъ родовой характеръ. Совершается она въ большинствѣ случаевъ въ родовыхъ собраніяхъ. Подарки идутъ на угощеніе родовичей, и малая ихъ доля достается обиженному. Когда мирились два моихъ сосѣда въ Намскомъ улусѣ — Ойойуола и Семенъ Сивцевъ—то на сходку пришло до 300 человѣкъ. Мирящіеся купили два ведра водки и убили корову на мясо *сообща*. Мясо бралъ, кто могъ, такъ какъ «господа» напились и нѣкому было дѣлить. Ведро водки оставили для «почетныхъ», не явившихся на сходку, а другое ведро роспили присутствующіе. Бѣднякамъ досталось по одной рюмкѣ, болѣе богатымъ по двѣ и т. д.» (Намск. ул., 1892 г.). Остались многіе пережитки, доказывающіе, какъ сильна была нѣкогда солидарность родовъ и какъ глубоко въѣлось въ родовое сознаніе чувство отвѣтственности за поведеніе своихъ членовъ. Якуты ревниво относятся къ чести своихъ

близкихъ; любятъ слышать похвалы своему племени, роду, улусу и приходятъ въ уныніе отъ заслуженной ими хулы.

— «Тѣнь одного падаетъ на всѣхъ»! (Нам. ул., 1891 г.). Одинъ изъ главныхъ участниковъ жестокаго убійства, совершеннаго въ 1891 г. въ Батурусскомъ улусѣ, прощаясь съ своимъ родомъ, просилъ прощенія за пятно, которое набросилъ на него своимъ поступкомъ, просилъ не мстить за него «дѣтямъ и женѣ».

Теперь, конечно, отвѣтственность сильнѣе всего падаетъ на ближайшихъ родственниковъ.

— «Ты, вотъ, защищаешь Боксапа, а онъ—братъ убійцы!..» объясняли мнѣ Баягантайскіе якуты свои придирки къ этому человѣку. (Баяган. ул., 1886 г.).

— «Если мой отецъ и мать были люди хорошіе, уважаемые, то и меня люди будутъ почитать. Другое дѣло, если мои предки порочные, если кто нибудь изъ нихъ людей обижалъ, или убилъ кого, или ограбилъ... Тогда люди будутъ говорить, а я долженъ молчать...» (Нам. ул., 1891 г.).

— «Пусть боится и заискиваетъ въ людяхъ тотъ, у кого дѣти, а я никого не боюсь... Дѣтей у меня нѣтъ; будетъ худо: возьму и уйду; нѣкого имъ будетъ попрекать и мучить». (Нам. ул., 1890 г.).

Взглядъ этотъ во внѣ-родовыхъ сношеніяхъ распространяется на весь родъ.

— «Ничего хорошаго ждать нельзя: худаго, несчастнаго они рода». (Колым. ул., Енжа 1883 г.).

— «Какой дуракъ отдастъ дѣвку за парня изъ худаго рода, гдѣ были воры и убійцы!?. У такого рода не бываетъ счастія»! (Колым. ул., Андылахъ, 1882 г.).

Разсказъ о бѣгунцѣ Сиряясъ, гдѣ описывается кровавая вражда двухъ родовъ, заканчивается слѣдующими словами:

— «Старикъ (виновникъ) умеръ въ богатствѣ, въ почетѣ, но родъ его оставило счастіе, семья его обѣднѣла. Нѣкогда многочисленные—уменьшились, нѣкогда крѣпкіе—ослабѣли. Мало ихъ осталось, и оставшіеся все гибнутъ, все какъ-то не по человѣчески умираютъ. Прійдетъ ли оспа или другая болѣзнь, уже она этого рода не минуетъ. Несчастія преслѣдуютъ ихъ. Вотъ недавно: одинъ болѣе зажиточный былъ головой, всѣ его считали первымъ человѣкомъ, почетнымъ, уважаемымъ, а онъ деньги общественныя промоталъ и погибъ по собачьи: нашли его мертвымъ на дорогѣ—напился и умеръ [1]). Другой того же рода богачъ

[1]) Григорій Жарковъ, якутъ Намскаго улуса, Хатыгаринскаго наслега, рода Арчинта. по прозвищу Миссюра.

горло себѣ подрѣзалъ. И такъ постоянно гибнуть, какъ собаки, подъ тяжестью человѣческаго проклятія!.. Никто ихъ настоящимъ образомъ не почтетъ, не повѣритъ. Дѣвку хорошаго рода имъ замужъ не дадутъ. Люди смотрятъ на нихъ подозрительно... Вымираютъ!.. Между тѣмъ родъ Тимиръ-Байтакана крѣпнетъ, богатѣетъ! Два рода собой наполнили и все ихъ прибываетъ, и все имъ везетъ...» (Нам. ул., 1891 г.).

Родовая вражда передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе. Раньше она выражалась въ войнахъ, теперь враждующіе роды ведутъ подземную тайную борьбу, доносятъ, интригуютъ, подсиживаютъ, тягаются другъ съ другомъ изъ-за всякаго пустяка. Въ Хатынгаринскомъ наслегѣ несогласія двухъ вліятельныхъ родовъ Хамалга и Кихиргёсъ «не давали долго провести законнаго выбора старосты, и наконецъ тотъ былъ назначенъ администраціей. (Нам. ул., 1888 г.).

Въ Баягантаѣ я также былъ свидѣтелемъ подобной родовой вражды, имѣющей очень отдаленное начало. Враждующіе выставляли постоянно за поводъ ближайшія, часто сомнительныя причины, но посторонніе говорили, что вражда ихъ «отъ отцовъ». (Баяган. ул., 1886 г.).

Въ такихъ случаяхъ роды поступаютъ солидарно: рѣшенію ихъ сходовъ подчиняются даже совершенно равнодушные къ поводу люди: «нельзя—собраніе рѣшило».

Къ такой же старинной родовой морали нужно причислить ту удивительную родовую справедливость якутовъ, которая часто въ тупикъ ставитъ наблюдателя. Въ ней замѣтна цѣлая лѣстница особыхъ отношеній. Человѣкъ совершенно иногда равнодушный къ извѣстнымъ явленіямъ какъ напримѣръ: дракѣ, обману, воровству, эксплуатаціи, разъ они совершаются *внутри рода* или когда обидчикъ *его сородичъ*, очень живо пріметъ ихъ къ сердцу, когда обиженъ послѣдній, а виноватъ чужеродецъ. Люди часто вполнѣ порядочные, честные, справедливые, случается, прикрываютъ и защищаютъ завѣдомо порочныхъ, потому только, что это ихъ сородичи. Народныя собранія—судьи, относительно справедливые въ дѣлахъ родовыхъ—сплошь и рядомъ въ тяжбахъ внѣ родовыхъ рѣшаютъ въ пользу «своего человѣка». Одинъ изъ такихъ несправедливыхъ приговоровъ объяснили мнѣ сами судьи очень наивно:

— «Правда, слѣдовало бы раздѣлить убытки по ровну, но вѣдь онъ... *Батурусскій!* Не можемъ же мы ради него обидѣть своего человѣка» (Намскій ул., 1889 г.).

Въ другой разъ двѣнадцать самыхъ почетныхъ родовичей согласились ложно присягнуть въ уголовномъ дѣлѣ, оправдывая свой поступокъ такими доводами:

— «Правда, онъ обижаетъ насъ, онъ пьяница и насильникъ, но все таки онъ нашъ! Какое кому дѣло, что происходитъ между нами? Развѣ изъ-за этого позволимъ пришельцу съѣсть нашего человѣка? Онъ сегодня тутъ, завтра—тамъ, а съ *нашимъ* и его дѣтьми намъ всегда жить придется»! (Намскій ул., 1889 г.).

Безпощаднѣе всего эта мораль относится, конечно, къ иноземцамъ, къ русскимъ, къ тунгусамъ. Затѣмъ, по мѣрѣ уменьшенія круга интересовъ, она становится все доброжелательнѣе, справедливѣе, человѣчнѣе и, наконецъ, внутри рода должна бы по народнымъ понятіямъ удовлетворять вполнѣ понятіямъ братства и равенства. Конечно, на дѣлѣ этого нѣтъ, но таковъ идеалъ.

Въ принципѣ союзная якутская мораль это та-же родовая мораль, только менѣе ясная и живая. Якуты считаютъ себя, какъ бы обязанными сдѣлать все тоже для *каждаго*, но разъ предстоитъ выборъ, выбираютъ родовича. Приведу для иллюстраціи тѣ ограниченія, которыя обычное право ставитъ продажѣ сѣна и съѣстныхъ припасовъ въ случаѣ голодовокъ и безкормицы.

— «Въ тяжелый годъ обязаны всѣ продавать сѣно и пищу сначала родовичамъ; если тѣ не берутъ, людямъ своего наслега; если тѣ не берутъ, людямъ того же улуса и затѣмъ уже постороннимъ...» (Баягантайскій ул., 1885 г.).

Развитіе этой морали вполнѣ совпадало съ образованіемъ якутскихъ родовыхъ союзовъ, какъ ихъ понимаетъ якутскій народъ. По мѣрѣ того какъ ради удобства своихъ стадъ родовыя группы дробились и расходились все шире, прекращался между ними живой обмѣнъ услугъ, исчезала потребность во взаимопомощи, сталкивались онѣ все рѣже, чувства ихъ черствѣли, блекли и оставалось только одно смутное воспоминаніе общаго происхожденія.

Намекъ на первичное такое дѣленіе встрѣчаемъ въ сагѣ Эллей и Онохой, гдѣ говорится, что «всѣ улусы на востокъ отъ Лены произошли отъ сыновей Эллея, а всѣ западные отъ сыновей Онохоя». Конечно, подобныя сообщенія нужно понимать условно, но въ общихъ чертахъ они, вѣроятно, согласны съ дѣйствительнымъ ходомъ событій. Вѣроятно, что Эллей и Онохой лица вымышленныя, что якуты пришли въ Якутскую область уже организованные въ роды и союзы, тѣмъ не менѣе, Лена сразу способствовала извѣстной ихъ группировкѣ и принятыя теперь въ просторѣчіи термины: «улусы западные и восточные» или «люди западные и люди восточные», имѣютъ, думаю, не только географическое, но и родовое значеніе. Союзные роды звались «эельяхъ»—согласные, прими-

ренные. Каковы же были эти союзы, достовѣрно узнать въ настоящее время трудно. Многое въ нихъ смыла и спутала волна завоеванія. Вѣроятнѣе всего, что это были союзы, построенные на фонѣ родовой близости и памяти общаго происхожденія. Войны, грабежи, безпорядки, необходимость совмѣстной защиты, заставили мало-по-малу сблизиться разъединенные экономическими причинами роды и, путемъ символическихъ празднествъ и обрядовъ, поддерживать рвущуюся связь. Къ такимъ родовымъ празднествамъ принадлежатъ, несомнѣнно, ысыахи.

Ысыаховъ было много, ихъ могъ устроивать каждый, по всякому поводу, но главныхъ было два: *малый*—весною, когда трава покрыла землю, и *большой*—въ половинѣ лѣта, на который сходился иногда весь улусъ». (Баягант. ул., 1885 г.).

—«Въ старину люди любили играть и веселиться. Ысыахы устроивались часто и народу на нихъ собиралось много. Побываютъ у именитыхъ людей своего рода и наслега, затѣмъ кучей идутъ въ сосѣдній наслегъ, а тамъ и дальше. Иногда скапливались, говорятъ, большія толпы словно войско. Ѣли, пили, прыгали, играли, боролись, танцовали... Очень бывало весело! Случались, правда, ссоры, но народъ живо унималъ. Теперь ысыахы вывелись. Кобылъ якуты перестали доить, и табуновъ стало меньше. Всѣ обѣднѣли, стада разсѣялись, а люди все больше гоняются за деньгами. Скупъ сталъ народъ! Да и кто теперь можетъ накопить столько кумысу, чтобы хватило его на всѣхъ? Нѣтъ больше ни борцовъ, ни богатырей, ни богатыхъ людей». (Намс. ул., 1891 г.).

Ысыахы собирались не только въ указанное выше время, но по всякому поводу, требующему совмѣстнаго обсужденія.

«Лёгёй-тоенъ услыхалъ молву, что они (Тыгынъ-тоёпъ съ войскомъ) имѣютъ намѣреніе придти къ нему; услыхавши объ ихъ намѣреніи пріѣхать, собралъ ысыахъ...» [1]).

Ысыахы устраиваютъ по поводу свадьбы, при заключеніи мира, въ знакъ радости. Обязательной частью старинныхъ ысыаховъ были игры, конные бѣга и стрѣльба изъ лука. Это были какъ бы военные маневры, помощью которыхъ роды учитывали свои силы и, соотвѣтственно тому, степень вліянія въ родовомъ союзѣ.

«Старинные богатыри нарочно устраивали ысыахи и игры съ цѣлью узнать силу своихъ борцовъ, чтобы потомъ знать, можно ли напасть и ограбить...» (Намс. ул., 1891 г.).

Игры эти кончались иногда кровавымъ боемъ. Разсвирѣпѣвшіе бойцы приглашали другъ друга «выйти на край двухъ перелѣсковъ съ колча-

[1]) Худяковъ, Сбор., стр. 48.

нами, полными стрѣлъ». Стрѣлы выпускали въ себя до тѣхъ поръ, пока не умиралъ одинъ изъ борцовъ. (Намскій ул., 1891 г.).

Къ исходу состязаній якуты относились очень страстно, къ чему привычка осталась до послѣднихъ временъ. Имена борцовъ хранились въ тайнѣ до послѣдней минуты.

Дѣйствительно, ысыахы теперь несомнѣнно въ упадкѣ: ихъ почти не справляютъ или справляютъ на особый, новый ладъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я былъ на большомъ ысыахѣ у богатаго Намскаго якута, бывшаго улуснаго головы Сивцева. Въ углу двора стоялъ подвязанный за уши, большой, ведеръ 45 вмѣщающій, симиръ, старый и поблеклый, но сохранившій слѣды былаго почитанія, какія-то серебряныя украшенія, бусы, подвѣски и прекрасно изваянное деревянное горлышко. Пучки бѣлыхъ, конскихъ волосъ были къ нему, очевидно, вновь подвязаны, но никто на него не обращалъ особеннаго вниманія. Небрежно поставленныя чёчиры (зеленыя деревца) грустно склонялись надъ нимъ. На узорчатыхъ, разостланныхъ подъ чёчирами, кобыльихъ коврахъ никто не сидѣлъ; присутствующіе толпились въ юртѣ, гдѣ «господа» играли въ карты и пили водку. Чай, водка, скучная несуразная толкотня. Ни игръ, ни пѣсенъ! А между тѣмъ, день былъ прекрасный, а вблизи дома разстилался ровный просторный лугъ,—по словамъ присутствующихъ, излюбленное нѣкогда мѣсто хороводовъ и состязаній». (Намскій ул., 1887 г.).

Если случается теперь, что у якутовъ справляются по старинному ысыахы [1]), то они проходятъ, какъ я замѣтилъ, безъ всякаго увлеченія—всѣ будто играютъ условную комедію. Только въ г. Верхоянскѣ въ 1880 и 1881 годахъ, на Петровъ день, я видѣлъ эти родовыя празднества достаточно многолюдными и оживленными. Въ то время тамъ происходило улусное собраніе, съѣхалось порядочно народу, собрались представители всѣхъ наслеговъ. Въ играхъ и состязаніяхъ принимали участіе и мѣстные казаки. Кумысу все-таки пили немного, а больше водки и чаю. Тамъ же мнѣ разсказали про недавнее прошлое ысыаховъ вотъ что:

«Лучшіе ысыахы справлялъ здѣсь богачъ Тасъ [2]). Онъ состоятельный, онъ доитъ кобылъ, дѣлаетъ кумысъ и у него есть нужная деревянная посуда». На его ысыахѣ собиралось съ окрестностей множество народу. Вдоль изгороди двора ставили зеленыя чёчиры (молодыя березки), а въ главномъ углу, гдѣ чёчиры лучше и зеленѣе, ставили подвязанный

[1]) Ысыахъ нѣчто похожее на монгольское Цаганъ цара (бѣлый мѣсяцъ) новый годъ — праздникъ съ играми, стрѣльбой изъ лука, бѣгами. Ни одинъ праздникъ, ни одна порядочная свадьба у монголовъ не обходится безъ этихъ состязаній». (Клеменцъ).

[2]) Этого Таса я зналъ лично; настоящую фамилію его забылъ; онъ былъ всѣмъ извѣстенъ подъ этимъ прозвищемъ, что значитъ «камень».

за унп с и м п р ъ съ кумысомъ. Подъ ч ё ч и р а м и рядомъ садились господа: ближе къ с п м и р у болѣе почетные, далѣе—менѣе. Два родственника хозяина, въ шапкахъ, рукавицахъ и во всей дорожной одеждѣ разливали изъ с и м и р а и х о л л о г о с а (большой чанъ) кумысъ въ кубки (а я х ъ), украшенные конскимъ волосомъ. Все было украшено волосомъ. Хозяинъ или шаманъ—въ старину ни одинъ ы с ы а х ъ безъ шамана не справлялся—взявши полный кубокъ, становился по серединѣ круга на одно колѣно и съ лицомъ, обращеннымъ на югъ, пѣлъ, прося у «Бѣлаго Создателя Бога» о счастіи, богатствѣ, благословеніи для всѣхъ... Затѣмъ, восклицая у р у й, кубокъ вверхъ подымалъ онъ троекратно. Окончивши, садился на мѣсто, пилъ изъ кубка кумысъ и передавалъ его въ очередь изъ рукъ въ руки кругомъ. Между тѣмъ, ему подавали новый. И такъ, пили, разговаривая, веселясь, играя... (Верхоянскъ, 1881 г.).

По другимъ преданіямъ въ началѣ торжества девять непорочныхъ юношей, все меньшаго возраста и роста, съ бокалами все уменьшающейся величины, становились другъ за другомъ лицомъ на югъ. Стоящій во главѣ пѣлъ, а они подхватывали и троекратно возносили къ небу ч о р о н ы, затѣмъ отливали въ жертву кумысъ на землю, а оставшійся передавали въ кругъ. На этомъ же праздникѣ освящали въ честь «Бѣлаго Бога» отца, создателя и покровителя якутовъ бѣлаго жеребца и бѣлыхъ кобылъ, пѣли а й х а л ъ и многократно кричали у р у й. Весь праздникъ, какъ видно, искони носилъ не столько религіозный, сколько родовой, общественный характеръ. Мирныя состязанія, торжественный обмѣнъ бокалами, дружескія рѣчи. Въ кумысовыхъ пѣсняхъ, ы с ы а х ъ т ё г ю л ю, болѣе отводятъ мѣста описанію природы и перечисленію разныхъ родовыхъ группъ и ихъ отношеніямъ, чѣмъ восхваленіямъ и молитвамъ Верховному Божеству [1]). И такъ: въ той хоровой пѣснѣ, которую приводитъ Миддендорфъ, послѣ описанія ликующей весенней природы и стариннаго якутскаго хозяйства слѣдуетъ описаніе сборища перелетныхъ птицъ и проводится популярнѣйшая у якутовъ параллель между ими и собравшимся народомъ; тамъ же, въ третьей пѣснѣ, подобная параллель проводится между разномастными жеребятами и родовыми должностными лицами. Въ обоихъ пѣсняхъ центръ тяжести составляетъ описаніе того, что дѣлаетъ собравшійся народъ и какъ должны другъ къ другу относиться различные его слои: мужчины къ женщинамъ, молодые къ старикамъ, богатые къ нищимъ, начальники къ подчиненнымъ. Тоже самое замѣчается и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ отрывкахъ ы с ы а х о в ы х ъ пѣсенъ. Главную роль въ нихъ

[1]) Молитва шамана къ Верховному Божеству приведена дословно въ преданіи «Эллей и Онохой», стр. 187.

всюду играетъ *народное собраніе*. Это противопоставляетъ ихъ шаманскимъ религіознымъ пѣснямъ, гдѣ центръ—божество.

Въ народное собраніе, по преданію, допускались всѣ взрослые родовичи.

—«Въ первомъ кругу садились «господа» и сехены (сеxеннеръ)[1]), во второмъ—простые люди, кöннöрю киси, дальше молодежь и послѣдніе люди». (Намс. ул., 1891 г.).

Если наблюдать якутскую сходку, совѣщающуюся свободно подъ открытымъ небомъ, то не трудно и теперь замѣтить такое же ея расположеніе. Я часто видѣлъ подобныя сходки лѣтомъ въ Колымскомъ, Верхоянскомъ и Баягантайскомъ улусахъ. Обыкновенно онѣ происходятъ недалеко отъ дома родоваго правленія, сугланъ. На оголенномъ, сухомъ бугрѣ или поросшей муравою полянкѣ разсаживаются вѣчующіе, образуя замкнутый кругъ. Въ первомъ ряду сидятъ, по-татарски поджавъ подъ себя ноги, болѣе пожилые и вліятельные изъ присутствующихъ; во второмъ сидятъ или стоятъ на колѣняхъ независимые, но менѣе состоятельные хозяева, наконецъ, въ третьемъ, по большей части стоятъ, чтобы лучше видѣть и слышать, молодежь, дѣти, нищіе и нерѣдко женщины. Обсуждаетъ дѣла, собственно говоря, первый кругъ; второй иногда только вставляетъ свои замѣчанія и поправки, третій слушаетъ молча. Иногда разгораются страсти и галдятъ всѣ заразъ, но рѣшеніе вопроса и постановка его всегда предоставляется первому кругу. Онъ руководитъ совѣщаніемъ. Изъ среды его выдвигаются ораторы, и то сидя или стоя на колѣняхъ, жестикулируя широко руками и многократно во всѣ стороны кланяясь, защищаютъ данное предложеніе. У якутовъ высоко цѣнится ораторское искусство и между ними встрѣчаются замѣчательно талантливые ораторы [2]). Каждая рѣчь, какъ бы она ни была длинна и бездарна, и кто бы ее ни говорилъ, выслушивается до конца въ почтительномъ молчаніи. Во время рѣчи или послѣ ея окончанія, ораторъ кое-когда обращается ко второму кругу, какъ-бы съ вопросомъ: «ну, какъ, народъ?» и получаетъ въ отвѣтъ или молчаніе или поддержку въ видѣ восклицаній сёбъ! (ладно), хайтахъ (какже)! кирдикъ (правда)! сиччахъ! ситы курдукъ (точно такъ) или носовой звукъ *енгъ* [3]), выражающій пониманіе, утвержденіе, согласіе. Передъ окончательнымъ рѣшеніемъ руководители, согласно обычаю, обращаются къ народу;

[1]) Тоже самое сясянъ—сясянняръ.

[2]) Объ одномъ изъ нихъ, старостѣ Верхоянскаго улуса, пишетъ въ своихъ замѣткахъ Коваликъ, что рѣчи его производили на него впечатлѣніе настоящихъ, парламентскихъ обдуманныхъ рѣчей.

[3]) У Бöтлинга äк, стр. 14.

благодаря всестороннему тщательному разбору, благодаря предварительному частному обсужденію и вносимымъ постоянно согласно настояніямъ присутствующихъ поправкамъ, всегда почти получается въ концѣ единодушное одобреніе [1]). Рѣшенія якутскаго схода всегда единогласныя; баллотировка якутамъ незнакома; если она гдѣ и практикуется, то это нововведеніе.

Такъ было искони. Первый кругъ, состоящій изъ самыхъ богатыхъ и энергичныхъ личностей, всегда пользовался выдающимся значеніемъ. Онъ могъ допустить или нѣтъ къ обсужденію извѣстные вопросы, но рѣшенія его считались обязательными только послѣ всенароднаго одобренія.

По преданіямъ, въ старину не малую роль въ собраніяхъ играли сесены. Сесенъ происходитъ отъ того же корня, что глаголъ сесенибинъ—совѣтую, толкую, предсказываю. Сесеновъ преданія изображаютъ бѣловолосыми, почтенными, многоопытными старцами [2]). Это званіе не было ни избирательное, ни наслѣдственное, но не всякій старикъ считался сесеномъ, для этого нуженъ былъ особый «вѣщій» даръ—иными словами: признанный умъ, опытность и знаніе. Герои олонго въ трудныхъ случаяхъ нерѣдко обращаются къ такимъ «совѣтъ дающимъ, почтеннымъ, свѣтлоглазымъ Бесѣдѣ-Старикамъ» [3]).

«Въ старину безъ сесеновъ ничего не рѣшали». (Намс. ул., 1888 г.). Отмѣчу, что въ этомъ показаніи, сесенъ употреблено въ смыслѣ *волхвъ*. Сесены рѣшали спорные вопросы на основаніи обычаевъ, подавали совѣты въ тяжелые годины рода. «На ысыахахъ передъ началомъ игръ и состязаній, сесены каждаго рода или родоваго союза осматривали своихъ борцовъ и тѣхъ, кто не годился, кто недавно грѣшилъ съ женщиной, кто не воздерживался въ достаточной мѣрѣ отъ ѣды и питья — удаляли, изъ опасенія, чтобы тѣ не опозорили своего народа. Все это узнавали они, ощупывая тѣло борцовъ, по глазамъ ихъ и по лицу». (Намс. ул., 1891 г.). Въ Баягантайскомъ улусѣ, на мой вопросъ, кто далъ названіе рѣчкамъ, горамъ, урочищамъ, мнѣ отвѣтили: «должно быть сесены - старые, древніе люди, которые все знали»! (Баягант. ул., 1885 г.).

Такъ какъ внутри рода многіе сесены были одновременно тоёнами, т.-е. представителями отдѣльныхъ группъ, то вліяніе ихъ въ ро-

[1]) Я, конечно, имѣю ввиду правильный, согласный съ обычаемъ, ходъ дѣлъ.

[2]) Сесены могли быть и молодые; въ преданіи, приведенномъ на 228 страницѣ этого сочиненія говорится, что родовичи жалѣли Чакы уса, молодаго кузнеца, потому что онъ былъ «учитель воиновъ (серкенъ сесенъ). Въ сказкѣ Тулуяхъ Ого говорится, что «лукъ богатыря дѣлалъ меньшой братъ небеснаго и земнаго старика Сяркянь-Сясяна Барбякай-Бёнкёнгё.

[3]) См. Худякова Сбор., стр. 117 и 227 и II-й томъ этой книги: полное описаніе внѣшности такого сказочнаго «вѣщаго» старика.

довыхъ совѣтахъ было огромное. Ихъ чаще всего запросто зовутъ въ преданіяхъ «стариками»—огоніоръ.

Въ союзныхъ совѣтахъ значеніе ихъ было меньше: тамъ на первый планъ выступаютъ родоначальники, бись уса тоёно. О нихъ часто упоминаютъ въ своихъ отпискахъ казаки, неправильно называя ихъ «князцами». Съ ними приходилось казакамъ чаще всего имѣть дѣло, какъ съ *военными вождями.*

Преданія сохранили имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. Какъ современниковъ русскаго пришествія перечисляютъ: Кангаласкаго Тыгына, Намскаго Чорбоха (рода Чакы), Борогонскаго Бертъ-Хара, Баягантайскаго Бата батыра [1]) и многихъ другихъ второстепенныхъ. О ихъ дѣяніяхъ, битвахъ между собою и сопротивленіи русскимъ якуты охотно разсказываютъ длинныя повѣсти. Всѣ эти предводители по ихъ словамъ отличаются необыкновенною силою, ловкостью, военными талантами.

«Тыгынъ былъ силы необычайной, никто не могъ ему сопротивляться. Его лицо было въ пять четвертей длиною, его глазъ вѣсилъ три фунта. Когда его убивали, то съ одной стороны стоялъ солдатъ съ саблей и съ другой стороны солдатъ съ саблей, а по серединѣ самъ генералъ-губернаторъ. Когда царю послали глазъ Тыгына онъ сильно разсердился, что убили такого знатнаго человѣка». (Верх. ул., 1881 г. Баяган. ул., Нам. ул.).

«Тыгынъ, былъ на столько силенъ, что схвативши руками башню русской крѣпости, потрясалъ ею, какъ вѣтеръ деревомъ». (Нам. ул., 1891 г.).

«Тыгынъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ, никто не смѣлъ ему сопротивляться. Онъ былъ самый могущественный изъ якутовъ: у него были люди, былъ скотъ, была сила. Русскіе тогда еще не приходили, не было ни управъ, ни судовъ, ни чиновниковъ. Нашимъ господиномъ былъ Тыгынъ». (Баяган. ул., 1885 года). «Ты видѣлъ громадные старые дома (остатки казацкой крѣпости), что стоятъ на западномъ краю города? Это жилище нашего героя Тыгына»! (Намскій ул., 1890 г.).

Про Бертъ-Хара разсказываютъ тоже самое: «Сталъ онъ очень сильный, большаго роста, а самъ былъ черный человѣкъ. Назвали его Маянтыланъ. Лукъ его носили два человѣка; такой былъ у него большой лукъ. Онъ и на лошадь не садился; лошадь не подыметъ. Сталъ отличнымъ промышленникомъ, смиренникомъ, большимъ умникомъ, сильнымъ» [2]). При столкновеніи съ Тыгыномъ онъ превосходитъ послѣдняго силою и

---

[1]) Характерно, что у хороловъ въ преданіи, записанномъ Худяковымъ, главный богатырь называется Бата-батыръ, стр. 55.

[2]) Худяковъ, Сборн., стр. 47.

ловкостью. Тоже самое разсказываютъ про Чорбоха. (Баяган. у. 1885 и Нам. 1889 г.).

Ими гордятся и часто ихъ именемъ обозначаютъ дѣла, совершенныя всѣмъ родомъ, говорятъ: «Чорбохъ побѣдилъ Тыгына», Бертъ-Хара пошелъ на Лену», а въ результатѣ оказывается, что у того и другаго было войско, были батыри и бергени [1]).

Всѣмъ имъ приписываются не только невѣроятные легендарные подвиги, но и дѣйствія различныхъ лицъ и разныхъ временъ. И такъ въ одномъ преданіи говорится, что Тыгынъ предводительствовалъ якутами въ битвѣ съ атаманомъ Галкинымъ въ 1634 году, послѣ которой послѣдовала первая осада Якутска [2]), между тѣмъ какъ печатные источники приводятъ имя князца Мымака, какъ начальника этого возстанія. Въ другомъ преданіи говорится, что Тыгынъ начальствовалъ и погибъ въ сраженіи съ русскими у села Покровскаго 1682 г.) [3]), а печатанные источники называютъ вмѣсто него «кангаласкаго родоначальника Дженника». Писанные источники о Тыгынѣ *ничего не говорятъ*. Въ нѣкоторыхъ преданіяхъ говорится, что «послѣ пораженія Тыгынъ былъ схваченъ и казненъ», въ другихъ, что «онъ откочевалъ отъ Якутска неизвѣстно куда: на сѣверъ—на Вилюй или на югъ—въ Олёкминскъ. Многіе изъ этихъ событій совершились, преданія передаютъ ихъ вѣрно и часто согласно даже въ подробностяхъ съ казацкими и воеводскими отписками, только въ послѣднихъ ничего не говорится о Тыгынѣ [4]). «150 человѣкъ якутовъ

[1]) Даже мирныя дѣла, совершаемыя сообща родомъ, любятъ якуты обозначать именемъ его вождей. Такъ, часто встрѣчаются выраженія: «Бертъ-Хара косить сѣно», «Тыгынъ укочевываетъ».

[2]) 9 января 1635 года. Фишеръ, стр. 367.

[3]) Село въ 55 верстахъ южнѣе Якутска. См. «Воеводы и начальники города Якутска», Москвинина. (Пам. кн. Якут. обл. за 1863 г.) и статья Махотина «О покореніи русскими Якут. обл.» (Пам. кн. 1871 г.).

[4]) Я думаю, что Тыгынъ не имя собственное, а нарицательное и значило: *военный вождь*. Тигинъ, Тäгінъ, Тикинъ—по уйгурски: князь, родственникъ главы государства. Die alttürk. Inschr. W. Radloff; p. 126). Такой должности у якутовъ не было. Täгіны царями сдѣлались только въ VII столѣтіи.

Послѣ Омогоя (или какъ иные говорятъ«Омогонъ-бея») у якутовъ, по преданіямъ, были слѣдующіе *главные родоначальники*, потомки Эрь-Соготохъ-Эллея:

1) Экинь-абаганъ.
2) Дяньсикъ.
3) Дойдуса-Дарханъ.
4) Муннянъ-Дарханъ.
5) Тыгынъ.
6) Чаллай.

Чаллай воевалъ съ русскими и водилъ въ бой воиновъ сомкнутымъ строемъ. Его-то русскіе убили, сваливши на него навѣсъ со столбомъ. (Западный Кангаласкій улусъ, записалъ Н. Припузовъ. 1892 г.). Я знаю нѣсколько такихъ списковъ и всѣ они не согласны другъ съ другомъ. Должность всемогущаго *главнаго военачальника* или его идея могла возникнуть уже во время войнъ съ казаками въ подражаніе ихъ атаманамъ и затѣмъ

еще при Галкинѣ ушло на Вилюй и онъ напрасно за ними гнался въ продолженіи семи дней» [1]). Въ тоже приблизительно время появились якутскіе бѣглецы и въ Олёкминскомъ округѣ; наконецъ, не одинъ якутскій вождь былъ убитъ въ бою, казненъ, умеръ въ заложникахъ или отъ ранъ въ казематахъ якутскаго острога. Если все это приписывается Тыгыну, если о немъ такъ много говорится, если онъ называется *якутскимъ царемъ*, то только потому, что онъ былъ послѣднимъ представителемъ, послѣднимъ военнымъ вождемъ *Кангаласской родовой группы*. Эта группа, въ настоящее время улусъ, какъ ближайшая къ русской крѣпости, сильнѣе всего пострадала отъ русскаго набѣга и она упорнѣе другихъ ему сопротивлялась, чѣмъ и прославилась. До этого въ союзномъ якутскомъ совѣтѣ ни Тыгынъ, ни Кангаласкіе якуты не пользовались никакими особыми привиллегіями [2]). Когда Тыгынъ напалъ на Борогонцевъ, вождь ихъ, Бертъ-Хара, гнался за нимъ до Ленской долины, отбилъ награбленную добычу, скотъ и людей и заставилъ заключить вѣчный миръ [3]). То же случилось съ нимъ при нападеніи на Намскаго Чорбоха. Послѣ сраженія у кургана, что стоитъ у дороги между Кильдямской и Мархинской слободами, Чорбохъ взялъ у побѣжденнаго Тыгына, какъ откупъ, много скота, людей и красавицу дочь. (Намс. ул., 1890 г.). Отношенія между этими вождями не всегда были враждебныя. Тыгынъ, напримѣръ, кочевалъ по Намскому улусу, какъ по дружеской территоріи. Мнѣ разсказывали, что, посѣщая долину озера Тараханы (на правомъ берегу Лены въ 160 вер. отъ Якутска), онъ съ грустью ворожилъ: «вотъ, теперь здѣсь хорошо, а современемъ будетъ худо, ничего не останется, кромѣ болотъ и камышу, что и случилось»! (Намс. ул., 1890 г.). Тоже самое разсказывали о другой мѣстности Намскаго улуса Юрюнгь-кюёль, (на лѣвомъ берегу Лены, верстъ 180 отъ Якутска). Тамъ же, въ Намскомъ улусѣ показывали мнѣ утесъ на берегу Лены, съ котораго Чорбохъ, будто бы, не разъ весело перекликался съ стоящимъ на противоположномъ берегу Бертъ-Хара. Рѣка въ этомъ мѣстѣ образуетъ открытый плесъ, безъ острововъ, шириною верстъ восемь.

«Стоя на камняхъ, перекликались точно орлы!..» съ гордостью сообщалъ разсказчикъ. (Намс. ул., 1890 г.).

Когда появились русскіе, Тыгынъ послалъ къ Чорбоху и Бертъ-

могла быть якутскими разскащиками перенесена въ прошлое; такъ что къ разсказамъ о Тыгынѣ, *царь якутскомъ*, нужно относиться очень осторожно.

[1]) Фишеръ, стр. 368.

[2]) «Кангаласская волость», сказано у Фишера, «пребывала особливо въ упорности своей и многократно осаждала Якутскъ».

[3]) См. т. II, см. Худяковъ, стр. 150.

Хара пословъ съ просьбой о помощи. Бертъ-Хара отказалъ на томъ основаніи, что увидѣлъ вѣщій сонъ: лугъ, покрытый массой копенъ,—онъ понялъ, что это тѣла убитыхъ и покорился, сказавъ: «русскіе одолѣютъ». (Баягант. ул., 1886 г.). Другой варіантъ того же преданія гласитъ, что Бертъ-Хара не отказалъ въ помощи, но не могъ переправиться съ войскомъ черезъ Лену за неимѣніемъ лодокъ. (Намс. ул., 1890 г.). Наконецъ, есть варіантъ, по которому Лёгёй-тоёнъ—отецъ Бертъ-Хара — послѣ смерти Тыгынъ-тоёна, во время первой осады города, подошелъ къ башнѣ и подалъ на шестѣ чернобурую лисицу и соболя въ знакъ подданства. Послѣ того стали якуты говорить: «Лёгёй-тоёнъ продалъ насъ русскимъ» [1]). Всѣ эти преданія указываютъ, во-первыхъ, на солидарность въ дѣйствіяхъ, когда это было нужно, якутскихъ союзныхъ вождей, и во-вторыхъ, на небольшую ихъ другъ отъ друга зависимость. Всѣ они были равны и выше надъ ними стоялъ только союзный совѣтъ. Послѣдній, насколько я могъ себѣ уяснить, состоялъ также, какъ и родовой, изъ трехъ круговъ: въ первомъ засѣдали родоначальники-вожди бись-*уса*-тоёно и сесепы, во второмъ господа-собственники, тоёны, воины и витязи, батыри, въ третьемъ малосостоятельный простой народъ и молодежь. Роды размѣщались группами, каждая за своими представителями перваго круга, что и теперь замѣчается въ общихъ *улусныхъ* собраніяхъ, разъ они устроиваются на привольи, на открытомъ воздухѣ. Рѣшенія союза были единогласны и походили скорѣе на совѣтъ, чѣмъ на приказаніе. Они исполнялись по столько, по сколько соотвѣтствовали пониманію народа, проявившемуся во время обсужденія вопроса. Вотъ гдѣ въ рѣчахъ ораторовъ пріобрѣтало смыслъ слово ура*нгай*-саха, обнимающее всѣхъ якутовъ, все племя; вотъ гдѣ народился союзный кличъ уруй, — союзный богъ, «возсѣдающій на бѣломолочномъ тронѣ, Отецъ якутовъ Аи-Тоёнъ», а птица его орелъ, тоёнъ-кылъ, была принята за союзный знакъ. Отсюда почитаніе этой птицы, отсюда повсемѣстное теперь употребленіе крика уруй въ знакъ радости, призыва, угрозы. Отсюда рѣзкое отличіе культа Аи-тоёна и родственныхъ ему божествъ, отъ духовъ и божествъ шаманскихъ и ихъ мистерій. Въ честь первыхъ никогда не проливаютъ крови; вторые, прежде всего, антропофаги и кровожадные жестокіе духи. Имъ никогда не кричатъ ни айхалъ, ни уруй.

Кромѣ этихъ общихъ знаковъ и криковъ, каждый родъ и каждый второстепенный родовой союзъ имѣли свои знаки, «знамена или тамги», какъ ихъ называютъ воеводскія власти того времени, имѣли свои родовые кличи,

[1]) См. Худяковъ, стр. 53. Въ искаженомъ китайцами уйгурскомъ словѣ Танъ-юй, «высшій» не трудно угадать якутское тоёнъ. («Къ вопр. объ уйг.» В. В. Радлова, стр. 127).

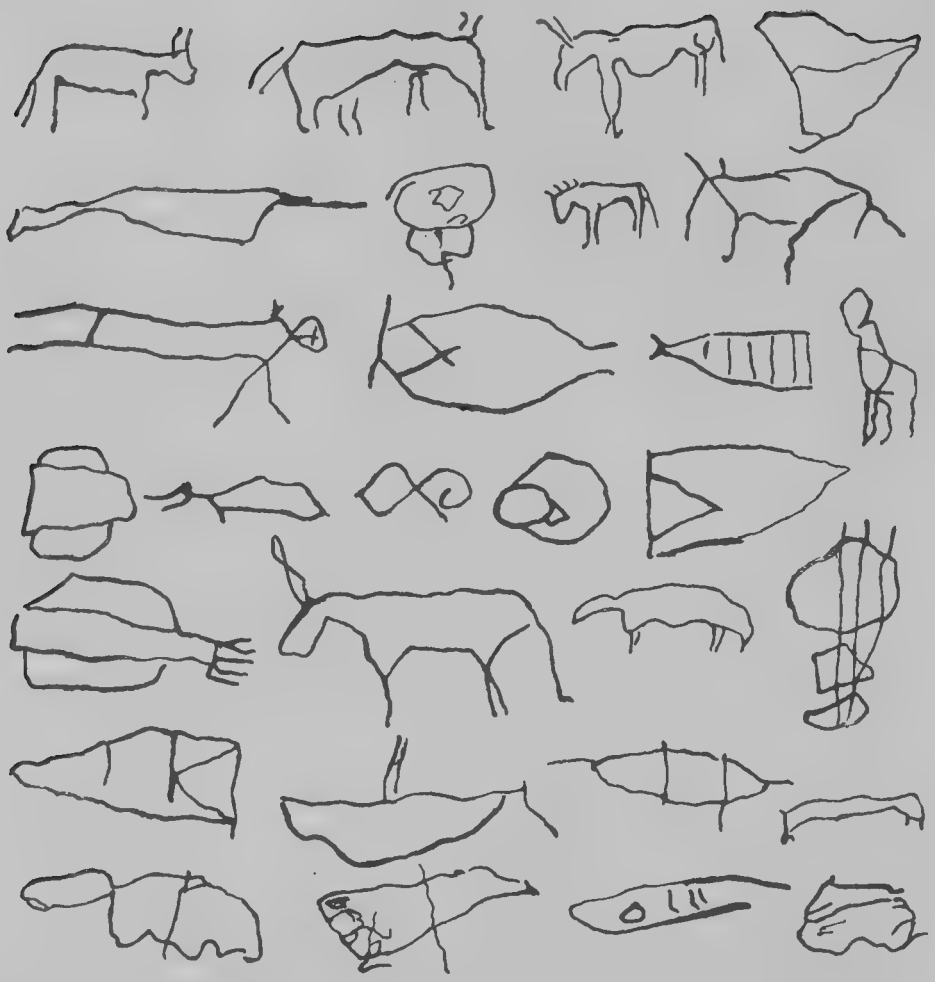


Рис. 130. Копіи якутскихъ тамгъ, снятыя съ оборота Кривогорницынскаго списка.

ранъ [1]), свои военныя пѣсни и прозвища. Эти кличи, пѣсни, формы и названія «знаменъ» совершенно забыты якутами. Разъ только случилось, что Колымскіе якуты Кангаласкаго рода сказали мнѣ, что знакъ ихъ въ старину былъ *беркутъ*, барылась [2]). Названія многихъ родовъ и союзовъ, какъ: Лисица—Сасылъ, Медвѣдь—Эсе, Венера—Чолбонъ, Желудокъ—Ись, Плѣшивый—Тарагай, Обжора—Мангысъ [3]) и т. п.,

[1]) Уранъ—родовой кличъ. Интересно, что оідуранъ—оттолосокъ, прекрасно переводится, если его разложить на оі—отдѣльно стоящій лѣсъ и уранъ—родовой кличъ выходитъ: *родовой кличъ отдѣльно стоящаго лѣса.* Для благозвучья вставлено между ними *д.*

[2]) Тогда же было мнѣ сообщено якутское нарицательное имя этого знака. Къ сожалѣнію, запись впослѣдствіи исчезла, а второй разъ я уже не встрѣтилъ человѣка, знающаго что-либо объ этомъ. По уйгур.: тамга, тамка. Padloff ibid. p. 125.

[3]) Чакыръ—кремень, Хатырыкъ—кора, Торбохъ—палецъ, Балай—слѣпецъ, Джюляй—глухой, ук кы—дятелъ, ронжа и т. п.

указываютъ приблизительно, какія могли быть у нихъ *знамена* [1]). Думаю, не безъ значенія также въ этомъ отношеніи любимыя якутами сравненія въ сказкахъ разныхъ должностныхъ лицъ съ птицами и звѣрями [2]). Относительно военныхъ пѣсенъ я записалъ вотъ что: «Въ старину богатыри выходили на бой съ пѣснями». (Намс. ул., 1891 г.). Затѣмъ, въ олонго герои передъ сраженіемъ обязательно поютъ пѣсни уничижительныя для противника, хвалебныя для себя. Какъ остатки этихъ пѣсенъ, мнѣ привели прозвища: «Кровавая твоя морда, Кангаласъ!..» «Вонючій Намъ!» «Бётюнскій волкъ!» Вырѣзанный Бырджики!..» и общее ругательное обращеніе: «черной крови, черномастый, черный песъ!» Прозвища эти и теперь еще такъ близко принимаются къ сердцу, что вслѣдъ за произнесеніемъ ихъ обыкновенно происходитъ драка. Все это сильно напоминаетъ то героевъ Иліады, то краснокожихъ Сѣверной Америки.

Не смотря на старательные розыски, я не могъ уяснить себѣ *детально* характера древнихъ якутскихъ родовыхъ союзовъ; для этого нужно ждать новыхъ, болѣе тщательныхъ изслѣдованій. Я только убѣжденъ, что они существовали задолго до пришествія русскихъ. Назывались они въ старину или бись ага уса [3]) или просто джонъ—народъ.

Бись довольно таинственно. «Бись все равно, что улусъ (бись улусъ керетя)»— разъясняли мнѣ якуты, но больше ничего не могли прибавить. (Намс. ул., 1891 г., Баягант. ул., 1885 г.). Что такое бись, можно судить только по апалогіи. Духи, вызываемые шаманами во время камланія, дѣлятся на три бись: верхній (небесный), средній (земной) и нижній (подземный). Каждый бись этихъ духовъ состоитъ изъ трехъ

[1]) Среди нихъ чаще всего встрѣчается *лукъ*, затѣмъ рогатый скотъ, лошади, рыбы.. Я приложилъ снимокъ болѣе интересныхъ знаковъ, скопированныхъ мною съ оборота Кривогорницынской отписки. Отмѣчу, что среди этихъ знаковъ не извѣстно какіе *родовые*, какіе *семейные* или *личные*; казаки не обращали на такія подробности вниманія; возможно что тамги были привилегіей нѣкоторыхъ, что у многихъ изъ подписывавшихся не было знаковъ, и они ихъ тутъ-же были принуждены *выдумать*. Въ якутской сказкѣ «Богачъ Боилытъ и бѣднякъ Бордо» разсказывается обрядъ отдачи въ рабы. Додой идетъ къ богачу Боилыту и предлагаетъ взять его въ рабы. Боилытъ выслушалъ, пожалѣлъ и сказалъ: «Хорошо, я тебя возьму и дамъ твоему отцу и братьямъ на прожитокъ, но ты поклянись, что будешь мнѣ вѣрнымъ слугой!» Додой согласился. «Ну ладно»—сказалъ Боилытъ — «*возьми теперь бересту и сдѣлай на ней свой клятвенный знакъ*»! Заторопился Додой, вытащилъ изъ ноженъ при бедрѣ костяной ножикъ и порѣзалъ имъ палецъ-мизинецъ, кровью онъ намазалъ конецъ ножа и написалъ имъ на берестѣ не то *копье*, не то просто *палку* и проговорилъ: «Съ сегодня чту тебя надъ собою владыкой!» Послѣ этого онъ поцѣловалъ окровавленный ножъ и, стоя на колѣняхъ, подалъ бересту Боилыту. (Сказка, записана Е. Борисовымъ въ Верхоянскомъ округѣ. «Очер. Сѣверо-Западной Монголіи», Г. Н. Потанина, выпускъ IV, стр. 641).

[2]) См. Худякова «Чирокъ и Беркуты», стр. 69, «Летающіе крылатые», стр. 73, см. Миддендорфа «Кумысныя пѣсни на ысыахѣ», стр. 802.

[3]) Смотри ниже. Худяковъ, стр. 129.

девятковъ родовъ (уса), каждый родъ изъ трехъ *девятковъ* особей [1]). (Баягант. ул., 1885 г. и Намс. ул., 1891 г.). Въ связи съ этимъ дѣленіемъ древняго бись находится, думаю, девятая степень кровнаго родства, описаннаго выше сыг, девять юношей, лицедѣйствующихъ въ родовомъ торжествѣ—ысыахѣ и еще кой-какія мелочи любимаго якутскаго девятисложнаго счисленія. Считаю также нужнымъ здѣсь напомнить дѣленіе тюркскихъ племенъ Алтая на три вѣтви и 24 соека (кости) [2]). Въ настоящее время слово бись совершенно вышло изъ употребленія, знаютъ его только шаманы, да сказочники, да знатоки старины. Выраженіе джонъ болѣе общее, значитъ: народъ [3]). Когда якуты хотятъ опредѣлить человѣка, то говорятъ его имя, затѣмъ добавляютъ названіе его рода и въ концѣ названіе его улуса или наслега, съ добавкой джоно, получается двусложное опредѣленіе, схожее съ опредѣленіемъ по родамъ и бисямъ. Говорятъ, напримѣръ: Григорій Опой-уола, Арчинга ага-уса, Намъ джоно,—сынъ Опоя, рода Арчинга, общества Намъ. Трехсложное офиціальное названіе—улусъ, наслегъ, родъ—нелюбимо якутами; они обязательно выбрасываютъ или улусъ или наслегъ, или оба эти названія, смотря по тому, съ кѣмъ говорятъ. Если говорятъ съ человѣкомъ своего наслега о членѣ своего же наслега или наслега хорошо знакомаго обоимъ, то говорятъ только имя рода; если говорятъ съ человѣкомъ другаго общества или мало знакомымъ съ данными родовыми дѣленіями, то пропускаютъ улусъ, если онъ того же улуса, или наслегъ, если онъ другаго улуса. Рѣже всего выбрасываютъ родъ, это допускается только въ очень общихъ опредѣленіяхъ; тогда обязательно говорятъ джоно: Кангаласъ джоно, Борогонъ джоно, Кангаласкаго улуса, Борогонскаго улуса *люди* или: Бётюнь джоно, Джюсалъ джоно, Жехсогонъ джоно—Бетюнскаго наслега, Юсальскаго наслега, Жехсогонскаго наслега *люди*. Я не слышалъ, чтобы уса, родъ, замѣняли словомъ джоно. Джоно употребляется преимущественно вмѣсто офиціальнаго «улусъ» и «наслегъ». Оба послѣднія названія, мнѣ кажется, чужды якутамъ. Наслегъ стало употребляться очень недавно, оно

[1]) См. Томъ II, глава «Вѣрованія», названія этихъ духовъ. Нѣкоторые утверждали, что эти роды состоятъ не изъ лицъ, а изъ гнѣздъ, названныхъ по имени главы и состоящихъ изъ цѣлаго сонма прислужниковъ, помощниковъ и борцовъ. Напомню девятисложное родовое счисленіе уйгуръ.

[2]) Отмѣчу также, что иногда *родъ, сородичи* называются у якутовъ аймага (см. стр. 228 этого сочиненія). Аймаками у монголъ называются родовые союзы, отвѣчающіе якутскимъ улусамъ. Сѣверные монголы Халха, подчиненные Уяссуптайскому генералъ-губернаторству, дѣлятся на четыре *аймака*: 1) Цеценъ-хана, 2) Тушету-хана, 3) Сайнъ-нойана и 4) Дзасакту-хана. (Г. Н. Потанинъ, «Очер. Сѣв.-Зап. Мон.», Вып. II-й. стр. 19).

[3]) У Минусинскихъ татаръ джонъ значитъ общество, община, міръ. По-монгольски джонъ—народъ (Böthling, стр. 123). Джоно тоже, что джонъ.

рускаго происхожденія и даже въ фонетическомъ отношеніи не успѣло достаточно отуречиться; до сихъ поръ оно чуждо якутской гортани и якутскому уху [1]). Слово улусъ тоже неизвѣстнаго происхожденія: оно распространено по всей Азіи и Сибири: есть и у монголъ, и у бурятъ, и у татаръ и у киргизъ, и даже у авганцевъ, но всюду обозначаетъ различныя понятія. По-монгольски оно — народъ, по-татарски — общество, а буряты и киргизы зовутъ улусомъ небольшія кучки вмѣстѣ живущихъ людей, что-то въ родѣ якутскихъ саилыкъ. Только у авганцевъ оно значитъ то же, что теперь у якутовъ [2]), именно: обширный родовой союзъ. Судя по выговору и неохотѣ, съ какой якуты его употребляютъ, я лично склоненъ думать, что оно иностраннаго происхожденія и появилось у якутовъ недавно. Вѣроятно, оно занесено сюда казаками съ запада и закрѣплено впослѣдствіи законодательными рескриптами. Замѣчательно, что «улусъ» долго въ офиціальныхъ бумагахъ имѣлъ тоже значеніе, что у бурятъ. Въ указѣ 1775 г. 31 генваря, значитъ въ концѣ прошлаго столѣтія, еще говорится: «*Мегинскія волости* первыя отъ Якутска улусы—20 верстъ». «*Борогонскіе волости* первые улусы—50 верстъ» и т. д. Въ болѣе древнихъ печатныхъ источникахъ теперешніе «улусы» называются сплошь и рядомъ «волостями». О якутскихъ «волостяхъ» говорится по поводу возмущенія 1633 г., а слѣдовательно, уже три года спустя послѣ перваго знакомства русскихъ съ якутами. Тамъ говорится, что Иванъ Галкинъ предпринялъ четыре похода «въ разныя якутскія волости». Ниже, въ сообщеніи, относящемся къ 1634 г., говорится, что *Кангаласская волость* пребывала въ особой упорности [3]). Въ отпискѣ ясачнаго сборщика Григорія Кривогорницына на 1671 годъ поименованы «волости»: Мегенская, Батурусская, Намская, Борогонская, Кангаласская, всѣ онѣ теперь именуются улусами. Тамъ «волостями» названы также нѣкоторыя группы помельче, напримѣръ, Одейская—нынѣ 2 наслега Намскаго улуса, Силанская—нынѣ наслегъ Батурусскаго улуса [4]). Игидейская—2 наслега въ Баягантайскомъ улусѣ и 2 въ Батурусскомъ и т. д. У Стралленберга эти «волости» названы почему-то племенами и насчитано ихъ десять: 1) Borogoviska—Борогонская, теперь улусъ; 2) Baitungski—Байдунскій, теперь 3 наслега Верхоянскаго улуса, 2 Эль-

[1]) Возможно, впрочемъ, что оно усвоено казаками отъ тунгусовъ и происходитъ отъ слова и ю л г ъ, которымъ эти обозначали разстояніе въ 8—10 верстъ (см. 220 стр. этого сочиненія.

[2]) Миддендорфъ, стр. 570.

[3]) Фишеръ, стр. 366 и 368.

[4]) По Фишеру «Сылапе или Зиланы» жили гдѣ-то надъ Амгой и Алданомъ, теперь наслегъ того имени лежитъ вдали отъ обѣихъ рѣкъ по серединѣ Амгинско-Ленскаго плоскогорія, по Охотскому тракту, въ верховьяхъ рѣкъ Тея и Солобутъ.

гетскаго и 2 Колымскаго улуса; 3) Badys — теперь такъ зовутъ иногда одинъ изъ родовъ Намскаго улуса—(Бадамъ—ихъ два); 4) Jock-Soyon—Жехсогонъ—нынѣ 4 наслега Батурусскаго улуса; 5) Menga—Менге—Мегенскій улусъ; 6) Kangalas—Кангаласкій улусъ; 7) Namin—Намскій улусъ; 8) Bathuruski—Батурусскій улусъ; 9) Lugoi—Люгой—Лючинскій наслегъ Средневилюйскаго улуса; 10) Bolugur—Бологуръ—3 Бологурскіе наслега Батурусскаго улуса. У Ремезова перечислено въ его прибавленіи къ атласу семь волостей.

Въ Воеводскомъ наказѣ подъячему Евдокиму Кюрдюкову «лѣта 7193 (1685 г.)» именуются «волости» на Амгѣ и Кататтѣ [1]): Батуруская, Сылакская, Скороульская, Батулинская, Магаская, Баягантайская, Игидѣйская и Водайская [2]).

У Георги впервые «волости» называются «улусами» и дѣлятся въ свою очередь на «волости», соотвѣтствующія теперешнимъ «наслегамъ». Приведенныя Георги названія совершенно тождественны съ теперешними.

Эта тождественность многихъ названій и появленіе ихъ чуть ли не въ первыхъ свѣдѣніяхъ о якутахъ, позволяетъ утверждать, что многіе теперешніе улусы и наслеги, несомнѣнно имѣютъ въ своей основѣ *былые родовые союзы*. Съ другой стороны, постоянное смѣшеніе улусовъ съ наслегами вплоть до переписи 1750 года, когда началось якутское землеустройство, отсутствіе якутскаго слова для опредѣленія группы «наслегъ», включеніе въ одни и тѣже улусы наслеговъ завѣдомо съ собою враждовавшихъ, какъ напримѣръ Бётюнъ и Одей Намскаго улуса, указываетъ на нѣкоторую искусственность настоящаго якутскаго уклада и несоотвѣтствіе его тройственнаго офиціальнаго дѣленія съ прежнимъ родовымъ. Если обратиться къ якутскимъ преданіямъ, то въ нихъ находимъ ясныя указанія только относительно *двойной группировки* націи: по родамъ и родовымъ кровнымъ союзамъ.

«Всѣ мы якуты дѣти одного Бѣлаго Творца Господа... а роды наши отъ предковъ, эбюгэ». (Намс. ул., 1888 г.).

—«Происходимъ отъ одного предка, эбюгэ. Наслеги получили названіе отъ именъ нашихъ прадѣдовъ, а роды отъ ихъ сыновей, которые разбрелись въ разныя стороны. И хотя мы не родственники по тѣлу и крови, но одного происхожденія...» (Нам. ул., 1890 г.).

«Мы называемъ Намъ потому, что нѣкогда здѣсь жилъ старикъ Намъ—такъ и другіе наслеги». (Намс. ул., 1891 г.).

—«Въ старину богатыри, сражаясь, такъ прозывались: Бёрёляхъ Бё-

[1]) Несомнѣнно описка—ко-татта. Татта—рѣчка, впадающая въ Алданъ, течетъ по Батурусскому улусу.

[2]) Акты историческіе, стр. 192.

тюнь (Волчьей породы Бётюнъ), Кусаганъ эмяксинъ уола, Кусаганъ ыэлъ!. (Худой старухи сыновья—худые сосѣди); Намъ-тӧрдӧ Намнаха эмаксинъ!.. Намъ... (корня Намъ!.. старухи Намнаха!.. Намъ...) Модутъ!.. Хатырыкъ!..» (Намс. ул., 1891 г.).

—«Всѣ мы одного происхожденія, а наслегъ и роды—будто ладонь и пальцы», объяснялъ мнѣ одинъ якутъ, широко растопырив руки. Подробно объяснить, какъ это случилось и что было раньше, наслегъ или родъ, онъ не могъ, а объяснить, откуда взялись «улусы», совсѣмъ отказался. (Утюхтюй—Баягантайскій ул., 1886 г., показаніе старика Туса, прозвище).

—«Роды и наслеги отъ предковъ, а улусы, должно быть, ревизія устроила», получалъ я чаще всего въ отвѣтъ. Нѣкоторые утверждали, что устроилъ ихъ «сенатъ». (Намс. ул., 1891 г.). Я склоненъ думать, что преданія эти до нѣкоторой степени согласны съ истиной. До пришествія русскихъ, якутскій народъ распадался на джоны или биси, а эти состояли изъ родовъ. Джоновъ было значительно больше, чѣмъ теперь «улусовъ»; ихъ-то и называли казаки «волостями». Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ было значительно меньше, чѣмъ теперь «наслеговъ», такъ какъ многіе джоны раздробились; части ихъ измѣнили названіе и многіе роды выросли и превратились при благопріятныхъ условіяхъ въ наслеги. Иные превращенія совершились на памяти живущихъ; и такъ: мнѣ говорили, что напримѣръ, наслеги Атамай и II-й Одей (Хоро) очень недавно считались еще родами. «Наслегъ Алтанскій, Тарагайскій и Мойрутскій нѣкогда составляли одну группу Моруку, считались *родами* ага-уса и только 150 лѣтъ, какъ превратились въ наслеги». (Показаніе И. И. Попова, Мегенскій улусъ). Въ иныхъ случаяхъ о такихъ превращеніяхъ свидѣтельствуютъ самыя названія, какъ: Бяртъ-уса (Борогон. ул.), что значитъ наслегъ изъ рода Бярть или Бертъ—знаменитаго якутскаго вождя. Оюнъ-уса (Намс. ул.), что значитъ наслегъ изъ рода «шамана». Наконецъ, многіе наслеги перемѣнили названія, и такъ: изъ 6 волостей Намскаго улуса, называвшихся, какъ это сообщаетъ Георги, Намъ, только одинъ наслегъ удержалъ это прозвище и то только въ просторѣчіи; официально онъ зовется Хатынгарискимъ (Березовый островъ); да еще есть наслегъ Намъ въ Верхне-вилюйскомъ улусѣ. Исчезли многочисленные нѣкогда Хоринскія волости. Изъ трехъ Хоро, числившихся нѣкогда въ Кангаласкомъ улусѣ, остался всего одинъ; одинъ остался въ Борогонскомъ, да появился одинъ новѣйшаго происхожденія въ Суптарскомъ улусѣ Вилюйскаго округа. Наслегъ Намскаго улуса, называемый въ просторѣчіи Хоро, официально уже зовется теперь Одейскимъ. Изъ 7 волостей Борогонъ, Борогонскаго улуса,

не осталось въ немъ ни одного наслега съ этимъ названіемъ. Вообще можно принять за правило, что въ теперешнихъ улусахъ нѣтъ одноименныхъ съ нимъ наслеговъ, какъ это, повидимому, бывало раньше. Исключеніе представляетъ Баягантайскій улусъ, гдѣ есть четыре Баягантайскихъ наслега. Улусъ этотъ по земельному простору и по своей отъ Якутска отдаленности, менѣе другихъ подвергся русской земельно-административной регламентаціи. Онъ отличается еще обиліемъ родовъ и ихъ небольшими размѣрами. Изъ нихъ только одинъ, Омёконъ-Борогонскій, совершенно оторванный отъ своей метрополіи и отдѣленный отъ нея 500 верстн. разстояніемъ, горами, долами и безлюдной пустыней, выросъ до значительныхъ размѣровъ полуторы тысячи душъ и не подвергся дроблепію. Онъ одинъ и «выполняетъ собою» (толорбутъ), по якутскому выраженію, особый наслегъ того же имени.

Величина большинства остальныхъ *родовъ* этого улуса колеблется между 30 и 200 душъ, т е. подходитъ къ величинѣ древнихъ предполагаемыхъ мною якутскихъ родовъ, основанныхъ на коллективномъ лошадиномъ хозяйствѣ.

Исчезновеніе изъ теперешнихъ улусовъ одноименныхъ съ ними наслеговъ можно объяснить или замѣной ихъ имени другимъ, ради практическихъ удобствъ, чему примѣръ видимъ въ Намскомъ улусѣ, или эмиграціей, вѣрнѣе: совмѣстно тѣмъ и другимъ. И такъ, если въ Кангаласкомъ улусѣ нѣтъ ни одного Кангаласкаго наслега, то зато цѣлые шесть ихъ разсыпано по другимъ улусамъ. Одинъ изъ нихъ Мархинскаго улуса Вилюйскаго округа даже очень крупный, достигаетъ 2300 душъ об. пола, что встрѣчается только въ старыхъ наслегахъ. Затѣмъ, часть исчезнувшихъ изъ Борогонскаго улуса «борогонскихъ волостей» можно, думаю, отыскать въ числѣ 3 Борогонскихъ наслеговъ, разбросанныхъ по одному въ улусахъ: Баягантайскомъ, Верхоянскомъ и Колымскомъ. Замѣчательно, что всѣ улусы, содержащіе одноименные съ другими улусами наслеги—новѣйшаго происхожденія, и образованы, какъ это дознано, путемъ позднѣйшей эмиграціи.

Какъ на остатокъ старины, укажу на существующія во всѣхъ безъ исключенія улусахъ болѣе или менѣе крупныя родовыя группы, родовая связь которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. У нихъ есть одно общее имя и всегда почти ясное и свѣжее преданіе объ общемъ нѣкогда происхожденіи. Теперь онѣ обыкновенно называются наслегами съ добавленіемъ для отличія: первый, второй, третій и т. д. Дѣленіе это позднѣйшее и офиціальное, что доказываетъ русское названіе порядковыхъ чиселъ, усвоенное для нихъ якутами: пербый, оптороі, ытретій... и тому по-

добныя. Вотъ эти-то группы наслеговъ представляютъ, по моему мнѣнію, подобіе былыхъ джоно. Многія изъ нихъ и по сейчасъ называются якутами не иначе, напр., Бологуръ джонъ—3 Бологурскіе наслега Батурусскаго улуса; Байдунъ джонъ—7 наслеговъ въ 3-хъ сѣверныхъ улусахъ; Жехсогонъ джонъ... и т. п. Самая крупная изъ подобныхъ одноименныхъ группъ будетъ въ настоящее время: Джарханъ—Жарханскіе наслеги Сунтарскаго улуса, въ ней 7.573 душъ обоего пола Она, совмѣстно съ наслегами того же названія въ сосѣднемъ ему Мархинскомъ улусѣ, составляетъ самый многочисленный джонъ, включающій 41 родъ, разбитыхъ на пять наслеговъ; въ общей сложности въ немъ 11.000 душъ. За нимъ слѣдуетъ джонъ Мальджагарскій Западно-Кангаласкаго улуса, состоящій изъ 20 родовъ, разбитыхъ на 5 наслеговъ: въ немъ 7.152 души об. пола и одинъ Мальджагарскій наслегъ Олёкминскаго улуса изъ 8 родовъ съ 2.088 душъ населенія. О группахъ этихъ упоминаетъ, между прочимъ, Георги. Затѣмъ идетъ Бордонская группа Сунтарскаго и Мархинскаго улусовъ—38 родовъ, четыре наслега,—8.256 душъ, Хатылинская въ Бутурускомъ улусѣ—18 родовъ, 4 наслега, и въ Жиганскомъ улусѣ—4 рода, въ столькихъ же наслегахъ, въ итогѣ—6.671 душа. Наконецъ, есть болѣе мелкія группы, заключающія немногимъ свыше 4.000 д. или около этого. Къ нимъ принадлежатъ: Баягантайская — (94 рода, 4 наслега), Жехсогонская (15 родовъ, 4 наслега), Меитская (19 родовъ, 2 наслега), Нахарская (9 родовъ, 2 наслега), Удюгейская (9 родовъ, 4 наслега), Мельжахсинская (16 родовъ, 3 наслега) и другія. О четырехъ первыхъ упоминаетъ Страленбергъ и Георги.

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ даже косвенно заключить по этимъ примѣрамъ о величинѣ и дѣленіяхъ древнихъ джоновъ.

Величина джона колебалась въ прошломъ въ довольно широкихъ предѣлахъ. Она, нужно полагать, зависѣла отъ трехъ взаимодѣйствующихъ элементовъ: а) отъ географіи, занятой джономъ территоріи: близости и размѣра пастбищъ, соотвѣтствія между лѣтними и зимними кормовищами, глубиною снѣга, и направленіемъ господствующихъ вѣтровъ и т. п.; б) отъ экономическаго положенія джоновъ, количества скота, возможности рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, обилія подъ рукой съѣдобныхъ корней, сосны и т. п., наконецъ в) отъ напряженія родоваго чувства, поддерживаемаго большей или меньшей необходимостью взаимопомощи, защиты, поддержки, близости враговъ и иноземцевъ, присутствіемъ въ прошломъ крупныхъ, выдающихся личностей и обилія геройскихъ традицій. Сообразно комбинаціямъ этихъ элементовъ измѣнялась величина джона. Были джоны большіе, были и маленькіе, были состоящіе

изъ многихъ родовъ, были и бѣдные родами. Это разнообразіе размѣровъ джоны оставили въ наслѣдіе и *наслегамъ*... Есть наслеги, какъ 1-й Нахарскій, 1-й Малтанскій, Алтанскій, Майрутскій, 3-й Хатылинскій, 2-й Меитскій, 2-й и 3-й Жахарскій, 1-й Бордонскій и т. п. въ двѣ даже три тысячи душъ, и есть наслеги, какъ Кугдинскій, Батулинскій, Эгинскій—въ 100, въ 70, даже въ 50 душъ. И тѣхъ и другихъ не мало. Отмѣчу кстати, что въ мѣстахъ южныхъ, богатыхъ и изстари насиженныхъ, наслеги многолюднѣе, чѣмъ на сѣверѣ, въ мѣстахъ бѣдныхъ и новыхъ. Тамъ за то какъ будто крупнѣе, а главное—*равномѣрнѣе* величина родовъ. По офиціальнымъ даннымъ наслеги въ 1000 и болѣе душъ составляютъ на югѣ 60%, между тѣмъ, какъ въ улусахъ, лежащихъ на сѣверѣ, за каменной грядой, за исключеніемъ Омёконъ-Борогонскаго, нѣтъ такихъ наслеговъ, а величина большинства колеблется между 100 и 500 душъ. По количеству родовъ наслеги представляютъ такое же разнообразіе: есть наслеги, состоящіе изъ одного, двухъ родовъ, и есть наслеги изъ 10—12 даже родовъ, причемъ это не стоитъ въ связи съ количествомъ душъ въ наслегѣ; наоборотъ, можно принять за правило, что *чѣмъ больше въ наслегѣ родовъ, тѣмъ роды эти мельче* [1]).

Судить въ каждомъ данномъ случаѣ о причинахъ, создавшихъ тѣ или другіе размѣры наслега, довольно трудно. Тутъ—историческія традиціи, и закрѣпленіе якутскихъ родовыхъ дѣленій въ канцелярскихъ спискахъ, и экономическія стимулы сплетались въ сложный узелъ. Иногда стремленіе къ дробленію было вызвано разбросанностью, отсутствіемъ въ

[1]) На 188 наслеговъ, расположенныхъ въ Якутскомъ, Вилюйскомъ и Олёкминскомъ округахъ, по офиціальнымъ даннымъ числится наслеговъ, состоящихъ:

изъ	1	рода	2 наслега.
»	2	»	14 »
»	3	»	58 »
»	4	»	59 »
»	5	»	17 »
»	6	»	9 »
»	7	»	7 »
»	8	»	3 »
»	9	»	5 »
»	10	»	2 »
»	11	»	0 »
»	12	»	3 »
»	13	»	1 »
»	14	»	1 »
»	19	»	1 »
»	34	»	1 »
»	43	»	1 »

Относительно величины родовъ смотри приложеніе въ концѣ книги: «Вѣдомость Олёкминскаго округа».

извѣстное время, путей сообщенія, неудобствомъ собирать подати и отправлять повинности [1]), а иной разъ вопреки всѣмъ разумнымъ причинамъ наслегъ удерживалъ единство и платился за него большой тратой времени и и труда. Сборщикамъ податей (десятникамъ) приходилось проѣзжать три, четыре раза въ годъ десятки, даже сотни верстъ, не менѣе далеко приходилось отлучаться изъ дому выборнымъ лицамъ, а родовичи на сходки, на судъ, для отправленія натуральныхъ повинностей, ходятъ, случается, за тридевять земель. Тѣмъ не менѣе наслегъ не дробится. Есть маленькіе наслеги, не больше любого рода, которые остались наслегами въ силу развѣ родовой традиціи, какъ осколки древняго джона. Мнѣ говорили, что наслегъ Кугдинскій, одинъ изъ самыхъ маленькихъ наслеговъ амгинско-ленскаго плоскогорія былъ нѣкогда многолюднымъ, но оспа въ началѣ этого столѣтія почти поголовно истребила его; не смотря на малочисленность, ему нельзя присоединиться къ сосѣднему наслегу, хотя это было бы пожалуй и выгодно. «Почему?» «Нельзя! Какъ то... неловко»! Въ Кугдинскомъ наслегѣ всего одинъ Кугдинскій родъ численностью въ 120 душъ, но «черезъ чуръ свѣжо преданіе». Въ Куринскомъ наслегѣ Верхоянскаго улуса образовались два отдѣльные экономическіе центра, отдѣленные другъ отъ друга чуть ли не 500 верстнымъ разстояніемъ, но родовая связь между ними еще не порвалась, тоже, нужно думать, благодаря свѣжести родовыхъ преданій; они не образовали отдѣльныхъ наслеговъ, не смотря на неудобства. Но такихъ примѣровъ меньше, чаще видимъ обратное. Большія разстоянія заставили на сѣверѣ каждый отдѣльный родъ образовать особый наслегъ. Даже родственныя группы, какъ напр. Джюсалъ, которыя несомнѣнно раньше составляли одинъ джонъ, тамъ разбились на наслеги того же названія, по родамъ: первый, второй, третій, четвертый.

Всѣ сѣверные наслеги образовались путемъ эмиграціи; сюда приходили одновременно представители разныхъ джоно, что подтверждаютъ ихъ названія, часто тождественныя съ названіями «волостей», упоминаемыхъ въ старинныхъ казацкихъ отпискахъ, какъ напр. Кангаласъ, Намъ, Байдунъ, и т. п. Опредѣленныя родовыя группы, въ силу присущаго имъ стремленія къ равноправности, при переписи заставляли заносить себя въ ревизскія сказки, какъ наслеги. На югѣ это имѣло мѣсто далеко не въ такой мѣрѣ, потому что тамъ вмѣшательство воеводскихъ властей, преслѣдующихъ исключительно фискальныя и административныя цѣли, было значительно сильнѣе, наконецъ потому, что жизнь и родовыя отношенія были тамъ значительно сложнѣе, чѣмъ въ новыхъ мѣстахъ.

---

[1]) Роды, желающіе образовать особые наслеги, обыкновенно въ своихъ прошеніяхъ властямъ указываютъ на эти именно причины.

«Свое названіе наслегъ получилъ отъ того рода, который считался старшимъ по происхожденію...» говоритъ по поводу наименованія наслеговъ Маакъ [1]). Тоже самое можно бы сказать объ улусахъ: они при своемъ образованіи получали названіе отъ самыхъ вліятельныхъ джоновъ—въ рѣдкихъ случаяхъ отъ мѣстности, гдѣ эти джоны кочевали.

Устройство сѣверныхъ улусовъ—Верхоянскаго, Устьянскаго, Эльгетскаго, Жиганскаго, Колымскаго — интересно еще своимъ двусложнымъ укладомъ. Наслегъ и родъ тамъ *одно и тоже*, и посредствующее звѣно между родомъ и родовымъ союзомъ, такимъ образомъ, выброшено. Тамъ есть только «улусъ» и родъ, какъ въ старину былъ только джонъ или бисъ и элементарная ихъ часть — *родъ*. Конечно, сѣверный улусъ отличается отъ древняго джона нѣкоторой искуственностью, разномастностью своихъ родовъ, но тенденція группировки въ два круга выражена въ нихъ совершенно ясно.

И такъ, нужно думать, что въ старину было только два *кровные родовые* круга, уру [2]): ага-уса образовали «народы» — джонъ. Союзы послѣднихъ считались уже не кровными, а договорными—эелляхъ [3]).

Насколько эти союзы были иногда крупны, можемъ судить по тому, что въ битвѣ въ 1634 году, на правомъ берегу Лены, въ которой атаманъ Галкинъ былъ разбитъ и потерялъ всѣхъ своихъ лошадей, принимало участіе 600 якутскихъ воиновъ подъ началомъ князя Мымака [4]). Того же года въ январѣ якуты обложили острогъ и продержали его въ осадѣ нѣсколько мѣсяцевъ, что тоже требовало огромнаго количества людей и прекрасно организованной доставки провіянта.

Подчиненіе наслеговъ улусамъ на *родовыхъ основаніяхъ*—позднѣйшее, русское нововведеніе. Эта группировка прикрыла собою старый родовой порядокъ; возможно, что дѣленія ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ совпали, но въ общемъ обѣ системы сильно разнились. Въ новѣйшее время выступило на первый планъ землепользованіе и окончательно грозитъ смыть старые родовые принципы.

До пришествія русскихъ понятія о территоріи были у якутовъ крайне смутны, а понятіе о границахъ и поземельной собственности даже совершенно отсутствовало. Тамъ, гдѣ много еще земельнаго простора, гдѣ нѣтъ скотоводства или оно незначительно, поземельная собственность внѣ того участка, который находится въ непосредственномъ пользованіи вла-

[1]) Часть III, стр. 39.

[2]) äl по уйгурски: общность происхожденія «Die alttür. Inschr». W. Radloff, II, p. 93.

[3]) Я слышалъ въ Колымскомъ улусѣ, какъ уру называли усѣвшихся въ кругъ для совѣта людей; уру называютъ также свадьбу.

[4]) Фишеръ, 367.

дѣльца, непонятна (Колым. ул., 1883 г.). Собственность на лѣсъ, на пустоши, на никѣмъ не занятые дѣвственные луга кажется дикой, и мнѣ съ трудомъ удалось основы ея разъяснить колымскимъ якутамъ.

«Глупые, совершенно глупые люди», толковали они: «кто-же станетъ покупать лѣсъ, когда его такъ много, кто-же за нимъ погонится!» (Колым. ул., 1883 г.).

Въ Устьянскѣ долго не могли якуты понять моихъ разспросовъ о границахъ ихъ улуса и наконецъ отвѣтили:

— «Границы спрашиваешь? А кто ихъ знаетъ! А мы думаемъ такъ: наши земли тамъ, гдѣ живутъ наши люди». (Устьянскій ул., 1882 г.).

Теперь на югѣ во многихъ улусахъ земли наслежныя и улусныя строго разграничены; на границахъ поставлены столбы съ клеймами, на деревьяхъ подѣланы засѣки, выкопаны ямы, насыпаны бугры.

Въ старину мирные эеляхъ джоны кочевали вмѣстѣ и есть преданія, указывающія, что Камаласцы, напримѣръ, кочевали въ глубинѣ Намскаго улуса, заходили на Алданъ, что Мегенцы заходили въ Борогонскій улусъ и обратно. По всей вѣроятности каждый джонъ имѣлъ свои излюбленныя кочевья, признанныя за нимъ въ силу давности и постояннаго въ немъ пребыванія. Въ то время было много пастбищъ пустующихъ, посѣщаемыхъ только мимоходомъ или въ исключительно неудачные года. Въ смутное время туда удалялись разные бѣглецы, на время или навсегда; они прорубали дороги, расчищали тропы, ставили жердяные остовы урасъ и такимъ образомъ основывали новую кочевую стоянку, суртъ, или даже цѣлую ихъ систему. Понятіе территоріи, какъ чего то строго опредѣленнаго, отсутствовало; если пастбище было достаточно обширное, чтобы прокормить стада нѣсколькихъ родовъ, то хотя бы роды эти принадлежали къ разнымъ джопамъ, они строили свои урасы въ разныхъ концахъ поля и жили мирно подъ защитой признанныхъ обычаевъ. Если не сладили, уходилъ слабѣйшій. Все это на окраинахъ и теперь происходитъ. Точно также и теперь нерѣдко уходитъ тамъ якутъ съ насиженнаго гнѣзда — «отъ сосѣдей». Только тогда, ввиду преобладанія коннаго скота, все это совершалось легче и быстрѣе. Съ ростомъ населенія, съ переходомъ къ культурѣ рогатаго скота, возникъ земельный вопросъ. По всей вѣроятности, въ началѣ якуты пробовали рѣшить его на основаніи своихъ старинныхъ родовыхъ обычаевъ, слѣды чего сохранились и до сихъ поръ. Въ тоже время къ нему примѣшались вопросы податной и административный, и до того спутали все дѣло, что рѣшеніе его стало не подъ силу отдѣльнымъ родамъ и джопамъ. Осѣдлость увеличилась, экономическій базисъ медленно пе-

редвигался отъ лошадинаго къ рогатому скоту; на рынкѣ появилось новое богатство въ видѣ сѣна и новый товаръ въ видѣ масла; звѣрь исчезъ и отлучаться ради промысла за нимъ приходилось очень далеко. Прежнее обложеніе каждаго способнаго къ охотѣ извѣстнымъ количествомъ пушнины, стало чрезвычайно тягостнымъ и разорительнымъ для населенія; выгоднымъ оно было только для всякихъ переторговцевъ и сборщиковъ. Нужда, недовольство, броженіе росли, недоимки не въ мѣру увеличивались, указывая на страшное истощеніе платежныхъ средствъ народа. Воеводскія канцеляріи того времени завалены жалобами на всякаго рода тягости, притѣсненія, незаконные поборы своихъ и пришлыхъ. Рядомъ тутъ же попадаются жалобы на насильственный захватъ земель и превышеніе власти со стороны родоначальниковъ. Дѣло въ томъ, что эти новоиспеченные «князья» и «князьцы» [1]) назначаемые или, по крайней мѣрѣ, утверждаемые воеводскими властями и поддерживаемые ими въ качествѣ ясачныхъ сборщиковъ, вдругъ забрали небывалую силу и, подъ защитой взятокъ да кумовства, стали творить надъ своими сородичами всякую неправду. Кромѣ злоупотребленій въ сборѣ податей, они еще стремились захватить лучшіе участки земель въ частную собственность.

«До того дошло, что господа стали землю наравнѣ со скотомъ и рабами отдавать въ приданое за дочерьми», разсказывали мнѣ о тѣхъ временахъ якуты. (Нам. ул., 1890 г.).

—«Знаешь островъ Харыялахъ Кусагаппельскаго наслега? Тамъ живутъ также якуты Хамагатинскаго наслега, рода Сыали. Ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ Кусагаппельскіе земли и сосѣди. Весь этотъ родъ произошелъ отъ одной Кусагаппельской дѣвки, которую отецъ, богатый и сильный человѣкъ, отдалъ замужъ за Хамагатинскаго якута. Онъ, говорятъ, дочку очень любилъ, и потому не хотѣлъ далеко отъ себя отпускать. И вотъ далъ зятю *землю*, чтобы тотъ вблизи отъ него поселился. Произошло это давно. Изъ за этой земли Кусагаппельцы съ Хамагатинцами долго тягались и ссорились. Доходило дѣло даже до сената, но Кусагаппельцы земли обратно все-таки не получили: одинъ князь, подкупленный Хамагатинцами, сжегъ «вѣдомость» (бедеместь). Вотъ и осталась земля за дѣтьми этой дѣвки. И названіе ея родъ получилъ: сыаля ага уса—*родъ женскихъ штановъ*». (Намс. ул., 1891 г.).

Въ жалобахъ XVII вѣка и начала завоеванія нѣтъ еще указаній на земельную неурядицу; тамъ всего больше жалуются на неправильный сборъ,

[1]) Слово «князь» у якутовъ русское слово; понятіе соотвѣтствующее этому титулу не менѣе чуждо имъ.

ясаку, на угрозы. побои, похищеніе скота и «всякія злыя умыслы» своихъ соплеменниковъ; только съ половины XVIII столѣтія жалобы на захватъ земель выступаютъ на первый планъ. Правительство принялось за землеустройство якутовъ, отчасти чтобы прекратить возникающіе вслѣдствіе этого безпорядки, отчасти чтобы обезпечить и упорядочить взиманіе ясаку, «который собирался съ неимовѣрнымъ произволомъ и ужасными злоупотребленіями» [1]), разворовывался, подмѣнивался утаивался «и въ томъ воровствѣ учинялся Великихъ Государей въ казнѣ великій недоборъ и въ оцѣпкѣ недоцѣнку великую, и ясачныхъ людей разореніе и грабили и налоги и обиды имъ чинили» [2]).

На своихъ чиновниковъ московскія канцеляріи надѣялись воздѣйствовать угрозами: «казнить смертью, безо всякіе пощады и животы ихъ имать всѣ на Великихъ Государей безъ остатку, а въ малыхъ дѣлахъ велѣно чинить наказаніе: бить на козлѣ кнутомъ и въ проводку и животы ихъ имать на Великихъ Государей всѣ безъ остатку, а самихъ ихъ ссылать въ Даурскіе остроги...», что хотя тщетно, но многократно приводилось въ исполненіе. Но когда стали, въ свою очередь, красть, подмѣнивать и утаивать ясакъ сами якутскіе «князцы» и «именитые улусные люди», правительство увидѣло, что ему неизбѣжно слѣдуетъ измѣнить систему обложенія ради лучшаго контроля и огражденія плательщиковъ отъ окончательнаго разоренія. Тогда-то оно и обратило вниманіе на обострившійся земельный вопросъ.

Издавна, чуть ли не съ первыхъ годовъ завоеванія, постоянно составлялись «доходные росписи и регистры» ясачнымъ людямъ «съ подростки и захребетники» съ болѣе или менѣе точнымъ указаніемъ ихъ платежныхъ силъ, «доимокъ скотовъ и животовъ» и «женъ съ малые дѣти», при чемъ назывались имя, отчество и *волость* каждаго. Въ переписи 1750 года, уже волости эти были разбиты на *улусы*. Какъ эти группы именовались вначалѣ русскими—не важно; о томъ, какъ они именовались якутами, мы говорили выше. Такимъ образомъ, получились предварительныя основы для описи и межовки земель. Для производства окончательнаго устройства назначена была «комиссія», во главѣ которой былъ поставленъ Миронъ Мартыновичъ Черкашенниковъ, бывшій съ 1764 по 1766 годъ якутскимъ воеводою и оставившій этотъ постъ для приведенія въ порядокъ ясачныхъ дѣлъ якутовъ [3]).

Имъ были составлены точныя описанія заселенныхъ мѣстъ съ поимено-

[1]) Маакъ, часть III, стр. 140.

[2]) Акты историческіе, за 1676 по 1700 г., стр. 198.

[3]) Памятная книжка Якутской обл. за 1863 г., стр. 191.

ваніемъ жителей. Въ каждомъ документѣ, составленномъ этой комиссіей, названы точно: озера, рѣки и лѣсныя прогалины и обозначено количество пушного звѣря, слѣдующее за пользованіе даннымъ «урочищемъ» [1]). Многіе изъ этихъ документовъ сохранились до сихъ поръ и донедавна служили единственнымъ источникомъ для рѣшенія поземельныхъ споровъ. О нихъ это говорятъ преданія, называя ихъ «бедеместь» (вѣдомость) или «Миронъ-комиссія» [2]).

Черкашенниковъ былъ человѣкъ рѣдкой честности и ума для воеводъ того времени и оставилъ въ народѣ хорошую по себѣ память. Въ основу якутскаго землеустройства, онъ положилъ русскую общину и она наложила сильный отпечатокъ на якутское землевладѣніе. Теперь роды, наслеги, улусы—это собственно земельныя общины восходящаго и нисходящаго порядка, гдѣ каждая низшая степень является неразложимымъ элементомъ высшей. Родовой строй, послужившій для нихъ канвою, даетъ себя чувствовать главнымъ образомъ въ той *разбросанности земель*, которая уменьшается, конечно, съ переходомъ къ болѣе высокимъ группамъ, но не исчезаетъ нигдѣ. Итакъ: есть наслегъ Бахсытскій въ Мегенскомъ улусѣ, совершенно оторванный отъ послѣдняго и окруженный со всѣхъ сторонъ землями улусовъ Батурусскаго, Борогонскаго и Баягантайскаго, есть наслегъ Кильдемскій Западно-Кангаласкаго улуса, тоже совершенно оторванный отъ послѣдняго; есть наслегъ Баягантай-Омёконъ Борогонскій, лежащій не только среди земель другого улуса, но и въ другомъ округѣ. Тоже замѣчается въ Намскомъ улусѣ; отдѣльныя урочища его попадаются далеко отъ своихъ границъ въ Вилюйскомъ округѣ. Естественныя границы, какъ рѣки, хребты, горы, близость тѣхъ или другихъ населенныхъ центровъ всюду почти пренебрежены. Земли наслежныя внутри улусовъ находятся въ еще большемъ смѣшеніи. Многія изъ нихъ разбиты на 3—4, даже 5 частей (какъ, напримѣръ, I Бологурскій) и разбросаны по всему улусу. Смѣшеніе же родовыхъ земель внутри наслеговъ кажется на первый взглядъ хаотическимъ. Это станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что земли поступали въ собственность населявшихъ ее во время межовки людей, и что люди эти принадлежали къ разнымъ родовымъ группамъ и были раньше приписаны къ разнымъ волостямъ въ ясачныхъ книгахъ. Территоріи улусовъ, какъ учрежденій болѣе новыхъ и менѣе отъ родоваго строя зависящихъ, само собою болѣе округлы и компактны, чѣмъ территоріи наслеговъ, а тѣмъ болѣе, территоріи родовъ.

[1]) Урочищемъ, аласъ, называется лѣсная падь и со многими нерѣдко луговинами, перелѣсками, калтусами и болотинами.

[2]) Слава послѣдней достигла даже Енисея; см. Третьяковъ, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общества. 1869 г., томъ II, стр. 404.

Вотъ какъ объясняютъ сами якуты это смѣшеніе родовыхъ земель: «А произошло это отъ того, что раньше, когда земли были вольныя, всякій садился—гдѣ хотѣлъ... Во время ревизіи люди были смѣшаны. Она признала за каждымъ, что у него было, вотъ и вышло, что оказались сосѣдями люди разныхъ родовъ...» [1]) (Намс. ул., 1891 г.). Обычай раздѣла между всѣми *родами* окраинныхъ пустырей поддержалъ, впослѣдствіи эту сумбурную черезполосность.

Съ якутской точки зрѣнія даже территоріи улусовъ не считаются чѣмъ-то непарушимымъ и могутъ подвергаться дѣлежу и уравненію, основанному на достаточно вѣскихъ причинахъ. Конечно, подобныя уравненія не обходятся безъ жестокой борьбы заинтересованныхъ сторонъ: земельныя тяжбы улусовъ длятся годы и поступаютъ на рѣшеніе въ Иркутскъ, даже Петербургъ, но онѣ допустимы и возникаютъ на началахъ чисто *общинныхъ*. Напримѣръ, въ настоящее время ведутъ споръ изъ-за земли Дюпсюпскій и Намскій улусы: первый ссылается на свое малоземелье и требуетъ у послѣдняго островъ Бакча на Ленѣ и урочище Тарахана, на озерѣ того же наименованія. Въ доказательство справедливости своихъ требованій Дюпсюнцы приводятъ, что они эти земли искони *арендуютъ* у Намскихъ якутовъ, что сѣнокосныхъ мѣстъ у Намскихъ якутовъ *много* и что они *продаютъ* сѣно на сторону. Намскіе же якуты ссылаются на бедеместь, на то, что «эта земля искони наша — наши отцы на ней жили». (Намскій ул., 1890 года). Споры эти разно рѣшаются; такъ, Баягантайскіе якуты мнѣ разсказывали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ у нихъ была отрѣзана часть луговъ въ пользу Борогонскаго улуса. (Баяг. ул., 1883 г.).

Передѣлы улусовъ случаются, впрочемъ, очень рѣдко. Передѣлы земли (собственно не передѣлы, а нѣкоторое уравненіе), между наслегами въ предѣлахъ одного улуса случаются чаще; между родами одного наслега—еще чаще, а въ предѣлахъ рода они очень часты, почти ежегодны.

Передѣлъ земли называется тюгетыкъ и производится въ слѣдующемъ порядкѣ. У всякаго рода, ага-уса, есть свое должностное, присяжное лицо, избираемое на нѣсколько лѣтъ,—джекутатъ [2]). Джекутатомъ можетъ быть всякій, не только богатый, но и бѣдный, лишь бы онъ былъ человѣкъ умный и справедливый.

«Джекутатомъ быть—дѣло не легкое: онъ долженъ хорошо знать покосы, долженъ знать, гдѣ въ какой годъ лучше родится трава, гдѣ

[1]) Ревизіи по инструкціи 1743 года происходили черезъ каждые 15 лѣтъ. Онѣ были въ: 1744, 1759, 1781, 1794, 1811, 1815, 1833, 1850, 1857—послѣдняя перепись.

[2]) Испорченное русское «депутатъ».

она высыхаетъ, гдѣ вымокаетъ. Все это онъ долженъ сообразить и принять во вниманіе при дѣлежѣ. Уравненіе — вещь трудная; и неопытные джекутаты нерѣдко дѣлаютъ промахи, а иногда умышленно обманываютъ. Отсюда происходятъ жалобы и тяжбы, ссоры, и даже драки. Иногда дерутся между собой и сами джекутаты, когда сойдутся со всѣхъ родовъ наслега рѣшать какое либо общее дѣло. Между ними есть вѣдь тоже всякіе: и богатые, и бѣдные, умные и глупые, справедливые и мздоимцы. Вотъ, и дерутся; поспорятъ и дерутся» (Нам. ул. 1891 г.). Кромѣ того, всякій паслегъ выбираетъ одного общаго присяжнаго чиновника консюсь, на обязанности котораго лежитъ надзоръ за отдѣльными джекутатами и улаживаніе возникающихъ споровъ. Генеральный передѣлъ между наслегами въ предѣлахъ улуса, по словамъ якутовъ, долженъ повторяться черезъ каждые 40 лѣтъ; его совершаетъ собраніе всѣхъ джекутатовъ, всѣхъ консюсь, князей, старшинъ и головъ; генеральный передѣлъ въ предѣлахъ наслега совершается при участіи джекутатовъ всѣхъ родовъ подъ руководствомъ князя и консюся. Передѣлъ этотъ въ разныхъ наслегахъ совершается въ разные сроки или, вѣрнѣе, безъ всякихъ сроковъ подъ давленіемъ необходимости, въ случаѣ отвода земли поселенцамъ, церковному причту, порчи луговъ водою и т. п. Считаю нужнымъ отмѣтить что роль джекутатовъ, по моимъ наблюденіямъ, чисто исполнительная: они приводятъ въ исполненіе постановленіе родовыхъ собраній.

Самый передѣлъ состоитъ въ слѣдующемъ. Ежегодно во время созрѣванія травъ, когда урожай ихъ уже опредѣлился, выѣзжаютъ на луга князья, консюсь и джекутаты. Кандидатъ по головѣ Мегенскаго улуса якутъ В. Я. Слѣпцовъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ подворной переписи Батурусскаго улуса сообщаетъ объ обычаѣ депутатовъ передъ съѣздомъ для осмотра луговъ клясться «по старинпымъ страшнымъ угрозамъ, клятвенному обѣщанію неизвѣстнаго автора», гдѣ сказано: «иже страха, иже дружбы ради». Они осматриваютъ участки, сравниваютъ степень урожая на каждомъ изъ нихъ, провѣряютъ показанія отдѣльныхъ лицъ (Баягант. ул. [1]). Впрочемъ, не вездѣ дѣлается такъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ осматриваютъ не всѣ покосы, а только тѣ изъ нихъ, которые были какъ нибудь случайно повреждены, или тѣ, на которые укажетъ общество. «Напримѣръ, если мой участокъ повредила вода или на немъ постоянно плохая трава, а между тѣмъ у моего сосѣда того же *класса*,— такъ какъ уравненіе производится по классамъ,— надѣлъ даетъ въ два-три раза больше сѣна, тогда я жалуюсь, прежде всего, джекутату,

[1] Осмотръ покосовъ: тю кӧрютӓ.

который, если найдетъ мою жалобу справедливой, распоряжается отдѣлить часть покоса отъ сосѣда, на столько возовъ, сколько у меня не достаетъ. Сосѣдъ можетъ, если захочетъ, предложить обмѣняться надѣлами: въ такомъ случаѣ я долженъ или помѣняться, или отказаться отъ своего требованія». (Нал. ул., 1891). «Если у кого неурожай, если покосъ занесло во время разлива иломъ и пескомъ, если лугъ превращается въ болото,—во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣлаютъ прирѣзки и отрѣзываютъ отъ тѣхъ, у кого урожай хорошій, у кого земли много, кто не потерпѣлъ въ это время никакого убытка. Урожай измѣнчивъ: въ этомъ году у одного уродится, а въ слѣдующемъ у другаго; въ этомъ году у тебя возьмутъ, а на другой тебѣ же дадутъ». (Нам. ул., 1890). Такія прирѣзки и урѣзки производятся, обыкновенно, у границъ участка. За исключеніемъ этихъ прирѣзокъ и отрѣзокъ, вообще можно сказать, что отдѣльныя лица владѣютъ разъ отведенными имъ участками безъ срока и даже передаютъ ихъ по наслѣдству. На сѣверѣ, въ Колымскомъ округѣ, я наблюдалъ иной способъ уравненія. Тамъ извѣстная часть луговъ, прилегающая къ усадьбамъ, считается неотъемлемой собственностью ея хозяина: дѣлежу подлежатъ только клинья и полосы наиболѣе удаленные или же нарочно для этой цѣли оставленные. Наиболѣе характерный обычай такого распредѣленія земли я видѣлъ въ мѣстности Андылахъ Колымскаго округа. Тамъ сѣнокосныя угодья дѣлятся на три категоріи: въ долинѣ, гдѣ стоятъ усадьбы, находятся участки *неизмѣнные*, неподлежащіе передѣлу; нѣсколько дальше, на берегу сосѣдняго озера, сѣнокосъ дѣлили на небольшіе участки, сообразно съ качествами травы и количествомъ владѣльцевъ. Участки эти разбирали *по жеребью* [1]). Дальше, въ предѣлахъ, разумѣется, рода, лежали вольныя земли, на которыхъ всякій могъ косить сколько хотѣлъ.

Земли, находящіяся вдали отъ жилищъ, земли спорныя, за владѣніе которыми тягаются разныя общества, дѣлятъ якуты между возможно большимъ количествомъ общинниковъ, *сонаслежниковъ* или *соулусниковъ*, смотря по размѣру захваченнаго участка. «А дѣлаемъ это затѣмъ, что *многимъ* легче сопротивляться, перенести несчастіе или вести тяжбу. Народъ—сила. Вотъ такъ, скопомъ подѣлимъ Тарахану, когда осилимъ ее. Тарахану вѣдь хотятъ взять у насъ Дюпсынцы». (Нам. ул., 1891 г.). Достаточно взглянуть на пеструю карту родовыхъ земель у ихъ окраинъ, чтобы убѣдиться, что принципъ этотъ дѣйствительно примѣнялся при захватѣ и дѣлежѣ новыхъ земель.

Сѣнокосный пай якуты называютъ кюре [2]), что значитъ «изгородь кру-

[1]) Единственный извѣстный мнѣ случай жеребьевки у якутовъ

[2]) Бётлингъ пишетъ куруё; по татарски это—дворъ, по монгольски—окружность; стр. 74.

гомъ остожія» или, иначе говоря, значитъ, что пай заключаетъ такое количество земли, съ котораго можно *собрать стогъ сѣна.* Нѣкогда величина кюре была, нужно думать, совсѣмъ неопредѣленная; это было вообще урочище, гдѣ косили сѣно и ставили стога. Теперь кюре понятіе болѣе опредѣленное, но величина его самая разнообразная [1]). «Кюре даже въ предѣлахъ рода бываютъ различныя: одни лучше, другіе хуже, одни больше, другіе меньше. Но это неважно; современемъ уравнять можно. Главное—добиться отъ собранія права на кюре». (Нам. ул., 1892 г.). Размѣръ многихъ кюре зависитъ, кромѣ качества почвы, ея плодородія и пр., отъ нѣкоторыхъ посторонніхъ обстоятельствъ: давности владѣнія и естественныхъ границъ урочища. Якуты рѣдко дѣлятъ землю полосами, чаще урочищами. Нѣкоторыя урочища, находящіяся въ рукахъ богачей и міроѣдовъ, считаются за кюре (по преданію), а собственно говоря, они въ два и три раза больше обычнаго въ этой мѣстности размѣра. Размѣры кюре, въ предѣлахъ одного и того же рода, все таки не разнятся между собой въ такой степени, какъ кюре разныхъ родовъ и тѣмъ болѣе наслеговъ. «Кюре въ разныхъ мѣстахъ разныя: въ Одейцахъ совсѣмъ другія, чѣмъ въ Мадутцахъ или Бётюнцахъ. Въ этихъ наслегахъ есть кюре, съ которыхъ можно собрать сто возовъ сѣна. Между тѣмъ, въ Кусагапнельскомъ наслегѣ кюре того же *класса* [2]), даетъ только 20 возовъ, а у насъ, въ Намскомъ наслегѣ, получишь съ иного кюре 40 в., а съ иного 80 возовъ. И такъ всюду! Въ Кусагапнельцахъ кюре маленькія, потому что тамъ всѣ *роды* землю соединили, а потомъ раздѣлили между всѣми, кто хотѣлъ и могъ держать кюре. Вотъ и вышли кюре маленькія. Да и теперь они ихъ все дробятъ и дѣлятъ: за то у нихъ мало людей безъ кюре, а у насъ кюре большія, за то многіе остаются совсѣмъ безъ земли. Въ другихъ наслегахъ земли много вольной, тамъ и кюре большія» (Нам. ул., 1891 г.) [3]). Для опредѣленія кюре, за единицу

[1]) Есть также сверхнадѣльная земля: угайы отъ ук-угабынъ—ставить, или хары—названіе части лучевой кости руки между локтемъ и кистью; земли эти богачъ записываетъ на имя бѣдняка, котораго держитъ какъ-бы подъ своей рукой, покровительствуетъ ему. Указъ или тогосо (тогосо—коль) кюре—участки, которые въ нѣкоторыхъ наслегахъ даютъ выборнымъ лицамъ за службу. Названіе тосого объясняютъ тѣмъ, что пріѣзжающіе къ старостѣ люди привязываютъ лошадей *къ колу*; лошадей кормить нужно. Въ дѣйствительности никогда ихъ не кормятъ. Земли эти свободны отъ обложенія.

[2]) Дѣленіе на классы и ихъ своеобразное наименованіе относятся еще къ тому времени, когда налогъ взимался не съ количества находящейся во владѣніи земли, а сообразно со степенью зажиточности домохозяина и количествомъ работниковъ въ домѣ. Смотри ниже.

[3]) Урожай одного «остожья» (кюре) на аласъ въ Батурусскомъ улусѣ I-мъ Игидейскомъ наслегѣ.

1884 году . . . . 800 копенъ, послѣ наводненія.
1885 » . . . . 750 »
1886 » . . . . 560 »

употребляется «копна», бугулъ. Говорятъ: кюре въ столько-то копенъ... Копна служитъ также, какъ минимальная мѣра при уравненіи земли; прирѣзаютъ или отрѣзаютъ земли *на столько-то копенъ*. Такимъ образомъ выходитъ, что якуты, собственно дѣлятъ не землю, а *траву*.

Все это относится только къ покоснымъ лугамъ. Пастбища и лѣса почти всюду находятся еще въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей данной мѣстности, безотносительно къ какому бы они ни принадлежали роду или наслегу. Правда, богачи во многихъ мѣстностяхъ выдѣлили себѣ изъ общинныхъ земель отдѣльные «выгоны», бютей [1]), даже по нѣскольку выгоновъ, и огородили ихъ, но родовичи смотрятъ на такіе захваты косо и, въ случаѣ смерти богача или ослабленія его вліянія, стараются городьбы разрушить, а земли отобрать назадъ [2]).

Такіе «выгоны», какъ часть усадьбы, считаются наслѣдственными, по мужской линіи отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату или отъ дяди къ племяннику, но ихъ рѣдко удается удержать наслѣдникамъ безъ ограниченій. Тоже самое и пашни, которыя до сихъ поръ въ большей части Якутской области наслѣдственны и передѣламъ не подлежатъ. Это въ принципѣ; на дѣлѣ наслегъ или родъ сплошь и рядомъ отнимаетъ любой участокъ у владѣльца, если онъ понадобится для общественныхъ нуждъ, подъ постройку зданій, для отвода земель поселенцамъ, причту и т. п. Пользованіе пахотными землями, повями, залогами и лѣсными «чистками» въ предѣлахъ того же наслега считается неограниченнымъ: каждый сородичъ можетъ пахать и корчевать, гдѣ угодно, лишь бы въ томъ мѣстѣ раньше никто не пахалъ. Земля считается собственностью прямыхъ наслѣдниковъ *впервые захватившаго ее*, а въ случаѣ ихъ смерти—собственностью его рода. Исключеніе представляютъ только нѣкоторыя особенно густо населенныя, земледѣльческія мѣстности въ окрестностяхъ Якутска или въ Намскомъ улусѣ, напримѣръ, въ Бётюнскомъ наслегѣ, части его прилежащей Хатынгаринскому скопческому селенію, гдѣ не только раздѣлили годный для «чистки» лѣсъ, залоги и «выгонъ», но и совсѣмъ неудобныя земли, какъ

1887 » . . . . 300 копенъ
1888 » . . . . 167 » появилась кобылка, вслѣдствіе чего косили рано.
1889 » . . . . 55 »
1890 » 300
1891 » . . . . 335 } въ эти три года по случаю неурожая косили и малорослыя травы.
1892 » 115

[1]) Слово бютюнь—весь, цѣлый, нераздѣльный, повидимому, одного корня съ бютей—замкнутый, непрерывный.

[2]) Нѣчто подобное случилось въ 1887 году въ Хатынгаринскомъ наслегѣ, Намскаго улуса, гдѣ у бывшаго головы И. Сивцева, общество *оттягало* одинъ изъ трехъ огороженныхъ имъ выгоновъ. Другой такой случай извѣстенъ мнѣ въ Вилюйскомъ улусѣ, въ мѣстности Весь-анъ.

солончаки, болота и тальники. Тамъ раздѣлъ этихъ земель произведенъ не только между родами, но даже между домохозяевами, при чемъ каждый, соотвѣтственно количеству и классу своихъ кюре получилъ: участокъ лѣса, выгона и усадебной земли (Намскій ул., 1891 г.).

Въ другихъ мѣстахъ всюду, за исключеніемъ пожалуй Олёкминскаго улуса, нигдѣ не возбраняется строиться и селиться, но захватъ сѣнокосовъ, даже въ тупѣ лежащихъ, не допускается безъ разрѣшенія общества. Не дозволяется также безъ разрѣшенія общества возводить какихъ либо болѣе или менѣе обширныхъ изгородей, такъ какъ якуты единогласно и не безъ основанія высказываютъ мнѣніе, «что чѣмъ больше изгородей, тѣмъ тощѣе скотъ».—«Корова ходитъ тихо, домой пригонять ее приходится въ день три раза. Всякій разъ, окружая поля, скотина приходитъ издали; ей остается мало времени наѣдаться, а около дому все выѣдено»! (Намскій ул., 1890 г.).

Между прочимъ, это одинъ изъ поводовъ враждебности, съ какой якуты, владѣющіе большимъ количествомъ скота, относятся къ земледѣлію.

Изгороди кругомъ луговъ устраиваютъ и поддерживаютъ на свой счетъ, тѣ *роды* земли которыхъ включены въ огороженный участокъ. Также сообща устраиваются ограды выгоны, бютей, вблизи, саилыкъ, гдѣ пасутся телята, стельныя на сносяхъ коровы, ѣздовые кони, рабочіе быки, вообще скотъ подручный или требующій особаго попеченія. На сѣверѣ, гдѣ часто по причинѣ малолюдства и разбросанности сѣнокосныхъ участковъ труднѣе огородить луга, чѣмъ устроить просторный «выгонъ», почти у каждаго саилыка есть бютей, куда запираютъ скотъ на время роста и сбора травъ. Изгороди запираются и раскрываются согласно обычаю въ одно и тоже время. Одновременно по рѣшенію родоваго собранія сообща выжигаются также по веснѣ луга, причемъ толпы людей подъ руководствомъ десятскихъ, спа-

Рис. 131. Лѣтняя усадьба на амгинско-ленскомъ плоскогорьи. (съ фот.).

чала обжигаютъ кругомъ ближайшія усадьбы и зданія, и оставшіяся въ полѣ остожья прошлогодняго сѣна, а затѣмъ уже пускаютъ «палъ». Пускать палы самостоятельно въ мѣстахъ заселенныхъ строго воспрещается.

Эти ограниченія касаются, какъ мы это отмѣтили выше, и земель, превращенныхъ въ культурныя частными усильями, какъ то: лѣсныхъ и луговыхъ чистокъ, сѣнокосовъ, полученныхъ спускомъ озеръ, осушенныхъ болотъ. Родъ обыкновенно мирится съ пожизненнымъ или даже наслѣдственнымъ владѣніемъ такого участка, если размѣры его небольшіе и безъ остатка утилизируются даннымъ лицомъ. Но разъ только размѣры ихъ крупные или владѣлецъ сдаетъ ихъ часть въ *аренду*, родъ заявляетъ свои права [1]).

При разборѣ, такихъ дѣлъ, разъ возникаетъ тяжба, на сколько я знаю, принимается всегда во вниманіе: успѣлъ ли предприниматель или нѣтъ выручить *вознагражденіе за потраченный трудъ и деньги* [2]). Чаще всего крупныя осушки и расчистки предпринимаются совмѣстно обществами нѣсколькихъ родовъ, *наслеговъ*, даже *улусовъ*, какъ, напримѣръ, спускъ Нюрбинскаго озера Сунтарскими и Мархинскими якутами или предполагаемая осушка озера Тараханы, на которую собираютъ теперь деньги въ Бётюнскомъ паслегѣ. Въ такой мѣстности получаютъ паи: во-первыхъ, всѣ, которые тамъ раньше жили, затѣмъ, всѣ роды даннаго паслега соотвѣтственно своему участію въ работахъ и *земельной нуждѣ*.

Вотъ въ общихъ чертахъ все, что извѣстно мнѣ о землевладѣніи якутовъ.

Осталось сказать вкратцѣ, что представляетъ собою якутское родовое управленіе, каково его прошлое и настоящее, какія его права и обязанности.

Въ началѣ завоеватели мало занимались внутренними дѣлами якутскихъ джоновъ. Имъ было велѣно только «ясакъ да аманатовъ имати...

---

[1]) Для того, чтобы такія мѣста получать въ долгосрочное и безконтрольное владѣніе, нужно добыть приговоръ общества и представить его вмѣстѣ съ планами и описаніемъ на утвержденіе Окружного полицейскаго управленія. Тогда участокъ поступаетъ просителю во владѣніе на сорокъ лѣтъ, послѣ чего долженъ быть обратно возвращенъ обществу. Это связано съ такими расходами и хлопотами, что рѣдко кто рѣшается затѣвать ихъ; обыкновенно сдѣлку совершаютъ полюбовно, причемъ міръ уступаетъ на 10 или 20 лѣтъ участокъ просителю въ безконтрольное и нераздѣльное пользованіе и составляетъ по этому поводу частный приговоръ. Такіе приговоры никогда не нарушаются, но даются они обществами очень неохотно. Я знаю случай, когда вліятельный и богатый князь, Григорій Дьяконовъ, тщетно просилъ объ уступкѣ ему обществомъ 20 десятинъ лѣсу подъ чистку. «Самимъ годится, а не намъ, такъ дѣтямъ нашимъ», отвѣчали ему всякій разъ общественники. (Намс. улусъ, 1890 г.).

[2]) Иногда приходится даже сухіе луга косить и подготовлять для пользованія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ большими затратами.

Рис. 132. Остатки якутской казачьей крѣпости.

изъ волости по человѣку или по два, по перемѣнамъ, по году или полугоду, или по мѣсячно, или какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу; а достальныхъ ясачныхъ людей отпущати къ себѣ въ улусы безъ задержанія и держати къ нимъ ласку и привѣтъ и береженье, а напрасныя жесточи и никакія налоги имъ ни въ чемъ не чинить, никоторыми дѣлы, чтобы ихъ ясачныхъ людей, иноземцевъ, въ чемъ напрасно и въ ясакѣ не ожесточить и отъ Государевы милости не отгонить» [1]) Все въ наказахъ того времени исключительно направлено «къ умноженію ясака», къ ограниченію воровства и злоупотребленій ясачныхъ сборщиковъ. Многократно вмѣняется имъ въ обязанность «съ ясачными людьми обращаться съ ласкою, уговоромъ и привѣтомъ... не грубить и обидъ и налоговъ имъ никакихъ не чинить и женъ ихъ и дѣтей въ дворъ не имати и за ссылкою самимъ ни у кого не покупати...» и даже «не крестити», чтобы «отъ этого не было Государевой казнѣ убыли». И только аманатовъ приказано держать «въ аманатскихъ избахъ, въ большой крѣпости, въ казанкахъ, за запоромъ и въ желѣзахъ, за крѣпостною сторожею...» да «на непослушниковъ посылать Государевыхъ ратныхъ людей съ огневымъ боемъ» [2]).

---

[1]) Наказъ якутскому воеводѣ князю Якову Волконскому и дьяку Елчукову, 1670 г. Акты. Т. IV, стр. 443.

[2]) Тамъ же, стр. 449. По поводу содержанія аманатовъ и вноса ясаку приводитъ интересныя показанія того времени П. Н. Буцинскій: «Приходятъ въ зимовья для платежа асака за аманатовъ человѣка по 2 и по 3 изъ рода и если аманатъ добрый, то за него платитъ вся его родня и даютъ соболей больше, а если аманатъ худой, то мало, или совсѣмъ ничего. Когда же приходятъ къ зимовью, то бросаютъ ясакъ черезъ окно и черезъ окно же ясачные сборщики отдариваютъ инородцевъ одеждами, оловомъ и хлѣбомъ». «Мангазейскіе инородцы» пишутъ воеводы, боятся входить въ избы, чтобы ихъ ясачные сборщики не захватили въ аманаты, а сами сборщики не выходятъ къ нимъ изъ избы, опасаясь отъ нихъ смертныхъ убійствъ и потому сидятъ съ аманатами запершись». Аманаты жили въ тюрьмѣ. Аманатовъ кормили отчасти хлѣбомъ, а большею частью падалью и собачьимъ кормомъ — «юколою». Юкола состояла

Ясакъ уплачивался ясачнымъ сборщикамъ непосредственно «ясачными людьми» и «князцы и лутчіе улусные люди» присутствовали при сборѣ ясаку только въ качествѣ понятыхъ [1]). Ясакъ вносился въ ясачныя книги, а ясачныя книги присылать велѣно «бѣлыя, а не черныя, за руками, и въ тѣхъ книгахъ взятки писать складомъ, а не числами, и нигдѣ бо скребенья и межъ строкъ приписокъ и въ словахъ приправокъ отнюдь не было» [2]). Приказано было въ началѣ брать въ ясакъ «соболи добрые съ пупки и хвосты, и шубы и наполники и пластины собольи, шубы горностальные, и бобры, и кошлоки черные и черно-каріе и каріе и рыжіе и лисицы черныя и чернобурыя и черно-черевыя, и сиводушатыя и красныя, и рыси, и выдры, и песцы черные и голубые, съ лапами и съ хвостами и волки...» [3]).

При покореніи *новыхъ волостей* принято было за правило взимать отъ 10 до 20 соболей съ души [4]).

Ясакъ былъ *податный*, *десятинный* (десятый упромышленный звѣрь) и *поминочный* (добровольное подношеніе). *Поминочный* въ свою очередь былъ: *государевый*, *воеводскій* и *дьячій*.

Податный ясакъ по установленію Бориса Годунова равнялся 10 соболямъ съ женатаго и вполы съ холостаго [5]). Но, благодаря выше упомянутымъ прибавкамъ, поминочному и десятинному, даже закономъ признанные налоги открывали широкое поприще произволу. Сборъ ясака всегда превышалъ установленную норму; взимался онъ безпощадно и, если появлялись въ книгахъ недоимки, то потому, что большая часть его разворовывалась или удерживалась всякими правдами и неправдами по пути. Изъ ясаку, собраннаго въ 1640 году въ количествѣ 5429 соболей, 360 пупковъ соболиныхъ, 12 пластинъ, 501 лисицъ, 1 рыси, въ казну пошло только 3573 соболя, а остальное поступило въ пользу сборщиковъ [6]).

изъ сушеной перегнившей рыбы. «Порса» была пища для людей, приготовляемая изъ сушенаго мяса». Обѣ пищи хранились въ ямахъ, точно такъ, какъ теперь у якутовъ («Мангазея», стр. 53).

[1]) Ясакъ вносился въ началѣ непосредственно плательщиками; между прочимъ, въ наказѣ 1697 года якутскому воеводѣ въ 5 пунктѣ сказано: «буде отъ налоговъ ясашные разбредутся и сыскать ихъ будетъ не можно, за то по розыску сборщикамъ чинить наказаніе безо всякой милости» (Сибирскій, IX, стр. 122). Впослѣдствіи, когда ясакъ вносился родами сообща и была введена круговая порука, вопросъ о разбреденіи не подымался.

[2]) Воеводскій наказъ подъячему Евдокиму Курдюкову. 1685 г. Акты, т. V, стр. 193.

[3]) 1674 г. іюля 24, Воеводская наказная память якутскому сыну Боярскому Матвѣю Ярыгину, отправленному въ Олёкминскій острогъ для сбора Государева ясака. Ист. акт. Томъ IV, стр. 521.

[4]) Акты. Томъ IV, стр. 521.

[5]) Словцовъ, стр. 18. Это составитъ, считая по тогдашнимъ цѣнамъ соболя въ 5 до 10 руб., отъ 50 до 100 руб. съ души.

[6]) Докладъ отца А. А. Іонина въ Стат. отд. Вост. Сиб. от. Геогр. Общ. Прил. № 1, 1888 г.

Народъ сталъ быстро бѣднѣть, и уже въ воеводскомъ наказѣ подьячему Евдокиму Курдюкову на 1685 годъ говорится о недоимкахъ и приказывается ясачнымъ сборщикамъ съ недоимщиковъ «у кого скота нѣтъ брать за бѣдностью по самой нуждѣ по лисицѣ черночеревой и по лисицѣ сиводушчатой и за соболя по двѣ лисицы красныя». Въ томъ же приказѣ велѣно сдѣлать «людямъ и животамъ ихъ и скоту опись: по окладу на нынѣшній 193 г. (1685) сполна и на прошлые годы изъ доимки взять на комъ что можно» [1]). Подобныя описи производились и раньше, и о характерѣ ихъ можно судить по описи Гришки Кривогорницына на 170 г. (1671) «для Мегинскіе волости» [2]). Въ нихъ говорится не только о податяхъ и недоимкахъ, но упоминается также о домахъ, женахъ, количествѣ работниковъ въ семьѣ, есть свѣдѣнія объ умершихъ и бѣглыхъ, при чемъ каждый называется поименно и породно. Личныя и родовыя прозвища, конечно, сильно въ этихъ записяхъ испорчены и передѣланы на русскій ладъ, но въ нихъ не трудно разобраться. Ясачныя книги, да эти описи впервые дали тотъ матеріалъ, изъ котораго создалось впослѣдствіи нынѣ существующее якутское *самоуправленіе*.

Понятно, что и здѣсь, какъ всюду, завоеватели раньше всего постарались воспользоваться, для сбора ясаку и замиренія, родовыми представителями. Подъ именемъ «князцевъ» и «именитыхъ улусныхъ людей» ихъ дѣлаютъ отвѣтственными за недоимки и безпорядки, съ нихъ берутъ «аманатовъ» и «толмачей», заставляютъ платить контрибуціи. Въ послѣдствіи, когда правительство убѣдилось, что «казацкая масляница» [3]) грозитъ государственнымъ интересамъ, разоряетъ въ конецъ населеніе, и невыносимыми поборами и своей жестокостью заставляетъ его разбѣгаться, побуждать къ возстаніямъ и непослушанію, оно пробуетъ изъ тѣхъ же «князцевъ» и «именитыхъ улусныхъ людей» устроить контроль надъ свои хищными слугами. Имъ поручается въ качествѣ *понятыхъ* присутствовать при сборѣ ясаку, опросахъ и всякихъ дѣлахъ, возникающихъ между пришлыми служилыми, чиновными людьми и мѣстнымъ населеніемъ. Дальше имъ поручается «печатать своими печатями ясашные мягкіе рухляди, чтобы служилые люди не перемѣняли ихъ дорогой ѣдучи» [4]). Наконецъ, имъ же предоставлено право отъ имени всего рода «бить челомъ» въ Москву «на утѣснителей», даже высшихъ чиновниковъ, чѣмъ они не медлятъ воспользоваться [5]). Все это подняло ихъ въ глазахъ насе-

[1]) Акты, стр. 194.

[2]) См. приложеніе въ концѣ книги.

[3]) Словцовъ.

[4]) Акты. Т. V, стр. 193.

[5]) См. отвѣтъ на жалобу князцовъ Камалаской волости, князца Мазыры Бозекова съ

ленія на небывалую высоту; когда же впослѣдствіи признано было лучшимъ разложить ясакъ по родамъ и улусамъ и, не вникая въ распредѣленіе и способъ взиманія, требовать его полностью съ родовыхъ представителей, «князцы» окончательно превратились въ земскихъ чиновниковъ. Ихъ начинаютъ поощрять и вознаграждать за службу знаками отличія: медалями, кортиками, кафтанами, а указомъ Сената, отъ 1-го февраля 1740 года и 17-го мая 1764 года, имъ даже назначается *постоянное* вознагражденіе, зависящее отъ количества доставленнаго ясаку. «Ясачнымъ князцамъ и выборнымъ за исправный ясака платежъ, на подарки окладъ положить отъ принесеннаго въ казну на 1000 руб. ясака по 20 руб., а если менѣе или болѣе 1000 руб., то принявъ сего по расчисленію» [1]). Поощряемые и поддерживаемые извнѣ, князцы мало по малу освобождаются отъ родовыхъ традицій и являются не менѣе лютыми угнетателями народа, чѣмъ казаки. Зная прекрасно условія жизни, они ловко прячутъ концы въ воду, входятъ въ стачки съ воеводами и дьяками и подъ ихъ прикрытіемъ распоряжаются въ своихъ земляхъ, какъ владѣтельныя особы: захватываютъ земли, взимаютъ безконтрольно подати, вводятъ кабалу, даже торгуютъ людьми. Мрачную память и скверныя привычки оставили послѣ себя «князья» того времени» [2]). Одну пользу извлекло населеніе отъ замѣны ими русскихъ чиновниковъ: оно привыкло въ новыхъ условіяхъ бороться за свои интересы. «Князья» были свои люди, ихъ не окружалъ ореолъ завоевателей, имъ некуда было уйти съ награбленнымъ добромъ, ихъ и раньше приходилось обуздывать, какъ родоначальниковъ.

Родовичи были съ ними болѣе смѣлы и на «князей» посылались коллективныя жалобы въ воеводскія канцеляріи и дальше въ Петербургъ, который съ тѣхъ поръ занялъ въ сознаніи народа мѣсто уничтоженнаго союзнаго совѣта. Въ этой борьбѣ не малую службу сослужили народу, да и теперь ее несутъ: зависть, личные счеты и игра самолюбія самихъ князцевъ и богачей. По ихъ почину возникали постоянно дѣла, часто кляузныя, но всякій разъ они выволакивали наружу такую массу дѣйствительныхъ злоупотребленій, что правительству волей неволей приплось измышлять мѣры для ихъ пресѣченія.

Въ 1763 году командированъ въ Сибирь гвардіи маіоръ Щербатовъ,

---

товарищи. Изъ него видно, что уличенные ими въ грабежахъ, насиліи, посулахъ, воровствѣ и подмѣнѣ ясаку. *ясачные сборщики* Петръ Ярыжкинъ и Юрій Крыженовской «были биты на козлѣ кнутомъ и въ проводку и сосланы въ Даурскіе остроги, въ пѣшую казачью службу». (Акты, т. V, стр. 198).

[1]) Семивскій, IX, стр. 123.

[2]) См. томъ II-й.

ему поручено составить коммисію «для приведенія ясачнаго сбора въ ясныя правила» [1]).

Коммисія Черкашенникова, дѣйствовавшая въ Якутской области, была только вѣтвью этой Обще-сибирской коммисіи. Въ 1766 году указомъ, отъ 14 декабря, вызваны были депутаты по всей Россіи въ коммисію для установленія лучшей администраціи, обсужденія всякихъ вопросовъ внутренней политики и, между прочимъ, составленія новаго уложенія для сибирскихъ инородцевъ. Якуты, числившіеся кочевниками, были исключены изъ числа избирателей, но они все таки послали своего депутата и онъ былъ допущенъ въ коммисію особымъ рескриптомъ Императрицы [2]).

Выработанныя этой коммисіей начала были положены въ основу якутскаго самоуправленія и удержались до сихъ поръ почти безъ измѣненія. Въ настоящее время якуты раздѣлены на *восемнадцать* улусовъ: 8 въ Якутскомъ округѣ, 4 въ Вилюйскомъ, 4 въ Верхоянскомъ, 1 въ Олёкминскомъ и 1 въ Колымскомъ. Улусы, какъ я говорилъ выше, состоятъ изъ наслеговъ, а наслеги изъ родовъ, ага-уса [3]).

Наслеговъ всего въ Якутской области двѣсти тридцать: въ Якутскомъ округѣ — 125, въ Вилюйскомъ — 56, въ Верхоянскомъ — 37, въ Олёкминскомъ — 6, въ Колымскомъ — 10; родовъ въ общей сложности во

---

[1]) Словцовъ. Пер. IV, стр. 30.

[2]) «Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила выбраннаго и сюда присланнаго якутскаго вѣдомства отъ пяти подгородныхъ улусовъ депутата изъ Кангалакскаго Улуса, князца Сыранова принять въ число прочихъ депутатовъ въ коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, тѣмъ паче, какъ Ея Императорскому Величеству извѣстно, что оные якуты не только кочевые, но зиму пребываютъ въ своихъ жилищахъ». (Записка генералъ-прокурора князя Вяземскаго. *Андріевичъ*, Историческій очеркъ Сибири. Томъ IV, стр. 55). Кажется также, что изъ двухъ депутатовъ отъ *ясачныхъ новокрещенцевъ*, прибывшихъ впослѣдствіи и не попавшихъ въ списки, одинъ тоже былъ якутъ. Павлиновъ называетъ его: Алексѣй Артаковъ, голова Борогонскаго улуса. (См. томъ II).

[3]) Улусы въ *Якутскомъ округѣ*: 1) Восточный Кангаласкій улусъ, 12 наслеговъ, 52 рода—7.033 мужч. и 7.466 женщ. 2) Западный Кангаласкій улусъ; 19 наслеговъ, 67 родовъ—11.268 мужч. и 10.728 женщ. 3) Намскій улусъ; 17 наслеговъ, 87 родовъ—8.556 мужч. и 8.995 женщ. 4) Мегенскій (Мегинскій) улусъ, 16 наслеговъ, 68 родовъ—9.772 м. и 10.264 ж. 5) Борогонскій улусъ; 13 наслеговъ, 45 родовъ—4.778 мужч. и 4.895 женщ. 6) Батурусскій улусъ; 31 наслегъ, 107 родовъ—15.102 мужч. и 15.233 женщ. 7) Дюпсюнскій улусъ; 8 наслеговъ, 27 родовъ—3.733 мужч. и 3.973 женщ. 8) Баягантайскій улусъ; 9 наслеговъ, 143 рода—4.576 мужч. и 4.716 женщ. *Олёкминскій округъ*: 1) Олёкминскій улусъ; 6 наслеговъ, 44 рода—5.090 мужч. и 4.572 женщ. *Вилюйскій округъ:* 1) Суптарскій улусъ; 14 наслеговъ, 75 родовъ—12.560 мужч. и 12.004 женщ. 2) Мархинскій улусъ; 16 наслеговъ, 86 родовъ—10.610 мужч. и 9.750 женщ. 3) Верхне-Вилюйскій улусъ; 12 наслеговъ, 42 рода—6.379 мужч. 6.233 женщ. 4) Средне-Вилюйскій улусъ; 14 наслеговъ, 41 родъ—4.424 мужч. и 4.512 женщ. *Верхоянскій округъ:* 1) Верхоянскій улусъ; 14 наслеговъ, 14 родовъ—2.796 мужч. и 2.754 женщ. 2) Устьянскій улусъ; 6 наслеговъ, 6 родовъ—541 мужч. и 478 женщ. 3) Эльгетскій улусъ; 9 наслеговъ, 9 родовъ—1.011 мужч. и 1.060 женщ. 4) Жиганскій улусъ; 8 наслеговъ, 8 родовъ—1.037 мужч. и 1.008 женщ. *Колымскій округъ:* 1) Колымскій улусъ; 10 наслеговъ, 10 родовъ—1.716 мужч. и 1.577 женщ. (Памят. книжка Якутской обл. на 1891 г.).

всѣхъ улусахъ 934, именно: въ Якутскомъ округѣ — 596; въ Вилюйскомъ—244, въ Верхоянскомъ—37, въ Олёкминскомъ — 44; въ Колымскомъ—10, да въ Туруханскомъ округѣ: одинъ Шорохинскій родъ да 2 Долганскихъ [1]).

Улусными дѣлами завѣдуетъ *управа* [2]), состоящая изъ присяжнаго писаря и шести выборныхъ членовъ, обыкновенно называемыхъ «головами» (голубà), главнаго головы, по якутски «большаго» (улаханъ голубà); дѣлами наслежными завѣдуетъ *родовое правленіе*, состоящее изъ родовыхъ старшинъ и наслежнаго старосты, называемаго якутами «большимъ княземъ» (улаханъ князь) [3]), дѣлами рода—*родовой старшина*—онъ же «князь малый» (аччигій князь). Кромѣ того, всякій родъ имѣетъ одного или двухъ «десятниковъ», они же «капралы». Это единственные оплачиваемые чиновники общины. На обязанности ихъ лежитъ приводить въ исполненіе рѣшенія родоваго старшины и схода. Они собираютъ подати, назначаютъ очереди, присматриваютъ за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, сопровождаютъ арестантовъ, служатъ проводниками и вѣстовыми у проѣзжихъ чиновниковъ... Обязанности ихъ трудныя и тяжелыя, а жалованье отъ 10 до 30 руб. въ годъ, да конь на разъѣзды. Всѣ другія родовыя власти служатъ безъ жалованья и избираются на трехлѣтній срокъ. Онѣ предсѣдательствуютъ въ общественныхъ собраніяхъ, принимаютъ первыя мѣры для задержанія преступниковъ и пресѣченія преступленій, наконецъ, рѣшаютъ словесно и единолично менѣе важныя тяжбы. Въ дѣлахъ крупныхъ, исключительныхъ или касающихся основъ быта, всѣ родовыя власти должны испрашивать согласіе у «собранія» [4]), т. е. сходовъ: «князья малые» у *родовыхъ собраній*, состоящихъ изъ всѣхъ плательщиковъ; «князья большіе»—у собранія *наслежныхъ*, состоящихъ изъ родовыхъ старшинъ и болѣе вліятельныхъ родовичей; наконецъ, «управы»—у собранія *улусныхъ*, состоящихъ изъ всѣхъ князей «малыхъ и большихъ», совмѣстно съ самыми

[1]) 1) Долганскій род.—195 мужч. и 187 женщ.—кочуетъ по обѣимъ сторонамъ Хатанги и Хеты. 2) Іесейскій род.—108 мужч. и 83 женщ.—кочуетъ у Норильскихъ озеръ и въ Авамской тундрѣ.

[2]) Въ 1891 году было предложено якутамъ измѣнить свое управленіе по образцу русскихъ волостей; но, за исключеніемъ Олёкминскихъ якутовъ, всѣ улусы единогласно отклонили это предложеніе, находя его для себя неудобнымъ.

[3]) Не малую роль также играетъ въ наслегѣ подчасъ *наслежный* писарь, хотя онъ лицо вольнонаемное и совершенно частное. Значеніе его, впрочемъ, значительно меньше здѣсь, чѣмъ въ русскихъ селеніяхъ.

[4]) Якуты сходъ зовутъ иногда по-русски «собраніе», чаще, однако, употребляютъ тюркское слово мунихъ. По Бётлингу мунн'ах. стр. 150. Мѣсто, гдѣ собирается сходъ, зовется сугланъ. Слово это попадается въ очень старыхъ воеводскихъ приказахъ, но происхожденіе его сомнительно. Какъ назывались въ старину мѣста сходокъ, узнать не могъ.

Рис. 133. Князь и княгиня

богатыми и уважаемыми людьми въ улусѣ. Рѣшенія и дѣйствія, какъ выборныхъ лицъ, такъ и сходовъ подлежатъ обжалованію и отмѣнѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: родовое — наслежному, паслежное — управскому. Рѣшенія улусныхъ сходовъ и управъ окончательны и подлежатъ контролю только государственной администраціи и государственнаго суда: засѣдателей, исправника, губернатора, окружнаго полицейскаго и областнаго правленія. Власть и вмѣшательство администраціи въ дѣла самоуправленія очень сильны въ Якутской обл. и годъ отъ году возрастаютъ. Якутскіе выборные представители относятся ко всякому чиновнику съ жалкимъ подобострастіемъ.

Между тѣмъ, было время, когда якутскія родовыя власти мечтали о совершенной независимости отъ якутской администраціи. Въ концѣ XVIII столѣтія якуты упорно хлопотали о введеніи у нихъ чего-то въ родѣ «степныхъ думъ» и подчиненіи ихъ непосредственно иркутскому намѣстнику. Въ то время Якутская область считалась частью Иркутской губерніи [1]).

[1]) Въ началѣ Якутскъ и всѣ земли, входившія въ составъ теперешней Якутской области, были подчинены Енисейскому воеводству. Съ 1640 года въ Якутскѣ учреждено особое воеводство. Въ 1708 году Якутское воеводство включено, какъ *уѣздъ*, въ Иркутскую «провинцію». Въ 1775 году городъ Якутскъ опять переименовывается въ «*провинціальный* за великимъ отдаленіемъ и многочисленностью административной дѣятельности; содержаніе ему опре-

Она раздѣлена на комисарства, подкомисарства и воеводскія канцеляріи. Въ 1775 году были коммисарства: Жиганское, Верхоянское, Средне-колымское и Олёкминское и Алданская воеводская канцелярія (въ 70 верстахъ ниже впаденія въ Алданъ р. Бѣлой. (?) [1]). Власть воевод и комендантовъ была огромная и они злоупотребляли ею, о чемъ сохранились до сихъ поръ грустныя въ народѣ преданія и историческіе документы. Якуты пробовали освободиться отъ этой, непосильной подчасъ тяжести, и требовали чтобы комисарамъ и воеводамъ былъ предоставленъ лишь *надзоръ* за безнедоимочнымъ поступленіемъ податей, а взиманіе ихъ было предоставлено ихъ *выборнымъ*, а не назначаемымъ администраціей властямъ; тоже самое — «судъ и расправа» и вся хозяйственная часть управленія. Добились они немногаго: въ 1769 году иркутскому губернатору Брилю приказано «не посылать за ясакомъ сборщиковъ въ якутскіе улусы, а въ случаѣ, если бы якуты не доставили въ срокъ положеннаго съ нихъ ясака, то депутатъ, князецъ ихъ, Софронъ Сыраковъ, самъ долженъ посылать нарочныхъ для бездоимочнаго сбора, чѣмъ ясачные избавятся отъ обидъ, чинимыхъ имъ *сборщиками*» [2]). И этимъ немногимъ не съумѣли воспользоваться якуты: возвышенный указомъ Сыраковъ, сталъ злоупотреблять властью въ свою пользу и возбудилъ всеобщій ропотъ Для народа было безразлично, кто терзаетъ его: русскіе ли хищники, или свои. Покинутый своими Сыраковъ ѣдетъ въ Иркутскъ искать поддержки у намѣстника и находитъ ее; но родовыя традиціи среди якутовъ были еще достаточно сильны, гегемонія «князцевъ» не окрѣпла. Жадные и близорукіе якутскіе олигархи, встрѣтивши двойное сопротивленіе со сто-

---

дѣлено въ 3.853 р. 78 коп., т.-е., вдвое почти меньше, чѣмъ Иркутску. Власть воеводъ ограничена учрежденіемъ прокуратуры. Въ 1783 году Якутская провинція переименована въ область, управляемую «комендантомъ», и подчинена намѣстничеству. (Списокъ воеводъ. Т. II. Семпвскій. Часть VIII, стр. 161. Андріевичъ. Т. IV, стр. 245).

[1]) 1) Жиганское коммисарство имѣло канцеляріи въ Жиганскомъ и Усть-Вилюйскомъ зимовьяхъ; канцелярскій расходъ=235 р. 2) Верхоянское коммисарство—въ Верхоянскомъ Зашиверскомъ и Устьянскомъ зимовьяхъ, канцелярскіе расходы=280 р. 3) Среднеколымское коммисарство—въ Верхне-Колымскомъ, Средне-Колымскомъ, Алазайскомъ и Нижне-Колымскомъ зимовьяхъ; канцелярскіе расходы=639 р. 4) Подгородные улусы на разстояніи 30 до 253 верстъ: Намская и Кангалаская волости подчинены Якутску. 5) Олёкминское коммисарство—въ Чарпнскомъ и Средне-Вилюйскомъ зимовьяхъ и въ Олёкминскомъ острогѣ. Въ Верхне-Вилюйской волости устроено *подкоммисарство*. Коммисарство состояло обыкновенно изъ оберъ-офицера или коммисара, изъ канцеляриста, подканцеляристовъ (одного или двухъ), такого же количества копіистовъ и сторожа. Коммисаръ получалъ жалованья 200 руб., другіе служащіе отъ 30 до 80 руб., сторожъ 10 руб., на канцелярскіе расходы отъ 10 до 20 руб. Алданскому воеводству были подчинены волости: Ботуруйская (Батурусская), Мечинская (Мегенская), Борогонская, Майское и Токторское (?)зимовья и Балчатонская волость (Баягантайская). (Андріевскій. Т. IV, стр. 246). Одно время (въ 1768 году) предполагалось превратить Амгинскую слободу въ *воеводскій* городъ (см. тамъ же, стр. 11).

[2]) Андріевскій. Т. IV, стр. 232.

роны своихъ сородичей и мѣстной администраціи, которая злилась на нихъ за лишеніе доходовъ, потерпѣли неудачу. Ихъ проекты были отклонены, не смотря на благосклонность къ нимъ вліятельныхъ въ Иркутскѣ лицъ.

Только 50 лѣтъ спустя, на короткій срокъ, въ видѣ опыта, была введена «степная дума» *для пяти подгородныхъ улусовъ.* Она просуществовала всего 12 лѣтъ—съ 1825 по 1838 гг. Она состояла изъ «главнаго родоначальника» и 3 засѣдателей, избираемыхъ изъ якутскихъ же родоначальниковъ. Поведеніе ея въ началѣ было сносное. Вилюйскіе якуты тоже просили, чтобы у нихъ, подобно якутскимъ улусамъ, была введена отдѣльная «степная дума». Имъ отказали.

Вскорѣ послѣ этого и Якутская степная дума была закрыта по предписанію генералъ-губернатора Восточной Сибири. Основаніемъ для закрытія послужили слѣдующія соображенія: а) якуты никогда не были подчинены, подобно бурятамъ, одному главному родоначальнику, б) учрежденіе Степной думы въ многолюдномъ городѣ (Якутскѣ) само по себѣ не законно, в) выборъ главнаго родоначальника поднялъ *вражду* (!?) между родоначальниками, г) при томъ содержаніе думы стоило *ежегодно 47 рублей* [1]). Съ тѣхъ поръ государственный контроль надъ якутскимъ самоуправленіемъ ни чѣмъ не разнится отъ контроля надъ волостнымъ правленіемъ русскихъ общинъ.

Собственно говоря, контроль этотъ проникаетъ всюду и самое законное рѣшеніе можетъ быть пріостановлено, обжаловано и отмѣнено простымъ предписаніемъ полиціи. Это и практикуется постоянно, благодаря проискамъ всякихъ міроѣдовъ и воротилъ изъ мѣстныхъ богачей. Главное, конечно, вниманіе высшей администраціи обращено на взносъ податей. Принципъ государственнаго обложенія якутовъ до сихъ поръ не ясенъ. Однѣ подати они платятъ съ *ревизской*, а другія съ *рабочей* души, однѣ подати считаются *государственными* а другія *земскими.* Народъ смотритъ на это значительно проще: для него все равно, какъ офиціально называются подати; всѣхъ ихъ онъ зоветъ «царской дорогой» ырахтагы суола, за исключеніемъ суммъ, идущихъ на содержаніе управъ и внутреннія нужды. Для него важны *размѣры обложенія.* Подати онъ распредѣляетъ и называетъ по своему [2]).

---

[1]) Д. Павлиновъ. Дѣло № 13 Якут. Ст. Ком. «Объ имущественномъ правѣ якутовъ».

[2]) Не безъинтересно указать размѣръ обложенія; на дѣлѣ онъ отличенъ отъ офиціальнаго, но привожу извѣстныя мнѣ офиціальныя данныя для сравненія:

По Павлинову на ревизскую душу приходится:

въ Якутскомъ округѣ . . . . . 1,40 к.
» Олёкминскомъ округѣ . . . 1,33 »
» Вилюйскомъ » . . . 1,50 »

По полученіи изъ Областнаго правленія смѣты съ распредѣленіемъ суммъ по улусамъ и наслегамъ, инородныя управы созываютъ улусное собраніе, представляютъ смѣты, присчитываютъ къ нимъ общіе улусные расходы и разсылаютъ по наслегамъ въ родовыя правленія. Тамъ наслежныя собранія, присчитавъ къ нимъ свои наслежные расходы, опредѣляютъ величину оклада по «классамъ» и, распредѣливъ между родами, поручаютъ капраламъ собрать деньги къ извѣстному сроку. Собранныя деньги наслежный староста самолично отвозитъ въ городъ въ казначейство. Распредѣленіе и взиманіе въ принципѣ раздѣлено другъ отъ друга и должно служить взаимнымъ контролемъ.

Теперешнее якутское распредѣленіе податей внутри наслеговъ «по классамъ» явилось результатомъ своеобразнаго сочетанія стариннаго *казацкаго* обложенія съ позднѣйшимъ *поземельнымъ* обложеніемъ, введеннымъ съ 1763 г. М. Черкашенниковымъ. Якутскіе «классы» нерѣдко зовутся порусски: Пербый, Опторой, Ытретій «классъ», но они мѣстами и по сейчасъ удержали былыя свои названія: 1) *соболь*, кисъ, 2) *лисица*, сасылъ, 3) ? бётегё. Въ старину оклады эти назывались: *соболиный*, *лисій* и *бетеге*—неизвѣстнаго мнѣ звѣря, повидимому, *рысь*, бёдёрь или бёгё. Теперь, конечно, всѣ подати вносятся деньгами. Яку-

въ Верхоянскомъ округѣ . . . 1,38 »
» Колымскомъ » . . . 1,22 »

Въ Мегенскомъ улусѣ въ 1890 г.

Душъ въ Мегенскомъ улусѣ считается 8.213.

Ясакъ по 90 к. съ рабочей души.	90 к.
Государств. подуш. подать съ ревиз. души . .	12 »
Губернск. повинности съ ревиз. души	38 »
Частныхъ повин. (земскихъ) съ ревиз. души .	29 »
Мірского капитала по 3 к. съ рабоч. души .	3 »
Ружнаго сбора съ ревизской души по	26 »
Казеннаго капитала съ рабоч. души	5 »
Итого	2,03 к.
Улусныхъ съ души	$89^3/_4$ к.
Итого	$2.92^3/_4$ к.

Улусные расходы Мегенской управы:

На капраловъ, служащихъ въ управѣ .	582 р.	25 к.
Добавочнаго сторожа	246 »	39 »
Переписчику	120 »	— »
На обученіе 15 учениковъ	910 »	— »
Наслежнымъ писарямъ	610 »	63 »
Сборщикамъ податей (капраламъ) . .	705 »	16 »
Междудворныя лошади	*2.600* »	— »
Ссыльные (содержаніе)	*1.600* »	— »
Итого . . .	7.374 р.	43 к.

ты полагаютъ, что подати взимаются *за пользованіе землею* и пропорціонально ея количеству [1]).

Количество земли опредѣлено обычаемъ. Принято считать, что первый классъ владѣетъ отъ 3 до 4-хъ кюре; второй 2 или 3 кюре, третій—однимъ кюре. Кюре (остожіе), то есть земельный пай, какъ я писалъ выше, бываетъ разной величины и достоинства не только въ одномъ и томъ же улусѣ, но и въ одномъ и томъ же наслегѣ. Лучшими, конечно, владѣетъ *первый классъ* и достоинство ихъ сплошь да рядомъ далеко превосходитъ кюре другихъ «классовъ». Самые правильные паи у *втораго* и *третьяго* класса.

Налогъ по всей Области приблизительно колеблется: для перваго класса между 25 и 18 рублями въ годъ, для втораго между 18 и 12, для третьяго между 8 и 3, глядя по мѣстности. Предполагается, что налогъ втораго класса долженъ равняться $^3/_4$, а налогъ третьяго класса $^1/_3$ или даже $^1/_4$ перваго класса, т. е. *долженъ быть прямо пропорціоналенъ* количеству кюре. На сѣверѣ, въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ, хотя и принято такое же дѣленіе на классы, но такъ какъ земля во многихъ уголкахъ этой мѣстности не имѣетъ того значенія, что на югѣ, то и подати взимаются по *старинному*: сообразно съ степенью зажиточности плательщика, числомъ работниковъ-промышленниковъ въ семьѣ, хилостью остальныхъ членовъ и тому подобныхъ соображеній. Тамъ сохранился еще *четвертый классъ*, называемый «послѣднимъ» кутуруксутъ или «промышленникъ» бульчутъ. Это бобыли, не имѣющіе ничего кромѣ рукъ; они платятъ только ясакъ—1 руб. въ годъ. Тамъ, гдѣ деньги такъ дороги, какъ это имѣетъ мѣсто на сѣверѣ Якутской области, трудно, ужасно трудно этимъ бѣднякамъ давать и *рубль*. Натуральныя повинности на югѣ всѣ переводятся на деньги, а затѣмъ сдаются въ *подрядъ*. Такія повинности, какъ междудворная гоньба, постройка общественныхъ зданій, мостовъ, изгородей, всюду сдается *въ подрядъ*. Такія же, какъ починка дорогъ и мостовъ, требующія большаго количества людей производятся міромъ. Содержаніе якутовъ бѣдняковъ, кумалановъ и итымни, лежитъ только на двухъ первыхъ «классахъ» и производится такъ, что каждый плательщикъ кормитъ нищаго опредѣленное число дней въ году, сообразно своему классу и количеству пищихъ въ своемъ *родѣ*. Поселенцевъ, хаилахъ, иногда содержатъ такимъ же образомъ, иногда отдаютъ содержаніе каждаго отдѣльнаго человѣка въ *подрядъ* [2]) желающимъ; иногда даютъ поселенцу на руки деньги или продукты.

[1]) Количество всѣхъ податей, платимыхъ ежегодно всѣмъ населеніемъ, достигаетъ 25.000 р.

[2]) Подрядъ на содержаніе поселенца обыкновенно очень высокъ, достигаетъ 10 даже 20 руб. въ мѣсяцъ, и все-таки желающихъ не находится; всѣ боятся кроваваго конца или какой-нибудь гадости со стороны пансіонера.

Самая древняя изъ натуральныхъ повинностей, повидимому, почтовая гоньба. Уже въ наказѣ подъячему Курдюкову въ 1685 г. говорится о томъ, чтобы повинностью этой ясачные сборщики не злоупотребляли: «у якутовъ лошади добрые не отымали силно, а вмѣсто тѣхъ добрыхъ не давали имъ иноземцамъ свои худыя лошади сильно же», что случалось, очевидно, часто и дошло до Москвы. Въ виду этого приказано брать «подъ казну Великихъ Государей... лошади и быки, каковы дадутъ на томъ и ѣхать» [1]). Кромѣ того требуются проводники и ямщики. Гмелинъ въ свое путешествіе въ 1732 г., начиная отъ границъ Якутской области, все время пользуется якутскими гребцами [2]). Якутскія семьи были выселены на тракты Олёкминскій, Охотскій, Аянскій, Верхоянскій и Колымскій для отбыванія почтовой гоньбы.

Во время Великой Камчатской экспедиціи повинность эта такимъ тяжелымъ бременемъ легла на населеніе, что Гмелинъ всеобщее обѣдненіе и переходъ къ культурѣ рогатаго скота приписываетъ главнымъ, образомъ перевозкѣ, огромнаго количества грузовъ и вызванному имъ падежу лошадей. Миддендорфъ сообщаетъ, что одпаго провіанта для войска, находившагося въ Охотскѣ и Камчаткѣ, перевозилось якутами въ годъ до 34,000 пуд. До 1807 года, когда въ Охотскъ было отправлено впервые судно «Sloop Diana» кругоморскимъ путемъ, всѣ припасы перевозились цѣлое столѣтіе изъ Якутска въ Охотскъ сухимъ путемъ. Ежегодно казна забирала для подводъ *десять тысячъ*, а американская компанія до *трехъ тысячъ* лошадей. Купцы платили отъ 35 до 45 руб. за наемъ подводной лошади, но и то якутамъ не оставалось барыша» [3]).

Можно безъ преувеличенія сказать, что весь сѣверо-восточный уголъ Азіи завоеванъ и изслѣдованъ на якутскихъ лошадяхъ и благодаря ихъ даровой ямской гоньбѣ. Еслибы перевести ее на деньги, она дала бы огромныя суммы, израсходованыя якутами на удовлетвореніе этой потребности.

Закончу этотъ обзоръ якутскихъ родовыхъ учрежденій и ихъ самоуправленія замѣткой объ якутскомъ судопроизводствѣ. Якутскій судъ это, собственно говоря, сходъ: родовой, наслежный, улусный, смотря по обстоятельствамъ. Суды эти подлежатъ другъ другу, какъ апелляціонныя инстанціи. Якуты очень любятъ судиться и присутствовать при разбирательствахъ. Болѣе важныя дѣла всегда переносятся въ сходъ. На сходѣ присутствующіе именитые люди обыкновенно вставляютъ свои замѣчанія, которыя вы-

---

[1]) Акты историческіе, томъ V, стр. 196 и 197.

[2]) Онъ описываетъ, какъ на Титъ-Ары якуты, завидѣвъ путешественниковъ, разбѣжались и онъ «не счелъ возможнымъ собрать ихъ». Reise. B. II p. 386.

[3]) Миддендофъ, отд. VI, стр. 770.

слушиваются со вниманіемъ и, хотя окончательный приговоръ произноситъ предсѣдатель схода, но онъ по большей части передаетъ въ сжатой формѣ только общее рѣшеніе. Тяжущіеся становятся передъ засѣдающими родовичами безъ шапокъ и, учащенно кивая головою, а въ болѣе важныхъ мѣстахъ дѣлая поясныя поклоны, по очереди излагаютъ свое дѣло; свидѣтели вызываются и допрашиваются тутъ же, а непослушные приводятся капралами. Судьи обязательно должны сидѣть. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ принято, чтобы они надѣвали непремѣнно на голову шапки.

Въ старину якутскому родовому суду подчинены были всѣ дѣла со включеніемъ убійствъ, но уже въ грамотахъ конца XVII столѣтія начинаютъ встрѣчаться ограниченія. Въ выше приведенномъ наказѣ подъячему Курдюкову говорится, между прочимъ: «и буде которые якуты учнутъ бить челомъ великимъ государямъ другъ на друга въ искахъ своихъ, цѣною въ пять рублей, и тебѣ въ такихъ искахъ имъ якутамъ судъ давать и съ суда указъ учинить вправду, безволокитно, потому что по указу Великихъ Государей и по грамотѣ, по ихъ иноземскому челобитію, въ дальнихъ ясачныхъ волостяхъ и въ зимовьяхъ ясачнымъ сборщикамъ, велѣно иноземцевъ судить, по ихъ иноземному челобитію, не въ большихъ исковыхъ дѣлахъ, въ двухъ, или въ трехъ, или въ пяти рубляхъ, вмѣстѣ съ ихъ иноземскими князцы и съ лучшими людьми, а безъ нихъ тебѣ Евдокиму и въ малыхъ дѣлахъ не судити, чтобы ясачнымъ якутамъ отъ васъ убытковъ и обидъ и налоговъ не было, а съ челобитья со всякаго человѣка пошлины Великихъ Государей имать по осми алтынъ по двѣ деньги; и тѣ судныя дѣла за иноземскими знамены и за своей рукой и деньги привезти въ Якутской острогъ и подать (тебѣ) въ приказной избѣ генералу и воеводѣ Матвѣю Осиповичу Кровкову; а будетъ иску больше пяти рублевъ, а далѣ пяти лѣтъ, и въ такихъ дѣлахъ и въ убійственныхъ дѣлахъ же, расправъ и суда имъ якутамъ въ волостяхъ отнюдь не давать» [1]).

Тѣмъ не менѣе до послѣдняго времени даже уголовныя дѣла, какъ побои, увѣчья, кражи, даже на значительную сумму, разъ онѣ совершались безъ взлома, судились родовыми правленіями. Только съ 1889 года, когда вышло приказаніе преслѣдовать родовыя власти за недонесеніе о такихъ дѣлахъ, кражи стали поступать въ русскіе суды и судиться по русскимъ законамъ. Якуты за кражу обыкновенно наказывали состоятельныхъ штрафомъ, превышающимъ цѣнность украденной вещи вдвое или втрое, смотря по обстоятельствамъ. За побои и увѣчье они присуждали: содержаніе во время болѣзни или одновременное пособіе пострадавшему.

[1]) Акты, т. V, стр. 194

Теперь виновныхъ садятъ въ острогъ, откуда они, къ великому ужасу сосѣдей, почти всегда выходятъ уже отъявленными негодяями. Такія преступленія, какъ изнасилованіе женщины, нарушеніе договора, обманъ, подлогъ, повидимому, не были извѣстны якутамъ и не наказывались. Только нарушеніе брачнаго договора обезпечивалось калымомъ. Нарушеніе границъ и всякіе поземельные споры составляютъ теперь главную часть поступающихъ въ родовыя правленія дѣлъ и исковъ: въ 1867 г. въ Якутскихъ округахъ по официальнымъ даннымъ было рѣшено дѣлъ въ управѣ 1,870 и изъ нихъ поземельныхъ споровъ 1,855; въ Вилюйскомъ округѣ на 3,786 дѣлъ больше половины земельныхъ. Кромѣ пени у якутовъ, какъ наказанія, употребляются еще: публичный при сходѣ выговоръ, отдача въ работу и заключеніе въ карцеръ. Послѣднее, повидимому, русское нововведеніе. Наказаніе розгами совершенно было неизвѣстно якутамъ въ старину. И теперь они прибѣгаютъ къ нему крайне рѣдко и съ большимъ отвращеніемъ. На сѣверѣ не знали даже въ чемъ оно заключается и разъ въ Колымскомъ улусѣ, когда сходъ не зналъ, что дѣлать съ непослушнымъ членомъ и рѣшилъ, по совѣту пріѣзжихъ съ юга якутовъ, высѣчь его, то обратились ко мнѣ съ распросами: «гдѣ слѣдуетъ бить» и нужно ли при этомъ «класть и раздѣвать» или «законъ не позволяетъ». (Колым. ул., Ундига, 1883 г.). Обыкновено, какъ принудительная мѣра бываетъ совершенно достаточно мірскаго давленія. На югѣ, гдѣ мірскія связи ослабли, встрѣчаются уже и ослушники, у которыхъ отбираютъ въ наказаніе скотъ или заставляютъ силою повиноваться. Многія рѣшенія родовыхъ сходовъ поражали меня своей странностью, но присмотрѣвшись ближе къ жизни и обстоятельнѣе распросивши мотивы, я всегда находилъ въ основѣ глубокое уваженіе къ личности и стремленіе къ равенству. Я, конечно, не говорю о рѣшеніяхъ завѣдомо неправильныхъ, несогласныхъ съ обычаемъ и народной совѣстью, вынужденныхъ экономическимъ давленіемъ воротилъ или административнымъ произволомъ.

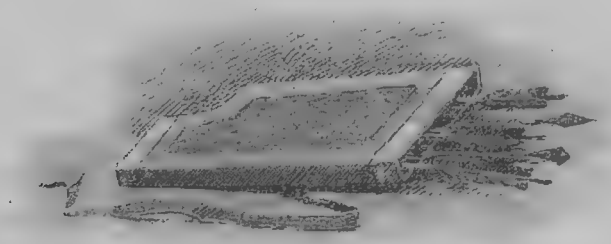


Рис. 134. Колчанъ со стрѣлами.

Рис. 135. Якутская к э р г э н ъ (амгинск. лен. плос., съ фотогр.).

XI. Семья.

У якутовъ, на ряду съ простой семьей, существуетъ сложная, отвѣчающая римской «familia». Они называютъ ее іе-уса, что точно значитъ: материнскій родъ [1]). Кромѣ названія, якутское іе-уса не имѣетъ ничего общаго съ материнскимъ родомъ древнихъ Этрусковъ, Ликійцевъ, современныхъ Деляваръ, Могекенъ и другихъ племенъ, считающихъ родство по женской линіи. Іе-уса считаетъ родство по мужской линіи и охватываетъ всѣ его степени вплоть *до девятаго колѣна*, до легендарныхъ сыганъ, которымъ «не грѣхъ позволить утонуть». Такъ какъ сыганъ, по увѣренію многихъ, составляетъ также границы отчаго рода, ага-уса, такъ какъ въ обѣихъ группахъ счисленіе ведется по мужской линіи, такъ какъ изъ обѣихъ исключаются дѣвушки, вышедшія замужъ, то въ теоріи обѣ группы сливаются. Въ дѣйствительности онѣ сливаются только въ томъ случаѣ, когда отчій родъ, ага-уса, состоитъ всего изъ одного материнскаго рода, іе-уса; тогда одна и та-же группа лицъ является то тѣмъ, то другимъ, смотря по обстоятельствамъ: если дѣло идетъ о ея административныхъ правахъ, поземельныхъ порядкахъ и т. п., она выступаетъ какъ ага-уса, какъ основная единица якутскаго само-

[1]) Іе — мать. уса—родъ.

управленія: если-же говорить о ея внутренней, болѣе интимной связи, она называетъ себя іе-уса. Ага-уса, «отчій родъ», обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ іе-уса, «материнскихъ родовъ»; такъ какъ рѣдко одна семья разростается, въ относительно короткій срокъ, на столько, чтобы могла образовать особый административный центръ, и рѣдко экономическія или географическія причины бываютъ достаточно сильны, чтобы вынудить ее къ этому. Это можетъ случиться только въ совершенно новыхъ мѣстахъ, малолюдныхъ и отдаленныхъ. Обыкновенно вѣтви іе-уса остаются въ одномъ и томъ-же «отчемъ родѣ», хотя родство между ними «вышло» (барамытъ), хотя онѣ достигли предѣла сы(г), и утратилось ясное представленіе о той супружеской парѣ, которая подразумѣвается въ основѣ всякой іе-уса. Такія, утратившія связь вѣтви, образуютъ особые іе-уса, присваиваютъ себѣ исподволь особыя названія и перестаютъ считать себя родственниками «по тѣлу и крови» (кантъ-этъ уру), они удерживаютъ только память общаго происхожденія и причисляютъ себя къ одному и тому-же «отчему роду».

Такъ какъ несомнѣнно доказано, что у якутовъ еще очень недавно, во время пришествія русскихъ, была полигамія, то можно предположить, что подъ ага-уса подразумѣвалось все потомство, происшедшее отъ одного отца, а іе-уса это его вѣтви, происшедшія отъ разныхъ женъ. Это предположеніе, въ свою очередь, заключаетъ догадку, что когда-то у якутовъ существовало материнское счисленіе родства. Преданія о томъ, что многіе отчіе роды и даже цѣлые паслеги получали свое названіе отъ женщинъ, подтверждаютъ это.

Считаю нужнымъ напомнить, что якутскій родъ, по какому бы типу не считалось якутское родство, существовалъ по нашему мнѣнію значительно раньше зарожденія теперешнихъ брачныхъ обычаевъ и теперешней якутской семьи, что былъ онъ, по преимуществу, группой лицъ (кытыгасъ) совмѣстно-владѣющей и пользующейся стадами, домами и охотничьей добычей и что чувство кровной связи было въ началѣ очень смутное. Только по мѣрѣ того, какъ отчетливѣе обрисовывались формы современной семьи, въ тоже время рѣзче обозначались и теперешнія степени родства. Нужно думать, что въ началѣ внутри якутскаго рода различались только: старшіе и младшіе, братья да сестры, матери да дѣти, и уже впослѣдствіи, сравнительно недавно, появились: племянники, внуки, дѣды, тетки и дяди. Внимательное изученіе якутскихъ преданій, якутскихъ названій родства и самого родственнаго ихъ сознанія, дѣлаетъ это почти достовѣрнымъ.

Родство вообще, якуты обозначаютъ словомъ уру; но уру значитъ

вмѣстѣ съ тѣмъ и *свадьба*, и *родство, пріобрѣтенное путемъ брака.* Въ отличіе отъ послѣдняго, родство *кровное* зовутъ эть-канъ урута — родствомъ тѣла и крови. Уже эта прибавка намекаетъ на то, что понятіе *теперяшняго* кровнаго родства выдѣлилось изъ общаго корня, подобно тому, какъ цвѣтъ голубой и зеленый выдѣлились въ языкѣ якутовъ позднѣе изъ общаго корня кюохъ помощью приставокъ: небесный и травяной (халланъ-кюохъ и отъ-кюохъ). Другаго выраженія для понятія *родства* кромѣ уру у якутовъ нѣтъ, если не считать еще болѣе неопредѣленное тӧрдӧ,—что значитъ: корень, начало, происхожденіе. Объемъ уру значительно обширнѣе іе-уса. Напримѣръ: дѣти сестры, даже внуки ея считаются уру; уру будутъ: мать, отецъ, братья жены, между тѣмъ какъ они ни въ какомъ случаѣ не числятся членами іе-уса. Іе-уса могутъ быть только «сородичи» ага-уса, плюсъ *чужеродка-мать.*

Каждое якутское іе-уса имѣетъ особое прозвище; въ настоящее время это по большей части какія-нибудь испорченныя русскія фамиліи, полученныя въ оное время предками при крещеніи отъ крестныхъ отцовъ. Среди нихъ встрѣчаются: Виноградовы, Корякины, Сыромятниковы, Покатиловы, Степановы, Слѣпцовы и т. д. Многія семьи параллельно удержали и свои старинныя чисто якутскія прозвища. Мнѣ, напримѣръ, говорили, что родъ Бӧтюгӧтъ, Хатынгаринскаго наслега (Намск. улусъ) состоитъ изъ четырехъ іе-уса: Хобохтохъ, Кӧтахъ, Сюгехердахъ и Аркы; семьи эти въ офиціальныхъ спискахъ названы совсѣмъ иными русскими фамиліями. Іе-уса Кобелевъ того же наслега, рода Бёчакъ, въ старину называлась Малаханъ іе-уса; іе-уса Носковъ Бётюнскаго наслега, рода Джарба, называется Ыхаръ; Винокуровы Кусаганнельскаго наслега рода Кӧдӧканъ, принадлежатъ къ іе-уса Молохней, и т. д.

Многіе якуты, особенно женщины, очень не твердо знающія свои офиціальныя, русскія фамиліи, всегда почти знаютъ якутскія названія своей іе-уса.

Группа іе-уса и отношенія ея къ ага-уса, какъ мы видимъ, весьма интересны. Въ литературѣ я не нашелъ слѣдовъ, чтобы она была кѣмъ либо до того замѣчена. Я самъ наткнулся на нее очень поздно и черезъчуръ мало собралъ матеріаловъ для болѣе подробнаго ея описанія. Пока ограничусь этимъ краткимъ о ней упоминаніемъ и перейду къ разбору семьи въ узкомъ смыслѣ, въ смыслѣ одной брачной пары и ея дѣтей.

У якутовъ нѣтъ спеціальнаго слова для точнаго обозначенія такой семейной группы. Чаще всего они говорятъ: кэргэнъ [1]). Но кэргэнъ

[1]) Каргäнъ, по Бётлингу. Онъ переводитъ его: familie (стр. 55).

слово двусмысленное: вѣрнѣе всего оно значитъ: *домочадцы*. По поводу его мнѣ давали самые разнорѣчивые отвѣты:

«Кэргэнъ это только мать, отецъ и дѣти, это только родственники, уру. Постороннихъ, хотя они живутъ вмѣстѣ, не называютъ кэргэнъ; развѣ отъ большой дружбы, какъ зовутъ «братъ», хотя онъ и не братъ». (Намскій ул., 1892 г.).

—«Кэргэнъ, это—отецъ, мать, жена, дѣти, это—всѣ тѣ, которые живутъ въ одномъ домѣ; даже посторонніе люди, даже рабочіе и сожители будутъ—кэргэнъ». (Нам. ул., 1891 г.). Я самъ слышалъ, какъ кэргэнъ употреблялось въ смыслѣ «ѣдокъ», въ смыслѣ тѣхъ, которыхъ данное лицо обязано кормить и содержать, при чемъ включались временные «нахлѣбники»: итимни, кумуланъ. Характерно также, что родной сынъ, разъ онъ выдѣлился и ушелъ на сторону,—«сталъ самъ господиномъ», по выраженію якутовъ,—перестаетъ считаться кэргэнъ; между тѣмъ: племянникъ, внукъ, внучка, пріемышъ, разъ они живутъ въ домѣ дѣда или дяди и работаютъ на нихъ, хотя бы въ отхожихъ промыслахъ,—считаются кэргэнъ. Это бросаетъ особый свѣтъ на всю эту группу.

Брачные обряды и былины, гдѣ есть указанія на похищенія женъ въ недавнемъ прошломъ, какъ будто намекаютъ на рабское происхожденіе этой группы. Есть даже прямыя на это указанія: «Чахаръ старинное слово, оно значило тоже, что теперь кэргэнъ. Это слово тяжелое, отъ него люди плачутъ... Хорошіе хозяева его не говорятъ. Я только разъ слышалъ, какъ богачка Лукина, въ сердцахъ, назвала своихъ домашнихъ чахардаръ» [1]). (Нам. ул., 1891 г.).

— «Чахаръ-чахардаръ—это тѣ, которые должны на тебя работать. . это рабы, кулуттаръ. Отъ этого слова сердце сжимается... Теперь вмѣсто него говорятъ кэргэнъ» (Нам. ул., 1891 г). Въ кэргэнъ младшіе подчинены старшимъ, а всѣ подвластны главѣ: отцу, старшему брату, взрослому сыну, рѣже — матери, умной, энергичной вдовѣ. Сестеръ и тетокъ на этомъ посту я не встрѣчалъ; обычай, кажется, не допускаетъ этого. По отношенію къ главенству обычай говоритъ довольно ясно:

---

[1]) Множественное число отъ чахаръ. Чахарами зовутъ въ Китаѣ пастуховъ богдыханскихъ стадъ. Это пограничныя племена, живущія вблизи «великой стѣны». Риттеръ («Землев.» Т. II, стр. 24), Ковалевскій и др. говорятъ, что это *пограничныя Монгольскія войска*. Г. П. Потанинъ считаетъ ихъ за отдѣльное племя. Пишутъ ихъ иногда чахаръ, иногда чжахаръ. Названіе производятъ отъ слова *граница*. Возможно, что якутскіе чахаръ и монгольское чахаръ, простое случайное созвучіе.

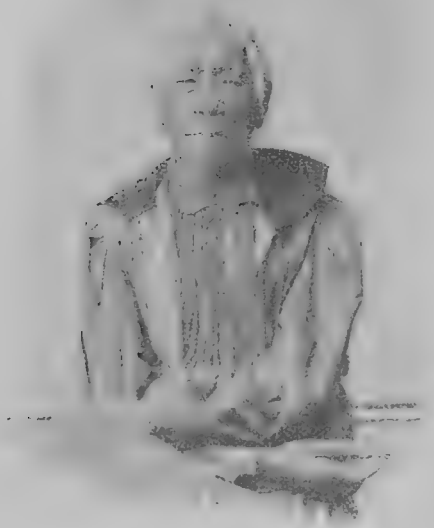


Рис. 136. Старикъ, **отоніоръ**, глава семьи (амгинск. лен. плос., съ фотогр.).

— «Въ семьѣ *кто старше—тотъ глава*, а самый главный *отецъ*». (Балаган. ул., 1885 г.). «Въ семьѣ глава отецъ да мать; отецъ больше, мать меньше. Если отца нѣтъ, а мать глупа или молода, то дядя...» (Верхоян. ул., 1881 г.). «Отецъ-господинъ, онъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Захочетъ—все раздастъ и размотаетъ, захочетъ, даже дѣтей отдастъ посторонним въ работники». (Нам. ул., 1890 г.).

Такіе отвѣты, на прямо поставленный вопросъ о семейномъ главенствѣ, получаются единогласно во всѣхъ уголкахъ Якутской области, но они выражаютъ въ настоящемъ не больше, какъ извѣстное идеальное стремленіе, мораль въ родѣ христіанскаго: «люби ближняго, какъ самого себя». На дѣлѣ же якутская семья представляетъ нѣчто другое и только подчиненіе женщинъ проведено въ ней болѣе строго, подчиненіе же младшихъ старшимъ подлежитъ въ свою очередь еще болѣе общему закону: подчиненія слабыхъ—сильнымъ, неимущихъ—имущимъ. Я знаю, правда, много случаевъ, когда отецъ, старшій братъ, дядя, насильно женили или отдавали замужъ младшихъ членовъ семейства, отдавали ихъ въ работники посторонним на очень тяжелыхъ условіяхъ и всю плату присвоивали себѣ; знаю случай, когда отецъ завладѣлъ вещами сына, отнялъ у него топоръ, лодку, продалъ сѣно, накошенное имъ совершенно самостоятельно, а сынъ только жаловался на свою судьбу и ничего не могъ сдѣлать. (Колым. ул., 1883 г.). Знаю случай, когда родители *продали* 8-ми лѣтнюю свою дочку проѣзжему чиновнику. (Борог. ул., 1884 г. [1]). Много разъ видѣлъ и слышалъ я, что старшіе жестоко бьютъ домашнихъ, особенно женъ и дѣтей, но знаю не менѣе того и обратные примѣры. Знаю случаи, когда младшіе братья играли болѣе видную роль въ семьѣ, чѣмъ старшіе; когда сыновья тоже били до слезъ престарѣлыхъ родителей; когда жена, не стѣсняясь присутствіемъ посторонихъ, грубо обращалась съ хилымъ, болѣзненнымъ мужемъ, даже била его и открыто держала въ домѣ любовника. (Колым. ул., 1883 г., Намск. ул.,

[1]) Купилъ ее нынѣ умершій верхоянскій врачъ Лабуцъ.

1888 г.); когда дочь, сознавая что она единственная въ домѣ работница, совсѣмъ не слушалась родителей, дѣлала что хотѣла, отказалась отъ выгоднаго брака и на глазахъ у всѣхъ гуляла съ парнями. (Колым. ул., 1883 г.). Знаю случаи, когда старики не смѣли продать фунта масла, воза сѣна, не смѣли ничего купить себѣ безъ спроса у взрослаго сына.

Все это не считалось чѣмъ либо необычнымъ и вызывало не больше порицанія со стороны общества, чѣмъ жестокое или несправедливое обращеніе съ дѣтьми. О какихъ-то строго патріархальныхъ отношеніяхъ, о какомъ-то глубокомъ прирожденномъ или воспитанномъ чувствѣ почтенія къ старшимъ у якутовъ не можетъ быть и рѣчи. «Не только не кормятъ, не почитаютъ, не слушаютъ, но часто ругаютъ и бьютъ стариковъ. Самъ, собственными глазами видѣлъ не разъ: бьютъ якуты родителей... Бьютъ и бѣдные, бьютъ и богатые, бьютъ худые, бьютъ и почетные, бьютъ и отцовъ, и матерей...» разсказывалъ мнѣ молодой парень Бётюнскаго наслега (Нам. ул., 1892 г.).

Надъ стариками не прочь въ разговорахъ подсмѣяться: «Чудакъ старикъ, слѣпецъ, дѣлающій на выворотъ, обращающійся назадъ...» говоритъ поговорка. (Нам. ул., 1892 г.).

Въ сказкахъ часто встрѣчаются забавныя описанія стариковъ: «Съ бѣлѣющими на вискахъ волосами, съ пестрыми волосами на темени, съ многоцвѣтными волосами, выростающими изъ носа, съ всклокоченной бородой, говорящій басомъ—господинъ хозяинъ». (Нам. ул., 1891 г.) [1]). Съ дряхлыми, выжившими изъ ума родителями якуты обращаются совсѣмъ дурно. У этихъ, прежде всего, стараются отнять остатки имущества, если таковое имѣется; затѣмъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ они становятся беззащитнѣе, съ ними обращаются все хуже и хуже. Даже въ домахъ относительно достаточныхъ, я встрѣчалъ такихъ живыхъ скелетовъ, худыхъ, морщинистыхъ, полунагихъ, а то и совсѣмъ голыхъ, прятавшихся по угламъ, откуда они выползали только въ отсутствіе посторонихъ, чтобы погрѣться у камина, подбирать вмѣстѣ съ ребятами крошки брошенной пищи, или ссориться съ ними изъ-за того, кому вылизать опорожненную отъ пищи посуду.

Случалось, что ихъ прямо выгоняли вонъ и заставляли нищенствовать, «скитаться межъ юртъ». Это далеко не всегда бываетъ послѣдствіемъ нужды. Въ 1882 году, въ Верхоянскѣ, зимою замерзла въ полѣ старуха нищая, мать жены одного изъ тамошнихъ богачей. *Родъ* не могъ

[1]) Джанчиги аса сарытыйбытъ, инчинъ аса кырыктыйбытъ, мурунъ аса бурутуйбутъ, томтуруйбутъ бытыктахъ, доргоннохъ *сангалахъ* — тоёпъ киси.

заставить зятя кормить старуху, такъ какъ она считалась *другого рода*, а добровольно онъ знать ее не хотѣлъ.

Богачъ Винокуровъ, одинъ изъ выборныхъ членовъ Намской управы, никогда не могъ сладить со своимъ отцомъ старикомъ Нэхэпъ и постоянно судился съ нимъ. Старикъ жаловался міру, что сынъ плохо его кормитъ, что не даетъ платья, что обращается къ нимъ дурно, непочтительно. А сынъ доказывалъ, «что старикъ мотъ, глупъ, привередливъ, что все, что получаетъ, отдаетъ людямъ, что ѣстъ черезъ-чуръ много, и т. п.». Міръ многократно приказывалъ Винокурову-сыну выдавать отцу опредѣленное количество мяса, муки, масла, тару, чаю, сахару: сынъ обѣщалъ, но ничего не исполнялъ, а требовалъ, чтобы отецъ шелъ жить къ нему. Старикъ не соглашался и ходилъ по сосѣдямъ побираясь, пока не умеръ скоропостижно въ полѣ. (Намск. ул., Хатырицкій наслегъ, 1891 года).

Подобныхъ примѣровъ много въ настоящемъ, въ прошломъ было не лучше. Въ сказкѣ «Дуракъ» (Акàры) младшій сынъ, герой и умникъ, ловитъ въ петлю старуху мать, бьетъ ее дубиной, что слушателями принимается за очень забавную шутку. Въ олонго Кёнчё-Бёгё, герой того же имени приходитъ къ отцу-матери «разсерженный, раздосадованный; заставляетъ кричать высокое мѣсто, заставляетъ шумѣть нижнюю преисподнюю. Не входя въ домъ, засовываетъ непосѣду-кнутъ сверхъ нижней колоды главнаго окна и раскачиваетъ домъ, приподымаетъ до тѣхъ поръ, пока по концамъ потолка, сверхъ балокъ, начинаетъ свѣтиться».

Замѣчательно, что расходившагося сына унимаетъ не отецъ, а мать, напоминая, что она «носила его девять мѣсяцевъ подъ жилистой брюшиной, что родила его въ мученіяхъ, выростила маленькаго, воспитала-укрѣпила нѣжнаго—болѣзненнаго».

Да откуда могло взяться у якутовъ особое почтеніе къ старости, когда у нихъ сохранилось еще совсѣмъ живое преданіе о томъ, какъ въ былое время убивали дряхлыхъ матерей и отцовъ?

— «Если кто позволилъ родителямъ умереть своей смертью, то надъ нимъ смѣялись, того ругали говоря: «черный пёсъ, позволившій чорту съѣсть своего отца». (Баягант. ул., 1885 г.).

— «Въ старину сыновья убивали отцовъ. Выроютъ въ лѣсу яму, хитростью заманятъ туда и, столкнувши, засыпаютъ живыхъ землею. Иногда старики были на столько еще крѣпки, что выскакивали и убѣгали, тогда въ догонку имъ пускали стрѣлы». (Намск. ул., 1890 г.).

— «Такихъ крѣпкихъ иногда убивали, что когда, догадавшись, не хо-

[1]) Худяковъ. Сборникъ, стр. 183.

тѣли выходить и прятались въ хотонѣ, то нельзя ихъ было оторвать отъ столбовъ, отъ скамей, и приходилось ломать послѣдніе... Такъ должно быть было,—такъ разсказываютъ». (Нам. ул., 1891 г.). -«Нѣкогда хоронили стариковъ живьемъ. Одѣнутъ ихъ въ лучшее платье, выведутъ хитростью въ лѣсъ, гдѣ уже приготовлена яма, станутъ говорить ласковыя рѣчи и столкнутъ внизъ неожиданно. Убивали иногда такихъ крѣпкихъ, что тѣ успѣвали выпрыгнуть и убѣжать, тогда пускали имъ въ догонку стрѣлы... Иногда старуха мать, догадавшись, испуганная пряталась въ хотонѣ и молила-проспа о пощадѣ, хватаясь за столбы, за колья для привязыванія коровъ... А бывали такія крѣпкія старухи, что двое воиновъ сыновей не могли ихъ оторвать отъ пряселъ, и выволакивали на дворъ вмѣстѣ съ деревомъ... Тутъ, притащивши къ ямѣ, перебрасывали черезъ подставленныя колѣна головой внизъ...» (Намск. ул., 1891 г.).

Отсюда вѣрно источникъ поговорки: «проломивъ отцу голову, живетъ — богатый человѣкъ» [1]). Такъ говорятъ о людяхъ надмѣнныхъ, самоувѣренныхъ, не знавшихъ печали и неудачъ. (Намс. ул., 1892 г.).

Еще хуже ведутъ себя якутскіе сказочные герои относительно *старшихъ* братьевъ, дядей и тётокъ.

Въ олонго «Богатырь Шумный и Богатырь Бѣшеный» *младшій* братъ убиваетъ *старшаго*. (Нам. ул., 1890 г.). Въ преданіи о разбойникѣ Маньчары, тотъ убѣгаетъ изъ дому, сжигаетъ запасы сѣна и дѣлается разбойникомъ только потому, что *старшій братъ* осмѣлился его ударить. (Кол. ул., 1882 г.).

Въ выше упомянутой сказкѣ Акары, герой является въ домъ къ *тётушкѣ*, совершаетъ всякія непозволительныя шалости, наконецъ, убиваетъ ея ребенка и ея мужа. Характерно также, что въ якутскихъ олонго, обратно нашимъ, сильнѣе, удачливѣе, геройчѣе старшихъ героевъ являются *младшіе* ихъ братья и ихъ сыновья, и т. д. Въ жизни съ братьями и дядями церемонятся еще менѣе, чѣмъ съ родителями, если только сила не на ихъ сторонѣ. Сила — грубая сила кулака, или сила голода властвуетъ въ теперешней якутской семьѣ и какъ бы лишній разъ напоминаетъ рабское ея происхожденіе. Правда, я видѣлъ разъ, какъ 70-ти лѣтній безсильный старикъ колотилъ палкой здороваго 40 лѣтняго сына, богатаго, совершенно самостоятельнаго хозяина, чуть ли не выборное родовое лицо, а сынъ стоялъ смирно и не смѣлъ даже уклоняться отъ ударовъ, но старикъ этотъ владѣлъ еще значительнымъ *имуществомъ*, еще имъ распоряжался и держалъ въ

[1]) Ага бага тосту олорбутъ—бай киси.

повиновеніи семью жадностью, страхомъ лишить строптивыхъ доли наслѣдства. (Баяг. ул., Бесъ-анъ, 1886 г.).

Если въ большинствѣ семействъ мораль, требующая повиновенія старшимъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ, то только потому, что въ извѣстный періодъ старшіе оказываются самыми сильными и самыми дѣятельными членами семьи. Добродушіе и уживчивый характеръ отдѣльныхъ личностей нерѣдко смягчаютъ эти отношенія.

Въ зажиточныхъ семьяхъ, гдѣ большое количество скота, или право на большія земельныя угодья или заведенная торговля позволяютъ пользоваться наемнымъ трудомъ и даютъ значительный доходъ, независимо отъ личнаго труда,—власть отца и матери, какъ собственниковъ, особенно перваго, усиливается и держится долго, до того момента, когда старики совсѣмъ одряхлѣютъ и лишаются способности соображать простѣйшія вещи. Обыкновенно смерть застигаетъ ихъ раньше. Такой порядокъ, я думаю, выработался недавно и поддерживается, въ значительной степени, распространеніемъ русскихъ воззрѣній и русскихъ законовъ. Въ старозавѣтныхъ якутскихъ семьяхъ, гдѣ хозяйство основано почти исключительно на скотоводствѣ, гдѣ требуется постоянный личный надзоръ, а значитъ больше личной силы и иниціативы,—моментъ перехода власти въ руки сына наступаетъ значительно скорѣе. А въ бѣдныхъ семьяхъ, живущихъ исключительно трудомъ рукъ и промысломъ сильнѣйшаго или даровитѣйшаго, власть еще быстрѣе переходитъ къ нему. Тщетно борятся съ этимъ старики, никакіе наказы и запреты родовыхъ властей не помогаютъ, не помогаютъ никакія поученія отцовъ. Младшіе естественно стремятся возможно полно воспользоваться результатами своего труда и какъ скоро почувствуютъ силу, начинаютъ бороться за свои права.

— «Что мнѣ сдѣлаютъ?! Возьму и уйду въ городъ, на пріиски, или наймусь въ работники къ богачу... Отъ него ужъ не отнимутъ!.. Пусть требуютъ, пусть возятся... А скотъ все равно сдохнетъ безъ присмотра, богатство разворуютъ люди. Это все равно, какъ бывало въ старину: худые родители— взялъ лукъ да стрѣлы и ушелъ свою долю промышлять, а старики оставались ни съ чѣмъ...» объяснялъ мнѣ свои воззрѣнія одинъ изъ такихъ строптивыхъ, бойкихъ юношей. (Нам. ул., 1891 г.).

Сознаніе своей зависимости отъ дѣтей вполнѣ признается и родителями.—«У насъ нѣтъ, какъ у васъ на югѣ, «банка», гдѣ деньги рожаютъ деньги... Да и что пользы въ деньгахъ дряхлому и одинокому — еще только убьютъ. Да и откуда взять денегъ якуту... Все чѣмъ мы кормимся, чѣмъ одѣваемся, самъ видишь, отъ зёмли, отъ скота... А земля и

скотъ требуютъ постояннаго труда, ухода, досмотра. Не доглядишь, перестанешь трудиться—все сейчасъ же расползлось, разсѣялось, погибло... Деньги тутъ не помогутъ: дѣти, единственно дѣти наша надежда!» (Намскій ул., 1888 г.).

«Для насъ, якутовъ, въ этой нашей ледяной землѣ, имѣть много дѣтей выгоднѣе, чѣмъ имѣть много денегъ и много скота... Деньги разойдутся, скотъ подохнетъ, а хорошія дѣти промышленники, найдутъ, добудутъ». (Колым. ул., 1883 г.).

— «Дѣти—вотъ нашъ капиталъ, но только хорошія дѣти... осторожно оговорился выше упомянутый баягантайскій старикъ Капитонъ, который палкой колотилъ своего 40 лѣтняго сына». (Баяг. ул., 1885 г.).

— «Хорошаго работника и за большія деньги трудно достать, а ребенокъ выростетъ—работникъ будетъ, да еще какой—даровой!..» (Верхоянскъ, 1887 г.).

— «Дѣти—это богатство, только воспитать ихъ трудно!» (Колымскій ул., 1887 г.).

Если исключить физіологическій элементъ родительской любви, который распространяется, главнымъ образомъ, на первые годы жизни ребенка, то въ этихъ чисто хозяйственныхъ соображеніяхъ да въ боязни одинокой жалкой старости, думаю, слѣдуетъ искать источникъ той видимой привязанности къ дѣтямъ и той относительной мягкости въ обращеніи съ ними якутовъ, которые, подчасъ, ставятъ въ тупикъ наблюдателя. Съ одной стороны болѣе рѣдкіе побои дѣтей, чѣмъ среди нашихъ крестьянъ, болѣе привѣтливое и благодушное съ ними обращеніе, съ другой—продажа дѣтей, крайне утилитарное къ нимъ отношеніе и безжалостная эксплоатація ихъ труда.

Изъ страха одинокой старости, думаю, проистекаетъ также та страстная жажда потомства, которая считаетъ безплодіе несчастіемъ, чуть ли не грѣхомъ, а плодовитость—добродѣтелью. (Верх. ул., 1882 г.). Особенно мало-мальски состоятельныя семьи сильно проникаются этимъ несчастіемъ и, въ случаѣ безплодія, многократно обращаются къ богинѣ плодородія Аисытъ, приносятъ ей богатыя жертвы, призываютъ шамановъ и шаманокъ и подвергаются иногда весьма непріятнымъ способамъ лѣченія. Знаю случаи, когда жены мирились съ присутствіемъ любовницъ въ своемъ домѣ, считая это неизбѣжнымъ послѣдствіемъ своего безплодія. (Нам. ул., 1889 г.).

Смерть маленькаго ребенка, встрѣчаемая довольно холодно въ многолюдныхъ семьяхъ, вызываетъ искреннія стоны и причитанія у одинокихъ.

— «Потухъ огонь моего дома, укоротились его искры, остался я

точно черный опаленный столбъ, точно пень безъ сучка, точно дымъ съ разсѣянной верхушкой»! [1]), рыдаютъ они. (Намск. ул., 1891 г.).

Я знаю много примѣровъ отчаянія, вызваннаго утратою дѣтей, разъ нѣтъ надежды имѣть ихъ больше.

Мельникъ Михайло, Бётюнскаго паслега, послѣ смерти единственной 20 лѣтней дочери, бросилъ насиженное мѣсто, оставилъ на произволъ судьбы домъ и мельницу, распродалъ въ убытокъ себѣ скотъ и уѣхалъ въ городъ, подальше «отъ мѣстъ, принесшихъ несчастіе». (Намскій ул., 1890 г.).

Многіе начинали безпросыпно пьянствовать, а одинъ знакомый мнѣ мірской воротило, послѣ утраты единственнаго сына, сталъ вдругъ ко всему равнодушенъ, погрузился въ разгулъ и въ отвѣтъ на всѣ увѣщанія повторялъ ни къ селу ни къ городу: «иные живутъ, ходятъ, работаютъ...» (Намскій ул., 1889 г.).

Если собственныя дѣти, какъ мы видѣли, часто суровы и даже жестоки со старыми родителями, то чего должны они ждать отъ постороннихъ?

Изъ статистики самоубійствъ, гдѣ дряхлые старики составляютъ преобладающій процентъ, изъ жалобъ этихъ стариковъ, часто трогательныхъ и глубоко трагичныхъ, видно, на сколько справедливъ ихъ страхъ предъ одинокой старостью:

— «Пожалѣютъ пищи, отгонятъ отъ огня, ругать станутъ за всякій пустякъ, не доглядятъ въ болѣзни... и такъ, прятаясь по угламъ умираешь медленно отъ холода, отъ голода, точно не человѣкъ, точно скотъ... въ молчаніи...» — жаловалась мнѣ одна бездѣтная одинокая старуха. «Единственная надежда у насъ, якутовъ, на дѣтей, на любовь дѣтей: воспитаешь крошечнаго, маленькаго онъ и привыкнетъ». (Намск. ул., 1889 г.).

Если родители, благодаря личнымъ своимъ недостаткамъ, или особенной черствости ребенка, не съумѣли привлечь его и подчинить себѣ, то раньше или позже въ семьѣ возникаетъ глухая борьба. Женщины—сестры, дочери, матери—въ такихъ случаяхъ бываютъ уступчивѣе; онѣ слабѣе физически, притомъ не имѣютъ никакихъ почти правъ, какъ *члены рода*, не имѣютъ правъ на землю, на имущество, *на независимую* жизнь; онѣ подчиняются очень скоро, чаще всего даже не пытаются бороться. Для нихъ нѣтъ мѣста внѣ семьи. Другое дѣло мальчики: они, прислушиваясь къ обсужденію общественныхъ вопросовъ, быстро знакомятся съ правами мужчинъ и проникаются родовымъ духомъ, отрицающимъ всякія привилегіи, кромѣ личнаго пре-

[1]) См. томъ II.

восходства и труда. По мѣрѣ того, какъ ростетъ количество исполняемой имп работы и выказывается въ тѣхъ или другихъ случаяхъ ихъ ловкость и житейская опытность, они все увѣреннѣе и настойчивѣе требуютъ отъ семьи вниманія къ своему голосу и исполненія своихъ желаній; въ противномъ случаѣ они не хотятъ исполнять предлагаемой имъ работы, или дѣлаютъ ее до того вяло, небрежно, до того все время «пилятъ» стариковъ попреками, что эти постепенно уступаютъ. Разъ якутъ-отецъ замѣтилъ въ сынѣ такія наклонности, онъ торопится выдѣлить его, если только хозяйственныя соображенія допускаютъ это. Въ противномъ случаѣ власть неизбѣжно переходитъ къ сыну. Нѣкоторое время старики офиціально удерживаютъ за собой представительство, иногда сынъ оставляетъ имъ это утѣшеніе до конца жизни, но безъ санкціи настоящаго властелина семьи распоряженія ихъ не исполняются. Центръ вниманія и послушанія ея передвигается отъ стариковъ къ молодымъ. Изъ подневольныхъ, безправныхъ, безсловесныхъ работниковъ они, въ свою очередь, дѣлаются господами и такъ же обращаются со стариками.

— «Пусть плачетъ... Пусть голодаетъ: и я плакалъ отъ нея не разъ, и пищи она мнѣ жалѣла. Била за пустяки!» говорилъ равнодушно сынъ въ отвѣтъ на обращенные къ нему упреки за суровое обращеніе съ матерью. (Нам. ул., 1891 г.).

— «Они не няньчили меня, своего дитятю, такъ, какъ няньчаютъ дѣтей другіе, имѣющіе дѣтей; они не оказывали мнѣ почета, какъ отецъ и мать почитаютъ рожденнаго ими... Они не разу не накормили меня своимъ теплымъ горшкомъ, ни разу не клали спать въ своей теплой пазухѣ, ни разу не разговаривали со мной ласковымъ словомъ. Пусть же лучше вмѣсто этого я буду человѣкомъ не зачатымъ отъ отца, не родившимся отъ матери. Буду лучше человѣкомъ, не пользовавшимся наслѣдствомъ отца-матери...» говоритъ герой олонго Кёнчё-Бёгё. Этого сына, который оказывается сильнѣе и доблестнѣе отца, послѣдній хочетъ собственноручно застрѣлить и посылаетъ на разныя опасности и испытанія [1]).

Въ семьѣ уже уравновѣшенной, гдѣ отношенія вполнѣ установились, власть *главы*, кто бы онъ ни былъ, надъ трудомъ и имуществомъ членовъ не ограничена. Такая семья представляетъ, по истинѣ, рабскую картину. Особенно безотрадно положеніе женщинъ, которыя не играютъ никакой роли въ якутскомъ родѣ и которымъ поэтому не откуда ждать поддержки.

— «Какъ вы это допускаете? Почему отдаете ему? Слушаете его?

[1]) Худяковъ, 176 стр.

Обратитесь къ князю, къ міру!» совѣтовалъ я женѣ, которая жаловалась на эксплуатацію мужемъ труда ея и сына подростка, на его мотовство и распутство, грозившія пустить всѣхъ ихъ по міру.

— «Князю?—сколько разъ жаловалась! Князь выслушаетъ и ничего не скажетъ... а мужъ послѣ еще больше дерется и дѣлаетъ все па выворотъ...» отвѣтила она безнадежно. (Намскій ул., 1891 г.). Чаще всего женщины покорно отвѣчали:

— «Такова судьба, ничего перемѣнить нельзя... ничего не подѣлаешь... Мужчина господинъ, ему нужно покоряться. Онъ все находитъ, онъ насъ питаетъ. Онъ работаетъ внѣ дома, а мы дома...» (Колымскій улусъ, 1883 г.).

Эта работа внѣ дома сводится, главнымъ образомъ, къ участію въ мірскихъ сходкахъ и вѣчному шляпью по гостямъ. Благодаря этому, мужчинѣ, конечно, легче ориентироваться при наймѣ, продажѣ или покупкѣ чего либо, онъ естественно дѣлается развитѣе и сообразительнѣе. Сознательно или нѣтъ, но глава семьи ревниво сохраняетъ за собою монополію внѣшнихъ сношеній и даже отлучки домочадцевъ безъ его вѣдома строго имъ преслѣдуются.

Нажить барыши, добыть съѣстнаго или денегъ, упромыслить что либо на сторонѣ считается, по мнѣнію якутовъ, болѣе цѣннымъ, чѣмъ тяжелый повседневный трудъ, поддерживающій изо дня въ день существованіе семьи. Это называется «добычей», бултъ; человѣкъ «добычливый», бульчутъ, считается «счастливымъ», джоллохъ; семья особенно любитъ и балуетъ его. Думаю, что такое отношеніе къ труду членовъ семьи тоже указываетъ косвенно на военное, хищническое прошлое якутской кэргэнъ.

Въ сущности, доля труда, вносимаго въ семью главою, особенно при болѣе взрослыхъ дѣтяхъ, совсѣмъ незначительна. Только во время сѣнокоса онъ работаетъ наравнѣ съ другими. Остальное время, какъ старинный батырь онъ шляется по окрестностямъ, въ видѣ семейнаго сторожеваго пикета, наблюдая за ея внѣшними интересами. Въ старину, онъ вмѣстѣ съ другими дѣлалъ это для *рода*, теперь задачи его съузились и часто отождествляются съ его личными удобствами.

Надо видѣть какъ раболѣпно относится къ своему главѣ благонравная якутская семья. Никто не смѣетъ стать между нимъ и огнемъ, разъ онъ грѣется у него или смотритъ на него; женщины не смѣютъ тогда даже пройти мимо огня и обходятъ каминъ сзади. Никто не смѣетъ въ его присутствіи возвысить голоса; домочадцы разговариваютъ полушопотомъ; ни игръ, ни суеты. При его появленіи на всѣхъ точно нава-

ливается камень. Даже въ такой добропорядочной семьѣ, какъ семья Аполлона Слѣпцова, на Андылахѣ (Колымскаго улуса), гдѣ я прожилъ около года, и гдѣ духовнымъ главою въ сущности была умная, добрая жена Аполлона, съ появленіемъ послѣдняго въ домѣ водворялась какая-то принужденность: дѣвушки переставали шутить и смѣяться, а парни переставали приходить вечерами на веселыя посидѣлки. Пища ухудшалась, разговоры становились степенными, удручающе скучными, и вертѣлись главнымъ образомъ около того: кто, что и гдѣ «добылъ». Вечера проходили въ уныломъ молчаніи, нарушаемомъ только отрывочными возгласами, да шуршаньемъ кожъ, мятыхъ женщинами въ полутьмѣ, на женской половинѣ, да трескомъ пылающаго огня. Иногда, кто нибудь изъ гостей степенно пересказывалъ новости, а хозяинъ, сидя у огня, лѣниво ему поддакивалъ.

— «Зачѣмъ такая перемѣна?» спросилъ я какъ-то жену Аполлона, «развѣ Аполлонъ не добрый?»—«Нѣтъ... но нельзя ему позволить молодежи шумѣть при себѣ... люди осудятъ и перестанутъ уважать...» (Колымскій ул., 1882 г.).

Тоже желаніе сохранить престижъ заставляетъ мало-мальски зажиточныхъ якутовъ избѣгать нѣкоторыхъ видовъ труда, въ особенности женскаго, который искони считается рабскимъ. Только нужда равняетъ всѣхъ и только въ бѣдныхъ семьяхъ, *нанимающихся на работы*, мы видимъ, что глава, мужъ или отецъ, принужденъ работать, что прикажутъ и не меньше, а пожалуй больше другихъ членовъ семьи. Но это вызвано уже условіями рынка, гдѣ требуется по преимуществу мужской трудъ и гдѣ онъ лучше оплачивается.

И такъ, мы видимъ, что въ якутской кэргэнѣ, всѣ члены являются какъ бы придатками главы. Понятно, что когда члены эти проникаются чувствомъ равноправности и пробуютъ отстаивать свою личность, совмѣстная съ ними жизнь главы дѣлается немыслимой. Понятно также, почему такими строптивыми членами въ якутской семьѣ являются исключительно сыновья; они члены *рода*, по достиженіи извѣстнаго возраста, равные всѣмъ другимъ сородичамъ, въ томъ числѣ и *отцу*. Въ этомъ противорѣчіи и заключается главный источникъ раздѣловъ, до того естественный, что сыновья считаютъ себя обиженными, разъ ихъ долго не выдѣляютъ.

Сами якуты раздѣлы объясняютъ различно:

— «Правда», говорили они мнѣ, «жить и работать вмѣстѣ выгоднѣе, всѣ крупныя семьи богаты, но средп насъ мало согласныхъ семей. Уступать другъ другу мы не любимъ и вотъ, вмѣсто того, чтобы ссориться—дѣлимся». (Нам. ул., 1892 г.).

— «А все отъ женщинъ... Женщины въ семьѣ чужіе люди, пришлые издали... Не сходятся другъ съ другомъ правомъ, не прощаютъ другъ другу сказаннаго слова... Нѣкоторыя мужьямъ невѣрны, тѣ воровки, иныя неряшливы, мотовки, сварливы, лѣнивы... Свекоръ и свекровь не ровно ихъ любятъ... вотъ отчего ссорятся... Изъ за дѣтей, изъ за мужей, изъ за горшковъ, изъ за всякаго пустяка... Ссорятся жены, а за ними и братья, даже сыновья съ родителями, а затѣмъ и дерутся... Вотъ отчего уходимъ». (Нам. ул., 1891 г.).

Все это вѣрно въ томъ только случаѣ, когда авторитетъ отца уже ослабѣлъ; въ противномъ случаѣ живутъ вмѣстѣ по два и по три женатыхъ сына и ссоръ не замѣтно. Но такъ какъ авторитетъ отца легко падаетъ въ глазахъ взрослыхъ сыновей, то среди якутовъ очень мало нераздѣлившихся, много-людныхъ семействъ. Стремленіе къ независимости до того сильно, что я знаю семьи, живущія подъ однимъ кровомъ, совмѣстно владѣющія землей, совмѣстно убирающія сѣно, по которыхъ скотъ, пища, платье и все остальное—раздѣльно. Всѣмъ услугамъ и обмѣнамъ ведется строгій счетъ, пожалуй, болѣе строгій, чѣмъ съ сосѣдями. (Верх. ул., 1882 г.). Не даромъ говоритъ якутская поговорка: «Стадо волковъ не выкапываетъ общей норы...» [1]).

Слышалъ я и такія объясненія:—«Отдѣляемъ сыновей потому, что хотимъ собственными глазами увидѣть, какъ они жить будутъ сами по себѣ, хозяевами... Какова будетъ ихъ судьба, какими станутъ людьми... Мы, якуты, любимъ выводить въ люди. Любимъ глядѣть какъ множится, увеличивается рожденное нами... какъ выростаетъ и богатѣетъ наше потомство... Отъ этого у стариковъ сердце радуется». (Нам. ул., 1892 г.). Несомнѣнно, что къ раздѣлу по большей части побуждаетъ вся совокупность причинъ: и желаніе избѣжать ссоръ, и охота увидѣть, какъ устроится сынъ, и вліяніе инородныхъ женщинъ; но главная причина, мы думаемъ, это боязнь отца потерять власть въ домѣ. Иначе трудно объяснить, почему иногда оставляютъ дома не самыхъ младшихъ, а самыхъ смирныхъ [2]), почему отецъ часто выдѣляетъ обоихъ сыновей, и на ихъ мѣсто беретъ въ домъ подростка внука, племянника, даже чужака-пріемыша. Эти лица, разъ они прожили нѣсколько лѣтъ въ домѣ и работали на семью, пріобрѣтаютъ такое-же право на часть наслѣдства, какъ если-бъ они были родныя дѣти.

Величина доли, получаемой выдѣляющимся членомъ семьи, зависитъ

[1]) Худяковъ, стр. 2.

[2]) Семья Слѣпцовыхъ на Андылахѣ, Колым. ул., 1883 г.; семья Сыромятниковыхъ въ Балаганайскомъ ул., 1886 г.

отъ общаго богатства семьи, отъ количества остающихся малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, наконецъ, отъ расположенія къ нимъ отца.

Якуты говорятъ, что отецъ можетъ совершенно лишить сына наслѣдства, но я такихъ примѣровъ не знаю. За то знаю случаи, когда сынъ судился съ отцомъ за то, что тотъ ему мало выдѣлилъ, что онъ, проработавъ много лѣтъ, получилъ несоразмѣрно мало. Расположеніе отца имѣетъ, конечно, большое значеніе: онъ при жизни въ случаѣ какихъ нибудь злоключеній охотнѣе помогаетъ любимымъ дѣтямъ и настойчивѣе заступается за нихъ въ родовомъ совѣтѣ.

Я не могъ точно узнать, какую долю имущества, при прочихъ равныхъ условіяхъ, получаетъ по обычаю каждый ребенокъ. Кажется, что тогда всѣ они получаютъ по ровну. Выдѣляя перваго сына, отецъ разбиваетъ обыкновенно все свое имущество на равные паи по числу наслѣдниковъ, при чемъ на себя съ женою кладетъ тоже одинъ пай. (Намск. ул., 1891 г.).

— «Братья берутъ ровно. Если сыновей нѣтъ, то берутъ родственники. Тѣ берутъ разно: кто сильнѣе, богаче—беретъ больше, кто слабѣе, не можетъ, тому даютъ меньше; но мы, якуты, думаемъ, что больше слѣдуетъ давать бѣдному, женатому: у него дѣтей много, онъ нуждается, а богатому, холостому, одинокому слѣдуетъ давать меньше... Однако, такъ никогда не бываетъ...» (Нам. ул., 1891 г.).

— «Обыкновенно всѣмъ дѣтямъ, и сыновьямъ, и дочерямъ даютъ поровну... Иногда дочерямъ даютъ больше, жалѣючи. Имъ дать нужно: онѣ уѣдутъ къ чужимъ, если мало принесутъ съ собою, ихъ не будутъ любить»! объясняли мнѣ якуты исключительныя случаи дѣлежа. (Намск. ул., 1890 г.). Въ дѣйствительности чаще бываетъ наоборотъ: сыновья получаютъ больше. Имъ же достаются земли и дома, которые не могутъ быть отчуждаемы въ другой родъ и слѣдовательно исключены изъ женскаго наслѣдства; имъ-же послѣ смерти стариковъ достается весь пай послѣднихъ. Изъ этого пая замужнія дочери не получаютъ ровно ничего; незамужнія же, хотя и получаютъ немного, но наравнѣ съ малолѣтними дѣтьми мужского пола и сами до замужества поступаютъ въ опеку къ братьямъ, дядямъ или другимъ родственникамъ по отцу въ мужской линіи. Въ случаѣ ихъ отсутствія, малолѣтокъ беретъ въ опеку *родъ*; но даже очень близкихъ родственниковъ по матери ни въ какомъ случаѣ къ этому не допускаютъ [1]).

[1]) Привожу для примѣра записанный мною въ Намскомъ ул. *раздѣлъ* сыновей богатаго якута Ивана Слѣпцова. У старика, когда онъ выдѣлялъ старшаго сына, Семена, было 150 гол. скота. Этому сыну онъ далъ 40 гол.; нѣсколько лѣтъ спустя выдѣлилъ средняго

Если смерть застигла отца до раздѣла, то онъ производится семейнымъ совѣтомъ (іе-уса мупяхъ) на тѣхъ же приблизительно началахъ. Рѣшенія семейнаго совѣта могутъ быть обжалованы *роду*.

Духовныя завѣщанія, повидимому, не были извѣстны древнимъ якутамъ. Воля умирающаго исполнялась свято, но она касалась главнымъ образомъ указаній, какъ и гдѣ вырыть могилу и какого коня убить, чтобы похоронить вмѣстѣ съ хозяиномъ, какія положить съ нимъ вещи. Теперь богатые якуты иногда дѣлаютъ завѣщанія, но послѣднія признаются дѣйствительными только тогда, когда онѣ написаны офиціальнымъ лицомъ: родовымъ писаремъ или священникомъ. Это стоитъ очень дорого—не меньше коня или коровы «за труды», поэтому составленіе завѣщаній практикуется крайне рѣдко Кромѣ того якуты чувствуютъ отвращеніе къ составленію заранѣе завѣщанія, которое какъ бы за живо ихъ хоронитъ и лишаетъ, они думаютъ, права распоряжаться имуществомъ.

Иногда, впрочемъ, престарѣлые родители дѣлаютъ въ управахъ офиціальныя, дарственныя записи сыновьямъ и даже посторонимъ, въ которыхъ подробно перечисляютъ сколько имущества передаютъ и на какихъ условіяхъ. Условія сводятся обыкновенно «къ содержанію, присмотру и *почтенію* при жизни и приличнымъ похоронамъ послѣ смерти». (Намск. ул., 1892 г.). Иногда подробно перечислено сколько и чего, въ годъ или мѣсяцъ, должны одаренные доставлять дарителямъ. Эти условія

сына Николая, котораго богато женилъ и далъ 30 гол.; Николай получилъ за женой большое приданое, калымъ за его жену старикъ тоже внесъ большой. Младшему сыну Андрею далъ 40 гол. Послѣднему все не везло: умирали у него жены, сдыхалъ скотъ; самъ Андрей свихнулся, сталъ мотать и играть. Старикъ больше всего любилъ этого сына и при жизни постоянно помогалъ ему. Выдѣливши сыновей, Иванъ взялъ въ домъ Семенова сына, внука Павла. Когда тотъ выросъ, онъ и его женилъ и выдѣлилъ, давши 60 гол. скота. Затѣмъ взялъ у средняго сына, внука Николая. Этого онъ тоже воспиталъ, женилъ, но выдѣлить не успѣлъ и умеръ. Послѣ смерти старика осталось около 150 гол. скота, которыя сыновья его такъ подѣлили между собою:

20 гол. взяла мачиха, вторая жена старика; она столько же привела въ приданое.

10 гол. получила одна изъ малолѣтнихъ ея дочерей, съ условіемъ, что мать передастъ ее вмѣстѣ со скотомъ на воспитаніе Андрею.

20 гол. получила вторая дочь, оставшаяся у вдовы.

10 гол. взялъ Семенъ.

7 гол. взялъ Николай.

15 гол. взялъ Андрей.

10 гол. взялъ Павелъ (внукъ).

30 гол. взялъ Николай (внукъ).

Остальной скотъ ушелъ на похороны, на подарки попу, властямъ; былъ розданъ дальнимъ родственникамъ. Домá, земли, постройки, остальное недвижимое и движимое имущество подѣлили наслѣдники *по согласію*, сообразно *нуждѣ* и *недостачѣ*, по ровну (Намск. ул., 1890 г.).

ведутъ къ непзсякаемымъ недоразумѣніямъ, ссорамъ и судбищамъ, отъ которыхъ всегда страдаютъ интересы стариковъ.

Родъ (ага-уса) крайне неохотно вмѣшивается въ семейныя дѣла; представленіе ихъ на обсужденіе родовому сходу всегда производитъ нѣкоторый скандалъ. Только тамъ, гдѣ сильно задѣты родовые интересы, гдѣ части имущества грозитъ переходъ въ другой родъ, или родители хотятъ передать туда ребенка мужскаго пола, сородичи выступаютъ энергично и дружно.

Съ точки зрѣнія рода больше правъ на наслѣдство имѣютъ дяди, племянники, всякіе братья, чѣмъ, напримѣръ, *родная замужняя дочь*. Вдова, разъ выходитъ вторично замужъ, въ другой родъ, теряетъ права даже на своихъ дѣтей. Знаю случаи, когда послѣ покойнаго, за недостаткомъ родственниковъ въ мужской линіи, наслѣдовали *сородичи*, совершенно посторонніе люди, между тѣмъ, какъ родная сестра умершаго, вышедшая замужъ въ другой родъ, не получила ничего. Родовичи III-го Баягантайскаго наслега вытребовали обратно и раздѣлили между собою часть калыма, внесеннаго покойнымъ за высватанную изъ другого улуса невѣсту. «Онъ съ ней не спалъ, доказывали они... Никто этого не знаетъ!..» (Баягант. ул., III-й урочище Туруялахъ, 1886 г.). Даже если отецъ завѣщалъ или передалъ при жизни часть имущества *дочери, вышедшей замужъ въ другой родъ*, то не обходилось безъ процессовъ и пареканій. Но если семейныя дѣла не вступаютъ въ явную коллизію съ родовыми, то, повторяемъ, родъ не охотно занимается ими.

Существуетъ несомнѣнно скрытый антагонизмъ между интересами рода и семьи. Тонко и изящно онъ отмѣченъ якутами въ слѣдующей легендѣ основанной на дѣйствительномъ происшествіи.

— «Старикъ Іона въ молодости былъ другой. Много онъ народу обидѣлъ, пустилъ по міру, много вослѣдствіи обогатилъ и заставилъ благословлять себя. А случилось это тогда, когда умеръ его единственный сынъ Гаврило-князь. Сталъ тогда старикъ все свое огромное богатство раздавать людямъ... кому въ долгъ, кому совсѣмъ даромъ; бѣднымъ больше, богатымъ меньше. Помогалъ нуждающимся, давалъ на общество. Это онъ выстроилъ нашу управскую церковь. «Зачѣмъ мнѣ скотъ, зачѣмъ мнѣ богатство, одинокому слѣпому?» говорилъ. Онъ ослѣпъ подъ конецъ. И отдавалъ все людямъ, а умирая, деньги, что имѣлъ въ банкѣ въ Иркутскомъ городѣ, внесъ за подати и недоимки своего наслега, за нѣсколько лѣтъ. Таковъ сталъ, нѣкогда жесткій, богачъ Іона...» (Намск. ул. Кусагаппельскій наслегъ, 1891 г.).

Якутская кэргэнъ очень древняя; развитіе ея стоитъ въ какой-то

смутной связи съ разведеніемъ рогатаго скота. Послѣдній называется «женскимъ скотомъ» джахтаръ сюöсю въ противуположность конному «мужскому скоту» эръ киси сюöсю. «Для ухода за рогатымъ скотомъ нужны женщины..» (Баягант. ул., 1886 г.). «Рогатый скотъ все больше около дому, за нимъ и ребенокъ, и женщина присмотрѣть можетъ». (Намск. ул., 1888 г.) Якуты мужчины, не считающіе унизительнымъ доить кобылъ, стѣсняются доить коровъ.

XII. Дѣти.

Рис. 138. Нюстеръ, 7 лѣтній мальчикъ съ Енгжи.

Якутскіе браки довольно плодовиты. Плодовитость уменьшается къ сѣверу, но и тамъ она въ среднемъ всюду выше тунгуской [1]). На югѣ она не уступаетъ плодовитости русскихъ, и даже превышаетъ ее. Къ сѣверу уменьшается количество *не рождаемости* плодныхъ паръ, на сколько я замѣтилъ, а скорѣе увеличивается процентъ совершенно *безплодныхъ паръ*. Въ среднемъ, по увѣренію якутовъ, рождаемость ихъ женщинъ равняется десяти дѣтямъ отъ одного мужчины. Случается-же рожаютъ 20 и болѣе и это далеко не такая рѣдкость, какъ у насъ.

Среди лично извѣстныхъ мнѣ примѣровъ, я отмѣтилъ: одинъ случай 22-хъ рожденій, одинъ 20, одинъ 19; большинство колебалось между пятью и десятью [2]). Періодъ размноженія у якутовъ приблизительно тотъ же, что и у русскихъ, начи-

[1]) По офиціальнымъ даннымъ, первымъ по количеству роженицъ будетъ Олёкминскій округъ, затѣмъ Якутскій, дальше Вилюйскій и Верхоянскій. Только Колымскій окр. стоитъ какъ-то особо: въ немъ процентъ роженицъ то возрастаетъ до 13%, то падаетъ до 5,8%, что, думаю, нужно приписать невѣрности свѣдѣній.

Въ 1879 году, на общее количество лицъ женскаго пола:

Въ Олёкминскомъ округѣ	3,993	рожденій	293 (7,3%).
» Якутскомъ округѣ	59,777	»	3,328 (5,5%).
» Вилюйскомъ округѣ	27,039	»	1,605 (5,8%).
» Верхоянскомъ округѣ	5,521	»	205 (4,8%).
» Колымскомъ округѣ	1,675	»	98 (5,8%),

(Стат. свѣд. Якут. Обл. 1879 г.). Цифры рожденій меньше дѣйствительныхъ, такъ какъ цѣлая масса новорожденныхъ, умершихъ до крещенія, не поступила въ списки.

[2]) Привожу нѣсколько записанныхъ мною случаевъ: 1) якутка Намскаго ул., Бётюнскаго нас. Федотія Сарина (по мужу), была повѣнчана на 20-мъ году, прожила въ заму-

нается на 15—18 году и кончается на 45 — 50. Знаю, впрочемъ, случаи когда забеременивали 12 лѣтнія дѣвочки и случаи, когда рожали *60 лѣтнія старухи.* О мужчинахъ якуты того мнѣнія, что въ 60, даже въ 80 лѣтъ они способны имѣть дѣтей.

Многіе изъ нихъ сходятся съ женщинами очень рано; богачи женятъ своихъ сыновей очень рано. Я знавалъ въ Баягантайскомъ улусѣ 14 лѣтняго мальчика женатаго уже два года; онъ былъ неповѣнчанъ, но жилъ съ женою въ домѣ отца, такъ какъ калымъ за дѣвушку былъ уплаченъ. Ранніе браки якуты плодовитыми не считаютъ. «Кто очень рано женится, немного дѣтей имѣетъ. Кто рано съ женщинами балуется, скоро ихъ любить перестаетъ; такъ замѣчаемъ мы, якуты» (Намскій ул., 1891 г.).

Якуты представляютъ примѣръ народа, гдѣ преобладаетъ не только количество рождающихся младенцевъ мужскаго пола, но и взрослыхъ мужчинъ надъ женщинами. По поводу преобладанія младенцевъ мальчиковъ я слышалъ такое мнѣніе: «Плодовитая женщина всегда рожаетъ больше мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ.

«Безъ ошибки можно сказать, что женщина, родившая 18—20 разъ, принесла не менѣе 12—14 мальчиковъ и только 5 дѣвочекъ» (Намскій

жествѣ 30 лѣтъ; рожала девять разъ; изъ числа дѣтей семеро умерло, одно родилось мертвымъ, въ живыхъ осталась одна дочь. 2) Акулина Сарина (по мужу), того же улуса и наслега, вышла замужъ на 18 году, въ настоящее время ей 36 лѣтъ, рожала девять разъ; всѣ дѣти умерли (1891 г.). 3) Дарья Сарина (по мужу), того же улуса и наслега; вышла замужъ на 19 году, теперь ей 30 лѣтъ; первыя три года у нея не было дѣтей, затѣмъ стала рожать ежегодно, всѣ дѣти умерли (1891 г.). 4) Настасья Карякина, того же улуса Хатынгаринскаго нас. рода Кирджигесъ, вдова, вышла замужъ *тринадцати* лѣтъ, въ настоящее время ей 50 л.; рожала 10 разъ, послѣдній разъ три года тому назадъ, осталось въ живыхъ дѣтей двое: сынъ и дочь. 6) Марья Винокурова, того же улуса Кусагаппельскаго нас., рода Кёдёканъ, прожила 70 лѣтъ, рожала 20 разъ, въ живыхъ осталось только пять дѣтей. 6) Агафья, того же улуса Кусаган. нас., рода Бороджой; рожала 19 разъ, въ живыхъ осталось пять сыновей и двѣ дочери. 7) ? Слѣпцова, Верхоянскаго улуса, Юсальскаго нас., между 16 и 24 годами рожала 6 разъ отъ разныхъ мужчинъ; дѣтей осталось въ живыхъ—одно. 8) ? Слѣпцова, Колымск. ул., Камаласкаго пас., вышла замужъ на 20 году; въ продолженіи 8 лѣтъ рожала пять разъ; всѣ дѣти въ 1883 году были живы (*Ежа*, 1883 г.). 9) ? Слѣпцова Колымскаго ул., Камаласкаго пас.; во время опроса было ей 80 лѣтъ отъ роду: на которомъ году вышла замужъ—не помнитъ, кажется, на 15, рожала *22 раза*; послѣдній разъ была беременна на 60 году. Одиннадцать дѣтей осталось въ живыхъ. Дождалась внуковъ; вся ея разросшаяся семья состояла въ то время изъ 24 человѣкъ: 4 сыновей, 2 дочерей невѣстъ, одной вдовы, 4 дочерей замужнихъ, 8 внуковъ, 4 внучекъ и 1 правнука. Приведу еще нѣсколько примѣровъ болѣе крупныхъ извѣстныхъ мнѣ якутскихъ семействъ: 1) Семья вдовы Алёны Хатынгаринскаго нас., Намск. ул. рода Хамалга 6 сыновей, 2 дочери и 12 внучатъ, живутъ врозь. 2) Семья Микифора, Бётюнскаго нас., рода Нуччча—5 сыновей, 2 дочери, 15 внуковъ, живутъ врозь. 3) Турулинъ, Одейскаго нас. — 6 сыновей, ? дочерей; вся семья вмѣстѣ съ внуками и невѣстками состоитъ изъ 48 лицъ; живутъ врозь, семьями.

улусъ, 1891 г.). Безплодіе въ супружествѣ якуты приписываютъ исключительно женщинамъ [1]).

«Если нѣтъ дѣтей — виновата баба...» (Намск. ул., 1890 г.). Безплодныя женщины держатъ себя въ семьѣ какъ-то особенно покорно и застѣнчиво. Впрочемъ, я слышалъ и болѣе осмысленныя объясненія безплодія: «Если мужъ и жена сильно разнятся въ годахъ, если жена много старше мужа — дѣтей не бываетъ» (Намск. ул., 1889 г.). «Если мужъ и жена не любятъ другъ друга, то дѣтей будетъ мало, или совсѣмъ не будетъ: не жмется женщина къ мужчинѣ, котораго не любитъ... откуда же возьмутся дѣти?!...» (Намск. ул., 1891 г.).

Обиліе дѣтей, какъ я это отмѣтилъ выше, считаютъ за «божье благословеніе». Не смотря на вообще страстный, ревнивый темпераментъ якутовъ, мужья въ разсчетѣ на потомство не прочь смотрѣть сквозь пальцы на шалости жены, разъ сами потеряли надежду имѣть отъ нея *собственныхъ дѣтей*. Я знаю случаи, когда мужья любили и баловали, какъ родныхъ, дѣтей завѣдомо прижитыхъ женами отъ посторонннихъ. «Все равно ребенокъ... Беремъ же мы чужихъ ребятъ!...» (Намск. ул., 1890 г.). Якуты охотно усыновляютъ дѣтей или вступаютъ съ родителями въ сдѣлки «на всегда» или «на время». Въ первомъ случаѣ усыновляющіе платятъ обыкновенно родителямъ или роду, во второмъ — сами требуютъ вознагражденія. Вознагражденіе это, впрочемъ, небольшое: нѣсколько рублей въ годъ или подарокъ. Только когда богачи отдаютъ бѣднякамъ по суевѣрнымъ побужденіямъ «питать дитя», тѣ, какъ плату, обыкновенно получаютъ корову въ удой и постоянныя подачки пищей и деньгами. Какъ съ взятыми на воспитаніе или усыновленными, такъ и съ собственными дѣтьми якуты, обыкновенно, обращаются довольно внимательно. Тѣмъ не менѣе дѣти мрутъ въ первые годы ужасно. «Мрутъ эти наши ребята безъ числа. Только такъ зря мучатся, рожая, якутскія женщины», простодушно признаютъ якуты (Намск. ул., 1888 г.).

Зависитъ это отъ нужды и общаго низкаго уровня культуры, не до-

---

[1]) Вообще виновна въ рожденіи дѣтей по якутскимъ понятіямъ женщина. По этому поводу позволю себѣ привести небольшую историческую справку. «Въ Якутскѣ прошелъ слухъ, что одна якутка родила страшнаго урода. Якуты со страхомъ говорили объ этомъ явленіи, считая его предвѣстникомъ несчастія, потому что во всѣхъ уродахъ они видятъ воплощеніе злого духа. Они вѣрятъ, что число чертей постоянно увеличивается, и что всѣ черти страшно некрасивы... Я послалъ за отцомъ новорожденнаго и узнаю отъ него, что уродъ родился въ февралѣ, въ его отсутствіе, отъ 45-ти лѣтней якутки, изъ рода Мелшехсина (?), живущаго въ Мегинскомъ округѣ. Отецъ называется Турунъ, 76-ти лѣтъ, Бирининскаго рода (?). Отецъ отрицалъ всякую *виновность* съ своей стороны въ рожденіи урода, ссылаясь на то, что онъ прижилъ *съ семью женами 22 ребенка* вполнѣ здоровыхъ, не считая урода, единственнаго прижитаго ребенка съ восьмой женой (Гмелинъ, В. II, pp. 455—459).

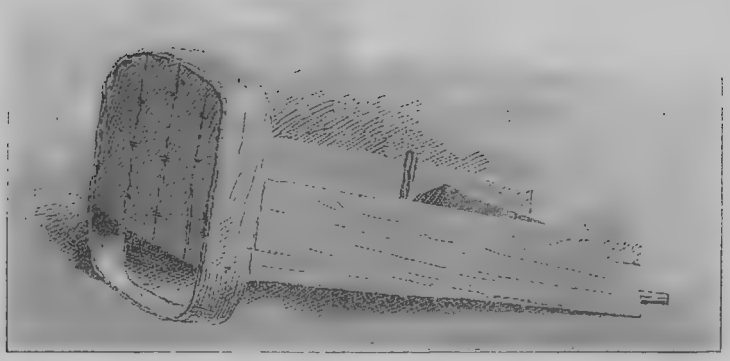


Рис. 139. Якутская зыбка.

пускающихъ, пока, иного ухода за дѣтьми, кромѣ существующаго, даже у богачей. Уходъ этотъ очень простъ.

Бабка, получивъ новорожденнаго (нирей ого), несетъ его сейчасъ же передъ пылающій огонь и тамъ, поливая изо рта водою иногда подогрѣтой, а иногда холодной, моетъ его наскоро. Умывши, тутъ же натираетъ всего свѣжими сливками. Умываніе и купаніе ребенка, обыкновенно, ограничивается этимъ однимъ разомъ, если же повторяется, то очень неправильно и въ длинные промежутки времени. Купанье, по мнѣнію якутовъ, предрасполагаетъ къ простудѣ, да оно и среди взрослыхъ не въ обычаѣ. За то ребенка часто натираютъ сливками и чѣмъ чаще, тѣмъ это считается полезнѣе. Во время натиранія, ребенка слегка подогрѣваютъ у пылающаго огня, причемъ сливки быстро всасываются кожей; старательно разминаютъ, «правятъ»: ножки, спину, животъ и ручки, чтобы они «не были кривыя» (Верхоянскъ, 1881 г.). Младенцевъ пеленаютъ только на время сна широкимъ мягкимъ «ровдужнымъ» ремнемъ.

Спятъ дѣти обыкновенно въ лубяной зыбкѣ, похожей на небольшое продолговатое лукошко, съ лубянымъ-же навѣсомъ, придѣланнымъ надъ головой. Ребенокъ закрывается сверху мѣховымъ одѣяльцемъ и зашнуровывается ремнями, привязанными къ краямъ зыбки; подъ него-же подстилаютъ какое-нибудь старое тряпье, стружки или измельченное гнилое дерево, конечно, высушенное. Между ногъ помѣщаютъ трубочку, приспособленную для стока мочи наружу. На ночь зыбку мать ставитъ около себя. Первые три дня новорожденнаго кормятъ мало. Въ иныхъ мѣстностяхъ всѣ эти три дня совсѣмъ не даютъ молока, а вмѣсто него жидкій чай и подслащенную воду или соску изъ старой просфоры, сухарей, вообще хлѣба. Затѣмъ, мать начинаетъ кормить грудью, а въ случаѣ не-

достатка молока, ребенка сразу пріучаютъ къ рожку и коровьему молоку [1]).

Безъ рожка не обходится ни одинъ якутскій ребенокъ, такъ какъ у якутокъ, обыкновенно, молока не много. Грудью кормятъ дѣтей очень долго. Я видѣлъ пяти-лѣтнихъ мальчугановъ, которые, завидя сосущихъ младшихъ братьевъ, ревѣли до тѣхъ поръ, пока и имъ не давали хоть немножко пососать. Особенно часто даютъ сосать ночью, ради успокоенія ребенка; за то днемъ иногда долгіе часы дитя лежитъ голодное, иззябшее, мокрое и неистово реветъ на всю юрту, въ перебой съ привязанными въ углу телятами; оно тщетно взываетъ къ матери, работающей во дворѣ или сильно занятой внутри дома. Вообще поплакать у якутскихъ дѣтей причинъ не мало: то насѣкомыя ихъ ѣдятъ, то холодно, то голодно, то желудокъ рѣжетъ отъ прокисшаго молока. Якуты мирятся съ этимъ и только стараются не давать дѣтямъ сильно «закатываться», отчего, по ихъ мнѣнію, ребенокъ глупѣетъ. (Верхоянскій ул., 1882 г.). Убаюкиваютъ якуты дѣтей, качая въ люлькѣ, для чего послѣдняя снабжена въ головахъ полукруглымъ поперечнымъ полозомъ. Усыпляютъ также легкими, быстрыми ударами по боку и ягодицамъ, что при тихомъ, однообразномъ напѣвѣ дѣйствуетъ на ребенка замѣчательно спотворно. Нѣкоторыя матери употребляютъ еще одинъ способъ усыпленія (преимущественно съ капризными мальчиками), который на всю жизнь прививаетъ имъ нерѣдко ужасную болѣзнь [2]).

Къ новорожденнымъ якуты не проявляютъ особенной нѣжности. Въ первыя недѣли, повидимому, только матери обращаютъ на нихъ вниманіе: онѣ нюхаютъ, цѣлуютъ и ласкаютъ ихъ съ замѣтной страстью [3]). Отцы же относятся къ новорожденнымъ довольно таки холодно. Рѣдко случается, чтобы въ первыя недѣли отецъ взялъ дитя на руки. Молодые мужчины, какъ я могъ замѣтить, даже стыдятся и брезгаютъ дѣтьми. Только

---

[1]) Рожокъ этотъ есть отпиленный конецъ коровьяго рога, обдѣланный ножомъ. Къ нему привязываютъ сосокъ изъ вымени коровы, вмѣсто гутаперчи. Ребенка кладутъ навзничь, въ роть всовываютъ сосокъ, мать поддерживаетъ рожокъ и подливаетъ въ него изо рта молоко, по мѣрѣ того какъ оно высасывается ребенкомъ. Когда ребенокъ подростетъ, онъ самъ держитъ рожокъ руками.

[2]) Опанизмъ.

[3]) Пеленая или убаюкивая, онѣ разговариваютъ съ ними и даютъ имъ разныя ласкательныя прозвища, въ родѣ: аччигійканъ—малюсенькій, кутаи—искорка, кудел (богатырь, тююнъ (смягченное догорумъ)—товарищъ-другъ мой, бырактанъ—исковерканное бараксанъ)—бѣдняжка, чичахимъ—моя пташка, сурдюканъ—храпунчикъ, бучій-бачій и т. д., по большей части вышедшія изъ употребленія или позаимствованныя изъ дѣтскаго-же словаря выраженія... «Когда очень любятъ, вмѣсто оғомъ (мой ребенокъ) говорятъ ыиғеимъ. Что это значитъ, не знаю; это какъ будто любятъ и какъ будто ругаютъ»! (Намск. ул., 1892 г.).

впослѣдствіи, когда ребенокъ начинаетъ самостоятельно сидѣть, двигаться и кой что понимать, мало-по-малу зарождается интересъ къ нему и у отцовъ. Они сажаютъ его кое-когда къ себѣ на колѣни, играютъ съ нимъ въ свободное время, разговариваютъ. Только старые, опытные отцы быстро входятъ въ свою роль и страстно привязываются къ ребенку. Не разъ я былъ свидѣтелемъ ссоръ между супругами изъ-за дѣтей, препирательствъ изъ-за того, кому на ночь положить спать около себя бальчиръ. Бальчиръ называется ребенокъ, который начинаетъ «сидѣть»; это случается на третьемъ мѣсяцѣ. Въ старину въ это время ему давали первое имя [1]). Черезъ полгода ребенокъ начинаетъ ползать, а около года стоять и ходить. Какъ только дитя начало ползать, его спускаютъ на полъ, гдѣ оно шныряетъ по всей избѣ. Для такихъ путешествій его коротенькую рубашку, обыкновенно сшитую изъ разнаго тряпья, подвязываютъ узломъ на спинѣ. У бѣдныхъ оно весь день, даже зимою, ползаетъ голенькое или одѣтое въ коротенькую кофточку изъ телячьей кожи. Иногда на ножки надѣваютъ кожаные чулочки. Съ тѣхъ поръ, какъ дитя стало самостоятельно передвигаться, оно обязано само себя развлекать, промышлять игрушки, и отчасти пищу. Оно подымаетъ и суетъ въ ротъ всякія съѣдобныя и несъѣдобныя крохи, ѣстъ угли, ремни, гвозди; чего-чего только не ѣстъ!.. Отъ такихъ лакомствъ его часто рветъ, за что получаетъ отъ испуганной матери чувствительные шлёпки. Въ ту пору оно вступаетъ въ большую дружбу съ собаками, которыя охотно лижутъ его засаленное тѣльце, ручепки, личико. Оно любитъ кошку и всюду ползаетъ за ней, но послѣдняя старательно избѣгаетъ его. Несомнѣнно, что въ то время самымъ большимъ его вниманіемъ и любовью пользуется огонь. Якутское дитя вѣчно толчется около очага, рано убѣдившись, что въ юртѣ только въ кругу свѣта, отбрасываемаго пламенемъ, достаточно тепло и сухо. Упершись ручепками въ шестокъ, оно по долгу всматривается, своими большими черными глазами, въ алыя струйки, обвивающія бревна, прислушивается къ шипѣнію и гулу огня и, подражая имъ, плюетъ и шипитъ само. Вѣроятно отсюда взято повѣрье, что «ребенокъ, не понимающій еще человѣческой рѣчи, понимаетъ говоръ огня, нѣніе птицъ, языкъ животныхъ, предметовъ и духовъ... Узнавши человѣческій говоръ, теряетъ этотъ даръ». (Колым. ул., 1883 г.).

Въ этотъ періодъ своей жизни оно дѣйствительно чаще бываетъ съ огнемъ, животными, неодушевленными предметами, чѣмъ съ людьми. Взрослымъ некогда, а подросткамъ и дѣтямъ скучно съ малышемъ; они убѣгаютъ къ сверстникамъ. Особенно лѣтомъ дитя заброшено; во время

[1]) «Второе имя получалъ, когда могъ натянуть лукъ» (Намск. ул., 1891 г.).

сѣнокоса, запертое въ пустой избѣ, оно весь божій день проводитъ ползая по полу, гдѣ и спитъ, уставши отъ крика и плача. Но и тогда, когда люди дома, на ребенка не обращаютъ особеннаго вниманія и можно удивляться, какъ это тысячу разъ его не растоптали коровы, не задавили люди полѣньями и пр. Оно постоянно толкается у очага, на которомъ стоятъ огромные котлы съ кипящимъ молокомъ или водою и тѣмъ не менѣе якутскія ребята мрутъ не столько отъ внѣшнихъ поврежденій, сколько отъ внутреннихъ болѣзней: поноса, простуды, кори, оспы, голода и т. п. Когда взрослые на долго уходятъ изъ дому и оставляютъ на огнѣ полные котлы, или же имъ необходимо исполнить какую либо спѣшную работу, а ребенокъ лезетъ и не слушается, то прибѣгаютъ къ очень остроумному средству: привязываютъ дѣтей ремнемъ къ столбу, что стоитъ посреди юрты передъ огнемъ, такимъ образомъ чтобы ребенокъ могъ двигаться и играть, не подвергаясь опасности. Для привязыванія у дѣтскаго кафтана пришиты сзади нарочно мѣдныя кольца.

Въ этомъ возрастѣ якутскія дѣти обыкновенно жирны и пухлы и отличаются отъ нашихъ только смуглостью тѣла, да малымп размѣрами головы, въ сравненіи со всѣмъ корпусомъ. Въ этомъ возрастѣ кормятъ ихъ особенно старательно, и якуты сами ради этого готовы не доѣдать: —«Ребенокъ нуждается въ пищѣ. Онъ слабъ, ему труднѣе переносить голодъ... Долго ли ему умереть!..» (Намс. ул., 1890 г.).

Если мать не кормитъ своею грудью, то на такого ребенка полагается полъ коровы, т. е. половина ежедневнаго отъ одной коровы удоя. Если пищи въ домѣ достаточно, то даже самые скупые кормятъ ребятъ вволю.

По мѣрѣ того, какъ дѣти выростаютъ, порціи ихъ остаются все тѣже, часто даже уменьшаются. Какъ подспорье, имъ отдаютъ всякіе объѣдки или предоставляютъ вылизывать посуду послѣ старшихъ. Не рѣдко случается видѣть якутскаго ребенка до того углубившимся въ это занятіе, что изъ подъ огромнаго котла или чашки, которые онъ для большаго удобства понятно надѣваетъ на голову, видны только маленькія ножки, да обхватывающія края посуды ручки.

Одѣваютъ якуты маленькихъ дѣтей несравненно хуже, чѣмъ подростающихъ. Дома, до трехъ лѣтъ, большинство дѣтей ходитъ голыми. По мѣрѣ подростанія, ихъ надѣляютъ штанами, кафтанами, обувью, рубашкою, наконецъ, шапкой и рукавицами. На это якуты приводятъ доводы, не лишенныя основанія:

— «Маленькій ребенокъ все дома, въ теплѣ, а болѣе взрослые отлучаются, ходятъ. Ихъ необходимо одѣвать хорошо..» (Нам. ул., 1883 г.).

Въ зажиточныхъ семьяхъ, дѣтей одѣваютъ старательно съ самаго ранняго возраста, какъ только они начинаютъ ходить; имъ шьютъ костюмы точь въ точь такіе, какъ у взрослыхъ, отличіе заключается только въ бо́льшей пестротѣ и обиліи украшеній. Подолъ платья, отвороты обуви, биле, обыкновенно вышиты серебряными блестками; дѣвочкамъ вплетаютъ въ волоса бусы, бисеръ, металлическія подвѣски, на шею вѣшаютъ колокольки, серебряныя цѣпочки, а въ уши серебряныя серьги. Въ своихъ нарядахъ эти маленькія существа выглядятъ необыкновенно забавно. Раскормленныя, толстыя, важныя они представляютъ точныя копіи своихъ папенекъ и маменекъ, спѣсивыхъ хотунъ (госпожъ) и тоёновъ (господъ).

Въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ, дѣти якутскія кажутся европейцу наиболѣе красивыми, такъ какъ въ это время они наименѣе отличаются отъ нашихъ дѣтей. Только они какія-то не бойкія, мало предпріимчивыя и черезъчуръ послушныя. Даже разыгравшись, они не производятъ и половины того шума и движеній какія дѣлаютъ наши ребята. Въ семьѣ, гдѣ ихъ нѣсколько, долго не замѣчаешь ихъ присутствія: спрячутся въ уголъ, усядутся кружкомъ на полу и мастерятъ что нибудь, разговариваютъ, ссорятся, разсказываютъ сказки, поютъ; но все это въ полъ голоса, не увлекаясь никогда до крика, до громкой пѣсни. Достаточно грознаго оклика кого либо изъ взрослыхъ, чтобы они сейчасъ-же примолкли и разсѣялись. Только когда дѣти остаются одни, они нѣсколько оживляются, да лѣтомъ — въ лѣсу, въ полѣ, въ сосновыхъ рощахъ, гдѣ особенно любятъ собираться:

— «Тамъ гладко, чисто, тамъ есть шишки...» (Нам. ул., 1888 г.).

— «Мы любимъ ходить на луга, гдѣ цвѣты, гдѣ мурава, гдѣ близко вода и можно купаться». Объясняли мнѣ мальчики. (Нам. ул., 1889 г.). Тутъ они, по мѣткому выраженію взрослыхъ, «ходятъ табунами», озорничаютъ, устраиваютъ примѣрныя охоты, игрища, свадьбы, задаютъ пиры изъ ягодъ, кореній, рыбокъ, украденной дома пищи. Тутъ они танцуютъ, шаманятъ, борятся, ловятъ рыбу и звѣря, гоняются за мелкими птичками и шумно преслѣдуютъ своего любимца полосатаго «бурундука». Во всемъ до мелочей они стараются подражать старшимъ.

Сложныхъ, организованныхъ дѣтскихъ игръ у якутовъ мало. Они не знаютъ ни мяча, ни бабокъ, ни «свинки», ни другихъ нашихъ деревенскихъ игръ. Я видѣлъ только одну, дѣйствительно, красивую оригинальную якутскую дѣтскую игру: игру въ «сокола и утокъ» [1]). За то

[1]) Она состоитъ въ слѣдующемъ: на ровной полянѣ въ удобномъ мѣстѣ кладутъ въ разстояніи 2—2½ саж. параллельно двѣ палки длиною 4—5 саж. Палки эти изображаютъ «берега», за палками «вода», между ними «дорога». По серединѣ одной изъ палокъ становится под-

въ ихъ играхъ я нашелъ много отголосковъ старины. Такъ, способъ пѣть «горломъ» хабарганан, употребляемый теперь только дѣтьми, былъ по преданіямъ когда-то всеобщимъ у якутовъ; дѣтская ворожба при помощи «горящей лучинки», «соломенныхъ ножекъ» и т. п., и теперь еще изрѣдка употребляется шаманами; дѣтскія-же «скороговорки» чабарга тылъ несомнѣнно заключаютъ въ себѣ отрывки старинныхъ заклинаній [1]).

Игрушекъ у якутскихъ дѣтей чрезвычайно мало. Самыя распространенныя это — толстые обрубки длиною дюйма въ два, украшенные простой рѣзьбой и съ вырѣзанными на одномъ концѣ рожками; такіе обрубки должны изображать коровъ, быковъ и телятъ (рис. 140). Характерно, что у якутскихъ дѣтей я видѣлъ иногда изображенія птицъ, рыбъ, гусей, утокъ, разныхъ звѣрей въ родѣ зайца, но изображенія лошадей я встрѣчалъ, какъ рѣдкія исключенія, равно какъ изображенія медвѣдя, волка, и проч. никогда не видѣлъ также дѣтей, играющихъ изображеніемъ орла. Дѣвочки играютъ куклами, болѣе взрослые мальчики стрѣляютъ изъ луковъ или строятъ изъ палочекъ юрты и урасы.

Такъ проходитъ дѣтство большинства якутовъ: зимою—въ одиночествѣ, такъ какъ у якутовъ рѣдко есть дѣти одинолѣтки,—въ сырыхъ, темныхъ юртахъ, среди собакъ и телятъ, подъ постояннымъ надзоромъ старшихъ, которые не любятъ съ ними стѣсняться; лѣтомъ—на дворѣ, въ шумныхъ совмѣстныхъ играхъ, въ веселіи на полной своей волюшкѣ.

Работать пріучаютъ якуты дѣтей исподволь, съ самаго ранняго дѣтства. Часто малышъ, едва замѣтный отъ земли, напѣвая, собираетъ по цѣлымъ часамъ вѣтки валежника въ сосѣднемъ лѣсу, или носитъ дрова въ избу, и держитъ полѣно больше себя ростомъ. Дѣвочки, не умѣющія вдѣть нитки въ иголку, по долгу сидятъ рядомъ съ матерью и подрубаютъ или шьютъ по ея указанію. Способность къ рукодѣльямъ у якутскихъ дѣтей замѣчательная, но они такъ-же скоро устаютъ, какъ ихъ родители, и не менѣе ихъ лѣнивы. Чѣмъ старше они становятся, тѣмъ чаще приходится ихъ наказывать. Правда, что часто на нихъ взваливаютъ и непосильныя работы: въ 7—8 лѣтъ они уже водятъ быковъ; зимой и лѣтомъ посылаются къ сосѣдямъ за нѣсколько верстъ; нянчатъ младшихъ, носятъ воду, помогаютъ въ полѣ, лѣтомъ собираютъ коровъ, а зимой гоняютъ ихъ къ

ростокъ, выбранный за «сокола»; остальныя дѣти выжидаютъ случая, чтобы въ характерѣ «утокъ» пролетѣть по «дорогѣ» мимо «сокола». Тотъ, кого онъ поймаетъ, считается «умершимъ» и уходитъ изъ круга, тотъ, кто перепрыгнулъ черезъ палку «въ воду», тоже исключается изъ числа играющихъ. Погоня за «уткой» можетъ увлечь «сокола» далеко за предѣлы «дороги»; тогда то и весело; всѣ въ большой тревогѣ съ крикомъ и визгомъ разсыпаются по лужайкѣ (Намск. ул., 1891 г.).

[1]) См. II-й томъ.

проруби, куда нерѣдко необходимо тащить на веревкѣ телять; если послѣдніе вырвутся, побѣгутъ къ водѣ и случайно захлебнутся, съ дѣтей жестоко взыскиваютъ. Лѣтомъ дѣтей заставляютъ собирать съѣдобныя травы, коренья и ягоды, а въ земледѣльческихъ округахъ—колосья. Мальчики пріучаются къ мужской работѣ больше внѣ дома, дѣвочки должны доить коровъ, нянчить дѣтей, ухаживать за рогатымъ скотомъ. Это дѣлается само собой, такъ какъ дѣвочки льнутъ больше къ матерямъ, а мальчики къ отцамъ. Затѣмъ, пасмѣшки взрослыхъ и постоянный примѣръ мужскаго высокомѣрія по отношенію къ женщинамъ и ихъ труду, рано заставляютъ мальчиковъ уклоняться отъ домашнихъ женскихъ занятій и нѣтъ для нихъ болѣе жестокаго наказанія, какъ заставить ихъ пянчить ребенка. Тѣмъ не менѣе родители руководятся только выгодой въ распредѣленіи труда и первое время заставляютъ ихъ исполнять безъ разбору все, что имъ подъ силу.

Съ 10 лѣтъ якутскій ребенокъ начинаетъ считаться какъ-бы полувзрослымъ. Большая часть его времени поглощена трудомъ, играть ему некогда, къ тому же вкусы его уже слагаются иначе; онъ любитъ смотрѣть, какъ взрослые играютъ въ карты и самъ не прочь продѣлать тоже самое со сверстниками; любитъ толкаться на свадьбахъ, тамъ гдѣ раздаютъ водку, или, присутствуя на общественныхъ собраніяхъ, зорко наблюдать, изъ дальняго угла, за ходомъ и рѣшеніемъ разныхъ общественныхъ дѣлъ, въ суть которыхъ онъ, какъ свидѣтель домашнихъ разговоровъ, посвященъ не менѣе обстоятельно, чѣмъ любой взрослый. Его живо занимаютъ сплетни, слухи, новости, и онъ является дѣятельнымъ ихъ проводникомъ; онъ любитъ шляться по гостямъ. Наружность его мѣняется, онъ становится долговязымъ, смуглымъ; у многихъ вслѣдствіе плохой пищи неимовѣрно выростаетъ животъ, между тѣмъ какъ остальные члены, руки и ноги, становятся тонки, какъ плети. (См. рис. 23 и 127).

Подростки начинаютъ заботиться о своей внѣшности, особенно дѣвочки; подражая старшимъ, онѣ моются и чешутся по утрамъ и неукоснительно кладутъ поклоны передъ образами, вставши послѣ сна и ложась спать. Замѣтна въ нихъ перемѣна и по отношенію къ старшимъ: они не такъ послушны, не такъ безсловесны, а дѣвочки становятся стыдливы и дики. Обращеніе съ ними старшихъ тоже измѣняется. По мѣрѣ того, какъ ихъ впрягаютъ въ ярмо труда, все чаще и чаще требуется понужденіе, нѣкоторая суровость, что сильно способствуетъ обоюдному охлажденію. Я рѣдко видѣлъ, чтобы ласкали подростающихъ. Ласки вообще не въ правахъ. Члена семьи—отца, сына, брата,—возвратившагося изъ дальняго

пути, встрѣчаютъ такимъ-же троекратнымъ лобзаніемъ, какъ привѣтствуютъ ихъ каждое утро послѣ молитвы. Къ наукамъ дѣти якутскія прилежны и понятливы. Въ гимназіи въ Якутскѣ особенно въ низшихъ классахъ они идутъ впереди русскихъ. Особенную способность проявляютъ въ школахъ къ ариѳметикѣ, чистописанію и рисункамъ.

Рис. 140. Якутская игрушка: быкъ.

Рис. 141. Свадебный обѣдъ (Колым. окр., съ рисун.).

XIII. Бракъ и любовь.

Осень 1884 года я провелъ въ Колымскомъ улусѣ на *Енгкѣ* [1]), у старика Ивана Слѣпцова, только что избраннаго въ «князья» 2-го *Кангаласкаго* наслега. Какъ-то въ половинѣ октября, къ намъ былъ посланъ «нарочный» съ урочища «*Унгджа*», съ приглашеніемъ на свадьбу. Родовичи приглашали своего «князя», а по пути пригласили и меня. Проѣхать пришлось намъ около 70 верстъ верхами; мы започевали въ пути и на другой день чуть свѣтъ подъѣзжали къ дому якута Дмитрія, справлявшаго свадьбу. Онъ отдавалъ замужъ дочь, и предстоящее торжество было *первымъ* и самымъ *главнымъ* изъ свадебныхъ празднествъ. Приближаясь къ усадьбѣ, мы то и дѣло опереживали кучки всадниковъ, а вблизи дома настигли толпу женщинъ, ведшихъ корову; все это были люди, принадлежавшіе *къ роду* невѣсты: они спѣшили на свадьбу. Свадебный поѣздъ

[1]) Это—населенная мѣстность на западъ отъ р. Алазея, приблизительно подъ 68° 15′ с. ш. и подъ 170° вост. долг. (отъ Ферро).

жениха, оказалось, ѣхалъ вслѣдъ за нами; онъ состоялъ изъ отца жениха, его дяди, свата — какого-то дальняго родственника, и двоюроднаго брата жениха, старше его годами. Всѣ они, разодѣтые въ лучшія платья, на лучшихъ лошадяхъ, ѣхали по дорогѣ гуськомъ другъ за другомъ. Въ самомъ концѣ ѣхалъ молодой и велъ за собою пару лошадей, навьюченныхъ мясомъ. Сватъ тоже велъ пару вьючныхъ лошадей.

Въ юртѣ Дмитрія, куда мы попали раньше поѣзжанъ, толпился народъ. Когда высматривавшіе съ крыши караульщики, дали знать, что поѣздъ приближается, отецъ надѣлъ лучшую, лисью, шубу, подпоясался серебрянымъ поясомъ, надѣлъ шапку изъ лапъ чернобурой лисицы и вышелъ изъ избы вмѣстѣ съ матерью, одѣтой въ такую же дорожную съ наушниками шапку и праздничный тарбаганій *сангыяхъ*». Молодую одѣли также въ *дорожную* шапку, рукавицы, въ торбаганій *дорожный* *сангыяхъ* и спрятали за ровдужную занавѣску, нарочно устроенную за каминомъ, надъ такъ называемой «послѣдней лѣвой кроватью».

Между тѣмъ присутствующіе высыпали на дворъ и, въ ожиданіи гостей, выстроились въ двѣ шеренги: направо мужчины налѣво—женщины. Подростокъ, верхомъ на неосѣдланной лошади, во всю прыть, понесся на встрѣчу ѣдущимъ галопомъ поѣзжанамъ. Подскакавъ къ нимъ сажепей на сорокъ, онъ круто поворотилъ лошадь и полетѣлъ обратно. Одинъ изъ поѣзжанъ бросился за нимъ въ догонку, но, проскакавъ немного и убѣдившись, что соперника не догнать, присоединился къ своимъ; эти тоже попридержали лошадей и ступью въѣхали въ ворота двора. Здѣсь встрѣтили ихъ родственники молодой и отецъ ея подвелъ за узцы коня будущаго своего тестя къ столбу и придержалъ ему стремя. Также поступили присутствующіе съ остальными: каждаго изъ нихъ, смотря по почетности и близости родства съ женихомъ, встрѣчали и помогали имъ слѣзать съ коней родственники невѣсты, соотвѣтствующей степени. Затѣмъ, всѣ вошли въ домъ и стали креститься на образа, здороваться.

Молодежь въ то же время вносила въ избу тюки съ вещами и мясомъ. Только женихъ остался въ полѣ за воротами и, оборотясь лицомъ на востокъ и глядя на загорающуюся зарю, усердно крестился и клалъ поклоны. Когда въ избѣ разсѣлись по мѣстамъ и большая часть мяса была внесена и уложена передъ огнемъ, за молодымъ пошелъ его двоюродный братъ и повелъ его въ юрту *за кнутъ*, котораго тотъ все время не выпускалъ изъ рукъ. Женихъ шелъ за нимъ съ опущенной головой и закрытыми глазами. На молодомъ, почти дѣтскомъ, его лицѣ замѣтно было глубокое волненіе. Въ избѣ его встрѣтили отецъ и мать невѣсты

съ образами въ рукахъ; они благословляли его, а въ то время ведущій ухватилъ сзади за шею молодого и пагнулъ его троекратно къ ихъ стопамъ. Послѣ того молодой, совмѣстно съ двоюроднымъ братомъ, внесъ еще какіе-то тюки съ мясомъ и положили ихъ тутъ же передъ огнемъ. Женихъ вскрылъ тотъ тюкъ, гдѣ зашита была сваренная цѣликомъ конская голова, отколупалъ изъ подъ ея глазу три кусочка жира и бросилъ ихъ порознь на огонь.

Вслѣдъ затѣмъ кобылью голову унесли и положили въ красномъ углу на землѣ, а жениха увели въ уголъ направо и посадили лицомъ къ стѣнѣ, задомъ къ присутствующимъ, на такъ называемой «послѣдней правой нарѣ», отвѣчающей «лѣвой», гдѣ за занавѣской сидѣла невѣста. Женихъ также, какъ и она, оставался все время въ дорожномъ платьѣ, въ шапкѣ и рукавицахъ и даже кнута не выпускалъ изъ рукъ. Тоже самое всѣ его поѣзжане, не смотря на жару отъ пылающаго огня, не сбрасывали своихъ дорожныхъ костюмовъ; также одѣты были мать и отецъ невѣсты. Другіе изъ присутствующихъ, немного спустя, раздѣлись. Началось угощеніе. Пирующіе еще раньше разсѣлись въ извѣстномъ порядкѣ, который до конца празднествъ оставался неизмѣннымъ. Поѣзжане жениха, всѣ 4 человѣка, сѣли на билирикѣ: первый—отецъ, дальше — дядя, затѣмъ — сватъ и, наконецъ, самый молодой изъ нихъ— юноша, который водилъ молодого. Далѣе, дальніе родственники и простые сородичи его усѣлись въ той же линіи ближе къ дверямъ. Послѣднимъ оказался женихъ; онъ сидѣлъ даже не въ первомъ ряду, а позади всѣхъ. На кровати, называемой «первой» (бастыѣъ оронъ), примыкающей подъ угломъ къ билирику, сѣлъ на первомъ мѣстѣ отецъ невѣсты, за нимъ шаманъ его рода, дальше «князь Иванъ»—мой хозяинъ, а за нимъ я и другіе гости, родственники и родовичи невѣсты, все дальше, сообразно съ богатствомъ, вліяніемъ, почетностью. Прислужникъ, одинъ изъ дальнихъ родственниковъ невѣсты, одѣтый въ дорожное платье, въ мѣховой сангыяхъ, шапку и рукавицы, подалъ отцу жениха огромный деревянный кубокъ (аяхъ) полный кумысу; такіе же кубки онъ подалъ и другимъ поѣзжанамъ. Тѣ, подержавъ немного, по очереди, возвращали ихъ ему съ тѣмъ, чтобы онъ отлилъ немного кумысу на огонь очага. Послѣ возліянія, кубокъ возвращался къ нимъ. Отпивъ немного, отецъ жениха привѣтливо передавалъ свой кубокъ отцу невѣсты, тотъ, отпивъ, передавалъ своей женѣ, а та дальше, другимъ родственникамъ. Лишь только отецъ жениха отдалъ свой кубокъ въ очередь, сосѣдъ его, дядя жениха передалъ ему свой. Подержавъ минуту и отпивъ немного, онъ отдавалъ отцу невѣсты, и такъ бокалъ шелъ въ круговую.

По окончаніи этой церемоніи, то есть, когда весь кумысъ, налитый въ бокалы, былъ выпитъ, подали завтракъ: холодную закуску, состоявшую изъ «строганины», холоднаго варенаго мяса и забѣленнаго молокомъ чая съ кускомъ сахару и кускомъ ржанаго хлѣба для болѣе «почетныхъ».

Немедленно послѣ того убили быка и коня. Пока одна часть женщинъ и молодежи потрошила и свѣжевала ихъ, другая приготовляла котлы для варки, таскала дрова и воду, оттаявала ледъ въ сосѣдней юртѣ. Мясо варили въ присутствіи гостей, въ огромныхъ желѣзныхъ котлахъ и тутъ-же вынимали и складывали на подмосткахъ передъ огнемъ по серединѣ юрты, гдѣ раньше женихъ раскладывалъ свои сумы съ подарками. Вскорѣ тамъ появилась не менѣе огромная куча дымящагося, варенаго мяса. Прежде всего, конечно, сварили потроха, налитыя кровью кишки, сердце, печень [1]), дальше—желудокъ, почки, грудину, цѣлыя ребра, разчлененныя порознь, наконецъ, просто куски кобыльяго и коровьяго мяса, разрубленные, впрочемъ, такъ, что *кости голеней оставались не раздробленными.*

Нѣкоторые изъ гостей затѣяли картежную игру, но большая ихъ часть со средоточеннымъ вниманіемъ слѣдила все время за варкой мяса и приготовленіями къ обѣду. Молодежь шныряла взадъ и впередъ со двора и толпилась больше за каминомъ около невѣстиной занавѣси; тамъ шушукались, хихикали и сдержанно пошаливали. Замужнія женщины-хозяйки чинно сидѣли на лѣвой женской половинѣ дома, на нарахъ вдоль стѣнъ въ такомъ же порядкѣ, какъ мужчины на правой; во главѣ сидѣла мать невѣсты. Онѣ вяло разговаривали, позѣвывая, и все что-то ѣли. Большинство изъ нихъ были одѣты въ дорожныя шапки, шубы и рукавицы.

Когда обѣдъ былъ готовъ, молодые люди, родовичи невѣсты, совершенно независимые по положенію, но въ этотъ разъ прислуживающіе гостямъ, натрусили сѣна на полу передъ поѣзжанами и растянули на сѣнѣ кожу свѣже-убитой кобылы и быка.

«Таковъ столъ старинныхъ якутовъ», объяснили мнѣ присутствовавшіе.

Вслѣдъ затѣмъ «мясодаръ»,—упоминаемый и въ сказкахъ подъ именемъ «Разбросай-Сарайба» (Юряйбя-Сарайба), ловкій опытный мужчина среднихъ лѣтъ, сталъ на корточки передъ горой мяса и быстро, умѣло разрѣзывая его ножемъ, ровнялъ порціи и отдавалъ ихъ своимъ

[1]) Куски сердца и печени якуты на свадьбахъ варятъ, затѣмъ обертываютъ тонкой пленкой желудочнаго жиру, прокалываютъ деревянными колышками и вторично погружаютъ въ кипятокъ,—получается довольно вкусное блюдо.

помощникамъ раскладывать передъ пирующими. Конечно, самыя вкусныя части и самыя большія порціи достались жениховымъ поѣзжанамъ. Передъ каждымъ изъ нихъ высилась огромная куча мяса, костей и жиру, по крайней мѣрѣ въ полпуда вѣсомъ. Когда я, по незнанію, спросилъ: «думаютъ ли они съѣсть все это сами»? мнѣ отвѣтили веселымъ смѣхомъ. Передъ остальными гостями было положено меньше, въ порядкѣ убывающемъ, какъ они сидѣли. Женщины не были допущены къ столу совсѣмъ. Онѣ разобрали свои порціи въ отдѣльныхъ судочкахъ, турсучкахъ, чашкахъ и ѣли врозь, каждая въ своемъ углу. Въ началѣ обѣда хозяинъ дома поднесъ каждому изъ присутствующихъ по рюмкѣ водки, молодежи и бѣднякамъ досталось меньше, иногда совсѣмъ мало, но старались не обойти никого. Затѣмъ, по данному хозяиномъ знаку, всѣ вдругъ вынули ножи и наклонились къ ѣдѣ. Ножи эти сверкнули стройно, и фигуры нагнулись до того одновременно, что на меня это произвело впечатлѣніе какого-то военнаго ученія. Поѣвши немного, отецъ жениха поднялся съ мѣста съ кускомъ отборнѣйшаго мяса въ рукахъ и съ приличной рѣчью передалъ его отцу невѣсты; затѣмъ, немного погодя, опять поднесъ съ такою же рѣчью мясо матери невѣсты и въ очередь другимъ ея родственникамъ, брату, сестрѣ и т. д., затѣмъ, болѣе уважаемымъ родовичамъ. По его примѣру также дарили родителей и родственниковъ невѣсты другіе поѣзжане. Въ началѣ это дѣлалось степенно, съ рѣчами, пожеланіями и изліяніями, суть которыхъ состояла въ томъ, что вотъ: «теперь мы свои люди, породнились, будемъ другъ друга считать за родственниковъ, будемъ жить въ дружбѣ и согласіи». Но дальше начался болѣе торопливый и оживленный обмѣнъ и можно было только слышать восклицанія «сватья Варвара», «сватъ Иванъ», «сватья Анна», «дитя мое Семенчикъ» (Сеня), «господинъ мой свекоръ» и т. д.,—въ которыхъ какъ-бы громко оповѣщались и закрѣплялись новыя зародившіяся узы между этими лицами. Въ то же время пирующіе ловко и быстро ѣли мясо, а все несъѣденное отдавали женамъ или другимъ своимъ приближеннымъ спрятать, чтобы увести домой въ подарокъ непріѣхавшимъ на свадьбу. Не прятали только поѣзжане, да, конечно, хозяинъ и хозяйка дома.

Вечеромъ такимъ же образомъ справили ужинъ, съ подобнымъ же обмѣномъ мясомъ, жиромъ и костями, съ такими же рѣчами и пожеланіями. Послѣ ужина опять повторилась церемонія съ кумысомъ. Передъ ужиномъ пили и «дѣлились» [1]) водкой. Такъ прошелъ первый день. На

[1]) Дѣлежъ состоялъ въ томъ, что получившій свою порцію отпивалъ немного и отдавалъ рюмку тому, кому пожелалъ оказать онъ свое особенное благоволеніе.

другой день повторилось тоже самое. Утромъ и въ полдникъ пили чай съ хлѣбомъ, строганиной и холодной закуской. Убили корову. Обѣдали и ужинали также, съ тѣмъ только отличіемъ, что во время ужина слѣпой пѣвецъ затянулъ пѣсню. За это его одаривали то тотъ, то другой, точно также, какъ это описано въ Одиссеѣ, кто кускомъ отборнаго мяса, кто жирнымъ ребромъ кобылятины. Затѣмъ, молодежь пробовала тянуться на палкѣ, подымать тяжести: связанныя вмѣстѣ туши мерзлаго мяса, людей: по два, по три, по одному,—на шеѣ, на спинѣ, и продѣлывала другія штуки, пробы силы и ловкости. Старики смотрѣли на нихъ, судили, хвалили и совѣтовали.

На третій день обѣдъ подали рано. Поѣзжане жениха, подобрались и пріодѣлись. Они, сидя безвыходно все это время на своихъ мѣстахъ, поразстегнулись было и скинули второстепенныя части дорожной одежды, хотя это и непринято. Нестерпимая жара и духота образовавшаяся въ юртѣ отъ людей, пылающаго огня, пара, уносящагося изъ кипящихъ котловъ, достаточно извиняли эту вольность. Когда, попрощавшись, поѣзжане и женихъ уѣхали, сейчасъ же были въ избу внесены тюки, привезенные имп и хранившіеся до того въ амбарѣ; ихъ вскрыли, и мясо, которое тамъ нашли тутъ же сейчасъ стали рубить на куски и дѣлить между присутствующими родственниками и родовичами невѣсты. Каждый получилъ, хоть немного. Мясо тщательно осматривалось и оцѣнивалось. Вечеромъ возвратились обратно поѣзжане съ женихомъ. Ихъ въ отъѣздѣ накормили и угостили въ сосѣдней юртѣ, куда заблаговременно хозяйка послала все нужное. Ихъ встрѣтили во дворѣ съ той же церемоніей. Опять послѣ ужина—игра въ карты, состязанія молодежи, и въ концѣ, на сонъ грядущій, длиннѣйшая старинная былина, пропѣтая слѣпымъ пѣвцомъ.

Только на четвертый день послѣ обѣда родственники жениха собрались уѣзжать окончательно. Когда они усѣлись на лошадей, имъ подали по огромному деревянному кубку кумысу и затѣмъ весь поѣздъ въ обычномъ порядкѣ—съ отцомъ во главѣ и женихомъ въ концѣ—повели родственники невѣсты кругомъ трехъ столбовъ коновязи, врытыхъ по срединѣ двора. Провели ихъ кругомъ троекратно по солнцу. Всякій разъ, совершивъ полный кругъ, останавливались, и всадники отливали кумысъ изъ кубковъ на гриву своихъ лошадей. Оставшійся кумысъ они выпили, кубки отдали своимъ вожатымъ и вскачь бросились прочь въ открытыя ворота. Торжество считалось оконченнымъ. Но это была только половина свадьбы. Правда, съ тѣхъ поръ женихъ и невѣста считались мужемъ и женою, но когда послѣ уплаты всего калыма, иногда черезъ 2—3 года, мужъ увозилъ жену къ себѣ въ домъ, то опять тамъ устраивали по-

Рис. 142. Заключительный свадебный обрядъ.

добный же пиръ, который тоже длится три дня. Опять бьютъ скотъ, *дымятся мясомъ*, пьютъ кумысъ и опять женихъ сидитъ все время въ одномъ углу, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, а невѣста въ другомъ за ровдужной занавѣской.

Современная якутская свадьба поражаетъ своей молчаливостью и бѣдностью обрядовъ: ни пѣсенъ, ни иносказательныхъ представленій въ лицахъ, ни хороводовъ. Говорятъ, что въ старину было иначе. «Въ старину на каждой свадьбѣ присутствовалъ шаманъ, который при входѣ въ избу жениха, призывалъ громко на молодую чету благословеніе небесныхъ духовъ [1]).

— «Въ старину пѣлись на свадьбахъ пѣсни Бѣлому Богу Творцу, Юринг-Аи-Тангара, возсѣдающему на бѣло-молочномъ камнѣ... и при этомъ кубки съ кумысомъ подымались троекратно къ небу». (Намскій ул., 1891 г.).

Въ Колымскомъ улусѣ, я засталъ еще много лицъ, которыя знали свадебныя пѣсни; тѣмъ не менѣе на двухъ свадьбахъ, которыя я тамъ видѣлъ, ничего не пѣли. (1884 г.). Не исполняли также обряда, о которомъ упоминаетъ Маакъ [2]), хотя всѣ о немъ знали. Именно: «въ старину, когда невѣсту вводили въ домъ жениха, то она, пройдя сзади камина, передъ тѣмъ какъ сѣсть за занавѣску, становилась у огня на колѣно, бросала въ огонь три кусочка масла, ставила три лучины и дула нѣсколько разъ, чтобы тѣ вспыхнули». (Колым. ул., 1883 г.).

---

[1]) Павлиновъ. Брачное право якутовъ. Памят. книж. Як. об. 1871 г.

[2]) Часть III, 95 стр.; см. также Худяковъ, стр. 131.

Былъ также въ старину обрядъ харамни юрюмяхъ, уотъ сардахъ, о которомъ теперь рѣдко кто и знаетъ. Онъ состоялъ въ томъ, что 9 кобылъ, обыкновенно бѣлыхъ, которыя женихъ приводилъ въ подарокъ родственникамъ невѣсты, когда пріѣзжалъ за ней, проводили передъ стоящимъ на крышѣ дома съ огнивомъ въ рукахъ человѣкомъ и тотъ добывалъ надъ каждой скотиной огонь, приговаривая: «одинъ жеребенокъ (биръ убаха), два жеребенка (экки убаха), три жеребенка и т. д.» Затѣмъ говорилъ: «дѣвушку далъ я—пусть будетъ началомъ людей, скотъ далъ я—пусть будетъ началомъ скота! Священный огонь пусть зажжется, пусть возникнетъ божество дома»! [1]). Въ концѣ рѣчи огниво бросалъ въ трубу, гдѣ ловилъ его внизу одинъ изъ домашнихъ. (Намс. ул., 1890 г.).

Кромѣ того, всякую свадьбу сопровождала масса необязательныхъ, но характерныхъ подробностей, въ родѣ разрыванія травы родителями надъ поникшей головой жениха, въ знакъ его покорности (Колым. ул., 1883 г.); тайнаго осмотра невѣстою жениха, когда тотъ шелъ поить коня (Колым. ул., 1884 г.); состязаніи пастуховъ и борцовъ; любительскихъ скачекъ, игръ и хороводовъ молодежи обоего пола. Все это или исчезло или выводится. Якутская свадьба, особенно на югѣ быстро руссѣетъ. Прежде всего, конечно, исчезаетъ все, что связано съ коневодствомъ. У бѣдныхъ исчезла «кобылья голова, которой въ старину клапялись молодые». (Колым. ул., 1884 г.). Исчезъ кумысъ и всѣ связанные съ нимъ обряды. Старинная кумысная посуда, огромные аяхи, ымыи, чороны стали рѣдкостью, ихъ замѣнили бутылки да рюмки, а здоровый національный напитокъ—русская водка. «Вмѣсто разостланной на полу кобыльей кожи, стали богатые уставлять длинные столы съ обѣденными приборами; вмѣсто обмѣна мясомъ — чокаются и цѣлуются. Въ иныхъ мѣстахъ даже жениха и невѣсту пробуютъ вывести изъ угловъ и наравнѣ съ другими посадить за столъ». (Намс. ул., 1890 г.). Послѣднее случается, пока, рѣдко и долго еще характерной чертой якутскихъ свадебъ будетъ полное отсутствіе на нихъ жениха и невѣсты. О нихъ какъ бы желаютъ забыть. Пищу подаютъ имъ незамѣтно въ особыхъ лоткахъ и чашкахъ не свадебные «мясодары» а кто нибудь изъ родственниковъ. Съ ними не говорятъ, не упоминаютъ ихъ имени и невѣсту старательно прячутъ, а женихъ самъ старается возможно меньше обращать на себя вниманіе.

На якутской свадьбѣ главную роль играетъ *родъ*: на одномъ ея пиршествѣ—родъ невѣсты, на другомъ—родъ жениха. Кромѣ родовичей

[1]) Кысынъ біербытымъ, киси тӧрдӧ буоллунъ; сюӧсюню біердымъ, сюӧсю тӧрдӧ буоллунъ; Алъ-уоту уотунунъ, іёримэ (!?) джены терійдыиъ.

конечно, на свадьбѣ могутъ присутствовать и посторонніе, но родовичи всегда составляютъ большинство; между ними, главнымъ образомъ и дѣлятся привезенные подарки, они потребляютъ большую часть убитаго скота [1]). Встарину этого скота убивалось очень много:

— «У богатыхъ въ старину было десять обѣдовъ, онъ аслыкъ, то есть убивали 10 штукъ скота». (Нам. ул., 1891 г.). Кромѣ того много уходило на подарки. Многіе изслѣдователи указываютъ на раззорительность старинныхъ якутскихъ свадебъ. Сами якуты сознаютъ это.

— «Не въ томъ дѣло, что калымъ плотимъ: калымъ плотимъ и обратно его получаемъ, а то главное, что люди много съѣдятъ», жаловался мнѣ затѣявшій женитьбу парень. (Колым. ул., 1883 г.).

На двухъ свадьбахъ, видѣнныхъ мною въ Колымскомъ улусѣ, гдѣ скота такъ мало, на каждой было гостей больше 100 человѣкъ; всѣ они жили, питаясь преимущественно мясомъ, 3 дня, и каждый изъ нихъ увезъ еще хоть немного съ собою. Пока отдѣльныя лица не смѣютъ даже думать объ уничтоженіи этихъ обычаевъ и ограничиваются только уменьшеніемъ порцій, сокращеніемъ празднуемыхъ дней и количества «обѣдовъ». И это вызываетъ всегда бурю нарѣканій и неудовольствій среди сородичей.

— «Голодомъ, чуть насъ не заморилъ, прямо — безстыжій (саата суохъ). Прійдетъ время: припомнитъ это народъ его сыну»,—жаловались родовичи на богатаго якута Колымскаго улуса.

Между тѣмъ, по наведеннымъ мною справкамъ, на этой свадьбѣ при такомъ же почти стеченіи народа, какъ на двухъ выше приведенныхъ, скота убили столько же, только достоинствомъ немного хуже. На югѣ, дѣлежъ мяса между всѣми, выходитъ изъ обычая; зато всѣхъ поятъ водкой. Я присутствовалъ разъ при такомъ «угощеніи» у богатаго якута Намскаго улуса, Ивана Сивцева. Привозили въ домъ жениха невѣсту, и сватъ вслѣдъ затѣмъ, какъ ее приняли, поставилъ на столъ въ углу подъ образами двѣ полуведерныя фляги съ напиткомъ. Сейчасъ же часть водки отставили для какихъ-то «почетныхъ», которые еще не пріѣхали, а остальное стали «дѣлить». Въ избѣ собралась масса народу преимущественно мужчинъ; каждый хотѣлъ быть ближе къ источнику, чтобы наблюдать за раздачей. Повзлезали другъ другу на плечи, на скамейки. Вскорѣ кругомъ «виночерпія», не смотря на то, что былъ имъ вліятельный и уважаемый «князь», столпилась вилоть подъ самый потолокъ, стѣна без-

[1]) Въ иныхъ мѣстностяхъ еще сохранился обычай, называемый быхыремъ-асъ, въ силу его послѣ свадьбы въ домъ, гдѣ ее справляли, сходятся бѣдняки, работники, подрядчики, всѣ имѣющіе какіе либо связи съ домомъ и поѣдаютъ оставшуюся отъ свадебнаго пира пищу (Намскій ул., 1890 г.). Называютъ его и батарэма-асъ.

покойныхъ головъ. Всѣ кричали, толкались, шумѣли: тому дали мало, этого обошли, а этотъ выпилъ двѣ». Нѣкоторые ругались съ хозяиномъ дома и грозили ему: «смотри же, Сивцевъ, помни: не уважилъ ты меня».

Также непочтительно заявлялъ народъ свои права на угощеніе и на другой, извѣстной мнѣ, богатой свадьбѣ въ томъ же улусѣ, у головы Эверстова. Проголодавшіеся разхватали мясо, не дожидаясь дѣлежа, опрокинули ушатъ съ топленымъ масломъ, которое «по ложкѣ на каждаго» раздавалъ лично самъ хозяинъ и, наконецъ, испачкали ему платье кашей, толкнувши его на котелъ съ ней. (Намскій ул., 1891 г.).

Это напоминаетъ немного тѣ времена, когда «не было обычая явившихся на свадьбу гостей кормить, а молодежь хватала для себя кобылъ въ полѣ; поймаетъ—будетъ съ пищей, не поймаетъ—ходитъ голодная». (Намск. ул., 1891 г.).

Такимъ образомъ оказывается, что за женитьбу матеріяльно плотится не только женихъ, но и семья невѣсты. Она должна доставить на всѣхъ чай, сахаръ, муку, рыбу, масло, молоко, хаяхъ и кумысъ. Судя по тому, что большая часть предметовъ недавно вошла въ употребленіе, можно предполагать, что и обычай поставлять ихъ, возникъ относительно недавно. Исключеніе составляютъ кумысъ и молоко. Ихъ обоихъ, въ случаѣ недостатка, охотно даромъ доставляютъ сосѣди, подобно тому, какъ они въ старину по частямъ собирали ихъ для ысыаха.

Въ принципѣ оба свадебныя пиршества, какъ первое—пріѣздъ молодаго въ домъ невѣсты, такъ второе—пріѣздъ невѣсты въ домъ жениха, справляются на счетъ послѣдняго.

Разборъ составныхъ частей калыма ихъ названій и назначеніе указываетъ, что расходъ этотъ всегда составляетъ *существенную часть платы за невѣсту.* Размѣры калыма [1]) очень различны и колеблются между нѣсколькими рублями и нѣсколькими сотнями рублей. Иногда они достигаютъ полуторы и даже двухъ тысячъ рублей. Средняя ихъ величина самая распространенная, это—100 руб. Плата такая была бы не подъ силу большинству, если бы значительная часть ея не возвращалась къ нимъ обратно въ видѣ приданаго.

По обычаю только курумъ [2]), т. е. часть *идущая на угощеніе*, да другіе незначительные придатки того же назначенія, плотятся женихомъ *безвозвратно.* Плата же родителямъ невѣсты, сулу, да подарки родственникамъ, сватамъ и сватьямъ, тюнгюръ-ходогой кэситэ, получаются впослѣдствіи назадъ, въ видѣ приданаго, эннэ [3]), и отдарковъ

[1]) См. Томъ II-й.

[2]) Böthling, стр. 15.

[3]) ännä, Böthling, стр. 70.

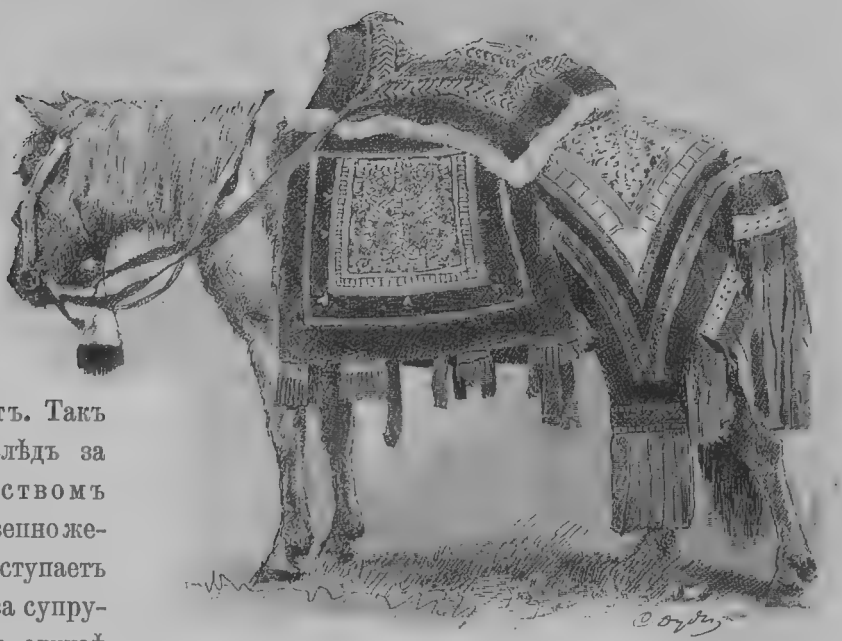


Рис. 143. Лошадь харамни.

тёркютъ. Такъ какъ вслѣдъ за пиршествомъ обыкновенно женихъ вступаетъ въ права супруга, то въ случаѣ его смерти курумъ не возвращается ни въ какомъ случаѣ, а возвращается только половина сулу, если таковое было выплочено. Размѣры разныхъ частей калыма [1]) строго

[1]) Части эти суть: 1) Сулу — живымъ скотомъ, отъ нѣсколькихъ до 100 головъ скота. 2) Курумъ — отъ одной скотины до 10—15, отчасти живыхъ, отчасти убитыхъ — цѣлыми стегнами. Мнѣ говорили, что для жениха считается предосудительнымъ привозить вареное мясо. но я видѣлъ въ Колымскомъ улусѣ сумы съ вареными потрохами, привезенныя женихомъ. Почему это такъ случилось, я не узналъ. 3) Сыгахъ хогороръ (сыгах—щека, хогорор — не знаю что значитъ, въ иныхъ мѣстностяхъ зовутъ этотъ подарокъ уосъ-асаръ — «раскрытіе губъ») живую скотину, или стегно мяса, наконецъ, деньгами, смотря по состоянію. 4) Хойнохоръ (? хогороръ) кэсій — подарокъ за ночлегъ, стегно мяса или одну штуку живаго скота, смотря по состоятельности. 5) Быcырэмъ кэсій — также одна штука скота или стегно мяса. См. выше, стр. 544.

Невѣста приноситъ въ приданое: 1) Эннэ—домашнюю утварь, платье, постели, шубы, серебряную упряжь, условленное число кобылъ и коровъ. въ общей сложности всегда почти отвѣчающее стоимости сулу. 2) Сіямсій—обыкновенно молодой скотъ, жеребята и телята, добровольно прибавленные родителямъ и не упомянутые въ условіи. 3) Кысъ кэситэ—подарки невѣсты, обыкновенно вареное мясо и топленое масло. Каждая деревянная чашка приданаго, каждый чёрёнъ должны заключать по обычаю хоть немного масла, въ иныя кладутъ его до ½ пуда. 4) Джіе бэльэха — (подарокъ дому) лисица и 9 горностаевъ или хотя одинъ горностай, украшенный корольками. Его вѣшаютъ надъ кроватью, гдѣ спятъ незамужнія дочери, сестры жениха, а затѣмъ выносятъ въ амбаръ, гдѣ хранятъ свято до рожденія перваго ребенка; тогда уносятъ его въ лѣсъ или дарятъ шаманамъ. Вообще онъ куда-то исчезаетъ (Колым. ул., 1883 г.). 5) Сäргä бэльэха—подарокъ столбу, кобыла, ко-

опредѣляются при *сговорѣ*, кильтеганъ. Онѣ тоже сильно разнятся въ разныхъ мѣстностяхъ, и зависятъ отъ силы старинныхъ обычаевъ, зажиточности и образа жизни населенія. Даже въ одной и той же мѣстности онѣ разнятся для каждой брачной пары, смотря по состоянію ихъ родителей, ихъ скупости или щедрости, ихъ привязанности къ дѣтямъ.

Якуты утверждаютъ, что въ старину *калымъ* былъ больше, и я замѣтилъ, что онъ больше въ мѣстностяхъ мало культурныхъ, гдѣ крѣпки еще древніе обычаи. Такъ, количество скота, идущаго въ обмѣнъ и убиваемаго на свадьбахъ въ Колымскомъ и Верхоянскомъ улусѣ или отдаленныхъ улусахъ Якутскаго округа, составляетъ значительно большую часть имущества вступающихъ въ бракъ, чѣмъ въ болѣе культурныхъ мѣстностяхъ около города и на югѣ, не смотря на то, что на югѣ скота больше. Въ послѣднихъ улусахъ замѣтно стремленіе перевести большую часть калыма на деньги, замѣнить мясное угощеніе мукою, масломъ, водкой, относительно которыхъ нѣтъ выработанной пормы и правилъ, что позволяетъ сокращать незамѣтно эту долю расхода. Нигдѣ она, однако, не исчезла и бѣдные убивали часто ради свадьбы единственную корову или кобылу—подарокъ жениха, кэсій, такъ, что въ плату за невѣсту, сулу, родителямъ оставалось всего *рублей десять* денегъ. Между тѣмъ, на обязанности ихъ лежитъ одѣть невѣсту и дать ей хоть немного домашней утвари. Есть, впрочемъ, такіе, которые получивши даже значительный калымъ, даютъ за дочерьми очень мало или совсѣмъ ничего не даютъ.

— «Хочешь бери, какъ стоитъ въ одной рубахѣ, а не хочешь не надо»!.. (Намск. ул., 1888 г.).

Такія случаи бываютъ, однако, рѣдко. Они или результатъ неожиданнаго обнищанія богатой до того семьи или послѣдствіе особой страсти жениха къ дѣвушкѣ, подмѣченной родителями, чѣмъ они *никогда не упустятъ воспользоваться.*

Народное мнѣніе осуждаетъ подобное поведеніе. Тѣмъ не менѣе я видѣлъ очень почтенныхъ и даже любящихъ отцовъ, которые сильно сосали своихъ зятьевъ, въ періодъ посѣщенія ими своихъ женъ, жившихъ

торую привязываютъ съ столбу коновязи. Невѣста везетъ кладь *на своихъ лошадяхъ*, засѣдланныхъ въ богатую сбрую. Эти лошади называются харамни или харамджи (Намск. ул., 1893). Въ старину говорятъ было ихъ не меньше трехъ и даже на ихъ ноги надѣвали серебряные браслеты. Харамджи также зовется тотъ скотъ, который отецъ невѣсты требуетъ, чтобы ему дали послѣ окончательнаго переѣзда послѣдней въ домъ жениха. Для этого онъ привозитъ съ собой отъ 100 до 150 обротей и требуетъ на каждую по *скотинѣ*; послѣ нѣкотораго торга съ отцомъ жениха, послѣдній соглашается дать сколько нибудь, и скотъ загоняютъ въ изгородь (Маакъ). Кромѣ этихъ подарковъ, невѣста, пріѣхавши въ домъ жениха, даритъ домашнимъ: матери, брату, сестрамъ мужа по шубѣ, сонъ.

у родителей. Въ силу обычая, то подъ предлогомъ приготовленія приданаго, то непривычки къ браку, то молодости лѣтъ и т. п. родители никогда сейчасъ же послѣ свадьбы не отдаютъ своихъ дочерей зятьямъ, хотя бы они были повѣнчаны и выплатили калымъ или соглашались это сдѣлать немедленно. Въ старину такія отсрочки достигали 4—5 лѣтъ, а еще раньше у якутовъ былъ обычай женить дѣтей совсѣмъ маленькими. Все это время женихъ надосугѣ посѣщаетъ невѣсту и всякій разъ онъ долженъ привозить гостинецъ—стегно или два мяса, лисицу или иной подарокъ, какъ плату за пользованіе своими супружескими правами. Не разъ я слышалъ, какъ отцы заказывали то и другое—иногда очень много; зятья покорно выслушивали, но за глаза ворчали и исполняли только часть обѣщанія. Все это ложится не разъ тяжелой прибавкой къ условіямъ выговореннымъ при сватовствѣ.

— «Ужо—пусть куражится!.. Прійдетъ и наше время: еще посмотримъ, что дадутъ въ приданое»! говорилъ молодой зять Аполлона, раздосадованный его требовательностью [1]).

Когда наступитъ «это время», и невѣста принесетъ въ домъ меньше ожидаемаго, ее встрѣчаютъ родственники жениха очень холодно. Если приданое *меньше условной* при сговорѣ суммы, начинаются тяжбы, вражда, часто полный разрывъ, если только бракъ не былъ освященъ въ церкви. Въ послѣднемъ случаѣ молодую волей-неволей оставляютъ у себя, но терпитъ она всякія придирки и преслѣдованія домашнихъ, которыя прямо отравляютъ ей существованіе. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда эти преслѣдованія доводили молодыхъ женщинъ до побѣговъ и самоубійства. Вотъ почему якуты, любящіе своихъ дочерей, стараются дать за ними возможно большее приданое, «чтобы мужъ, свекоръ и свекровь ее уважали». (Намск. ул., 1891 г. Колым. ул., 1883 г.). Понятно также, почему родители всячески стараются представить размѣры приданаго своихъ дочерей въ увеличенномъ видѣ, равно какъ противная сторона увеличиваетъ уплоченный ею калымъ.

Въ большинствѣ случаевъ приданое и подарки невѣсты разсчитаны такъ, что почти ровны или немного ниже тѣхъ частей калыма, которыя называются сулу, харамни, усъ асаръ и другихъ второстепенныхъ. Обычай требуетъ только нѣкоторой соразмѣрности, а не *равенства* между калымомъ и приданымъ. Онъ предполагаетъ, что родители сами по себѣ имѣютъ *право на вознагражденіе* за утрату дочери:

— «Дѣвушка имѣетъ цѣну и калымъ» говоритъ поговорка [2]).

[1]) У Аполлона Слѣпцова (Андылахъ) пали олени, а такъ какъ онъ держалъ станцію и они были ему необходимы, то онъ харамни запросилъ у зятя 30 оленей.

[2]) Въ «Сборникѣ обычнаго права», составленнаго самими инородцами въ 20 годахъ

Калымъ получаютъ: родители, старшіе братья, дяди, даже совершенно посторонніе люди—опекуны, а за работницъ-сиротъ берутъ хозяева. Получаютъ они, хоть немного, хоть рубль, хоть два, но получаютъ непремѣнно въ знакъ *переуступки женщины*. Это до того срослось съ воззрѣніями якутовъ на бракъ, что ни одна якутская благовоспитанная дѣвушка не согласится выйти замужъ безъ калыма; такое я вынесъ убѣжденіе изъ разговоровъ съ ними по этому поводу. Онѣ считали бы себя въ такихъ случаяхъ совершенно опозоренными, какими-то «лядащими», «послѣдними», которыхъ «ни въ грошъ не ставятъ». Понятно, что онѣ очень презрительно относились къ русскимъ женщинамъ, которыя «сами платятъ, чтобы ихъ только взяли». (Колымск. ул., 1883 г.). Даже молодыя вдовы, разъ онѣ возвратились въ свой родъ, къ своимъ роднымъ, оплачиваются калымомъ, только тотъ значительно меньше «дѣвичьяго». Правда, пожилыя вдовы, которыя при подросткѣ сынѣ долго самостоятельно вели хозяйство, или жили въ работницахъ, выходятъ замужъ безъ калыма, но на это у якутовъ есть оригинальное доказательство: «кто-же самъ себя захочетъ ограбить»? (Намск. ул., 1891 г.), или: «за вдову уже разъ заплочено... платить за вдову нечего... отъ того, что она выходитъ замужъ никто *не теряетъ*». (Колымск. ул., Нам. ул., Баягант. ул.).

«Но кто же теряетъ, если выходитъ замужъ дѣвушка»? спросилъ какъ-то я «князя» Аполлона, моего Колымскаго покровителя.

— «Теряютъ родители: они кормили, воспитывали, заботились; должны же они получить за это... Вѣдь у нихъ уходитъ изъ дому работница, они останутся ни съ чѣмъ!.. Какъ ты этого русскій не понимаешь»?

— «А если выдѣляютъ сына, то они тоже остаются ни съ чѣмъ, а между тѣмъ ему еще даютъ».

«Сынъ другое: во-первыхъ, онъ больше работаетъ на родителей, затѣмъ, онъ никуда не уходитъ, онъ остается *въ томъ же родѣ* — онъ нашъ человѣкъ: будетъ платить подати и нести тяготы». (Колымск. ул., 1883 г.).

Взглядъ этотъ будетъ, пожалуй, самый распространенный среди якутовъ.

— «Мы кормили, воспитывали, а чужіе будутъ пользоваться. Беремъ за воспитаніе». (Намск. ул., 1891 г.). Это не мѣшаетъ получать калымъ часто такимъ лицамъ, которые палецъ о палецъ не стукнули для воспитанія дѣвушки; въ старину брали калымъ за совершенно маленькихъ дѣтей. Но «кто же даромъ отдаетъ женщину»!? (Баягантайскій

текущаго столѣтія по распоряженію правительства, сказано якутами относительно приданаго и калыма, что «приданое равняется половинѣ калыма» (Д. Я. Самоквасовъ, стр. 222).

ул., 1886 г.) [1]). Твердо знаютъ якуты одно: калымъ платить и получать надо, такъ было искони.

Всѣ ихъ объясненія этого обычая довольно смутны и часто противорѣчивы. Одни оправдываютъ его, какъ мы указывали, потерей семьею воспитанной ими работницы, другіе доказывали, что это «возвратъ за воспитаніе», такъ какъ женскій трудъ ничего *не стоитъ* и всѣхъ «питаетъ» отецъ-мужчина; третьи, наконецъ, говорили, что «калымъ платить нужно, но отъ этого нѣтъ никому никакой пользы, такъ какъ женихъ все получаетъ обратно, да еще того больше».

Все это иногда бываетъ, но чаще бываетъ другое. Свадьба, какъ бы остроумно ни были расчитаны части калыма, всегда тяжелымъ бременемъ ложится на женихѣ. Правда, молодые послѣ того, какъ невѣста совсѣмъ переѣхала къ мужу и прожила тамъ мѣсяца два, пріѣзжаютъ къ одареннымъ на свадьбѣ родственникамъ невѣсты, тёркютъ, и за маленькій подарокъ въ родѣ ¼ ведра водки или стенга мяса получаютъ отъ того, кто взялъ раньше коня или кобылу—*десять штукъ скота* (обыкновенно мелкаго), а отъ того, кто взялъ нѣсколько рублей денегъ—*одну штуку скота*, тѣмъ не менѣе цѣлая масса мелкихъ обязательныхъ подарковъ уходитъ безвозмездно и безвозмездно разбирается и поѣдается на свадьбахъ мясо курумъ. Въ барышахъ остаются только свадебные гости, главнымъ образомъ, сородичи невѣсты.

И калымъ и свадебные якутскіе обряды трудно объяснить съ точки зрѣнія здраваго смысла и современныхъ нуждъ. Съ этой точки зрѣнія, они представляютъ нѣчто крайне несуразное, странное, доставляющее обѣимъ сторонамъ массу хлопотъ и лишнихъ поводовъ для недоразумѣній. Если же взглянуть на нихъ, какъ на остатокъ старинныхъ родовыхъ обычаевъ, какъ на заключеніе мира, на плату за стыдъ, за нарушеніе родовыхъ правъ, многое нелѣпое и непонятное станетъ ясно и основательно.

---

[1]) Между прочимъ, по этому поводу я вспомнилъ забавное восклицаніе моего сосѣда якута Намскаго улуса рода Бёчёкъ. Онъ выдавалъ свою младшую сестру замужъ и пришелъ просить, чтобы я ему написалъ «родовую росписку» (беписка). «Росписка» ничто иное, какъ заявленіе родовыхъ властей, старшины или князя, что нѣтъ съ ихъ стороны препятствія къ заключенію брака. Такъ какъ князья по большей части безграмотные и только прикладываютъ «печати», то такія росписки пишутъ всякіе грамотѣи отъ 25 до 50 коп. за штуку. Я писалъ даромъ и бѣдняки приходили ко мнѣ. Это дало мнѣ возможность собрать кое-какія данныя относительно калыма, приданаго и другихъ условій брака. Якуты, думая что все это нужно для «росписки», говорили пространно и не утаивая о всѣхъ подробностяхъ договора. И вотъ этотъ Бёчёкъ, разсказавши сколько ложекъ и плошекъ и всего прочаго, дастъ за сестрой, всплеснулъ руками и съ непритворной обидой, воскликнулъ: «а мнѣ то и не будетъ барышу, ничего не останется»! За сестру, 20-лѣтнюю дѣвушку, онъ взялъ 10 р. и корову (сулу) и обязался дать корову (эниэ) и вещей на десять рублей. (Намск. ул. 1891 г.).

Прежде всего считаю нужнымъ отмѣтить, что дружба у якутовъ выражается и поддерживается обмѣномъ подарковъ. Самое понятіе «другъ», въ смыслѣ милаго, близкаго человѣка, выражается словомъ атасъ, что значитъ «обмѣнявшійся», а глаголъ атаста (говорятъ и атастыэ) значитъ и «подружись» и «помѣняйся» [1]). Брачный обрядъ у якутовъ и уплата калыма сводится собственно къ обмѣну *подарками*: *живымъ скотомъ* и мясомъ. Не послѣднее мѣсто играютъ среди пиршескихъ любезностей *цѣлыя неразрубленныя голени* скота [2]), подобно тому, какъ они считались нѣкогда неизбѣжнымъ условіемъ при заключеніи мировой [3]). Распредѣленіе мяса и водки на свадьбахъ между всѣми присутствующими тоже сильно сближаетъ ее съ старинной якутской мировой; чѣмъ-то успокоивающимъ дышутъ свадебныя рѣчи, въ которыхъ чаще всего слышаться: «вотъ мы стали родственниками, будемъ жить въ мирѣ, дружбѣ и согласіи».

Изъ частей калыма — курумъ, то есть доля идущая на угощеніе сородичей невѣсты, несомнѣнно часть калыма самая древняя и первичное его ядро. Онъ плотится безвозвратно. Впослѣдствіи прибавились къ нему другіе подарки и, постепенно возрастая, въ силу повторенія, превратились въ неизбѣжныя теперь сулу, эннэ и другіе.

Характерно, что и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ платить калымъ помогаютъ жениху, если онъ бѣденъ, всѣ болѣе или менѣе зажиточные люди рода: тотъ подаритъ телку, а другой въ долгъ дастъ пару лошадей, и т. д. Такъ, въ Колымскомъ улусѣ совершенно бѣдный Иванъ Слѣпцовъ, неимѣвшій ни одной штуки скота, выплатилъ калыму 10 штукъ рогатаго скота въ продолженіи года. Когда я его спросилъ, какимъ образомъ онъ это сдѣлалъ, онъ указалъ на нѣкоторыхъ зажиточныхъ сородичей, давшихъ ему скотъ въ долгъ. Тутъ же онъ сообщилъ мнѣ, что въ старину всегда такъ бывало: родъ помогалъ выплачивать калымъ (Колым. ул., 1884 г.). Относительно приданаго молодой ничего подобнаго я не слышалъ [4]).

[1]) Есть у якутовъ еще слово догоръ, которое тоже значитъ «другъ», но атасъ это— другъ особый. Характерно, что догоръ можетъ быть и женщина, но атасъ, на сколько я знаю, женщина быть не можетъ. Что у якутовъ въ старину существовало нѣчто въ родѣ «побратимства», можно заключить изъ сказокъ, гдѣ не рѣдко «богатыри» заключаютъ вѣчную дружбу, обязательство освобождать другъ друга отъ напастей или помогать въ бѣдѣ. Гмелинъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ деревья, крона которыхъ была извѣстнымъ образомъ подрѣзана двумя разлучившимися *друзьями* въ знакъ *вѣчной ихъ связи*.

[2]) Сватьямъ и сватамъ кладутъ ихъ во время пира цѣликомъ и раскалываютъ ихъ для добычи мозговъ только послѣ окончанія церемоніи обмѣна.

[3]) См. выше, стр. 438. Характерно тоже, что поводомъ къ войнѣ между якутами «Эгинскаго рода» и рода «Хоро» послужило убійство братомъ невѣсты «рыже-пѣгой кобылы съ двойнымъ хвостомъ», которую взять оставилъ родителямъ *вмѣсто дочери*. (Худяковъ, стр. 55).

[4]) Его только пополняютъ сородичи (тӧркютъ), давая вмѣсто полученной ими взрослой

Приданаго, эннэ, въ началѣ, несомнѣнно не было. Оно и теперь не признается такимъ безусловнымъ элементомъ брака, какъ курумъ, сулу [1]). Самое слово эннэ (мѣстами говорятъ ӓнне) въ старину значило не только приданое:

— «Эннэ-кулутъ (кулутъ—рабъ) встарину называли человѣка (мужчину), котораго побѣжденный богатырь давалъ побѣдителю въ награду за пощаду жизни». (Намск. ул., 1890 г.).

Впослѣдствіи эннэ кулутъ были рабы, включенные въ приданое невѣсты. «Если это были женщины, то онѣ становились наложницами хозяина». (Намск. ул., 1891 г.).

И теперь эннэ употребляется чаще, какъ *прилагательное*: эннэ-тангасъ приданое платье, эннэ иситъ приданое посуда, эннэ сюӧсю приданый скотъ, чѣмъ оно напоминаетъ наше слово «приданое» и отличается отъ вполнѣ опредѣленныхъ *существительныхъ*: курумъ и сулу.

Правда, объ эннэ упоминается въ очень древнихъ былинахъ, гдѣ въ концѣ почти всегда герой, послѣ множества приключеній, возвращается домой съ женою и богатымъ приданымъ, но и курумъ и эннэ, создались, по всей вѣроятности, въ очень древнія времена, при зарожденіи нынѣшняго якутскаго экзогамическаго брака.

Всѣ данныя говорятъ за то, что жены чуже-родки были въ началѣ военныя полонянки, а у тѣхъ приданаго и быть не могло.

— «Ходя, блуждая по тайгѣ, промышляя, если увидѣли гдѣ красивую жещину, высматривали, гдѣ мужъ ея ходитъ охотиться. Тамъ на него нападали, убивали, а жену уводили. Если нельзя было заполучить ее силой, брали обманомъ. Высмотрятъ, убьютъ мужа или брата, переодѣнутся въ его платье, прійдутъ темной ночью или стапутъ внѣ дома такъ, чтобы ихъ не могли видѣть и говорятъ: «эхъ добычи не могу притащить!.. помоги жена»! Когда та выйдетъ и пойдетъ съ нимъ въ лѣсъ, хватаютъ и уводятъ. Если не хотѣла идти, прокалывали у нея руку повыше запястья между двухъ костей, и продѣвши ремень, заставляли идти на привязи». (Намск. ул., 1891 г.).

Такимъ же образомъ, по словамъ преданія, пробивши руку повыше кисти, увелъ въ полонъ, въ лѣсъ, свою любовницу разбойникъ Маньчары. (Колымск. ул., 1883 г.). Очевидно, это былъ обычный способъ водить плѣнниковъ, которымъ хотѣли сохранить жизнь [2]).

скотины нѣсколько штукъ малолѣтокъ. «Малолѣтки выростутъ и люди станутъ богаты» (Намск. ул., 1889 г.).

[1]) Якуты слово калымъ считаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за русское слово.

[2]) «У плѣнныхъ героевъ, богатырей, храбрыхъ воиновъ ломали правую руку и ногу». (Верхоянскъ. 1882 г.). затѣмъ «ихъ мучили мученической смертью». (Намскій улусъ, 1891 г.).

Въ сказкѣ Акàры (Дуракъ) разсказывается о женитьбѣ героя и его двухъ братьевъ:

— «Побѣдивши дьявола и его товарищей, братья завладѣли оставшимися послѣ нихъ строеніями и несмѣтными богатствами. Сдѣлались богатыми. Каждый изъ нихъ жилъ въ особомъ домѣ. «Надо бы жениться», сказалъ Акàры. Оставилъ братьямъ надзоръ за хозяйствомъ и ушелъ искать жену. Пришелъ въ городъ [1]) и, высмотрѣвъ дѣвушку, укралъ ее въ тотъ мигъ, когда она вышла одна зачѣмъ-то изъ избы. Укралъ и живетъ съ ней. Пошли и остальные братья искать женъ, но возвратились ни съ чѣмъ. Дуракъ насмѣялся надъ ними, говоря: «Что вы за люди—бабы себѣ добыть не можете»! Привязалъ свою жену ремнемъ къ кровати, приказалъ стеречь ее братьямъ, а самъ пошелъ промышлять для нихъ женъ. Привелъ сначала старшему брату, а затѣмъ среднему. Съ тѣхъ поръ жили всѣ трое женатые, каждый въ отдѣльной юртѣ». (Колымск. ул., 1883 г.).

Въ якутскомъ эпосѣ похищеніе женъ, сестеръ, дочерей всякими абасы, то есть врагами, повторяется, какъ постоянный мотивъ. Герои розыскиваютъ ихъ и сами, въ свою очередь, ищутъ на чужбинѣ женъ, домогаются и получаютъ ихъ въ награду своихъ подвиговъ или оказанной другимъ помощи. Въ повѣствованіяхъ о всякихъ войнахъ, женщины и дѣвушки сплошь и рядомъ достаются побѣдителямъ, какъ призъ или «выкупъ жизни» — эпнэ. Въ сагѣ Саппы-Хосунъ разсказывается, что три брата якута, обиженные тунгусами, пошли на нихъ войной. Тунгусы стали просить пощады и дали на выборъ трехъ дѣвицъ: якуты помирились на этихъ условіяхъ и стали дѣлать свадьбу [2]).

Въ преданіи о Чорбохѣ говорится, что онъ взялъ у Тыгына при заключеніи мира, какъ выкупъ, «много скота, людей и красавицу дочь въ жены». (Намск. ул. 1890 г.). Тоже самое говорятъ про Бертъ-Хара (Баяган. ул., 1886 г.).

Въ брачныхъ обрядахъ якутовъ, я думаю, слѣдуетъ видѣть остатокъ нѣкогда вполнѣ осмысленнаго и цѣлесообразнаго поведенія при заключеніи мира. Было ли похищеніе женщинъ причиной предъидущихъ несогласій, или ихъ добровольно отдавала родня въ обмѣнъ за убитаго мужчину-сородича, за награбленный скотъ и т. п.—не важно, во всякомъ случаѣ она считалась *добычей*, а свадьба, какъ я это выше указалъ, походила на *мировую сдѣлку*.

До сихъ поръ обѣ родящіяся стороны относятся другъ къ другу

---

[1]) Якуты «городомъ» гуородъ зовутъ часто въ сказкахъ вообще скопленіе жилищъ и людей.

[2]) Худяковъ, стр. 68.

во время брачнаго пира съ почтеніемъ, но и съ какимъ-то затаеннымъ недовѣріемъ и соревнованіемъ. Они зорко слѣдятъ, не обошли ли ихъ подарками, не обманули-ли. Поѣзжане, все время не трогаясь, сидятъ на своихъ мѣстахъ въ дорожномъ платьѣ. Кони ихъ засѣдланы; засѣдланы также кони многихъ пріѣхавшихъ на свадьбу родственниковъ дома. Когда я спросилъ князя Ивана, почему онъ не разсѣдлалъ коня, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Таковъ обычай. Разно бываетъ на свадьбахъ». (Колым. ул., 1884 г.). На югѣ обычай этотъ исчезъ, но въ Колым. ул. я на обѣихъ свадьбахъ видѣлъ всѣхъ верховыхъ коней засѣдланными. Пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ поѣзжане вскачь и при въѣздѣ встрѣчаетъ ихъ верховой дозоръ, который они обыкновенно силятся обогнать; тотъ, кто обгонитъ, у противной стороны отнимаетъ «счастіе» [1]). Затѣмъ, въ старину были еще обычаи, указывающіе, что обѣ стороны какъ-бы торговались и мѣрялись другъ съ другомъ силами. Раньше, чѣмъ въѣхать во дворъ, поѣзжане посылали впередъ трехъ отборныхъ удальцевъ въ домъ невѣсты. Ихъ тамъ спрашивали: зачѣмъ они пришли? а получивши въ отвѣтъ: «неугасимый огонь зажечь, мѣдный столбъ ставить, новую юрту строить» [2]), имъ подавали огромный, полный кумысу кубокъ и такіе же кубки, ымыя, брали три отборныхъ человѣка изъ мѣстнаго рода. Затѣмъ, начинали пить и кто больше всего выпилъ, не поперхнувшись и съ возможно меньшимъ количествомъ передышекъ, тотъ бралъ «счастіе», джолъ. Во время пира продолжались мирныя состязанія, пробы силы, которыя, по всей вѣроятности, въ прошломъ вліяли на величину калыма (виры). Такъ, «когда дѣлили мясо, домашніе выставляли своего борца. Ухвативши по серединѣ скользкую скотскую голень, очищенную отъ мяса, съ кусками мышъ и сухожилій, онъ выскакивалъ на гладкое открытое мѣсто и, поднявши кость надъ головою, кричалъ громко: кюресь! Молодежь, пріѣхавшая съ молодымъ или молодою, бросалась отнимать кость. Если отняли, это былъ плохой знакъ... Значитъ отняли «счастіе» джолъ. (Намск. ул., 1891 г.). Борьба изъ за этого джолъ, которымъ зовутъ всякую *добычу* и даже успѣшную *кражу* [3]), достигала иногда такой страстности, что въ кумысъ, подаваемый пріѣзжимъ «сватамъ-лазутчикамъ», тюнгюръ көрөччи, подмѣшивали мелко рубленный конскій волосъ (Нам. ул. 1890 г.). Побѣжденные, по

[1]) Обрядъ этотъ описываетъ и Маакъ подъ названіемъ «кѣнь кёрсёрь» — свиданіе удальцевъ. Маакъ говоритъ, что въ случаѣ поимки, всадника привязывали къ коню самой бѣдной якутки и затѣмъ, во время празднества, онъ обязанъ былъ прислуживать пирующимъ.

[2]) Алъ уоту уотта, алтанъ сергени эннэ, алас джіени атара (Маакъ, стр. 95). Тоже самое записалъ и я въ Колымскомъ и Намскомъ улусахъ.

[3]) Смотри томъ II-й.

народному повѣрію, *бидньли*. Теряли также джолъ молодые въ случаѣ, если невѣста плакала, уѣзжая, и оглядывалась на родительскій домъ. (Колым. ул. 1884). У Худякова [1]), въ олонго «Старуха со старикомъ», разсказана даже цѣлая исторія, какъ Симаксинъ-Эмахсинъ зажгла бересту на крышѣ и закричавши «горитъ домъ твоихъ родителей», заставила дочь взглянуть пазадъ «однимъ краюшкомъ глаза», отъ чего половина скота, отданнаго въ приданое оторвалась и убѣжала домой. Возможно, что въ старину все это имѣло реальныя основы. Чѣмъ болѣе не равны были силы заключающихъ бракъ семей или вѣрнѣе ихъ *родовъ*, тѣмъ больше страдали матеріальныя интересы слабой стороны. Увеличивался также выкупъ отъ сопротивленія невѣсты, значитъ отъ ея любви къ роднымъ. Замѣчательно, что во время свадьбы обычай строго воспрещаетъ жениху и невѣстѣ видѣть другъ друга. Еще послѣдней дозволяется, спрятавшись за товарокъ, подсмотрѣть жениха, когда тотъ идетъ коня поить, что и называется «осмотръ жениха» (кютюётъ кёрсёрь), но для жепиха считается неприличнымъ даже дѣлать попытки увидѣть невѣсту. Ее не должны видѣть также его поѣзжане и сородичи.

Если свадьба имѣетъ много сходства съ мировой, то сватовство и предшествующій ему «высмотръ» вполнѣ напоминаютъ военную развѣдку.

Дѣло было осенью, снѣгъ уже выпалъ, но зимній промыселъ еще не начинался въ виду слабости льда. Въ результатѣ оказалось у людей много досуга. Якуты пользовались имъ, усердно посѣщая сосѣдей. Какъ-то по утру, въ юрту Ивана Слѣпцова, на Енгжѣ, гдѣ я жилъ въ это время, вошелъ молодой, никому неизвѣстный юноша. Онъ перекрестился, поздоровался и, не раздѣваясь, сѣлъ въ углу билирика, что назначенъ для гостей; но не въ красномъ углу, а въ углу болѣе близкомъ къ дверямъ. Я сейчасъ замѣтилъ среди женскаго населенія юрты нѣкоторое смятеніе. Двѣ взрослыя дочери хозяина и третья, гостившая у нихъ дѣвушка, нетолько перестали мурлыкать пѣсни, что вызывается появленіемъ всякаго новаго лица, но спрятались въ глубину дома, тамъ неустанно шушукались, пересмѣивались и украдкой, съ любопытствомъ, поглядывали на незнакомца. Хозяинъ бросилъ чинить сѣти, закурилъ трубку и, не торопясь, обстоятельно сталъ разспрашивать юношу: откуда онъ и кто онъ? пока приготовляли ѣду. Никто, оказалось, его не зналъ и только, когда онъ назвалъ родъ, мѣстность и другія подробности, касающіяся ближайшихъ родственниковъ, «князь» (Иванъ) вспомнилъ, что такой-то юноша, дѣйствительно, гдѣ-то тамъ, долженъ былъ существовать. Пріѣхалъ якутъ издали, изъ-за 300 верстъ. Говорилъ, что ищетъ кобылъ... кобылы

[1]) Стр. 131.

потерялись! Назвалъ какую-то неопредѣленную ихъ масть; хозяинъ, впрочемъ, не особенно его объ этомъ разспрашивалъ. Прожилъ онъ у насъ больше сутокъ. Все это время онъ, не раздѣваясь, сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, прислонившись къ столбу и наблюдалъ, что дѣлается въ домѣ, конечно, главнымъ образомъ, на женской половинѣ. Жизнь въ юртѣ была до того несложная, что этого времени было вполнѣ достаточно, чтобы ее изучить. Говорилъ юноша мало и неохотно, и домашніе мало его тревожили, и какъ-бы игнорировали, тѣмъ не менѣе, мнѣ показалось, что вся жизнь шла немного напряженнымъ ходомъ. Вечеромъ пришли сосѣдскіе парни. Они поздоровались съ пріѣзжимъ, обмѣнялись нѣсколькими фразами, но молодежь не пригласила незнакомца и онъ не присоединился къ ней, когда немного спустя, всѣ они вышли въ сѣни, а за ними, по одиночкѣ, прошмыгнули туда дѣти и дѣвушки. Я тоже вышелъ узнать, что все это значитъ. Якуты шумѣли: дѣти прыгали, дѣвушки смѣялись и толкали другъ друга, парни притворно негодовали и ругались. Одинъ изъ нихъ, заткнувъ полы своего «супуна» за поясъ и расправивъ широко штаны, вертѣлся по серединѣ кружка, подражая въ движеніяхъ пріѣзжему.

— «Что такое»?!

— «Женихъ выискался!» отвѣтили мнѣ со смѣхомъ.

— «Чѣмъ я его хуже?... У меня также кобылы пропали, и штаны новыя, и полы за поясомъ!» — ломался повѣса.

Когда я усомнился въ томъ, что пріѣзжій былъ женихъ, мнѣ привели массу доказательствъ: и за перегородку все смотритъ, глазъ не спускаетъ, и молчаливъ, и платье у него особенно опрятно и подогнано, и сбруя цѣлехонька, и постель аккуратно, чисто свернута, и коня-то не разсѣдлалъ...

— «И отвѣтилъ подходяще!... Вообще, мы якуты знаемъ... по нашему такъ бываетъ»!

— «Воръ... Извѣстное дѣло воръ... Уведетъ у насъ кобылицу»! ругался подражавшій жениху озорникъ. Дѣвушки не переставали хохотать. Имъ, очевидно, нравились всѣ эти враждебныя противъ жениха выходки, но когда я спросилъ старшую Мавру, которая не была еще высватана, что она думаетъ о незнакомцѣ и стоитъ-ли дѣвушкѣ выходить за него, она стала вдругъ серьезна и сказала:

— «Лицомъ онъ бѣлъ и... работникъ должно быть хорошій. Пріѣхалъ издали, а конь у него не истомленный и все въ порядкѣ»!

На другой день юноша, не сказавъ ни слова, уѣхалъ. (Колымскій ул., 1884 г.).

Посѣтивъ иногда такимъ образомъ многіе дома и высмотрѣвъ *по*

душѣ дѣвушку, женихъ засылаетъ сватовъ. Иногда онъ не самъ ѣздитъ, а съ товарищемъ, иногда сватаетъ невѣсту за глаза, по слухамъ, а въ старину, когда «сговаривали» и «женили» съ малыхъ, нерѣдко младенческихъ лѣтъ, конечно, дѣлали это родители или родственники.

— «Иногда женили совсѣмъ маленькихъ, въ 3—4 года. Выплативъ калымъ, дѣвочку брали родители жениха къ себѣ въ домъ. Это дѣлали затѣмъ, чтобы дитя привыкло къ семьѣ мужа. Часто ребенокъ дѣйствительно привыкалъ и старики любили его больше роднаго. За то рѣдко такіе рано повѣнчанные мужъ и жена жили согласно. Они съ дѣтства спали вмѣстѣ, считаясь мужемъ и женою, но часто смотрѣли другъ на друга *чортомъ*. Затѣмъ, если дѣвочка или мальчикъ до вѣнчанія умиралъ, то начиналась безконечная тяжба о возвратѣ калыма. Вотъ отчего такіе браки вывелись. Да и попы не позволяютъ теперь, не вѣнчаютъ, жалуются властямъ»... (Намск. ул., 1890 г.). Тѣмъ не менѣе, я видѣлъ 14-тилѣтнихъ парней, которые уже года два были женаты, и встрѣчалъ супруговъ, которыхъ поженили на *четвертомъ* году отъ роду.

Сговоръ, кильтеганъ, у колымскихъ якутовъ происходитъ такимъ образомъ. Трое мужчинъ, родственниковъ жениха, не всегда ближайшихъ, но всегда *бравыхъ* и *опытныхъ*, отправляются верхами въ намѣченный домъ. Тамъ, войдя, они садятся на билирикѣ и сидятъ, разговаривая о постороннихъ вещахъ, высматривая, что дѣлается дома, сутки, а иногда два дня. Затѣмъ, они складываютъ вещи, выносятъ постели, навьючиваютъ засѣдланныхъ коней и совсѣмъ готовые тронуться въ путь, возвращаются обратно въ избу. Если женихъ съ ними, то онъ *остается* на дворѣ и въ избу не входитъ. Сваты опять садятся на билирикъ и, спустя немного, старшій изъ нихъ, тюнгюръ, бросаетъ молча на столъ связку лисицъ. Тогда отецъ, надѣвъ шапку, садится за столъ на мѣсто, гдѣ онъ сидитъ во время свадьбы и спрашиваетъ ихъ, что имъ нужно? Они околично, называя невѣсту то молодой кобылой, то дорогимъ звѣремъ, заводятъ торгъ, спрашивая: есть-ли продажная и затѣмъ, получивши удовлетворительный отвѣтъ, прямо условливаются о размѣрахъ калыма и его частей, уговариваются относительно приданаго, времени свадьбы, времени получки женихомъ невѣсты, способа выплаты выкупа и о всѣхъ подробностяхъ, и все это возможно точно и обстоятельно, во избѣжаніе будущихъ недоразумѣній. Затѣмъ, гости поспѣшно уѣзжаютъ. Иногда пробную плату: лисицъ, водку, деньги (10—15 руб.) сваты, уходя оставляютъ на столѣ, и если, возвратившись, увидятъ, что онѣ убраны, приступаютъ къ изложенію условія. На югѣ «сговоръ» сдѣлался совсѣмъ похожъ на мѣстный русскій сговоръ. Глав-

ную роль въ немъ играетъ водка. Никакихъ демонстративныхъ выходовъ за двери и сѣдланія лошадей нѣтъ; женихъ присутствуетъ при переговорахъ на счетъ калыма и самъ иногда принимаетъ участіе, что съ точки зрѣнія древне-якутскаго этикета считается неприличнымъ, въ такой же мѣрѣ какъ напр. присутствіе поѣзжанъ жениха при дѣлежѣ и осмотрѣ на свадьбѣ привезенныхъ имъ подарковъ.

Участіе невѣсты въ сговорѣ очень слабо; иногда спросятъ ее: согласна ли она? но это уже пововведеніе. Получивши отказъ въ просимой дѣвушкѣ, якуты обыкновенно настаиваютъ на отдачѣ другой, если въ домѣ ихъ нѣсколько. Уйти съ какимъ бы то ни было отказомъ у якутовъ считается обиднымъ, а особенно обиднымъ считается, конечно, отказъ въ невѣстѣ. Къ невѣстѣ, которая отказала, неприлично, по мнѣнію якутовъ, въ томъ же году кому бы то ни было засылать сватовъ; это дозволяется не раньше, какъ черезъ годъ. (Колымск. ул., 1883 г.).

Беруть якуты женъ всегда изъ чужаго рода. Даже на югѣ обычай этотъ до сихъ поръ строго соблюдается, хотя тамъ якуты объясняютъ его тѣмъ, что «попъ не повѣнчаетъ» (Намск. ул., 1890 г.). На сѣверѣ я знаю только одинъ случай брака внутри рода, но всѣ порицали этотъ бракъ и, когда повобрачная послѣ свадьбы ослѣпла, то приписали несчастіе *нарушенію стариннаго обычая.* (Сасабытъ, Колым. ул., 1883 г.). «До подобнаго срама еще не доходилъ ни одинъ байдупецъ», говорила одна якутка Верхоянскаго улуса Н. Горохову. Тотъ же Гороховъ сообщаетъ, что «зажиточный якутъ никогда не женится даже въ своемъ *наслегѣ* [1]). Обычай, уцѣлѣвшій еще въ мало культурныхъ мѣстностяхъ, говоритъ даже противъ того, чтобы брать женъ *вблизи, хотя бы и чужеродокъ.*

— «Дѣвушка, живущая на родинѣ, не бываетъ счастлива».

— «Счастливая дочь выходитъ замужъ далеко отъ родины». «Хорошо, если вода близко, а родня далеко», говорятъ народныя поговорки [2]).

Зажиточные якуты до сихъ поръ стремятся искать невѣстъ для своихъ сыновей не только въ другомъ *родѣ*, но и въ другомъ наслегѣ и *улусѣ.* Характерно, что въ олонго герои всегда отыскиваютъ женъ далеко, и что дорога ихъ считается трудною, «съ девятью холмами». Переѣзжаютъ по пути по меньшей мѣрѣ «девять лѣсовъ и перелѣсковъ», столько же аласовъ (лѣсныхъ долинъ) и т. д. Сопоставляя съ этимъ указаніе на старинные союзы бись, состоящіе будто бы каждый

[1]) Извѣстія Вост. Спб. Отд. Геогр. Общ. т. XIV, № 1—2, стр. 71.

[2]) Худяковъ, стр. 7. Въ послѣднемъ выраженіи имѣется въ виду родство, уру, черезъ свадьбу.

изъ 9 родовъ (ага уса), невольно закрадывается подозрѣніе, что цифры эти упомянуты неспроста, что въ старину брали женъ не только внѣ родовъ, но и внѣ *союза* [1]). Если предположить, что первыя жены чужеродки были военно-плѣнныя, то обычай брать женъ издали, изъ-за 9 холмовъ, станетъ понятенъ. По сосѣдству въ старину кочевали, нужно думать, только сородичи или союзные роды, у которыхъ похищать женщинъ само собою было неудобно.

Мысль о мирной эволюціи якутскаго экзогамическаго брака изъ какихъ-то первичныхъ его формъ, нужно, думаю, отбросить безповоротно. И сказки, и преданія, и остатки брачныхъ обрядовъ указываютъ единогласно на самую тѣсную его связь съ войною, съ похищеніемъ. Но явилось-ли стремленіе искать жены на сторонѣ случайнымъ послѣдствіемъ войны, или же само было ихъ причиной, возникнувъ въ свое время подъ вліяніемъ физіологическихъ и экономическихъ побужденій, рѣшить трудно.

Физіологическія выгоды скрещиванія съ самками инородныхъ группъ пастухи якуты могли наблюдать на своихъ стадахъ. Такіе союзы бывали и плодовитѣе и потомство ихъ было крѣпче. Къ тому же жеребцы, гонящіе прочь изъ табуновъ подростающихъ дочерей и очень охотно пріобщающіе къ нимъ постороннихъ кобылицъ, должны были вызывать на подражаніе [2]). Экономическія побужденія, рабскій даровой трудъ, разведеніе рогатаго скота, что дѣлало возможнымъ болѣе мелкія общественныя группы и большую въ данной мѣстности густоту населенія, поддерживали экзогамическія стремленія.

Такъ или иначе, но экзогамія сопровождается у якутовъ вой-

---

[1]) Преданіе говоритъ, что «въ старину у богатой невѣсты обязательно было *три на девять* олоховъ (юсь тогусъ олохтохъ) т. е. 27 остановокъ (олохъ) (Запад. Камал. ул., 1891 г.). Эти цифры опять вызываютъ на сопоставленіе съ древне-якутскимъ родовымъ дѣленіемъ на *три* бисъ по *девять* ага-уса. Остановки дѣлались, конечно, у жителей для отдыха и ночлега; на остановкахъ, говоритъ преданіе, обязательно убивали скотъ и совершали одинъ странный обрядъ: уѣзжая, бросали шкуру, на которой сидѣла невѣста во время *дороги* и въ *гостяхъ*. Шкура эта была различнаго достоинства, смотря по зажиточности невѣсты: кобылья, оленья, медвѣжья, лисья; въ дорогѣ ею покрывали сѣдло, а въ юртѣ скамью. Со временемъ она превратилась въ небольшой кусокъ мѣха, который якутская невѣста, отправляясь въ дорогу, брала съ собою, чтобы постоянно на немъ сидѣть. Вотъ этотъ-то мѣхъ бросался на каждомъ олохѣ; а черезъ каждые 9 олоховъ *бросалась* и *свадебная шуба*, тангалай (Западн. Камаласкій улусъ, 1890 г.).

[2]) Отпечатокъ, который на нравы и даже на внѣшность своихъ пастуховъ, кладутъ пасомыя животныя, отмѣченъ наблюдателями многократно; я привожу здѣсь характерный отвѣтъ одного Нижне-Колымскаго казака, объ оленьихъ чукчахъ: «А вѣра ихъ совсѣмъ оленья.... Совершенно (мольчъ) оленья у нихъ вѣра... Куда тѣ пойдутъ, туда и они пойдутъ... Какъ тѣ живутъ, такъ и они живутъ.. Даже морды у нихъ оленьи... и говорятъ по оленьему»... (Средне-Колымскъ, 1883 г.). Дѣйствительно, если не «оленьи морды», то въ ухваткахъ чукочь и тунгусовъ подчасъ несомнѣнно замѣтно сходство съ движеніями сѣверныхъ оленей, а въ языкѣ ихъ попадаются звуки очень близкіе къ оленьему «похрюкиванію».

пою и рабствомъ. Упоминаніе о рабахъ, отданныхъ вмѣстѣ съ дочерью побѣдителю, дѣло обычное въ якутскихъ былинахъ [1]).

Изученіе матеріаловъ, собранныхъ мною для составленія таблицъ якутскаго родства и сопоставленіе ихъ съ немногочисленными, но характерными преданіями и остатками старины, заставляютъ меня предполагать, что теперешній бракъ явленіе относительно новое и что раньше у якутовъ была совершенно отличная своеобразная организація и семьи, и брака. Возможно, что обѣ формы существовали долго параллельно; во всякомъ случаѣ древняя форма брака исчезла до того недавно, что народъ сохранилъ довольно свѣжую объ ней память. Первый разъ я наткнулся на относящееся къ этому преданіе въ Баягантайскомъ улусѣ, гдѣ въ повѣствованіи о томъ, какъ въ старину жили якуты, среди всякихъ другихъ «поклёповъ», взводимыхъ на нихъ просвѣщеннымъ разскащикомъ [2]), тотъ сообщилъ мнѣ, что: «въ старину якуты имѣли много женъ, а давно—того давнѣе, столько-то тысячъ (тёсё тысячча) то *твоя сестра* балысъ *была твоей женой*, *твоя мать—тоже*, *жена твоего брата тоже*... Вотъ какъ!..» (Баягаптайск. ул., III-й Баяган. насл., ур. Туруялахъ 1885 г.). Въ виду извѣстной теоріи о сводной семьѣ, я на это показаніе обратилъ особое вниманіе и сталъ искать его подтвержденія. Многіе, которыхъ я спрашивалъ, даже не понимали о чемъ рѣчь идетъ и упорно говорили, что «якуты давно, въ началѣ, женъ брали силой, похищали, а послѣ стали покупать и вѣнчаться». Тѣмъ не менѣе я въ той же мѣстности услышалъ еще разъ подтвержденіе прежняго показанія съ тѣмъ ограниченіемъ, что: «сестры были женами, а матери никогда ими не были». (Баяг. ул. 1885 г.).

Затѣмъ, въ Намскомъ улусѣ я разновременно записалъ другія показанія, также указывающія, что якуты какъ бы допускаютъ въ прошломъ существованіе браковъ не только внутри рода, но даже между очень близкими родственниками.

— «Богъ въ началѣ сотворилъ людей изъ дерева: мужчину Адама, а имени женщины не знаю... Женщина эта родила 7 дѣвочекъ и 8 мальчиковъ. У каждаго, значитъ, была жена, кромѣ самаго младшаго. Когда тотъ обратился къ Богу (Христу или Николѣ—не знаю) и сталъ спрашивать: «какъ-же я жить буду безъ женщины»? тотъ отвѣтилъ ему: «если ты никакъ не можешь безъ нея обойтись, то *спи тайно съ женами своихъ братьевъ*». (Намск. ул., 1887 г.). Легенду эту знаютъ многіе и мнѣ разсказали ее

[1]) Худяковъ, стр. 167: «мнѣ нужны люди»; стр. 231: «раздѣлилъ въ приданое 8 домовъ своихъ рабовъ».

[2]) Разсказывалъ парень 20 лѣтъ, не умѣющій ни слова по русски, но мечтавшій объ образованіи и выучившій даже нѣсколько буквъ русской азбуки.

три года спустя въ томъ же улусѣ другіе люди, да впослѣдствіи я слышалъ ее въ Кангаласкомъ улусѣ съ легкимъ лишь измѣненіемъ. Не смотря на примѣсь библейскихъ именъ, она характерна въ ряду однородныхъ съ ней показаній. Можно полагать, что если она даже позаимствована, то запомнилась народомъ именно потому, что отвѣчала смутнымъ отголоскамъ ихъ собственной старины.

— «Когда Онохой прибылъ съ юга, якуты брали въ жены собственныхъ *сестеръ*, такъ какъ посторонних женщинъ не было». (Намскій ул., 1890 г.).

— «Нѣкогда въ старину, еще до Тыгына, якуты женились такъ: *если* изъ *двухъ братьевъ одинъ имѣлъ сына*, а *другой дочь*, то *дѣти ихъ вступали въ бракъ*. (Намск. ул., 1891 г.).

— «Встарину, когда юноша могъ натянуть лукъ, то бралъ въ жены одну изъ *младшихъ сестеръ* (балысъ) и уходилъ далеко на сторону, гдѣ строилъ домъ»... (Намск. ул., 1891 г.).

— «Встарину, если *сестра* старшая или *младшая*, все равно, выходила замужъ за чужеродца, то *братья* никогда не отпускали ее дѣвушкой и, только выспавшись съ ней (хотушуръ), отдавали ее постороннимъ. Если уходила отъ нихъ дѣвушкой, то считалось, что теряли «счастіе», джолъ. (Намск. ул., 1891 г.). Это выраженіе хотуннуръ до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ «сойтись съ женщиной», а точно значитъ «сдѣлать хозяйкой, госпожей» (отъ хотунъ—госпожа) [1]). Кровосмѣшеніе, которое такими ужасными красками рисуется въ воображеніи нашего народа, вызываетъ у якутовъ скорѣе насмѣшки, чѣмъ отвращеніе. Примѣры такихъ союзовъ среди нихъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у насъ. Я знаю два случая сожительства брата съ сестрой, о которыхъ всѣ знали. О чемъ-то подобномъ въ Колымск. улусѣ испуганныя оглаской родовыя власти довели даже до свѣдѣнія мѣстнаго попа; въ Баягантайскомъ улусѣ сожительство было настолько продолжительнымъ, что послѣдствіями его явились *дѣти*. Знаю также одинъ случай сожительства матери съ сыномъ и двухъ родныхъ братьевъ съ одной и той же женщиной. Если обратимся къ былинамъ и сказкамъ, то увидимъ, что тамъ чувства *сестренныя* и *братскія* изображаются значительно сильнѣе супружескихъ, даже родительскихъ. Они какъ бы *предворяютъ* всѣ другія. Часто *женъ* сказочныхъ героевъ называютъ именами *сестеръ*, старшую—агасъ, младшую — балысъ. Въ олонго Кёнчё-Бёгё, покинутая героемъ женщина, обращаясь къ молодой его женѣ, говоритъ: «когда мы роди-

[1]) По саларски женщина: годунъ-киси; мужчина — эръ-киси. «Этнографическое обозрѣніе», 1891 г., № 1.

лись у отца матери на своемъ мѣстѣ, когда возрастали мы, я была *старше тебя* (агасъ), а ты младше (балысъ) [1]). У каждаго почти добраго или злаго героя есть *сестры*, заступницы и сподвижницы. Когда «Бѣлый юноша», герой былины Юрюнгъ-уолантъ, попалъ въ подготовленную ему врагами ловушку и его сестра Бѣлая Юкяйдянь-ко узнала это, «видя ночью по снамъ и днемъ по примѣтамъ», то «сонъ у нея сталъ не сномъ, жизнь не жизнью; погналась сзади, прилетѣла бѣлымъ стархомъ по слѣду брата къ пропасти, гдѣ онъ провалился, и, сидя тутъ, плакала до того, что небо трескалось, облака рвались, земля разваливалась, а слезы двухъ глазъ образовали два маленькихъ озерка; плакала, приговаривала, причитала за три ряда бѣлаго неба» [2]).

Затѣмъ, когда оказывается нужнымъ для спасенія брата волосъ съ головы отца Аръ-Тоёна, *сестры* просятъ о немъ и, получивши разрѣшеніе вырвать самой маленькій, хитростью вырываютъ самый большой, за что онѣ и особенно младшая (балысъ) Юкайдянь навлекаетъ на себя гнѣвъ бога-отца. Примѣровъ такой вѣрности сестеръ своимъ братьямъ, разсѣяно въ памятникахъ якутскаго народнаго творчества много [3]).

Характерно также, что причиной къ войнѣ хороловъ съ якутами служитъ странный поступокъ Бата-батыра, брата героини разсказа Нюльгюнгѣ, вышедшей замужъ за «Растрепаннаго витязя» Сахсарганабаргянь, сына эгинскаго князя. Бата-батыра ни съ того, ни съ сего охватываетъ такая ненависть къ кобылѣ, полученной взамѣнъ за *сестру*, что онъ убиваетъ ее. «Только мы и жили спокойно», сказали эгинцы: «хоролы ужь такіе кровожадные люди, что они и съ нами хотятъ поступать также, какъ съ нашей кобылой» и, чтобы опередить нападеніе, сами идутъ на хороловъ войной.

Считаю нужнымъ отмѣтить, что я нигдѣ не нашелъ въ олонго прямого указанія, чтобы сестры считались когда-либо женами братьевъ. Это понятно: олонго есть повѣствованіе о поискахъ женъ-инородокъ и добычи, джолъ, *на сторонѣ*. Тамъ встрѣчаются только указанія, что якуты родные *братья* охотно женились на *родныхъ сестрахъ* изъ другой семьи, что наблюдается и теперь нерѣдко. Замѣчательно также, что во время свадьбы, *сестра невѣсты* все время старательно прикрываетъ голову, такъ какъ за большой грѣхъ считается, чтобы женихъ или кто либо изъ его поѣзжанъ увидѣлъ ея *волосы*. (Колм. ул., 1884 г.).

Существуетъ одна неодолимая почти трудность въ возстановленіи

[1]) Худяковъ, стр. 166.

[2]) На эту черту указываетъ въ своихъ интересныхъ примѣчаніяхъ къ олонго Юрюнгъ Уоланъ и г. Н. Гороховъ (Записки Вос. С. От. Геогр. Общ.).

[3]) Худяковъ, стр. 147.

формъ древне-якутскаго брака, именно: особый смыслъ, который, повидимому, придавался въ старину названіямъ родства, означающимъ теперь совершенно другое. У якутовъ нѣтъ, напримѣръ, терминовъ для обозначенія вообще понятія *брата* и *сестры*. Въ случаѣ необходимости назвать ихъ, они употребляютъ теперь русское «братъ» и «сестра» [1]). Для выраженія же соотвѣтствующаго родства по-якутски у нихъ есть особыя, параллельныя названія, которыхъ отнюдь смѣшивать нельзя: для старшихъ братьевъ—убэй, для младшихъ братьевъ—ини, для старшихъ сестеръ—эджій, для младшихъ—балысъ. Эти же названія съ нѣкоторыми добавленіями, обыкновенно пропускаемыми въ обыденной рѣчи, даются: дядямъ, племянникамъ, теткамъ, внукамъ разныхъ степеней, даже вотчиму и мачихѣ [2]). Родня сообразно съ этимъ какъ-бы распадается на двѣ группы: мужчинъ и женщинъ, родившихся *раньше*: убэй, эджій, и мужчинъ и женщинъ, родившихся *послѣ*: ини, балысъ. Эти группы служатъ какъ-бы основнымъ фономъ якутской родословной, большинство остальныхъ наименованій производится отъ нихъ путемъ всякихъ прибавокъ и надстроекъ. Насколько я замѣтилъ, имена, въ составъ которыхъ входилъ убэй, эджій, балысъ, ини дается только *кровнымъ родственникамъ* и *сородичамъ*. Для родни, пріобрѣтенной путемъ брака, есть спеціальныя названія, гдѣ дѣленіе на *родившихся до* и *послѣ* проведено не такъ строго. Нѣкоторымъ изъ нихъ, правда, присвоены названія эджій или балысъ, но названія эти всегда сопровождаются въ такихъ случаяхъ прибавками, указывающими на внѣ родовое происхожденіе называемаго; напримѣръ, младшая сестра мужа или жены называется кюребалысъ, что слѣдуетъ переводить: «младшая сестра по двору, по жилищу»—прибавка, конечно, совсѣмъ лишняя внутри рода или родной семьи. Я думаю, что въ началѣ у якутовъ совершенно отсутствовало понятіе *брата* и *сестры*, что убэй, ини, эджій, балысъ были термины настолько семейные, сколько родовые и значили просто: *старшіе* и *младшіе сородичи*. Это подтверждается уже тѣмъ, что никакъ нельзя теперь установить, какъ правильно переводить слово убэй: старшій-ли *братъ*, старшій-ли *дядя*, старшій-ли *племянникъ*, а слово эджій: старшая-ли *сестра*, *тетка* или *племянница*. Также невозможно точно установить, что значитъ ини и балысъ. Въ пользу этого же предположенія говоритъ то, что: однозначныя и болѣе древнія, по показаніямъ якутовъ, слова какъ бій, употреблявшееся вмѣсто убэй, агасъ—вмѣсто эджій, уже

[1]) Во множ. чис. браттаръ, сёстраларъ; слова эти попадаются даже въ сказкахъ и олонхо.

[2]) Послѣднее я слышалъ только въ Колымскомъ улусѣ, въ другихъ мѣстностяхъ ихъ обыкновенно зовутъ: мать и отецъ.

прямо слѣдуетъ переводить: старшій мужчина, старшая женщина [1]). Наконецъ то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и на югѣ и въ Колымскомъ улусѣ до сихъ поръ удержался обычай звать въ интимномъ разговорѣ всѣхъ старшихъ сородичей убэй, эджій, хотя бы они совсѣмъ не были родственниками. Относительно чужеродцевъ я тамъ этого не замѣчалъ, ихъ зовутъ: тоёнъ (господинъ), огоніоръ [2]) (старикъ) или догоръ (пріятель).

Если это такъ, если названіе убэй возможно толковать въ смыслѣ старшій по рожденію *сородичъ*, то преданіе о томъ что братья (убэй-даръ) женились на сестрахъ, причемъ подчеркивается, что сестры были младшія (балысъ), теряетъ свою опредѣленность. Преданіе это, нужно думать, указываетъ нестолько на кровосмѣсительство, сколько вообще на эндогамію, на женитьбу внутри *рода*, да еще намекаетъ, что въ извѣстный моментъ развитія эндогаміи существовалъ обычай, чтобы мужчины женились на женщинахъ, *родившихся послѣ нихъ*. Были ли какія-либо ограниченія относительно *родныхъ сестеръ* и *родныхъ дочерей*, добиться, въ виду смутности родственныхъ названій, нѣтъ надежды. Во многихъ показаніяхъ я нашелъ только косвенныя указанія, что такія ограниченія, пожалуй, существовали. Одна старая якутка, жалуясь на порчу современныхъ нравовъ, между прочимъ, говорила: «Въ Бога не вѣрили, правда, но меньше было тогда грѣховъ, чѣмъ теперь. Теперь и попъ смотритъ, и начальникъ смотритъ, а грѣховъ больше; тогда никто не смотрѣлъ, и меньше люди лгали, менѣе воровали, обманывали, чѣмъ нынѣ. Раньше *даже родные братья спать не смѣли подъ однимъ одѣяломъ съ сестрами*, это считалось за большой грѣхъ. Теперь женятся на женщинахъ своего рода... Раньше искали женъ далеко за Индигиркой (Омеконъ), за Яной (Нянга); теперь—лишь бы близко, лишь бы скоро»!.. (Колым. ул., Енгжа 1884 г.). Въ томъ же Колымскомъ улусѣ на Андылахѣ по поводу ссоры домашнихъ изъ-за постели, мнѣ объяснили, что «*стыдно спать взрослой дѣвушкѣ подъ одѣяломъ брата*» [3]). (Колымскій ул., 1883 г.). Наконецъ, небезинтересно, что мальчику лѣтъ 10—12 уже *даютъ постъ отдѣльно отъ сестеръ*. Онъ уже не ложится спать съ ними на одну кровать; ему заводятъ особую постель, что сопряжено съ нѣкоторыми расходами и что, думаю, вызвано не столько чувствомъ стыдливости, сколько древнимъ запретомъ, аи. Тѣ же сестры, случается, ходятъ

[1]) бій — въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ значитъ старшій, а также господинъ, хозяинъ; агасъ—тоже; смотри ниже.

[2]) огоніоръ—болѣе задушевное, чѣмъ догоръ; этимъ именемъ нерѣдко зовутъ дѣти отца, жена мужа и т. п.

[3]) Брата не было дома, осталось одѣяло.

совершенно нагія, не стѣсняясь присутствія взрослыхъ братьевъ, и ведутъ съ ними запросто такіе иногда разговоры и шутки, которые смутили бы самаго циничнаго европейца.

Возможно, что описанныя ограниченія возникли уже позже, ради огражденія дѣвственности, утрата которой, съ утвержденіемъ экзогаміи, стала вліять на величину калыма [1]), тѣмъ не менѣе они указываютъ на необходимость въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, въ числѣ другихъ мѣръ, затруднить физическое сближеніе между братьями и сестрами, связь которыхъ очевидно считалась явленіемъ заурядным. О посторонних юношахъ своего рода говорить нечего, связи эти и теперь обычное явленіе. Анализъ якутскихъ родственныхъ названій не указываетъ кто могъ или не могъ быть при эндогаміи мужемъ и женою. Интересно было бы съ этой цѣлью прослѣдить ошибки, какія якуты дѣлаютъ, прилагая приставку сыг, сыганъ къ родственникамъ *сородичамъ*. Сыг—это тѣ, на которыхъ можно жениться. Одни изъ опрошенныхъ мною, какъ я говорилъ выше, отрицали существованіе сыг внутри рода; другіе совершенно не отводили имъ мѣста въ родословной, хотя признавали, что такое родство начинается не то въ 9-мъ не то въ 4-мъ колѣнѣ, наконецъ, третьи постоянно смѣшивали сыг съ сіенг, которымъ обозначаютъ якуты третью степень кровнаго родства, отвѣчающую нашему: внукъ или внучатый.

Не менѣе трудно опредѣлить, хоть приблизительно, былъ ли тогдашній бракъ моногамическій или иной и какова была его прочность.

Слово ого—ребенокъ, дитя, съ прибавкой «мой ребенокъ», огомъ, примѣняется якутами не только къ своимъ роднымъ дѣтямъ, но и къ дѣтямъ *братьевъ*, *сестеръ*, даже къ самимъ *братьямъ* и *сестрамъ*, если разница въ лѣтахъ это допускаетъ. Въ преданіи о лошади Сиргасъ разсказчикъ, между прочимъ, объяснилъ, что Тимиръ-Байтаканъ, не смотря на свой гнѣвъ, назвалъ дерзкаго парня Нороху «дитя мое», огомъ, потому что «старинные якуты, какъ бы ни сердились, не говорили младшимъ иначе, какъ «дитя мое» [2]). Это же обращеніе практикуется и теперь въ ласковой рѣчи. Ого имя нарицательное и въ родословную входитъ, какъ составная часть многихъ сложныхъ описательныхъ названій [3]).

Въ этой родословной нѣтъ также и такихъ спеціальныхъ названій,

---

[1]) См. т. II-й.

[2]) См. главу «Народное словесное творчество».

[3]) Внука называютъ сіенгъ-уолъ, но говорятъ также огомъ-ого-уолъ; внучку называютъ сіенгъ-кысъ, но говорятъ также огомъ-ого-кысъ—моего дитяти дитя-дочь; правнукъ сіенгчеръ-уолъ а также юсюсь уямъ огомъ — моего третьяго гнѣзда дитя; правнучка сіенгчеръ кысъ и юсюсь-уямъ-огомъ-кысъ третьяго гнѣзда дитя-дочь.

какъ *дочь* и *сынъ*, указывающихъ на физіологическую связь между опредѣленными лицами. Слово уолъ, употребляющееся въ смыслѣ *сынъ*, значитъ, собственно говоря: мальчикъ, юноша, молодой человѣкъ, а въ старину употреблялось во множественномъ числѣ уолларъ въ смыслѣ: *военный отрядъ*, *молодые люди племени* или *рода*. Съ прибавкой притяжательнаго мѣстоименія «мой» (мъ—уолумъ, мой сынъ) названіе это въ обыденной рѣчи дается стариками, нетолько роднымъ сыновьямъ, но и всѣмъ юношамъ мужскаго пола, состоящимъ съ ними въ какомъ либо родствѣ. Въ узкомъ смыслѣ оно дается родному сыну и родному внуку съ добавкой сіенг, и затѣмъ всякаго рода двоюроднымъ и троюроднымъ внукамъ съ соотвѣтствующими добавками. Характерно, что этихъ же побочныхъ внуковъ можно называть съ подобными же прибавками сіенг, сіенгчеръ, сыганъ, сыганчеръ — младшими братьями ихи. Все вышесказанное касается и *дочери*, кысъ. Кысъ значитъ не только дочь, но и—дѣвочка, молодая дѣвушка, вообще дѣвица, а кыстеръ или старинное кыргыртеръ—прислужницы дома, дѣвицы всего рода или племени. Внучки и правнучки, всякихъ степеней и филіяцій обозначаются тѣмъ же словомъ кысъ, съ добавленіемъ сіенгъ и сыганъ, и т. п.

И такъ, мы видимъ, у якутовъ нѣтъ особыхъ словъ для различенія *сына* и *вообще мальчика*, *дочери* и *вообще дѣвочки*. Это отнюдь не результатъ бѣдности языка. Наоборотъ, якутская родословная часто поражаетъ насъ непонятнымъ на нашъ взглядъ богатствомъ. Я уже указывалъ на существованіе у якутовъ параллельныхъ названій для младшихъ и старшихъ братьевъ, сестеръ, племянниковъ; затѣмъ, у нихъ есть особое названіе *младшихъ братьевъ* сурджю или сурусъ, *употребляемое только женщинами*. Мужа невѣстки женщины зовутъ кютюöмъ (зять), а мужчины биллях (знакомый). Въ сказкахъ нерѣдко биллях зовутъ другъ друга *жены одного мужа*. Есть у якутовъ особое названіе для жены старшаго деверя бергенъ или мергенъ и особое для жены младшаго баджя, и другія странности, непонятныя и ненужныя съ точки зрѣнія не только нашей, но и теперешняго якутскаго родосчисленія.

При такомъ богатствѣ второстепенныхъ на нашъ взглядъ наименованій, недостатокъ спеціальныхъ терминовъ *сынъ* и *дочь* и смѣшеніе ихъ съ болѣе отдаленными степенями родства, а также съ выраженіями *мальчикъ* и *дѣвочка*, означающимъ по преимуществу полъ и возрастъ [1]), указываетъ несомнѣнно, что въ то время, когда складывались основы нынѣшней якут-

[1]) Повидимому, они оттѣняли, главнымъ образомъ, *полъ;* это доказывается тѣмъ, что до сихъ поръ якуты охотно употребляютъ ихъ съ прибавкой ого, кысъ-ого, уолъ-ого, ребенокъ-дѣвочка, ребенокъ-мальчикъ.

ской родословной, *опредѣленная генетическая связь каждаго даннаго ребенка съ его родителями не имѣла особаго значенія.* Всѣ они безразлично до извѣстнаго возраста были уолъ и кысъ для старшихъ сородичей. Понятіе родныхъ дѣтей данной пары рѣзко выдѣлилось уже въ послѣдствіи и до сихъ поръ не изобрѣло для себя спеціальнаго *выраженія.* Возможно, что это было послѣдствіемъ совмѣстнаго и одинаковаго воспитанія всею ордою, или всѣмъ родомъ своихъ дѣтей, а также проистекало или сопутствовало крайне неустойчивымъ и неяснымъ *брачнымъ отношеніямъ.* Въ пользу перваго говоритъ то, что якутскій родъ до сихъ поръ считаетъ себя какъ бы собственникомъ дѣтей, что безъ своего разрѣшенія онъ даже отцу-матери не дозволитъ перечислить ребенка, особенно мужскаго пола, въ чужой родъ, что съ выходомъ вдовы второй разъ замужъ въ другой родъ у нея дѣды, дяди и даже болѣе отдаленные родственники, отнимаютъ ребенка, если не сейчасъ, то когда онъ выростетъ и станетъ способнымъ къ работѣ [1]). Наконецъ, странный обычай *притворно красть* дѣтей въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ онѣ умираютъ и давать ихъ воспитывать, указываетъ также какъ бы на незаконность присвоенія себѣ дѣтей, достойную наказанія [2]).

Въ пользу второй части высказаннаго мною положенія говоритъ анализъ названій: отецъ, мать, мужъ, жена, а также нѣкоторые древніе обычаи и современные нравы. Для отца у якутовъ нѣтъ такого названія, происхожденіе котораго можно бы также просто и естественно объяснить какъ названіе матери. Мать по якутски іэ, что собственно значитъ — *матка;* отецъ же зовется ага, что слѣдуетъ переводить «старшій». Когда, собирая данныя для составленія таблицъ родства, я дѣлалъ недостаточно ясные для слушателей вопросы, и они желали точнѣе уяснить себѣ, родилось ли данное лицо раньше или позже названнаго, то спрашивали меня: ага буолбутъ дуо? балысъ дуо?—будетъ ли это старшій или младшій? причемъ фразу эту примѣняли, какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ [3]). Заинтересованный этимъ, я сталъ разузнавать, что дословно зна-

[1]) См. т. II-й.

[2]) См. т. II. Кража дѣтей производится съ нѣкоторыми церемоніями; мать, хотя сама проситъ подругъ украсть, не должна знать момента, когда совершается кража; украденнаго замѣняютъ щенкомъ или куклой. Ребенка обязательно должны вынести сквозь окно въ хотонѣ и затѣмъ распустить слухъ, что украли его прохожіе люди (Намск. ул., 1889 г.). Кстати напомню преданіе, приведенное мною въ главѣ X, стр. 456 о смягченіи правовъ, гдѣ разсказывается, что старикъ и старуха, «убѣгая отъ людей, украли чужаго ребенка». Характерно, что въ старину первый ребенокъ долженъ былъ родиться въ *домѣ родителей женщины.* Мужъ бралъ ее къ себѣ уже съ ребенкомъ. Это считалось условіемъ счастья, джолъ. (Намскій улусъ, 1890 г.). Въ сказкахъ—мотивъ о подмѣнѣ ребенка щенкомъ.

[3]) Когда якуты разсказывали про рѣку Алазей и, сравнивая ее съ Колымою, захотѣли выразить подчиненность, то сказали: Алазей эджій—Колыма балысъ (Колым. ул., 1884 г.).

читъ ага. Мнѣ всякій разъ объясняли что оно значитъ *отецъ*, но что въ данной фразѣ слѣдуетъ его понимать *старшій* [1]); агасъ значитъ—*старшая сестра* или *старшая тетка*, но въ фразѣ, гдѣ вопросъ относится къ возрасту, это значитъ просто: *женщина, родившаяся раньше.* Такое же значеніе оба эти выраженія удержали въ нѣкоторыхъ сложныхъ наименованіяхъ. Такъ, тесть будетъ—кыннымъ, а старшій деверь будетъ ага-кыннымъ, старшая сестра деверя—агасъ-кыннымъ, младшія же будутъ называться аччигій кыннымъ, балысъ-кыннымъ, младшими кыннымъ, маленькими кыннымъ, а то просто: уолумъ, огомъ—моимъ мальчикомъ, моимъ ребенкомъ.

Отсутствіе спеціальнаго названія для отца тѣмъ болѣе странно, что у якутовъ есть особыя названія для болѣе отдаленныхъ родственниковъ, восходящей линіи вплоть до прадѣда, хотя и тамъ женское начало эбэ яснѣе выражено, чѣмъ мужское эсэ. Такъ, прадѣдъ и прабабушка будетъ эбюгэ [2]), бабушка—эбэ, родные ея братья и сестры—абага, если они старшіе. Эбюгэ, эбэ, абага—слова несомнѣнно одного корня. Эсэ будетъ только родной дѣдъ и младшіе его братья [3]). Неясность мужскаго родства и въ тоже время опредѣленность женской связи съ дѣтьми, становится многознаменательной. Если къ тому же вспомнимъ, что семья въ смыслѣ familia до сихъ поръ носитъ названіе іэ уса — материнскій родъ, что многіе теперешніе «отчіе роды» (ага-уса), даже паслеги, по преданіямъ, произошли отъ женщинъ, и что одинъ изъ любимыхъ мотивовъ якутскихъ олонго, есть наравнѣ съ поисками «жены», разыскиваніе «отца», то наше особое вниманіе къ этимъ намёкамъ станетъ понятно. Герои сплошь и рядомъ не знаютъ, кто ихъ отецъ.

Я не рѣшаюсь дѣлать болѣе опредѣленныхъ заключеній относительно древняго якутскаго брака, но, основываясь на вышеизложенныхъ соображеніяхъ, считаю возможнымъ предполагать, что бракъ этотъ былъ въ основѣ своей совершенно отъ теперешняго отличный, и не только въ силу господствовавшей тогда эндогаміи, но и въ силу особыхъ отношеній между полами. Связь ихъ внутри рода была очень свободна и неустойчива, она позволяла знать дѣтямъ *только своихъ матерей* и то только

---

[1]) Ага старшій, большой, постоянно противуполагается слову ого — младшій, меньшой; говорятъ: хая-огото въ значеніи: малая гора, юрякъ-огото — рѣчушка, титъ-огото—подростающее деревцо; ага употребляется въ такомъ же смыслѣ для выраженія возраста и превосходства. Выраженія эти устарѣлыя и встрѣчаются преимущественно въ поэзіи.

[2]) Оно же значитъ вообще предки.

[3]) Нѣкоторые якуты называли еще прапрадѣда, вставляя между эбюгэ и эсэ наименованіе хосъ-эсэ, что дословно значитъ «дѣдъ высшаго порядка, слѣдующаго разряда, сугубый дѣдъ».

до извѣстнаго возраста. Затѣмъ забывалось и послѣднее, его замѣняло чувство принадлежности къ извѣстной группѣ. Внутри этой группы были только *мужчины* и *женщины*, *старшіе* и *младшіе*.

Есть закоулки, гдѣ якутское слово оіохъ «жена» незнакомо населенію; его тамъ встрѣчаютъ смѣхомъ, а «женъ» зовутъ джахтаръ, женщина, или эмахсинъ,—старуха, наконецъ хотунъ—госпожа хозяйка. (Колым. ул., 1883 г.). Слово «мужъ» совершенно отсутствуетъ у якутовъ, такъ какъ эрэ значитъ точно «мужчина» [1]). Нѣтъ у нихъ словъ: «разводъ», «вдова», «вдовецъ»,—перваго не знаютъ совсѣмъ, а для вторыхъ приняли русское «удоба», которое примѣняютъ ко всякому осиротѣлому существу [2]). «Женщина безъ мужчины все равно, что скотина безъ хозяина», гласитъ современная якутская поговорка. (Нам. ул., 1889 г.). Вдова вмѣстѣ съ имуществомъ и малолѣтними дѣтьми переходитъ къ братьямъ, дядямъ, племянникамъ мужа и въ прошломъ нерѣдко, по всей вѣроятности, дѣлалась ихъ наложницей.

Въ обычаяхъ есть указаніе, что были времена, когда еще и при жизни мужа требовались мѣры предосторожности противъ притязаній ближайшихъ родственниковъ на женъ чужеродокъ. Общеизвѣстенъ обычай кіпіт, въ силу котораго невѣстка должна избѣгать показывать свекрову самое себя или свое голое тѣло.

— «Въ старину въ продолженіе семи лѣтъ пряталась невѣстка передъ свекромъ, передъ братьями и другими мужчинами родственниками мужа. Молодые жили на лѣвой (женской) дома половинѣ, за перегородкой. Въ старинныхъ домахъ всегда были перегородки. Откуда сквозь щели и отверстія высматривала молодая женщина, что дѣлаетъ свекоръ и деверя, и когда они были заняты, прячась осторожно за каминомъ, выходила на дворъ, рѣдко черезъ двери дома, чаще черезъ хлѣвъ. И свекоръ и деверя тоже старались не встрѣчаться и не видѣть невѣстки, говоря: «эхъ, бѣдное дитя стыдится» (эхъ! барахсанъ ого саатыэха)! Если нельзя было избѣжать встрѣчи, молодая женщина опускала на лицо маску, намскà, сырэй сабыта. Иногда умирала раньше, чѣмъ свекоръ успѣвалъ увидѣть ея лицо, тогда только приходилъ взглянуть на нее, чтобы узнать: «какою была моего сына жена, хороша ли, красива ли, и на кого похожа»? Теперь только избѣгаютъ показывать этимъ людямъ голое тѣло, а у богатыхъ избѣгаютъ ходить при нихъ въ одной рубахѣ и на-

[1]) Эръ-киси, мужчина, человѣкъ, эръ-талакъ - мужской тальникъ, эрэмсахъ—любительница мужчинъ, джахтарамсакъ—любитель женщинъ.

[2]) Сирота—тулаяхъ, оно значитъ также: одиноко стоящій; по Бётлингу—сирота, вдова; татарское—*вдова* (стр. 109). Тулаяхъ киси—одинокій человѣкъ; тулаяхъ хая—одиноко стоящая гора—названіе утеса по Селелиняху, по дорогѣ изъ Верхоянска въ Колымскъ.

дѣваютъ свиту, сонъ. (Нам. ул., 1891 г.). Подобные разговоры я слышалъ многократно [1]). Въ Колымскомъ улусѣ почему-то особенно подчеркивали, что невѣсткамъ стыдно показывать свекру и деверямъ непокрытыя волоса и ноги. (Колым. ул., 1883 г.). Съ своей стороны свекоръ и другіе родственники мужескаго пола тоже должны избѣгать показывать невѣсткѣ голое тѣло выше локтя и выше ступни, должны избѣгать говорить при ней скабрезныя вещи и грязныя ругательства.

Тѣмъ не менѣе о снохачествѣ у якутовъ я не слыхалъ. Что весь этотъ обычай кінітъ не есть выраженіе почтенія, а половая предосторожность, видимъ изъ того, что передъ свекровью и старшими женщинами ничего подобнаго не дѣлается. Что это не результатъ особенно щепетильной скромности, слѣдуетъ изъ того, что даже молодыя якутки постоянно сучатъ нитки на голыхъ колѣнахъ, ничуть не смущаясь присутствіемъ посторонніхъ мужчинъ. Не особенно онѣ также смущаются, если незнакомый застанетъ ихъ обнаженными до пояса. Не любятъ онѣ только и сердятся, если тѣ смотрятъ внимательно на ихъ *необутыя ноги*. Обычай кінітъ мало-по-малу исчезаетъ. Исчезаетъ также первобытная простота нравовъ, не стыдящаяся обнаженнаго тѣла. Считаю нужнымъ отмѣтить, что о снохачахъ среди якутовъ я не слыхалъ; но вышеописанные обычаи указываютъ, что въ прошломъ существовали такія брачныя отношенія, вымиранію которыхъ сопутствовали эти надолго пережившіе ихъ запреты.

Эндогамія по всей вѣроятности не вдругъ смѣнилась экзогаміей. Обѣ формы долго существовали и боролись за исключительность. Можетъ быть, первыя жены-рабыни нарушали какіе нибудь обычаи рода и прятались въ началѣ отъ *всѣхъ сородичей*, которые ихъ терпѣли, но не признавали. Посягательства на женъ въ предѣлахъ рода несомнѣнно случались. По этому поводу мнѣ вспоминается разсказъ колымскаго якута:

— «Взявши жену, старинный якутъ уходилъ съ ней далеко въ лѣсъ, охраняя передъ другими. Если встрѣчалъ вблизи дома мужчину, то, ревнуя, вступалъ съ нимъ въ бой. (Колым. ул., 1884 г.) [2]).

---

[1]) Описалъ эти обычаи довольно подробно Н. Гороховъ въ статьѣ «Кинити», Изв. Вост. Сиб. Отд. Г. О. 1887 г., т. XIV, № 1—20) стр. 71 и 72.

[2]) Такая битва, вызванная неосновательной ревностью, прекрасно описана въ былинѣ Кёнчё-Бёгё: «Подъ руку ему руку подставилъ, подъ ногу ему ногу подставилъ и, взявшись воротъ за воротъ, стали биться, толкаться, драться. Хотѣла тутъ женщина разнимать ихъ. Но только отъ шума ихъ, отъ вѣтра ихъ отлетала метлякомъ далеко, какъ русское платье. «Что съ вами? постойте, осмотритесь! Да что вы, что вы? Развѣ вы не родственники? Грѣхъ и стыдъ! Остановитесь, не сходите съ ума. Фу! стойте»!—«Ба, да и правда»! сказали они и стали смотрѣть другъ на друга лицомъ въ лицо. «Что мы сдѣлали, что съ нами»! И, взявшись за руки, пошли; плюнувши другъ другу въ руки, погладили ушибленныя тѣла

Русскіе застали у якутовъ экзогамію въ полномъ разцвѣтѣ. Къ тому же якуты были полигамисты. Въ «Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ», изданномъ Д. Я. Самоквасовымъ, матеріаломъ для котораго послужили показанія самихъ инородцевъ и извлеченія изъ полнаго свода законовъ, по этому поводу сказано: «Многоженство издревле существовало у большинства якутовъ... Болѣе 5 женъ въ одно время не имѣли... Причины оному (многоженству) слѣдующія: 1) Якуты сговариваютъ дѣтей съ малыхъ лѣтъ, кои, по пришествіи въ возрастъ, перестаютъ любить другъ друга, а отъ сего выходитъ вторая жена. 2) Живя нѣсколько лѣтъ съ женою и не имѣя отъ нея дѣтей, беретъ другую и третью, единственно для того, дабы имѣть дѣтей. 3) Богатые якуты имѣли многихъ женъ для призрѣнія, по обыкновенію, стоящихъ въ разныхъ мѣстахъ домовъ и скотоводствъ, ибо жены усерднѣе управляютъ имѣніемъ, нежели сторонніе наемныя лица, черезъ то улучшается хозяйство и сберегается имѣніе. 4) Оставляя однихъ женъ, даже и вѣнчанныхъ, по открывшимся порочнымъ поступкамъ, либо по бѣсованію, никогда не прекращающемуся, либо потому, что жена, по какой-либо болѣзни, лишилась глазъ, языка, рукъ и ногъ, дѣлается совершенно неспособной заниматься домомъ и скотоводствомъ, ибо у якутовъ весь домъ и все скотоводство состоитъ на попеченіи жены, беруть другихъ, оставляя прежнихъ при своихъ домахъ. 5) И другіе многоразличные случаи доводятъ якутовъ до многоженства, коего главною причиною есть желаніе добраго призрѣнія домообзаводства и умноженія скота. 6) Имѣющіе до крещенія нѣсколькихъ женъ, по крещеніи, обвѣнчавшись изъ нихъ съ одной, прочихъ неотлучно содержали при своихъ домахъ, съ дѣтьми, рожденными отъ нихъ, а нѣкоторые и бездѣтныхъ, по неимѣнію имъ способовъ пропитыванія»... (стр. 220).

Замѣчательно, что точь въ точь такія же оправданія многоженства я слышалъ отъ крещеныхъ чукчей (С. Колымскъ, 1884 г.). Они доказывали, что многія жены имъ необходимы, потому что они изъ опасенія *заразы*, принуждены *дробить* свои оленьи стада. (*Енгжа*, 1884 г.).

Во всѣхъ этихъ объясненіяхъ скрывается одна крупная натяжка. Фактически многоженство было доступно очень немногимъ и никогда не могло стать преобладающей у якутовъ формой брака. Мѣшало этому

и кожу; исцѣлились тутъ прорванныя, оторванныя, окровавленныя мѣста. Послѣ этого Кытыгрась-Бараччи и говоритъ: «Ба! я подумалъ, что посторонній человѣкъ взялъ мой огонь да живетъ, разсердился и потому такъ поступилъ»! Божій человѣкъ говоритъ: «Ба! я подумалъ, что за дьяволъ, съѣвшій моего зятя, страшный чортъ хочетъ хозяйничать домомъ. Поэтому и дрался. Ну, да что? Вѣдь это все было по ошибкѣ. Помиримся, такъ будемъ жить хорошо» (Худяковъ, стр. 177).

и *количество* женщинъ, которое почти *равно* мужчинамъ или даже меньше ихъ [1]), и высота прежняго калыма, которая только въ послѣднее время стала падать.

«Раньше получить невѣсту меньше чѣмъ за 10 головъ скота и думать было нечего». (Баягант. ул., 1886 г.). Миддендорфъ разсказываетъ, что въ его время плата за невѣсту нерѣдко равнялась 10 гол. скота каждаго сорта, то есть 10 кобылъ, 10 коровъ, 10 коней и 10 воловъ, наименьшая цѣна 500 р., случалось платили и 5000 р. [2]). Такимъ образомъ, покупка 2-хъ—3-хъ женъ становилась привилегіей особенно богатыхъ. Бѣдные въ большинствѣ случаевъ ограничивались одной женой, что подтверждаютъ преданія. Въ отпискѣ Кривогорницына, на 12 переписанныхъ семействъ, только у одного богача имѣлись *двѣ жены*. Если даже предположить, что половина калыма возвращалась ввидѣ приданаго [3]), то все таки плата за невѣсту была настолько велика, что очень и очень немногіе могли позволить себѣ такую роскошь, какъ 5 женъ. Взглядъ на жену и дѣтей, какъ на даровыхъ и усердныхъ работниковъ, выраженный въ вышеприведенномъ сборникѣ, вполнѣ отвѣчаетъ семейнымъ и брачнымъ воззрѣніямъ якутовъ. Я уже указывалъ на нихъ, описывая якутскую семью. Жена, по мнѣнію якутовъ, прежде всего, домашняя работница, оберегающая и умножающая добро. Права ея въ семьѣ ничтожны: она можетъ наказать непослушнаго ребенка и только. У нея нѣтъ собственности: мужъ вправѣ даже приданое ея размотать до послѣдней штуки скота, до послѣдней рубахи. Побои женъ обычная вещь среди якутовъ, болѣе обычная, чѣмъ побои дѣтей.

Внѣ семьи права ея еще меньше. Гражданскихъ правъ у нея нѣтъ совсѣмъ, а въ старину мужъ имѣлъ право убить жену по своему усмотрѣнію. Въ преданіи о «хоролахъ» говорится, что Сахсаргапа-бяргянь, возвратившись изъ похода, убилъ свою жену, причину войны: «Ходючи, чтобы взять тебя, бѣлолицую, замужъ, убилъ я своихъ сожителей, вѣкъ

---

[1]) По офиціальнымъ даннымъ 1889 г. въ Якутской области на 110,982 якутовъ муж. было 110,221 женщина. Отношенія эти во многихъ улусахъ мѣняются. Такъ, во всѣхъ улусахъ Якутскаго округа, исключая З.-Камалас. женщинъ больше. Въ Олёкминскомъ улусѣ и улусахъ Верхоянскаго, Вилюйскаго и Колымскаго округа женщинъ меньше. Вообще въ мало культурныхъ улусахъ видимъ, что женщинъ не больше, а меньше. Олёкминскій и З.-Камал. составляютъ исключеніе, котораго объяснить не умѣю. У тунгусовъ, юкагирей Якутской области, явленіе это выражено еще яснѣе; у нихъ на 6354 мужчины приходится только 5407 женщинъ. Я думаю, что это слѣдуетъ приписать менѣе внимательному уходу за дѣтьми женскаго пола. Женщинъ родится меньше, а умираетъ ихъ почти столько же, какъ мальчиковъ. По тѣмъ же офиціальнымъ даннымъ 1889 г. на 3921 мальчиковъ родилось 3674 дѣвочки, а умерло: первыхъ 4217, вторыхъ 4201.

[2]) Мидден., ч. II, отд. VI, стр. 832.

[3]) Самоквасовъ, стр. 222.

жившихъ дружно»! сказалъ онъ ей [1]). Существуетъ преданіе, что женщинъ, изъ-за которыхъ возникали распри, нерѣдко сородичи *убивали* и выдавали ихъ трупы противникамъ. (Баягант. ул., 1885 г.). Въ одномъ олонго, слышанномъ мною въ Верхоянскомъ улусѣ, богатый князь, увидѣвши, насколько большой былъ рожденный женою ребенокъ, приказываетъ убить ее, разсуждая, что послѣ того она негодится въ супруги (Верхоянскъ, 1882 г.). Въ олонго «Низенькая старушка съ пятью коровами» скверную невѣсту убиваютъ, привязавши за ноги къ дикому коню. Въ преданіи о кровавомъ столкновеніи Кангаласцевъ съ Намцами рода Быржики, мужъ грозитъ женѣ убить ее за то только, что та *переступила* черезъ него [2]). Все это вполнѣ согласно съ понятіями якутовъ о правахъ мужа. Нѣкогда военная добыча, теперь она—купленная рабыня:

— «Мы платимъ большія деньги, а поэтому требуемъ», — отвѣтилъ мнѣ съ непоколебимой увѣренностью молодой зять князя Аполлона. (Колым. ул., 1883 г.).

Экзогамія и прочный бракъ окончательно уничтожили независимость якутской женщины. Онѣ исключили ее изъ членовъ рода. Внѣ семьи не стало для нея мѣста, а во главѣ новой семьи очутился *мужъ*. Если якутская женщина не выходитъ замужъ, положеніе ея со смертью родителей становится еще тяжелѣе: она обречена на вѣчное подчиненіе, попреки и эксплуатацію всей своей родни: братьевъ, дядей, племянниковъ, а главное ихъ женъ и дѣтей. Вотъ почему якутскія женщины стремятся выходить замужъ и искренно убиваются въ случаѣ смерти даже суровыхъ и жестокихъ мужей. Осиротѣвшая дочь или молодая бездѣтная вдова принуждены скитаться отъ одного опекуна къ другому или жить у кого-нибудь изъ нихъ въ качествѣ вѣчной, безсловесной работницы. Ея имущество они считаютъ своей собственностью и рѣдко ей удается даже, въ случаѣ брака, получить его у нихъ обратно полностью. Никому не охота заступаться за нее безправную и вступать въ борьбу съ сильными или во всякомъ случаѣ что-то значущими въ *родѣ* ея опекунами. Женщины въ родовыхъ сходахъ не участвуютъ, а мужчины, конечно, крѣпко стоятъ за свои привилегіи.

Жены, которымъ не подъ силу выносить жестокое обращеніе мужа, рѣдко жалуются *роду мужа*, а предпочитаютъ бѣжать въ *свой родъ* подъ его защиту. Ихъ обыкновенно выдаютъ назадъ; тѣмъ не менѣе, побѣгъ жены влечетъ за собою столько непріятностей, даетъ поводъ къ такимъ насмѣшкамъ, что мужья избѣгаютъ доводить женъ до побѣга. Побѣги женъ пріобрѣли большіе размѣры въ моментъ

[1]) Худяковъ, стр. 58

[2]) См. т. II-й.

проповѣди христіанства среди якутовъ. Переходъ въ христіанство и бракъ съ христіаниномъ избавлялъ ихъ отъ преслѣдованія *родовыхъ властей*. Женщины широко пользовались этимъ; съ водвореніемъ христіанства это прекратилось. Въ родѣ мужа не отъ кого ей ждать защиты, а въ его семьѣ всѣ дружно соединяются противъ нея, *чужеродки*. Особенно дурной славой у якутскихъ женъ пользуются невѣстки, сестры мужа. Повидимому, это традиціонная вражда. Часто она положительно стихійная. Авдотья, жена Аполлона, женщина всѣми уважаемая за умъ, доброту, честность, трудолюбіе и, по показаніямъ сосѣдей, всегда отличавшаяся этими качествами, разсказывала мнѣ сколько она въ прошломъ натерпѣлась отъ своихъ невѣстокъ. Она любила изъ нихъ только одну младшую, Акулину, и, ставши богатой, самостоятельной хозяйкой, помогала ей за то, что та никогда не мучила ее и не подговаривала мужа бить ее. «Бей ее, иначе она будетъ худая, не будетъ тебя любить и уважать; жену учить надо»!.. говорили постоянно сестры Аполлону. Старикамъ онѣ постоянно жаловались, что невѣстка мало работаетъ, что много ѣстъ, что много спитъ». (Колымск. ул., 1883 г.).

Сосватанную дочь Бычу та же Авдотья заставляла отвыкать отъ табаку, отучала жаловаться, много говорить, плакать, вообще выдвигать себя чѣмъ-либо: «Дитя мое, говорила она, скоро поѣдешь къ чужимъ!.. Невѣстки тебя осудятъ, замучатъ»!.. (Колымск. ул., 1884 г.).

Хорошо, если мужъ попадался молодой женщинѣ добрый, любилъ и заступался за нее. Если попадался суровый, положеніе женщины становилось невыносимо. Я знаю случаи самоубійства молодыхъ женщинъ, вызванныя преслѣдованіемъ мужа и мужниной родни. Ни законъ, ни обычное право не ставитъ у якутовъ имъ никакихъ преградъ. Если ихъ сдерживаетъ что-либо, такъ это трудность и дороговизна покупки второй жены. Въ этомъ отношеніи *защита рода*, превратившаяся въ богатый выкупъ, сослужила и женщинамъ хорошую службу, смягчила семейные нравы, пріучила къ уступчивости ихъ господъ. Женщины жены должны были поступаться всѣмъ. Положеніе ихъ мало измѣнилось и теперь. Конечно, есть исключенія; есть жены, которыя держатъ своихъ мужей подъ башмакомъ не хуже европейскихъ, есть непослушныя дочери и энергичныя вдовы, ведущія на свой страхъ обширныя хозяйства, но для этого у якутовъ необходимы еще болѣе исключительныя условія, чѣмъ у насъ. Все у нихъ противъ женщинъ: и условія труда, требующія семейной организаціи, и земельное устройство, признающее надѣлъ только за мужчинами и традиціи, и воспитаніе. Мальчикъ чуть ли не съ колыбели слышитъ, что «онъ господинъ, работникъ, будущая опора и надежда семьи».

Его и лучше кормятъ и лучше одѣваютъ, сестеръ заставляютъ уступать ему въ ссорѣ, ему внушаютъ къ нимъ и вообще къ женскому труду пренебреженіе.—«Женская мысль короче волосъ» [1]). «У женщины хоть волосы и долги, да мысль коротка» [2]). «Дѣвочекъ больше окупей; женщинъ болѣе хорюзовъ» [3]).

— «Дѣвочекъ даромъ кормимъ—воспитываемъ для людей»! (Колымскій ул., 1883 г.).

— «Дочерей считаемъ за посторонихъ, онѣ обязательно уйдутъ къ людямъ». (Намскій ул., 1888 г.).

— «Баба сколько бы ни дѣлала, все прибыли нѣтъ»!.. (Намскій ул., 1887 г.).

— «Если женщина проходитъ между мною и моимъ огнемъ, то можетъ мнѣ испортить промыселъ и счастіе» [4]). (Нам. ул., 1891 г.).

— «Мы, якуты, въ старину брезгали женщиной (бырдыръ), считали ее поганой (бырдахта)». (Нам. ул., 1891 г.).

— «Баба», «бабій», «по бабски», раздается съ пренебреженіемъ на каждомъ шагу. Въ сказкахъ надъ ними насмѣхаются; въ былинахъ и преданіяхъ герои презрительно обзываютъ другъ друга «бабами».

«Маянтылапъ! не говори, что ты убилъ меня, извѣстнаго Очорбой-хосуна, сына Тыгынъ-тоёна. Скажи, что ты убилъ *рабыню-бабу*, бѣжавшую, держа за хвостъ рыжаго теленка», проситъ, умирая, побѣжденный воинъ [5]).

Женщинамъ, особенно когда онѣ беременны, обычай запрещаетъ есть нѣкоторыя блюда, трогать нѣкоторыя вещи. Онѣ считаются какъ бы нечистыми: портятъ ружье охотнику, уменьшаютъ счастіе промышленника. (Верхоян. ул., 1882 г.). Все это, постоянно повторяемое, заставляетъ самихъ женщинъ съ-измальства привыкать къ сознанію своей ничтожности и безправія, дѣлаетъ ихъ робкими и скромными. Якутскія женщины въ общемъ значительно покорнѣе и послушнѣе нашихъ.

«Безъ вины (буруё суохъ) бить не будутъ»... отвѣтила съ покорностью молодая женщина, на разсказы о суровомъ обращеніи съ женами.

— «Мужъ господинъ, онъ властвуетъ и успѣваетъ; женѣ по столько *хорошо*, по сколько ему *отлично*». (Намскій ул., 1887 г.).

— «Мужъ—господинъ нашъ»! обязательно услышите отъ всякой бла-

---

[1]) Худяковъ, стр. 4.

[2]) Худяковъ, стр. 4.

[3]) Худяковъ, стр. 7.

[4]) По этой, вѣрно, причинѣ и другимъ соображеніямъ уже чисто *родоваго* характера, женщины избѣгаютъ проходить впереди огня и стараются окружить каминъ позади.

[5]) Худяковъ, стр. 49.

говоспитанной якутки. «Онъ насъ кормитъ, онъ находитъ, онъ насъ защищаетъ»!.. (Верхоян. ул., 1882 г.).

Таково ходячее мнѣніе. Я слышалъ не разъ, какъ его высказывали женщины-труженицы, исполнявшія не только свою, но и мужнину работу,—женщины умницы, далеко превосходившія развитіемъ своихъ ограниченныхъ супруговъ. Насколько подчиненіе такое иногда искренно, можно, думаю, судить изъ слѣдующаго факта. Въ городѣ Верхоянскѣ въ 80-хъ годахъ содержалъ перевозъ якутъ Галка, слабосильный и лядащій человѣкъ. Жена его, Настасья, на оборотъ, отличалась бойкостью и значительной физической силой. Когда на рѣкѣ особенно сильно бушевали волны, выѣзжалъ для перевоза не онъ, а она. Этотъ Галка имѣлъ обыкновеніе бить жену въ пьяномъ видѣ и всякій разъ послѣ получки мужемъ денегъ лицо жены украшалось фонарями и подтеками. Когда онъ, случалось, особенно надоѣдалъ ей, она схватывала его и поваливши на землю или кровать, держала пока онъ не выбивался изъ силъ и не успокоивался. «Почему ты его хорошенько не отколотишь, авось пересталъ бы драться»? спросили какъ-то якутку.—«Нельзя», отвѣтила она съ улыбкой: «онъ мужъ... если его бить буду, люди совсѣмъ мужика уважать перестанутъ, тогда намъ обоимъ и дѣтямъ будетъ плохо»... (Верхоянскъ, 1882 года). Выше названная Авдотья, жена Аполлона, хотя пользовалась надъ мужемъ огромнымъ вліяніемъ и онъ безъ ея совѣта и согласія не предпринималъ никакого рѣшенія, никогда и виду не подавала, что думаетъ и дѣйствуетъ самостоятельно: всегда, какъ на источникъ своихъ дѣйствій и соображеній, указывала на мужа. (Колым. ул., 1883 г.). Только, какъ чрезвычайно рѣдкія исключенія, я встрѣчалъ среди якутовъ совершенно самостоятельныхъ женщинъ, пользовавшихся признаннымъ вліяніемъ и авторитетомъ. Въ Намскомъ улусѣ ко мнѣ приходила просить совѣта по поводу какаго-то наслѣдства старуха лѣтъ 50, замѣчательно самоувѣренная, умная и разсудительная. За эти качества ее звали Головой. «Она знаетъ улусныя дѣла лучше любаго «князя» и какъ она разсудитъ, такъ всегда бываетъ. Къ ней за совѣтомъ раньше не стыдились обращаться и улусные господа»... говорили мнѣ. (Нам. ул., 1889 г.). Но такую женщину за всѣ 12 лѣтъ я встрѣтилъ *одну*. Обыкновенно вліяніе женщинъ только косвенное: черезъ мужей и сыновей. Даже тамъ, гдѣ, какъ на сѣверѣ, онѣ трудятся на равнѣ съ мужчинами: косятъ сѣно, ловятъ рыбу, а въ случаѣ вдовства и удержанія надѣловъ, несутъ повинности, и тамъ вліяніе ихъ въ общественныхъ дѣлахъ ничтожно [1]).

[1]) Кстати отмѣчу, что на сѣверѣ я встрѣчалъ дѣвушекъ, которыя занимались даже

Въ общемъ якутки менѣе развиты и сообразительны, чѣмъ якуты-мужчины. Онѣ живутъ болѣе замкнутой жизнью и опытъ ихъ ограниченнѣе, рѣже посѣщаютъ сосѣдей, мало участвуютъ въ сходкахъ, ысыахахъ и не путешествуютъ. Ихъ царство — домъ, а у богатыхъ, даже только одна его половина—лѣвая, куда онѣ прячутся при появленіи чужаго мужчины и откуда высматриваютъ его, спрятавшись въ тѣни камина, или сквозь щели толстой перегородки. Только старыя, безобразныя женщины пользуются большей свободой: «имъ некого сердить, возбуждая ревность». Молодая дѣвушка, если желаетъ выйти замужъ, а молодая женщина, если дорожитъ домашнимъ спокойствіемъ и уваженіемъ окружающихъ, обязательно должна придерживаться извѣстныхъ правилъ поведенія. Для примѣра приведу нѣкоторыя изъ нихъ:

«Она не должна громко пѣть въ присутствіи постороннихъ мужчинъ». (Колым. ул., 1883 г.).

«Дѣвушка не должна расплетать косъ при мужчинахъ, а замужняя женщина являться безъ платка на головѣ». (Баяг. ул., 1886 г.).

«Молодыя женщины должны говорить мало, въ полголоса, не смѣяться громко, не вмѣшиваться въ разговоръ мужчинъ». (Намскій ул., 1889 года).

«Съ малознакомыми мужчинами онѣ должны совсѣмъ избѣгать говорить, не глядѣть на нихъ и отнюдь не улыбаться имъ. Благонравная якутская дѣвушка должна смотрѣть украдкою, изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ, какъ это описано въ сказкахъ». (Нам. ул., 1892 г.).

Безъ вѣдома домашнихъ она не смѣетъ принимать даже отъ пожилыхъ мужчинъ подарковъ и не смѣетъ имъ дарить что либо. Характерно это ограниченіе подарковъ, которые вообще такъ любятъ и уважаютъ якуты. Есть у якутовъ въ правахъ и въ платьи и болѣе грубыя средства, направленныя къ охраненію цѣломудрія [1]). Тѣмъ не менѣе въ значительной мѣрѣ права якутская скептическая поговорка: «Бываетъ ли дерево, на которомъ не сидѣла бы цапка»? въ смыслѣ: есть ли женщина, у которой не было любовника [2])? На нашъ взглядъ якутскіе нравы отличаются большой легкостью. И мужчины, и женщины смотрятъ на мимолетныя связи, какъ на милую шутку, ловкую проказу, если только она сошла съ рукъ безнаказанно.

звѣринымъ промысломъ, ставили луки и петли, а одна даже стрѣляла звѣрей изъ винтовки. Но это рѣдкіе случаи. Замѣчательно, что *я никогда* не видѣлъ женщины плывущей самостоятельно въ лодкѣ—т ы. Изъ мастерицъ знаю одну въ Верхоянскомъ ул., серебряныя издѣлія которой славились по всему округу. Кузнецовъ женщинъ не знаю. Среди женщинъ встрѣчаются замѣчательныя пѣвицы и сказочницы, а шаманки, по якутскимъ повѣріямъ, всегда могущественнѣе шамановъ.

[1]) См. т. II-й.

[2]) Худяковъ, стр. 7.

Рис. 144. Дѣвушка-невѣста (амгин.-лен. плоскогор. съ фотогр.).

«Что за старинный, отцомъ твоимъ не дѣланный грѣхъ»? «Амбаръ сломаемъ—что ли, я говорю тебѣ, поцѣлуемся-полюбимся...»? поется въ пѣснѣ.

«Что тутъ дурного, склонить на любовь хорошенькую дѣвушку»! удивлялись колымскіе парни. (Колым. ул., 1883 г.).

Якуты не видятъ въ незаконной любви ничего безнравственнаго, если только никто не потерпѣлъ матеріальнаго отъ нея ущерба. Родители, правда, ругаютъ дочь, если ея поведеніе грозитъ лишить ихъ «половины калыма», но разъ потеряна надежда выдать ее замужъ или выключить «калымъ», они дѣлаются замѣчательно равнодушными къ ея поведенію.

Время, которое молодыя женщины проводятъ у родителей, послѣ вѣнчанья, самое для нихъ веселое и свободное время. Молодые люди льнутъ къ нимъ, какъ мухи, а родители смотрятъ на это сквозь пальцы, и самое большее — пользуются въ хозяйствѣ услужливостью поклонниковъ. Они стараются только, чтобы связи эти не были продолжительны и не подверглись огласкѣ, что могло бы навлечь на нихъ непріятности со стороны родни мужа, и уменьшить количество предполагаемыхъ въ будущемъ подарковъ. Тоже самое можно сказать о дѣвушкахъ невѣстахъ-перестаркахъ. Ихъ совершенно не стѣсняютъ и, если онѣ сохраняютъ декорумъ, то только въ силу привычки, ради угожденія обычаю. Въ Колымскомъ улусѣ молодыя женщины той общины, гдѣ я жилъ, по осени, съ вѣдома старшихъ, переходили жить въ особнякъ-домикъ, въ сторонѣ, на берегу озера, куда къ нимъ ежедневно собирались вечеромъ окрестные парни. Какъ-то запоздавъ на охотѣ, я поздно ночью завернулъ къ нимъ. Пѣсни, сказки, веселый остроумный разговоръ напомнилъ мнѣ наши посидѣлки. Накормили меня, напоили чаемъ, а когда я собрался уходить, молодая 22-хъ-лѣтняя сестра моего хозяина, обыкновенно дома очень скромная и застѣнчивая, открыто предложила мнѣ себя въ подруги... на эту ночь... (Колымскій ул., 1883 г.). Въ другой мѣстности того же улуса, якутскія дѣвушки всю осень и половину зимы жили на отдаленныхъ уловахъ, гдѣ навѣщали ихъ знакомые парни. Я замѣтилъ, что такіе гости принадлежали преимущественно къ тому же роду. Тоже самое на свадьбахъ: на женскую половину, гдѣ толпились дѣвушки, осмѣливались переходить только парни, принадлежащіе къ тому же, что и дѣвушки, роду. Во время свадебъ на собраніяхъ, ысахахъ, надзоръ за дѣвушками сильно слабѣетъ; общественное мнѣніе не хвалитъ матерей, которыя беруть съ собою туда молодыхъ дѣвушекъ дочерей. Парни даютъ въ играхъ большую свободу своимъ рукамъ, а дѣвушки не особенно защищаются. Разъ, отдернувши занавѣску молодой, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, что она тамъ дѣлаетъ, я увидѣлъ нѣсколько парней и дѣвушекъ забравшихся туда и свободно расположившихся на ложѣ молодой. Это тоже были юноши и дѣвушки изъ рода молодой и впослѣдствіи, когда мнѣ разсказывали приведенное выше преданіе объ обычаѣ лишать невинности сестеръ до брака съ чужеродцемъ, я вспомнилъ эту видѣнную мною на дальнемъ сѣверѣ картину.

Рожденіе незаконнаго ребенка и незаконное происхожденіе не считается у якутовъ такимъ позоромъ, какъ у насъ. Такихъ дѣтей, если они бойкія и здоровыя, любятъ въ семьѣ наравнѣ, а случается больше, чѣмъ законныхъ.

*

У якутовъ нѣтъ даже названія для незаконнаго ребенка, такъ какъ употребляющееся въ этомъ смыслѣ сёкъ-ого значитъ собственно «дитя кустовъ» [1]) и позаимствовано у русскихъ. Ругань и насмѣшки, направленныя противъ нихъ, тоже, очевидно, русскаго происхожденія [2]). Слова: «попъ», «купель», «свѣчи», «варнакъ», встрѣчающіяся въ записанномъ мною обращикѣ поношеній, ясно свидѣтельствуютъ это. Сами якуты говорили мнѣ откровенно, что «незаконный ребенокъ все таки лучше отсутствія ребенка». (Верхоянскій ул., 1882 г.). Я знаю нѣсколько случаевъ, когда женились на женщинахъ, имѣвшихъ дѣтей до брака, при чемъ послѣднее не ставилось имъ въ особую вину [3]). Только размѣры калыма уменьшаются. Это соображеніе, да увѣренность якутовъ, что разъ дѣвушкѣ минуло 18 лѣтъ, то у нея обязательно заведется любовникъ, побуждаетъ, между прочимъ, якутскихъ родителей торопить выдачей дочерей замужъ. (Намскій ул., 1889. Колымск. ул., 1883 г.). Съ выходомъ женщины замужъ забота о ея поведеніи падаетъ исключительно на мужа. Нарушеніе супружеской вѣрности, конечно, порицается всѣми на словахъ, но въ сущности, кромѣ мужа, всѣ смотрятъ на

[1]) Сёкъ, сикъ-ерникъ, тонкія невысокія заросли.

[2]) См. т. II-й, тюркскій текстъ ругани.

[3]) Приведу одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ отношенія къ незаконнымъ дѣтямъ ради характерныхъ подробностей. Молодая, богатая вдова Намскаго улуса черезъ годъ съ небольшимъ послѣ смерти мужа, родила ребенка. «Всѣ догадываются, что отецъ Гаврило, но Марфа не сказала кто отецъ, даже родителямъ не сказала. Тѣ и не могутъ ее спрашивать: она госпожа, она богатая, у нея свои деньги и своего скота 40 головъ... Родила ребенка потому, что захотѣла и никому дѣла нѣтъ!... Тѣ, что сватаются, знаютъ, что у нея дитя. А сватается два человѣка: одинъ городской, красивый лицомъ, но, говорятъ, кутила; другой Атамайскій, совсѣмъ молодой, жены моложе (балысъ), ребенокъ... Первый пріѣхалъ Атамайскій. Марфа не совсѣмъ согласилась, сказала: «можетъ пойду, а можетъ не пойду... подумаю, увижу»! Между тѣмъ пріѣхалъ красавецъ городской и потихоньку давай наговаривать: «зачѣмъ тебѣ въ лѣсъ ѣхать, лучше выходи за меня, будемъ жить въ городѣ»! Но родители и родня вызнали, выспросили и отсовѣтовали ей идти за городскаго. Марфа отказала ему: «Атамайскій былъ первый, я дала слово; если бы ты былъ первый, можетъ быть, за тебя пошла бы»! Родители Марфы хотѣли ея дитя у себя оставить, но мужъ ея не согласился: «я ребенка, не менѣе чѣмъ Марфы желаю! Мать приказывала непремѣнно ребенка взять»! А сказалъ это потому, что если бы дитя оставилъ, то бы и часть скота, часть серебра и денегъ осталось, а такъ все возьметъ... А дорого ли стоитъ воспитать ребенка! Мальчика, хотя онъ и не его, мужъ Марфы очень любитъ и уже уговаривается съ родовичами Марфы, ребенка въ Атамайцы перечислить хочетъ. Сколько далъ за Марфу калыма неизвѣстно. Скрываютъ. Родители Марфы говорятъ, что совсѣмъ мало. Боятся *брата* покойнаго мужа, который если бы узналъ, что много, то сталъ-бы себѣ часть требовать, говоря: «женщина она уже проданная въ нашъ родъ, столько денегъ вы уже взяли отъ насъ, должны теперь отдать часть того, что опять берете»! Могъ бы онъ требовать, что самъ Марфу *замужъ отдастъ*. Между тѣмъ, если онъ услышитъ, что мало, ведро водки или кобылу, то что ему съ этого дать могутъ? Все съѣли и выпили, ничего не осталось... Маленькій калымъ, малая и часть, но сколько въ дѣйствительности заплочено, сколько денегъ, никто не знаетъ: можетъ быть 500—600 руб... Это не скотъ, не учтешь»!.. (Намск. ул., 1891 года).

это снисходительно. О невѣрности мужей—и говорить нечего, до того это считается *пустымъ дѣломъ*.

«Спимъ въ темнотѣ, въ одной избѣ, вотъ и ходимъ къ чужимъ женамъ»! говорилъ мнѣ, какъ о вещи совершенно обыкновенный молодой нѣсколько лѣтъ уже женатый парень. Напомню также разсказъ, приведенный мною въ началѣ этой главы, въ которомъ «самъ Богъ велитъ не имѣющимъ женъ, посѣщать чужихъ». (Баягантск. ул., 1885 г.). Разъ, когда я спросилъ разсказывавшаго о своихъ любовныхъ похожденіяхъ молодаго человѣка, хорошо ли это? онъ мнѣ отвѣтилъ: «конечно, хорошо, если женщина хороша»!...

«А если къ твоей женѣ?

«Ну тогда худо!» сознался онъ простодушно. (Намск. ул., 1891 г.). Другой «сердцеѣдъ» очень даже обидѣлся этимъ вопросомъ:

«А тебѣ зачѣмъ знать? Развѣ ты хочешь ходить къ моей женѣ»? (Баягант. ул., 1885 г.).

Ревность якутовъ извѣстна; она, думаю, находится въ тѣсной связи съ этой легкостью ихъ нравовъ.

Меня сильно занималъ вопросъ: какое мѣсто въ жизни и бракѣ отводятъ якуты любви. Въ бракѣ, повидимому, ее считаютъ лишней. Въ немъ они больше цѣнятъ спокойное расположеніе, основанное на дружбѣ, уваженіи, сознаніи солидарности интересовъ, чѣмъ страстное влеченіе.

— «Если молодые черезчуръ другъ друга любятъ—жить будутъ худо...»! говоритъ народный афоризмъ. (Колым. ул., 1883 г.).

— «Не будешь же лизать, наливши на лицо сору», говоритъ поговорка о значеніи красоты въ бракѣ [1]).

«Эллей выбралъ въ жены не красивую, а плодовитую и работящую». (Нам. ул., 1890 г.).

Предварительное знакомство жениха и невѣсты считается лишнимъ. Большинство браковъ заключается безъ участія и согласія молодыхъ; только крайнее отвращеніе сосватанныхъ другъ къ другу, послѣдствіемъ котораго появляется страстный и упорный протестъ, *иногда* принимается во вниманіе. Если протестъ такой исходитъ отъ сына, то онъ чаще уважается, но дочерей, даже взрослыхъ женщинъ, вдовъ, силою и рядомъ заставляютъ выходить замужъ силой, вопреки ихъ воли: ихъ бьютъ или грозятъ выгнать вонъ изъ дому, лишивъ всего [2]). Такъ какъ женять

[1]) Худяковъ, стр. 7.

[2]) Такой случай былъ при мнѣ въ Намскомъ улусѣ: якутъ «Налимье рыло» заставилъ выйти вдову своего брата за нелюбимаго человѣка, угрозою отнять у нея дѣтей и имущество. Женщина жила въ открытой связи съ братомъ своего будущаго мужа.

своихъ дѣтей якуты очень рано, то недоразумѣнія и разладъ въ бракѣ обыкновенно возникаютъ уже впослѣдствіи, а самое вѣнчаніе и сватаніе сходятъ благополучно. Взрослые молодые люди, которымъ лѣтъ 24 и больше, сами высматриваютъ себѣ невѣсть.

«Иные совсѣмъ не женятся, не находя такихъ, чтобы имъ нравились. Ходятъ, ходятъ, пока не состарятся»... (Намскій ул., 1891 г.). Процентъ такихъ браковъ, заключаемыхъ самими молодыми людьми, все возрастаетъ. Возможность выбора для женщинъ совершенно и на долго, повидимому, закрыта; закрыта уже потому, что онѣ сидятъ все дома, гдѣ окружены исключительно сородичами, съ которыми бракъ не возможенъ. Другихъ людей онѣ и мало видятъ. Въ тѣ отдаленныя времена, когда женъ похищали, выборъ, конечно, игралъ очень незначительную роль; впослѣдствіи, когда выкупъ заступилъ похищеніе, богатство выступило на первый планъ, и якутскій бракъ превратился въ гражданскую сдѣлку, въ союзъ экономически равныхъ силъ. Таковымъ онъ остался и до сихъ поръ. Громадное большинство якутскаго народа женится, живетъ, плодится *безъ любви*.

Это не значитъ, что чувство любви якутамъ незнакомо или что они не умѣютъ его цѣнить. Уже въ тѣхъ наивныхъ «величаньяхъ» туоёръ [1]),

---

[1]) Привожу записанныя мною туоёръ мужскія и женскія (см. тюркскій текстъ и подстрочный переводъ, томъ II-й). Обыкновенно они мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Главное отличіе составляетъ *масть коня*, которая связана почему-то съ именемъ воспѣваемаго и мѣняется сообразно этому.

Женщина величаетъ мужчину.

На ворономъ конѣ, Василій... Откуда, выступая, ѣдешь, сердечный?
Зачѣмъ, для кого бросилъ родную землю?..
Я мѣчтаю о твоихъ черныхъ бровяхъ, о твоихъ очахъ;
Я жажду твоего поцѣлуя!...
Ты сіяющій,
Съ выгнутымъ станомъ,
Съ точеными бедрами,
Съ тонко-выгнутыми голенями,
Желанный!
Мой владыка—сердце бьется для тебя;
Дрожатъ мои внутренности—печень;
Крѣпкія кости дрожатъ!...
Загорѣлось-зажглось сердечко!...

Мужчина величаетъ женщину.

На бѣломъ конѣ Катерина, сердечная...
Пожелалъ я глазъ – бровей твоихъ,
Смотрящихъ изъ-за полуопущенныхъ золотыхъ рѣсницъ
Твоего пожелалъ поцѣлуя,
Твоей гладкой шеи изъ литаго серебра,
Твоихъ зубовъ изъ кованнаго серебра,
Пожелалъ я губъ твоихъ...
Позавидовалъ бровямъ твоихъ глазъ...
Полюбилъ твой выгнутый станъ...

Рис. 146. Якутскій сказочникъ.

которыя напѣваютъ потихоньку, сидя за работою, дѣвушки и парни, проглядываетъ вполнѣ опредѣленный идеалъ красоты. Въ нихъ воспѣваются, какъ и въ нашихъ любовныхъ пѣсняхъ, черныя брови, стройный станъ, круглыя бедра, блескъ глазъ, серебристый звукъ голоса и т. п. Описываютъ иногда и душевныя качества, хотя рѣже, воспѣвается: чистое сердце, умъ, предпріимчивость, трудолюбіе, а у женщинъ—нѣжность, самопожертвованіе, скромность.

Приведу какъ образецъ красивѣйшую изъ извѣстныхъ мнѣ якутскихъ эротическихъ пѣсенъ.

«Ахъ, ребята! голову-мысли мои вскружили ловкіе (верткіе) мужчины, стоя-кружась, свѣтя своимъ блескомъ, покрывая свой внутренній обманъ, околдовывая удачностью своихъ выраженій (словъ), заставляя завидовать на свое добро, проникая взоромъ мое сердце и печень...

Ахъ, ребята! Еслибъ полюбивши этого человѣка, обнявши его на два или на нѣсколько часовъ, поцѣловавши-понюхавши, приблизивши къ своему сердцу, хотя и разсталась бы я, то я, худая собою, послѣ, когда тѣло мое будетъ жидко, какъ вода, когда стану я старухой хрупкой, какъ гнилое дерево, постарѣю, развѣ скажу я, что въ молодости я не была счастлива? Эгяй!

Ахъ! Русскій молодецъ! Сидишь ты, слушая—думая, чего хорошаго скажетъ, что можетъ сказать женщина-дѣвушка съ такою недальною мыслью, съ такою узкою памятью, съ жесткимъ платьемъ? Эгяй!

Мужчины-люди, вы думаете, что лучшія изъ женщинъ, дѣвицы, не имѣютъ сердца способнаго любить! Еслибъ знала я, что языкъ мой, рѣчь, голосъ моего горла, можетъ расшевелить ваше сердце, заставить его разрываться отъ жалости, можетъ заставить васъ хорошо думать обо мнѣ—пѣла-бы я, ребята, безостановочно, воспѣвала-бы я. Обратившись отголоскомъ голоса, украшеніемъ выраженій, я разжалобила бы ваши сердца, размягчила бы вашу каменную мысль, развязавъ, растопивъ вашу ледяную память, сдѣлала-бы я васъ столь безсильными, какъ маленькое дитя, только что начинающее сидѣть; запѣла-бы васъ такъ, чтобы вы не могли ни встать, ни пошевелиться.

Ахъ! Имѣющіе голосъ пѣвчей птички, платье подобное наружной сторонѣ крыльевъ чирка, поясъ подобный радугѣ, туда-сюда разъѣдетесь вы далеко, свѣтя, какъ падающая звѣзда, расчеркивая небо, блестя, какъ молнія, заставивъ зариться, полюбить себя. Только ребята, я, ходя взадъ и впередъ, видя во снѣ, удерживая въ памяти, нѣжа сердце-печень, думая (о васъ), считаясь за счастливую, одна на землѣ, буду ходить несчастною. Эй! Ахъ, парни! ахъ, хорошіе люди! Вы подумаете, разсерди-

тесь, осуждая: «этакая страшная осмѣлилась посмотрѣть на насъ»! Чѣмъ я спасусь отъ этого, ребята? Развѣ обвиню ваше доброе? Развѣ обвиню вашу хорошую сторону? Ахъ, досада моя! Быть-бы мнѣ лучшей-почетной и вскружить ваши мысли. Ахъ, досада моя! Значитъ вы уйдете. оскорбившись и разсердившись. И хорошіе и худые смотрятъ глазами на ласковое блестящее солнце, развѣ оно оскорбляется этимъ?

Ахъ, ребята! Говорятъ на томъ свѣтѣ есть господинъ, списывающій хорошее и худое, грѣхъ и черное. Тотъ господинъ поставитъ-ли мнѣ въ вину эти сказанныя мною слова за то, что я осмѣлилась любящими глазами посмотрѣть на лучшихъ себя, думая, что всѣ должны быть равны мнѣ? и внесетъ ли онъ, ребята, эти слова въ черное письмо?

Ахъ, досадные! Улыбнувшись, какъ тѣни, вы уѣзжаете такъ, какъ огонь заходящаго солнца уменьшается, уходитъ за гору, удаляется-удаляется и исчезаетъ! Но все-таки, какъ отъ солнца остается по горамъ солнечный отблескъ, такъ въ памяти и мысляхъ я буду носить о васъ воспоминаніе. Эгяй»! [1]).

Конечно, народъ, умѣющій слагать такія пѣсни, умѣетъ и чувствовать. Страстный, яркій колоритъ лежитъ на всѣхъ любовныхъ сценахъ, воспѣтыхъ въ былинахъ; только чувства якутскихъ героевъ какія-то порывистыя и недолговременныя: «Влетѣвши, увидалъ эту дѣвицу, и, увидавши, обмеръ; потомъ ожилъ, влюбился; вышелъ, побѣжалъ; на лошадь прыгнулъ и сѣлъ; во весь опоръ прилетѣлъ домой. «Родители мои»! говоритъ: «У низенькой старушки съ пятью коровами такая хорошая дѣвица! Возьмите эту дѣвицу, дайте мнѣ»!—такъ начинается романъ въ одной изъ олонго [2]).

Въ другой былинѣ герой такъ отвѣчаетъ дѣвушкѣ на обращеніе къ нему: «Ладно, хорошо»! Наступилъ разъ на середину дома, брянчащая дверь звякнула; свернулъ-повернулъ онъ женщину, какъ мягкую талину, нагнулъ ее, какъ сырую талину, поцѣловалъ-понюхалъ золотой неоткрошивающійся щечный румянецъ; поцѣловалъ въ уста пухлыя, какъ сдѣланныя круглыя пуговки». Герой воздерживается отъ дальнѣйшихъ нескромностей только соображеніями, что ему предстоитъ бой съ врагомъ и что если онъ «чистый юноша — осквернится» то будетъ побѣжденъ [3]).

---

[1]) Худяковъ стр. 10.
[2]) Худяковъ, стр. 87.
[3]) Худяковъ, стр. 154.

Въ заключеніе приведу разговоръ о любви, возникшій вслѣдъ за выслушаніемъ разсказа «Орлиный сынъ», якутской передѣлки извѣстной сказки «о Мароѣ Прекрасной».

— «Что же бы ты, старикъ, сдѣлалъ, если бы встрѣтилъ такую «Мароу Прекрасную», что лицо закрывала семью покрывалами»? спросила разскащица старика мужа.

— «Что же бы сдѣлалъ?... Да женился бы»!..

Смѣхъ. Жена показываетъ ему дулю.

— «Должно быть «царь» думалъ, что если простой парень выскочилъ изъ котла серебрянымъ, то онъ выскочитъ золотымъ»... замѣтилъ Семенчикъ.

— «Конечно»!..

— «А ты, Пронька, прыгнулъ бы въ котелъ, если бы тебя обѣщала полюбить «Мароа Прекрасная»?

Юноша смутился, пробормоталъ что-то и спрятался за другихъ.

— «Это невозможно, чтобы человѣкъ-якутъ, увидѣвши глазами, отъ этого одного сошелъ съ ума. Когда онъ ее, какъ жену узнаетъ, и когда она отъ него отвернется, тогда другое дѣло... тогда и якутъ съума сходитъ.!. Но отъ одного глядѣнія этого не бываетъ»!

— «Бѣсятся и отъ одного глядѣнія якуты, охъ бѣсятся! Правду тебѣ говорю... Ты молодой, не знаешь»!

— «А ты знаешь»?

— «А я знаю!.. Развѣ это не глупо, напримѣръ: понравилась женщина съ одного взгляда»...

— «Ладно... понравилась»!..

— «Ты услышишь, что она у сосѣдей, ты и работу бросишь и побѣжишь только бы увидѣть, только бы голосъ ея услышать. Полдня сидѣть согласенъ, слушая и глядя! А работа брошенная ждетъ... Какая тебѣ польза? Развѣ это не сумасшествіе»?

— «Конечно бываетъ, но»...

— «Подожди, я не кончила! Мало, что глядитъ и слушаетъ... ждетъ, когда она выйдетъ, впередъ побѣжитъ въ лѣсъ, спрячется у дороги, будетъ высматривать: не пройдетъ ли? Не скажетъ ли чего? Не позволитъ ли идти вмѣстѣ»?

— «И то правда: есть такіе, что лѣтомъ ждутъ въ кустахъ, комаровъ кормятъ».

— «А женщина замѣтитъ, что парень у дороги прячется, и думая, что онъ шутки шутитъ или дурное что задумалъ, обойдетъ незамѣтно

кругомъ... А мужикъ все ждетъ, комары его ѣдятъ. А женщина окружитъ и просмѣетъ. Развѣ такъ не бываетъ»?

— «Этого я не знаю, можетъ ты знаешь»?

— «Да я знаю!.. Постой, придетъ время узнаешь и ты»!.. (Намск. ул.. 1891 г.).

Рис. 145. Гаданіе горящей лучинкой.

XIV. Народное словесное творчество.

Якутская грамматика и словарь Бётлинга вѣрно на-долго останутся единственными основами для научнаго знакомства съ этимъ языкомъ. Не считая себя достаточно свѣдущимъ, чтобы что-нибудь прибавить къ этой классической работѣ, отсылаю къ ней желающихъ познакомиться основательно съ этой стороной предмета. Здѣсь ограничусь сообщеніемъ мнѣній ученыхъ о родствѣ якутскаго языка съ другими группами и нѣсколькихъ личныхъ наблюденій по второстепеннымъ вопросамъ грамматики и фонетики.

Якутскій языкъ принадлежитъ къ семейству тюрко-татарскихъ. По согласному мнѣнію Бётлинга и Вамбери, онъ стоитъ особо отъ нихъ, образуя отдѣльную вѣтвь, повидимому, давно отдѣлившуюся отъ общаго корня. Радловъ держится на этотъ счетъ особаго мнѣнія и полагаетъ, что якуты представляютъ собою «чуждую струю, влившуюся въ турецкое море» [1]). Татарамъ и башкирамъ, посланнымъ въ Якутскую область достаточно шести мѣсяцевъ, чтобы выучиться плавно и бойко говорить по якутски. Русскимъ для этого нужны годы. Главное затрудненіе представляетъ якутская фонетика, совершенно отличная отъ арійской. Есть звуки, которые только послѣ долгаго навыка научается отличать европейское ухо и *никогда* не въ состояніи вполнѣ правильно воспроизводить европейская гортань. Къ такимъ, между прочимъ, принадлежитъ посовая согласная *нг*.

«Хорошо говоритъ, но черезъ-чуръ рѣзко», — замѣчаютъ въ такихъ случаяхъ якуты. Для примѣра приведу корень *а с*, который, смотря по тому, какъ произнесена гласная или согласная, а въ иныхъ случаяхъ безъ видимой даже разницы, значитъ: волосъ, пища, бѣлый, открой, ѣшь, проходи, голодай, поставь и т. п., *і с* - - внутри, желудокъ, пей, иди, становись пухлымъ, напухай, или *і т і* — теплый, жара, заряжай, зарядъ, тотъ самый и т. п. Такихъ многозначныхъ звуковъ у якутовъ много. Разобраться въ нихъ возможно только тогда, когда рѣчью овладѣешь настолько, что уга-

[1]) Потанинъ. Очер. С.-Запад. Монголіи. Выпускъ IV, стр. 1.

дываешь ихъ значеніе по смыслу. Разобраться мѣшаетъ также неопредѣленность якутскихъ грамматическихъ формъ. У нихъ для существительныхъ нѣтъ родовъ и соотвѣтствующія имъ прилагательныя не согласуются съ ними. Именительный падежъ сплошь и рядомъ употребляется какъ винительный. Дательный выражаетъ и пребываніе, и направленіе, родительнаго нѣтъ, а замѣняющая его приставка г е н и я рѣдко употребляется. Падежъ этотъ чаще всего обходятъ, замѣняя соотвѣтствующимъ прилагательнымъ. Большинство прилагательныхъ, существительныхъ и глаголовъ въ извѣстныхъ формахъ опять можно отличать только по смыслу. Многіе корни могутъ быть и тѣмъ и другимъ, выражать и предметъ и дѣйствіе; напримѣръ: *ас* значитъ и *пища* (именит. падежъ) и *пшь* (повелит. наклон.); *быс* значитъ *порьзъ*, *перегородка* и *рѣжь* и т. д. Множественное и единственное число свободно замѣняютъ въ рѣчи другъ друга, также повидимому свободно замѣняются формы опредѣленныя неопредѣленными и наоборотъ. Часто вся фраза унизана словами, окончанія которыхъ не даютъ никакихъ указаній на взаимныя ихъ отношенія; это придаетъ особую прелесть и большую гибкость якутской рѣчи, но страшно затрудняетъ точные подстрочные переводы. Извѣстный порядокъ въ расположеніи частей предложенія тоже у якутовъ не обязательный, хотя въ иныхъ предложеніяхъ онъ одинъ указываетъ на внутреннюю связь словъ. Эта внутренняя связь, основной смыслъ рѣчи, всюду является чуть-ли не главнымъ руководителемъ пониманія. Чтобы вполнѣ познакомиться съ якутскимъ языкомъ, со всѣмъ богатствомъ его оборотовъ и формъ, необходимо знать бытъ якутовъ. Только тамъ можно найти поясненіе, какъ иногда понимать ту или другую фразу, для точнаго перевода которой нѣтъ, повидимому, въ ихъ грамматикѣ никакихъ указаній.

Языкъ сказокъ, пѣсенъ, былинъ, украшенный аллитерціями, вставками, повтореніями — очень труденъ для перевода и пока существуетъ только одинъ образцовый, подстрочный, всюду сохраняющій своеобразный отблескъ якутской рѣчи, Худяковскій переводъ якутскихъ былинъ. Языкъ былинъ, о л о н г о, много богаче разговорнаго. Если 4000 словъ, включенныхъ въ словарь Бётлинга, совершенно достаточно для житейскаго обихода, то для перевода одной былины нужно знать чуть-ли не вдвое больше [1]). Многія слова утеряли совсѣмъ смыслъ; ихъ не понимаютъ даже сами сказочники. Стиль былинъ совсѣмъ особый.

[1]) Якутскій языкъ во всей области до того одинаковъ, что легкія мѣстныя его уклоненія отъ общаго типа нельзя счесть даже за «говоры». Всего въ якутскомъ языкѣ по всей вѣроятности отъ 10,000 до 12,000 словъ. Главная масса ихъ, конечно, производныя; отъ каждаго корня якуты образуютъ путемъ приставокъ, очень простыхъ и для всѣхъ корней одинаковыхъ, по желанію формы, отглагольныя, существительныя, прилагательныя, на-

— «Это языкъ былинъ, языкъ пѣсенъ»! — замѣчали они, когда я, по незнанію, вставлялъ въ обыденную рѣчь сказочные обороты. Сказочный якутскій языкъ отличается какой-то особой нарядностью, яркостью, щеголеватостью, полный приставокъ и завитушекъ.

— «Мысль бываетъ съ отзвукомъ, языкъ съ украшеніями» — говорятъ по этому поводу якуты [1]).

Разговорный якутскій языкъ тоже живописенъ; онъ мѣткъ и звученъ. Якуты любятъ остроумные обороты, каламбуры, красныя словца, прибауточки и сравненія. Краснорѣчіе у нихъ въ большомъ почтеніи и неразъ на сходкахъ можно слышать длинныя и искусно построенныя рѣчи, поочереди произносимыя ораторами [2]).

Самый причудливый, конечно, языкъ пѣсенъ, а пѣсня, особенно лирическая, несомнѣнно самая свободная и измѣнчивая изъ созданій народной словесности. Музыка и слова пѣсенъ бываютъ различныя, смотря по пѣвцу и его настроенію. Музыка у якутовъ несомнѣнно бѣднѣе словъ пѣсенъ. Якуты любятъ пѣніе. Путешественникъ, проѣзжающій по якутскимъ дорогамъ въ многолюдныхъ мѣстностяхъ часто услышитъ пѣсню. То запоетъ провожающій его ямщикъ, то ѣдущій мимо путникъ, то работающій у дороги дровосѣкъ или собирающая хворостъ дѣвушка. Поютъ они по большей части про тотъ лѣсъ, который рубятъ, про топоръ, про коня, про проѣзжаго иностранца, про теплый, ожидающій ихъ въ концѣ пути ночлегъ, про вкусную пищу, про все, что видятъ и слышатъ, что въ данный моментъ ихъ занимаетъ, нравится или огорчаетъ. Чаще всего это безъискусственныя импровизаціи тутъ же слагаемыя и забываемыя, но еще чаще это просто одно слово, одинъ звукъ, куплетъ или отрывокъ мелодіи, повторяемый безконечное число разъ, пріятный только для пѣвца, а для слушателя — досадный, какъ жужжаніе овода, какъ скрипъ немазаной якутской телѣги.

Судить, однако, по этимъ отрывкамъ, пропѣтымъ иногда совершенно безголосыми людьми, о якутской пѣснѣ—было бы ошибочно. У якутовъ есть и настоящія пѣсни, и настоящіе пѣвцы. Чтобы уразумѣть и оцѣнить обоихъ нужно прожить среди якутовъ долго и научиться понимать не только ихъ языкъ, но и ихъ міросозерцаніе и чувства. Вначалѣ пріѣзжему

рѣчія обстоятельства времени, мѣста, причины и т. п. Образованіе словъ, ихъ склоненія и спряженія подчиняются общимъ правиламъ якутской фонетики, также очень простымъ и легко запоминаемымъ. Это вѣрно и сдѣлало якутскій языкъ французскимъ языкомъ сѣверо-восточной Сибири.

[1]) Санига—дорогонохъ, тылъ—хосопа кёргёляхъ.

[2]) Миддендорфъ тоже обратилъ вниманіе на эту любовь якутовъ къ краснорѣчію (стр. 792).

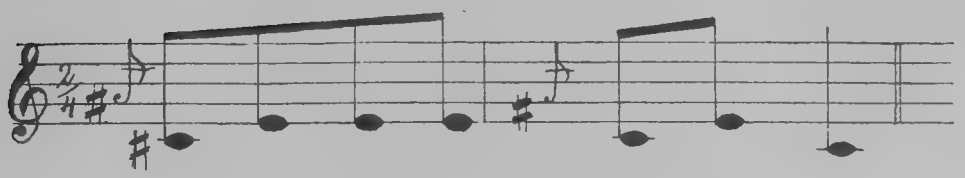
всѣ туземные мотивы, какъ и туземныя лица, кажутся тождественными. Это не вѣрно: они разнообразны и, привыкнувъ къ нимъ, не трудно ихъ различать. Прежде всего всѣ пѣсни распадаются на два крупные отдѣла: мужскія и женскія. Затѣмъ, каждая изъ этихъ группъ въ свою очередь заключаетъ самыя разнообразныя пѣсни: героическія, любовныя, описательныя; есть пѣсни игривыя, плясовыя, шаманскія; есть, наконецъ, торжественные гимны, которые поются хоромъ [1]). Каждая группа и даже каждый родъ пѣсенъ имѣетъ свою физіономію, свои закрѣпленныя обычаемъ мелодіи, на фонѣ которыхъ дозволяется уже пѣвцу выводить свои собственные узоры. Чѣмъ узоры эти изящнѣе, чѣмъ голосъ пѣвца звучнѣе, а содержаніе его пѣсенъ затрогиваетъ чувства болѣе общія и глубокія, тѣмъ слава его громче. Якуты очень любятъ слушать хорошее пѣніе, и пѣвцы ихъ видимо дорожатъ мнѣніемъ слушателей. Иногда они устраиваютъ между собою состязанія. Собравшись случайно или нарочно въ чью-либо юрту, соперники поютъ попеременно, добиваясь похвалы слушателей, стараясь взволновать ихъ. Иногда послѣдняго они достигаютъ въ неменьшей степени, чѣмъ наши пѣвцы: публика притихаетъ, женщины, разстроенныя, поблѣднѣвшія, толпятся кучей гдѣ либо на лѣвой, женской половинѣ дома, мужчины задумчиво сидятъ вдоль стѣнъ на скамьяхъ. И хотя пѣсня уже умолкла, всѣ говорятъ еще нѣкоторое время шопотомъ, двигаются осторожно, точно не желаютъ спугнуть дорогую гостью, на мгновеніе посѣтившую ихъ.

Мнѣ не разъ приходилось присутствовать при подобныхъ состязаніяхъ и слышать приговоры окружающихъ. Иногда мнѣнія раздѣлялись: «у этого слова хороши, но голосъ хуже, а у того голосъ хорошъ, но слова некрасивы»! Или: «поетъ... словно сердце изъ груди вынимаетъ»! Я замѣтилъ, что сужденія эти часто совпадали съ моими впечатлѣніями. Тоже самое, когда я распрашивалъ якутовъ о русскихъ пѣсняхъ и пѣвцахъ. Многаго, конечно, они въ нихъ не понимали, высокія за извѣстный предѣлъ ноты были для нихъ положительно недоступны и они называли ихъ просто «крикомъ», но относительно пріятности, мягкости или рѣзкости и фальшивости даннаго пѣнія мнѣнія ихъ рѣдко не сходились съ европейскими. Существуетъ, значитъ, въ музыкальномъ пониманіи якутовъ нѣчто общее съ нами, позволяющее имъ различать пѣсни хорошія отъ скверныхъ. Механизмъ пѣнія у якутовъ очень своеобразный и отъ европейскаго совершенно отличный. Поютъ они исключительно почти горломъ—гортанью.

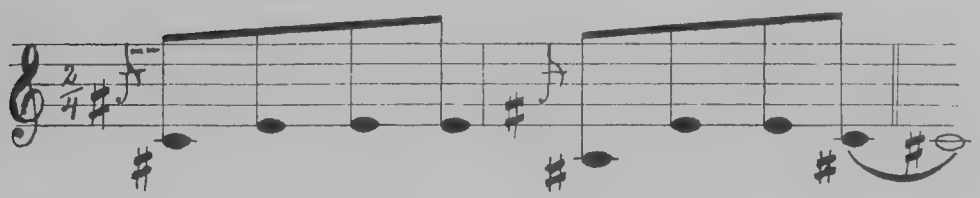
[1]) Пѣсня по якутски ыллы; пѣсни по случаю, импровизаціи, славословія, любовныя пѣсни зовутся туоёръ; пѣсни описательныя, гимны, молитвы—тёгюлю; пѣсни эпическія олонхо ыллата.

Отрывокъ якутскаго олонго.

Пѣсня дѣвушки.



Ба — раръ кю — нюмъ маиг — гай — да
Кё — тёръ кю — нюмъ кё — сёй — да
Силь — джеръ кю — нюмъ сы — рей — да
Сюк — теръ кю — нюмъ сю — гей — да
Оло — роръ кю — нюмъ оиг — гой — да
I — емъ хал — гыигъ минъ бар — быпъ
А — гамъ хал — аръ минъ бар — дымъ



Ар — га у — о — ла ыл — ла

Уходящее время уменьшилося.
Восходящее время ушло,
Бѣгущее время промчалося,
Несомое время пронеслось,

Прожитое время простерлось...
Мать моя, ты остаешься, а я ухожу!
Отецъ мой остался, а я вѣдь ушла!
— Меня взялъ юнопа съ запада!

Мотивъ рѣдко состоитъ больше чѣмъ изъ двухъ-трехъ нотъ. Пѣніе чрезвычайно ритмично и ближе всего подходитъ къ нашему речитативу. Мѣстами оно ничто иное, какъ стройная, внятная скандовка съ сильнымъ придыханіемъ. Якуты очень любятъ также слушать инструментальную музыку, особенно игру на скрипкѣ. У нихъ самихъ нѣтъ никакихъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ хамысъ, прибора, состоящаго изъ желѣзной рамки съ пружиной по срединѣ, на которой играютъ пальцами, взявши рамку въ губы и варьируя тоны помощью зубовъ и языка. (См. рис. 147). Приборъ этотъ очень похожъ на малорусскую «друмлю». Я видѣлъ его въ долинѣ Карпатскихъ горъ въ рукахъ пастуховъ. Интересно: принесенъ ли онъ туда изъ Азіи или, наоборотъ, пробрался на дальній сѣверо-востокъ вмѣстѣ съ казаками-завоевателями. Акомпаниментъ на хамысѣ невозмо-

жемъ, и серебристые, нѣжные его звуки пѣвецъ вставляетъ въ пѣсню только какъ украшенія, какъ удары кимвала. Впрочемъ, я знаю одну пѣсню, въ которой описывается весенній перелетъ птицъ и гдѣ пѣніе послѣднихъ въ перерывахъ между куплетами воспроизводится исключительно игрою на хамысѣ. Якутскіе пѣвцы поютъ обыкновенно сидя. Только въ минуты особеннаго увлеченія они подымаются и поютъ стоя, устремивъ глаза куда-то въ даль, и помогая себѣ изрѣдка плавными, сдержанными жестами руки и покачиваніемъ туловища. Хоромъ якуты поютъ чрезвычайно рѣдко да и то хоръ поетъ обыкновенно только припѣвъ. Такъ поются хороводныя пѣсни, которыя поетъ собственно стоящій по серединѣ круга, а танцующіе только подпѣваютъ. Настоящее хоровое пѣніе я слыхалъ всего одинъ разъ. Это было въ Колымскомъ округѣ во время одного торжественнаго шаманства. Зрѣлище вышло довольно необычное. Обрядъ совершался въ глубокомъ мракѣ. Шаманъ вдругъ рѣзко оборвалъ игру на бубнѣ и приникъ безъ движенія къ землѣ. Послѣ минутной паузы послышались удары огнива о кремень, снопъ красныхъ искръ освѣтилъ мимолетнымъ свѣтомъ внутренность юрты и одновременно въ глубинѣ ея зазвучалъ хоръ мужскихъ голосовъ. Затѣмъ опять непродолжительная игра на бубнѣ, опять—пауза, удары стали о камень, фантастическій свѣтъ быстро тухнущихъ искръ и въ отвѣтъ дружный, мелодическій хоръ женскихъ голосовъ. Пѣли въ унисонъ.

Хотя рѣдко, но все-таки чаще чѣмъ хоровое, можно услышать у якутовъ драматизированное пѣніе. Оно устраивается такимъ образомъ: группа пѣвцовъ, собравшись вмѣстѣ, договаривается исполнить какую-либо всѣмъ извѣстную пѣсню сообща. Одинъ соглашается разсказывать то, что подлежитъ разсказу, именно: описаніе мѣстности и хода дѣйствія; другой исполняетъ партію добраго героя-богатыря, третій — его противника, богатыря-злаго; иные берутъ на себя исполненіе пѣсенъ отца, матери, женъ, любовницъ, сестеръ, злыхъ и добрыхъ шамановъ и духовъ, наконецъ, коня, который въ якутскомъ эпосѣ играетъ роль не малую. Такимъ образомъ поются по преимуществу *олонго*—якутскія эпическія пѣсни. Говорятъ, въ старину онѣ иначе не исполнялись. За недостаткомъ пѣвцовъ одинъ и тотъ же исполняетъ нѣсколько партій. Я слыхалъ одну *олонго*, исполненную четырьмя заразъ пѣвцами. Поютъ они, конечно, по очереди въ послѣдовательности разсказа. Этотъ способъ пѣть былины куда красивѣе единоличнаго, но практикуется онъ все рѣже и рѣже, во-первыхъ потому, что знатоки и любители пѣсенъ все болѣе и болѣе переводятся въ Якутской области, а такое собирательное пѣніе требуетъ прежде всего прекраснаго знанія словъ и мотива пѣсни, а во-вторыхъ по-

тому, что угощеніе группы пѣвцовъ въ продолженіе даже одного вечера стоитъ довольно дорого на якутскій тощій карманъ. Угощеніе такое всегда бываетъ самое лучшее, на какое способенъ хозяинъ. Кажется, что угощеніе это да слава,—вотъ единственная награда якутскаго пѣвца. Впрочемъ, я слыхалъ о пѣвцахъ наемныхъ, которымъ платили за пѣсни деньги и подарки. Разсказывали мнѣ въ Намскомъ ул. про пѣвца Артамона, что его нанималъ богатый якутъ Киякія на такихъ условіяхъ: «гдѣ-бы они не встрѣтились, въ полѣ, у сосѣдей, въ лѣсу—всюду онъ долженъ пѣть по требованію. Онъ долженъ бросить работу, ѣду, встать со сна и идти пѣть. За это онъ получалъ отъ Киякія кобылу. Этотъ Артамонъ былъ Намскаго улуса родовичъ, рода Хамалга, голосъ его обладалъ звучностью, пѣніе — душою [1]). Когда онъ пѣлъ, съ женщинами случалась истерика (мапріеръ), мужчины очарованные, ослабѣвшіе, точно маленькія дѣти, не могли уйти. Отъ его пѣнія сохли деревья, и люди теряли разсудокъ»— говоритъ преданіе. (Намс. ул., 1890 г.).

Про другого знаменитаго пѣвца Мачаяръ рода Салбанъ, выражались, что если-бы второй такой нашелся, то отъ ихъ пѣнія изъ трехъ деревьевъ погибло-бы одно»!... Ему платили, чтобы онъ только не пѣлъ. (Намс. ул., 1890 г.). «Знаменитый пѣвецъ, какъ и знаменитый шаманъ— скроменъ. Онъ не кичится, не набрасывается, не поетъ всюду, безъ нужды и непрошеный». (Нам. ул., 1890 г.). Привожу для примѣра нѣсколько афоризмовъ пѣвцовъ о пѣвцахъ.

— «У хорошаго пѣвца всегда въ душѣ пѣсня» — объяснялъ мнѣ именно такой хорошій пѣвецъ. «Достаточно ему ротъ открыть, а сейчасъ-же летитъ она, непобѣдимо, въ свѣтъ, наружу! Если не пѣть—мысли путаются, въ груди томитъ... Хорошій пѣвецъ даже одинъ поетъ. Отъ того-то у него все не клеится, и онъ бываетъ несчастливъ». (Намскій ул., 1891 г.).

— «Не хорошо завидовать въ пѣснѣ. Если знаменитые пѣвцы поютъ вмѣстѣ, то стараются пѣть ровно, щадя другъ друга. Пѣсней можно убить... Пѣвецъ настоящій будучи побѣжденъ — умираетъ»! (Намс. ул., 1891 г.).

— «Не пѣть пѣвцу нельзя, какъ нельзя шаману не шаманить. Шаманъ за свою силу платитъ здоровьемъ, мы за свою силу платимъ счастіемъ». (Нам. ул., 1890 г.).

— «Пѣвецъ бываетъ несчастливъ. Онъ тревожитъ своей пѣсней духовъ и обращаетъ на себя ихъ вниманіе»! (Нам. ул., 1891 г.).

Не смотря на все это, быть пѣвцами среди якутовъ пожелали-бы, навѣрно, многіе. Кромѣ голоса, фантазіи, художественнаго чутья, якутскій

[1]) Тылъ дорогонохъ, тылъ иччиляхъ.

пѣвецъ долженъ обладать громадной памятью, такъ какъ ему приходится помнить сотни тысячъ стиховъ. Обученіе происходитъ такимъ образомъ: старый опытный пѣвецъ поетъ громко пѣсню и заставляетъ тутъ-же повторять за собою ученика, затѣмъ ученикъ многократно повторяетъ самостоятельно поэму, а учитель слѣдитъ за нимъ и поправляетъ слова и напѣвы. Выучка одной *олонго* стоитъ отъ тридцати копѣекъ до рубля и больше. Я разъ присутствовалъ при семейной сценѣ, вызванной страстью къ пѣснямъ: старуха мать упрекала юношу-сына, что тотъ «послѣдній безмѣнъ масла промѣнялъ на пѣсню».

— «А у васъ, русскій, есть пѣсни про старинныхъ богатырей? У насъ есть чудныя пѣсни. Наши предки на битву всегда выходили съ пѣснями». (Колым. ул., 1883 г.).

— «Есть пѣсни до того волшебныя, что отъ нихъ нарушается порядокъ... Хорошій пѣвецъ лучшихъ своихъ пѣсенъ не поетъ друзьямъ, людямъ, которыхъ любитъ. Эти пѣсни вносятъ въ жизнь разладъ». (Намскій ул., 1890 г.).

— «Есть три пѣсни, выросшія изъ одного корня, точно три вѣтви одного дерева! Есть вѣтвь человѣческой души, вѣтвь человѣческаго бога и пѣсня дьявольскаго дыханія. Отъ послѣдней-то и сохнутъ деревья». (Намскій ул., 1891 г.).

Конечно, въ этихъ отзывахъ много восторженности, но, сознаюсь, что и во мнѣ, не разъ, своеобразные, поэтическіе образы якутскихъ *олонго*, пропѣтые вдохновленнымъ голосомъ, вызывали удивленіе. Развѣ не хороша, напримѣръ, любовная пѣсня, которую я привелъ въ предъидущей главѣ?

Иногда эти образы отчеканены въ звучныхъ стихахъ, украшенныхъ богатѣйшими аллитераціями. Аллитераціи эти, случается, риомуются не только въ началѣ, но одновременно и въ концѣ стиха, и вся пѣсня представляетъ, какъ бы одинъ непрерывный слитокъ созвучій, двойную нитку жемчужныхъ словъ.

Среди якутскихъ пѣсенъ есть, конечно, и игривыя, и фривольныя, даже просто гадкія, циничныя, но у какого народа ихъ нѣтъ? Иныя изъ нихъ дышутъ своеобразнымъ, наивнымъ юморомъ:

— «Что за ужасное преступленіе сдѣлаемъ? Вѣдь не человѣка убьемъ, не амбаръ сломаемъ... поцѣлуемся».

Или вотъ насмѣшливая пѣсенка дѣвушекъ неудачному жениху:

Пестрый олень—въ приданое,
Рыжій пойдетъ на выкупъ,
Бѣлаго родители возьмутъ за заботы,

Полосатому имя ӓргӓнъ,
Гнѣдой—для тебя будетъ добычею,
А за сѣраго получишь... въ шею!

Хороши также въ якутскихъ пѣсняхъ описанія природы. Вотъ начало бури, воспѣтой въ одной изъ болѣе извѣстныхъ олонго.

Подулъ, крутяся, вихрь съ востока,
Громъ прогремѣлъ въ дали,
Забарабанилъ дождикъ частый,
И тучи, сѣдыя, косматыя
Точно куски кобыльяго камуса
Поплыли, клубясь, по поднебесью»...

А вотъ другое описаніе, стремящееся охватить болѣе широкій кругъ явленій, всю почти землю:

— Съ сѣдалищемъ изъ тундряпаго моря,
Съ зависимостью отъ сѣвернаго моря,
Съ окраинами изъ западнаго моря,
Съ краями изъ южнаго моря,
Съ ободкомъ изъ восточнаго моря,
Съ порогомъ изъ глиняной горы,
Съ ровнями изъ лежащей горы,
Съ тихо свѣтящимся небомъ,
Подъ серебрянымъ солнцемъ,
Съ высоко-кружась, восходящимъ, бѣлосвѣтлымъ...
Съ ущербающимся мѣсяцемъ,
Съ переходящими ночевками,
Съ глубокими, имѣющими быстрыя теченія водами,
Съ улыбающейся, прозрачной, тихой водой,
Съ падающимъ, прямымъ, отборнымъ лѣсомъ,
Съ жирной, мягкой травой по лодыжку четырехъ-лѣтняго коня,
Противуположнаго берега не видно,
Предѣла не замѣтно,
Не отгадываемой длины,
Прямая земля съ цвѣтущей растительностью,
Восьмигранная мать-вселенная...

Замѣчательно, что картины природы, воспѣваемыя якутскими пѣвцами, разъ онѣ приводятся въ размѣрахъ миніатюрныхъ, въ образахъ вводныхъ, отличаются прежде всего ясностью рисунка, яркостью красокъ и привлекаютъ своей жизнерадостностью. Совсѣмъ другое, если природа воспѣвается, какъ фонъ дѣятельности человѣка. Тогда образы какъ

будто умышленно, дѣлаются расплывчаты, туманны, располагаютъ къ раздумью, тоскѣ и мечтамъ.

Свои прозаическія произведенія якуты дѣлятъ на три типа: сторія или устория — исторія, повѣсть, капсань — сказка, олонго — былина. Раньше чѣмъ приступить къ разбору ихъ, укажу на обширную группу разрозненнаго, такъ сказать «мелкаго» словеснаго матеріала, какую представляютъ поговорки, загадки, каламбуры, наконецъ тѣ отрывочныя, короткія повѣствованія о дѣйствительныхъ происшествіяхъ и лицахъ, изъ которыхъ многія несомнѣнно войдутъ впослѣдствіи, какъ мотивы и фрагменты въ сказанія.

Одно изъ любимыхъ занятій якутской молодежи въ длинные зимніе вечера—это отгадываніе загадокъ, табрынъ. Большинство ихъ одинаковы во всемъ краѣ. Я слышалъ многія въ Колымскомъ и Намскомъ улусахъ изъ записанныхъ Маакомъ въ Вилюйскомъ и Худяковымъ въ Верхоянскомъ округахъ. Нѣкоторыя поражаютъ своей своеобразностью, не отгадать бы ихъ петуземцу: «говорятъ, надъ юртой есть сѣрый быкъ» (солнце); «говорятъ, набѣгаетъ рыжій жеребецъ» (громъ); «госпожа халантай совершенно вылизала скотъ Улу-тоёна» (вѣтеръ, сдувающій снѣгъ съ вѣтвей весною); «хоропойская дочь говоритъ: дошла-бы я въ южную сторону»! (домъ), «таттинская дочь съ каменнымъ домомъ»—(тарбаганъ); «говорятъ, вотъ мущина поѣхалъ безъ котла» (у лошади нѣтъ желчи); «два бѣлыхъ жеребца дерутся, рыжій жеребенокъ ихъ разнимаетъ» (зубы и языкъ); «вокругъ дома бѣгаетъ одинъ черный быкъ» (мѣховой ошейникъ изъ бѣличьихъ хвостовъ); «говорятъ, изъ пустого пня, обнявшись, выходятъ голыя дѣти» (искры); «говорятъ, солнце съ луною цѣлуются» (наковальня и молотъ); «Дологоно боецъ у важныхъ жителей, стоя ходитъ» (ожикъ); наконецъ, всѣмъ извѣстная, возбуждающая смѣхъ загадка, которую говорятъ въ началѣ загадыванія: «есть корень загадокъ тамтатахай» — (посуда съ клеемъ) [1]). Иныя отличаются большой меткостью и изяществомъ:

«Солнечная дѣвица ушла, позабывъ серебряный бѣлошейный платокъ» (восходъ и закатъ солнца); «въ бѣлыхъ шапкахъ русскія дѣти стоятъ» (пни со снѣгомъ); «безъ словъ разговариваетъ, безъ крыльевъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ» (письмо, вѣтеръ, теченіе воды); «смотритъ, а не мигаетъ» (дупло); «у ста человѣкъ одна мысль» (о пищѣ) и т. д. Добрая треть, если не половина, якутскихъ загадокъ касается скотоводства или оттуда заимствуетъ свои сравненія. Многія изъ загадокъ встрѣчаются

[1]) Худякокъ, Загадки, стр. 21.

въ сказкахъ, уже какъ настоящія сравненія: «брови точно два соболя, лежащіе погами вмѣстѣ» [1]), «носъ, точно лѣсина, упавшая между двумя озерами», «печка, точно барыня развалившись, стоитъ, откинувши шубу» [2]), «говорятъ, господинъ человѣкъ стоитъ»—коновязь [3]). «Въ огонь бросить—не горитъ; въ воду кинуть—не тонетъ; ножемъ скоблишь—не отходитъ», — человѣческое имя [4]) и т. п. Сказочные герои очень любятъ говорить загадками. Затѣмъ, многіе, закрѣпленныя обычаемъ сказочныя описанія я слышалъ, какъ загадывали вмѣсто загадокъ. Вообще загадка играетъ довольно видное мѣсто въ якутскомъ народномъ творчествѣ. Она какъ-бы подговляетъ умы слушателей къ будущимъ смѣлымъ сравненіямъ и пріучаетъ доискиваться затаеннаго смысла словъ. Ту же роль играютъ поговорки, щедрой рукой разсыпанныя въ каждомъ якутскомъ повѣствованіи. Благодаря своему лаконизму, общеизвѣстной формѣ и установившемуся прочно значенію, онѣ сильно сокращаютъ, поясняютъ и скрашиваютъ разсказъ. Приведу нѣсколько такихъ характерныхъ поговорокъ, встрѣчающихся въ Худяковскомъ Сборникѣ, но слышанныхъ мною и въ другихъ мѣстахъ. «Отдыхаетъ чурбанъ до паденія топора». «Одно яйцо гдѣ не гніетъ»? [5]) (одинокому). «Съ больного мѣста не сходитъ рука, а съ любимаго глазъ». «Кривоногій замѣтенъ, хромой дорогъ». «Имѣющіе лицомъ землю» (униженные). «Человѣкъ съ тремя тѣнями» (обманщикъ). «Встаютъ рано, какъ мужъ съ женою, ненавидящіе другъ друга». «Орленокъ всегда орелъ, вороненокъ всегда воронъ». «Хотя безъатавное поле, да родное мѣсто». «Якутъ не стыдится, собака не давится». «Небо высоко, земля широка, море глубоко». «Возьмешь ли потесавъ топоромъ ничто?» (въ смыслѣ изъ ничего нельзя ничего сдѣлать). «Съѣмъ голову тайменя на будущій годъ» (въ смыслѣ сомнительныхъ надеждъ). «Дитя богатаго дерзко, дитя состоятельнаго человѣка пылко». «Точно ламутъ, имѣющій раба» (запосчивый). «Точно казакъ» (грубый, злой).

За загадками и поговорками идутъ якутскія преданія, коротенькіе разсказы, анекдоты по поводу всякихъ житейскихъ дѣлъ и случаевъ. Они составляютъ цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, отрывковъ, набросковъ, эскизовъ, тщательно сохраняемыхъ въ народной памяти, точно записи въ черновой книжкѣ художника. Есть здѣсь и не-

[1]) Худяк. 32 и 80 стр.

[2]) Худяковъ, стр. 34, 35 и 96, 112.

[3]) Худяк. 35 и т. под.

[4]) Худяк. 33.

[5]) Якуты утверждаютъ, что одно яйцо, положенное птицей въ гнѣздо, оказывается всегда «болтуномъ».

сложныя, болѣе или менѣе правдивыя сообщенія [1]), «какъ жили люди встарину», и анекдоты изъ текущей жизни, наконецъ, болѣе пространныя повѣствованія, отчасти легендарныя, отчасти дѣйствительныя, на которыхъ уже замѣтна нѣкоторая художественная отдѣлка. Худяковъ называетъ ихъ «сагами», у якутовъ для нихъ нѣтъ особаго названія, они зовутъ ихъ «правдою», кирдикъ, или «минувшимъ», былыръ, наравнѣ съ краткими сообщеніями, совершенно лишенными драматическаго интереса. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ вполнѣ законченныя, прелестныя бытовыя картины; ихъ нерѣдко, то частями, то цѣликомъ можно встрѣчтить вставленными въ другихъ мѣстностяхъ въ сказочную ткань болѣе высокаго порядка. Привожу для примѣра одну изъ такихъ былыръ (быль) болѣе цѣльную и относящуюся, повидимому, къ позднѣйшему времени [2]):

Сирягясь бѣгунецъ Намскаго улуса.

«Знаешь князя Егоршу Конасникова, роду Бѣчёкъ? Ну, такъ вотъ дѣдъ этого Конасникова былъ человѣкъ почетный, богатый, первый былъ въ этомъ улусѣ человѣкъ, будто пыпѣшній голова Эверстовъ. Звался онъ Тимиръ-Байтаканъ. Было у него нѣсколько сыновей и дочь, Кёгёль-Нахырыканъ. Было у него много скота, много лошадей, много всякаго добра. Жилъ онъ недалеко отъ Усунъ-Кюёль, на томъ берегу озера, въ мѣстности Уойбутъ-отохъ, которая и теперь такъ называется.

Верстъ десять оттуда, на сѣверо-западѣ, на небольшомъ бугрѣ стояла усадьба тоже богатаго якута, стараго Ириняха. Мѣсто это называлось Тый-хаата. Ириняхъ былъ другого рода, онъ былъ Арчинга. Въ то время у людей Намъ [3]) не было рода болѣе богатаго и могущественнаго, чѣмъ Арчинга; теперь родъ этотъ обѣднѣлъ и уменьшился. У Ириняха были два сына: ловкіе, смѣлые, удалые; старшій звался Нороху, младшій—Дадя. Оба были женаты, у обоихъ были дѣти, но жили

[1]) Провѣряя впослѣдствіи многія изъ такихъ преданій сопоставленіями съ письменными источниками и кое-гдѣ уцѣлѣвшими обычаями, я проникся большимъ уваженіемъ къ этой якутской извѣстной исторіи. Особенно правдиво и точно очерчены въ нихъ бытовыя стороны; происшествія въ нихъ, правда, не рѣдко смутны, преувеличены и прикрашены, но въ общемъ характеръ ихъ всегда переданъ вѣрно, подробности типичны, имена и указанія мѣстностей болѣе или менѣе точны. Одна хронологія сильно страдаетъ; повидимому, якуты знаютъ только двѣ эры: до и послѣ пришествія русскихъ, но объ стороны этой грани все у нихъ перемѣшано.

[2]) Спеціально заинтересованныхъ прошу обратиться ко второму тому, гдѣ въ соотвѣтственной главѣ сообщены и другіе матеріалы.

[3]) Намъ—называютъ себя въ просторѣчіи якуты Хатынгаринскаго наслега Намскаго улуса.

всѣ вмѣстѣ у старика. Вмѣстѣ съ ними жила также незамужняя ихъ сестра — Оджюнасъ. Семья была мощная, грубая, непокорная, никого не боялась, еще ихъ боялись. Были они здѣсь будто цари. Даже старый Тимиръ-Байтаканъ избѣгалъ съ ними ссориться... однако случилось другое. Разъ старикъ Байтаканъ, осмотрѣвъ табуны, выбралъ жеребенка двухъ травъ, говоря:

— «Вотъ будетъ конь»! Приказалъ его схватить и вывязать для пробы. Мы, якуты, держимъ лошадей голодными передъ первой пробой столько дней, сколько коню лѣтъ. Стоитъ жеребенокъ у коновязи во дворѣ Байтакана, дожидается. Между тѣмъ, пришелъ Нороху въ гости къ старику. Замѣтилъ жеребенка, осмотрѣлъ, вошелъ и, посидѣвши, проситъ Байтакана:

— «Дай мнѣ, старикъ, этого жеребенка! Прошу тебя, сильно прошу»!

— «Нѣтъ, дитя мое, не могу отдать тебѣ его: изъ всѣхъ моихъ лошадей я его выбралъ, онъ, думаю, будетъ лучше, онъ будетъ конь... Ты, если хочешь, возьми себѣ рыжаго шести травъ, что ходитъ въ изгороди. Онъ тоже конь хорошій».

Насупился Нороху, молчитъ.

— «Ну, не хочешь дать, такъ позволь хоть осмотрѣть хорошенько»! проситъ.

— «Осматривай, этого не запрещаю»!

Вышелъ Нороху, осматриваетъ, щупаетъ жеребенка и вдругъ, ухвативши лѣвой рукой за волоса, что ростутъ у коня на скулахъ, быстро правою распоролъ ему ноздри ножомъ. Самъ возвратился, сѣлъ, сидитъ. Прибѣжали со двора дѣти (внучата) Байтакана, говорятъ:

— «Что случилось, что случилось?... Нашъ жеребенокъ всталъ на дыбы и ходитъ кругомъ столба, а кровь у него изъ ноздрей брызжетъ»!

Вышелъ Байтаканъ, смотритъ—правда. Догадался.

— «Никто этого сдѣлать не могъ, кромѣ тебя, дитя мое»! — говоритъ Нороху. Старинные якуты, какъ-бы не сердились, не говорили младшимъ иначе, какъ дитя (мое). Понялъ Нороху, что старикъ сердится, но не ушелъ, молчитъ. А старикъ вдругъ возненавидѣлъ и жеребенка и парня:

— «Думалъ я, хорошій конь выйдетъ, думалъ, выйдетъ лучшій, а оказался «рваныя ноздри» сирягясь [1]). Возьми его и уходи! Пусть обоихъ васъ не видятъ мои глаза»!

Обрадовался Нороху, взялъ жеребенка и ушелъ.

---

[1]) Сирягясь — оскорбительное прозвище, примѣняемое исключительно къ женщинамъ.

И выросъ изъ этого жеребенка знаменитый, первый въ улусѣ конь, что не зналъ въ дорогѣ устали, а въ скорости опереживалъ летящую чайку. Звали его со словъ старика Байтакана: Сирягась «рваныя ноздри». Вотъ изъ-за этой-то лошади стали обѣ семьи враждовать, а за ними и *роды*. Вскорѣ послѣ того замѣтили: теряются кобылы изъ табуновъ Байтакана, а когда ищутъ, слѣды все ведутъ въ одну сторону, все въ сторону усадьбы Ириняха. Долго терпѣлъ Байтаканъ, приказывалъ только слугамъ лучше стеречь, но когда это не помогло, собралъ своихъ людей и, посовѣтовавшись, рѣшилъ обыскать жилище воровъ. На другой день должны были идти, а вечеромъ, ложась спать, старикъ затужилъ, заворожилъ:

— «Что-то будетъ?... Несчастная будетъ для насъ эта ночь! Что-то случится?... Посмотрите, дѣти, гдѣ наше оружіе»!

— «Что должно случиться? Ничего не случится», разсердились сыновья. «Бѣлая птичка не пролетѣла—живемъ, какъ жили... Съ чего ты старикъ выдумалъ каркать»? Такъ и не посмотрѣли оружія. Старикъ же полѣнился встать, пальмы съ балки не снялъ, а только взглянулъ на нее. Тогда былъ такой у якутовъ обычай, что надъ каждой мужской кроватью, высоко, на колышкахъ у балки лежало копье; отправляясь спать, люди клали топоръ подъ головы, а ножъ подъ постель у праваго боку.

«Пусть будетъ, что будетъ; сердце упало, разболѣлась спина»! сказалъ старикъ и повалился спать. Передъ сномъ, какъ всегда, заперли дверь, заложивши ее толстыми бревнами. Ночью слышатъ, кто-то стучитъ:

— Кто тамъ?

— Я, Көгöль-Нахырыканъ!

Дѣвка ихъ дѣйствительно ушла подъ вечеръ къ сосѣдямъ и не возвратилась. Слышатъ родные—голосъ женскій, повѣрили. Пошла коровница двери отпирать. Впустили людей. Вошли многіе. Вдругъ яркимъ свѣтомъ вспыхнули, брошенныя на тлѣющій огонь тальничныя стружки и пробудившіеся увидѣли въ этомъ свѣтѣ вооруженныхъ воиновъ. Опираясь на обнаженныя копья, стояли они и, вытянувши шеи, высматривали, гдѣ кто лежитъ. Раньше, чѣмъ проснувшіеся успѣли схватить оружіе, перебили всѣхъ. Тѣхъ-же, кто, испугавшись, пробовалъ уйти сквозь окна въ хотонѣ, рубила, бѣгая кругомъ съ топоромъ, дочь Ириняха, Оджюнасъ. Мужчины были Нороху и *Дадя*. Всѣхъ они убили; затѣмъ юрту вмѣстѣ съ трупами и скотомъ сожгли. Сгорѣла юрта дотла. Никто не узналъ-бы ничего, да сами убійцы разсказали впослѣдствіи своимъ, но тѣ молчали.

Стали, однако, носиться нехорошіе слухи. Откапывая трупы, замѣтили, что у старика были перерублены кости и обрѣзаны пальцы. Старикъ, оказалось, долго боролся, хватая за лезвіе пальмъ. На дворѣ, на столбу коновязи, замѣтили отпечатки окровавленной руки. То бѣдняжка Кӧгӧль-Нахырыканъ, возвратившаяся домой, пряталась отъ убійцъ. Потихоньку говорили, что это дѣло рукъ Ириняха, но громко никто не смѣлъ сказать.

Между тѣмъ, сыновья Ириняха дѣлались все болѣе дерзки и грубы.

Справляли разъ въ Бетюнскомъ наслегѣ ысыахъ. Пришли и сыновья Ириняха. Шутили, играли. Играючи, отнялъ Нороху фляжку съ водкой силой у одного якута. Заспорили, а затѣмъ поссорились. Нороху не хочетъ отдать добычи. Говоритъ ему обиженный:

— «Ты, Нороху, вижу человѣкъ могущественный, ну, и дѣлай! Ты насильникъ—насильничай! Ты всему судья — ты и суди! Нороху, ты должно быть сильнѣе всѣхъ, такъ берешь... [1]).

— «Я уже одинъ хлѣвъ скота сжегъ, одинъ домъ людей вырѣзалъ!.. Кто меня сильнѣе, пусть смотритъ на длину моей руки»! [2]) вскричалъ Нароху и руку съ фляжкой вверхъ поднялъ. Ушелъ. Никто не остановилъ его, никто ничего не сказалъ, а только люди убѣдились, что онъ убилъ Байтакана. Дали знать въ городъ. Пріѣхали казаки, господа начальники, сдѣлали слѣдствіе, опросили людей. Забрали обоихъ сыновей Ириняха и сестру ихъ Оджюнасъ.

Допрашивали ихъ тяжело, держали строго. Не то что теперь. Желѣзными когтями тѣло рвали, желѣзнымъ обручемъ голову сжимали, лицо жарили у огня. Не сознался никто, ни мужчины, ни женщина. Сидятъ они въ острогѣ. Сидятъ годъ, сидятъ два, не сознаются. Наконецъ, стало старому Ириняху жаль своихъ дѣтей. Осѣдлалъ онъ Сирягясь, наполнилъ двѣ переметныя сумы золотыми монетами, поѣхалъ въ городъ. Въ это время не было губернатора, а былъ начальникъ. Съ этимъ начальникомъ Ириняхъ, человѣкъ богатый, былъ и раньше знакомъ. Пріѣзжаетъ прямо къ нему во дворъ, входитъ, поклонился, поздоровался, затѣмъ всѣ золотые монеты изъ двухъ мѣшковъ на столъ высыпалъ. Въ судѣ

---

[1]) Нороху, *онгороръ* киси *онгоръ*! Нороху джягыяхъ киси джягыягы*нгъ*, джюхюленехъ киси—джюхюле*нгъ*! Нороху! Барыны даганы киси кейбытъ кисиги*нгъ*. Олъ бысытынанъ кейе*нгъ* ыллагы*нгъ*.

[2]) Биръ хотонъ сюӧсю убейбытымъ, биръ дже кисины кыргенъ кястимъ! Сюсперъ бирде даганы тыгиллсликин*гъ*! Илимъ усуну кӧрӧрӧ!

столъ большой, а весь наполнилъ, даже деньги на полъ попадали, покатились. Говоритъ Ириняхъ:

— «Господинъ мой! Трое моихъ дѣтей столько времени невинно мучаются, сидятъ въ острогѣ, ты ихъ выпусти, а себѣ возьми вотъ это, что я привезъ въ подарокъ»!

Начальникъ всталъ, ходитъ, раздумываетъ, а жена ему киваетъ издали и улыбается. Подумавши, начальникъ говоритъ:

— «Правда, старикъ, и у меня есть и ротъ и желудокъ, твой подарокъ пригодился бы мнѣ, а дѣтей твоихъ, виновные или невинные, я бы выпустилъ, но знаешь... деньги ты возьми обратно, а отдай мнѣ твоего коня «Рваныя ноздри, Сирягясь», про котораго говорятъ, что не знаетъ въ дорогѣ устатку, а на бѣгу опереживаетъ чайку»!

Затосковалъ якутъ.

— «Господинъ мой», говоритъ, «этотъ конь больше трехъ человѣкъ стоитъ, даже моихъ дѣтей... Коня я не дамъ, а дѣтей, хочешь выпусти, хочешь замучь, а только они невинныя»!

Сказалъ, золото обратно въ мѣшки ссыпалъ, поклонился и ушелъ. Разсердился начальникъ на Ириняха, сталъ его дѣтей еще больше мучить, сознанія, однако, не добился. Такъ и ушли на югъ, не покаявшись. Мы знаемъ, какъ все случилось, самъ старикъ передъ смертью разсказалъ другимъ. Старикъ умеръ въ богатствѣ, въ почетѣ, но родъ его оставило счастіе; семья его обѣднѣла. Нѣкогда многочисленные—уменьшились. Мало ихъ осталось да и оставшіеся все гибнутъ, все, какъ-то, не по человѣчески умираютъ. Прійдетъ ли оспа или другая болѣзнь, ужь она рода ихъ не минуетъ. Несчастія преслѣдуютъ ихъ. Вотъ, недавно: одинъ болѣе зажиточный, былъ головой; всѣ его считали первымъ человѣкомъ, почетнымъ, уважаемымъ, а онъ деньги общественныя промоталъ и погибъ по собачьи, нашли его на дорогѣ мертвымъ: напился и умеръ. Другой опять богачъ того же рода подрѣзалъ себѣ горло. И такъ постоянно гибнутъ подъ тяжестью человѣческаго проклятія. Никто ихъ настоящимъ образомъ не почтетъ, не повѣритъ имъ. Худой крови люди, отъ худыхъ предковъ—говорятъ, «злодѣйское отродье» илять-ыччаттаръ—думаютъ. Дѣвка хорошаго рода ни за что въ этотъ родъ замужъ не пойдетъ. Люди смотрятъ на нихъ подозрительно. Такъ гибнетъ родъ, когда-то мощный, богатый, знаменитый. А родъ Тимиръ-Байтакана крѣпнетъ, богатѣетъ. Два рода собой наполнили и все ихъ прибываетъ и все имъ везетъ». (Нам. ул., 1891 г.).

Среди подобныхъ полуправдивыхъ разсказовъ есть и трогательные и юмористическіе. Разсказываются они обыкновенно при случаѣ, бойкимъ

разговорнымъ языкомъ. Поразительная отдѣлка подробностей станетъ въ ихъ понятной тому, кто видѣлъ, съ какимъ вниманіемъ выслушиваются и съ какой настойчивостью всегда требуютъ отъ разскащика якуты сообщенія всѣхъ мелочей и обстоятельствъ происшествія. Даже описывая случайно встрѣченнаго прохожаго, якутъ обязательно подмѣтитъ и сообщитъ: цвѣтъ его платья, форму его шляпы, опишетъ лицо, ноги, руки, походку, характерныя особенности, однимъ словомъ изобразитъ фигуру, тонко, детально, точно хорошую миньятюру. Эта детальность описанія находится, по всей вѣроятности, въ связи съ привычкой охотника и пастуха-кочевника зорко слѣдить за мельчайшими подробностями происходящихъ кругомъ явленій. Появленіе на горизонтѣ тучки, можетъ предвѣщать грозу, пургу; чуть замѣтный на землѣ слѣдъ указываетъ на сосѣдство звѣря или незнакомаго человѣка, возможно врага; рельефъ почвы, наклонъ ея въ ту или другую сторону даетъ возможность судить о близости воды и т. д. Такою же детальностью работы отличаются и крупные якутскіе разсказы: сказки, былины, исторіи. Главный фонъ написанъ обыкновенно довольно туманно, интрига или отсутствуетъ, или крайне проста; мораль неясна, мысль какъ бы не додѣлана, не додумана... Зато по этому фону выведены иногда такіе богатѣйшіе узоры, блещутъ такія живыя и своеобразныя краски, что любитель словесности остановится передъ ними, какъ передъ откровеніемъ, какъ передъ чѣмъ-то совершенно новымъ, напоминающимъ не то мавританскія арабески, не то чеканенныя золотомъ рунническія надписи и ероглифы. Этотъ слогъ, эта манера навряд ли создались здѣсь на сѣверѣ: въ нихъ черезъ-чуръ много разнообразія, черезъ-чуръ много солнца, пластики и страсти.

Слогъ сказокъ и былинъ разнится между собою и отличенъ отъ слога простыхъ преданій. Сторья (исторія), которая въ сущности ничто иное, какъ русская объякученная сказка, блѣднѣе всѣхъ остальныхъ по изложенію. Она переполнена руссицизмами и какая-то вялая въ дѣйствіи. Сторьи якуты считаютъ, если не чистой «правдой», то «полуправдой» и въ доказательство ссылаются на то, что «онѣ и въ книгахъ написаны и купцы ихъ знаютъ». (Намс. ул., 1890 г.).

Иногда героями сторьи являются дѣйствительно, историческія лица Петръ Великій, Александръ Македонскій [1]), чаще это общеизвѣстныя

[1]) Про Петра Великаго мнѣ разсказывали преданія и пѣли пѣсни Колымскіе казаки, называя его «незнамымъ человѣкомъ»; подъ тѣмъ же именемъ я встрѣчалъ его у якутовъ, ата суохъ киси—человѣкъ безъ имени; сырые суохъ киси—человѣкъ безъ лица; улаханъ атахъ киси — человѣкъ большаго имени. И казацкія и якутскія преданія были одинаковы. Помню одинъ эпизодъ. Петръ, никѣмъ не узнанный, является куда-то, не то къ странпику, не то къ врагу и бросаетъ въ котелокъ «щучью юкалу», которая въ ки-

повѣствованія объ Иванѣ Царевичѣ (Уйбанъ-Саребичъ), Дуракѣ (Акàры). Золотомъ человѣкѣ, Жаръ-птицѣ (Саръ-кылъ, Саръ-кётёръ), Морскомъ Царѣ (Байгалъ ырахтагы) и т. п. Сторья непосредственно примыкаетъ къ настоящей якутской сказкѣ кäпсäнь. Мотивы обѣихъ до того сплелись и смѣшались, что часто отдѣлить ихъ невозможно. Иногда одна половина сказки чисто якутская, а другая чисто русская сторья; иногда пристегнуто русское начало, иногда—конецъ; иногда перемѣшаны отрывки и той и другой, позаимствованы мотивы, лица, характеры, а иногда только ихъ названія. Самые остроумные якутскіе кäпсäнь, въ которыхъ больше всего замѣтно отличіе ихъ отъ сторьи и олонго (былины) это—сказки изъ животнаго міра. Худяковъ и Борисовъ записали въ Верхоян. улусѣ три разныхъ варіанта кäпсäнь, описывающихъ подъ видомъ перелетныхъ птицъ, развѣдываніе и заселеніе новыхъ мѣстъ якутами. Въ Намскомъ улусѣ мнѣ разсказывали такую же кäпсäнь, но я не записалъ ея, потому что она была почти слово въ слово такая же, какъ записанная Худяковымъ подъ названіемъ «Чирокъ и Беркутъ» [4]). За то въ томъ же Намскомъ улусѣ мнѣ удалось записать интересный отрывокъ животнаго эпоса: войну птицъ и четвероногихъ. Эпизодъ этотъ представляетъ введеніе къ длиннѣйшей *русской сказкѣ* позднѣйшаго происхожденія и пристегнутъ къ ней совершенно механически. Приведу его, какъ образецъ этого рода якутскаго творчества:

Крысій голова, война птицъ и четвероногихъ.

«Во главѣ міра, на пупѣ земли [2]) задумали основаться, построили крѣпость широкую, подѣлали ворота сводчатыя [3]), поставили девяносто складовъ, восемьдесятъ амбаровъ, а было ихъ всего семьдесятъ шесть крысъ да шестьдесятъ седьмой былъ «крысій голова». Былинками, корнями травы, растеніями, корешками, эти восемьдесятъ амбаровъ, девяносто складовъ наполнили полнехонько. Зазимовали. Не долго продолжалось согласіе. Поссорились, раздѣляя запасы. Одна на другую смотрѣть не можетъ, не оскаливая зубовъ, не ощетинившись. Разграбили склады, поѣли запасы, сидятъ каждая въ своей норѣ, израненная, исхудалая, голодная. Опять пришла весна, опять появилась пища, опять

пяткѣ оживаетъ и начинаетъ плавать. Одна пѣсня начинается словами: «Царя требуютъ въ сенатъ»...

[1]) Во время разсказа я провѣрялъ по книгѣ.

[2]) Характерно, что въ загадкахъ пупъ у человѣка такъ загадывается: «говорятъ среди вселенной стоитъ вбитый березовый колъ» (Худяковъ, стр. 31).

[3]) Такъ объясняли мнѣ непонятное слово дыбріесъ, изобразивъ форму ихъ изъ лучинокъ; думаю, что это испорченное русское—«дворецъ». Переводъ сказки сдѣланъ мною почти построчно.

стали собирать запасы. Сдѣлались умнѣе и, чтобы не случилось, какъ въ прошломъ году, задумали устроить «улусъ». Собрали собраніе, выбрали старшаго князя, назначили десятниковъ. Живутъ, работаютъ. Наполнили склады, сами разжирѣли, гладкой шерстью обросли, украсились. Прозимовали весело, сыто. Пришла весна, пришло тепло, растаяли снѣга, а послѣ Николы разлились воды, сдѣлался потопъ. Восемьдесятъ складовъ взломано, девяносто амбаровъ всплыло, размыта крѣпость широкая, затоплены ворота высокія; вода кругомъ шумитъ, бурлитъ. Взобрались крысы на самую высокую жердь изгороди, сидятъ рядышкомъ мокрыя, испуганныя. Вскорѣ и тамъ ихъ настигли волны, смыли и унесли. Спасался кто и какъ могъ въ этомъ замѣшательствѣ. Голова плавалъ, нырялъ, близокъ былъ смерти, поналъ случайно на «старшаго князя», взлезъ на него, вздохнулъ, сѣлъ и поѣхалъ. Плывутъ. Голова былъ тяжелый, жирный, извѣстно, богатый человѣкъ; не можетъ его поднять старшій князь, началъ захлебываться, говоритъ: «Почетный Голова! Господинъ нашъ, силы меня покинули, не могу больше! Пожалѣй моего дыханія! Слѣзь, прошу»! Голова не соглашается. «Какъ слѣзу? Если слѣзу, погибну»! отвѣчаетъ онъ. Начали барахтаться. Разно бывало: сидѣлъ «голова» на «князѣ», сидѣлъ и «князь» на «головѣ». А вода все ихъ несетъ, все плывутъ прямо на сѣверъ. Наконецъ, прибило ихъ теченіемъ къ гладкой, высокой скалѣ съ каменнымъ приступчикомъ въ одномъ только мѣстѣ. Выскочилъ голова на приступокъ, «князь» не можетъ, проситъ «голову» помочь. «Худо ты меня возилъ», отвѣтилъ тотъ, «ищи своей судьбы». Оттолкнулъ его палочкой отъ берега, быстрина подхватила князя и унесла на сѣверъ. Голова остался одинъ. Тутъ, наконецъ, отъ долгихъ бѣдствій, сознаніе его покинуло, дыханіе стало тонко, какъ волосокъ на лапѣ животнаго, страданія чрезмѣрно увеличились, кончина приблизилась, земля заколебалась, солнце померкло, лежитъ онъ чуть живой. Ушами прислушивается, про себя раздумываетъ. «Что-то будетъ? Что-то наступитъ»?! Вдругъ слышитъ нежданно-негаданно, кто-то подходитъ и говоритъ: «Сказывай, крысій голова! Ты ли это, имѣвшій во главѣ міра, на пупѣ земли обширную крѣпость и семьдесятъ шесть товарищей? Что съ тобой случилось? Какой духъ привелъ тебя сюда»? Крысій «голова» отвѣтилъ: «Кто ты такой, спрашивающій о моемъ происхожденіи и знающій меня»? — «Я — ужасная остро-мордая каменная мышь»! — «Крѣпкой защитой защити, толстымъ покровомъ окутай, теплой пищей накорми, съ движеніемъ міра познакомь, покажи ласковое солнце»!.. взмолилась крыса. «Эхъ! крысій голова! Ужасно жалѣю тебя! Но ты черезчуръ большой, я не смогу тебѣ помочь. Не подыму»! «Возьми меня, не оставляй»! просилъ голова. «Моя страна

далеко: по ту сторону неба достигающей горы, за восьмидесятью пропастями горъ-долинъ, за предѣломъ девяноста горъ-долинъ, вблизи травянаго моря, тамъ моя страна, тамъ моя земля, тамъ мое жилище! Если ты согласенъ, держись за мой хвостъ»! Голова послушался: схватилъ зубами мышиный хвостъ, лапы ей на спину положилъ. Мышь потащила его. Двадцать одинъ день путешествовали. Двадцать когтей изломали, четыре подошвы изорвали, порвали кожу на желудкѣ, добрались до краснаго мяса, добрались до бѣлыхъ костей. Такимъ образомъ, вползли на вершину горы. «Голова, пусти меня! Я притащила тебя, куда обѣщала! Пусти, а то оба погибнемъ. Хочешь погибай, хочешь не погибай, а меня пусти! Я не буду тащить тебя дальше, силы мои исчерпались. Пусти! Довольно»! говоритъ мышь. «Я бы тебя пустилъ, пріятель, по хорошій человѣкъ умираетъ съ впуздывающими (юнютъ), съ сѣдлающими лошадей (ынгырджытъ), съ окружающими (кюреляхъ), съ тѣлохранителями (харахыктахъ»)! отвѣтилъ крысій голова. «Гдѣ воронъ черный крачетъ, гдѣ черный воронъ кричитъ, по ту сторону чернаго утеса, въ черной тайгѣ хочешь меня бросить? Я не отпускаю тебя»! Сквозь восемьдесятъ пропастей, черезъ девяносто промоинъ, по семидесяти кочкамъ, потащила мышь крысу; ползя на брюхѣ, крыса совсѣмъ изранилась, изошло мясо, пленка лопнула, остался невредимымъ только траву поглощающій желудокъ. Силы ее покинули, сознаніе уменьшилось: она забылась и выпустила мышь. Много дней тутъ пролежала, наконецъ, открыла глаза, видитъ солнце восходитъ; пришла въ себя. Обвѣялъ ее запахъ травы, почувствовала голодъ. Взяла травы въ ротъ, поѣла, подкрѣпилась. Два дня и двѣ ночи пролежала такъ и не двигаясь, ѣла. Желудокъ наполнился, она поправилась. Изорванная кожа зажила, мясо заросло, обросла она шерстью. Стала она тучная Глазами смотритъ, разумомъ соображаетъ: «Что-то случится? Кто-то прійдетъ»!? Не приходилъ никто. «Страны лучшей, чѣмъ эта, не найду! такой теплой земли должно быть нѣтъ! Отдохнувши, можно здѣсь и умереть. Худо я раньше думала, худо поступала! Теперь, не имѣя обязанностей, будучи одна, устроюсь лучше. Черезчуръ широкое гнѣздо основала я, черезчуръ богато, черезчуръ роскошно я начала»! Восьмидесяти складовъ, девяносто амбаровъ она не устраивала, а только выкопала нору. Былинки травъ, корни растеній собирая, жила. Неожиданно какъ-то по утру прилетѣлъ вюрокъ-чечётка; присѣла и спрашиваетъ. «Во главѣ міра, на пупѣ земли имѣющая крѣпость широкую, съ высокими воротами, съ девяностами складами съ восьмюдесятью амбарами, семидесяти шести крысъ голова, здравствуй! Сказывай: какъ ты попала сюда и что съ тобой случилось»? «Здравствуй чечётка! Ты кто-же будешь, знающая меня»? «Я

чечётка сокомъ деревьевъ и травы питаюсь, летая? Земля моя въ верхнемъ помѣщается мірѣ! Отъ народа земли моей отставши, потеряла я сожителей, блуждая въ верхней странѣ. Накорми меня: ты, кажется, тутъ давно живешь»?! «Медъ и сокъ цвѣтовъ, употребляя, не захочешь ѣсть моихъ кореньевъ! Если согласна—садись»! Чечётка сѣла, покушала, отдохнула и говоритъ. «Ты крыса меня накормила, угостила, теперь я тебя своей пищей попотчую»! Улетѣла. Возвращается, несетъ смолу деревьевъ, сокъ цвѣтовъ, масло травъ. Попробовала крыса и понравилось ей. — «Вотъ ѣда, такъ ѣда!.. Дура я была, что ѣла коренья! Научи меня, чечётка, какъ такую пищу добывать»! Отвѣчаетъ ей чечётка. «Знаешь, составимъ компанію: ты будешь собирать травъ былинки, коренія и они нужны—а я медъ да соки цвѣтовъ»! Размышляетъ крыса: «Такая хорошая пища вмѣсто худой—конечно, барышъ»! Согласилась; поселились вмѣстѣ, живутъ. Ѣдятъ медъ, смолы, сладости, чечётка поетъ, суетится, летаетъ все спрашиваетъ крысу: «Хорошо-ли? Сладко ли? Видишь, если бы не я, никогда бы ты этого не попробовала»! Крыса молчитъ и собираетъ запасы. Жили согласно до Семенова дня, а по Семеновомъ днѣ на Иваповъ день выпалъ снѣгъ; цвѣты давно завяли, смола перестала сочиться, высохъ и застылъ сокъ въ травахъ. Перестала чечётка носить домой ѣду, сама летаетъ голодная, крыса должна ее кормить. Жаль стало крысѣ пищи, раздумываетъ: «если-бы я была одна, была бы сыта и хватило бы на всю зиму, а такъ—неизвѣстно»! Разсердилась крыса, стала птичкѣ выговаривать, ругать лѣнтяйкой, дармоѣдкой. Выгнала птичку. Та плакала, клалялась, доказывала, что теперь пищи не найти, что все снѣгомъ покрыто, вѣтромъ замѣтено, застыло. «Погубить меня хочешь! Куда пойду куда дѣнуся? Никуда не пойду. Останусь»! «Еще споришь, противишься, идти не хочешь» закричала крыса, схватила птичку за хохолъ, бросила на землю, избила, истоптала ногами, затѣмъ выбросила за дверь, говоря: «Быстроногая пегодяйка, дрянь изъ рода длинноногихъ, летающая собака, ты не будешь права больше человѣка»! «Крыса съ выступающими зубами! Отъ тебя собаки, что же другое будетъ?! Я умру, а ты останься»! отвѣтила чечётка и лишилась чувствъ. Крыса ничего не сказала, закрыла двери и легла въ гнѣздо. Чечётка лежитъ въ обморокѣ, думаетъ умирать, вдругъ слышитъ голосъ: «Кто тутъ можетъ лежать такимъ образомъ въ такомъ видѣ»? «Ты кто такой?» спрашиваетъ чечётка, чуть дыша. «Я чечётка перелетная»! «Сжалься надо мной, помоги»! Тутъ умирающая разсказала, какъ все случилось. Взяла ее пришлая чечётка понесла къ товарищамъ. Эти сейчасъ же созвали совѣтъ. Спрашиваютъ: «какъ и что, откуда и отчего»? Чечётка разсказываетъ, какъ было: «Съ крысьимъ головой, что нѣкогда

имѣлъ широкую крѣпость во главѣ міра, мы составили товарищество: я носила медъ, смолу, цвѣты, онъ собиралъ траву, былинки и коренья; жили мы весело, хорошо; ѣли мое, прятали его про запасъ (касасъ). Когда пришла зима онъ взялъ избилъ и прогналъ меня. Развѣ это хорошо? Развѣ онъ не негодяй»!? «Негодяй, негодяй»! закрычали чечётки. «Развѣ позволимъ этой зубастой четвероногой крысѣ обижать нашего родственника? Хотя она и голова, но есть и надъ нимъ начальникъ (басылыктахъ тоённохъ), есть и у насъ начальство»! Князь жолна приказываетъ господину дятлу, господинъ дятелъ распоряжается писарю-ворону, писарь-воронъ жалобу пишетъ, подаетъ головѣ ронжѣ. Голова прошеніе принялъ и собралъ собраніе: все, что летаетъ большое и маленькое, утокъ, журавлей, лебедей, гусей, всѣхъ, имѣющихъ крылья, плавающихъ и бѣгающихъ собралъ. Птицы согласно рѣшили вызвать крысу для разбора дѣла и постановленія приговора. Посылаетъ птицъ «начальникъ» къ крысамъ бумагу, чтобы доставили своего господина или сами наказали его. «Онъ былъ нашимъ начальникомъ, не можемъ его судить» отвѣтили крысы. Никто бумаги брать не хочетъ. Тогда послали бумагу къ головѣ четвероногихъ—зайцу. А «улусъ» ихъ состоитъ изъ лисицы-старшины, волка-князя, медвѣдя-писаря. И тѣ отказали наказать виновнаго. «Чечётка бродяга», говорятъ, «сама пришла къ крысѣ, тамъ ее кормили, наполняли желудокъ, теперь еще на нашего родственника жалуется». Возвратили бумагу птицамъ. Разгнѣванныя, взявши съ собою избитаго товарища, пошли птицы къ королю (ырахта) крылатыхъ Эксекю. Подаютъ прошеніе, показываютъ потерпѣвшаго, говорятъ: «Король нашъ и господинъ, посмотри, какую обиду причинила нашему человѣку крыса»! Разсказываютъ обстоятельно, показываютъ воочью синяки и раны. «Высоко-ученый, мудро-главый, хорошо разсуждающій, сильный независимымъ мнѣніемъ, по суровымъ твоимъ приказамъ, по писаннымъ непреложно законамъ строгій судъ вѣщай, суди насъ»!

Посылаетъ Эксекю писаря ворона къ королю четвероногихъ, льву (хахай), съ письмомъ, просить наказать виновнаго. Левъ письмо прочелъ, сильно разгнѣвался, желтую шерсть ощетинилъ, гриву взъерошилъ, когти выпустилъ, зубы оскалилъ, говоритъ: «Эись! Мы, мудро-головый, хорошо разсуждающій, сильный независимымъ мнѣніемъ! Эись! Снисходительно повелѣвая, господинъ нашъ приказываетъ намъ это ничтожное дѣло судить. Судить не буду»! Возвращается воронъ съ отказомъ. Что услышалъ, разсказываетъ, отъ себя добавляетъ: «На свѣтѣ рожденнымъ жить не дающій, подъ солнцемъ ходящимъ дышать не позволяющій» сказалъ: раскрытыя глотки, дѣти проклятаго Улутоёна, такое ничтожное

дѣло подымаете! Жалобы не принялъ, не судилъ»! Услышавши, разсердился Эксекю. Изъ своего чернью выложеннаго города, изъ своего серебрянаго съ чернью жилища вылетѣлъ, выше облака бѣлаго, ниже неба голубого, шумя двумя крыльями, точно молніями, полетѣлъ ко льву. Левъ тоже собралъ свою здоровенную дружину, многое войско, на погахъ бѣгающаго силача-медвѣдя, четвероногаго бойца-волка. Прилетѣлъ Эксекю, сѣлъ на холмъ. «Здорово, левъ»! «Здорово, отецъ живущихъ вверху! Зачѣмъ прилетѣлъ»? «Я прилетѣлъ посмотрѣть, что ты для меня за владыка? Я прилетѣлъ убить тебя!»... Бросился левъ на Эксекю, съ ревомъ, оскаливъ зубы, бросились волки и медвѣди на птицъ. Эксекю заревѣлъ, дунулъ и все войско льва разсѣялось, точно мгла. «Войско оставило меня, остался еще я!... Поборемся»! заревѣлъ левъ, подпрыгнулъ, повернулся и шарикомъ, что имѣетъ на концѣ хвоста, ударилъ царя-птицу, перешибъ ему крыло и ребро. Раненый Эксекю, однако, не уступилъ. Начали биться. Съ той стороны восьми морей, на другомъ берегу девяти океановъ, посерединѣ бездоннаго моря, истронутыя горы рушились, бездонныя глуби заколебалися. Морскія рыбы въ темный лѣсъ ушли, черные лѣсные бѣгунцы въ море скрылись, все кругомъ разрушилось, потонуло въ пучинѣ. Только далеко живущіе люди и скотъ уцѣлѣли. Долго дрались они, наконецъ схватилъ Эксекю льва за горло и разорвалъ его. Левъ заревѣлъ и умеръ». (Намскій ул., 1891 г.).

Форма кäпсäнь устойчивѣе сторья. Послѣднюю можно просто пересказывать своими словами, между тѣмъ, какъ въ кäпсäнь много архаическихъ выраженій и сказочныхъ оборотовъ, которые обязательно выучивать наизустъ. Это облегчаетъ запоминаніе сказокъ, такъ какъ эти обороты по большей части тождественны во всѣхъ сказкахъ. То же замѣчается и въ олонго. На это обстоятельство обратилъ въ свое время вниманіе и Миддендорфъ [1]).

Изъ болѣе распространенныхъ кäпсäнь извѣстны мнѣ: «Чарчаханъ съ товарищами» [2]), «Низенькая старушка съ пятью корова-

[1]) Ibid., стр. 792.

[2]) Чарчаханъ догордохъ: Кылъ-кюöмäі-киси (Волосяное-горло-человѣкъ). Сäбирдäхъ-тюöсъ-киси (Древо-листая грудь человѣкъ), Сытыганъ-öттюкъ-киси (Гнилое-бедро-человѣкъ), Хабахъ-мäјі-киси (Пузырь-голова человѣкъ), Отъ-атахъ-киси (Травяныя-ноги человѣкъ), Отъ-сыали-киси (Травяныя штаны человѣкъ). Эту сказку я слышалъ и въ Колымскомъ, и въ Намскомъ, и въ Баягантайскомъ улусахъ. Худяковъ записалъ ее въ Верхоянскомъ. Она сильно по сюжету напоминаетъ подробную разработку нашихъ присказокъ: «и я тамъ былъ медъ и вино пилъ; по губамъ текло въ ротъ не попало; были на мнѣ сапоги стеклянныя, топнулъ—разбились; было платье масляное, сталъ грѣться—растаяло, спрятался голый въ пушку—выстрѣлили»... Въ варіантѣ слышанномъ мною въ Намскомъ улусѣ «Травяныя-штаны» замѣнены «Масляными-штанами» (Арыс ыалы). Мнѣ

ми» [1]), и «Олонъ-Долонъ» [2]). Двѣ первыя очень распространенны, послѣднюю знаютъ рѣже, но все-таки она болѣе распространена, чѣмъ очень интересная сказка, записанная Худяковымъ «Ураныканъ-старикъ» Ураныканъ-огоніоръ, про которую изъ спрошенныхъ мною сказочниковъ слыхалъ только одинъ и тотъ хорошо разсказать не могъ.

Кäпсäнь отличаются отъ настоящихъ былинъ, олонго, большей краткостью, большей современностью и пошлостью сюжета, а также большей простотой языка. Кäпсäнь никогда не поется. Въ нихъ не принято пѣть даже мѣста риомованныя и сложенныя стихами. Есть, впрочемъ, такія кäпсäнь, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считаются за олонго и поются [3]). Внутренняя связь многихъ сказокъ съ олонго еще тѣснѣе. Лица, дѣйствующія въ тѣхъ и другихъ часто тождественны. Къ такимъ принадлежатъ: «Похвальный-почетный Кровяной Глазъ» Хаягамсыкъ-Канъ-Харахъ-Ханъ-Тоёнъ, «Украшеніе старуха» Симаксинъ-Эмаксинъ, «Совѣтъ-подающій — бесѣда старикъ» Сяркань-Сясянь-огоніоръ; сказочный звѣрь «небесный» Мякъ-Тугуй съ тремя рядомъ на пупѣ расположенными ногами, юсь-собурга-атахтахъ халланъ Мякъ Тугуй, сказочная птица Эксекю, желѣзный трехъ-гранный-быстро-ходящій Катыграсъ-Бараччи, змѣй Могой, обжора Мангысъ, и т. п., не говоря уже о Юрюнгъ-Аи-Тангара и Улу-Тоёнѣ съ ихъ приближенными и сподручными, постоянно вводимыми въ повѣствованіе. Примѣсь этой миоологіи въ олонго значительно болѣе чѣмъ въ кäпсäнь. Многіе обороты, цѣлые отрывки и въ кäпсäнь и въ олонго тождественны: описаніе красавицы, описаніе битвы богатырей, описаніе сказочнаго жилища, полетъ птицъ и чудовищъ и т. п. выражены въ большинствѣ случаевъ въ тѣхъ же словахъ. Не смотря на то, у кäпсäнь и у олонго есть у каждой особый свой «стиль». Якуты считаютъ признакомъ дурнаго вкуса, если сказочникъ въ кäпсäнь *въ неуказанномъ мѣстѣ* вставляетъ былинные обороты и позволяетъ себѣ безъ разбору смѣшивать обѣ формы. (Намск. ул., 1890 г.).

Олонго самая установившаяся и закопченная изъ формъ якутскаго народнаго творчества; въ ней личному творчеству отведено меньше всего мѣста. Къ точному заучиванію и дословной передачѣ олонго побуждаетъ и то, что онѣ густо унизаны аллитераціями и стихами.

не удалось записать этой сказки полностью, но она, на сколько помню, почти и не отличалась отъ варіанта, записаннаго Худяковымъ (стр. 234).

[1]) Бесь ынахтахъ Бяй-Бяриканъ эмяхсинъ. Худяковъ, стр. 80.

[2]) Монгольскія слова, значатъ: «Много семь».

[3]) Къ такимъ принадлежитъ 7-я сказка Худяковскаго Сбор. «Старуха со старикомъ» (Огоніордохъ эмахсинъ).

Языкъ олонго дышетъ древностью. Кромѣ массы словъ устарѣлыхъ, вышедшихъ изъ употребленія, но не потерявшихъ окончательно смысла, попадаются слова монгольскія (особенно въ титулахъ богатырей и названіи ихъ коней), тунгускія и какія-то «безродныя» въ родѣ: дуура, кудукъ, содасъ, сургуй, сюлюгясь, домъ и т. д. Ихъ не понимаютъ сами разскащики, тѣмъ не менѣе они упорно повторяютъ ихъ въ извѣстныхъ оборотахъ. Ихъ не нужно смѣшивать съ знаменитыми «украшеніями выраженій» (тылъ хосона кёргёлякъ). Послѣднія, это — вставки, повторенія и грамматическія вольности, въ родѣ русскихъ: «да», «ка», «съ», «воспроговорилъ», «рыкучій», «сыръ-дубъ», «учалъ-почалъ», «посы-по-носъ», «пяту-пяту» и т. д., допускаемыя ради стихотворнаго размѣра или усиленія характерной черты. Выше упомянутыя якутскія слова представляютъ, нужно думать, слѣды путешествія былинъ въ прошломъ. Личныя особенности богатырей якутскаго эпоса очерчены блѣдно, характеры ихъ однообразны, за то природа описана тамъ иногда неподражаемо, а подробности и внѣшняя отдѣлка всякаго событія достигаютъ истинно художественной чистоты и изящества. Дѣлать какія либо заключенія о происхожденіи и родствѣ якутскихъ былинъ теперь—невозможно; онѣ не изучены, записано ихъ мало; знаніе якутскаго языка даже среди тюркологовъ рѣдко. Иныя якутскія былины представляютъ цѣлые циклы, связанные тождествомъ лицъ или ихъ кровной близостью. Къ такимъ принадлежитъ, напримѣръ, циклъ Ханъ-Джаргыстай, записанный Худяковымъ. Н. Гороховъ въ примѣчаніяхъ къ приведенному имъ варіанту первой части этого цикла къ олонго Юрюнгъ-Уоланъ говоритъ, что это самая обработанная и популярная изъ извѣстныхъ ему олонго [1]). Разсказъ такихъ сложныхъ олонго длится въ продолженіе многихъ вечеровъ. Извѣстный верхоянскій сказочникъ Маньчары, со словъ котораго Худяковъ записалъ многія свои сказки, хвалился передо мною, что онъ знаетъ такую олонго, которую можно разсказывать *мьсяцъ*. (Верхоянскъ, 1881 г.).

Предметомъ олонго въ большинствѣ случаевъ служитъ повѣствованіе о приключеніяхъ, битвахъ, удачахъ и неудачахъ «богатыря», разъѣзжающаго по бѣлу свѣту, въ поискахъ «доли». Иногда онъ уѣзжаетъ изъ дому побуждаемый долгомъ, обязанностью родовой мести за сестру, брата, друга или отца, иногда отыскиваетъ себѣ жену «среди иноплеменныхъ», а иногда уѣзжаетъ неизвѣстно почему. Такъ безъ всякой ви-

[1]) Извѣстія Вос. Сиб. Отд. Импер. Русск. Геогр. Об., годъ 1884. I, XV, № 5—6, стр. 54. Варіантъ этой сказки былъ изданъ раньше, чѣмъ была розыскана Г. Н. Потаниномъ рукопись Худякова.

димой причины: уѣзжаетъ испробовать «крѣпость своихъ костей, силу мышцъ» [1]).

Такъ поступаетъ въ олонго Беръ-Хара герой того же имени, одаренный всѣмъ, чего можетъ желать душа якута. Онъ пытаетъ свое счастье «и каждое утро и вечеръ на зарѣ выходитъ изъ дому и, держа кверху свой острый мечъ, съ высокаго неба проситъ бѣды, съ широкаго неба наказанія, съ почтеннаго страшнаго неба кроваваго пораженія, съ западнаго неба разоренія». А когда все это не является, онъ самъ идетъ на встрѣчу несчастію. Пытаетъ свою судьбу огнемъ, желѣзомъ, водою и выходитъ невредимъ. «Нечего мнѣ, вижу, больше ждать»! говоритъ онъ съ тоскою, но тутъ же гибнетъ отъ дуновенія вѣтра [2]).

Герою былины всегда придаютъ титулъ батыръ, богатыръ или боготуръ. Онъ надѣленъ множествомъ необыкновенныхъ качествъ, добродѣтелей и рѣдкой красотою. Въ началѣ пути онъ обыкновенно легковѣренъ, хвастливъ, задоренъ, за что и платится. Только послѣ тяжелыхъ испытаній онъ возвращается на родину торжествующимъ побѣдителемъ. Онъ называется въ былинѣ «рѣзвымъ уранхайцемъ», «любимымъ сыномъ Бѣлаго Господа Бога», «якутомъ (саха) съ бѣлымъ прерывистымъ дыханіемъ», ему принадлежатъ всѣ симпатіи слушателей и разсказчика. Ему противупоставляется абасы, злой духъ — необычайной величины, страшной наружности, злой, жестокій, хищный. Абасы былинъ не нужно смѣшивать съ шаманскими абасы. Въ числѣ послѣднихъ я никогда не встрѣчалъ именъ злыхъ духовъ олонго, хотя эпическіе «злые герои» часто ссылаются на родство съ Улу-тоёномъ, шаманами и т. п., и взываютъ къ нимъ. Все это слѣдуетъ понимать также, какъ обращенія къ «Создателю и Богу Отцу» добраго героя, какъ обращеніе его къ сочувствующимъ ему бѣлымъ шаманамъ. Спрошенные мною по этому поводу шаманы прямо говорили:

«Наши абасы (злые духи) другіе, а олонго абасы—другіе». (Намскій улусъ, 1890 г.).

Смѣшеніе ихъ повело бы къ такимъ же ошибкамъ, какъ напримѣръ помѣщеніе Тугарина, Идолища-поганаго, Горыныча и Шарку въ славянскомъ пантеонѣ въ ряду хотя бы съ Марицей, или Лелюмъ-Полелюмъ.

Абасы олонго—люди, враги якутовъ. Они живутъ, какъ люди, борятся съ героями изъ-за обладанія женщинами, грабятъ у нихъ скотъ, владѣютъ имуществомъ, домами и стадами. Даже душевныя ихъ каче-

[1]) «Ханъ-Джаргыстай» (Худяковъ, стр. 217).

[2]) Худяковъ, 95 стр. Въ олонго Айданъ-батыръ (Шумный) и Иренъ-батыръ (Бѣшеный) завязкой послужило какое-то темное непонятное убійство старшаго брата младшимъ. Разсказывали мнѣ ее въ Намскомъ улусѣ въ 1890 г. Это не длинная, красивая былина.

ства ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ качествъ добрыхъ героевъ: и тѣ и другіе равно хитры, вспыльчивы, алчны, жестоки, только одного изъ нихъ любитъ разсказчикъ, а другого — нѣтъ. Въ олонго Ханъ-Джаргыстай такой абасы (дьяволъ) Ексюкюляхъ Бякистай, послѣ продолжительнаго боя заключаетъ миръ съ добрымъ героемъ и они живутъ вмѣстѣ въ большой дружбѣ и согласіи. «Стало три старыхъ дома (Бѣлаго юноши, Кёнчё-Бёгё, Кытыграсъ-Бараччи), а четвертымъ сталъ домъ, гдѣ жили вмѣстѣ Ханъ-Джаргыстай и Ексюкюляхъ-Бюкюстяй. «Распорядительность работъ у этихъ людей, крѣпость всего сдѣланнаго ими, скорость ихъ походки, изобиліе ихъ добычи на охотѣ, доброкачественность ихъ совѣсти, кротость ихъ мысли, умъ и память ихъ были просто лучше всѣхъ. Всякій могъ-бы желать и удивляться ихъ дружбѣ. Если одного изъ нихъ нѣтъ, то другой не ѣстъ, если одинъ изъ нихъ какъ нибудь запоздаетъ, то другой не спитъ, а сидитъ въ печали, говоря: «Что, молъ, сдѣлалось съ моимъ другомъ»? Живутъ поживаютъ эти люди сыто, богато, прекрасно, пресчастливо» [1]).

Внѣшность этихъ абасы, ихъ вооруженіе, хотя отличное отъ якутскаго, чужестранное, но человѣческіе. Въ нѣкоторыхъ олонго ихъ зовутъ даже нучча (русскій), хоро [2]) или омукъ (тунгусъ) [3]). Роль злыхъ и добрыхъ духовъ и боговъ, въ родѣ «Возсѣдающаго на бѣломолочномъ тронѣ бѣлаго создателя Бога» или «Ужасно высоко чтимаго грозно-стремительнаго, просыпающагося съ вздрагиваніемъ Улу-тоёна» и сонма ихъ прислужниковъ, подвластныхъ и родственныхъ духовъ, въ якутскомъ олонго совсѣмъ особая, такая же почти, какъ роль греческихъ боговъ въ Иліадѣ. Они интересуются дѣлами своихъ любимцевъ, помогаютъ имъ совѣтами, дарятъ оружіе, коня, лечатъ ихъ раны, возвращаютъ имъ жизнь, но ничего существеннаго измѣнить въ ихъ судьбѣ не могутъ. Что-то болѣе крѣпкое самихъ боговъ лежитъ въ основѣ якутской эпической драмы. Но это не *рокъ*, а скорѣе живая, дѣятельная человѣческая *воля*.

Рис. 148. Музыкальный инструментъ хамысъ.

[1]) Худяк. Сборн., 216 стр.

[2]) Худяковъ, стр. 201.

[3]) Потанинъ, Очер. С.-Зап. Монг. Вып. IV, стр. 638, тунгусы Аджарманъ-Джаджарманъ, въ олонго—Боско; Аджарманъ-Джаджарманъ фигурируетъ во многихъ другихъ олонго.

Рис. 149. Могила князя Долгуйбатъ-Болтай, мѣстность Быдангы, наслегъ Алтанскій Мегенскаго улуса [1]).

XV. Вѣрованія.

Якуты любятъ жизнь и высоко цѣнятъ сегодняшній день, но завтра, особенно *то*, что наступитъ послѣ смерти, не особенно ихъ занимаетъ. Представленіе о цѣли существованія и о будущности всего живущаго, о концѣ міра, о томъ, что происходитъ съ человѣкомъ послѣ кончины, разработано у нихъ относительно слабо, и даже то немногое, что они объ этомъ предметѣ заимствовали вмѣстѣ съ христіанствомъ у русскихъ, въ умахъ ихъ какъ-то заглохло, потускнѣло и отодвинулось на задній планъ. Исключая блѣднаго, исковерканнаго, библейскаго пересказа о «свѣто-преставленіи», о «раѣ» и «адѣ», у нихъ нѣтъ почти другихъ повѣрій, касающихся связи между земной и загробной жизнью въ смыслѣ *кары* и *награды* [2]).

[1]) По преданію во время его похоронъ было зажпво зарыто 10 лошадей. Поминки его до сихъ поръ справляются нѣкоторыми семьями.

[2]) Характерно слѣдующее изображеніе дурныхъ мѣстъ, отвѣчающихъ нашему аду и душъ живущихъ тамъ: «сквозь восемь рядовъ неба на западной сторонѣ, гдѣ пѣтъ дня, а все темная ночь; гдѣ нѣтъ лѣта, а свиститъ одинъ зимній вѣтеръ; съ поворотнымъ худымъ неправильнымъ обращеніемъ опрокинутаго темно-почнаго солнца, съ обратнымъ поворотомъ криваго мѣсяца, *съ невышедшими замужъ вѣчными дѣвками*, съ *неженящимися* парнями, съ жеребцами, которыхъ не подпускали къ себѣ кобылы, съ быками которыхъ не под-

Никакихъ особенныхъ ужасовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ надеждъ и упованій, все по ту сторону могилы гадко и скверно; и однако, не смотря на это, а можетъ быть даже благодаря этому, якуты, отъ природы робкіе, смерть, если она является не насильственной, а неизбѣжной, естественной кончиной жизни, встрѣчаютъ спокойно, почти безстрашно.

«Свершилось!.. кончилось!... пришелъ конецъ» — шепчетъ умирающій якутъ съ какой-то мрачной покорностью. Прежде всего старается узнать у врача, духовника, шамана, невзначай спрошеннаго ребенка и, вообще, у всякаго, кто по его мнѣнію способенъ *предвидѣть будущее*, дѣйствительно-ли это «конецъ», и нѣтъ-ли для него еще какой-либо лазейки, или долженъ онъ такъ-таки непремѣнно умереть? Я не замѣтилъ, чтобы отвѣты, какіе-бы они ни были, сильно волновали умирающихъ. Разъ я былъ свидѣтелемъ въ высшей степени болѣзненно подѣйствовавшей на меня сцены, которая, повидимому, не произвела на присутствовавшихъ якутовъ особаго впечатлѣнія. Умирала молодая, 22-хъ-лѣтняя, красивая, свѣжая и страстно желавшая жить женщина; она все колебалась между страхомъ, что это дѣйствительно «пришелъ конецъ», и надеждой, что этого случиться не можетъ, что это невѣроятно, чтобы она умерла, почти не жившн, въ то время, когда она помнитъ себя еще такъ недавно веселой и здоровой; все это она высказывала окружающимъ, спрашивая ихъ мнѣнія; никто не рѣшался отвѣтить опредѣленно; шаманъ обѣщалъ благополучный исходъ болѣзни, но умирающая ему почему-то не вѣрила и вдругъ она, пожелавши устранить свои сомнѣнія, позвала своего маленькаго 4-хъ-лѣтняго ребенка и спросила его рѣзко и неожиданно: умру-ли я? Якутенокъ долго стоялъ молча и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на мать; я видѣлъ, какъ дрожали руки и губы послѣдней, какъ пронизывающе и умоляюще смотрѣли черные глаза на личико ребенка, но лишь только, ободряемый присутствующими, онъ сказалъ: «ты умрешь»!—больная успокоилась; она приказала подать себѣ свои лучшія платья, приготовить лучшія блюда, умылась, одѣлась, причесалась, отвѣдала кушаній, затѣмъ легла и, ласково разговаривая съ присутствующими и одаривая ихъ разными принадлежащими ей вещами, чтобы они поминали ее *добромъ*, стала спокойно ждать агоніи. Обычай дарить передъ смертью знакомыхъ распространенъ среди якутовъ и называется кэрэскѣ. Дарятъ скотъ, посуду, рѣже—платье и деньги; посмертное, обязательное, по понятіямъ якутовъ, омовеніе, дѣлаютъ часто,

пускали коровы, съ такимъ каменно-желѣзнымъ домомъ, гдѣ сверху узко, снизу разостлано, а въ серединѣ толсто». (Худяковъ, стр. 134).

особенно женщины, *до кончины*, чтобы избавить отъ лишнихъ хлопотъ и непріятной возни съ трупомъ близкихъ; одѣваніе въ смертную одежду, которая даже у самыхъ бѣдныхъ припасается на тотъ случай новая, почти не ношенная, тоже часто совершается заживо. (Баягантай, 1886). Такое спокойное поведеніе въ послѣднія минуты жизни я замѣчалъ почти повсюду у якутовъ; когда якутъ убѣждается, что эти минуты дѣйствительно послѣднія, онъ старается провести ихъ съ возможнымъ для себя *удовольствіемъ*—и только.

«Попили мнѣ топленаго масла, водки и мяса, если они у тебя есть... Я умираю и хочу еще разъ попробовать здѣсь на землѣ хорошихъ вещей»! просилъ меня черезъ посланныхъ родственниковъ мой сосѣдъ, бѣднякъ плотникъ Марсатынгъ (Намскій ул., 1887 г.). Два богача, смерть которыхъ я имѣлъ случай наблюдать вблизи, одинъ Винокуровъ въ Верхоянскѣ, другой Сыромятниковъ въ Баягантайскомъ улусѣ—оба за нѣсколько часовъ до смерти, убѣдившись въ ея неизбѣжности, приказали убить своихъ любимыхъ коней, ѣли ихъ мясо и веселились съ домочадцами. Нигдѣ и никогда я не наблюдалъ, и не слыхалъ отъ якутовъ, чтобы они горевали или раскаявались за плохо прожитую жизнь, или сожалѣли о разлукѣ съ близкими, или надѣялись на скорое съ ними на томъ свѣтѣ свиданіе, а тѣмъ паче — ожидали чего-то лучшаго за гробомъ, что такъ часто приходится видѣть у арійцевъ на ихъ смертномъ одрѣ. Самое большее, чего ожидаетъ и желаетъ якутъ, это—лежать спокойно, ледянымъ истуканомъ, въ глубинѣ родной, ледяной земли, недалеко отъ той мѣстности, гдѣ онъ прожилъ жизнь, и чувствовать надъ собою деревянный крестъ и деревянную-же могильную плиту, положенную тамъ руками нѣкогда любимыхъ имъ лицъ. Одно, о чемъ дѣйствительно заботится онъ, это—чтобы какая-либо скотина была убитой сейчасъ-же послѣ его кончины, потому что на ней или вмѣстѣ съ ней онъ долженъ совершить свой путь въ преисподнюю. Съ этой цѣлью для мужчинъ убиваютъ быковъ и лошадей, а для женщинъ коровъ, телокъ и телятъ если зажиточность умершаго дозволяетъ выборъ, то, конечно, отдаютъ предпочтеніе скотинѣ ѣзжалой, обученной, годной для ѣзды верхомъ и прежде всего жирной; коровъ и телятъ души умершихъ принуждены будутъ гнать передъ собой хворостиной или тащить за обмотанную вокругъ роговъ веревку, что сопряжено съ нѣкоторымъ неудобствомъ. (Алданъ. Баягантайс. ул., 1885). Бѣдняки убиваютъ самый малоцѣнный изъ имѣющагося у нихъ скота, на сѣверѣ часто убиваютъ оленей, но убиваютъ-ли ѣздовыхъ собакъ—этого я не знаю; кажется, нѣтъ. Мясомъ убитой скотины кормятъ рабочихъ, дѣлающихъ гробъ и роющихъ могилу, кормятъ грамотѣя, читающаго

надъ умершимъ псалтырь, а также сосѣдей, посѣщающихъ домъ въ это время. Обычай этотъ называется, смотря по мѣстности, гдѣ хайлыга, гдѣ халиге. На сѣверѣ, гдѣ вообще обычаи сохранились лучше и исполняются точнѣе, даже наиболѣе бѣдныя семьи стараются раздобыть для хайлыга своего члена какое-нибудь животное, будь это даже сосунъ-теленокъ; иногда убиваютъ ради хайлыга послѣднюю коровенку.

«Если ты хочешь, чтобы мы панялись», говорили якуты Кеньюряхской станціи казаку, хлопотавшему объ устройствѣ памятника на могилѣ своего брата, умершаго въ пути въ этой мѣстности, «то ты долженъ убить животное, теленка или оленя. На могилѣ твоего брата не было пролито крови и мы боимся»! (Верхоянскій округъ, 1884 г.). Если умретъ зажиточный хозяинъ, а родственники справятъ по немъ плохое хайлыга, то на томъ свѣтѣ черти будутъ гонять и мучить его душу, приговаривая [1]): «Это-ли твоя скотина?.. Маленькая... Это-ли твоя смерть. Хайлыга!? (Намскій ул., 1884 г.). Когда душа, не смотря на предсмертное пиршество, на ожидаемое хайлыга и другія утѣшенія, не хочетъ уйти, и умирающій мучится въ продолжительной агоніи, тогда тутъ же у кровати ставятъ чашку съ водой, «чтобы душа передъ уходомъ имѣла возможность выкупаться». (Намск. ул., 1888 г.).

Но вотъ человѣкъ умеръ; его одѣваютъ и укладываютъ въ красномъ углу на скамью, гдѣ онъ лежитъ три дня. Въ эти дни справляютъ обряды православной церкви, читаютъ псалтырь, жгутъ восковыя свѣчи, кадятъ ладономъ и т. д.; въ тоже время дѣлаютъ гробъ и роютъ могилу. Могила должна быть глубокая (стараются обыкновенно дойти до материковаго неоттаивающаго льда), почти всегда сажень съ лишнимъ; это затѣмъ, чтобы тѣло и одѣяніе сохранились въ цѣлости возможно дольше.

«Не ловко будетъ человѣку, когда затрубитъ ангелъ, являться передъ другими съ отгнившимъ мясомъ и въ порванномъ платьѣ», толковали мнѣ алданскіе якуты, передавая скудный пересказъ библейскаго повѣствованія о воскресеніи мертвыхъ. Вотъ этотъ пересказъ:

«Когда придетъ «послѣдній тысенча», тогда ангелъ трубалахъ (съ трубою) пролетитъ, трубя надъ землею, и прійдетъ большая вода, и разрушитъ землю, и тѣла умершихъ всплывутъ. Поэтому нужно мертвыхъ хоронить глубоко, на три аршина подъ землей, чтобы они не гнили, смердящихъ ангелъ не любитъ и убѣжитъ; глубже хоронить ихъ тоже опасно, такъ какъ пѣніе ангела слышно только на три аршина. Если надъ могилой не будетъ креста и памятника, то ангелъ не будетъ знать,

[1]) Сюсюнъ бу ду?! Аччыгый! Өлюмъ бу ду? Хайлыгамъ?!

что здѣсь похороненъ человѣкъ; вотъ зачѣмъ мы ставимъ надъ могилами знаки». (Алданъ. Баягантайс. ул., 1885 г.). Усопшаго одѣваютъ по возможности во все новое, старательно удаляя съ платья металлическія украшенія: пуговицы, пряжки, застежки, и замѣняя ихъ завязками изъ кожи или растительныхъ волоконъ. Оставляютъ только шейный крестъ да обручальное кольцо, а у женщинъ—серьги, но вещи эти отнюдь не должны быть серебряныя, а мѣдныя; болѣе щепетильные дѣлаютъ ихъ даже изъ дерева.

Когда гробъ готовъ, тѣло укладываютъ въ него и прикрываютъ бѣлымъ коленкоромъ; въ лѣвую руку вкладываютъ мертвецу паспѣртъ (паспортъ), чтобы душа прійдя къ Аи-Тоёну была принята въ ырэй (рай), гдѣ она будетъ жить, какъ на землѣ. Въ противномъ случаѣ ему скажутъ: «другъ, ты заблудился» догоръ, муммукку*нгъ*, и онъ долженъ отправляться «за сорокъ четыре земли» тертъ уонъ тертъ путиярстма, гдѣ живутъ черти. (Алданъ. Баягант. ул., 1885 г.). На третій день утромъ заколоченный гробъ уносятъ или увозятъ на быкѣ—никогда на лошади—на могилки; гроба никто не провожаетъ, исключая носильщиковъ и могильщика, да и тѣ торопятся скорѣе окончить свое дѣло и убѣжать домой; возвращаясь, они ни за что не станутъ оглядываться назадъ, а входя въ ворота или двери дома, проходятъ сами и проводятъ животныхъ, на которыхъ везли мертвеца, черезъ огонь костра, разведеннаго на щепкахъ и стружкахъ, оставшихся отъ гроба, и на соломѣ изъ подъ трупа. Лопаты, сани, носилки и вообще все то, что такъ или иначе служило для погребенія, ломаютъ и оставляютъ на могилахъ; если хоронили ребенка, то тутъ же, на деревѣ, вѣшаютъ его люльку и оставляютъ игрушки.

Раньше оставляли на могилѣ пищу, упряжь, сбрую, оружіе, посуду и другіе предметы необходимаго обихода; теперь обычай этотъ вывелся; на сѣверѣ, на старыхъ могилахъ я часто находилъ проржавленные, поломанные котлы, ножи, острія копій, наконечники стрѣлъ, стремена и кольца отъ сбруи и сѣделъ; все это изломанное, продыравленное, испорченное, затѣмъ, какъ объяснили мнѣ жители, «чтобы мертвые не могли ими вредить живымъ». (Колым. округъ, 1883 г.).

Шамановъ и шаманокъ хоронятъ точно такимъ же образомъ, какъ и обыкновенныхъ людей, только безъ церковныхъ церемоній, гдѣ нибудь въ глухомъ, заброшенномъ уголку, въ рощѣ, или на лѣсномъ бугрѣ, тумулъ, мѣстѣ, особенно излюбленномъ духами и шаманами; на деревѣ вблизи могилы вѣшаютъ бубенъ и волшебное одѣяніе умершаго. (Намскій ул., 1889 г.). Хоронятъ ихъ торопливо, ночью или подъ вечеръ, а мѣсть, гдѣ они похоронены, впослѣдствіи старательно избѣгаютъ.

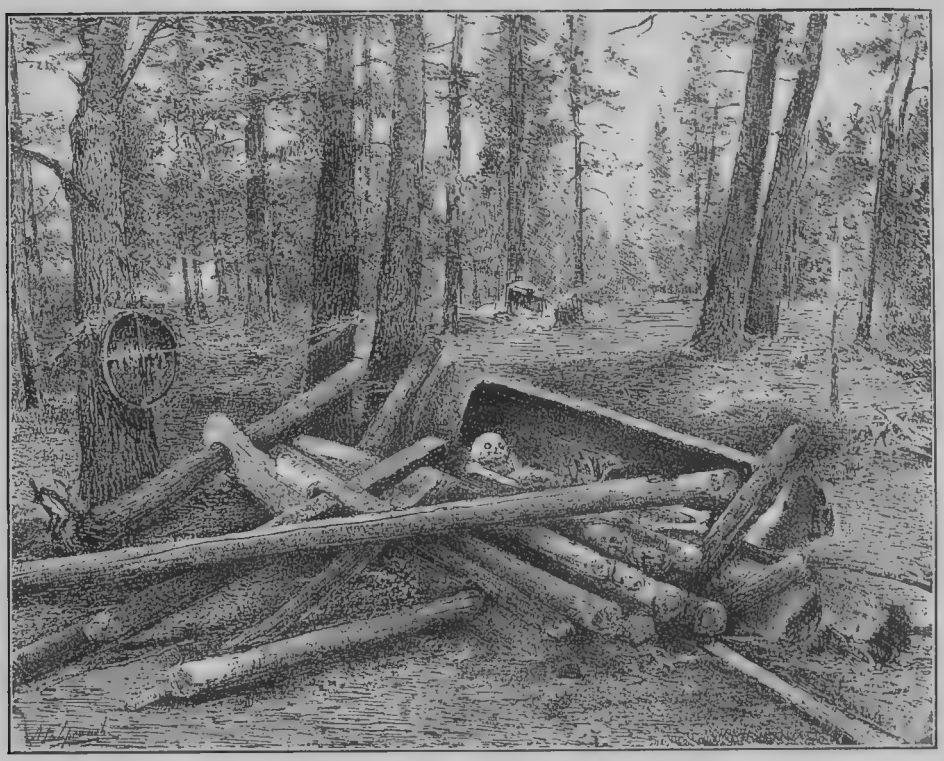


Рис. 150. Аранкасъ шамана Тюнгюлю, на западномъ берегу оз. Юлюнях ъ, въ 50 вер. отъ Якутска.

Вообще мертвое тѣло, покуда оно не зарыто, внушаетъ якутамъ много опасенія; оно производитъ во всей природѣ замѣшательство: подымаетъ вѣтры, мятели, непогоду; а если это, вдобавокъ, тѣло шамана, то всѣ эти явленія достигаютъ необыкновенныхъ размѣровъ. (Намскій ул., 1888 г.). Если *послѣ похоронъ* подуетъ вѣтеръ, то это хорошо, потому что онъ заметаетъ слѣдъ за умершимъ; иначе по этому слѣду можетъ уйти въ преисподнюю еще много живыхъ душъ. (Алданъ. Баягантайс. ул., 1885 г.).

Въ старину якуты хоронили своихъ мертвецовъ на вѣтвяхъ деревьевъ или на узкихъ деревянныхъ платформахъ, опирающихся на два высокихъ столба; такой способъ назывался аранкасъ, и такіе аранкасы находятся мѣстами въ лѣсахъ и доселѣ; я знаю про одинъ съ сохранившимся еще скелетомъ человѣка; онъ стоитъ въ глухомъ лѣсу, въ пятидесяти верстахъ на сѣверъ отъ города Верхоянска [1]). Это,

[1]) Аранкасъ стоялъ также въ Намск. улусѣ, недалеко отъ моей усадьбы, онъ сгорѣлъ во время пожара; на рис. 150 изображенъ упавшій аранкасъ шамана Мегенскаго ул.

кажется, чужеземный способъ погребенія, перенятый якутами отъ тунгусовъ и юкагирей. Эти бродячія племена и понынѣ строятъ *аранга́сы* и прячутъ на нихъ свое добро, не нужное въ данное время или затрудняющее передвиженіе. Я нашелъ преданіе о другомъ способѣ отдѣлываться отъ мертвецовъ, болѣе соотвѣтствующемъ якутскому характеру; остатки его до сихъ поръ сохранились въ глухихъ закоулкахъ Якутской области. Въ Колымскомъ округѣ мало-мальски зажиточные люди, въ случаѣ смерти кого-либо, сейчасъ же выбираются изъ дому, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ на время; тамъ же разсказывали мнѣ, что въ старину, если кто-либо изъ нихъ умиралъ, жители убѣгали изъ дому, оставляя въ немъ мертвеца вмѣстѣ съ имуществомъ, которое принадлежало ему при жизни. Одинъ знакомый мнѣ колымскій купецъ разсказывалъ, что разъ, отставши отъ своего каравана, онъ заблудился и долго кружился по лугамъ и лѣсу; время было холодное и онъ, наткнувшись наконецъ на юрту, сильно обрадовался; одно удивило его, что въ юртѣ, не смотря на слѣды очень недавняго присутствія людей, разбросанную по двору посуду, лопаты, висѣвшія на заборѣ постели и мѣха, — никого нѣтъ, что въ ней темно, зола на каминѣ холодна и засыпана снѣгомъ. Зажегши спичку, онъ замѣтилъ на одномъ изъ *ороновъ* спящую фигуру; нащупавъ ноги, онъ сталъ звать и теребить сонnаго, но тотъ не откликался, да и ноги его какъ-то странно постукивали. Тогда продрогшій и разсерженный купецъ сталъ было искать голову шутника, но наткнулся на лицо холодное и неподвижное. Испугавшись, онъ вторично зажегъ спичку и заглянулъ въ лицо спящему; тогда убѣдился, что это мертвая молодая якутка, одѣтая въ богатые мѣха. (Колымскій округъ, 1882 г.).

Въ Баягантайскомъ улусѣ разсказывали мнѣ: «Мы только недавно перестали бояться мертвецовъ, раньше никто ни за какія блага не соглашался жить вмѣстѣ съ мертвецомъ и, покуда тотъ былъ дома, уходили къ сосѣдямъ или же спали на дворѣ, даже если это случалось зимой. (Баяг. ул., 1884 г.). «Мы, якуты, раньше не погребали умершихъ въ землѣ, а дѣлали на *билирикѣ* маленькій домикъ или занавѣсъ изъ бересты, а за ней укладывали трупъ, разодѣтый въ лучшія платья, домъ же покидали; такимъ образомъ тѣло истлѣвало въ немъ медленно и не поѣдалось дикими звѣрями». (Нам. ул., 1889 г.) [1]). Это преданіе я слышалъ также

[1]) Какъ переходъ къ болѣе современному способу погребенія нужно считать старинныя могильныя постройки, дѣлаемыя якутами задолго до принятія христіанства. Они напоминаютъ своей формой *халтамы* или другія менѣе сложныя постройки, двускатные шалаши и т. п. См. у Маака, Часть III.

въ Верхоянскѣ и на Алданѣ. На Алданѣ я впервые записалъ преданіе о еще болѣе древнемъ, нужно думать, способѣ погребенія, практиковавшемся нѣкогда якутами; это преданіе подтвердили мнѣ впослѣдствіи и въ другихъ мѣстахъ: «Давно, очень давно, когда еще якуты не знали Бога, и русскіе еще не пришли, было вотъ какъ: если старикъ или старуха становились черезчуръ дряхлыми, или если кто-нибудь хворалъ безъ надежды на выздоровленіе, то такой человѣкъ просилъ обыкновенно любимыхъ своихъ дѣтей или родственниковъ, сына, дочь или брата, чтобы его схоронили [1]); тогда сзывали сосѣдей, убивали скотъ, что получше и пожирнѣе, и принимались пировать; пировали три дня, и все это время обреченный на смерть, одѣтый въ свое лучшее дорожное платье, сидѣлъ на первомъ мѣстѣ и принималъ отъ присутствовавшихъ чествованіе и лучшіе кусочки пищи; на третій день избранный имъ родственникъ уводилъ его въ лѣсъ и неожиданно сталкивалъ въ заранѣе приготовленную яму; потомъ закапывали его живымъ вмѣстѣ съ набросаннымъ туда добромъ, посудой, оружіемъ, пищей, а то и такъ оставляли живыми умирать съ голоду. Иногда стариковъ, мужа и жену, закапывали вмѣстѣ; иногда вмѣстѣ съ ними закапывали живую скотину: быка, лошадь, а иногда привязывали осѣдланную лошадь у вкопаннаго по близости столба (сäргä) и она тутъ погибала съ голоду». (Алданъ. Баягантайс., 1886 г.).

Въ этой же мѣстности я слышалъ преданіе о томъ, что когда-то казаки нашли въ лѣсу, въ ямѣ, старуху, одѣтую въ дорогіе мѣха; они спасли ее, окрестили и она долго жила послѣ этого. (Алданъ, 1886 г.). Очевидно разные способы погребенія практиковались одновременно, въ различныхъ случаяхъ, смотря по живости сохранившейся вѣры [2]).

Все время, пока мертвецъ не схороненъ, а теперь это длится не больше трехъ дней, душа его не покидаетъ земли: черти гоняютъ ее по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она побывала при жизни, поэтому людямъ

[1]) Замѣчательно, что у чукчей эту послѣднюю услугу тоже долженъ сдѣлать *любимый сынъ*. Онъ прокалываетъ старика копьемъ. Обрядъ этотъ сохранился до самыхъ послѣднихъ временъ. Старикъ, одѣтый въ лучшія платья, ложился въ палатку, гости окружали ее снаружи, сынъ просовывалъ остріе внутрь и по данному знаку нажималъ копье, остріе котораго самъ старикъ направлялъ въ сердце.

[2]) «Якутъ придаетъ большое значеніе красивому дереву, и если ему какое либо особенно понравится, то онъ поручаетъ своимъ похоронить его подъ этимъ деревомъ. Раньше они сжигали своихъ мертвыхъ, или клали ихъ на деревьяхъ, или оставляли въ тѣхъ юртахъ, гдѣ они умирали, при чемъ всѣ уходили прочь. У знатныхъ якутовъ былъ обычай сжигать на особомъ кострѣ любимаго слугу покойника, что бы и на томъ свѣтѣ онъ могъ служить хозяину своему. Съ тѣхъ поръ, какъ якуты находятся подъ властью Россіи, этотъ языческій обычай совершенно отмѣненъ и былъ только одинъ примѣръ такого нарушенія царскаго распоряженія со времени господства русскихъ (Гмелинъ, В. II, p. 477).

много на своемъ вѣку путешествовавшимъ, плохо достается. Въ это время душа даетъ знать живымъ о своемъ присутствіи различными стуками и звуками; иногда слышно, какъ она плачетъ и жалуется, иногда видно, какъ она пробуетъ исполнять оставленныя недавно домашнія работы: задаетъ скоту сѣно, моетъ посуду, перебираетъ ремни или шевелитъ ящиками въ амбарѣ. Одинъ знакомый шаманъ, большой мой пріятель, по прозвищу Тюсьпютъ, который, конечно, могъ видѣть и слышать больше, чѣмъ другіе, разсказывалъ мнѣ, что старикъ и старуха, якуты, умершіе въ моемъ домѣ, долго бродили кругомъ да около, шумѣли и стучали въ стѣнки. Впрочемъ, исключая меня, это слышали всѣ домашніе; только, когда мы съѣли голову скотины, оставшуюся отъ хайлыга, старики ушли и угомонились. (Намск. ул., 1887 г.).

Многія души никогда не могутъ успокоиться и постоянно блуждаютъ по землѣ; «иногда онѣ собираются вмѣстѣ громадными толпами, разговариваютъ и кричатъ, а когда полетятъ, то шумятъ, какъ будто поднялась стая птицъ, или вѣтеръ подулъ. Есть люди, которые могутъ видѣть и слышать больше другихъ, они все это замѣчаютъ»! многозначительно разсказывалъ мнѣ упомянутый шаманъ Тюсьпютъ. Такія безпокойныя, блуждающія души называютъ ёръ; ихъ на землѣ несмѣтное количество: ёръ можетъ стать всякій умершій, если онъ на томъ свѣтѣ на вопросъ: что онъ оставилъ на землѣ? отвѣтитъ: «домъ, скотъ, мужа, жену, дѣтей, отца, мать, родственниковъ»... а на вопросъ: хочетъ-ли онъ къ нимъ вернуться? отвѣтитъ: «да»! (Нам. ул., 1888 г.). Вотъ почему ёръ чаще всего мучитъ своихъ близкихъ, онъ имъ мѣшаетъ жить, мѣшаетъ наслаждаться, постоянно напоминая о себѣ. Отношенія окружающихъ при жизни къ умершему тоже вліяютъ на превращеніе послѣдняго въ ёръ; но чаще причиной тому бываетъ не точное исполненіе обряда, какой-нибудь не доѣденный кусокъ мяса или жиру: «Масютара на другой день послѣ свадьбы стала ёмюрячить: умершій братъ и сестричка пришли мучить ее—имъ забыли налить водки и бросить «кусокъ» (кусокъ жиру, масла или мяса) на огонь: теперь нужно позвать шамана, или она останется мäпріеръ на всю жизнь». (Верхоянскъ, 1887 года). Иногда души умершихъ являются на землю подъ вліяніемъ какой-нибудь сильной страсти:

«Мой сосѣдъ Константинъ хвораетъ «по-якутски» (сахалы), у него болитъ подъ ложечкой, болятъ внутренности, печень, сердце, ломитъ спину и грудь; призывали шамана, но тотъ въ первый разъ шаманилъ понапрасну, ни одного черта не могъ поймать, всѣ отъ него уходили, и онъ наконецъ отказался. Когда второй разъ позвали его, онъ объявилъ,

что сверх множества чертей, ёръ, посѣтившихъ Константина, самый злой—душа умершей его жены, которая ни за что не хочетъ уйти, говоря: «мужъ! мой мужъ!.. возьму... возьму»! Черти требовали отъ больнаго водки и скотину рыжую, съ бѣлой головой, бѣлой грудью и брюхомъ и бѣлымъ кончикомъ хвоста». Константинъ, человѣкъ очень скупой, отказалъ чертямъ, не желая пріучать ихъ къ посѣщеніямъ, и шаманъ ушелъ, не узнавши настоящей причины болѣзни Константина. Сосѣди въ одинъ голосъ утверждаютъ, что это мучитъ его покойница жена, очень любившая мужа при жизни». (Нам. ул., 1887 г.).

Я слышалъ всюду много подобныхъ разсказовъ и приведу еще одинъ, болѣе характерный:

«Когда я была ребенкомъ, я сильно хворала», разсказывала мнѣ старая якутка, «девять дней не ѣла, не пила и бросалась по кровати, какъ испуганный жеребенокъ; взрослые не въ силахъ были удержать меня; мой отецъ позвалъ наконецъ шамана, и тотъ семь дней шаманилъ; всѣхъ чертей вызывалъ, но всѣ отнѣкивались: «не мы»! Мнѣ стало отъ этого еще хуже, и всѣ уже думали, что я умру непремѣнно. Какъ-то зашелъ случайно въ нашу юрту «человѣкъ, видящій вѣщіе сны», тюляхъ тюсюръ, онъ прилегъ отдохнуть на кровати и вздремнулъ; проснувшись же, разсказалъ, что видѣлъ во снѣ, будто мой умершій дѣдъ по матери, іемъ-агата, Ѳедоръ, сидитъ у камелька и, поставивъ ноги на шестокъ [1]), грѣетъ ихъ, а самъ палочкой пошевеливаетъ золу да приговариваетъ. «Меня глазами не видятъ, ушами не слышатъ... Отъ любимаго ребенка никогда не уйду... Спижу затѣмъ, чтобы взять, сижу затѣмъ, чтобы съѣсть». Какъ только узнали это, шаманъ опять принялся шаманить и заставилъ наконецъ Ѳедора сознаться; старикъ долго упрямился, говоря: «Не пойду! не пойду!.. не съѣмъ ребенка: очень люблю, поэтому трогаю (ласкаю), само не выноситъ»! Наконецъ отецъ и мать упросили старика и онъ ушелъ; я стала здорова»! (Намск. ул., 1887 г.).

«Всѣ умершіе въ молодости, всѣ не проживше положеннаго срока, всѣ убитые, всѣ скоропостижно умершіе, самоубійцы и утопленники, всѣ похороненные и отошедшіе въ вѣчность безъ церковныхъ обрядовъ, превращаются въ ёръ. Въ старину ёромъ дѣлался всякій умиравшій; съ водвореніемъ-же христіанства ёръ стало гораздо меньше». (Алданъ, 1885 г.).

Души шамановъ и шаманокъ, души вѣдьмъ и колдуновъ, абтахъ, злыхъ, завистливыхъ, сердитыхъ людей, отличающихся чѣмъ либо особеннымъ,—дѣлаются ёръ. Эти послѣдніе духи остаются ёръ навсегда и

[1]) Любимая поза якутовъ

служатъ, какъ работники и сподвижники, высшимъ существамъ; поселившись въ людяхъ, они калѣчатъ ихъ тѣло, портятъ глаза и внутренности, ломаютъ кости, дѣлаютъ истеричными, мäнперикъ, и сводятъ съ ума, а иногда надѣляютъ ихъ могуществомъ и волшебной силой, превращая въ шамановъ. (Намск. ул., 1888 г.). Всякій шаманъ въ сущности только одержимый могущественнымъ духомъ мäнперикъ, истеричный; никто не родится шаманомъ, но можетъ сдѣлаться имъ всякій, даже помимо воли и вопреки своему желанію. Вотъ разсказъ упомянутаго выше шамана по прозвищу Тюсьпютъ, что значитъ «упавшій съ неба», о томъ, какъ онъ сталъ шаманомъ:

«Двадцати лѣтъ отъ роду я сильно захворалъ и сталъ «видѣть очами, слышать ушами» то, чего не видѣли и не слышали другіе; девять лѣтъ я перемогался и никому не говорилъ о томъ, что со мной творится, такъ какъ я опасался, что люди не повѣрятъ и будутъ надо мной смѣяться; наконецъ, я разболѣлся до того сильно, что угрожала мнѣ неминуемая смерть; когда-же я сталъ шаманить, мнѣ стало легче; и теперь если долго не шаманю со мной бываетъ не хорошо, я хвораю»!.. Тюсьпюту шестьдесятъ лѣтъ отъ роду; девять лѣтъ онъ скрывалъ свой даръ, а тридцать одинъ годъ, какъ онъ шаманитъ. Онъ средняго роста, сухощавый, жилистый старикъ, когда-то, очевидно, сильный и ловкій; теперь еще онъ способенъ шаманить, прыгать и танцовать безъ устали всю ночь напролетъ; онъ терся по свѣту, бывалъ на югѣ, на пріискахъ, бывалъ на сѣверѣ, на берегу моря; лицо его темное и подвижное, очертаніями напоминаетъ немного лицо тунгуса; зрачекъ глазъ окруженъ двойнымъ цвѣтнымъ, грязнозеленоватымъ кольцомъ; во время чарованія глаза эти пріобрѣтаютъ; какой-то особый непріятный, тусклый блескъ и выраженіе безумія, и ихъ упорный взглядъ, какъ я замѣтилъ, волнуетъ и смущаетъ тѣхъ, на кого онъ направленъ. Это уже второй шаманъ съ такими страшными глазами, какого мнѣ приходилось встрѣчать въ Якутской области. Вообще, въ фигурѣ шамана есть что-то особенное, что позволяло мнѣ, послѣ небольшой практики, отличать ихъ среди присутствовавшихъ почти безошибочно: они отличаются нѣкоторой энергіей и подвижностью лицевыхъ мускуловъ, вообще у якутовъ довольно вялыхъ; въ движеніяхъ ихъ замѣчается извѣстная юркость и ловкость; кромѣ того, на сѣверѣ всѣ они безъ исключенія носятъ длинные, падающіе на плечи волосы, которые обыкновенно заплетаютъ сзади головы въ косичку или связываютъ въ пучекъ. На югѣ, вблизи города Якутска, гдѣ ихъ преслѣдуютъ, гдѣ они принуждены скрываться, длинные волосы — рѣдкость. Впрочемъ, Тюсьпютъ утверждалъ, что онъ самъ не любитъ длинныхъ волосъ: у

него заводятся въ нихъ маленькіе ёръ, которые его мучаютъ и которыхъ можно извести только стрижкой волосъ. Есть шаманы, приверженные къ своему призванію страстно, какъ ньяницы. Тюсьпюта уже нѣсколько разъ наказывали, жгли его платье и бубенъ, стригли волосы и заставляли въ церкви бить многочисленные поклоны и поститься. «Это намъ даромъ не проходитъ; наши господа (духи) сердятся всякій разъ на насъ, и плохо намъ впослѣдствіи достается, но мы не можемъ оставить этого, не можемъ не шаманить»! жаловался онъ мнѣ, «а худого вѣдь мы не дѣлаемъ»!

Старый, слѣпой якутъ разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ раньше шаманомъ, но, убѣдившись въ томъ что это грѣхъ, бросилъ шаманить, и вотъ, хотя другой могучій шаманъ снялъ съ него «знакъ» ӓмӓгять, духи за это все-таки ослѣпили его». (Намск. ул., 1887 г.). Въ Баягантайскомъ улусѣ, въ мѣстности Утюхтюй, проживалъ молодой еще, но пользовавшійся всеобщей извѣстностью шаманъ. О немъ говорили, что во время чарованія «глаза у него выскакиваютъ на лобъ»; онъ человѣкъ зажиточный, не дорожитъ доходомъ съ шаманства и много разъ зарекался шаманить, но, лишь только подвертывался «трудный случай», онъ уступалъ просьбамъ сородичей и нарушалъ обѣтъ (Алданъ, 1885 г.). Тюсьпютъ бѣденъ и, конечно, дорожитъ своимъ шаманскимъ доходомъ, какъ и репутаціей колдуна; онъ сильно обижался, когда одинъ, живущій по близости, богачъ позвалъ къ своей больной женѣ не его, а другого шамана; онъ утверждалъ, «что позванный—невѣжда, и вызываетъ не того черта который мучитъ больную, а что онъ, Тюсьпютъ, знаетъ этого черта, но теперь, хотя-бы его и позвали, не пойдетъ».

Величина гонорара, уплачиваемаго за шаманство, бываетъ различна; выплачиваютъ его только въ случаѣ, когда колдовство дастъ желательные результаты; тогда онъ достигаетъ иногда 25 руб. и болѣе; обыкновенно платятъ одинъ руб. и «угощаютъ». Кромѣ того шаманъ ѣстъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ забираетъ на домъ часть мяса жертвенной, убиваемой во время шаманства, скотины. (Колымскій округъ, 1883 г.).

Шаманскій волшебный даръ не наслѣдственный, хотя понятіе о нѣкоторомъ кровномъ родствѣ между шаманами одной и той же мѣстности замѣчается въ томъ повѣріи, что «въ роду, гдѣ разъ объявился шаманъ, онъ уже не переводится; его ӓмӓгять (духъ покровитель) послѣ смерти послѣдняго старается преимущественно поселиться въ кого-либо, принадлежащаго къ ага-уса покойника». (Намскій ул., 1889 г.) Этотъ духъ покровитель—неотъемлемая часть каждаго шамана; даже самый слабый и ничтожный среди нихъ обладаетъ ӓмӓгять и іе-кыла—«духомъ по-

кровителемъ и сверху ниспосланнымъ звѣринымъ образомъ, волшебнымъ духомъ, дьявольскимъ пожирателемъ» (іе-кыла, оюнъ абасылахъ, сімахъ абасылахъ, юсюттанъ онгорулахъ). Іе-кыла звѣриное воплощеніе шамана старательно скрывается всякимъ изъ нихъ. «Моего іе-кыла никому не найти, онъ лежитъ, скрытый, далеко, тамъ—въ горахъ камняхъ Эджиганскихъ»! хвастался Тюсыпютъ. Только одинъ разъ въ году, когда разстаетъ послѣдній снѣгъ и вся земля почернѣетъ, шаманскіе іе-кыла появляются на землѣ; тогда души шамановъ, воплощенныя въ нихъ, рыщутъ вездѣ; ихъ видитъ только глазъ колдуна, обыкновенные же люди ихъ не замѣчаютъ. Сильные и смѣлые изъ нихъ пролетаютъ съ шумомъ и ревомъ, слабые—тихонько и крадучись; особенной драчливостью и задоромъ отличаются шаманки и, дѣйствительно если среди нихъ встрѣтится настоящая колдунья, то никому не уступитъ; неопытные или задорные шаманы часто вступаютъ въ драку, что ведетъ за собою болѣзнь или даже смерть того, чей іе-кыла былъ побитъ. Иногда сходятся на бой первоклассные силачи-шаманы и, сцѣпившись, лежатъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже лѣтъ, не будучи въ состояніи одолѣть другъ друга; тогда люди собственники этихъ іе-кыла сильно болѣютъ, пока одинъ изъ нихъ не умретъ и не освободитъ другого. (Намскій ул., 1889 г.). Самые слабые и трусливые бываютъ «собачьи» шаманы, ытъ абасылахъ іе-кыла; самые сильные и могущественные тѣ, которыхъ іе-кыла громадный быкъ-поросъ, жеребецъ, орелъ, лось (сохатый), черный медвѣдь. Самые несчастные шаманы—имѣющіе своимъ звѣринымъ воплощеніемъ волка, медвѣдя или собаку; эти звѣри ненасытны, имъ все мало, сколько-бы не добывалъ для нихъ шаманъ-человѣкъ; особенно собака не даетъ покоя своему двуногому двойнику: она «грызетъ зубами его сердце, рветъ его тѣло». (Намс. ул., 1889 г.). Тогда шаманъ сильно хвораетъ и мучится. Воронъ тоже плохой іе-кыла; орелъ и быкъ-поросъ называются «чертовскими бойцами и воителями», абасы кэіктахъ; ихъ титулъ самый лестный для шамана. (Намскій ул., 1888 г.). Если является новый шаманъ, то другіе шаманы сейчасъ же узнаютъ объ этомъ по появленію новаго не замѣченнаго ими до сихъ поръ іе-кыла. (Намскій ул., 1889 г.).

Ämägять—духъ-покровитель—существо совершенно особое; это, по большей части, душа жившаго нѣкогда на землѣ шамана. Въ исключительныхъ случаяхъ—кто-либо изъ небожителей, но всегда второстепенныхъ. Человѣческое тѣло не можетъ вынести мощи великихъ боговъ; духъ-покровитель всегда витаетъ по близости излюбленнаго имъ человѣка и охотно является всякій разъ на его зовъ; въ трудныя минуты

онъ помогаетъ ему, заступается за него, даетъ совѣтъ. «Шаманъ видитъ и слышитъ только посредствомъ своего ӓмӓгять», поучалъ меня Тюсьпютъ, «я вижу и слышу черезъ три наслега, а есть такіе, которые видятъ и слышатъ гораздо дальше».

Пріобрѣтеніе іе-кыла и ӓмӓгять, а вмѣстѣ съ тѣмъ и присущихъ имъ качествъ, вовсе не зависитъ отъ воли шамана: оно или случайно, или предначертано свыше. Вотъ что разсказывалъ мнѣ Тюсьпютъ о томъ, какъ онъ воспринялъ въ себя ӓмӓгять.

«Когда я путешествовалъ по сѣверѣ, то разъ въ горахъ набрелъ на кучу (сайба) дровъ, а нужно мнѣ было какъ разъ варить обѣдъ; я взялъ да и зажегъ эту кучу; между тѣмъ подъ кучей былъ похороненъ знаменитый тунгускій шаманъ; вотъ его то душа и пристала ко мнѣ».

Когда Тюсьпютъ шаманитъ, сразу можно замѣтить, что его духъ покровитель *тунгусскаго* происхожденія, тунгусъ ӓмӓгять ӓмӓгятьтяхъ: онъ по временамъ бормочетъ тунгускія слова и дѣлаетъ тунгускіе жесты. Во время шаманства приходятъ къ нему однако и другіе духи, какъ-то: русскій дьяволъ, нуччэ тангаралахъ, чертова дочь съ чертовымъ парнемъ, а также тунгусъ-духъ, тонгусъ тангаралахъ; первый объясняется по-русски, проситъ водки, пряниковъ, дѣвку; вторые тоже ведутъ себя чрезвычайно развязно и безъ церемоніи спрашиваютъ у присутствующихъ: есть-ли у нихъ половые органы? Отнюдь не слѣдуетъ отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ, иначе человѣкъ, неосторожно выдавшій себя, захвораетъ на половую немощь: чертовъ парень похититъ половые органы у женщинъ, а чертова дѣвка—у мужчинъ; между прочимъ отмѣчу, что «чертовъ парень слѣпъ и постоянно ощупываетъ землю и окружающіе предметы руками».

Этихъ духовъ не слѣдуетъ смѣшивать съ ӓмӓгять; они называются кӓльӓны и приходятъ *ко всякому шаману* во время шаманства, заставляя его отъ своего имени говорить и продѣлывать вышеупомянутыя вещи. У Тюсьпюта, благодаря случайности, совпадаетъ ӓмӓгять тунгусскаго происхожденія съ четвертымъ по числу обычнымъ шаманскимъ кӓльӓны, который тоже тунгусъ.

Великіе шаманы, умирая, уносятъ съ собой иногда ӓмӓгять на небо, и тогда превращаются навсегда въ небесныхъ духовъ; большинство послѣднихъ бывшіе шаманы; если ӓмӓгять не переселился на небо, то раньше или позже долженъ непремѣнно проявиться на землѣ. (Намскій ул., 1889 г.).

Сообразно силѣ своихъ ӓмӓгять [1]) шаманы подраздѣляются на:

[1]) Во многихъ мѣстностяхъ выговариваютъ твердо: ӓмӓхӓтъ.

а) *Послѣдніе*, кенники оюнъ; это собственно не шаманы, а разные истеричные, полуумные, юродивые и тому подобные странные люди, обладающіе способностью толковать и видѣть вѣщіе сны, ворожить, лечить болѣе легкія болѣзни, прогонять мелкихъ, пакостливыхъ чертей; они лишены ӓмӓгять и не могутъ справлять большихъ шаманствъ съ барабаннымъ боемъ, заклинаніями и принесеніемъ жертвъ.

b) *Средніе* шаманы, орто оюнъ — это обыкновенные чародѣи, обладающіе волшебной силой въ разной степени, сообразно своему таланту и силѣ своихъ ӓмӓгять. Наконецъ:

с) *Великіе шаманы, покровительствующій духъ которыхъ ниспосланъ самимъ Улу-тоёномъ*, улахань оюнъ, ӓмӓгятьтяхъ улутоёръ Улу-тоёнтонъ онгорулахъ — это могучіе чародѣи; ихъ зову благосклонно внимаетъ самъ властелинъ тьмы; такихъ шамановъ, мнѣ говорили, можетъ быть одновременно только *четыре* во всей якутской землѣ, сообразно числу четырехъ впервые образовавшихся якутскихъ *улусовъ*: одинъ въ Вилюйскомъ улусѣ (?), одинъ въ Намскомъ, одинъ въ Татинскомъ (Батурусскомъ), одинъ въ Борогонскомъ. Въ каждомъ изъ этихъ улусовъ есть особые роды, отмѣченные волшебной силой, среди которыхъ время отъ времени появляется «великій шаманъ» [1]). (Намскій ул., 1887 г.). Въ Намскомъ улусѣ такимъ великимъ шаманомъ считался умершій недавно старикъ Ѳедоръ, по прозвищу Мыччылла, Хатынгаринскаго наслега, рода Арчинга. Въ послѣдніе годы жизни онъ, послѣ смерти жены, всѣми покинутый, жилъ одиноко вмѣстѣ съ такой же старой, дряхлой и волшебной, какъ и онъ самъ, собакой: онъ никогда ничѣмъ не занимался, ничего не дѣлалъ и, хотя жилъ не богато, но всего у него было вдоволь,

[1]) Это показаніе оспаривалось; другіе шаманы называли другіе улусы, но во всѣхъ показаніяхъ фигурировали улусы: Намскій, Борогонскій и Батурусскій. Возможно, что Кангаласкіе роды, эмигрировавшіе на Вилой, унесли съ собой туда Кангаласкій ӓмӓгять. Сомнительно, чтобы это были *улусы;* вѣроятнѣе это родовые союзы, нѣчто въ родѣ бисей. Кстати, приведу любопытную историческую справку. «Реэстръ шамановъ. Кангалаской волости: шаманъ Кучюнякъ Мазаринъ, онъ же Харабытпкъ; шаманъ Урембасъ. Кокуйской волости: шаманъ Сыдыбылъ Дабудаковъ; шаманъ Иктей Кривой. Борогонской волости: шаманъ Банга; шаманъ Турчакъ Бучюко; шаманы: Тыкы, Кыйчыпова сынъ Москою, онъ же Саингы, шаманъ Кусанекъ. Нерюптенской волости: шаманъ Могудеръ, шаманъ Ламуга Байтаковъ. Намской волости: шаманъ Кутуяхъ, Бахинскаго роду шаманъ Дегорень. Мегинской волости: Бырдый Кытынаковъ. Сыланской волости шаманъ Байга. Емконской волости шаманъ Дагысъ. Тагуйскаго роду шаманы: Кулакай, Дебука, Челодай, Даку. Лучинскаго: сынъ шаманъ Одуй. Борогонской волости: Кусегей, шаманъ Жарынъ. Дакырскаго роду шаманы: Тасъ, Силимъ, Чачикь. Ерканской волости: Жалашъ Омолдоновъ шаманъ. Жарканской волости: шаманъ Канлеку. Шаманы же Якутскаго города, тамошніе уроженцы, русскіе люди: Федоръ Турбинъ, Семенъ Рубачевъ» (1724 г. февраля 21, Указъ якутскому воеводѣ Измайлову объ учиненіи содѣйствія тобольскому дворянину Вакулину, которому поручено везти въ Петербургъ инородцевъ, называемыхъ «шитыми рожами» и шамановъ. Памятники Сибирской Исторіи XVIII вѣка, кн. II, стр. 442).

а ѣлъ онъ и пилъ лучше богатаго, хотя «не держалъ вовсе скота, все ему доставляли духи; достаточно ему было о чемъ-либо подумать и сейчасъ-же все являлось передъ нимъ «изъ воздуха». (Намскій ул., 1886 г.). Тюсьпютъ хвастался не разъ, что онъ тоже «всегда съ табакомъ», на что сосѣди улыбаясь добавляли, что табакъ у него «не простой». «Ты замѣть только: у листьевъ нѣтъ корешка; мы вѣдь знаемъ, какъ табакъ къ нему попадаетъ: онъ прилетаетъ къ нему съ вѣтромъ: чертъ бросаетъ ему его въ лицо». (Намскій ул., 1889 г.).

Говорятъ, что Мыччылла въ молодости былъ очень красивъ, но подъ старость сталъ безобразенъ, какъ самъ дьяволъ, его покровитель; о могуществѣ его разсказывали чудеса; когда онъ шаманилъ, то, не смотря на его дряхлость и безсиліе, отъ его прыжковъ, барабаннаго боя и рева дрожали стѣны юрты; въ то время онъ совершенно преобразовывался, молодѣлъ и, обыкновенно угрюмый и молчаливый, дѣлался рѣчистымъ и страстнымъ; всѣ очень боялись его и достаточно ему было сердито взглянуть на что-либо, уходя съ негостепріимнаго двора, какъ предметъ этотъ, будь то человѣкъ, скотина, конь, изба и т. д., портились и гибнули; поэтому всѣ, къ кому онъ пожаловалъ, принимали его и угощали какъ «первѣйшаго господина». Мыччылла могъ продѣлывать всѣ обычные фокусы шамановъ: кололъ себя ножомъ, глоталъ палку, ѣлъ горячіе уголья и т. д. Хорошій шаманъ колетъ себя въ трехъ мѣстахъ: въ темя, печень и желудокъ; ножъ вбиваетъ по рукоять и иногда конецъ лезвія, пройдя насквозь, виднѣется на спинѣ. (Намскій ул., 1888 г.) [1]). Когда онъ такъ

[1]) Я ничего подобнаго не видѣлъ, но что это случалось, свидѣтельствуетъ разсказъ Гмелина: «Мы услышали о волшебницѣ, которая такъ прославилась, несмотря на свою молодость, ей было всего 20 лѣтъ, что пользовалась большимъ довѣріемъ нежели волшебники уже подъ сорокъ лѣтъ практиковавшіе свое искусство. Она жила въ 20-ти верстахъ отъ города. Профессоръ Г. Миллеръ послалъ за нею и она явилась. Она признала, что она волшебница, и что на столько сильна въ своемъ искусствѣ, что съ помощью черта можетъ пронзить себя насквозь ножемъ, безъ вреда для себя. Назначили вечеръ, когда она покажетъ свое искусство, и она согласилась. Въ опредѣленное время мы собрались у юрты, гдѣ должно было идти представленіе. Волшебное платье было надѣто, заигралъ бубенъ и волшебница стала дѣлать прыжки, которые были очень искустны, вѣроятно вслѣдствіе ея молодости. По голосу нельзя было судить, что она такъ молода; ея крики, сливаясь съ шумомъ бубна, походили то на ревъ медвѣдя, то на рычаніе льва, на лай собакъ, на мяуканье кошекъ и т. п. Верхомъ на бубнѣ она взлетала то къ воздушнымъ чертямъ, то къ тѣмъ, что живутъ въ землѣ, обращалась съ ними очень свободно, вызывала каждаго, разговаривала съ ними и получала, какъ она увѣряла, искренніе отвѣты. Якуты были внѣ себя отъ изумленія при видѣ такого довѣрія чертей къ человѣку. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали момента пронзанія ножемъ и внимательно за всѣмъ слѣдили. Наконецъ она спросила ножъ. Ей подали острый, съ тонкимъ концемъ ножъ и въ самомъ дѣлѣ показалось будто она всадила его себѣ въ тѣло и что онъ вышелъ своимъ концемъ съ другой стороны. Она сильно нажала тѣло впередъ и казалось, что ножъ пронзилъ ее, казалось даже, что онъ вошелъ въ тѣло при большомъ усиліи. Я схватилъ рукою чтобы убѣдиться дѣйствительно-ли ножъ въ

проколетъ себя, тогда «солнце» (желѣзный кружокъ, подвѣшенный на спинѣ шамана) исчезаетъ и онъ выплевываетъ его вмѣстѣ съ ножемъ. Бывали такіе шаманы, которые, отрѣзавши собственную голову, клали ее на полку, а сами танцовали по юртѣ. (Алданъ, Баягантай, 1885 г.). Джерахынъ, шаманъ, жившій нѣкогда въ Намскомъ улусѣ, могъ дѣлать этотъ фокусъ; разъ, когда Джерахынъ (Герасимъ) шаманилъ, русскій колдунъ, абтахъ, тутъ же присутствовавшій, бросилъ на него, по злобѣ, паговоръ, чтобы Джерахынъ, сѣвши на землю, не могъ встать; тогда онъ очертилъ кругомъ себя на землѣ кругъ волшебной колотушкой, былаяхъ, и, поднявшись вмѣстѣ съ кругомъ, принялся неистово прыгать и лягаться; ударивши ногой русскаго, онъ подбросилъ его такъ сильно вверхъ, что послѣдній прилипъ спиной къ потолку и до тѣхъ поръ не могъ сойти внизъ, пока упрошенный имъ Джерахынъ не отпустилъ его. (Нам. ул., 1888 г.). Есть такіе могущественные шаманы, что могутъ одновременно и самолично шаманить въ трехъ домахъ, а гдѣ находится настоящій, никто узнать не въ состояніи. (Намскій ул., 1889 г.).

Я замѣтилъ, что хотя всѣмъ подобнымъ фокусамъ удивляются и охотно на нихъ смотрятъ, тѣмъ не менѣе отъ шамана, «настоящаго

тѣлѣ, но волшебница тотчасъ же сказала, что на этотъ разъ черти не хотятъ слушаться, и что, вѣроятно, они сегодня не исполнятъ ея желанія и просила отложить до другого вечера. Мы дали ей отсрочку до другого вечера. Не смотря на то, что она сама заявила, что ножъ не былъ въ ея тѣлѣ, якуты единодушно вѣрили, что онъ тамъ былъ и что черти приказали ей, волшебницѣ, солгать намъ, невѣрующимъ. На другой день снова начался танецъ, о которомъ могу только сказать, что онъ былъ не менѣе искусенъ, чѣмъ предыдущій. Наконецъ дошло до фокуса съ ножемъ. Она дѣйствитольно проколола себя и вытащила окровавленный ножъ. Я ощупалъ рану, и кусокъ выпавшаго сальника. Волшебница отрѣзала его, велѣла изжарить на угольяхъ и съѣла. При видѣ этого якуты выражали свое удивленіе особенными звуками и движеніями полными благоговѣнія. Самое нутро ихъ сердца было тронуто. Она же оставалась спокойною, какъ будто съ нею ничего особеннаго не случилось и это еще больше усиливало удивленіе якутовъ. И такъ она показала свое искусство. До сихъ поръ она жила и кормилась у проф. Миллера, которому она понравилась и теперь она отправилась въ его домъ, наложила на рану пластырь изъ лиственичной смолы, обвязала ее берестой и всякими старыми тряпками, причемъ стянула свой животъ, какъ только могла. Послѣ этого она дала письменное сознаніе, за своей подписью и за подписью переводчика городскаго, въ томъ, что до этого раза она никогда не продѣвала сквозь тѣло ножа, и теперь не имѣла намѣренія этого дѣлать, а хотѣла обмануть насъ, какъ якутовъ, и, подтянувъ животъ, пропустить сквозь одежду. Якуты никогда не сомнѣвались въ томъ, что она прокалываетъ себя, а мы подмѣтили обманъ. Что она слышала отъ своихъ предковъ, что люди не умираютъ, если и проткнутъ себя ножемъ, и съѣдятъ кусочекъ собственнаго жиру, и что если рана хорошо перевязана, то опасности нѣтъ. Это она вспомнила въ промежутокъ между первымъ и вторымъ представленіемъ и, скрѣпивъ свое сердце рѣшила доказать намъ, что она не обманщица. Теперь, когда ее дружески убѣдили, она признается, что обманывала якутовъ, для внушенія большаго почтенія къ своему искусству. Черезъ шесть дней рана ея зажила, хотя она ее не больше двухъ разъ перевязала. Тогда же мы услышали о другомъ подобномъ волшебникѣ, жившемъ у верховьевъ Вилюя; мы и отъ него взяли такое же признаніе» (Reise, B. II, pp. 493—497).

шамана», требуютъ иныхъ качествъ. Въ Колымскомъ округѣ я встрѣчался съ молодымъ еще, но ловкимъ шаманомъ, продѣлывавшимъ большинство упомянутыхъ фокусовъ: онъ глоталъ палку, ѣлъ горячіе уголья и стекло, выплевывалъ изо рта монету, исчезавшую изъ его рукъ на глазахъ зрителей и т. п., — и все-таки его не считали первокласснымъ шаманомъ, между тѣмъ какъ старуха-шаманка, не умѣвшая дѣлать ничего подобнаго, пользовалась, видимо, большимъ почетомъ и славой. Хорошій шаманъ долженъ обладать многими необыкновенными свойствами, но главное—тактомъ и умѣньемъ производить на окружающихъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Онъ не кичливъ, много о себѣ не разсказываетъ, не жаденъ и не требователенъ; въ обращеніи съ обыкновенными людьми у него незамѣтно ни особеннаго высокомѣрія, ни гордости, а скорѣе проглядываетъ сознательное чувство внутренней силы, передъ которой невольно преклоняются окружающіе и которая рождаетъ къ нему довѣріе и повиновеніе. «Тотъ не солжетъ, тотъ или откажется, или поможетъ»! говорятъ про такого.

Чѣмъ сѣвернѣе шаманы, тѣмъ могущество ихъ выше; женщины-шаманки могущественнѣе мужчинъ. (Колымскій округъ, 1883 г.). Вообще женскій элементъ въ колдовствѣ у якутовъ играетъ замѣтную роль. Въ Колымскомъ округѣ шаманы, за неимѣніемъ спеціальнаго одѣянія, надѣвали женское платье. Шаманы носятъ длинные волосы, которые зачесываютъ и заплетаютъ по-женски; общее повѣрье утверждаетъ, что всякій болѣе выдающійся шаманъ-мужчина способенъ рожать наравнѣ съ женщинами. Упомянутый выше Мыччылла родилъ нѣсколько разъ и между прочимъ родилъ щуку; другой шаманъ, тоже Намскаго улуса, родилъ ворона, и роды были до того трудные, что онъ чуть не умеръ; рожаютъ также: чаекъ, утятъ, щенятъ и т. д. (Намскій ул., 1888 г.). Весь ходъ колдовства носитъ какой-то любострастный характеръ, пѣсни сплошь унизаны намеками и сравненіями, заимствованными изъ области половыхъ отправленій, танцы постоянно переходятъ въ неприличные жесты и движенія.

Близко къ шаманамъ стоятъ и отчасти родня имъ—кузнецы. «Кузнецъ и шаманъ одного гнѣзда» [1]). (Колымскій округъ, 1882 г.). «Кузнецъ и шаманъ стоятъ на одномъ уровнѣ [2]). Жена шамана — важная, жена кузнеца—достопочтенная», говоритъ пословица [3]). (Намскій ул., 1889 г.). Кузнецы тоже могутъ лѣчить, давать совѣты и предсказы-

[1]) Усъ да оюнъ: біръ уялахъ.

[2]) Оюнъ усъ біръ сиртэнъ туроръ.

[3]) Оюнъ оіого—джёхтёхъ, усъ оіого—дарханъ.

вать, по знанія ихъ лишены волшебнаго характера: они просто умные люди, много знающіе, у которыхъ «пальцы особые». (Верхоянскъ, 1880 г.). Кузнечатъ, особенно на сѣверѣ, по большей части наслѣдственно; въ девятомъ колѣнѣ кузнецъ уже пріобрѣтаетъ кое-какія сверхъестественныя качества и чѣмъ болѣе у него предковъ кузнецовъ, тѣмъ качества эти существеннѣе [1]). Духи вообще боятся бряцанія желѣза и шума раздуваемыхъ мѣховъ; въ Колымскомъ ул. шаманъ не хотѣлъ шаманить, покуда я не убралъ изъ избы ящика съ моими инструментами; да и послѣ свою неудачу объяснялъ тѣмъ, что «духи боятся кузнеца» (меня), а потому «не являются на зовъ». Только въ *девятомъ* колѣнѣ кузнецъ можетъ безъ вреда для себя ковать желѣзныя украшенія шаманской волшебной одежды и бубна, а также сдѣлать ämägiять—мѣдную пластинку съ изображеніемъ человѣка, которую шаманъ вѣшаетъ на груди, приступая къ колдовству. «Если кузнецъ, выковывающій шаманскія украшенія, не имѣетъ достаточнаго количества предковъ кузнецовъ, если стукъ ихъ молотковъ и блескъ ихъ огней не окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, то птицы съ кривыми когтями и клювами разорвутъ его сердце». (Нам. ул., 1889 г.). У такихъ почетныхъ, потомственныхъ кузнецовъ инструменты «съ душой» иччиляхъ, способны самовольно издавать звуки. (Нам. ул., 1888 г.). На хорошее шаманское одѣяніе идетъ *пудъ* желѣза, рѣдко меньше 30-ти или 35-ти фунтовъ. Украшенное серебромъ, пудовое платье обходится шаману въ 12 — 15 руб.; платье поплоше можно купить за 5, даже за 3 руб.

Платье шамана представляетъ изъ себя кафтанъ изъ выдѣланной коровьей кожи, спереди настолько короткій, что не закрываетъ колѣнъ, а сзади длинный до самой земли; по краямъ и по всей поверхности этого кафтана, но только назади, пашито рядами нѣчто въ родѣ бахромы изъ пучковъ топко нарѣзанной ровдуги; на этихъ ремешкахъ укрѣплены погремушки и желѣзки, разной формы, имѣющія особыя для себя названія, мѣста и отчасти символическія значенія. Прилагаю списокъ этихъ названій вмѣстѣ съ описаніемъ ихъ формы, заимствованный мною у стараго якута, который нѣкогда самъ былъ шаманомъ:

1) Кюнгета (солнце)—круглая, гладкая, блестящая пластинка, величиною въ чайное блюдечко, висящая по серединѣ спины, гдѣ она свободно болтается на короткомъ ремешкѣ, продѣтомъ сквозь дыру, продѣланную въ ея серединѣ.

2) Оібонъ-кюнга (прорубь-солнце)—пластинка такой же величины

[1]) Въ сказкахъ упоминается часто о кузнецахъ, о *почтенномъ* (дарханъ) *родѣ кузнецовъ*. Дарханъ, тарханъ по-монгольски кузнецъ.

и формы, какъ первая, только съ большой дырой по серединѣ; виситъ на спинѣ надъ первой, или свѣшивается ниже на длинномъ ремнѣ.

3) Кондей кыханъ—жестяныя, внутри пустыя трубочки, толщиною въ безъимянный палецъ, но длиннѣе его; висятъ во множествѣ на спинѣ, на кольцахъ или металлическихъ петляхъ.

4) Чыллырытъ кыханъ—плоскія пластинки, длиною въ малый палецъ и такой же приблизительно ширины; висятъ во множествѣ выше пояса на спинѣ.

5) Хобо — мѣдные, ниже воротника висящіе шеркунцы, только безъ язычковъ—въ серединѣ пустые, формой и величиной напоминающіе скорлупу вороньяго яйца; верхняя часть ихъ вырѣзана въ видѣ рыбьей головы; прикрѣплены они на ремешкахъ или металлическихъ петляхъ за ушки.

Рис. 150. Шаманскій кафтанъ. Спина.

6) Бюргюне—двѣ круглыя, плоскія жестянки, похожія на украшенія якутскихъ женскихъ шапокъ (тусакта) только безъ рисунка; прикрѣпляются плотно, какъ эполеты, на плечахъ шамана.

7) Оіогосъ тимиря—двѣ пластинки, пальца четыре шириною и немного меньше четверти длиною, прикрѣпленныя по бокамъ.

8) Табытала—двѣ длинныя полосы жести, шириною въ два пальца: прикрѣпляются къ обоимъ рукавамъ: одна отъ плеча къ локтю, другая отъ локтя къ запястью; отъ запястья съ конца табытала свѣшивается длинный ремень въ видѣ бахромы.

9) Амäгять, абагыта äмäтять — мѣдная пластинка длиною въ указательный палецъ, а шириною въ половину ладони; на ней нарисо-

Рис. 151. Шаманскій кафтанъ, передъ.

ванъ человѣкъ: «съ ногами, руками, головой, носомъ, ртомъ, глазами и ушами», или ажурный мѣдный медальонъ съ фигурой человѣка посерединѣ.

10) Балыкъ-тимиръ (рыба)— пластинка около четверти аршина длиною, пальца два шириною, вырѣзанная на подобіе рыбы съ головой, плавниками, хвостомъ и чешуей; она виситъ сзади на длинномъ, доходящемъ до половины ляшекъ ремнѣ; въ Колымскомъ округѣ она волочится по землѣ; назначеніе ея служить приманкой второстепеннымъ духамъ, мелюзгѣ, которые за нею бѣгаютъ, стараясь поймать ее. (Колымскій округъ, 1883 г.).

11) Чоранъ — маленькіе, мѣдные, пустые внутри шарики, висящіе на концахъ длинныхъ, доходящихъ до пятокъ, ремней, спускающихся въ видѣ бахромы съ краевъ кафтана; эта бахрама называется бытырысъ (кисти).

Кафтанъ спереди гладокъ и завязывается на груди ременными завязками, а подъ шеей застегивается на пряжку въ видѣ «жеребячьяго языка» (кулунъ тылъ курдукъ). На немъ спереди пашиты фигуры животныхъ, птицъ, рыбъ, звѣрей, всякія бляшки, эмблемы небесныхъ свѣтилъ, а также желѣзки изображающія части человѣческаго скелета и внутренностей. На сѣверѣ, въ случаѣ отсутствія описаннаго выше костюма надѣваютъ женскій *сангынях*ъ, мѣховое, изъ выдѣланной телячьей кожи пальто, шерстью наружу, на которомъ иногда навѣшиваютъ сзади нѣкоторыя болѣе важныя желѣзки, какъ-то: оба «солнца», рыбу, бюргюне, иногда тамъ, гдѣ у женщины груди, вѣшаютъ двѣ, круглыя жестянки долженствующія изображать ихъ. На голову на сѣверѣ надѣваютъ женскую дорожную шапку съ наушниками, но послѣдняго обычая я на югѣ не замѣчалъ: тамъ по большей части шаманятъ съ голой головой.

По общему повѣрью, желѣзка и побрякушка шаманскаго платья имѣютъ свойство не ржавѣть и имѣютъ душу.—иччитэ.

Шаманъ надѣваетъ волшебный кафтанъ всегда *на голое тьло*; принимаетъ его изъ рукъ кутуруксута (хвоста, пажа), то есть человѣка, который долженъ во время шаманства поддерживать его криками: сёбъ! кирдикъ! чоо! оо! о! (ладно! правда!.. чооо! оо! о!) и оказывать ему другія услуги; между прочимъ, онъ сушитъ у огня бубенъ, чтобы тотъ былъ звучнѣе. Этотъ бубенъ, тунгюръ, всегда яйцевидной формы, $2^1/_2$ фута длиною, 2 шириною и отъ 4 до 5 дюймовъ вышины; его ободъ сдѣланъ изъ стараго, высохшаго на пнѣ лиственнаго дерева, изъ лучшей части такого дерева, называемой киль; снаружи ободъ бубна украшенъ семью, девятью или одиннадцатью угловатыми выпуклостями, покрытыми тою же кожей, которой обтянутъ весь бубенъ [1]); внутри бубна идутъ накрестъ ремни, привязанные по серединѣ къ желѣзному кругу съ поперечинами или къ *кресту*, называемыми тунгюръ быэрикъ (завязка бубна); за это желѣзо шаманъ, продѣвши пальцы въ соотвѣтствующія отверстія, держитъ бубенъ. Внутри бубна, вдоль обода, особенно тамъ, гдѣ привязаны ремни «завязки» виситъ множество бубенчиковъ, колокольцовъ, желѣзныхъ и костяныхъ, погремушекъ, послушныхъ малѣйшему движенію шамана-музыканта. Въ лѣвую руку шаманъ беретъ небольшую, слегка изогнутую деревянную колотушку, обшитую кожей съ кобыльихъ или оленьихъ ногъ; затѣмъ садится на бѣлую кобылью кожу, разостланную по серединѣ юрты; на каминѣ тушатъ огонь; присутствующіе усаживаются вдоль стѣнъ и обрядъ шаманства начинается.

Рис. 152. Бубенъ ($^1/_{12}$ пат. вел.).

Часто совершаютъ «малое шаманство», безъ барабаннаго боя, безъ переодѣванія, сидя въ обычномъ платьѣ на маленькомъ стулѣ, по серединѣ избы; въ рукахъ шаманъ держитъ тогда кнутъ или вѣтку, съ навѣшанными на ней пучками бѣлыхъ конскихъ волосъ; пучковъ этихъ мо-

[1]) Кожа должна быть съ *трехъ-годовалаго* бычка.

Рис. 153. Колотушка, былаяхъ (1/7 нат. вел.).

жетъ быть: три, пять или семь, но никогда не бываетъ ихъ *четное число*, огня тогда не тушатъ, а только бросаютъ на него немного конскаго волоса; шаманъ не танцуетъ, а только поетъ и кривляется [1]).

Шамана призываютъ по разнымъ поводамъ: если желаютъ узнать будущее, найти пропажу, испросить благополучіе; зовутъ его также на свадьбу, ысыахъ и другіе якутскія празднества, но главнымъ образомъ—къ больнымъ съ цѣлью излеченія. Шаманъ лечитъ всѣ болѣзни; но преимущественно—«якутскія». Такими считаются прежде всего таинственные, нервные недуги: истерика, сумасшествіе, судороги, пляска святаго Витта, затѣмъ болѣзни половыя: половая немощь, безплодіе, родильная горячка и иныя женскія болѣзни; затѣмъ—болѣзни внутреннихъ органовъ: сердца, печени, желудка и кишекъ, преимущественно острыя, заставляющія человѣка охать, кричать и бросаться; наконецъ всякаго рода нарывы, раны, ломоту и порчу костей, головныя боли, воспаленіе глазъ, ревматическую лихорадку и т. п., кромѣ того всякаго рода эпидемическія болѣзни: тифозныя горячки, воспаленія легкихъ и гортани [2]); лечатъ также и чахотку, но только съ цѣлію облегченія страданій, считая эту болѣзнь неизлечимой. Отказываются лечить: поносъ, скарлатину, корь, оспу, сифилисъ, золотуху и проказу, называемую ими «большой болѣзнью». Особенно боятся оспы, остерегаясь даже шаманить въ томъ домѣ, гдѣ недавно она была. (Намскій ул., 1888 г.). Оспу и корь называютъ «бабушкой» и говорятъ, что это—двѣ русскія женщины-сестры, по-русски одѣтыя, которыя посѣщаютъ самолично тѣ дома, гдѣ намѣтили себѣ жертвы. Когда въ 1883 году въ Колымскомъ округѣ появилась оспа, то одинъ изъ первостатейныхъ якутскихъ шамановъ пробовалъ было съ ней бороться: «два дня шаманилъ, но на третій, видя, что ничего не выходитъ, уступилъ». (Колым. округъ, 1883 г.). Тогда же шаманъ чукча тоже пробовалъ бороться съ оспой: «онъ шаманилъ три дня, не ѣлъ не пилъ, все шаманилъ безъ отдыха, наконецъ упалъ и умеръ мгновенно». (Колымск. округъ, 1883 г.).

Всѣ болѣзни происходятъ отъ злыхъ духовъ, поселяющихся въ человѣкѣ и пріемы леченія по формѣ всегда почти одинаковы: они состоятъ

[1]) Гмелинъ сообщаетъ, что шаманъ надѣвалъ на ноги особые шаманскіе чулки съ погремушками; теперь я ни въ одномъ случаѣ не наблюдалъ у якутовъ переобуванія.

[2]) Двѣ послѣднія здѣсь часто пріобрѣтаютъ эпидемическій повальный характеръ.

въ выпугиваніи или задобриваніи непрошенныхъ гостей. Самый несложный способъ это—леченіе огнемъ: имъ лечатъ только нѣкоторыя болѣзни какъ-то: опухоль, ломоту костей, ревматическія боли, злокачественныя раны. Я видѣлъ въ Колымскомъ округѣ характерную сцену: у парня разболѣлся и сталъ нарывать случайно ушибленный палецъ. Онъ, какъ и всѣ окружающіе, пришелъ однако къ заключенію, что въ пальцѣ поселился ёръ; желая его оттуда выгнать, больной взялъ горячій уголь и сталъ раздувать его около больного мѣста; когда обожженное тѣло стало пузыриться, а затѣмъ съ легкимъ трескомъ лопнуло, то любопытные, столпившіеся кругомъ, отпрянули съ крикомъ испуга, а больной, самодовольно улыбаясь, сказалъ: «видѣли, какъ выскочилъ»! Способъ леченія огнемъ очень распространенъ среди якутовъ, особенно на сѣверѣ; въ Верхоянскѣ я видѣлъ старика, страдавшаго летучимъ ревматизмомъ; тѣло его было буквально изъѣдено глубокими обжогами. Недугъ свой онъ лечилъ такимъ образомъ: лишь только появлялась боль или опухоль, онъ сейчасъ на больное мѣсто клалъ кусокъ зажженнаго трута или тряпки, и затѣмъ терпѣливо ожидалъ покуда весь кусокъ не сгоритъ; по избѣ разносился удушливый запахъ горящаго тряпья и человѣческаго тѣла, а старикъ сидѣлъ, понуря голову, только время отъ времени тихонько, жалобно стоналъ; никакіе доводы не могли убѣдить его въ безполезности употребляемаго имъ средства, которое якуты насмѣшливо называютъ «якутской мушкой».

Есть и другія средства, общедоступныя и въ тоже время менѣе жестокія, которыми можно облегчать страданія, изгоняя ёръ; къ такимъ средствамъ относятся бряцаніе желѣзомъ, шумъ, громкіе крики и т. п. Я помню, какой невообразимый гвалтъ и звонъ желѣзомъ подняли разъ ночью въ Колымскомъ округѣ хозяинъ той юрты, гдѣ я жилъ, выгоняя и запугивая чертей, сильно мучившихъ его жену; она страдала порокомъ сердца и удушьемъ. Въ другой мѣстности того-же округа разбудили меня разъ, тоже ночью, мѣрные, звонкіе удары по желѣзному котлу: это хозяинъ-якутъ, которому приснился нѣсколько разъ подъ рядъ непріятный сонъ, отпугивалъ такимъ образомъ назойливаго посѣтителя; онъ жаловался мнѣ, что лишь только закроетъ глаза, сейчасъ-же является ему «высокій человѣкъ съ закрытымъ лицомъ и молча стоитъ у постели». Вообще якуты вѣрятъ и пугаются сновъ; они часто сквозь сонъ жалобно плачутъ, пищатъ, поютъ, но чаще всего издаютъ странный, протяжный звукъ, похожій на жужжаніе жука или шумъ большого, быстро пущеннаго волчка; подобнымъ звукомъ нерѣдко начинаются шаманскія пѣснопѣнія. Чтобы отпугивать чертей, мучающихъ во снѣ, хорошо пря-

тать подъ постель ножъ, ножницы, вообще какіе-нибудь желѣзные, рѣжущіе инструменты, ставить по близости палку, топоръ, ружье или просто желѣзный прутъ: самымъ же вѣрнымъ, хотя не всегда примѣнимымъ орудіемъ считается огонь, помѣщенный между жертвой и ея мучителемъ. (Верхоянскъ, 1881 г.). Брошенная у порога въ дверяхъ дома тлѣющая головешка часто употребляется якутами, чтобы воспрепятствовать злымъ силамъ проникнуть въ избу; часто якуты проводятъ черезъ огонь новоприобрѣтенный скотъ, когда вводятъ его первый разъ въ хлѣвъ. (Колым. окр., 1883 г.). Не только звуки и предметы, но и люди, нѣкоторые временно, другіе всегда, обладаютъ даромъ наводить страхъ на невидимыя силы; напр., человѣкъ, убившій медвѣдя, можетъ лечить нѣкоторыя болѣзни; я видѣлъ въ Колымскомъ округѣ, какъ такой охотникъ лечилъ воспаленіе глазъ; для этого онъ увелъ больную въ сѣни и, низко нагнувшись надъ глазомъ ея, троекратно крикнулъ: «ухъ»! «Если причина болѣзни незначительна, а сердце выгоняющаго болѣзнь *мужественное*, то болѣзнь уходитъ». (Колымскій округъ, 1883 г.). Человѣкъ, возвратившійся изъ далекаго путешествія, тоже обладаетъ нѣкоторыми особенностями: маленькій ребенокъ страдаетъ отъ его *ногъ* (Верхоянскъ, 1882 г.). «Если снять узду съ его коня и еще теплыя удила всунуть въ ротъ человѣка, страдающаго горломъ или опухолью языка и зѣва, то это можетъ его вылечить». (Алданъ, Баягантай ул., 1884 г.).

«Могутъ также подавать хорошіе совѣты въ случаѣ несчастія или болѣзни и такіе люди, которые, хотя они не шаманы, но видятъ и слышатъ постоянно предметы и звуки, невидимые и не слышимые для другихъ». (Намскій ул., 1886 г.). Между этими волхвами находятся и вредные, такъ называемые «колдуны», абтахъ, которые находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы вредить ближнимъ; съ ними могутъ бороться только шаманы или такіе-же, какъ они сами, колдуны. (Колымскій окр., 1883 г.).

Всѣ эти и тому подобныя повѣрья, обряды и пріемы шаманства, какъ силы по преимуществу воюющей со зломъ, собраны и систематизированы въ своего рода культъ, имѣющій задачей приходить на помощь людямъ въ несчастіи, когда обычныя, всѣмъ доступныя средства окажутся недостаточными. Шаманъ—избранникъ, жрецъ этого культа, естественно является заступникомъ за несчастныхъ и посредникомъ между людьми и духами въ ихъ столкновеніяхъ; для этихъ послѣднихъ онъ часто неумолимый врагъ и грозный повелитель, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ неотъемлемая собственность и жертва: покуда онъ силенъ и молодъ, духи боятся его и слушаются его, но лишь только онъ ослабѣетъ и состарится, они платятъ ему сторицей за свое униженіе. (Намскій ул., 1889 г.). «Мы всѣ

попадемъ къ дьяволу», говорилъ мнѣ вышеупомянутый шаманъ Тюсьпютъ, «но не только мы одни, шиманы, мы худаго не дѣлаемъ, мы на оборотъ помогаемъ людямъ и за это именно на насъ черти сердятся; впереди же насъ пойдутъ всѣ тѣ, которые обижаютъ народъ, во главѣ: попы, дальше разные господа, начальники, князья, старосты, богатеи... всѣ тѣ, кто обладаетъ властью, кто творитъ неправедный судъ... Власть нельзя справлять безъ человѣческихъ слезъ»!... заключилъ онъ сентенціозно. (Намскій ул., 1889 г.).

Обязательства, которыя беретъ на себя шаманъ, не легки, борьба, которую онъ ведетъ—опасна; есть преданія о шаманахъ, за живо похищенныхъ на небо, о шаманахъ, убитыхъ духами или замертво падшихъ отъ одного лицезрѣнія тѣхъ мощныхъ силъ, которыя они осмѣлились вызвать. Чародѣй, рѣшающійся на эту борьбу не изъ-за однихъ только матеріальныхъ выгодъ, но и ради облегченія страданій ближняго, чародѣй по призванію, вѣрующій и убѣжденный, принимающійся за дѣло съ какимъ-то восторженнымъ пренебреженіемъ къ собственной опасности и озаренный высокимъ свѣтомъ жертвы,—такой чародѣй производитъ всегда на слушателей громадное впечатлѣніе. Разъ и два увидѣвши настоящихъ шамановъ, я понялъ дѣленіе ихъ на *великихъ*, *среднихъ* и *лживыхъ*. Иной изъ этихъ кудесниковъ такъ мастерски располагаетъ свѣтъ и темноту, тишину и заклинанія, модуляціи его голоса такъ гибки, жесты такъ своеобразны и выразительны, удары барабана и топъ ихъ такъ соотвѣтствуютъ моменту, и все это перевито такой оригинальной лентой неожиданныхъ словъ, остроумныхъ загадокъ, художественныхъ, часто изящныхъ метафоръ, что невольно поддаетесь прелести созерцанія этого дикаго, свободнаго творчества дикой, свободной души [1]).

Внѣшнія формы шаманскихъ обрядовъ довольно однообразны. Вотъ описаніе той части ихъ, которая остается всегда и всюду неизмѣнной и составляетъ, такъ сказать, закрѣпленный обычаемъ остовъ обряда. Позванный къ больному шаманъ, появившись въ юртѣ, сейчасъ-же занимаетъ мѣсто на одной изъ почетнѣйшихъ наръ, которыхъ цѣлый рядъ расположенъ вдоль стѣнъ между столбами юрты, именно—онъ занимаетъ билирикъ оронъ. Растянувшись на своей бѣлой кобыльей кожѣ, шаманъ лежитъ, ожидая ночи, часа, когда колдовство становится возможнымъ. Все это время шамана кормятъ, поятъ и чествуютъ. Наконецъ, солнце сѣло,

[1]) Въ заклинаніяхъ шаманъ обязательно вмѣсто: «встань съ восходомъ солнца» скажетъ: «когда первые лучи солнца коснутся верхушки самой высокой сосны—встань»! (Намскій ул.; 1887 г.), или: «брось въ тѣнь огня»! (Колым. ул.; 1883 г.). «Бубенъ конь мой, а вѣтеръ мои крылья» и т. д.

сумерки надвигаются, въ юртѣ дѣлаютъ торопливыя приготовленія къ шаманству: подметаютъ полъ, колютъ дрова и лучину, варятъ болѣе, чѣмъ обыкновенно, сытный и вкусный ужинъ. Мало-по-малу собираются сосѣди и размѣщаются вдоль стѣнокъ на скамьяхъ: мужчины съ правой стороны, женщины съ лѣвой; разговариваютъ всѣ какъ-то особенно строго и сдержанно, двигаются плавно. На сѣверѣ Якутской области хозяинъ, выбравши ремни, что̀ получше, вяжетъ изъ нихъ родъ двойной петли, которую впослѣдствіи надѣнутъ на плечи шамана, затѣмъ, чтобы за свободный конецъ удерживать его во время пляски, и не позволять духамъ похитить его. Наконецъ всѣ поужинали, справили домашнія дѣла, отдохнули и чинно разсѣлись по мѣстамъ. Шаманъ, присѣвши на краю билирика (столъ, обыкновенно стоящій въ этомъ углу, уносится вонъ), медленно росплетаетъ свои косички, что-то бормоча и отдавая еще кой-какія приказанія; онъ по временамъ нервно и искусственно икаетъ, отъ чего все его тѣло странно содрагается; глаза его не глядятъ по сторонамъ: они или опущены долу или уставлены неподвижно въ одну точку; обыкновенно въ огонь. Огню дозволяютъ потухать. Все болѣе и болѣе густые сумерки наполняютъ избу, суета затихаетъ, люди разговариваютъ шопотомъ; отдаются приказанія, чтобы желающіе выйти на дворъ сдѣлали это немедленно, такъ какъ скоро двери будутъ заперты и никого больше не впустятъ въ юрту и не выпустятъ наружу; шаманъ медленно снимаетъ съ себя рубаху и надѣваетъ свой волшебный кафтанъ, а въ случаѣ его отсутствія женскій *сангыяхъ*; затѣмъ ему подаютъ закуренную трубку съ табакомъ и онъ долго куритъ, глотая дымъ; икота его дѣлается все громче, дрожь, производимая ею, все трепетнѣе; вотъ онъ кончилъ курить; лицо его блѣдно, голова низко опущена, глаза полузакрыты; въ то время на середину избы уже успѣли положить бѣлую кобылью кожу, служащую за постель шаману; шаманъ приказываетъ подать себѣ ковшъ холодной воды, онъ пьетъ ее большими глотками и медленнымъ сонным движеніемъ отыскиваетъ на скамьѣ, приготовленный заранѣе кнутъ, вѣтку или колотушку барабана; затѣмъ, онъ выходитъ на середину избы и, присѣдая четыре раза на правое колѣно, дѣлаетъ торжественный поклонъ на всѣ четыре стороны свѣта и одновременно брыжжетъ кругомъ себя водой изо рта. Тогда все затихаетъ; на огонь бросаютъ горсть бѣлыхъ конскихъ волосъ и окончательно его тушатъ, загребая золой; при слабомъ мерцаніи угольевъ видиѣется еще нѣкоторое время въ темнотѣ черная неподвижная фигура шамана, сидящаго попуря голову и держащаго передъ грудью громадный, какъ щитъ, барабанъ; лицомъ онъ обращенъ на югъ, куда направлена и голова кожи, на которой онъ

сидитъ. Наконецъ, тьма дѣлается непроглядной, сидящіе на скамьяхъ притаили дыханіе и слышно только невнятное бормотаніе и иканіе шамана; но и оно все болѣе и болѣе затихаетъ; вотъ на мгновеніе водворяется мертвая тишина, а затѣмъ, немного спустя, раздается одинокій рѣзкій, какъ лязгъ желѣза, звукъ, и вслѣдъ за нимъ гдѣ-то въ глубинѣ покрытой тьмою юрты, громко, четко и пронзительно прокричитъ соколъ или жалобно расплачется чайка, — и опять тишина, и только легкая, какъ комариное жужжаніе, дробь барабана даетъ знать, что шаманъ началъ свою музыку. Эта музыка въ началѣ нѣжная, мягкая, неуловимая, потомъ неровная и произвольная, какъ шумъ приближающейся бури, все ростетъ и крѣпнетъ; по ней зигзагами, точно молніи, поминутно пробѣгаютъ дикіе окрики: каркаютъ вороны, смѣются гагары, жалуются чайки, посвистываютъ кулики, соколы да орлы. Всѣ тѣ, кто летаетъ высоко надъ землей, ближе къ небу, видимо обезпокоены ожидаемымъ появленіемъ и носятся по воздуху, наполняя юрту своимъ жалобнымъ крикомъ. Музыка все ростетъ и достигаетъ апогея, удары по барабану частые, сильные, сливаются въ одинъ непрерывный все возрастающій гулъ; колокольчики, погремушки, бубенчики гремятъ и звенятъ, не уставая; это уже не буря, а цѣлый водопадъ звуковъ, готовый потопить сознаніе присутствующихъ... Вдругъ все обрывается; еще одинъ-два мощныхъ удара по барабану и послѣдній, до сихъ поръ поддерживаемый и потрясаемый на воздухѣ, падаетъ на колѣни шамана; все сразу умолкаетъ: даже бренчаніе раскачанныхъ колокольчиковъ, какъ-то сразу, неожиданно прекращается, опять настаетъ моментъ мертвенной тишины, и опять та-же, въ началѣ неуловимая, какъ комариное жужжаніе, и все ростущая дробь барабана.

Пріемъ этотъ повторяется съ нѣкоторыми варіаціями нѣсколько разъ, сообразно вдохновенію шамана; наконецъ, когда музыка, измѣнивши темпъ, пріобрѣтаетъ нѣкоторую правильность, къ ней присоединяются отрывочныя, мрачно пропѣтыя фразы пѣсни:

1. «Мощный быкъ земли... Конь степной»!..

. . . . . .

2. «Я, мощный быкъ... реву»!

. . . . . .

3. «Я заржалъ... конь степной»!

. . . . . .

4. «Я всего выше поставленный человѣкъ»!

. . . . . .

5. «Я всего больше одаренный человѣкъ»!

. . . . . .

6. «Я человѣкъ, созданный господиномъ мощнымъ изъ мощныхъ»!

7. «Степной конь, явись!.. Научи меня»!..

8. «Волшебный быкъ земли, явись!.. Заговори»!..

9. «Мощный господинъ, приказывай»!..

10. «Каждый, съ кѣмъ вмѣстѣ иду, пусть слушаетъ ухомъ! Пусть не слѣдуетъ сзади за мной, кому не скажу: иди»!

11. «Впереди, ближе дозволеннаго вамъ—не становись! Пусть каждый смотритъ зорко! Пусть слушаетъ чутко!.. Берегитесь вы»!

12. «Смотрите хорошенько! Будьте всѣ такими... всѣ въ совокупности... всѣ, сколько васъ есть».

13. «Ты съ лѣвой стороны, госпожа съ посохомъ, если, можетъ статься, ошибочно или не той дорогой направлюсь, прошу тебя: направь! Распорядись»!..

14. «Ошибки и дорогу, госпожа мать моя, укажи!.. Вольнымъ слѣдомъ полети!.. Мою широкую путь-дорогу разчищай»!

15. «На югѣ, въ девяти лѣсныхъ буграхъ живущіе духи солнца, матери солнца, вы, которые будете завидовать... прошу васъ всѣхъ... пусть стоятъ... пусть три ваши тѣни высоко стоятъ»!

16. «На востокѣ, на своей горѣ, государь мой дѣдъ, мощной силы, толстой шеи—будь со мной»!..

17. «И ты сѣдобородый, почтеннѣйшій чародѣй (огонь), прошу тебя: на всѣ мои думы безъ исключенія, на всѣ мои желанія согласись... выслушай!.. исполни!.. Все, все—исполни»!

. . . . . .

Тутъ опять барабанный бой достигаетъ своего апогея, опять слышатся дикіе окрики, отрывочныя безсмысленныя слова,—и все умолкаетъ. Вышеприведенное заклинаніе, кажется, одинаково по всей Якутской области и имъ начинается всякій обрядъ; есть формула болѣе длинная и пространная, но я ее не могъ добыть. Дальнѣйшая часть обряда произвольна и представляетъ импровизацію, иную у всякаго лица и даже на всякій частный случай.

Въ дальнѣйшихъ пѣснопѣніяхъ шаманъ умоляетъ о помощи своего ӓмӓгятъ и другихъ покровительствующихъ ему духовъ, разговариваетъ съ кӓльӓны, задаетъ имъ вопросы и даетъ отъ ихъ имени отвѣты; пока придутъ призываемые духи, долго иногда приходится просить и барабанить шаману; часто появленіе ихъ до того внезапно и стремительно, обликъ до того грозенъ, что шаманъ пораженный падаетъ. Считается хорошимъ признакомъ, если—ницъ, дурнымъ, если—на спину; тогда присутствующіе стучатъ надъ нимъ въ желѣзо, приговаривая:

«Каленое желѣзо скрежещетъ... Разнообразная туча вьется!.. Обильная туча поднялась»!.. (Колым. округъ, 1883 г.). Или высѣкаютъ надъ нимъ огонь огнивомъ, говоря: «Срель! срель! срель! Твоя часть берестяной кадки. Огонь съ верху упалъ»!.. [1]). (Колым. окр., 1883 г.). Говорятъ тоже и слѣдующія непереводимыя восклицанія: «Кыпъ-чаханъ! Кыпъ-чаханъ! Кюндюль-сандылъ! Уотъ иччите санилыеръ! (Намск. ул., 1889 г.).

Когда ӓмагиять спизошелъ на шамана, послѣдній подымается и начинаетъ сначала на кожѣ подпрыгивать и топтаться, а затѣмъ движенія его дѣлаются быстрѣе, неистовѣе и онъ выплываетъ на середину избы. На огонь бросаютъ поспѣшно лучину и разжигаютъ дрова, яркій свѣтъ разливается по юртѣ, теперь полной шума и движенія; колдунъ непрерывно пляшетъ, поетъ и барабанитъ; онъ бѣшенно прыгаетъ и кривляется, повернувшись лицомъ сначала на югъ, затѣмъ на западъ и востокъ; тѣмъ, которые удерживаютъ его за продѣтые подъ мышками ремни, часто трудно справиться съ нимъ. Впрочемъ, на югѣ Якутской области шаманъ танцуетъ свободно: никто его не держитъ; наоборотъ, онъ часто отдаетъ свой барабанъ кутуруксуту, чтобы имѣть возможность лучше танцовать. Темпъ и шагъ танца похожъ немного на русскій трепакъ, только быстрѣе его и лишенъ удали и веселости послѣдняго; голова шамана почти постоянно опущена, глаза полузакрыты; спутанные длинные волосы въ безпорядкѣ разсыпаны по потному лицу, ротъ судорожно искривленъ, зубы оскалены и по губамъ текутъ слюни, перѣдко—пѣна. Онъ кружится по избѣ взадъ и впередъ, ударяя въ барабанъ, ревущій и стонущій не менѣе дико, чѣмъ самъ шаманъ; онъ потрясаетъ своимъ звенящимъ одѣяніемъ и, кажется, упивается все болѣе и болѣе, поднятымъ имъ самимъ, шумомъ и изступленнымъ движеніемъ.

Волна его бѣшенства нѣсколько разъ слабѣетъ и опять подымается, иногда совершенно даже затихаетъ; тогда шаманъ, высоко поднявши бубенъ и наигрывая на немъ спокойный торжественный гимнъ, опять проситъ и заклинаетъ небесныхъ духовъ. Наконецъ, онъ узналъ все, что ему нужно; онъ знаетъ, кто причина несчастія или болѣзни, съ которыми онъ борется, онъ заручился обѣщаніями и содѣйствіемъ всѣхъ, кого нужно; кружась, танцуя и барабаня, съ пѣніемъ направляется онъ къ больному; тутъ онъ съ новыми заклинаніями изгоняетъ причину болѣзни,

---

[1]) Хатэнъ тимиръ хабарыйда... Джюло былытъ сугунатта!... Кой былытъ кётёкюлюнна!...

[2]) Срель!... срель!... срель!... Хологосъ бысагакыгиъ... атачча уотъ тагигенеры санилыйдэ (санилыеръ).

Рис. 154. Шаманъ, въ моментъ камланія, высматривающій духовъ.

выпугивая или высасываетъ ее ртомъ изъ больнаго мѣста, и уноситъ обратно на середину избы, гдѣ опять послѣ многихъ прерѣканій, пробъ и заклинаній выплевываетъ ее, выгоняетъ, выбрасываетъ вонъ пинками, или сдуваетъ прочь съ ладони, далеко на небо или подъ землю. Тутъ же узнается, какой жертвой заплатить нужно мощнымъ небеснымъ духамъ за такое неблаговидное обращеніе съ ихъ ниспосланнымъ къ больному слугою; шаманъ, прикрывая глаза ладонью отъ свѣта, осматриваетъ пристально всѣ углы и, если замѣтитъ что нибудь подозрительное, опять бьетъ въ бубенъ, танцуетъ, пугаетъ и проситъ. Танцуя, онъ идетъ въ далекій путь и гонитъ передъ собою или уводитъ непокорнаго духа; наконецъ, все очистилось, нигдѣ не видно подозрительнаго «тумана», значитъ, причина зла удалилась, жертва принята, мольбы выслушаны — обрядъ конченъ. Послѣ того шаманъ, одаренный на нѣкоторое время вѣщимъ духомъ, ворожитъ, отвѣчаетъ любопытнымъ на задаваемые вопросы или разсказываетъ, что видѣлъ случайно на небѣ; затѣмъ опять садится на свою кобылью кожу, поетъ и играетъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ ней, бываетъ присутствующими перенесенъ на билирикъ. (Колым. ул., 1883 г.).

Жертвы, даваемыя духамъ, бываютъ различны, сообразно важности

случая; иногда болѣзнь переносятъ въ скотину, и эту больную скотину жертвуютъ, то есть «уводятъ на небо». Танецъ изображаетъ именно это путешествіе по небу, совмѣстно съ духами и жертвенной скотиной; въ старину бывали такіе шаманы, которые дѣйствительно уходили на небо и присутствующіе видѣли, какъ «на облакахъ плыветъ подаренная скотина, за ней летитъ бубенъ шамана, а за послѣднимъ уже самъ шаманъ въ своемъ волшебномъ одѣяніи». Бывали и такіе хитрые, а вмѣстѣ съ тѣмъ и могущественные шаманы, что вмѣсто настоящей скотины приводили на небо лживую «туманную» кобылу; но такихъ на небѣ «не принимаютъ». (Нам. ул., 1888 г.).

У всякаго шамана на этомъ трудномъ и опасномъ пути есть свои мѣста отдохновенія—олохъ; когда онъ во время танца садится, это значитъ, что пришелъ на олохъ; когда поднимается, значитъ, что опять направляется дальше вверхъ; если падаетъ, значитъ, идетъ внизъ, подъ землю. Олохи отстоятъ другъ отъ друга на разстояніе «девяти мѣстъ» [1]). Всякій шаманъ, какъ бы онъ далеко не былъ, знаетъ, гдѣ находится, на какомъ олохѣ и по какой дорогѣ идетъ какой либо, шаманящій въ это время, шаманъ. (Намс. ул., 1888 г.). У плохихъ шамановъ нѣтъ олоховъ.

Иногда проводы духа и жертвенной скотины на небо составляютъ особую церемонію, отдѣленную отъ первой (т. е. обѣщанія) нѣсколькими мѣсяцами времени. Я разъ присутствовалъ при такой церемоніи: начало

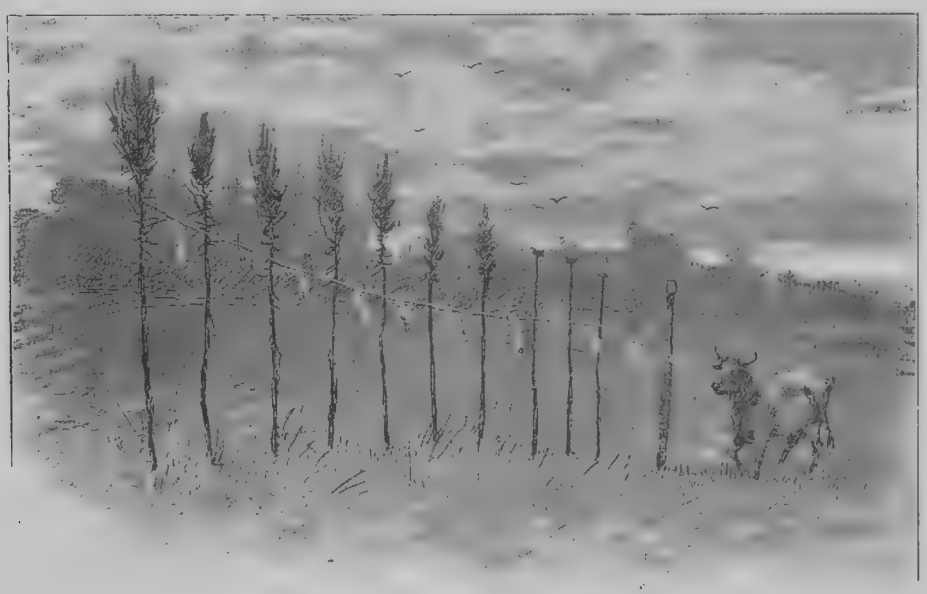


Рис. 155. Проводы жертвенной скотины на небо.

[1]) Опять обращаю вниманіе на связь родовой организаціи съ шаманскимъ культомъ (см. стр. 471).

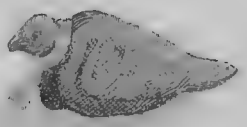


Рис. 156. Кукушка (1/8 нас. вел.).

Рис. 157. Гагара (1/8 нас. вел.).

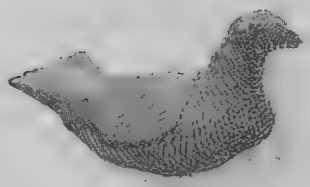


Рис. 158. Тетеревъ (1/8 нас. вел.).

было такое же какъ всегда, но когда шаманъ, заручившись покровительствомъ своего ӓмӓгятъ, пустился въ дорогу, тогда корову вывели изъ юрты на дворъ и привязали къ заранѣе приготовленному столбу, въ сажень высотою и съ вырѣзками на верху, долженствовавшему изображать обычный сӓргӓ (столбъ для коновязи); впереди этого столба были вбиты три, такой же приблизительно вышины, гладкіе, обструганные шесты, на концы которыхъ были насажены деревянныя изображенія птицъ: первое сидѣло двухголовое крылатое чучело, называемое эксёкю (рис. 160), затѣмъ такой же величины изваяніе, куагасъ, гагары (рис. 157) или ворона, суоръ и третье, поменьше, изображеніе кукушки, кӓгӓ (рис. 156). Птицы стоятъ довольно близко другъ отъ друга, одна за другой рядомъ и обращены головами на югъ; на той же линіи впереди ихъ разставлены на разстояніи сажени другъ отъ друга девять зеленыхъ елокъ, очищенныхъ отъ коры на вышину сажени и больше; между елками натянута тонкая волосяная веревка, украшенная пучками бѣлыхъ копскихъ волосъ; начиная отъ первой птицы, она подымается все болѣе и болѣе вверхъ и должна изображать дорогу, по которой «вслѣдъ за птицами» полетитъ на небо шаманъ, гоня передъ собою жертвенную скотину (рис. 155). (Нам. ул., 1889 г.). Въ рощахъ, въ укромныхъ лѣсныхъ уголкахъ, куда уносятъ и оставляютъ разные ненужные, употреблявшіеся во время шаманства предметы, я, кромѣ описанныхъ выше птицъ, столбовъ, елокъ, деревянныхъ фигурокъ, волосяныхъ, разукрашенныхъ тряпками и кистьями волосъ, веревокъ, сети, находилъ также иногда родъ подставки, въ

Рис. 159. (1/3 нас. вел.).

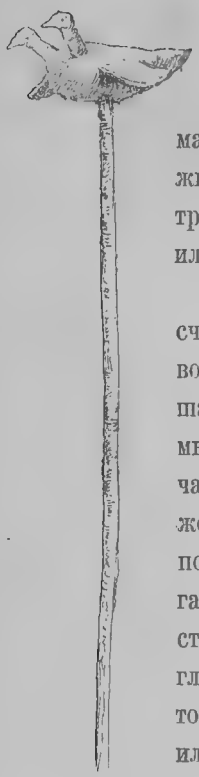


Рис. 160. Эксёкю (1/21 нас. вел.).

сажень вышиною съ *девятью* маленькими деревянными бокальчиками на верхней поперечинѣ (рис. 161), носящими явные слѣды недавно наполнявшей ихъ крови, а также маленькіе столы на высокой ножкѣ съ кусками мяса, жиру, печенки. При нѣкоторыхъ церемоніяхъ употребляются изображенія: чайки, куропатки, тетерева, или коршуна.

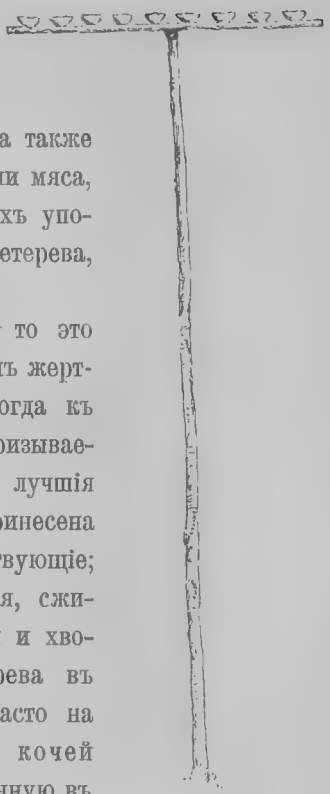


Рис. 161 (1/21 наст. вел.).

Когда жертвенное животное убиваютъ, то это считается самой большой и желательной духамъ жертвой. Животное убивается въ то время, когда къ шаману уже явился ämäгять и другіе, призываемые имъ духи; затѣмъ часть мяса варятъ, лучшія части ставятъ на столъ для тѣхъ, кому принесена жертва, остальное ѣстъ шаманъ и присутствующіе; подъ конецъ пиршества все, что остается, сжигается; кожу вмѣстѣ съ копытами, головой и хвостомъ вѣшаютъ гдѣ-нибудь на вѣтвяхъ дерева въ глухой чащѣ [1]). Тутъ же по близости, часто на томъ же деревѣ, дѣлаютъ обыкновенно и кочей или кочай: палку въ сажень длиною, отдѣланную въ видѣ стрѣлы и надѣтую высоко надъ землею на сучекъ между розсохами какой-либо старой, вѣтвистой лиственицы. Въ серединѣ палки продѣлана дыра,

[1]) Прилагаю описаніе Гмелина такого кроваваго шаманства. «Якутскъ. 1737 года, 19-го іюня. Уже давно мы желали видѣть церемонію жертвоприношенія животныхъ у якутовъ и узнали, наконецъ, что 19-го іюня, вечеромъ, такая церемонія произойдетъ въ восьми верстахъ ниже Якутска, на берегу Лены. Мы отправились туда водою и скоро прибыли на мѣсто, гдѣ уже застали общество, которое, вѣроятно, чаяло насладиться плодами этой жертвы, и шамана, дѣлавшаго приготовленія къ приношенію въ жертву теленка, тутъ-же привязаннаго... Онъ велѣлъ четыремъ якутамъ держать теленка, сдѣлалъ ему разрѣзъ въ груди и разорвалъ большую жилу возлѣ сердца, послѣ чего теленокъ тотчасъ умеръ. Шаманъ собралъ нѣсколько крови и нарисовалъ ею, на стволѣ сосны, три безформенныхъ лица. Это было нѣчто въ родѣ дѣтскихъ рисунковъ: продолговатый овалъ, пара кружечковъ вмѣсто глазъ, между ними продольная черточка вмѣсто носа, и поперечная вмѣсто рта. Потомъ стали снимать кожу съ теленка, чѣмъ занимались то шаманъ, то другіе якуты. Когда сняли, положили ее на козлы, стоявшія на четырехъ подпоркахъ, на сажень вышины надъ землею. Одни разрѣзывали мясо и раздробляли кости, другіе слегка выжимали сокъ изъ желудка и кишекъ убитаго теленка. Наконецъ, все это они бросили въ котелъ, висѣвшій надъ огнемъ и стали варить. Когда кушанье наполовину сварилось, шаманъ подошелъ къ тремъ кровавымъ изображеніямъ, поклонился имъ и пробормоталъ нѣсколько словъ. Затѣмъ, вмѣстѣ со всѣми якутами, онъ усѣлся въ кругъ и ѣлъ, какъ они, весьма охотно, то что подавали изъ котла. По мѣрѣ того, какъ съѣдали изъ котла вареное мясо, подкладывали то, которое не вошло въ котелъ и продолжали такъ до тѣхъ поръ, пока не сварили и не съѣли всего;

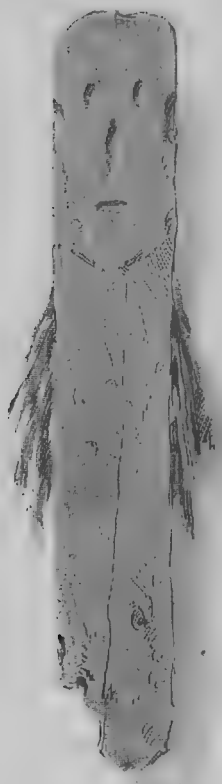


Рис. 162.
(1/3 нас. вел.).

Рис. 163.
(1/3 нас. вел.).

остріе палки всегда направлено на югъ и чуть приподнято къ верху; эта палка должна собою изображать «дорогу, по которой шаманъ и жертвенное животное отправляются на небо». (Алданъ. Баягантай ул., 1884 г.). Жертва эта называется по-якутски: кочай-кäрäхъ. Кäрäхъ вообще *жертва*; ытыкъ — жертва поменьше [1]). Слѣды жертвъ во множествѣ встрѣчаются всюду въ лѣсахъ якутской области; излюбленныя же мѣста жертвъ — лѣсные бугры, тумулъ, гдѣ обыкновенно и растутъ необходимыя для помѣщенія кочай толстыя, суковатыя, матерыя лиственицы.

«Въ былое время шаманъ собственноручно вырывалъ изъ живой скотины сердце и еще трепещущее поднималъ на ладони вверхъ въ жертву духамъ» (Алданъ, 1885 г.). «Кровью жертвенныхъ животныхъ шаманъ часто мажетъ собственное лицо и платье, мажетъ изображеніе своего ämäгять и маленькія деревянныя фигурки людей и животныхъ, употребляемыя иногда для шаманства» (рис. 159, 162, 163) [2]). (Верхоянскъ, 1881 г.). Въ Колымскомъ округѣ я также видѣлъ деревянныя фигурки животныхъ, употребляемыя для чаръ; это были фигурки лисицы и волка, которыхъ шаманка посылала отыскивать потерю, но «лисица ушла, а волкъ бѣгалъ безъ толку по полю» и ничего найти не удалось. (Колымскій округъ, 1882 года).

Кочай приносятъ только въ исключительныхъ случаяхъ; чаще при-

наваръ тоже уничтожили. Десять человѣкъ сидѣло за пиршествомъ, которое продолжалось почти часъ. Шаманъ снова подошелъ къ тремъ изображеніямъ, клапялся имъ и что-то произносилъ, какъ и въ началѣ. Такъ кончилось жертвоприношеніе. (Reise, B. II, pp. 508, 509).

[1]) Кäрäхъ-суртъ, такъ называютъ въ Монголіи своеобразные древніе могильники выложенные камнями; по якутски названіе это значило бы: жертвенное мѣсто. Суртъ — мѣсто пастьбы скота, стр. 347.

[2]) «Ихъ боги ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ куколъ, исключая глазъ: у нашихъ они нарисованы, а ихъ куклямъ вставляютъ вмѣсто глазъ красные круглые коралы или маленькія свинцовыя пульки, живѣе изображающія глаза. Вся кукла сдѣлана изъ тряпокъ. пѣсколько неуклюжѣе чѣмъ наши, но пользуются всѣми божескими почестями, какія воздаются и у другихъ язычниковъ. Ароматъ жира или жирнаго мяса пріятнѣйшая для нихъ жертва (Гмелинъ, П. стр. 476).

носятъ «живую жертву», тыннахъ ытыкъ, то есть: просимую духомъ скотину посвящаютъ и отпускаютъ свободно въ степь; предварительно, однако, шаманъ долженъ ее свести на небо и тамъ показать тому, кому она пожертвована. (Нам. ул., 1888 г.). Обрядъ проводовъ описанъ выше. Пожертвованное животное не продаютъ и, не замѣнивши его предварительно другимъ, не убиваютъ; въ старину, говорятъ, даже не доили. Тогда же около Петрова дня на ысыахѣ хозяинъ, у котораго были пожертвованныя животныя, ытыкъ сюöсюляхъ, одѣвалъ одного изъ гостей въ шапку и вмѣстѣ съ нимъ и своей женой уходилъ тайкомъ въ поле, гдѣ, отыскавши священное животное, брызгали ему на хвостъ, гриву и шею сливки и кумысъ. (Нам. ул., 1888 г.). Въ настоящее время этотъ обычай выходитъ изъ употребленія.

Иногда духъ требуетъ въ жертву живую чайку; такого духа называютъ «дѣвушкой Куохай съ чайкой», коптолохъ Куохай-кысъ; она преимущественно вредитъ глазамъ; для нея ловили бѣлую чайку съ черными концами крыльевъ, которую затѣмъ шаманъ съ пѣпіемъ отпускалъ вверхъ на свободу. Приведу здѣсь еще одинъ странный примѣръ шаманскихъ обрядовъ, именно: когда шаманъ изъ среды духовъ вызываетъ къ себѣ «бога быка», огусъ тангаралахъ, и послѣдній снисходитъ, тогда шаманъ роетъ бубенной колотушкой въ землѣ углубленіе, льетъ туда воду и пьетъ ее, а дѣлается это будто-бы въ «память того, что когда-то два знаменитыхъ шамана въ образѣ своихъ іе-кыла встрѣтились и вступили въ борьбу, но не могли одолѣть другъ друга и, барахтаясь, провалились подъ землю; тогда только съ неба послали третьяго шамана, который рознялъ ихъ и вытащилъ на «солнечный свѣтъ». (Намскій ул., 1889 г.).

На Алданѣ якутъ, который довольно продолжительное время исправлялъ должность кутуруксута при шаманѣ, между прочими свѣдѣніями сообщилъ мнѣ, что есть у якутовъ три рода жертвоприношеній:

1) Тюхюргёнъ—когда бьютъ скотину дома и ставятъ въ красномъ углу на столѣ вареныя внутренности, жиръ и мясо; иногда такой столъ устраиваютъ въ лѣсу; кожу жгутъ.

2) Кочай-кäрäхъ—скотину бьютъ въ лѣсу, кожу съ головой, рогами и копытами вѣшаютъ на деревѣ, на которомъ устраиваютъ выше описанный деревянный «указатель дороги».

3) Уступя — приведенную къ себѣ корову шаманъ въ изступленіи хватаетъ за рога, бросаетъ на землю, затѣмъ, сидя на ней верхомъ, поетъ и барабанитъ; кончается тѣмъ, что онъ живьемъ отрѣзываетъ у коровы ноги, живьемъ вскрываетъ ей грудь и, вырвавши оттуда сердце, его, еще

трепещущее подымаетъ вверхъ на ладони, затѣмъ грызетъ его зубами, притворяясь, что пожираетъ, кровью пачкаетъ себѣ лицо, руки и платье. (Алданъ. Баягантай ул., 1885 г.). Обычай очень древній и теперь не употребляемый [1]).

Описанные выше пріемы колдовства и заклинанія употребляются не только для излѣченія больныхъ людей, но и во всякихъ другихъ случаяхъ ради предотвращенія разныхъ несчастій и напастей. Надъ больной скотиной тоже шаманятъ; во время падежа скота шаманъ ходитъ по хлѣву, по избѣ и кругомъ двора съ людьми, вооруженными деревянными мечами, они набрасываются на стѣнки, вещи, людей, на скотъ, на все, что попадается на встрѣчу, коля и рубя, причемъ всѣ кричатъ: «копьемъ будемъ колоть, ножомъ пороть! иди! не оставайся»! (Намскій ул., 1887 г.). Телячью болѣзнь лѣчатъ проще: на зовъ «кäеринъ! кäеринъ»! этотъ чортъ является; тогда шаманъ ловитъ его въ старую берестяную посуду или просто въ горсть, вмѣстѣ съ сѣномъ и навозомъ, куда онъ любитъ прятаться; поймавши, онъ выбрасываетъ чертенка подальше, хорошенько напугавши его предварительно и прочитавши приличное случаю наставленіе; пойманный отпирается, клянется, что не онъ, и тутъ часто возникаютъ забавныя препирательства съ уличающими его въ проказахъ присутствующими; это очень веселый и возбуждающій всегда много смѣха обрядъ. (Намскій ул., 1889 г.).

Шаманятъ по поводу и менѣе значительныхъ происшествій, какъ-то: если молоко у хозяйки свертывается и сливки не отстаиваются, если сломается посуда, потеряется топоръ и т. д.

Кромѣ жертвъ, приносимыхъ шаманами, есть еще одинъ родъ жертвоприношеній, самый общедоступный, самый дешевый и самый распространенный, это—куски масла, жиру, мяса, бросаемые на огонь, или въ лѣсу прикалываемые къ дереву; изліянія водки, сливокъ, кумысу на огонь и гриву животныхъ; пучки волосъ, которые вѣшаютъ въ лѣсу на вѣтвяхъ деревьевъ; куски цвѣтнаго ситцу, платки, серебряная и мѣдная монета, чай, табакъ, соль, мука, хлѣбъ, оладьи, пикурки бѣлокъ и горностаевъ, а также другіе, болѣе или менѣе цѣнные, предметы, которые оставляютъ проѣзжающіе на горныхъ перевалахъ, у рѣчныхъ береговъ, на утесахъ, въ

[1]) Отмѣчу, что даже въ мѣстностяхъ, гдѣ вывелся древній способъ убивать скотъ, на свадьбахъ и шаманствахъ до сихъ поръ бьютъ его, разрывая *воротную вену*. Для этого животное помощью веревокъ вытягиваютъ въ струну навзничъ между двумя столбами, разрѣзываютъ грудную полость такъ, чтобы можно было просунуть внутрь руку и кто нибудь изъ молодыхъ людей всовываетъ руку, отыскиваетъ вену и рветъ ее. Животное при этомъ стонетъ и не рѣдко *плачетъ*, но за то ни одна капля крови не проливается на землю, не пропадаетъ даромъ.

рощахъ и т. д., вообще въ мѣстностяхъ опасныхъ для путешественниковъ, или особенно излюбленныхъ духами; жертвы эти приносятся всякимъ желающимъ, на всякомъ мѣстѣ и по поводу самыхъ различныхъ случаевъ [1]).

Вдумываясь въ извѣстныя мнѣ якутскія повѣрья, обряды, преданія и легенды, во весь складъ ихъ ума, проявляющійся въ способѣ повѣствованія и разсужденія, въ способахъ объясненія непонятныхъ ими явленій, а также житейскихъ обыденныхъ происшествій, я пришелъ къ заключенію, что хотя мышленіе якутовъ и носитъ сильный отпечатокъ фетишизма, но оно уже перешло къ высшей стадіи развитія и пробовало самостоятельно создать болѣе законченное, цѣльное и не лишенное самобытности міросозерцаніе, которому опредѣлиться помѣшало только водвореніе христіанства.

Правда: якутъ вѣритъ въ иччите — «душу предмета» и всюду ее ищетъ; каждая былинка, кустъ, дерево, камень, каждая гора, утесъ, рѣчка, лѣсокъ... каждый инструментъ, ножъ, топоръ, ружье могутъ обладать «душой», иччите, но выше всѣхъ ихъ уже стоитъ Аи-тоёнъ (Арытоёнъ) съ сонмомъ боговъ и иччите высшаго порядка: душъ предметовъ собирательныхъ, понятій отвлеченныхъ.

Начнемъ съ Аи-тоёна. Не вдаваясь въ разборъ происхожденія этого понятія, я постараюсь возсоздать его образъ такимъ, какимъ онъ явился мнѣ въ разсказахъ якутовъ.

Аи-тоёнъ—это воплощеніе силы верховной, мощной, неумолимой и самодовлѣющей; онъ не добръ и не золъ; онъ не существо, а скорѣе — *бытіе* вообще; съ высоты своего престола, «на седьмомъ небѣ», онъ

[1]) Вблизи Якутска въ мое еще время существовала старая, очень чтимая якутами сосна, сплошь украшенная подношеніями: волосомъ, ситцемъ, кусочками мяса, лепешками. Кажется, что ее видѣлъ еще Гмелинъ: «Прекрасная сосна была кругомъ увѣшана, внизу — старыми тряпками и шнурками изъ конскаго волоса, а подъ ними лежало много вѣтокъ. Это было священное дерево, а священнымъ деревьямъ приносятъ подарки. Каждый пріѣзжій якутъ согрѣшитъ, если не поднесетъ приношенія, и навлечетъ на себя гнѣвъ боговъ, а потому дерево быстро покрывается подарками; тогда ихъ кладутъ подъ деревомъ. Якуты не кладутъ такихъ вещей, которыя могли бы понадобиться людямъ иной вѣры. Потому что, хотя многіе иновѣрцы придерживаются якутскихъ обычаевъ и суевѣрій, но они охотно возьмутъ себѣ то, что сочтутъ для себя необходимѣе, чѣмъ для якутскихъ боговъ. Двѣ березы стояли совсѣмъ близко отъ этой сосны. У одной изъ нихъ всѣ вѣтки по серединѣ были обрублены, остались только верхнія и нижнія, у другой были срублены только верхнія вѣтки. Эти два дерева означали *союзъ чести*, заключенный между собою двумя парами якутовъ. Когда двое якутовъ живутъ въ особенной дружбѣ и когда одинъ изъ нихъ уѣзжаетъ далеко, напр. отсюда на Вилюй, на Яну или Индигирку, то разстаются они въ такой мѣстности, гдѣ есть деревья; остающійся влѣзаетъ на дерево и обрубаетъ вѣтки вверху или посерединѣ дерева. Это служитъ доказательствомъ его дружбы къ отъѣзжающему, и онъ постоянно хвалится этимъ; если онъ получаетъ извѣстіе, что уѣхавшій умеръ, то до конца своей жизни хвалится тѣмъ, что это онъ обрубилъ эти вѣтви въ знакъ памяти. (Reise, B. II, p. 497).

созерцаетъ вселенную, но въ дѣла міра сего мало вмѣшивается: *громъ* и *молнія*—его глаголы; *орелъ* дремлетъ у его ногъ, а эмблема его—*солнце*. Онъ благодать, но благодарить его не зачѣмъ, какъ незачѣмъ благодарить вселенную, что она существуетъ; онъ всемогущъ, но онъ ничего не хочетъ, и, поэтому, напрасно къ нему обращаться съ просьбами; ему никогда ничего не жертвуютъ, и я нашелъ только одно преданіе, свидѣтельствующее о культѣ его имени: «Въ старину, на ысыахѣ, шаманъ наливалъ девять большихъ, деревянныхъ (полуведерныхъ) одиногихъ жбановъ (аяхъ, ымыя) кумысомъ, клалъ туда масла, затѣмъ подымалъ ихъ по очереди къ небу и, троекратно воскликнувши: «Аи-тоёнъ!... Уруй»!.. отливалъ кумыса на огонь, послѣ чего уже чаша передавалась пирующимъ и обходила круговую» [1]). (Намскій ул., 1888 г.). Понятіе Аи-тоёна слилось и отождествилось въ настоящее время съ понятіемъ христіанскаго православнаго Бога, существа, которому молятся по церквамъ, ставятъ свѣчки и служатъ молебны; его часто зовутъ Никола, иногда «Святымъ старикомъ» всегда «Богомъ», Тангара, Аи-тангара; но Богъ христіанскій, Богъ Спаситель, Богъ Добро и Справедливость — этотъ Богъ чуждъ понятію якутовъ въ такой же мѣрѣ, въ какой чуждо имъ понятіе объ ангелахъ, Пресвятой Дѣвѣ, Святыхъ Апостолахъ и Богоугодникахъ, Тайнѣ Троицы, Тайнѣ Непорочнаго зачатія и т. п. Точно также «сатана», врагъ Бога, воплощеніе зла и грѣха, тоже не якутское, а наносное, иноземное понятіе. Имя сатана усвоено якутами и часто повторяется въ разсказахъ и общежитіи, но всѣ легенды, гдѣ появляются Богъ и сатана, носятъ явные слѣды христіанскаго происхожденія: «Сатана, царь чертей, сидитъ въ подземномъ своемъ царствѣ, закованный въ цѣпи и по шею погруженный въ огненное море; голова у него опущена, и ангелъ Каччійянъ (?), съ обнаженнымъ мечемъ [2]) въ рукахъ, стережетъ его, не давая взглянуть на землю; только разъ въ году, въ день новаго года, ему можно чуть приподняться и посмотрѣть на созданный Богомъ міръ; тогда на что упадетъ его взглядъ, то обречено въ этомъ году на гибель: на дерево взглянетъ—будутъ горѣть лѣса, сохнуть деревья, на скотину—будетъ падежъ скота, на человѣка—будетъ моръ и другія несчастія, на строенія—будутъ пожары и т. д. (Алданъ. Баягантай, 1885 г.).

---

[1]) Древній ысыахъ подробно описанъ Гмелинымъ (Reise. B. II, pp. 497—507). Показанія Гмелина интересны не только потому, что они *первыя* по времени показанія интеллигентнаго очевидца, но также по своей точности и богатству характерныхъ деталей. Они не разъ оказали мнѣ большія услуги при оцѣнкѣ записанныхъ мною показаній инородцевъ. Смотри о культѣ Аи-тоёна, стр. 188, 193, 469.

[2]) По другой редакціи той-же легенды: «съ желѣзнымъ молоткомъ». Каччійянъ нужно думать: Кассіянъ.

«Сатана былъ старшимъ братомъ Христа; только Христосъ былъ добръ, а онъ былъ золъ и завистливъ; въ началѣ, когда ничего еще не было, кромѣ безпредѣльнаго моря, и Богъ задумалъ создать землю, онъ обратился къ сатанѣ: «Ты хвастаешься, что все можешь»! сказалъ ему Богъ, «что ты могущественнѣе даже меня! Ладно: такъ достань со дна моря горсть песку»! Тщеславный сатана сейчасъ же нырнулъ, но когда выплывалъ на поверхность, вода вымыла песокъ изъ зажатой его горсти; два раза нырялъ онъ, но напрасно; тогда, въ третій разъ, онъ обернулся ласточкой и вынесъ въ клювѣ немного илу. Христосъ [1]) благословилъ этотъ илъ и онъ превратился въ землю, которая въ началѣ была гладка и ровна, какъ тарелка; но сатана схитрилъ и не всю добычу показалъ Христу, желая создать и для себя свой собственный міръ, гдѣ все было бы навыворотъ; Христосъ во время замѣтилъ хитрость и ударилъ сатану по шеѣ такъ крѣпко, что илъ, спрятанный у него въ горлѣ, высыпался наружу; вотъ изъ этихъ то крохъ образовались горы». (Верхоянскъ, 1880 годъ).

Догматы христіанства остались до сихъ поръ совершенно чужды и непонятны большинству якутовъ; я не говорю о этической сторонѣ Христова ученія, а о догматической.

«Сколько боговъ»? спросилъ я разъ въ Колымскомъ округѣ якутовъ, наговорившихъ мнѣ цѣлую кучу почерпнутыхъ изъ Священнаго Писанія разсказовъ о Ноѣ, потопѣ, Адамѣ и Евѣ и т. д. Дикари, не желая очевидно показать себя невѣждами, долго думали; наконецъ, одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «Боговъ много, но самыхъ главныхъ четыре: Никола—на югѣ, два Спаса—на западѣ и востокѣ, а Матерь Божія—на сѣверѣ»! (Колым. округъ, 1883 г.). «Боговъ много, а главный Никола», говорили мнѣ на Алданѣ. Очевидно, здѣсь понятіе о святыхъ сливается съ понятіемъ о богахъ [2]).

Еще приведу здѣсь одинъ разсказъ, въ которомъ дѣятельную роль играетъ сатана; подобный разсказъ можно найти во всякомъ сборникѣ славянскихъ повѣрій:

«Въ началѣ человѣкъ былъ покрытъ шерстью, но согрѣшивши, утерялъ ее. Когда Богъ сотворилъ человѣка, то сдѣлалъ его караульщикомъ своего дома, называемаго ырей (рай); сатанѣ очень хотѣлось проникнуть въ этотъ домъ и вотъ, когда однажды Богъ отлучился, сатана пришелъ

[1]) По другой редакціи—Никола отоніоръ (старикъ); замѣчательно въ этой легендѣ смѣшеніе Бога творца, Христа и Николы; для якутовъ, какъ я говорилъ выше, часто это только *разныя названія одного и того-же лица* (Алданъ, 1885 г.).

[2]) Характерно, что иконы тоже зовутся: тангара.

къ человѣку и попросилъ впустить его туда. Человѣкъ отказалъ. Тогда сатана предложилъ ему въ подарокъ бѣлую шубу, затѣмъ—пеструю, а когда тотъ не соглашался, то наконецъ и черную [1]). Тогда человѣкъ соблазнился и впустилъ его; сатана шубы не далъ, а домъ изгадилъ и испачкалъ. Богъ, возвратившись, узналъ сейчасъ же о посѣщеніи сатаны и, разгнѣванный, прогналъ человѣка, а въ наказаніе лишилъ его шерсти, говоря: «ты промѣнялъ собственные волосы на шубу— ну, такъ ходи голый»!.. (Верхоянскъ, 1881 г.).

Якутскій сатана, тотъ аллара абасы огоніоръ (подземный старикъ-духъ), котораго зовутъ также иногда «сатаной», совсѣмъ другое понятіе, хотя и къ нему также стали прилагать въ послѣднее время кой-какіе аттрибуты его библейскаго собрата; называютъ его, напр., царемъ злыхъ духовъ, абасы ырахта, между тѣмъ какъ онъ вовсе не считается самымъ могущественнымъ среди фетишей и духовъ, олицетворяющихъ злыя и вредныя силы природы [2]). Замѣчательно, что міросозерцаніе якутовъ не заключаетъ въ себѣ ничего мистическаго, они знаютъ явленія вредныя, полезныя и безразличныя, но не знаютъ *грѣховныхъ*. Добродѣтель, какъ результатъ побѣды духа надъ тѣломъ, какъ умерщвленіе плоти, какъ постъ, дѣвственность, смиреніе и иные аскетическіе идеалы чужды имъ; они говорятъ аji — грѣхъ, но значеніе этого слова совершенно особое; какія же понятія оно въ себѣ заключаетъ, я себѣ полностью не уяснилъ, но вѣрнѣе всего, что это понятіе *страданія*. «Въ старину говорили арахъ, это тоже что—аji». (Намскій ул., 1889 г.). Вѣра, какъ доблесть, и сомнѣніе, какъ грѣхъ, для нихъ равно непонятны. Они безъ смущенія вѣрятъ тому, что знаютъ, и сомнѣваются въ томъ, чего не знаютъ, и въ стремленіи къ этому знанію нѣтъ у нихъ внутреннихъ преградъ.

Если Аи-тоёнъ есть воплощеніе бытія вообще, то та часть бытія, которая проявляется во всемъ живущемъ, обособилась въ отдѣльное понятіе—Улу-тоёна. Онъ не противуположеніе Аи-тоёну, не враждебенъ ему, а только менѣе его безмятеженъ [3]) и въ силу этого болѣе мраченъ и гнѣвливъ; живетъ онъ на западной сторонѣ на третьемъ небѣ. (Нам. ул., 1887 г.). Онъ близокъ къ землѣ, и дѣла ея живо его занимаютъ, но такъ какъ благость существованія разлита повсюду помимо его Аи-тоёномъ, то Улу-тоёну выпало на долю проявляться только въ мучительныхъ и грозъ-

[1]) Черные мѣха особенно цѣнятся якутами и считаются болѣе красивыми.

[2]) Смотри ниже.

[3]) Во сказкахъ Аи-тоёнъ изображается равнодушнымъ и лѣнивымъ. См. Худяковъ, стр. 149.

ныхъ явленіяхъ бытія. Я видѣлъ въ Верхоянскомъ улусѣ утесъ, посвященный его имени. Улу-тумулъ стоитъ на лѣвомъ берегу Яны, въ горахъ между станціями Суруктахъ и Кеньюряхъ. Высокая скала отвѣсно падаетъ въ рѣку, ощетинившись повсюду темнымъ лиственичнымъ лѣсомъ. Такимъ долженъ казаться людямъ этотъ Улу-тоёнъ, про котораго поютъ въ заклинаніяхъ: «Господинъ мощный изъ мощныхъ!.. Дитя загадки! Ты съ пламеннымъ ворономъ!.. соберись!.. предстань»!.. [1]) такимъ онъ долженъ казаться, когда могучій, гнѣвный и карающій, онъ отдаетъ приказанія своимъ подчиненнымъ, или самъ, въ звѣриномъ или иномъ воплощеніи, является на землю. Всѣ бѣды, муки и несчастія, всѣ болѣзни и страданія, всѣ боги домашніе и родовые подвластны его высокой рукѣ: и однако онъ ничуть не желаетъ уничтоженія живущаго; наоборотъ, онъ могучей властью удерживаетъ всѣ эти бѣды, которыя въ противномъ случаѣ потопили бы міръ и мгновенно смыли съ него все живое. «Онъ создалъ шамана и научилъ его бороться со всѣми этими бѣдами; онъ подарилъ людямъ огонь». (Намскій ул., 1889 г.). «Онъ сотворилъ лѣсныхъ звѣрей и птицъ, и самые лѣса». (Алданъ. Баягантай, 1884 г.). Онъ «мощный изъ мощныхъ». Это ему по преимуществу вѣшаютъ кочай-кäрäхъ и приносятъ кровавыя жертвы, а любимыми его животными считается: быкъ или жеребецъ черной масти съ бѣлой головой или лысиной. Даже къ Аи-тоёну онъ пробуетъ относиться, какъ равный къ равному. Я записалъ въ Колымскомъ округѣ прелестное преданіе объ этихъ отношеніяхъ:

«Услышалъ Улу-тоёнъ, что есть у Аи-тоёна, спрятанная за тремя желѣзными стѣнами (юсь хосъ тимиръ хаіыга) «Солнце-дочь» (Кюнь кысъ) и послалъ своего дѣда Сесена сватать ее.

«Я пришелъ къ тебѣ» сказалъ Сесенъ, явившись къ Аи-тоёну, «отъ Улу-тоёна съ поклономъ»!..

«Я не оставлю его просьбы! Говори!», отвѣтилъ Аи-тоёнъ.

«Отдай ему дочь свою Кюнь-кысъ въ жены»!

Аи-тоёнъ задумался.

«Ладно! Но чѣмъ же онъ мнѣ за нее заплатитъ»?

«Всѣмъ, что есть на землѣ и чего пожелаешь»!

«Въ такомъ случаѣ скажи ему, что я требую миражъ (джергельгинъ) и зыбь водяную (эбэрхэ доулгунъ)».

Услышавши такой отвѣтъ, собралъ Улу-тоёнъ всѣхъ своихъ сыновей, всѣхъ лѣсныхъ и степныхъ птицъ и звѣрей, и говоритъ имъ:

---

[1]) Улутуёръ Улу-тоёнъ!... Табрынъ уола!.. Суордахъ телемей!... Мусъ!... Бэргій!... (Алданъ 1884). Болѣе точнаго перевода этой странной фразы я не могъ подыскать. Телемей, теленей, телемъ—пламя.

«Кто изъ васъ добудетъ для меня миражъ и зыбь водяную, тотъ будетъ первымъ и самымъ любимымъ у меня»! Никто не взялся; тогда Улу-тоёнъ опечалился. Увидѣвши это, воронъ и волкъ, которые до сихъ поръ были любимыми его дѣтьми, рѣшились попробовать счастья; первый выпросилъ для себя зоркость, второй—длинныя ноги. Но не смотря на старанія, воронъ не поймалъ миража, а волкъ не могъ удержать зыби, хотя и вылакалъ полъ-моря! И вотъ съ тѣхъ поръ рыщутъ они безъ устали по землѣ, все какъ будто что-то отыскиваютъ, что-то высматриваютъ! А между тѣмъ Кюнь-кысъ родила солнце»... (Колым. округъ. *Енгжа*, 1884 г.).

Воронъ, однако, до сихъ поръ остался любимымъ дѣтищемъ Улу-тоёна: ругать его, дразнить и убивать, безъ особенной надобности, никогда не слѣдуетъ.

«Разъ вороны повадились навѣщать у промышленника-якута петли, луки и ловушки; все таскали, что ни попадало: глухарей, зайцевъ, утокъ, рябчиковъ, ничего не оставляли; маялся, маялся якутъ, наконецъ убилъ одного ворона и повѣсилъ на тропинкѣ за ножку; увидѣли это другіе вороны и полетѣли къ Улу-тоёну жаловаться; тотъ сейчасъ позвалъ душу якута во спѣ на судъ:

«Зачѣмъ ты убилъ моего сына»? спросилъ богъ якута.

«Могущественный господинъ, я самъ долженъ былъ пропадать: всю добычу уносили, ничего не оставляли»! отвѣчалъ промышленникъ.

«Правда»? спросилъ Улу-тоёнъ птицъ. Вороны молчали.

«Ты можешь уйти»! сказалъ тогда Улу-тоёнъ и отпустилъ якута. (Алданъ. Баягантай, 1885 г).

Воронъ, вмѣстѣ съ гагарой, кукушкой и чайкой, играетъ видную роль въ шаманскихъ обрядахъ; разнаго рода хищныя птицы, а также изъ нехищныхъ: куропатка и куликъ, считаются волшебными птицами, но самымъ большимъ почетомъ пользуется большой орелъ, тоёнъ-кылъ (господинъ-тварь).

«Если снится орелъ, то это худой знакъ; орелъ—птица небесная, птица Аи-тоёна». (Намск. ул., 1888 г.).

«Орла видѣть даже нехорошо, а тамъ, гдѣ онъ повадился летать—не быть добру». (Намскій ул., 1889 г.).

На Алданѣ, когда къ одному богатому якуту стали прилетать во дворъ два орла, онъ приказалъ убить скотину, вынести на дворъ столъ, на столѣ поставить двѣ серебряныя рюмки съ водкой, блюдечко съ солью и тарелку съ накрошенными кусками сырой печени, сердца, жиру и лучшихъ частей мяса, затѣмъ приказалъ людямъ удалиться, чтобы не пугать

Рис. 165. Тунгусскій жертвенникъ.

птицъ; орлы, будто бы, выпили водку и поѣли мясо, что считается хорошимъ признакомъ, именно: въ этомъ домѣ будетъ водиться скотъ, особенно—*конный.* (Баяган. ул., 1885 г.).

Орлы, по общему повѣрію, злопамятны, но подъ-часъ и благодарны; одинъ шаманъ разсказывалъ мнѣ, какъ орелъ, котораго онъ, имѣя возможность убить, пощадилъ, подарилъ ему, выбросивши изъ себя съ каломъ волшебный, вызывающій непогоду, камень сата. Наоборотъ, одинъ якутъ Намскаго улуса, Атамайскаго наслега, убившій, какъ мнѣ разсказывали, орла, сильно пострадалъ за это: его самого и его сестру «скорежило», съ нимъ стали дѣлаться припадки (мäпріеръ), и черезъ три года оба они умерли въ страшныхъ мученіяхъ. (Намс. ул., 1887 г.). Якутка Намскаго улуса ни за что не хотѣла ѣсть утки, отнятой у орла: «грѣхъ пользоваться чужими трудами, вѣдь онъ тоже мучится, промышляетъ»! оправдывалась она, но я полагаю, что въ ней говорилъ страхъ.

«Если найдешь мертваго орла или кости его, то слѣдуетъ поднять ихъ съ земли и, устроивши на вѣтвяхъ маленькій *арангасъ* (лабазъ), положить его тамъ, приговаривая: подымись въ верхъ, на родину, на эту землю не приходи! Твои мѣдныя кости я схоронилъ на лабазѣ. Твои серебряныя кости я поднялъ»! (Алданъ, Баягантай, 1885 г.). Вообще якуты считаютъ нужнымъ кости полезныхъ или почитаемыхъ ими

животныхъ подвѣшивать надъ землею; часто видишь въ лѣсу воткнутую на колъ или повѣшенную на вѣтви конскую, бычью или оленью голову, ихъ позвонки, рѣже другія кости. Возможно, что обычай этотъ наравнѣ съ способомъ погребенія въ а р а *нг* к а с а х ъ они переняли у тунгусовъ. Послѣдніе избѣгаютъ бросать на землю вообще всякія кости животныхъ, особенно дикихъ, убитыхъ ими на охотѣ. По дорогѣ изъ Устьянска въ Верхоянскъ, въ глухомъ уголку, на берегу рѣчушки я нашелъ цѣлый жертвенникъ сложенный изъ хвороста, ради погребенія такихъ костей (рис. 165).

Иногда Улу-тоёнъ, принявши на себя образъ большаго чернаго быка, или чернаго жеребца, громаднаго медвѣдя, или лося, съ ревомъ и шумомъ пробѣгаетъ по землѣ. (Намскій ул., 1887 г.).

Изъ всѣхъ этихъ звѣрей, большой черный медвѣдь, очень свирѣпый и кровожадный, произвелъ самое сильное впечатлѣніе на якутовъ. Они его считаютъ «царемъ рощъ и лѣсовъ» (о ю р ъ т о ё н ъ, т ы э т о ё н ъ, т ы э т а л ы т о ё н ъ). (Намскій ул., 1887 г.)

На сѣверѣ о медвѣдѣ остерегаются говорять худо, даже не слѣдуетъ упоминать громко его имени всуе; его имя «дѣдъ», э с с, но имя это не хорошее, и звѣрь за него сердится, въ виду этого зовутъ его: к о к ъ, или просто «черный», часто потихоньку зовутъ его «злымъ лѣснымъ духомъ», а то даже У л у-т о ё н о м ъ. Когда на Алданѣ, на толпу охотниковъ, отправившихся убить медвѣдя, свирѣпствовавшаго въ окрестности и уже растерзавшаго одного промышленника, отыскиваемый ими звѣрь самъ напалъ врасплохъ, то всѣ *сорокъ человѣкъ* съ крикомъ: У л у-т о ё н ъ! повалились передъ нимъ ницъ на землю, и только три человѣка, опытные медвѣжьи охотники, присѣли подъ рогатинами и нацѣлились изъ винтовокъ; но и эти кричали: У л у-т о ё н ъ! У л у-т о ё н ъ!.. Постой, не сердись»! (Алданъ. Баягантай, 1886 г.). Существуетъ масса легендъ, преданій, разсказовъ, доказывающихъ необыкновенныя, волшебныя качества медвѣдя. «Медвѣдь—тотъ-же чортъ, но самый опасный изъ нихъ, это—хвостатый»! (Колым. округъ, 1883 г.). «О медвѣдѣ не говори худо, не хвастайся: онъ все слышитъ, хотя его близко и нѣтъ, все помнитъ и не прощаетъ». (Колым. окр., 1882 г.). Нужно, однако, сознаться, что фигура этого лѣснаго разбойника окружена нѣкоторымъ ореоломъ великодушія и рыцарства: онъ не нападаетъ на слабыхъ, на женщинъ, на покорныхъ. Достаточно, встрѣтившись съ нимъ, упасть на колѣни и прочесть слѣдующую молитву: «Князь лѣсовъ, подумай о лѣсахъ! Господинъ лѣса, подумай о рощахъ! Господинъ чащи, подумай о ней! Уйди туда! Мы тебя не трогаемъ, мы тебя не обижаемъ,—отпусти насъ»! чтобы медвѣдь не тронулъ умоляющихъ. (Колымскій округъ, 1883 г.).

«Разъ одинъ богатырь встрѣтился съ медвѣдемъ, не имѣя оружія; много онъ раньше перебилъ ихъ и зналъ, что они сердиты на него и непремѣнно убьютъ его. Однако попробовалъ хитрость: сталъ стыдить своего врага. «И не стыдно тебѣ нападать на меня невзначай? Развѣ я тебя не будилъ въ логовищѣ, не предостерегалъ?! Отпусти меня сегодня, а я завтра приду на то-же мѣсто, также безоружный, тогда поборемся»! Медвѣдь согласился и отпустилъ ловца, а тотъ, придя домой, отыскалъ длинный ремень, а на завтра явился на мѣсто боя; обмотавши имъ туго-на-туго кулакъ правой руки и предплечіе по локоть, ударомъ кулака по головѣ онъ убилъ медвѣдя». (Колымскій округъ, 1883 г.).

Общее повѣрье утверждаетъ, что медвѣдь не нападаетъ на сонныхъ, исключая тѣхъ, которые, сами когда-либо убивали спящаго медвѣдя; поэтому, когда якуты окружатъ медвѣдя въ берлогѣ и запрутъ его тамъ, то прежде, чѣмъ нанести ударъ, они будятъ его, толкая палкой и крича: «Вставай! Войско пришло драться»! (Колымскій округъ, 1838 г.). Медвѣдь не нападаетъ также на женщинъ; достаточно женщинѣ, встрѣтившись съ нимъ, обнажить грудь и сказать: кіитымъ! кіитымъ! [1]) чтобы пристыженный звѣрь убѣжалъ. (Колымскій округъ, 1883 г.). Въ горахъ верхоянскихъ я даже слышалъ цѣлый разсказъ о томъ, какъ медвѣдь влюбился въ женщину и похитилъ ее:

«Она была молода и очень красива; однажды, когда она пошла съ подругами въ лѣсъ за ягодами и, нагнувшись собирала ихъ, не замѣтила, какъ подруги удалились и она осталась одна. Шорохъ и трескъ сучьевъ сзади заставилъ ее обернуться: тутъ только она увидѣла, что никого нѣтъ, и что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея остановился громадный черный медвѣдь и смотритъ на нее; она испугалась до смерти, но, припомнивши разсказы стариковъ, быстро разорвала рубаху и, обнаживши грудь, проговорила: «Господинъ чащи, не тронь меня! Господинъ лѣса, пусти меня! Господинъ горъ и падей, я тебя не трогаю, я на тебя не хожу войной—пусти меня! Уйди»! Медвѣдь, однако, не послушался въ этотъ разъ заклинаній и стоялъ не двигаясь съ мѣста; тогда якутка попробовала сама уйти отъ него, но онъ забѣжалъ впередъ и легъ на тропинку; когда она опять попробовала обойти его, онъ продѣлалъ тоже; такимъ образомъ онъ заставилъ ее идти въ опредѣленномъ направленіи до тѣхъ поръ, пока они не забрались въ самую глубь дремучаго лѣса, гдѣ было логовище медвѣдя. Бѣдняжка прожила съ звѣремъ три года; кормилъ онъ ее ягодами, кореньями и лучшей дичью: гусями, утками,

[1]) Одни изъ спрошенныхъ, говорили, что это значитъ,—«я невѣстка», другіе—что это простое междометіе, лишенное значенія.

*

зайцами и глухарями, но только *сырыми*. Зимою давалъ сосать лапу. Спала она вмѣстѣ съ нимъ въ ямѣ, выложенной ради нея дорогими мѣхами, а въ зимніе холода онъ, лежа на ней, грѣлъ ее собственнымъ тѣломъ. Наконецъ, несчастной удалось убѣжать, и она возвратилась къ людямъ, нагая и разучившаяся говорить». (Верхоян., 1881 г.).

«Медвѣдь уменъ, какъ человѣкъ, даже умнѣе; онъ все можетъ, все знаетъ и понимаетъ, и если не говоритъ, то только потому, что не хочетъ»! (Колымскій округъ, 1883 г.).

«Медвѣдь вовсе не звѣрь, а колдунъ; ты бы посмотрѣлъ на медвѣдя, когда съ него снимутъ кожу: женщина, какъ есть женщина, грудь, ноги—все женское»! говорилъ мнѣ на Алданѣ старый якутъ-медвѣжатникъ. Еще раньше слышалъ я легенду о людяхъ, превращенныхъ въ медвѣдей:

«Нѣкогда жилъ якутъ промышленникъ, онъ былъ не богатъ, но ловецъ замѣчательный: всегда у него было всего вволю—и ѣды и мѣховъ. Жена его, замѣтивши, что онъ каждый разъ возвращается съ промысла черезчуръ скоро и приноситъ черезчуръ много добычи, стала подозрѣвать, что находитъ онъ ее не въ лѣсу, а получаетъ отъ любовницъ, и рѣшилась прослѣдить мужа. Разъ, когда онъ ушелъ на охоту, она, крадучись, послѣдовала за нимъ; зайдя въ глушь, она увидѣла, что мужъ ея перепрыгнулъ три раза черезъ пень упавшаго дерева и оборотился въ большаго мохнатаго звѣря; она послѣдовала его примѣру, оборотилась медвѣдицей и пошла за нимъ. Они больше не возвращались домой; вотъ откуда произошли медвѣди»!.. (Верхоянскъ, 1881 г.).

Замѣчателенъ одинъ обрядъ, распространенный повсемѣстно среди якутовъ. Когда они убьютъ медвѣдя, то всѣ участвующіе въ охотѣ должны выпить чашку теплой крови звѣря, съѣсть кусокъ сырой печени, сердца и жиру и троекратно крикнуть, обратясь къ небу: ухъ!—тогда только они безопасны отъ его мщенія. (Алданъ. Баягантай, 1885 г.). Впрочемъ, на сѣверѣ вѣрятъ, что «кто много убилъ медвѣдей, тотъ непремѣнно отъ нихъ погибнетъ». (Колым. ул., 1883 г.).

Про сохатаго (лося) я знаю только одно преданіе, именно: «разъ три промышленника тунгуса слѣдомъ за сохатымъ зашли на небо, гдѣ долго бѣдствовали и голодали; одинъ изъ нихъ умеръ, а два другіе, вмѣстѣ съ собакой и сохатымъ, превратились въ звѣзды, которыя такъ и называются таяхтахъ сулусъ—«звѣзды съ лосемъ» [1]). Какое это созвѣздіе, я не могъ узнать: разныя лица показывали разное; чаще всего указывали на Оріона (Колымскій ул., 1883 г.).

Иногда Улу-тоёнъ является на землѣ не въ видѣ описанныхъ

[1]) Таяхъ—лось.

выше животныхъ, а въ образѣ туманнаго, странной наружности великана, дерева или утеса. (Нам. ул., 1889 г.). Между прочимъ, я замѣтилъ, что иногда въ сердцахъ людей зовутъ улу киси, но это, кажется, нелестный эпитетъ.

Перехожу къ другимъ богамъ и духамъ.

На югѣ, въ углу билирика, на небѣ проживаетъ Кахтыръ-Кагхтанъ-Бурай-тоёнъ, мощный духъ, уступающій въ силѣ только Улу-тоёну; онъ принадлежитъ къ тому же, какъ и послѣдній «великому роду» (біръ бись ага-уса), а дьявольскихъ родовъ всего считается девять [1]). (Нам. ул., 1888 г.). Жертвуютъ ему: лошадь бурую съ бѣлымъ лбомъ (кюренгъ мангасъ сылгы); обыкновенно бьютъ и вѣшаютъ кочай.

Вмѣстѣ съ Кагхтанъ-Буреемъ проживаетъ и много другихъ духовъ, ему подвластныхъ, портящихъ людямъ спину, дѣлающихъ ихъ горбатыми или кривыми; имъ жертвуютъ коней съ черной спиной и темно-рыжими боками и брюхомъ, вѣшаютъ въ честь ихъ кочай. Улу-тоёнъ и Кагхтанъ-Бурей самолично являются на землю только въ исключительныхъ случаяхъ [2]).

Ближе къ землѣ, чѣмъ эти два могущественные духа, но то же на югѣ, живетъ Чаадай-Боллохъ, которому жертвуютъ корову краспую или красно-рыжую (кугасъ ынахъ-кысылъ солонгдо); животное для жертвы не убиваютъ, а отпускаютъ ее свободно въ поле. Этотъ духъ вредитъ преимущественно глазамъ [3]); его называютъ «глазнымъ чортомъ».

Также на югѣ «на девяти лѣсныхъ буграхъ» живетъ Немирiе, дочь князя. Это была нѣкогда молодая женщина, якутка; она вышла замужъ далеко отъ своего дома и жила, согласно старинному обычаю, долго еще послѣ свадьбы у родителей; когда мужъ пріѣхалъ за ней, у нея уже былъ ребенокъ. Увозилъ ее мужъ съ почетомъ; свадебный поѣздъ состоялъ изъ *девяти лошадей*; мужъ обращался съ ней хорошо, но по дорогѣ на *девятомъ лѣсномъ бугрѣ*, когда остановились ночевать подъ открытымъ небомъ, молодая ночью, безъ всякой, повидимому, причины сошла съума, убила своего ребенка, высосала его кровь и пожрала мясо, за-

---

[1]) Списокъ и распредѣленіе по бисямъ различныхъ шаманскихъ божествъ будетъ приведенъ во второмъ томѣ этой книгѣ въ соотвѣтствующей главѣ. Здѣсь сообщу только что этихъ бисей *три*: небесные духи съ конпымъ скотомъ (жертвуютъ имъ только лошадей); подземные духи съ рогатымъ скотомъ (жертвуютъ имъ лошадей и рогатый скотъ); духи средней земли—простые ёръ, иччи и т. п.

[2]) Обращу вниманіе читателей на слово Кагхтанъ въ титулѣ божества, случается говорятъ каганъ. Уйгуры звали каганами своихъ царей.

[3]) Глазныя болѣзни чрезвычайно распространены въ Якутской области.

тѣмъ бросилась на спящихъ людей и стала рвать и кусать себя и другихъ. Насилу ее упяли и привезли, домой; тамъ построили маленькій хорошо запиравшійся амбарчикъ, куда ее посадили и гдѣ она прожила много лѣтъ: послѣ смерти она превратилась въ небеснаго духа, который нападаетъ на людей, особенно на женщинъ и сводитъ ихъ съума, превращаетъ въ истеричныхъ, кликушъ, бѣсноватыхъ «всѣхъ тѣхъ, которыя кусаютъ себя и другихъ». Ей жертвуютъ «сѣрую съ черными пятнами на лопаткахъ кобылу» (суръ джагылъ сылгы), которую шаманъ водитъ по «девяти лѣснымъ буграмъ», а затѣмъ отпускаетъ на свободу. Вмѣстѣ съ Немиріе тамъ-же «на девяти буграхъ» живетъ восемь ея сестеръ, доводящихъ тоже людей до сумасшествія; я узналъ имена только нѣкоторыхъ:

Мэльяхсинъ аитэ—нѣкогда родовичка одного изъ западныхъ улусовъ.

Сымыкапъ удаганъ — съ колокольчикомъ и деревяннымъ кувшиномъ въ рукѣ. Обоимъ имъ жертвуютъ живую, рыжеватую съ бѣлыми на заду яблоками кобылу (сохо-чогуръ сылгы).

Дохсунъ-дуяхъ—духъ женщина очень сильный, сильнѣе упомянутыхъ выше духовъ; жертвуютъ ей живую, рыжую съ бѣлой головой кобылу (арагасъ магасъ сылгы).

Кыданахъ кысъ хатынъ (хотунъ), жертвуютъ ей живую, «голубую» пятнистую кобылу (кюöхъ-элемэъ сылгы).

«Кäльäны оіохо, Кыйданъ кысъ — это одинъ изъ шаманскихъ кäльäны; она — дѣвушка и производитъ преимущественно дѣвичьи болѣзни: дѣлаетъ дѣвушекъ истеричными, сводитъ ихъ съума, разжигаетъ похоть и т. д. [1]); для ея умилостивленія шаманъ ставитъ во время чаръ на землю внизъ дномъ бубенъ и льетъ въ него топленое масло, сливки, бросаетъ хаяхъ, деньги и другія болѣе или менѣе цѣнныя вещи; впослѣдствіи часть ихъ онъ сжигаетъ, часть же беретъ себѣ.

Недалеко отъ упомянутыхъ выше девяти сестеръ, тоже на небѣ, тамъ, гдѣ восходитъ зимою солнце, проживаетъ ихъ родственница духъ-женщина Далбэръ-джонокъ; что ей жертвуютъ, я не узналъ; но вообще всѣ духи, живущіе въ южной сторонѣ неба, очень могущественны; они охотно вредятъ людямъ; въ жертву же предпочитаютъ коня, половина морды котораго бѣлая, кончикъ краснорозовый, глаза тоже бѣлые, а масть свѣтло-желтая (ураниктахъ сырыйдахъ, хастархай тумустахъ, чакырэсъ харахтахъ, тосъ-кугасъ сылгы).

[1]) По общему мнѣнію женщины легче чѣмъ мужчины, дѣлаются при жизни мäнріеръ, а послѣ смерти ёръ; сумашедшія женщины тоже встрѣчаются среди якутовъ чаще, чѣмъ сумашедшіе мужчины.

Дальше, на западѣ, на небѣ проживаетъ Князь оюнъ (князь шаманъ) нѣкогда якутъ-шаманъ, *родственникъ* [1]) Улу-тоёна; ему жертвуютъ, жеребца темно-сѣраго (стальной масти) въ бѣлыхъ пятнахъ, у котораго морда отъ глазъ до ноздрей бѣлая (торончилахъ тимиръ-элемэсъ атыръ). Шаманъ этотъ былъ Намскаго улуса, Бетюньскаго наслега, Чакы-уса (рода); это очень могущественный духъ, онъ можетъ посылать на людей всевозможныя бѣды.

На сѣверѣ проживаетъ «Госпожа съ длиннымъ посохомъ», Кёнь таяхтахъ хотунъ, а съ ней *девять* младшихъ ея сестеръ. Она русская; сама, когда жила, хворала и умерла отъ сифилиса; она посылаетъ на людей: сифилисъ, золотуху, проказу и иныя заразныя болѣзни; жертвуютъ ей разный скотъ, преимущественно коровъ рыжихъ съ голубыми пятнами и коней съ красными пятнами кюöхъ-эбиріенъ (эбирдяхъ) ыпахъ; кысылъ чогуръ сылгы; кромѣ того дарятъ ей: пряники, водку, серебро, деньги, мѣха, одежду, шелковые платки и т. д. Далеко на сѣверѣ, не доходя моря, есть на берегу Лены гора «со столбами», тамъ видиѣется каменный домъ, съ каменной утварью; въ этомъ домѣ живетъ и хозяйничаетъ каменная женщина въ русскомъ одѣяніи—это она «госпожа съ длиннымъ посохомъ» [2]).

Тамъ, куда направленъ «сѣверный уголъ билирика», внизу подъ землей, живетъ «сынъ сатаны, подземный старикъ съ командой помощниковъ и колдуновъ», Сатана уола, аллара огоніоръ хамардатахъ (командалахъ) этюгя да оюна; ему жертвуютъ шестилѣтняго бычка съ черными и красными полосами, съ бѣлой лысиной и бѣлыми глазами (тусакталахъ, юрюнгъ харахтахъ кюрджюгесъ). Вмѣстѣ съ «подземнымъ старикомъ» живетъ Соръ-хара Дженгъ (черный воронъ Дженгъ), который ходитъ съ бубномъ по богатымъ якутамъ и барабанитъ; отъ этого въ домѣ всѣ хвораютъ, преимущественно головной болью.

На востокѣ живетъ «Госпожа съ бѣлымъ жеребенкомъ» Кёрё убахалахъ хотунъ—нѣкогда якутка Баягантайскаго улуса, родственница «девяти проживающихъ на югѣ сестеръ»; ей жертвуютъ бѣлаго жеребенка, иногда живаго, а иногда убитаго; въ послѣднемъ случаѣ ставятъ на середину избы столъ «на четырехъ ножкахъ съ четырьмя углами»; на немъ размѣщаютъ посуду съ водкой, солью и кусками варенаго мяса, печени, сердца, жиру, кладутъ вареную голову жертвы и все это, спустя нѣкоторое время, сжигаютъ. Духъ этотъ вызываетъ головныя боли, боли внутренностей, костей и т. п.

---

1) Сказано было уру, но нужно думать, что скорѣе: *родовичъ*, *сородичъ*.

2) Смотри стр. 16.

На сѣверѣ, подъ землей, живетъ также «Старикъ Дампай-Брадай съ бѣлымъ быкомъ», Юрюнгъ огустахъ огоніоръ, Дампай-Брадай огоніоръ, нѣкогда якутскій шаманъ, племени Бологуръ [1]), живущаго на сѣверѣ; этотъ старикъ былъ бѣденъ, старъ, и жилъ, побираясь по міру; у него было много, кажется, семеро дѣтей и одинъ бѣлый быкъ, на которомъ онъ возилъ ихъ, разъѣзжая *по сосѣдямъ*, и тимни. Случилось, что быка у него украли и такимъ образомъ лишили возможности передвигаться вмѣстѣ съ дѣтьми; дѣтишки стали у него съ голоду болѣть и плакать, и до того довели старика, что онъ выкопалъ яму, посадилъ въ нее дѣтей, развелъ надъ ними огонь, и, когда дѣти стали задыхаться и умирать, самъ онъ ударилъ въ бубенъ и, ходя кругомъ костра, началъ шаманить и жаловаться на людей. Улу-тоёнъ присудилъ ему за обиду брать съ людей за каждый волосокъ быка—по ребенку; и вотъ, старикъ превратившись въ ёръ, сталъ съ тѣхъ поръ, ходить по людямъ, портить и убивать ихъ дѣтей; его не могъ одолѣть ни одинъ шаманъ, но теперь онъ, получивъ всѣхъ присужденныхъ ему дѣтей, сдѣлался вслѣдствіе дряхлости и старости, безвреденъ; когда онъ теперь приходитъ къ кому-либо, ему не даютъ совсѣмъ того, что онъ требуетъ, а просто выталкиваютъ вонъ, въ шею». (Нам. ул., 1887 г.). Характерно для якутскаго шаманскаго пантеона, что большая часть его второстепенныхъ духовъ, это—*шаманы* или люди чѣмъ либо обиженные, вообще пострадавшіеся на землѣ. Къ титуламъ ихъ всегда добавляютъ *родовое имя*, что опять указываетъ на связь шаманскаго якутскаго культа съ ихъ *родовымъ* строемъ и ихъ *родовой* исторіей [2]).

Среди массы разсказовъ о второстепенныхъ богахъ, покровителяхъ, духахъ, господахъ, хозяевахъ, волшебныхъ карликахъ, звѣздахъ, камняхъ, горахъ [3]), таинственныхъ урочищахъ, населенныхъ великанами, или мѣстахъ, гдѣ обитаютъ злые, зубастые, волосатые, и хвостатые людоѣды, о

---

1) Бологурскій наслегъ Батурусскаго улуса.

2) Въ Запад. Кангалас. ул. мнѣ даже показывали крошечный совершенно круглый островочекъ среди маленькаго озерца, на которомъ будто бы стояла нѣкогда юрта Дампай-Брадая; это было не въ Бологурскомъ наслегѣ, а въ Октемскомъ.

3) Я знаю много примѣровъ горъ, утесовъ, мѣстностей, считающихся священными. Гмелинъ упоминаетъ о горѣ, въ которой находится гротъ и которая очевидно издавна была особенно чтима. Онъ называетъ ее «Каменноугольной горой» на Ленѣ. (Reise, B. II, p. 490). Это Сургуевъ камень (стр. 16). Мнѣ говорили, что якуты отдаютъ Сургуевой скалѣ (сургуй тасъ) божескія почести, и приписываютъ ей власть вызывать бурные вѣтры, особенно вредные охотникамъ. Въ 1887 году я осматривалъ въ этой же Сургуевой горѣ гротъ (см. рис. 166), о которомъ разсказывали преданіе, что это не гротъ, а *преддверье*, которое захлопнулось за «святымъ старикомъ», ушедшимъ жить въ гору. Передъ гротомъ я нашелъ слѣды жертвоприношеній, пучки конскаго волоса, берестяные телячьи намордники и пр.

Рис. 166. Гротъ Сургуева камня.

разныхъ страшныхъ происшествіяхъ, необыкновенныхъ, необъяснимыхъ явленіяхъ—я выберу и приведу только нѣкоторыя, болѣе распространенныя и тщательно провѣренныя.

«Духъ огня» уотъ иччите, это—сѣдобородый, быр джебытыкъ, говорливый, неугомонный, вѣчно-прыгающій старикашка; что онъ шипитъ и лепечетъ неустанно, понимаютъ немногіе: понимаетъ шаманъ, понимаетъ маленькій ребенокъ, ухо котораго не научалось еще различать человѣческую рѣчь. (Колымск. ул., 1883 г.). Огонь же самъ отлично понимаетъ, что говорятъ и дѣлаютъ кругомъ, потому опасно оскорблять огонь, ругать его, плевать на него или мочиться; не слѣдуетъ также бросать въ огонь подстилокъ съ обуви, такъ какъ будетъ болѣть голова. (Верхоянскъ, 1881 г.). Грѣшно толкать огонь желѣзнымъ остріемъ, а ожикъ, которымъ поправляютъ огонь нужно жечь каждую недѣлю, иначе будетъ въ домѣ несчастіе. (Запад. *Кап.* ул., 1890 г.). Хорошая хозяйка всегда заботится, чтобы огонь былъ ею доволенъ и бросаетъ ему по кусочку всего, что помощью его приготовляется. Огонь бываетъ различный: бываетъ «огонь священный» аи уотъ; это—тотъ, который высѣкаютъ надъ павшимъ въ обморокъ шаманомъ. Бываетъ огонь — созданіе Улу-тоёна, Улу-тоёнъ уотъ тӧрдӧ *онг*орулахъ, огонь полезный, огонь обыденнаго обихода; ему приносятъ въ жертву «бѣлаго жеребца». Бываетъ, наконецъ, огонь ужасный, все истребляющій, «порожденіе подземнаго старика» (аллара огопіоръ *онг*орулахъ уотъ иччите), которому приносятъ въ жертву «краснаго, какъ кровь, съ темной спиной и бѣлой мордой жеребца» (кысылъ-канъ турогасъ, ураниктахъ сырый атыръ). Никто не знаетъ какой у него горитъ на каминѣ огонь, поэтому хорошо его по временамъ задобривать мелкими подачками; огонь преимущественно любитъ жиръ, масло, сливки, ими-то и брызжутъ всего чаще на него. Существуетъ у якутовъ цѣлое сказаніе о томъ, какъ огонь появился на землѣ; сказанія этого я не успѣлъ разыскать. Мнѣ разсказывали на сѣверѣ о народѣ, будто бы живущемъ на островахъ Ледовитаго океана, и не знающемъ огня. (Верхоянскій округъ, 1882 г.).

Огонь является также часто, какъ покровитель и символъ семьи и рода; за полосу свѣта, падающую съ домашняго очага, не смѣетъ перейти на жен-

скую половину парень, сватающій невѣсту. Избѣгаетъ дѣлать это, считая неприличнымъ, также всякій, посторонній семьѣ, человѣкъ. Женихъ, покуда не уплатилъ полностью калыма, не имѣетъ права даже зажечь трубки у очага своей нарѣченной, а жена, привезенная въ домъ мужа, пріобщаясь къ его семьѣ, должна прежде всего обойти сзади огонь и бросить на него немного масла или жиру, поставить три лучинки и подуть. (Колымскій ул., 1883 г.). Женщины вообще должны по возможности не переходить полосу свѣта впереди камина; ихъ дорога—позади его. (Верх., 1882 г.). Въ южныхъ частяхъ Якутской области культъ огня съ каждымъ годомъ все болѣе падаетъ и забывается, но на сѣверѣ онъ еще въ большой силѣ.

Кромѣ упомянутыхъ огней, есть еще огни «дикіе, полевые, блуждающіе»; если они зажжены «развеселившимся духомъ мѣста», то это огни хорошіе. Но если они «порожденіе дьявола», то встрѣтиться съ ними—плохой знакъ. (Нам. ул., 1889 г.). Есть тоже «огни небесные»: громъ, молнія, символы Аи-тоёна (этингъ, анъ дайды арччитэ, Аи-тоёнъ арэчитэ); въ послѣднее время, однако, стало распространяться мнѣніе, что громъ и молнія не «порожденіе Аи-тоёна», а дѣлается «Ильей-богатыремъ, который *потерялся*» (?) (Намскій ул., 1887 г.).

Перехожу къ другимъ повѣріямъ.

Тѣнь, отбрасываемая предметами, считается чѣмъ-то особымъ, существенною и неотъемлемою частью предмета; она имѣетъ нѣкоторую, не совсѣмъ ясную для меня, связь съ душою предмета, а также съ «огнемъ, какъ духомъ»; въ заклинаніяхъ часто встрѣчаются фразы въ родѣ: «тѣнь огня», «огненная тѣнь», «тѣнь духа»! и т. п. «Брось всѣ твои болѣзни въ тѣнь огня» взывалъ въ одномъ изъ обрядовъ шаманъ (Колм. окр., 1883 г.). Можно потерять тѣнь, и тогда человѣку грозитъ несчастіе. «У человѣка есть *три тьни*; потерять двѣ первыя можно, хотя такой человѣкъ будетъ всегда неловокъ, болѣзненъ и вялъ; потерять же всѣ три значитъ погибнуть. (Намс. ул., 1886 г.). «Разъ, когда шаманъ во время шаманства, вдругъ пронзительно закричалъ гагарой», разсказывалъ мнѣ колымскій казакъ, «я вздрогнулъ; вдругъ вижу шаманъ бросилъ свой бубенъ и проворно полѣзъ подъ скамью, на которой я сидѣлъ, вскорѣ онъ оттуда вылѣзъ, сжимая что-то въ горсти, что сильно пищало; пробормотавши про себя, онъ бросилъ мнѣ его въ лицо; я оробѣлъ, но шаманъ успокоилъ меня, объяснивши, что это моя *тьнь*, которая испугалась и убѣжала было, но онъ ее успѣлъ схватить и теперь все обстоитъ благополучно». (Колым. ул., 1883 г.). Якуты запрещаютъ ребятишкамъ играть съ собственной тѣнью. (Нам. ул., 1888 г.).

Душою (иччите), какъ и тѣнью, можетъ обладать всякій предметъ [1]); предметы, посящіе на себѣ слѣды человѣческой дѣятельности, всегда «съ душой» (иччиляхъ); душою обладаютъ тоже утесы, горы, рѣчки, лѣса. Вѣтеръ тоже духъ, онъ «спитъ въ горахъ»; его не трудно вызвать оттуда свистомъ. (Верхоян. ул., 1880 г.). Вихри, подымающіе столбы крутящейся пыли (салгыръ), происходятъ отъ дьявольской пляски. (Нам. ул., 1888 г.).

Есть духи дерева, сѣна, цвѣтовъ и т. под ; звѣзды тоже обладаютъ душой, хотя не всѣ; тутъ мнѣнія раздѣляются: одни утверждаютъ, что «звѣзды — ничто иное, какъ отблескъ озеръ на небѣ», другіе полагаютъ, что «это отверстія—отдушины въ небесномъ сводѣ, сквозь которыя проникаетъ къ намъ небесный свѣтъ»; млечный путь—по мнѣнію однихъ «просто шовъ неба» (халланъ сісь), (Колымс. ул., 1883 г.), а по разсказамъ другихъ, «это—слѣды ступней Бога, оставленные имъ на небѣ, когда онъ ходилъ тамъ, созидая міръ» (Намск. ул., 1887 г.).

Небесныя свѣтила вообще вліяютъ на судьбы людей, на перемѣну погоды, предвѣщаютъ будущее. Свадьбы слѣдуетъ играть только съ нарожденіемъ *новаго мѣсяца*. Я въ Колымскомъ улусѣ встрѣтилъ цѣлый свадебный поѣздъ, пріѣхавшій изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ и дожидавшійся въ продолженіи девяти дней въ нѣсколькихъ верстахъ разстоянія отъ дома невѣсты нарожденія новаго мѣсяца; иначе родители молодой не пускали ихъ къ себѣ. (Колым. окр., 1883 г.). Когда человѣкъ умретъ, нѣкоторыхъ работъ тоже нельзя исполнять до нарожденія *новаго мѣсяца*, напримѣръ: нельзя ловить рыбу въ сосѣднемъ озерѣ, кузнецъ не станетъ ковать въ томъ домѣ, гдѣ былъ покойникъ, и т. п.

«Мѣсяцъ самъ обладаетъ «душой» и человѣческими качествами; онъ похитилъ дѣвушку-сироту, которую мучила мачиха, посылая по воду зимой босикомъ; эта дѣвушка стоитъ и теперь на лунѣ съ коромысломъ и ведрами на плечахъ, а около нея ростутъ тальники, вмѣстѣ съ которыми она была тогда похищена; ее прекрасно видно въ полнолуніе и называется она «сиротой, душой луны» (тулаяхъ, ый иччите); по мѣрѣ того какъ ростетъ сирота, ростетъ и мѣсяцъ». (Намск. ул., 1887 г.).

---

[1]) Подобно тому какъ «три тѣни» есть у человѣка *три души*. Какъ называется первая, не знаю, такой душой обладаетъ всякій предметъ; вторая зовется ёръ или сюръ; ею обладаютъ только живыя существа, какъ прибавкой къ первой; третья душа кута. Кута есть у человѣка, у рогатаго и коннаго скота. У нихъ есть и двѣ первыя. *Жизнь* опредѣляется словомъ тынъ—дыханіе; живой—тынахъ. Записалъ я также въ Намс. ул. повѣріе о человѣческой смерти: «Одинъ великій шаманъ поймалъ смерть и, заперши въ нѣсколькихъ, включенныхъ другъ въ друга желѣзныхъ ящикахъ, закопалъ въ погребъ. Люди перестали умирать и до того размножились, до того состарились и надоѣла имъ жизнь, что стали просить Улу-тоёна освободить смерть» (1888 г.). Смотри у Абуль-Гази толкованіе слова кутъ (В. В. Радловъ, «Къ вопросу объ Уйгурахъ», стр. 55).

«Во время ущерба лупа входитъ въ домъ, гдѣ она живетъ съ сиротой; во время полнолунія она выходитъ вмѣстѣ съ сиротой по воду». (Колымск. ул., 1884 г.).

«Луну ѣдятъ волки и медвѣди за то, что она похитила дѣвушку; каждый мѣсяцъ она нарастаетъ и каждый мѣсяцъ ее опять пожираютъ звѣри». (Верхоянскъ, 1880 г.). «На новолуніе всегда жди перемѣны погоды». (Намск. ул., 1887 г.).

Такими антропоморфными качествами и способностью вліять на состояніе погоды обладаютъ и другія свѣтила, и звѣзды. Якуты не знаютъ различія между планетами и кометами; всѣ, перемѣняющія на небѣ свое мѣстоположеніе, свѣтила они называютъ чолбонъ, исключеніе составляютъ только падающія звѣзды и аеролиты, называемые сындысъ уота.

Прозвище чолбонъ, хотя и употребляется иногда, какъ нарицательное, пріурочивается, однако, главнымъ образомъ, планетѣ Венерѣ; о ней говорятъ, что она «дочь дьявола и нѣкогда была съ хвостомъ»; приближеніе ея грозило гибелью землѣ, вызывая бури, мятели и морозы среди лѣта, но благочинный Леонтій благословилъ ее, и хвостъ у нея отвалился». (Намск. ул., 1877 г.).

«Чолбонъ бываетъ много. (Алданъ. Баяг., 1885 г.). Чолбонъ, дочь дьявола, дѣвка замѣчательной красоты, свѣтъ ея, ты видишь, мерцаетъ вонъ тамъ»!.. говорили мнѣ алданскіе якуты, указывая на Венеру»; «это блескъ ея глазъ; она невѣста и любовница Чертова сына, Юргель (Плеяды); когда эти двѣ звѣзды стремятся другъ къ другу— не быть добру; ихъ любовныя содраганія, ихъ порывистое дыханіе производитъ сильное замѣшательство: бури, мятели, вѣтры; когда онѣ сольются, снѣгъ на сажень выпадетъ среди лѣта, и на землѣ погибнетъ все живое: люди, скотъ, деревья»...

Такое-же «замѣшательство» въ природѣ производитъ волшебный камень сата. Камень этотъ чаще всего находятъ тамъ, гдѣ ударилъ громъ. «Сата ищи подъ деревомъ, въ которое ударилъ громъ», совѣтовалъ мнѣ шаманъ пріятель «только иди рано по утру: сата умираетъ отъ солнечнаго свѣта»!.. (Намск. ул, 1887 г.). Сата зарождается также самъ собою во внутренностяхъ лошади, быка, медвѣдя, волка, собаки, утки, гуся, орла и т. д. Самый сильный сата—волчій: онъ производитъ засуху и стремительные вѣтры (куолунъ сата); обыкновенно сата производитъ вѣтры, холодъ, заставляетъ падать среди лѣта снѣгъ и т. п. Сата похожъ на человѣческую голову, только небольшой величины; на немъ можно отличить носъ, ротъ, глаза, уши; онъ обладаетъ душой и способенъ умирать, то есть: лишаться волшебныхъ свойствъ. Если его коснется

женщина, если его увидитъ посторонній глазъ, если его держать нагимъ, не закрытымъ, онъ умираетъ. Если его бросить въ кипятокъ, онъ долго съ жужжаніемъ будетъ бѣгать и кружиться по дну посуды, пока не успокоится и не умретъ. Умершій сата превращается въ обыкновенный камень, но живаго сата достаточно поднять къ небу на ладони, и сейчасъ-же съ той стороны подуетъ холодный вѣтеръ. Если обладающій сата отправляется въ дальнюю дорогу, то онъ подвязываетъ его подъ гривою или хвостомъ лошади, отъ чего послѣдняя не потѣетъ: ей постоянно прохладно, вѣтерокъ, постоянно обдувая ее, сгоняетъ прочь комаровъ и оводовъ. Чтобы побудить сата проявить свои качества, нужно его *отхлестать*: употребляется также заклинаніе: «Пусть дитя мое не останется живымъ!... Пусть скотъ мой не останется живымъ!.. Пусть жена моя не останется живою!.. Я не знаю грѣха, я знаю тебя»!... Сата нельзя держать дома, а нужно отыскать дуплистое дерево и, обернувши камень шерстью того животнаго, которое его породило, положить осторожно въ дупло и закрыть. (Намскій улусъ, 1888 г.) [1]).

Тюсьпютъ разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ онъ разъ добылъ сата въ свѣжемъ пометѣ орла:

«Это былъ маленькій камешокъ, совсѣмъ похожій на человѣческую голову; когда я заподозрилъ, что это сата, и пожелалъ его испробовать, то повернулъ его къ солнцу спиною и высѣкъ; въ первый разъ я ударилъ его только одинъ разъ и цѣлый слѣдующій день дулъ вѣтеръ; въ другой разъ я ударилъ его два раза—и вѣтеръ дулъ два дня; въ третій разъ я ударилъ его три раза—вѣтеръ дулъ три дня; тогда я пожелалъ его испробовать окончательно и бросилъ въ кипятокъ... Я былъ глупъ, не вѣрилъ, а сата побѣгалъ, побѣгалъ, да и умеръ»!... (Намск. ул., 1887 г.).

Къ тому-же разряду остатковъ самаго первобытнаго фетишизма принадлежитъ повѣріе о киси кута, человѣческой душѣ, маленькомъ, черномъ угольк‍ѣ или камешк‍ѣ, который шаманъ находитъ иногда въ избѣ «съ лѣвой стороны, подъ землею» и который, положенный на ладони шамана, шевелится. Когда шаманъ найдетъ это киси кута, то онъ не можетъ встать съ земли и четыре человѣка должны подымать его, до того онъ тяжелъ. (Алданъ. Баягантай, 1885 г.).

Возвращусь опять къ душамъ и чертям[illegible]. Замѣчательно, что у якутовъ нѣтъ существа, олицетворяющаго лѣсъ вообще; у нихъ всякая рощица, лѣсокъ, даже деревцо можетъ обладать иччите (душой, хозяиномъ): но «лѣ-

[1]) О сата упоминаетъ Гмелинъ (Reise. B. II, p. 510). Считаю нужнымъ отмѣтить, что въ китайской лѣтописи Сунъ, въ отчетѣ посланника Ванъ-ѣнь-тэ говорится о «камнѣ яда, который умѣютъ обра[illegible]вать уйгуры». В. В. Радловъ, ibid. стр. 110.

шаго», какъ его представляетъ славянская миѳологія, у нихъ нѣтъ; тоже самое и «водяной» сюльлюкюнъ, фигура очень подозрительнаго, славянскаго, по моему мнѣнію происхожденія. Вотъ что я узналъ объ якутскомъ водяномъ:

«Сюльлюкюнъ живетъ въ водѣ; на землѣ онъ является въ видѣ человѣка, иногда—мужчины, чаще—женщины; видѣть его можно только въ промежутокъ между новымъ годомъ и крещеніемъ, когда онъ, опасаясь креста, который будетъ скоро (на Крещеніе) погруженъ въ воду, покидаетъ родныя глубины (тӧрютъ юӧсь); ночью онъ кочуетъ по дорогамъ, перевозя на быкѣ съ мѣста на мѣсто своихъ дѣтей, которыхъ у него очень много: всякій утопленникъ дѣлается членомъ его семьи. Кочуя, онъ производитъ различный шумъ, по которому можно угадать будущее; ради этого люди ходятъ ночью въ поле и садятся гдѣ нибудь около проруби, или на перекресткѣ дорогъ, или около пустыхъ юртъ; предварительно, однако, очерчиваютъ вокругъ себя кругъ концомъ ётурака (палка, которой поправляютъ огонь) и, усѣвшись плотно другъ около друга, накрываютъ головы одѣяломъ. Кто услышитъ, что ходитъ по близости его или реветъ корова, тотъ будетъ богатъ; если надъ головой его летаетъ и щебечетъ птичка, значитъ, будетъ у него много дѣтей; если лаетъ собака—быть свадьбѣ; если услышитъ стукъ по дереву или доскѣ—значитъ, кто нибудь умретъ: или самъ слышавшій или изъ его семьи; если услышитъ крикъ альлярхай — быть бѣдѣ. Иногда никто ничего не слышитъ, иногда слышитъ только одно лицо изъ слушающихъ; иной разъ Сюльлюкюнъ подойдетъ къ слушающимъ и, постукаетъ ихъ своей клюкой по головѣ, зѣвнетъ и спроситъ: «кто такіе»? и, не дожидаясь отвѣта, уйдетъ. Слушать всегда слѣдуетъ по-парно а то Сюльлюкюнъ, сосчитавши и увидѣвши, что число слушателей нечетное, лишняго человѣка забереть. Сюльлюкюна встрѣтить или увидѣть не трудно: онъ не особенно прячется. Если хотятъ, чтобы онъ не шлялся близко дома, то на всѣхъ дорогахъ ставятъ маленькіе деревянные кресты. Послѣдняя черта тоже замѣчательна: исключая Сюльлюкюна нѣтъ ни одного чёрта, привидѣнія, злаго духа, отъ котораго якуты защищались бы крестомъ; ради этого (обыкновенно) они предпочитаютъ употреблять заклинанія, звонъ желѣза, крики и шумъ [1]).

Кромѣ описаннаго выше гаданія у проруби употребляются якутами на Новый годъ и Крещеніе и многія другія гаданія по преимуществу русскаго происхожденія: льютъ воскъ, свинецъ; ворожатъ на зерновомъ хлѣбѣ, на картахъ и т. п. Въ Намскомъ улусѣ я видѣлъ очень ориги-

[1]) Русскіе Иркутской губерніи водяного называютъ Шюлюкюнъ, это слово, кажется, бурятское.

пальную ворожбу помощью *шила*. Для этого на столѣ чертятъ углемъ два концентрическихъ круга, одинъ маленькій, другой большой. Маленькій зовется солнце, кюнъ, большой — домъ, дже. Затѣмъ проводятъ линіи, соотвѣтствующія частямъ свѣта (см. рис. 167), садятся надъ рисункомъ подперевъ голову руками, локти упираютъ на столъ съ обѣихъ сторонъ, на малые пальцы рукъ, которые прижаты ко лбу подвѣшиваютъ на длинной ниткѣ шило и читаютъ заклинаніе: «Сюльлюкюнъ, духъ открытой

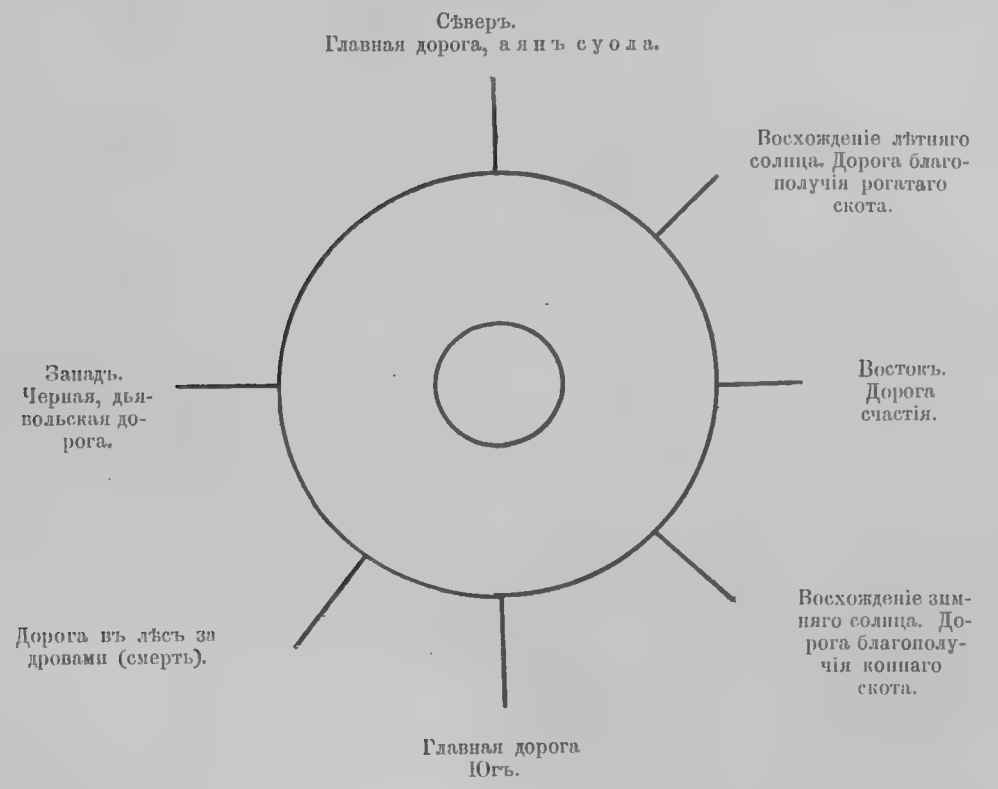


Рис. 167. Ворожба шиломъ. .

земли, духъ воды... (пропускаю фразу которую затрудняюсь перевести). Иголка-иголка колдунья, шило-шило колдунъ, пусть мое сказанное слово сдѣлаетъ тебя съ душою! Чахчи-бачи! Истинно! Ни о комъ не думаю, о Богѣ не думаю, тебя вопрошая! Истинно тебя вопрошаю, о тебѣ думаю»... въ концѣ прибавляется имя того, чью судьбу желаютъ узнать. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сидѣнія неподвижно въ одномъ положеніи, подвѣшенное на пальцахъ шило, начинаетъ дрожать и колыхаться, круги, описываемые его концомъ, увеличиваются, превращаются въ эллисисъ, наконецъ, оно начинаетъ двигаться какъ маятникъ по одной линіи;

если линія эта совпадаетъ съ одной изъ дорогъ, то значитъ лицу этому предстоитъ то, что тамъ написано: счастіе, несчастіе, богатство, смерть. Не у всѣхъ шило движется; нѣкоторымъ приходилось для этого сидѣть очень долго; но разъ у кого двигается, то даже направленіе его я замѣчалъ измѣняется сообразно задаваемымъ вопросамъ [1]). Ворожить, узнавать будущее якуты вообще очень любятъ; для этого у нихъ масса примѣтъ и способовъ. Самый обычный способъ: ворожить по паденію ложки; шаманъ ворожитъ по паденію колотушки бубна; дѣвушки охотно ворожатъ по паденію угля; для чего разщепаютъ палку, въ разщепы вставляютъ лучинку и поджигаютъ ее по серединѣ; куда полетитъ уголь выброшенный давленіемъ разщепъ, оттуда пріѣдетъ ожидаемый человѣкъ, исполнится или неисполнится желаніе. Это очень популярная ворожба, (смотри рис. 145).

Закончу этотъ краткій обзоръ якутскихъ вѣрованій описаніемъ культа, отличающагося отъ всѣхъ приведенныхъ выше мрачныхъ повѣрій, своимъ свѣтлымъ, жизнерадостнымъ характеромъ. Сущность этого культа состоитъ въ поклоненіи плодородію, обилію, богатству и вообще всему, что способствуетъ поддержанію и нарожденію жизни. Всѣ боги, опекуны и дарители этихъ благъ живутъ на *востокѣ*. Жрецовъ ихъ называютъ «бѣлыми или свѣтлыми шаманами» (юрюнгъ аи оюна); называли ихъ нѣкогда «лѣтними» (саингы), потому что празднества (ысыахи) въ честь этихъ божествъ производятъ главнымъ образомъ *лѣтомъ*.

Этимъ свѣтлымъ богамъ поютъ гимны, айхалъ, и кричатъ уруй, какъ и Аи-тоёну. Выше всѣхъ, на пятомъ небѣ, проживаетъ Нарей-хотунъ и Нохсолъ-тоёнъ, духи могучіе, богатые и щедрые, хранители домашняго скота; особенно любятъ они животныхъ темной и пестрой масти, поэтому, у кого въ стадахъ преобладаютъ животныя упомянутаго цвѣта, тѣ будутъ богаты, и скотъ у нихъ будетъ водиться въ изобиліи.

Недалеко отъ Нарей-хотунъ и Нохсолъ-тоёна живетъ бѣднякъ Бочера.

Съ тремя мордами и сѣтями, Юсь тулахъ, илимнахъ,
Съ тремя бѣлыми коровами, Юсь юрюнгъ ынахтахъ,
Съ тремя рыжими коровами... Юсь кугасъ ынахтахъ,

покровитель бѣдныхъ полу-пастушескихъ, полу-рыбачьихъ хозяйствъ; его скотъ рыжей и бѣлой масти.

Тамъ же на востокѣ, но только большей частью на землѣ въ лѣсахъ, проживаетъ тунгусообразный, но бородатый, обросшій сѣдыми или рыжими, иногда черными, волосами, богъ охотниковъ Бай Баинай (Богачъ Баинай); онъ очень богатъ, особенно мѣхами. Когда охотники

[1]) Ворожба эта имѣетъ нѣкоторое сходство съ тибетской ворожбой пурву.

хвораютъ или не везетъ имъ на охотѣ, они жертвуютъ ему чернаго бычка, лучшія внутренности котораго вмѣстѣ съ головой и отборными кусками мяса варятъ и ставятъ ему по срединѣ избы на столѣ; затѣмъ шаманъ ихъ сжигаетъ [1]). Баинаю, какъ только рѣка вскроется, ставятъ рыбаки на берегу, тутъ же у воды, двѣ палки съ натянутой между ними волосяной веревкой, съ кусками цвѣтнаго тряпья и пучками конскихъ волосъ; въ рѣку бросаютъ тогда масло, оладьи и т. п. Подарки эти Баинай раздѣляетъ съ своимъ пріятелемъ бѣднымъ, но беззаботнымъ, веселымъ и смѣшливымъ богомъ рыбаковъ — Укуланомъ. (Намскій ул., 1889 г.).

Центральной фигурой описуемаго культа слѣдуетъ, однако, считать Аисытъ, существо женскаго пола, символъ плодородія по преимуществу. Она живетъ ближе къ землѣ, чѣмъ Аи-тоёнъ и Улу-тоёнъ, но она существо отъ нихъ независимое, богиня могучая, «госпожа сама по себѣ».

Она тоже, какъ и другія божества обилія, проживаетъ на востокѣ: тамъ, гдѣ солнце всходитъ лѣтомъ,—Аисытъ человѣка; тамъ, гдѣ солнце всходитъ зимою,—Аисытъ коннаго скота, и подъ землею — Аисытъ рогатаго скота.

Когда Аисытъ снисходитъ на землю, мѣсто ея надъ кроватью хозяевъ. Въ Колымскомъ округѣ я видѣлъ маленькія, сдѣланныя изъ цвѣтныхъ тряпокъ фигурки Аисытъ, которыя дѣвушки клали надъ своими кроватями на балкѣ, желая вымолить плодородіе.

Аисытъ просятъ о дѣтяхъ, конечно, главнымъ образомъ о сыновьяхъ. Въ тотъ день, когда долженъ придти шаманъ и умолить Аисытъ, домъ чисто подметаютъ и съ утра уже все приводятъ въ порядокъ, всѣхъ кормятъ и поятъ особенно сытно, даже животныхъ, чтобы всѣ встрѣтили богиню радостно и весело; шаманъ для обряда выбираетъ среди сошедшихся сосѣдей *девять* непорочныхъ дѣвушекъ и *девять*, не познавшихъ еще любви, парней; юношей онъ ставитъ въ рядъ близко одинъ отъ другаго (паръ-паръ) по правую руку, а дѣвушекъ по лѣвую; затѣмъ самъ идетъ впереди съ бубномъ, играетъ, поетъ и танцуетъ, а его свита, схватившись за руки, переступаетъ въ тактъ на мѣстѣ и подхватываетъ хоромъ сообразно словамъ пѣсни: Айхалъ!.. Айхалъ!.. Уруй!.. Уруй»! Шаманъ во время обряда помнитъ и чествуетъ всѣхъ родственныхъ Аисытъ боговъ, не пропуская въ заклинаніяхъ ни одного, также старательно, какъ дѣлаетъ это съ злыми и вредными духами, когда совершаетъ

[1]) Иногда во время жертвоприношеній дѣлаютъ маленькую деревянную фигурку Байная, которую одѣваютъ въ заячьи шкурки; эту фигурку мажутъ кровью убитой скотины.

обрядъ въ честь Улу-тоёна. Танцуя и играя, онъ приходитъ такимъ образомъ на небо, но туда *худыхъ*, *злостныхъ* шамановъ не пускаютъ; «слуги Аисытъ, дѣвки и парни, гонятъ ихъ прочь серебряными бичами». Осмѣливаются шаманить только «бѣлые лѣтніе шаманы». На небо не попадаютъ тоже тѣ изъ свиты, которые потеряли уже *дѣвственность*, они остаются на разныхъ олохахъ. (Нам. ул., 1889 г.).

Въ пѣснопѣніяхъ [1]) Аисытъ величаютъ «широко разсѣвшейся госпожей» (дельбегей олохтохъ хотунъ), «на груди которой сангыяхъ изъ мѣху полосатаго соболя (киргиляхъ кись) широко распахнутъ (дельбегейданъ), край шапки назади отвернутъ вверхъ (сегіе), волчьи наколѣнники опущены съ лядвей и восемь завязокъ у обуви размотано (айгыратанъ)». Ее просятъ «о смѣхѣ-веселіи» (кюлюмъ-алаянъ кулу), о томъ чтобы новорожденный (нирей) былъ живъ и чтобы младенецъ сталъ впослѣдствіи «такимъ, который самъ сидитъ (нирейттэнъ бальчири баргартанъ), и счастливо росъ...» и т. д. (Колым. ул., 1883 г.).

У богатыхъ якутовъ въ старину существовалъ обычай, что во время беременности женщины посвящали Аисытъ какую-либо скотину; скотину эту убивали во время родовъ, то есть, тогда именно, когда Аисытъ, «съ сонмомъ дѣвушекъ и парней, духовъ травы, земли, деревьевъ» являлась самолично у изголовья родильницы; если ребенокъ или родильница должны были умереть, то Аисытъ не являлась, а вмѣсто нея приходилъ *чортъ*. Голову, сердце, печень, селезенку и брюшину скотины, пожертвованной Аисытъ, ставили вареными на столъ для божественныхъ гостей, а мясомъ угощали домашнихъ, сосѣдей, посѣщающихъ родильницу, повивальную бабку и самую родильницу. Во время родовъ бабка, принявши ребенка, сейчасъ же шла къ огню и, брызгая на послѣдній обильно масло, говорила: «Благодаримъ тебя, Аисытъ, за то, что дала и просимъ того же въ будущемъ».

Три дня Аисытъ гоститъ въ домѣ родильницы, и все это время послѣдняя должна лежать тамъ, гдѣ родила, на полу, на соломѣ; на третій только день ее подымаютъ, она умывается и идетъ на кровать; въ это время мужчинъ не должно быть въ избѣ, а у огня собираются одни женщины и, усѣвшись въ кружокъ, въ шапкахъ на головахъ, ѣдятъ топленое масло, льютъ его на огонь и себѣ на руки, затѣмъ, умывая имъ себѣ лицо, хохочутъ: иххэххэ! иххэххэ! иххэххэ! до трехъ разъ.

[1]) Къ сожалѣнію, я добылъ ихъ только небольшой отрывокъ. Не нужно смѣшивать Аисытъ съ Іехситъ, послѣдняя считается духомъ хранителемъ и есть у всякаго человѣка. Аисытъ можно переводить: создательница, отъ ап—творить, Іехситъ—мать-хранительница, отъ іе и ситъ—материнствующая.

Масло для этой церемоніи припасается заранѣе, обыкновенно три большихъ чашки: одна предназначается для Аисытъ, другая—для бабки, а третья—на угощеніе посѣтителей и родильницы.

Наконецъ, всѣ обряды исполнены; остатки мяса съѣдены и сожжены; гости расходятся. Солому съ послѣдомъ и остатками родовъ, все это время остававшимися неубранными дома, бабка уноситъ на дворъ, и гдѣ нибудь въ лѣсу кладетъ высоко на деревѣ; Аисытъ уходитъ. Она исполнила свое дѣло, получивши изъ рукъ своего отца Джесегей Аи тӧрдӧ уордахъ тоёна душу человѣка, она передала ее на этотъ средній міръ (орто дайды). Судьбы новорожденнаго въ книгу Аи-тоёна занесли уже небесные писаря, которыхъ называютъ «дѣвушка и парень, духи травы, дерева и земли» (уолъ кысъ суруксутъ, отъ-масъ иччите, сиръ итчите) и будетъ онъ жить, повинуясь этимъ свыше предначертаннымъ обстоятельствамъ. «Но душа его жила раньше въ надзвѣздномъ мірѣ, придя на средній міръ, будетъ она вспоминать свое прежнее житье и вѣчно тосковать»... (Колым. ул., 1883 г.). Такъ якуты объясняютъ стремленіе человѣка къ совершенству и тоску по идеалу.

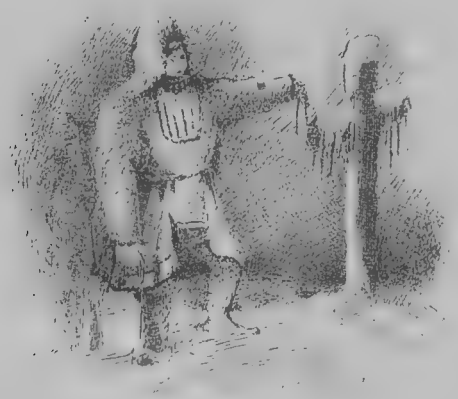


Рис. 168. Жертва духу мѣста. (Алазейскій перевалъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ домовъ, юртъ и народонаселенія инородцевъ Олёкминскаго округа и улуса, съ подраздѣленіемъ на наслеги и роды за 1891 годъ.

Названіе наслеговъ и родовъ.	Число душъ.				Число строеній.		
	Инородцевъ.		Ссыльныхъ разныхъ категорій.		Юртъ.	Домовъ.	Церквей и часовенъ.
	м.	ж.	м.	ж.			
1-й Нерюктейскій наслегъ.							
Роды:							
Орто-Ого-Усовскій	234	268	10	6	56	19	2
Юряхъ-Тёрдё	194	131	8	3	38	26	—
Тасъ-Ана	164	99	6	3	52	20	—
Черендей-Уса	53	70	4	1	21	6	—
Мундугдинскій	54	85	6	3	20	6	—
Патомскій	44	43	5	2	8	5	—
Оргожейскій	20	15	3	»	7	4	—
Итого	763	711	42	18	202	86	2
2-й Нерюктейскій.							
Роды:							
Князь-Усовскій	303	267	6	2	32	26	—
Бесь-Усовскій	244	188	6	2	31	20	—
Хоминскій	102	99	5	2	28	16	—
Черендейскій	17	20	4	2	10	8	—
Инняхскій	15	14	4	2	9	6	—
Кётётскій	13	15	4	2	10	6	—
Андылахскій	13	13	4	2	10	9	—
Итого	707	616	33	14	130	93	—
1-й Меитскій.							
Роды:							
Оюнскій	437	440	14	7	99	49	—
Бордоскій	89	86	2	2	32	26	—
Бранскій	89	85	2	2	36	27	—
Мегна	69	56	3	1	33	28	—
Орто	59	51	5	2	35	29	—
Итого	743	718	23	14	225	154	—

Названіе наслеговъ и родовъ.	Число душъ.				Число строеній.		
	Инородцевъ.		Ссыльныхъ равныхъ категорій.		Юртъ.	Домовъ.	Церквей и часовенъ.
	м.	ж.	м.	ж.			
2-й Меитскій.							
Роды:							
Кырынасъ	156	105	4	2	8	14	—
Тись	164	145	3	2	10	14	—
Хорло	94	97	3	1	8	17	—
1-я Нахара	124	142	6	2	14	11	1
2-я Нахара	336	247	10	3	12	28	—
Намъ	95	85	7	1	12	10	—
Агаджа	85	84	7	1	14	19	1
Эртю	45	32	4	2	10	18	—
Танчаха	44	32	6	2	10	22	—
Собулчалахъ	75	63	4	1	15	14	—
Олбутъ	64	63	4	1	16	11	—
Джарханъ	84	83	4	1	10	9	—
Молбо	34	32	4	1	5	10	—
Ха	54	53	3	—	8	6	—
Итого	1454	1263	69	20	160	198	2
Кятчинскій.							
Роды:							
Хахсатырскій	206	141	16	2	26	53	1
Кятчинскій	135	138	10	1	24	49	—
Долонскій	121	101	4	1	22	28	—
Итого	462	380	30	4	72	130	1
Мальжегарскій.							
Роды:							
Сергютскій	135	123	19	4	44	62	—
Куртинскій	129	122	19	4	36	62	—
Макушкинскій	125	121	17	4	34	48	—
Бахжинскій	125	121	13	4	34	50	—
Бётюньскій	124	121	11	2	12	46	—
Кличинскій	134	123	11	2	14	48	—
Бытатскій	218	144	17	3	20	54	—
Морохскій	142	127	11	2	16	50	1
Итого	1132	1102	118	21	210	420	1
А всего	5261	4690	315	77	1081	999	6

№№ по порядку.	Наименованіе округовъ, улусовъ и наслеговъ.	Число родовъ въ наслегахъ.	Число душъ. м.	Число душъ. ж.
	II. Якутскій округъ.			
	а) Восточно-Канга-ласкій улусъ.			
	Наслеги:			
1	1-й Нахарскій	5	1317	1400
2	2-й Нахарскій	4	535	625
3	1-й Тыллымпинскій . .	7	760	694
4	2-й Тыллымпинскій . .	4	540	585
5	Хаптагайскій . . .	3	511	506
6	Нерюктейскій	6	679	820
7	1-й Жемконскій . . .	5	717	735
8	2-й Жемконскій . . .	4	414	459
9	Хачикатскій	4	864	936
10	Харанскій	4	404	440
11	Хадаринскій	2	92	123
12	Догдинскій.	4	200	143
	Итого . . .	52	7033	7466
	б) Западно-Канга-ласкій улусъ.			
	Наслеги:			
1	Орсютскій	3	248	211
2	Октемскій	5	966	913
3	1-й Малтанскій. . . .	4	1237	1205
4	2-й Малтанскій. . . .	2	159	149
5	1-й Мальджегарскій . .	3	629	631
6	2-й » .	3	883	917
7	3-й » . .	3	637	641
8	4-й » . .	4	761	691
9	5-й » . .	4	798	664
10	Хахсытскій	3	140	108
11	Соттинскій	3	200	183
12	Мытатскій	5	515	542
13	Кильдемскій	4	517	399
14	Багарадскій	4	593	571
15	Одунпнскій.	4	706	667
16	Хорпнскій	3	205	186
17	Немюгинскій	4	1253	1261
18	Жерскій	3	280	279
19	Эргитскій	3	541	510
	Итого . . .	67	11268	10728
	в) Намскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	1-й Модутскій	6	420	460
2	2-й »	4	177	178
3	Кусагаппельскій . . .	4	331	330
4	Хатырыкскій.	4	360	396
5	Бетюнскій	12	973	999
6	Хатынгаринскій . . .	9	977	996
7	1-й Быжыгажинскій.	3	163	206
8	2-й » . .	3	153	155
9	Кобяконскій	5	519	472
10	Мурчукинскій	4	336	381
11	Атамайскій	8	981	985
12	Оюнъ-Усовскій . . .	3	382	394
13	Хомагатинскій	5	540	623
14	1-й Одейскій	4	735	780
15	2-й »	4	412	500
16	Хомустатскій . . .	5	485	480
17	Тастатскій	4	612	660
	Итого .	87	8556	8995
	г) Мегенскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	Алтанскій	4	1106	1043
2	Мойрутскій	6	996	1221
3	Долдинскій.	5	685	700
4	1-й Мельджахсинскій .	9	756	893
5	2-й » .	4	757	699
6	3-й » .	3	345	361
7	Батаринскій	5	725	775
8	Мегюренскій	3	611	563
9	Жабыльскій	4	624	608
10	Бахсытскій	4	594	745
11	Тулагинскій	4	712	714
12	Тарагайскій	3	743	796
13	1-й Холгуминскій. . .	4	271	293
14	2-й » . .	3	311	313
15	Женходинскій	5	311	314
16	Арагатскій.	2	225	223
	Итого . . .	68	9772	10264

№ по порядку.	Наименованіе округовъ, улусовъ, и наслеговъ.	Число родовъ въ наслегахъ.	Число душъ. м.	Число душъ. ж.
	д) Борогонскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	Хоринскій	3	503	483
2	Бярть-Усовскій	5	400	400
3	Курбусатскій	5	704	662
4	Сыгатскій	4	639	693
5	1-й Соттутскій	4	434	499
6	2-й »	3	312	302
7	1-й Легойскій	3	410	440
8	2-й »	3	317	353
9	1-й Ольтетскій	4	270	255
10	2-й »	3	194	211
11	Сахылыканскій	3	232	220
12	Сабарайскій	2	130	118
13	Уголятскій	3	233	259
	Итого	45	4778	4895
	е) Баягантайскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	1-й Баягантайскій	34	515	534
2	2-й »	13	465	422
3	3-й »	43	962	932
4	4-й »	4	192	252
5	1-й Игидейскій	9	655	711
6	2-й »	19	364	365
7	Камгаласкій	8	361	373
8	Сасыльскій	12	368	408
9	Оймяконо-Борогонскій	1	694	720
	Итого	143	4576	4716
	ж) Батурусскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	Алагарскій	3	353	401
2	Алданскій	2	110	109
3	1-й Бологурскій	4	768	730
4	2-й »	4	298	306
5	3-й »	3	476	439
6	Бетюнскій	4	762	701
7	1-й Жехсогонскій	5	991	980
8	2-й »	3	207	212
9	3-й »	4	692	699
10	4-й »	3	178	194
11	Жепкунскій	3	442	434
12	1-й Игидейскій	4	756	796
13	2-й »	3	157	163
14	Кугдинскій	1	66	55
15	Сыланскій	4	858	836
16	1-й Скараульскій	2	491	558
17	2-й »	2	376	336
18	Сулгачинскій	3	310	299
19	Теллейскій	4	499	461
20	Тырасинскій	4	562	602
21	1-й Хатылинскій	4	493	549
22	2-й »	4	479	501
23	3-й »	4	1020	1104
24	4-й »	3	548	592
25	1-й Хаяхсытскій	3	205	237
26	2-й »	4	555	532
27	Хадарскій	7	935	907
28	1-й Чакырскій	3	746	790
29	2-й »	3	178	145
30	Эмисскій	3	217	210
31	Жулейскій	4	374	355
	Итого	107	15102	15233
	з) Дюпсюнскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	1-й Оспетскій	3	705	706
2	2-й »	5	791	812
3	Черіктейскій	4	683	708
4	Батагайскій	3	405	451
5	Онерскій	3	350	380
6	Налхинскій	3	325	378
7	Тюляхскій	3	210	260
8	Тебиковскій	3	264	278
	Итого	27	3733	3973
	Итого въ улусахъ	596	64818	66270

№№ по порядку.	Наименованіе округовъ, улусовъ и наслеговъ.	Число родовъ въ наслегахъ.	Число душъ.	
			м.	ж.
	III. Вилюйскій округъ.			
	а) Сунтарскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	1-й Жарханскій . . .	6	903	889
2	2-й » . . .	10	1491	1353
3	3-й » . . .	10	1515	1422
4	Нахарскій	4	576	570
5	1-й Нерюктейскій . .	4	801	691
6	2-й » . .	1	431	470
7	Торбоховскій	3	613	820
8	1-й Бордонскій	9	1335	1274
9	2-й » . . .	6	964	900
10	Хоринскій	4	565	592
11	Кангаласкій	6	942	810
12	Кюкяйскій	4	1138	1081
13	Кугдарскій	5	772	676
14	Тюбяйскій	3	514	456
	Итого . . .	75	12560	12004
	б) Мархинскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	Ёдейскій.	7	704	695
2	Асыкайскій	2	232	246
3	1-й Жарханскій . . .	7	1046	855
4	2-й » . . .	6	921	937
5	Нюрбинскій	3	354	325
6	Кангаласкій	12	1261	1039
7	1-й Бордонскій	9	1276	1073
8	2-й » . . .	4	776	638
9	Бестяхскій.	7	582	577
10	Таркайскій.	5	659	631
11	Аканинскій	5	603	576
12	Сюльскій	6	540	637
13	Кукакинскій	3	231	219
14	Тылыкинскій.	3	464	438
15	Мегежетскій	4	515	361
16	Эгельжитскій.	3	446	503
	Итого . . .	86	10610	9750
	в) Верхне-Вилюйскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	Батулинскій	4	815	869
2	1-й Удюгейскій. . . .	4	1054	1030
3	2-й » . . .	4	744	753
4	3-й » . . .	2	324	314
5	Хорпинскій	2	294	242
6	Меитскій	3	300	302
7	Намскій	4	514	500
8	Орготскій	4	520	592
9	Кулятскій	4	232	201
10	Чукарскій	3	290	264
11	Чачуйскій	6	1071	943
12	Халбатскій	2	221	223
	Итого . . .	42	6379	6233
	г) Средне-Вилюйскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	Кокуйскій	3	243	242
2	Кобяйскій	2	189	201
3	Тепкинскій	3	196	220
4	Мукучинскій	3	186	200
5	1-й Тогуйскій	3	218	202
6	2-й »	3	391	376
7	3-й »	4	660	686
8	4-й »	4	642	664
9	Кыргыдайскій	2	177	190
10	Лючинскій	4	128	158
11	Кырыкыйскій	2	564	610
12	Модутскій	2	145	189
13	Орготскій	3	332	280
14	Жемконскій	3	353	297
	Итого . . .	41	4424	4515
	Итого въ улусахъ. .	244	33973	32502

№№ по порядку.	Наименованіе округовъ, улусовъ и наслеговъ.	Число родовъ въ наслегахъ.	Число душъ. м.	Число душъ. ж.
	IV. Верхоянскій округъ.			
	а) Верхоянскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	1-й Юсальскій	1	436	469
2	2-й »	1	362	341
3	3-й »	1	251	250
4	4-й »	1	178	163
5	1-й Байдунскій	1	319	309
6	2-й »	1	203	201
7	3-й »	1	89	79
8	1-й Эгинскій	1	149	153
9	2-й »	1	126	121
10	Камгаласкій	1	124	128
11	Батагайскій	1	188	163
12	Эльгетскій	1	204	199
13	Курпнскій	1	104	110
14	Борогонскій	1	63	68
	Итого . . .	14	2796	2754
	б) Устьянскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	1-й Ноготскій	1	142	126
2	2-й »	1	56	48
3	Курпнскій	1	102	92
4	Батулинскій	1	47	22
5	Тутатскій	1	130	116
6	Удюгейскій.	1	64	74
	Итого . . .	6	541	478
	в) Эльгетскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	1-й Юсальскій	1	179	189
2	2-й » . . .	1	38	31
3	Эльгетскій	1	149	150
4	1-й Байдунскій	1	136	132
5	2-й » . . .	1	137	146
6	1-й Эгинскій	1	70	81
7	2-й »	1	31	30
8	Батагайскій	1	67	75
9	Удюгейскій.	1	204	226
	Итого . . .	9	1011	1060
	г) Жиганскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	1-й Батулинскій . . .	1	90	95
2	2-й » . . .	1	70	60
3	1-й Хатылинскій . . .	1	160	153
4	2-й » . . .	1	105	95
5	3-й » . . .	1	330	340
6	4-й » . . .	1	105	97
7	Тутатскій	1	65	60
8	Камгаласкій	1	112	108
	Итого . . .	8	1037	1008
	Итого въ улусахъ. .	37	5385	5300
	IV. Колымскій округъ.			
	Колымскій улусъ.			
	Наслеги:			
1	Борогонскій	1	87	98
2	1-й Мятюжскій. . . .	1	70	43
3	2-й » . . .	1	184	166
4	3-й » . . .	1	284	265
5	4-й » . . .	1	190	180
6	1-й Камгаласкій . . .	1	48	46
7	2-й » . . .	1	343	323
8	1-й Байдунскій. . . .	1	120	100
9	2-й » . . .	1	177	163
10	Эгинскій.	1	213	193
	Итого . . .	10	1716	1577

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Цифры означаютъ страницу; сокращенія: авт.—авторъ, ат.—атаманъ, бож.—божество, в.—воевода, вол.—волость, г.—горы, гор.—городъ, гр.—граница, губ.—губернія, дол.—долина, зим.—зимовье, им.—имя, кузн.—кузнецы, мѣст.—мѣстность, нар.—народъ, насл.—наслегъ, оз.—озеро, окр.—округъ, остр.—островъ, пос.—поселеніе, р.—рѣка, рав.—равнина, сел.—селеніе, скз.—сказка, слоб.—слобода, созв.—созвѣздіе, ст.—станція, тун.—тундра, ул.—улусъ, ур.—урочище, упр.—управа. хр.—хребетъ.

Абаканъ—205, 207.
Абаканское, сел.—203.
Абинцы, нар.—399.
Абый мст.—217, 238.
Абый, оз.—19.
Авамская, тунд.—235, 497.
Авганистанъ, мѣст.—381.
Аграфена Жиганская, духъ.—16.
Адамъ—560, 653.
Аджарманъ-Джаджарманъ—613.
Адріановъ, авт.—205, 208.
Адыча, р.—15, 217.
Авія—591.
Айданъ-батыръ, им.—454, 612.
Аимъ, р.—4.
Аисытъ, божество—129, 263, 673, 674, 675.
Аи-Тангара—263.
Аи-тоёнъ, божество—469, 618, 651, 654, 655, 658, 666, 672, 673, 675.
Айсуханъ, им.—204.
Акары, им.—512, 513, 553, 604.
Аксышъ, р.—205.
Алазей, р.—5, 15 21, 55, 119, 137, 151, 218, 245, 366, 536, 567.
Алазейскій, хр.—218.
Алазейское, вим.—499.
Аларскіе буряты—203.
Албазинскій, острогъ—248.
Алданъ, р.—12, 21, 25, 31, 32, 33, 35, 40, 71, 72, 81, 98, 138, 211, 212, 213, 248, 348, 302, 305, 366, 400, 473, 481, 499, 616, 619, 621, 623, 625, 630, 638, 649, 650, 652, 653, 655, 656, 657, 658, 660, 669.
Алданская почтовая ст.—212.
Алданскія, горы—70, 81.
Алданское воеводство—199.
Александръ Македонскій—209, 603.
Алексѣевъ—198.
Алеутскіе, остр.—301.
Аллайха, мѣст.—152.
Алтай, г.—472.
Алтайская вол. 222.
Алтайскіе татары—206.
Алтанъ, оз.—119.
Алтанскій насл.—475, 478, 614.
Алыпъ, им.—248.
Алысъ-луканъ—450.
Аляска, полуост.—219.
Альтенъ, р.—59.
Альчардыръ, им.—232.
Амга, р.—12, 61, 98, 211, 212, 213, 220, 260, 473.
Амга, сел.—32, 79, 82, 194, 212, 288, 474.
Амгинско-Ленское плоскогорье—17, 18, 82, 98, 134, 136, 138, 212, 214, 223, 224, 415, 578.
Америка—244.
Американъ, им.—251.
Амолой, р.—15, 217, 151, 221, 220.
Амуръ, р.—197, 198, 199, 200, 214, 219, 306, 379, 452.
Анабара, р.—15, 21, 55, 138, 140, 215, 235, 301, 307, 357, 366, 380.
Анадыръ, р.—301, 138, 452.
Андреевъ, авт.—358, 403.
Андріевичъ, авт.—496, 499.
Аннепковъ, авт.—194, 319.
Анучинъ, авт.—400.

Ангара, р.—12, 206.
Андылахъ, мѣс.—148, 234, 246, 301, 403, 420, 439, 441, 455, 487, 519, 548.
Андо-баръ, им.—204.
Анъ-Сабахъ, им.—193.
Анъ-Тайбыръ, им.—190.
Анъ-Улаханы, им.—193.
Анъ-Чинтай, им. 191.
Анюй, р.—15, 218, 358.
Анюйская ярмарка.—239.
Арба, р.—197.
Аргунь, р.—201.
Арджаманъ-Джарджаманъ, им.—448.
Арсанъ-Долай, имя—193.
Арсланъ-ханъ, имя—193.
Артаковъ Алексѣй, им.—496.
Артыкъ, р.—197.
Арчинга родъ—458, 472, 628.
Ары-сыали, мѣст.—609.
Аръ-Тоёнъ, бож.—562.
Асыкайскій насл. 381, 406, 407.
Атамай, р.—475.
Атамайскій насл.—57.
Афанасій, святой—27.
Ахтаранда, р.—13.
Ачинскій окр.—156.
Аянъ, гор.—212, 218.
Аянскій трактъ—503.
Бадамъ, мѣст.—474.
Бахтаревъ Еналей—198.
Бажа, р.—18.
Баэскія г.—205.
Бай-Байнай, богъ—672.
Байгалъ ырахтагы, им.—604.
Байдунскій нас.—473, 477, 479 558.
Байкалово, вим. 202.
Байкалъ, ов.—7, 89, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 206.
Байкалъ-омукъ, нар.—249.
Байкальское сел.—203.
Байкемъ, р.—204.
Байнай, богъ—673.
Бай-хай, (Пе-хай) оз.—199, 201.
Баканань, им.—450.
Бакча, ост.—485.
Балай, им.—470.
Балтійское мор.—397.
Банахай, р.—216.
Банга, шам.—628.
Баньщиково, сел.—46.
Барагай-батылы, им.—191.
Барбякай-Бёнкёнгё, им.—465.
Баргу, равн.—199.
Баснинъ, им.—194.
Бата-батыръ, им.—562.
Батагыянъ, им.—452.
Батаринскій насл.—304, 407, 415, 430, 431, 417.
Батома, р.—11, 213, 220, 224, 381, 399.
Батулинскій насл.—478.
Батурусскій ул.—80, 190, 191, 213, 474, 484, 486, 496, 499, 628, 654.
Бахинскій родъ—628.
Бахсытскій насл.—484.
Башкиры, нар.—194.
Баяга, р.—193, 213.
Баягантайскій насл. III-ій—212, 238, 273, 285, 315, 348, 400, 477, 523.
Баягантайскій ул.—34, 40, 71, 84, 122, 126, 139, 167, 168, 174, 191, 196, 213, 222, 223, 240, 253, 263, 268, 273, 274, 276, 277, 278, 282, 284, 289, 290, 293, 311, 317, 318, 326, 327, 330, 381, 423, 435, 437, 438, 444, 448, 456, 457, 458, 459, 460, 464, 465, 466, 469, 472, 475, 476, 484, 485, 486, 489, 496, 510, 512, 515, 523, 524, 553, 560, 561, 572, 573, 577, 581, 609, 616, 618, 619, 620, 621, 625, 630, 638, 652, 655, 656, 657, 658, 660, 663. 669.
Балгирскій родъ—219.
Бёдё-кюёль, ст.—60, 443.
Бекетовъ Петръ, ат.—219.
Белякъ, нар.—251.
Бере, оз.—357.
Бертъ-Хара, им.—273, 303, 466, 468, 553, 612.
Бесъ-анъ, ур.—437, 489, 514.
Бесѣда-Старикъ, им.—465.
Бетюнскій волкъ—471.
Бетюнскій насл.—190, 277, 472, 474, 489, 491, 516, 525, 663.
Бетюнцы, нар.—488.
Бечекъ, родъ—550, 598.
Билингсъ, авт.—78.
Билиръ, р.—213, 217.
Бирюса, р.—206.
Благовѣщенскій пріискъ—27, 37, 38, 43, 44, 47, 48, 50.
Блуждающая Звѣзда—451.
Боганида, р.—32, 215, 216, 302, 357.
Богатырь Бѣшенный—457.
Богатырь Шумный—457.
Богдо-ханъ, титулъ—252.
Богодуховскій уѣз.—398.
Богъ—560, 564, 581, 612, 652, 653, 671.
Боилытъ, им.—471.
Боксанъ, им.—273.

Болколахъ, р.—215.
Бологуръ, племя—474, 477, 664.
Бологурскій ул.—484.
Бомъ, р.—197.
Бонапартъ, им.—209.
Бордо, им.—471.
Бордонъ, нас.—477.
Борисъ Годуновъ—493.
Борогонская вол.—499, 473, 628.
Борогонская улусная упр.—146.
Борогонскій, насл.—217, 278.
Борогонскій ул.—80, 190, 191, 213, 222, 224, 277, 296, 472, 473, 475, 481, 485, 484, 496, 510, 628.
Бороджой, родъ—526.
Борулахъ, р. 217.
Борунуктъ, мѣс.—16, 19.
Боско, скз.—263, 613.
Ботальское, зим.—220.
Böthling, авт.—183, 188, 201, 289, 299, 316, 334, 338, 347, 352, 359, 381, 401, 405, 428, 451, 452, 464, 472, 497, 508, 545, 569, 587.
Ботобуй, р.—13.
Бётюгётъ, род.—190.
Бочера, духъ—672.
Брацкіе люди—200, 251.
Бриль, губернаторъ—499.
Буза-Елеска, ат.—200, 232.
Букеевская орда—267.
Булунь, с.—9, 216.
Бурай-тоёнъ, духъ—661.
Бургали, р.—197.
Бурея, р.—194, 197.
Бурханъ-Халдунъ, г.—199.
Буряты, нар.—247, 249, 343.
Бусустаръ, (мѣсяцъ)—196.
Бусуханъ, им.—450.
Бута, родъ—220.
Бутальское зим.—220.
Буцынскій, авт.—492.
Быдани, мѣстн.—614.
Быжигажинскій насл.—232.
Бырджики, родъ—455, 471, 573.
Бырдый Кытынаковъ, шам.—628.
Быса, р.—197.
Быстыбытъ, род.—455.
Бытантай, р.—15, 58, 59, 166, 217, 247, 411.
Быча, им.—574.
Бюлюй-Эрюнча, им.—226.
Бяй-Бяриканъ эмяхсинъ, им.—610.
Бяртъ-уса, род.—475.
Бѣлая, р.—203, 499.
Бѣломошье, г.—3.
Бѣлые камни, г.—3, 4.
Бѣлый юноша, им.—193.
Бѣлый, хр.—3.
Бѣлый Господь Богъ—612.
Бѣшеный богатырь, им.—513.
Вакулинъ, им. шам.—628.
Вамбери, авт.—197, 202, 587.
Ванъ-ѣнь-тэ, кит. посланникъ—659.
Василій, им.—582.
Великая Камчатская экспедиція—503.
Венера—451, 668.
Верхневилюйская управа—72.
Верхне-Вилюйскій ул.—215, 222, 286, 381, 406, 496, 499.
Верхне-Колымскъ, гор.—32, 81, 101, 218, 302. 499.
Верхоянскъ, г.—23, 27, 32, 38, 37, 40, 43, 44, 46, 47, 48, 50, 52, 57, 59, 73, 99, 116, 118, 119, 117, 135, 139, 140, 167, 212, 229, 232, 301, 419, 423, 427, 462, 463, 528, 552, 569, 573, 576, 616, 619, 621, 632, 638, 653, 654, 658, 660, 665, 666.
Верхоянскіе якуты—110.
Верхоянскій ул.—5, 56, 59, 110, 134, 135, 139, 196, 207, 234, 235, 411, 464, 466, 476, 480, 496, 510, 515, 520, 526, 529, 547, 558, 572, 575, 576, 577, 580, 604, 655, 667.
Верхоянскій окр.—66, 131, 137, 139, 140, 148, 165, 211, 217, 271, 284, 296, 305, 316, 330, 348, 357, 403, 405, 416, 496, 502, 525, 596, 617, 665.
Верхоянскій трактъ—59, 81, 126. 380, 503.
Верхоянскій остр.—78.
Верхоянское зим.—221, 222, 499.
Вешній Никола (9 мая)—419.
Vild, H., авт.—25, 30, 39, 46.
Вилюй, р.—5, 13, 21, 31, 32, 35, 60, 72, 116, 118, 131, 134, 139, 136, 137, 183, 215, 219, 222, 229, 231, 245, 286, 302, 305, 467, 468.
Вилюйскъ, гор.—32, 72, 50, 48, 73, 78, 180, 400.
Вилюйскіе кузн.—395.
Вилюйскіе якуты—132, 215.
Вилюйскій ул.—235, 572.
Вилюйскій окр.—81, 88, 89, 93, 98, 108, 109, 139, 161, 180, 165, 177, 208, 211, 215, 223, 240, 257, 261, 266, 284, 296, 297, 305, 318, 348, 381, 382, 404, 406, 452, 478, 496, 500, 50Ь, 525, 596.

Вилюйскія г.—70, 81.
Вилюйско-Ленское плоскогорье—63.
Вилюйчанъ, р.—215.
Витимъ, гор.—9, 11, 21, 31, 35, 78, 81, 82, 118, 138, 140, 198, 214, 220, 224, 248.
Витсенъ, авт.—78, 260.
Владимірская губ.—398.
Воздвиженскій рудникъ—39.
Войноральскій, лицо—81.
Волга, р.—398.
Волконскій Яковъ, в.—492.
Волосяное-горло-человѣкъ—609.
Восточно-Камчаталскій ул.—213, 224.
Врангель, авт.—4, 65, 176, 190, 198, 224, 270, 282, 311, 322, 358, 381.
Вуллю-ха, нар.—204.
Вятская губ.—398.
Галкинъ, атам.—229, 467, 468, 473, 480.
Георги, авт.—222, 319, 324, 350, 369, 375, 395, 399.
Гилюй, р.—197.
Глѣбовъ, в.—198, 219, 221.
Gmelin, авт.—78, 89, 153, 225, 261, 269, 272, 287, 399, 451, 503, 554, 621, 629, 636, 651, 652, 664, 669.
Гнилое-бедро-человѣкъ, им.—609.
Гнѣздиковскій мог.—397.
Голанта, р.—220.
Головинъ, воев.—198, 221, 399.
Головинъ Петръ, в.—219.
Гольманъ, авт. ветеринаръ. — 165, 176.
Гороховъ Н. авт.—58, 60, 81, 562. 570.
Госпожа съ бѣлымъ жеребенкомъ, духъ—663.
Госпожа съ длиннымъ посохомъ, духъ—663.
Громовъ, торг. домъ—14.
Гульмукъ, р.—8.
Гусельныя, г.—224.
Гыннаттахъ, им.—434.
Гэтгэса, р.—221.
Дабанъ, г.—248.
Давурскіе остроги—495.
Дагысъ, шам.—628.
Дадя, им.—598.
Даку, шам.—628.
Дакырскій родъ—628.
Далай, оз.—199, 201.
Далай-норъ, оз.—200.
Далберъ-джонокъ, духъ—662.
Дампай-Брадай, духъ—664.
Даркылахъ, р.—217.
Дархаты, нар.—204.
Дахсунъ-дуляхъ духъ—662.
Дебука, шам.—628.
Дегоренъ, шам.—628.
Десна, р.—397.
Джабыдахъ, оз.—119.
Джелляхъ, ост.—16.
Дженникъ, им.—467.
Джерахынъ, им.—630.
Джесегей Аи тӧрдӧ уордахъ тоёнъ, духъ—675.
Джингисъ, им.—209, 210.
Джонъ-джагылы (джонъ-джаабы), им.—191.
Джугунъ, имя—183.
Джусалъ, родъ—245, 472, 479.
Джюляй, им.—470.
Джянга, р.—247.
Джянгы, г.—232.
Джянгы-Даринча, имя—226.
Двасакту-ханаймакъ—472.
Дирингъ-Оюнъ, мѣс.—164.
Дмитріевъ Н., лицо—91.
Днѣпръ, р.—397.
Догдо, р.—233.
Додой, им.—471.
Дойдуса-Дарханъ им.—467.
Долганы, нар.—211, 215, 235, 238, 247, 252.
Долгуйбатъ Болтой, князь.—263, 614.
Дологоно, им.—596.
Донго р.—248.
Древо-листная—грудь, человѣкъ—609.
Дубенскій, авт.—156, 261.
Дудино, с.—32.
Дудыпта, р.—15, 32, 215.
Дуолголахъ, р.—15, 58, 212, 217, 221, 245, 269, 401.
Дуракъ сказ.—512.
Дэли-дарханъ, им.—191.
Дюпсюнскій ул.—180, 212, 496, 213, 240, 277, 293, 296.
Дюпсюнцы, нар.—487.
Дяньсикъ, им.—467.
Ева, им.—653.
Егинскій насл.—411.
Екатерининскіе рудн.—401.
Еко, прозв.—205.
Ексюкюляхъ-Бакистай, им.—613.
Елчуковъ, дякъ—492.
Ельневъ, авт.—349.
Емконская вол. 628.
Енжа, рав.—15, 18, 19, 209, 261, 258,

262, 251, 458, 525, 526, 536, 441, 555, 561, 571, 656.
Енисей, р.—21, 32, 55, 57, 61, 59, 60 120, 121, 143, 202, 205, 206, 208, 349. 484.
Енисейская губ.—261.
Енисейскіе самоѣды—329.
Енисейскіе якуты—211.
Енисейскій остр.—78.
Енисейское воеводство—498.
Енисейскъ, гор.—198, 229, 200, 220.
Еравня р.—248.
Еркапская вол.—628.
Жалакъ Омолдановъ, шам.—628.
Жарканская вол.—628.
Жаръ-птица—604.
Жарынъ, шам.—628.
Жахарскій насл.—478.
Желѣзный Красная-мѣдь-богатырь—448.
Жемконскій насл.—381, 406.
Жессей, мѣс.—176.
Жессейское оз. (Эсэ)—63, 152, 215, 235.
Жехсогонъ, нас.—472, 474, 477.
Жигаловъ, с.—9.
Жиганскій ул.—216, 295, 297, 307, 379, 480, 496.
Жиганское зим.—220, 499.
Жиганское коммисарство—499.
Жиганскъ, гор.—9, 216.
Жиганы, мѣс.—231.
Забайкалье, м.—164, 197, 199, 248.
Западно-Камгаласная упр.—99.
Западно-Камгаласкій ул.—164, 180, 192, 214, 224, 248, 305, 407, 434, 435, 449, 467, 496, 572, 665.
Зашиверскій остр.—222.
Зашиверское, зим.—499.
Зашиверскъ, гор.—81.
Зиланы, нар.—473.
Зея, р.—194, 218, 197.
Золотой человѣкъ, сказ.—604.
Зычный-Звонъ-богат.—448.
Иванъ Царевичъ, сказ.—604.
Игидей, насл.—285, 473.
Измайловъ, воевода—628.
Икалэтагалы, нар.—220.
Иканъ, р.—218.
Иктей Кривой, шам.—628.
Илимпей, р.—4.
Илимскій окр.—79.
Илимскій остр.—78.
Илимъ, р.—229.
Иліада—613.
Илья Богатырь—666.
Илэу, нар.—192.
Ймугаты, нар.—220.
Ингода, р.—218.
Индигирка, р.—15, 21, 30, 32, 55, 58, 65, 100, 121, 137, 151, 153, 217, 220, 222, 231, 240, 258, 401, 564.
Иренъ-батыръ, им.—454, 612.
Ириняхъ, им.—598.
Иркутская губ.—126, 261, 498.
Иркутскій муз.—379.
Иркутскъ, гор.—25, 64, 179, 329, 499.
Исьимя—470.
Якинеъ, авт.—192.
Іесейскій род.—497.
Іонинъ А. А., авт.—493.
Кавказскія коллекціи—398.
Казачье с.—46, 57, 164, 217, 239.
Калгынъ, ов.—137.
Кампедэй, р.—14, 41.
Камчадалы, нар.—251.
Камчакъ-киси нар.—251.
Камчатка полуост.—198, 301, 503.
Камыстахская церк.—137.
Камгалаская волость—221, 473, 494, 499, 628.
Камгалаская управа—77, 82.
Камгаласкіе якуты—468.
Камгаласкій Камень (Табага) г.—10, 16, 89.
Камгаласкій наслегъ—57, 194, 246, 335, 381, 406, 407, 476, 526.
Камгаласкій родъ—470, 628.
Камгаласкій ул.—80, 190, 191, 212, 268, 277, 290, 293, 403, 406, 407, 474, 496, 561.
Камгаласцы, нар.—232, 471, 472, 479, 181, 573.
Камгхап, нар.—240, 249.
Канлеку, шам.—628.
Канскій окр.—156.
Капитонъ, им.—400.
Капитонъ, хрб.—4.
Карагассы, нар.—194.
Карасская коллекція—398.
Карпатскія г.—591.
Каррикъ, авт.—65.
Касимовскій уѣз.—398.
Каспій, м.—398.
Кассіянъ, им.—652.
Castren, авт.,—194, 301, 302, 340, 342, 401.
Катерина, им.—582.
Катунь, р.—206.
Качугъ, с.—9.

Каччійянъ, ангелъ—652.
Кахтыръ-Кагхтанъ, духъ—651.
Кебели, р.—218.
Кедеканъ, родъ—526.
Кёкёнянъ, им.—450.
Кекя, конь—264.
Кемисхая, ур.—399.
Кемчикъ, р.—204.
Кёпчё-бёге, бог.—248, 447, 512, 517, 561, 570, 613.
Кёнь таяхтахъ хотунъ, духъ—663.
Кёнь-Юряхъ ст.—58, 617, 655.
Кёрё убахаламъ хотунъ, духъ—663.
Керяхъ, р.—197.
Килорцы, нар.—200.
Кильдямская слоб.—186, 468.
Кильдямскій насл.—305, 484.
Киргизы, нар.—194, 251, 330.
Кирджигесъ, родъ—526.
Киренга, р.—77, 78.
Киренскъ, гор.—9.
Китай, имп.—199, 219, 509.
Китайцы нар.—192, 205, 249, 252.
Кихиргесъ, пм.—459.
Клеменцъ, авт.,—344, 347, 381, 398, 400, 462, 464.
Князь оюнь, духъ—663.
Князь, шаманъ—663.
Княхія, им.—593.
Кобдо, оз.—204.
Кобдо-Нахырыканъ, им.—598.
Койбалы нар.—192, 194.
Кокуй, сел.—197, 199.
Кокуйская вол.—628.
Колыма, р.—5, 15, 21, 30, 32, 33, 55, 58, 65, 101, 121, 138, 139, 151, 183, 218, 220, 222, 231, 240, 302, 366, 567.
Колымскіе казаки—603.
Колымскіе якуты—141, 202, 393, 470.
Колымскій окр. 63, 66, 108, 119, 120, 137, 139, 140, 148, 152, 165, 174, 177, 211, 229, 266, 271, 284, 296, 297, 303, 305, 316, 330, 347, 350, 354, 379, 416, 487, 496, 501, 502, 525, 592, 618, 620, 625, 631, 634, 636, 637, 638, 653, 655, 656, 658, 659, 660, 673.
Колымскій трактъ—503.
Колымскій ул.—75, 100, 101, 107, 122, 134, 138, 139, 209, 221, 234, 235, 245, 246, 278, 295, 301, 335, 336, 357, 359, 369, 394, 404, 412, 420, 427, 430, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 455, 458, 464, 474, 476, 480, 481, 496, 505, 510, 513, 515, 519, 526, 530, 536, 542, 543, 544, 547, 548, 549, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 558, 561, 563, 564, 569, 570, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 594, 596, 609, 639, 634, 665, 666, 667, 674, 675.
Колымскія ов.—111.
Колымскъ, городъ—40, 118, 134, 421, 569.
Кёмёкёнъ Дунгуръ - гымытъ - харыя, мѣстн.—232.
Кононкинъ крестъ, мысъ.—85, 89.
Копыловъ, атам.—220, 260.
Корытовъ, атам.—230.
Коряки, нар.—251.
Косоголъ, оз.—204.
Костинское сел.—216.
Костровъ, авт.,—215.
Котельный остр.—46.
Крапоткинъ, авт.—2, 4, 8, 56, 208, 214, 248.
Красное сел.—216.
Красноярскій окр.—156.
Красноярскъ, гор.—198.
Крещеніе—670.
Кривогорницынъ, сборщ. под.—473, 470, 494, 572.
Кривошапкинъ, авт.,—216, 235.
Кровковъ, Матвѣй Осиповичъ, воев.—504.
Кровяной глазъ, им.—610.
Крыженовской Юрій, сбор. под.—495.
Кугдинскій, насл.—478, 479.
Кузнецкъ, гор.—399.
Куйтусунъ, р.—100.
Кукакы, им.—470.
Кулакай, шам.—628.
Кулунъ-тутаръ, мѣсяцъ—196.
Кунгалайскій ул.—221.
Куохай, духъ—649.
Курдюковъ Евдокимъ, подъяч.—474, 493, 494, 503, 504.
Куринскій насл.—479.
Кусаганнельскій насл.—305, 434, 482, 488, 523, 526.
Кусанекъ, шам.—628.
Кусегей, шам.—628.
Кускенде оз.—17, 214.
Кутинга, г.—3, 220.
Кутунгай Борожъ, конь—264
Кутуяхъ, шам.—628.
Кучугуй-Хана, порогъ—13.
Кучунякъ Мазаринъ, шаманъ—628.
Кыбыргасъ-Хабыргасъ, имя—450.

Кыгынанъ, им.—450.
Кыданахъ кысъ хатынъ, духъ—662.
Кыйбырданъ, богат.—447.
Кыйданъ кысъ, духъ—662.
Кылъ-кюбмаі-киси, им.—609.
Кытай, нар.—251.
Кытыграсъ-Бараччи, им.—571, 610, 613.
Кюнгясь, р.—110, 151, 167, 215.
Кюнь-Кедею, им.—274.
Кюнь-кысъ, им.—655.
Кюрга, р.—71, 81.
Кюреляхъ, ст.—380, 403.
Кярпястирь-Кярпястирь, имя—117.
Лабыниха-сюрикъ, им.—191.
Ламанха, нар —249.
Ламуга Байтаковъ шам.—628.
Ламъ, м.—200, 225.
Легей-тоёнъ—461, 469, 453.
Ледовитый океанъ—1, 2, 6, 53, 65, 121, 123, 152, 200, 201, 217, 240, 295, 348.
Лельель, нар.—249.
Лена, р.—4, 5, 6, 7, 21, 32, 33, 35, 55, 59, 77, 79, 81, 85, 98, 99, 108, 116, 118, 120, 121, 134, 136, 140, 143, 152, 183, 200, 206, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 216, 220, 222, 229, 257, 293, 297, 298, 303, 366, 449, 468, 647, 663, 664.
Ленскіе воеводы—198.
Ленскій хр.—84.
Ленскій рукавъ—1.
Леонтій, благочинный—668.
Ликсандра Македонскáй, им.—209.
Логашинская. д.—203.
Ломуты, нар —221, 233, 234.
Лопатинъ, авт.—39.
Лоча, им.—249.
Луку, оз.—119.
Лучинскій родъ—628.
Лучча, им.—249.
Лѣтній камень, хр.—3.
Люсе, им.—249.
Лючинскій насл.—474.
Ляховъ, ост.—41, 46, 163.
Маакъ, авт.—5, 21, 32, 58, 60, 62, 64, 66, 71, 72, 80, 81, 90, 99, 116, 194, 203, 208, 223, 235, 240, 245, 248, 261, 263, 285, 287, 290, 299, 301, 348, 357, 391, 393, 407, 480, 483, 547, 554, 620.
Маганъ, мѣст.—250.
Мадутцы, мѣст.—488.
Мажегарскія вол.—222.
Мазыра Базековъ, шам.—494.
Майрутскій, насл.—478.
Майскіе тунгусы.—240.
Майское зим.—499.
Малое, ст.—41.
Малтанскій насл.—478.
Мальджагаръ джопъ—477.
Маляря, конь—264.
Мангазейскіе инородцы—492.
Мангазейскіе казаки—219.
Мангысъ, имя—232, 470, 610.
Манзурскія степи—206.
Маньчары, им.—347, 513, 552. 611.
Маргаритовъ, авт.—379.
Маркграфъ О. В. изслѣд.—89. 90, 275.
Марко-Поло, авт.—199.
Марсатынгъ, им.—616.
Мартынъ Васильевъ—229.
Мартынъ, им.—307.
Марха, р.—14, 215.
Мархинскій ул.—80, 215, 286, 381, 391, 406, 407, 476, 496.
Мархинское, сел.—23, 27, 37, 43, 44, 46, 47, 50, 73, 189, 468.
Масляные штаны, им.—609.
Мастахъ, оз.—119.
Масютара, им.—622.
Матерь Божія—653.
Махотинъ, авт.—467.
Мача, с.—32, 140.
Мачаярь, пѣв.—593.
Мая, р.—13, 118, 220.
Маянтылапъ, им.—466, 575.
Мегинская волость—473, 494, 499, 527, 628.
Мегенскій ул.—80, 190, 191, 213, 222, 277, 415, 474, 481, 496, 501, 619.
Меглицкій, авт.—2.
Медвѣдица, созвѣз.—450.
Медвѣжій камень, г.—3.
Медвѣжьи остр.—358, 403.
Межеулъ, им.—225, 294.
Меитскій насл.—381, 406, 407, 477, 478.
Меитскій ул.—304, 425, 431.
Мельжахсинская гр.—477.
Меркиты, нар.—199.
Метлямпартъ, им.—209.
Миддендорфъ, авт.,—3, 4, 32, 39, 55, 57, 59, 61, 64, 69, 72, 75, 78, 79, 80, 81, 90, 93, 94, 98, 99, 109, 111, 112, 113, 152, 162, 164, 166, 175, 190, 192, 205, 216, 218, 219, 225, 226, 235, 244, 247, 252, 260, 262, 273, 285, 287, 288, 300, 301, 302, 308, 326, 348, 370, 381, 407, 410, 441, 471, 473, 503, 572, 589, 609.
Миллеръ Г., авт.—190, 197, 224, 629.

Миллеръ Ф. Ф. авт.—3, 4, 8.
Минусинскіе татары, нар.—205.
Минусинскій окр.—156, 400.
Миронъ-комиссія—484.
Миссюра, им.—458.
Михайловъ день—23.
Міорэ, оз.—146, 224.
Могой, им.—610.
Моголъ, им.—252.
Мог'олъ—347.
Мог'ол-ураса—347.
Могудерь, шам.—628.
Мойрутскій нас.—475.
Молодая, р.—11, 221.
Молотой-орхонъ, им.—191.
Мокма, р.—220.
Мокуй, р.—213.
Мома, р.—15, 81, 229.
Момуканъ р.—82.
Монголія, стр.—192, 648.
Монголы, нар.—205, 249, 343.
Морской царь—604.
Моруку, нас.—475.
Москва—494.
Москвитинъ Иванъ, атам.—230, 467.
Московская губ.—398.
Мощины, мѣст.—398.
Мунгальцы, нар.—201, 248.
Мунду-Кюбль, ур.—81.
Муннянъ-Дарханъ, им.—467.
Муравьевъ-Амурскій, г.-губернаторъ—79.
Мурашъ, р.—217, 348.
Мургатцкій родъ—219.
Муя, р.—82, 208, 214, 305,
Мыла, р.—18, 213, 220, 304, 415.
Мымакъ, имя—467, 480.
Мырса, им.—209, 210.
Мыччылла, им.—628, 629, 631.
Мэльяхсинъ-аитэ, духъ—662.
Мякъ-Тугуй, им.—610.
Мятись, родъ—245.
Нажарскія вол.—221.
Налимье рыло, им.—581.
Наммора, р.—220.
Намская вол.—499.
Намская дол.—85, 89, 90, 94, 97, 100.
Намская управа—76, 82, 79, 80, 389, 421.
Намскіе якуты—153, 317.
Намскій ул. 40, 58, 64, 72, 83, 84, 87, 88, 99, 115, 117, 123, 126, 127, 154, 168, 170, 171, 190, 191, 195, 196, 214, 222, 223, 229, 231, 245, 248, 254, 261 262, 268, 272, 273, 274, 277, 282, 286, 288, 289, 290, 300, 303, 304, 305, 311 312, 321, 329, 330. 347, 360, 394, 396, 400, 402, 405, 419, 427, 433, 434, 435, 437, 438, 440, 442, 444, 448, 449, 451, 452, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 462, 464, 465, 466, 468, 469, 472. 474, 476, 481, 482, 484, 485, 486, 488, 490, 491, 496, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 524, 525, 526, 527, 529, 530, 531, 532, 533, 542, 544, 545, 547, 548, 549, 550, 552, 554, 557, 560, 561, 567, 569, 575, 576, 577, 580, 581, 582, 586, 593, 594, 596, 602, 603, 604, 609, 616, 617, 619, 620, 622, 623, 624, 625, 627, 636, 639, 643, 645, 650, 652, 654, 655, 656, 657, 658, 663, 664, 666, 667, 668, 669, 670, 673, 674.
Намъ, нар.—434, 471, 472, 474, 479, 573, 598.
Нарей-хотунъ, духъ—672.
Нарынъ, р.—204.
Нахарскіе насл.—212, 477, 478.
Нежели, оз.—21.
Нейманъ, авт.—267.
Нельканъ, уроч.—13, 48, 79, 218.
Немецъ, им.—251.
Немиріе, духъ—661.
Неруктейскія вол.—221, 628.
Нерчу, родъ—431.
Нерюктейскій родъ—435.
Нигидальцы, нар.—220.
Нижегородская губ.—398.
Нижне-Затундринскій родъ, як.—215.
Нижне-Колымскіе промышленники—176.
Нижне-Колымское вим.—499.
Нижне-Колымскъ, гор.—37, 42, 78, 99. 138, 152, 176, 559.
Нижняя Тунгуска, р.—5, 7, 21. 35, 130, 202, 203, 206, 219.
Ника-Харахсынъ, им.—191.
Никола, свящ.—153, 291, 560, 612, 653.
Никольская слоб.—88.
Нилага, р.—213.
Наманъ, р.—194, 218.
Ново-Сибирскія остр.—20.
Новый годъ—670.
Ной, им.—653.
Норвегія—59.
Норильскіе камни, г.—3.
Норильскія оз.—17, 215, 235, 497.
Нороху, им.—565, 598.
Нотора, р.—213.
Нохсолъ-тоёнъ, духъ—672.

Нохтуйскъ, гор.—9.
Нурулданъ-ко, им.—185, 191.
Нучча, родъ—249, 251, 526, 613.
Нѣманъ, р.—397.
Нюй-чжень, нар.—204.
Нюрба, рав.—19.
Нюрба, сел.—72, 81, 82.
Нюрбинское оз.—491.
Нюя, р.—11, 13, 82, 214, 305.
Няпа, р.—247, 564.
Обручевъ, авт.—7.
Огуттакиы, им.—450.
Одейскій насл.—190, 248, 381, 406, 407, 473, 474, 526.
Одейцы, нар.—488.
Оджюнасъ, им.—599.
Одуй, шам.—628.
Ойрядъ-Бурядъ, нар.—199, 201.
Ойхонъ, островъ—200.
Октемскій насл.—381, 664.
Олега-Ытабытъ, гр.—4.
Олёкма, р.—9, 11, 21, 35, 60, 61, 118, 138, 197, 219, 220, 224, 248.
Олёкминскіе якуты—214.
Олёмкинскій окр.—81, 89, 93, 98, 139, 177, 180, 211, 214, 222, 238, 284, 293, 294, 296, 298, 302, 305, 478, 525.
Олёкминскій трактъ—503.
Олёкминскій ул.—235, 286, 407, 490, 496, 572.
Олёкминско-Витимское плоског. — 214, 297.
Олёкминское коммисарство—499.
Олёкминскъ, г.—3, 4, 23, 27, 31, 32, 37, 38, 39, 43, 44, 46, 47, 48, 50, 52, 55, 56, 73, 78, 82, 90, 180, 214, 220, 222, 293, 467, 493, 499.
Оленекъ, р.—5, 15, 21, 32, 55, 59, 60, 75, 119, 138, 140, 176, 200, 215, 220, 221, 235, 307, 366, 379.
Олонъ-Долонъ, им. - 248, 610.
Ölörсöбютская дол.—233.
Омеконское родовое правл.—100.
Омеконъ, мѣстн.—15, 421, 218.
Омеконъ, р.—81.
Омеконъ-Борогонскій насл.—218, 435, 476, 478, 484.
Омогой, им.—467.
Омолонъ, р.—15, 176.
Омукъ, нар.—233, 249, 252, 613.
Онга р.—294.
Онежское оз.—297.
Оногой-бай, им.—190.
Ононъ, р.—248.
Онохой, им.—183, 351, 460, 561.
Оріонъ, соввѣзд.—660.
Орлиный сынъ, сказ.—585.
Орловъ П., изслѣд.—79.
Оросъ, им.—199.
Орто-сала, р.—217.
Ёрюсь, им.—183, 228.
Острая вершина, г.—4.
Отъ-сыали-киси, им.—609.
Охотскій тр.—192, 473, 503.
Охотское море—1, 113, 152, 176, 230.
Охотскъ, гор.—152, 218, 503.
Очорбой-хосунъ, им.—575.
Ёчёкюнъ, им.—210.
Оюнъ-уса, родъ—475.
Павлиновъ, авт.—500, 542.
Павловскій голецъ—4.
Павловское сел.—100, 180.
Павловскъ, гор.—99.
Павлуцкій, атам.—452.
Pallas, авт.—183, 203, 205, 207, 291, 384.
Пантелеевская сопка, г.—4.
Парама, р.—82.
Пасха, праз.—178.
Патома, р.—11, 220, 224, 399.
Патомское нагорье—4, 8.
Пеледуй, р.—11, 77, 78, 82, 214, 305.
Первый Спасъ, праз.—429.
Пестовъ, авт.—202.
Петербургъ, гор.—495, 628.
Петровскіе дожди—35.
Петровъ день—275, 276, 291, 649.
Петръ Великій—603.
Плеяды, созв.—253, 451, 668.
Плоскій боецъ, им.—232.
Погромная, р.—248.
Подкаменная Тунгуска, р.—4.
Покровское, сел.—467.
Покровъ, празд.—153, 154, 418.
Полтавская губ.—398.
Поповъ, фи.—394, 494.
Поповъ Алексѣй, казакъ—239.
Потанинъ Г. Н., авт.—66, 194, 204, 206, 263, 341, 371, 472, 509, 587, 611, 613.
Постникъ Ивановъ (Посничко) — 221, 401.
Походскъ, с.—176.
Почтенная г.—184.
Прейнъ Я. П., ботаникъ—64.
Преньцусъ, нар.—251.
Преображенскій пріискъ—3.

Прибайкалье, мѣс.—139.
Приклонскій, авт.—95, 190. 203, 418.
Прокопьевъ, день—276.
Пузырь голова человѣкъ, им.—609.
Путорама, г.—4.
Пясина, р.—15, 21, 32, 55, 366.
Радловъ, авт.—184, 185, 188, 205, 207, 251, 257, 329, 467, 469, 470, 480, 587, 667, 669.
Растрепанная коса, им.—186.
Рашидъ-эд-Динъ, авт.—188.
Реклю, авт.—7. 9, 12, 14.
Ремезовъ, картографъ—220.
Риттеръ, авт.—193, 197, 199, 204, 205, 248, 509.
Родчево (Урочево), посел.—101.
Румянцевъ, фам.—390, 401, 403.
Рунжинская, р.—203.
Русскіе—250.
Русское устье, мѣст.—32.
Рыкачевъ, авт.—82.
Рязанская губ.—398.
Сѣбирдѣхъ-тюёсъ киси, им.—609.
Сагаи, нар.—205.
Сагастыръ, мѣст.—23, 27, 37, 39, 42, 44, 46, 47, 48, 50, 52, 73, 101.
Сайнъ-нойанъ, им.—472.
Саки, нар..—197.
Салбанъ, родъ—593.
Самоквасовъ, авт.—549, 572.
Самоѣды, нар.—301.
Сананъ-Сеценъ, авт.—199, 201.
Самга-алы, ур.—212.
Саппы-Хосунъ, им.—306, 452, 553.
Сара, им.—190.
Сарты, нар.—194.
Саръ-кётёръ, им.—604.
Саръ-Кылъ, им.—604.
Сасабытъ, мѣст.—558.
Сасыльскій насл.—212, 470, 585.
Сата, камень—668.
Сатана, духъ—652, 663.
Саха, им.—190, 197, 203, 205.
Sahal, назв. род.—205, 206.
Сахсаргана-баргянь, им.—562, 572.
Салнскія г.—204.
Свѣтлицкій, губернаторъ—240.
Святой носъ, мысъ—7.
Седимъ, р.—379.
Селеняхъ, р.—15, 41, 55, 217, 579.
Сельскій, авт.—194.
Семеновъ день—153.
Семенъ Рубачевъ, шам.—628.
Семивскій, авт.—493, 495, 499.
Сесенъ, им.—655.
Сибирь, мѣст.—394, 398.
Сидъ, нар.—251.
Сикорскій, путеш.—13.
Сиктахъ, м.—10, 216.
Силимджа, р.—141, 197.
Силимъ, шам.—628.
Симаксинъ-Эмахсинъ, им.—555, 610.
Синяя, р.—11, 220.
Сирагясь, конь — 264, 458, 565, 598. 599.
Сирямская ст. 217, 131.
Ситка, р.—116, 153, 273.
Sloop Diana, судно—503.
Слѣпцовы, фам.—246, 486, 521.
Снигири, нар.—220.
Содалба бухатыръ, им.—448.
Соёты, нар.—205.
Сойтъ, им.—205.
Сола, р.—18, 304.
Солдатъ, им.—452.
Солнце-дочь—655.
Солобутъ, р.—473.
Словцовъ, авт.—452, 493, 494.
Сорданахъ, оз.—140.
Соръ-хара-Джентъ, духъ—663.
Сосновскій, пис.—64.
Спасскій городецъ, мѣс.—398.
Спасъ, праз.—653.
Спафарій, авт.—77, 201, 248.
Средневилюйскій ул.—80, 215, 496.
Средневилюйское зим.—222, 499.
Средне-Колымскъ, гор.—32, 34, 37, 38, 40, 43, 46, 47, 52, 59, 57, 75, 99, 100, 101, 104, 119, 121, 139, 145, 166, 234, 369, 559, 571.
Средне-Колымское зим.—499.
Среднеколымское коммисарство—499.
Столбъ, ост.—16.
Страндинъ, пол. ссыл.—180.
Стрежневъ, авт.—82.
Стрѣльбицкій, авт.—2.
Сулуръ-батыръ, им.—450.
Сунтарская излуч.—82, 407, 435.
Сунтарскій ул.—80, 215, 245, 286, 475, 596.
Сунтарское оз.—146.
Сунтаръ, с.—14, 139, 146.
Сунъ, кит. лѣтопись—669.
Суорда, им.—233.
Сургуевъ Камень, г.—10, 16, 85, 664.
Сурдуругасъ-Самдаргасъ, им.—450.
Суруктахъ, стан.—655.
Сухарныя горы.—3.

Сыали, род—482.
Сыверма, хр.—4.
Сыдыбылъ Дабудаховъ, шам.—628.
Сылане, нар.—473.
Сыланская вол.—628, 473.
Сымыканъ удаганъ, духъ—662.
Сыраковъ Софронъ, лиц.—499.
Сырановъ, лиц.—496.
Сырдахъ, р.—213.
Сыспэй-Сысыахъ, им.—186.
Сытыганъ-ёттюкъ-киси—609.
Сѣверный камень, хр.—3.
Сюга-бёгё—248.
Сюльлюкюнъ, духъ—670.
Сюрдяхъ-дюпсюнъ, им.—191.
Сюружина, оз.—5, 57.
Сюрюкъ-касакъ, им.—230.
Сюрюкъ-сюгё-тоёнъ, им.—235.
Сяркань-Сясянь-огоніоръ, духъ — 565, 610.
Сясикъ, рд.—431.
Табага, сел.—134.
Табагинская, ст.—109.
Табагинскій мысъ—184.
Табо, нар. —205.
Тагуйскій родъ—628.
Таймуръ, р.—4.
Таймырскій полуостр.—55, 57, 109, 176,
Таймыръ р. 21, 32, 57, 111.
Таконанъ, им.—450.
Тамны, р.—212, 213.
Тамтакули, нар.—219.
Танарейское зим.—220.
Тангара, богъ—652.
Тангасъ Болтожо, им.—269, 306, 324, 452.
Танда, р.—18, 197, 213.
Танну-ола, хр.—204.
Тан'ъ, динас.—199.
Танъ-юй, титулъ—469.
Тарагайскій насл.—304, 415, 417, 470, 475.
Тараханы, оз.—468, 485, 487, 491.
Таринъ-юрахъ, р.—100.
Тастахъ, ст.—76, 197, 217, 221.
Тасъ-Кыстабытъ, г.—56.
Тасъ-омукъ, нар. 249.
Тасъ-Ханяхтахъ, г.—59, 217, 233, 234, 380, 403.
Тасъ, ур.—72, 628.
Татары, нар.—194, 251.
Татинскій ул.—190, 213, 220, 474.
Та-че, нар.—204.
Таштыпскій караулъ—207.
Теленгиты, нар.—205.
Терская обл.—398.
Теря, р.—18, 399, 415.
Теряхъ-Юряга, р.—58.
Техтюрская ст.—109, 134, 381, 407.
Тея, р.—473.
Тилло, авт.—52.
Тимиръ-Байтаканъ, им.—459, 565, 598.
Тимиръ-Джесиня-бухатыръ, им.—448.
Титъ-Ары, ост.—503.
Тихій ок.—197.
Тобунуты, нар.—248.
Тоёнъ Тойболу, пм.—264.
Тойдахъ, р.—213.
Токторское зим. 499.
Токуръ, р.—197.
Толстый носъ, мысъ—202.
Толь Э. В., авт.—5, 19, 20, 41, 105, 116, 117, 133.
Томторо, г.—4.
Томусъ-хая, г.—56.
Томпо, р.—13, 212.
Тонмотъ, р.—41.
Торбохъ, им.—470.
Травяныя ноги человѣкъ, им.—609.
Травяныя штаны человѣкъ, им.—609.
Третьковъ, авт. — 4, 119, 199, 235, 484.
Троица, праз.—291.
Троицыны дожди—35.
Туба, нар.—205.
Тугуръ, р.—197, 218.
Тувуковъ ул. 221.
Тулуяхъ-ого, скв.—193, 196, 465.
Тулуяхъ-хая, утесъ—41.
Туматскій насл.—216.
Тунгусы, нар.—77, 192, 201, 219, 223, 226, 233, 240, 329, 343, 441, 443.
Тунка, мѣст.—89, 398.
Туора-Тюкуланъ, р.—60.
Тургайская обл.—398.
Турулинъ, родъ—526.
Турупъ, им.—527.
Туруханскіе якуты—216.
Туруханскій окр.—211, 305, 497.
Туруханскій Троицкій монаст.—152.
Туруханскъ, гор.—25, 27, 30, 32, 35, 37, 38, 42, 44, 46, 47, 48, 50, 52, 59, 73, 206, 265.
Турухань, р.—77.
Турчакъ Бучюко, шам.—628.
Туруялахъ, мѣстн.—400, 523, 560.
Турфанъ, гор.—193.
Тутура, р.—294.
Тушету-ханъ, им.—472.

Тыгны, нар.—220.
Тыгынъ, им.—209, 232, 447, 461, 466, 467, 468, 553, 561, 575.
Тынка, р.—166.
Тысагасъ-сіебытъ, урч.—84.
Тюгата, р.—381.
Тюканъ, р.—14, 71.
Тюкуланъ, р.—13, 59, 61, 212, 403, 451.
Тюлятскій насл.—213.
Тюнгюлю, шам.—619.
Тюнъ, р.—14.
Тюсьпютъ, шам.—622, 624, 625, 627, 629, 669.
Убіенная поварня—233.
Уда, р.—197, 206, 248.
Удскій кр.—218.
Удскій остр.—152, 176, 218, 219.
Удюгейскій насл.—381, 406, 407, 477.
Узбеки, нар.—194.
Уйбанчикъ, им.—246.
Уйбатъ р.—205.
Уйгуры, нар.—188, 193, 204, 472, 661.
Укуланъ, богъ—673.
Улаханъ-Чистай, г.—56.
Улаханъ-Хана, порогъ—13.
Улаханская станція—8, 134.
Улаханское сел.—180.
Улукемъ, р.—204.
Улу-тоёнъ, богъ—208, 596, 608, 610, 612, 613, 628, 654, 655, 656, 658, 660, 661, 667, 673, 674.
Улу-хоро, им.—190.
Уляссутайское генералъ-губер.—472.
Унджа, ст.—41, 505.
Унгжа урочища—536.
Урангай, —203, 204, 479.
Урангайцы—194.
Ураныканъ-огоніоръ—610.
Урембасъ, шам.—628.
Уроміо, хр.—8.
Урчусъ, рд.—431.
Уръ, р.—197.
Урянха, нар.—203, 204.
Усть-Амга, с.—421.
Устьвилюйское зим.—222, 499.
Усть Киренга—77.
Усть-Майская дер.—79.
Усть-Мая, мѣст.—79.
Усть-Янскій ул.—239, 295, 307, 480, 481, 496.
Устьянское зим.—23, 32, 34, 37, 42, 52, 105 110, 140, 145, 152, 166, 176, 216, 301, 447, 499, 658.
Усунъ Кюöль, оз.—598.
Утиное гнѣздо—448.
Утюхтюй, мѣст.—475.
Учуръ, р.—13.
Учча, нар.—249.
Уяндина, р.—15, 41, 153.
Федоръ Турбинъ, шам.—628.
Фишеръ, авт.—197, 200, 220, 232, 235, 400, 467, 468, 473, 480.
Хабахъ-мäjі-киси, им.—609.
Хадатъ-Хангаласъ, им.—191.
Хазикацкія вол.—222.
Хаирдахъ, мѣс.—234.
Хакасы, нар.—204.
Халынгысъ-батыръ, им.—451.
Хамагатинцы, нар.—482.
Хамалга, родъ—459, 526.
Хамахатинскій насл.—455.
Хамжи, р.—212.
Хамногынъ, прозв.—204.
Хантайскій хр.—3.
Хантайское сел.—152.
Ханъ-Джаргыстай, им.—611, 613.
Ханъ-Джарылы, конь—264.
Хаптагай батыръ, им.—232, 234, 269, 306, 452, 453.
Харабытикъ, шам.—628.
Хараторомъ, р.—248.
Хараулахскія г.—133.
Хара-улахъ, р.—217.
Харитоновъ, воев.—200.
Харыялахъ, острв.—482.
Харьковская губ.—398.
Хатанга, р.—15, 21, 32, 55, 140, 215, 235, 238, 307, 357, 366, 380, 497.
Хатанъ-хата-малай, им.—191.
Хатарганъ, р.—213.
Хатылинъ, родъ—477.
Хатынгаринскій наслегъ—34, 276, 277, 288, 293, 377, 459, 475, 478, 512, 526, 628.
Хатынгаринское сел.—489.
Хатысъ-луканъ, им.—450.
Хахаяръ, им.—193.
Хачикатскій насл.—381, 406.
Хаынгыя, р.—72.
Хаягамсыкъ - Канъ - Харахъ - Ханъ-Тоёнъ—610.
Хета—216, 497.
Хилка, р.—248.
Ходыревъ, атам.—230, 260.
Хой-ху, нар.—204.
Холинъ, стран.—197.
Холойбонъ, им.—450.
Хонгкурданъ бухатыръ, им.—448

Хоринскіе буряты, нар.—248.
Хоринскій насл.—305, 381, 406, 407,
Хоринскія вол.—221.
Хоро, нар.—192, 247, 248, 613.
Хоро, насл.—248, 551.
Хоро-Дыбырданъ, богат.—248.
Хоролы, нар.—248, 466, 562,
Хоро-Ёдей, насл.—248.
Хоро-Тябень, конь—192, 248.
Хоръ, оз.—248.
Хосунъ, прозв.—248.
Хохое-Батыръ, им.—233, 306, 452.
Хо-чеу (Сичжеу) гор.—193.
Хрома, р.—217.
Худяковъ, авт.—117, 123, 192, 226, 257, 262, 263, 269, 284, 303, 324, 346, 347, 350, 362, 370, 441, 446, 447, 448, 450, 451, 452, 453, 461, 465, 466, 468, 471, 512, 517, 520, 542, 553, 555, 562, 571, 575, 577, 581, 584, 596, 597, 604, 610, 611, 612, 613, 615, 654.
Цаганъ цара, прозв.—462.
Цеценъ-хана, аймакъ—472.
Цыгане, нар.—251.
Цыпиръ, р.—198.
Чаадай-Боллохъ, духъ—661.
Чалбышевская г.—3.
Чаллай, им.—467.
Чакы, родъ—452, 465, 663.
Чакыръ, родъ—470.
Чара, р.—11, 214, 220.
Чарпинское зим.—499.
Чарчаханъ, им.—609.
Чахары, нар.—509.
Чачикъ, шам.—628.
Чая, р.—11.
Чекановскій, авт.—3, 4, 8, 15, 55, 56, 59, 75, 203.
Челодай, шам.—628.
Чемпелисъ, им.—210.
Черемкинъ Степанъ, фам.—238.
Черкашенниковъ, воев.—483, 496, 501.
Черкесы, нар.—251.
Черноусово, сел.—176.
Черскій, авт.—4, 5, 81, 101, 163, 164.
Чилкагирскій родъ—225.
Чингисханъ, им.—199, 210.
Чолбонъ, созвѣзд.—470, 668.
Чона, р.—13, 136, 139, 208, 219.
Чорбохъ, им.—264, 324, 325, 466, 468, 553.
Чукчи, нар.—251.
Чурепча, мѣст.—19, 82.
Чуя, р.—11, 206.
Чыкы-усъ, им.—228.
Шалагоны, нар.—220.
Шаликонская вол.—221.
Шантарскіе остр.—197, 219.
Шаргородскій, лицо,—81, 101.
Шаховъ Воинъ, атам.—219.
Шилка, р.—197, 200.
Шиловская шахта—39.
Шевела, р.—197.
Шергинская шахта—39.
Шерковскія вол.—221.
Шороха, р.—215.
Шорохино, сел.—206, 216.
Шорохинскіе якуты—211, 215.
Штанге, авт.—312.
Штраленбергъ, авт., (Страленбергъ)—78, 380, 395.
Штуккенбергъ, авт.—183.
Шумный Богатырь, им.—513.
Щербатовъ, маіоръ—495.
Щукинъ, авт.—190, 205, 206.
Ыгета, р.—14.
Ый-Ыдалыкъ, им.—264.
Ыпкабылъ, им.—452.
Ырахта, титулъ—252.
Ырбайбанъ-мылахсынъ, им.—450.
Ытыкъ-хая, г.—184.
Эбэ, мѣст.—16, 34, 139, 348.
Эгинскій насл.—247, 478.
Эгинскій родъ—551.
Экинь-абаганъ, им.—467.
Эко, прозв.—205.
Эксекю, сказ.—347, 454, 608, 610.
Эллей, им.—184, 210, 351, 460.
Эльге, р.—197, 213.
Эльгетскій ул.—295, 307, 474, 480, 496.
Энкебиль-бёгё, им.—228.
Эрманъ, авт.—4, 11, 78.
Эрь-Соготохъ-Эллей им.—467.
Эсэ, оз.—17, 197, 470.
Юёбягай, им.—450.
Юкагирская землица—221.
Юкагиры, нар.—239, 241, 249, 329 401.
Юкяйдянь-ко, им.—562.
Юлюняхъ, оз.—619.
Юрасовъ, пол. ссыл.—180.
Юргäль, созв.—253.
Юргель, духъ—448, 668.
Юргенсъ, авт.—10, 15.
Юрунгъ Аи Тоёнъ, богъ—193.
Юрьевъ Елеска, казакъ—221.
Юрюнгъ-Аи-Тангара, богъ—542, 610.

Юрюнъ-кюёль, оз.—268, 468.
Юрюнъ-Уолапъ, им.—185, 203, 264, 350, 447, 450, 562, 611.
Юрюнъ-ырахта, титулъ—252.
Юряйбя Сарайба, им.—450, 539.
Юсаль, нар.—245.
Юсальскій насл.—348, 435, 526.
Юсь-Титтахъ, мѣст.—186.
Яда, камень—669.
Яко, прозв.—205.
Якутская воеводская канцелярія — 198.
Якутская обл.—113, 114, 116, 117, 147, 148, 163, 167, 169, 178, 179, 192, 207, 266, 284, 294, 295, 317, 358, 430, 448, 495, 498, 503, 572, 661.
Якутская степная дума—500.
Якутскій муз.—400.
Якутскій окр.—81, 89, 93, 98, 100, 136, 146, 180, 211, 214, 266, 288, 296, 305, 330, 337, 366, 380, 381, 397, 406, 418, 478, 496, 500, 501, 502, 504, 525, 572.
Якутско-Верхоянскій тр.—234.
Якутскъ, гор.—9, 24, 25, 31, 32, 35, 38, 44, 52, 55, 72, 76, 78, 79, 82, 88, 90, 94, 95, 98, 99, 100, 108, 131, 134, 178, 179, 180, 194, 199, 222, 238, 266, 281, 297, 399, 406, 418, 467, 468, 499, 500, 504, 527, 535, 619, 628, 637, 651.
Якуты, нар. 218, 219, 242, 252.
Ямы, мѣстн.—203.
Яна, р.—231, 247.
Яна, р.—15, 21, 25, 30, 32, 33, 34, 55, 58, 59, 118, 151, 163, 164, 200, 216, 217, 221, 222, 230, 232, 240, 302, 348, 366, 564, 655.
Ярыгинъ Матвѣй, ясач. сборщ. фам.—493.
Ярыжкинъ Петръ, ясач. сборщ. фам.—495.
Ячевскій, авт.—39.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Сокращенія: животное—жив., инструментъ—инстр., насѣкомое—насѣк., растеніе—раст., рыба—рыб., птица—птиц., пресмыкающееся—пресм.

Абасы, духъ—553, 612.
абасы кэіктахъ, духъ—626.
абтахъ, колдунъ—623, 638.
avena flavescens, раст.—66.
avena planiculis, раст.—66.
ага—568.
агасъ—561, 563, 568.
ага-уса—433, 506.
администрація—459, 498.
адъ—614.
aegoceros argaliovis nivicola, жив.—140.
аеролиты—668.
аи-уотъ—665.
aji—654.
аймакъ (родъ)—205, 228.
айхалъ—463, 469, 672, 673.
actitis hypoleucos, птиц.—128.
äläi—184.
аласъ—53, 67, 270, 484, 558.
аласъ юряхъ (нагорныя р.)—18.
alauda alpestris, птиц.—124.
алгый—313.
аллитерція—588, 594.
allium lineare, раст.—319.
alnaster fruticosa, раст.—70.
alopecurus pratensis, раст.—66.
алъ—303.
амбары хлѣбные—292.
ämäjять, духъ—625, 626, 627, 632, 643, 646, 647.
аманатъ—198, 219, 491, 494.
angelica silvestris, раст.—319.
ангелъ—617.
andrena, насѣк.—109.
anemona patens, раст.—70.
anemona silvstris, раст.—70.
anser albifrons, птиц.—129.
anser grandis, птиц.—129.
anser segetum, птиц.—129.
anthus arboreus, птиц.—125.
ancipenser sturio, рыб.—121.
апрѣль—196.
арамкасъ—227, 263, 619, 647.
арахъ—230, 654.
arvicola amphibius, жив.—132.
a. obscurus, жив.—132.
arvicola rutilus, жив.—132.
арги—325.
ardea stellaris, птиц.—128.
аренда—491.
аренда земель—485.
арканы, мамоки—230.
arctomys spec., жив.—133.
arctostaphylos uva ursi., раст.—320.
арсланъ, жив.—193.
артель—427, 443, 450.
artemisia sr. r., раст.—65.
arundo, раст.—67.
архитектура—362.
ары—67, 316, 317, 369.
astacus pluviatilis, ракъ—116.
astragalus alpinus, раст.—66.
astur nisus, птиц.—123.
astur palimbarius, птиц.—123.
асы сюогей—315.
атасъ—230, 551.
atragene alpina, раст.—62.
атыякъ—289.
афоризмы о пѣвцахъ—593.
ахаранъ—314.
achillea millefolium, раст.—65.
ахсыни—24.
ахтарандиты, минералъ—13.
acerina cernua, рыб.—118.
acipenser ruthenus, рыб.—121.
ачаакъ—350.

аянъ суола—671.
аяхъ—188, 463, 538, 652.
Баба—575.
бабка—674, 675.
бабочки, насѣк.—109.
бабушка—568.
бадаранъ—17, 63.
баджи—566.
балаганъ—352.
балбакъ—155.
балка—352.
баллотировка—465.
балыкъ-тимиръ—634.
балысъ—560, 561, 563, 567.
бальчыръ—454, 530, 674.
барабанъ—635.
barbarea vulgaris, раст.—97.
баранъ каменный, жив.—140, 228.
бäргäнъ—451, 467, 566.
барсукъ—137.
басылыкъ—205.
батасъ—395.
батырь—209, 451, 455, 467, 612.
башкиры—587.
бездождіе—38.
безкормица—174, 177.
безменъ—314, 315, 317.
безплодіе—515.
бейберетъ—329.
beinhösl—338, 348.
бекасъ барашекъ, птиц.—128.
бекасъ-дупель—128.
бекасъ слонка—128.
бёлёнёхъ—314.
береговикъ сѣрый, птиц.—128.
береза—57, 194, 365.
беременность—674.
береста—346, 348, 374.
берестянка—301.
беркутъ, птиц.—470.
бетеге, жив.—501.
betula alba, раст.—57.
betula ermani, раст.—58.
библейское повѣствованіе—561, 617.
биле—340.
билирикъ—354, 538, 557, 620, 634, 635, 640.
билляхъ—566.
бисеръ—334.
бись—466, 471, 475, 480, 558, 559, 661.
бичъ—674.
бій—563.
блоха—114.
боберъ—329, 334.
богатство—416, 417, 446.
богатый—521, 523, 551.
богатырь—234, 451, 452, 472, 552, 611, 612, 659.
богачъ—419, 428, 430, 437, 440, 512, 639.
боги—648, 653, 664, 672.
богиня—673.
боготуръ—612.
богъ—быкъ—649.
богъ охотниковъ—672.
богъ союзный—469.
болатъ—396.
болота—17.
болѣзни—257, 636, 643.
bombycilla garrula, птиц.—125.
bomus verticosus, насѣк.—109.
борода—250.
борона—291.
борцы—462.
боръ-юряхъ (земляныя р.)—18.
борьба вѣтровъ—37.
бочка—368.
боярка—62.
бракъ—238, 508, 567, 568, 573, 582.
бранатка, рыб.—119.
братъ—233, 454, 507, 523, 552, 560, 561, 563, 566, 569, 580, 653.
Bromus inermis, b. ciliatus, раст.—66
бронза—393.
брусника—63, 320.
брусъ—404.
брюки—338.
брюшина—674.
бубенъ—635, 662, 664.
будущее—675.
булась, мѣра—281, 285.
булгали—369.
бульчутъ—502.
бумага—353, 364, 608.
буоръ—377.
бура—388.
бурдукъ—294.
буреломъ—69.
бури—48, 668.
бурундукъ, жив.—131.
бусы—405.
buteo lagopus, птиц.—123.
butomus umbellatus., раст.—310, 319.
бутугасъ, пища—310, 314, 318, 319, 320
буффы—332, 335, 336.
бухэрбанъ, пища—321.
быкъ—151, 265, 626, 631, 649, 658, 668.
быкъ земли—196, 641, 642.

быки верховые—151.
былаяхъ—636.
былина—596, 611.
былыръ—598.
быль—598.
быржебытыкъ—665.
бысырэмъ кäсій—546.
быта, коренія—320.
бытіе—651.
бычій оводъ—113.
быэ-балыкъ, рыб.—122.
бѣгупецъ—598.
бѣда—612, 670.
бѣдный—440, 521, 523, 551, 555, 572.
бѣлка, жив.—131, 650.
бѣло-лицая—185, 572.
бѣлуга, рыб.—122.
бѣлый шаманъ—662.
бѣлье—342.
бѣлянки, насѣк.—109.
бѣшенство собакъ—143.
бюкакъ—443.
бюргюне—633, 634.
бютей—489, 490.
Валекъ, рыб.—121.
ванесы, насѣк.—109.
варнакъ—580.
vaccinium vitis idaea, раст.—320.
vaccinium uliginosum, раст.—320.
вдова—523, 549, 567, 569, 573.
великаны—664.
величанье—582.
верблюдъ—191.
веревка—375.
veronica incana, раст.—65.
veronica longifollia, раст.—65.
верховное божествое—463.
верши—297.
вершины столовыя—6.
весна—39.
vespertilio, жив.—130.
взятки—482.
виллюиты, минералъ—13.
виитъ—387.
vipera berus, преси.—118.
вира—457.
вихри—667.
vicia cracca, раст.—66.
вкусъ—254.
власть воеводская—482.
власть главы—517.
власть отца—514.
внукъ—507, 565, 566.
внутренности—673.
вода—31.
водка—325, 326, 425, 439, 457, 462, 540, 543, 544, 650, 656, 663.
водный путь—13.
водоворотъ—13.
водолюбы, насѣк.—108, 347.
водяной—670.
воевода—495, 499, 504.
воеводскій ясакъ—493.
военачальникъ—453, 466.
военная добыча—573.
военный отрядъ—566.
военныя полоняики—552.
вождь—467, 475.
возжи—369.
война—453, 456, 459, 559, 572.
воинъ—230, 480, 600.
войско—461.
воитель—626.
волкъ—136, 323, 520, 608, 648, 656, 668.
волосатикъ, червь—116.
волость—220, 221, 473, 474, 476, 479.
волосы—345, 374, 463, 562, 570, 647, 664, 673.
волхвъ—465.
воля—613.
воплощеніе—626, 654.
воробей домашній и полевой—124.
воровство—457.
ворожба—533, 671.
ворона, птиц.—125, 324.
воронъ—125, 606, 608, 614, 656.
ворота—187, 447, 448, 604.
воротникъ—332, 335, 343, 344.
воръ—183, 196, 253, 556, 600.
воскресеніе мертвыхъ—617.
воскъ—670.
воспаленіе глазъ—259, 638.
востокъ—352, 661, 662 663.
вотчимъ—563.
вошь—114.
врагъ—612.
вражда—459.
вскрытіе озеръ и рѣкъ—32.
вставка въ платьяхъ—344.
выборъ—582.
выгонъ—489, 490.
выдра—137, 334.
выкупъ—553, 582.
выносливость—252.
высмотръ—555.
вышиваніе—342.
вьюкъ—370.
вьюнъ, рыб.—122.

вьюрокъ настолщій, птиц.—124.
вьюрокъ чечотка, птиц.—124.
вѣдомость—482, 484.
вѣнчаніе—582.
вѣра—654.
вѣтры—25, 27, 28, 35, 36, 88, 477, 619. 629, 667, 668.
вѣтры вскрытія рѣкъ—35.
вѣчно-мерзлая почва—39.
вѣщіе сны—623.
вѣялка—290.
Гаданіе—670.
гадюка обыкновенная—118.
гагара, птиц.—129, 641, 646, 656.
гады—324.
galeopsis tetrahit, раст.—65, 97.
галстухъ—341.
галька—10, 17.
gammarus, ракооб.—116.
garrulus infaustus, птиц.—104, 125.
gastrus equi, насѣк.—114.
герой—553, 612.
гигіена—271.
гимназія—535.
гимны—590, 672.
глава міра—604.
глава семьи—510, 518.
главная дорога—671.
глаголы—588.
главной чертъ—661.
глазъ—243, 250, 466, 624, 625.
глина—346, 376, 405.
глина горшечная—377, 380.
глухарь, птиц.—127, 323.
глухой—470.
гнѣздо—472.
говоръ—588.
говядина—322.
голени неразрубленныя—438, 551.
голени оленя—227.
голова—243, 497, 605, 668.
голова скотины—262, 323, 674.
головка обуви—340.
головная боль—663.
голодъ—312, 423, 441.
голодный періодъ—159, 328.
голое тѣло—569.
гололедица—174.
голуби домашніе—179.
голубица, раст.—63, 320.
голубой—254, 508.
гольцы—6.
голяшка—340.
гонораръ шамана—625.
горбуша—273, 424.
gordius seta, червь—116.
горно—385.
горностай—137, 323, 650.
городъ—448, 609.
городьба—297.
горы—2, 196, 653, 664.
горы столовыя—8.
господинъ—229, 233, 574.
госпожа—569, 663, 664.
гостепріимство—225.
гостинецъ—233.
гость—441, 448, 545.
государевый ясакъ—493.
государств. подуш. подати—501.
грабежъ—452, 457.
грабли—274.
градъ—49.
грамматика—587.
граница—481, 484.
граница коневодства—176.
граница лѣсовъ—54.
грибы—320.
гробницы—334, 614.
гробъ—618.
гроза—48, 49.
громъ—652, 666.
гроссуляры, минералъ—13.
грудь женщинъ—250, 659.
группы родовыя—460, 474, 477, 479.
grus leucogeranus, птиц.—127.
grus cinereus, птиц.—128.
грѣхъ—564, 578, 654.
губернск. повинности—501.
gulo borealis, жив.—137.
гуляй—428.
гусь—108, 668.
гусь бѣлолобый—129.
гусь гуменникъ—129.
гусь домашній—179.
гусь пашенный—129.
Даба—337, 339, 424.
давленіе воздуха—52.
давурскіе остроги—483.
дарственныя записи—522.
даурская лиственница—56.
дверь—207, 353.
движеніе міра—605.
дворъ—360.
двукрылыя—109.
деверь—568, 569.
девятерникъ, раст.—320.
девять—187, 463, 472, 558, 642, 661, 663, 667, 673.

девять сестеръ – 662.
деготь—405.
delphinium crassifolium, раст.—65.
дёлехёнъ, раст.—320.
дельбегей—674.
дендрофаги – 327.
день рабочій—429.
деньги—418, 419, 514.
депутатъ—496.
дерево—347, 364, 366, 621.
дерево священное—192.
дерево судьбы—232.
деревянныя фигурки—646, 648.
дернъ—346.
десятникъ—497
детальность описаній—603
джäджäнъ—320.
джäнгиръ – 316.
джахтаръ—569.
дже—357, 671.
джекутатъ—485.
джіе-бэльэха—546.
джолъ—454, 554, 561, 562, 567.
джомутъ—286.
джонъ—471, 472, 475, 477, 479, 480, 481, 491.
дикій лукъ, раст—319.
дитя—454, 565, 569, 597.
дитя загадки—655.
дитя кустовъ—580.
добродѣтель—654.
добыча—438, 518, 553, 554.
догда—315.
догоръ—551, 564.
доеніе кобылъ—309.
дожди—35, 38, 48, 83, 273, 279, 429.
долговѣчность лѣса—75.
долгъ—426.
долины рѣкъ—15.
долото—367.
доля—611.
домочадцы—509, 518.
домъ! восклицаніе—611.
домъ съ отверстіями для стрѣльбы изъ лука—226.
дорога—234, 558, 671.
доска—365, 367.
доха—333.
доходъ—424.
дочь—454, 521, 523, 566, 575.
дочь дьявола—668.
draba grandiflorum—65.
dr. incana—65.
dr. nemorosa—65.
d. parviflorum—65.
draba repens, раст.—65.
драконъ—194.
драматизированное пѣніе—592.
дробленіе родовъ—478.
дрова—430.
дроздъ красногорлый—125.
дроздъ орѣховый, птиц.—125.
др. рябинникъ—125.
др. чернозобый—125.
дружба—551.
друмля, инстр.—591
дубленіе—372.
дуга—369.
дуура, восклицаніе—611.
духи—471, 625, 661.
духи дерева—667, 675.
духи сѣна—667.
духи цвѣтовъ—667.
духовныя завѣщанія—522.
духъ мѣста—192, 667.
духъ огня—665.
духъ покровитель—626.
душа—307, 593, 619, 621, 622, 635, 667, 669, 675.
душа міра—187.
душа предмета—641.
дымленіе—372.
дымокуръ—112, 187, 191.
дымъ—24.
дьявольское дыханіе—594.
дьякъ—495.
дьячій ясакъ—493.
дѣвица—566.
дѣвочка—526, 534, 566, 572, 575.
дѣвственность—565.
дѣвушка—561, 576, 577, 579, 662, 673.
дѣдъ—507, 567, 642, 658.
дѣлежъ добычи—438, 439.
дѣти—456, 507, 515, 516, 525, 527, 567, 571, 664, 673.
дядя—507, 523.
дятелъ желна, птиц.—124, 470, 608.
дятелъ трехперстный—124, 608.
Евражка, жив.—133, 323.
единица денежная—317.
единица хозяйственная—415.
equisetum, раст.—66.
елецъ, рыб.—119.
elymus dasystachys, раст.—66.
ель—57, 60.
emberiza aureola, птиц.—124.
empetrum nigrum, раст.—320.

ёмюряхъ—257.
ёргётъ эбгюсэ, раст.—320.
erigeron activ., раст.—66.
erythrofus vespertinus, птиц.—123.
ершъ, рыб.—118.
ёръ, духъ—622, 623, 637, 661, 664, 667.
esox lucius, рыб.—120.
етуракъ—660.
euphorbia esula, раст.—65.
Жаворонокъ снѣжный, птиц.—124.
жалоба—482, 495.
жалованье—497, 499.
жареніе мяса—324.
жареніе рыбы—324.
желудочный оводъ—114.
желѣзные камни—400.
желѣзныя стѣны—655.
желѣзо—273, 381, 390, 392, 400, 401, 632, 670.
желѣзо-плавильщики—381.
жена—507, 521, 527, 553, 557, 558, 560, 561, 565, 567, 569, 570, 571, 572, 581, 597, 611, 621, 623, 656.
женихъ—537, 538, 542, 543, 550, 556, 666.
женскій скотъ—524.
женщина—234, 314, 435, 454, 456, 507, 516, 517, 520, 526, 527, 537, 539, 540, 560, 561, 563, 564, 566, 569, 572, 573, 575, 576, 577, 579, 584, 599, 631, 659, 660, 661, 666, 674.
жеребецъ—626, 658.
жеребій—487.
жеребята—175.
жерновъ—401.
жертва—644, 647, 648, 650.
жестко-крылыя—108.
живая жертва—649.
жизнь—614, 667.
жилетъ—341.
жилище—443, 444.
жиръ—323, 648, 650, 656, 665.
жниво—289.
жолна, птица—608.
жонка якутская крѣпостная—198.
журавль, птиц.—323.
журавль бѣлый—127.
журавль сѣрый—128.
Заболонь—318, 326, 327, 328, 423.
завалёнка—353.
загадки—596.
загонъ—156, 306, 360.
закалка—387.
заклёпка—388.
заклинаніе—650.
залежи желѣза—403.
замша—371.
западъ—207, 663, 671.
запасы сѣна—272.
запоры на рѣкѣ—33.
запретъ—564.
зараза—571.
варничка, птиц.—125.
заструги—29.
засуха—35, 89, 195, 292.
засѣдатель—500.
засѣка—126, 306.
захватъ земель—482, 487.
заѣздки—298.
заяцъ бѣлякъ—134, 608.
земельный вопросъ—483.
земельный пай—502.
землевладѣніе—484, 491, 502.
земледѣліе—77, 240, 286, 490.
земля—196, 652, 654, 673.
земляника—315, 320, 346.
звуковые эффекты—26.
звѣзды—660, 664, 667.
звѣроловство—304.
звѣриное воплощеніе шамана—626.
звѣрь—305, 655.
зима—23, 103.
зимній антициклонъ—24.
зимникъ—269.
зипунъ—333.
злодѣйское отродье—602.
злой духъ—612, 654.
злой лѣсной духъ—658.
змѣя—191.
знакъ союзный—469.
знамя—470.
золото—393, 602.
золотуха—258, 663.
зори—26.
врѣніе—253.
зуекъ галстушникъ—128.
зуекъ глупый—128.
зуекъ рѣчной, птиц.—128.
зыбка—528.
зыбуны—17.
зыбь водяная—655.
Ива—61, 70, 194.
идеалъ красоты—583.
idus melanotus, рыб.—121.
известякъ верхневилюйскій—8.
игры—461, 462, 532.
изгородь—490.

изнасилованіе женщины—505.
илять-ыччаттаръ, ругань—602.
импровизація—590.
имущество—511, 513.
иней—51, 84.
ини, братъ—563, 566.
иноземецъ—201, 220. 221, 460.
инородка любовница—239.
искусство бондарное—368.
искусство литейное—389.
исти, пища—319.
истоки—18, 297.
истощеніе—322.
итимни—424, 442, 502, 509.
итянь—351.
иччите—632, 643, 651, 661, 667.
Іе-кыла—625, 627.
іе-уса—506, 508.
іехситъ, духъ—574.
Кабарга мускусная, жив.—140.
каганъ—651.
кäеринъ! кäеринъ!—650.
казаки—198, 597.
казарка, птиц.—129.
казенный капиталъ—501.
казначейство—501.
каламбуры—589.
календарь—196.
калимся—321.
калтусы—17, 19, 76.
калыманъ—350.
калымъ—505, 544, 545, 552, 554, 572, 578, 580.
кäльäны—627, 642.
каменистыя балки—12.
каменная женщина—663.
каменная мышь—605.
каменный домъ—663.
камень—3, 234, 394, 664.
камень бѣломолочный—187.
камень сата—668, 669.
камнепарка сѣверная, птиц.—128.
камусъ—339.
canis vulpes, жив.—135.
canis lagopus—136.
canis lupus—136.
канцелярія воеводская—499.
капиталъ—418.
капралъ—497, 501.
кäпсäнь—596, 604, 610.
капуста—100, 294.
кара—614.
carassius vulgaris, рыб.—118.
карась—118, 297.
кäрäхъ—648.
карбасъ—301.
каргинъ, чукотскіе олени—146.
карликъ—347, 664.
картофель—294.
картузъ—331.
карты—256, 462, 670.
касасъ—321, 368.
кафтанъ тунгускій—343.
кахы, пища—314, 328.
кедръ—57, 61, 195, 366.
кёлё—350.
кетегеринъ—354.
киль-масъ, дерево—367, 635.
кильтеганъ—547, 557.
кирдикъ—598.
кирпичъ—347, 377.
кисетъ—341.
киси кута—669.
кислей—319.
кислица, раст.—320.
кіитымъ! кіитымъ!—659.
кінітъ—569, 570.
классы—486, 488, 490, 501, 502.
клей—367, 405.
клестъ бѣлокрылый, птиц.—124.
кликушество—257.
клинья—333, 344.
кличъ родовой—469.
клопъ—114.
клѣть—356.
кнутъ—512, 538.
княженика, раст.—63, 315, 320.
князь—482, 495, 497, 536, 605.
князь лѣсовъ—658.
кöбöръ, пищ.—316.
кобылка, насѣк.—114, 489.
кобылы—173, 175, 273, 422, 562, 652.
кобылья кожа—640.
коверъ—342.
кожа—347, 371.
кожа телячья—335, 339.
кожа оленья—339.
кова—180.
кокъ—648.
колдовство—640.
колдунъ—623 ,638.
колесный путь—13.
колесуха—291.
колодецъ—346.
колонизація—208, 219, 235, 236.
колонокъ, жив.—138.
колосья—96, 98, 290.

колотушки бубна—662.
columba torquata, птиц.—126.
колчанъ—452, 505.
кольцо-обручъ—350,
кольчуга—230, 451.
колѣно—434.
колѣно девятое—454, 455, 506.
комары—109, 148.
комелекъ—355, 377.
комендантъ—499.
комисарство—499.
комисаръ—499.
комиссія—483, 496.
кóмóръ, пища—316.
компанія—427.
кондей кыханъ—633.
коневодство—163, 261, 266, 543.
конецъ міра—614.
коновязь—262, 360, 541.
конокрадъ—443.
конопля—99, 294.
консюсь—486.
контроль—500, 501.
кончина—615.
конь—234, 263, 556, 599, 602, 616, 657, 661, 673.
кооперація—427.
копна—274, 278, 488, 489.
копье—395, 396, 452.
копье обнаженное—227.
кора—374, 404, 470.
corvus corone, птиц.—125.
coregonus, рыб.—119.
cornus sibirca, раст.—62, 405.
коренья—319, 326, 477.
кормленіе ребенка—529.
корова—151, 159, 263, 265, 285, 328, 651.
корольки—405.
кормъ подножный—268.
кормъ скота—272, 274, 275, 285.
косецъ—271, 276, 282, 723, 375, 394, 407, 418, 424.
косоворотка—343.
кости—394, 438,539, 554, 657.
кости лошади.—17.
кости мамонта—17.
кости носорога—17.
кости муск. быка—17.
костюмъ національный—336.
костяника, раст.—63.
косуля, жив.—140.
косяки лошадей—173.
котловины—16.
котлы—313, 395, 401, 407.
cottus quadricornis, рыб.—121.
cochlearia sisymbroides, раст.—66, 319.
кочай-кäрäхъ—648, 649, 655, 661.
кочеваніе—268, 269, 270.
кочевникъ—269, 496.
кочевье—481.
кошка—179.
кража—504, 554.
кража дѣтей—567.
крайняя температура—37.
краска мартышка, птиц.—130.
краски—372, 404.
красноглазка (красноперка), рыб.—121.
красный жеребецъ—665.
красота—245, 251, 581, 583.
крачка малая, птиц.—130.
кредитъ—420.
кремень—403, 470.
кремъ—315.
крестики раст.—319.
крестъ—617.
крица—382, 406.
кровосмѣшеніе—561.
кровь—405, 617, 660, 661 668.
кротъ—130.
крыса водяная—132.
крыса домашняя—132.
крыса полевая—132.
крысій голова—604.
крыша—352, 360.
крѣпость—466.
крючокъ, насѣк.—113.
крючья—350.
кудукъ—611.
кузнецъ—189, 228, 277, 383, 403, 406, 450, 465, 577, 631, 632.
кузница—383.
куклы—533, 567, 638.
куклянка—333.
cuculus canorus, птиц.—124.
кукушка вѣщая, птиц.—124, 636, 656.
кукша, птиц.—125.
куликъ, птиц.—128, 641, 656.
кулутъ—509.
культъ—652, 673.
культъ Аи-тоёна—469, 651.
культъ лошади—261.
культъ огня—666.
кумуланъ—424, 442, 502, 509.
кумысъ—263, 310, 311, 312, 327, 443, 461, 462, 538, 540, 541, 542, 543, 649, 650, 652.
куница черная—138.
куобахсытъ—451.

купанье—528.
купель—580.
курія—297.
куропатка—126, 323, 656.
курумъ—545, 546, 550, 551, 552.
куры—178.
кусокъ—440, 622.
кустари—406.
кустюкъ—329.
кута—667.
кутора обыкновенныя, жив.—130.
кутурускуть—502, 635, 633, 639.
кухня—324.
куюръ—298.
куякъ—394, 451.
кылыхсытъ—451.
кыннымъ—568.
кынъ-чаханъ—643.
кысъ—566.
кысъ-кэситэ—546.
кысылъ отонъ, раст.—320.
кысылъ хаптагасъ, раст.—320.
кытыганъ—228.
кытылъ—67.
кэргэнъ—508, 518, 523.
кюбе—440.
кюерчяхъ—315.
кюлюмъ-алаянъ кулу—674.
кюнгета—632.
кюндюль-сандылъ—643.
кюнь—185, 661.
кюбль-аса, раст.—310, 319.
кюбсь—380.
кюре—286, 487, 490, 502.
кюреляхъ—606.
Lagomys hyperboreus, жив.—133.
lagopus albus, птиц.—126.
ламутъ—233, 597.
lanius mojor, птиц.—125.
larus argentatus—130.
larus cachinnans—130.
larus minutus, птиц.—130.
larus ridibundus—130.
ласка, жив.—138.
ласковая рѣчь—534, 565.
ласточка—653.
ласточка земляная или водяная—125.
ласточка касатка—125.
ласточка стрижокъ—125.
lacerta vivipara, пресмык.—118.
лебедь—188, 323.
лебедь кликунъ—129.
лебедь малый, тундренный—129.
левъ—192, 210, 609.
ледникъ—40, 326, 346.
ледъ—24, 33, 299.
лемминтъ, жив.—132.
ленокъ, рыб.—120.
ленъ, раст.—71.
лепешки—318.
lepus variabilis, жив.—134.
летяга, жив.—131.
leuciscus vulgaris, рыб.—119.
leuciscus rutilus—121.
lilium martagon, раст.—310, 320.
lilium spectabile—310, 319.
limosa cinerea, птиц.—128.
limosa rufa—128.
linum perenne, раст.—71.
лисица—135, 323, 329, 334, 470, 501, 608.
лиственица—56, 193, 365.
литейщикъ—408.
литовка—276.
лихорадка—259.
ловкость—466.
ловушка—305, 306.
лодка—301, 303, 368, 469.
ложка—188, 672.
лось—140, 626, 658, 660.
lota vulgaris, рыб.—118.
лошадь—163, 260, 312, 443, 445, 450, 668.
лошадь дикая—164.
лошадь ископаемая—163.
loxia leucoptera, птиц.—124.
луга—18, 64, 215.
луговая долина—18.
лукъ—403, 451, 466.
лукъ полевой, раст.—123.
lumbricus tenestris, червь—116.
луна—196, 346, 658.
lutra vulgaris, жив.—137.
лучинка—672.
лыба—321.
лыко—404.
лыко тальничное—300.
лѣвая половина—355, 577, 673.
лѣсной голубь—126.
лѣсъ—53, 481, 489, 655, 669.
лѣтній шаманъ—628, 672, 674.
лѣтникъ—269, 270.
лѣченіе лошадей—177.
лѣченіе скота—161.
любовникъ—577, 580.
любовныя пѣсни—590.
любовь—578, 581, 585.
людоѣды—664.
лягушка—117, 323, 346.
лякарись—245.

Макса, пища—321.
малина—63, 320.
мальчикъ—516, 526, 534, 566, 572, 574.
мандысъ—442.
мäннерикъ—624.
мäнріеръ—257, 622.
маска—569.
масло—312, 313, 315, 316, 317, 326, 327, 328, 419, 424, 482, 650, 665, 674.
масло конопляное—405.
масть коня—582.
материнскій родъ—568.
матица—352.
мать—507, 510, 512, 537, 560, 567, 568.
мать-вселенная—595.
мать трехъ небесъ—187.
махаонъ, насѣк.—109.
мебель—367.
медвѣдка, птиц.—124.
медвѣдь—138, 470, 608, 626, 638, 658, 660, 668.
медвѣдь бѣлый—139.
междудворная гоньба—502.
meles taxus, жив.—137.
mentha arvensis, раст.—65.
мерай—314.
мергенъ—566.
месть родовая—231, 454.
метисы—239.
метрополія якутская—219.
мечъ—396, 452.
мечъ бронзовый—236.
milvus niger, птиц.—123.
миражъ—645.
мировая—438, 457, 551, 553.
міросоверцаніе—654.
міроѣдъ—500.
мірской капиталъ—501.
міръ—652, 653.
младенцы—526.
младшій—507, 510, 513, 567, 569.
млечный путь—667.
многоводность рѣкъ—41.
многоженство—571.
многолюдство—448.
могила—617.
мозгъ голеней—323.
мозгъ головной—324.
можжевельникъ, раст.—62.
мойнохонъ, раст.—320.
мойтрукъ, одежд.—341.
моксунъ, рыб.—120.
молитвы—590.
молнія—652, 666.
молодежь—539.
молоко—285, 325, 326, 419, 440.
молоко кислое—313.
молоко кобылье—310.
молоко коровье—313.
молоко оленье—147.
молотъ—385, 395.
молотьба—289.
молочныя ямы—40, 313, 314.
монета—601.
моно, раст.—320.
моралка, раст.—320.
мораль родовая—459.
морда—296, 297, 672.
моржъ—122.
море—200, 202,
море океанъ—201.
морозъ—27, 51.
морошка, раст.—195, 320.
морской осетръ—121.
моръ—652.
moschus moschiferus, жив.—140.
motacilla alba, птиц.—125.
мотивъ—590.
моховики—17.
мохъ—148, 346.
мошка, насѣк.—113.
мужской скотъ—524.
мужчины—526, 537, 539, 563, 564, 569, 572.
мужъ—527, 552, 557, 565, 567, 569, 572, 573, 574, 576, 580, 597, 621, 623.
музыка—589, 641.
музыкальные инструменты—591.
мука—287, 318, 419, 424, 650.
мундушка, рыб.—119, 296, 321.
муравьи—109.
mus minutus, жив.—132.
mustela vulgaris—138.
mustela erminea, жив.—137.
mustela sibirica—138.
mustela zibelina—138.
мутная вода—35.
мутукъ—310.
муха—114.
мушка якутская, лѣкарство—637.
мысль—589, 613.
мышь—132, 323.
мышь летучая—130.
мѣдь—389, 390, 392, 394, 400.
мѣдная монета—640.
мѣдникъ—388.
мѣра—314.

мѣра дороги—381.
мѣсто отдохновенія—645.
мѣста убіенныя—225.
мѣсяцъ—595, 667.
мѣсяцы голодные—328, 441.
мѣхъ кузнечный—384, 395, 399.
мѣшокъ спальный—342.
мягкотѣлыя—117.
мясо—326, 328, 419, 424, 437, 440, 441, 539, 541, 542, 544, 554, 616, 650, 674.
мясодаръ—539, 543.
мясо кобылье—311, 322.
мясо медвѣжье—323.
мятели—668.
Набрюшникъ—338, 341.
набѣги казацкіе—238.
навозъ—155, 316, 347, 404.
надѣлъ зем.—431.
награда—614.
наказанія— 505.
наковальня—384, 395.
наколѣнники—339, 341.
налимъ—118, 298.
налогъ—502.
наложницы—552.
намскà—569.
намѣстникъ—498.
намѣстничество—499.
наносы—16.
наплывъ—53, 57, 364.
напульсникъ—341.
нара—353, 354.
народъ—249, 251, 471, 472, 487.
наръ-наръ—673.
населеніе сѣверное—216.
насильникъ—601.
наслегъ—434, 472, 474, 475, 476, 479, 480, 485, 496, 501, 558.
наслѣдство—453, 487, 489, 521, 625.
настъ—30.
насѣкомыя—108, 324.
натуральныя повинности—502.
наушники—331,
начальникъ—497, 601, 608, 639.
небеса—24, 187.
небесные духи—661.
небо голубое—609.
небо западное—207, 612, 654.
неводъ—299, 303.
невѣрность мужей—581.
невѣста—356, 537, 542, 543, 558, 569, 574, 666.
невѣстка—569, 574, 659.
недовольство—482.
недоимки—494.
недоуздокъ—451.
пельма, рыб.—120, 298.
неурожай—83, 94, 293, 489.
nephelis vulgaris, червь—116.
нирей ого—528, 674.
нитка—375,
нищій—442.
новокрещенецъ—198, 496.
новолуніе—668.
новорожденный—528, 675.
ноги—241, 570.
роговицы—338.
ножъ—341, 367, 397, 600.
ноты—590.
нужда—416, 482.
numenius arquata, птиц.—128.
нѣмокъ, птиц.—108.
Обжора—232, 470.
облако бѣлое—609.
областное правленіе—501.
обложеніе—500, 501.
обманъ—505.
обмѣнъ мясомъ—437, 543.
обоняніе—255.
обработка пашенъ—289.
обручи—368.
обувь—339, 345, 424.
обученіе пѣснямъ—594.
община—484.
обычное право—504, 574.
обѣды—539, 544.
овесъ—291.
овощи огородныя—101, 294.
овца—179, 260, 312, 443.
оглобли—369.
ого—564, 568.
огоніоръ—444, 466, 653.
огонь—193, 301, 515, 518, 530, 538, 542, 543, 571, 575, 618, 637, 638, 650, 655, 665, 669.
огонь полезный—665.
огонь священный—665.
огонь ужасный—665.
огородничество—294.
огненное море—652.
огниво—341, 543.
огни дикіе—656.
одиночество—448,
одѣванія порядокъ—344.
одѣяло—342, 564.
oestrus tarandi, насѣк.—113.
овера—17, 21, 299.

озера убывающія—18.
оібонъ-кюэта—632.
оіогосъ тимиря—633.
оіохъ—569.
окно—353.
окровавленная рука—601.
окунь—118.
оладьи—318, 650.
оленеводы—140, 146, 224.
олсній мохъ—63, 148.
олень—140, 146, 192, 307, 559.
олово—392, 400.
олоэто—590, 592, 596, 610.
олохъ—645, 669, 674.
олуню, мѣсяцъ—24.
ольха—57, 61, 366.
омуль, рыб.—120.
омутъ—98.
онанизмъ—529.
опекунъ—573.
опись—494.
опой, болѣзнь—169, 322.
ораторы—464.
организація общественная—450.
орелъ—123, 324, 335, 468, 469, 597, 626, 631, 652, 656, 668, 669.
орланъ бѣлохвостъ, птиц.—122.
оронъ—353.
орудія земледѣльческія—287, 288.
орудія каменныя—403.
осадки атмосферныя—25, 35, 38, 47.
осень—39.
осина—57, 58, 366.
осока, раст.—273.
осмотръ жениха—555.
оспа—636.
остовъ урасы—349.
остовъ юрты—352.
остожье—431, 488.
острецъ, раст.—65.
острогъ—505, 601.
острый человѣкъ—227.
осушка болотъ—491.
осѣдлость—481.
отблескъ озеръ—667.
отдарки—545.
отецъ—507, 510, 512, 517, 519, 520, 521, 537, 538, 567, 675.
отказъ въ невѣстѣ—558.
отлетъ птицъ—107.
отношенія патріархальныя—511.
оторочка—340.
охотничокъ—314.
охота—107, 306.
охра—404.
очагъ—359.
очки—329, 345.
ошейникъ—341.
Pagophila eburnea, птиц.—130.
падающія звѣзды—668.
паденіе рѣкъ—11, 12.
пажъ шаманскій—635.
пазы—367.
пай сѣнокосный—487, 491.
палочникъ, раст.—320.
палы—75, 224, 491.
пальникъ, птиц.—127.
пальма—407, 450, 600.
память—594, 613.
pandion haliaëtos, птиц.—123.
Papilionaceae, раст.—66.
парни—451, 673.
parus sibiricus, птиц.—125.
паспортъ—618.
passer domesticus, птиц.—124.
passer montanus—124.
пастбище—206, 223, 268, 272, 477, 489,
паукъ—116.
пахарь—286.
пашни—489.
паяльникъ—388.
пельдятка, рыб.—111, 119.
пени—505.
первенецъ—191.
перевалъ—7.
переводчики—198.
перегонъ скота—269.
перегородка—356.
передникъ—344.
передѣлы—485, 486.
перекочевка—270, 294.
перепончато-крылыя—108.
переселенецъ—232.
переторговцы—482.
переуступка женщины—549.
perca fluviatilis, рыб.—118.
песецъ, жив.—136.
песокъ—17.
песочникъ кривоносый птиц.—128.
песочникъ малый—128.
пестрая масть—672.
петли—106, 127.
печень—656, 674.
печь плавильная—381, 399,
пещера—346.
пильщикъ рѣпной, насѣк.—109.
пирога—302.
писарь—497, 501, 675.

пихта—57, 61, 366.
пища—242, 283, 309, 441, 443, 438, 457, 460, 531, 543, 545, 605, 607, 618.
пищуха сѣверная, жив.—133.
picus martius, птиц.—124.
picus tridactylus—124.
піявка конская—116.
плаваніе на плоту—208.
плавильщики—406.
плавунцы, насѣк.—108.
плавунчикъ плосконосый, птиц.—128.
plantago major, раст.—65.
плата за стыдъ—438.
плата квартирная—443.
плата рабочая—419, 420.
плато—6.
платокъ—331, 341, 424, 650.
платье—329, 419, 422, 531, 538, 554, 577.
платье шамана—632.
плащъ львиный—193.
plectrophanes nivalis, птиц.—124.
племена тюркскія—191.
племя—249.
племянникъ—507.
плисъ—331.
плодовитость—525.
плодородіе—673.
плоскогоріе—4.
плотникъ—366.
плотность населенія—212.
плотъ—183, 234, 303.
Poa attenuata, раст.—66.
p. angusitifolia—66.
p. pratensis—66.
p. psat. anceps—66.
p. sterilis—66.
p. caesia—66.
побои—504.
побратимство—551.
побѣгъ жены—573.
повинность—424, 501.
повиновеніе старшимъ—514.
повѣсть—596.
поговорки—597.
погребъ—40, 316, 328.
погремушки—635.
подарокъ—231, 437, 439, 455, 544, 545, 551, 558, 577.
подати—426, 482, 500.
подвѣски, к ю с т э—183.
подданство—469.
подземелье—346.
подземные духи—661.
подземный старикъ—673.
подкомиссарство—499.
подлогъ—505.
подошва—340.
подпруга—375.
подробности—603.
подрядъ—286, 420, 424, 502.
подстилка—340.
подушка—342, 352.
подчиненіе женщинъ—510.
подчиненіе младшихъ—510.
пожаръ—75, 652.
поземельные споры—505.
покосы—485, 486.
покровители духи—664.
полигамія—507.
политрихумъ, раст.—63.
полка—355.
пологъ—342.
полу-конь—263.
полъ—356.
polygonum convolvulus, раст.—97.
полюсъ холодовъ—23.
помочи—280, 428, 442.
помѣсь—242.
поползень ямщикъ, птиц.—125.
populus tremula, раст.—70.
попъ—558.
пороги—13.
порса, пища—493.
портняжество 342.—
порты, плат.—339.
поселенія—212.
поселенія южныя—214.
поселенцы—502.
посидѣлки—579.
послѣдъ—675.
посохъ дьявольскій, раст.—319.
постель—341, 342, 650.
постройка торцовая—358.
посуда—366, 368, 618.
посѣвъ—289.
potentilla anserina, раст.—319.
потникъ—370, 404.
потомство—507.
потопъ—605.
потребленіе совмѣстное пищи—436.
похищеніе женщинъ—224, 552, 582.
похлебка—310.
похороны—613.
почтеніе къ старости—512.
почтовая гоньба—503.
площадь жизни—552.
поясъ—341.
прабабушка—568.

правая сторона—355, 673.
правнукъ—565.
прадѣдъ—568.
предки—247, 474.
предѣлъ земледѣлія—80.
преступленіе—497, 505.
прибауточки—589.
приданое—482, 545, 548, 552.
прилагательныя—588.
припасы—326.
приправа—325.
провинція—498.
прозвища—471, 475, 494, 508.
прозвища ласкательныя—529.
проказа, болѣзнь—258, 665.
прокуратура—499.
промыселъ—295, 424, 430, 477.
прорубь—157, 670.
прорубь-солнце—632.
проституція—239.
простокваша—313, 314.
процентъ—420.
пряность—327.
pteromys volans, жив.—131.
птицы—122, 323, 632, 646, 655.
пуды земли—291.
пупъ земли—196, 604, 606.
пурга—29.
пути—234, 248.
пушной звѣрь—304.
phalaropus rufescens, птиц.—128.
phleum pratense, раст.—66.
phoxinus perenurus, рыб.—119.
пчелы—108.
пшеница—291.
пырей—65, 272.
pyrrhula vulgaris, птиц.—124.
pyrrhula erythrina—124.
пьянство—256.
пѣвецъ—541, 589.
пѣвица—577.
пѣніе—533, 577, 674.
пѣнка сливочная—315.
пѣсни—463, 542, 583, 584, 589, 593, 631
пѣсни военныя—471.
пѣсни волшебныя—594.
пѣсни эпическія—590.
пѣтушокъ полевой, птиц.—128.
пѣшня—407.
пятое небо—672.
Работа—283, 430, 533, 576.
работникъ—283, 418, 419, 422, 574.
работница—549, 572.
рабочая душа—500.
рабъ—190, 447, 448, 509, 552, 560, 597.
рабыня—570, 573, 575.
равнина—19.
рай—614, 655.
разбойникъ—513.
разводъ—569.
развѣдываніе земель—234.
раздѣлъ имущества—519, 520.
раздѣлъ сѣнокосовъ—68, 487.
разливъ—33, 34.
размноженіе—525.
разрѣзъ платья—34
раки—116.
rana temporaria, лягуш.—117.
ranunculus aquatilis—65.
r. borealis, раст.—65.
r. cassubicus—65.
r. purshii—65.
r. repens, раст.—65.
r. sceleratus—65.
раса—237.
раскрытіе губъ—546.
расправа—499.
распредѣленіе пищи—327.
распредѣленіе труда—428.
растенія съѣдобныя—319.
расходы—424.
расходы улусные—501.
расходъ земледѣльческій—292.
расчистки—491.
ратъ-байгалъ—201.
рваныя ноздри—599.
ребенокъ—523, 525, 557, 565, 661, 665, 674.
ребенокъ незаконный—579.
ревизія—475, 485.
ревизская душа—500.
ревность—577, 581.
регистры—483.
ремесло берестяное—409.
ремесло гончарное—408.
ремесло плотничье—408.
ремесло столярное—408.
ремни—372.
речитативъ—591.
рисунокъ—350, 410.
ровдуга—331, 346, 350, 371, 424.
рогатка, рыб.—121.
рогатый скотъ—150, 260, 273, 445, 481, 524, 531, 661, 667, 673.
родильница—674.
родина—558.
родители—511.
родня, 573.

родовая месть—454, 611.
родовое имя—472, 664.
родовое правленіе—497.
родовыя власти—498.
родоначальникъ—444, 466, 467, 482, 500.
родословная—566.
родственникъ—434, 458, 507.
родство—506, 507, 560.
родство кровное—508.
родъ—184, 228, 433, 453, 455, 449, 458, 459, 469, 472, 475, 476, 477, 479, 480, 484, 496, 501, 511, 516, 518, 519, 521, 523, 527, 536, 538, 543, 549, 553, 555, 558, 565, 567, 568, 573, 574, 602, 625, 665.
родъ материнскій—506.
родъ отчій—507.
родъ русскій—238, 434.
рóды—674.
рожокъ—529.
рожонъ—318.
розги—505.
рокъ—613
ронжа, птица—125, 470, 608.
rosa acicularis—320.
rosa cinnamomea, раст.—320.
росписи доходныя—483.
россомаха, жив.—137.
ростъ деревьевъ—73.
рубанокъ—367.
рубаха—337, 343, 344.
rubus arcticus, раст.—320.
rubus idaeus—320.
rubus saxatilis—320.
ругательства—570.
руда—383.
ружный сборъ—501.
рукавицы—341.
рукавъ—332.
рукодѣлье—533.
rumex acetosa, раст.—319.
русскій дьяволъ—627.
рыбакъ—197, 306, 673.
рыболовство—197, 273, 295, 300, 312.
рыбы—118, 298, 320, 326, 328, 430, 634.
рысь—137, 329, 334, 501.
рѣзьба—410.
рѣки—6, 11, 14, 15, 21, 228.
рѣпа—100.
рябина—61.
рябчикъ—127, 323.
ряпушка, рыб.—121.
Сабанъ сибирскій—291.
сага—598.
сайлыкъ—449, 473, 490.
saxicola oenanthe, птиц.—125.
saxicola rubicola—125.
сäктäмъ—342.
саламатъ, пища—317.
салгыръ, вѣтеръ—24, 667.
salix arctica; s. polaris—62.
salix viminalis, раст.—62, 70.
salix pyrolaefolia myrtilloides—61.
salmo autumnalis—120.
salmo branatus—119.
salmo coregonoides—120.
salmo lavaretus, рыб.—120.
salmo leucichtys—120.
salmo mirastomus—121.
salmo moksum—120.
salmo nasus—120.
salmo tugun—119.
salmo fluviatilis—120.
сало—326, 425.
самоубійство—516, 548, 574, 623.
самоуправленіе—494, 496, 498, 500, 503.
sanguisorba officinalis, раст.—320
самыяхъ—334, 337, 537, 538, 634, 640.
сани—368.
сапоги—339.
сäргä—360, 542, 546.
сардана—319.
сардаясъ—319.
сäри—452.
сары—340, 371.
сарычъ конюхъ, птиц.—123.
сата—668.
сатана—653.
саха—205, 404.
сахаръ—311, 325, 326, 424.
сборщикъ податей—479, 482, 493, 499.
свадебный поѣздъ—537, 651.
свадьба—437, 451, 508, 536, 579, 636.
свариванье желѣза—387.
сватъ—540, 557.
саты-лазутчики—554.
сватья—540.
свекоръ—569.
сверло—367.
свиданье удальцевъ—554.
свинецъ—392, 401, 670.
свинья—180, 192, 193, 324.
свиристель хохлушка, птиц.—125.
свѣто-преставленіе—614.
свѣчи—580.
священникъ—424.
сговоръ—547, 557.

сегіе—674.
сёкъ-ого—580.
село—449.
сельдь—121.
семейный совѣтъ—522.
семья—506, 572, 574, 665.
сенатъ—475, 482, 495.
сердце—234, 638, 637, 639, 646, 664.
сердцевина—209.
серебренникъ—388, 390.
серебро—334, 392, 394, 400.
серпинка—337, 424.
сесены—465.
сестра—228, 507, 523, 560, 561, 562, 563, 564, 575.
сетиричи тонгоръ—23.
сибирская лиственица—56.
сигъ, рыб.—120.
сила мышечная—252, 466.
симиръ—187, 309, 310, 311, 372, 462, 463.
синге—314.
синица сибирская, птиц.—125.
сиринъ бѣлый, птиц.—124.
сиринъ ястребиный—124.
сирота—569, 667.
ситецъ—329, 337, 424, 640.
ситникъ, раст.—67.
сифилисъ—258, 653.
сіямсіа—546.
сіенг—565.
сіенъ, рѣчка—18.
сікей—316.
silene inflata, раст.—97.
sitta europaea, птиц.—125.
сказка—596.
сказочные обороты—589.
скалы—15.
sclerotium clavus, раст.—97.
scolopax rusticola, s. major, s. galinago, птиц.—128.
скопа степная, птиц.—123.
скопцы—287.
скопы молочныя—421.
скороговорка—533.
скотоводство—219, 240, 287, 571.
скотъ—209, 285, 416, 417, 431, 432, 444, 454, 456, 481, 547, 551, 559, 571, 616, 621, 645, 656, 672, 674.
скрещиваніе—238, 437, 559.
скрижали—187.
славословіе—590.
сланецъ кедровый, раст.—57, 61, 194.
сливки—312, 313, 315, 528, 440, 649, 665.
слогъ—603.
слухъ—253.
слѣпецъ—113, 470.
смерть—615, 667.
смола—405.
смородина красная, раст.—62, 320.
смородина черная—62, 320.
смѣтана—313, 315.
смѣхъ-веселіе—674.
снигирь, птиц.—124, 323.
снохачество—570.
снурокъ, раст.—320.
сны—637.
снѣгъ—29, 30, 48, 88, 174, 195, 272, 340, 477, 668.
снѣжная зима—32.
собака—141, 179, 234, 306, 307, 324, 626, 628, 668.
соболь—138, 235, 329, 493, 501, 674.
собраніе—464, 469, 497, 501.
собственность—445, 481, 482, 487, 489, 573.
сова уральская—124.
совѣтъ—444, 466, 469.
совѣсть—613.
содасъ—611.
создательница неба—187.
сойка, птиц.—104.
соколъ—123, 324, 532, 631.
солдатъ—452.
солитеръ—116.
солнечный ударъ—37.
солнце—25, 38, 196, 346, 595, 605, 632, 671, 673.
солнце-дѣвушка—185.
соловей красношейка, птиц.—125.
соль—14, 321, 324, 326, 327, 425, 640, 653.
соляныя озера—14.
соляные ключи—14.
сонъ—283.
сонъ, платье—328, 331, 337, 570.
соратъ, пища—310, 313, 316, 328.
сордана, раст.—310.
sorex vulgaris, жив.—130.
сорокъ четыре земли—618.
сорокопутъ большой, птиц.—125.
сосна—57 59, 194, 477, 641.
сотуро—338, 340.
соусъ—325.
сохатый—140, 670.
союзъ—461, 465, 471, 473, 474, 480, 559.
союзъ чести—651.
spermophilus eversmanni, жив.—133.

сполохъ—26.
sphagnum, раст.—63.
сравненія—589.
срамъ—558.
средній міръ—675.
средняя температура—28, 37, 46.
срокъ вызрѣванія хлѣба—90.
срубъ—356.
ссыльные—501.
стадо—175, 268, 445, 571.
стадность—448.
сталь—383.
стамеска—367.
старики—466, 511, 514, 517, 621, 652.
стародойка—422.
староста—497.
старуха—569.
старшій—480, 507, 510, 513, 567, 568, 569.
старшій братъ—513.
старшина—497.
статистика—266, 284, 295, 305.
степная дума—498, 500.
степной конь—641.
степь—196.
степь восьмигранная—187.
степь моховая—281.
стерлядь—121, 298.
sterna longipennis, птиц.—130.
sterna minuta—130.
стерхъ, птиц.—127, 323.
стиль—414, 588.
stippa altaica—65.
stippa pennata, раст.—65.
стихи—610.
стогъ—274, 281, 279, 488.
столбъ—220, 352, 356.
столъ—539.
столъ кухонный—355.
столяръ—366.
сторія—596.
страда—283.
страсть—547.
стремена—370.
стрепотка чернолицая, птиц.—124.
strepsilas interpres, птиц.—128.
стрижъ обыкновенный, птиц.—124.
strix bubo, птиц.—124.
strix nictea—124.
strix tengmalmi—124.
strix uralensis—124.
strix funerea—124.
строганина, пища—321, 328.
стругъ—367.
стружокъ, лодка—59, 301.
стрѣла—452.
стрѣла съ рыбой—233.
стужа—28.
стыдливость—564.
стѣна—360, 447.
субунъ, раст.—320.
суглапъ—464, 497.
суглинокъ—65.
судопроизводство—503.
судъ—497, 499, 503, 601, 608.
судьба—605, 612, 675.
судья—504.
сукаленъ красный—128.
сукаленъ мордушка, птиц.—128.
сукно—329, 333.
сулу, колымъ—545, 546, 548, 550.
сумашествіе—257, 284.
су-осокъ, раст.—66.
супруги—573, 576.
супружеская вѣрность—580.
супружескія права—548.
супружескія чувства—561
супунъ, платье—333.
супъ—325.
сургуй—611.
сурджю—566.
суртъ—347, 446, 481, 648.
сурусъ—566.
сусатокъ, раст.—319.
сухіе туманы—37.
сухость—25.
существительныя—588.
сфедо-сидериты—383.
схема страны—20.
сходство—433.
сходъ—453, 465, 497, 503, 505, 577.
sciurus vulgaris, жив.—131.
sciurus uthensis Pall, жив.—132.
счастье—448, 452, 454, 458, 554, 561, 567, 575.
сыали—338, 344, 482.
сыганъ—434, 472, 505, 565, 566.
сындысъ уота—668.
сынгахъ хонгороръ—546.
sylvia kamtschatkensis, птиц.—125.
sylvia proregulus—125.
сылгы эміэ, раст.—320.
сыма—321.
сынъ—512, 517, 521, 566, 673.
сынъ солнца—210.
сыръ—313.
сытое время—327.

сычугъ—313.
сычъ ручной, птиц.—124.
сѣверное сіяніе—239.
сѣверныя плоскгорія—20.
сѣверъ—671.
сѣдобородый—195, 642.
сѣдло—370, 451.
сѣмена—71, 90, 288, 293.
сѣно—67, 156, 171, 212, 269, 270, 271, 275, 281, 284, 418, 431, 441, 449, 456, 460, 482, 488.
сѣнокосъ—18, 64, 272, 282, 429, 431, 490.
сѣрница—405.
сѣти—299, 300, 303, 672.
сюлюгясь—611.
сюогей—315.
сюръ—667.
Табакъ—326, 419, 425, 439, 640.
табрынъ—596.
табунъ—172, 176, 268, 270, 445, 446, 600.
табытала—633.
тазъ женщины—250.
тайбуръ—345, 375.
таймень—120, 298, 597.
тайга—53.
тайменя голова—204.
талія—332.
talpa europaea, жив.—130.
тальникъ—61, 272, 274, 366.
тамги—469, 470, 471.
tamias striatus, жив.—131.
тамалай—338, 559.
танцы—448, 643, 645.
тараканъ—114.
тарбаганъ, жив.—133, 329, 335.
тарыкъ—313.
таръ, пища—312, 314, 319, 329, 419.
твердь—187.
творогъ—313.
тебе, жив.—192.
телѣга—368.
телята—160.
телячья болѣзнь—650.
темная масть—672.
температура—50.
температура воздуха—43.
терминъ географическій—198.
территорія—235, 477, 480, 481, 484.
тетеревъ—127, 645.
тетка—507.
tetrao bonasia—127.
tetrao urogallus, птиц.—127.
тигръ—194.
типъ—237, 241, 251, 434.
типъ горбоносый—247.
тиргенъ—106.
титикъ—175.
ткань—337, 347, 404.
товаръ—418, 419, 425, 482.
тогюлю—590.
тоёнъ—233, 453, 465, 469, 564.
толбутъ, ов.—18.
толмачъ—494.
толокнянка, раст.—320.
толпа—448.
тополь—57, 58, 194, 366.
топоръ—232, 326, 367, 407.
топоръ каменный—402.
торасъ—33.
торбаса, обувь—339, 340.
торговля—307, 424, 441.
торговля хлѣбная—293.
тордо—247, 433, 508.
торкютъ—546, 550.
торфяные мхи—63.
тоска по идеалу—675.
totanus glareola—128.
totanus glottis, птиц.—128.
totanus ochropus—128.
totanus pulverulentus—128.
тохсуню, мѣсяц.—24.
трава—284, 340.
трава неумершая—280.
трава, сборъ—282.
травы сушеныя—314.
травяное море—606.
три—456, 642, 669.
три души—667.
три тѣни—666.
tringa minuta—128.
tringa pugnax—128.
tringa subarquata—128.
tringa temminckii, птиц.—128.
triticum repens, раст.—66.
тростникъ—66, 174.
труба—359.
трубка—341.
трудъ—451, 515, 519, 534, 559.
трудъ женскій—409.
трудъ мужской—409.
трупъ—573, 620.
трясогуска бѣлая, птиц.—125.
тугунъ, рыб.—119.
тулаяхъ—569.
тулья—329.
тунгусъ, духъ—627.
тундра—6, 53, 226
туоёръ—582, 590.

туой—377.
туранъ, почва—174.
turdus iliacus, птиц.—125.
tur. pilaris—125.
tur. ruficollis—125.
tur. fuscatus—125.
турсукъ—373.
турухтанъ пѣтушокъ, птиц.—128.
тусахта—330.
тусахъ—134.
туфельки—340.
тучность лошадей—170.
typha latifolia, раст.—320.
тысъ—339.
thymallus vulgaris, рыб.—121.
thymus sepryllum, раст.—65.
тѣлохранители—606.
тѣнь—597, 642, 666.
тюгетыкъ—485.
тюлень—122.
тюляхъ-тюсюръ—623.
тюнюръ—557.
тябень, живот.—192.
тяжба—497.
Убійство—454, 457, 458, 504.
убійство стариковъ—513.
убэй—563.
увѣчья—504.
уголь—385, 404.
угощеніе—545, 593.
удальцы—452.
удобреніе—289.
удочка костяная—402.
узда—450.
узелъ—376.
уворъ—334, 350, 411.
указатель дороги—649.
украшенія выраженій—611.
улахъ отонъ, раст.—320.
улитъ большой, птиц.—128.
улитъ травникъ—128.
улу киси—651.
улукъ—319.
улусные люди—493.
улусъ—435, 472, 474, 475, 476, 480, 484, 496, 501, 558, 605.
улусы восточные—213, 460.
улусы западные—214, 460.
улусы сѣверные—214.
умнанъ, напитокъ—314.
умъ—613.
умохтахъ отонъ, раст.—320.
унджула, раст.—319.
уолбутъ—18.
уолъ—451, 566.
уосъ-асаръ—546, 548.
уотъ иччите—665.
упряжь—396,618.
уранъ—470.
ураҥхаецъ—187, 193, 612.
ураса—186, 207, 347, 348, 350, 443, 481.
uredo sedetum et ruligo, раст.—97.
уримэ—315.
урожай—98.
урочище—449, 484, 488.
ursus arctos, жив.—138.
уру—480, 507.
уруй—187, 463, 469, 673.
уръ—53.
усторія—596.
устуня—649.
усы—250.
утесы—10.
утка—129, 668.
утка домашняя—179.
утопленникъ—623, 670.
утренники—27.
уха рыбья—346.
уходъ за дѣтьми—528.
ученикъ—501.
ушатъ—313.
ушканъ, жив.—134.
ущелье—231.
уѣздъ—498.
Фазы луны—440.
фалды—331, 335, 338.
falco peregrinus, птиц.—123
falco subbuteo—123.
falco tinunculus—123.
felis lynx, жив.—137.
festuca ovina, f. duriuscula, f. elatior. раст.—66.
фетиши—654.
фигурки—648.
фигурки костяныя—413.
филинъ пугачъ, птиц.—124.
фокусы—630.
фонетика—587.
форма издѣлій—410.
fragaria elatior, раст.—320.
fringilla brunnconncha—124.
fringilla linaria—124.
fringilla montifringilla, птиц.—124.
фуфайка—341.
Хаилахъ—502.
хайлыга—617, 622.
халадай—338.
haliaëtos albicilla, птиц.—122.

халтамъ—357.
хамысъ—591.
charadrius, птиц.—128.
харамни—543, 546, 547, 548.
харахыктахъ—606.
харіусъ, рыба—121.
харысъ—30.
хасасъ—421.
хатырба, пищ.—321.
хахай, жив.—192.
хахта, пищ.—120.
хаяхъ, пища—315, 316, 328.
хвощъ, раст.—66.
hierofalco linarius, птиц.—123.
chironomus, насѣк.—112.
hirundo riparia, птиц.—125.
hirundo rustica птиц.—125.
hirundo urbica, птиц.—125.
хлѣбъ—81, 131, 133, 219, 287, 311, 318, 325, 326, 327, 431, 539, 650.
хлѣбница, раст.—319.
хобо—633.
хозяйка—569.
хозяинъ—430, 669.
хозяйство—431, 665.
хозяйство двупольное—291.
хойнохоръ кэсій—546.
хологосъ—187, 313, 373, 463.
холостой—521, 582.
хомутъ—396.
hordeum jubatum, раст.—66.
hordeum pratense, раст.—66.
хоровое пѣніе—592.
хоруръ—289.
хосунъ—230, 451, 455.
хосъ-эсэ—568.
хотоны—155, 356, 447.
хотоханъ—396.
хотунъ—569.
христіанскій богъ—652.
христіанство—574, 653.
хронологія—598.
хрѣнъ—66, 319.
hypoderma bovis, насѣк.—113.
Царь—209, 468, 585, 608.
цвѣта—404, 413.
цвѣты—195, 607.
cervus alces, жив.—140.
cervus capreolus—140.
c. pygargus—140.
cervus tarandus—140.
circus cyaneus, птиц.—123.
cygnus musicus, птиц.—129.
cypris, ракообр.—116.
цыновка—375, 404.
цѣломудріе—577.
цѣль существованія—614.
цѣна—286, 392, 419, 420, 424, 426.
цѣнность—436.
Чабарга тылъ—533.
чай—311, 325, 326, 327, 328, 419, 424, 650.
чайка—233, 323, 641, 649, 656.
чайка малая—130.
чайка обыкновенная—130.
чайка серебристая—130.
чайка трехпалая—130.
чайка хохотунья—130.
чанъ—373.
части свѣта—207, 671.
частныя повинности—501.
чахаръ—509.
чахчи-баччи—671.
чашка—373, 424.
чеканъ попутчикъ, птиц.—125.
чеканъ чернохвостый, птиц.—125.
чекмень—331.
человѣческая голова—243, 245, 668.
человѣческая душа—594, 667, 669.
человѣческій богъ—594.
человѣчество—203.
чепура выпь, птиц.—128.
черви—116, 324.
червь дождевой—116.
черенокъ ножа—402.
черезполосность—485.
черезъ—297.
черканъ, ловушка—138, 304.
черноголовникъ, раст.—320.
чернь—406. 609.
чеснокъ—319.
чечётка, птиц.—124, 607.
чечиръ—187, 462.
чиновникъ—495, 498.
чиръ, рыб.—120.
чистка—489.
чистый юноша—584, 673.
чокуръ, рыб.—120.
чоранъ—634.
чоронъ—409, 463.
чортовъ сынъ—668.
чортъ—512, 612, 617, 623, 627, 629, 630, 637, 650, 668.
чугунъ—388.
чужеродецъ—227, 558, 564, 574.
чулки—340.
чыбычахъ—314.
чыллырытъ кыханъ—633.

чянъ, сплавъ мет.—393.
Шалашъ—351.
шаманка — 204, 577, 618, 623, 629, 631.
шаманство малое—635.
шаманъ—336, 455, 463, 475, 542, 592, 618, 622, 623, 624, 627, 628, 631, 638, 639, 640, 645, 655, 664, 665
шапка—329, 504, 634.
шаровары—339.
швы—342.
шелкъ—329, 334.
шестокъ—350, 359.
шикша, раст.—320.
шило—671.
шипы—367.
шиповникъ, раст.—62, 320.
шкура—331.
шкура кобылья—329.
шкура коровья—329.
шляпа—331.
шовъ неба—667.
шопотъ звѣздъ—27.
штаны—338.
Щавель—319.
щеврица лѣсная, птиц.—125.
щегольство—345.
щеки—7, 8, 15.
щенокъ—567.
щетки—58, 365.
щи—319.
щитъ—452.
щука—120.
Ыллы—590.
ымыя—409, 554, 652.
ымыякъ, раст.—320.
ыҥырджытъ—451, 606.
ырбытъ—322.
ырей—643.
ыстанъ—338.
ысыахъ—188, 262, 461, 545, 451, 577, 579, 601, 636, 649, 652.
ытъ-тысытэ, раст.—320.
ыхренъ, раст.—319.
Эдокъ—509.
Эбэ—568.
эбюгэ—568.
эджій—563, 567.
эелляхъ—460, 480, 481.
экзогамія—552, 559, 570.
эксекю—608, 646.
экскременты—327.
эльбэленъ—357.
эмаль—406.
эмахсинъ—569.
эмиграція—218, 476.
эмоція—253.
эндогамія—565, 568, 570.
эннэ—545, 546, 550, 551, 552.
эннэ-кулутъ—552.
эпосъ—611.
эрэ—569.
эсэ—568, 648.
этэрбэсъ—339.
Югъ—209, 247, 640, 661, 671.
югяхъ—354.
южное якутское плоск.—20.
юкагиръ уота—26.
юкала—120, 321, 328, 350.
юньютъ—451, 606.
юре, пища—314.
юрта—352, 357, 361, 449.
юрюмэ—315.
ютюлюкъ—341.
Ягель—63, 195.
ягода—326.
язва сибирская—161, 176, 322.
языкъ—587, 589, 610.
язь, рыб.—121.
яйцо—234.
якуты плѣнные—230, 232.
якъ, жив.—162.
ялань—78, 220, 221.
яма—346.
ярица—90, 96, 291.
ясакъ—221, 483, 491, 492, 495, 499, 501, 502.
ясачныя книги—493.
ястребъ обыкновенный—123.
ястребъ перепелятникъ—123.
ячмень—90, 96, 212, 291.
ящерица—118, 346.

Замѣченныя ошибки и опечатки.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
19	2 снизу	Батурускомъ	Батурусскомъ
19	6 »	Бурунукъ	Борунукъ
22	14 »	нослегъ	наслегъ
32	5 »	Богадыны	Богадины
38	12 »	замерла	замерзла
41	1 »	вызываютъ движеніе	вызываются движеніемъ
55	13 сверху	Таймурскаго	Таймырскаго
55	4 снизу	Олёнекъ	Оленёкъ
57	7 »	Камалахскомъ	Камаласкомъ
58	18 сверху	Бытынтая	Бытантая
59	12 снизу	Бытынтая	Бытантая
64	2 »	Прейръ	Прейнъ
66	20 сверху	Hordeum pratense	Hordeum pratense
70	11 снизу	сокта	скота
105	2 »	Inseln	Inseln
110	1 »	Бытынтаѣ	Бытантаѣ
110	9 »	тайбюрами	тайбурами
110	14 »	Клогясь	Кюогясь
117	9 »	хомысъ	хамысъ
133	2 »	Толлемъ	Толемъ
138	2 сверху	чырканъ	черканъ
156	1 »	на выменяхъ	на выменахъ
197	16 »	Ф. Миллеръ	Г. Миллеръ
227	2 »	а р а к а с ы	а р а н г к а с ы
230	7 »	к у н я х ъ	к у я х ъ
235	19 снизу	Анабыры	Анабары
247	17 сверху	Ботлингъ	Бётлингъ
280	8 »	кёмё	к ё м ё
298	2 »	«бистрына»	«быстрина»
303	12 снизу	Тыгинъ	Тыгынъ
334	8 »	торбаганъ	тарбаганъ
335	1 сверху	торбаганьяго	тарбаганьяго
335	9 снизу	нѣтъ торбагана	мало тарбагана
360	14 »	коновязки	коновязи
396	3 »	«тесьмы»	«тёслы»
431	7 сверху	Рис. 126	Рис. 125.
434	3 »	Б ю т ю г е т ъ	Б ё т ю г ё т ъ
438	9 »	Батум. ул.	Батур. ул.
458	17 »	Е н ж а	Е н г ж а
461	8 » и 6 снизу	ы с ы а х и	ы с ы а х ы
481	14 сверху	э е л я х ъ	э е л л я х ъ
487	5 »	Нал. ул.	Нам. ул.
488	11 снизу	т о с о г о	т о г о с о
499	1 и 3 снизу	Андріевскій	Андріевичъ
505	4 сверху	не были извѣстны	не считались якутами за преступленія
525	7 »	количество *нерождаемости*	*не* количество *рождаемости*
543	16 »	пастуховъ	питуховъ
567	20 снизу	iэ	ie
568	22 »	iэ	ie
575	18 »	есть	ѣсть
646	19 »	куагасъ	куогасъ

Государственная историческая библиотека
ПОГАШЕНО
№ Q 342